Артур Конан-Дойль ИГРА С ОГНЁМ

А. Конан-Дойль. ИГРА С ОГНЁМ. Сборник. Переводы с английского.

Данный сборник был выпущен издательством «Иностранка» в 2014 г. под названием «Артур Конан Дойль. ХОЗЯИН ЧЁРНОГО ЗАМКА» в сильно урезанном виде и с цензурными сокращениями в предисловии.

В настоящем файле представлен полный текст сборника.

Крупнейший английский писатель, тонкий мыслитель, общественный деятель, публицист, доктор медицины и доктор права сэр Артур Конан-Дойль известен всему миру как непревзойдённый мастер детективного и приключенческого жанров. Многие герои, рождённые его пером, обрели поистине грандиозную известность по всей планете: это и сыщик Шерлок Холмс со своим верным спутником доктором Ватсоном, это и неутомимый герой Наполеоновских войн бригадир Жерар, и английский рыцарь сэр Найджел Лоринг, и несравненный профессор Челленджер со своими друзьями.

Однако огромный пласт литературного наследия Конан-Дойля состоит из рассказов, не вошедших ни в один из официальных циклов: исторические, детективные, приключенческие, фантастические, рассказы о любви, хитроумных афёрах, поразительных совпадениях, морских злоключениях... Есть и такие, где смешиваются самые разнообразные темы и жанры. Каждый такой рассказ – небольшой шедевр, не уступающий самым знаменитым произведениям мастера.

Рассказы, представленные в настоящем издании, собраны в пёструю многоцветную мозаику: разнообразную и, однако же, дающую прекрасное представление о ярком таланте сэра Артура Конан-Дойля.

© Общий замысел, составление, редакция и вступительная статья: П.А. Гелева́

© Перевод с английского: М.Антонова, В.Ашкенази, О.Варшавер, В.Воронин, Н.Высоцкая, П.Гелева, А.Горский, Б.Грибанов, Н.Дехтерева, А.Дубов, Н.Емельянникова, Д.Жуков, Ю.Жукова, Г.Злобин, Е.Короткова, С.Маркиш, И.Мельницкая, И.Миголатьев, Э.Михалёва, Л.Мотылёв, В.Поляков, Р.Рыбкин, Е.Сазонова.

А. КОНАН-ДОЙЛЬ В РОССИИ

ИСТОРИЯ «УСВОЕНИЯ»

(Предисловие издателя-составителя)

Поразительный всё же это писатель – сэр Артур Конан-Дойль!

В детстве мы встречаемся с ним как с гением детектива, когда он составляет одно целое с другим гением – Шерлоком Холмсом – и его бессменным мемуаристом – доктором Ватсоном. Затем любители чтения постепенно добираются до фантастики Конан-Дойля: повести (*или по английской классификации – романы*) «Затерянный мир», «Маракотова бездна», «В ядовитом поясе», которые и во взрослые годы перечитать не грех.

Потом уж следуют исторические романы (романы в полном смысле слова): рыцарская дилогия о сэре Найджеле Лоринге – «Сэр Найджел» и «Белый отряд»; роман «Майках Кларк», посвящённый одной из трагических страниц английской истории – народному восстанию под предводительством герцога Монмута против тирании короля Якова II; роман на французскую тематику об изгнании гугенотов при Людовике XIV, который так и называется «Изгнанники» – на его страницах царит в изысканном переплетении столь любимая читателями атмосфера «Трёх мушкетёров», эпопеи об Анжелике и индейских романов Фенимора Купера.

Некоторые из этих вещей были уже опубликованы в известном чёрном восьмитомнике 1960-х годов, владельцы которого ощущали себя тогда библиофилами-счастливчиками. Но ещё больше было издано за прошедшие двадцать лет.

Значительный пласт творчества английского автора составляют романы и рассказы «наполеоновского цикла»: «Дядюшка Бернак» (вымышленные мемуары адъютанта французского императора); два цикла обожаемых читателями рассказов о приключениях и похождениях бригадира Жерара (этого своеобразного французского аналога барона Мюнхгаузена); «Гигантская тень» (роман о битве при Ватерлоо), отдельные новеллы и, наконец, завершающий наполеоновский цикл роман «Родни Стоун», являющийся одновременно и романом о боксе, к которому примыкает несколько спортивных рассказов писателя.

Следует упомянуть и «Торговый дом Гердлстон» – роман, представляющий собой талантливую дань уважения традициям Ч.Диккенса и У.Коллинза. И всё это перемежается множеством рассказов и повестей. Есть ещё также проблема «апокрифов», или приписываемых Конан-Дойлю произведений, сомнительная «заслуга» в появлении которых принадлежит тогдашним американским издательствам, но об этом в своё время мы скажем несколько слов в следующей книге.

И уже совсем в зрелые годы читатель может теперь познакомиться с Конан-Дойлем как с незаурядным публицистом, сумевшим в своих очерках и письмах создать пёструю картину общественной жизни тогдашней эпохи — «Уроки жизни» (книга издательства $A \epsilon pa\phi$, Москва, 2002 г.; сокращённый вариант — «Кровавая расправа на Мэнор-плейс», $\Gamma e neoc$, Москва, 2010 г.). Прекрасно понимая родство между стезёй журналиста и сыщика, Конан-Дойль из каждой истории, привлекшей его внимание, делает по сути остросюжетный рассказ. Даже его письма в редакции (а их им было написано немало) привлекают своим лаконизмом, точностью и при этом умением соединять деловое обсуждение проблемы с парадоксальными образами. Есть чему поучиться и читателям, и бездарным политическим деятелям нашей современности!

За последние годы были опубликованы книги, открывающие русскому читателю совершенно неведомую ему сторону жизни и творчества Артура Конан-Дойля. Крупнейший английский писатель, тонкий мыслитель, общественный деятель, публицист, доктор медицины и доктор права почти 50 лет жизни посвятил изучению Спиритизма — учения, разрешающего загадку жизни и смерти, а также — все трудности философии и религии и кладущего конец противостоянию науки и религии. Этого никогда не могли понять в советской России. Все сведения об этом (весьма скудные) сообщались таким тоном, который подразумевал, что на старости лет почтенный писатель «несколько умом тронулся».

Когда немного задумаешься над тем, что нравится нам в англичанах, приходишь к выводу, что у них рациональное и иррациональное как-то неразрывно связаны. И, в конце концов, иррациональное на поверку тоже оказывается рациональным. Подобное качество вряд ли встретишь где-либо ещё. Вот и Конан-Дойль мог бы сказать о себе словами одного из своих персонажей: «Моему разностороннему характеру не чужда тяга ко всему причудливому и фантастическому». Писателя всегда привлекали не только малоизвестные, но и загадочные, порой сверхъестественные явления и способности человека.

Создатель Шерлока Холмса и других полюбившихся читателям персонажей, обладал блестящим дедуктивным умом, острым, как бритва. Именно эти качества своего ума он использовал при критическом исследовании Спиритизма, а также, убедившись в его истинности и во всеуслышание заявив о своей горячей ему приверженности, — при дальнейшем его развитии. Сила анализа, тонкость и

глубина его мыслей поражают современного исследователя своей актуальностью и всесторонним проникновением в предмет.

Касательно сомнений в реальности этих явлений Конан-Дойль писал: «Мы достигли теперь такой точки, когда дальнейшие доказательства становятся излишними и когда вся тяжесть сомнений и опровержений целиком ложится на тех, кто отрицает существование этих явлений. Но как раз те люди, которые требуют доказательств, как правило, никогда не дают себе труда ознакомиться с теми многочисленными доказательствами, которые уже есть. Похоже, каждый считает, будто весь предмет должен быть пересмотрен заново потому только, что лично ему требуются какие-то сведения».

На страницах этих книг («Новое Откровение», «Жизненно-важное послание», «Записки о Спиритизме», «Загадка жизни и смерти», «История Спиритизма») Конан-Дойль предстаёт перед нами как тонкий мыслитель, которого глубоко волнуют фундаментальные проблемы Бытия: душа, бессмертие, Бог, религия, психические исследования, прогресс человечества, его судьба и предназначение.

Тут же необходимо сказать пару слов об одном из его последних романов – «Земле Туманной», или «Стране туманов» в другой русской редакции. По мнению знатоков, этот роман – лучшая из лучших вещей писателя. Главные герои книги – журналист Мелоун и Энид, дочь профессора Челленджера, – становятся свидетелями загадочных событий. Молодые люди, вопреки своему желанию, вынуждены прикоснуться к тайне загробной жизни. Они решают сообщить всему миру о случившихся с ними сверхъестественных происшествиях.

Сэр Артур Конан-Дойль стал первым писателем, который, показав читателю затерянный мир, не побоялся шагнуть дальше — в мир потусторонний! Если «Собака Баскервилей» обессмертила имя автора, то «Земля Туманная» дарит бессмертие уже самому читателю, открывая ему глаза на самый важный вопрос жизни. В словах этих нет ни малейшего преувеличения или натяжки. Вот поистине книга, которую полезно прочесть каждому, будь он ребёнком или взрослым, стариком или подростком, мужчиной или женщиной. Книга, которую необходимо иметь в каждом доме и не знать которой сегодня — самое позорное невежество.

Но и этого мало. Вскоре после смерти писателя в 1930 г. произошли события, повествование о которых само по себе представляло бы захватывающий рассказ. И в итоге их на спиритических сеансах в кругу родных и друзей писателя проявился дух, сообщивший, что он – Конан-Дойль и что он вернулся, дабы довести до конца свои спиритические исследования, начатые при жизни.

В «Посмертном послании человечеству» (сокращённое издание – А.Конан-Дойль. «Онтологический детектив», Гелеос, Москва, 2010 г.; полное издание – Йог Раманантата. «Беседы с Конан-Дойлем», Амрита-Русь, Москва, 2005 г.) собрана примечательная серия спиритических посланий Конан-Дойля, полученных на тех сеансах при посредстве медиума Грейс Кук. Чтобы получить эти послания, участники кружка в том или ином составе (разумеется, при неизменном присутствии г-жи Кук) собирались в течение 18 месяцев. Ими и их последователями была проделана огромная работа, чтобы подготовить книгу к публикации.

«Посмертное послание» Конан-Дойля рисует нам поразительную по своим масштабам живую картину посмертной жизни. Она включает полное описание уровней сознания, через которые эволюционирует человек и на которых, как утверждает и Артур Конан-Дойль (вслед за йогами и спиритами-карденистами), человек может находиться также при своей жизни в материальном мире. В итоге этих бесед возник по сути дела *Новейший Завет*, который дарит читателю огромный заряд надежды и веры в мир Духа, равно как и более глубокое знание своей природы и возможностей.

Любопытно, что путь к сердцам читателей Конан-Дойль нашёл без помощи издателей, которые вначале неохотно брали его рукописи и, как водится, платили автору гроши. Издатели немало удивлялись, получая от книжных магазинов всё новые и новые заказы на книги Конан-Дойля. Годы упорного и терпеливого труда дали достойные плоды, и сегодня издателям и читающей публике пора уже понять, что Конан-Дойль – не только мэтр детективного жанра. Считая по формуле «Конан-Дойль – (минус) Шерлок Холмс», написанного им хватит на то, чтобы составить несколько добротных писательских репутаций.

Пару слов, быть может, стоит сказать о литературной судьбе Конан-Дойля в советской России. Литературные критики и мэтры соцреализма его не любили. В чём причина?

Конан-Дойль, в отличие от Уэллса, Бернарда Шоу, Роллана, Андре Жида и других западных писателей, никогда не строил себе иллюзий насчёт того, что творилось в советской России. И этого ему здесь простить никак не могли. Творчество его замалчивалось, произведения третировались как незначительные и ничтожные. И всё это, нисколько невзирая на симпатии и любовь русских читателей. Чего только, например, стоит такой пассаж Корнея Чуковского в предисловии к подготовленному им (превосходному!) сборнику «Записки о Шерлоке Холмсе» в первой Библиотеке приключений:

«Вообще далеко не все произведения Конан Дойла могут вызвать сочувствие советских читателей. Поэтому из его рассказов о Шерлоке Холмсе мы даём в этой книге лишь те, что вошли в золотой фонд мировой литературы для детей».

Ну что можно на это сказать? «Большое спасибо за заботу, Корней Иванович!» Разумеется, писатель, когда он работает над книгой, не ставит перед собой такой задачи, чтобы его произведение непременно вошло в «золотой фонд литературы для детей», и уж тем более его не огорчит нелестная оценка произведения со стороны тех взрослых читателей, чьи вкусы и умственные запросы не превышают детского уровня развития.

«Следует, однако, помнить, что автор «Маракотовой бездны» был убеждённым сторонником современного ему буржуазного общества и творчество этого писателя далеко от решения острых социальных проблем». Это типичная фраза среди того, что было написано по поводу Конан-Дойля рецензентами, заслуживающими анонимности и забвения. Их стараниями «Маракотова бездна» ни разу не издавалась по-русски в своём настоящем виде. Её последние главы цензоры, «верные делу Ленина и партии», сочли не заслуживающими внимания советского читателя. Переведя их, мы наконец издали роман целиком и исправляем это досадное для русского читателя упущение.

Сэр Артур Конан-Дойль – титул, которым он гордился потому, что получил это рыцарское звание за литературные заслуги, – умер в 1930 году, на семьдесят первом году жизни, оставив в наследство читателям семьдесят томов своих книг. Лучшие из них (а их не один десяток) дороги нам и сейчас и долго ещё будут радовать и волновать читателей всех возрастов во всех странах мира.

Когда возникла идея издать пару книг с рассказами Конан-Дойля по формуле «Конан-Дойль – (минус) Шерлок Холмс», сразу же встал вопрос: как это сделать, чтобы не повторять ошибок прошлого? Ведь рассказы писателя легко группируются тематически (и их, в самом деле, так принято группировать при издании): «античные», «морские», «военные», «спортивные», «вестерны», «детективы», «медицинские», «романтические», «лирические», «таинственные» и «мистические». Правда, классификация рассказов достаточно условна, поскольку один и тот же рассказ Конан-Дойля порой не вписывается в столь узкие рамки и может с равным успехом быть отнесён к нескольким категориям сразу, а не к одной из указанных. И все они при этом написаны в разном ключе: есть среди них вполне серьёзные, есть юмористические, есть грустные и трагические, есть пародии и даже совсем откровенные розыгрыши.

Нужно было менять подход. Издавать то, что уже было, тысячу раз было, и неинтересно, и никому не нужно. Скучно читать все эти старые сборники – а их сотни! – именно потому, что там всё уныло разложено по мешкам: вот идёт мешок с триллерами, вот – с морскими историями, вот – античные рассказы, вот – рассказы о войне, вот – сентиментальные истории, вот – врачебные рассказы, вот – мистические триллеры и вот, наконец, детективы (без Холмса, разумеется!)

И автор-составитель решил применить принцип, назовём его, *shuffle*, то бишь «контрастная перетасовка», который никогда и нигде, в том числе и в иноязычных изданиях АКД, не применялся. И именно в этом случае многообразное творчество нашего автора засверкало всеми своими яркими гранями. Этот аргумент настолько весом и серьёзен, что пришлось даже пожертвовать «Злодеяниями пирата Шарки», безжалостно перетасовав их со всеми прочими историями.

В таком виде даже давно известные рассказы воспринимаются по-новому, читаются совершенно иначе. Потому что, начав чтение, нельзя понять, что ты читаешь — то ли это детектив, то ли сентиментальная история, то ли триллер, то ли морской рассказ, то ли мистический «ужасик», то ли пародия, то ли всё это вместе сразу, как нередко у нашего автора и бывает.

Одно плохо – на страницах сборника не удалось поместить всё, что сегодня уже имеется порусски и лежит на столе перед нами. Увы, выпадают очень многие и весьма важные вещи, перевод которых давно известен и стал явлением русской культуры. И здесь необходимо сказать несколько невесёлых слов о так называемых «авторских правах». Пора, давно пора навести в этом вопросе порядок, и это касается не только нашей страны, но и всего так называемого «цивилизованного мира», где давно перегнули все палки.

Ещё Шопенгауэр указывал, что запрещение перепечатывать – гибель литературы. Сегодня мы можем с прискорбием видеть, что это так же – и гибель культуры. В самом деле, что такое «авторские права»? Ладно бы ещё, если их «качает» автор, а если его наследники? Это ведь весьма неравноценные веши

Прямо сказать, наследники авторских прав – это очень интересная категория людей. Мало того, что наследники – очень часто – имеют весьма сомнительное отношение к автору (подчас они всего лишь от коровы кочерга), но и исполнены твёрдой решимости – обогатиться, озолотиться за счёт чужого труда. И поэтому выставляют непомерные требования к тем, кто желает издать или переиздать то или иное произведение покойного автора. И если их вымогательства не получают поощрения, они предпочитают, чтобы произведения автора вовсе не публиковались и не читались, чем обрекают его (автора или переводчика) на полное исчезновение и забвение. Эдакие «собаки на сене». Самый вопиющий пример этого рода – произведения Ремарка. Ведь, строго говоря, даже цитировать его сегодня нельзя, «не накапав» на банковский счёт каких-то сомнительных личностей. А «сомнительными личностями» становятся даже родные дети, если поступают так с творчеством своего отца. Что уж говорить обо всех прочих «наследниках»?

Справедливо отмечает Стивенсон: «Как бы щедро литературный труд ни оплачивать, цена, назначенная за него, всё равно никогда не будет достаточной». По нашему мнению, не только наследники, но и автор перевода, и даже сам автор не должны иметь права по-купечески «куражиться». Если какое-то произведение было издано и переиздано, если оно стало фактом литературы и явлением культуры, то авторы попросту должны иметь реальные гарантии своих финансовых интересов и никаких прав брать издателей что называется «за горло». У издателя не должно быть юридической надобности спрашивать их согласия, но он должен и обязан автоматически перечислить автору или наследнику на их банковский счёт реальные деньги, являющиеся их реальным доходом от осуществлённого издания. Бывают случаи, когда физически невозможно найти автора перевода или установить его наследника. В этих случаях деньги должны перечисляться для хранения на специально созданный счёт, пока не объявится их владелец. Тем самым обязательства издателя перед авторами должны полностью исчерпываться. Чтобы избежать мошеннических злоупотреблений со стороны недобросовестных издателей (а такое бывает), необходимо проводить регулярный аудит издательств и строго и примерно наказывать виновных за все случаи финансовых мошенничеств в отношении авторов.

А что мы имеем сегодня? Переводы, выполненные мастерами прошлого и являющиеся по сути дела явлениями русской культуры и общественным достоянием, не публикуются из-за жадности наследников авторских прав. Издатели же, желая печатать того или иного иностранного автора (пусть бы он жил хоть в XII веке), нанимают за гроши каких-то студентов и недоучек, а те – уж как могум — переводят, и весь этот кошмар и ужас, после столь же ужасного редактирования, печатают, издают, публикуют и всем предлагают теперь читать вместо высоко художественных переводов, выполненных прежде и постепенно забываемых безвозвратно. Увы, «защита авторских прав» в условиях тяжело больного общества оборачивается полнейшим авторским бесправием. В результате страдают все: не только авторы и переводчики, но и издатели, и те, кто вместо скверных переводов могли бы заниматься каким-то более подходящим для них делом, и — самое главное — читатели, невольные заложники этой нелепой и глупой ситуации. Такое положение дел называется культурной катастрофой.

Ещё один важный культуроведческий вопрос: как всё-таки правильно пишется по-русски фамилия автора, ибо чехарда, происходящая в данном вопросе, вызывает законное недоумение читателей, и даже критиков и рецензентов. Ведь существует четыре (!) варианта написания по-русски фамилии Conan Doyle: с мягким знаком и без него, с дефисом и без оного, и из этих вариантов правильным, разумеется, будет только один. В конце-то концов, решить вопрос, как правильно и как нет, может не тот, кто ведёт какие-то дилетантские разговоры со ссылками, как это пишется по-английски, или делает голословные утверждения, что правильно будет эдак-то, а тот, кто может объяснить, почему правильно будет именно так, а не иначе. А это – в пору сегодняшней поголовной, чудовищной безграмотности – под силу только филологу.

Так что же говорят об этом орфоэпические нормы, языковые правила и лингвистические законы? При передаче на письме иноязычных слов возможны два принципа: *транслитерация*, т.е. передача буквами своего языка (в нашем случае, кириллическими) букв оригинала (в данном случае латинских); и *транскрипция*, т.е. передача кириллическими буквами (*по мере возможности!!!*) иноязычного произношения; процедура, то бишь, весьма приблизительная. На примере Шекспира мы получили бы «Схакеспеаре» и «Шейкспир». В современном русском языке, хотя так было не всегда, восторжествовал последний принцип, т.е. *посильная* передача произношения. Стало быть, если бы речь шла о какомнибудь современном английском или американском деятеле, то следовало бы писать «Конан Дойл», а лучше и просто «Дойл».

Но сэр Arthur Conan Doyle не есть современный деятель, он известен на Руси довольно давно, и потому здесь неограниченно вступает в права и силу (не принцип, а) третий фактор — *традиция*. Касательно написания по-русски некоторых имён собственных можно сообщить следующее.

В русском языке сложилась традиция писать Вильям Шекспир, Генрих Гейне, Вальтер Скотт, Оскар Уайльд, Вильгельм Гауф, Э.Т.А. Гофман, Дж. Бернард Шоу, Пауль Гейзе и т.д., и переименовывать этих мужей сегодня, в согласии с новейшими нормами освоения иностранных слов, как каких-нибудь Хайне, Хоффманн и прочая, было бы глупостью.

Один из основных законов орфоэпии и вообще филологии гласит: где есть традиция, там надо её придерживаться. Грамотный человек никогда не идёт в ногу с речевыми тенденциями своего времени и – боже упаси! – не опережает их. Он спокойно шествует в самом арьергарде всего болтливого процесса. В этом и состоит культура письма, а также и культура речи.

Посему Вильям Шекспир по-русски навсегда останется не только «Шекспиром», но и «Вильямом» (по крайней мере, для грамотных русских). Утверждаю без обиняков: пренебрежение,

 * Но это, на секунду отклонимся в сторону, и не означает вовсе, будто автору за его труд, как у нас сейчас, можно платить гроши, чтобы он, получив от издателей гонорар, мог пойти и заказать себе в забегаловке пару бутербродов с булочкой и чашкой кофе. (Π . Γ .)

полнейшее равнодушие к русской культуре и её традициям чести нынешним культуртрегерам не делают! Из-за того, что эти господа хотят показать нам, что они знают по-иностранному, теперь приходится ожидать появления сказок Хоффманна и Хауффа, стихотворений Хайнриха Хайне или Хейнриха Хейне (бес его знает, как у них правильнее!), произведений Виктора Юго и Бернарда Шо, благо, что книги «Уильяма Шекспира» уже имеются, и «Конаном Дойлом» нас тоже не удивишь.

Да-с, сэр Артур Конан-Дойль относится к этой же славной компании. Поэтому давайте его тоже оставим в покое.

Следует признать, что, помимо традиции, такого написания требуют и нормы русского языка. Попробуйте-ка просклонять словосочетание «Конан Дойл» на манер «стола», как то делают новейшие поборники «культуры». У вас должно получиться: «Конана Дойла», «Конану Дойлу», «Конаном Дойлом», «о Конане о Дойле». Что, громоздковато? Ещё бы! Это не по-русски. Сами-то адепты такой транскрипции «Конана» не склоняют — вот вам, кстати, и правомочность дефиса — как в двойной фамилии. Вообще-то и по-английски здесь всё непросто. Есть вполне официальная и распространённая англо-ирландская фамилия Doyle. «Конан» — только имя. Но наш автор — и это его право — всегда подписывался как *А. Conan Doyle*, и его прямые потомки также оставили за собой написание Conan Doyle, что является уже двойной фамилией и по правилам русского языка должно писаться через дефис. Твёрдое [л] перед [а] и перед [у] — это нелепое насилие над русским речевым аппаратом.

Таким образом, торжественно заявляю, что по-русски правильно лишь одно написание фамилии английского классика: **Конан-Дойль;** всё прочее — произвольные измышления людей, ведать не ведающих филологической подоплёки вопроса. Все же, кто хотят показать, что они *знают по-английски*, всегда имеют возможность сделать это иным и более приличным образом.

Ну и, наконец, в постскриптуме робкая рекомендация, как всё-таки лучше читать эту книгу. Ведь немалое значение для общего впечатления имеет то, где вы её читаете: в помещении или на открытом воздухе, при свете дня или в сумерках, у себя в кабинете или на вокзале, в поезде, в самолёте. Помнится, сам Конан-Дойль в предисловии к одному из многих своих сборников рекомендовал такую обстановку: зимний вечер, кресло у камина, свет свечи... Думаю, ничего лучшего не посоветуешь.

Павел Гелева́

ТОПОР С ПОСЕРЕБРЁННОЙ РУКОЯТЬЮ

(действительное происшествие)

3 декабря 1881 года д-р Отто фон Гопштейн, профессор сравнительной анатомии Будапештского Университета и попечитель академического Музея, был самым подлым образом зверски убит прямо у входа в здание университета.

Мало того, что жертвой подобной жестокости оказался человек видный и весьма популярный среди студентов и горожан, но имелись в деле ещё и особые обстоятельства, способствовавшие тому, что данный случай привлёк живейшее внимание публики и заставил говорить о себе всю Австро-Венгрию.

Газета «Пештер Абендблатт» опубликовала на следующее утро статью, с которой могут ознакомиться любопытные. Я приведу из неё лишь несколько отрывков, имеющих отношение к некоторым обстоятельствам данного преступления, каковые поставили в тупик венгерскую полицию.

«Насколько можно судить, – сказано в этой замечательной газете, – профессор фон Гопштейн покинул здание Университета около половины пятого пополудни, чтобы успеть на вокзал к прибытию венского поезда в 17.05. Профессора сопровождал приват-доцент химии г-н Вильгельм Шлезингер, его давнишний и преданный друг и главный помощник в заботах о музее. Цель, которою задались оба господина, направляясь встречать названный поезд, состояла в том, чтобы принять коллекцию, переданную в дар Будапештскому Университету после смерти её владельца графа фон Шуллинга. Как известно, этот несчастный дворянин, трагическая гибель которого ещё у всех на устах, завещал уже знаменитому музею в своей аlma mater непревзойдённую коллекцию средневекового оружия, владельцем коией он являлся, а также несколько поистине бесценных инкунабул.*

Достопочтенный профессор слишком дорожил подобными реликвиями, чтобы доверить их получение и доставку кому-нибудь из подчинённых. Таким образом, с помощью г-на Шлезингера он намеревался принять коллекцию прямо на вокзале и разместить её в небольшой повозке, предоставленной для этой цели университетским руководством. Большая часть книг и наиболее хрупких предметов прибыла упакованная в деревянные ящики, однако значительная часть оружия была без особых затей обложена соломой, так что разгрузка оказалась делом отнюдь не лёгким.

Тем не менее профессор был настолько озабочен тем, как бы бесценные реликвии не повредились, что решительно отверг услуги носильщиков. Каждый из экспонатов переносился по перрону непосредственно г-ном Шлезингером и передавался им прямо в руки профессору фон Гопштейну, который находился в повозке и занимался погрузкой.

Когда всё было уложено, оба учёных, печась о сохранности груза, вернулись в Университет. Профессор был в превосходном настроении. Он явно гордился тем, что смог в свои преклонные годы выказать столько умения и сноровки при погрузке всех этих весьма тяжеловесных и громоздких предметов. Он даже отпустил по этому поводу несколько шутливых замечаний Рейнмаулю, университетскому привратнику, который с помощью своего друга Шиффера, еврея из Богемии, разгружал повозку по прибытии её в Университет.

После того, как реликвии были надёжно размещены в университетском хранилище, профессор самолично запер дверь, передал ключ от неё своему помощнику, г-ну Шлезингеру, и, попрощавшись со всеми, отправился домой. Г-н Шлезингер, со своей стороны, ещё раз убедившись, что всё в полном порядке, также ушёл, оставив Рейнмауля с его приятелем Шиффером курить в привратницкой.

В одиннадцать часов вечера, приблизительно через полтора часа после ухода фон Гопштейна, один солдат 14-го стрелкового полка, возвращаясь в казарму и проходя мимо здания Университета, натолкнулся на тело профессора, лежавшее чуть поодаль от обочины дороги. Фон Гопштейн лежал ничком, раскинув руки. Голова была разрублена пополам страшным ударом, который, как видно, был нанесён сзади, поскольку на лице старика застыла мирная улыбка; должно быть, смерть настигла его внезапно, когда он был погружён в

^{*} Старинные книги, изданные в первые годы после изобретения книгопечатания. (Π . Γ .)

приятные мысли о своём последнем приобретении. Иных увечий на теле не обнаружено, если не считать отёка в области левого колена, вызванного, по всей видимости, ушибом уже после нанесения удара, когда профессор упал. Самое, пожалуй, необъяснимое в этой истории то, что кошелёк профессора с сорока тремя флоринами, а также дорогие часы остались нетронутыми. Стало быть, мотивом преступления не могло быть ограбление, если только убийцам не помешали прежде, чем они смогли довершить начатое.

Однако последнее предположение отпадает по той причине, что тело убитого, повидимому, пролежало в таком положении не менее часа. Всё это дело окутано непроницаемой тайной. Д-р Лангенманн, знаменитый врач-криминалист, пришёл к выводу, что рана могла быть нанесена тяжёлым сабельным штыком, причём нападавший, несомненно, отличается незаурядной силой. Полиция воздерживается от каких-либо комментариев по данному поводу, а это даёт основания полагать, что она уже напала на след. Возможно, в скором времени преступники будут найдены».

Вот и всё, что сообщала об этом происшествии «Пештер Абендблатт». Тем не менее поиски полиции не пролили ни малейшего света на обстоятельства убийства. Не удалось найти даже намёка на след убийцы, и самые хитроумные уловки не помогли обнаружить ни малейшего повода, который мог бы послужить мотивом к совершению столь ужасного преступления. Покойный профессор был настолько поглощён своими научными изысканиями, что жил как бы отгородясь от мира, и определённо не мог дать повода кому бы то ни было для проявления враждебности. Оставалось только допустить, что удар этот был нанесён каким-то демоном, кровожадным дикарём.

Хотя городские власти были весьма далеки от того, чтобы притти к какому-либо заключению касательно данного убийства, обыватели в городе по своей подозрительности всё же не замедлили найти себе козла отпущения. Как, может быть, помнит читатель, в первых газетных сообщениях фигурировало имя некоего Шиффера; было известно, что он оставался с привратником после ухода профессора. Шиффер был еврей, а к евреям в Венгрии всегда относились прескверно. Общественность стала громко требовать ареста Шиффера, но поскольку против него не было ни малейшей улики, то у властей всё же хватило здравого смысла не совершать столь опрометчивого шага.

Притом убелённый сединами Рейнмауль, один из наиболее уважаемых граждан города, клятвенно заверил, что Шиффер был неотлучно с ним, а когда солдат закричал от ужаса, они оба тотчас поспешили к месту трагического события. При таких обстоятельствах никому не приходило в голову обвинять Рейнмауля, но шёпотом поговаривали, будто его давняя и всем известная дружба с Шиффером вполне могла заставить его солгать, дабы выгородить приятеля.

Народные страсти начали накаляться, над Шиффером нависла серьёзная опасность расправы со стороны разъярённой толпы, когда вдруг произошло событие, заставившее взглянуть на всю эту историю под совершенно иным углом зрения.

Утром 12 декабря, то есть ровно через девять дней после таинственного убийства профессора, на окраине Большой площади Будапешта был найден окоченелый труп Шиффера, еврея из Богемии; тело его было так изувечено, что опознать его составило немало труда. Голова оказалась рассечена пополам почти так же, как и у фон Гопштейна.

При осмотре тела обнаружили множество глубоких ран, как если бы убийца был вне себя и в ярости продолжал наносить своей жертве удары. Накануне выпало много снега, огромная площадь вся оказалась заметена сугробами толщиною более фута. Снег шёл и ночью, как явствует из того, что он тонкой плёнкой, словно саваном, покрыл тело Шиффера.

Поначалу надеялись, что данное обстоятельство поможет обнаружить следы, оставленные убийцами, но, к сожалению, убийство произошло в таком месте, где в дневное время бойко и людно. Следов было множество и вели они во все стороны. Кроме того, снег, выпавший позднее, настолько исказил сами очертания следов, что было уже невозможно извлечь из них сколько-нибудь ценные сведения.

Тайна убийства, таким образом, казалась столь же непостижимой, а злодеяние – лишённым мотивов, как и убийство профессора фон Гопштейна. В одном из карманов Шиффера был найден бумажник, в котором содержалась значительная сумма золотом и множество крупных банкнот, но, по всей видимости, убийцами не было предпринято ни

малейшей попытки завладеть ими. Если допустить, как предполагала полиция, будто кто-то, кому убитый одолжил денег, употребил столь варварское средство, чтобы избежать необходимости вернуть долг, трудно было поверить, что злодей в таком случае оставил нетронутой подобную добычу.

Шиффер жил у вдовы по фамилии Груга на улице Марии-Терезы, 49, и допрос домовладелицы и её детей позволил установить, что весь предыдущий вечер Шиффер провёл, запершись у себя дома, в состоянии самой глубокой подавленности, связанной, по-видимому, с теми слухами, что ходили в городе на его счёт. Домовладелица слышала, как к одиннадцати часам вечера он вышел из дому на прогулку, оказавшуюся для него роковой, и поскольку у него был ключ от входной двери, она легла спать, не дожидаясь его возвращения. Если он выбрал себе для прогулки столь поздний час, то, видимо, потому, что не чувствовал себя в безопасности днём, боясь, что его узнают на улице.

Это второе убийство, совершённое вскоре же после первого, вызвало необычайное беспокойство и даже панику не только в Будапеште, но и во всей Венгрии. Казалось, нет такого человека, который мог бы быть уверен, что его минует страшная участь — смерть от неведомой силы. Единственное, что сопоставимо со всеобщим напряжением, царившим тогда в Венгрии, так только настроения у нас в Англии после злодейств, совершённых Вильямсом, как всё это описано у де Квинси.

Столь разительно было сходство между убийством фон Гопштейна и убийством Шиффера, что казалось невозможным усомниться в существовании между обоими преступлениями некой связующей причины. Отсутствие мотива, отсутствие ограбления, полнейшее отсутствие следов и улик, обличающих убийцу, наконец чудовищность ран, нанесённых, по-видимому, тем же самым или схожим оружием — всё это указывало на общность источника.

Таково было положение дел к тому времени, когда случились события, о которых я расскажу сейчас, но чтобы рассказ этот был более понятным, мне придётся начать с другого.

Отто фон Шлегель был младшим отпрыском славного рода силезских Шлегелей. Отец его поначалу прочил ему армейскую карьеру, но, приняв к сведению мнение учителей, восхищённых талантами, кои проявлял юноша, он в конце концов отправил его изучать медицину в Будапештский Университет. Молодой Шлегель отличился там во всех науках; многие полагали, что он блестяще сдаст выпускные экзамены, приумножив славу университета. Хотя читал он необычайно много, всё же его нельзя было назвать «книжным червём». Напротив, в молодом человеке кипели силы и била через край энергия; молодецкой удали и склонности ко всяческим юношеским проказам ему было не занимать, так что популярность его среди студентов и сотоварищей была необычайная.

Приближались очередные экзамены, и Шлегель упорно готовился, настолько упорно, что даже страшные убийства, повергшие будапештцев в ужас, не смогли отвлечь его от занятий. В рождественский вечер, когда окна домов ярко и празднично светились, а из винного погребка, расположенного в студенческом квартале, доносились разудалые застольные песни, он отказался от настойчивых приглашений и призывов на ночные пирушки и с книгами под мышкой отправился к своему приятелю Леопольду Штраусу, чтобы сообща позаниматься до зари.

Штраус и Шлегель были неразлучными друзьями. Оба уроженцы Силезии, они знали друг друга с детства; их взаимная привязанность вошла в университете в поговорку. Штраус был, пожалуй, столь же замечательным студентом, как и сам Шлегель; между земляками постоянно случались по такому поводу самые горячие состязания, но всё это служило только укреплению их дружбы, внося в неё элемент взаимного уважения. Шлегель восхищался неуёмным упорством и безграничным добродушием своего давнишнего товарища по играм, а тот взирал на Шлегеля с его щедрыми талантами и блестящей способностью к учёбе как на совершенный образец человеческой личности.

Оба друга усердно занимались – один читал вслух трактат по анатомии, другой с черепом в руке прослеживал по нему детали, указанные в тексте, когда строгий звон с колокольни Святого Григория возвестил полночь.

 Послушай, старина, – сказал Шлегель, внезапно закрыв книгу и вытянув перед камином длинные ноги. – Вот и Рождество. Бог даст, не последнее, какое мы проводим

вместе!

— Да, нам бы только управиться с этими проклятыми экзаменами до наступления следующего, — ответил Штраус. — Слушай, Отто, бутылочка винца по такому поводу придётся нам очень кстати. Я нарочно запасся такой.

Его добродушная физиономия немца-южанина осветилась задорной улыбкой; из груды книг и костей в углу комнаты он вытянул высокогорлую бутылку рейнского вина.

- Да, сегодня одна из тех ночей, когда так приятно сидеть дома, пока за окном царят холод и мрак, – задумчиво протянул Отто фон Шлегель, созерцая зимний пейзаж. – Твоё здоровье, Леопольд!
- Lebe hoch! * ответил ему товарищ. Какое блаженство хоть на минуту отвлечься от этих дурацких костей. Скажи, Отто, а что нового среди наших? Что слышно о Граубе и его противнике?
- Они дерутся завтра на кулаках, ответил Шлегель. Боюсь, как бы нашему удальцу не разукрасили физиономию, ведь у него руки чуть короче. Но при своей ловкости и проворстве, он вполне может с честью выйти из этого дела. Говорят, он знает какой-то особый приём.
  - И что, это и все студенческие новости? спросил Штраус.
- Только и разговоров, по-моему, что о последних убийствах. Но я все эти дни, как ты знаешь, сижу за книгами и почти не обращаю внимания на подобные россказни.
- Скажи, а ты ещё не успел посмотреть книги и оружие, о которых хлопотал наш почтенный профессор незадолго до того, как его нашли мёртвым? спросил Штраус. Говорят, их весьма стоит посмотреть
- Как раз сегодня видел, ответил Шлегель, разжигая трубку. Рейнмауль, привратник, провёл меня в хранилище, и я помогал ему наклеивать этикетки на многочисленные экспонаты, сверяясь с каталогом музея графа Шуллинга. Судя по всему, в коллекции не хватает одного предмета.
- Не хватает одного предмета? изумился Штраус. Знал бы старик Гопштейн, он бы перевернулся в гробу. И что-нибудь существенное?
- По каталогу тот предмет значится как старинный боевой топор; само оружие стальное,
   а рукоять покрыта серебром. Мы написали извещение в железнодорожную компанию, и его несомненно разыщут.
  - Надо надеяться, согласился Штраус.

После этого разговор перешёл на иную тему.

Огонь в камине уже погас, бутылка рейнского опустела, друзья наконец поднялись и Шлегель собрался уходить.

- Бррр... какая холодная ночь, поёжился он, стоя на пороге и облачаясь в пальто. Как, Леопольд, ты хватаешься за фуражку? Надеюсь, ты не собираешься выходить?
- Нет, как раз собираюсь. Я тебя провожу, сказал Штраус, затворяя за собой дверь. Чувствую потребность пройтись, добавил он, взяв друга под руку и начав спускаться с ним по лестнице. Думаю, что прогулка до твоего дома поможет мне взбодриться.

Студенты прошли по Штефенштрассе и пересекли площадь Святого Юлиана, беседуя на разные темы. Но когда они огибали угол Большой площади, на которой было найдено тело Шиффера, разговор, естественно, снова коснулся убийства.

- Вот здесь его нашли, заметил Шлегель, показывая место.
- Быть может, убийца сейчас где-то поблизости, сказал Штраус. Поторопимся.

Они хотели, было, продолжить путь, как вдруг Шлегель вскрикнул от боли и нагнулся.

– Как больно! Видно, что-то впилось в подошву, – воскликнул он и, шаря рукой в снегу, извлёк оттуда маленький боевой топор, который весь сверкал в лунном свете, словно был целиком отлит из металла.

Топор лежал остриём кверху и чуть не поранил студенту ногу, когда он наступил на него.

- Оружие убийцы! изумился он.
- Серебряный топорик из музея! одновременно воскликнул Штраус.

^{*} Будь здоров! (*нем*.)

Друзья нисколько не сомневались, что их догадки в одинаковой степени верны. Мысль о том, будто есть ещё один такой же диковинный топор, казалась просто невероятной, а зная заключение криминалистов, студенты сразу предположили, что раны были нанесены именно этим предметом.

Убийца, вне всякого сомнения, просто бросил оружие, свершив своё чёрное дело; засыпанный снегом топор был найден в двадцати метрах от места убийства. Казалось невероятным, что его никто не заметил, ведь в течение дня тут очень людно; но снег был глубоким, а орудие злодеяния лежало несколько в стороне от протоптанной дорожки.

- Как нам с ним поступить? спросил Шлегель, держа топор в руке. Он вздрогнул, увидев при свете луны множество тёмно-бурых пятен на поверхности стали.
  - Отнесём его комиссару полиции, предложил Штраус.
- В это время он уже спит. Но всё-таки, я думаю, ты прав. Дождусь утра, а там перед завтраком отнесу его комиссару. Пока же придётся забрать его домой.
  - Да, так наверно лучше, согласился с ним друг.

И они продолжили путь, рассуждая о важности только что сделанной ими находки.

Когда наконец подошли к дому Шлегеля, Штраус пожелал другу спокойной ночи и, отклонив радушное предложение зайти, быстрым шагом двинулся по улице, стремясь поскорее попасть домой.

Шлегель уже было нагнулся, чтобы вставить ключ в замочную скважину, как вдруг какое-то странное, непостижимое изменение произошло во всём его существе. Он весь буквально затрясся от ярости, так что даже ключ выпал из его дрожащих пальцев. Правая рука судорожно сжала серебряную рукоять топора, а в глазах вспыхнуло дикое пламя ненависти, и он устремил взгляд на удаляющуюся фигуру друга. Несмотря на холод рождественской ночи, по лицу Шлегеля градом катился пот. С минуту он как бы боролся с каким-то внутренним порывом. Он даже поднёс к воротнику руку, словно бы задыхаясь. Затем Шлегель пригнулся и, крадучись, устремился за своим приятелем, с которым только что расстался.

Штраус ступал по снегу тяжёлым и твёрдым шагом, бодро насвистывая мотив какой-то студенческой песенки и ничего не подозревая о крадущейся сзади зловещей фигуре. На Большой площади их разделяло сорок метров; на площади Святого Юлиана — уже только двадцать; на улице Святого Этьена — всего лишь десять, и преследователь, словно пантера, постепенно настигал беззаботно шедшего студента.

Вот он уже всего лишь на расстоянии вытянутой руки от ничего не подозревающего человека. Топор холодно сверкнул в лунном свете, когда какой-то слабый звук, видимо, привлёк внимание Штрауса, он резко обернулся и оказался вдруг лицом к лицу со своим преследователем.

Штраус вздрогнул от неожиданности и издал удивлённое восклицание, увидев мертвенное и сведённое судорогой лицо, сверкающие безумным огнём глаза и стиснутые зубы подкравшегося сзади преследователя.

– Что с тобой, Отто?! – воскликнул он, узнав своего друга. – Тебе плохо? Ты что-то бледен. Пойдём со мной... Стой, сумасшедший, брось этот топор! Брось его, говорю тебе, не то, клянусь Небом, я тебя задушу!

Шлегель, издав страшный крик, бросился на него, потрясая топором, но студент был человеком смелым и решительным. Он уклонился от удара, который бы раскроил ему голову, обхватил нападающего одной рукой за талию, а другой за руку, сжимавшую топор. Какой-то миг они боролись в смертельном объятии. Шлегель пытался высвободить руку, но Штраусу в отчаянном усилии удалось повалить его на землю, и оба покатились по снегу; Штраус старался не выпускать руку, сжимавшую топор, и громко звал на помощь.

И хорошо, что звал, ибо, не кричи он, Шлегелю наверняка удалось бы высвободить руку, но тут на шум подоспели два рослых жандарма. Однако даже втроём им стоило неимоверных усилий управиться со Шлегелем, силы которому придавало какое-то яростное безумие; при этом так и не удалось вырвать у него из руки злополучный топор — столь цепко Шлегель сжимал рукоять. У одного из жандармов оказался с собою моток верёвки, которою он и поспешил воспользоваться. Студент был связан. Затем то толчками, то волоком, невзирая на яростные крики и исступлённые телодвижения, Шлегеля в конце концов препроводили в главный комиссариат полиции.

Штраус помогал тащить своего старого друга и проследовал с ним и полицейскими до самого комиссариата. По дороге он всячески увещевал жандармов не применять насилия к задержанному и уверял, что дом умалишённых более подходящее место для бедолаги, нежели тюрьма. События минувшего получаса были столь чудовищны и невероятны, что он чувствовал, что и у него самого с головой не всё ладно.

Что, в самом деле, всё это значило? Несомненно, Шлегель – друг детства! – только что пытался его убить и едва не преуспел в этом. Как прикажете это понимать? Уж не он ли убийца профессора фон Гопштейна и богемского еврея?

Штраус понимал, что это невозможно. Шлегель всегда питал к профессору особенную симпатию, а что до еврея, так он даже и в глаза его не видел. Штраус машинально шёл за другом и конвоирами до самых дверей комиссариата, охваченный мучительным недоумением.

Дежурил, замещая комиссара, инспектор Баумгартен, один из самых энергичных и уважаемых сотрудников будапештской полиции, человек высокого росту, нервический, подвижный, но в обращении спокойный и выдержанный, одарённый к тому же незаурядной наблюдательностью. Даже после шести часов ночного дежурства Баумгартен как всегда был бодр и деловит. Он сидел у себя в кабинете, за своим бюро, в то время как его друг, младший инспектор Винкель, сладко похрапывал на стуле возле камина.

Несмотря на обычную бесстрастность инспектора, на лице его выразилось удивление, когда дверь вдруг широко распахнулась и в комнату втолкнули связанного Шлегеля, бледного, в разорванной одежде и с топором, который он по-прежнему судорожно сжимал в руке. Баумгартен удивился ещё более, когда Штраус и жандармы изложили суть дела, каковая должным образом и была внесена им в протокол.

- Эх, молодой человек, молодой человек, укоризненно сказал Баумгартен, отложив наконец перо в сторону и строго глядя на злоумышленника. Хороший же подарок вы припасли нам на рождественское утро! Зачем вы это сделали?
- Бог его знает, ответил Шлегель, закрывая лицо руками. Как только топор выпал у него из руки, в нём снова произошла поразительная перемена: гнев и лихорадочное возбуждение исчезли без следа; казалось, он совершенно подавлен случившимся.
- Вы поставили себя в весьма неприятное положение. Есть все основания подозревать, что именно вы совершили два убийства, которые потрясли наш город.
  - Нет, нет, что вы! Упаси Бог... пробормотал Шлегель.
- По меньшей мере вы виновны в том, что покушались на жизнь господина Леопольда Штрауса.
  - Дороже, чем он, друга у меня нет! простонал студент. О, как я мог! Как я мог?!...
- Эта самая дружба делает ваше преступление лишь ещё более омерзительным, сурово изрёк инспектор и обратился к жандармам. Пусть до утра его отведут в... Минутку! Что такое?

Дверь распахнулась, и в комнату вошёл человек с безумным, блуждающим взором, одетый на скорую руку, походивший скорее на призрак, чем на живого человека. Он едва стоял на ногах и потому, чтобы приблизиться к столу инспектора, принуждён был опираться на спинки стульев. В этом несчастном и сломленном существе было не так-то легко узнать приват-доцента Вильгельма Шлезингера, жизнерадостного и краснощёкого помощника попечителя университетского музея, однако намётанным глазом Баумгартен сразу узнал вошедшего, несмотря на разительные перемены, происшедшие в его облике.

- Доброе утро, сударь! сказал он. Рановато вы к нам пожаловали. Надо полагать, всему виной то, что один из ваших студентов – Шлегель – арестован при попытке убийства Леопольда Штрауса?
- Нет, я явился по собственному делу, прохрипел Шлезингер, поднося руку к вороту рубашки. Я пришёл успокоить свою совесть и сознаться в лежащей на мне тяжкой вине. И всё же, видит Бог, господа, всё это случилось против моей воли... Это я, тот, кто... О, Боже! вот он! Вот он, этот проклятый топор... О, если б только он никогда не попадался мне на глаза!

И Шлезингер попятился, охваченный невольным ужасом, широко раскрытыми глазами глядя на топор, всё ещё лежавший на полу.

– Он здесь! – воскликнул Шлезингер, указывая дрожащим пальцем на зловещее изделие

средневековья. — Взгляните только на него! Он попал сюда, чтобы обличить меня. Видите бурую ржавчину, которой он весь покрыт? Знаете ли вы, что это такое? Это кровь моего самого дорогого, самого любимого друга, профессора фон Гопштейна! Я видел, как она брызнула из-под топора до самой рукояти, когда всадил его в мозг моему другу... О, mein Gott! Эта картина и по сию пору стоит у меня перед глазами...

– Младший инспектор Винкель, – сказал Баумгартен, силясь сохранить официальное хладнокровие, – арестуйте этого человека. Он подозревается в убийстве на основании его собственного заявления. Точно так же передаю вам Шлегеля, здесь присутствующего, обвиняемого в покушении на убийство г-на Штрауса. Поместите в надёжное место и это оружие, – Баумгартен взял в руку топор. – По всей видимости, оно послужило орудием для двух преступлений.

Вильгельм Шлезингер стоял, опершись на стол, лицо его было покрыто смертельной бледностью. Как только инспектор умолк, он в крайнем изумлении вскинул голову и воззрился на присутствующих.

– Как вы сказали? – воскликнул он. – Шлегель покушался на жизнь Штрауса? Да ведь это два самых неразлучных друга во всём университете! И я тоже убил своего друга и учителя! Это колдовство, говорю я вам, магия, эффект заговора. Мы все жертвы магической силы. Это... О, я понял! Во всём повинен топор, этот серебристый топор, будь он проклят!

И он судорожно указал пальцем на оружие, которое инспектор Баумгартен всё ещё держал в руке. Инспектор презрительно улыбнулся.

- Успокойтесь, милейший, сказал он. Вы только усугубляете свою вину, пытаясь навязать следствию столь необычайное объяснение преступного деяния, в котором только что сами сознались. Магия и колдовство не значатся в уголовном кодексе, как вам подтвердит и мой друг Винкель, и потому не могут быть приняты во внимание.
- Всё так, конечно, но тем не менее... замялся младший инспектор, пожимая широкими плечами На свете порой случаются странные вещи. Кто знает, если...
- Что?! в ярости взревел инспектор Баумгартен. Вы ещё смеете мне противоречить?! Я не потерплю тут никаких собственных мнений! Может быть, вы ещё вздумаете защищать этих проклятых убийц, болван несчастный? Олух, пробил твой последний час!!!
- И, бросившись на потрясённого Винкеля, Баумгартен замахнулся на него топором. Последний час младшего инспектора и впрямь пробил бы, если бы Баумгартен в ярости не забыл о том, что в комнате слишком низкий потолок. Топор вонзился остриём в балку на потолке и, дрожа, застрял в ней, а рукоять его разлетелась от удара на мелкие куски.
- Господи! что со мной? проговорил Баумгартен, словно прийдя в себя и падая на свой стул. Что я наделал?!
- Вы просто неопровержимо доказали, что слова господина Шлезингера сущая правда, сказал Шлегель, выступая вперёд: поражённые жандармы совершенно забыли про арестованного. Наглядно доказали. Пусть это и противоречит рассудку, науке или чемунибудь ещё, тем не менее несомненно, что заговор проявил себя на деле. Это и даёт всему объяснение. Штраус, дружище, ты же знаешь, что будь я в здравом уме, я бы и волоса не тронул на твоей голове... И вы, Шлезингер. Всем известно, как были вы дружны с профессором. А вы, инспектор Баумгартен, по собственному ли почину чуть не убили своего друга Винкеля?
  - Нет, разумеется, ни за что бы на свете...– простонал инспектор, закрывая лицо руками.
- В таком случае, господа, разве не всё нам ясно? Но теперь, хвала Небу, проклятое оружие разбилось и не сможет плодить новые несчастья... Но что это? Взгляните!

При этих словах на середину комнаты, в буквальном смысле с потолка, свалился тонкий свиток пожелтевшего пергамента. При взгляде на обломки рукояти стало ясно, что она была полой. По всей вероятности, пергаментный свиток был всунут в неё через узкое отверствие, которое затем было запаяно.

Шлегель развернул документ. Прочесть его было почти невозможно: пергамент был ветхий, но всё же, что удалось разобрать (текст написан был по-немецки на одном из средневековых диалектов), сводилось к следующему:

«Diese waffe benutzte Max von Erlichingen um Joanna Bodeck zu ermorden, deshalb

beschuldige Ich, Johann Bodeck, mittelst der macht welche mir als mitglied des Concils des Rothen Kreuzes verliehen wurde, dieselbe mit dieser unthat. Mag sie anderen denselben schmerz verursachen den sie mir verursacht hat. Mag Jede hand die sie ergrifft mit dem blut eines freundes geroethet sein.

Immer uebel – niemals gut Geroethet mit freundes blut!»

Что приблизительно можно перевести так:

«Сим оружием Макс фон Эрлихинген лишил жизни Иоанну Бодек. А посему я, Иоганн Бодек, властью, дарованной мне как члену великого Совета Розенкрейцеров, пользуясь, налагаю на него своё проклятие. Пусть причинит оно другим ту же боль, какую причинило мне. Пусть каждая рука, держащая его, обагрится кровью близкого друга.

Живи убийством, не любовью, И умывайся дружьей кровью!»

Когда Шлегель кончил разбирать по складам этот диковинный документ, в комнате воцарилась глубокая тишина. Вот он кладёт пергамент на стол, и Штраус, дружески беря его за руку, говорит:

- Да мне и не нужно такого доказательства, дружище. Ещё когда ты на меня замахнулся, я от всего сердца простил тебя. И я знаю, что, будь наш бедный профессор сейчас здесь, он сказал бы то же самое господину Шлезингеру.
- Однако, господа, заметил инспектор, вставая и снова приняв официальный тон, сколь бы странным ни было это дело, оно должно вестись в соответствии с правилами и в установленном законом порядке. Младший инспектор Винкель, я, ваш непосредственный начальник, приказываю вам арестовать меня как виновного в покушении на вашу жизнь. Вам надлежит препроводить меня в тюрьму, равно как и господ фон Шлегеля и Вильгельма Шлезингера. Нас троих следует содержать под стражей до решения суда. Потрудитесь как можно скорее поместить в надёжное место данный предмет, добавил он, указывая на пергаментный свиток. И время, что я буду находиться в заключении, постарайтесь употребить на то, чтобы как можно скорее отыскать убийцу господина Шиффера, богемского еврея.

Вскоре и единственное звено, недостававшее в цепи свидетельств, было восстановлено. 28 декабря, жена привратника Рейнмауля, войдя в спальню после непродолжительного отсутствия, нашла мужа мёртвым. Он повесился на крюке в стене. На столе лежала записка, в которой Рейнмауль признавал себя виновным в убийстве еврея Шиффера и добавлял, что убитый был его лучшим другом и что убил он его не по злому умыслу, а под влиянием непреодолимого побуждения. Угрызения совести и чувство неизбывной вины, говорилось в записке, в конце концов толкают его на самоубийство. И, завершая признание, он сообщал, что вверяет свою душу милосердию Божию.

Судебные дебаты, развернувшиеся вслед за этим, были, пожалуй, самыми необычайными во всей истории юриспруденции. Департамент полиции тщетно указывал на несостоятельность объяснений, которые представили обвиняемые; тщетно прокурор призывал запретить употребление в судебной дискуссии, происходящей в конце XIX века, такого понятия, как магия. Стечение обстоятельств выглядело слишком убедительным, и суд присяжных единогласно вынес оправдательный приговор.

Подводя итог спорам, судья сказал:

- Данное орудие убийства более двухсот лет провисело на стене в родовом замке графа фон Шуллинга, и всё это время его не касалась рука человеческая. Ужасная смерть, постигшая графа в результате ударов, которые нанёс ему друг-интендант, державший в руке этот топор, ещё у многих свежа в памяти. Следствию удалось установить, что за несколько дней до убийства интендант перенёс старинное оружие в другое место и занимался его чисткой, а когда дошла очередь до серебристого топора, интендант, взяв его в руки, сразу же убивает своего хозяина, которому верой и правдой прослужил более двадцати лет.
- Затем, в соответствии с волей, выраженной в завещании графа, коллекция оружия была перевезена в Будапешт; её разгрузка на вокзале производилась господином

Шлезингером, и менее чем через два часа после этого он убивает профессора. Следующим, кто взял оружие в руки, был, как выяснилось, г-н Рейнмауль, университетский привратник, помогавший при переноске коллекции из повозки в хранилище, и при первой же возможности он ударяет этим топором своего друга Шиффера.

- Далее мы имеем покушения на убийство, совершённые Шлегелем против Штрауса и инспектором Баумгартеном против младшего инспектора Винкеля, каждое из которых происходит сразу же после того, как топор оказывается в руке обвиняемого. Наконец, словно само Провидение являет нам этот чрезвычайный документ, зачитанный вам г-ном секретарём Суда.
- Господа присяжные заседатели, я призываю вас как можно тщательнее взвесить все эти факты и проследить их взаимосвязь и знаю, что вы вынесете приговор, который будет продиктован вашей совестью, без боязни и принуждения.

Быть может, после этого английскому читателю будет интересно узнать заключение дра Лангенманна, хотя в венгерской аудитории оно и встретило мало сторонников. Д-р Лангенманн — ведущий эксперт в области судебной медицины, а также автор нескольких классических трактатов по металлургии и токсикологии — заявил на суде:

- Я не уверен, господа, что есть надобность в некромантии или чёрной магии для объяснения случившегося. То, что я утверждаю, всего лишь гипотеза, не основанная на какихлибо доказательствах. Но в столь необычайном случае, как этот, наверное, нет предположения, которым можно было бы пренебречь.
- Розенкрейцеры, о которых говорится в данном документе, выли самыми сведущими химиками раннего средневековья; среди них были и крупнейшие алхимики, имена коих дошли до нас. Несмотря на все новейшие научные достижения, в химии есть отдельные области, в которых древние ушли значительно дальше нас, и это особенно справедливо в том, что касается изготовления тонких и смертельных ядов. Этот Иоганн Бодек, один из старейших Розенкрейцеров, несомненно, владел рецептом целого ряда снадобий такого рода. Некоторые из них, как, например, «аква тофана», излюбленная семьёй Медичи, вызывали смертельное отравление, проникая через поры кожи.
- Можно, таким образом, предположить, что рукоять топора была обработана каким-то особым составом, представлявшим собою летучий яд. Он вызывает у человека внезапные приступы ярости, сопровождаемые маниакальной потребностью в убийстве. Известно, что при такого рода приступах ярость одержимого направляется как раз против тех, кого, будучи в здравом состоянии, он больше всего любит.
- Однако, как я уже отметил, у меня нет никаких фактов в поддержку моей теории; я предлагаю её лишь в качестве гипотезы.

Данным отрывком из выступления проницательного и учёного профессора мы и можем, я полагаю, завершить свой рассказ о знаменитом судебном процессе.

Остаётся только добавить, что обломки пресловутого топора были брошены в глубокое болото, для чего пришлось прибегнуть к помощи одного смышлёного спаниэля; собака переносила их в зубах: никто из людей не решился притронуться к ним из страха сделаться жертвой уже известной всем мании. Пергамент же хранится и доныне в музее Университета. Ну а Штраус и Шлегель, равно как Баумгартен и Винкель – по-прежнему самые лучшие друзья на свете и намереваются оставаться таковыми, насколько я знаю, и впредь. Шлезингер в качестве военного хирурга поступил на службу в кавалерийский полк и пятью годами позже был сражён пулей в одной из битв, когда под шквальным огнём противника пробирался к раненым, чтобы оказать помощь. В согласии с волей покойного, его небольшое имение было продано, а деньги употреблены на сооружение мраморного обелиска на могиле профессора фон Гопштейна.

1883 г.

(перевод Павла Гелевы)

 $^{^*}$ Один из тайных религиозно-мистических орденов эпохи средневековья и начала новейшей истории. (П.Г.)

ПАДЕНИЕ ЛОРДА БЭРРИМОРА

Вряд ли найдётся летописец дней минувших, который не поведал бы потомкам о долгой и яростной борьбе за титул «короля» Сент-Джеймса между двумя знаменитыми столичными фатами, сэром Чарльзом Треджеллисом и лордом Бэрримором, — борьбе, разделившей фешенебельный Лондон на два враждующих лагеря. Факт неожиданного ухода со сцены благородного пэра (после чего чуть менее аристократичный его соперник продолжал властвовать в одиночестве) также был историками засвидетельствован. Но только сейчас вы сможете узнать, наконец, об истинной и весьма примечательной причине внезапного заката этой яркой звезды.

Однажды утром (происходило всё это, когда легендарное соперничество было в самом разгаре) сэр Чарльз Треджеллис занимался своим непростым туалетом, а слуга Амброуз помогал хозяину достичь той степени совершенства, которая давно уже обеспечила ему репутацию самого выдающегося франта Лондона.

Внезапно, не довершив coup d'archet и оставив великолепную галстучную конструкцию незаконченной, сэр Чарльз замер и прислушался. На его широком миловидном лице, отмеченном здоровым румянцем, отразились изумление и негодование одновременно. Лязгающе-отрывистая дробь ударов дверного молоточка внизу окончательно заглушила многоголосый гул Джермин-стрит.

— Начинаю подозревать, что источник этого шума находится где-то вблизи нашего парадного, — проговорил сэр Чарльз в манере человека, привыкшего размышлять вслух. — С некоторыми паузами продолжается это уже минут пять. А ведь Перкинсу даны были соответствующие указания.

Повинуясь жесту хозяина, Амброуз вышел на балкон и свесил вниз свою почтенную голову.

- Ты очень обяжешь меня, приятель, если соизволишь открыть дверь, донёсся с улицы медленный, но отчётливый голос.
- Кто это? Кто это такой? возмущённо воскликнул сэр Чарльз, и рука его замерла локтем вверх.

Амброуз вернулся, выразив на смуглом лице изумление – в той пропорции, какова позволительна была при его положении.

- Это юный джентльмен, сэр Чарльз.
- Юный джентльмен? Но все в Лондоне знают, что я не показываюсь до полудня. Тебе знаком этот человек? Ты видел его раньше?
- Нет, сэр, но он весьма напоминает мне того, чьё имя я бы, пожалуй, не решился произнести.
  - Кого же?
- При всём уважении, сэр Чарльз... Был момент, когда мне показалось, будто вы сами стоите внизу. Молодой человек пониже ростом и помоложе, но голос, лицо, осанка...
- Это, должно быть, юнец Верекер, несносный отпрыск моего братца, пробормотал сэр Чарльз, возобновляя свой туалет. Я слышал, кое в чём он действительно на меня похож. Верекер написал мне, что приезжает из Оксфорда, а я ответил, что не приму его. Однако, я вижу, он рискнул проявить настойчивость. Этому парню требуется преподать урок! Амброуз, вызови Перкинса.

На пороге комнаты возник рослый дворецкий; лицо его выражало крайнее возмущение.

- Перкинс, я более не намерен терпеть этот шум за дверьми.
- Позвольте, сэр, но юный джентльмен уходить не желает.
- Не желает? Но твоя обязанность и состоит в том, чтобы заставить его уйти. Разве ты не получал указаний? Ты сказал ему, что до полудня видеть меня не позволяется?
- Сказал, сэр. Он вознамерился, было, оттолкнуть меня и ворваться в дом, поэтому я захлопнул дверь прямо у него перед носом.
  - Правильно сделал, Перкинс.

 $^{^*}$ Кударше (франц.) – название чрезвычайно сложного галстучного узла. (П.Г.

– Но сейчас, сэр, он создаёт такой шум, что все жильцы высунулись из окон. Кроме того, на улице, сэр, начинает собираться толпа.

Снизу донеслись оглушительный бой молоточка (с каждым ударом своим звучавшего всё настойчивее), взрыв хохота и ободряющие реплики зрителей. Лицо сэра Чарльза гневно вспыхнуло. Непочтительности этой пора было положить конец.

– Перкинс, возьми мою зачехлённую янтарную трость в углу и распорядись ей по собственному усмотрению. Пара ударов, думаю, вправит мозги юному негодяю.

Громила Перкинс улыбнулся и вышел. Слышно было, как отворилась дверь; стук прекратился. Через несколько секунд кто-то оглушительно взвыл и послышались удары, словно о выбиваемый ковёр. Некоторое время сэр Чарльз внимал этим звукам вполне благосклонно; затем улыбка сползла с его добродушного лица.

– Перкинсу бы не переусердствовать, – пробормотал он. – Нельзя же оставить парня калекой, пусть даже он того и заслуживает. Амброуз, беги на балкон и зови Перкинса обратно. Это перешло уже все границы.

Не успел слуга сдвинуться с места, как на лестнице послышался быстрый топот и в дверях возник миловидный юноша, разодетый по последней моде. Осанка, черты лица, но более всего лукавые пляшущие искорки во взгляде больших голубых глаз явно выдавали в нём знаменитую кровь Треджеллисов. Таким был и сэр Чарльз, когда двадцать лет назад благодаря исключительно дерзости и силе духа за один сезон занял место на лондонском олимпе, откуда не сумел сбросить его сам Бруммель. Бросив весёлый взгляд на искажённое гневом лицо дядюшки, юноша залихватски протянул ему остатки янтарной трости.

- Опасаюсь, сэр, - заговорил он, - что наставляя вашего слугу на путь истинный, я имел несчастье нанести ущерб тому, что несомненно являлось вашей собственностью. Мне жаль, что это произошло.

Сэр Чарльз ошеломлённо воззрился на дерзкого пришельца, а тот, в свою очередь, смешно спародировал манеру родственника ответным взглядом. Как успел уже заметить Амброуз с балкона, оба казались точными копиями друг друга; разве что Треджеллисмладший был чуточку ниже, тоньше и непоседливей.

- Итак, вы мой племянник, Верекер Треджеллис? спросил сэр Чарльз.
- К вашим услугам, сэр.
- Я получил о вас из Оксфорда дурные известия.
- Новости оттуда, сэр, насколько я понимаю, идут действительно нехорошие.
- Хуже некуда.
- Вот и я был проинформирован в том же духе.
- Зачем вы явились сюда?
- Чтобы повидать своего знаменитого дядюшку.
- Ради этого вы учинили скандал на улице, ворвались к нему в дом и избили его дворецкого?
  - Именно так, сэр.
  - Вы получили моё письмо?
  - Да, сэр.
  - Из коего явствовало, что я не приму вас?
  - Да, сэр.
  - С такой наглостью я, кажется, встречаюсь впервые.

Вместо ответа молодой человек улыбнулся и удовлетворённо потёр ладони.

- Дерзость оправдана лишь в том случае, если она подкреплена остроумием, сухо продолжал сэр Чарльз. В противном случае она превращается в обыкновенное хамство неотёсанного простолюдина. Возможно, став с возрастом чуть умнее, вы научитесь понимать эту разницу.
- Вы абсолютно правы, сэр, проникновенно молвил молодой человек. Утончённая дерзость жанр изящных искусств, и лишь в общении с признанным её виртуозом (тут он отвесил дяде почтительный поклон) в этом деле можно достичь совершенства.

После утреннего шоколада сэр Чарльз, как известно, в течение часа пребывал в крайне раздражённом состоянии духа. Теперь он позволил себе проявить эту слабость.

- Не могу поздравить брата с тем, что он обзавёлся удачным наследником. Я надеялся

увидеть нечто, чуть более достойное наших традиций.

- Может быть, если вы узнаете меня чуть получше, сэр...
- Не думаю, что у меня возникнет желание продлить столь неприятное знакомство. Вынужден, сэр, попросить вас завершить свой визит коим, разумеется, вам и не стоило себя утруждать.

Молодой человек ответил приятной улыбкой, но не сделал даже и попытки уйти.

- Могу я задать вам один вопрос, сэр? спросил он беззаботно. Не помните ли вы, случайно, господина Мунро, ректора нашего колледжа?
  - Нет, сэр, не помню, резко ответил дядя.
- Ну, конечно же, вы не стали бы утомлять свою память до таких пределов. А он, представьте себе, всё ещё вас помнит. В ходе нашей вчерашней беседы он немало польстил моему самолюбию, заметив, что я напоминаю ему вас прежде всего своим, как он изволил выразиться, уникальным сочетанием легкомыслия и упрямства. Первым из этих достоинств я, кажется, произвёл на вас должное впечатление. Остаётся лишь продемонстрировать второе.

По-прежнему сияя добродушной улыбкой, он уселся в кресло, стоявшее у двери, и скрестил на груди руки.

- Ах, значит, вы не уйдёте? мрачно поинтересовался сэр Чарльз.
- Нет, сэр, останусь.
- Амброуз, спустись и приведи пару носильщиков.
- Послушайтесь моего совета, сэр, не делайте этого. Мне придётся причинить им боль.
- В таком случае я выставлю вас собственноручно.
- Вот это пожалуйста. Оказать физическое сопротивление своему дяде я бы никогда не осмелился. Но, лишь действительно спустив меня с лестницы собственными руками, вы сумеете избежать необходимости уделить мне всё-таки полчаса своего времени.

Сэр Чарльз не смог сдержать улыбки. Слишком живо поведение юноши напомнило ему о собственной бурной юности. Ничто в те годы не могло порадовать его больше, чем успешное сопротивление слугам и немедленное подчинение их своей воле. Он повернулся к зеркалу и жестом отправил Амброуза заниматься своими делами.

— Придётся мне попросить вас подождать, пока я не закончу свой туалет, — сказал он. — Посмотрим потом, чем сумеете вы оправдать это своё вторжение.

Едва только лакей покинул комнату, сэр Чарльз вновь обратился к своему злосчастному племяннику, который наблюдал за манипуляциями прославленного денди с благоговением ученика, присутствующего при свершении величайшего таинства.

- Итак, говорите сэр, и говорите по делу, ибо, уверяю вас, у меня масса других забот. Принц уже ожидает меня в Карльтон-Хаусе. Постарайтесь быть кратким, насколько это возможно. Что вам нужно?
  - Тысячу фунтов.
  - Да ну! Всего-то? в голосе сэра Чарльза вновь прозвучали жёлчные нотки.
- Да, сэр. Впрочем, ещё я бы хотел быть представленным мистеру Бринсли Шеридану, который, насколько мне известно, является вашим другом.
  - Почему именно ему?
- Потому что, как мне рассказали, он главный в театре Друри-Лэйн, мне же хочется стать актёром. Друзья утверждают, что у меня неплохой актёрский талант.
- А знаете, я достаточно ясно представляю вас в «Charles Surface» в любой роли, требующей дерзости и бахвальства причём, чем меньше вы будете там актёрствовать, тем лучше. Однако нелепо было бы даже предположить, будто я стану потворствовать вам в карьере такого рода. Как бы я объяснил это вашему отцу? Сейчас же возвращайтесь в Оксфорд и приступайте к занятиям.
  - Это невозможно!
  - Позвольте узнать, сэр, в чём загвоздка?
- Свою вчерашнюю беседу со мной (о которой, кажется, я упомянул) ректор завершил известием о том, что руководство университета более не в силах терпеть моего там присутствия.
  - Вы исключены?
  - Да, сэр.

- Очевидно, за целый ряд безобразных выходок.
- Ну, за... что-то в этом роде, сэр.

И вновь сэр Чарльз, сам того не желая, смягчился. Да и мог ли он долго оставаться суровым с этим смазливым шалопаем? Абсолютная прямота его обезоруживала.

- Зачем вам столь внушительная сумма? продолжал дядя, чуть более благосклонно.
- Чтобы перед отъездом из университета рассчитаться с долгами, сэр.
- Ваш отец человек небогатый.
- Да, сэр. Поэтому я и не смог обратиться с этой просьбой к нему.
- И явились ко мне, человеку совершенно вам незнакомому?
- Что вы, сэр вы же мой дядя! Больше, чем дядя: вы, если позволите мне так выразиться, мой идеал, мой кумир!
- Вы льстите, мой дорогой Верекер, и очень ошибаетесь, если полагаете, будто сможете выудить из меня тем самым тысячу фунтов. Денег я вам не дам.
  - Разумеется, сэр, если вы не можете...
  - Я не сказал: «не могу». Я сказал: «не дам».
  - Думаю, если можете, то всё же дадите.

Сэр Чарльз улыбнулся и кружевным платочком хлопнул по рукаву.

- А знаете, вы меня весьма забавляете. Прошу вас, продолжайте. Итак, что заставляет вас думать, будто я дам вам столько денег?
  - Мне кажется, я смог бы оказать вам услугу, которая будет стоить тысячи фунтов.

Сэр Чарльз изумлённо поднял брови.

– Неужели шантаж?

Верекер Треджеллис вспыхнул.

- Сэр, я удивлён. Голос юноши прозвучал мягко, но твёрдо. Зная, что за кровь течёт в моих жилах, как могли вы с моей стороны заподозрить намёк на нечто подобное?
- Приятно узнать, что и для вас существуют пределы возможного. Признаться, заподозрить существование таковых по вашему поведению до сих пор было очень непросто. Итак, вы утверждаете, что сможете оказать мне услугу настолько ценную, что я действительно выплачу вам за неё тысячу фунтов?
  - Именно так, сэр.
  - Что это за услуга, позвольте спросить?
  - Я сделаю лорда Бэрримора посмешищем в глазах всего города.

Сэр Чарльз невольно вздрогнул; на лице его отразилось изумление. Что за дьявольский инстинкт помог этому недоучившемуся студенту нащупать единственную щель в его неуязвимой броне? Где-то в глубине души (но разве мог кто-нибудь знать об этом?) сэр Чарльз готов был отдать не одну тысячу фунтов человеку, который смог бы выставить на посмещище его опаснейшего соперника за первенство в светской иерархии фешенебельного Лондона.

- Ради осуществления этого своего чудесного замысла вы и явились сюда из Оксфорда?
- Нет, сэр. Но прошлой ночью я имел с ним не самую приятную встречу и решил, что должен его проучить. Дело в том, сэр, что прошлый вечер я провёл в Уоксхолском Саду.
  - Мне об этом следовало догадаться, заметил дядя.
- Лорд Бэрримор тоже был там. Его сопровождал некто в костюме священника. В действительности же, как мне объяснили, компаньон его не кто иной, как Жестянщик Хупер, и он избивает всякого, кто осмелится выступить против хозяина. Так они и прошли вдвоём по центральной аллее, оскорбляя женщин и запугивая мужчин; меня же попросту отпихнули. Я был задет, сэр настолько, что едва не разрешил конфликт прямо на месте.
- Вы поступили благоразумно, что сдержались. Хупер боксёр титулованный, он бы вас сильно отколошматил.
  - Может быть. А может быть, и нет.
- Ax, так значит, к числу ваших неоспоримых достоинств относится ещё и умение драться на кулаках?

Молодой человек добродушно расхохотался.

– Единственным профессором моей alma mater, когда-либо удостаивавшим меня похвалы, сэр, был Уильям Болл. Он более известен как «Оксфордский Зверёныш». Думаю, не

покажусь очень нескромным, если предположу, что с десяток раундов против этого Хупера я бы продержался. Нет, прошлым вечером я молча проглотил обиду. Поскольку, как мне рассказали, подобные сцены повторяются там постоянно, времени для расплаты достаточно.

- Могу я поинтересоваться, как вы собираетесь действовать?
- Об этом я предпочёл бы пока умолчать. Но цель моя, повторяю, сделать лорда
   Бэрримора посмещищем в глазах всего Лондона.

Сэр Чарльз на минуту задумался.

- Скажите, сэр, а почему вы решили, что мне будет приятно, если лорд Бэрримор подвергнется осмеянию?
- Мы в провинции неплохо осведомлены о происходящем в Лондоне. О вашей неприязни к этому человеку пишут все колонки светских слухов и сплетен. Город в своих симпатиях разделён на две равные части. Трудно поверить, что вы очень расстроитесь, если лорда Бэрримора внезапно постигнет публичный конфуз.
- Экий вы резонёр, улыбнулся сэр Чарльз. Хорошо, допустим на секунду, что вы правы. Могу ли я получить хотя бы намёк на то, какие средства будут использованы для достижения этой, не скрою, коренной цели?
- Могу сказать только одно, сэр. Есть немало женщин, по отношению к которым этот тип поступил самым неподобающим образом. Знают об этом все. Если одной из таких оскорблённых дамочек удастся публично предъявить лорду Бэрримору свои претензии и проявить при этом определённую настойчивость, его светлость может оказаться в более чем незавидном положении.
  - И вы знакомы с такой дамочкой?
  - Думаю, да, сэр.
- Ну что же, в таком случае, дорогой Верекер, не вижу причин становиться между лордом Бэрримором и его разгневанной пассией. Вот только будет ли результат оценён тысячью фунтов, обещать не могу.
  - Судить об этом вам, сэр.
  - И я буду строгим судьёй, племянник.
- Прекрасно, сэр. На иной ответ я и не рассчитывал. Если всё пойдёт по плану, его светлость как минимум год не покажется в Сент-Джеймсе. Могу я снабдить вас инструкциями прямо сейчас?
- Инструкциями?! Что вы хотите этим сказать? Я не желаю иметь ко всему этому ни малейшего отношения.
  - Но вы судья, сэр, а значит, должны будете там присутствовать.
  - Но никакого участия!
  - Никакого, сэр. Я прошу вас быть всего лишь свидетелем.
  - Ну хорошо, и какими же инструкциями вы намерены меня снабдить?
- Сегодня вечером, дядя, ровно в девять часов вы прибудете в Сад, пройдёте по центральной аллее до статуи Афродиты и сядете на одну из скамеечек, откуда и станете наблюдать за происходящим.
- Прекрасно. Так я и сделаю. Мне начинает казаться, племянник, что род Треджеллисов ещё не растерял всех качеств, какие принесли ему в своё время такую известность.

В тот самый миг, когда часы пробили девять, сэр Чарльз, бросив поводья вознице, сошёл по ступенькам своего высокого жёлтого фаэтона, который развернулся затем, чтобы занять своё место в строю фешенебельных карет, дожидавшихся хозяев.

Входя в ворота Сада, в те дни служившего настоящим центром лондонского распутства, сэр Чарльз поднял воротник жокейской куртки и натянул на глаза шляпу: оказаться участником происшествия, обещавшего перерасти в крупный публичный скандал, ему совсем не хотелось.

Все эти меры предосторожности были напрасны: что-то в походке, а может быть, в его осанке заставляло прохожих одного за другим останавливаться, приветственно поднимая руку.

Как бы то ни было, сэр Чарльз добрался до статуи Афродиты в самом центре

Уоксхоллского Сада, расположился на одной из деревянных скамеечек и с весёлым любопытством стал ждать очередного акта этой комедии. Отсюда виден был и водоворот толпы, танцующей в многоцветье развешанных на деревьях фонарей под звуки оркестра пехотных гвардейцев.

Затем музыка прекратилась. Кадрили закончились. По центральной аллее, у обочины которой сидел сэр Чарльз, устремилась жизнерадостная людская волна: яркое созвездие столичных щёголей (буйволовая кожа, плюмажи, галстуки, голубые мундиры — всё перемешалось в этом море) под ручку с девушками в шляпках и прямых юбках с высокими талиями.

Это была весьма сомнительная компания. Мужчины, шумные и разгорячённые, явились на танцы в большинстве своём прямиком с кутежей. Женщины также вели себя крикливо и вызывающе.

Время от времени в толпе возникала сутолока, и под аккомпанемент девичьего визга и добродушного мужского хохота какая-нибудь группка распалённых юнцов вырывалась вперёд, рассекая движущийся поток. В этой толпе чопорности или застенчивости не было и следа: тут царил дух добродушного веселья и позволялись самые фривольные выходки. Однако даже это царство богемы имело свои понятия о пределах допустимого.

Гневный ропот сопровождал двух забияк, проталкивавшихся сквозь толпу. Впрочем, действительно вызывающе держался лишь первый из них: второй всего лишь обеспечивал ему полную безнаказанность. Возглавлял эту парочку долговязый щегольски одетый мужчина с заострённым, словно топор, злобным и высокомерным лицом, явно разгорячённым вином. Он грубо расталкивал толпу, с мерзкой улыбочкой вглядываясь в женские лица, а заметив брешь в мужском эскорте, вытягивал руку, чтобы погладить руку или шею, разражаясь оглушительным хохотом, когда девушка от него отшатывалась.

По пятам за ним следовал телохранитель: то ли из наглого бахвальства, то ли желая продемонстрировать своё небрежение предрассудками, хозяин вырядил его сельским священником. Субъект этот, словно уродливый служака-бульдог, сдвинув брови, неуклюже продвигался за патроном, распугивая окружающих одним уже своим тяжёлым взглядом. Изпод деревенской рясы торчали узловатые руки, а огромная отвисшая челюсть медленно поворачивалась из стороны в сторону. Внимательный наблюдатель уже сейчас заметил бы в лице его некоторую расслабленность отяжелевших черт — первые симптомы того физического недуга, от которого через несколько лет эта человеческая развалина упадёт на обочине лондонского тротуара, не в силах от слабости произнести даже собственное имя. Но сегодня зловещая личина ужасного и непобедимого короля ринга по-прежнему маячила за спиной скандально знаменитого хозяина, и завидев её, оскорблённый прохожий невольно опускал трость и сдерживал восклицание, готовое сорваться с губ.

— Хупер! Берегитесь, это забияка Хупер! — шептались по сторонам, предупреждая очередную жертву о том, что во избежание худшего благоразумнее всего проглотить обиду. Не одного франта уже увезли из Уоксхолла с красочными следами «ручной работы» Жестянщика на лице.

Двигаясь вызывающе медленно, боксёр с патроном добрались наконец до того места, где центральная аллея переходила в ярко освещённую круглую площадку с рядом скамеек, на одной из которых сидел сэр Чарльз Треджеллис. Внезапно с лавочки напротив поднялась унизанная колечками старая женщина, лицо которой было скрыто густой вуалью, и преградила путь шествовавшему вразвалочку аристократу. Голос её зазвучал столь пронзительно-ясно, что всё это вавилонское столпотворение тут же притихло, пытаясь уловить каждое слово.

– Возьмите её в жёны, ваша светлость! Умоляю вас, женитесь на ней! Ну, конечно же, вы женитесь на моей бедной Амелии! – запричитала старуха.

Лорд Бэрримор в ужасе отшатнулся. Вокруг него образовалась толпа: каждый норовил заглянуть через плечо стоявшего впереди соседа. Лорд Бэрримор попытался, было, двинуться вперёд, но старая женщина остановила его, упершись ладонями в кружевную манжетку.

– Ну, конечно, вы не бросите её! Вот добрый священник идёт за вами – у него испросите совета! – взвыла старуха. – Будьте же человеком слова, женитесь на моей девочке!

С этими словами женщина вытолкнула вперёд несколько неуклюжую молодую особу,

которая при этом бурно всхлипывала и промокала глаза платком.

- Порази чума ваши головы! взревел в ярости его светлость. Кто эта девчонка?
   Клянусь, я обеих вас вижу впервые в жизни!
- Это же моя племянница Амелия! вскричала пожилая леди. Ваша любящая Амелия! О, ваша светлость, не хотите же вы сказать, что совсем позабыли свою преданную Амелию из Вудбайн-Коттедж, что в Лихфилде?
- В жизни своей не бывал ни в каком Лихфилде! вскричал пэр. Обе вы мошенницы, заслуживающие хорошей порки на задках телеги!
- Ax, злодей! Амелия! Вопль старой леди разнёсся по всему парку. Постарайся же смягчить это жестокое сердце! Мольбами заставь его признать в тебе честную девушку!

Коренастая юная особа, зашатавшись, повалилась вперёд на лорда Бэрримора и заключила его в медвежьи объятия. Тот хотел, было, поднять трость, но руки его оказались прижаты к бокам.

- Хупер! завопил взбешённый пэр, отчаянно изгибая шею в надежде уклониться от девушки, которая, судя по всему, вознамерилась расцеловать его. Боксёр бросился вперёд, но оказался в объятиях старой леди.
- Прочь с дороги, мэм! Кому сказал, прочь с дороги! вскричал он и яростно отпихнул её в сторону.
- Ах, грубиян! вскричала она и вновь одним прыжком преградила ему путь. Он толкнул меня! Люди добрые, вы видели, он толкнул меня! Священник, а до чего невоспитанный! Так вы отнеслись к женщине! Может быть, вы сделаете это снова? Так я дам вам за это пощёчину и ещё, и ещё!

Каждое своё восклицание сопровождая оплеухой, старушка несколько раз прошлась по щекам чемпиона открытой ладонью.

Толпа загудела от удивления и восторга.

– Хупер! – кричал лорд Бэрримор, барахтаясь в сжимающихся объятиях неуклюжей, но весьма любвеобильной Амелии.

Боксёр вновь бросился вперёд на помощь патрону, и опять перед ним возникла старая женщина: вскинув голову и выбросив вперёд левую руку, она приняла вдруг стойку опытного боксёра.

Наконец чёрствое сердце боксёра не выдержало. Что же, пусть женщина — но она осмелилась встать на пути самого Жестянщика! Он покажет толпе, что ждёт каждого, кто осмелится последовать её примеру. Она ударила его, а значит, должна получить по заслугам. Поднявший руку на Хупера безнаказанным не уходит.

Выругавшись, он нанёс удар правой. Шляпка вдруг ловко нырнула и последовал молниеносный ответ: острые, как бритва, костяшки рассекли боксёру кожу под глазом.

Подбадриваемая восторженными воплями многочисленной толпы, старушка принялась пританцовывать вокруг лжесвященника, ловко уклоняясь от его тяжеловесных ударов и отвечая более чем успешными контрвыпадами.

В какой-то момент, поскользнувшись, она плюхнулась на юбку, но тут же вскочила и завопила:

– Ах, вульгарный мужлан! И у тебя рука поднялась на слабую женщину? Ну, так получай за это. Вот тебе, грубиян неотёсанный!

Забияка Хупер впервые в жизни струсил. Странное существо, с которым ему пришлось вступить в схватку, было неуловимо, как тень, но наносило при этом удары столь точные, что кровь капля по капле потекла с его подбородка. С изумлённой физиономией Хупер невольно отпрянул от странной соперницы, и... В ту же секунду звезда его могущества стремительно закатилась. Только быстрый успех мог бы его спасти. Замешательство оказалось фатальным. Потому что во всей этой толпе не было, наверное, человека, который не затаил бы в душе обиду на хозяина и его подручного. Каждый ждал лишь удобного момента для мести.

Человеческое кольцо с яростным рёвом сомкнулось. Вихрь обезумевших от ярости лиц закружил вокруг тонкого раскрасневшегося лица лорда Бэрримора и бульдожьих челюстей Хупера. Ещё секунду спустя оба оказались на земле: десяток тростей тут же взметнулись в воздух и опустились вниз.

– Дайте подняться! Вы убъёте меня! Ради Бога, дайте подняться! – взмолился

надтреснутый голос.

Хупер, оправдывая сравнение с бульдогом, сражался молча, пока наконец не лишился чувств. Избитые и помятые, они покинули Сад: никому из их прежних жертв не приходилось так худо. Но куда больнее ссадин жалила лорда Бэрримора ужасная мысль о том, как теперь в каждом клубе, в каждой гостиной Лондона всю неделю будут смеяться над историей об Амелии и её тётушке.

Некоторое время сэр Чарльз, пошатываясь со смеху, стоял у скамейки, с которой ему было прекрасно видно происходящее. Пробравшись, наконец, сквозь толпу к своему жёлтому фаэтону, он не очень-то удивился, обнаружив на заднем сиденье двух развесёлых дамочек, обменивавшихся с конюхами репликами не самого изящного свойства.

Эй вы, юные сорванцы! – бросил дядя через плечо, подбирая поводья.
 Дамочки оживлённо захихикали.

– Дядя Чарльз! – вскричала та, что выглядела постарше. – Позвольте представить вам мистера Джека Джарвиса из Брэйсноус-Колледжа. А теперь, я думаю, вам стоит отвезти нас куда-нибудь поужинать – представление это оказалось чрезвычайно утомительным. Надеюсь, завтра вы не откажете мне в удовольствии нанести вам визит в любое удобное для вас время. Да, и бланк для расписки в получении тысячи фунтов я, если не возражаете, тоже с собой прихвачу.

1912 г.

(перевод В. Полякова)

СОСТЯЗАНИЕ

В год от Рождества Христова шестьдесят шестой император Нерон на двадцать девятом году своей жизни и тринадцатом году правления отплыл в Грецию в самом странном сопровождении и с самым неожиданным намерением, какое когда-либо приходило на ум монарху. Он вышел в море из Путеол на десяти галерах, везя с собою целый склад декораций и театрального реквизита, а также изрядное число всадников и сенаторов, которых опасался оставить в Риме и которые, все до последнего, были обречены умереть во время предстоящего путешествия. В свиту императора входили Нат, его учитель пения, Клувий, человек с неслыханно зычным голосом, — его обязанностью было возглашать императорский титул — и тысяча молодых людей, натасканных и выученных встречать единодушным восторгом всё, что ни споёт или разыграет на сцене их владыка. Такою тонкой была эта выучка, что каждый исполнял свою, особую роль. Иные выражали своё одобрение без слов, одним только низким, грудным гулом. Другие, переходя от одобрения к полному неистовству, пронзительно орали, топали ногами, колотили палками по скамьям. Третьи — и эти были главною силой переняли от александрийцев протяжный мелодический звук, похожий на жужжание пчелы, и издавали его все разом, так что он оглушал собрание. С помощью этих наёмных поклонников Нерон — несмотря на посредственный голос и топорную манеру — вполне основательно рассчитывал вернуться в Рим с венками за искусство пения, которыми греческие города награждали победителей в открытом для всех состязании. Пока его большая позолоченная галера с двумя рядами гребцов плыла по средиземноморским водам к югу, император сидел целыми днями в своей каюте, бок о бок с учителем, и с утра до ночи твердил песни, которые выбрал, и каждые несколько часов нубийский раб растирал императорское горло маслом и бальзамом, приготовляя его к тому великому испытанию, которое ему предстояло в стране поэзии и музыки. Пища, питьё и все упражнения были строго расписаны заранее, словно у борца, который готовится к решающей схватке, и бряцание императорской лиры вперемежку со скрипучими звуками императорского голоса неслось беспрерывно из его покоев.

А случилось так, что в эти самые дни жил в Греции козопас по имени Поликл. Он был пастухом — а отчасти и владельцем — большого стада, которое щипало травку по склонам длинной гряды холмов вблизи Гереи, что в пяти милях к северу от реки Алфея и не так далеко от прославленной Олимпии. Этот человек был известен по всей округе редкими своими дарованиями и странным нравом. Он был поэт, дважды увенчанный лаврами за свои стихи, и музыкант, для которого звуки кифары были чем-то столь естественным и неотъемлемым, что легче было повстречать его без пастушеского посоха, чем без музыкального инструмента. Даже в одиноких зимних бдениях подле стада не расставался он с кифарою, но всегда носил её за плечами и коротал с её помощью долгие часы, так что она сделалась частью его «я». Вдобавок он был красив, смугл и горяч, с головою Адониса и такою силою рук, что никто не мог с ним тягаться. Но всё было не впрок, всё шло прахом из-за его характера, такого властного, что он не терпел никаких возражений. По этой причине он постоянно враждовал со всеми соседями и, в припадках дурного настроения, проводил иной раз целые месяцы в горной хижине, сложенной из камней, ничего не зная о мире и живя лишь для своей музыки да для своих коз.

Однажды утром, весною шестьдесят седьмого года, Поликл со своим рабом Дором перегнал коз повыше, на новое пастбище, откуда открывался далёкий вид на город Олимпию. Глядя с горы вниз, пастух был изумлён, заметив, что часть знаменитого амфитеатра покрыта тентом, словно давали какое-то представление. Живя вдали от мира и всех его новостей, Поликл и вообразить не мог, что там готовится: ведь до греческих игр, как он отлично знал, оставалось ещё целых два года. Да, несомненно, идут какие-то поэтические или музыкальные состязания, о которых он ничего не слышал. А ежели так, есть, пожалуй, кое-какие возможности склонить судей на свою сторону; да и без того он любил слушать новые сочинения и восхищался мастерством больших певцов, которые всегда собирались по таким случаям. И вот, кликнув Дора, он оставил коз на его попечение, а сам, с кифарою за спиной, быстро зашагал прочь, чтобы посмотреть, что происходит в городе.

Добравшись до предместий, Поликл увидел, что они пусты; ещё более он изумился,

когда, войдя на главную улицу, не встретил ни души и там. Ускорив шаг, он приблизился к театру, и тогда его ушей коснулся низкий, сдержанный гул, извещавший о стечении большого числа людей. Никогда, даже во сне, не мог он представить себе музыкального состязания такого размаха! Несколько солдат тесно загораживали ворота, но Поликл быстро протолкался внутрь и присоединился к толпе, которая наполняла широкое пространство под кровлею, растянутою над частью национального стадиона. Оглянувшись, Поликл увидел очень многих своих соседей, которых знал в лицо; они сидели на скамьях вплотную друг к другу и не сводили глаз со сцены. Ещё он заметил, что вдоль стен выстроились солдаты и что среди присутствующих много молодых людей чужеземного обличья — в белых тогах и с длинными волосами. Всё это он видел, но что это означает, сообразить не мог. Он наклонился к соседу, чтобы спросить, но солдат тут же ткнул его ратовищем копья и яростно приказал держать язык за зубами. Человек, к которому он обратился, решил, что Поликл просит подвинуться, и притиснулся к своему соседу ещё плотнее; так пастух очутился на самой ближней к выходу скамье, и теперь всё внимание его обратилось к тому, что происходило на сцене. Мета, известный певец из Коринфа и старый друг Поликла, пел и играл, не вызывая у слушателей особого воодушевления. Поликлу казалось, что Мета заслуживает большего; он громко захлопал в ладоши и тут же обнаружил, что солдат грозно нахмурился, а соседи взирают на него с каким-то недоумением. Но, как человек сильный и упрямый, он только захлопал ещё громче, когда заметил, что большинство судит не так, как он.

Однако ж в совершенное и крайнее изумление повергло пастуха-поэта то, что за этим последовало. Когда Мета из Коринфа раскланялся и удалился под нерешительные и вялые рукоплескания, на сцену, встреченный бешеным энтузиазмом части собравшихся, вышел человек самой необыкновенной наружности — коротенький, жирный, неопределённого возраста, с бычьей шеей и круглым, тяжёлым лицом, которое обвисало складками, точно подгрудок у коровы. Он был нелепо наряжен в короткую синюю тунику с золотым поясом. Шея и часть груди были открыты, и короткие, жирные ноги обнажены от котурнов до середины бёдер, то есть до того места, где кончалась туника. В волосах у него блестела пара золотых крылышек, и такие же крылышки были на пятках — в подражание богу Меркурию. Следом шёл негр с арфой, а рядом — богато одетый служитель со свитками нот. Странный этот певец взял арфу из рук раба и, подойдя к краю сцены, поклонился и улыбнулся ликующей аудитории. «Верно, какой-нибудь хлыщ из Афин», — подумал Поликл, но тут же возразил себе, что лишь великий мастер пения мог встретить такой приём у греческих слушателей. Нет, очевидно, что это какой-то замечательный исполнитель, чья слава опередила его в пути! Поликл облегчённо вздохнул и приготовился отдать душу во власть музыки.

Человек в синей тунике ударил несколько раз по струнам и вдруг разразился «Песнью о Ниобе». Выпрямившись на своей скамье, Поликл изумлённо взирал на сцену. Мелодия требовала быстрого перехода от низких тонов к высоким и специально ради этого перехода была выбрана певцом. Низкие тона казались ворчливым и громким, но нестройным рычанием сварливого пса. Потом внезапно певец поднял лицо к небу, встал на цыпочки, вся приземистая его фигура вытянулась, голова затряслась, щёки побагровели, и он издал такой вой, какой мог бы издать тот же самый пёс, если бы ворчание его было пресечено хозяйским пинком. Тем временем арфа гнусаво тренькала, то отставая от голоса, то забегая вперёд. Но всего более удивил Поликла отклик, который вызывало у аудитории это выступление. Каждый грек был опытный критик и столько же беспощаден в свисте, сколько расточителен в рукоплесканиях. Многие певцы, куда лучшие, чем этот дурацкий хлыш, бежали с возвышения, спасаясь от града проклятий и насмешек. Но тут, когда человек умолк и вытер пот, обильно струившийся по жирным щекам, разразилась целая буря бешеного восторга. Голова у пастуха раскалывалась, он сжал виски ладонями, чувствуя, что разум покидает его. Бесспорно, это всего лишь музыкальный кошмар, сейчас он пробудится и будет хохотать, вспоминая нелепый сон. Но нет! Люди вокруг были настоящие, он видел лица своих соседей, восторженные крики, которые гремели у него в ушах, действительно испускали зрители, заполнявшие театр в Олимпии. Восхваления были в самом разгаре. Жужжальщики жужжали, крикуны выкрикивали, колотильщики с головою ушли в работу, молотя палками по скамьям, и то и дело проносился музыкальный циклон: «Несравне-е-н-н-о! Боже-е-ств-е-н-н-о-о!» — это вымуштрованная фаланга выводила нараспев свои похвалы, их дружные голоса покрывали всеобщую сумятицу, как гудение ветра заглушает рёв моря. Это было безумие, нестерпимое безумие! Если его не остановить, — всей музыкальной справедливости в Греции конец! Совесть не даст Поликлу остаться безучастным! Он вскочил на скамью, замахал руками и, напружившись, во всю силу лёгких, принялся протестовать против безумного суждения аудитории.

Сперва, среди сумятицы, его протест едва ли был замечен. Его голос тонул в общем рёве, который вспыхивал вновь при всяком поклоне и самодовольной усмешке глупцамузыканта. Но мало-помалу народ вокруг Поликла перестал хлопать и уставился на него в крайнем недоумении. Тишина всё ширилась, пока наконец громадное собрание не умолкло, глядя на этого разъярённого и прекрасного человека, который бешено кричал на них со своего места у выхода.

— Дураки!— бушевал он. — Чему вы рукоплещете? Чему радуетесь? И это вы называете музыкой? Да у малого нет голоса и в помине! Вы либо оглохли, либо сошли с ума, и да будет вам стыдно за ваше безумие — вот что я вам скажу!

Солдаты ринулись, чтобы стащить его со скамьи, и вся аудитория пришла в замешательство: иные, похрабрее, одобряли слова пастуха, иные требовали выгнать его вон. Тем временем удачливый певец, отдавши арфу чёрному прислужнику, расспрашивал людей на сцене, чем вызвано волнение среди публики. Кончилось тем, что глашатай с невероятно мощным голосом выступил вперёд и объявил: если придурковатый субъект из задних рядов, который расходится во мнениях с остальными зрителями, выйдет вперёд и поднимется на возвышение, он может — если дерзнёт — показать, на что способен он сам, и убедиться, достанет ли у него сил, чтобы затмить то изумительное и восхитительное выступление, которое все собравшиеся имели счастье только что услышать.

В ответ на вызов Поликл живо соскочил с сиденья, ему очистили проход, и минутою позже пастух, в небрежном своём наряде, с облезлой, облинявшей под дождём кифарою в руках, уже стоял перед напряжённо ожидавшею толпою. Мгновение он помедлил, настраивая кифару — натягивая одни струны и отпуская другие, — а потом, под шум смешков и острот с римских скамей прямо перед ним, запел.

Готового сочинения у него не было, но он приучился импровизировать, перекладывая в песню всё, что копилось на сердце, — просто из любви к музыке. И он стал рассказывать о любимой Зевсом стране Элиде, где они собрались в этот день, о нагих горных склонах, о сладостной тени облаков, об извилистой синей реке, о бодрящем воздухе нагорий, о прохладе вечеров, о красотах земли и неба. Рассказ был по-детски прост, но граждан Олимпии он брал за душу, потому что говорил о стране, которую они знали и любили. И тем не менее, когда Поликл, наконец, опустил руку, лишь немногие из них посмели выразить своё одобрение, и слабые их голоса захлестнул ураган свистков и жалобных стонов с передних скамей. В ужасе от столь непривычного приёма Поликл отпрянул назад, и тут же его место занял соперник в синей тунике. Если прежде он пел плохо, то теперешнее его выступление уже невозможно и описать. Его визг, рычание, диссонансы и грубые, отвратительные неблагозвучия были оскорблением самому имени музыки. И однако всякий раз, как он умолкал, чтобы перевести дыхание или утереть мокрый от пота лоб, новый гром рукоплесканий прокатывался над аудиторией. Поликл спрятал лицо в ладонях и молил богов, чтобы ему остаться в здравом уме. Потом, когда страшное выступление окончилось и рёв восхищения засвидетельствовал, что венок наверняка будет присуждён толстомордому мошеннику, ужас перед публикой, ненависть к этому племени дураков и страстная жажда мира и тишины пастбищ овладели всеми его чувствами, всем существом. Он пробился через массу народа, столпившегося по обе стороны сцены, и выбрался на свежий воздух. Его старый соперник и друг Мета из Коринфа ждал его снаружи; лицо Меты выражало тревогу.

- Скорей, Поликл, скорей! закричал он. Моя лошадка привязана вон за тою рощицей. Серая, в красной попоне. Скачи во всю прыть, потому что если тебя схватят, нелёгкая предстоит тебе смерть!
  - Нелёгкая смерть! О чём ты толкуешь, Мета? Кто этот малый?
- О, великий Зевс! Ты не знал? Где ж ты жил? Это император Нерон! Он никогда не простит того, что ты сказал о его голосе. Быстрей, друг, быстрей, или стража кинется следом!

Спустя час пастух был уже далеко на пути к своему дому в горах, и примерно в то же

время император, получив олимпийский венок за несравненную красоту пения, хмуро расспрашивал, кто этот наглый тип, который позволил себе так высокомерно критиковать его искусство.

- Немедленно привести его ко мне, сказал он, а Марк с ножом и раскалённым железом пусть будет наготове.
- С твоего изволения, великий Цезарь, промолвил Арсений Плат, офицер личной стражи, его невозможно сыскать, и очень странные слухи носятся в воздухе.
- Слухи! сердито вскричал Нерон. На что ты намекаешь, Арсений?! Говорю тебе, что этот малый невежда и выскочка с повадкой грубияна и голосом павлина! И ещё говорю тебе, что многие среди народа провинились не меньше, чем он: я слышал собственными ушами, как они хлопали ему, когда он спел свою смехотворную песню. Я уже почти решился сжечь этот город, у которого такие нечуткие уши, пусть помнит Олимпия, как я побывал у неё в гостях!
- Нет ничего удивительного, Цезарь, что они высказались в его пользу, ответил воин. Сколько я понял из разговора, тебе даже тебе! было бы не стыдно выйти и побеждённым из этого состязания.
  - Мне? Побеждённым? Ты рехнулся, Арсений! На что ты намекаешь?
- Никто не знает этого человека, великий Цезарь. Он спустился с гор и снова исчез в горах. Ты заметил дикую, необычную красоту его лица? Повсюду шепчутся, что великий бог Пан, в виде особой милости, снизошёл до смертного, чтобы помериться с ним силою искусства.

Угрюмые складки на лбу Нерона разгладились.

— Конечно, Арсений! Ты прав. Никто из людей не осмелился бы бросить мне такой дерзкий вызов. И каков рассказ для римлян! Пусть гонец едет нынче же в ночь и пусть поведает им, как их император поддержал сегодня в Олимпии честь Рима!

1911 г.

(перевод С. Маркиша)

ЗЛОПОЛУЧНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Ι

«ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА!

Строки сии написаны для того, чтобы предостеречь общественность от человека, называющего себя Октавиусом Гастером.

Его нетрудно опознать по высокому росту, светлым вьющимся волосам и глубокому шраму на левой щеке, протянувшемуся от глаза до уголка губ.

Опознанию может помочь также склонность этого человека к ярким цветам в одежде. Он, к примеру, может носить ярко-зелёный галстук или что-нибудь подобное.

В его речи заметен лёгкий иностранный акцент.

Он не нарушает никаких законов, и всё же он страшнее бешеной собаки. Сторонитесь его, бегите от него, как от чумы, появись она среди бела дня.

Любые имеющиеся в вашем распоряжении сведения об этом человеке будут с благодарностью приняты А.К.А., Линкольнс-Хилл, Лондон».

Многочисленные читатели лондонских утренних газет не могли не обратить внимание на это объявление, появившееся в первой половине года в одной из рубрик.

Появление подобного объявления, как мне кажется, вызвало немалый интерес и изрядную долю любопытства у определённого круга читающей публики. Относительно личности самого Октавиуса Гастера и характера выдвинутых против него обвинений было высказано много самых разных предположений.

И если при этом отметить, что вышеизложенное предостережение опубликовал по моей настойчивой просьбе мой старший брат – профессиональный юрист – Артур Купер Андервуд, то становится вполне очевидным, что никто лучше меня не сможет прояснить его истинный смысл.

II

До сего дня ни с кем, кроме брата, я не решалась поделиться событиями прошлого августа из-за постоянно мучавших меня страшных и смутных подозрений, к которым к тому же примешивалась горечь утраты возлюбленного в самый канун нашей свадьбы.

Теперь, по прошествии времени оглядываясь назад, я уже в состоянии сопоставить и выстроить в один ряд большое число мелких фактов и деталей, которые в своё время остались незамеченными. Они составляют целую цепочку доказательств, которые в глазах судей, может быть, и покажутся недостаточными, но произведут определённое впечатление на публику.

Я попытаюсь рассказать, по возможности избегая всяческих преувеличений и предубеждений, всё, что произошло с той самой минуты, как человек по имени Октавиус Гастер появился в Тойнби-Холле, и вплоть до дня проведения больших соревнований по стрельбе из карабина.

Я вполне отдаю себе отчёт в том, что всегда найдётся немало людей, готовых высмеять всё мало-мальски связанное со сверхъестественным или тем, что наше скудное сознание с ним отождествляет. К тому же должна признать и то обстоятельство, что любая история, рассказанная особой женского пола или от её лица, заметно теряет в ценности как показание очевидца.

Сразу замечу в своё оправдание, что я никогда не была человеком слабохарактерным и впечатлительным, а также и то, что окружающие меня люди составили об Октавиусе Гастере мнение очень схожее с моим собственным.

Итак, перехожу к изложению фактов.

Свои летние каникулы мы проводили в гостях у полковника Пиллара, в чудном

местечке Роуборо, что в графстве Девоншир. Уже несколько месяцев я была помолвлена с его старшим сыном — Чарльзом, и в самом конце каникул было решено сыграть свадьбу. Все вокруг были уверены, что Чарли успешно сдаст экзамены. В любом случае у него было приличное состояние, которое обеспечивало нам полную самостоятельность и безбедную жизнь. Что касается меня, то родители тоже позаботились — без приданого не оставили. Старый полковник был просто в восторге от перспективы нашего союза. То же самое можно сказать и о моей матери. В какую бы сторону мы ни обращали свои взоры, нам казалось, что никакое облачко не может появиться на нашем горизонте и омрачить наше счастье. И я не нахожу ничего удивительного в том, что тот август стал для нас с Чарли месяцем бесконечного счастья.

Самый несчастный человек на земле позабыл бы о своих горестях и печалях, окажись он вдруг среди весёлых обитателей Тойнби-Холла.

Среди них лейтенант Дейсби — которого все с детства звали «Джек» — недавно прибывший из Японии на борту британского судна «Акула». Он питал самые нежные чувства к Фанни Пиллар, сестре Чарли, и таким образом мы — две влюблённые пары — могли оказывать друг другу необходимую моральную поддержку.

В нашей компании были также Гарри, младший брат Чарли, и Тревор – его лучший друг по Кембриджу.

И, наконец, моя мать – самая обаятельная из пожилых особ. Она была готова сгладить любые трудности, возникающие на пути двух молодых пар, и вся светилась от радости, глядя на нас через свои золотые очки. Она могла без устали делиться с нами своими сомнениями, опасениями и тревогами, которые сама испытала в юности, когда молодой и горячий ветреник Николас Андервуд приехал в поисках невесты в провинцию и отказался от предложений Крокфорда и Теттерсаля ради любви дочери простого сельского старосты.

Да, не забыть упомянуть о хозяине дома, храбром старом солдате с его грубоватыми шутками, извечной подагрой и способностью легко впадать в гнев, впрочем вполне безобидный для окружающих.

— Не знаю, что происходит последнее время с отцом, — часто говорил мне Чарли. — С тех пор как вы у нас, Лотти, он ещё ни разу не послал к чорту либералов из министерства. Боюсь, что если не произойдёт извержение отцовского гнева, ирландский вопрос окончательно испортит ему кровь и станет причиной его преждевременной кончины.

Кто знает, быть может, закрывшись вечером у себя, ветеран давал волю чувствам и эмоциям, сдерживаемым в течение дня, пока он был на людях. Похоже, он проникся ко мне особой симпатией, и давал это почувствовать, оказывая бесконечное множество знаков внимания.

— Вы хорошая девушка, — сказал он мне как-то вечером уже в изрядном подпитии. — Моему прохвосту Чарли здорово повезло. Видать, в людях он разбирается лучше, чем я думал. Обратите внимание на мои слова, мисс Андервуд. Ведь вы же понимаете, что этот молодой ветрогон не так уж глуп, как может показаться на первый взгляд.

Сделав сей двусмысленный комплимент, полковник церемонно развернул платок, покрыл им лицо и отправился в мир грёз.

III

Я прекрасно помню день, с которого начались все наши несчастья.

Ужин только что закончился, и все перешли в салон, где были настежь открыты окна и южный ветер доносил в комнату приятные запахи.

Моя мать устроилась в углу, занятая вязанием; то и дело она высказывала какую-нибудь прописную истину: моей добрейшей матушке казалось, будто она сообщает нам что-то исключительно ценное, нечто удивительно важное, основанное единственно на её личном опыте.

Фанни с молодым лейтенантом примостились на софе и нежно ворковали как парочка голубей. Чарли возбуждённо ходил взад-вперёд по комнате. Я сидела у окна и в задумчивости

созерцала погружённые в глубокое безмолвие просторы Дартмура. Они простирались до самого горизонта, залитые пурпуром лучей заходящего солнца. То здесь, то там на багряном фоне неба выделялись грозные контуры высоких утёсов.

- Послушайте же вы меня наконец, воскликнул Чарли, разве вам не жаль попусту сидеть здесь в такой чудный вечер!
- К дьяволу твой вечер! ответил ему Джек Дейсби. Вечно ты себя ощущаешь у времени в плену. Если хочешь знать наше с Фан мнение, то мы никуда не пойдём, и с этой софы вставать не собираемся. Верно, Фан?

Девушка всем своим видом старалась показать, что не намерена покидать гнёздышко, свитое себе среди подушек, и бросила на брата полный упрёка взгляд. Повернувшись ко мне, Чарли засмеялся и заявил, ища моей поддержки:

- Сидеть вот так и ворковать: что за праздное времяпрепровождение! Вы со мной согласны, Лотти?
  - До такой степени праздное, что становится просто вызывающим! вторила я ему.
- Между тем я хорошо помню время, когда Дейсби был шустрым малым и избегал всё графство Девоншир вдоль и поперёк. Ну и что? Взгляните, кем он стал теперь! Да, Фанни, вы явно заслужили упрёк в свой адрес.
- Не принимайте близко к сердцу всё то, что он вам тут наговорил, дорогая, отозвалась из своего кресла матушка. К тому же мой личный опыт меня научил, что умеренность для молодёжи вещь замечательная. Мой бедный Николас тоже всегда придерживался такого мнения. Дорогой мой супруг никогда не ложился спать, не сделав перед сном прыжок на всю длину ковра, что был настелен в холле. Я ему не раз говорила, что это опасно, но он продолжал делать по-своему. И вот в один из вечеров он споткнулся и упал на каминный таган, порвал себе мышцу на ноге и в итоге оказался хромым до конца дней. Так уж получилось, что доктор Пирсон принял разрыв мышцы за перелом кости, наложил гипс, и в результате в коленной чашечке нарушилось кровообращение. Говорили, что в тот самый день доктор был не в себе. Он был сильно расстроен, поскольку его младшая дочь проглотила монету, и это обстоятельство, возможно, и явилось причиной ошибки в его диагнозе.

У мамы было весьма любопытное свойство уходить от главной темы разговора, переводя его в совершенно иную плоскость, да так, что порой было нелегко вспомнить, с чего именно она начинала свой монолог. Но на сей раз Чарли мысленно запомнил матушкину реплику в надежде сразу же ею воспользоваться в своих интересах.

- Вы совершенно правы, миссис Андервуд, поспешил заметить Чарли. К тому же за целый день мы так и не выбрались из дома воздухом подышать. Итак, Лотти, у нас с вами ещё час в запасе до захода солнца. Что, если мы прогуляемся по окрестностям, а заодно и форель, может, посчастливится поймать. Думаю, ваша матушка не будет против?
- Набросьте только что-нибудь на плечи, дитя моё, промолвила матушка, понимая, что попала в ловушку своего собственного неловкого манёвра.
  - Обязательно, матушка. Сейчас мигом поднимусь наверх и надену шляпку и шаль.
- Итак, мы отправляемся на прогулку в лучах закатного солнца и вскоре вернёмся, громко объявил Чарли, пока я шла к дверям.

Когда я спустилась вниз, мой жених уже с нетерпением поджидал меня в холле с удочкой в руках. Мы пересекли лужайку и прошли перед окнами, в которых вырисовывались три лукавые физиономии, внимательно за нами наблюдавшие.

- Развалиться на диване и ворковать что за праздное времяпрепровождение! вымолвил Джек, глядя в задумчивости на проплывающие облака.
  - Настолько праздное, что просто возмутительно! вторила ему Фан.

И вся троица так громко рассмеялась, что разбудила полковника, который пришёл на шум. Мы слышали, как они пытались объяснить свою шутку ветерану, который, несколько задетый подобным бесцеремонным к нему отношением, делал вид, что не понимает, над чем же они могли так громко смеяться.

Спустившись по извилистой тропке, мы вышли через калитку на дорогу, ведущую в Тевисток, и Чарли в нерешительности остановился, раздумывая, в какую сторону нам лучше держать путь дальше. Знать бы нам тогда, что вся наша дальнейшая судьба зависела от столь, казалось бы, пустякового решения!

- Как вы думаете, дорогая, куда нам лучше с вами направиться: пойти вдоль берега реки или спуститься к ручью, что течёт среди ланд?
  - Как пожелаете, дорогой, выбор за вами.
- Я за то, чтобы пойти к ручью. К тому же тем самым мы несколько удлиним себе обратный путь, добавил Чарли, глядя полными любви и обожания глазами на миниатюрное создание, укутанное в белую шаль и готовое шагать с ним хоть на край света.

Ручей, к которому мы направили свои стопы, протекал по наиболее пустынной и дикой местности в здешних краях. Устремившись по тропинке к ручью, мы удалились на значительное расстояние от Тойнби-Холла, но ни встречающиеся на пути крупные камни, ни заросли кустарника не могли помешать двум молодым и полным сил путникам быстро преодолевать милю за милей.

На протяжении всей прогулки мы не повстречали ни единой живой души; лишь всклокоченные девонширские козы, держась поодаль, с любопытством поглядывали в нашу сторону, будто спрашивая, как это мы решились вторгнуться в их владения.

Когда мы пришли к ручью, шумно сбегавшему из ущелья, а затем извилистым потоком устремлявшемуся к полноводному Плимуту, уже начали сгущаться сумерки. Над нашими головами колоннообразно возвышались две отвесные скалы; вода, по капле стекая в расселину между ними, образовала что-то наподобие глубокой чаши, до краёв заполненной неподвижной влагой.

- У Чарли это было излюбленным местом для пеших прогулок. Днём картина действительно являла собой чудный уголок дикой природы, но в сей поздний час, глядя на отражение появившейся на небе луны и чернеющих вершин в кристально чистой воде с гор, подумалось, что это было далеко не лучшее место для экскурсий одиноких путников.
- Дорогая, произнёс Чарли, когда мы оказались рядом, присев на обросшем мхом камне, похоже, рыбалкой мне сегодня заниматься не придётся. Тебе не кажется, что здесь несколько мрачновато?
  - О, да, дорогой, только-то и смогла я вымолвить, дрожа всем телом.
- Мы не станем здесь долго задерживаться вот только слегка передохнём и пустимся в обратный путь. Впрочем, погоди. Ты ведь вся дрожишь! Тебе холодно?
- Нет, ничего, ответила я ему, стараясь придать бодрости своему голосу, мне совсем не холодно, лишь немного страшно. Что, признаюсь, весьма глупо с моей стороны.
- Вовсе нет, прошептал мой жених. У меня у самого появилось какое-то непонятное ощущение. Шум, который издаёт в этом месте вода, странным образом напоминает мне клокотание крови в горле умирающего.
  - О, Чарли, прошу тебя, сейчас же замолчи! Ты меня насмерть напугал.
- Давай не будем предаваться мрачным мыслям, засмеялся Чарли в ответ, пытаясь подбодрить меня, и поскорее отправимся прочь из этого зловещего места, и... Взгляни вон туда... Видишь? Боже милостивый, что это там такое?!

Чарли даже отшатнулся. Глаза его были устремлены на противоположный крутой берег ручья, а лицо страшно побледнело.

Я уже упоминала о том, что наполненная водой каменная чаша, подле которой мы остановились, располагалась у хаотичного нагромождения скальных глыб. На вершине самой высокой из них — примерно в шестидесяти футах над нашими головами — возвышался тёмный силуэт человека большого роста, который, как нам показалось, смотрел вниз, прямо на нас.

Уже взошедшая к этому времени луна ярко освещала вершину утёса, и угловатовытянутые контуры одежды незнакомца были чётко очерчены и хорошо различимы в её серебристых лучах.

Во внезапном и бесшумном появлении этого одинокого странника было что-то колдовское, и фантастичность пейзажа лишь усиливала это впечатление. Меня вдруг охватил безумный страх. Не в силах проронить и слова, я изо всех сил вцепилась в руку Чарли, устремив полный ужаса взгляд на темнеющую вверху над нами фигуру.

- Эй, вы там, наверху! закричал Чарли, у которого ужас уступил место гневу. Кто вы, и что вы там, чорт подери, делаете?
  - Я так и думал, так я и думал... забормотал человек, наблюдавший за нами сверху. Ещё секунда и на вершине утёса уже никого не было.

По грохоту падающих камней мы поняли, что он спускается вниз. Через некоторое время таинственный незнакомец появился на берегу ручья прямо напротив нас.

Надо сказать, что с более близкого расстояния фантастичность облика этого человека производила ещё большее впечатление. Луна полностью осветила фигуру незнакомца, позволяя разглядеть его худое, сильно вытянутое и какой-то мертвенной белизны лицо, резко контрастировавшее с ярко-зелёным галстуком. Сразу бросился в глаза спускавшийся к углу рта шрам на щеке, из-за которого и без того неправильные черты лица создавали впечатление уродливой гримасы. Это было особенно заметно, когда он пытался улыбнуться.

Рюкзак за плечами и массивная палка в руке указывали на то, что перед нами стоял путешественник. Вместе с тем та привычная лёгкость, с которой незнакомец снял шляпу при виде дамы, не могла не выдать в нём вполне светского человека.

Что-то в его угловатой фигуре, почти бескровном лице и хлопающей по плечам чёрной накидке странным образом напомнило мне ту диковинную летучую мышь-вампира, которую Джек Дейсби привёз с собой из Японии, и она потом долго наводила ужас на жителей Тойнби во время богослужений в местном храме.

- Прошу великодушно простить меня за такое вот вторжение, произнёс чужестранец с едва заметным акцентом, который, впрочем, придавал его голосу какой-то особый шарм. Счастливый случай свёл меня с вами. Иначе мне пришлось бы заночевать прямо тут, среди этих песчаных равнин, под открытым небом.
- Откуда вас чорт принёс, дружище? воскликнул Чарли. Вы что же, не могли никак предупредить о своём присутствии, окликнуть что ли? Вы, сударь, просто насмерть напугали мисс Андервуд, когда вот так внезапно возникли перед нами.

Незнакомец вновь слегка приподнял над головой шляпу – как бы в знак раскаяния и принося мне свои извинения за причинённые переживания.

- Я шведский дворянин, продолжил наш визави голосом, в котором угадывался какойто необычный акцент, и в настоящее время совершаю пешее путешествие по вашей прекрасной стране. Позвольте представиться. Меня зовут Октавиус Гастер. По профессии я врач. В свою очередь, я хотел бы, если позволите, узнать у вас, где можно найти место для ночлега и как мне лучше выбраться из этих весьма глухих мест. Здешние песчаные равнины, надо признаться, оказались гораздо обширнее по территории, чем я предполагал.
- Считайте, вам ещё здорово повезло, что вы нас здесь повстречали. Выбраться отсюда совсем непросто.
  - И я того же мнения, подтвердил одинокий путник.
- Иногда в здешних местах находят мёртвые тела чужестранцев, продолжил Чарли. Путешественники легко сбиваются с пути и кружат, кружат по ландам до тех пор, пока не падают замертво от усталости...
- Ха-ха! громко рассмеялся шведский доктор. Ну, знаете, уж во всяком случае не мне суждено погибнуть от голода и усталости на песчаных равнинах Англии после всего, что мне довелось испытать и пережить во время плавания от мыса Кабо-Бланко до Канарских островов на лодке, блуждавшей в океане по воле волн и ветра. И всё же, в какую сторону мне следует итти, чтобы найти пристанище на ночь?

Чарли – самый гостеприимный хозяин из всех, кого я знаю, – с готовностью откликнулся на слова незнакомца:

- Послушайте, уважаемый, в радиусе многих миль отсюда нет ни одного постоялого двора. А вы, надо полагать, провели весь день на ногах, проделав немалый путь, и посему я предлагаю присоединиться к нам и вместе вернуться в дом. Мой отец отставной полковник будет рад с вами познакомиться и предложить ночлег.
- Не знаю, как и благодарить вас за доброту, сударь, поспешно ответил наш собеседник. Будьте уверены, что, когда вернусь к себе в Швецию, непременно буду долго и с большим удовольствием рассказывать об англичанах и их замечательном гостеприимстве.
- Не стоит благодарности, воскликнул Чарли. В дорогу! Мы отправляемся в обратный путь прямо сейчас: бедная мисс Андервуд вся продрогла. Лотти, дорогая, получше обмотайте шаль вокруг шейки, через несколько минут мы уже будем дома.

Мы шли молча, спотыкаясь почти на каждом шагу и стараясь не сбиваться с извилистой и неровной тропинки. При этом мы то теряли её из вида, когда на яркий диск луны набегало

облако, то вновь обретали её в нескольких десятках метров впереди, когда луна выходила изза туч.

Незнакомец, казалось, был всецело погружён в свои мысли, но раз или два у меня появлялось ощущение, что, шагая рядом, он пристально вглядывается, пытаясь рассмотреть меня в темноте сгустившихся сумерек.

Наконец заговорил Чарли, прервав затянувшееся молчание:

- Итак, вы рассказали нам, что плыли на борту судна, потерявшего управление в открытом море.
- О, да, откликнулся наш попутчик, и мне довелось увидеть немало, доложу вам, престранных вещей. Я подвергался большим опасностям, но, как видите, уцелел. Однако все эти истории не для слуха юной дамы. Сегодня вечером она уже один раз была напугана.
- О, теперь вы можете не опасаться, что испугаете меня во второй раз, заявила я, крепче сжав руку Чарли.
- По сути дела, мне мало что есть рассказать вам об этой грустной истории. Я со своим другом Карлом Осгудом из Упсалы отправился к берегам Мавритании, где мы решили заняться торговлей. Мало кто из белых людей бывал в краю чернокожих кочевников-мавров, населяющих мыс Кабо-Бланко. Мы с другом решились и, должен вам сказать, в течение нескольких месяцев совсем неплохо жили среди темнокожих, продавая им свой товар. За это время нам удалось накопить немалый запас слоновой кости и золота.

Надо заметить, что этот самый Кабо-Бланко не совсем обычное место. Там нет ни дерева, ни камня, и свои хижины местные жители сооружают из водорослей и морских растений.

В самом конце нашего пребывания, когда мы с другом решили, что накопили уже достаточно богатств, дабы спокойно отплыть домой, чернокожие кочевники решили убить нас и однажды ночью напали на нашу хижину. Мы вовремя заметили нападавших и сумели бегом добраться до берега, спустить на воду лодку и отплыть подальше, оставив на берегу всё нажитое за месяцы торговли. Мавританцы бросились, было, в погоню, но в ночной темноте потеряли нас из виду. Когда на следующее утро взошло солнце, земли нигде не было видно.

Поскольку самой близкой от нас обитаемой сушей, где мы могли найти съестное, были Канарские острова, то мы с другом и начали грести в этом направлении. Когда наша лодка наконец пристала к берегу, я был едва живой и лежал в ней весьма слабый телом и рассудком. Бедный же Карл умер накануне того дня, когда острова появились на горизонте. Я ведь его предупреждал. Мне не в чем упрекнуть себя во всей этой истории.

«Карл, – твердил я ему, – поймите же: если вы их съедите, то силы, которые приобретёте в результате, будут несоизмеримо меньше, чем те, которых лишитесь из-за потери крови».

В ответ он только смеялся. И вот как-то, улучив минуту, мой друг выхватил нож, который был у меня заткнут за пояс, отрезал их и съел.

- Вот вы говорите: он их съел. Что именно? спросил Чарли.
- Свои уши, сэр.

На бледном лице незнакомца не было и тени улыбки, позволившей бы отнестись к сказанному как к шутке.

- У вас это, кажется, называется *горячая голова*, *сумасброд*, продолжил наш попутчик. Между тем Карл хорошо понимал, что не должен был так поступать. Ему следовало употребить всю свою волю. И он бы остался жить. Ведь я же выжил!
- И вы полагаете, что простым усилием воли человек способен предотвратить собственную смерть от голода? спросил Чарли.
  - Благодаря воле всё становится возможным, ответил ему Октавиус Гастер.

И вновь наступило молчание, которое мы хранили весь остаток пути до дома.

Наше продолжительное отсутствие вызвало у домашних немалую тревогу. Джек Дейсби вместе с Тревором, другом Чарли, уже собирался выходить на поиски. Поэтому, когда мы появились на пороге, все очень обрадовались нашему благополучному возвращению, но, увидев нашего спутника, его мертвенно-бледное лицо, разинули рты от изумления.

– Где, чорт возьми, вы подобрали этот бродячий труп? У него ведь лицо мертвеца! – стал выспрашивать у Чарли Джек, увлекая его за собой в курительную комнату.

- Ты не можешь говорить тише?! недовольно отозвался Чарли. Ведь он тут рядом и может нас услышать. Это доктор из Швеции. И вообще, я нахожу, что он славный парень: плыл один по морю на лодке уж не помню откуда и куда и остался цел и невредим. Знаешь, я предложил ему заночевать у нас.
- Послушай, Чарли, негромко произнёс Джек, одно могу сказать тебе наверняка: с таким лицом состояния не наживёшь.
- Ха-ха-ха! Хорошо сказано! Просто замечательно! громко рассмеялся при входе в гостиную тот, о ком только что шептались двое друзей, чем вверг нашего мореплавателя в немалое смущение. Да, друг мой, как вы только что совершенно справедливо изволили заметить, в этой стране мне богатств скопить не суждено.

При этом наш гость засмеялся, но из-за тонкого шрама, змейкой разрезавшего уголки губ, при взгляде на него казалось, что видишь перед собой не лицо, а как бы его отражение в треснувшем зеркале.

 Предлагаю вам, сударь, пройти наверх и привести себя в порядок с дороги. Могу, если пожелаете, предложить вам домашние тапочки.
 Всё это Чарли говорил на ходу, подталкивая гостя к выходу из гостиной, чтобы как-то поскорее сгладить возникшую неловкость.

Полковник Пиллар был само гостеприимство. Он принял доктора Гастера так, как обычно принимают старого друга семьи, с тем же почтением и радушием.

– Располагайтесь, сударь, прошу вас, и чувствуйте себя как дома. И можете оставаться у нас столько, сколько сами пожелаете. Мы, знаете ли, живём здесь достаточно уединённо, в удалении от внешнего мира, поэтому гости для нас – всегда радостное событие.

Матушка моя вела себя куда более сдержанно. Обратившись ко мне, она сказала примерно следующее:

— Этот молодой человек, Лотти, бесспорно, очень хорошо воспитан. Единственное, что ему можно было бы пожелать, — это избавиться от неприятного немигающего взгляда. Мне никогда не нравились люди с такими глазами. И вообще, дорогая, скажу тебе определённо: накопленный жизненный опыт позволяет мне сделать один очень важный вывод: наружность для мужчины не имеет особого значения, гораздо важнее его поступки.

Высказав эту столь же новую, сколь и необыкновенно оригинальную мысль, матушка поцеловала меня, оставив наедине со своими раздумьями.

Следовало признать, что при всей своей отталкивающей наружности доктор Октавиус Гастер имел в обществе полный успех. На следующий день он сумел так расположить к себе всех домочадцев, что буквально слился с обитателями Тойнби-Холла, и полковник и слышать не желал о его отъезде. Все были восхищены глубиной и разнообразием познаний, коими владел этот человек. Ветерану крымской кампании он мог, к примеру, рассказать о ней много такого, о чём тот и не догадывался. Моряку доктор-швед сообщил подробные сведения о прибрежной зоне японских островов. С моим женихом, заядлым спортсменом, гость завёл беседу о гребле и при этом углубился в такие детали и обнаружил столь недюжинные познания в данной области, что бедный Чарли довольно быстро спасовал и был вынужден оставить эту тему.

При всём том следует отметить, что доктор Гастер был настолько скромен и деликатен в беседе, неизменно оставался столь внимателен и почтителен к собеседнику, что никто из тех, кого он превзошёл в их же собственном хобби, не таил на него ни малейшей обиды. Во всех его словах и действиях чувствовалось присутствие некой незримой силы, спокойной уверенности в себе. Всё это весьма впечатляло окружающих. В качестве примера приведу один случай, который на всех нас произвёл неизгладимое впечатление.

Тревор держал свирепого бульдога. Пёс очень любил хозяина, но любого из нас, кто позволял себе с собакой излишние вольности, ожидал предостерегающий оскал зубов. Нетрудно догадаться, что пёс был на плохом счету у хозяев, но поскольку гостивший студент им очень дорожил и изрядно гордился, было решено, — чтобы не прятать псину совсем уж с глаз долой, — соорудить на конюшне просторную будку и запереть его там. С того самого часа, как гость появился у нас дома, пёс проникся к нему самой глубокой и нескрываемой антипатией. Едва завидев доктора Гастера, бульдог обнажал грозные клыки и начинал раздражённо рычать. На следующий день после прибытия Гастера, когда мы всей компанией проходили мимо конюшни, внимание доктора привлекло доносившееся оттуда злое рычание.

- Это, должно быть, ваша собака, господин Тревор, не так ли? поинтересовался иностранец.
  - Да, это Таузер, подтвердил Тревор.
- Бульдог, если не ошибаюсь. Эта собака на континенте считается типично английской породой.
  - Верно, к тому же он чистокровный, не без гордости уточнил хозяин пса.
- Бульдоги, как известно, весьма и весьма некрасивые создания. Послушайте, господин Тревор, а не спустить ли вам его с цепи, чтоб мы могли получше рассмотреть вашу собаку при свете дня? Обидно ведь держать взаперти такое сильное, полное жизни животное?!
- Заметьте, он кусается, ответил ему Тревор не без лукавства. Но вы, надо полагать, собак не боитесь, господин Гастер?
  - Отчего мне их бояться?

Когда Тревор принялся отпирать ворота конюшни, откровенное лукавство читалось на его лице. Чарли в свою очередь начал, было, говорить, будто шутка зашла слишком далеко и что надо бы вовремя остановиться, но наших слов, сказанных в ответ, оказалось уже неслышно из-за громкого рыка, доносившегося из глубины конюшни.

Все мы, кроме Октавиуса Гастера, быстро попятились, удалившись от конюшни на безопасное расстояние, а он так и остался стоять у порога. Его бледное лицо не выражало ничего, кроме снисходительного любопытства.

- Те две точки, что горят в темноте, это его глаза? спросил он.
- Да, ответил студент, нагнувшись и отстёгивая ошейник.
- Ко мне! скомандовал Гастер.

И тут внезапно грозное рычание сменилось долгим и протяжным жалобным воем. Вместо того, чтобы сделать яростный прыжок – как все ожидали – пёс начал с шумом зарываться в солому, словно стараясь подальше спрятаться.

- Что, чорт подери, с ним случилось? в недоумении воскликнул Тревор.
- Ко мне! повторно скомандовал Гастер сухим и каким-то металлическим голосом, в котором отчётливо слышны были властные нотки, иди сюда!

К нашему немалому удивлению пёс, семеня лапами, выбежал из ворот конюшни и уселся у ног Гастера. Собака, которая предстала нашему взору, менее всего походила на того злобного пса-бойца Таузера, каким мы все его знали. С обвисшими ушами и поджатым хвостом некогда отважный пёс являл собой наиболее полную картину собачьего унижения.

– Хорошая собака, но уж очень смирная, – заметил швед, поглаживая пса по спине. – Ну, а теперь, господин хороший, изволь итти к себе на место!

Повинуясь команде, Таузер развернулся и побрёл обратно в свою конуру. Нам было слышно, как загремела цепь, когда Тревор снова пристёгивал её к ошейнику. Через пару секунд Тревор показался в воротах конюшни, и из пальца у него капала кровь.

– Чортова псина! – ругнулся хозяин Таузера. – Не могу понять, что на него нашло. Он у меня уже три года и ни разу не укусил.

В эту минуту мне показалось, – может быть, только показалось, – будто тонкий шрам на лице нашего загадочного гостя вдруг судорожно сжался – верный признак того, что Гастера разбирает смех. Возвращаясь вновь к своим воспоминаниям тех дней, я начинаю понимать, что именно с этой минуты у меня появилось смутное чувство страха и я начала питать к нашему постояльцу какое-то необъяснимое, непередаваемое отвращение.

IV

Одна неделя сменяла другую, приближая день нашей свадьбы. Октавиус Гастер всё ещё гостил в Тойнби-Холле. Он сумел настолько прочно завоевать расположение хозяина дома, что старый солдат недоверчивым смехом встречал любой намёк на возможный отъезд гостя.

– Вы к нам пожаловали в гости, сударь, и можете оставаться жить у нас, сколько душе заблагорассудится.

Но наш иностранный гость лишь улыбался, пожимая плечами и произнося какие-то

слова о прелестях Девоншира, из-за чего настроение у полковника поднималось на весь оставшийся день. Мы с моим возлюбленным были слишком поглощены друг другом, чтобы обращать внимание на то, чем занимается и как проводит свои дни наш шведский гость.

Иногда нам случалось встретить его в лесу во время прогулки. При этом мы неизменно заставали его в самых уединённых местах за чтением каких-то книг. Завидев нас, этот непостижимый человек непременно прятал книгу в карман. Я припоминаю, как однажды мы столь внезапно на него наткнулись, что он не успел убрать книгу, и она так и осталась лежать открытой.

- А, это вы, Гастер! засмеялся Чарли. Всё трудитесь, что-то изучаете... Вид у вас, простите, эдакого замшелого учёного! А что это у вас за книга в руках? А, вижу! На иностранном языке. Надо полагать, на шведском?
  - Вовсе нет. На арабском.
  - Не хотите ли вы сказать, что знаете арабский?
  - Знаю и, смею заверить, весьма неплохо.

Перелистывая страницы тронутого плесенью ветхого томика, я спросила, о чём повествует эта книга.

- Уверяю вас, мисс Андервуд, в ней вы не найдёте ничего, что могло бы заинтересовать столь юную и привлекательную особу, ответил Гастер, бросив на меня тот странный взгляд, который с недавних пор появлялся у него всё чаще, когда он смотрел на меня. Книга эта о тех временах, когда дух был сильнее того, что все мы сейчас именуем материей. В ту, теперь далёкую, пору сильные духом великие умы, способные существовать и без грубой как у всех нас бренных телесной оболочки, могли усилием воли придавать любому предмету желаемую форму.
- А, теперь всё ясно! Очередные истории про привидения. Ну, сэр, желаю вам успехов на ниве науки. Не станем больше отрывать вас от учёбы и полезных занятий, – попрощался Чарли.

Однако, через полчаса после нашего с ним расставания, мне привидилось, что за одним из деревьев вновь мелькнул знакомый силуэт. Вполне возможно, это было всего лишь плодом моего воображения.

Тем не менее, я сразу же сказала об этом своему жениху, но он рассмеялся и отверг моё предположение как нелепое.

 $\mathbf{V}$

Я уже говорила, что в последнее время Гастер стал как-то поособому на меня смотреть. В такие моменты взгляд его терял свой обычный и холодный стальной блеск, приобретая теплоту и человечность. Каким-то странным, необъяснимым образом этот человек влиял на меня, поскольку я всегда — даже не поднимая глаз — могла безошибочно определить, что его взгляд устремлён на меня. Я пыталась объяснить происходившее со мной неожиданным расстройством нервов или собственной мнительностью, но матушка враз развеяла все мои предположения и догадки на сей счёт.

Как-то вечером перед сном она заглянула ко мне в спальню и, плотно прикрыв за собой дверь, сказала примерно следующее:

- A знаешь, дорогая, хоть это и может показаться тебе невероятным и даже абсурдным, сдаётся мне, что этот швед безумно в тебя влюблён.
- Глупости всё это, маменька, прошептала я в ответ, и в ужасе от подобного предположения едва не выронила подсвечник, который держала в руках.
- А вот я, Лотти, этому верю, продолжила матушка. То, как он смотрит на тебя ну, точь-в-точь твой покойный папенька Царствие ему Небесное! накануне нашей свадьбы. Мне напомнило это, как всё у нас с ним было, понимаешь? и она печально замолкла, погрузившись в свои воспоминания.
- Вот что я вам скажу, маменька: ложитесь-ка лучше пораньше спать и гоните прочь подобные мысли! Поймите, этот несчастный доктор Гастер не хуже вас знает, что я обручена.

– Время покажет, – с этими словами матушка вышла из комнаты.

Я легла в постель, а в ушах всё звучали её слова. Может, конечно, показаться необычным, что в ту самую ночь я вдруг проснулась от пробежавшей по телу лёгкой дрожи, к которой с некоторых пор я уже стала привыкать. Стараясь не шуметь, я встала, подошла к окну и посмотрела сквозь жалюзи вниз, в темноту парка. На гравиевой дорожке аллеи чётко виделась вампирического вида нескладная фигура нашего постояльца-шведа. Мне показалось, что он не отрываясь смотрит на освещённое луною окно моей спальни. Должно быть, он заметил движение за жалюзи, закурил сигарету и зашагал вглубь парка прочь от дома. На следующий день за обедом я обратила внимание на то, что он как бы между прочим заговорил о том, что плохо спал прошлой ночью и, чтобы успокоить нервы, решил немного прогуляться и покурить на воздухе.

Попробовав спокойно разобраться в создавшемся положении, я пришла к неутешительному выводу, что неприязнь, которую я питала к этому человеку, была основана на весьма личных и потому необъективных ощущениях, и что, стало быть, мои опасения бездоказательны.

И в самом деле, – говорила я себе, пытаясь рассуждать здраво, – у мужчины может быть неординарное лицо, он может интересоваться разного рода литературными премудростями и даже получать удовольствие от созерцания очаровательного юного создания, и во всём этом, разумеется, нет ничего предосудительного.

Об этом я сейчас упоминаю не случайно. Мне хотелось бы, чтоб у читателя не возникло сомнений по поводу моей тогдашней полной беспристрастности и отсутствия каких-либо предвзятых суждений в отношении Октавиуса Гастера.

VI

- A что, если нам сегодня всей компанией отправиться на пикник? предложил как-то утром лейтенант Дейсби.
  - Чудесно! в один голос закричали все мы.
- Скоро Дейсби нужно возвращаться на свой корабль, уедет и Тревор. Поэтому мы должны успеть в оставшиеся дни на славу повеселиться.
  - Что вы подразумеваете, когда говорите пикник? поинтересовался доктор Гастер.
- Это ещё одна британская традиция, с которой вам следует познакомиться поближе. А в переводе это слово означает *загородная прогулка*.
  - Вот теперь понятно, одобрил наш шведский гость. Это, должно быть, очень весело.
- В округе наберётся с полдюжины мест, куда мы могли бы отправиться, продолжал лейтенант. Водопад влюблённых, Чёрная гора, аббатство Бир-Феррис.
- Последнее наиболее подходящее, высказал своё мнение Чарли. Лучшего пейзажа, чем старинные развалины, для пикника, пожалуй, не найти.
  - Ну, что же, можно и там. И далеко итти до этого аббатства?
  - Шесть миль, ответил Тревор.
- Семь, если по дороге, с военной точностью подсчитал полковник. Мы с госпожой Андервуд остаёмся дома. А вы, молодёжь, вполне уместитесь в двуколке и будете друг друга опекать в дороге.

Hет нужды говорить, что предложение уважаемого ветерана было принято без малейших возражений.

- Итак, друзья, обратился к нам Чарли, я тут пока займусь упряжью, подготовлю лошадь и повозку. На это уйдёт полчаса, а вы, не теряя зря времени, готовьте всё необходимое для привала: рыбу, салаты, крутые яйца. Захватите что-нибудь попить. Ворох дел, и надо ничего не забыть. Напитки я беру на себя. А вы, Лотти, какую работу себе избрали?
  - Пожалуй, займусь посудой.
  - Пойду принесу рыбу, объявил Дейсби.
  - Я буду готовить овощи, сообщила Фан.
  - А вы, Гастер, чем намерены помочь? обратился к нашему гостю Чарли.

- Даже и не знаю, ответил тот своим немного певучим голосом. Мне, похоже, не из чего выбирать: все роли уже распределены. Однако, если позволите, я с удовольствием помогу дамам. Могу приготовить то, что у вас принято называть салатом.
- Думаю, со вторым заданием вы справитесь намного успешнее, нежели с первым, сказала я, громко рассмеявшись.
- Что вы хотите этим сказать? резко обернувшись, воскликнул швед, глядя на меня в упор. Его лицо покраснело до самых корней льняных волос. Ну, что же, ха! ха! Пусть будет так. И, через силу смеясь, он быстро вышел из комнаты.
- Зачем вы так с ним, Лотти? в голосе Чарли слышался упрёк. Ведь вы задели мужское достоинство нашего гостя.
  - Я не нарочно. Если хотите, я пойду и скажу ему об этом.
- Не стоит беспокоиться, вмешался в наш разговор Дейсби. С подобной физиономией ему, право же, не следует быть столь легкоранимым. Не из-за чего так волноваться. Вот увидите он быстро утешится.

А ведь я сказала чистую правду: у меня и в мыслях не было обидеть этого чудака. И я на себя немного злилась за то, что невольно задела его самолюбие.

Все остальные ещё не успели управиться со своими обязанностями, а я уже закончила укладывать в чемодан тарелки, миски, вилки и ножи. Был самый подходящий момент извиниться за свою неудачную шутку. Не сказав никому ни слова, я потихоньку выскользнула из холла и быстро пошла по коридору в сторону комнаты нашего гостя. То ли шла я очень тихо, то ли шаги мои заглушали роскошные ковры, покрывавшие полы в Тойнби-Холле, но доктор ничего не услышал, когда я подошла к его комнате. Дверь была распахнута настежь, и в глубине комнаты я увидела Гастера. Что-то в его поведении меня настолько насторожило, что я остановилась как вкопанная, сама испугавшись собственного удивления. В руках он держал какую-то небольшую вырезку из газеты и с увлечением читал её. Чтение забавляло его безмерно. Было что-то ужасное в этом веселье: всё его тело конвульсивно содрогалось, а с губ при этом не слетало ни единого звука. Мне было хорошо его видно, так как он стоял в полоборота ко входной двери, и никогда прежде мне не доводилось наблюдать на его лице подобное выражение. Смело скажу: сравнение с радостью, какую может испытывать дикарь, истязающий свою жертву, мне большим преувеличением не покажется.

В ту минуту, когда я уже почти оправилась от неприятного изумления и была готова постучать, его в последний раз сотрясла судорога дикарского веселья, и листок бумаги был брошен на стол.

Сам Гастер поспешно вышел через другую дверь, которая через вестибюль вела в залу для игры в бильярд.

Услышав звук удаляющихся шагов, я ещё раз окинула взглядом комнату. Мне было интересно узнать, что же могло вызвать столь безумный взрыв веселья у такого серьёзного человека, как Гастер. Не иначе как какой-нибудь шедевр в области юмора. Найдётся ли на этом свете женщина, у которой жизненные принципы оказались бы сильнее природного любопытства? Внимательно оглядевшись и убедившись, что в коридоре никого нет, я проскользнула в комнату и взяла со стола бумажку. То была вырезка из какой-то старой английской газеты, читанная-перечитанная и местами затёртая до дыр. Сам текст заметки, насколько я могу судить, не содержал в себе ничего смешного.

Попробую процитировать его по памяти:

СКОРОПОСТИЖНАЯ КОНЧИНА КАПИТАНА ШВЕДСКОГО СУДНА

Во второй половине дня, во вторник, в своей каюте был найден мёртвым капитан парохода «Ольга». Судно приписано к порту Тромсберг и в момент происшествия стояло пришвартованным в доке. Как стало известно, у покойного был буйный нрав, и у него часто случались ссоры с судовым врачом. В день смерти капитан был чем-то особенно разъярён и во всеуслышанье заявил, что его судовой доктор – некромант и поклонник дьявола. Несчастный пытался спастись от очередной вспышки гнева капитана, спрятавшись на палубе. Вскоре стюард, проникнув в капитанскую каюту, обнаружил

своего хозяина бездыханным на столе. Смерть приписывают болезни сердца, ускоренной вспышкой чрезмерного гнева. Начато полицейское расследование инцидента.

Таково было содержание газетной заметки, столь развеселившей нашего странного гостя. Выйдя из комнаты, я заспешила вниз. К моему недоумению примешивалось и некоторое отвращение. Однако у меня хватило ума и здравого смысла, чтобы мрачные предположения, которые впоследствии будут не раз приходить мне в голову, не завладели мной в ту минуту. Я рассматривала этого человека как своего рода ходячую тайну, вызывающую одновременно и любопытство, и отвращение, но не более того.

Когда я вновь увидела Гастера на пикнике, мне показалось, что ещё недавно произнесённые обидные слова, улетучились у него из памяти, не оставив и следа. Он снова был привычно со всеми любезен и приветлив. Приготовленный его стараниями салат был единодушно провозглашён шедевром кулинарного искусства. Гастер спел нам несколько красивых шведских песен и баллад, рассказал немало историй и приключений, собранных со всего света. Слушая его, мы то смеялись до слёз, то содрогались от страха. После обеда разговор как-то сам собой перешёл на тему, судя по всему, очень ему близкую. Теперь я и не вспомню, кто из нас первым заговорил тогда о сверхъестественном. Кажется, это был Тревор, поведавший нам о своём очередном розыгрыше, имевшем место в Кембридже. Рассказ Тревора произвёл весьма странное впечатление на Октавиуса Гастера. Размахивая руками, он произнёс пламенную речь в защиту сверхъестественного, попутно высмеивая людей, у которых хватает смелости сомневаться в существовании незримых сил.

- Пусть скажет мне любой из вас, закричал, вскочив в возбуждении с места, наш светловласый швед, обмануло ли его когда-нибудь то, что вами зовётся инстинктом? Именно инстинкт указывает птице ту единственную скалу в безбрежном море, на которой ей надо свить себе гнездо, чтобы отложить яйца. Разве инстинкт её когда-нибудь подводил? С наступлением зимы все ласточки улетают на юг, опять-таки безошибочно повинуясь инстинкту. Этот же самый инстинкт сообщает нам, что не видимые нам духи кишмя кишат среди смертных. И этот инстинкт, благодаря которому малое дитя постигает сей мир и благодаря которому на земле выживает даже самая дикая и неразумная раса, он, хотите вы сказать, ошибается? Разве, спрашиваю, он нас когда-нибудь подводил? Никогда говорю я вам.
  - Продолжайте, Гастер, попросил Чарли.
- Попутного ветра, но поверните на другой галс, прокомментировал тираду Гастера наш бравый моряк.

Гастер пропустил его замечание мимо ушей. Увлечённый своими мыслями он продолжал:

- Как известно, материя существует отдельно от духа. Так почему же дух не может существовать отдельно от материи?
  - С этим я согласен, отозвался Дейсби.
- Разве у нас не имеется тому достаточно доказательств?! не унимался доктор Гастер. Глаза его блестели от возбуждения. Кто посмеет в этом усомниться, прочитав книгу Штейнберга о духах или трактат выдающейся американки миссис Кроу? Разве Густав фон Шпее не встретил своего брата Леопольда на улицах Страсбурга? Того самого, кто за три месяца до этой встречи утонул в водах Тихого океана? А спирит Хоум! Разве он не парил над крышами Парижа среди бела дня?! А кто из нас не слышал вокруг себя голоса давно умерших? Взять вот хотя бы меня самого...

Тут Гастер запнулся.

- Да! И что же вы сами? хором спросили все собравшиеся, с нетерпением ожидая продолжения.
- Это, пожалуй, к делу уже не относится, тихо ответил Гастер, приложив ко лбу ладонь и сделав над собой заметное усилие, чтобы успокоиться. Думаю, что эта немного грустная тема не вполне уместна в данных обстоятельствах.

И несмотря на все наши старания, нам так и не удалось вытянуть из Гастера ни слова о том, что же такого сверхъестественного приключилось с ним. Мы очень весело провели день.

Близкое расставание побуждало каждого прикладывать все силы, дабы поддержать общее веселье. Все прекрасно понимали, что после окончания состязаний по стрельбе Джек отправится на свой корабль, а Тревор вернётся в Кембридж. Что же касается до нас с Чарли, то к тому времени мы уже обустроимся и начнём жить как и полагается благовоспитанной и солидной супружеской паре. Предстоящий турнир был центральной темой всех наших разговоров. Надо отметить, что стрельба вообще всегда была излюбленным занятием моего жениха. Он состоял капитаном роты волонтёров Девоншира, сформированной в Роуборо и слывшей на всё графство сильнейшей по числу первоклассных стрелков. В качестве соперника по состязаниям выступала элитная часть регулярных войск из Плимута. Обе команды считались примерно равными по силе, и исход стрельб предугадать было весьма сложно. Само собой, Чарли рассчитывал только на победу и мог часами бурно обсуждать шансы обеих команд.

– Стрельбище расположено всего в миле от Тойнби-Холла. Мы поедем туда на двуколке все вместе, и вы своими глазами увидите, на что мы способны, – громко объявил друзьям мой жених. И добавил вполголоса, наклонив ко мне голову: – Я уверен, дорогая Лотти, вы принесёте мне удачу.

О, бедный мой возлюбленный, потерянный для меня навсегда! Когда я только подумаю о том, что на самом я тебе деле принесла... Тёмная туча омрачала радость того счастливого дня – невозможно было более скрывать от самой себя справедливость матушкиных опасений: свалившийся нам на голову иностранец, вне всякого сомнения, пылал ко мне любовью. На протяжении всей нашей вылазки на природу он оказывал мне всяческие знаки внимания, постоянно находился рядом, не сводя с меня глаз. Весь день я была как на иголках. Хорошо зная вспыльчивый нрав своего жениха, я боялась, что он может что-то заподозрить. Однако мысль о подобном коварстве, видимо, и в голову не могла прийти Чарли. Лишь однажды, когда швед начал чересчур настойчиво предлагать свою помощь, пытаясь взять у меня из рук бокалы, с которыми я шла к столу, на приветливом лице Чарли появилось удивление, которое тут же сменилось доброй улыбкой, поскольку он, вероятно, объяснил себе излишнюю обходительность Гастера желанием быть предупредительным с дамой. Что касается моих чувств, то я к незадачливому иностранцу испытывала лишь жалость и глубоко сожалела, что явилась для него причиной и объектом неразделённой любви. При этом я сознавала, что для такого диковатого и необузданного человека, как он, было настоящей пыткой скрывать бушующую внутри страсть, сохраняя облик благопристойности и собственного достоинства. Увы! я строила себе иллюзии на счёт добропорядочности этого человека, но в том, что у него на самом деле нет моральных устоев, я смогла достаточно скоро убедиться.

В самой глубине сада вся увитая плющом и в зарослях жимолости стояла беседка излюбленное место наших с Чарли уединений. Это место нам было дорого вдвойне, поскольку в мой первый приезд именно тут мы с Чарли впервые признались друг другу в любви. На следующий после загородной прогулки день, я, когда кончился ужин, как обычно неспешно направилась к беседке, где собиралась подождать Чарли, который докуривал сигару в компании молодых людей из числа наших гостей и вскоре должен был ко мне присоединиться. В тот вечер мне показалось, что он задерживается дольше обычного. Я с нетерпением ждала его прихода и поминутно вставала и выходила на порог, всматриваясь в заросли сада и пытаясь увидеть, не идёт ли мой любимый. И вот, когда я в очередной раз присела на скамейку после тщетных попыток увидеть Чарли, на гравиевой дорожке послышался шум приближающихся шагов и из гущи зарослей выплыла мужская фигура. С радостной улыбкой я бросилась навстречу, но улыбка тотчас исчезла, уступив место сначала удивлению, а затем и испугу, когда я, увидев бледное лицо Октавиуса Гастера, неотрывно смотревшего мне прямо в глаза, поняла, кто стоит передо мной. Его поведение и то, как он держал себя, непременно зародило бы подозрение у любого, окажись он на моём месте. Вместо того, чтобы поприветствовать меня, он вдруг начал озираться по сторонам, как бы желая удостовериться, что мы одни. Затем он крадучись проник в беседку и сел на стул, оказавшись между мной и выходом.

- Не бойтесь, сказал он, заметив моё смятение. Вам совершенно нечего опасаться. Я сюда пришёл, чтобы поговорить с вами, прелестная Шарлотта.
  - Вы встретили господина Пиллара? в свою очередь обратилась я к бесцеремонному

шведу, изо всех сил пытаясь придать твёрдости своему голосу.

- Вы хотите знать, видел ли я вашего Чарли? ответил вопросом на вопрос Гастер, сделав ударение на двух последних словах. Тон у него при этом был насмешливым. Вы так уж хотите его видеть? Послушай, крошка, разве никто, кроме Чарли, не имеет права с тобой поговорить?
  - Господин Гастер, не забывайтесь! бросила я в негодовании.
- Только и слышно кругом: Чарли, Чарли, продолжал нахальный швед, не обратив никакого внимания на моё замечание. Ну, видел я вашего Чарли и сказал ему, что вы ждёте его на берегу реки, и он тут же полетел туда на крыльях любви.
  - Зачем вы его обманули? возмутилась я, стараясь не терять при этом хладнокровия.
- А затем, чтобы увидеть вас, моя дорогая, чтобы иметь возможность поговорить с вами наедине. Неужели вы в самом деле так его любите? Разве слава, богатство и власть, безграничность которых трудно себе и представить, не в состоянии оторвать вас от того, с кем вас связывает пустяковый девичий каприз? Бежим со мной, Шарлотта, и у вас будет всё, что пожелаете, и даже более того! и в жесте страстной мольбы он распростёр надо мной свои длинные руки. Несмотря на своё состояние, я была изумлена их разительным сходством со щупальцами отвратительного ядовитого насекомого.
- Вы меня оскорбляете, господин Гастер! закричала я, вскочив в порыве гнева со скамейки. Имейте в виду, вы дорого заплатите за подобное поведение в отношении беззащитной девушки!
- Это вы только так говорите, крикнул он мне в ответ, а думаете я уверен иначе! Скажите, разве в вашем нежном сердце не найдётся немного места для самого несчастного из людей? Не надо более противиться выслушайте меня сначала.
  - Господин Гастер, позвольте мне пройти.
- Нет, я не выпущу вас отсюда до тех пор, пока не услышу, чем я могу завоевать вашу любовь и расположение!
- Как вы смеете так со мной разговаривать! в негодовании закричала я. В ту минуту весь мой страх куда-то пропал, сменившись возмущением. Прошу не забывать, что вы здесь гость моего будущего супруга. И запомните раз и навсегда, господин Гастер, единственное чувство, которое я к вам испытывала всё это время, было отвращение и презрение, а теперь вашими стараниями оно переросло в открытую ненависть. Так и знайте!
- Ах, вот как! прошипел он задыхающимся голосом, схватившись рукой за горло и с трудом выговаривая слова. Его сильно закачало из стороны в сторону. Значит, моя любовь ничего, кроме ненависти, не смогла у вас вызвать! Ах, да!! Теперь мне всё ясно, воскликнул Гастер, почти вплотную приблизив ко мне своё ужасное лицо. Я попыталась отодвинуться, уклониться от взгляда его остекленевших глаз. А он тем временем продолжал: Вот, оказывается, в чём дело! и с размаху ударил себя кулаком по шраму на лице.
- Я знаю, молоденьким девушкам не нравятся такие лица. Они предпочитают брюнетов с гладенькими личиками и вьющимися, как у Чарли, волосками! Влюбиться в этого безмозглого школяра, тупое животное, ничем, кроме спорта, не интере...
  - Дайте пройти! вскричала я, бросившись к выходу.
- Нет, я вас отсюда не выпущу слышите? не выпущу! прохрипел Гастер, отталкивая меня от дверного проёма.

Яростно сопротивляясь, я пыталась вырваться из его длинных рук, которые словно стальные клещи зажали меня и не выпускали из своих объятий.

Почувствовав, что силы покидают меня, я предприняла последнюю отчаянную попытку высвободиться из цепкого плена этих рук, когда какая-то неведомая сила вдруг оттащила от меня нападавшего и отшвырнула его на песчаную аллею сада. Я подняла глаза и увидела своего Чарли, чья широкоплечая атлетическая фигура появилась в дверях беседки.

- Бедняжка Лотти, прижав меня к груди, взволнованно воскликнул Чарли. Ты так напугана! Присядь, пожалуйста, вот здесь, в уголке. Опасность позади. Тебе больше ничто не угрожает. Подожди меня тут минутку, я мигом вернусь.
- Не покидайте меня, Чарли! Прошу вас. Не оставляйте меня здесь одну, взмолилась я, пытаясь его удержать. Но он остался глух к моим мольбам, резко повернулся и быстрым шагом вышел из беседки. С того места в углу беседки, куда меня пристроил Чарли, я не могла

видеть ни своего жениха, ни своего обидчика, но не пропустила ни единого слова из сказанного ими во время бурной словесной перепалки.

- Так вот почему вы направили меня по ложному пути! Боже, какая низость! я с трудом узнала в говорившем Чарли, так в одночасье изменился его голос.
- Вот почему, это отозвался врач-швед. Тон его при этом был чуть небрежным и безразличным.
- Это так-то вы отплатили нам за оказанное радушие и гостеприимство, подлый вы человек?!
  - Мы развлекались в вашей милой беседке, что в том предосудительного?
- Mы...! Да как вы смеете говорить такое! Пока вы находитесь в моём доме, я очень не хотел бы поднимать на вас руку, но видит Бог... голос у Чарли стал отрывистым и очень тихим.
- К чему ругаться! Что на вас такое нашло? каким-то томным голосом вдруг заговорил Октавиус Гастер.
- И у вас хватило наглости приплести ко всей этой мерзости, что вы тут творите, имя мисс Андервуд и инсинуировать ...
- Я ничего не инсинуирую, как вы изволили выразиться. Говорю вам и готов подтвердить это перед всеми, что сия целомудренная девушка сама попросила...

Разговор прервался, и я услышала звук глухого удара и шум камней на дорожке. В ту минуту я была ещё очень слаба и не могла самостоятельно покинуть место, где оставил меня Чарли. Лишь слабый крик вырвался у меня из груди.

- Повторите то, что вы сказали, ещё раз и я навсегда закрою ваш поганый рот! разъярённо крикнул Чарли. Наступило молчание, которое прервал хриплый голос Гастера, показавшийся мне очень странным:
  - Вы ударили меня, и в результате пролилась моя кровь!
- Да, и могу ещё накостылять, если опять увижу эту чортову рожу в здешних местах, так и знайте. И не надо на меня так смотреть! Думаете, что все эти плутовские фокусы с потусторонними силами могут меня испугать? при этих словах моего жениха мною овладело какое-то неведомое, не поддающееся определению чувство.

С трудом поднявшись на ноги, я, чтобы не упасть, опёрлась о косяк входной двери и выглянула в сад. Чарли стоял с высоко поднятой головой. У него был вид человека, победившего в борьбе за правое дело. Октавиус Гастер стоял напротив, буравя Чарли взглядом злых глаз, в глубине которых играли зловещие огоньки. Из глубокого пореза у края губы обильно текла кровь, капая на зелёный галстук иностранца и его белую жилетку. Он заметил меня в тот самый момент, когда я, слегка пошатываясь, выходила из беседки.

— А вот и она! — воскликнул Гастер, огласив окрестности своим демоническим хохотом. — Смотрите все: сюда идёт невеста! Посторонитесь, люди, дайте дорогу невесте! Вот перед вами счастливая пара — жених и невеста!

После новой вспышки адского веселья он развернулся и вмиг исчез за покосившейся оградой сада. Всё произошло настолько быстро, что едва мы с Чарли подумали о том, что нам дальше ждать от этого человека, как он уже скрылся из виду.

- О, Чарли, дорогой, воскликнула я, когда он подбежал ко мне, ведь вы же ранили его!
- Очень хотелось бы на это надеяться! Идите ко мне, моя дорогая. вы были сильно напуганы, а сейчас совсем ослабли. Он случайно не поранил вас, не сделал больно?
- Нет, ничего такого не произошло, но я чувствую себя какой-то разбитой, будто силы и присутствие духа покинули меня...
- Ну, ничего, дорогая, это не беда пойдём потихоньку к дому. Вот, мерзавец! не унимался Чарли. У него ведь был хорошо продуманный, рассчитанный до мелочей план. Мне этот плут сказал, что видел вас внизу у реки, и я туда тотчас отправился, повстречав по пути сынишку сторожа Стоукса, который как раз возвращался с рыбалки. Мальчик сказал мне, что на берегу он не видал ни души. Уж и не знаю почему, но когда малыш Стоукс сказал мне это, в памяти моей сразу же всплыло множество мелких деталей, наблюдения связались воедино, и в тот же миг я понял, что Гастер проходимец и плут. Не теряя ни секунды, я стремглав бросился к нашей беседке.

- Боюсь, Чарли, как бы он не вздумал отомстить нам, тихо сказала я, опершись о руку своего жениха. Вы видели, какие у него были глаза перед тем, как он исчез, перемахнув через ограду?
- Ерунда! отмахнулся Чарли. Все проходимцы напускают на себя подобный вид и смотрят такими же глазами, когда бывают в гневе. Но дальше этого, поверь мне, дело никогда не идёт.
- И всё же у меня как-то тяжело на душе, поделилась я с Чарли своей тревогой, пока мы поднимались по ступенькам дома. Лучше бы всё обошлось без этой свары.
- Я бы тоже этого хотел, согласился Чарли. Не будем забывать, что этот субъект, несмотря на всё своё вероломство, как ни как был гостем нашего дома. Но что сделано, то сделано, и тут уж ничем не поможешь, как говаривала одна из героинь Диккенса. К тому же трудно думаю, ты согласишься если у тебя в жилах течёт кровь, а не водица, вытерпеть подобное...

Остановлюсь далее коротко на главных событиях последующих дней. Лично для меня это были дни полного и безмятежного счастья. С отъездом Гастера будто ветер разметал по небу набежавшую, было, тучку и снова вовсю засияло солнце. Думаю, что подобное ощущение возникло и у других гостей Тойнби-Холла. Я снова стала сама собой – такой, какой была до появления в нашем доме злополучного иностранца. Даже полковник и тот, казалось, забыл о недавнем постояльце, всецело поглощённый, как, впрочем, и все мы, предстоящим состязанием, на котором его сын должен был выступить на стороне одной из противоборствующих команд. В доме, надо сказать, только и было разговоров что о приближающихся соревнованиях. Во множестве заключались пари. Все местные джентльмены ставили на команду из Роуборо. Никто из них по принципиальным соображениям не ставил на команду соперника. Между тем Джек Дейсби съездил в Плимут и в качестве пари поставил там фунт вместе с несколькими морскими офицерами на команду соперников. Надо сказать, что это был достаточно странный поступок. По нашим подсчётам, если выигрывала команда из Роуборо, он терял семнадцать шиллингов. При ином исходе состязания он брал на себя обязательства, от которых никто не смог бы так просто освободиться.

У нас с Чарли был молчаливый уговор никогда больше не упоминать имени Гастера и даже намёком не касаться того, что произошло. На следующий после сцены у беседки день Чарли отправил слугу в комнату гостя из Швеции, распорядившись упаковать все находящиеся там вещи и доставить их на ближайший постоялый двор. При этом выяснилось, что все вещи Гастера уже были собраны и вывезены, хотя никто из слуг не мог точно сказать, когда и как сие могло произойти.

VII

Я мало встречала столь прелестных мест, как стрельбище в Роуборо. Располагается он в ложбине длиной в полмили. Идеально ровная поверхность стрельбища позволяет ставить тут мишени на расстоянии от двухсот до семи ста ярдов. Они были похожи на крошечные белые квадратики на фоне высящихся за ними холмов. Сама ложбина находилась в центре большой песчаной равнины и уходила своими пологими скатами в даль кочковатого плато. Правильность геометрических форм ложбины, строгая симметричность её расположения давали пищу воображению, наводя на мысль о великане, что когда-то в далёкие времена сделал аккуратную выемку грунта в ландах, но выбранная порода оказалась совершенно пустой и никому ненужной. Фантазия позволяла предположить, что отвергнутую и бесполезную породу он бросил тут же рядом, в результате чего образовалось значительное возвышение, откуда открывался замечательный вид на прямоугольную по форме ложбину.

Именно в этом месте и была сооружена площадка, откуда соревнующиеся должны были вести стрельбу. Сюда в тот злополучный день мы и направились. Соперники прибыли на место раньше нас в сопровождении многочисленной группы морских и сухопутных офицеров. Длинная вереница экипажей выстроилась у въезда на стрельбище. Это добропорядочные

буржуа из Плимута, воспользовавшись случаем, не преминули вывезти подышать на природу жён и детей. Рядом с площадкой для стрельбы была сооружена специальная трибуна для гостей и представительниц слабого пола. Поблизости располагались палатки участников и ларьки по продаже напитков. Всё это вместе взятое вносило заметное оживление в летний пейзаж обычно пустынных ланд. Жители окрестных мест тоже пришли сюда в большом количестве и с азартом заключали пари, ставя по полкроны на местную команду, а поклонники наших славных воинов с неменьшим энтузиазмом ставили на своих к взаимному удовольствию сторон. С помощью Джека и Тревора Чарли удалось беспрепятственно провести нас сквозь многоликую и беспокойную толпу. Нас привели к импровизированной зрительской трибуне, с высоты которой открывался прекрасный вид на всю округу. Зрелище было настолько захватывающим, что мы тут же позабыли о шумных спорах, толкотне и громких выкриках в окружавшей нас толпе.

Далеко на юг над Плимутом в безмятежно голубое летнее небо спиралеобразно поднимались клубы сизоватого дыма. Ещё дальше, раскинувшись до самого горизонта темнело огромное и неподвижное пространство моря. Лишь появлявшиеся то здесь, то там белые барашки волн, казалось, протестовали против тихого спокойствия природы. Перед нашим взором, как на карте, протянулась от Эддистоуна до Старта сильно изрезанная линия девонширского побережья. Я всё ещё была погружена в созерцание окрестных пейзажей, когда меня окликнули.

- Послушайте, Лотти, обратился ко мне мой жених с лёгким упрёком в голосе, у вас такой вид, будто всё происходящее вас мало интересует.
- Ну что вы, мой друг, конечно, интересует. Но кругом такие пейзажи, а море, как вы знаете, всегда было моей слабостью... Давайте же присядем и поговорим о предстоящих состязаниях. Скажите, как мы сможем определить, какой счёт, кто проиграл, кто выиграл?
  - Я как раз только что это объяснял, но готов повторить.
- О, прошу вас, дорогой, расскажите ещё раз. И я устроилась поудобнее, чтобы не пропустить ни слова из сказанного и хорошенько всё себе уяснить.
- Итак, начал Чарли, от каждой команды выступает по десять человек. Стрельбу ведём по очереди. Сначала стреляет один из наших, после него кто-нибудь из команды противника. Ну, и так далее. Это понятно?
  - Да, вполне.
- Стрельбу начинаем с расстояния двухсот ярдов. Это так называемая стрельба на ближнюю дистанцию. Первые пять выстрелов команды делают с этой дистанции, затем ещё пять по более удалённым мишеням они находятся как раз посередине поля и последние пять выстрелов с расстояния семисот ярдов. Видите, вон там они вдали белеют на склоне. Та команда, которая наберёт большее число очков, и выходит в победители. Ну, что, теперь стало ясно?
  - Конечно, всё оказалось так просто.
  - А известно ли вам, что такое «бычий глаз»? спросил мой жених.
  - Это, должно быть, такое пирожное, ответила я наугад.

Чарли просто опешил от подобного невежества, но терпеливо продолжил объяснения.

- «Бычьим глазом» называется чёрная точка в центре мишени. Ещё её называют «яблочко» или «десятка». Попадание в неё даёт пять очков. Вокруг точки очерчен круг, именуемый центром отсюда его не видно так вот попадание в это место приносит четыре очка. Всё, что находится за пределами центра зовётся периферией и даёт стрелку только три очка. Определить, куда попала пуля, можно по цвету круга, который поднимает над головой маркёр.
- Теперь мне всё понятно. И я уже знаю, чем займусь во время поединка. После каждого произведённого выстрела я буду записывать его результат на листочке бумаги и таким образом буду знать, в каком положении находится наша команда.
  - Лучшего занятия вам не найти, рассмеялся моей затее Чарли.

Послышался удар колокола, извещавшего о начале состязания, и Чарли побежал к своей команде. В воздухе во множестве развевались разноцветные флаги. Чьи-то громкие голоса призывали зрителей и болельщиков очистить площадку для стрельбы. И вот я увидела наконец небольшую группу спортсменов в красных одеждах, лежащих на траве. Слева от них

занимала позицию другая группа, одетая в серое.

- Паф! раздался звук выстрела, и над травой поднялся сизоватый дымок. У Фанни из груди вырвался крик, а я даже слегка взвизгнула от удовольствия, когда над полем показался белый круг, известив о попадании в точку, именуемую бычьим глазом. Выстрел был сделан одним из стрелков команды Роуборо. Мой пыл, однако, был незамедлительно охлаждён результатом следующего выстрела, принёсшего пять очков в актив армейцев. И опять было попадание в точку и вслед за ним аналогичный результат у команды соперников. К концу первого тура стрельбы на короткую дистанцию каждая из команд набрала по сорок девять очков и вопрос о лидере был по-прежнему открытым.
- Кажется, борьба приобретает остроту и зрелище становится захватывающим, оживлённо комментировал подбежавший к нашей трибуне Чарли. Через несколько минут начнётся второй тур стрельба на дистанцию пятисот ярдов.
- O, Чарли, дорогой наш, возбуждённо затараторила Фанни, умоляю тебя, ни за что на свете не дайте им себя обыграть.
- Поверьте мне, друзья, я сделаю всё от меня зависящее, чтобы победа осталась за нами,
   радостно откликнулся Чарли.
  - Пока что каждый ваш выстрел был точно в «яблочко», заметила я.
- Я знаю, но теперь с увеличением дистанции всё будет сложнее. Однако мы приложим максимум стараний, чтобы добиться успеха. В этом вы можете не сомневаться! Кстати, в команде соперников есть несколько великолепных стрелков на дальние дистанции. Лотти, можно вас попросить на минутку, извинившись перед остальными, негромко сказал Чарли.
- Что случилось, дорогой? встревоженно спросила я, когда мы отошли немного в сторону. По слегка побледневшему лицу своего жениха я сразу поняла, что его что-то беспокоит.
- Опять этот тип объявился, раздражённо заговорил Чарли. Какого чорта ему здесь нужно? Я пребывал в полной уверенности, что мы этого выродка больше никогда не увидим.
- Какой тип, о ком вы говорите? переспросила я дрогнувшим голосом и почувствовала, как в груди вдруг ёкнуло от дурного предчувствия.
  - Да этот прохвост, швед, будь он неладен. Октавиус Гастер.

Перехватив взгляд Чарли, я увидела, что он не ошибся. В нескольких шагах от лежавших в траве стрелков я отчётливо увидела высокую зловеще-угловатую фигуру чужестранца. Казалось, он ни в коей мере не сознавал, сколь его экстравагантная наружность не соответствует облику окружавших селян. Он вытягивал свою гусиную шею то в одну сторону, то в другую, будто выискивая кого-то в толпе. Внезапно его взгляд остановился на нас с Чарли, и даже с такого расстояния мне показалось, что я смогла хорошо различить появившуюся на его мертвенно-бледном лице гримасу торжества и ненависти. Меня вдруг охватил странный и необъяснимый ужас.

- Чарли, дорогой, обратилась я с мольбой в голосе к своему возлюбленному, крепко сжав ему руку, не покидайте меня, прошу вас! Не ходите больше туда! Скажите, что почувствовали внезапное недомогание, найдите, Бога ради, какой-нибудь предлог и давайте поскорее уедем отсюда!
- Но это же нелепо, милая моя! откровенно рассмеялся моим страхам Чарли. Что же могло вас так напугать, интересно бы знать?
  - Он, чуть дыша, ответила я.
- Вы глупости изволите говорить, дорогая. Послушать вас, может показаться, что этот прощелыга чуть ли не полубог какой-то! Ну, впрочем, мне пора уже дали предупредительный сигнал.

Я бросилась, было, за Чарли, но успела лишь крикнуть ему вдогонку:

- Пообещайте хотя бы, что не станете к нему приближаться!
- Ладно, ладно, хорошо, на бегу заверил меня Чарли.

Мне не оставалось ничего иного, как довольствоваться хотя бы такой уступкой своего упрямого жениха.

VIII

Борьба за звание чемпиона, развернувшаяся во втором туре, тоже была очень горячей и напряжённой. В течение некоторого времени команде Роуборо удавалось сохранять перевес в два очка. Но уже вскоре серия метких попаданий в цель, продемонстрированных лучшими снайперами команды соперника, вывела её вперёд. К концу тура волонтёры отставали на три очка. Успех армейской сборной был отмечен шумными аплодисментами болельщиков из Плимута и вытянутыми лицами и мрачнеющими взглядами жителей окрестных ланд. На протяжении всего тура Октавиус Гастер оставался совершенно спокойным и бесстрастным наблюдателем, застыв в неподвижности на своём пригорке. У меня создалось впечатление, что происходящее на поле мало интересует этого человека. Взгляд его был устремлён куда-то вдаль, и стоял он таким образом, что не мог видеть маркёров и, стало быть, результатов поединка. Только раз мне удалось увидеть его лицо в профиль. По быстрому движению губ можно было предположить, что он произносит что-то вроде молитвы. Возможно, однако, что мне это просто показалось по причине слегка дрожащего от сильной жары воздуха. И тем не менее именно такое у меня в ту минуту сложилось впечатление.

Вскоре начался третий, заключительный тур соревнований, исход которого и должен был определить победителя. Команда из Роуборо была полна решимости вернуть себе потерянные очки. Армейская сборная, со своей стороны, вовсе не собиралась терять с трудом завоёванное преимущество в счёте, успокоившись на достигнутом. Выстрелы следовали один за другим. Возбуждение публики достигло такого предела, что зрители со всех сторон плотно обступили выступавших, шумно аплодируя каждому меткому выстрелу. Всеобщее возбуждение не обошло стороной и нас. Покинув гостевую трибуну, мы слились с ликующей толпой, терпеливо вынося толкотню и гам, только бы оказаться поближе к героям дня, получить возможность лицезреть их подвиги, стоя рядом.

Команда армейцев набрала к тому времени семнадцать очков, у волонтёров было шестнадцать. Местные жители были этим обстоятельством весьма сильно огорчены. Ситуация сделалась более обнадёживающей, когда счёт стал равным: 24-24. Вскоре серия успешных выстрелов местной команды вывела её вперёд, и счёт стал 32-30 в пользу волонтёров. Требовалось, однако, отвоевать три очка, потерянных во время стрельбы на промежуточную дистанцию. По мере того как постепенно увеличивался счёт, каждая из команд делала максимум возможного, мобилизовав все свои силы, чтобы вырвать у соперника победу. Чтото наподобие лёгкой дрожи охватило собравшуюся публику, когда стало известно, что отстрелялся последний из краснокамзольных и один выстрел оставался за их противником. При этом команда армейцев была впереди на четыре очка. Обычно равнодушные к спорту, мы с Фанни были всецело поглощены происходящим. Заключительный этап соревнований обещал превзойти все наши ожидания. В случае, если стрелку команды из нашего городка, стреляющему последним, удалось бы попасть «в яблочко», исход матча был бы предрешён. Серебряный кубок, громкая слава, ставки болельщиков — всё зависело от этого последнего выстрела.

Думаю, читатель может без труда себе представить, какое волнение меня охватило, когда, встав на цыпочки и что есть силы вытянув шею, я увидела, что мой Чарли с хладнокровной уверенностью заряжает свою винтовку. Таким образом, именно от его ловкости и умения зависела теперь честь Роуборо! И, надо полагать, именно осознание самого этого факта и помогло мне найти в себе достаточно сил, чтобы, протолкавшись сквозь плотную толпу, пробиться в самый первый ряд зрителей, окружавших спортсменов. Теперь мне всё было очень хорошо видно.

По обе стороны от меня стояли двое фермеров гигантского роста. В ожидании заветного выстрела я не могла не прислушаться к разговору, который два исполина, поверх моей головы, вели меж собой на крепком девонском диалекте.

- Ну, и рожа у этого парня, хмыкнул один.
- Да уж, что называется мордой не вышел, добродушно подтвердил другой.
- Погляди получше. Ты его когда-нибудь видел раньше?
- Да ты что, Джек, где я мог видеть это ходячее чучело! Смотри вон, из него пена

пошла, в точь как у той собачонки старика Ватсона, что сдохла от бешенства.

Я обернулась, чтобы посмотреть, о ком в столь любезных выражениях отзывались мои соседи, и увидела перед собой доктора Октавиуса Гастера, о присутствии которого во всей этой суматохе я, признаться, совсем позабыла. Взгляд этого человека был неотрывно прикован к месту, расположенному ровно посередине между ним самим и той отдалённой мишенью, в которую собирался целиться Чарли. Как я ни всматривалась, так и не смогла заметить ничего особенного в том месте, куда был устремлён его взгляд, напряжённый до такой степени, что даже сосуды вздулись на выпученных глазных яблоках, а зрачки оказались сужены до предела. Пот ручьями стекал по его узкому мертвенной бледности лицу и, как отметил один из фермеров, в уголках губ виднелась пена. Челюсти были крепко сжаты словно от неимоверного напряжения воли, на поддержание которого уходила почти вся жизненная энергия этого человека. Вероятно, до последнего своего дня не смогу забыть это ужасное лицо; вновь и вновь оно будет являться мне в кошмарных снах. Дрожь пробежала у меня по телу, и я отвела взгляд, тщетно надеясь на то, что фермер оказался прав и что причина необычного поведения этой непостижимой личности крылась в безумии. Ещё минуту назад оживлённая публика замерла в молчании, когда Чарли, зарядив винтовку и удовлетворённо похлопав по прикладу, занял исходную позицию для стрельбы.

– Так держать, сэр Чарльз, молодцом! – негромко подбодрил старик Макинтош, сержант из команды волонтёров. – Холодная голова и твёрдая рука – вот что нам нужно для победы.

Приподняв из травы голову, лёгким кивком и улыбкой ответил Чарли седовласому ветерану и начал не спеша целиться. Тишина воцарилась такая, что слышен был шелест травы от набежавшего с моря лёгкого ветерка. Чарли целился не меньше минуты, при этом палец его, казалось, вот-вот нажмёт на курок. Все взгляды были устремлены на белеющую вдали мишень.

Вдруг вместо того, чтобы сделать решающий выстрел, Чарли выпустил винтовку из рук и, слегка покачиваясь, привстал на коленях. Зрители были немало удивлены, увидев его внезапно побледневшее лицо и выступившие на лбу капельки пота.

- Уверяю вас, Макинтош, пробормотал он каким-то не своим, упавшим голосом, между мною и мишенью кто-то есть.
  - Кто-то есть, говорите? Но там никого нет, сэр, изумился сержант.
- Да вон он где, вон там, видите? и, словно обезумев, Чарли схватил старейшину команды за рукав, тыча пальцем в сторону мишени. – Он стоит прямо на линии прицела. Увидели?
  - Там никого нет, хором закричало ему в ответ полдюжины голосов.
- Как это никого нет?! Хорошо, хорошо будь по-вашему. Должно быть, у меня просто слегка разыгралось воображение, посетовал Чарли, проведя по лбу ладонью. И всё же, я готов поклясться, что... Ну, да ладно. Передайте-ка мне винтовку.

Он снова лёг на траву, принял исходное положение для стрельбы и начал неспешно целиться. Едва взглянув на цель через прицел, он резко вскочил на ноги и громко закричал:

- Вон там, смотрите! Говорю же вам, он там стоит! Мужчина в форме волонтёра и похож на меня как две капли воды. Будто второй я. Вы что же, все здесь сговорились? Хотите меня одурачить? обратился Чарли к толпе. Найдётся ли среди вас человек, который сможет заявить, что не видит стоящего в двухстах ярдах от меня на поле мужчину?
- О, Боже! Как страстно желала я в тот же миг подлететь к своему Чарли, обнять его и успокоить! Но я знала, сколь нетерпим он к любому проявлению женского участия в мужских делах, ко всему, что может в глазах других выглядеть как сцена или сиюминутная слабость.

Тем временем до меня доносилось лишь какое-то бессвязное и малопонятное бормотание. Казалось, разум на время покинул моего несчастного жениха.

- Я протестую, заявил один из офицеров, выйдя из шеренги, и настаиваю на том,
   чтобы этот джентльмен изволил выстрелить. В противном случае мы будем требовать согласно правил присвоить титул победителя нашей команде.
  - Но ведь я же убью его! закричал в отчаяньи мой бедный Чарли.
- Да что вы, право, за комедию тут устроили! Стреляйте в него, и дело с концом! закричали мужские голоса.
  - Всё дело, надо полагать, в том, обратился один из офицеров к другому тому, что

стоял прямо передо мной, – что нервы у этого юноши оказались, прямо скажем, не на высоте. Вот он и пытается теперь найти себе удобный предлог...

Этому желторотому лейтенанту и в голову не могло прийти, насколько рука стоящей рядом девушки боролась с соблазном залепить ему что есть силы звонкую пощёчину.

— Нет, это всё бренди три звёздочки, — ответил ему вполголоса второй. — Тогда словно дьявол овладевает человеком. Я сам прошёл через это, и у меня глаз намётан. Так что, когда с другим такое случается, я не могу ошибиться...

К счастью для говорившего я мало что поняла из сказанного, иначе он рисковал бы подвергнуться той же участи, что и его собеседник.

- Ну, так что, будете стрелять или нет? послышались выкрики из толпы.
- Послушайте стрелять я умею, жалобно простонал Чарли, но ведь я попаду ему прямо в грудь. Это будет убийство, слышите? настоящее убийство!

Никогда не забуду тот затравленный взгляд, что он бросил тогда на тех, которые громче других возмущались в толпе.

 Я целюсь прямо в него – Вы меня хорошо слышите, Макинтош? – каким-то сдавленным голосом просипел Чарли, в третий раз занимая позицию и уперев приклад в плечо.

Наступила томительная пауза. Наконец из дула вырвалось пламя и раздался выстрел. И сразу же за ним грянул гром аплодисментов, подхваченный эхом, что разнесло их по всей долине до самых отдалённых деревень.

- Превосходно, юноша! Просто великолепно! закричали сразу сотни голосов девонширских болельщиков, едва завидев взметнувшийся над укрытием маркёра белый диск.
   Это была победа.
- Отличный выстрел, сынок! Это стрелял Пиллар-младший из Тойнби-Холла. Качай его, друзья, снесём его домой на руках! Этот юноша сумел отстоять честь нашего Роуборо! Пошли, ребята. Вон он там в траве.
  - Осторожно, сержант Макинтош...
  - Что такое? В чём дело?

Ужасная тишина воцарилась вдруг над толпой. Затем послышалось недоверчивое шептание, сменившееся словами сочувствия и уже затем совсем тихо:

- О, Боже! Только не пускайте её сюда! Бедняжка, какое несчастье постигло её...

И вновь наступила тишина, прерываемая лишь всхлипыванием женщин и короткими, пронзительными криками отчаяния, вырывавшимися из груди у мужчин.

Дорогой читатель! Мой Чарли, красавец и смельчак, лежал бездыханным и уже похолодевшим на земле, всё ещё сжимая окоченевшими пальцами винтовку. Люди говорили мне тёплые слова сочувствия и утешения. Лейтенант Дейсби голосом, полным глубокой печали, умолял меня суметь превозмочь постигшее нас горе, пережить боль невосполнимой утраты. Я почувствовала прикосновение его руки, когда он пытался очень деликатно отвести меня в сторону от тела бедного Чарли.

Это было последнее из того, что я помню. А дальше – ничего: один сплошной провал в памяти. До того самого дня, как я пришла в себя, лёжа на кровати в комнате для больных в Тойнби-Холле. Мне сказали, что я выздоравливаю и что три недели с того самого ужасного дня я была в бреду, находясь между жизнью и смертью.

Не сохранилось ли у меня ещё каких-либо воспоминаний? Иногда мне кажется, что есть ещё одно. Будто был просвет в моём бредовом состоянии, и я на какое-то время пришла в себя. Как в тумане я вижу свою добрую женщину-сиделку. Вот она выходит из комнаты. И тут в неприкрытом окне появляется узкое бескровное лицо, и я словно слышу голос:

– С твоим красавчиком-женихом я свёл счёты, теперь настал твой черёд!

Голос кажется мне знакомым. Я уже слышала его прежде. Возможно, это было всего лишь сном?

– И это всё? – спросите вы. Разве этого достаточно для того, чтобы какая-то истеричная дама могла позволить себе преследовать вполне безобидного учёного со страниц газет? Как можно на основании разного рода весьма поверхностных наблюдений и субъективных ощущений делать довольно-таки серьёзные выводы, намекая на совершение столь чудовищных по своей природе преступлений?

На это я могу ответить только одно: окажись я на мосту, по одну сторону которого находился бы Октавиус Гастер, а по другую — самый свирепый из хищников, что бродят по джунглям Индии, я без колебаний выбрала бы общество дикого зверя. Теперь моя жизнь разбита и утратила всякий смысл. Мне стало совершенно безразлично, как я закончу свои дни. В то же время хочу обратиться ко всем, кто прочитал моё послание: если моё предупреждение поможет предостеречь благородное общество от этого человека, уберечь достойных людей от его пагубного влияния, я буду считать, что мои труды были не напрасны...»

* * *

Не прошло и двух недель с того дня, как было дописано это повествование, – и Лотти Андервуд бесследно исчезла. Все поиски пропавшей оказались безуспешными. Вокзальный посыльный сообщил, правда, что видел, как некая юная леди схожей наружности входила в вагон первого класса в сопровождении высокого худого господина. В то же время совершенно нелепым выглядит предположение, будто мисс Андервуд могла позволить кому-либо увезти себя после понесённой ею невосполнимой утраты, не сказав притом ни слова своей матери. Тем не менее именно таково мнение полиции, и сыщики направлены по этому следу.

1894 г.

(перевод И. Миголатьева)

КАК ГУБЕРНАТОР СЕНТ-КИТТА ВЕРНУЛСЯ НА РОДИНУ

Когда ожесточённая война за испанское наследство закончилась Утрехтским миром, множество владельцев судов, которых нанимали сражающиеся стороны, оказались не у дел. Часть из них вступила на более мирный, но гораздо менее доходный путь обычной торговли, другие примкнули к рыболовным флотилиям, а некоторые отчаянные головы подняли на бизань-мачте «Весёлого Роджера» и объявили на свой страх и риск войну против всего человечества.

С разношёрстной командой, набранной из представителей всех национальностей, они бороздили моря, укрываясь время от времени в какой-нибудь уединённой бухте для кренгования или бросая якорь в отдалённом порту, чтобы закатить там попойку, ослепив жителей своей расточительностью и нагнав на них ужас своей жестокостью.

На Коромандельском берегу, у Мадагаскара, в африканских водах, а главным образом у Вест-Индских островов и у американского побережья пираты стали постоянной грозной опасностью. Они позволяли себе дерзкую роскошь согласовывать свои набеги с благоприятным для плавания сезоном — летом опустошали берега Новой Англии, а зимой опять уходили на юг, в тропические широты.

Этих пиратов приходилось тем более страшиться, что у них не было ни дисциплины, ни каких-либо сдерживающих начал, благодаря которым их предшественники — пираты старого закала, наводя страх, вызывали уважение. Эти отверженные ни перед кем не держали ответа и обращались со своими пленниками так, как подсказывала им пьяная прихоть. Вспышки причудливого великодушия чередовались у них с полосами непостижимой жестокости, и шкипера, попавшего в руки пиратов, порой отпускали со всем его грузом, если он оказывался весёлым собутыльником в какой-нибудь чудовищной попойке, или же его могли посадить за стол в его собственной каюте, подав ему в качестве кушанья посыпанные перцем и посоленные его собственные нос и губы. Только отважный моряк решался в те времена водить корабли по Карибскому морю.

Именно таким человеком был Джон Скарроу, капитан «Утренней звезды», однако и он вздохнул с облегчением, когда услышал всплеск падающего якоря в ста ярдах от пушек крепости Бас-Тер. Сент-Китт был конечным портом его рейса, и завтра рано утром бушприт его корабля повернётся в сторону Старой Англии. Хватит с него этих морей, кишащих бандитами! С того часа, как «Утренняя звезда» покинула порт Маракайбо на южноамериканском берегу с трюмом, полным сахара и красного перца, каждый парус, мелькнувший на фиолетовом просторе тропического моря, заставлял вздрагивать капитана Скарроу. Огибая Наветренные острова, он заходил в разные порты, и повсюду ему приходилось выслушивать истории о насилиях и зверствах.

Капитан Шарки, хозяин двадцатипушечного пиратского барка «Счастливое избавление», прошёлся вдоль побережья, оставив позади себя ограбленные, сожжённые суда и трупы. О его жестоких шутках и непреклонной свирепости ходили ужасающие рассказы. От Багамских островов до материка его угольно-чёрный корабль с двусмысленным названием нёс с собой смерть и многое такое, что ещё страшнее смерти. Капитан Скарроу так беспокоился за своё новое, прекрасно оснащённое судно и за ценный груз, что отклонился на запад до самого острова Берда, чтобы уйти подальше от обычных торговых путей. И даже здесь, в этих пустынных водах, он не мог избежать зловещих следов капитана Шарки.

Однажды утром они подобрали среди океана одинокую шлюпку. Её единственным пассажиром оказался метавшийся в бреду моряк, который хрипло кричал, когда его поднимали на борт, и в глубине его рта виднелся высохший язык, похожий на чёрный сморщенный гриб. Ему давали вдоволь воды и хорошо кормили, и вскоре он превратился в самого сильного и проворного матроса на всём корабле. Он был из Марблхеда в Новой Англии и оказался единственным уцелевшим человеком со шхуны, пущенной ко дну страшным Шарки.

В течение недели Хайрэма Эвансона — так его звали — носило под тропическим солнцем. Шарки приказал бросить ему в шлюпку искромсанные останки его убитого капитана

— «в качестве провизии на время плавания», но матрос тут же предал их морской пучине, ибо искушение могло оказаться сильнее его. Могучий организм выдержал все испытания, и, наконец, «Утренняя звезда» подобрала его в том состоянии безумия, которое предшествует смерти. Это была неплохая находка для капитана Скарроу, ибо при нехватке команды такой матрос, как этот гигант из Новой Англии, был весьма ценным приобретением. Он клялся, что сведёт счёты с капитаном Шарки, хотя бы это стоило ему жизни.

Теперь, когда они находились под защитой пушек Бас-Тера, все опасности были позади; и всё-таки мысль о пирате не оставляла Скарроу, когда он наблюдал, как шлюпка агента быстро отошла от причала таможни.

- Держу пари, Морган, обратился Скарроу к первому помощнику, что агент упомянет о Шарки в первой же сотне слов, которые сойдут с его языка.
- Ладно, капитан, я рискну на серебряный доллар, откликнулся грубоватый старый бристолец, стоявший рядом с ним.

Гребцы-негры подогнали шлюпку к борту, и сидевший на руле чиновник, одетый в белоснежный полотняный костюм, вскочил на трап.

— Привет, капитан Скарроу! — крикнул он. — Вы слышали о Шарки?

Капитан взглянул на помощника и ухмыльнулся.

- Что он там ещё учинил? спросил Скарроу.
- Учинил! Значит, вы ничего не слышали. Он пойман и сидит у нас под замком здесь, в Бас-Тере. В прошлую среду его судили и завтра утром повесят.

Капитан и его помощник приветствовали это сообщение радостными криками, и через мгновение эти крики подхватила вся команда. Дисциплина была забыта, и матросы сбежались на корму, чтобы своими ушами услышать эту новость. Первым среди них был подобранный в море матрос из Новой Англии. Его сияющее лицо было обращено к небу: он был из пуританского рода.

- Шарки будет повешен! вопил он. Господин агент, вы не знаете, может быть, им нужен палач?
- Назад! крикнул помощник; его оскорблённое чувство дисциплины оказалось сильнее интереса к новостям. Я отдам вам этот доллар, капитан Скарроу. Никогда ещё я не проигрывал пари с таким лёгким сердцем. А каким образом поймали этого негодяя?
- А вот так. Его собственные товарищи уже не могли больше терпеть его. Шарки нагонял на них такой ужас, что они решили от него избавиться. Они высадили его на необитаемый островок Литл Мангл южнее банки Мистерьоса. Там его подобрало торговое судно из Портобелло и доставило сюда. Думали отправить его на Ямайку, чтобы там судить, но наш благочестивый губернатор, сэр Чарльз Ивэн, не захотел и слышать об этом. «Это моя добыча, заявил он, и я имею право сам её изжарить». Если вы можете задержаться до десяти часов завтрашнего утра, то вы увидите, как Шарки качается на виселице.
- Конечно, хотелось бы, с грустью отозвался капитан, но я и так сильно запаздываю. Я уйду с вечерним отливом.
- Этого вам никак нельзя делать, решительно заявил агент. С вами отправляется губернатор.
  - Губернатор?
- Да. Он получил распоряжение от правительства немедленно вернуться. Быстроходное посыльное судно, доставившее депешу, ушло в Виргинию. Я сказал сэру Чарльзу, что вы приедете сюда до периода дождей, и он ждал вас.
- Хорошенькое дело! в растерянности воскликнул капитан. Я простой моряк и плохо разбираюсь в губернаторах, баронетах и в их привычках. Мне ещё не доводилось калякать с такими персонами. Но я готов служить королю Георгу, и если губернатор хочет получить место на «Утренней звезде», то я доставлю его в Лондон и сделаю для него всё что возможно. Он может устроиться в моей каюте. Вот что касается еды, то у нас шесть дней в неделю либо тушёная солонина с овощами и сухарями, либо смесь из рубленой солонины и маринованной сельди. Но если наш камбуз ему не годится, пусть он возьмёт с собой собственного повара.
- Да вы не беспокойтесь, капитан Скарроу, прервал его агент, сэр Чарльз сейчас плохо себя чувствует, он только что оправился от приступа лихорадки. Так что он, наверно,

просидит в своей каюте почти всю дорогу. Доктор Лярусс уверяет, что наш губернатор отдал бы Богу душу, если бы предстоящее повешение Шарки не вдохнуло в него новые силы. Но у него тяжёлый характер, и вы не должны обижаться на его резкости.

- Он может говорить всё, что ему вздумается, и делать что угодно. Пусть он только не суёт свой нос, когда я управляю судном, ответил капитан. Он губернатор Сент-Китта, а я губернатор «Утренней зари». И, с его разрешения, я ухожу с первым отливом. Я так же служу моему хозяину, как он королю Георгу.
- Вряд ли он управится сегодня к вечеру. Ему необходимо привести в порядок кучу дел до отъезда.
  - Тогда завтра с утренним отливом.
- Очень хорошо. Я пришлю его вещи сегодня вечером, а сам он прибудет рано утром. Если, конечно, мне удастся уговорить его покинуть Сент-Китт, не повидав, как Шарки спляшет свой последний танец. Наш губернатор любит, чтобы его приказы исполнялись мгновенно, и не исключено, что он прибудет на корабль немедленно. Возможно, что доктор Лярусс будет сопровождать сэра Чарльза в его путешествии.

Как только агент уехал, капитан и помощник принялись готовиться к приёму столь важного пассажира. Они освободили самую большую каюту и привели её в порядок. Капитан Скарроу приказал также завезти на борт несколько бочек с фруктами и ящиков с винами, чтобы хоть немного скрасить простую пищу, какая в обиходе на торговом корабле.

Вечером начал прибывать губернаторский багаж — огромные, обитые железом, непроницаемые для муравьёв сундуки, жестяные ящики казённого образца и футляры весьма странной формы, в которых, как можно было предположить, хранились треуголки или шпаги. Затем прибыло письмо с гербом на внушительной красной печати, в котором сообщалось, что сэр Чарльз Ивэн свидетельствует своё уважение капитану Скарроу и надеется, если это позволит ему состояние здоровья, быть на борту его корабля рано утром, как только он выполнит все свои обязанности.

Губернатор оказался точен. Красноватые блики рассвета едва начали пробиваться сквозь серую мглу, как шлюпка с губернатором уже подошла к кораблю, и важную особу не без труда подняли по трапу. Капитан Скарроу слышал про странности губернатора, но никак не ожидал увидеть столь курьёзную фигуру, еле ковылявшую по палубе, опираясь на толстую бамбуковую трость. На нём был парик Рамилье, завитый во множество маленьких косичек и напоминающий шерсть пуделя; он так низко нависал надо лбом, что большие зелёные очки, прикрывавшие глаза, казалось, были приклеены к этому парику. Огромный крючковатый нос, длинный и тонкий, выдавался далеко вперёд. После приступа лихорадки губернатор закутал горло и подбородок широким полотняным шарфом, на нём был свободный утренний халат из алой камчатной ткани, перепоясанный шнуром. Двигаясь, он высоко задирал свой властный нос, но по тому, как он медленно и беспомощно поводил головой по сторонам, было видно, что он подслеповат. Высоким раздражённым голосом он окликнул капитана.

- Вы получили мои вещи? спросил он.
- Да, сэр Чарльз.
- Вино у вас на борту есть?
- Я приказал привезти пять ящиков, сэр.
- А табак?
- Бочонок тринидадского.
- В пикет играете?
- Довольно хорошо, сэр.
- Тогда поднимайте якорь и в море!

Дул свежий западный ветер, и к тому времени, когда солнце прорвалось сквозь утренний туман, мачты «Утренней звезды» были уже еле видны с острова. Дряхлый губернатор всё ещё ковылял по палубе, придерживаясь рукой за поручни.

- Теперь вы находитесь на службе у правительства, капитан, брюзжал он. Уверяю вас, что они там считают дни до моего возвращения в Вестминстер. У вас подняты все паруса?
  - До последнего дюйма, сэр Чарльз.
- Держите их так, хоть бы они все треснули! Боюсь, капитан Скарроу, что такой слепой и больной человек, как я, окажется для вас скучным компаньоном в этом плавании.

- Я почитаю за честь и удовольствие находиться в обществе вашего превосходительства, почтительно ответил капитан. Мне только очень жаль, что ваши глаза в столь плохом состоянии.
  - Да, да, в самом деле. Это проклятое солнце на белых улицах Бас-Тера сожгло их.
  - Я слышал, что вы только что перенесли приступ лихорадки?
  - Да, у меня был приступ, и я ужасно ослаб.
  - Мы приготовили каюту для вашего врача.
- Ax, этот мошенник! Его нельзя было заставить тронуться с насиженного места, у него здесь солидная клиентура среди местных купцов. Но, слушайте!

Губернатор поднял унизанную кольцами руку. Далеко за кормой гулко раскатился гром пушечного выстрела.

— Это с острова! — с изумлением воскликнул капитан. — Может быть, это сигнал нам вернуться?

Губернатор рассмеялся.

- Вы слышали, что пират Шарки должен быть повешен сегодня утром? Я приказал дать залп в тот момент, когда этот мерзавец в последний раз дрыгнет ногами, чтобы я знал об этом, уходя в море. Это конец Шарки!
- Конец Шарки! закричал капитан, и матросы, собравшиеся небольшими группами на палубе, чтобы посмотреть на исчезавшую лиловую полоску земли, подхватили его крик.

Это было хорошее предзнаменование в самом начале пути, и больной губернатор стал популярной фигурой на борту. Все понимали, что только благодаря губернатору, потребовавшему немедленного суда и приговора, злодей не попал к какому-нибудь продажному судье и таким образом не спасся.

В этот день за обедом сэр Чарльз рассказал множество историй о покойном пирате. Губернатор был так приветлив и так умело поддерживал разговор с людьми, стоявшими гораздо ниже его, что под конец трапезы капитан, помощник и сэр Чарльз закурили трубки и тянули свой кларет, как три старых добрых приятеля.

- Как выглядел Шарки на скамье подсудимых? поинтересовался капитан.
- Довольно внушительно, отозвался губернатор.
- Я слышал, что он уродлив, как сам дьявол, и надо всеми глумился, заметил помощник.
  - Да, он довольно-таки безобразен, подтвердил губернатор.
- Я слышал, как китобой из Нью-Бедфорда рассказывал, что не может забыть его глаз, сказал капитан. Они мутно-голубые, с красными-красными веками. Это правда, сэр Чарльз?
- К сожалению, мои собственные глаза не позволяют мне рассматривать чужие. Но я припоминаю сейчас, как генерал-адъютант говорил, что у него именно такие глаза, как вы описываете, и добавил, что этим дуракам присяжным было явно не по себе, когда он на них смотрел. Счастье их, что Шарки уже мёртв, потому что он никогда не забывал обид. И если бы один из них попался к нему в руки, Шарки набил бы его соломой и приколотил бы к носу судна вместо резной фигуры.

Эта идея так понравилась губернатору, что он неожиданно разразился визгливым смехом, напоминавшим ржание. Оба моряка тоже смеялись, но не столь весело, ибо знали, что, кроме Шарки, немало пиратов шныряют по западным морям и что подобная судьба может постичь их самих. Была откупорена новая бутылка, выпили за приятное путешествие, затем губернатору заблагорассудилось осушить ещё одну бутылку. В конце концов оба моряка со вздохом облегчения удалились, слегка пошатываясь, — один на вахту, другой на койку. Однако, когда четыре часа спустя, сдав вахту, помощник спустился вниз, он был поражён, увидев, что губернатор в своём парике, очках и халате невозмутимо сидит за пустым столом, попыхивая трубкой, а перед ним шесть пустых чёрных бутылок.

— Мне довелось пить с губернатором Сент-Китта, когда он болен, — сказал про себя помощник, — но упаси меня Бог пить с ним, когда он здоров.

«Утренняя звезда» продвигалась довольно быстро, и через три недели она уже входила в Ла-Манш. С первого же часа, как немощный губернатор ступил на корабль, он начал восстанавливать свои силы, и к тому времени, когда они находились на половине пути, сэр

Чарльз, если не считать его глаз, был уже совсем здоров. Те, кто пропагандирует целебные свойства вина, могли бы, торжествуя, указать на него, ибо он пьянствовал все ночи напролёт. И тем не менее рано утром он появлялся на палубе, свежий и бодрый, поглядывая по сторонам своими слабыми глазами и расспрашивая о парусах и снастях. Его очень интересовало кораблевождение. Чтобы как-то возместить слабость зрения, губернатор попросил капитана прикомандировать к нему того матроса из Новой Англии, которого подобрали в лодке. Этот моряк должен был сопровождать губернатора, сидеть рядом с ним, когда тот играл в карты, и считать очки, ибо без посторонней помощи губернатор не мог отличить короля от валета.

Не удивительно, что Эвансон охотно прислуживал губернатору: ведь один из них был жертвой мерзавца Шарки, а другой — мстителем. Видно было, что огромному американцу доставляло удовольствие поддерживать своей рукой инвалида, а по вечерам он почтительно стоял за креслом губернатора и показывал своим здоровенным пальцем с обгрызенным ногтем на ту карту, с которой нужно было ходить. Кстати сказать, к тому времени, когда на горизонте появился мыс Лизард, в карманах капитана Скарроу и старшего помощника Моргана оставалось весьма мало денег.

Вскоре на судне убедились, что все рассказы о вспыльчивости сэра Чарльза Ивэна не дают должного представления о его бешеном нраве. При малейшем возражении или противоречии его подбородок выскакивал из шарфа, его властный нос задирался ещё более высокомерно и бамбуковая трость свистела в воздухе. Однажды он сильно хватил ею по голове судового плотника, нечаянно его толкнувшего. В другой раз, когда команда стала роптать из-за плохой пищи и пошли толки о мятеже, губернатор заявил, что нечего ждать, пока эти собаки восстанут, а нужно опередить их и выбить у них из головы дурь.

— Дайте мне нож! — кричал он, изрыгая проклятия, и его с трудом удержали от расправы с представителем команды.

Капитан Скарроу вынужден был напомнить ему, что если на Сент-Китте губернатор ни перед кем не отвечал за свои действия, то в открытом море убийство есть убийство. Что касается политических взглядов, то, как и следовало ожидать, губернатор был убеждённым сторонником ганноверской династии и в пьяном виде клялся, что всякий раз, как встречал якобита, пристреливал его на месте. И всё-таки, несмотря на его бахвальство и неистовый нрав, он оставался хорошим компаньоном, знавшим бесконечное количество анекдотов и всевозможных историй; у Скарроу и Моргана никогда ещё не было такого приятного рейса.

Наконец наступил последний день плавания. Они миновали остров Уайт и вновь увидели землю — белые скалы Бичи-Хед. К вечеру судно попало в штиль в миле от Уинчелси; впереди виднелся чёрный мыс Данджнесс. На следующее утро они в Форленде примут на борт лоцмана, и ещё до вечера сэр Чарльз сможет встретиться с королевскими министрами в Вестминстере. На вахте стоял боцман, и три приятеля в последний раз сидели в каюте за картами. Преданный американец по-прежнему заменял губернатору глаза. На столе была крупная сумма, оба моряка старались в этот последний вечер отыграться, вернув то, что они проиграли своему пассажиру. Вдруг губернатор бросил карты на стол и сгрёб все деньги в карман своего длиннополого шёлкового жилета.

- Игра моя! заявил он.
- Э, сэр Чарльз, не так быстро! воскликнул капитан Скарроу. Вы не закончили, а мы не в проигрыше.
- Врёте! Чтоб вам подохнуть! закричал губернатор. Я говорю вам, что я уже закончил и вы проиграли.

Он сорвал с себя парик и очки, и под ними оказался высокий лысый лоб и бегающие голубые глаза с красными, как у бультерьера, веками.

— Силы небесные! — завопил помощник. — Это же Шарки!

Моряки вскочили, но огромный американец прислонился своей широкой спиной к двери каюты, в каждой руке у него было по пистолету. Пассажир также положил пистолет на рассыпанные перед ним карты и рассмеялся визгливым, похожим на ржание смехом.

— Да, джентльмены, капитан Шарки, так меня зовут, — сказал он. — А это — Крикун, Нэд Галлоуэй, квартирмейстер «Счастливого избавления». Мы им задали жару, и они высадили нас: меня — на песчаной отмели Тортуга, а его — в лодку без вёсел. А вы, собачонки, бедные, доверчивые собачонки с водой в сердце вместо крови, вы стоите под дулами наших

пистолетов.

- Хотите стреляйте, хотите нет! крикнул Скарроу, ударяя себя кулаком в грудь. Пусть это мой последний вздох, Шарки, но я тебе говорю, что ты кровавый негодяй и мошенник и тебя ждёт петля и адское пекло.
- Вот это человек с характером, он мне по душе. Он сумеет умереть красиво! воскликнул Шарки. На корме никого нет, кроме рулевого, так что не тратьте воздуха на пустые разговоры вам недолго осталось им дышать. Нэд, ялик на корме готов?
  - Да, капитан!
  - А остальные шлюпки продырявлены?
  - Я просверлил каждую в трёх местах.
- Тогда пришло время нам расстаться, капитан Скарроу. У вас такой вид, как будто вы ещё не совсем пришли в себя. Нет ли у вас какой-нибудь просьбы?
  - Ты дьявол, сам дьявол! крикнул капитан. Где губернатор Сент-Китта?
- Последний раз я видел его превосходительство в постели с перерезанной глоткой. Когда я бежал из тюрьмы, я узнал у друзей а у капитана Шарки есть доброжелатели в любой гавани, что губернатор уезжает в Европу, причём капитан корабля никогда его не видел. Я забрался к нему через веранду его дома и отдал ему небольшой должок. Затем я отправился на ваш корабль, нарядившись в его одежду и захватив очки, чтобы скрыть мои предательские глаза. Я и чванился перед вами, как подобает губернатору. А теперь, Нэд, займись ими.
- Помогите! Помогите! Эй, на вахте! завопил помощник, но огромный пират с размаху ударил его по голове рукояткой пистолета, и он рухнул, как бык на бойне. Скарроу устремился к двери, но страж закрыл ему рот одной рукой, а другой обхватил его за талию.
- Напрасно стараетесь, капитан Скарроу, сказал Шарки. Я хочу посмотреть, как вы на коленях будете умолять о пощаде.
- Я вас раньше... увижу... в аду! крикнул Скарроу, освобождаясь от ладони, закрывавшей ему рот.
  - Нэд, выкручивай ему руку. Ну, а теперь как?
  - Не буду, даже если вы её совсем отвертите.
  - Всади-ка в него нож на один дюйм.
  - Хоть все шесть дюймов...
- Чтоб мне утонуть, мне нравится его неукротимый дух! заорал Шарки. Спрячь нож в карман, Нэд. Вы спасли свою шкуру, Скарроу. Очень жаль, что такой отважный человек, как вы, не избрал единственную профессию, где храбрый малый может заработать себе на жизнь. Вас, видно, ждёт необычная смерть, Скарроу, если вы побывали в моих руках и остались в живых, чтобы поведать об этом миру. Нэд, свяжи-ка его.
  - Капитан, может быть, привязать его к печке?
- Ну, что ты говоришь! В печке огонь. Оставь свои разбойничьи шуточки, Нэд Галлоуэй, а не то я покажу, кто из нас капитан и кто квартирмейстер.
- Да нет, я думал, что вам хочется его поджарить, оправдывался Нэд. Неужели вы хотите отпустить его живым?
- Привяжи его к столу. Хоть нас с тобой и высадили на багамских отмелях, всё равно я капитан, а ты должен меня слушаться. Да захлебнись ты в солёной воде, подлюга! Ты что, смеешь возражать, когда я приказываю?
- Да нет же, капитан Шарки, не кипятитесь так, сказал квартирмейстер и, подняв Скарроу, положил его, как ребёнка, на стол. С привычной ловкостью моряка он связал распятого капитана по рукам и ногам верёвкой, протянутой под столом, и заткнул ему рот длинным шарфом, ещё совсем недавно прикрывавшим подбородок губернатора Сент-Китта.
- Ну-с, капитан Скарроу, мы с вами расстаёмся, сказал пират. Если бы у меня за спиной стояло хотя бы с полдюжины проворных ребят, я забрал бы ваш корабль и груз вместе с ним, но Крикун Нэд не нашёл ни одного матроса в вашей команде, у которого было бы хоть на грош смелости. Тут невдалеке болтается несколько судёнышек, и мы захватим одно из них. Когда у капитана Шарки есть лодка, он может захватить рыболовное судно; когда у него есть рыболов, он может захватить бригантину, с бригантиной он захватит трёхмачтовый барк, а с барком он заполучит полностью оснащённый боевой корабль. Так что поторопитесь в Лондон, а то как бы я не вернулся, чтобы взять в своё владение «Утреннюю звезду».

Они вышли из каюты, и капитан Скарроу услышал, как в замке повернулся ключ. Затем, пока он пытался освободиться от пут, послышался топот ног вниз по трапу и затем на юте, где над кормой висел ялик. Капитан всё ещё ворочался и напрягался, стараясь освободиться от верёвки, когда до него донёсся скрип фалов и всплеск воды при спуске ялика. В неистовом бешенстве он рвал и дёргал верёвку до тех пор, пока с ободранными в кровь запястьями и лодыжками не свалился наконец со стола. Через мгновение он вскочил, перепрыгнул через мёртвого помощника, вышиб ногой дверь и ринулся на палубу.

— Эй! Питерсон, Армитедж, Уилсон! — вопил он. — Хватайте тесаки и пистолеты! Спустите большую шлюпку! Спустите гичку! Пират... Шарки... вон в том ялике! Боцман, свистать наверх вахту левого борта и посадить всех матросов в шлюпки!

Шлёпнулся на воду большой бот, шлёпнулась на воду гичка, но в тот же миг рулевые старшины и матросы устремились к фалам и вскарабкались обратно на палубу.

— Шлюпки продырявлены! — кричали они. — Они протекают, как сито.

Капитан свирепо выругался. Его перехитрили. Над ним сверкало звёздное, безоблачное небо, не было ни малейшего ветерка. В лунном свете белели обвисшие, бесполезные паруса. В отдалении качалось рыболовное судно. Рыбаки сгрудились у сетей. Совсем близко от них нырял и взбирался на волны маленький ялик.

— Эти рыбаки уже, можно сказать, мертвецы! — сетовал капитан. — Ребята, крикнем все вместе, чтобы предупредить их об опасности.

Но уже было поздно.

Ялик проскочил под бортовую тень рыбачьего судна. Быстро, один за другим, прозвучали два пистолетных выстрела, послышался вопль, ещё один выстрел, и затем наступила тишина. Рыбаки исчезли. Затем, неожиданно, с первым дуновением ветра, долетевшего откуда-то с берегов Суссекса, бушприт рыболова повернулся, грог-парус надулся, и судёнышко направилось в Атлантику.

1897 г.

(перевод Б. Грибанова)

НАШИ СТАВКИ НА ДЕРБИ

Боб! — крикнула я.

Никакого ответа.

— Боб!

Нарастающий бурный храп и протяжный вздох.

- Проснись же, Боб!
- Что стряслось, чорт побери?!— произнёс сонный голос.
- Пора завтракать, пояснила я.
- Подумаешь, завтракать! донёсся из постели мятежный ответ.
- И тебе, Боб, письмо, добавила я.
- Что же ты сразу не сказала? Тащи его сюда!

Получив такое радушное приглашение, я вошла в комнату брата и примостилась на краешке кровати.

- Получай, сказала я. Марка индийская, а почтовый штемпель поставлен в Бриндизи. От кого бы это?
- Не суй нос не в свои дела, Коротышечка, ответил брат, отбросив со лба спутанные кудри, и, протерев глаза, он сломал сургучную печать.

Я терпеть не могу, когда меня называют Коротышкой. Когда я ещё была маленькой, бессердечная нянька наградила меня этим прозвищем, обнаружив диспропорцию между моей круглой серьёзной физиономией и коротенькими ножками. А я, право же, не больше коротышка, чем любая другая семнадцатилетняя девушка. На этот раз вне себя от благородного гнева я уже была готова обрушить на голову брата карающую подушку, но меня остановило выражение его глаз: в них загорелся живой интерес.

- А знаешь, Нелли, кто к нам едет? спросил он. Твой старый друг!
- Как? Из Индии? Да неужели Джек Готорн?
- Он самый, ответил Боб. Джек возвращается в Англию и намерен погостить у нас. Он пишет, что будет здесь почти одновременно с письмом. Да перестань ты плясать! Свалишь ружья или ещё что-нибудь натворишь. Будь паинькой и сядь ко мне.

Боб говорил со всей солидностью человека, над кудлатой головой которого уже промчалось двадцать две весны, и потому я угомонилась и заняла прежнюю позицию.

- То-то будет весело! воскликнула я. Но только, Боб, Джек был ещё мальчишкой, когда мы видели его в последний раз, а теперь он мужчина. Это уже будет совсем не тот Джек.
- Ну и что же, ответил Боб, ты тогда тоже была девочкой противной маленькой девчонкой с кудряшками, теперь же...
  - А что теперь? спросила я. Мне показалось, что брат готов сказать мне комплимент.
  - Ну, теперь у тебя нет кудряшек, ты выросла и стала ещё противнее.

В одном отношении братья благо: ни одна девица, если Бог наградил её братьями, не может без достаточных оснований вырасти самодовольной.

По-моему, все очень обрадовались, услышав за завтраком, что приезжает Джек Готорн. «Все» — это моя мама, Элси и Боб. Но когда, захлёбываясь от восторга, я объявила эту новость, лицо нашего кузена Соломона Баркера не засияло радостью. Раньше это никогда не приходило мне в голову, но, быть может, юноше нравится Элси и он боится соперника? А иначе зачем бы он, услышав самую обычную вещь, вдруг отодвинул яйцо, сказав, что совершенно сыт, причём таким вызывающим тоном, что все усомнились в его искренности? А Грейс Маберли, подруга Элси, сохранила своё обычное благожелательное спокойствие.

Я же бурно выражала восторг. Мы с Джеком вместе росли. Он был мне как старший брат, пока не поступил в военное училище и не уехал. Сколько раз они с Бобом забирались на яблоню старика Брауна, а я стояла под деревом и собирала в белый передничек их добычу. Как мне помнится, Джек был деятельным участником всех наших проказ. Но теперь он уже лейтенант Готорн, участвовал в афганской войне и, по словам Боба, стал «опытным воином». Как же он теперь выглядит? При слове «воин» Джек почему-то представлялся мне в латах и шлеме с перьями, он жаждал крови и рубил кого-то огромным мечом. Я боялась, что после всего этого он уже не захочет принимать участия в шумных играх, шарадах и прочих

развлечениях, принятых в Хазерли-Хаузе.

Все следующие дни кузен Сол явно пребывал в плохом настроении. С трудом удавалось уговорить его быть четвёртым, когда играли в теннис; он обнаружил необычайное пристрастие к уединению и курил крепчайший табак. Мы встречали его в самых неожиданных местах: то в глухих уголках сада, то на реке, и, если имелась хоть малейшая возможность избежать с нами встречи, он всякий раз глядел вдаль и делал вид, что совсем не замечает нас, хотя мы окликали его и махали зонтиками. Он вёл себя, конечно, крайне невежливо. Однажды вечером, перед обедом, я всё-таки его поймала и, выпрямившись во весь рост — пять футов четыре с половиной дюйма, — высказала ему всё, что о нём думаю. Такие мои действия Боб именует верхом благотворительности, потому что я при этом раздаю перлы мудрости, которых мне-то самой как раз и не хватает.

Кузен Сол полулежал в качалке перед камином. Держа в руках «Таймс», он меланхолично смотрел поверх газеты в огонь. Я приблизилась к нему сбоку и дала залп из бортовых орудий.

- Мы, кажется, чем-то оскорбили вас, мистер Баркер, с высокомерной учтивостью заметила я.
  - Что вы, Нелл, хотите этим сказать? спросил Сол, с удивлением глядя на меня.
- Вы, по-видимому, лишили нас чести быть знакомыми с вами, ответила я, но тут же оставила высокопарный стиль. Это же просто глупо, Con! Что с вами?..
- Ничего, Нелл. Во всяком случае, ничего достойного внимания. Вы же знаете, через два месяца у меня экзамен по медицине и я много занимаюсь.
- Ах, так! вскипела я. Если всё дело в этом, мне больше сказать нечего. Разумеется, если вы предпочитаете своим родственникам кости, это ваше право. Конечно, есть молодые люди, которые ведут себя любезно и не прячутся по углам, чтобы учиться, как втыкать ножи в человека.

Дав столь исчерпывающее определение благородной хирургической науке, я с излишней горячностью принялась поправлять на кресле сбившийся чехол.

Я видела, что Сол весело улыбался, глядя на стоявшую перед ним сердитую молодую особу с голубыми глазами.

- Пощадите меня, Нелл, сказал он. Вы ведь знаете, я уже на одном экзамене провалился. Кроме того, Сол стал серьёзен, вам предстоит много развлечений, когда приедет этот как его? лейтенант Готорн.
- Уж, во всяком случае, Джек не станет всему предпочитать общество скелетов и мумий.
  - Вы всегда называете его Джеком? спросил Сол.
  - Конечно, Джон звучит слишком официально.
  - Ax, вот как? с сомнением произнёс мой собеседник.

Моя теория насчёт Элси всё ещё не выходила у меня из головы, и я решила, что дело, пожалуй, можно представить не в столь трагическом свете. Сол встал с качалки и глядел теперь в открытое окно. Я подошла к нему и робко посмотрела в его обычно такое добродушное, а сейчас мрачное лицо. Он был очень застенчив, но я подумала, что сумею заставить его признаться.

— А ведь вы ревнивы, старина, — заметила я.

Он покраснел и посмотрел на меня сверху вниз.

- Я знаю, ваш секрет, смело заявила я.
- Какой секрет? сказал Сол, ещё больше краснея.
- Неважно, но я его знаю. Позвольте мне сказать вам вот что, ещё смелее продолжала я. Элси и Джек никогда не ладили. Скорее уж Джек влюбится в меня. Мы всегда с ним дружили,

Если бы я воткнула в кузена Сола вязальную спицу, которую держала в руке, то и тогда он вряд ли подпрыгнул бы выше.

- Бог мой! воскликнул он, и в сумерках я разглядела, что его тёмные глаза впились в меня. Неужели вы на самом деле думаете, что мне нравится ваша сестра?
  - Разумеется, невозмутимо ответила я, не собираясь сдаваться.

Никогда ещё ни одно слово не производило такого эффекта. Изумлённо ахнув, кузен

Сол повернулся и выпрыгнул в окно. Он всегда выражал свои чувства довольно странно, но на этот раз оригинальность его поведения меня просто ошеломила. Я вглядывалась в сгущавшиеся сумерки. И вдруг на фоне лужайки передо мной возникло смущённое и полное недоумения лицо.

— Мне нравитесь вы, Нелл, — сказало это лицо и сразу исчезло, и я услышала, как кто-то бросился бежать по аллее. Удивительно экстравагантным был этот юноша.

Хотя кузен Сол и заявил о своих симпатиях в присущей ему манере, жизнь в Хазерли-Хаузе текла по-прежнему. Он не попытался узнать, каковы мои чувства, и несколько дней вообще не касался этой темы. Очевидно, он полагал, что проделал всё необходимое в подобных случаях. Однако порой он ставил меня в крайне неловкое положение, когда, внезапно появившись, усаживался напротив и молча устремлял на меня упорный взгляд от которого мне становилось просто страшно.

- Не надо, Сол, как-то сказала я ему. У меня от этого мурашки по коже бегают.
- Но почему, Нелл? спросил Сол. Разве я вам совсем не нравлюсь?
- Да нет, нравитесь,— ответила я. Лорд Нельсон мне тоже нравится, но мне было бы не очень приятно, если бы сюда явился его памятник и целый час на меня глядел.
  - А почему вы вдруг заговорили про лорда Нельсона? спросил кузен.
  - Сама не знаю.
  - Значит, Нелл, я нравлюсь вам так же, как лорд Нельсон?
  - Да, только больше.

Этим лучом надежды бедняге Солу и пришлось удовольствоваться, потому что в комнату вбежали Элси и мисс Маберли и нарушили наш tête-à-tête. *

Кузен мне, конечно, очень нравился... Я знала, какая чистая, преданная душа скрывается под его невозмутимой наружностью. Но мысль о том, чтобы иметь возлюбленным Сола Баркера, того самого Сола, чьё имя служило синонимом застенчивости, была нелепа. Отчего он не влюбился в Грейс или Элси? Оне-то уж знали бы, как с ним обойтись: они были старше меня и сумели бы поощрить его или отвергнуть, по своему усмотрению. Но Грейс слегка флиртовала с моим братом Бобом, а Элси словно вообще ничего не замечала. Мне вспоминается один случай, характерный для кузена, и я не могу не упомянуть о нём здесь, хотя случай этот никак не связан с моим повествованием. Произошёл он, когда Сол впервые приехал в Хазерли-Хауз.

Однажды нам нанесла визит жена приходского священника, и принимать её пришлось мне и Солу. Сначала всё шло хорошо. Вопреки обыкновению Сол был весел и разговорчив. К несчастью, им овладел жар гостеприимства, и, несмотря на все мои знаки и подмигивания, он спросил гостью, не желает ли она выпить бокал вина. На беду, вино в доме как раз кончилось, и, хотя мы уже написали в Лондон, новая партия вин ещё не прибыла. Затаив дыхание, я ждала, что ответит гостья, надеясь, что она откажется, но, к моему ужасу, она охотно приняла предложение Сола.

- Не трудись звонить, Нелл, сказал Сол, я исполню роль дворецкого. И с безмятежной улыбкой направился к стенному шкафу, где хранилось вино. Только забравшись в него, Сол внезапно припомнил, как утром кто-то сказал, что вино кончилось. Сол оцепенел от ужаса и до окончания визита миссис Солтер просидел в шкафу, решительно отказываясь выйти, пока гостья не удалилась. Если бы можно было сделать вид что из шкафа есть выход или дверь в другую комнату, дело обстояло бы не так скверно, но я знала, что расположение нашего дома известно миссис Солтер не хуже, чем мне. Она прождала возвращения Сола почти час, затем удалилась, глубоко возмущённая.
- Дорогой, сказала она, описывая случившееся своему супругу и от гнева впадая в библейский тон, шкаф, казалось, разверзся и поглотил его!

Однажды утром Боб вышел к завтраку, держа в руках телеграмму.

- Джек приезжает с двухчасовым.

Я видела, что Сол посмотрел на меня с укором, но это не помешало мне выразить свою радость.

— Вот уж начнётся веселье, когда он приедет! — сказал Боб. — Станем ловить в пруду

 $^{^*}$ уединение; свидание, разговор с глазу на глаз (ϕ ранц.)

бреднем рыбу и всячески развлекаться. Верно, Сол?

Сол, видимо, почувствовал слишком большую радость: он даже не смог выразить её словами и в ответ лишь что-то буркнул.

В то утро я долго раздумывала в саду о Джеке. Я ведь в конце концов становилась уже взрослой девушкой, о чём бесцеремонно напомнил мне Боб. Теперь я должна вести себя осмотрительно. Ведь настоящий мужчина уже взглянул на меня глазами любящего человека. Конечно, не было ничего дурного, что в детстве Джек повсюду ходил за мной и целовал меня, но теперь я должна держать его на расстоянии. Я вспомнила, как Джек подарил мне однажды дохлую рыбу, которую он выловил в хазерлейской речушке, и я бережно хранила её среди самых драгоценных моих сокровищ, пока, наконец, тошнотворный запах в доме не заставил мою мать написать мистеру Бартону возмущённое письмо, а он в ответ сообщил, что все трубы в нашем доме вполне исправны. Я должна научиться держаться холодно и с достоинством. Я представила себе нашу встречу и решила её прорепетировать. Вообразив, что куст остролиста — это Джек, я не спеша приблизилась к нему, сделала глубокий реверанс и, протянув руку, произнесла: «Рада вас видеть, лейтенант Готорн!» Тут из дома появилась Элси, но ничего не сказала. Однако за завтраком она спросила Сола, наследственная ли болезнь идиотизм, или же она поражает отдельных индивидов; бедняга Сол отчаянно покраснел и так и не смог ей что-либо вразумительно объяснить.

Наш скотный двор выходит на аллею, расположенную между Хазерли-Хаузом и сторожкой. Я, Сол и мистер Николас Кронин, сын помещика, нашего соседа, отправились туда после завтрака. Такое представительное шествие имело целью утихомирить мятеж в курятнике. Первые известия о восстании доставил в дом юный Бейлис, сын и наследник старика, ходившего за птицей, и меня настоятельно просили прийти. Тут мне следует в скобках объяснить, что наши куры находились исключительно в моём ведении и на птичнике ничего не делалось без моего совета и помощи. Старик Бейлис вышел, прихрамывая, нам навстречу и доложил все подробности переполоха. Оказалось, что у одной хохлатки и у бентамского петуха настолько отросли крылья, что они смогли уже перелететь в парк, и пример этих вожаков оказался таким заразительным, что дух бродяжничества овладел солидными матронами вроде криволапых кохинхинок и они также проникли на запретную территорию. В птичнике состоялся военный совет, и было единодушно решено подрезать непокорным крылья.

Ну и пришлось же нам побегать! «Нам», то есть мне и мистеру Кронину, потому что кузен Сол суетился с ножницами на заднем плане и подбадривал нас криками. Оба преступника, несомненно, знали, что охотятся за ними: они с таким проворством ныряли под кормушки и перелетали через клетки, что вскоре нам уже казалось, будто во дворе мечется целая дюжина хохлаток и бентамских петухов. Остальных кур всё происходящее интересовало мало, и только любимая супруга бентамского петуха, взобравшись на крышу курятника, без устали обливала нас презрением. Больше всех осложняли дело утки; к причине переполоха они не имели никакого отношения, но очень сочувствовали беглецам и ковыляли вслед за ними со всей быстротой, на которую были способны, и поэтому всё время путались под ногами у преследователей.

- Всё, попалась! крикнула я, когда хохлатку загнали в угол. Хватайте её, мистер Кронин! Ах, да вы упустили её! Упустили! Загороди ей, Сол, дорогу! Боже мой, она бежит ко мне!
- Ловко, мисс Монтегю! воскликнул мистер Кронин, когда я ухватила пролетавшую мимо меня курицу за лапу и зажала её под мышкой, чтобы она не вырвалась. Позвольте, я отнесу её.
- Нет, нет. Вы должны поймать петуха. Вон он, за кормушкой. Забегайте с того края, а я с этого.
  - Он убегает через калитку! крикнул Сол.
- Кыш! Кыш! закричала я, Убежал! И оба мы кинулись за петухом в парк, выскочили на аллею, свернули, и я нос к носу столкнулась с загорелым молодым человеком в костюме из твида, который неторопливо шёл к дому.

Я сразу узнала эти смеющиеся серые глаза — ошибиться было невозможно, — хотя, мне кажется, если б я даже и не посмотрела на него, инстинкт подсказал бы мне, что передо мной

Джек. Как могла я сохранить достоинство с хохлаткой под мышкой? Я попыталась выпрямиться, но злосчастной курице показалось, что она обрела защитника, и она закудахтала громче прежнего. Я махнула на всё рукой и засмеялась, и Джек вместе со мной.

- Как поживаете, Нелл? спросил он, протягивая мне руку; и тут же удивлённо добавил: Да вы же стали совсем другой!
  - Ну да, прежде у меня под мышкой не было хохлатки, ответила я.
- Ну кто бы мог подумать, что маленькая Нелл может превратиться в женщину? Джек никак не мог прийти в себя.
- Не ожидали же вы, что я превращусь в мужчину? с возмущением спросила я. Но тут же оставила церемонный тон. Мы ужасно рады, Джек, вашему приезду. В дом попасть вы ещё успеете, а сейчас помогите нам изловить бентамского петуха.
- С удовольствием, весело, как встарь, ответил Джек, всё ещё не сводя глаз с моего лица. Вперёд!

И мы все трое стремглав бросились в парк, а бедняга Сол в тылу поощрял нас криками, с ножницами и пленницей в руках. Когда Джек явился поздороваться с моей матушкой, вид у него был весьма помятый, а моё намерение вести себя с ним сдержанно и с достоинством развеялось как дым.

В тот май в Хазерли-Хаузе собралось большое общество. Боб, Сол, Джек Готорн и мистер Николас Кронин; а кроме них, мисс Маберли, и Элси, и мама, и я. В случае необходимости, когда играли в шарады или ставили любительский спектакль, мы всегда могли раздобыть зрителей, пригласив пять-шесть соседей. Мистер Кронин, весёлый, атлетического сложения оксфордский студент, оказался замечательным приобретением, просто удивительно, как он умел придумывать и устраивать всяческие затеи. Джек в значительной мере утратил былую живость, и все мы дружно объявили, что он, разумеется, влюблён. Выглядел он при этом не менее глупо, чем выглядит в таких случаях любой молодой человек, но даже не пытался отпираться.

- Что будем делать сегодня? спросил как-то утром Боб. Кто что может предложить?
  - Ловить рыбу в пруду, сказал мистер Кронин.
  - Мало мужчин, ответил Боб. Что ещё?
  - Мы должны сделать ставки на дерби, заметил Джек.
  - Ну, для этого времени хватит. Скачки состоятся лишь через две недели. Что ещё?
  - Теннис? неуверенно предложил Сол.
  - Надоело.
  - Вы можете устроить пикник в хазерлейском аббатстве, предложила я.
  - Отлично! воскликнул мистер Кронин. Лучше не придумаешь.
  - Как твоё мнение, Боб?
- Первоклассно, ответил брат, ухватившись за подсказанную мысль. Пикники необычайно привлекают тех, чьим сердцем ещё только овладевает нежная страсть.
  - А как мы туда доберёмся, Нелл? спросила Элси.
- Я-то совсем не пойду, ответила я. Мне бы очень хотелось, только надо посадить папоротники, которые раздобыл для меня Сол. Добираться туда лучше пешком. Тут всего три мили, а юного Бейлиса с корзиной провизии можно послать вперёд.
  - Ты пойдёшь, Джек? спросил Боб.

Новая помеха: накануне лейтенант вывихнул себе ногу. Тогда он об этом никому не сказал. Но теперь лодыжка начала болеть.

- Слишком далеко для меня, сказал Джек. Три мили туда да три обратно!
- Пойдём. Не ленись же, бросил Боб.
- Дорогой мой, ответил лейтенант, я уже столько отшагал, что с меня хватит до самой могилы. Видели бы вы, как наш бравый генерал заставил меня пройтись от Кабула до Кандагара, вы бы мне посочувствовали.
  - Оставьте ветерана в покое, сказал мистер Кронин.
  - Сжальтесь над измученным войной солдатом, заметил Боб.
- Ну, довольно смеяться, сказал Джек и, просияв, добавил: Вот что. Я возьму, Боб, если разрешишь, твою двуколку, и, как только Нелл посадит свои папоротники, мы к вам

приедем. И корзинку можем взять с собой. Вы поедете, Нелл, правда?

Хорошо, — ответила я.

Боб согласился с таким оборотом дела, и так как все остались довольны, за исключением мистера Соломона Баркера, который весьма злобно посмотрел на лейтенанта, то сразу начались сборы, и вскоре весёлое общество пустилось в путь.

Просто удивительно, до чего быстро прошла больная нога после того, как последний из участников пикника скрылся за поворотом аллеи. А к тому моменту, когда папоротники были посажены и двуколка готова, Джек уже был весел и, как никогда, полон энергии.

- Что-то уж очень внезапно вы поправились, заметила ему я, когда мы ехали по узкой, извилистой просёлочной дороге.
- Да, ответил Джек, но дело в том, Нелл, что со мной ничего и не было. Просто мне надо поговорить с вами.
- Неужели вы способны прибегнуть ко лжи, лишь бы поговорить со мной? сказала я с упрёком.
  - Хоть сорок раз, твёрдо ответил Джек.
- Я попыталась измерить всю глубину коварства, таившегося в Джеке, и ничего не ответила. Меня занимал вопрос: была бы Элси польщена или рассердилась, если бы ктонибудь солгал ради неё столько раз?
  - Когда мы были детьми, мы очень дружили, Нелл, заметил мой спутник.
- Да. Я глядела на полсть, закрывавшую мне колени. Как видите, к этому времени я уже приобрела кое-какой опыт и научилась различать интонации мужского голоса, что невозможно без некоторой практики.
  - Кажется, теперь я вам совсем безразличен, не то что тогда, продолжал Джек.

Шкура леопарда на моих коленях по-прежнему поглощала всё моё внимание.

- А знаете, Нелл, продолжал Джек, когда я мёрз в палатке на перевалах среди гималайских снегов, когда я видел перед собой вражеские войска, да и вообще, голос Джека внезапно стал жалобным, всё время, пока я был в этой гнусной дыре, в Афганистане, я не переставал думать о маленькой девочке, которую оставил, в Англии...
  - Неужели? пробормотала я.
- Да, я хранил память о вас в сердце, а когда я вернулся, вы уже перестали быть маленькой девочкой. Вы, Нелли, превратились в прелестную женщину и, наверное, забыли те далекие дни.

От волнения Джек заговорил очень поэтично. Он предоставил старенькому гнедому полную свободу, и тот, остановившись, мог вволю любоваться окрестностями.

— Послушайте, Нелли, — сказал Джек, вздохнув, как человек, который готов дёрнуть шнур и открыть холодный душ, — походная жизнь учит, в частности, сразу брать то хорошее, что тебе встречается. Раздумывать и колебаться нельзя: пока ты размышляешь, другой может тебя опередить.

«Вот оно, — в отчаянии подумала я. — И тут нет окна, в которое Джек, сделав решительный шаг, мог бы выпрыгнуть».

После признания бедняги Сола любовь для меня ассоциировалась с прыжками из окон.

— Как вам кажется, Нелл, стану ли я вам когда-нибудь настолько дорог, чтоб вы решились разделить мою судьбу? Согласитесь вы стать моей женой?

Он даже не соскочил с двуколки, а продолжал сидеть рядом со мной и жадно смотрел на меня своими серыми глазами, а пони брёл себе по дороге, пощипывая то слева, то справа полевые цветы. Было совершенно очевидно, что Джек намерен получить ответ. Я сидела, потупившись, и вот мне показалось, что на меня смотрит бледное, застенчивое лицо, и я слышу, как Сол признаётся мне в любви. Бедняга! И во всяком случае, он признался первым.

- Вы согласны, Нелл? снова спросил Джек.
- Вы мне очень нравитесь, Джек, ответила я, тревожно взглянув на него, но... как изменилось его лицо при этом коротеньком слове! мне кажется, не настолько. И, кроме того, я ведь ещё очень молода. Наверное, ваше предложение должно быть для меня очень лестно и вообще, только... вы не должны больше думать обо мне.
  - Значит, вы мне отказываете? спросил Джек, слегка побледнев.
  - Почему вы не пойдёте к Элси и не сделаете предложение ей? в отчаянии

воскликнула я. — Отчего все вы идёте ко мне?

— Элси мне не нужна, — ответил Джек и так ударил кнутом пони, что привёл это добродушное четвероногое в немалое изумление. — Почему вы сказали «все»?

Ответа не последовало.

- Теперь, мне всё понятно, с горечью сказал Джек. Я уже заметил, что с тех пор, как я приехал, этот ваш кузен ни на шаг от вас не отходит. Вы обручены с ним?
  - Нет, не обручена.
- Благодарение Богу! благочестиво воскликнул Джек. Значит, я ещё могу надеяться. Может быть, со временем вы и передумаете. Скажите мне, Нелли, вам нравится этот дуралей-медик?
  - Он не дуралей, возмутилась я, и он нравится мне так же, как вы.
- Ну, в таком случае он вам вовсе не нравится, надувшись, заметил Джек. И мы больше не проронили ни слова до тех пор, пока оглушительные крики Боба и мистера Кронина не возвестили о близости остальных участников пикника.

Если пикник и удался, то только благодаря стараниям этого последнего. Из четырёх участвовавших в пикнике мужчин трое были влюблены — пропорция неподходящая, — и мистеру Кронину приходилось поистине быть душой общества, чтобы поддержать веселье вопреки этому неблагоприятному обстоятельству. Очарованный Боб был всецело поглощён мисс Маберли, бедняжка Элси прозябала в одиночестве, а оба моих поклонника были заняты тем, что попеременно свирепо смотрели то друг на друга, то на меня. Мистер Кронин, однако, мужественно боролся с общим унынием, был любезен со всеми и с одинаковым усердием обследовал развалины аббатства и откупоривал бутылки.

Кузен Сол был особенно мрачен и угнетён. Он, конечно, думал, что мы заранее сговорились с Джеком проехаться вдвоём. И, однако, в глазах его сквозило больше печали, чем злости, а Джек, должна с огорчением заметить, был явно зол. Именно поэтому после завтрака, когда мы пошли гулять по лесу, я выбрала себе в спутники моего кузена. Джек держался с невыносимой самоуверенностью собственника, и я хотела раз и навсегда положить этому конец. Сердилась я на него и за то, что он вообразил, будто я, отказав ему, его обидела, и за то, что он пытался дурно говорить про бедного Сола за его спиной. Я совсем не была влюблена ни в того, ни в другого, но моё детское представление о честной игре не позволяло мне мириться с тем, чтобы кто-либо из моих поклонников прибегал к нечестным приёмам. Если бы не появился Джек, я, наверное, в конце концов приняла бы предложение кузена, но, с другой стороны, если б не Сол, я бы никогда не отказала Джеку. А сейчас они оба мне слишком нравились, чтобы предпочесть одного другому. «Чем же всё это кончится?» — думала я. Надо на что-то решиться, а быть может, лучше выждать и посмотреть, что принесёт будущее.

Сол немного удивился, когда я выбрала в спутники его, но принял моё приглашение с благодарной улыбкой. Он, несомненно, испытал большое облегчение.

- Значит, я не потерял тебя, Нелл, пробормотал он, когда голоса остальных уже всё глуше долетали до нас из-за громадных деревьев.
- Никто не может потерять меня, сказала я, потому, что пока меня ещё никто не завоевал. Пожалуйста, не надо об этом. Почему ты не можешь говорить просто, без противной сентиментальности, как говорил два года назад?
- Когда-нибудь ты это узнаешь, Нелл, с укором ответил мне Сол. Когда влюбишься сама, тогда ты поймёшь.

Я недоверчиво фыркнула.

— Присядь, Нелл, вот тут, — сказал кузен Сол, подведя меня к пригорку, поросшему мхом и земляникой, и сам пристраиваясь рядом на пеньке. — Я только прошу тебя ответить мне на несколько вопросов и больше не стану тебе надоедать.

Я покорно уселась, сложив ладони на коленях.

- Ты обручена с лейтенантом Готорном?
- Нет, решительно ответила я.
- Он тебе нравится больше, чем я?
- Нет, не больше.

Термометр счастья Сола сделал скачок вверх до ста градусов в тени, не меньше.

- Значит, Нелли, я тебе нравлюсь больше? сказал он очень нежно.
- Нет.

Температура снова упала до нуля.

- Ты хочешь сказать, что для тебя мы оба совсем одинаковы?
- Ла
- Но ведь когда-нибудь тебе придётся сделать выбор, ты знаешь, сказал кузен Сол с лёгким укором.
- Ну до чего же хочется, чтобы вы мне не надоедали! воскликнула я, рассердившись, как частенько делают женщины, когда они не правы. Обо мне вы совсем не думаете, не то бы вы меня не терзали. Вы вдвоём доведёте меня до сумасшествия.

Тут я начала всхлипывать, а баркеровская фракция, потерпев поражение, пришла в совершеннейшее смятение.

- Пойми же, Сол, сказала я, улыбаясь сквозь слёзы при виде его горестной физиономии. Ну, представь себе, что ты вырос вместе с двумя девочками и обеих очень полюбил, но никогда не предпочитал одну другой и не помышлял жениться на одной из них. И вдруг тебе говорят, что ты должен выбрать одну и тем самым сделать очень несчастной другую. Так, по-твоему, это легко сделать?
  - Наверное, нет, сказал студент.
  - Тогда ты не можешь меня винить.
  - Я не виню тебя, Нелли, ответил он, ударив тростью по громадной лиловой поганке.
- Я думаю, ты совершенно права, желая разобраться в своих чувствах. По-моему, продолжал он, с запинкой, но честно высказывая свои мысли, как и подобает истинному английскому джентльмену, каким он и был, по-моему, Готорн отличный малый. Он повидал на своём веку гораздо больше моего и всегда говорит и делает именно то, что надо, а мне этого как раз и недостаёт. Он из прекрасной семьи, перед ним открыто хорошее будущее. Я могу быть тебе только благодарен, Нелл, за твои колебания, они говорят о твоей доброте.
- Давай никогда больше не будем об этом говорить, сказала я, а сама подумала: насколько же он благороднее того, кого хвалил. Смотри, я весь жакет выпачкала этими мерзкими поганками. Не лучше ли нам присоединиться к остальным? Интересно, где они сейчас?

Вскоре мы это узнали. Сначала мы услышали разносившиеся по длинным просекам крики и смех, а когда пошли в ту сторону, с изумлением увидели, что всегда флегматичная Элси, как стрела, несётся по лесу — шляпа у сестры слетела, волосы развеваются по ветру. Сначала я подумала, что стряслось что-нибудь ужасное — вдруг на неё напали разбойники или бешеная собака, — и я заметила, что сильная рука моего спутника крепко стиснула трость. Но тут же выяснилось, что ничего трагического не произошло, а просто неутомимый мистер Кронин затеял игру в прятки. Как весело было нам бегать и прятаться среди хазерлейских дубов! А как ужаснулся бы старик аббат, посадивший эти дубы, и многие поколения облачённых в чёрные рясы монахов, бормотавших в их благодатной тени свои молитвы! Джек, сославшись на вывихнутую ногу, играть в прятки отказался и, полный негодования, лежал, покуривая в тени, бросая недобрые взгляды на мистера Соломона Баркера, а этот джентльмен с азартом участвовал и игре и отличался тем, что его всё время ловили, сам же он никого ни разу не поймал.

Бедный Джек! В этот день ему, несомненно, не везло. Я думаю, что происшествие, случившееся на обратном пути, могло бы выбить из колеи даже поклонника, которому ответили взаимностью. Двуколку с пустыми корзинами уже отправили домой, и было решено, что все пойдут пешком полями. Едва мы перебрались через перелаз, собираясь пересечь участок в десять акров, принадлежавший старику Брауну, как вдруг мистер Кронин остановился и сказал, что лучше нам итти по дороге.

- По дороге? спросил Джек. Чепуха! Полем мы сократим себе путь на целых четверть мили.
  - Да, но это весьма опасно. Лучше обойти.
  - Что ж нам грозит? спросил наш воин, презрительно покручивая свой ус.
- Да ничего особенного, отвечал Кронин. Вон то четвероногое, что стоит посреди поля бык, и не слишком-то добродушный. Только и всего. Полагаю, что нельзя позволить

итти туда дамам.

- Мы и не пойдём, хором заявили дамы.
- Так идёмте вдоль изгороди к дороге, предложил Сол.
- Вы идите, где хотите, холодно сказал Джек, а я пойду через поле.
- Не валяй дурака, сказал мой брат.
- Вы, друзья, считаете возможным спасовать перед старой коровой, но я так не считаю. Я должен сохранить к себе уважение. Поэтому я присоединюсь к вам по ту сторону фермы.

С этими словами Джек свирепо застегнул на все пуговицы свой сюртук, легко взмахнул тростью и небрежной походкой двинулся через участок Брауна.

Мы столпились около перелаза и с тревогой следили за ним. Джек старался показать, что он целиком поглощён окружающим ландшафтом и погодой: он с безразличным видом смотрел по сторонам и на облака. Однако его взгляд в конце концов обязательно обращался на быка. Животное, уставившись на незваного гостя, попятилось в тень изгороди, а Джек стал пересекать поле.

- Всё в порядке, сказала я. Бык уступил ему дорогу.
- А по-моему, бык его заманивает, сказал мистер Николас Кронин. Это злобная, хитрая тварь.

Мистер Кронин не успел договорить, как бык отошёл от изгороди, стал рыть копытом землю и замотал своей страшной чёрной головой. Джек, который достиг уже середины поля, притворился, будто не замечает этого манёвра, однако слегка ускорил шаг. Затем бык быстро описал два-три круга, внезапно остановился, замычал, опустил голову, поднял хвост и со всех ног устремился к Джеку. Притворяться дальше и не замечать быка было бессмысленно. Джек обернулся и посмотрел на врага. На него неслось полтонны рассвирепевшего мяса, а у него в руке была лишь тонкая тросточка, и Джек сделал единственное, что ему оставалось, — поспешил к изгороди на противоположном конце поля.

Сначала он не снизошёл до бега и двинулся небрежной рысцой — это был своего рода компромисс между страхом и чувством собственного достоинства, но зрелище было такое нелепое, что, несмотря на испуг, мы все дружно расхохотались. Однако слыша, что стук копыт раздаётся всё ближе, Джек ускорил шаг и в конце концов он уже мчался во весь дух. Шляпа у него слетела, фалды сюртука развевались на ветру, а враг был от него уже в десяти ярдах. Если бы за ним гналась вся конница Аюбхана, наш афганский герой не смог бы проворнее преодолеть оставшееся расстояние. Как ни быстро он бежал, бык мчался ещё быстрее, и оба достигли изгороди почти одновременно. Джек отважно прыгнул в кусты и через мгновенье вылетел из них, как ядро из пушки, бык же просунул в образовавшуюся дыру морду, и воздух несколько раз огласился его торжествующим ревом. Мы с облегчением увидели, как Джек поднялся и, не обернувшись в нашу сторону, пошёл домой. Когда мы добрались туда, он уже ушёл к себе в комнату и только на другой день вышел, прихрамывая, к завтраку с весьма удручённым видом. Однако ни у кого из нас не хватило жестокости напомнить Джеку о вчерашнем происшествии, так что благодаря — нашей тактичности он ещё до второго завтрака обрёл своё обычное хладнокровие.

Дня через два после пикника настало время сделать ставки на дерби. Эту ежегодную церемонию в Хазерли-Хаузе никогда не пропускали, и желающих приобрести билеты из числа гостей и соседей обычно набиралось столько же, сколько записано было лошадей на скачках.

— Дамы и господа, сегодня вечером будем ставить на дерби,— объявил Боб как глава дома. — Цена билета десять шиллингов, второй выигравший получает четверть всей суммы, а третьему возвращается его ставка. Каждый может приобрести лишь один билет, и никто не имеет права свой билет продавать. Тянуть билеты будем в семь часов.

Всё это Боб произнёс весьма напыщенно и официально, но звучное «аминь!», которым заключил его речь мистер Николас Кронин, сильно испортило весь эффект.

Тут я должна на время отказаться от повествования в первом лице. До сих пор я брала отдельные записи из своего дневника, но теперь я должна описать сцену, о которой мне рассказали лишь много месяцев спустя.

Лейтенант Готорн, или Джек,— не могу удержаться, чтоб не называть его так, — со дня нашего пикника стал очень молчалив и задумчив. И вот случилось так, что в тот день, когда ставили на дерби, мистер Соломон Баркер, прохаживаясь после второго завтрака, забрёл в

курительную и обнаружил в ней лейтенанта, который сидел в торжественном одиночестве на одном из диванов и курил, погрузившись в размышления. Уйти означало бы проявить трусость, и студент, молча усевшись, стал перелистывать «График». Оба соперника немного растерялись. Они привыкли избегать друг друга, а теперь неожиданно оказались лицом к лицу, и не было никого третьего, чтобы послужить буфером. Молчание становилось гнетущим. Лейтенант зевнул и с подчёркнутым безразличием кашлянул, а честный Сол чувствовал себя крайне неловко и угрюмо глядел в газету. Тиканье часов и стук бильярдных шаров по ту сторону коридора казались теперь нестерпимо громкими и назойливыми. Сол бросил взгляд на Джека, но его сосед проделал то же самое и обоих юношей сразу же необычайно заинтересовал лепной карниз.

«Почему я должен с ним ссориться? — подумал Сол. — В конце концов я ведь только хочу, чтобы игра была честной. Возможно, он меня оборвёт, но я могу дать ему повод к разговору».

Сигара у Сола потухла — такой удобный случай нельзя было упустить.

— Не будете ли вы любезны, лейтенант, дать мне спички? — спросил он.

Лейтенант выразил сожаление — он крайне сожалеет, но спичек у него нет.

Начало оказалось плохим. Холодная вежливость была ещё более отвратительна, чем откровенная грубость. Но мистер Соломон Баркер, как многие застенчивые люди, сломав лёд вёл себя очень смело. Он не желал больше никаких намёков или недомолвок. Настало время прийти к какому-то соглашению. Он передвинул своё кресло через всю комнату и расположился напротив ошеломлённого воина.

— Вы любите мисс Нелли Монтегю? — спросил Сол.

Джек соскочил с дивана так проворно, словно в окне показался бык фермера Брауна.

- Если даже и так, сэр, сказал он, крутя свой рыжеватый ус, какое, чорт побери, до этого дело вам?
- Успокойтесь, сказал Сол. Садитесь и обсудим всё как разумные люди. Я тоже её люблю.

«Куда, чорт побери, гнёт этот малый?» — размышлял Джек, усаживаясь на прежнее место и всё ещё с трудом сдерживаясь после недавней вспышки.

- Короче говоря, мы любим её оба, объявил Сол, подчёркивая сказанное взмахом своего тонкого пальца.
- Так что же? сказал лейтенант, проявляя некоторые симптомы нарастающего гнева. Я полагаю, победит достойнейший, и мисс Монтегю вполне в состоянии сама сделать выбор. Ведь не рассчитывали же вы, что я откажусь от борьбы только потому, что и вы хотите завоевать приз?
- В том-то и дело! воскликнул Сол. Один из нас должен отказаться от борьбы. В этом вы совершенно правы. Понимаете, Нелли то есть мисс Монтегю, насколько я могу судить, гораздо больше нравитесь вы, чем я, но она достаточно расположена ко мне и не хочет огорчать меня решительным отказом.
- По совести говоря, сказал Джек уже более миролюбиво, Нелли то есть мисс Монтегю гораздо больше нравитесь вы, чем я; но всё же, как вы выразились, она достаточно расположена ко мне, чтобы в моём присутствии не предпочитать открыто моего соперника.
- Полагаю, что вы ошибаетесь, возразил студент. То есть, я это определённо знаю она сама мне об этом говорила. Тем не менее сказанное поможет нам договориться. Ясно одно: пока оба мы показываем, что в равной мере любим её, ни один из нас не имеет ни малейшей надежды на успех.
  - Вообще-то это разумно, задумчиво заметил лейтенант, но что же вы предлагаете?
- Я предлагаю, чтобы один из нас, говоря вашими словами, отказался от борьбы. Другого выхода нет.
  - Но кто же из нас? спросил Джек.
  - В том-то и дело!
  - Я могу сказать, что познакомился с ней раньше, чем вы.
  - Я могу сказать, что полюбил её раньше, чем вы.

Казалось, дело зашло в тупик. Ни тот, ни другой не имел ни малейшего намерения уступить сопернику.

— Послушайте, так бросим жребий, — сказал студент.

Это казалось справедливым, и оба согласились Но тут обнаружилась новая трудность. Нежные чувства не позволили им доверить судьбу своего ангела такой случайности, как полёт монетки или длина соломинки. И в этот критический момент лейтенанта Готорна осенило.

- Я знаю, как мы это решим, сказал он, И вы, и я собираемся ставить на дерби. Если ваша лошадь обойдёт мою, я слагаю оружие, если же моя обойдёт вашу, вы бесповоротно откажетесь от мисс Монтегю. Согласны?
- При одном условии, сказал Сол. До скачек ещё целых десять дней. В течение этого времени ни один из нас не будет пытаться завоевать расположение Нелли в ущерб другому. Мы должны договориться, что, пока дело не решено, ни вы, ни я не станем за ней ухаживать.
  - Идёт! сказал воин.
  - Идёт! сказал Соломон.

И они скрепили договор рукопожатием.

Как я уже упомянула, я не знала об этом разговоре моих поклонников. В скобках замечу, что в это время я была в библиотеке, где мистер Николас Кронин читал мне своим низким, мелодичным голосом стихи Теннисона. Однако вечером я заметила, что оба молодых человека очень волновались, делая ставки на лошадей, и не проявляли ни малейшего намерения быть любезными со мной, и я рада заметить, что судьба их покарала — они вытянули явных аутсайдеров. По-моему, лошадь, на которую поставил Сол, звали Эвридикой, а Джек поставил на Велосипеда. Мистер Кронин вытянул американскую лошадь по кличке Ирокез, а все остальные, кажется, остались довольны. Перед тем как итти спать, я заглянула в курительную, и мне стало смешно, когда я увидела, что Джек изучает спортивные предсказания в «Филде», в то время как внимание Сола целиком поглотила «Газетт». Это внезапное увлечение скачками показалось мне тем более странным, что кузен Сол, как мне было известно, едва мог отличить лошадь от коровы — и то к некоторому удивлению, своих друзей.

Многие из обитателей нашего дома нашли, что последующие десять дней тянулись невыносимо медленно. Однако я этого мнения не разделяла. Возможно, потому, что за это время случилось нечто весьма неожиданное и приятное. Было таким облегчением не бояться больше ранить чувства моих прежних поклонников. Теперь я могла делать и говорить что хотела — ведь они совершенно покинули меня и предоставили мне проводить время в обществе моего брата Боба и мистера Николаса Кронина. Увлечение скачками, казалось, совершенно изгнало из их сердец прежнюю страсть. Никогда ещё наш дом не наводняло столько специальных, полученных частным образом сведений и всевозможных низкопробных газетёнок, которых могли оказаться какие-либо подробности подготовленности лошадей и их родословной. Даже конюхи устали повторять, что Велосипед - сын Самоката, и объяснять жадно слушавшему студенту-медику, что Эвридика - дочь

Один из конюхов обнаружил, что бабушка Эвридики по материнской линии пришла третьей в гандикапе Эбора, но он так нелепо вставил полученные за эти сведения полкроны в левый глаз, а правым так подмигнул кучеру, что достоверность его слов могла показаться сомнительной. К тому же вечером за кружкой пива он сказал шёпотом:

— Этот дурак ни черта не смыслит, — думает, что за свои полкроны он от меня узнал правду.

Приближался день скачек, и волнение всё возрастало. Мы с мистером Крониным переглядывались и улыбались, когда Джек и Сол за завтраком кидались на газеты и внимательно изучали котировку лошадей. Но всё достигло кульминации вечером накануне дня скачек. Лейтенант, побежал на станцию узнать последние новости и, запыхавшись, вернулся домой, размахивая, как сумасшедший смятой газетой.

- Эвридику сняли! крикнул он. Ваша лошадь, Баркер, не бежит!
- Что? взревел Сол.
- Не бежит сухожилие полетело к чертям, и её сняли!
- Дайте я взгляну, простонал кузен, хватая газету, потом отшвырнул её, бросился вон из комнаты и кинулся вниз по лестнице, прыгая через четыре ступеньки. Мы увидели его

только поздно вечером, когда он, весь взъерошенный прокрался в дом и молча проскользнул в свою комнату. Бедняга! Я бы, конечно, ему посочувствовала, если бы он сам не поступил со мной так вероломно.

С этой минуты Джека как подменили. Он сразу же стал настойчиво за мной ухаживать, и это крайне раздражало меня и ещё кое-кого в комнате. Джек играл и пел, затевал игры — словом, узурпировал роль, которую обычно играл мистер Николас Кронин.

Помню, как поразило меня то обстоятельство, что утром того самого дня, когда происходило дерби, лейтенант совершенно перестал интересоваться скачкой. За завтраком он был в отличнейшем расположении духа, но даже не развернул лежавшую перед ним газету. Именно мистер Кронин наконец раскрыл и просмотрел её.

- Что нового, Ник? спросил мой брат Боб.
- Ничего особенного. Ах, нет, вот кое-что. Ещё один несчастный случай на железной дороге. По-видимому, столкновение, отказали тормоза. Двое убитых, семеро раненых и... чорт побери! Послушайте-ка: «Среди жертв оказалась и одна из участниц сегодняшней конской Олимпиады. Острая щепка проткнула ей бок, и из чувства гуманности пришлось положить конец страданиям ценного животного. Лошадь звали Велосипед». Э, да вы, Готорн, опрокинули свой кофе и залили всю скатерть. Ах! Я и забыл Велосипед был вашей лошадью, не так ли? Боюсь, у вас нет больше шансов. Теперь фаворитом стал Ирокез, который вначале почти не котировался.

Это были пророческие слова, как, несомненно, подсказывала вам, читатель, по крайней мере на протяжении последних трёх страниц ваша проницательность.

Но прежде, чем назвать меня легкомысленной кокеткой, взвесьте тщательно факты. Вспомните, как было задето моё самолюбие, когда мои поклонники внезапно меня бросили; представьте себе мой восторг, когда я услышала признание от человека, которого я любила, хотя даже самой, себе боялась в этом признаться. И не забудьте, какие возможности открылись перед ним после того, как Джек и Сол, соблюдая свой глупый уговор, стали меня всячески избегать. Взвесьте всё, и кто тогда первым бросит камень в маленький скромный приз который разыгрывали в тот раз на дерби?

Вот как выглядело это через три коротких месяца в «Морнинг-пост»:

«12 августа в Хазерлейской церкви состоится бракосочетание Николаса Кронина, эсквайра, старшего сына Николаса Кронина, эсквайра, Будлендс-Кропшир, с мисс Элеонорой Монтегю, дочерью покойного Джеймса Монтегю, эсквайра, мирового судьи, Хазерли-Хауз».

Джек уехал, объявив, что собирается отправиться на Северный полюс с экспедицией воздухоплавателей. Однако через три дня он вернулся и сказал, что передумал — он намерен по примеру Стенли пешком пересечь экваториальную Африку. С тех пор несколько раз он грустно намекал на свои разбитые надежды и несказанные радости смерти, но, в общем, заметно оправился и в последнее время иногда ворчал: то баранина не дожарена, то бифштекс пережарен, а это симптомы весьма обнадёживающие.

Сол воспринял всё гораздо спокойнее, но боюсь, что сердечная рана его была глубже. Однако он взял себя в руки, как славный мужественный юноша, каким он и был, и даже, собравшись с духом, за свадебным завтраком предложил тост за подружек невесты, но безнадёжно запутался в торжественных словах и сел на место; все зааплодировали, а он покраснел до ушей. Я узнала, что он поведал о своём горе и разочаровании сестре Грейс Маберли и нашёл у неё желанное сочувствие. Боб и Грейс поженятся через несколько месяцев, так что надо готовиться к новой свадьбе.

1881 г.

(перевод Н. Высоцкой)

ЭЛИАС Б. ГОПКИНС, ДУХОВНЫЙ ПОВОДЫРЬ УЩЕЛЬЯ ДЖЕКМЕНА

Он был известен на прииске как преподобный Элиас Б. Гопкинс, но все, конечно, понимали, что это просто почётное звание, на которое он не может предъявить официальных прав. Его другая кличка – Пастор – довольно выразительно звучала в краях, где овцы разбрелись куда глаза глядят, а пастырей наперечёт. Надо отдать ему справедливость: он никогда не делал вид, что получил духовное образование или каким-то образом посвящён в сан. «Всех нас призвал к нашим трудам Господь, – заметил он однажды, – и не стоит голову ломать, получили мы свою должность по найму или впряглись в упряжку на свой страх и риск». Грубоватая образность этого рассуждения произвела неотразимое впечатление на обитателей Ущелья Джекмена. Можно с полной определённостью сказать, что первые месяцы его пребывания на прииске произвели несомненный и благотворный эффект, резко сократив злоупотребление крепкими напитками и крепкими выражениями, столь характерными для рудничных посёлков. Под его воздействием старатели начали понимать, что их родная речь не столь уж ограничена, как им казалось, и что возможно вполне точно передать свои впечатления, не прибегая к помощи богохульств.

Да, в начале 53-го года нам в Ущелье Джекмена был просто необходим подобный преобразователь нравов. На всех наших приисках началась пора процветания, но в Ущелье Джекмена особенно. Материальный успех на нравственном нашем облике сказывался пагубно. Посёлок был небольшой, примерно в ста двадцати милях севернее Баларэта, там, где горный поток устремляется вниз по каменистому склону, чтобы слиться с Эрроусмит Ривер. История не рассказывает, кто был тот Джекмен, в честь которого назвали посёлок, но к тому времени, о котором идёт наш рассказ, в Ущелье Джекмена обитало человек сто, если не больше, совершеннолетних, причём многие из них нашли здесь убежище после того, как были изгнаны ради общественного спокойствия из более цивилизованных старательских городков. Это были буйные и кровожадные субъекты, почти не поддающиеся влиянию немногих оказавшихся рядом с ними достойных людей.

Сообщение между Ущельем Джекмена и внешним миром было ненадёжным и трудным. В густых кустарниках между посёлком и Баларэтом действовал грозный разбойник Головастый Джим, который с шайкой таких же, как он сам, бандитов сделал путешествия рискованной затеей.*** Поэтому в посёлке вошло в обычай хранить полученные на прииске самородки и золотой песок на специально устроенном для этого складе, где у каждого был собственный мешочек с написанной на нём фамилией владельца. Наблюдение за этим примитивным банком вёл некто Уоберн, надёжный человек. Когда на складе накапливалось значительное количество золота, его владельцы нанимали фургон и отправляли драгоценный груз в Баларэт под охраной полицейских, а также нескольких старателей, поочерёдно исполняющих эту службу. Из Баларэта золото переправлялось в Мельбурн на регулярно следующих туда фургонах. Таким образом запасы золота копились иногда в Ущелье Джекмена месяцами, но Головастый Джим был нисколько не опасен в этой ситуации, ибо охрана значительно превосходила силами его банду. К тому времени, о котором повествует наш рассказ, он, казалось, с отвращением оставил мысль о прежде столь любимых им угодьях, после чего даже небольшие группы путешественников без малейших опасений отправлялись в путь.

В дневное время в Ущелье Джекмена царил относительный порядок, ибо большинство его обитателей, вооружённые ломами и кирками, пребывали среди кварцевых пластов или же промывали на лотках песок и глину на берегах небольшой реки. Но по мере того, как солнце

^{*} Баларэт – центр золотодобывающей промышленности в австралийском штате Виктория, район, где в середине XIX века были найдены первые месторождения золота. (Π . Γ .)

 $^{^{**}}$ Лагеря золотоискателей, небольшие фермы, поселения в Австралии часто носили названия, образованные от фамилий, – антропонимы. Джекманс-Галш в переводе с английского означает «Лощина Джекмана». (Π . Γ .)

^{***} Такого рода бандиты и разбойники именовались в Австралии «бушрейнджерами». Это были сосланные в Австралию каторжники, а иногда и бедняки-фермеры, доведённые нищетой до отчаяния, бежавшие в леса (буш) и жившие грабежом. (Π . Γ .)

клонилось к закату, участки мало-помалу пустели, а их владельцы, лохматые, нечёсаные и забрызганные жидкой глиной, брели вразвалочку к посёлку, вполне к этому времени готовые учинить любой дебош. Их первый визит был на склад к Уоберну, которому они сдавали дневную добычу, оставляя себе малость на вечерние расходы, причём хранитель склада тут же пунктуально всё регистрировал в приходной книге. После чего, отбросив ненужную уже сдержанность, каждый старался как можно быстрее прокутить то, что осталось в наличии. Средоточием разгула был самодельный бар – две большие бочки с положенными на них досками, - носивший звучное название «Питейный Салун Британия». Здесь Нат Адамс, дюжий трактирщик, разливал прескверное виски по цене два шиллинга за маленькую кружку или гинея за бутылку, а в это время его брат Бен выступал в роли крупье в стоящей позади бревенчатой хижине, превращённой в игорный притон и еженощно переполненной. Некогда существовал и третий брат, но печальное недоразумение с одним из клиентов сократило его жизненный путь. «Он был слишком мягок для того, чтобы жить долго, – прочувственно заметил на похоронах брат покойного Натаниэл. – Сколько раз я говорил ему: «Если ты о чёмто споришь с незнакомым человеком, сперва возьми его на мушку, потом изложи свои доводы, потом стреляй, если считаешь, что пора». Билл уж очень вежлив был. Он сначала излагал свои доводы и лишь после этого вытаскивал пистолет, а ведь мог сперва прицелиться, а уж затем вступать в беседу». Эта невинная слабость почившего Билла нанесла фирме Адамса тяжкий удар – предприятию катастрофически не хватало рабочих рук, так что пришлось подумать о приглашении в концерн компаньона, а это значительно сокращало прибыли.

Нат Адамс построил возле дороги лачугу задолго до того, как здесь нашли золото, и мог благодаря этому претендовать на звание старейшего из местных жителей. Эти владельцы придорожных хибар представляли собой своеобразный народец, и, пожалуй, было бы небезынтересно, отклонившись несколько от нашей темы, рассказать, каким образом они умудрились накапливать значительные капиталы в краю, где путники немногочисленны и редки. Среди местных сельских жителей – погонщиков буйволов, к примеру, или овечьих пастухов, или каких-либо других наёмных рабочих, которые батрачили на фермах, – существовал обычай подписывать с хозяином контракт, согласно которому они брали на себя обязательство служить год, два или три на ферме за установленную договором ежегодную оплату и определённый дневной рацион. Спиртное в этот рацион не входило, и батраки волейневолей в течение длительного времени оставались совершеннейшими трезвенниками. Когда срок соглашения подходил к концу, работнику сразу выплачивалась крупная сумма. Происходило это примерно так: пастух Джимми смущённо заходит к хозяину в контору, держа в руке шляпу, сплетённую из пальмового листа.

- Доброе утро, хозяин, говорит он. Стало быть, время моё вышло. Так уж я, пожалуй, заберу свой чек и съезжу в город.
  - А ты вернёшься, Джимми?
- Само собой, вернусь. Недельки три буду в отлучке или, может, месяц. Мне надобно кое-чего из одёжи купить, и сапоги мои шикарные почти что развалились.
  - Сколько с меня, Джимми? спрашивает хозяин и берёт ручку.
- Значит, жалованье шестьдесят фунтов, задумчиво произносит Джимми, а потом, помните, хозяин, в марте в прошлом году пёстрый бык из загона удрал. Вы мне тогда два фунта пообещали. Когда клещей на овцах выводили ещё один фунт. А потом ещё один фунт это когда милларовские овцы с нашими перемешались. И он продолжает и продолжает, ибо в деревне мало кто умеет писать, зато память у людей цепкая.

Хозяин выписывает чек и протягивает ему через стол.

- Не напивайся, Джимми, говорит он.
- Нет, этого можете не бояться, хозяин. И пастух кладёт чек в кожаную сумку и уже примерно через час отправляется на своей долговязой лошадке в город, расположенный за сотню миль от фермы.

За день Джимми должен проехать мимо шести, а то и семи вышеупомянутых придорожных хибар, а по опыту он уже знает, что если хоть раз нарушит своё тотальное воздержание, ставший непривычным горячительный напиток окажет на его рассудок непреодолимое и пагубное действие. Джимми глубокомысленно покачивает головой и даёт

себе слово, что никакие силы на земле не принудят его отведать хоть каплю спиртного до окончания всех дел. Его единственная надежда заключается в том, чтобы не подвергать себя искушению; вот почему, зная, что уже через полмили стоит первая корчма, он сворачивает на тропинку и движется через кусты в обход.

Джимми едет с решительным видом верхом по избранной им узкой тропинке и уже готов поздравить себя с тем, что благополучно избежал опасности, когда вдруг неожиданно замечает чернобородого загорелого человека, который поджидает его с безразличным видом, прислонившись к дереву у дороги. Человек этот не кто иной, как владелец корчмы, – он ещё издали заметил хитроумные манёвры Джимми и побежал через кусты наперерез, чтобы его перехватить.

- Здорово, Джимми! кричит он, когда всадник к нему подъезжает.
- Будь здоров, приятель, будь здоров!
- А скажи, куда это ты нынче собрался?
- В город еду, стойко отвечает Джим.
- В город? Что ты говоришь... да неужели? Вот уж где весело будет. В таком случае загляни ко мне, выпьем. Чтоб была во всём удача.
  - Нет, говорит Джим. Не хочу я пить.
  - Ну просто капельку.
  - Сказано тебе, совсем не хочу, сердито отвечает пастух.
- A чего ты мне грубишь? Мне-то ведь нет разницы, выпил ты или не выпил. Ну, будь здоров.
- Счастливо, отвечает Джим; однако, проехав с полсотни шагов, он снова слышит крики корчмаря. Тот просит его подождать.
- Послушай, Джимми, говорит корчмарь, догнав его. Сделай мне одно одолжение, когда в город приедешь, очень тебя прошу.
  - Hv, чего тебе?
- Письмо, Джимми, мне надо отправить письмо. Очень важное, имей в виду, так что первому встречному я не могу его доверить. Но тебя-то я знаю, если ты согласишься взять на себя это дело, у меня просто гора с плеч свалится.
  - Давай его сюда, лаконично произносит Джимми.
- Нету у меня его сейчас, не захватил. Оно у меня в камбузе. Давай съездим за ним вместе. Четверть мили, никак не больше до моей лачуги.

Джимми неохотно соглашается. Когда они подъезжают к полуразвалившейся лачуге корчмаря, тот весело и дружелюбно просит Джимми спешиться и зайти к нему в хижину.

- Письмо неси, говорит Джимми.
- Да понимаешь ли, письмо пока что ещё не до конца написано, но ты зайди и посиди минутку, а я его тем временем закончу.
   Таким образом нашего пастуха наконец-то заманили в хижину.

Но вот письмо в конце концов готово, и корчмарь вручает его пастуху.

- А теперь, Джимми, говорит он, выпей на дорожку стопочку, я угощаю.
- Ни глотка, говорит Джимми.
- Ах, ты вот как, вон ты, выходит, какой, обижается хозяин. Ты, стало быть, слишком гордый, не желаешь выпить с простым человеком. Что ж, ладно... отдавай-ка мне назад письмо. Сдохнуть мне, если я стану пользоваться услугами человека, который так о себе мнит, что не хочет даже со мной выпить.
- Да ладно, ладно, братец, чего ты кипятишься, урезонивает его Джимми. Разочек выпьем, а потом уж я поеду.

Хозяин корчмы наливает с полкружки неразбавленного рома и вручает пастуху. Наш скотовод вдыхает хорошо знакомый запах, и в тот же миг он чувствует, что забытая жажда снова к нему возвратилась, и одним глотком осущает кружку. Его глаза заблестели, лицо разрумянилось. Владелец хижины пристально наблюдает за ним.

- Ну, а теперь поезжай, Джимми, говорит он.
- Погоди, дружище, погоди, возражает батрак. Ты человек хороший, и я не хуже. Ты угостил меня, ну что ж, я тоже угостить тебя могу.

Кружку снова наполняют, глаза Джимми блестят ещё ярче.

– Ну, Джимми, а теперь последнюю – за благополучие этого дома, предлагает корчмарь, – а потом уж тебе точно пора ехать.

Пастух в третий раз прикладывается к кружке, после чего угрызения совести и благие намерения покидают его навсегда.

– Послушай, – произносит он слегка осипшим голосом и вынимает из сумки чек. – Пусть это будет у тебя, приятель. Если кто будет идти здесь по дороге, спроси, чего они желают, и скажи, что выпивку ставлю я. Скажешь мне, когда все деньги выйдут.

Итак, Джимми окончательно прощается с надеждой добраться до города, в течение месяца или трёх недель валяется в корчме в состоянии глубокого опьянения и всемерно способствует тому, чтобы каждый проходящий мимо корчмы путник доспел до таких же кондиций. Но вот одним прекрасным утром к нему является корчмарь.

 Финансы твои вышли, Джимми, – говорит он. – Пора тебе возвратиться на ферму и заработать ещё.

Перед дорогой Джим моется, не жалея воды, чтобы протрезветь как следует, пристегивает ремнём к спине одеяло и походный котелок и едет по кустарникам назад, на своё пастбище, где его ждёт ещё один год воздержания, а следом месяц беспробудного пьянства.

История эта, весьма типичная для развесёлых здешних мест, к Ущелью Джекмена прямого отношения не имеет, так что вернёмся, дорогой читатель, в наш райский уголок. Во времена, о которых я рассказываю, население здесь прибавлялось медленно и главным образом за счёт персонажей, превосходящих даже местных жителей свирепостью и грубостью манер. В особенности отличались двое негодяев, именуемых Филипс и Мол. В один прекрасный день они въехали верхом в посёлок и тут же застолбили участок на противоположном берегу реки. Видавший виды посёлок ещё не встречал такой обильной и грязной божбы, такой разнузданности поведения и речей, такого полного забвения всех общественных правил. Мерзавцы утверждали, что приехали из Бендиго, и многие из нас от души сожалели, что отважный Головастый Джим слишком рано покинул большую дорогу и не избавил нас от подобных гостей. С их приходом ночные бдения в баре «Британия» и игорном притоне приобрели ещё более буйный характер. Нередки стали яростные ссоры, сплошь и рядом заканчивающиеся кровопролитием. Наиболее миролюбивые посетители бара всерьёз поговаривали о том, что следует линчевать этих двух чужаков, постоянных зачинщиков беспорядка. В таком плачевном состоянии пребывали дела, когда на прииск, прихрамывая, заявился Элиас Б. Гопкинс, наш евангелист, запорошённый дорожной пылью, со сбитыми ногами, с лопатой за спиной и с «Библией» в кармане молескиновой куртки.

Его присутствия поначалу никто не заметил, столь незначителен был этот человек. Вёл он себя ненавязчиво и смирно, лицо бледное, фигура субтильная. При более близком знакомстве, однако, обнаруживались квадратная, твёрдо очерченная, чисто выбритая нижняя челюсть и ум, сверкавший в широко открытых голубых глазах, что в совокупности свидетельствовало о нём, как о личности незаурядной. Он построил себе небольшую хижину и застолбил участок по соседству с тем, который принадлежал двум явившимся незадолго до него дебоширам. Выбор участка свидетельствовал о столь полном незнании всех практических навыков и правил, что мы сразу поняли: в старательских делах он новичок. Направляясь по утрам на свои участки и проходя мимо него, мы сочувственно наблюдали, как он там роется с величайшим усердием, но, как мы знали, без малейшей надежды на успех. Когда мы проходили мимо, он прекращал на минутку работу, утирал пот с бледного лица цветастым носовым платком и громким голосом сердечно нас приветствовал с добрым утром, после чего с удвоенной энергией возвращался к работе. Мало-помалу мы привыкли останавливаться около него и со смешанным чувством пренебрежения и жалости осведомляться, как продвигаются его дела.

– Пока что мне ещё не повезло, ребята, – бодро отвечал он, опираясь на свою лопату. – Но пласт где-то здесь, я вот-вот до него доберусь, а может быть, уже сегодня выйду на богатую струю.

Так отвечал он нам день за днём, ежедневно, с неизменной уверенностью и бодростью.

А вскоре вслед за тем мы стали понимать: характер у Гопкинса есть. Как-то вечером в нашем салуне творилось сущее светопреставление. Дело в том, что накануне одному из старателей очень повезло, и он устроил в честь этого для каждого, кто пожелает, грандиозную

попойку, в результате которой три четверти посёлка упились до скотского состояния. В баре собралась орда пьяных бездельников — одни валялись на земле, другие ещё держались на ногах, и всё это пьяное сборище бранилось, богохульствовало, орало и плясало, а временами разряжало в воздух пистолеты из одного только стремления учудить что-нибудь побезобразнее. Из хижинки, где размещался игорный притон, доносились аналогичные звуки. Филипс, Мол и их прихлебатели правили здесь бал, и от чего-либо, похожего на порядок и благопристойность, даже следа не осталось.

Внезапно в хаосе божбы и пьяных выкриков выделился монотонный, ровный звук, не умолкавший ни на миг в общей разноголосице и настойчиво заполнявший все паузы. Прислушиваясь к этому несмолкавшему голосу, замолчал сперва один крикун, затем другой, наконец, утихли все, и взоры каждого обратились в ту сторону, откуда проистекал этот мирный и тихий словесный поток. Там верхом на бочке сидел Элиас Б. Гопкинс, в Ущелье Джекмена пока что новый человек, с добродушной улыбкой на весьма решительной физиономии. Он держал в руке открытую «Библию» и читал отрывок, взятый наугад, что-то из «Апокалипсиса», если не ошибаюсь. Выбранный им текст не имел ни малейшего отношения к тому, что его окружало, но Гопкинс продолжал бубнить с великим рвением, помахивая левой рукой в такт словам.

Все взревели от восторга при этом зрелище и дружно сгрудились вокруг бочки, решив, что здесь разыгрывается какая-то заковыристая шуточка и нас сейчас угостят комической проповедью или пародией на выхваченную из Писания главу. Чтец, однако, кончив эту главу, безмятежно принялся за следующую, а закончив следующую, начал читать третью, после чего заждавшиеся весельчаки пришли к выводу, что шутка несколько затянулась. Переход ещё к одной главе укрепил их в этом мнении, и со всех сторон зазвучали возмущённые выкрики, требующие заткнуть чтецу глотку или сбросить его с бочки к чортовой матери. Но, невзирая на вопли и гиканье, Элиас Б. Гопкинс рьяно продолжал своё занятие и выглядел так благостно, словно галдёж вокруг него являлся выражением глубочайшего одобрения. Вскоре пущенный рукой какого-то безбожника сапог то ли стукнулся о бочку, то ли просвистел над головой проповедника; впрочем, тут самые благонравные из наших горожан выступили в защиту мира и порядка и, как ни странно, были поддержаны уже упоминавшимися выше Филипсом и Молом, горячо вступившимися за пропагатора Священного писания.

— Он, понимаешь, маленький, да удаленький, — заявил последний, заслоняя от толпы своим могучим торсом объект её недовольства. — У него свои привычки, а у нас — свои, так ведь каждый может иметь своё мнение и изложить его либо с бочки, либо как ему будет угодно. Но я вот что говорю, и Билл то же самое говорит: когда люди вместо слов в ход сапоги пускают, это уже будет чересчур, а если он ошибся, мы всегда можем вмешаться и его поправить.

Этот шедевр элоквенции приостановил наиболее неумеренные проявления недовольства, однако партия неугомонных попыталась продолжить попойку и веселиться как ни в чём не бывало, игнорируя градом обрушившиеся на нас евангельские тексты. Тщетная попытка. Самые пьяные уснули под их монотонный рефрен, остальные же, бросая угрюмые взгляды на невозмутимого чтеца, разбрелись по своим хибарам, оставив поле битвы за маленьким человечком, всё так же гордо восседавшим на бочке. Обнаружив, что осталась лишь благонамеренная часть аудитории, человечек распрямился, закрыл книгу, педантично отметив в ней свинцовым карандашом то место, где остановился, и спустился со своего насеста.

— Завтра вечером, ребята, — произнёс он негромко, — мы начнём наше чтение с девятого стиха пятнадцатой главы «Апокалипсиса».

Сообщив нам эту информацию и не обратив внимания на наши поздравления и похвалы, он удалился с видом человека, исполнившего свой прямой долг.

Сказанные им на прощание слова, как выяснилось, не были пустой угрозой. На следующий вечер, едва лишь начали собираться завсегдатаи нашего питейного заведения, Элиас Б. Гопкинс вновь взгромоздился на бочку и снова принялся читать всё с тем же монотонным пылом, комкая фразы, спотыкаясь на словах, но всё же мужественно пробираясь от главы к главе. Смех, угрозы, шуточки – все виды оружия, кроме открытого насилия, пошли в ход, чтобы удержать его, и всё с плачевным результатом. Вскоре обнаружилось, что в его

действиях есть система. Если воцарялась тишина или же разговор был невинного свойства, чтение прекращалось. Стоило, однако, прозвучать хоть одному бранному слову, чтение возобновлялось и затягивалось не менее чем на четверть часа, после чего приостанавливалось вновь вплоть до следующей провокации. На второй вечер чтение было довольно продолжительным, ибо оппозиция ещё порядком распускала язык. Но по сравнению с предшествующей ночью прогресс был несомненный.

Более месяца Элиас Б. Гопкинс вёл свою кампанию. Вечер за вечером восседал он на своём пьедестале с открытой книгой на колене и при малейшем вызове начинал читать, словно приведённая в действие музыкальная шкатулка. Несмолкаемый, монотонный словесный поток стал невыносим, но прервать его было возможно, только подчинившись правилам игры нашего пастыря.

Таким образом получилось, что закоренелый богохульник непременно становился объектом общей неприязни, поскольку наказание за его проступок разделяли все. Через две недели наш усердный чтец половину времени проводил в молчании, а к концу месяца его должность превратилась в синекуру.

Никогда ещё моральная революция не свершалась так быстро и так радикально. Не в одних только общественных местах – мы на каждом шагу ощущали влияние Пастора. Стоило кому-нибудь из старателей во время работы обронить в его присутствии неосторожное слово, как он тут же, на участке правонарушителя, вскакивал с «Библией» в руке на груду красной глины и зачитывал начальную главу «Нового Завета» с такой серьёзностью и пылом, словно бы генеалогия Господа нашего имела самое непосредственное отношение к этому случаю. Случайно оказавшиеся в наших краях чужеземцы дивились благонравию Ущелья Джекмена, слухи о котором дошли до Баларэта, и вызвали там много толков.

Были у нашего евангелиста черты, которые делали его особенно подходящим для взятой им на себя задачи. Человек, лишённый даже небольших грехов, был бы слишком далёк от паствы и не сумел бы достичь с ней взаимопонимания. Познакомившись с Элиасом Б. Гопкинсом поближе, мы обнаружили, что при всём его благочестии в нём сохранились слабости нашего праотца Адама и что до дней духовного преобразования и возрождения он знавал, бесспорно, и другие дни. Он не был трезвенником. Наоборот, с большим знанием предмета выбирал напиток и с привычной сноровкой осущал стакан. Отлично играл в покер и другие азартные игры. Он и оба экс-негодяя, Филипс и Мол, могли часами сидеть за картами в полном согласии, за исключением тех случаев, когда несчастливая сдача исторгала крепкое словечко у одного из партнёров Пастора. При первом нарушении на его лице появлялась страдальческая улыбка, и он бросал на виновного укоризненный взгляд. При втором протягивал руку за «Библией», и игра на этот вечер прекращалась. Мы убедились также, что он хороший стрелок, когда, упражняясь в стрельбе неподалёку от бара, пуляли из револьвера по пустой бутылке из-под бренди, а Пастор взял у одного из нас пистолет и с двадцати четырёх шагов угодил прямо в серёдку. Стоило ему за что-то взяться, и он достигал явных успехов практически во всех делах, за исключением добычи золота, где отличался редкой тупостью. Нельзя было без жалости смотреть на тощий парусиновый мешочек с его фамилией, который тихо и недвижно лежал на полке склада Уоберна, в то время как другие ежедневно пополнялись, так что некоторые приобрели вполне округлые формы, ибо недели так и мелькали одна за другой и приближалась пора снаряжать караван в Баларэт. По нашим подсчётам, выходило, что на этот раз мы накопили больше золота, чем когда-либо увозили из Ущелья Джекмена одним конвоем.

Что до Элиаса Б. Гопкинса, то, хотя он, казалось, извлекал истинное и глубочайшее удовлетворение от произведённой им в нашем стане чудесной перемены, радость его была неполной, ибо пока что не сбылось одно из самых пылких его стремлений. Однажды он нам о нём поведал.

- Благодать Господня снизойдёт на наш посёлок, сказал он, если мы хотя бы раз устроим богослужение в день Святого Воскресения. Мы ведь просто-напросто искушаем судьбу, не отличая этот день от остальных ничем, кроме разве что большей выпивки и картёжной игры.
  - Так у нас же нет священника, возразил кто-то.
  - Дурень! оборвал его другой. Нет священника, зато есть человек, который стоит

трёх попов, а цитаты из Писания у него так и сыплются, словно глина из лотка. Чего тебе ещё не хватает?

- У нас нет церкви! упорствовал инакомыслящий.
- Можно прослужить службу под открытым небом, предложил один из нас.
- Или на складе Уоберна, сказал второй.
- Или в салуне Адамса.

Последнее предложение было встречено одобрительным гулом, свидетельствующим о том, что место выбрано удачно.

Салун Адамса представлял собой вместительное деревянное строение, находившееся позади бара и используемое отчасти для хранения спиртных напитков, отчасти — в качестве игорного дома. Салун строился во времена, предшествующие возрождению Ущелья Джекмена, он был крепко сбит из неотёсанных брёвен, ибо владелец его справедливо полагал: что бочки с бренди и с ромом — это такой товар, который следует хранить под замком. Помещение надёжно запиралось и с переднего, и с чёрного хода массивными дверями, а внутри, после того как убрали столы и скамьи, стало достаточно просторно для того, чтобы уместилось всё население посёлка. В конце зала Адамс поставил бочки со спиртным, нагромоздив их одну на другую таким образом, что они образовали недурное подобие кафедры.

Мероприятие поначалу вызвало в посёлке довольно вялый интерес, но, когда стало известно, что по окончании службы Элиас Б. Гопкинс намерен обратиться к слушателям с речью, Ущелье Джекмена оживилось. Проповедь и так была здесь в новинку, а то, что эту проповедь нам прочитает один из нас, совсем уж подогрело страсти. Ходили слухи, что проповедник неоднократно коснётся местных обстоятельств и призывы к нравственности будут оживлены остроумными личными выпадами. Люди стали опасаться, что им не хватит места, а на братьев Адамсов посыпались многочисленные просьбы. И лишь после того, как были представлены убедительные доказательства того, что салун способен вместить всех желающих и даже с избытком, посёлок наконец угомонился и, успокоенный, стал ожидать.

То обстоятельство, что помещение было просторным, оказалось весьма кстати, ибо аудитория, собравшаяся здесь воскресным утром, превосходила количеством самые многолюдные сборища, зафиксированные в анналах Ущелья Джекмена. Сперва нам даже показалось, что здесь присутствует всё население посёлка до единого человека, но, немного оглядевшись, мы поняли, что это не совсем верно. Отсутствовали Мол и Филипс, они отправились в горы на предмет изыскательских работ и пока ещё не возвратились, а хранитель нашего золота Уоберн не мог покинуть склад. Поскольку попечениям его было вверено огромное количество драгоценного металла, он остался на своём посту, справедливо ощущая, что ответственность слишком серьёзна, чтобы с ней не считаться. За исключением этих троих, все жители Ущелья в чистых красных рубахах, и вообще должным образом оживив свой туалет, неторопливо шагали по глинистому просёлку, постепенно стягиваясь к салуну.

Внутри строения были поставлены грубо сколоченные скамьи, у дверей же стоял наш Пастор, встречая каждого кроткой и добродушной улыбкой.

– С добрым утром, ребята, – бодро восклицал он, когда к салуну приближалась очередная группа. – Входите же, входите. Прекрасная работа вам нынче предстоит, ничуть не хуже ни одной из тех, что вы обычно выполняете по утрам. Пистолеты, пожалуйста, бросайте вот в эту бочку, когда будете мимо неё проходить; на обратном пути вы их можете вынуть, но негоже вносить оружие в дом мира и любви.

Паства благодушно исполняла эту просьбу, и к тому времени, когда подходили последние, в импровизированном хранилище собралась поразительная коллекция ножей и пистолетов. Но вот наконец все расселись по скамьям, обе двери заперли, и началась служба – первая и последняя в Ущелье Джекмена.

Погода была жаркая, и в комнате стояла духота, но старатели слушали с примерным терпением. Их околдовала прелесть новизны. Для некоторых ситуация была абсолютно незнакомой, у остальных она пробудила память об иных краях и иных днях. Если закрыть глаза на упорную склонность неофитов аплодировать после некоторых молитв, дабы засвидетельствовать свою солидарность с выражаемыми в этих молитвах чувствами, ни одна аудитория не могла бы вести себя лучше. Слушатели, однако, оживились, когда начал речь

Элиас Б. Гопкинс, взирая на них сверху вниз со своей бочёночной кафедры. Он оделся с подобающей торжественному случаю изысканностью. На нём была вельветовая блуза, опоясанная кушаком китайского шёлка, молескиновые штаны, в левой руке — шляпа, сплетённая из пальмового листа. Заговорил он тихо, и некоторые обратили внимание, что оратор то и дело поглядывал в узкий проём над головами слушателей, служивший в этом помещении окном.

– Я вас наставил на путь истинный, – сказал он, в частности. – Завёл вас в нужную колею, и не вздумайте из неё вылезать. – Тут он умолк на несколько секунд, очень пристально глядя в окно. – Вы приучились к трезвости и трудолюбию, а с такими достоинствами вам не страшны никакие потери. Я полагаю, ни один из вас не забудет моего посещения. – Он сделал паузу; три револьверных выстрела прозвучали в тихом летнем воздухе. – Ни с места, чорт бы вас побрал! – загремел проповедник, когда взволнованные слушатели вскочили. – Первого, кто шевёльнется, убью! Дверь заперта снаружи, и вы не сможете выйти. Всем сесть немедленно, дуралеи, ханжи! Сидеть, говорю вам, собаки, или я вас всех перестреляю!

Ошеломлённые, испуганные, мы снова сели и растерянно таращились на Пастора и друг на друга. Элиас Б. Гопкинс, чьё лицо и даже фигура чудесным образом переменились прямо у нас на глазах, злобно смотрел со своей вышки, презрительно усмехаясь.

– Ваша жизнь в моих руках, – проговорил он, и мы увидели, что он держит большой, тяжёлый револьвер, а из-за пояса у него выглядывает рукоятка второго. – Я вооружён, а вы безоружны. Если хоть один из вас шевельнётся или заговорит, он покойник. Если же будете сидеть тихо, я вас не трону. Вам придётся подождать здесь в течение часа. А теперь скажите мне, вы, дураки, – долго, очень долго не могли мы забыть, с каким презрением он прошипел эти слова, – вы хоть знаете, кому в руки вы попались? Вы знаете, кто тут несколько месяцев изображал пастора и святой жизни человека? Головастый Джим, разбойник, обезьяны вы. А Филипс и Мол – мои верные подручные. Сейчас они в горах с вашим золотом. Ха! А ну, давай, давай, попробуй! – Последнее относилось к своенравному зрителю, который тотчас же замер под свирепым взглядом разбойника и направленным на него револьвером. – Через час их уже никому не догнать, и я советую вам с этим примириться и не бросаться за ними в погоню, иначе вы можете потерять нечто более важное, чем деньги. Здесь, за этой дверью у меня за спиной, привязана моя лошадка. Когда наступит время, я выйду в эту дверь, запру её снаружи, и поминай как звали. Тогда вы можете выламывать дверь. Больше мне вам нечего сказать, кроме того, что вы – омерзительнейшее сборище ослов, когда-либо носивших сапоги.

У нас было достаточно времени, чтобы убедиться в правильности этого суждения, – все последовавшие долгие шестьдесят минут; негодяй не шутил, и мы были бессильны. Правда, мы могли бы всем скопом броситься и одолеть его, потеряв при этом человек десять. Но как организовать это нападение, не переговариваясь друг с другом, и кто решится начать первым, не зная, поддержат ли его остальные? Нам оставалось только покориться. Казалось, прошло никак не меньше трех часов, прежде чем разбойник защёлкнул часы, слез с бочки, пятясь, отошёл к дверям, попрежнему держа нас на мушке, и быстро выскользнул из помещения. Затем мы услыхали скрип ржавого замка и топот лошади, ускакавшей галопом.

Мы уже упоминали, что бранные слова в последние недели стали редкостью в посёлке. Мы рассчитались полностью за наше временное воздержание в ближайшие же полчаса. Мир не слыхивал столь виртуозной и прочувствованной брани. А когда в конце концов нам удалось высадить дверь, мы не обнаружили ни малейших следов ни – грабителей, ни золота, и в дальнейшем они никому из нас не повстречались. Бедняга Уоберн, верный долгу, лежал с простреленной головой на пороге опустошённого склада. Злодеи, Мол и Филипс, нагрянули в посёлок в тот самый миг, когда нас заманили в западню, они убили хранителя склада, погрузили добычу на небольшую тележку и благополучно вместе с ней удрали в какую-то расположенную в горах цитадель, где к ним присоединился их коварный вожак.

Ущелье Джекмена оправилось со временем от этого удара и в настоящее время представляет собой процветающий городок. Преобразователи общественной жизни здесь, впрочем, не в моде, и рассуждения на нравственные темы не пользуются популярностью. Рассказывают, что недавно подвергся дознанию некий вполне безобидный чужак, по простоте душевной случайно обронивший, что в таком большом посёлке неплохо было бы устроить воскресное богослужение. Память об их первом и последнем пасторе среди местных жителей

	· · - · - · -				•-		
попрежнем	иу жива	ни в	nngtha	не	vmer	еше	попро
HOHPOMHO	vi y AKRIDU	ırı, D		, 110	ymper	СЩС	долі о.

1885г.

(перевод Е. Коротковой)

ХИТРОСТИ ДИПЛОМАТИИ

Старика Альфонса Лакура и теперь помнят очень многие. Не доводилось ли вам жить в Париже в эпоху 1848 — 1856 годов? Лакур умер в 1856 году. В течение этих восьми-девяти лет он ежедневно посещал кафе «Прованс». Придёт, бывало, старик в своё любимое кафе часов в девять вечера, сядет в угол и высматривает слушателя. Охотник он был поговорить. Иногда старик слушателя не находил и тогда удалялся.

Для того, чтобы выслушивать воспоминания старого дипломата, нужно было обладать большим запасом терпения и деликатности. Дело в том, что его истории в большинстве случаев были совершенно невероятны, и стоило вам улыбнуться или удивлённо приподнять брови, слушая его небывальщину, старый дипломат, следивший за вами в оба, гордо выпрямлялся, лицо его делалось свирепым, как у бульдога, и он восклицал, изо всех сил упирая на букву «р»:

– Ah, monsieur r-r-rit?*

Или:

– Vous ne me cr-r-royez donc pas?**

И вам ничего не оставалось, как встать и начать извиняться. Простите, дескать, мьсье Лакур, мне пора в оперу, билет купил.

Много было удивительных историй у Лакура. Вспомните, например, его повествование о Талейране и пяти устрицах, или его совершенно нелепый рассказ о второй поездке Наполеона в Аяччо. А помните вы его удивительную историю о бегстве Наполеона с острова Святой Елены? Эту историю Лакур рассказывал всегда после того, как была откупорена вторая бутылка. Старик уверял, что Наполеон прожил целый год на свободе в Филадельфии. Англичане же этого долгого отсутствия императора не заметили потому, что роль его исполнял граф Эрбер Бертран, который как две капли воды был похож на Наполеона.

Изо всех историй Лакура самой интересной была, по моему мнению, история о «Коране» и курьере министерства иностранных дел. История эта долго мне казалась совершенно невероятной; только после, когда вышли из печати «Воспоминания г-на Ватто», я с удивлением убедился, что в рассказе старика Лакура содержалась известная доля истины.

— Нужно вам сказать, monsieur, * — рассказывал, бывало, старик, — что я уехал из Египта после убийства Клебера. Я с удовольствием остался бы в Египте. Я занимался тогда переводом «Корана» и, сказать между нами, подумывал даже о переходе в ислам. Меня поражали мудрые предписания «Корана» относительно брака. Магомет сделал в «Коране» только одну непростительную ошибку, а именно — воспретил своим последователям употребление вина. Если я не перешёл в мусульманство, то только поэтому. Как меня ни уговаривал муфтий, я не изменил своих убеждений.

Ну вот, старик Клебер умер и его место занял Мену. Я понял, что мне надо уехать. Я не стану, мьсье, хвалиться и говорить о своих талантах, но вы, разумеется, прекрасно понимаете, что надо оберегать чувство собственного достоинства. Нельзя же, чтобы осёл был выше человека.

И вот, захватив с собой «Коран» и все мои записки и бумаги, я перебрался в Лондон. В Лондоне в это время жил Monsieur Ватто. Он был назначен первым консулом для заключения мирного договора с Англией. Война между Англией и Францией длилась уже десять лет, и обе стороны устали.

Я оказался очень полезным человеком для Monsieur Batto. Во-первых, я хорошо знаю английский язык, а во-вторых, у меня — терпеть не могу хвалиться — выдающиеся дипломатические способности. Жили мы на Блумсберийской площади. О, хорошее было время! Должен только сказать, мьсье, что климат вашего отечества отвратителен. Но что ж вы хотите? Хорошие цветы только под дождём и цветут. Позвольте заметить, мьсье, что ваши соотечественницы — чудные, прекрасные цветы, расцветающие под дождём и в тумане.

** Так, стало быть, вы мне не вер-р-рите? (франц.)

^{*} A, судар-р-рь! вас смех p-разбир-рает? (франц.)

 $^{^*}$ По-русски читается: «месье» или, лучше, «мьсье» – сударь, милостивый государь, господин. (франц.) (П.Г.)

Ну вот, наш посланник, Monsieur Ватто, страшно много работал над этим мирным договором. Всё посольство работало над этим договором. Слава Богу ещё, что нам не пришлось тогда иметь дело с Питтом. О, этот Питт ужасный человек. Францию он ненавидел. Если Франция видела, что против неё составляется какой-нибудь заговор, она могла быть уверенной заранее, что тут без Питта не обошлось. Питт совал свой длинный нос всюду, где можно было подстроить пакость Франции.

Но англичане, слава Богу, догадались удалить этого беспокойного человека от дел правления. У власти стоял Monsieur Аддингтон, с которым нам не приходилось видаться. Министром иностранных дел состоял милорд Хоксбери. Он с нами больше и торговался.

Уверяю вас, мы занимались не пустяками. Война длилась более десяти лет, и за это время Франция успела захватить многое, что принадлежало Англии, а Англия захватила то, что принадлежало французам. Спрашивается, что отдавать назад и что удержать в своих руках? Возьмём, к примеру, такой-то остров: стоит ли он, спрашивается, такого-то полуострова? Можно ли отдать остров и взять полуостров? Мы, например, соглашаясь делать англичанам такие уступки в Венгрии, потребовали у них таких же уступок в Сьерра-Леоне. Мы соглашались отдать Египет султану, но взамен этого просили англичан уступить нам мыс Доброй Надежды, который вы, господа, отняли у наших союзников голландцев.

В таком духе, мьсье, мы и препирались с английскими дипломатами. Monsieur Ватто возвращался в посольство совершенно изнурённый. Иногда он сам даже из кареты выйти не мог; мы с секретарём, бывало, вытащим его из экипажа и уложим на диван.

Но помаленьку дело шло, и наконец настал вечер, когда нам и англичанам предстояло подписать договор.

Должен сказать, что главным нашим козырем в игре с англичанами был Египет, занятый нашими войсками. Англичанам ужасно не хотелось, чтобы Египет остался за нами. Владея Египтом, мы были хозяевами всего Средиземного моря. И кроме того, мьсье, англичане боялись, что наш маленький, удивительный Наполеон, утвердившись в Египте, двинется оттуда на Индию. Мы знали об этих страхах англичан и использовали их. Лорд Хоксбери говорит, например, нам: «Эту землю мы удержим за собой», а мы ему и отвечаем: «А в таком случае мы не согласны на эвакуацию из Египта». И наши слова отлично действовали на лорда Хоксбери, и он соглашался на все наши требования. Благодаря Египту нам удалось выторговать великолепные условия, нам даже удалось принудить англичан уступить нам мыс Доброй Надежды. Мы, мьсье, вовсе не хотели допускать ваших соотечественников в Южную Африку. История научила нас уму-разуму. Ведь если Англию куда-нибудь пустишь, то оттуда её уж не выгонишь. Мы не боимся, мьсье, вашей армии и флота. Мы боимся ваших младших сыновей и людей, делающих себе карьеру. Ах, эти ужасные младшие сыновья! Мы, французы, заполучив какую-нибудь заморскую землю, сейчас же на том успокаиваемся и только поздравляем друг друга в Париже. Вот, дескать, поздравляем вас: у нашего отечества есть новая колония. Вы, англичане, действуете совсем не так. Взяв новую землю, вы сейчас же начинаете спрашивать: а что это за земля такая? И новое владение вас так интересует, что вы немедленно же забираете с собой жён и детей и едете за море. И попробуй потом у вас эту землю отнять! Это так же трудно, как, скажем, отнять Блумсберийскую площадь в Лондоне.

Однако, возвращаюсь к моему рассказу. Договор должен был быть подписан первого октября. Утром я поздравил Monsieur Ватто с благополучным окончанием трудов. Ватто был маленький, бледный человек, очень нервный и подвижный. Своему успеху он страшно радовался. Весь день не мог сидеть спокойно: бегал по комнатам, со всеми разговаривал и смеялся. Я был спокоен; усевшись на диван в углу, я молчал и думал.

И вдруг, мьсье, входит курьер из Парижа и подаёт Monsieur Ватто депешу. Мьсье Ватто распечатал депешу, прочитал, и вдруг колени его подогнулись – и он упал на пол без чувств. Мы с курьером бросились к нему, подняли и положили на диван. Мьсье Ватто был так бледен, что я подумал, уж не умер ли он? Приложил руку к левой стороне груди: нет, Ватто жив, сердце ещё бьётся.

- В чём дело? спросил я у курьера.
- Не знаю, ответил курьер. Monsieur Талейран велел мне спешить изо всех сил с этой депешей и передать её прямо в руки Monsieur Ватто. Из Парижа я выехал вчера в полдень.

Знаю, мьсье, - продолжал Лакур свой рассказ, - что я поступил в данном случае

нехорошо, но не мог сдержаться и заглянул-таки в депешу. Боже мой! Меня точно молнией поразило. Впрочем, в обморок я не упал, а сел на диван, у ног своего начальника и стал плакать. Депеша была весьма краткая и извещала, что Египет уже месяц как занят английскими войсками. Договор наш можно было считать окончательно погибшим: ведь наши враги и согласились на выгодные для нас условия только из-за того, что нами был занят Египет. Теперь же, узнав о нашей эвакуации из Египта, англичане должны были отказаться от всего. Договор-то ещё не подписан, и нам придётся отказаться от мыса Доброй Надежды. Мы должны будем отдать англичанам Мальту. Ведь если Египет оставлен нами, нам и торговаться нельзя.

Но, мьсье, мы, французы, не так-то легко сдаёмся. Правда, мы легко поддаёмся чувствам и не можем их скрывать. Поэтому вы, англичане, считаете нас малодушными и женственными, но это ошибка. Почитайте-ка историю – и вы убедитесь в том, что ошибаетесь.

Мьсье Ватто пришёл в себя, и мы стали совещаться, что нам предпринять.

- Продолжать дело бесполезно, Альфонс, сказал он, этот англичанин станет надо мною смеяться, если я ему предложу подписать договор.
- Courage!* воскликнул я. Мне пришла в голову потрясающая мысль: почему вы думаете, что англичане знают о нашей эвакуации из Египта? Может быть, им ничего ещё неизвестно, и они подпишут договор?

Мьсье Ватто вскочил с дивана и заключил меня в свои объятия.

– Альфонс, вы меня спасли! – воскликнул он. – В самом деле, откуда англичанам знать о нашей эвакуации из Египта? Мы получили депешу прямо из Тулона через Париж. Их же агенты везут то же известие через Гибралтарский пролив. В Париже никто об этом не знает, кроме Талейрана и первого консула. Если мы будем держать эту новость в тайне, мы ещё можем надеяться, что английская дипломатия подпишет договор!

Вы, конечно, можете себе представить, мьсье, в какой ужасной тревоге мы провели тот день. О, никогда не забуду тех еле тянувшихся, томительных часов! Мы сидели вместе, вздрагивая всякий раз, когда на улицах раздавался крик; казалось, что этими криками толпа приветствует наш уход из Египта. Мьсье Ватто за один день состарился, а что касается меня, мьсье, я всегда держусь того мнения, что лучше итти опасности навстречу, нежели ожидать её приближения. Поэтому вечером я отправился бродить по городу. Побывал я и в фехтовальном зале мьсье Анджело, и у боксёра, мьсье Джексона, и в клубе Брукса, и в кулуарах палаты общин — об оставлении нами Египта никто не знал. Однако это меня не успокоило. Почём знать? Может быть, милорд Хоксбери получил известие одновременно с нами. Милорд жил на Гарлейской улице, и там мы уговорились сойтись, чтобы подписать договор. Свидание было назначено в восемь часов вечера. Я заставил Мопѕіецг Ватто выпить перед отъездом два стакана бургундского. Я боялся, что увидав его растерянное лицо и трясущиеся руки, английский министр заподозрит неладное.

Из посольства мы отбыли в карете в половине восьмого. Мьсье Ватто вошёл один, а затем извинился, будто забыл портфель, и снова вышел ко мне. Он был радостен, и щёки его горели румянцем. Мьсье Ватто сообщил, что всё идёт благополучно.

- Он ничего не знает! шепнул Monsieur Ватто. О, если бы только полчаса продержаться!
  - Дайте мне какой-нибудь знак, что договор подписан, сказал я.
  - Для чего?

– Потому что до тех пор, пока договор не будет подписан, ни один курьер не войдёт в дом министра. Я, Альфонс Лакур, даю вам слово.

Мьсье Ватто с чувством пожал мне руку.

— Видите ли, вон в том окне две свечи горят? они стоят на столе подле окна. Когда договор будет подписан, я под каким-нибудь предлогом передвину одну из свечей, — сказал он и поспешил в дом.

Я остался один ожидать в карете. Вы понимаете теперь, мьсье, положение, в котором мы находились, — нам нужно было во что бы то ни стало обеспечить себе полчаса. Если это нам удастся, договор будет подписан.

_

^{*} Не будем падать духом! (франи.)

Прошло несколько минут после ухода Monsieur Ватто, как вдруг из Оксфордской улицы показалась карета и стала быстро приближаться к дому министра. Что, если в этой карете сидит курьер с депешей об оставлении Египта? Что мне делать?

Да, мьсье, в эту минуту я был готов на всё, я был готов даже убить курьера. Да, убить! Лучше я совершу преступление, чем дозволю расстроить начатое нами дело. Тысячи людей умирают, чтобы со славой закончить войну. Почему же не убить одного человека для того, чтобы добиться славного и почётного мира? Пускай меня хоть казнят за это! Я готов был пожертвовать собой ради отечества.

За поясом у меня торчал кривой турецкий кинжал. Я схватился за его рукоятку, но карета, к счастью, проехала мимо! Я немножко успокоился, но только немножко. Ведь могла подъехать и другая карета. Я понял, что мне нужно ко всему приготовиться. Прежде всего следовало устранить из этой компрометирующей истории посольство. Я велел кучеру отъехать вперёд, а сам нанял извозчичью карету. Извозчику я дал гинею, и он сразу понял, что тут будет дело совсем особое.

- Если вы будете исполнять все мои приказания, то получите другую гинею, - сказал я извозчику.

Извозчик был неуклюжий, вялый детина; он поглядел на меня сонными глазами и сказал без малейших следов удивления или любопытства:

- Слушаю, сэр.
- Если я сяду в вашу карету с другим джентльменом, возите меня взад и вперёд по Гарлейской улице и не слушайтесь ничьих приказаний, кроме моих. Когда же я выйду из экипажа, везите другого джентльмена в Уотверский клуб на Брутон-стрит.
  - Слушаю, сэр, снова ответил извозчик.

И вот я продолжал стоять у дома милорда Хоксбери, с нетерпением поглядывая на окно, подле которого горели свечи. Прошло таким образом пять минут, а затем ещё пять.

Ах, как томительно медленно ползли эти минуты! Стояла октябрьская ночь, настоящая октябрьская ночь — сырая и холодная: по мокрым, блестящим камням мостовой полз белый туман, постепенно поднимаясь вверх. Мрак улиц, освещённых слабыми масляными фонарями, всё более сгущался. За пятьдесят шагов не было видно ни зги. Я напрягал слух, стараясь различить стук копыт и дребезжанье колёс экипажа. Невесёлое место, мьсье, ваша Гарлейская улица. На ней невесело даже в солнечный день. У домов солидный, почтенный вид, но изящества в них ни на грош. Лондон, мьсье, это такой город, в котором должны были бы жить одни мужчины.

Особенно же тосклива была Гарлейская улица в тот серый вечер. Кругом сырость и туман, на душе кошки скребут... ах, как я скверно себя чувствовал! Мне казалось, что я попал в самое тоскливое место на свете.

Я шагал взад и вперёд по тротуару, стараясь согреться и прислушиваясь к доносившимся ко мне звукам. И вдруг я различил стук копыт и дребезжанье колёс. Звуки становились всё громче и сильнее. Вот в тумане показались два фонаря, и к дому министра иностранных дел подкатил кабриолет. Экипаж ещё не успел остановиться, как из него уже выскочил молодой человек. Он бросился в подъезд и готовился взбежать по лестнице. Кучер поворотил лошадь и исчез в тумане.

Мои способности, мьсье, обнаруживаются во всём своём блеске, когда нужно действовать. Вы вот сидите со мной в кафе «Прованс», видите, как я попиваю винцо, и вам в голову прийти не может, на что я способен.

Я понял, мьсье, значение наступившего момента, я понял, что на карту поставлены все приобретения десятилетней войны. Я был великолепен. Франция начала последнюю битву, и я являл собою и главнокомандующего, и всю армию.

Я приблизился к молодому человеку, взял его под руку и произнёс:

- Если не ошибаюсь, сэр, вы привезли депешу для лорда Хоксбери?
- Да, ответил он.
- Я вас уже полчаса жду. Вы должны ехать со мной немедленно. Лорд Хоксбери находится у французского посланника.

Я говорил это так уверенно и просто, что курьер не колебался ни минуты и сейчас же сел в извозчичью карету. Я сел рядом. В душе я так сильно радовался, что мне хотелось

кричать.

Курьер министерства иностранных дел был маленький, тщедушный человечек, ростом чуть-чуть повыше Monsieur Batto. А я, мьсье... Вы видите, каковы у меня и теперь руки, представьте же себе, каков я был тогда, в двадцать семь лет. Ну, усадил я курьера в карету; спрашивается, что мне с ним делать? Вреда без надобности мне причинять ему не хотелось.

– Очень спешное дело, – сказал курьер, – у меня депеша, которую я должен вручить министру безотлагательно.

Мы проехали всю Гарлейскую улицу. Извозчик, повинуясь моим приказаниям, повернул лошадь и мы поехали назад.

- Вот так раз! Это что ещё за чертовщина?! крикнул курьер.
- Чего вы кричите?
- Да ведь мы назад поехали! Где же лорд Хоксбери?
- Мы его скоро увидим.
- Выпустите меня! закричал курьер. Тут, я вижу, какое-то мошенничество. Извозчик, стой! Стой, тебе говорю! Выпустите меня, говорю я вам!

Курьер стал отворять дверцу кареты, но я его отшвырнул назад. Он закричал «караул». Я зажал ему рот ладонью, но он прокусил мне руку насквозь. Тогда я снял с него шарф и завязал ему рот. Курьер продолжал барахтаться и мычал, но производимый им шум заглушался стуком колёс.

Мы проехали мимо дома министра. Свечи были в прежнем положении.

Курьер на какое-то время успокоился, и я видел в темноте, как он глядел на меня, сверкая глазами. Он был оглушён, когда я его оттолкнул назад, сильно ударившись о стенку кареты. И кроме того, наверное, он размышлял, что ему делать?

Ему удалось, наконец, сдвинуть шарф. Высвободив рот, он произнёс:

- Если вы меня отпустите, я вам отдам часы и кошелёк.
- Благодарю вас, сэр, но я такой же честный человек, как и вы.
- Но кто вы такой?
- О, вам это совсем неинтересно!
- Чего вы от меня хотите?
- Видите ли, я заключил пари.
- Пари? Что вы хотите сказать? Да знаете ли вы, что мешаете исполнить дело государственной важности? За такое пари и верёвку неплохую дадут.
  - Что делать! Я держал пари. Я страшный любитель всякого спорта.
- Достанется же вам за этот спорт! воскликнул курьер. Вы прямо какой-то сумасшедший, вот что я вам скажу.

Я ответил:

– Видите ли, сэр, я держал пари, что прочту целую главу из «Корана» первому человеку, которого встречу на улице.

 $\mathfrak X$ не знаю, мьсье, с чего мне пришла в голову такая мысль. Должно быть, я думал о своём переводе «Корана».

Курьер опять схватился за дверцу кареты, но я его снова отшвырнул назад и посадил на место. Он был измучен борьбой и спросил меня более смиренным тоном:

- A вы долго будете читать свой «Коран»?
- Это зависит от той главы, которую я буду читать. В «Коране» есть и длинная, и короткая главы.
  - Прочтите, пожалуйста, что-нибудь покороче и отпустите меня с миром.
- Пожалуй, это будет нечестно с моей стороны, возразил я. Поспорив, что я прочту первому встречному главу из «Корана», я не подразумевал что-нибудь уж очень коротенькое. Я имел в виду главу средней величины.
- Караул! Грабят! завопил снова потерявший терпение курьер, и мне пришлось опять завязать ему рот шарфом.
- Потерпите немножко! сказал я ему. Я быстро управлюсь, и кроме того, я прочту нечто, что должно вас заинтересовать. Признайтесь, что я великодушен и стараюсь всеми способами облегчить вашу участь.

Курьер, снова выпутавшийся из-под шарфа, простонал:

- Ради Бога, кончайте ваше чтение поскорее.
- Хотите, я вам прочту главу о Верблюде?
- Да, да, читайте.
- Но, может быть, вы, предпочтёте главу о Морской Лошади?
- Ну, читайте о Морской Лошади.

Мы опять проехали мимо дома министра. Сигнала на окне всё не было. Я принялся читать главу о Морской Лошади.

Вы, мьсье, наверное, не знаете «Корана», а я его и тогда знал, и теперь знаю наизусть. Слог в «Коране» таков, что может привести в отчаяние человека, который куда-нибудь спешит. Но иначе нельзя. Восточные люди спешить не любят, а ведь «Коран» писался именно для них. Я принялся читать «Коран» медленно, торжественно, как и подобает читать священную книгу. Молодой человек даже притих от нетерпения и стонал. А я знай себе читаю:

«И вот вечером привели к нему лошадей, и каждая из этих лошадей стояла на трёх ногах, упершись концом копыта четвёртой ноги в землю, и когда эти лошади были поставлены перед ним, он сказал: «Возлюбил я земные блага любовью высшей, чем та, которой я стремился к неземному и высшему, и глядел я на этих лошадей и впал в нищету, забыв об Аллахе. Подведите ко мне лошадей поближе». И подвели к нему лошадей, и стал он отрезать им ноги, и...»

Но когда я дошёл до этого места, молодой англичанин вдруг на меня набросился. Боже мой, какие пять минут я провёл! Этот малютка-англичанин оказался боксёром. Он умел ловко наносить удары. Я пробовал поймать его за руки, а он знай себе хлоп да хлоп, то в глаз мне ударит, то в нос... Я наклонил голову и попробовал защититься. Напрасно, – он меня из-под низу стал лупить. Но как он ни старался, всё было тщетно. Я был для него слишком силён. Бросился я на него, а убежать ему и некуда; шлёпнулся он на подушки, а я его и притиснул – да так, что из него чуть дух не вылетел.

Нужно мне было во что бы то ни стало этого молодца связать. Стал я искать, чем бы мне его связать, и нашёл. Снял со своих башмаков ремни и одним связал ему руки, а другим ноги. Рот я ему заткнул шарфом. Умолк тут мой курьер; лежит только, да в темноте на меня глазами сверкает.

Сделал я всё это и занялся собой. Из носа у меня текла кровь. Выглянул я в окно кареты, мьсье, и первым делом увидел окно в доме министра, и свечи уже переставлены. Ах, какими милыми, хорошими показались мне тогда эти свечи, мьсье! Один, одними своими руками я помешал капитуляции целой армии и потери провинции. Да, мьсье, я один, невооружённый, сидя в извозчичьей карете на Гарлейской улице, разрушил то, что сделали у Абукира генерал Аберкромби и его пять тысяч солдат.

Времени мне терять было нельзя. Мьсье Ватто мог выйти в любую минуту. Я остановил извозчика, дал ему вторую гинею и велел ему ехать на Брутон-стрит вместе со злополучным курьером. Сам же я, нимало не медля, забрался в посольскую карету. Не прошло и минуты, как дверь дома отворилась и на пороге показались Monsieur Ватто и лорд Хоксбери. Министр заговорился до того, что вышел провожать нашего посланника до кареты. Министр был без шляпы. В то время, как лорд Хоксбери стоял у подъезда, послышался стук колёс, и из экипажа выскочил какой-то человек.

- Весьма важная депеша, милорд! воскликнул он, подавая лорду Хоксбери запечатанный пакет. Я успел разглядеть лицо курьера. Это был не мой приятель, а другой, должно быть, посланный вдогонку. Лорд Хоксбери схватил пакет и прочитал его около фонаря кареты. Лицо у него стало бледное, как мел.
- Мьсье Ватто! воскликнул он. Мы подписали договор по недоразумению. Египет давно в наших руках!
  - Что? Невероятно! воскликнул Monsieur Ватто, притворяясь поражённым.
  - Но это так. Месяц тому назад Аберкромби овладел Египтом.
  - В таком случае, я весьма счастлив, что договор уже подписан, сказал Monsieur Batto.
- Да, сэр, у вас есть все основания считать себя счастливым, ответил лорд Хоксбери и отправился к себе.

Договор во Францию отвёз я, мьсье. Англичане послали за мной погоню, но догнать не

смогли. Их ищейки добрались только до Дувра в то время, когда я, Альфонс Лакур, был уже в Париже и докладывал Monsieur Талейрану и первому консулу о происшедшем. Оба они сердечно поздравили меня с успехом.

1894 г.

(перевод Павла Гелевы)

ДРУЖЕСКАЯ БОЛТОВНЯ

Представители медицинской профессии, как правило, слишком занятые люди, чтобы вести учёт всех неординарных или драматических событий, случающихся в их практике. В результате самым известным популяризатором медицины в современной литературе оказался не врач, а юрист. Жизнь, большая часть которой проходит либо у постелей пациентов, лежащих на смертном одре, либо в помощи тем, кто только готовится появиться на этот свет, странным образом искажает в человеке чувство пропорционального, как, скажем, крепкие спиртные напитки искажают чувствительность вкусовых пупырышков на языке. Перевозбуждённые нервные центры просто отказываются реагировать нормальным образом. Попробуйте расспросить хирурга о самых сложных его операциях — вы скорее всего получите ответ, что лично он в них ничего примечательного не видит, или же услышите невразумительный набор чисто технических терминов. А вот если вы сумеете застать того же хирурга как-нибудь вечерком у зажжённого камина и с набитой трубкой в зубах, да ещё в компании двух-трёх коллег, тогда вы имеете шанс, искусно задав наводящий вопрос или ввернув удачный намёк, развязать такому человеку язык и услышать нечто действительно интересное, свежее, горяченькое, выхваченное прямо из котла бурно кипящей жизни.

Только что закончился обед, устраиваемый раз в сезон для своих членов Мидлендским отделением Британской Медицинской Ассоциации.* На столе разбросаны два десятка кофейных чашек, дюжина ликёрных рюмок, приборы. Над столом клубится плотный голубой туман табачного дыма, поднимающийся к высокому позолоченному потолку, создавая впечатление людного и удачного сборища. Однако большинство гостей давно покинули зал, разъехавшись по домам. Длинная вешалка в холле гостиницы, где проходил банкет, сплошь увешанная добротными докторскими пальто с оттопыривающимися карманами и шляпами с укреплёнными на тульях стетоскопами, почти опустела. Лишь трое припозднившихся врачей сидят вокруг пылающего огня в столовой и о чём-то спорят между собой, ожесточённо попыхивая короткими трубками. Четвёртый — молодой человек, не имеющий никакого отношения к благородной профессии целителя, — сидит за столом спиной к ним. Прикрываясь обложкой раскрытого журнала, молодой человек лихорадочно строчит что-то при помощи стилографического пера, время от времени невинным голосом подбрасывая медикам тот или иной вопрос, тут же оживляющий грозящую то и дело заглохнуть беседу.

Все трое врачей находятся в том неопределённом возрасте, который принято называть средним; вступают в него, как правило, уже в начале карьеры, а выходят прямо в отставку. Ни один из них не добился громкой славы, но каждый тем не менее обладает хорошей репутацией и достаточно широкой известностью в узких профессиональных кругах. Представительного мужчину с властными манерами и белым пятном на щеке — следом ожога кислотой — зовут Чарли Мэнсоном. Он служит главным врачом психиатрической лечебницы в Уормли и является автором блестящей монографии «Неявные психические отклонения и расстройства у неженатых мужчин». Воротнички он всегда носит высокие и жёсткие после памятного случая в лечебнице, когда одному из пациентов, свихнувшемуся на почве изучения «Апокалипсиса», наполовину удалось перерезать Чарли глотку осколком оконного стекла.

Вторым в компании присутствует румяный здоровяк с лукавыми карими глазами и обаятельной наружностью. Он держит обширную общую практику, обладает колоссальным опытом, имеет трёх ассистентов и полдюжины лошадей, обслуживает, в основном, бедные кварталы города, беря за визит полкроны, а за консультацию шиллинг, и всё-таки умудряется зарабатывать две с половиной тысячи фунтов в год. Десятки больных улыбаются, видя склонившуюся над их изголовьем сияющую, жизнерадостную и весёлую физиономию доктора Теодора Фостера. Общее число его пациентов примерно на треть превышает количество платёжеспособных, но доктор Фостер никогда не позволяет себе унывать по этому поводу, рассчитывая заполучить в один прекрасный день в клиенты какого-нибудь миллионера с

 $^{^*}$ Крупнейшая организация врачей Великобритании, основана в 1832 году. Мидленд — центральное графство Англии. (П.Г.)

хроническим заболеванием — идеальный вариант, мечта любого практика — и уж на нём одним махом отыграться за всё.

Третий развалился в кресле справа, водрузив ноги в блестящих лаковых башмаках на каминную решётку. Это Харгрейв — восходящая звезда в хирургии. Внешне он резко отличается от эпикурейца Фостера: взгляд его суров и критичен, линия рта пряма и строга, в каждой чёрточке лица читаются решительность и уверенная сила. Эта внешность внушает доверие тем пациентам, чьи дела настолько плохи, что приходится прибегать к хирургическому вмешательству. И это правильно — ведь несчастным требуется не столько симпатия, сколько хладнокровие, профессионализм и твёрдая рука. Доктор Харгрейв называет себя «простым челюстником», не более того, хотя на самом деле он пока ещё слишком молод и беден, чтобы ограничить поле своей деятельности столь узкой специализацией. Скромность, конечно, украшает человека, но вы можете быть уверены: в области хирургии не найдётся ни одного уголка, куда молодой Харгрейв не рискнул бы дотянуться своим скальпелем.

- Прежде, после и в процессе... бормочет Фостер в ответ на какую-то реплику со стороны соседа. Уверяю вас, Мэнсон, в практике приходится наблюдать самые разные формы кратковременного помешательства.
- Вы имеете в виду родильную горячку, не так ли? заинтересованно вставляет хирург. Уверен, у вас в голове наверняка всплыл какой-то любопытный случай, Фостер!
- Что ж, верно. Как раз на прошлой неделе мне пришлось столкнуться кое с чем новеньким. Признаться, прежде такого встречать не доводилось. Меня пригласила супружеская пара по фамилии Силкоу. Когда начались схватки, я поехал к ним сам — они и слышать не желали об ассистенте. Муж, который служит полисменом, сидел на противоположной стороне кровати близ изголовья. Я сказал, что так не пойдёт, но роженица заупрямилась. «Мой муж останется сидеть здесь, доктор», - сказала она. «Но это противоречит всем правилам. Я требую, чтобы ваш муж покинул помещение», - возмутился я. «Нет, он всё равно останется!» — твердила она, не желая ничего больше слушать. «Послушайте, док, — говорит он, — я клянусь, что всю ночь не пророню ни звука и не пошевелю даже пальцем, только позвольте мне сидеть рядом». Короче говоря, они меня уговорили вдвоём. Я разрешил парню остаться, и он просидел неподвижно целых восемь часов. Леди держалась отлично, но меня удивило, что её супруг время от времени испускал болезненный стон. Я обратил внимание, что его правая рука находится под одеялом, где её, без сомнения, крепко сжимает левая ручка дамы. Когда роды благополучно завершились, я бросил взгляд на мужа: лицо его было пепельного цвета, а голова бессильно склонилась на край подушки. Сначала я решил, что он потерял сознание от чрезмерных эмоций, и мысленно изругал себя за малодушие, согласившись разрешить ему остаться. Однако, присмотревшись внимательней, я с ужасом обнаружил, что одеяло поверх его руки насквозь пропиталось кровью. Я откинул покрывало и увидел, что запястье мужа разодрано чуть ли не пополам. Оказывается, леди нацепила себе на левую руку один браслет полицейских наручников, а на правую руку супруга — второй. Во время родовых схваток она выкручивала цепочку с такой силой, что браслет врезался в плоть аж до самой кости. «Не удивляйтесь, доктор, — сказала она, заметив, что я обнаружил их секрет, — я считаю, что в этом деле он тоже должен получить свою долю. Око за око», — так она и сказала.
- Должен признаться, эта область медицины всегда казалась мне утомительной, заявил после небольшой паузы Фостер. А как вы считаете, коллега?
  - Эх, дорогой коллега, как раз по этой причине я и решил заняться психиатрией!
- Между прочим, не только вы один. Многие студенты так и не добиваются успеха на медицинском поприще в силу определённых свойств характера. Я сам в юности страдал болезненной застенчивостью и хорошо знаю, о чём говорю.
  - Серьёзное заявление для практикующего врача, заметил психиатр.
- Кое-кто старается перевести разговоры об этих вещах в шутку, но, уверяю вас, многие из них едва не заканчиваются трагедией. Возьмите, к примеру, какого-нибудь юного, неопытного, впечатлительного выпускника, только-только прибившего на дверь приёмной табличку со своим именем, да ещё в незнакомом городе. До этого молодой человек всю жизнь испытывал затруднения, всего лишь беседуя с особами противоположного пола на невинные темы вроде церковной службы или лаун-тенниса. А тут вдруг к нему заявляется на приём чья-

нибудь озабоченная мамаша и принимается рассказывать о самых интимных подробностях самочувствия дочери или начинает обсуждать деликатные проблемы супружеских отношений. «Ни за что больше не пойду к этому доктору!» — возмущённо заявляет она после посещения. — «Он такой кислый, надутый, невнимательный...» «Невнимательный!» Мой Бог! Да бедняга дара речи лишился, выслушивая её излияния, со стыда не знал, куда деваться. Я знавал практикующих врачей, бывших настолько стеснительными, что они порой не решались спросить дорогу у случайного прохожего. А представьте себе, что должен вынести молодой врач с чувствительной, ранимой натурой, прежде чем ему удастся утвердиться на избранном поприще. К тому же, хорошо известно, что стеснительность и стыдливость заразительны: если ты не можешь всё время приёма сохранять каменную физиономию, твой пациент неизбежно начнёт конфузиться, путаться, краснеть. А когда ты держишься абсолютно бесстрастно, приобретаешь репутацию человека с каменным сердцем и без нервов. У вас тоже, наверное, нет нервов, а, Мэнсон?

- Как вам сказать? Вообще говоря, когда человек год за годом проводит в обществе тысячи свихнувшихся пациентов, среди которых немалая доля одержима манией убийства, его нервная система либо укрепляется, либо разлетается в пух и прах. С моими нервами, слава Богу, пока всё в порядке.
- Я только однажды здорово напугался, начал хирург. Я тогда проходил практику в больнице для бедных, и как-то ночью меня вызвали к больному ребёнку — так, по крайней мере, сказали мне родители, точнее сказать, так я понял из их сбивчивого рассказа. Когда я вошёл в комнату, то увидал в углу детскую колыбель. Взяв лампу и подняв её над головой, я подошёл к кроватке и откинул полог. До сих пор не понимаю, каким чудом удалось мне тогда не выронить лампу и не устроить пожар во всём доме. Голова на подушке повернулась в мою сторону, и я увидел прямо перед собой такое злобное и отвратительное лицо, какое вряд ли привидится в самом страшном ночном кошмаре. Больше всего поразили меня пылающие нездоровым румянцем щёки и невообразимо тоскливый взгляд запавших глаз, полный глубочайшего отвращения ко мне, ко всему окружающему, да и к самой жизни. До гробовой доски не забуду, как, вместо пухленького малыша, из колыбели глянуло на меня это ужасное существо. Я поскорее отвёл мать в соседнее помещение. «Что это такое?» - спросил я. «Шестнадцатилетняя девочка», — ответила она и воскликнула, воздев руки к небу: «Молю тебя, Господи, забери её к себе!» Оказалось, несчастная провела в этой колыбели всю жизнь. У неё были длинные, очень длинные ноги, тонкие, как спички, и она научилась поджимать их под себя. В дальнейшем я потерял из виду это семейство и так и не знаю, что сталось с ней, но взгляд той девочки до сих пор вызывает у меня содрогание.
- Прямо мурашки по коже бегут, признался доктор Фостер. Впрочем, со мной тоже однажды случилось нечто подобное. Вскоре после того, как я начал практиковать, ко мне на приём пришла одна женщина, горбунья, очень маленького роста. Она рассказала, что одна из её сестёр заболела, и попросила меня зайти посмотреть больную. Когда я явился по указанному адресу, то попал в дом, поразивший меня своей убогостью. Внутри меня встретили ещё две горбуньи, как две капли воды похожие на ту, что приходила ко мне. Они сидели в столовой, сложив руки и не произнося ни единого слова. Первая горбунья взяла лампу и стала подниматься на второй этаж. Сестрицы её молча последовали за ней, а ваш покорный слуга замыкал шествие. До сих пор стоят перед глазами три гротескных тени, отбрасываемых на стену тусклым светом лампы. Стоит только смежить веки, и я вижу их так же отчётливо, как вон тот табачный кисет. В комнате наверху лежала в постели четвёртая сестра — поразительно красивая девушка, которой со всей очевидностью требовались услуги акушера, хотя обручального кольца я у неё на руке не заметил. Три горбатых сестры расселись по углам и просидели всю ночь, не раскрывая рта, подобно скульптурным изваяниям. Вы же знаете, Харгрейв, я далёк от романтики, и всё, что я сейчас рассказываю, — голые факты. На рассвете разразилась жуткая гроза — одна из самых сильных, что мне довелось повидать на своём веку. Мансарда то и дело озарялась зловещими голубыми вспышками молний и сотрясалась от ударов грома так, словно источник его находился прямо на крыше. Лампа у меня была слабенькая, и я вздрагивал каждый раз, когда очередная молния выхватывала из мрака неподвижные силуэты трёх горбуний, сидящих вдоль стен, или когда раскат грома звучал прямо над головой, заглушая крики моей пациентки. Клянусь Юпитером, был такой

момент, когда я чуть было не сбежал оттуда. В конце концов всё закончилось нормально, но я так больше никогда и не слыхал о трёх маленьких горбуньях и их соблазнённой красавицесестре.

- Самое паршивое в этих медицинских историях, вздыхает молодой человек за столом, заключается в том, что они, большей частью, не имеют конца.
- Когда человек по горло занят своими больными, мой мальчик, у него редко выпадает свободное время для того, чтобы удовлетворить собственное любопытство. События и люди проносятся мимо него, позволяя бросить лишь кратковременный взгляд и, быть может, изредка вспомнить в такие вот минуты досуга, как сегодня. Но я всегда считал, Мэнсон, что в вашей специальности сталкиваешься со всякими ужасами никак не реже, чем в любой другой.
- Гораздо чаще! театрально простонал психиатр. Заболевание тела штука противная, но болезнь души куда страшней. Разве не ужасно сознавать, джентльмены, рискуя при этом утратить веру в Провидение и превратиться в закоренелого материалиста, что любой сильный, здоровый, порядочный, наделённый всеми благородными качествами человек может в одночасье превратиться в грязное, мерзкое, вызывающее жалость пополам с отвращением существо, обладающее одними только низменными животными инстинктами? И всё это вследствие лишь мелкого изменения сосудистой системы или попадания мельчайшего осколка кости от внутренней поверхности черепа на мозговую оболочку. Господи, какой жуткой пародией на всё человечество, гордящееся своим божественным происхождением и верующее в бессмертие и космическую природу души, выглядят обитатели сумасшедшего дома!
  - Остаются вера и надежда, мягко заметил Фостер.
- У меня не осталось веры, и почти иссякла надежда, и я с трудом могу позволить себе тратить сохранившиеся крохи милосердия, заявил Харгрейв. Знаете, джентльмены, когда теология придёт в соответствие с реалиями жизни, я с удовольствием займусь изучением Священного Писания, а до тех пор увольте!
- Вы собирались, кажется, рассказать о каком-то случае, напомнил со своего насеста молодой человек, лихорадочно наполняя чернилами перо.
- Ну что ж, давайте поговорим об обычном, в общем-то, диагнозе, наподобие «О.П.», который, тем не менее, является причиной смерти многих тысяч больных каждый год.
  - A что такое «О.П.»?
  - Общая практика, с ехидной усмешкой предположил хирург.
- Британской общественности пора узнать, что за бич «О.П.»*, серьёзно, не принимая шутки, проговорил психиатр. — Это заболевание распространяется с пугающей быстротой и в настоящее время абсолютно неизлечимо. Полное его название - общий паралич. Возьму на себя смелость предсказать, что в ближайшем будущем оно может приобрести характер настоящей эпидемии. Вот вам типичный случай, с которым мне пришлось столкнуться не далее как в прошлый понедельник. Молодой фермер, великолепный образчик мужчины, он здорово удивил своих друзей и близких, сохраняя неистребимый оптимизм, когда вся округа оказалась охвачена кризисом. Он собирался отказаться от посевов пшеницы, отказаться от пахотных земель вообще, если они перестанут приносить прибыль, и заняться взамен выращиванием рододендронов на двух тысячах акров, предварительно получив монопольное право на их поставку в Ковент-Гарден.** Его прожектам не было конца; причём каждый отличался продуманностью и реальностью во всём, кроме масштабов. Я попал на ферму вовсе не из-за него — меня вызвали к другому больному -, но в манере говорить, в поведении хозяина было нечто такое, что заставило меня присмотреться. Нижняя губа его постоянно подрагивала, речь звучала невнятно, так как слова практически сливались друг с другом. То же самое происходило с письмом — я заметил эту особенность, когда он составлял какой-то документ. Более тщательное исследование позволило обнаружить, что один из зрачков заметно расширен по сравнению с другим. Когда я покидал дом, жена фермера вышла проводить меня.

«Вы обратили внимание, доктор, как замечательно выглядит мой муж? — с гордостью похвасталась она. — Он так полон энергии, что едва способен усидеть на месте!» Я ничего не

^{*} Сокращённое название *прогрессивного паралича*, известного раньше как *общий паралич*. (Π . Γ .)

 $^{^{**}}$ Главный лондонский оптовый рынок фруктов, овощей и цветов. (П.Г.)

сказал бедной женщине — не нашёл в себе мужества. Но я-то знаю, что этот парень так же обречён, как убийца в камере Ньюгейтской тюрьмы.* Как я уже говорил, типичный случай начальной стадии общего паралича.

— Бог мой! — потрясённо воскликнул сидящий за столом юноша. — У меня тоже подёргивается нижняя губа, и слова иногда сливаются и звучат неразборчиво. Неужели у меня начинается эта ужасная болезнь?!

Три коротких снисходительных смешка донеслись со стороны камина.

- Вот вам типичный пример болезненной мнительности неспециалиста, добродушно заметил Мэнсон.
- Кто-то из великих сказал однажды, что каждый студент-медик весь первый семестр тихо умирает от четырёх заболеваний, вступил в разговор хирург. Первое, разумеется, сердечная недостаточность, второе рак околоушной железы, а остальные я, к сожалению, запамятовал.
  - Но при чём тут околоушная железа?
  - А в этом возрасте как раз режутся последние зубы мудрости, пояснил Харгрейв.
  - А что будет с тем беднягой-фермером? робко спросил молодой человек.
- Паралич мышечных тканей, судороги, кома, а потом смерть. Процесс может длиться несколько месяцев, а то и год-два. Этот малый отличался завидным телосложением, так что умирать ему, скорее всего, придётся дольше обычного.
- Между прочим, встрепенулся психиатр, я никогда не рассказывал вам, коллеги, как впервые выписывал свидетельство о недееспособности? Тогда я стоял на грани совершения фатальной ошибки, могущей перечеркнуть всю мою будущую карьеру.
  - Ну, и как же это было?
- В то время я тоже занимался общей практикой. В одно прекрасное утро ко мне обратилась некая миссис Купер и сообщила, что её муж проявляет признаки психического расстройства. Оно выражалось в том, что мистер Купер начинал вдруг воображать себя бывшим военным, удостоенным за службу многих наград и отличий, хотя на самом деле он был простым стряпчим и ни разу не покидал пределы Англии. Миссис Купер полагала, что мой визит к ним домой может чрезмерно обеспокоить мужа и повлиять на его здоровье, поэтому она собиралась послать его ко мне на приём под каким-нибудь пустячным предлогом, а я, побеседовав с ним и составив собственное мнение относительно его психического состояния, буду решать, подписывать или не подписывать свидетельство. Один врач уже поставил свою подпись на этом документе, и теперь только от меня зависело, останется мистер Купер на свободе или его упрячут в жёлтый дом. Мистер Купер явился ко мне вечером, примерно на полчаса раньше, чем я его ожидал. Он обратился ко мне по поводу симптомов малярийной лихорадки, от которой он страдал. По его словам, он только недавно вернулся из Абиссинии, где отличился в военной кампании, одним из первых британских офицеров ворвавшись в Магдалу. Поскольку пациент говорил по большей части именно на эти темы, можно было смело считать диагноз подтверждённым, и я, ничтоже сумняшеся, подготовил соответствующий документ. После его ухода появилась миссис Купер. Я задал ей несколько формальных вопросов для порядка, в том числе, спросил, сколько лет её мужу. «Пятьдесят,» — ответила она. «Как пятьдесят?» — вскричал я. — «Человеку, которого я обследовал, не может быть больше тридцати!» В конце концов выяснилось, что настоящий мистер Купер так и не добрался до меня в тот день. Произошло поистине фантастическое совпадение, которое иногда случается в реальной жизни и способно порой довести нормального человека до нервного припадка. Другой Купер, молодой, но успевший отличиться в баталиях офицер, совершенно случайно решил посетить врача и попал именно ко мне. А ведь я уже обмакнул перо в чернила, чтобы поставить свою подпись, когда всё это раскрылось, — закончил доктор Мэнсон, вытирая платком пот со лба.
- Мы тут только что говорили о крепости нервной системы, заговорил хирург, и мне вспомнился один любопытный эпизод. Как вам, должно быть, известно, после получения диплома я некоторое время служил во флоте. Я был судовым врачом на флагманском корабле эскадры, базирующейся у западных берегов Африки. В ту пору-то мне и довелось быть

 $^{^*}$ Перед зданием Ньюгейтской тюрьмы в Лондоне вплоть до середины XIX века устраивались публичные казни. (П.Г.)

свидетелем удивительного случая, когда проявленное самообладание помогло спасти человеческую жизнь. Одной из малых канонерок было приказано совершить рейд вверх по течению реки Калабар. Во время экспедиции корабельный хирург скончался от местной лихорадки. В тот же день одному из матросов канонерки раздробило ногу сорвавшимся деревянным брусом, да так сильно, что спасти его могла только немедленная ампутация выше колена. Командовавший канонерской лодкой молоденький лейтенант произвёл досмотр оставшихся от покойного доктора медицинских принадлежностей и раскопал, в числе прочего, бутыль с хлороформом, скальпель для ампутаций и иллюстрированную «Анатомию» Грея. Взяв в ассистенты своего стюарда, лейтенант уложил пациента на стол, усыпил, раскрыл книгу на соответствующей картинке и начал резать ногу. Прежде, чем сделать очередной разрез, он сверялся со схемой кровеносных сосудов и говорил стюарду: «Готовь конец. Здесь, по карте, должно быть кровяное течение». Затем он вонзал скальпель в бедро, рассекал артерию, перевязывал её с помощью ассистента и продолжал резать дальше. Таким вот манером они благополучно отхватили бедняге ногу, и — клянусь вам, джентльмены — сделали это блестяще. Тот парень до сих пор прыгает на своей деревяшке по Портсмутской набережной.

- Да, это не шутка, когда судовой врач одного из кораблей в автономном плавании сам подхватывает какую-нибудь заразу, продолжил Харгрейв после паузы. Вы можете возразить, что врачу легче вылечить себя, но эта проклятая лихорадка валит человека с ног, как удар обухом по голове. Не остаётся сил даже поднять руку, чтобы смахнуть с лица москитов. Я перенёс несколько приступов в Лагосе и знаю, о чём говорю. Один из моих знакомых рассказывал, как заболел на корабле. Он был настолько плох, что вся команда уже потеряла надежду и считала его покойником. А поскольку раньше им никогда не приходилось хоронить умерших в плавании, они решили устроить нечто вроде репетиции, чтобы заранее подготовиться к церемонии. Они считали моего приятеля умирающим и в бессознательном состоянии, но он клялся мне после, что слышал каждое слово. Сержант морской пехоты, кокни из Лондона, командовал, держа в руках книжечку с уставом: «Поднять тело через носовой люк... Построить почётный караул... Отдать салют!» Всё это так развеселило и одновременно разозлило больного, что он стиснул зубы и твёрдо решил, что ни через какой люк его никто выносить не будет. Так оно и вышло.
- Что бы ни выдумывали пишущие о медицине авторы, в реальной жизни приходится порой сталкиваться с такими вещами, до которых не додумается ни один писатель с самой буйной фантазией, задумчиво заметил Фостер. Иногда мне хочется даже выступить с докладом на одной из наших встреч касательно упоминаемых в литературе заболеваний.
  - Что вы имеете в виду?
- Те болезни, от которых люди страдают и умирают в современных романах. Некоторые из них давно заштампованы, но упрямо кочуют из одной книги в другую, в то время как столь же распространённые и не менее опасные заболевания практически никогда не упоминаются. В романах герои постоянно мрут от тифа, но почти никогда от кори. Больное сердце встречается чаще всего, но мы с вами хорошо знаем, что сердечные заболевания сами по себе не возникают, а имеют первопричиной осложнения после какойнибудь предшествующей болезни, о которой в тексте нет ни слова. Или взять к примеру таинственный недуг, называемый мозговой лихорадкой. Обычно он поражает героино после душевного кризиса, но ни в одном медицинском учебнике, джентльмены, вы никоим образом не найдёте описания этого заболевания. Ещё в романах герои и героини то и дело падают в обморок в минуты сильных переживаний. У меня немалый опыт и практика, но за всю жизнь я ни разу не встречал человека, на самом деле упавшего в обморок. Всякие же мелкие недуги для литераторов попросту не существуют. Никто в романах не болеет ангиной, свинкой или стригущим лишаем. Кроме того, все болезни, как правило, поражают исключительно верхнюю часть тела. Можно подумать, писателям, как и боксёрам, запрещено наносить удары ниже пояса.
- A я вам вот что скажу, Фостер, перебил коллегу психиатр, существует и ещё одна сторона жизни, слишком сложная с медицинской точки зрения, чтобы стать достоянием

_

^{*} кокни (*жарг*.) — обитатель лондонских трущоб (Π . Γ .)

широкой публики, но чересчур романтичная для чисто профессиональных изданий. Однако, именно в этой области сосредоточен богатейший человеческий материал, о котором любой исследователь может только мечтать. Нельзя сказать, что эта грань бытия привлекательна или приятна для изучения, но раз уж Провидению было угодно сотворить и эту область природы человеческих взаимоотношений, кто мы такие, чтобы не попытаться хотя бы понять и объяснить? Это касается проявлений внезапных вспышек свирепой жестокости или порочных наклонностей в лучших из мужчин и ничем не объяснимых грехопадений достойнейших из женщин. Обычно эти моменты слабости остаются тайной, которой владеют лишь единицы и в которую трудно поверить широкой публике. В этой же сфере таится разгадка удивительного феномена повышенной и пониженной или убывающей мужской потенции — разгадка, способная пролить свет на множество труднообъяснимых случаев, когда рушились блестящие карьеры и всеми уважаемые люди вместо приёмной врача отправлялись за решётку. Изо всех зол, могущих пасть на головы сынов человеческих, пуще всего храни нас Господь от этого!

- Не так давно мне пришлось иметь дело с весьма неординарной ситуацией, сказал хирург. — В светских кругах Лондона вращается одна очень красивая женщина — имени её я, по понятным причинам, называть не стану. Так вот, несколько лет назад она прославилась тем, что носила платья с самым низким вырезом, который только можно себе представить. Леди обладала великолепной кожей невероятной белизны и поразительно красивыми плечами, так что ей нечего было стесняться и было, что показать. Но постепенно вырезы её платьев становились всё выше и выше, пока, наконец, в прошлом году она не ошеломила всех, появившись на публике в наглухо закрытом платье с высоким воротником, давно вышедшим из моды. В один прекрасный день эта дама очутилась в моей приёмной. Как только проводивший её привратник покинул кабинет, леди резким движением сорвала с плеч верх платья. «Ради Господа Бога, сделайте что-нибудь с этой мерзостью!» — воскликнула она. Я с первого взгляда определил, в чём причина её волнения. Грудь и шея женщины были поражены открытой ползучей язвой. Страшная багровая лента змееобразно извивалась на белой коже, в верхней своей части достигая воротника, а в нижней скрываясь под линией бюста. Год за годом эта зараза ползла всё выше и выше, заставляя несчастную менять фасон платьев, чтобы скрыть язву, и только теперь, когда опасность стала угрожать лицу, эта дама смирила наконец гордыню, не позволявшую ей прежде обратиться к врачу.
  - Но вы смогли помочь ей?
- Я сделал, что мог, прописав ей хлористо-цинковую мазь, но болезнь может проявиться снова. Она из тех женщин, у кого под бело-розовым фасадом насквозь прогнившая лимфа. Можно заштопать, но невозможно починить.
- Послушайте! Послушайте! неожиданно возвысил голос Фостер, весело прищурившись в своей излюбленной манере, снискавшей ему любовь и популярность у тысяч пациентов. – Я полагаю, друзья, мы не имеем права считать себя умнее Провидения, хотя бывают времена, когда ощущаешь, как что-то не ладится в заведённом порядке вещей. Я повидал в жизни немало печального. Кстати, я никогда не рассказывал вам, как сама жизнь развела влюблённых друг в друга супругов? Он был замечательным молодым человеком, спортсменом и джентльменом, но переусердствовал в своих занятиях атлетикой. Вы должны знать, что природа часто наказывает человека, который пытается сойти с протоптанной дорожки. Это может выражаться в какой-нибудь мелочи, вроде ноющего большого пальца на ноге, если мы слишком много пьём или слишком мало двигаемся. Или нервном расстройстве, если мы чересчур активно расходуем энергию организма. Что же касается спортсменов, то у них обычно начинают отказывать сердце и лёгкие. У моего атлета определили прогрессирующий туберкулёз и отправили в Давос. Если не везёт, то не везёт до конца, — у его жены развился ревматизм, давший осложнения на сердце. Представляете себе дурацкое положение, в котором оказалась эта пара? Ему нельзя спускаться ниже отметки в 4000 футов, потому что симптомы чахотки резко обостряются на меньших высотах, а ей невозможно подняться выше двух с половиной тысяч, так как сразу начинается сердечная аритмия. У них было несколько свиданий где-то посередине, после которых оба возвращались едва живыми, так что в конце концов врачи запретили им встречаться. В течение четырёх лет их разделяло всего три мили, но видеться они не могли, разве только на расстоянии. Каждое утро он поднимался на скалу, с которой была видна дача, где жила его жена, и начинал размахивать

большим белым платком, а она отвечала ему снизу на этот сигнал. В мощный бинокль они могли различать выражение лица любимого или любимой, но поцелуй был для них так же недоступен, как если бы они находились на разных планетах.

- Кончилось всё, разумеется, смертью одного из супругов, не так ли? уныло подал голос молодой человек за столом.
- А вот и не угадали! Прошу прощения, что не могу завершить эту историю на трагической ноте. Муж поправился, благополучно воссоединился с женой, и сейчас он является владельцем процветающей маклерской конторы в Дрейперс-Гарден. А леди давно уже счастливая мать многочисленного семейства. Кстати, позвольте спросить, чем вы там занимаетесь?
  - О, я всего лишь записываю кое-что из ваших воспоминаний.

Трое врачей встают и с дружным смехом направляются к вешалке.

— Надо же, — говорит один из них, — неужели кому-то, не говоря уже о широкой публике, может быть интересен наш разговор? Обычная дружеская болтовня — ничего более!

1894 г.

(перевод А. Дубова)

СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ОКСФОРДЕ

Вряд ли когда-нибудь удастся точно и окончательно установить, что именно произошло между Эдвардом Бэллингемом и Уильямом Монкхаузом Ли и что так ужаснуло Аберкромба Смита. Правда, мы располагаем подробным и ясным рассказом самого Смита, и кое-что подтверждается свидетельствами слуги Томаса Стайдса и преподобного Пламптри Питерсона. члена совета Старейшего колледжа, а также других лиц, которым случайно довелось увидеть тот или иной эпизод из цепи этих невероятных происшествий. Главным образом, однако, приходится полагаться на рассказ Смита, и большинство, несомненно, решит, что скорее уж в рассудке одного человека, пусть внешне и вполне здравого, могут происходить странные процессы и явления, нежели допустит мысль, будто нечто совершенно выходящее за границы естественного могло иметь место в столь прославленном средоточии учёности и просвещения. как Оксфордский университет. Но если вспомнить о том, как тесны и прихотливы эти границы естественного, о том, что, несмотря на все светочи науки, определить их можно лишь приблизительно и что во тьме, вплотную подступающей к этим границам, скрываются ужасные, неограниченные возможности, то остаётся признать, что лишь очень самонадеянный и поверхностный человек возьмёт на себя смелость отрицать вероятность тех неведомых, окольных троп, по которым способен бродить дух человеческий.

В Оксфорде, в одном крыле колледжа, который мы условимся называть Старейшим, есть очень древняя угловая башня. Под бременем лет массивная арка над входной дверью заметно осела, а серые, покрытые пятнами лишайников каменные глыбы, густо оплетены и связаны между собой ветвями плюща — будто мать-природа решила укрепить камни на случай ветра и непогоды. За дверью начинается каменная винтовая лестница. На неё выходят две площадки, а третья завершает; её ступени истёрты и выщерблены ногами бесчисленных поколений искателей знаний. Жизнь, как вода, текла по ней вниз и, подобно воде, оставляла на своём пути эти впадины. От облачённых в длинные мантии, педантичных школяров времён Плантагенетов до молодых повес позднейших эпох — какой полнокровной, какой сильной была эта молодая струя английской жизни! И что же осталось от всех этих надежд, стремлений, пламенных желаний? Лишь кое-где на могильных плитах старого кладбища стёршаяся надпись да ещё, быть может, горстка праха в полусгнившем гробу. Но цела безмолвная лестница и мрачная старая стена, на которой ещё можно различить переплетающиеся линии многочисленных геральдических эмблем — будто легли на стену гротескные тени давно минувших дней.

В мае 1884 года в башне жили трое молодых людей. Каждый занимал две комнаты — спальню и гостиную, — выходившие на площадки старой лестницы. В одной из комнат полуподвального этажа хранился уголь, а в другой жил слуга Томас Стайлс, в обязанности которого входило прислуживать трём верхним жильцам. Слева и справа располагались аудитории и кабинеты профессоров, так что обитатели старой башни могли рассчитывать на известное уединение, и потому помещения в башне очень ценились наиболее усердными из старшекурсников. Такими и были все трое: Аберкромб Смит жил на самом верху, Эдвард Бэллингем — под ним, а Уильям Монкхауз Ли — внизу.

Как-то в десять часов, в светлый весенний вечер, Аберкромб Смит сидел в кресле, положив на решётку камина ноги и покуривая трубку. По другую сторону камина в таком же кресле и столь же удобно расположился старый школьный товарищ Смита — Джефро Гасти. Вечер молодые люди провели на реке и потому были в спортивных костюмах, но и помимо этого стоило взглянуть на их живые, энергичные лица и становилось ясно — оба много бывают на воздухе, их влечёт и занимает всё, что по плечу людям отважным и сильным. Гасти и в самом деле был загребным в команде своего колледжа, а Смит был гребцом ещё более сильным, но тень приближающихся экзаменов уже легла на него, и сейчас он усердно занимался, уделяя спорту лишь несколько часов в неделю, необходимых для здоровья. Груды книг по медицине, разбросанные по столу кости, муляжи и анатомические таблицы объясняли, что именно и в каком объёме изучал Смит, а висевшие над каминной полкой учебные рапиры и боксёрские перчатки намекали на способ, посредством которого Смит с помощью Гасти мог наиболее эффективно, тут же на месте, заниматься спортом. Они были

большими друзьями, настолько большими, что теперь сидели, погрузившись в то блаженное молчание, которое знаменует вершину истинной дружбы.

- Налей себе виски, сказал наконец, попыхивая трубкой, Аберкромб Смит. Шотландское в графине, а в бутылке ирландское.
  - Нет, благодарю. Я участвую в гонках. А когда тренируюсь, не пью. А ты?
  - День и ночь занимаюсь. Пожалуй, обойдёмся без виски.

Гасти кивнул, и оба умиротворённо умолкли.

- Кстати, Смит, заговорил вскоре Гасти, ты уже познакомился со своими соседями?
- При встрече киваем друг другу. И только.
- Гм... По-моему, лучше этим и ограничиться. Мне кое-что известно про них обоих. Не много, но и этого довольно. На твоём месте я бы не стал с ними близко сходиться. Правда, о Монкхаузе Ли ничего дурного сказать нельзя.
  - Ты имеешь в виду того, который худой?
- Именно. Он вполне джентльмен и человек порядочный. Но, познакомившись с ним, ты неизбежно познакомишься и с Бэллингемом.
  - Ты имеешь в виду толстяка?
  - Да, его. А с таким субъектом я не стал бы заводить знакомства.

Аберкромб Смит удивлённо поднял брови и посмотрел на друга.

- А что такое? спросил он. Пьёт? Картёжник? Наглец? Ты обычно не слишком придирчив.
- Сразу видно, что ты его совсем не знаешь, не то бы не спрашивал. Есть в нём что-то гнусное, что-то змеиное. Я его не выношу. По-моему, он предаётся тайным порокам зловещий человек. Хотя совсем не глуп. Говорят, в своей области он не имеет равных такого знатока ещё не было в колледже.
  - Медицина или классическая филология?
- Восточные языки. Тут он сущий дьявол. Чиллингворт как-то встретил его на Ниле у вторых порогов, Бэллингем болтал с арабами так, словно родился среди них и вырос. С коптами он говорил по-коптски, с евреями по-древнееврейски, с бедуинами по-арабски, и они были готовы целовать край его одежды. Там ещё не перевелись старики-отшельники сидят себе на скалах и терпеть не могут чужеземцев. Но, едва завидев Бэллингема он и двух слов сказать не успел, они сразу же начинали ползать перед ним на брюхе. Чиллингворт говорит, что он в жизни не наблюдал ничего подобного. А Бэллингем принимал всё как должное, важно расхаживал среди этих бедняг и поучал их. Не дурно для студента нашего колледжа, а?
- А почему ты сказал, что нельзя познакомиться с Ли без того, чтобы не познакомиться с Бэллингемом?
- Бэллингем помолвлен с его сестрой Эвелиной. Прекрасная девушка, Смит! Я хорошо знаю всю их семью. Тошно видеть рядом с ней это чудовище. Они всегда напоминают мне жабу и голубку.

Аберкромб Смит ухмыльнулся и выколотил трубку о решётку камина.

- Вот ты, старина, и выдал себя с головой. Какой ты жуткий ревнивец! Право же, только потому ты на него и злишься.
- Пожалуй. Я знал её ещё ребёнком, и мне горько видеть, как она рискует своим счастьем. А она сильно рискует. Выглядит он мерзостно. И характер у него мерзкий, злобный. Помнишь его историю с Лонгом Нортоном?
  - Нет. Ты всё забываешь, что я тут человек новый.
- Да-да, верно, это ведь случилось прошлой зимой. Ну так вот, знаешь тропу вдоль речки? Шли как-то по ней несколько студентов, Бэллингем впереди всех, а навстречу им старуха, рыночная торговка. Лил дождь, а тебе известно, во что превращаются поля после ливня. Тропа шла между речкой и громадной лужей, почти с реку шириной. И эта свинья, Бэллингем, продолжая итти посреди тропинки, столкнул старушку в грязь. Представляешь, во что превратилась она сама и весь её товар? Такая это была мерзость со стороны Бэллингема, и Лонг Нортон, человек на редкость кроткий, откровенно высказал ему своё мнение. Слово за слово, а кончилось тем, что Нортон ударил Бэллингема тростью. Скандал вышел грандиозный, и теперь прямо смех берёт, когда видишь, какие кровожадные взгляды бросает

Бэллингем на Нортона при встрече. Чорт побери, Смит, уже почти одиннадцать!

- Не спеши, выкури ещё трубку.
- Не могу. Я ведь тренируюсь. Мне бы давно надо спать, а я сижу тут у тебя и болтаю. Если можно, я позаимствую твой череп. Мой взял на месяц Уильямс. Прихвачу и твои ушные кости, если они тебе на самом деле не нужны. Премного благодарен, старина. Сумка мне не понадобится, прекрасно донесу всё в руках. Спокойной ночи, малыш, да не забывай, что я тебе сказал про соседа.

Когда Гасти, прихватив свою анатомическую добычу, сбежал по винтовой лестнице, Аберкромб Смит швырнул трубку в корзину для бумаг и, придвинув стул поближе к лампе, погрузился в чтение толстого зелёного тома, украшенного огромными цветными схемами таинственного царства внутренностей, которыми каждый из нас тщетно пытается править. Хотя и новичок в Оксфорде, наш студент не был новичком в медицине — он уже четыре года занимался в Глазго и Берлине, и предстоящий экзамен обещал ему диплом врача.

Решительный рот, большой лоб, немного грубоватые черты лица говорили о том, что если владелец их и не наделён блестящими способностями, то его упорство, терпение и выносливость, возможно, позволят ему затмить таланты куда более яркие. Того, кто сумел поставить себя среди шотландцев и немцев, затереть не так-то просто. Смит хорошо зарекомендовал себя в Глазго и Берлине и решил упорным трудом создать себе такую же репутацию в Оксфорде.

Он читал почти час, и стрелки часов, громко тикавших на столике в углу, уже почти сошлись на двенадцати, когда до слуха Смита донёсся резкий пронзительный звук, словно кто-то, задыхаясь от сильнейшего волнения, со свистом втянул в себя воздух. Смит отложил книгу и прислушался. По сторонам и над ним никого не было, а значит, помешавший ему звук мог раздаться только у нижнего соседа — у того самого, о котором так нелестно отзывался Гасти. Для Смита этот сосед был всего лишь обрюзгшим, молчаливым человеком с бледным лицом; правда, очень усердным: когда сам он уже гасил лампу, от лампы соседа, из окна старой башни, продолжал падать золотистый луч света. Эта общность поздних занятий походила на какую-то безмолвную связь. И глубокой ночью, когда уже близился рассвет, Смиту было отрадно сознавать, что где-то рядом кто-то столь же мало дорожит сном, как и он. И даже сейчас, обратившись мыслями к соседу, Смит испытывал к нему добрые чувства. Гасти — человек хороший, но грубоватый, толстокожий, не наделённый чуткостью и воображением. Всякое отклонение от того, что казалось ему образцом мужественности, его раздражало. Для Гасти не существовали люди, к которым не подходили мерки, принятые в элитарных учебных заведениях. Как и многие здоровые люди, он был склонен видеть в телосложении человека признаки его характера и считать проявлением дурных наклонностей то, что на самом деле было просто недостаточно хорошим кровообращением. Смит, наделённый более острым умом, знал эту особенность своего друга и помнил о ней, когда обратился мыслями к человеку, проживавшему внизу.

Странный звук больше не повторялся, и Смит уже принялся, было, снова за работу, когда в ночной тишине раздался хриплый крик, вернее, вопль — зов до смерти перепуганного, не владеющего собой человека. Смит вскочил на ноги и уронил книгу. Он был не робкого десятка, но в этом внезапном крике ужаса прозвучало такое, что кровь у него застыла в жилах и по спине побежали мурашки. Крик прозвучал в таком месте и в такой час, что на ум ему пришли тысячи самых невероятных предположений. Броситься вниз или же подождать? Как истый англичанин, Смит терпеть не мог оказываться в глупом положении, а соседа своего он знал так мало, что вмешаться в его дела было для него совсем не просто. Но пока он стоял в нерешительности, обдумывая, как поступить, на лестнице послышались торопливые шаги, и Монкхауз Ли, в одном белье, бледный как полотно, вбежал в комнату.

— Бегите скорее вниз! — задыхаясь крикнул он. — Бэллингему плохо.

Аберкромб Смит бросился следом за Ли по лестнице в гостиную соседа, расположенную под его гостиной, однако, как ни был он озабочен случившимся, переступив порог, он невольно с удивлением огляделся. Такой комнаты он ещё никогда не видел: она скорее напоминала музей. Стены и потолок её сплошь покрывали сотни разнообразных диковинок из Египта и других восточных стран. Высокие угловатые фигуры с ношей или оружием в руках шествовали вокруг комнаты, напоминая диковинный фриз. Выше

располагались изваяния с головой быка, аиста, кошки, совы и среди них, увенчанные змеями, владыки с миндалевидными глазами, а также странные, похожие на скарабеев божества, вырезанные из голубой египетской ляпис-лазури. Из каждой ниши, с каждой полки смотрели Гор, Изида и Осирис, а под потолком, разинув пасть, висел в двойной петле истинный сын древнего Нила — громадный крокодил.

В центре этой необычной комнаты стоял большой квадратный стол, заваленный бумагами, склянками и высушенными листьями какого-то красивого, похожего на пальму растения. Всё это было сдвинуто в кучу, чтобы освободить место для деревянного футляра мумии, который отодвинули от стены — около неё было пустое пространство — и поставили на стол. Сама мумия — страшная, чёрная и высохшая, похожая на сучковатую обуглившуюся головешку, была наполовину вынута из футляра; напоминавшая птичью лапу рука лежала на столе. К футляру был прислонён древний, пожелтевший свиток папируса, и перед всем этим сидел в деревянном кресле хозяин комнаты. Голова его была откинута, полный ужаса взгляд широко открытых глаз прикован к висящему под потолком крокодилу, синие, толстые губы при каждом выдохе с шумом выпячивались.

— Боже мой! Он умирает! — в отчаянии крикнул Монкхауз Ли.

Ли был стройный красивый юноша, темноглазый и смуглый, больше похожий на испанца, чем на англичанина, и присущая ему кельтская живость резко контрастировала с англосакской флегмой Аберкромба Смита.

- По-моему, это всего лишь обморок, сказал студент-медик. Помогите-ка мне. Берите за ноги. Теперь положим его на диван. Можете вы скинуть на пол все эти чортовы деревяшки? Ну и кавардак! Сейчас расстегнём ему воротник, дадим воды, и он очнётся. Чем он тут занимался?
- Не знаю. Я услышал его крики. Прибежал к нему. Мы ведь близко знакомы. Очень любезно с вашей стороны, что вы спустились к нему.
- Сердце стучит, словно кастаньеты, сказал Смит, положив руку на грудь Бэллингема. По-моему, что-то его до смерти напугало. Облейте его водой. Ну и лицо же у него!

И действительно, странное лицо Бэллингема казалось необычайно отталкивающим, ибо цвет и черты его были совершенно противоестественными. Оно было белым, но то не была обычная при испуге бледность, нет, то была абсолютно бескровная белизна — как брюхо камбалы. Полное лицо это, казалось, было раньше ещё полнее — сейчас кожа на нём обвисла складками, и его покрывала густая сеть морщин. Тёмные, короткие, непокорные волосы стояли дыбом, толстые морщинистые уши оттопыривались. Светлые серые глаза были открыты, зрачки расширены, в застывшем взгляде читался ужас. Смит смотрел, и ему казалось, что никогда ещё на лице человека не проступали так явственно признаки порочной натуры, и он уже более серьёзно отнёсся к предупреждению, полученному час назад от Гасти.

- Что же, чорт побери, могло его так напугать? спросил он.
- Мумия.
- Мумия? Как так?
- Не знаю. Она отвратительная, и в ней есть что-то жуткое. Хоть бы он с ней расстался! Уже второй раз пугает меня. Прошлой зимой случилось то же самое. Я застал его в таком же состоянии и тогда тоже перед ним была эта мерзкая штука.
  - Но зачем же ему эта мумия?
- Видите ли, он человек с причудами. Это его страсть. О таких вещах он в Англии знает больше всех. Да только, по-моему, лучше бы ему не знать! Ах, он, кажется, начинает приходить в себя!

На мертвенно бледных щеках Бэллингема стали медленно проступать живые краски, и веки его дрогнули, как вздрагивает парус при первом порыве ветра. Он сжал и разжал кулаки, со свистом втянул сквозь зубы воздух, затем резко вскинул голову и уже осмысленно оглядел комнату. Когда взгляд его упал на мумию, он вскочил, схватил свиток папируса, сунул его в ящик стола, запер на ключ и, пошатываясь, побрёл назад к дивану.

- Что случилось? Что вам тут надо?
- Ты кричал и поднял ужасный тарарам, ответил Монкхауз Ли. Если б не пришёл наш верхний сосед, не знаю, что бы я один стал с тобой делать.

— Ах, так это Аберкромб Смит! — сказал Бэллингем, глядя на Смита. — Очень любезно, что вы пришли. Какой же я дурак! О, Господи, какой дурак!

Он закрыл лицо руками и разразился истерическим смехом.

- Послушайте, перестаньте! закричал Смит, грубо тряся Бэллингема за плечо. Нервы у вас совсем расшатались, вы должны прекратить эти ночные развлечения с мумией, не то совсем рехнётесь. Вы и так уже на пределе.
- Интересно, начал Бэллингем, сохранили бы вы на моём месте хоть столько же хладнокровия, если бы...
  - Если бы, что..?
- Да так, ничего... Просто интересно, смогли бы вы без ущерба для своей нервной системы просидеть целую ночь наедине с мумией. Но вы, конечно, правы. Пожалуй, я действительно за последнее время подверг свои нервы слишком тяжким испытаниям. Но теперь это позади. Со мной уже всё в порядке. Только не уходите. Побудьте здесь несколько минут, пока я совсем не приду в себя.
- В комнате очень душно, заметил Ли и, распахнув окно, впустил свежий ночной воздух.
  - Это бальзамическая смола, сказал Бэллингем.

Он взял со стола один из сухих листьев и подержал его над лампой — лист затрещал, взвилось кольцо густого дыма, и комнату наполнил острый, едкий запах.

- Это священное растение растение жрецов, объяснил Бэллингем. Вы, Смит, знакомы хоть немного с восточными языками?
  - Совсем незнаком. Ни слова не знаю.

Услыхав это, египтолог, казалось, почувствовал облегчение.

- Между прочим, продолжал он, после того, как вы прибежали, сколько я ещё пробыл в обмороке?
  - Не долго. Минут пять.
- Я так и думал, что это не могло продолжаться слишком долго, сказал Бэллингем, глубоко вздохнув. Какое странное явление потеря сознания! Его нельзя измерить. Мои собственные ощущения не могут определить, длилось оно секунды или недели. Взять хотя бы господина, который лежит на столе. Умер он в эпоху одиннадцатой династии, веков сорок назад, но если бы к нему вернулся дар речи, он бы сказал нам, что закрыл глаза всего лишь миг назад. Мумия эта, Смит, необычайно хороша.

Смит подошёл к столу и окинул тёмную скрюченную фигуру профессиональным взглядом. Черты лица, хоть и невероятно бесцветные, были безупречны, и два маленьких, напоминающих орехи глаза всё ещё прятались в тёмных провалах глазных впадин. Покрытая пятнами кожа туго обтягивала кости, и спутанные пряди жёстких чёрных волос падали на уши. Два острых, как у крысы, зуба прикусили сморщившуюся нижнюю губу. Мумия словно вся подобралась: руки были согнуты, голова подалась вперёд, во всей её ужасной фигуре, казалось, угадывалась некая скрытая жизненная сила — Смиту стало жутко. Были видны истончавшие, словно пергаментом покрытые рёбра, ввалившийся свинцово-серый живот с длинным разрезом — следом бальзамирования, но нижние конечности были спелёнаты грубыми жёлтыми бинтами. Там и тут на теле и внутри футляра лежали веточки мирра и кассии.

- Не знаю, как его зовут, сказал Бэллингем, проведя рукой по ссохшейся голове. Видите ли, саркофаг с письменами утерян. Номер 249 вот и весь его нынешний титул. Смотрите, вот он обозначен на футляре. Под таким номером он значился на аукционе, где я его приобрёл.
  - В своё время он был не из последнего десятка, заметил Аберкромб Смит.
- Он был весьма высок. В мумии шесть футов семь дюймов. Там он должен был слыть великаном: ведь египтяне никогда не были особенно рослыми. А пощупайте эти крупные, шишковатые кости! С таким молодцом лучше было бы не связываться.
- Возможно, эти самые руки помогали укладывать камни в пирамиды, предположил Монкхауз Ли, с отвращением рассматривая скрюченные пальцы, похожие на когти хищной птицы.
  - Вряд ли, ответил Бэллингем. Его погружали в раствор натронных солей и очень

бережно за ним ухаживали. С простыми каменщиками так не обходились. Обыкновенная соль или асфальт были для них достаточно хороши. Подсчитано, что такие похороны стоили бы на наши деньги около семисот тридцати фунтов стерлингов. Наш друг по меньшей мере принадлежит к знати. А как по-вашему, Смит, что означает эта короткая надпись на его ноге у ступни?

- Я уже сказал вам, что не знаю восточных языков.
- Ах, да, верно. По-моему, тут обозначено имя того, кто бальзамировал труп. И, вероятно, это был очень добросовестный мастер. Многое ли из того, что создано в наши дни, просуществует четыре тысячи лет?

Бэллингем продолжал болтать быстро и непринуждённо, но Аберкромб Смит видел, что его всё ещё переполняет страх. Руки Бэллингема тряслись, нижняя губа вздрагивала, и взгляд, куда бы он ни смотрел, опять обращался к его жуткому компаньону. Но, несмотря на страх, в тоне и поведении Бэллингема сквозило торжество. Глаза египтолога сверкали, он бойко, непринуждённо расхаживал по комнате. Бэллингем походил на человека, прошедшего сквозь тяжкое испытание, от которого он ещё не совсем оправился, но которое помогло ему достичь поставленной цели.

— Неужели вы уходите? — воскликнул он, увидев, что Смит поднялся с дивана.

При мысли, что сейчас он останется один, к нему, казалось, вернулись все его страхи, и Бэллингем протянул руку, словно хотел задержать Смита.

- Да, мне пора. Я должен ещё поработать. Вы уже совсем оправились. Думаю, что с такой нервной системой вам бы лучше изучать что-нибудь не столь страшное.
- Ну, обычно я не теряю хладнокровия. Мне и раньше приходилось распелёнывать мумии.
  - В прошлый раз вы тоже потеряли сознание, заметил Монкхауз Ли.
- Да, верно. Надо заняться нервами попринимать лекарства или подлечиться электричеством. Вы ведь не уходите, Ли?
  - Я в вашем распоряжении, Нэд.
- Тогда я спущусь к вам и устроюсь у вас на диване. Спокойной ночи, Смит. Очень сожалею, что из-за моей глупости пришлось вас потревожить.

Они обменялись рукопожатиями, и, поднимаясь по выщербленным ступеням винтовой лестницы, студент-медик услышал, как повернулся в двери ключ и его новые знакомые спустились этажом ниже.

Так необычно состоялось знакомство Аберкромба Смита с Эдвардом Бэллингемом, и, по крайней мере, первый не имел желания его поддерживать. А Бэллингем, казалось, напротив, проникся симпатией к своему резковатому соседу и проявлял её в такой форме, что положить этому конец можно было, лишь прибегнув к откровенной грубости. Он дважды заходил к Смиту поблагодарить за оказанную помощь, а затем неоднократно заглядывал к нему, любезно предлагая книги, газеты и многое другое, чем могут поделиться соседи-холостяки. Смит вскоре обнаружил, что Бэллингем — человек очень эрудированный, с хорошим вкусом, весьма много читает и обладает феноменальной памятью. А приятные манеры и обходительность мало-помалу заставили Смита привыкнуть к его отталкивающей внешности. Для переутомлённого занятиями студента он оказался прекрасным собеседником, и немного погодя Смит обнаружил, что уже предвкушает посещение соседа и сам наносит ответные визиты.

Но хотя Бэллингем был, несомненно, умён, студент-медик замечал в нём что-то ненормальное: иногда он разражался выспренными речами, которые совершенно не вязались с простотой его повседневной жизни.

— Как восхитительно, — восклицал он, — чувствовать, что можешь распоряжаться силами добра и зла, — быть ангелом милосердия и демоном отмщения!

А о Монкхаузе Ли он как-то заметил:

- Ли — хороший, честный малый, но в нём нет настоящего честолюбия. Он не способен стать сотоварищем человека предприимчивого и смелого. Он не способен стать мне достойным сотоварищем.

Выслушивая подобные намёки и иносказания, флегматичный Смит, невозмутимо попыхивая трубкой, только поднимал брови, качал головой и подавал незатейливые

медицинские советы — пораньше ложиться спать и почаще бывать на свежем воздухе.

В последнее время у Бэллингема появилась новая привычка, которая, как знал Смит, часто предвещает некоторое умственное расстройство. Он как будто всё время разговаривал сам с собой. Поздно ночью, когда Бэллингем уже не мог принимать гостей, до Смита доносился снизу его голос — негромкий, приглушённый монолог переходил иногда почти в шёпот, но в ночной тишине он был отчётливо слышен.

Это бормотание отвлекало и раздражало студента, и он неоднократно высказывал соседу своё неудовольствие. Бэллингем при этом обвинении краснел и сердито всё отрицал; вообще же проявлял по этому поводу гораздо больше беспокойства, чем следовало.

Если бы у Смита возникли сомнения, ему не пришлось бы далеко ходить за подтверждением того, что слух его не обманывает. Том Стайлс, сморщенный старикашка, который с незапамятных времён прислуживал обитателям башни, был не менее серьёзно обеспокоен этим обстоятельством.

- Прошу прощения, сэр, начал он однажды утром, убирая верхние комнаты, вам не кажется, что мистер Бэллингем немного повредился?
  - Повредился, Стайлс?
  - Да, сэр. Головой повредился.
  - С чего вы это взяли?
- Да как вам сказать, сэр... Последнее время он стал совсем другой. Не такой, как раньше, хоть он никогда не был джентльменом в моём вкусе, как мистер Гасти или вы, сэр. Он до того пристрастился говорить сам с собой прямо страх берёт. Верно, это и вам мешает. Прямо не знаю, что и думать, сэр.
  - Мне кажется, всё это никак не должно касаться вас, Стайлс.
- Дело в том, что я здесь не совсем посторонний, мистер Смит. Может, я себе лишнее позволяю, да только я подругому не могу. Иной раз мне кажется, что я своим молодым джентльменам и мать родная, и отец. Случись что, да как понаедут родственники я за всё и в ответе. А о мистере Бэллингеме, сэр, вот что хотелось бы мне знать: кто это расхаживает у него по комнате, когда самого его дома нет, да и дверь снаружи заперта?
  - Что? Вы говорите чепуху, Стайлс.
- Может, оно и чепуха, сэр. Да только я не один раз своими собственными ушами слышал шаги.
  - Глупости, Стайлс.
  - Как вам угодно, сэр. Коли понадоблюсь вам позвоните.

Аберкромб Смит не придал значения болтовне старого слуги, но через несколько дней случилось маленькое происшествие, которое произвело на Смита неприятное впечатление и живо напомнило ему слова Стайлса.

Как-то поздно вечером Бэллингем зашёл к Смиту и развлекал его, рассказывая интереснейшие вещи о скальных гробницах в Бени-Гассане, в Верхнем Египте, как вдруг Смит, обладавший необычайно тонким слухом, отчётливо расслышал, что этажом ниже открылась дверь.

— Кто-то вошёл или вышел из вашей комнаты, — заметил он.

Бэллингем вскочил на ноги и секунду стоял в растерянности — он словно не поверил Смиту, но в то же время испугался.

- Я уверен, что запер дверь. Я же наверняка её запер, запинаясь пробормотал он. Открыть её никто не мог.
  - Но я слышу, кто-то поднимается по лестнице, продолжал Смит.

Бэллингем поспешно выскочил из комнаты, с силой захлопнув дверь, и кинулся вниз по лестнице. Смит услышал, что на полпути он остановился и как будто что-то зашептал. Минуту спустя внизу хлопнула дверь, и ключ скрипнул в замке, а Бэллингем снова поднялся наверх и вошёл к Смиту. На бледном лице его выступили капли пота.

- Всё в порядке, сказал он, бросаясь в кресло. Дуралей пёс. Распахнул дверь. Не понимаю, как это я забыл её запереть.
- А я и не знал, что у вас есть собака, произнёс Смит, пристально глядя в лицо своему взволнованному собеседнику.
  - Да, пёс у меня недавно. Но надо от него избавиться. Слишком много хлопот.

- Да, конечно, раз вам приходится держать его взаперти. Я полагал, что достаточно только закрыть дверь, не запирая её.
- Мне не хочется, чтобы старик Стайлс случайно выпустил собаку. Пёс, знаете ли, породистый, и было бы глупо просто так его лишиться.
- Я тоже люблю собак, сказал Смит, по-прежнему поглядывая искоса на собеседника. Может быть, вы разрешите мне взглянуть на вашего пса?
- Разумеется. Боюсь только, что не сегодня мне предстоит ещё деловое свидание. Ваши часы случайно не спешат? Раз так, я уже на пятнадцать минут опоздал. Надеюсь, вы меня извините.

Бэллингем взял шляпу и поспешно покинул комнату. И Смит услышал, как он, несмотря на деловое свидание, вернулся к себе в комнату и заперся изнутри.

Разговор этот оставил у Смита неприятный осадок. Бэллингем ему лгал, и лгал так грубо, словно находился в безвыходном положении и во что бы то ни стало должен был скрыть правду. Смит знал, что никакой собаки у соседа нет. Кроме того, он знал, что шаги, которые он слышал на лестнице, принадлежали не животному. В таком случае кто же это был? Старик Стайлс утверждал, что, когда Бэллингема нет дома, кто-то расхаживает у него по комнате. Может быть, женщина? Это казалось всего вероятнее. Если бы об этом узнало университетское начальство, Бэллингема с позором выгнали бы из университета, и, значит, его испуг и ложь вызваны именно этим. Но всё-таки невероятно, чтобы студент мог спрятать у себя в комнатах женщину и избежать немедленного разоблачения. Однако, как ни объясняй, во всём этом было что-то неблаговидное, и, принявшись снова за свои книги, Смит твёрдо решил: какие бы попытки к сближению ни предпринимал его сладкоречивый и неприятный сосед, он станет их решительно пресекать.

Но в этот вечер Смиту не суждено было спокойно поработать. Едва он восстановил в памяти то, на чём его прервали, как на лестнице послышались громкие, уверенные шаги — кто-то прыгал через три ступеньки, и в комнату вошёл Гасти. Он был в свитере и спортивных брюках.

- Всё занимаешься! воскликнул он и бросился в своё любимое кресло. Ну и любитель же ты корпеть над книгами! Случись у нас землетрясение и рассыпься до основания весь Оксфорд, ты бы, по-моему, преспокойно сидел себе среди руин, зарывшись в книги. Ладно уж, не стану тебе мешать. Разочек-другой затянусь да и пойду восвояси.
  - Что новенького? спросил Смит, уминая в трубке табак.
- Да ничего особенного. Вильсон, играя в команде первокурсников, сделал 70 очков против 11. Говорят, его поставят вместо Бедикомба, тот совсем выдохся. Когда-то он крепко бил по мячу, но теперь может только перехватывать.
- Ну, это не совсем правильно, отозвался Смит с той особой серьёзностью, с какой университетские мужи науки обычно говорят о спорте.
- Слишком торопится вырывается вперёд. А с ударом запаздывает. Да, кстати, ты слышал про Нортона?
  - А что с ним?
  - На него напали.
  - Напали?
  - Да. Как раз когда он сворачивал с Хай-стрит, в сотне шагов от ворот колледжа.
  - Кто же?
- В этом-то и загвоздка! Было бы точнее, если бы ты сказал не «кто», а «что». Нортон клянётся, что это был не человек. И правда, судя по царапинам у него на горле, я готов с ним согласиться.
  - Кто же тогда? Неужели мы докатились до привидений?
  - И, пыхнув трубкой, Аберкромб Смит выразил презрение учёного.
- Да нет, этого ещё никто не предполагал. Я скорее думаю, что если бы недавно у какого-нибудь циркача пропала большая обезьяна и очутилась в наших краях, то полиция сочла бы виновной её. Видишь ли, Нортон каждый вечер проходил по этой дороге почти в одно и то же время. Над тротуаром в этом месте низко нависают ветви дерева большого вяза, который растёт в саду Райни. Нортон считает, что эта тварь свалилась на него именно с вяза. Но как бы то ни было, его чуть не задушили две руки, по словам Нортона, сильные и

тонкие, как стальные прутья. Он ничего не видел, кроме этих дьявольских рук, которые всё крепче сжимали ему горло. Он завопил во всю мочь, и двое ребят подбежали к нему, а эта тварь, как кошка, перемахнула через забор. Нортону так и не удалось её как следует разглядеть. Для Нортона это было хорошей встряской. Вроде как побывал на курорте, сказал я ему.

- Скорее всего это вор-душитель, заметил Смит.
- Вполне возможно. Нортон с этим не согласен, но его слова в расчёт брать нельзя. У этого вора длинные ноги, и он очень ловко перемахнул через забор. Кстати, твой распрекрасный сосед очень бы обрадовался, услыхав об этом. У него на Нортона зуб, и, насколько мне известно, он не так-то легко забывает обиды. Но что тебя, старина, встревожило?
- Ничего, задумчиво проговорил Смит, приподнимаясь на стуле, и на лице его промелькнуло выражение, какое появляется у человека, когда его вдруг осеняет неприятная догадка.
- Вид у тебя такой, будто что-то сказанное мною задело тебя за живое. Между прочим, после моего последнего к тебе визита ты, кажется, познакомился с господином Б., не так ли? Молодой Монкхауз Ли что-то говорил мне об этом.
  - Да, мы немного знакомы. Он несколько раз заходил ко мне.
- Ну, ты достаточно взрослый, чтобы самому о себе позаботиться. А знакомство с ним я не считаю подходящим, хотя он, несомненно, весьма умён и всё такое прочее. Ну, да ты скоро сам в этом убедишься. Ли малый хороший и очень порядочный. Ну, прощай, старина. В среду гонки на приз ректора, я состязаюсь с Муллинсом, так что не забудь явиться: возможно, до соревнований мы больше не увидимся.

Невозмутимый Смит отложил в сторону трубку и снова упрямо принялся за учебники. Однако вскоре понял, что никакое напряжение воли не поможет ему сосредоточиться на занятиях. Мысли сами собой возвращались к тому, кто жил под ним, и к тайне, скрытой в его жилище. Потом они перескочили к необычайному нападению, о котором рассказал Гасти, и к обиде, которую Бэллингем затаил на жертву этого нападения. Эти два обстоятельства упорно соединялись в сознании Смита, словно между ними существовала тесная внутренняя связь. И всё же подозрение оставалось таким смутным и неясным, что его трудно было облечь в слова.

— Да будь он проклят! — воскликнул Смит, и брошенный им учебник патологии перелетел через всю комнату. — Испортил сегодня мне все вечерние занятия. Одного этого достаточно, чтобы больше не иметь с ним дела.

Следующие десять дней студент-медик был настолько поглощён своими занятиями, что ни разу не видел никого из своих нижних соседей и ничего про них не слышал. В те часы, когда Бэллингем обычно приходил к нему, Смит закрывал обе двери, и, хотя не раз слышал стук в наружную дверь, он упорно не откликался. Однако, как-то днём, когда он спускался по лестнице и проходил мимо квартиры Бэллингема, дверь распахнулась, и из неё вышел молодой Монкхауз Ли — глаза его горели, смуглые щёки пылали гневным румянцем. По пятам за ним следовал Бэллингем — его толстое сероватое лицо искажала злоба.

- Глупец! прошипел он. Ты об этом ещё пожалеешь.
- Очень может быть! крикнул в ответ Ли. Запомните, что я сказал! Всё кончено! И слышать ничего не хочу!
  - Но вы дали мне слово.
- И сдержу его. Буду молчать. Только уж лучше видеть крошку Еву мёртвой. Всё кончено, раз и навсегда. Она поступит, как я ей велю. Мы больше не желаем вас видеть.

Всё это Смит поневоле услышал, но поспешил вниз, не желая оказаться втянутым в спор. Ему стало ясно одно: между друзьями произошла серьёзная ссора, и Ли намерен расстроить помолвку сестры с Бэллингемом. Смит вспомнил, как Гасти сравнивал их с жабой и голубкой, и обрадовался, что свадьбе не бывать. На лицо Бэллингема, когда он разъярится, было не слишком приятно смотреть. Такому человеку нельзя доверить судьбу девушки.

Продолжая свой путь, Смит лениво раздумывал о том, что могло вызвать эту ссору и что за обещание дал Монкхауз Ли Бэллингему, для которого так важно, чтобы оно не было нарушено.

В этот день Гасти и Муллинс должны были состязаться в гребле, и людской поток

двигался к берегам реки. Майское солнце ярко светило, и жёлтую дорожку пересекали тёмные тени высоких вязов. Справа и слева в глубине стояли серые здания колледжей — старые, убелённые сединами обители знаний смотрели высокими стрельчатыми окнами на поток юной жизни, который так весело катился мимо них. Облачённые в чёрные мантии профессора, бледные от занятий учёные, чопорные деканы и проректоры, загорелые молодые спортсмены в соломенных шляпах и белых либо пёстрых свитерах — все спешили к синей извилистой реке, которая протекает, петляя, по лугам Оксфорда.

Аберкромб Смит расположился в таком месте, где, как подсказывало ему чутьё бывалого гребца, должна была произойти — если она вообще будет — решающая схватка. Он услышал вдалеке гул, означающий, что гонки начались; лодки приближались, и рёв нарастал, потом раздались громовой топот ног и крики зрителей, расположившихся в своих лодках прямо под ним. Мимо Смита, тяжело дыша, сбросив куртки, промчались несколько человек, и, вытянув шею, Смит разглядел за их спинами Гасти — он грёб ровно и уверенно, а его частивший вёслами противник отстал от него почти на длину лодки. Смит криком подбодрил друга, взглянул на часы и намеревался уже отправиться к себе, когда кто-то тронул его за плечо. Оглянувшись, он увидел, что рядом стоит Монкхауз Ли.

- Я заметил вас тут, робко начал юноша. И мне бы хотелось поговорить с вами, если вы можете уделить мне полчаса. Я теперь живу вот в этом коттедже вместе с Харрингтоном из Королевского колледжа. Зайдите, пожалуйста, выпейте со мной чашку чая.
- Мне пора возвращаться, ответил Смит. Я сейчас усиленно зубрю. Но с удовольствием зайду на несколько минут. Я бы сюда не выбрался, но Гасти мой друг.
- И мой тоже. Красиво гребёт, правда? У Муллинса совсем не то. Зайдёмте же. Дом немного тесноват, но в летние месяцы работать тут очень приятно.

Коттедж, стоявший ярдах в пятидесяти от берега реки представлял собой небольшое белое квадратное здание с зелёными дверьми и ставнями; крыльцо украшала деревянная решётка. Самую просторную комнату кое-как приспособили под рабочий кабинет. Сосновый стол, деревянные некрашеные полки с книгами, на стенах несколько дешёвых олеографий. На спиртовке пел, закипая, чайник, а на столе стоял поднос с чашками.

- Садитесь в это кресло и берите сигарету, сказал Ли. Я налью вам чаю. Я вам очень благодарен, что вы зашли, я знаю у вас каждая минута на счету. Мне хотелось только сказать вам, что на вашем месте я бы немедленно переменил местожительство.
  - Что такое?

Смит с зажжённой спичкой в одной руке и сигаретой в другой изумлённо уставился на Ли.

- Да, это, конечно, звучит очень странно, и хуже всего то, что я не могу объяснить вам, почему даю такой совет, я связан обещанием и не могу его нарушить. Но всё же я вправе предупредить вас, что жить рядом с таким человеком, как Бэллингем, небезопасно. Сам я намерен пока пожить в этом коттедже.
  - Небезопасно? Что вы имеете в виду?
- Вот этого я и не должен говорить. Но, прошу вас, послушайтесь меня, уезжайте из этих комнат. Сегодня мы окончательно рассорились. Вы в это время спускались по лестнице и, конечно, слышали.
  - Я заметил, что разговор у вас был неприятный.
- Он негодяй, Смит. Иначе не скажешь. Кое-что я начал подозревать с того вечера, когда он упал в обморок, помните, вы тогда ещё спустились к нему? Сегодня я потребовал от него объяснений, и он рассказал мне такие вещи, что волосы у меня встали дыбом. Он хотел, чтобы я ему помог. Я не ханжа, но я всё-таки сын священника и считаю, что есть пределы, которые переступать нельзя. Благодарю Бога, что узнал его вовремя, ведь он должен был с нами породниться.
- Всё это превосходно, Ли, резко заметил Аберкромб Смит. Но только вы сказали или слишком много, или же слишком мало.
  - Я предупредил вас.
- Раз для этого действительно есть основания, никакое обещание не может вас связывать. Если я вижу, что какой-то негодяй хочет взорвать динамитом дом, я стараюсь помешать ему, невзирая ни на какие обещания.

- Да, но я не могу ему помешать, я только могу предупредить вас.
- Не сказав, чего я должен опасаться.
- Бэллингема.
- Но это же ребячество. Почему я должен бояться его или кого-нибудь другого?
- Этого я не могу объяснить. Могу только умолять вас уехать из этих комнат. Там вы в опасности. Я даже не утверждаю, что Бэллингем захочет причинить вам вред, но это может случиться сейчас его соседство опасно.
- Допустим, я знаю больше, чем вы думаете, сказал Смит, многозначительно глядя в серьёзное лицо юноши. Допустим, я скажу вам, что у Бэллингема кое-кто живёт.

Не в силах сдержать волнение Монкхауз Ли вскочил со стула.

- Значит, вы знаете? с трудом произнёс он.
- Женщина.

Ли со стоном упал на стул.

- Я должен молчать. Должен.
- Во всяком случае, сказал Смит, вставая, вряд ли я позволю себя запугать и покину комнаты, в которых мне очень удобно. Вашего утверждения, что Бэллингем может каким-то непостижимым образом причинить мне вред, ещё недостаточно, чтобы куда-то переезжать. Я рискну остаться на старом месте, и, поскольку на часах уже почти пять, я, с вашего позволения, ухожу.

Смит коротко попрощался с молодым студентом и направился домой в тёплых весенних сумерках, полусердясь, полусмеясь, — так бывает с волевыми здравомыслящими людьми, когда им грозят неведомой опасностью.

Как бы усердно Смит ни занимался, он неизменно позволял себе одну маленькую поблажку. Два раза в неделю, по вторникам и пятницам, он непременно отправлялся пешком в Фарлингфорд, загородный дом доктора Пламптри Питерсона, расположенный в полутора милях от Оксфорда. Доктор Пламптри Питерсон был близким другом Френсиса, старшего брата Аберкромба Смита. И поскольку у состоятельного холостяка Питерсона винный погреб был хорош, а библиотека — ещё лучше, дом его являлся желанной целью для человека, нуждавшегося в освежающих прогулках. Таким образом, дважды в неделю студент-медик размашисто вышагивал по тёмным просёлочным дорогам, а потом с наслаждением проводил часок в уютном кабинете Питерсона, рассказывая ему за стаканом старого портвейна университетские сплетни или обсуждая последние новинки медицины, и особенно хирургии.

На другой день после разговора с Монкхаузом Ли, Смит захлопнул свои книги в четверть восьмого — в этот час он обычно отправлялся к своему другу. Когда он выходил из комнаты, ему случайно попалась на глаза одна из книг Бэллингема, и ему стало совестно, что он её до сих пор не вернул. Как ни противен тебе человек, приличия соблюдать надо. Прихватив книгу, Смит спустился по лестнице и постучался к соседу. Ему никто не ответил, но, повернув ручку, он увидел, что дверь не заперта. Обрадовавшись, что можно избежать с Бэллингемом встречи, Смит вошёл в комнату и оставил на столе книгу и свою визитную карточку.

Лампа была прикручена, но Смит смог разглядеть всё довольно хорошо. В комнате всё было, как прежде: фриз, божества с головами животных, под потолком крокодил, на столе бумаги и сухие листья. Футляр мумии был прислонён к стене, но мумии в нём не оказалось. Не было заметно, чтобы в комнате жил кто-то ещё, и, уходя, Смит подумал, что, вероятно, он был к Бэллингему несправедлив. Скрывай тот какой-нибудь неблаговидный секрет, вряд ли он оставил бы дверь незапертой.

На винтовой лестнице была тьма кромешная, и Смит осторожно спускался вниз, как вдруг почувствовал, что в темноте мимо него что-то проскользнуло. Чуть слышный звук, дуновение воздуха, прикосновение к локтю, но такое лёгкое, что оно могло просто почудиться. Смит замер и прислушался, но услышал только, как снаружи ветер шуршал листьями плюща.

— Это вы, Стайлс? — крикнул Смит.

Никакого ответа, и за спиной тишина. Он решил, что всему виной сквозняк — в старой башне полно трещин и щелей. И всё же он был готов поклясться, что слышал совсем рядом шаги. Теряясь в догадках, Смит вышел во дворик. Навстречу по лужайке бежал какой-то

человек.

- **—** Это ты, Смит?
- Добрый вечер, Гасти!
- Ради Бога, бежим скорее! Ли утонул. Мне сказал об этом Харрингтон из Королевского колледжа. Доктора нет дома. Ты можешь его заменить, только идём немедленно. Кажется он ещё жив.
  - У тебя есть коньяк?
  - **—** Нет.
  - Я прихвачу. Фляжка у меня на столе.

Смит бросился наверх, прыгая через три ступеньки, схватил фляжку и кинулся вниз, но, пробегая мимо двери Бэллингема, увидел нечто такое, от чего дыхание у него перехватило, и он остановился, растерянно глядя перед собой.

Дверь, которую он закрыл, сейчас была распахнута, и прямо перед ним, освещённый лампой, стоял футляр. Три минуты назад он был пуст. Смит мог в этом поклясться. А сейчас в нём находилось тощее тело его страшного обитателя — он стоял мрачный и застывший, обратив тёмное, ссохшееся лицо к двери. Безжизненная, безучастная фигура, но Смиту почудился в ней зловещий отзвук одушевлённости: искра сознания в маленьких глазах, прятавшихся в глубоких впадинах. Смита это настолько потрясло, что он совсем забыл, куда и зачем направлялся, и всё смотрел на тощую, высохшую фигуру, пока его не заставил опомниться голос Гасти.

— Спускайся же, Смит! — кричал Гасти. — Ведь дело идёт о жизни и смерти. Скорей! Ну, а теперь, — добавил он, когда студент-медик наконец появился в дверях, — побежали. Надо за пять минут пробежать почти милю. Жизнь человека — большая награда, чем кубок.

Плечо к плечу мчались друзья сквозь темноту, пока, задыхаясь и совсем без сил, не достигли маленького коттеджа у реки. На диване, весь мокрый, как сорванные водоросли, лежал Ли; к тёмным волосам его пристала зелёная тина, на свинцовых губах выступила полоска белой пены. Харрингтон — студент, с которым Ли жил в коттедже, — стоял возле него на коленях, растирал его окостеневшие руки, стараясь их согреть.

- По-моему, он ещё жив, - сказал Смит, положив руку на грудь юноши. - Приложите к его губам ваши часы. Да, стекло помутнело. Берись, Гасти, за эту руку. Делай то же, что и я, и мы его скоро приведём в чувство.

Минут десять они работали молча, поднимая и сдавливая грудь лежавшего в беспамятстве Ли. Наконец, по телу его пробежала дрожь, губы шевельнулись, и Ли открыл глаза. Три студента невольно вскрикнули от радости.

- Очнись же, старина. Ну и напугал ты нас.
- Хлебните коньяку. Прямо из фляжки.
- Теперь он пришёл в себя, сказал Харрингтон, сосед пострадавшего. Господи, до чего же я испугался! Я сидел тут и читал, а он отправился прогуляться до реки, как вдруг я услышал вопль и всплеск. Я бросился туда, но, пока разыскал его и вытащил, в нём не осталось никаких признаков жизни. Симпсон не мог пойти за доктором он же безногий калека, пришлось мне бежать. А доктора не оказалось дома. Просто не знаю, что бы я без вас стал делать. Правильно, старина. Попробуй сесть.

Монкхауз Ли приподнялся на локтях и дико озирался по сторонам.

- Что случилось? спросил он. Я весь мокрый. Ах да, вспомнил!
- В глазах его мелькнул страх, и он закрыл лицо руками.
- Как же ты свалился в реку?
- Я не свалился.
- А что случилось?
- Меня столкнули. Я стоял на берегу, что-то подхватило меня сзади, словно пёрышко, и швырнуло вниз. Я ничего не слышал и не видел. Но я знаю, что это было.
  - И я тоже, прошептал Смит.

Ли взглянул на него с удивлением.

- Значит, вы узнали? Помните мой совет?
- Да, и я, пожалуй, ему последую.
- Не знаю, о чём, чорт возьми, вы толкуете, сказал Гасти, но на вашем месте,

Харрингтон, я бы немедленно уложил Ли в постель. Ещё будет время обсудить, отчего и как всё произошло, когда он немного окрепнет. По-моему, Смит, мы с вами можем теперь оставить их одних. Я возвращаюсь в колледж, если нам по пути — поболтаем дорогой.

Но на обратном пути они почти не разговаривали. Мысли Смита были заняты событиями этого вечера: исчезновение мумии из комнаты соседа, шаги, прошелестевшие мимо него на лестнице, появление мумии в футляре — удивительное, уму непостижимое появление в нём этой ужасной вещи, а потом это нападение на Ли, точно повторившее нападение на другого человека, к которому Бэллингем питал вражду. Всё это соединялось в голове Смита, сплетаясь в единое целое, и подтверждалось разными мелочами, которые вызвали у него неприязнь к соседу; припомнились ему и необычайные обстоятельства его первого визита к Бэллингему. То, что прежде было лишь неясным подозрением, смутной, фантастической догадкой, внезапно приняло ясные очертания и чётко выступило в его сознании как факт, отрицать который невозможно. И всё же это было чудовищно! Невероятно! И недоступно пониманию! Любой беспристрастный судья, даже его друг, тот, что шагает сейчас с ним рядом, просто-напросто бы сказал, что его обмануло зрение, что мумия всё время была на своём месте, что Ли свалился в реку, как может свалиться в неё любой человек, и что при больной печени лучше всего принимать синие пилюли. Окажись на его месте кто-то другой, то же самое сказал бы он сам. И всё-таки он готов был поклясться, что Бэллингем в душе убийца и в руках у него такое оружие, каким за всю мрачную историю человеческих преступлений никто никогда не пользовался.

Гасти направился к себе, весьма откровенно и едко посмеявшись над неразговорчивостью своего друга; что касается Аберкромба Смита, то он пересёк внутренний дворик и направился к угловой башне, испытывая большое отвращение к своему обиталищу и всему, что с ним связано. Он решил последовать совету Ли и как можно скорее перебраться из этих комнат в другое место — разве возможно заниматься, всё время прислушиваясь к бормотанию и шагам под тобой? Пересекая лужайку, он заметил, что в окне его соседа всё ещё горит свет, а когда он проходил по лестничной площадке, дверь отворилась и из неё выглянул сам Бэллингем. Пухлое зловещее лицо его напоминало раздувшегося паука, только что соткавшего свою губительную сеть.

- Добрый вечер, сказал он. Не зайдёте ли?
- Нет! свирепо отрезал Смит.
- Нет? Вы, как всегда, заняты? Мне хотелось бы расспросить вас о Ли. К сожалению, с ним, кажется, что-то случилось.

Лицо Бэллингема было серьёзно, но, когда он заговорил, в глазах его мелькнула скрытая усмешка, и Смит, заметив это, едва не набросился на лингвиста с кулаками.

— Вы будете ещё больше сожалеть, узнав, что Ли вполне здоров и находится вне опасности, — сказал он. — На сей раз ваша дьявольская проделка сорвалась. Не пытайтесь отпираться. Мне всё известно.

Бэллингем попятился от разгневанного студента и, словно обороняясь, немного притворил дверь.

- Вы с ума сошли! О чём вы говорите? Или вы смеете утверждать, будто я имею какоето отношение к тому, что случилось с Ли?
- Да, загремел Смит. Вы и этот мешок с костями, что у вас за спиной. Вы действуете заодно. И вот что, мистер Бэллингем: таких, как вы, теперь не сжигают на кострах, но у нас есть ещё палач! И, чорт побери, если, пока вы тут, в колледже умрёт хоть один человек, я выведу вас на чистую воду, и коли вас не вздёрнут, то уж никак не по моей вине. И вы убедитесь, что в Англии ваши мерзкие египетские штучки не пройдут.
  - Да вы буйнопомешанный, сказал Бэллингем.
- Пусть так. Только хорошенько запомните, что я вам сказал: вы ещё убедитесь, что я не бросаю слов на ветер.

Дверь захлопнулась. Смит, пылая гневом, поднялся к себе, заперся и полночи курил трубку, раздумывая над всем, что случилось в этот вечер.

На другое утро Бэллингема не было слышно, а днём зашёл Харрингтон и сообщил Смиту, что Ли уже почти совсем поправился. Весь день Смит усердно занимался, однако вечером решил всё-таки навестить своего друга доктора Питерсона, к которому он

отправился, да так и не добрался накануне вечером. Он решил, что хорошая прогулка и дружеская беседа успокоят его взвинченные нервы.

Когда Смит проходил мимо двери Бэллингема, она была закрыта, но, отойдя на некоторое расстояние от башни, студент оглянулся и увидел в окне силуэт соседа: свет лампы падал, по-видимому, на него сзади, он всматривался в темноту, прижимаясь к стеклу лицом. Обрадовавшись, что сможет хоть несколько часов побыть вдали от Бэллингема, Смит бодро зашагал по дороге, с наслаждением вдыхая ласковый весенний воздух. На западе между двух готических башенок виднелся серп месяца, и ажурная тень их ложилась на посеребрённые плиты улицы. Дул свежий ветерок, лёгкие кудрявые облака быстро бежали по небу. Колледж находился на окраине городка, и уже через пять минут Смит, оставив позади дома, оказался на одной из дорог Оксфорда, обсаженной цветущими, благоухающими кустами.

По уединённой дороге, которая вела к дому его друга, редко кто ходил, и, хотя было ещё совсем не поздно, Смит никого не встретил. Он быстро дошёл до ворот Фарлингфорта, за которыми начиналась длинная, посыпанная гравием аллея. Впереди сквозь листву приветливо мигали в окнах оранжевые огоньки. Взявшись за железную щеколду калитки, Смит оглянулся на дорогу, по которой пришёл. По ней что-то быстро приближалось.

Оно двигалось в тени кустов, бесшумно, крадучись, — тёмная пригнувшаяся фигура, с трудом различимая на тёмном фоне. Она приближалась с удивительной быстротой. В темноте Смит разглядел только тощую шею да два глаза, которые до конца дней будут преследовать его в кошмарных снах. Смит повернулся и, вскрикнув от ужаса, бросился бежать что было сил. До оранжевых окон, означавших для него спасение, было рукой подать. Смит слыл хорошим бегуном, но так, как в эту ночь, он ещё никогда не бегал.

Тяжёлая калитка захлопнулась за ним, но он услышал, как она тотчас распахнулась перед его преследователем. Обезумев, Смит мчался сквозь тьму, слыша за собой дробный топот, и, оглянувшись, увидел, что это жуткое видение настигает его огромными прыжками, сверкая глазами, вытянув вперёд костлявую руку. Слава Богу, дверь была распахнута настежь. Смит увидел узкую полоску света от горевшей в передней лампы. Но топот раздавался уже совсем рядом, и у самого уха Смит услышал хриплое клокотание. Он с воплем влетел в дверь, захлопнул её, запер за собой и, теряя сознание, упал на стул.

- Господи, Смит, что случилось? спросил Питерсон, появляясь в дверях кабинета.
- Дайте мне глоток коньяку!

Питерсон исчез и появился снова, уже с графином и рюмкой.

— Вам это и впрямь необходимо, — сказал он, когда гость выпил коньяк. — Да вы белый как мел!

Смит отставил рюмку, поднялся на ноги и перевёл дух.

— Теперь я взял себя в руки, — сказал он. — Впервые в жизни я потерял контроль над собой. Всё же, Питерсон, если позволите, я заночую сегодня у вас, я не уверен, что найду в себе силы пройти по этой дороге иначе, как днём. Я знаю, что это — малодушие, но ничего не могу поделать.

Питерсон с великим изумлением посмотрел на своего гостя.

- Конечно, вы заночуете у меня. Я велю миссис Берни постелить вам. Куда это вы собрались?
- Пойдёмте к окну, из которого видна входная дверь. Мне хочется, чтобы вы увидели то, что видел я.

Они поднялись на второй этаж и подошли к окну, откуда были видны все подступы к дому. Подъездная аллея и окрестные поля, полные тишины и покоя, мирно купались в лунном сиянии.

- Право же, Смит, начал Питерсон, если бы я не знал вас как человека воздержанного, то подумал бы Бог знает что. Что же могло вас так напугать?
- Сейчас расскажу. Но куда же оно могло деться? А, вон! Смотрите же! Где дорога сворачивает, сразу за вашими воротами.
- Да-да, вижу. Незачем щипать меня за руку. Я видел, кто-то прошёл. По-моему, человек довольно худой и высокий, очень высокий. Но причём тут он? И что с вами? Вы всё ещё дрожите как осиновый лист.
  - Просто дьявол чуть было не схватил меня за горло. Но вернёмся в ваш кабинет, и я

вам всё расскажу.

Так он и сделал. Приветливо светила лампа, рядом на столе стояла рюмка с вином, и, глядя на дородную фигуру и румяное лицо своего друга, Смит рассказал по порядку обо всех событиях — важных и незначительных, которые сложились в столь странную цепь, начиная с той ночи, когда он увидел потерявшего сознание Бэллингема перед футляром с мумией, и кончая кошмаром, который пережил всего час назад.

— Такое это гнусное дело, — заключил Смит. — Чудовищно, невероятно, но это чистая правда.

Доктор Пламптри Питерсон некоторое время молчал; на лице его читалось величайшее недоумение.

- В жизни своей не слыхал ничего подобного! наконец произнёс он. Вы изложили мне факты, а теперь поделитесь своими выводами.
  - Вы можете их сделать сами.
  - Но мне хочется послушать ваши. Вы ведь обдумывали всё это, а я нет.
- Кое-какие частности остаются загадками, но главное, мне кажется, вполне ясно. Изучая Восток, Бэллингем овладел каким-то дьявольским секретом, благодаря которому возможно на время оживлять мумии или, может быть, только эту мумию. Такую мерзость он и пытался проделать в тот вечер, когда потерял сознание. Вид ожившего трупа, конечно, его потряс, хотя он именно этого и ждал. Если помните, очнувшись, он тут же назвал себя дураком. Постепенно он стал менее чувствителен и, проделывая эту штуку, уже не падал в обморок. Бэллингем, очевидно, мог оживлять её только на недолгий срок — ведь я часто видел мумию в футляре, и она была мертвее мёртвого. Думаю, что её оживление — процесс весьма сложный. Добившись этого, Бэллингем, естественно, захотел использовать мумию в своих целях. Она обладает разумом и силой. Из каких-то соображений Бэллингем посвятил в свою тайну Ли, но тот, как добрый христианин, не захотел участвовать в таком деле. Они поссорились, и Ли поклялся, что откроет сестре истинный характер Бэллингема. Бэллингем стремился этому помешать, что ему чуть было не удалось, когда он выпустил по следам Ли свою тварь. До того он уже испробовал силу мумии на другом человеке — на ненавистном ему Нортоне. И только по чистой случайности у него на совести не оказалось два убийства. Когда же я обвинил его в этом, у него появились серьёзные причины убрать меня с дороги, прежде чем я расскажу обо всём кому-нибудь ещё. Случай представился, когда я сегодня вышел из дому, — ведь он знал мои привычки, знал, куда я направлялся. Я был на волосок от гибели, Питерсон. Опять же, лишь по счастливой случайности вам не пришлось обнаружить утром мой труп на своём крыльце. Я человек не слабонервный и никогда не думал, что мне придётся испытать такой смертельный страх, как сегодня.
- Милый мой, вы слишком сгущаете краски, сказал Питерсон. От чрезмерных занятий нервы у вас расшатались. Сами посудите: как может такое чудовище разгуливать по улицам Оксфорда, пусть даже ночью, и оставаться незамеченным?
- Его видели. Жители города напуганы, ходят слухи о сбежавшей обезьяне. Все только об этом и говорят.
- Действительно, стечение обстоятельств удивительное. И всё же, мой милый, вы должны согласиться, что сам по себе каждый из названных случаев можно объяснить гораздо естественнее.
  - Как? Даже то, что стряслось со мной сегодня?
- Несомненно. Когда вы вышли из дома, нервы у вас были напряжены до предела. За вами стал красться какой-то измождённый, изголодавшийся бродяга. Остальное сделали ваш испуг и ваше воображение.
  - Нет, Питерсон, это не так.
- Что же касается случая, когда вы обнаружили, что мумии в футляре нет, а через несколько минут увидели её там, то ведь был вечер, лампа горела слабо, а у вас не было особых причин рассматривать футляр. Весьма вероятно, что в первый раз вы эту мумию просто не разглядели.
  - Нет, это исключено.
- И Ли мог просто упасть в реку, а Нортона пытался задушить грабитель. Обвинения ваши против Бэллингема, конечно, серьёзны, но, если вы заявите в полицию, над вами просто

посмеются.

- Я знаю. Потому я и хочу заняться этим сам.
- Каким образом?
- На мне лежит долг перед обществом, и, кроме того, мне надо позаботиться о собственной безопасности, если я не хочу, чтобы негодяй Бэллингем выжил меня из колледжа. А этого я не допущу. Я твёрдо решил, что должен делать. И прежде всего разрешите мне воспользоваться вашими письменными принадлежностями.
  - Разумеется. Вы всё найдёте на том вон столике.

Аберкромб Смит уселся перед стопкой чистых листов, и целых два часа перо его скользило по бумаге. Одна заполненная страница за другой отлетала в сторону, а друг Смита, удобно расположившись в кресле, терпеливо, с неослабевающим интересом наблюдал за ним. Наконец, с возгласом удовлетворения Смит вскочил на ноги, сложил листы по порядку, а последний положил на рабочий стол Питерсона.

- Будьте любезны, подпишитесь вот тут как свидетель, сказал он.
- А что я должен засвидетельствовать?
- Мою подпись и число. Дата очень важна. От этого, Питерсон, может зависеть моя жизнь.
  - Дорогой мой Смит, вы говорите чепуху. Убедительно прошу вас: ложитесь в постель.
- Напротив, никогда в жизни не взвешивал я так тщательно своих слов. И обещаю вам: как только вы подпишите, я сразу же лягу.
  - Но что тут написано?
  - Я изложил всё, что рассказал вам сегодня. И хочу, чтобы вы это засвидетельствовали.
- Непременно, сказал Питерсон и поставил свою подпись под подписью Смита. Ну вот! Только зачем это?
  - Пожалуйста, сохраните запись, чтобы предъявить, если меня арестуют.
  - Арестуют? За что?
- За убийство. Это очень вероятно. Я хочу быть готовым ко всему. Мне остаётся только один выход, и я намерен им воспользоваться.
  - Бога ради, не предпринимайте неразумных шагов!
- Поверьте мне, неразумно было бы именно отказываться от моего плана. Надеюсь, вас беспокоить не придётся, но я буду чувствовать себя гораздо спокойнее, зная, что у вас в руках есть объяснение моих действий. А теперь я готов последовать вашему совету и лечь завтра мне понадобятся все мои силы.

Иметь Аберкромба Смита врагом было бы не слишком-то приятно. Обычно неторопливый и покладистый, он становился грозен, когда его вынуждали к действию. Любую в жизни цель он преследовал с тем же расчётливым упорством, с каким изучал науки. В тот день он пожертвовал занятиями, но не собирался тратить время попусту. Он ни слова не сказал Питерсону о своих планах, но в девять утра уже шагал в Оксфорд.

На Хай-стрит он зашёл к оружейнику Клиффорду, купил у него крупнокалиберный револьвер и коробку патронов к нему. Заложив в барабан все шесть патронов, он взвёл предохранитель и положил оружие в карман пиджака. Затем направился к жилищу Гасти и застал великого гребца за завтраком; к кофейнику был прислонён «Спортивный вестник».

- А, здравствуй! Что стряслось? воскликнул Гасти. Хочешь кофе?
- Нет, благодарю. Надо, Гасти, чтобы ты пошёл со мной и сделал то, что я попрошу.
- Конечно, дружище.
- И прихвати с собой трость потяжелее.
- Так! Гасти огляделся. Вот этим охотничьим хлыстом можно быка свалить.
- И ещё одно. У тебя есть набор ланцетов. Дай мне самый длинный.
- Вот, бери. Ты как будто вышел на тропу войны. Ещё что-нибудь?
- Нет, этого достаточно. Смит сунул во внутренний карман ланцет и первым вышел во двор. Мы с тобой, Гасти, не трусы, сказал он. Думаю, что справлюсь один, а тебя пригласил из предосторожности. Мне надо потолковать кое о чём с Бэллингемом. Если придётся иметь дело с ним одним, ты мне, конечно, не понадобишься. Но если же я крикну, являйся немедленно и бей что есть силы. Ты всё понял?
  - Да. Как услышу твой крик, сразу прибегу.

- Ну, так подожди тут. Возможно, я задержусь, но ты никуда не уходи.
- Стою как вкопанный.

Смит поднялся по лестнице, открыл дверь Бэллингема и вошёл. Бэллингем сидел за столом и писал. Рядом с ним среди хаоса всяких диковинных вещей высился футляр — к нему по-прежнему был прикреплён номер 249, под которым продавалась мумия, — и его страшный обитатель находился внутри, застывший и неподвижный. Смит не спеша огляделся, закрыл дверь, запер её, вынул ключ, затем подошёл к камину, чиркнул спичкой и разжёг огонь. Бэллингем с изумлением следил за ним, и его одутловатое лицо исказилось от гнева.

— Вы хозяйничаете, как у себя дома, — задыхаясь, сказал он.

Смит неторопливо уселся, положил на стол перед собой часы, вынул револьвер, взвёл курок и положил оружие на колени. Потом вытащил из-за пазухи длинный ланцет и бросил его Бэллингему.

- Ну, сказал Смит, беритесь за работу. Разрежьте мумию на куски.
- А, так вот в чём дело? с насмешкой спросил Бэллингем.
- Да, вот в чём дело. Мне объяснили, что уголовные законы тут бессильны. Но у меня в руках закон, который быстро всё уладит. Если через пять минут вы не приступите к делу, клянусь Создателем, я продырявлю вам череп.
  - Вы намерены убить меня?

Бэллингем привстал, его лицо стало серым, как замазка.

- **—** Да.
- Почему?
- Чтобы прекратить ваши злодеяния. Одна минута прошла.
- Но что я сделал?
- Я знаю что, и вы знаете.
- Это насилие.
- Прошло две минуты.
- Но вы должны объяснить мне. Вы сумасшедший, опасный сумасшедший. Почему я должен уничтожить свою собственность? Мумия эта очень ценная.
  - Вы должны разрезать её и сжечь.
  - Я не сделаю ни того, ни другого.
  - Прошло четыре минуты.

Смит с неумолимым видом взял револьвер и посмотрел на Бэллингема. Секундная стрелка двигалась по кругу, он поднял руку и положил палец на спусковой крючок.

— Постойте! Погодите! Я всё сделаю! — взвизгнул Бэллингем.

Он торопливо взял ланцет и принялся кромсать мумию, то и дело оглядываясь и каждый раз убеждаясь, что взгляд и оружие его грозного посетителя устремлены на него. Под ударами острого лезвия мумия трещала и хрустела. Над ней поднималась густая жёлтая пыль. Высохшие благовония и всякие снадобья сыпались на пол. Вдруг захрустев, сломался позвоночник, и тёмная груда рухнула на пол.

— А теперь — в огонь! — приказал Смит.

Пламя взметнулось и загудело, пожирая сухие горючие обломки. Небольшая комната напоминала кочегарку парохода, и по лицам обоих мужчин струился пот; но один, согнувшись, продолжал трудиться, а другой с каменным лицом по-прежнему не спускал с него глаз. От огня поднимался густой тёмный дым, едкий запах горящей смолы и палёных волос пропитал воздух. Через четверть часа от номера 249 осталось лишь несколько обуглившихся хрупких головешек.

- Ну, теперь вы довольны? прошипел Бэллингем, оглянувшись на своего мучителя. Его серые глазки были полны страха и ненависти.
- Нет, я намерен уничтожить все ваши материалы. Чтобы в будущем не случалось никаких дьявольских штук. В огонь эти листья! Они, конечно, имеют к этому отношение.
  - Что теперь? спросил Бэллингем, когда и листья последовали за мумией в пламя.
- Теперь свиток папируса, который лежал в тот вечер у вас на столе. По-моему, он вон в том янике
- Нет! завопил Бэллингем. Не сжигайте его! Вы же не понимаете, что делаете. Это редчайший папирус. В нём заключена мудрость, которую больше нигде нельзя найти.

- Доставайте его!
- Но послушайте, Смит, вы же не можете всерьёз этого требовать. Всем, что знаю, я поделюсь с вами. Я научу вас тому, о чём сказано в папирусе. Дайте мне хоть снять копию прежде, чем вы его сожжёте.

Смит подошёл к ящику стола и повернул ключ. Взяв жёлтый свиток папируса, он бросил его в огонь и придавил каблуком. Бэллингем взвизгнул и попытался схватить папирус, но Смит оттолкнул его и стоял над свитком, пока тот не превратился в бесформенную груду пепла.

— Ну что же, мессир Бэллинзевул, — сказал Смит, — думаю, я вырвал у вас все ваши ядовитые зубы. Если вы приметесь за старое, вы снова обо мне услышите. И позвольте проститься с вами: мне пора снова браться за учебники.

Вот что поведал Аберкромб Смит о необычайных происшествиях, случившихся в Старейшем колледже Оксфорда весной 1884 года. Поскольку Бэллингем сразу же после этого покинул университет и, по последним сведениям, находится в Судане, опровергнуть заявление Смита некому. И всё же: мудрость людская ничтожна, а пути природы неисповедимы; и кто дерзнул бы поставить предел тайнам, каковые могут быть постигнуты тем, кто их ищет?

1894 г.

(перевод Н. Высоцкой)

СОПРИКОСНОВЕНИЕ

Занятно порою поразмышлять о людях, что жили в одну эпоху, сыграли заглавные роли на одних подмостках, в одной жизненной пьесе, и при этом не только не встретились, но даже и не знали о существовании друг друга. Только представьте: Великий Могол Бабур завоёвывал Индию как раз, когда Эрнандо Кортес завоёвывал Мексику, но они, скорее всего, друг о друге и не слыхивали. Или вот превосходный пример: мог ли император Октавиан Август знать о задумчивом и ясноглазом пареньке из плотницкой мастерской, которому было суждено изменить облик всего мира? Впрочем, орбиты исполинов всё же могли соприкоснуться, пересечься и снова разойтись в необъятной вечности. И они расставались, так и не постигнув истинного величия друг друга. Так произошло и на этот раз.

Дело было вечером, в финикийском порту Тире, примерно за одиннадцать сотен лет до пришествия Христа. Здесь проживало в то время четверть миллиона жителей — богатые купеческие дома с тенистыми садами растянулись на семь миль вдоль побережья. Остров же, по которому получил своё название город, стоял неподалёку от берега, и возвышались на нём в основном храмы и различные общественные сооружения. Среди храмов выделялся величественный Мелмот: его нескончаемые колоннады целиком занимали часть острова, обращённую на Сидонский порт. Сам же древний Сидон**** лежал всего в двадцати милях к северу и между ним и его детищем Тиром непрестанно сновали корабли.

Постоялых дворов тогда ещё не было. Путники победнее находили приют у радушных горожан, а знатных гостей принимали под свой кров храмы, и слуги священников расторопно исполняли их прихоти. В тот вечер взоры многих финикийских зевак приковывали два весьма примечательных человека, стоявших меж колонн Мелмота. В одном из них повадка и стать выдавали большого вождя. Полная приключений жизнь оставила на его лице неизгладимый след: в резких, мужественных чертах читались и безрассудная храбрость, и холодная выдержка. Лоб был широк и высок, взгляд — задумчив и проницателен: мудрости на этом челе было не меньше, чем отваги. Как и пристало высокородному греку, он был облачён в белоснежную льняную тунику и пурпурную накидку, в складках которой, на шитом золотом поясе, прятался короткий меч. Костюм дополняли светло-коричневые кожаные сандалии на обнажённых ногах да белый головной платок. Дневной зной уже спал, с моря дул вечерний ветерок, и грек сдвинул платок назад, подставив каштановые кудри его ласкам.

Его спутник был приземист, кряжист и смугл. Воловья шея и тёмная накидка производили впечатление довольно мрачное, лишь ярко-алая шерстяная шапка оживляла картину. С высокородным вождём он вёл себя почтительно, но без подобострастия. Между ними чувствовалась доверительная близость людей, не раз деливших опасность и сплочённых общим делом.

— Наберись терпения, мой господин, — говорил он. — Дай мне два, самое большее — три дня, и мы выступим на общем смотре не хуже других. А приползи мы на Тенедос, $*^{******}$ недосчитавшись десятка вёсел и с изорванным в клочья парусом, — ничего кроме насмешек не услышим.

Грек в пурпурной накидке нахмурился и топнул ногой.

 $^{^*}$ Захиреддин Мухаммед Бабур (1483 — 1530 гг.) — великий узбекский поэт, а также падишах Индии, основатель государства Великих Моголов, потомок Тимура (Тамерлана), в 1526-27 гг. завоевал большую часть Северной Индии. Его сборник лирических стихов — «Диван» — состоит из традиционных любовных газелей и, помимо того, содержит великолепные четверостишия. (Π . Γ .)

 $^{^{**}}$ Фернандо Кортес (1485 — 1547 гг.) — испанский конкистадор. В 1519-21 гг. завоевал Мексику; в 1522-28 гг. — губернатор, а в 1529-40 гг. — генерал-капитан Новой Испании (Мексики). В 1540 г. прибыл в Испанию и участвовал в 1541 г. в военной экспедиции против Алжира. (Π . Γ .)

^{**** «}Божественный» Август /до 27 г. до Р.Х. Гай Октавиан/, полное имя: Гай Юлий Цезарь Октавиан Август — (63 г. до Р.Х. — 14 г. после Р.Х.) — первый римский император, внучатый племянник Цезаря. (Π . Γ .)

^{****} Тир — современный город Сур в Ливане. Сидон — город к северу от Тира, современный город Сайда в Ливане. (Π . Γ .)

^{*****} Тенедос — остров, находящийся в непосредственной близости от места на побережье Малой Азии, где стояла Троя. (Π . Γ .)

- Проклятье! Нам следовало прибыть туда давным-давно! Откуда налетел этот шторм, когда на небе ни тучки, ни облачка? Эол сыграл с нами презлую шутку!
- Не мы одни пострадали, господин мой. Затонули две критские галеры. И лоцман Трофим утверждает, что один из аргосских кораблей тоже получил пробоину, молю Зевса, чтоб это не был корабль Менелая... Поверь, на общем смотре мы будем не из последних.
- К счастью, Троя стоит в десяти милях от берега, а не на море. Хороши бы мы были, пошли они нам навстречу флот! Умом я понимаю, что мы выбрали лучший выход: зайти в Тир и привести судно в порядок. Но смириться не могу! Пока под нашими вёслами не вспенится вода, покоя мне не видать. Иди же, Силюкас, поторопи их. Да понастойчивей!

Старшина поклонился и ушёл, а вождь остался под портиком храма. Он не сводил глаз с огромной полуразобранной галеры, на которой суетились мастера. Чуть поодаль, на рейде, одиннадцать галер поменьше ждали, пока починят флагман. Попадая на палубы, закатные лучи бликовали на бронзовых латах и шлемах: эти греки — сотни греков! — выступили в поход с явно воинственными намерениями. Остальные же корабли в портовой бухте были купеческие: одни забирали товар на борт, другие, наоборот, выгружали тюки на пристань. У подножья лестницы, что вела к портику Мелмота, пришвартовались три широкие баржи с мидиями. Скоро двустворчатые раковины с жемчужинками внутри перекидают деревянными лопатами на повозки и отправят на знаменитые красильни Тира: именно там отделывают и украшают пышные наряды. Рядом причалил корабль из Британии с грузом олова. Ящики с драгоценным металлом, столь необходимым для производства бронзы, бережно передавали по цепочке — из рук в руки — и аккуратно устанавливали на высокие фуры. Грек невольно улыбнулся: слишком уж неподдельно дивится неотёсанный мужлан-оловянщик из Корнуолла, разглядывая величественную колоннаду Мелмота и возвышающийся за ним фронтон святилища Астарты. Впрочем, друзья-товарищи не дали ему глазеть долго: подхватив его под руки, они потащили его на дальний конец причала к питейному дому, справедливо полагая, что назначение этого здания он поймёт быстрее и лучше.

Грек, всё ещё улыбаясь, направился, было, в храм, но дорогу ему заступил один из безбородых, гладковыбритых жрецов Ваала.

- Господин мой, ходят слухи, что ты выступил в долгий и опасный поход. У твоих воинов длинные языки, и цель похода уже ни для кого не тайна.
- Ты прав, ответил грек. Впереди у нас нелёгкие времена. Но куда тяжелее было бы отсиживаться дома, зная, что честь великих ахейцев попрана грязным азиатским псом.
  - Я слышал, вся Греция приняла горячее участие в этом споре?
- Верно. Все вожди от Фессалии до Малеи подняли своих людей за правое дело. В авлидской бухте собралось галер числом до двенадцати сотен.
- Что ж, войско и впрямь несметное, согласился жрец. А есть ли среди вас вещуны и пророки? Раскрылось ли вам, что ждёт вас на бранном пути?
- Да, с нами пророк по имени Калхас. И войну он предрёк долгую. Лишь на десятый год грекам суждена победа.
  - Слабое утешение! Так ли велика цель, за которую надо отдать десять лет жизни?
- Я готов отдать не десять лет, а всю жизнь лишь бы сровнять с землёй гордый Илион и вернуть Елену во дворец на холм Аргоса!
- Я жрец Ваала, и я помолюсь, чтобы вам сопутствовала удача, сказал финикиец. Говорят, троянцы стойкие воины, а их предводитель, сын Приама Гектор, умён и могуч.

Грек горделиво усмехнулся.

— Иным и не вправе быть противник длинновласых греков. Как иначе он сможет противостоять сыну Атрея — Агамемнону из златообильных Микен — или сыну Пелея Ахиллесу с его мирмидонянами?! Но всё это в руках судьбы... Скажи-ка лучше, что вон там за люди? Их вождь, похоже, рождён для великих дел.

Высокий мужчина в длинном белом одеянии, с золотой повязкой на ниспадающих на плечи золотисто-каштановых кудрях, ступал широко и упруго: видно, привык к просторам, а не к тесным городским улочкам. Лицо его было румяно и благородно, на упрямом, квадратном подбородке кудрявилась короткая жёсткая борода. Он смотрел попеременно то вверх, на вечернее небо, то вниз, на скользящие по водам суда, и в голубых глазах его сквозила возвышенная задумчивость, присущая поэтам. Рядом шагал юноша с лютней, шагал

легко и изящно — словно прекрасная музыка в человечьем обличьи. С другого же боку от вождя, с сияющим щитом и тяжёлым копьём, шёл грозный оруженосец, и было ясно, что никто и никогда не застанет его хозяина врасплох. Следом шумной толпой двигалась свита: темноволосые, горбоносые, вооружённые до зубов воины алчно зыркали туда-сюда при виде чужого, бьющего через край богатства. Кожа их была смугла, как у арабов, но одеты и вооружены они были куда лучше, чем дикие дети пустыни.

— Это обыкновенные варвары, — ответил жрец. — Он — маленький царёк, правит где-то среди гор, напротив Филистии. Сюда наведывается, потому что затеял построить город, Иебус, — хочет сделать его столицей. А раздобыть древесину, камень да и мастеровых по своему вкусу он может только в Тире. Юнец с лютней — его сын. Впрочем, всё это малоинтересно, мой господин. Пойдём лучше со мной в наружный придел храма. Там сидит жрица Астарты, пророчица Алага. Она предскажет, что ждёт тебя в Трое. Быть может, ты покинешь Тир ободрённый — как многие мужи, которым она оказала эту услугу.

Грека не пришлось долго уговаривать: в те времена его соплеменники всеми способами стремились заглянуть в будущее и с трепетом относились к оракулам, знамениям и приметам. Он последовал за жрецом в святилище, к знаменитой пифии — высокой, красивой женщине средних лет, восседавшей за каменным столом, на котором стояла то ли чаша, то ли поднос с песком. В правой руке она держала халцедоновое стило и чертила на гладком песке причудливые линии, а подбородком опиралась на другую руку. На вошедших она даже не взглянула — лишь рука задвигалась быстрее, выписывая палочки и зигзаги. Потом она вдруг заговорила — по-прежнему не поднимая глаз, высоким и странным голосом, чуть нараспев — точно ветер зашелестел среди листвы.

- Кто же ты, чужеземец, что пришёл к прислужнице великой Астарты? Что привело тебя в Тир, к Алаге?.. Вижу остров, что лежит к западу отсюда, и старца-отца, и жену твою, и сына, который ещё мал и не готов к битвам, и тебя самого царя твоего народа. Верно ли говорю я?
  - Да, жрица, это чистая правда, подтвердил грек.
- Многие побывали здесь до тебя, но не встречала я мужа более славного. И через три тысячи лет люди будут ставить в пример твою отвагу и мудрость. Будут вспоминать верную жену твою, не забудут ни отца твоего, ни сына их имена будут на людских устах, когда всё обратится в прах, когда падут величественный Сидон и царственный Тир.
  - Алага! Ты шутишь! воскликнул жрец.
- Я лишь изрекаю то, что диктуют небеса. Десять лет проведёшь ты в тщетных усилиях, потом победишь. Соратники твои почиют на лаврах, но не ты. Тебя ждут новые беды... Ax! Пророчица вдруг вздрогнула, и рука её заработала ещё быстрее.
  - Что случилось, Алага? обеспокоился жрец.

Женщина подняла безумный, вопрошающий взгляд. Но смотрела она не на жреца и не на грека, а мимо — на дверь в дальнем углу. Грек обернулся. Порог переступили двое — те, кого он недавно встретил на улице: златовласый царь варварского племени и юноша с лютней.

- Чудо из чудес! вскричала пифия. Великие сошлись в этих стенах в один и тот же день и час! Я только что говорила, что не встречала прежде мужа более славного. Но вот он тот, кто выше тебя! Ибо он и даже его сын да-да, вот этот юноша, что робко мнётся у двери! пребудут с людьми в веках, когда мир расширит свои границы далеко за Геркулесовы столпы. Приветствую тебя, чужестранец! Приступай же к своим трудам, не медли! Труды твои не описать моими скупыми словами. Тут женщина поднялась, уронила стило и мгновенно скрылась.
  - Всё, промолвил жрец. Никогда прежде не слышал я от неё таких речей.

Грек с любопытством взглянул на варвара.

- Ты говоришь по-гречески? спросил он.
- Не очень хорошо. Но понимаю. Ведь я провёл целый год в Зиклаге, у филистимлян.
- Похоже, боги судили нам с тобой сыграть важную роль в истории.
- Бог един, поправил грека варварский царь.
- Ты полагаешь? Впрочем, сейчас не время для долгих споров. Лучше назови своё имя, род и объясни, какие труды ты затеял. Вдруг нам ещё доведётся услышать друг о друге. Сам я Одиссей, царь Итаки. Ещё меня называют Улисс. Отец мой Лаэрт, сын юный Телемах,

и я намерен разрушить город Трою.

- Дело моей жизни — отстроить заново город Иебус, мы называем его Иерусалим. Пути наши вряд ли пересекутся вновь, но, возможно, ты когда-нибудь вспомнишь, что повстречал Давида, второго царя иудеев, и его сына — юного Соломона, который, надеюсь, сменит меня на троне. *

 $\rm U$ он пошёл прочь — в темноту ночи, к ожидавшей на улице грозной свите. Грек же спустился к морю, чтобы поторопить мастеров с починкой корабля и наутро отправиться в путь.

1922 г.

(перевод О. Варшавер)

 $^{^*}$ Давид — второй (после Саула) царь Израильско-Иудейского государства в X веке до Р.Х. Соломон — третий царь Израильско-Иудейского государства (965-928 гг. до Р.Х.), сын Давида и Вирсавии, назначенный отцом на трон в обход старших сыновей. (Π . Γ .)

КВАДРАТНЫЙ ЯЩИЧЕК

- Все на борту? спросил капитан.
- Так точно, сэр, ответил помощник.
- Приготовиться к отплытию!

Дело было в среду, в девять часов утра, на пароходе «Спартанец», который стоял у причала в Бостонском порту. Весь груз уже находился в трюмах, пассажиры заняли свои места — всё было готово к отправлению. Дважды прозвучал предупредительный гудок, в последний раз ударил колокол. Бушприт смотрел в сторону Англии, и шипение выпускаемого пара показывало, что судно готово начать свой путь в три тысячи миль. Оно стояло, натянув причальные тросы, словно гончая на поводке.

Я человек нервный, и это — моё несчастье. Сидячая жизнь литератора усилила во мне нездоровую любовь к одиночеству, которая ещё с детства была одной из отличительных черт моего характера. Стоя на верхней палубе трансатлантического парохода, я горько проклинал необходимость, вынуждавшую меня возвращаться в страну моих предков. Крики матросов, скрип снастей, прощальные возгласы пассажиров и напутствия провожающих — весь этот разноголосый гам крайне неприятно действовал мне на нервы. Кроме того, я испытывал странную грусть. Меня преследовало смутное предчувствие надвигающегося несчастья. Дул лёгкий бриз, море было совершенно спокойно. Казалось, ничто не должно было нарушать душевного равновесия убеждённого противника морских путешествий, каковым я являюсь, и всё же у меня было чувство, что я стою перед лицом какой-то грозной, хотя и неведомой опасности.

Я замечал, что люди с такой же, как и у меня, обострённой чувствительностью часто испытывают подобные предчувствия и что они нередко сбываются. Существует теория, которая объясняет возникновение таких предчувствий своего рода ясновидением, таинственным проникновением в будущее. Помню, как известный немецкий спирит Раумер однажды заметил, что за всю свою громадную практику он ни разу не встречал более восприимчивой ко всему сверхъестественному натуры, чем моя. Как бы то ни было, я чувствовал себя глубоко несчастным, когда пробирался среди шумной толпы, заполнявшей белые палубы «Спартанца». Если бы я знал, что ожидает меня в ближайшие двенадцать часов, то непременно спрыгнул бы в последний момент на берег и бежал бы с проклятого корабля.

- Пора! крикнул капитан и, щёлкнув крышкой своего хронометра, сунул его в карман.
  - Пора! повторил помощник.

Жалобно взвыл последний гудок, друзья и родственники отъезжающих спешно покинули пароход. Уже был отдан один из канатов, матросы убирали сходни, как вдруг с капитанского мостика послышался крик, и я увидел, что на пристань вбежали два человека. Оба отчаянно жестикулировали, и было ясно, что они хотят остановить пароход.

- Живей! Живей! закричали в толпе.
- Малый ход! приказал капитан. Так держать! Сходни!

Два человека прыгнули на борт как раз в тот момент, когда отдали второй канат и судорожный рывок машины оттолкнул нос парохода от причала. С палубы и берега полетели последние прощальные слова, замелькали носовые платки, и огромный корабль, вспенивая волну, отошёл от пристани и величественно поплыл по спокойной бухте.

Так началось наше двухнедельное плавание. Пассажиры стали разбредаться в поисках своих кают и багажа, а хлопанье пробок в салоне показывало, что кое-кто из расстроенных путешественников пытался искусственным путём заглушить боль разлуки. Я бегло осмотрел палубу, чтобы составить себе представление о своих спутниках. Всё это была самая заурядная публика, какую чаще всего встречаешь на пароходах. Я не увидел ни одной примечательной физиономии. Говорю это как знаток, ибо лица — моя специальность. Заметив оригинальное лицо, я мысленно набрасываюсь на него, как ботаник на цветок, и уношу с собой, чтобы в свободное время не спеша проанализировать полученные впечатления, классифицировать их и поместить под соответствующим ярлыком в моём маленьком антропологическом музее. На

этот раз ни одного лица, достойного внимания: человек двадцать молодых американцев, направляющихся в Европу, несколько почтенных пожилых супружеских пар, представлявших собой резкий контраст молодёжи, два-три священнослужителя, дельцы, молодые дамы, коммивояжёры, английские аристократы — разношёрстная публика, характерная для океанского парохода.

Я отвернулся от них и стал всматриваться в уплывающие берега Америки; тут меня охватили воспоминания, и я почувствовал прилив нежности к усыновившей меня стране. На одном конце палубы лежала куча чемоданов и другого багажа, который ещё не успели спустить в трюм. Испытывая обычную жажду одиночества, я обогнул эту груду, уселся у самого борта на бухте троса и погрузился в меланхолические мечты.

Меня вывел из задумчивости чей-то шёпот.

— Вот укромное местечко, — произнёс голос позади меня. — Садись, и мы спокойно потолкуем.

Заглянув в щель между огромными сундуками, я увидел, что по другую сторону груды багажа остановились те самые люди, которые прыгнули на пароход в последнюю минуту. Они не заметили меня, так как я притаился в тени ящиков. Говоривший был высокий, очень худой человек с иссиня-чёрной бородой и бесцветным лицом. Меня поразили его нервные движения и возбуждённый вид. Его товарищ, низенький, полный человечек, казался деловитым и решительным; во рту у него торчала сигара, а на руке висело лёгкое, широкое пальто. Оба они беспокойно озирались по сторонам, как бы желая убедиться, что поблизости нет ни души.

- Место вполне подходящее, отозвался низенький. Они сели на какой-то тюк спиной ко мне, и я невольно оказался в неприятной роли человека, подслушивающего чужой разговор.
  - Ну, Мюллер, заговорил высокий, мы всё же протащили это на пароход.
  - Да, согласился тот, кого назвали Мюллером. Всё обошлось благополучно.
  - Чуть-чуть не сорвалось.
  - Не говори, чуть не засыпались, Фленниген.
  - Дело было бы дрянь, если б мы опоздали на пароход.
  - Ещё бы! Рухнули бы все наши планы.
- Всё полетело бы к чорту, подтвердил маленький человечек и несколько раз подряд яростно затянулся сигарой.
  - Он у меня тут, снова заговорил Мюллер.
  - Дай-ка я взгляну.
  - А вдруг кто-нибудь подглядывает?
  - Нет, почти все ушли вниз.
- Надо быть начеку, ведь мы так много поставили на карту, заметил Мюллер, развёртывая пальто, висевшее у него на руке. Он извлёк из-под пальто какой-то чёрный предмет и опустил его на палубу. Взглянув на эту вещь, я вскочил на ноги с восклицанием ужаса. К счастью, собеседники были так поглощены своим делом, что не заметили меня. Стоило им только повернуть голову, и они увидели бы в просвете между чемоданами моё бледное лицо.

С самого начала этого разговора мною овладело тяжёлое предчувствие. Оно полностью подтвердилось, когда я рассмотрел чёрный предмет. Это был квадратный ящичек объёмом примерно в кубический фут, сделанный из тёмного дерева и обитый медью. Он напоминал футляр для пистолетов, только был гораздо выше. Но моё внимание привлекло какое-то необычное приспособление на ящике. Оно наводило на мысль о пистолете; это было нечто вроде курка с прикреплённой к нему бечёвкой. Рядом с курком в крышке виднелось маленькое квадратное отверстие.

Высокий человек — Фленниген, как его назвал собеседник, — припал глазом к отверстию и несколько минут с крайне озабоченным видом пристально рассматривал что-то внутри ящичка.

- По-моему, всё в порядке, сказал он наконец.
- Я старался его не трясти, ответил товарищ.
- C такими деликатными вещами и обращаться нужно деликатно... Всыпь-ка туда что нужно, Мюллер.

Маленький человек порылся у себя в кармане и достал небольшой бумажный пакетик. Развернув его, он вытряхнул на ладонь с полгорсти белёсого зернистого вещества и всыпал в ящик через отверстие в крышке. Послышалось какое-то странное постукивание, и собеседники удовлетворённо заулыбались.

- Ничего плохого не случилось, сказал Фленниген.
- Всё в полном порядке, откликнулся его товарищ.
- Ш-ш! Сюда кто-то идёт. Снеси ящик к нам в каюту. Как бы нас не заподозрили! А то ещё кто-нибудь начнёт вертеть его в руках да случайно нажмёт на курок.
  - Ну да, кто бы ни нажал, получится одно и то же, заявил Мюллер.
- Вздумай кто-нибудь нажать на курок он будет чертовски огорошен! с каким-то зловещим смехом произнёс высокий. Посмотрел бы я на его физиономию! Я считаю, штучка здорово сделана!
- Куда уж лучше, согласился Мюллер. Мне говорили, ты сам всё придумал. Это верно?
  - Да, и пружину, и скользящий затвор.
  - Недурно бы взять патент на твоё изобретение.

Они вновь рассмеялись холодным, резким смехом, подняли окованный медью ящичек и спрятали его под широким пальто Мюллера.

— Идем вниз и поставим его в каюту, — сказал Фленниген. — Всё равно до вечера он нам не понадобится, а там будет в сохранности.

Мюллер согласился. Взявшись под руку, они прошли вдоль палубы и скрылись в люке, унося с собой таинственный ящичек. Последнее, что я слышал, был наказ Фленнигена нести его как можно осторожнее и не стукнуть о борт.

Не могу сейчас сказать, долго ли я ещё просидел на бухте троса. То, что я услышал, нагнало на меня ужас, и тут ещё меня стало мутить — начиналась морская болезнь.

Обычная для Атлантического океана качка уже сказывалась и на пароходе и на пассажирах. Я совсем обессилел и душой и телом и впал в полное оцепенение; из которого меня вывел голос нашего милейшего боцмана.

— Будьте добры, сэр, — сказал он, — мы хотим убрать с палубы весь этот хлам.

Его добродушно-грубоватые манеры и румяное, здоровое лицо показались мне в тот момент просто оскорбительными. Если бы я обладал достаточным мужеством и хорошими мускулами, я ударил бы его. Но я смог только бросить на честного моряка уничтожающий взгляд, чем немало его удивил, а затем отошёл к другому борту. Одиночество — вот что требовалось мне, одиночество, чтобы поразмыслить над чудовищным преступлением, которое замышлялось на моих глазах. Одна из спасательных шлюпок оказалась приспущенной со шлюпбалок и висела довольно низко над палубой. Меня осенила счастливая мысль. Я вскарабкался на борт, забрался в пустую шлюпку и улёгся на дне. Надо мной расстилалось голубое небо, иногда в поле моего зрения попадала раскачивающаяся бизань-мачта. Наконецто я остался наедине со своей морской болезнью и своими мыслями.

Я попытался припомнить подслушанный мною страшный разговор. Может быть, он имел совсем не тот смысл, какой я в него вкладываю? Рассудок говорил мне, что иного смысла быть не могло. Я проанализировал различные факты, из которых складывалась цепь улик, и убеждал себя, что они ничего не доказывают. Но нет, все звенья цепи были на месте. Прежде всего тот странный способ, каким эти двое попали на пароход, избежав осмотра багажа в таможне. Сама фамилия «Фленниген» напоминала о фениях, в то время как имя «Мюллер» наводило на мысль о нигилизме и политических убийствах. Затем таинственное поведение обоих, фраза о том, что все их планы рухнули бы, если бы они опоздали на пароход, их опасения быть замеченными; наконец, последнее, пожалуй, самое веское доказательство — маленький квадратный ящик с курком и мрачная шутка об удивлении человека, который случайно нажал бы его. Разве не ясно, что передо мной были отчаянные заговорщики, быть может, члены какой-нибудь политической организации, и что они собираются совершить чудовищное жертвоприношение, не пощадив ни себя, ни пассажиров, ни пароход? Белёсые зерна, которые один из них высыпал в ящик, были либо детонатором,

 $^{^*}$ Члены «Ирландского революционного братства», основанного в 1858 году. Боролись за независимость Ирландии от Англии, применяя при этом заговорщицкую тактику. (Π . Γ .)

либо заменяли запальный шнур. Я отчётливо расслышал странный звук в ящике — возможно, его издавал какой-то тонкий механизм. Но что они имели в виду, говоря о сегодняшнем вечере? Неужели они намереваются осуществить свой ужасный замысел в первый же вечер нашего путешествия? При этой мысли меня пробрала холодная дрожь, и на время я забыл о морской болезни.

Я уже говорил, что я трус. К тому же мне недостаёт и гражданского мужества. Редко два подобных недостатка соединяются в одном человеке. Я знал немало людей, которые боялись боли, но при этом отличались мужеством и независимым образом мыслей. К сожалению, за долгие годы спокойной одинокой жизни у меня выработался болезненный страх перед всяким решительным поступком, боязнь привлечь к себе внимание, и, как ни странно, этот страх даже пересиливал во мне инстинкт самосохранения. Обыкновенный человек, оказавшись в моём положении, немедленно пошёл бы к капитану, рассказал бы ему о своих опасениях и передал бы дело на его усмотрение. Но я, при моём характере, думал об этом с содроганием. Одна мысль о том, что на мне сосредоточится всеобщее внимание, что меня станет допрашивать незнакомый человек, что я должен буду выступить доносчиком в очной ставке с двумя отчаянными заговорщиками, — одна мысль об этом казалась мне ужасной. А вдруг выяснится, что я ошибаюсь? В каком положении я окажусь, если будет доказана беспочвенность моих обвинений? Нет, я должен выждать; я буду внимательно наблюдать за двумя головорезами, неотступно следить за каждым их шагом. Всё, что угодно, только бы не сесть в галошу.

Вдруг мне пришло в голову, что, возможно, в этот самый момент заговорщики предпринимают какие-нибудь новые шаги. Нервное возбуждение даже предотвратило очередной приступ морской болезни, и я смог встать и выбраться из шлюпки. Пошатываясь, я побрёл по палубе, намереваясь спуститься в салон и выяснить, чем занимаются мои утренние знакомцы. Едва я взялся за поручни трапа, как, к моему изумлению, кто-то дружески хлопнул меня по спине, так что я чуть было не спустился вниз с несколько большей поспешностью, чем позволяло моё достоинство.

- Это ты, Хеммонд? раздался голос, показавшийся мне знакомым.
- Боже мой! воскликнул я, обернувшись. Дик Мертон! Здравствуй, старина!

Эта встреча была поистине счастливой случайностью. Именно такой человек, как Дик, и нужен был мне — добродушный, умный, решительный. Я мог смело рассказать ему обо всём и рассчитывать, что он со свойственным ему здравым смыслом подскажет, как поступить. Ещё в ту пору, когда я учился во втором классе в Гаррау, Дик был моим постоянным советчиком и защитником.

Он сразу заметил, что со мной творится что-то неладное.

- Что с тобой, Хеммонд? добродушно осведомился он. Ты бледен, как полотно. Морская болезнь, а?
- Не только это, ответил я. Давай пройдёмся, Дик, я хочу поговорить с тобой! Дай мне руку.

Опираясь на сильную руку Дика, я заковылял рядом с ним, но не сразу решился заговорить.

- Хочешь сигару? предложил он, прерывая молчание.
- Нет, спасибо, ответил я. Дик, сегодня вечером нас уже не будет в живых.
- Но это ещё не значит, что ты должен сейчас отказываться от сигары, спокойно заметил Дик, пристально взглянув на меня из-под своих лохматых бровей. Без сомнения, он подумал, что я не совсем в своём уме.
- Тут нет ничего смешного, Дик, продолжал я. Уверяю тебя, я говорю совершенно серьёзно. Мне стало известно о чудовищном заговоре, цель которого уничтожить наш пароход и всех пассажиров.
- И я в строгой последовательности развернул перед ним цепь собранных мною доказательств.
- Ну, Дик, сказал я в заключение, что ты теперь думаешь, а главное, что я, потвоему, должен делать?

К моему удивлению, он от души расхохотался.

— Если бы я услышал это от кого-нибудь другого, а не от тебя, заявил он, — то, может быть, и испугался бы. Ты, Хеммонд, всегда попадал пальцем в небо. У тебя опять проявляется

твоя старая склонность. Помнишь, как ты клялся в школе, что видел в вестибюле призрак, а потом оказалось, что это было твоё собственное отражение в зеркале? Кому это понадобится уничтожать пароход? — продолжал он. — Крупных политических тузов на борту нет, наоборот, большинство пассажиров — простые американцы. Вдобавок в наш трезвый девятнадцатый век даже самые закоренелые преступники избегают жертвовать своей жизнью. Без сомнения, ты не понял их и принял за адскую машину фотоаппарат или какую-нибудь другую безобидную вещь.

- Ничего подобного, ответил я, задетый за живое. Боюсь, вскоре ты убедишься, что я ничего не преувеличил и передал всё совершенно точно, но будет уже слишком поздно! Ну, а такого ящика я ещё никогда не видел. Судя по тому, как они с ним обращались и говорили о нём, я убеждён, что там спрятан какой-то сложный механизм.
- Ну, если это считать неопровержимым доказательством, заметил Дик, тогда тебе каждый свёрток с каким-нибудь скоропортящимся продуктом должен показаться торпедой.
  - Но фамилия одного из этих людей Фленниген, заявил я.
- Не думаю, чтобы подобное доказательство имело на суде большое значение, отозвался Дик. Но я уже выкурил сигару. Что ты скажешь, если мы пройдём в салон и разопьём бутылочку красного вина? Заодно ты покажешь мне этих двух Орсини, если они там.
- Хорошо. Я решил весь день не спускать с них глаз, заявил я. Только не смотри на них слишком пристально, чтобы они не заметили, что за ними наблюдают.
  - Будь спокоен, заверил меня Дик, я буду вести себя, как невинный ягнёнок.

Мы спустились с палубы и вошли в салон.

За огромным столом в центре комнаты собралось довольно многочисленное общество. Некоторые пассажиры возились с непослушными саквояжами, другие закусывали, третьи читали или чем-нибудь развлекались. Тех, кого мы искали, здесь не было. Покинув салон, мы обошли все каюты, но безуспешно. «Боже милостивый! — подумал я. — Может быть, в этот самый момент они находятся у нас под ногами — в трюме или машинном отделении — и собираются пустить в ход своё дьявольское изобретение!»

Лучше уж узнать самое худшее, чем пребывать в неведении!

- Официант, ещё какие-нибудь пассажиры здесь есть? спросил Дик.
- Да, двое в курительной комнате, сэр, ответил тот.

Небольшая, но уютная и роскошно обставленная курительная комната находилась рядом с буфетом. Мы толкнули дверь и вошли. Вздох облегчения вырвался у меня из груди. Я увидел мертвенно-бледное лицо Фленнигена с немигающими глазами и решительной складкой губ. Против него сидел Мюллер. Они играли в карты и пили вино. Я толкнул Дика локтем, подтверждая, что наши поиски увенчались успехом, а затем мы с самым непринуждённым видом уселись рядом с ними. Заговорщики не удостоили нас даже взглядом. Я стал внимательно наблюдать за ними. Они играли в «наполеона».

Оба были тонкими знатоками этой игры, и я не мог не восхищаться самообладанием, с каким эти люди, скрывая свою страшную тайну, хладнокровно подбирали длинную масть или ловили королеву. Деньги быстро переходили из рук в руки, но чернобородому явно не везло. В конце концов он с раздражением швырнул карты на стол, выругался и заявил, что больше не намерен играть.

- Будь я проклят, если ещё соглашусь тянуть эту канитель! воскликнул он. За пять конов у меня ни разу не было больше двух карт одной масти!
- Ничего, ответил его товарищ, сгребая выигранные деньги. Проиграть или выиграть несколько долларов какое это будет иметь значение после того, что произойдёт сегодня вечером?!

Меня поразила наглость этого мерзавца, но я с самым бесстрастным видом продолжал разглядывать потолок и попивать вино. Я чувствовал, что Фленниген пристально смотрит на меня своими волчьими глазами, проверяя, не вызвал ли у меня подозрений этот намёк. Затем он что-то шепнул своему товарищу, но я не расслышал, что именно. Очевидно, это было предупреждение, так как тот сердито ответил:

- Чепуха! Что хочу, то и говорю! Излишняя осторожность как раз и может погубить всё дело.
  - Ты, видно, не заинтересован в успехе, ответил Фленниген.

— Ничего подобного, — буркнул Мюллер. — Ты отлично знаешь, что если я делаю ставку, то надеюсь выиграть. Но я никому на свете не позволю отчитывать меня и одёргивать. Я не меньше, пожалуй, даже больше тебя заинтересован в успехе нашего дела.

Он весь кипел от злости и некоторое время яростно дымил сигарой. Его компаньон тем временем посматривал то на Дика Мертона, то на меня. Я понимал, что нахожусь рядом с человеком, готовым на любой шаг, что стоит ему заметить хотя бы лёгкую дрожь моих губ, и он тотчас же меня укокошит. Однако я проявил больше самообладания, чем мог от себя ожидать в столь трудных обстоятельствах. Что касается Дика, то он оставался невозмутимым и бесстрастным, как египетский сфинкс.

Несколько минут в курительной комнате царило молчание, нарушаемое только шуршанием карт, которые тасовал Мюллер перед тем, как положить в карман. Он попрежнему казался рассерженным. Бросив окурок в урну, он вызывающе взглянул на своего спутника и повернулся ко мне:

— Не можете ли вы сказать, сэр, когда на берегу получат первую весть о нашем пароходе?

Теперь они оба смотрели на меня, и хотя я, быть может, немного побледнел, но ответил спокойным голосом:

- Я полагаю, сэр, первое известие о нашем пароходе будет получено, когда мы достигнем Куинстауна.
- Xa-хa-хa! рассмеялся сердитый человечек. Я знал, что вы так скажете. Не толкай меня под столом, Фленниген, я не выношу этого. Я знаю, что делаю. Вы заблуждаетесь, сэр, продолжал он, вновь поворачиваясь ко мне, глубоко заблуждаетесь.
- Возможно, о нас ещё раньше сообщит какой-нибудь встречный корабль, высказал предположение Дик.
  - Нет, вовсе не корабль.
- Погода прекрасная, заметил я. Разве корабль не увидят, когда он прибудет к месту назначения?
  - Я этого не говорю, но о нас услышат ещё раньше и в другом месте.
  - А где же? полюбопытствовал Дик.
- Этого я вам не скажу. Но сегодня ещё до темноты узнают, где мы находимся, причём самым необычайным, таинственным способом. И он снова хихикнул.
- Пойдём-ка на палубу, проворчал Фленниген. Ты хлебнул лишнего, и этот проклятый коньяк развязал тебе язык. Схватив Мюллера за руку, он чуть не силой вывел его из курительной комнаты, и мы слышали, как они, спотыкаясь, поднялись по трапу на палубу.
  - Ну, что ты теперь скажешь, Дик? спросил я прерывающимся от волнения голосом. Но мой друг попрежнему казался невозмутимым.
- Что я скажу? Да то же самое, что и его приятель. Мало ли чего не наболтает человек спьяну? От него так и разит коньяком.
  - Чепуха, Дик! Ты же видел, как другой старался заткнуть ему рот!
- Конечно. Но он просто не хотел, чтобы его друг валял дурака перед незнакомыми людьми. Возможно, что коротышка это сумасшедший, а другой приставленный к нему санитар. Вполне возможно.
- Ах, Дик, Дик! воскликнул я. Ну, можно ли быть таким слепым! Разве ты не видишь, что каждое их слово подтверждает мои подозрения?
- Вздор, дружище, спокойно возразил Дик. Ты сам взвинчиваешь себе нервы. Ну, какой смысл во всей этой чертовщине? Каким это таинственным способом узнают, где мы находимся?
- А я скажу тебе, что он имел в виду! воскликнул я, наклоняясь к Дику и хватая его за руку. Какой-нибудь рыбак у американского побережья внезапно увидит в море вспышку и далёкое зарево. Вот что он имел в виду!
- Вот уж не думал я, Хеммонд, что ты такой идиот, проворчал Дик. Если ты станешь придавать значение болтовне всякого пьянчуги, то придумаешь что-нибудь ещё более нелепое. Давай-ка лучше последуем их примеру и выйдем на палубу. По-моему, тебе нужно подышать свежим воздухом. Я уверен, что у тебя печень не в порядке. Морское путешествие будет тебе на пользу.

- Если я доживу до конца нашего плавания, простонал я, то дам зарок больше никогда не путешествовать. Сейчас уже накрывают на стол нет смысла подниматься на палубу. Я останусь внизу и распакую свои вещи.
- Надеюсь, к ужину твоё настроение улучшится, заметил Дик и ушёл. Я предавался в одиночестве мрачным размышлениям, пока удары большого гонга не призвали нас в салон.

Само собой разумеется, что после происшествий этого дня мой аппетит отнюдь не улучшился. Тем не менее я машинально уселся за стол и стал прислушиваться к болтовне окружающих. В салоне находилось около сотни пассажиров первого класса, и, когда подали вино, гул голосов, сливаясь со звоном тарелок, перерос в настоящий гвалт.

Я оказался между очень полной и нервной пожилой дамой и чопорным маленьким священником. Они не пытались вовлечь меня в беседу. Я ушёл в свою скорлупу и принялся наблюдать за моими дорожными спутниками. Дик сидел поодаль от меня, попеременно занимаясь то куриным филе, лежавшим перед ним на тарелке, то самоуверенной молодой особой, сидевшей рядом с ним. Капитан Доуи выполнял обязанности хозяина на нашем конце стола, а пароходный врач — на другом.

Я с радостью обнаружил, что Фленниген сидит почти против меня. Пока он был на глазах, я знал, что, хотя бы временно, нам не угрожает опасность. Он сидел, изображая на своём мрачном лице какую-то гримасу, что, по его мнению, должно было сойти за милую улыбку. От меня не ускользнуло, что он много пил, так много, что охрип ещё до того, как подали десерт. Его приятель Мюллер сидел от него за несколько человек. Он мало ел и, казалось, был охвачен каким-то беспокойством.

— Ну-с, дорогие дамы, — заявил наш добродушный капитан, — надеюсь, на борту моего корабля вы будете чувствовать себя как дома. За джентльменов я не беспокоюсь. Официант, шампанского! За попутный ветер и быстрое путешествие! Уверен, что наши друзья в Америке дней через восемь — самое позднее через девять — узнают о нашем благополучном прибытии.

Я посмотрел вокруг себя и успел перехватить молниеносный взгляд, которым Фленниген обменялся со своим сообщником. На тонких губах Фленнигена играла зловещая улыбка.

В салоне продолжалась оживлённая беседа. Говорили о политике, о море, о развлечениях, о религии. Я оставался молчаливым, хотя и внимательным слушателем. Вдруг мне пришло в голову, что было бы неплохо затронуть один вопрос — он не выходил у меня из головы. Я мог коснуться его как бы между прочим, но капитана это заставило бы насторожиться. К тому же, наблюдая за лицами заговорщиков, я сумел бы определить, какое впечатление произведут на них мои слова.

Внезапно в салоне наступила тишина. Темы, представлявшие общий интерес, видимо, были исчерпаны. Момент был подходящий.

— Позвольте узнать, капитан, — начал я, наклоняясь вперёд и стараясь говорить как можно громче, — как вы относитесь к манифестам фениев?

Румяное лицо капитана побагровело от благородного негодования.

- Фении презренные трусы. Они глупы и безнравственны, ответил он.
- Банда мерзавцев, которые не осмеливаются играть в открытую и прибегают к пустым угрозам, добавил надутый старикан, сидевший рядом с капитаном.
- Ах, капитан! воскликнула моя дородная соседка. Вы же не думаете, что они, например, способны взорвать пароход?
  - И взорвали бы, если бы могли. Но я уверен, что мой пароход они не взорвут.
- Можно узнать, какие меры предосторожности вы приняли против них? спросил пожилой человек с другого конца стола.
  - Мы тщательно осмотрели весь груз, доставленный на пароход.
- A что, если кто-нибудь принёс взрывчатое вещество с собой? высказал я предположение.
  - Они слишком трусливы, чтобы рисковать своей жизнью.

До этого Фленниген не проявлял ни малейшего интереса к разговору. Но теперь он поднял голову и взглянул на капитана.

— Мне кажется, вы несколько недооцениваете фениев, — заметил он. — В любом тайном обществе находятся отчаянные люди — почему бы им не быть и среди фениев? Многие

считают за честь умереть за дело, которое кажется им правым, хотя, по мнению других, они заблуждаются.

- Массовое убийство никому не может казаться правым делом, заявил маленький священник.
- Бомбардировка Парижа была именно таким массовым убийством, ответил Фленниген, и тем не менее весь цивилизованный мир спокойно созерцал его, заменив страшное слово «убийство» более благозвучным словом «война». Немцам это массовое убийство казалось правым делом почему же применение динамита не может быть правым делом в глазах фениев?
  - Во всяком случае, до сих пор они бахвалились впустую, заметил капитан.
- Прошу прощения, возразил Фленниген, но разве известно, что вызвало гибель «Доттереля»? В Америке мне приходилось говорить с весьма осведомлёнными лицами, которые утверждали, что на пароходе была спрятана в угле адская машина.
- Это ложь, ответил капитан. На суде было доказано, что пароход погиб от взрыва угольного газа. Но давайте говорить о чём-нибудь другом, а то я боюсь, что дамы не смогут заснуть.

И разговор перешёл на прежние темы.

Во время этой маленькой дискуссии Фленниген высказал своё мнение учтиво, но с такой убеждённостью, какой я от него не ожидал. Я невольно восхищался человеком, который накануне решительного шага с таким самообладанием говорил о предмете, столь близко его касавшемся. Как я уже упоминал, он изрядно выпил, но, хотя его бледные щёки окрасились лёгким румянцем, он сохранял свою обычную сдержанность. Когда беседа перешла на другие темы, он замолчал и погрузился в глубокую задумчивость.

Во мне боролись самые противоречивые чувства. Как поступить? Встать и разоблачить их перед пассажирами и капитаном? Или попросить капитана уделить мне несколько минут для разговора наедине у него в каюте и рассказать ему всё? Я уже почти решился на это, но тут на меня опять напала робость. В конце концов, могло же выйти недоразумение. Ведь Дик слыхал все доказательства и всё-таки мне не поверил. Будь что будет, решил я. Странная беспечность овладела мною. Почему я должен помогать людям, которые не хотят замечать грозящей им беды? Ведь капитан и его помощники обязаны защищать нас, и вовсе не наше дело предупреждать их об опасности. Я выпил два стакана вина и, пошатываясь, выбрался на палубу, преисполненный решимости сохранить тайну в своём сердце.

Вечер выдался чудесный. Стоя у борта и облокотившись на поручни, я, несмотря на своё волнение, наслаждался освежающим бризом. Далеко на западе, на огненном фоне заката, чёрным пятнышком выделялся одинокий парус. При виде этого зрелища меня охватила дрожь: оно было величественно, но ужасно. Над грот-мачтой робко мерцала одинокая звезда, а в воде при каждом ударе пароходного винта вспыхивали тысячи искорок. И только широкая полоса дыма, тянувшаяся за нами, подобно чёрной ленте на пурпурном занавесе, портила эту прекрасную картину. Трудно было поверить, что величавое спокойствие, царившее в природе, мог нарушить один жалкий несчастный смертный.

В конце концов, подумал я, всматриваясь в голубую бездну, если случится самое страшное, то лучше погибнуть здесь, чем агонизировать на больничной койке на берегу. Какой ничтожной кажется человеческая жизнь перед лицом великих сил природы! И всё же эта философия не помешала мне вздрогнуть, когда, обернувшись, я увидел и без труда опознал на другой стороне палубы две мрачные фигуры. Я не мог слышать, о чём оне оживлённо разговаривали, и мне оставалось только внимательно наблюдать за ними, прохаживаясь взад и вперёд.

Вскоре на палубе появился Дик, и я с облегчением вздохнул. На худой конец сойдёт и скептически настроенный наперсник.

- Ну, старина! воскликнул он, награждая меня шутливым тычком в бок. Мы пока ещё не взлетели на воздух?
  - Пока нет, ответил я. Но это ничего не доказывает, ведь мы ещё можем взлететь.
- Вздор, дружище! заявил Дик. Откуда ты это взял? Что за шальная мысль! Я беседовал с одним из твоих мнимых террористов. Судя по разговору, это довольно симпатичный и общительный парень.

- Дик, я ничуть не сомневаюсь, что у этих людей имеется адская машина и что мы на волосок от смерти. Я так и вижу, как они подносят к запальному шнуру зажжённую спичку.
- Ну, если ты уж так уверен, сказал Дик, почти напуганный моим серьёзным тоном, то тебе следует рассказать капитану о своих подозрениях.
- Ты прав, согласился я. Так и нужно поступить. Моя идиотская робость помешала мне сделать это раньше. Я убеждён, что только это может нас спасти.
- Тогда отправляйся сейчас же и расскажи, потребовал Дик. Но, ради Бога, не впутывай меня в это дело.
- Я переговорю с ним, как только он сойдёт с мостика, обещал я, а пока буду наблюдать за ними, не спуская глаз.
- Расскажи мне потом о результатах, попросил мой друг и, кивнув головой, отправился разыскивать свою соседку по обеденному столу.

Оставшись один, я вспомнил об укромном местечке, обнаруженном мной утром. Я вскарабкался на борт, перебрался в спасательную шлюпку и снова улёгся в ней. Здесь я мог обдумать план дальнейших действий, а приподняв голову, в любую минуту видеть своих зловещих спутников.

Прошёл час, а капитан всё ещё оставался на мостике. Он был всецело поглощён спором с одним из пассажиров — отставным морским офицером — по поводу какого-то сложного вопроса кораблевождения. Со своего наблюдательного пункта я видел красные огоньки на кончиках их сигар. Было так темно, что я с трудом различал фигуры Фленнигена и его сообщника. Они стояли всё в тех же позах. На палубе кое-где виднелись пассажиры, но многие уже ушли вниз. Странное спокойствие было разлито кругом. Только голоса вахтенных матросов да поскрипывание штурвала нарушало тишину.

Прошло ещё полчаса, но капитан, казалось, вообще не собирался спускаться с мостика. Мои нервы были так напряжены, что звук шагов на палубе заставил меня вздрогнуть. Я выглянул из-за борта шлюпки и увидел, что подозрительная пара пересекла палубу и остановилась почти подо мной. Свет из нактоуза падал на мертвенно-бледное лицо головореза Фленнигена. Я бросил на них всего лишь один взгляд, но всё же успел заметить, что столь знакомое мне пальто небрежно висело на руке Мюллера. Со стоном упал я на дно шлюпки. Теперь я уже не сомневался, что моя роковая медлительность будет причиной гибели двухсот ни в чём не повинных людей.

Мне приходилось читать о том, с какой изощрённой жестокостью расправляются заговорщики со шпионами. Я понимал, что люди, ставящие на карту свою жизнь, ни перед чем не остановятся. Мне оставалась только съёжиться на дне лодки и, затаив дыхание, прислушиваться к их шёпоту.

- Вполне подходящее место, сказал один из них.
- Ты прав, подветренная сторона, конечно, лучше.
- Интересно, сработает ли курок?
- Не сомневаюсь.
- Мы должны нажать его в десять, не так ли?
- Ровно в десять. У нас ещё восемь минут.

Наступила пауза. Затем тот же голос произнёс:

- Они ведь услышат щёлканье курка?
- Неважно. Всё равно уже никто не успеет нам помешать.
- Что верно, то верно. Как будут волноваться те, кого мы оставили на берегу!
- Вполне понятно. Сколько, по-твоему, пройдёт времени, прежде чем они о нас услышат?
  - Первое известие они получат не раньше полуночи.
  - И этим они будут обязаны мне.
  - Нет, мне.
  - Xa-хa-хa! Hy, посмотрим.

Вновь наступила пауза. Её прервал зловещий шёпот Мюллера:

- Осталось только пять минут.

Как медленно ползло время! Я мог отсчитывать секунды по ударам своего сердца.

— Какую сенсацию это вызовет на берегу! — произнёс голос.

— Да, газеты поднимут изрядный шум!

Я приподнял голову и снова выглянул через борт шлюпки. Теперь уже не оставалось никакой надежды, помощи ждать было неоткуда. Подниму я тревогу или нет — смерть всё равно смотрит мне в глаза. Капитан наконец сошёл с мостика. Палуба была безлюдной, если не считать двух мрачных фигур, притаившихся в тени шлюпки.

Фленниген держал в руке часы с открытой крышкой.

- Осталось три минуты, проговорил он. Опусти ящик на палубу.
- Нет, лучше поставить его на борт.

Это был всё тот же квадратный ящичек.

По долетевшему до меня звуку я понял, что они поставили его около шлюпбалки, почти у меня под головой.

Я снова выглянул наружу. Фленниген высыпал что-то из бумажки себе на ладонь. Это было то самое беловатое зернистое вещество, которое я видел утром. Несомненно, детонатор, так как Фленниген насыпал его в ящичек, и, как и в прошлый раз, моё внимание привлекли какие-то странные звуки.

- Ещё полторы минуты, сказал Фленниген. Кто дёрнет за бечёвку ты или я?
- Я, ответил Мюллер.

Он стоял на коленях и держал в руке конец бечёвки. Фленниген, сложив на груди руки, застыл позади с выражением мрачной решимости на лице.

Мои нервы не выдержали.

— Остановитесь! — пронзительно крикнул я, вскакивая на ноги. — Остановитесь, безумные люди!

Они с изумлением отшатнулись. Яркая луна осветила моё бледное лицо, и я не сомневаюсь, что в первое мгновение они приняли меня за призрак.

Теперь я испытывал прилив храбрости, так как зашёл слишком далеко, а отступать было позлно.

- Каин был проклят, воскликнул я, хотя убил только одного человека! Неужели вы хотите иметь на своей совести кровь двухсот людей!
  - Он сошёл с ума, заявил Фленниген. Время истекло. Нажимай, Мюллер.

Я спрыгнул на палубу.

- Вы не сделаете этого! закричал я.
- Не суйтесь не в своё дело, вы не имеете права!
- Имею. Вы нарушаете закон человеческий и Божеский.
- Это не ваше дело. Убирайтесь отсюда!
- Ни за что! воскликнул я.
- Будь он проклят, этот парень. На карту поставлено слишком много, и нам не до церемоний. Я придержу его, Мюллер, а ты нажми курок.

В следующее мгновение я извивался в геркулесовых объятиях ирландца. Сопротивление было бесполезно: в его руках я чувствовал себя младенцем. Он прижал меня к борту так, что я не мог шевельнуться.

— Hy! — крикнул он. — Действуй, он нам не помешает!

Я чувствовал, что стою на пороге вечности. Полузадушенный бандитом, я всё же заметил, как его сообщник подошёл к роковому ящику, наклонился над ним и снова ухватился за бечёвку. Я прошептал молитву, когда он потянул её на себя. Послышался резкий щелчок, а вслед за ним какой-то странный скребущий звук. Курок опустился, одна из стенок ящика тотчас отскочила и... из него выпорхнули два сизых почтовых голубя!

Остаётся досказать немногое, тем более, что мне не очень приятно говорить на эту тему: всё это слишком нелепо и позорно. Пожалуй, лучше всего пристойно ретироваться со сцены и уступить место спортивному корреспонденту газеты «Нью-Йорк геральд». Вот выдержка из статьи, опубликованной в газете вскоре после нашего отплытия из Америки.

НОВОЕ В ГОЛУБИНЫХ ГОНКАХ

На прошлой неделе состоялось оригинальное состязание между двумя голубями, один из которых принадлежал Джону Г.Фленнигену из Бостона, а другой — уважаемому гражданину Лоуэлла — Иеремии Мюллеру. Оба они уже давно соперничают между собой в выведении улучшенной породы голубей. Местные круги проявили большой интерес к состязанию, и на голубей были сделаны крупные ставки.

Старт состоялся на палубе трансатлантического парохода «Спартанец» в день отплытия в десять часов вечера, когда судно находилось примерно в ста милях от берега. Победителем признавался голубь, прилетевший домой первым. Спортсменам пришлось соблюдать большую осторожность, поскольку некоторые капитаны относятся с предубеждением к спортивным соревнованиям и не допускают их на борту парохода.

Несмотря на небольшое осложнение, возникшее в самый последний момент, птицы были выпущены почти точно в десять часов. Голубь Мюллера прилетел в Лоуэлл на следующее утро в очень измождённом состоянии, а голубь Фленнигена пропал без вести. Лицам, поставившим на этого голубя, остаётся удовлетворяться сознанием, что состязание происходило самым честным образом. Голуби находились в специально сконструированной клетке, которая открывалась только при помощи особой пружины. Специальное приспособление исключало всякую возможность умышленного повреждения крыльев у голубей и позволяло кормить птиц через отверстие в крышке ящика.

Дальнейшее проведение таких состязаний будет способствовать популяризации голубиного спорта в Америке. Подобные матчи приятно отличаются от тех демонстраций человеческой выносливости, которые так участились за последние годы и носят столь нездоровый характер.

1889 г.

(перевод А. Горского)

СОМНИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ МЭРИ ЭМСЛЕЙ*

В судебной практике Англии таких сомнительных дел, к сожалению, очень много. Ещё грустнее, что все такие дела решаются не в пользу подсудимых. Общественная психология в данном случае совершенно понятна. Представьте себе, что совершено зверское, отвратительное преступление. Общественное мнение возмущено и громко требует возмездия, требует жертвы. И вот жертва отыскивается. Улики против подсудимого сомнительны, но ни судья, ни присяжные заседатели не обращают на это внимания, и несчастный приносится на алтарь правосудия. Некоторые юристы пытаются даже оправдать такую систему. Лорд Тентерден заявил, что суд не должен обращать излишнего внимания на улики и что лучше, если он будет руководствоваться простым здравым смыслом. Но, Господи Боже мой! кто не знает, сколько людей сделались жертвами этого самого здравого смысла!** Я полагаю, что если только эта теория здравого смысла восторжествует в наших судах окончательно, то закон наш сделается самым главным убийцей в Англии. Я верю в то, что в судах должно применяться правило, в силу которого лучше оправдать девять виновных, чем осудить одного невинного; но, к сожалению, это правило далеко не всегда в наших судах соблюдается. В данном случае я хотел бы рассказать читателям об одном крайне сомнительном деле. Это дело об убийстве госпожи Мэри Эмслей.

Не всем иностранцам, посещавшим нашу страну, известно, что такое представляет из себя рабочий Лондон. Это совершенно особый город. Представьте себе целые ряды улиц и кварталов, застроенных бесконечными рядами кирпичных домов. Дома эти некрасивы и как две капли воды похожи один на другой. Это томительное однообразие несколько нарушается только кабаками и часовнями на перекрёстках, причём часовен гораздо меньше, чем кабаков, и посещаются они гораздо реже.

Эти рабочие кварталы своими бесконечными рядами некрасивых домов много содействовали увеличению столицы. Особенно усердно строился Лондон в эпоху между Крымской войной и 1860-м годом. Строительством тогда занимались многие подрядчики, у которых мало денег, но много ловкости. Такой предприниматель строил дом, закладывал его, на заложенные деньги строил второй, закладывал его снова и принимался опять за постройку, и так до бесконечности. Ввиду того, что цены на недвижимость в это время росли, многие из аферистов обогатились и нажили громадные состояния. Между этими ловкими строителями был некий Джон Эмслей. Умирая, он оставил своей жене Мэри огромное состояние, заключавшееся в большом количестве домов и солидных капиталов.

В описываемое время Мэри Эмслей была уже старухой. Всю жизнь она прожила в бедности и теперь, разбогатев, не желала менять привычек. Детей у неё не было; всю энергию она посвящала делам и сама управляла своею собственностью. Она самолично собирала недельную плату со своих небогатых жильцов. Госпожа Эмслей была угрюмая, суровая чудачка. На Гровской улице в Степнее, где она жила, её недолюбливали, но чудачества старухи занимали всех.

Как я уже сказал, домов у неё было очень много, и они были разбросаны в трёх кварталах. Но, невзирая на дальность расстояния и на свои преклонные годы, Мэри Эмслей ходила повсюду лично, взыскивала с жильцов плату, подавала на неисправных в суд, сдавала квартиры и так далее. Способности к хозяйственной деятельности у неё были немалые. Она никогда не упускала своего. На всём старуха старалась нажиться и сэкономить. Так, постоянных управляющих она не держала, а нанимала себе служащих на время, когда у неё накапливалось много дел и одна справиться с ними она не могла. На службе у госпожи Эмслей перебывали таким образом многие, в том числе были двое, чьим именам было суждено приобрести всеобщую известность. Одного из них звали Джон Эммс, другой был штукатур Джордж Мэллинс.

 $^{^*}$ Дело об убийстве старухи-процентщицы, эдакое «Преступление и наказание» на *аглицкий* манер, без Раскольникова и его терзаний. Третья история из серии «Странные уроки, преподанные жизнью». (Π . Γ .) ** Помнится, ещё Пушкин указывал: «Здравый смысл — путеводитель редко верный и почти всегда недостаточный». (Π . Γ .)

Несмотря на своё богатство, Мэри Эмслей жила в полном одиночестве. Только по субботам к ней приходила подёнщица мыть полы и чистить дом. Старуха была чрезвычайно боязлива и подозрительна. Эта черта всегда наблюдается в характере людей, которым суждено погибнуть насильственной смертью. Человеческой природе присущи глубокие инстинкты, лежащие вне сознания, и эти инстинкты предсказывают нам наше будущее.

Дверь Мэри Эмслей отворяла с соблюдением разных предосторожностей. Сперва она оглядывала посетителя из окна, выходившего на улицу, и уж только потом вступала с ним в переговоры.

Мэри Эмслей была очень богата, она могла бы утопать в роскоши, но привычкам своим не изменяла и жила в маленьком домике, который состоял из двух этажей и подвала. Позади дома находился заброшенный садик. Старуха вела существование поистине жалкое.

Последний раз госпожу Эмслей видели вечером в понедельник 13 августа 1860 года. В этот день, в семь часов вечера, два соседа видели её сидящей у окна своей спальни. На следующий день в десять часов утра или позже к ней приходил один из её временных служащих переговорить с нею относительно каких-то медных кранов. Этот человек долго звонил, стучал в дверь, но так и ушёл, не добившись ответа.

Во вторник к госпоже Эмслей приходили многие, но тоже ушли, не повидав хозяйки. Среда и четверг прошли таким же образом. В доме не было заметно никаких признаков жизни. Это обстоятельство было само по себе чрезвычайно подозрительно, но соседи так привыкли к чудачествам вдовы, что и не думали тревожиться.

Только в пятницу сапожник Джон Эммс, ходивший к вдове по делу и тоже ничего не добившийся, заподозрил, что в доме, погружённом в гробовое молчание, произошло что-то неладное. Он уведомил адвоката вдовы Эмслей, господина Роза и одного из её дальних родственников, господина Фэза. Все трое двинулись к дому Мэри Эмслей, захватив по дороге полицейского констебля Диллона.

Дверь и окна оказались запертыми; поэтому все четверо перелезли через забор, вошли в сад и направились к заднему крыльцу, которое отворили без затруднений. Джон Эммс, знакомый с расположением комнат в доме, шёл впереди. В нижнем этаже никого не было, царила мёртвая тишина, нарушаемая лишь крадущимися шагами и осторожным шёпотом вошедших. На второй этаж они поднялись несколько ободрённые. Им стало казаться, что всё в этом доме обстоит благополучно. Весьма вероятно, что чудачка-вдова просто уехала куданибудь гостить.

Поднявшись по лестнице и оказавшись на верхней площадке, Джон Эммс внезапно остановился и вперил глаза во что-то. Роз, Фэз и Диллан последовали его примеру. Они увидели нечто, что разрушило все их надежды.

На деревянном полу виднелось пятно крови, на котором явственно отпечатался след мужской ноги. Дверь, ведущая в комнату, была притворена, а кровавый след был перед дверью и указывал на то, что человек, оставивший его, вышел из этой затворённой комнаты; полицейский бросился к двери и попытался отворить её, но дверь не отворялась. Что-то, лежавшее на полу по ту сторону двери, мешало ей отвориться. Тогда все принялись толкать дверь, и она наконец открылась.

Перед ними, раскинув руки и ноги, лежала на полу несчастная старуха. Под мышкой у неё торчали два рулона обоев. Ещё несколько таких рулонов было раскидано по полу возле трупа. Старуха была убита несколькими ужасными ударами по голове. Удары эти, повидимому, обрушились на неё неожиданно, и она сразу же упала на пол без чувств. Смерть страшна, только когда она приближается, но старухе, очевидно, не пришлось испытать этого ужаса.

Известие об убийстве богатой домовладелицы вызвало в округе сильнейшее волнение. Все усилия были направлены к тому, чтобы отыскать убийцу. Правительство назначило сто фунтов награды тому, кто укажет преступника. Скоро эта награда была повышена до трёхсот фунтов, но всё без толку. Тщательный обыск дома не дал решительно никаких указаний. Час убийства было трудно определить. Судя по тому, что постель осталась неоправленной, можно было решить, что убийство совершено ночью или рано утром, но наверняка сказать этого было нельзя. Старуха могла позабыть оправить постель, и в таком случае преступление могло совершиться вечером. На это указывало и то обстоятельство, что старуха была одета, да и едва

ли бы она рано поутру стала возиться с обоями.

В общем, было предположено, что убийство совершено в понедельник вечером после семи часов. Ни окон, ни дверей взломанных не оказалось. Стало быть, убийца был впущен в дом самой госпожой Эмслей. Но, как уже сказано, старуха была осторожна и боязлива и вечером к себе никого не впускала. Выходит, убийца принадлежал к числу людей, которым она доверяла. Убийца пришёл к ней по делу: на это указывали рулоны обоев в руках убитой.

Эти выводы полиции были вполне правильны. Воспользовался убийца очень немногим. В доме оказалось всего сорок восемь фунтов наличными, и эта сумма, спрятанная в погребе, осталась нетронута. Похищенными оказались только несколько вещей, представлявших весьма незначительную ценность.

Неделя шла за неделей, публика нетерпеливо ожидала ареста преступника. Полиция усердно работала, но молчала. Наконец этот долгожданный арест был произведён и при чрезвычайно драматических обстоятельствах.

Среди многих людей, находивших себе скудный заработок временной службой у убитой вдовы, был некто Джордж Мэллинс — человек почтенной наружности, пятидесяти с лишком лет от роду, но свежий и бодрый. Мэллинс служил прежде в солдатах, и военная выправка у него осталась. Одно время он также служил в ирландской полиции, а затем менял профессии и после многих превратностей судьбы сделался штукатуром, после чего поселился в восточной части Лондона.

Вот этот-то человек и явился к сержанту полиции Тапперу и сделал ему заявление, из коего явствовало, что тайна убийства госпожи Эмслей скоро разъяснится. Мэллинс заявил, что он с самого начала подозревал в преступлении сапожника Эммса и следил за ним, чтобы проверить свои подозрения. Занялся же этим Мэллинс, по его словам, во-первых, из любви к правосудию, а во-вторых, потому, что желал получить награду. Триста фунтов стерлингов – сумма немалая, и Мэллинс очень желал её получить.

- Если вы мне уплатите деньги, я вам всю эту историю раскрою, заявил он при своей первой беседе с полицией, а затем, намекая на то, что и сам прежде служил полицейским, прибавил:
  - По этим делам я ходок!

И, действительно, Мэллинс оказался ходоком. Полиция, благодаря ему, нашла если не преступника, то козла отпущения за убийство Мэри Эмслей.

Заподозренный сапожник жил в небольшом домике на краю пустыря, занятого кирпичными заводами. В пятидесяти ярдах от домика стоял полуразрушенный и заброшенный сарай.

Мэллинс сообщил, что всё время следил за Эммсом. Однажды, по его словам, он видел, как Эммс вынес из дома какой-то свёрток и скрыл его где-то в сарае.

Весьма вероятно, – прибавил хитроумный Мэллинс, – что он спрятал вещи, взятые им у убитой.

Полиции этот рассказ показался правдоподобным, и на следующий день трое полицейских – Мэллинс следовал в отдалении – явились в дом Эммса и устроили обыск в нём и в сарае. Поиски, однако, оказались напрасными, и ничего найдено не было.

Такой итог, однако, не удовлетворил наблюдательного Мэллинса, и он осыпал полицейских упрёками за то, что они плохо искали. Он уговорил их повторить обыск, который производился на этот раз в его присутствии и по его указаниям. Обыск дал великолепные результаты. Под одной из половиц был найден бумажный свёрток с очень интересным содержимым. Свёрток был завязан ремешком, а в нём найдены три чайника, одна столовая ложка, два увеличительных стекла и чек на имя госпожи Эмслей. Чек этот, как установлено, она получила в уплату за квартиру в день своей смерти. Ложки и стёкла также оказались принадлежащими госпоже Эмслей.

Находка, без сомнения, имела первостепенную важность, и вся компания двинулась в полицию. Эммс был растерян и сердит, а Мэллинс важничал и хвастал, как то всегда случается с сыщиками-любителями.

Но недолго длилось его торжество. В полиции его встретил инспектор и объявил ему, что его считают соучастником преступления.

- Так-то вы благодарите меня за услугу! - воскликнул Мэллинс.

– Если вы не виноваты, вам нечего бояться, – ответил инспектор.

И Мэллинса арестовали и предали суду.

Столь внезапная «смена декораций» вызвала сильнейшее волнение в обществе. Негодование против Мэллинса было страшное. В нём видели не только злодея, совершившего зверское убийство, но и подлеца, который с целью получить награду в триста фунтов хотел взвалить свою вину на другого, невинного человека.

Невиновность Эммса была выяснена очень скоро. Он вполне доказал своё алиби. Но раз Эммс невиновен, то кто же убийца? Конечно, тот, кто спрятал в сарай Эммса украденные у вдовы Эмслей вещи. Спрятал же эти вещи там, разумеется, Мэллинс. Ведь это он уведомил полицию о том, что вещи там находятся.

Словом, дело об убийстве г-жи Эмслей было решено прежде, чем Мэллинс появился на скамье подсудимых; улики, собранные полицией, были не таковы, чтобы общество изменило свой взгляд на дело. Полиция не теряла времени даром, она собрала целый ряд фактов, уличавших обвиняемого, и факты эти до сведения присяжных довёл сержант Парти.

Дело разбиралось в Главном Уголовном суде 25 октября, десять недель спустя после убийства. На первый взгляд улики против Мэллинса убийственны. При обыске его дома, последовавшем вслед за его арестом, оказались найдены такие же шнурки, какими был завязан пакетик, спрятанный в сарае. Найден также кусок сапожного вара. Зачем, спрашивается, понадобился Мэллинсу этот вар? При его профессии он ему был совсем не нужен. Очевидно, он нарочно намазал варом шнурок с тем, чтобы заставить поверить полицию в преступность несчастного Эммса.

В доме был найден и штукатурный молоток, который казался совершенно подходящим орудием для нанесения ударов вроде тех, от которых умерла Мэри Эмслей. Найдена также серебряная ложка, как две капли воды похожая на ложки, похищенные у убитой.

Выяснилось, помимо того, что в один из последних дней жена Мэллинса продала соседнему кабатчику золотую вставку для карандаша. Двое свидетелей показали под присягой, что эта золотая вставка принадлежала покойной Эмслей и что этот карандаш они видели у старухи совсем незадолго до её смерти.

У Мэллинса оказалась найдена также пара сапог. Один из этих сапог вполне соответствовал следу около двери, а на подошве сапога медиками был обнаружен человеческий волос. Тот же врач показал под присягой, что на золотой вставке, проданной госпожой Мэллинс кабатчику, имеется след крови.

Подёнщица, убиравшая дом по субботам, показала, что в последнюю субботу — за два дня до убийства — к вдове Эмслей приходил Мэллинс. Он принёс ей несколько обойных рулонов и старуха велела ему отнести обои в ту комнату, в которой впоследствии она была найдена убитой.

Очевидно, Мэри Эмслей была убита в то время, как разговаривала с кем-то об обоях, а потому естественно заключить, что она разговаривала с лицом, эти обои ей доставившим. Сверх всего прочего было доказано, что в субботу Мэри Эмслей вручила Мэллинсу ключ, который был найден в той же комнате, где лежал труп. Обвинитель указывал на то, что этот ключ мог быть принесён сюда только Мэллинсом.

Факты, которыми располагала полиция, были неопровержимы, но полиция постаралась сделать их ещё более убедительными. Полиция хотела выяснить, как и когда Мэллинс совершил преступление. Некто Рэймонд показал под присягой, что видел Мэллинса в день убийства в восемь часов вечера около дома госпожи Эмслей. Мэллинс был в низкой чёрной шляпе. Другой свидетель, матрос, показывал, что видел Мэллинса на другой день, в пять с небольшим часов утра, в Степней-Грине. Матрос утверждал, что внешность Мэллинса обращала на себя внимание: он выглядел возбуждённо, размахивал руками, а карманы его были оттопырены. На голове у него была коричневая шляпа.

Услышав об убийстве, матрос немедленно же отправился в полицию и сообщил о том, что видел. Матрос готов был поклясться, что человек, им виденный, и есть Мэллинс. Таковы были главные улики против подсудимого.

Было много и второстепенных обстоятельств, подтверждающих основательность предъявленного ему обвинения. Так, делая донос на Эммса, Мэллинс соврал, что Эммс – единственный человек, которого вдова Эмслей не боялась и пускала в дом.

- Ну, а вас она пустила бы? спросили у Мэллинса.
- Нет, ответил он, меня она окликнула бы из окна.

Лживость данного ответа была доказана на суде, и Мэллинсу пришлось за эту ложь поплатиться.

Защитнику Мэллинса Бесту пришлось изрядно потрудиться для того, чтобы найти возражения против всех этих убийственных для его клиента обвинений. Прежде всего он постарался установить алиби Мэллинса, вызвав в качестве свидетелей детей его, которые показали, что в роковой понедельник их отец вернулся с работы ранее обычного. Но это показание было неубедительно, тем более что одна из свидетельниц, прачка, показала, что дети Мэллинса путают один день с другим. Присутствие волоса на подошве сапога защитник находит неважным и ничего не значащим обстоятельством ввиду того, что в штукатурной работе употребляется человеческий волос. Защитник спрашивал, почему на подошве сапога нет человеческой крови, которая должна на ней быть, если обвинитель прав, утверждая, что кровавый след оставлен Мэллинсом. Защитник указывал на то, что не видит ничего важного в следах крови на золотой вставке карандаша. Кабатчик, купив эту вставку, тщательно её вымыл и вычистил, и если на ней всё-таки оказалась кровь, то это кровь не госпожи Эмслей.

Обеляя своего клиента, защитник указывал на противоречивость показаний Рэймонда и матроса. Рэймонд видел подсудимого в восемь часов вечера в чёрной шляпе, а матрос, видевший его в пять часов утра, нарядил его в коричневую шляпу. Обвинитель предполагает, что Мэллинс провёл ночь в доме убитой им женщины, но раз это так, когда же он успел переменить шляпу? Или один, или другой свидетель лжёт, а может быть, лгут и оба. Замечательно также, что матрос видел Мэллинса в Степней-Грине. Зачем Мэллинс попал туда? Степней-Грин ему был не по пути, и, возвращаясь домой с места убийства, Мэллинс не мог очутиться в Степней-Грине. Матрос рассказывает, что карманы у Мэллинса отдувались, но ведь из дома вдовы Эмслей были похищены немногие вещи, и притом небольших размеров. От этих вещей карманы не стали бы топорщиться, как говорит матрос. И, наконец, ни Рэймонд, ни матрос не говорят о том, что Мэллинс нёс с собой молоток, которым, как предполагается, он совершил убийство. В заключение защитник выставил двух весьма важных свидетелей, показания которых были для публики новым сюрпризом в этом тёмном, полном неожиданностей деле.

Госпожа Бёрнс, жившая на Гровской улице, прямо против дома, в котором произошло убийство, была готова показать под присягой, что во вторник утром, в сорок минут десятого, она видела, как кто-то возился в верхней комнате с кусками обоев. Видела она также, что правое окно немножко приотворилось. Заметьте, пожалуйста, что это происходило ровно через двенадцать часов после того, как по полицейской теории произошло убийство. Если предположить, что госпожа Бёрнс сделалась жертвой галлюцинации, то придётся сказать, что у неё была не одна, а две галлюцинации. Предположим, что она ошиблась один раз, но ошибиться два раза она не могла. Очевидно, по комнате двигался какой-то человек. Этим человеком могла быть или сама госпожа Эмслей, или её убийца. Но и в том, и в другом случае картина преступления, воссозданная полицией, оказалась ложной.

Вторым свидетелем выступил строитель Стефенсон. Он показал, что во вторник утром встретился с неким Раулендом, тоже строителем. Рауленд вышел из какого-то дома со свёртками в руках. Это было немного позже десяти часов. Стефенсон не мог сказать наверняка, из какого дома вышел Рауленд, но ему показалось, что он вышел из дома госпожи Эмслей. Стефенсон был знаком с Раулендом, но тот торопился на этот раз и пробежал мимо. Стефенсон остановил его и спросил:

- Разве вы занимаетесь обойным делом?
- А как же, разве вы не знали? ответил Рауленд.
- Нет, не знал, сказал Стефенсон, а иначе я бы вам сделал заказ.
- Ну как же, я давно занимаюсь этим, подтвердил Рауленд и пошёл своей дорогой.

После этого показания давал сам Рауленд. Он заявил, что считает Стефенсона полоумным. Да, действительно он встретил Стефенсона и имел с ним такой разговор, какой тот показывает, но происходило это за несколько дней до убийства. Вышел же он тогда не из дома миссис Эмслей, а из соседнего, где у него была работа.

Таковы были факты, подводить итоги которым пришлось председателю суда. Дело

оказалось нелёгкое. Многие из фактов, которым полиция придавала огромное значение, судья отбросил совсем. Так, например, он не придал значения тому обстоятельству, что шнурок, найденный в доме Мэллинса, походил на шнурок, которым был завязан пакет. Удивительного тут, по мнению судьи, ничего не было: все шнурки похожи один на другой. Равным образом судья не находил ничего важного и в том, что в доме Мэллинса найден кусок сапожного вара. Вар вовсе не такое уж необыкновенное вещество, чтобы оно не могло очутиться в доме штукатура. Неудивительно также, что у штукатура находится штукатурный молоток. Судья находил, кроме того, что сапог Мэллинса не соответствует кровавому отпечатку, как то воображала полиция. Самой страшной уликой против обвиняемого, по мнению председателя суда, было то, что он спрятал украденные у покойной вещи в сарае Эммса. Если он не совершал преступления, то почему он не скажет, как эти вещи к нему попали?

Подсудимый также солгал, объявив полиции, что госпожа Эмслей не отперла бы ему двери, между тем как доказано, что она ему доверяла и пускала его к себе в дом. Что касается показаний Рэймонда и матроса, будто бы видевших Мэллинса возле места преступления, то судья не придавал им никакого значения. Не придавал он значения и случаю с ключом. Ключ мог быть возвращён владелице в течение дня. Вся суть дела, по мнению судьи, заключалась в сокрытии вещей в сарае. Это была единственная улика против подсудимого, но зато улика тяжкая и неопровержимая.

Присяжные совещались три часа и вынесли обвинительный приговор. Судья одобрил приговор. Читая своё постановление подсудимому, он сказал несколько слов, из которых было видно, что он не вполне убеждён в виновности Мэллинса.

- Если вы можете доказать свою невиновность, - сказал он, - то советую вам поторопиться. Учреждение, которое будет рассматривать приговор суда, сумеет восстановить вас в правах...

Я считаю эту выходку варварской и нелогичной. Как это можно, сомневаться в виновности человека и в то же время принуждать его к виселице? Положим, улики против Мэллинса были очень тяжки. И, кроме того, установлено, что его прошлое далеко небезупречно. Всё это так, но Мэллинс был осуждён на основании одних только косвенных улик. А с уликами этого рода надо обращаться с крайней осторожностью. Часто этим уликам приписывают совершенно ложное значение.

Допустим, что суд не имел права верить детям Мэллинса, установившим алиби отца. Допустим, что показание Стефенсона не имеет никакого значения, но вот вам положительное и вполне беспристрастное свидетельство госпожи Бёрнс. Из этого свидетельства явствует, что если даже преступление и совершено Мэллинсом, то оно совершено им при иной обстановке, а вовсе не так, как воображала полиция. Да, вообще, теория, которой руководствовалось в данном случае правосудие, совершенно бессмысленна. По этой теории выходит следующее: преступник совершает убийство приблизительно в 8 часов вечера и остаётся на всю ночь в доме вместе с трупом жертвы. Сидит он в темноте, ибо свечку зажечь опасно: как бы не увидели соседи. Кроме того, преступник не уходит, пользуясь темнотой, а ждёт белого дня и убегает на глазах у всех, при ярких лучах августовского утра.

Прочтя это дело во всех подробностях, вы остаётесь под неотразимым впечатлением, что суд, произнёсший смертный приговор, действовал впотьмах. Мэллинс, по всей вероятности, был виноват, но полиции не удалось выяснить дела ни на йоту.

Дело это вызвало в своё время большой спор между специалистами, но публика осталась как нельзя более довольной. Преступление было возмутительное, и против подсудимого оказались настроены все.

Повешен был Мэллинс 19 ноября. Умирая, он снова заявил, что невиновен. Объяснить дело, стоившее ему жизни, он и не пытался. Но в последнюю минуту заявил, что Эммс в убийстве невиновен. Эти слова Мэллинса сочли за признание в том, что он сам спрятал вещи в сарае.

Сорок пять лет минуло с той поры, но и до сего времени это тёмное дело не прояснилось.

1901 г.

(перевод Павла Гелевы)

ЖЕНИТЬБА БРИГАДИРА

Расскажу я вам, друзья мои, о давно прошедших днях, когда я ещё только добывал себе славу, сделавшую моё имя столь знаменитым. Среди тридцати офицеров Конфланского гусарского полка я ничем особенным не выделялся. Представляю себе, каково было бы их удивление, узнай они, что молодому лейтенанту Этьену Жерару предстоит блестящая карьера, что он дослужится до командира бригады и получит крест из рук самого императора. Если вы окажете мне честь и посетите мой домишко, — я покажу его вам, вы ведь знаете этот чистенький белый домик, увитый виноградом, стоящий на отшибе на берегу Гаронны.

Люди говорят про меня, что я никогда не знал страха. Вы, верно, слышали об этом не раз. Из глупой гордости я многие годы не оспаривал этой молвы. Теперь же, на старости лет, я могу позволить себе быть откровенным. Смелый человек не боится правды. Её боится только трус. Потому-то я и не стану скрывать, что и меня прошибал холодный пот, а волосы вставали дыбом, что и мне известно, как душа уходит в пятки и как задают стрекача. Вы поражены? Зато, случится вам когда-нибудь дрогнуть, вспомните, что даже и Этьену Жерару бывало страшно, и вам сразу станет легче. А теперь послушайте, в какую я однажды попал передрягу, а заодно и обзавёлся жёнушкой.

В те поры Франция ни с кем не воевала, и мы, конфланские гусары, всё лето стояли лагерем в нескольких милях от нормандского городка Лезандели. Само по себе местечко это не очень весёлое, но где гусары, там и веселье, так что время мы проводили недурно. За долгие годы странствий потускнели воспоминания, а всё же стоит мне произнести «Лезандели», как встают перед глазами громадный полуразрушенный замок, большие яблоневые сады и, самое главное, прекрасный пол! Ах, что за прелестные создания эти нормандские девушки! Краше нет в целом свете, да и мы были мужчины, можно сказать, хоть куда. Словом, в то замечательное солнечное лето свиданий было не счесть. О, молодость, красота, доблесть, как разглядеть вас сквозь туман тусклых унылых лет! Порой славное прошлое ложится мне на сердце камнем. Нет, мьсье, в вине таких мыслей не утопить. Болитто душа. А вино – что? Оно приносит лишь телесную радость. Но уж коли угощают... не откажусь.

Прелестней всех девушек в тех краях была Мари Равон. До чего мила да пригожа, будто самой судьбой для меня предназначена. Была она из рода Равонов, прадеды её пахали землю в Нормандии ещё со времён, когда герцог Вильгельм отправился покорять Англию. Стоит мне и теперь закрыть глаза, Мари встаёт передо мной: щёчки смуглые как лепестки мускатной розы; взгляд карих глаз нежен и в то же время смел, волосы, чёрные как смоль, будят волнение в крови и в стихи просятся, а фигурка – точно молодая берёзка на ветру. А как она отпрянула, когда я впервые хотел обнять её, – горяча была и горда, всякий раз ускользала, сопротивлялась, боролась до последнего рубежа, отчего капитуляция бывала сладостнее во сто крат. Из ста сорока женщин... Но как их сравнивать, если все были по-своему совершенства!

Вас удивляет, что у кавалера такой красивой девушки не было соперников? Но на то была веская причина, друзья мои, ибо я сделал так, что все мои соперники быстро очутились в госпитале. Ипполит Лезер, к примеру, провёл у Равонов два воскресенья подряд. Так что же? Даю голову на отсечение, что он до сих пор хромает от пули, засевшей у него в колене, если, конечно, он ещё жив. Да и бедняга Виктор до самой своей гибели под Аустерлицем носил мою отметину. Очень скоро все поняли, что от Мари Равон лучше отступиться. В нашем лагере поговаривали, что безопаснее скакать в атаку на свежее пехотное каре, чем слишком часто появляться в усадьбе Равонов.

А теперь позвольте мне кое-что уточнить. Собирался ли я жениться на Мари? О, друзья мои, женитьба не для гусара! Сегодня он в Нормандии, а завтра — средь холмов Испании или болот Польши. Что ему делать с женой? Каково им будет обоим? Он станет думать, какое горе причинит жене его гибель — и былую храбрость сменит рассудительность, а она будет со страхом ждать очередную почту — вдруг придёт известие о невозместимой утрате? Правильно ли это, разумно ли? Что остаётся гусару? Погревшись у камелька, марш-марш вперёд, и добро, коли скоро будет ночёвка под крышей, а не у бивачного костра. А Мари? Хотела ли она,

чтобы я стал её мужем? Она прекрасно знала: затрубят серебряные горны — и прощай семейная жизнь! Уж лучше держаться отца с матерью и родных мест — здесь, среди садов, не расставаясь с мужем-домоседом и не теряя из виду замка Легайяр, будет она мирно коротать свои дни. А гусар пусть снится по ночам. Но мы с Мари о будущем не думали: день да ночь — сутки прочь, как говорится. Правда, отец её, полный старик с лицом круглым, как яблоки, которые росли в его садах, и мать, худая робкая крестьянка, порой намекали, что пора бы мне объяснить свои намерения, хотя в душе и не сомневались, что Этьен Жерар — человек честный, что дочь их совершенно счастлива и ничто дурное ей не грозит. Так обстояли дела, пока не пришёл тот вечер, о котором я хочу рассказать.

Однажды в воскресенье я выехал верхом из лагеря. Вместе с несколькими однополчанами, которые тоже ехали в деревню, мы оставили лошадей у гостиницы. Оттуда до Равонов надо было итти пешком через большое поле, простиравшееся до самого порога их дома. Не успел я сделать несколько шагов, как меня окликнул хозяин гостиницы.

- Послушайте, лейтенант, сказал он, хоть путь через поле и короче, но шли бы вы лучше дорогой.
  - Эдак я дам круг с милю, а то и больше.
  - Верно. Но мне кажется, так будет благоразумней, ухмыляясь сказал он.
  - Почему? спросил я.
  - Потому что в поле пасётся бык английской породы.

Если бы не его гнусная ухмылка, я бы, наверно, послушался. Но предупредить об опасности, а потом ухмыльнуться — этого я со своим гордым нравом снести не мог. Я небрежно отмахнулся, показав этим, что я думаю о быке английской породы.

– Пойду напрямик, – сказал я.

Однако, выйдя в поле, я понял, что поступил опрометчиво. Поле было очень большое, и, удаляясь от гостиницы, я ощущал себя утлым судёнышком, рискнувшим выйти в открытое море. Со всех сторон поле было огорожено. Впереди стоял дом Равонов, изгороди подходили к нему вплотную справа и слева. Со стороны поля был виден чёрный ход и несколько окон, но все они, как и в других нормандских домах, были забраны решётками. Единственным спасением был чёрный ход. И я устремился к нему, не роняя достоинства, приличествующего солдату, но тем не менее развив такую скорость, на какую только способны ноги. Верхняя моя половина была сама беззаботность и даже жизнерадостность. Зато нижняя — проворство и насторожённость.

Я уже почти достиг середины поля, как вдруг справа от себя увидел быка. Он рыл копытами землю под большим буком. Я не повернул головы, даже виду не показал, что заметил опасность, а сам искоса с опаской следил за быком. Возможно, он был в благодушном настроении, а может, его обманул мой беспечный вид, но он не сделал в мою сторону ни шага. Приободрившись, я взглянул на открытое окно спальни Мари, которое было как раз над чёрным ходом, — вдруг из-за шторы смотрят её милые карие глазки. Я стал помахивать тросточкой, сбавил шаг, сорвал первоцвет и запел лихую гусарскую песенку, чтобы подразнить этого зверя английской породы, — пусть любимая видит, что опасность мне нипочём, если наградой — свидание. Моё бесстрашие привело быка в замешательство, я дошёл до чёрного хода; толкнул дверь и очутился в безопасности, не посрамив гусарской чести.

Что для гусара опасность, когда его ждёт свидание с любимой! Да карауль её дом хоть все быки Кастилии, разве я остановился бы на полпути? Ах, вовек не вернуться тем счастливым дням юности, когда ног под собой не чуешь, живя в мире сладостных грёз! Мари почитала и любила меня за храбрость. Прижавшись раскрасневшейся щёчкой к шёлку моего доломана, глядя мне в лицо изумлёнными глазами, сиявшими от любви и восхищения, она благоговейно внимала рассказам, в которых её возлюбленный выступал во всём блеске своих достоинств.

– И сердце ваше ни разу не дрогнуло? Вы никогда не знали страха? – спрашивала она.

Такие вопросы вызывали у меня только смех. Разве место страху в душе гусара? Хоть я был ещё очень молод, подвигам моим уже не было числа. Я рассказал ей, как во главе эскадрона ворвался в каре венгерских гренадёров. Обнимая меня, Мари содрогнулась. Ещё я рассказал ей, как ночью переплыл на коне Дунай, доставляя донесение Даву. Откровенно говоря, то был вовсе не Дунай, да и глубина не такая, чтобы коню моему пришлось плыть, но

когда тебе двадцать и ты влюблён, как не приукрасить рассказ. О многих подобных случаях я рассказывал ей, а её милые глазки раскрывались от изумления всё шире и шире.

– Даже в мечтах своих, Этьен, – сказала она, – я никогда не представляла себе, что мужчина может быть таким храбрым. Счастливая Франция, имеющая такого солдата, счастливая Мари, имеющая такого возлюбленного!

Вы понимаете, с каким чувством я бросился к её ногам, бормоча, что я счастливейший человек на свете... я, нашедший ту, которая меня понимает и ценит.

Отношения наши были прелестны и слишком утончённы, чтобы их могли понять более грубые натуры. Однако её родители, само собой разумеется, имели на этот счёт своё мнение. Я играл в домино со стариком, помогал распутывать пряжу его жене, но никак не мог убедить их, что посещаю их ферму трижды в неделю только из любви к ним. В конце концов объяснение стало неизбежным, и случилось оно именно в тот вечер. Мари, несмотря на её милое негодование, удалили в спальню, а я остался лицом к лицу со стариками, которые засыпали меня вопросами относительно моих намерений и видов на будущее.

 Одно из двух, – сказали они с крестьянской прямотой, – или вы даёте слово, что обручитесь с Мари, или вы её никогда больше не увидите.

Я говорил о солдатском долге, о своих надеждах, о будущем, но они стояли на своём. Я ссылался на свою карьеру, а они эгоистично не хотели думать ни о чём, кроме своей дочери. Я оказался поистине в трудном положении. С одной стороны, я не мог отказаться от моей Мари, а с другой — к чему жениться молодому гусару? Наконец, когда меня уже совсем загнали в угол, я умолил их оставить всё, как было, хотя бы до завтра.

- Я поговорю с Мари, - сказал я. - Я поговорю с Мари без промедления. Главное для меня - её счастье.

Мои слова не удовлетворили старых ворчунов, но возразить они ничего не могли. Вскоре они пожелали мне спокойной ночи, и я отправился в гостиницу. Я вышел в совершенном расстройстве чувств в ту же дверь, в которую вошёл, и услышал как её заперли за мной на засов.

Я шагал по полю, задумавшись, — из головы не шли доводы стариков и мои ловкие ответы. Как мне быть? Я обещал посоветоваться с Мари без промедления. Что мне сказать, когда я увижусь с ней? Должен ли я капитулировать перед её красотой и навсегда распрощаться с военной карьерой? Если бы Этьен Жерар перековал свой меч на орало, то это было бы поистине невосполнимой утратой для императора и Франции. Или я должен ожесточиться сердцем и отказаться от Мари? А разве нельзя совместить всё — быть счастливым супругом в Нормандии и храбрым солдатом в прочих местах? Все эти мысли теснились в моей голове, как вдруг какой-то шум заставил меня поднять голову. Из-за облака выглянула луна, и прямо перед собой я увидел быка.

Он и под буком показался мне большим, но тут передо мной была просто громадина. Он был весь чёрный. Голова опущена, свирепые, налитые кровью глаза сверкали при свете луны. Он бил себя хвостом по бокам, передние ноги зарылись в землю. Такое чудовище не привидится даже в кошмарном сне. Бык медленно, как бы нехотя, двинулся в мою сторону.

Я оглянулся и, к своему отчаянию, увидел, что зашёл в поле слишком далеко. Ближайшим убежищем была гостиница, но между нею и мной находился бык. Если этот зверь увидит, что я его не боюсь, он, наверное, уступит мне дорогу. Я пожал презрительно плечами. И даже свистнул. Бык подумал, что я вызываю его на бой, и прибавил шагу. Я бросил на быка бесстрашный взгляд, а сам давай быстро-быстро пятиться. Молодой, подвижный человек способен даже бежать задом наперёд, обратив лицо к противнику и храбро улыбаясь ему. На бегу я грозил быку тросточкой. Наверно, благоразумней было бы сдержать свой пыл. Бык счёл это вызовом, хотя бросать ему вызов мне и в голову не приходило. Это было роковое недоразумение. Фыркнув, бык поднял хвост и ринулся в атаку.

Вы когда-нибудь видели, как нападает бык, друзья мои? Это – чудовищное зрелище. Вы думаете, наверно, что он припустил рысью или даже галопом. Это бы ещё ничего... Нет, он делал прыжки, один страшнее другого. Я не боюсь человека. Когда я имею дело с человеком, то чувствую, что благородство моей позы, смелая непринуждённость, с которой я встречаю противника, уже сами по себе обезоруживают. Я владею теми же приёмами, что и он, и поэтому мне нечего его бояться. Но когда тебе предстоит сразиться с тонной разъярённой

говядины — это совсем другое дело. Тут не поспоришь, не успокоишь, не завоюешь расположения... Никакие уговоры не помогут. Что этому зверю до моего горделивого самообладания? С живостью, свойственной моему уму, я оценил обстановку и решил, что на моём месте никто, даже сам император, не мог бы удержать позиции. Значит, оставалось одно — бежать.

Но и бежать можно по-разному. Кто отступает с достоинством, а кто – в панике. Я удирал, как положено настоящему солдату. Хотя мои ноги работали быстро, сам я держался великолепно. Весь мой вид выражал протест. На бегу я улыбался – это была горькая улыбка храбреца, который философски относится к превратностям судьбы. Если бы в эти минуты меня увидели мои боевые товарищи, я бы нисколько не проиграл в их глазах. С поразительным самообладанием уходил я от быка.

Но тут я должен сделать одно признание. Известное дело: если удираешь, то паники не избежать, будь ты храбрец из храбрецов. Вспомните гвардию при Ватерлоо. То же самое было в тот вечер и с Этьеном Жераром. Ведь поблизости не было никого, кто бы оценил мою доблесть... никого, кроме этого проклятого быка. А не благоразумнее ли в такую минуту забыть о собственном достоинстве? С каждым мгновеньем грохот копыт чудовища и его страшное фырканье за моей спиной становилось всё громче. При мысли о такой постыдной смерти меня охватил ужас. Жестокая ярость зверя лишила меня мужества. Всё было забыто. Во всём мире осталось только два существа: бык и я – он хотел убить меня, а я – во что бы то ни стало спастись. Я опустил голову и... дунул во все лопатки.

Мчался я к дому Равонов. И вдруг сообразил: если даже я добегу, спрятаться будет негде. Дверь заперта. Нижние окна забраны решётками. Ограда высокая. А бык с каждым прыжком всё ближе и ближе. И вот тут-то, друзья мои, в миг наивысшей опасности Этьен Жерар и показал, на что он способен. Был лишь один путь к спасению, и я воспользовался им.

Я уже говорил, что окно спальни Мари помещалось как раз над дверью. Занавески были задёрнуты, но не плотно — сквозь щели пробивался свет. Я был молодой, ловкий и поэтому знал, что смогу высоко прыгнуть, ухватиться за край подоконника и, подтянувшись, уйти от опасности. Подпрыгнул я в тот самый момент, когда чудовище настигло меня. Я и без посторонней помощи вскочил бы в окно. В великолепном прыжке я уже оторвался от земли, как бык поддал мне сзади, и я, как пушечное ядро, влетел в окно и упал на четвереньки посреди спальни.

Кровать стояла под самым окном, но я благополучно перелетел через неё. С трудом поднявшись на ноги, я с замиранием сердца повернулся к кровати, но она была пуста. Моя Мари сидела в кресле в углу комнаты и, судя по раскрасневшимся щёчкам, плакала. Видно, родители уже рассказали ей о нашем разговоре. От изумления она не могла встать и смотрела на меня с раскрытым ртом.

– Этьен! – задыхаясь прошептала она. – Этьен!

И тут, как всегда, мне на выручку пришла моя находчивость. Я поступил так, как должен поступать истинный джентльмен.

– Мари, – вскричал я, – простите, о, простите меня за внезапность вторжения! Мари, сегодня вечером я говорил с вашими родителями. И я не мог вернуться в лагерь, не узнав, согласны ли вы стать моей женой и сделать меня самым счастливым человеком на свете.

Её изумление было так велико, что она долго не могла вымолвить ни слова. А затем стала восторженно изливать свои чувства.

— О, Этьен! Мой замечательный Этьен! — восклицала она, обвив мою шею руками. — Такой любви не бывало никогда! Вы лучше всех мужчин на свете! Вот вы стоите предо мной, бледный, дрожа от страсти. Таким вы являлись мне в моих грёзах. Как тяжело вы дышите, любовь моя, и какой великолепный прыжок бросил вас в мои объятья! За секунду до вашего появления я слышала топот вашего боевого коня.

Объяснять больше было нечего, и когда ты только что помолвлен, для губ находится другое занятие. Однако за дверью послышался какой-то шум — кто-то поднимался по лестнице. Когда я с грохотом появился в доме Равонов, старики бросились в погреб, чтобы посмотреть не свалилась ли с козел большая бочка сидра, теперь они спешили в комнату дочери. Я распахнул дверь и взял Мари за руку.

– Вы видите перед собой вашего сына! – сказал я.

О, какую радость я доставил этим скромным людям! При воспоминании об этом у меня всякий раз навёртываются слёзы. Им не показалось слишком странным, что я влетел в окно, ибо кому быть горячим поклонником их дочери, как не храброму гусару? И если дверь заперта, то разве нельзя проникнуть в дом через окно? Снова мы собрались все четверо в гостиной, из погреба была принесена облепленная паутиной бутылка, и полился рассказ о славном роде Равонов. Будто впервые видел я эту комнату с толстыми стропилами, два стариковских улыбающихся лица и её, мою Мари, мою невесту, которую я завоевал таким странным образом.

Когда мы расставались было уже поздно. Старик вышел со мной в переднюю.

- Вы пойдёте парадным ходом или чёрным? спросил он. Чёрным ходом короче.
- Пожалуй, пойду парадным, ответил я. Этот путь, может, и длиннее, зато у меня будет больше времени думать о Мари.

1910 г.

(перевод Д. Жукова)

ЧУДОВИЩА ЗАОБЛАЧНЫХ ВЫСОТ

(повесть, включающая рукопись, известную как «дневник Джойса-Армстронга»)

Все, кто углублённо размышлял над дневником Джойса-Армстронга, решительно отвергают утверждение, будто рассказ о необыкновенных явлениях, которые описываются там, — злостная, изощрённая мистификация некоего любителя мрачных и жестоких розыгрышей. Самый коварный интриган с необузданным воображением призадумался бы, стоит ли связывать свои леденящие кровь фантазии с бесспорным фактом трагической гибели Джойса-Армстронга, ибо это значило бы доказать, что такая фантазия — реальность. Хотя автор повествует о явлениях невероятных, даже чуловишных, наиболее образованная часть общества склоняется к мысли, что это отнюдь не вымысел и что мы должны пересмотреть свои представления после сделанных Джойсом-Армстронгом открытий. Лишь хрупкая и ненадёжная преграда отделяет нас от грозных обитателей неведомого мира, которые в любую минуту могут вторгнуться к нам. Я попытаюсь изложить в своём повествовании — куда включу записки Джойса-Армстронга, в том, увы, неполном виде, как они были найдены, — все известные на настоящее время сведения о том, что так волновало этого исследователя, однако я с самого начала хочу заявить читателям: быть может, кто-то усомнится в правдивости Лжойса-Армстронга, но всё, что касается пилота морской авиации флота Её Величества лейтенанта Миртла и мистера Хея Коннора, не должно вызывать сомнений: их постигла та же смерть, что и автора записок.

Записки — или дневник — Джойса-Армстронга были найдены в поле, которое называется Лоуэр-Хейкок, в миле к западу от деревни Уизихем, стоящей на границе между графствами Кент и Суссекс. Пятнадцатого сентября сего года Джеймс Флинн, работающий у Мэтью Додда на его ферме «Чантри» в Уизихеме, увидел на краю тропинки, идущей вдоль живой изгороди луга Лоуэр-Хейкок, трубку из верескового корня. Через несколько шагов он поднял разбитый бинокль. И наконец в канаве, среди зарослей крапивы, он увидел раскрытую книгу в полотняном переплёте, которая оказалась вовсе не книгой, а отрывным блокнотом, причём несколько листков ветер прибил к кустам изгороди и трепал возле нижних веток. Работник подобрал листки, однако ещё три или четыре листка, включая первый, так и не удалось отыскать, и в этом повествовании, где так важно каждое слово, к несчастью, зияют пробелы. Работник отнёс блокнот своему хозяину, тот показал его доктору Дж.Г.Аттертону из Гартфильда. Этот джентльмен тотчас же понял, что рукопись следует передать специалистам для изучения, и она была отправлена в Лондон, в Клуб авиаторов, где сейчас и находится.

Две первые страницы отсутствуют. Нет также одной в конце, но это ни в коей мере не мешает пониманию того, что произошло. Естественно предположить, что в отсутствующих начальных страницах мистер Джойс-Армстронг перечисляет свои рекорды в воздухе, о которых можно узнать из разных других источников и которые, как всем известно, не превзошёл ни один авиатор Англии. Много лет он считался одним из самых отважных и образованных воздухоплавателей, и сочетание этих качеств дало ему возможность изобрести и испытать несколько новых авиационных приборов, в том числе и известное гироскопическое устройство, которое назвали его именем. Весь дневник написан очень аккуратно, чернилами, но последние строки нацарапаны карандашом, их едва можно разобрать — именно так и должно выглядеть послание, торопливо набросанное авиатором в летящем аэроплане. Могу также сообщить, что на последней странице и на обложке блокнота есть несколько пятен, и специалисты из министерства внутренних дел установили, что это кровь — без сомнения, кровь млекопитающего, возможно, человека. То обстоятельство, что в ней обнаружены тельца, имеющие большое сходство с малярийными микробами, а у Джойса-Армстронга была, как известно, перемежающаяся лихорадка, — удивительная демонстрация могущества современной науки, которая вооружает своими знаниями наших исследователей.

А теперь немного об авторе этого эпохального документа. Те несколько друзей, которые действительно знали его близко, говорят, что это был поэт, мечтатель и при этом талантливейший инженер и изобретатель. Человек с большим состоянием, он очень много

тратил на своё увлечение воздухоплаванием. В его ангарах близ Девайза стояло четыре аэроплана, которые принадлежали лично ему, и, как рассказывают, он за последний год поднимался в воздух более ста семидесяти раз. Характер у него был замкнутый, он нередко впадал в мрачное расположение духа и тогда избегал общества своих коллег-авиаторов. Капитан Дейнджерфильд, знавший его лучше, чем кто бы то ни было, утверждает, что по временам его эксцентричность грозила развиться в нечто более серьёзное. Одним из симптомов он считал привычку Джойса-Армстронга брать с собой в полёт дробовик.

Также очень настораживало Дейнджерфильда болезненное впечатление, которое произвела на его друга гибель лейтенанта Миртла. Миртл пытался поставить рекорд высоты и упал с тридцати тысяч футов. Как ни жутко об этом рассказывать, но когда его изуродованное туловище и конечности были найдены, головы у трупа не оказалось. На всех встречах с друзьями-авиаторами Джойс-Армстронг, как утверждает Дейнджерфильд, неизменно спрашивал с загадочной усмешкой: «А где же всё-таки голова Миртла, позвольте вас спросить?»

Однажды после обеда в Школе авиаторов, которая находится под Солсбери, он завёл разговор о том, что следует считать самой неотвратимой из всех опасностей, которые подстерегают авиатора. Выслушав своих коллег, которые называли кто воздушные ямы, кто дефекты в конструкции аэроплана, кто слишком большой крен при вираже, он лишь пожал плечами и отказался высказать своё мнение, а оно, судя по его выражению, не совпадало с мнением коллег.

Следует особо отметить, что после его необъяснимого исчезновения было обнаружено, что он привёл все свои дела в идеальный порядок, и это даёт основания предположить, что он заранее предчувствовал беду. А теперь, после этого вступления, которое я счёл необходимым дать, повествование продолжит сам Джойс-Армстронг, дневник которого начинается с третьей страницы залитого кровью блокнота:

«...однако, когда я обедал в Реймсе с Козелли и Гюставом Рэймоном, в разговоре выяснилось, что ни тот, ни другой и не догадываются о грозной опасности, которую таят верхние слои атмосферы. Я не стал рассказывать, что именно я думаю, но намёки мои были столь прозрачны, что будь у них в мыслях нечто схожее, они бы непременно высказали свои предположения. Впрочем, чего от них ждать: оба они тщеславные глупцы, у них одно на уме — увидеть свои, никому не нужные имена в газете. Замечу, что поднимались они чуть выше двадцати тысяч футов. А между тем даже многие стратонавты и альпинисты достигали куда более значительных высот, это всем известно. Опасная зона находится в верхних слоях атмосферы, если, конечно, мои предчувствия меня не обманывают.

Воздухоплавание развивается уже больше двадцати лет, и вполне резонно задать вопрос: почему же эти грозные явления начали проявляться только сейчас? Ответ напрашивается сам собой. В прежние времена, когда двигатели аэропланов были слабые и какой-нибудь «Гном» или «Грин» с его ста лошадиными силами использовался для любой цели, возможности полётов были чрезвычайно ограничены. Теперь же почти на всех машинах устанавливают трёхсотсильные двигатели, и авиаторы легко достигают больших высот, причём это никого не поражает. Многие из нас помнят, как в дни нашей юности весь мир восхищался Гарросом, когда он поднялся до девятнадцати тысяч футов, а перелёт через Альпы стал величайшей из сенсаций. Сейчас возможности воздухоплавания неизмеримо возросли, и многие авиаторы поднимаются на огромные высоты. Авиаторы легко достигают тридцати тысяч футов, не испытывая неприятных ощущений, если не считать холода и недостатка кислорода. Что же это доказывает? Пришелец из других миров может тысячу раз опуститься на нашу планету и ни разу не увидеть тигра. И тем не менее тигры существуют, и если ему случится сесть на землю в джунглях, его могут сожрать. В верхних слоях атмосферы есть свои джунгли, и их населяют существа пострашнее тигров. Я уверен, что настанет время, когда эти места будут тщательнейшим образом нанесены на карту. Даже и сейчас я знаю два таких места в небе. Одно находится над департаментом Атлантические Пиренеи во Франции, между Биаррицем и По. Другое — в Уилтшире, прямо над моим домом, где я сижу и пишу свой дневник. У меня есть основания предполагать, что имеется и третье, оно расположено

между Гамбургом и Висбаденом.

Я впервые задумался об этом, когда стали исчезать авиаторы. Все, конечно, твердили, что они упали в море, но меня такое объяснение не удовлетворяло. Вспомним хотя бы французского авиатора Веррье — его машину нашли неподалёку от Байонны, а вот сам он исчез без следа. Исчез также и Бакстер, хотя в Лестершире, в лесу был обнаружен мотор его аэроплана и несколько металлических деталей. Доктор Миддлтон из Эймсбери, который наблюдал полёт Бакстера в телескоп, рассказывает, что прежде, чем исчезнуть в облаках, машина, набравшая огромную высоту, вдруг несколькими рывками вздёрнулась вертикально вверх — доктор никогда бы не поверил, что такое возможно. Больше Бакстера никто никогда не видел. Газеты много писали об этом трагическом эпизоде, но ничего узнать так и не удалось. Было ещё несколько сходных случаев, потом погиб Хей Коннор. Как потешалось наше общество над «неразрешимой загадкой небес», как изощрялась в издевательствах жёлтая пресса, но никто и пальцем о палец не ударил, чтобы добраться до сути дела. Хей спланировал на землю с огромной высоты. Из аэроплана он так и не вышел, умер прямо на сиденье. От чего он умер? У него было больное сердце, объявили врачи. Чушь! У Хея Коннора сердце было крепче моего. Знаете, что тогда сказал Венаблс? Венаблс — единственный, кто был с ним рядом, когда он умирал. Так вот, он рассказывает, что Хей дрожал и на лице у него был ужас. Он умер от страха, утверждает Венаблс, но не представляет, что же его так напугало. Хей произнёс одно-единственное слово: «чудовищно...» — так послышалось Венаблсу. Следствие не поняло, что это означает. Зато я понял. Чудовища! - вот последнее слово, которое произнёс бедняга Гарри Хей Коннор. Да, он действительно умер от страха, Венаблс был прав.

Потом эта история с головой Миртла. Неужели вы верите — неужели человек в здравом уме способен поверить, будто сила удара при падении в состоянии вдавить голову человека, всю целиком, в туловище? Не знаю, может быть, теоретически такое и возможно, только лично я в жизни не поверю, что это случилось с Миртлом. А жир на его одежде? «Она вся скользкая от жира», сказал кто-то во время следствия. И никто не задумался — но ведь я-то думаю обо всём этом давно. Я поднимался на большую высоту три раза — Дейнджерфильд ужасно потешался, что я всегда беру с собой дробовик, но эта высота оказалась недостаточной. новый лёгкий «Поль Теперь меня есть Вероне» стасемидесятипятисильным двигателем «Робур», и завтра я без труда достигну тридцати тысяч футов. Нацелюсь на рекорд. Может быть, придётся целиться из ружья и даже стрелять. Конечно, то, что я задумал, опасно. Но если вас страшит опасность, не нужно вообще летать: облачитесь в халат, ноги — в войлочные туфли и сидите себе дома. Но я — я завтра совершу вылазку в воздушные джунгли, и если их кто-то населяет, встречи не миновать. Если я вернусь, моё имя будет у всех на устах. Если нет, эти записки объяснят, какую я поставил себе цель и какой смертью погиб, ища подтверждения своей догадке. Но только ради всего святого: никакой чепухи о несчастном случае и тайнах небес!

Я выбрал для полёта туда мой моноплан «Поль Вероне». Моноплан — идеальная машина, если вы задумали что-то серьёзное. Бомон установил это ещё много лет назад. Вопервых, она не боится сырости, а, судя по погоде, мне предстоит всё время летать в облаках. Мой «Поль Вероне» — маленький и изящный, послушен в управлении, как хорошо вышколенная породистая лошадь, мотор — десятицилиндровый роторный «Робур» развивает мощность до ста семидесяти пяти лошадиных сил. Модель — последнее слово авиационной техники: закрытый фюзеляж, круго выгнутое лыжное шасси, надёжные тормоза, гироскопические стабилизаторы, три скорости, причём скорость меняется за счёт угла подъёма плоскости крыльев - по принципу жалюзи. Я взял с собой дробовик и полтора десятка патронов. Видели бы вы физиономию моего механика Перкинса, когда я распорядился положить всё это в машину. Оделся я как на Северный полюс: под комбинезоном два свитера, шерстяные носки, меховые сапоги, шлем, защитные очки. На дворе было жарко, душно, но ведь я готовился подняться на высоту Гималайских вершин и должен был соответственно экипироваться. Перкинс понимал, что всё это неспроста, и умолял меня взять его с собой. Может быть, я и взял бы, если бы летел в биплане, но моноплан машина для одного, если хочешь взять максимальную высоту. И, конечно, я захватил с собой кислородную подушку: без неё авиатор, который хочет поставить рекорд высоты, превратится в ледышку или задохнётся — впрочем, возможно и то, и другое.

Прежде чем сесть в моноплан, я тщательно осмотрел крылья, штурвал, рычаг высоты. Насколько я могу судить, всё было в порядке. Потом завёл мотор, и машина плавно заскользила по полю. Едва лишь механики отпустили пропеллер, как она почти сразу поднялась в воздух на первой скорости. Я сделал два круга над полем возле моего дома, чтобы хорошенько разогреть мотор, помахал рукой Перкинсу и всем, кто провожал меня, выровнял крылья и дал полный газ. Миль восемь-десять мой «Поль Вероне» нёсся в струях попутного ветра, стремительный, как ласточка; потом я слегка приподнял его нос вверх и стал подниматься по гигантской спирали к затянувшим небо тучам. Самое главное — набирать высоту медленно, чтобы организм постепенно привыкал к уменьшающемуся давлению.

День был душный, для сентября необычно тёплый, но пасмурный, всё затихло в тягостном ожидании, как всегда бывает перед дождём. Время от времени с юго-запада налетали порывы ветра, один такой неожиданный и резкий, что застал меня врасплох и на миг повернул машину чуть не на сто восемьдесят градусов. Помню, когда-то вихри, бури и воздушные ямы представляли для авиаторов серьёзнейшую опасность, но потом её преодолела всепобеждающая сила, которой мы наделили наши моторы. Когда я поднялся до уровня туч — стрелка моего альтиметра показывала три тысячи футов -, пошёл дождь. Нет, не пошёл — хлынул! Он барабанил по крыльям, сёк мне лицо, залил очки, так что я ничего не видел. Я снизил скорость, потому что было трудно бороться с такой плотной массой дождя и ветра. Ещё выше — и посыпал град, я бросился от него наутёк. Один из цилиндров отказал наверно, засорился клапан, подумал я, и тем не менее машина неуклонно и мощно набирала высоту. Немного погодя неисправность устранилась сама собой — уж не знаю, в чём там было дело, и я услышал глубокий низкий гул — все десять цилиндров пели уверенно и ровно, как один. Какое всё-таки чудо наши современные глушители! Наконец-то мы получили возможность определять неполадки в работе моторов на слух. Как они стучат, визжат, скрежещут, когда что-то не в порядке! В прежние времена никто не слышал этих криков о помощи, ведь тогда их заглушал чудовищный рёв моторов. Если бы только первые авиаторы могли вернуться к нам и увидеть современные аппараты, за чью красоту и совершенство они заплатили жизнью!

В половине десятого я приблизился к пелене туч. Подо мной сквозь завесу дождя смутно виделась широко раскинувшаяся равнина Солсбери. Несколько авиаторов отрабатывали манёвры на высоте не более тысячи футов, их машины были похожи на маленьких чёрных ласточек на фоне зелёной травы. Они наверняка недоумевали, что это я делаю так высоко, под самыми облаками. Вдруг картина, которую я видел внизу, задёрнулась как бы серым занавесом, и рядом, касаясь моего лица, заколыхались влажные складки тумана. Туман был липкий, холодный, тягучий. Но я поднялся над ливнем и градом, а это немалое достижение. Туча была тёмная и плотная, как лондонский туман. Спеша поскорее выбраться из туч, я направил машину чуть ли не вертикально вверх, и тут включилась аварийная сигнализация, я стал соскальзывать вниз. Мне и в голову не приходило, что вымокшие насквозь крылья так сильно увеличат вес самолёта, и тем не менее облака мало-помалу начали редеть, скоро я вынырнул из их нижнего слоя. Над головой, на огромной высоте, был второй слой — молочно-опаловый потолок кудрявых облаков, закрывший всё небо от горизонта до горизонта; внизу — тёмный пол туч, закрывший всю землю тоже от горизонта до горизонта, а в пространстве между ними — моноплан, взбирающийся вверх по широкой спирали. В этих просторах среди облаков чувствуешь себя ужасно одиноко. Однажды мимо меня пронеслась большая стая каких-то мелких водяных птиц, они летели на запад — и до чего же быстро. От плеска их крыл и мелодичных криков на душе стало теплее. Мне кажется, это были чирки, но орнитолог из меня никудышный. Теперь, когда мы, люди, стали птицами, стыдно не узнавать своих братьев.

Ветер, дующий внизу, взвихривал и колыхал волнами пелену туч. Вдруг тучи бешено закрутились, образовался как бы огромный водоворот, и сквозь возникшее окно я увидел словно через дно воронки кусочек мира. Бесконечно далеко подо мной летел большой белый биплан. Наверно, вёз утреннюю почту из Бристоля в Лондон. Но вот тучи затянули окно, и я снова остался в своём великом одиночестве.

В начале одиннадцатого я вошёл в нижнюю кромку верхнего слоя облаков. Лёгкие прозрачные ленты тумана быстро плыли с запада. Всё это время ветер непрерывно усиливался и теперь достиг шести с половиной баллов - двадцать восемь миль в час, судя по моим приборам. Было уже очень холодно, хотя мой альтиметр показывал всего девять тысяч футов. Мотор работал идеально, машина неуклонно шла вверх. Этот слой облаков оказался толще, чем я ожидал, но вот наконец туман стал редеть, превратился в золотистое сияние, я вынырнул из него и оказался в безоблачном небе, где ослепительно сияло солнце — в вышине золото и лазурь, внизу — сверкающее серебро, эдакое безбрежное светозарное море. Было четверть одиннадцатого, стрелка барографа показывала двенадцать тысяч восемьсот футов. Я поднимался выше, выше, внимательно вслушиваясь в глубокий мягкий гул мотора, глядя то на часы, то на тахометр, то на указатель уровня бензина, то на индикатор давления масла. Про авиаторов говорят, что им неведом страх, и это поистине верно. Когда приходится держать в уме столько всего одновременно, о себе просто забываешь. Я заметил, что на определённой высоте компас перестаёт давать правильные показания. Например, мой на пятнадцати тысячах футов, показывая «юг», на самом деле указывал на «восток». Приходилось ориентироваться по солнцу и ветру.

Я-то надеялся, что на этих высотах царит вечный штиль, но с каждой тысячей футов шторм разыгрывался всё необузданней. Все заклёпки моей машины, все соединения стонали и ходили ходуном, и когда машина накренялась во время поворота, ветер подхватывал её, точно листок бумаги, и уносил с такой скоростью, какая и не снилась простому смертному. Но я каждый раз упорно разворачивал моноплан и ставил против ветра, потому что цель моя была куда важнее, чем просто поставить рекорд высоты. По моим расчётам, эти небесные джунгли находятся на небольшом пространстве над графством Уилтшир, и если я выйду в верхние слои атмосферы чуть дальше, весь мой труд пропадёт даром.

Когда я около полудня поднялся до девятнадцати тысяч футов, ветер совсем рассвирепел, и я с тревогой поглядывал на оттяжки крыльев, ожидая, что они вот-вот лопнут или ослабнут. Я даже расчехлил лежащий сзади парашют и пристегнул его замок к кольцу на моём кожаном ремне — мало ли что, вдруг произойдёт худшее. Я попал сейчас в такую переделку, когда за малейший недосмотр механика авиатор расплачивается жизнью. Но мой «Поль Вероне» мужественно противостоял натиску бури. Стойки и стропы дрожали и гудели, как струны арфы, но какое же это было великолепное зрелище — разбушевавшаяся стихия кидала и швыряла мой моноплан, как щепку, и всё-таки он торжествовал над ней, властелином неба был он. Несомненно, и сам человек несёт в себе частицу божественных сил, иначе ему бы не подняться столь высоко над пределом, который поставил нам Творец, а человек поднялся, благодаря бескорыстной преданности и отваге, которые он проявил, покоряя воздух. А ещё твердят, что люди измельчали! Разве история человечества знает подвиг, сравнимый с этим?

Вот о чём я думал, поднимаясь по своей исполинской спирали в небо, и ветер то бил мне в лицо, то со свистом налетал из-за спины, а страна облаков внизу была так далеко, что я уже не различал больше серебряных долин и гор — они слились в плоскую сияющую поверхность. И вдруг случилось нечто чудовищное, такого я ещё не испытывал. Мне и раньше доводилось попадать в воздушные вихри, которые наши соседи французы называют tourbillon*, но никогда они не были такими бешеными. В этой гигантской бушующей реке ветра, о которой я говорил, есть, оказывается, свои водовороты, столь же беспощадные, как она сама. Миг — и меня вдруг швырнуло в самый центр одного из них. Минуты две «Поль Вероне» крутило с такой скоростью, что я чуть не потерял сознание, потом вдруг машина канула вниз, в пустоту, образовавшуюся в жерле воронки. Я падал, как камень, левым крылом к земле, и потерял почти тысячу футов. Удержал меня в сиденье только ремень, я повис на нём, свесившись через борт, растерзанный, задохнувшийся. Но в любых обстоятельствах я могу усилием воли взять себя в руки, чего бы мне это ни стоило — для авиатора это очень важное качество. Я почувствовал, что падаю медленнее. Этот tourbillon оказался, скорее, перевёрнутым конусом, чем воронкой, и теперь я был в самой её вершине. Собрав все свои силы, я перевалился на другой борт, поставил машину в горизонтальное положение, потом повернул нос чуть в

^{*} вихрь ,водоворот (*франц*.)

сторону. И тотчас же меня вынесло из вихря, я снова поплыл по гигантской реке ветра. Потрясённый, но торжествующий, я продолжал свой упорный подъём. Описывая спираль, я сделал большой крюк, чтобы снова не попасть в этот чудовищный смерч, и скоро оказался над ним — уф, слава Богу. В час дня альтиметр показывал двадцать одну тысячу футов над уровнем моря. К моей великой радости я поднялся над бурей, мало того, теперь ветер стихал, каждая сотня футов это подтверждала. Зато было очень холодно, и начала подступать та особая тошнота, которую вызывает недостаток кислорода. Я в первый раз отвинтил пробку кислородной подушки и стал время от времени вдыхать глоток этого животворного газа. В мою кровь словно вливалось шампанское, я ликовал, опьянённый радостью. Я кричал, пел, взмывая в ледяной безветренный мир высот.

Я очень хорошо понимаю, почему Глейшер полностью потерял сознание, а Коксвелл был на грани обморока, когда они в 1862 году поднялись в кабине воздушного шара на высоту тридцати тысяч футов: они неслись вертикально вверх с огромной скоростью. Нужно подниматься по плавной кривой под очень небольшим углом и щадить свой организм, постепенно привыкая к медленно падающему атмосферному давлению, тогда авиатору не угрожают столь катастрофические последствия. И ещё я обнаружил на этой огромной высоте, что даже без кислородной маски можно дышать, не испытывая неприятных ощущений. Однако было очень холодно, мой термометр показывал ноль градусов по Фаренгейту. В половине второго высота была уже почти семь миль над уровнем моря, и я продолжал неуклонно подниматься. И тут оказалось, что разрежённый воздух всё хуже и хуже держит крылья моего «Поля Вероне», и потому пришлось значительно уменьшить угол подъёма. Мне уже стало ясно, что несмотря на лёгкий вес машины и мощный мотор, я скоро достигну потолка. А тут ещё одна из свеч зажигания снова начала барахлить, в моторе появились перебои. На сердце было тяжело. Неужели неудача?

И тут произошло удивительное явление. Что-то просвистело мимо меня, оставив длинный хвост дыма, взорвалось с громким шипением и окуталось облаком пара. Я оторопел — что бы это могло быть? Потом вспомнил, что ведь на землю постоянно сыплется град метеоритов, и если бы они почти все не сгорали в верхних слоях атмосферы, на земле было бы невозможно жить. Ещё одна опасность для авиатора на больших высотах; две другие мне предстояло встретить, когда я приближался к сорока тысячам футов. Не сомневаюсь, что около внешней оболочки атмосферы риск поистине огромен.

Когда стрелка барографа остановилась на сорока одной тысяче трёхстах футах, я понял: всё, это предел. И причина не во мне. Физическое напряжение хоть и велико, но вполне переносимо, просто моя машина исчерпала все свои возможности. Разрежённый воздух был плохой опорой для крыльев, при малейшем крене «Поль Вероне» срывался в скольжение на крыло, я с трудом заставлял его подчиняться рычагам управления. Будь мотор в идеальном состоянии, мы, может быть, и одолели бы ещё тысячу футов, но он работал с перебоями, и теперь отказали уже два цилиндра из десяти. Хорошо, что я достиг зоны, к которой стремился, иначе не бывать бы мне сегодня здесь. А впрочем, действительно ли я её достиг? Паря, точно гигантский ястреб, на высоте сорока тысяч футов, я отпустил штурвал, взял мой «маннхейм» и стал внимательно смотреть вокруг. Небо было совершенно ясное, ни малейшего намёка на присутствие тех грозных существ, которых я себе представлял.

Я уже сказал, что парил кругами. Вдруг мне пришло в голову, что, пожалуй, стоит увеличить диаметр этих кругов и изменить свой путь в воздухе. Ведь если охотник идёт в обычные земные джунгли за каким-то зверем, он исходит джунгли в поисках зверя вдоль и поперёк. Мои рассуждения привели меня к выводу, что воздушные джунгли, которые я так часто рисовал в своём воображении, находятся где-то над графством Уилтшир. Это на югозападе от моего имения. И сейчас я определил своё местонахождение по солнцу, потому что с компасом творилось Бог весть что, а земли не было видно — глубоко внизу простирался безбрежный океан серебряных облаков. Однако я со всей доступной мне точностью вычислил направление и повёл моноплан прямо туда. Бензина мне хватит на час-полтора, не больше, но я могу позволить себе израсходовать его весь, до последней капли, и потом медленно опуститься на землю в виртуозно-пологом vol plané.**

^{*} марка бинокля

^{** *} планирование (*франц*.)

Вдруг я почувствовал какую-то перемену. Воздух впереди меня утратил свою хрустальную прозрачность. Он наполнился длинными косматыми лентами как бы очень лёгкого сигаретного дыма. Эти ленты медленно скручивались, свивались в кольца, змеились, колыхались в солнечном свете. Когда я пролетел сквозь этот дым, то почувствовал слабый вкус жира на губах, и все деревянные конструкции машины покрылись чем-то жирным и скользким. Видимо, в воздухе плыли мельчайшие частицы органического вещества. Но это не были живые организмы. Примитивная рассеянная взвесь раскинулась на много квадратных акров и обрывалась где-то у края бездны. Нет, конечно, это не была жизнь. Но, может быть, остатки жизни? Или пища живых существ, пища гигантских чудовищ, ведь питаются же огромные киты крошечным планктоном, стаи которого плавают в океанах? С этой мыслью я поднял голову и увидел удивительнейшее из зрелищ, которое когда-либо представало глазам человека. Как передать словами то, что я видел в прошлый четверг?

Вообразите медузу, какие плавают у нас в море летом: по форме — колокольчик, только огромного размера, гораздо больше, насколько я могу судить, чем купол на соборе Святого Павла.* Медуза была нежно-розового цвета со светло-зелёными прожилками, и эта розовозелёная субстанция была такой тонкой и прозрачной, что сквозь неё просвечивало ярко-синее небо. Это сказочно прекрасное существо ровно, плавно пульсировало. Из него свешивались вниз два длинных зелёных усика, они медленно раскачивались взад-вперёд. Дивное видение царственно проплыло надо мной, неслышное, лёгкое и хрупкое, как мыльный пузырь, и столь же величаво стало удаляться.

Я начал разворачивать свой моноплан, чтобы ещё полюбоваться этим чудом, и тут вдруг оказался среди целой флотилии этих медуз: они были маленькие и большие, но ни одной равной по величине той, первой. Были и крошечные, но преобладали размером с воздушный шар, причём даже форма их повторяла верхнюю часть воздушного шара. Хрупкие, изысканно расцвеченные, они были словно выдуты из тончайшего венецианского стекла. Преобладали бледно-розовый и светло-зелёные тона, но когда солнце пронизывало эти изящно очерченные создания, они начинали радужно переливаться. Мимо меня проплыло несколько сотен этих медуз — удивительная сказочная эскадра странных, никому не ведомых воздушных кораблей — существ, чьи контуры и материя, из которой они сотворены, находятся в полной гармонии с миром этих горных высот, на земле подобное совершенство немыслимо.

Но скоро моё внимание привлёк другой феномен — змеи больших высот. Длинные, тонкие, фантасмагорические кольца вещества, напоминающего пар, они вились в воздухе с такой невероятной скоростью, крутясь и извиваясь, что глазу было не уследить за ними. Некоторые из этих призрачных существ были длиной до двадцати и даже тридцати футов, но толщину их определить я затруднялся, потому что зыбкие очертания как бы таяли в небе. Эти воздушные змеи были светло-серого, дымчатого цвета с более тёмным узором внутри, и от этого они производили несомненное впечатление живых организмов. Одна из змей скользнула возле моего лица, и я почувствовал, как лицо обдало чем-то холодным и влажным, но субстанция была слишком эфемерна, мне и в голову не пришло, что от них можно ждать чегото дурного, как я не ждал зла от прекрасных радужных колоколов-медуз, которых встретил раньше. Змеи были бесплотны, как сорвавшаяся с гребня волны пена.

Но мне предстояла куда более страшная встреча. С огромной высоты летело вниз багровое пятно тумана — маленькое, как мне показалось сначала, однако оно быстро росло, приближаясь ко мне, и я скоро понял, что на самом деле оно огромное, в несколько сотен квадратных футов. Состоящее из прозрачного студенистого вещества, оно тем не менее имело несравненно более чёткие очертания и плотный состав, чем всё виденное мною раньше. Было также больше признаков того, что это живой организм: два огромных тёмных диска по сторонам, которые вполне могли быть глазами, и белый узкий треугольник между ними, не просто плотный, а даже твёрдый на вид, изогнутый и хищный, точно клюв коршуна.

От чудовища исходило ощущение злобы, жестокости; к тому же оно всё время меняло цвет — бледнело до нежно-розовато-лиловатого и постепенно наливалось грозно-багровым, таким густым, что от твари даже падала на меня тень, когда она оказывалась между мной и солнцем. На верхней выпуклой поверхности её гигантского туловища выступало три

^{*} Имеется в виду собор Святого Павла — величественное здание в центре Лондона. (Π . Γ .)

огромных горба — я бы назвал их пузырями и, разглядев, пришёл к убеждению, что они наполнены каким-то чрезвычайно лёгким газом, который поддерживает в разрежённом воздухе эту желеобразную массу. Существо передвигалось очень быстро, легко держа скорость моноплана, и этот чудовищный эскорт сопровождал меня миль двадцать, тварь летела надо мной, как стервятник, готовый кинуться на добычу. Рассмотреть, как именно она движется, было довольно трудно из-за очень большой скорости, но мне это всё-таки удалось: чудовище выбрасывало вперёд что-то вроде длинной конечности из вязкой субстанции, и эта конечность подтягивала корчащееся туловище. А туловище это было такое студенистое и зыбкое, что форма его беспрерывно менялась, при этом чудовище становилось всё более гадким и зловещим.

Я знал, что оно замыслило недоброе. Каждая багровая вспышка его безобразного тела лишь подтверждала это. Пустые выпуклые глаза, которые ни на миг не отрывались от меня, словно бы обволакивали тягучей холодной ненавистью, которой неведома пощада. Я направил свой моноплан вниз, чтобы уйти от него. И в тот же миг из этой несущейся по воздуху массы молнией вылетело длинное жало и точно плётка стегнуло машину по носу. Раздалось громкое шипение, потому что жало коснулось разогревшегося мотора, и огромное туловище мерзкой твари съёжилось, словно от неожиданной боли. Я ринулся в пике, но жало снова упало на моноплан, и пропеллер перерезал его — легко, как будто прошёл сквозь завиток дыма. Но сзади подкралось длинное, липкое, похожее на змею щупальце, обвилось кольцом вокруг пояса и потащило меня из фюзеляжа. Я стал отрывать его от себя, мои пальцы погрузились во что-то скользкое, клейкое, и на миг я освободился, но тут ещё одно щупальце обмоталось вокруг моего сапога и так дёрнуло за ногу, что я упал на спину.

Падая я ухитрился выстрелить из обоих стволов дробовика, хотя и понимал, что это бесполезно — всё равно, что пытаться убить слона из игрушечного ружья, ведь нет у человека оружия, которое могло бы поразить эту гигантскую тушу. И всё же хоть я не целился, мой выстрел оказался на удивление удачным: дробь прорвала оболочку одного из пузырей на спине твари, и пузырь с громким треском лопнул. Теперь я окончательно убедился, что был прав в своей догадке: да, эти огромные прозрачные пузыри надуты легчайшим газом, ибо гигантское, похожее на облако чудовище мгновенно начало валиться на бок, отчаянно извиваясь в попытках обрести равновесие, причём оно разевало свой белый клюв и щёлкало им в бешеной ярости. Но я уже был далеко — я ринулся на полной скорости вниз по предельно крутой кривой, пропеллер и сила притяжения несли меня к земле, как метеорит. Далеко позади виднелось тусклое багровое пятно, оно быстро уменьшалось и наконец растворилось в синем небе. Я цел и невредим выбрался из джунглей в небесах, где обитают грозные кровожадные чудовища.

Оказавшись вне опасности, я сбросил газ, потому что спускаться на третьей скорости с такой высоты — вернейший способ угробить машину. Я планировал с восьмимильной высоты, описывая плавную великолепную спираль: вот я достиг слоя серебряных облаков, потом попал в слой грозовых туч, и, выйдя из него в проливной дождь, увидел землю. Подо мной был Бристольский залив, но в баке у меня оставалось немного бензина, и я пролетел двадцать миль на восток, а потом вынужден был сесть в полумиле от деревни Эшкомб. Там я купил у едущего мимо шофёра три канистры бензина и в десять минут седьмого мягко приземлился на моём собственном лугу возле дома в Дивайзе, совершив путешествие, из какого не вернулся живым ни один смертный, пытавшийся его предпринять. Я видел несказанную красоту высот, я испытал несказанный ужас: такая красота и такой ужас неведомы нам здесь, на земле.

Прежде, чем представить миру своё открытие, я поднимусь туда ещё раз. Причина проста: я хочу не только рассказать о том, что видел, но и предъявить доказательства. Знаю, скоро за мной полетят другие и подтвердят истинность моих утверждений, и всё же я должен с самого начала добиться, чтобы мне поверили. Будет нетрудно поймать одну из этих сказочно-прекрасных радужных медуз. Плывут они по воздуху медленно, и моноплан с лёгкостью перехватит стаю на её неспешном пути. Вполне возможно, что в более плотных слоях атмосферы медуза растает, и я принесу на землю лишь горсть бесформенного студня. И всё равно этот студень будет вещественным доказательством моих открытий. Да, я поднимусь туда, хоть риск и велик. Этих багровых чудовищ по видимости не так уж много. Может быть, они мне и вовсе не встретятся. А встретятся — я сразу же ринусь в пике. Случись самое

скверное, у меня с собой дробовик, и я знаю, куда...»

Дальше две страницы, к сожалению, отсутствуют. На следующей запись крупными корявыми разбегающимися буквами:

«Высота сорок три тысячи футов. Я больше никогда не увижу землю. Их три, и все они подо мной. Помоги мне Бог! Какой ужасной смертью я умру!»

Вот что написал в своём дневнике Джойс-Армстронг. Самого его после этого никто не видел. Обломки разбившегося моноплана были обнаружены в охотничьих угодьях мистера Бадд-Лашингтона, на границе между Кентом и Суссексом, в нескольких милях от того места, где нашли блокнот. Если расчёты несчастного авиатора верны и воздушные джунгли, как он их называл, действительно находятся только над юго-западной территорией Центральных графств, то, судя по всему, моноплан унёс его оттуда на полной скорости, но эти омерзительные твари догнали его и сожрали в верхних слоях атмосферы над тем местом, где были найдены печальные останки. Какое жуткое зрелище: моноплан летит на огромной высоте, а под ним, не отставая ни на фут, скользят неведомые твари, навеки отрезая авиатора от земли, вот они начинают приближаться к своей жертве... нет, если об этом долго думать, можно сойти с ума. Я знаю, многие до сих пор потешаются, когда при них заходит речь о тех явлениях, которые я здесь описал, но даже закоренелые скептики вынуждены признать, что Джойс-Армстронг действительно исчез, и мне хочется, чтобы они задумались над словами из его дневника: «...эти записки объяснят, какую я поставил себе цель и какой смертью погиб, ища подтверждение своей догадке. Но только ради всего святого: никакой чепухи о несчастных случаях и тайнах небес!»

1913 г.

(перевод Ю. Жуковой)

КОЛЧЕНОГИЙ БАКАЛЕЙЩИК

Мой дядя, мистер Стивен Мейпл, был самым удачливым и, в то же время, наименее уважаемым представителем нашего семейства, так что мы толком не знали, радоваться нам его материальному благосостоянию или стыдиться его низменного занятия. Короче говоря, ляля был бакалейшиком и держал крупную торговлю в Степнее, имея самые разнообразные деловые связи — по слухам не всегда безукоризненного характера — с людьми, занимающимися речными и морскими перевозками. Он занимался снабжением судов, торговал провизией, а если злые языки не врали, то кое-чем и ещё. Подобная деятельность, будучи, несомненно, прибыльной, имела и свои отрицательные стороны. В этом дяде пришлось убедиться, когда после двадцати лет процветания он сделался жертвой нападения одного из своих клиентов. Нападавший посчитал его мёртвым и оставил на месте преступления с тремя сломанными рёбрами и перебитой ногой. Последняя срослась так неудачно, что навсегда осталась на три дюйма короче здоровой. Нет ничего удивительного в том, что это событие внушило дядюшке отвращение к окружающей его обстановке. После суда, приговорившего его обидчика к пятнадцати годам каторжных работ, он отошёл от дел и поселился в глухой местности на севере Англии. Мы ни разу не имели от него вестей, даже когда умер мой отец (и его единственный брат), — ни разу, вплоть до того памятного утра.

Мать прочла письмо вслух:

«Если твой сын живёт с тобой, Эллен, и если он вырос таким крепким и сильным, каким обещал во время нашей последней встречи, пришли его ко мне с первым же поездом, как только получишь моё послание. Мальчик сам убедится, что служба у меня принесёт ему много больше, чем профессия инженера. А когда я покину сей мир, — хотя, благодарение Господу, пока мне грех жаловаться на здоровье — будь уверена: я не забуду сына моего родного брата. Станция называется Конглтон. Оттуда до поместья «Грета», где я обосновался, около четырёх миль. Я пошлю двуколку к вечернему семичасовому поезду — это единственный, что останавливается здесь. Пришли его обязательно, Эллен. У меня есть веские причины желать присутствия племянника в моём доме. Давай не будем ворошить прошлое и забудем прежние обиды, если они были между нами. Если сегодня ты мне не поможешь, то как бы потом не пришлось горько пожалеть».

Мы сидели за столом с остатками завтрака и глядели друг на друга, недоумевая, что бы всё это могло означать, когда внизу зазвенел звонок, а вскоре появилась горничная с телеграммой в руке. Она была отправлена дядей Стивеном.

«Ни в коем случае Джон не должен сходить с поезда в Конглтоне, — так начинался текст. — Двуколка будет ждать вечерний семичасовой на следующей станции, которая называется Стеддинг-Бридж. Пусть он отправляется не ко мне домой, а на ферму Гарта — в шести милях от железной дороги. Там его будут ждать дальнейшие инструкции. Не подведите — больше мне надеяться не на кого».

— Вот уж действительно, — кивнула матушка. — Насколько мне известно, у твоего дяди нет ни единого друга на всём белом свете, да и не будет никто водить дружбы с таким человеком. Всю жизнь он был редкостным сквалыгой, и даже родному брату, а твоему отцу, так и не помог в трудную минуту, когда всего несколько фунтов могли бы его здорово выручить и спасти от краха. Не понимаю, почему я должна посылать ему на помощь моего единственного сына после всего, что было?

У меня, однако, на сей счёт сложилось другое мнение: меня влекли неизвестность и возможные приключения.

- Если я завоюю расположение дяди, он может помочь мне в моей профессиональной карьере, возразил я, намеренно затрагивая самое уязвимое место в душе матушки.
- Никогда не слышала, чтобы Стивен хоть кому-нибудь помог, с горечью промолвила она. А к чему, скажи на милость, все эти выкрутасы: сойти с поезда не на той станции и отправиться не по тому адресу? Он, наверняка, вляпался в крупные неприятности и теперь желает выбраться с нашей помощью. Когда же он использует тебя, мой мальчик, он просто вышвырнет тебя вон, как проделывал это уже не раз. Если бы тогда он помог твоему отцу, кто знает тот, возможно, остался бы в живых!

В конце концов, мои уговоры возобладали. Как справедливо заметил я матери, мы могли многое приобрести, почти ничем при этом не рискуя. Да и к чему нам, бедным родственникам, без особой нужды раздражать богатого? Вещи мои были уже упакованы, а кэб ждал у дверей, когда принесли вторую телеграмму.

«Хорошая охота. Пусть Джон захватит ружьё. Помните: Стеддинг-Бридж, а не Конглтон».

Немного удивившись дядюшкиной настойчивости, я добавил к багажу футляр с ружьём и отправился навстречу приключениям.

Первая часть моего путешествия проходила по главному пути Северной Железной дороги до Карнфилда, где берёт начало местная ветка, петляющая среди болот. Во всей Англии вы не встретите более сурового и, вместе с тем, более впечатляющего пейзажа. В течение двух часов за окнами вагона тянулась бесконечная холмистая равнина, местами переходящая в низкую каменистую гряду, изобилующую выходами наружу скальных пород. То там, то здесь крохотные коттеджи из серого камня внезапно сбивались в кучу, образуя деревни, но, по большей части, на протяжении многих миль не было видно ни жилья, ни других признаков человеческого обитания, за исключением немногочисленных овечьих отар, разбросанных по горным склонам. Местность навевала уныние, и на сердце у меня становилось всё тяжелее по мере приближения к концу путешествия. Но вот, наконец, поезд затормозил у небольшой деревушки Стеддинг-Бридж, где дядя наказывал мне сойти. Рядом со станцией ждала одна-единственная древняя двуколка. Я обратился к вознице — неотёсаному деревенскому парню:

— Вас прислал мистер Стивен Мейпл?

Малый глянул на меня с нескрываемым подозрением.

- Как ваше имя? в свою очередь спросил он с таким ужасным акцентом, что я просто не берусь его передать.
  - Джон Мейпл, ответил я.
  - Чем можете доказать?
- Я уже занёс руку для удара, будучи не всегда сдержан по натуре, но вовремя спохватился, вспомнив, что парень, скорее всего, действует строго по дядюшкиным инструкциям. Вместо ответа я указал на ружейный футляр с монограммой.
- Да-да, всё правильно. Вы и вправду Джон Мейпл! с облегчением воскликнул он, медленно, по буквам, прочитав мою фамилию. Садитесь скорее, мастер, путь у нас неблизкий.

Дорога была белой и блестящей, подобно большинству дорог в этой части страны, изобилующей меловыми отложениями. По обе стороны она была выложена низким бордюром из не скреплённых между собой камней. Дорога сильно петляла среди многочисленных болот и обширных торфяников, усеянных овечьими стадами и крупными валунами и полого спускающихся вниз к подёрнутому туманной дымкой горизонту. В одном месте крутой обрыв открывал вид на отдалённый участок покрытого свинцовой зыбью моря. Да и вообще, вся панорама выглядела настолько сурово, уныло и непривлекательно, что затея моя постепенно начала казаться мне куда более серьёзной и опасной, чем представлялась в Лондоне. Этот нежданный призыв о помощи от дядюшки, которого я никогда не видел и о котором не слышал ничего хорошего, связанная с ним спешка, упоминание о моих физических возможностях, нелепый предлог, под которым он вынудил меня захватить оружие, - всё это вместе взятое камнем ложилось на душу и заставляло поневоле подозревать нечто зловещее и таинственное в подоплёке предстоящего дела. Представлявшееся абсолютно невозможным в Кенсингтоне, выглядело более чем вероятным здесь, среди безжизненных болот и первозданно-диких скал. Наконец, подавленный собственными мрачными мыслями, я повернулся к вознице с намерением задать тому несколько вопросов относительно дядюшки, но выражение его лица заставило меня мгновенно забыть об этом.

Он глядел не вперёд, на старого, медлительного, гнедого мерина, не вбок, на дорогу, по которой мы ехали, — лицо его было повёрнуто в мою сторону, а взор устремлён назад, поверх моего плеча, и в нём отчётливо читалось острое любопытство пополам с тревогой, как мне показалось. Он занёс, было, плеть, чтобы подстегнуть лошадь, но тут же обречённо опустил руку, словно смирясь с мыслью, что любое подобное действие бесполезно. Невольно

проследив направление его взгляда, я тоже увидел, наконец, что же так взволновало моего кучера.

По торфянику бежал какой-то человек. Он бежал неуклюже, то и дело спотыкаясь и оскальзываясь на камнях, но дорога в этом месте изгибалась в петлю, и у бегущего была полная возможность срезать и перегнать нас. Мы как раз подъезжали к тому месту, куда был направлен бег незнакомца, когда тот перелез через каменную дорожную насыпь и остановился посреди дороги, поджидая коляску. Лучи заходящего солнца ярко освещали его загорелое, чисто выбритое лицо. Это был крупный мужчина, но со здоровьем у него, похоже, не ладилось: после не такой уж длинной пробежки он держался за грудь и тяжело, с присвистом, дышал. Как только мы поравнялись с ним, я заметил в ушах незнакомца серьги.

- Скажи-ка, приятель, куда вы направляетесь? окликнул он моего возницу; голос его звучал грубо, но не угрожающе, а, скорее, добродушно.
  - К Перселлу, на ферму Гарта,
     ответил парень.
- Тогда прошу извинить за задержку, воскликнул незнакомец, освобождая дорогу. Дело в том, что я думал, будто вы едете, куда мне нужно, поэтому и спросил вдруг подвезёте.

Извинение его выглядело надуманно и неубедительно, так как в нашей двуколке не было места для третьего, но мой возница не был расположен выяснять отношения по этому поводу. Он молча подхлестнул коня и проехал мимо. Оглянувшись назад, я увидел, что незнакомец уселся на обочину и занялся набиванием трубки.

- Похоже, моряк, заметил я.
- Да, мастер. До Моркамб-Бей всего несколько миль, пояснил возница.
- Он вас чем-то испугал, поинтересовался я как бы вскользь.
- Неужели? сухо удивился он, но после долгой паузы сумрачно произнёс: А может, оно и так.

Как я ни старался, мне не удалось выяснить причин страха моего спутника. Я засыпал его множеством вопросов, но малый оказался либо слишком туп, либо слишком умён, — во всяком случае, из его ответов я так ничего и не уяснил. Я обратил внимание, однако, что время от времени он беспокойно озирал окрестные торфяники, но на всей их обширной однообразно-бурой поверхности не было видно ни единой движущейся человеческой фигуры. Но вот в цепи лежащих впереди холмов образовалось некое подобие разрыва, и я увидел длинную, приземистую постройку — естественный центр притяжения разбросанных по периметру овечьих стад.

— Ферма Гарта, — объявил мой спутник. — А вот и сам фермер Перселл, — добавил он, указывая на вышедшего из дома и остановившегося в ожидании на крыльце мужчину. Как только я сошёл с двуколки, он приблизился, и я смог его рассмотреть. На суровом обветренном лице выделялись светло-голубые глаза, а борода и волосы цветом напоминали сильно выгоревшую на солнце траву. В выражении лица хозяина фермы я заметил то же плохо скрываемое недовольство происходящим, что и у возницы. Их отрицательное отношение не могло быть направлено на мою персону, поскольку оба видели меня впервые. Отсюда автоматически следовал вывод, что популярность моего дядюшки среди обитателей здешних болот едва ли выше, чем в бытность его владельцем бакалеи в Степнее на Хайвей. — Вы останетесь здесь до наступления ночи, — сухо сказал он. — Таково распоряжение мистера Стивена Мейпла. Если желаете, могу предложить чаю с беконом и хлебом, других разносолов у нас не имеется.

Я страшно проголодался и поэтому с готовностью принял предложение хозяина, несмотря на откровенно грубый тон, каким оно было сделано. Во время еды в столовую вошли жена фермера и двое их дочерей, и я не мог не заметить определённого любопытства с их стороны. Было ли это связано с тем, что молодые люди — большая редкость в этой глуши, или мои попытки завязать беседу вызвали у дам расположение к гостю — как бы то ни было, вся троица отнеслась ко мне с неожиданным участием.

Начало смеркаться, и я заметил, что мне пора отправляться в поместье «Грета».

- Так вы твёрдо намерены итти туда? опросила мать.
- Разумеется. Для этого я и проделал весь путь от самого Лондона.
- Между прочим, никто не мешает вам вернуться обратно.

- Но мой дядя, мистер Мейпл, ожидает меня.
- Ну что ж, никто не станет вас останавливать, раз уж вам так хочется, вздохнула женщина и тут же замолчала, так как в комнату вошёл её муж.

Каждый новый инцидент только сгущал соткавшуюся вокруг меня атмосферу тайны и нависшей угрозы, но всё это выглядело так смутно и неопределённо, что при всём желании я был не в состоянии предугадать ожидающие меня опасности. Мне бы следовало задать доброй женщине вопрос напрямую, но её угрюмый супруг, словно почувствовав её симпатию ко мне, как нарочно, больше ни разу не оставил нас наедине.

- Пора двигаться, господин хороший, произнёс он, наконец, как только женщина засветила лампу на столе.
  - Двуколка готова?
  - Вам она не понадобится. Пойдёте пешком, сказал он.
  - Как же я найду дорогу?
  - Уильям покажет.

Уильямом звали того паренька, что привёз меня со станции. Он уже ждал за дверью, взвалив на плечо мой багаж и футляр с ружьём. Я хотел задержаться ненадолго, чтобы поблагодарить фермера за оказанное гостеприимство, но тот разом пресёк мои излияния.

— Мне не нужна благодарность ни мистера Стивена Мейпла, ни кого-либо из его друзей, — заявил он с грубой откровенностью. — За всё, что я сделал, мне хорошо заплачено, а не было бы заплачено — так я бы и пальцем не пошевелил. Ступайте своей дорогой, молодой человек, и ни слова больше! — с этими словами фермер резко развернулся на каблуках и потопал обратно в дом, с силой захлопнув за собой дверь.

Уже совсем стемнело, и по небу медленно ползли тяжёлые чёрные тучи. Будь я один, сразу бы безнадёжно заблудился в торфяниках, едва выйдя со двора фермы, но мой проводник уверенно вёл меня за собой, шагая впереди по узеньким овечьим тропам, которые я, при всём старании, не мог разглядеть во мраке. То и дело с разных сторон слышалась неуклюжая возня сбившихся в кучу животных, но их самих в темноте невозможно было различить. Сначала Уильям шагал быстро и беззаботно, но постепенно снизил темп, пока, наконец, не начал передвигаться вперёд медленно и бесшумно, чуть ли не крадучись, словно ожидая в любой момент столкнуться с неведомой опасностью. Это гнетущее чувство надвигающейся угрозы вкупе с пустынной местностью и ночным мраком действовало на нервы гораздо сильнее, чем любая реальная опасность. Я начал теребить проводника вопросами, чтобы выяснить, чего же нам следует бояться, но тот внезапно застыл на месте, а затем потащил меня вниз по склону, в самую гущу какого-то колючего кустарника, росшего вдоль тропы. Он рванул меня за полы одежды с такой силой и настойчивостью, что я сразу же безоговорочно поверил в близость опасности и незамедлительно распростёрся рядом с проводником, замерев, как скрывающие нас кусты. Там было так темно, что я с трудом различал лицо Уильяма в нескольких дюймах от своего.

Ночь выдалась душной, и тёплый ветерок дул прямо нам в лица. Внезапно с порывом ветра до моих ноздрей долетел знакомый и домашний запах — запах табачного дыма. Вслед за тем на дороге возникло человеческое лицо, слабо освещённое тлеющим в трубке табаком. Всё остальное надёжно скрывала ночная тьма, и только это лицо, окружённое светящимся ореолом, словно плыло по воздуху в направлении нашего убежища. Нижняя часть его выделялась более чётко на фоне окружающего мрака, верхняя — слабее, плавно переходя за грань света и темноты. То было худое, голодное лицо, от скул и выше сплошь усеянное веснушками, с голубыми водянистыми глазками и редкими неухоженными усиками. На макушке его обладателя красовалась фуражка с козырьком, и это было последней деталью, которую мне удалось разглядеть. Он прошёл мимо, тупо глядя прямо перед собой, а мы ещё долго лежали, прислушиваясь к удаляющимся шагам.

- Кто это был? спросил я, как только мы поднялись на ноги.
- Не знаю

Меня наконец разозлила постоянная уклончивость моего спутника.

— Тогда какого дьявола ты прятался? — спросил я грубо и без обиняков.

- Потому что мастер Мейпл так велел. Он сказал, что меня никто не должен видеть по пути, а если кто увидит, то он мне ничего не заплатит.
  - Но ведь тот морячок на дороге тебя видел, не так ли?
  - Верно, признал Уильям. И думается мне, он тоже из энтих.
  - Из каких «энтих»?
- Из тех, что прячутся где-то на болотах. Они следят за поместьем «Грета», и мастер Мейпл сильно их напужался. Вот он, значитца, и велел мне держаться от энтих подале, ну, а я, знамо дело, потому и запрятался.

Наконец-то я услышал нечто определённое! Теперь стало очевидно, что какая-то шайка угрожает дядюшке, и встреченный нами моряк принадлежит к ней. Второй — в фуражке — скорее всего, тоже моряк и также член шайки. Мне вспомнилось едва не прикончившее дядю нападение на него в Степнее. Постепенно все детали головоломки начали вставать на свои места, но тут впереди за болотом затеплился огонёк, и проводник сообщил, что это и есть дядюшкино поместье. Оно лежало в низине меж торфяников, поэтому увидеть его можно было только подойдя совсем близко. Ещё несколько шагов, и вот мы уже у дверей.

Сквозь забранное решёткой оконце пробивался свет лампы, но его было явно недостаточно, чтобы разглядеть в темноте весь дом, как следует, поэтому у меня сохранилось только смутное впечатление чего-то длинного и очень просторного. Низкая дверь под козырьком навеса оказалась плохо подогнана к стоякам, и свет проникал изнутри со всех сторон сквозь широкие щели. Обитатели дома, однако, держались настороже. Как ни легки были наши шаги, нас услышали и окликнули ещё на подходе к двери.

- Кто там? громко спросил кто-то за дверью тяжёлым басом. Да кто там? Отвечайте! почти без паузы зарычал тот же голос.
  - Это я, мастер Мейпл. Я привёл того жентельмена, про которого вы говорили.

Что-то звонко щёлкнуло, и в двери открылся небольшой деревянный глазок. Несколько секунд наши лица освещал поднесённый изнутри к отверстию фонарь, затем глазок закрылся, загремели замки и засовы, дверь отворилась, и на фоне беспросветной темноты в жёлтом световом прямоугольнике дверного проёма обрисовался силуэт моего дяди.

Это был толстый, низенький человечек с огромной шарообразной головой, почти полностью облысевшей, если не считать узкого венчика вьющихся волос по краям. То была великолепная голова, голова мыслителя, а вот обрюзгшее, мертвенно-бледное лицо могло принадлежать простому обывателю, так же как безвольный, толстогубый рот и свисающие по обе стороны от него жировые складки. Светлые редкие ресницы постоянно находились в движении, отчего казалось, что маленькие заплывшие глазки беспокойно бегают по сторонам. Мать как-то говорила мне, что дядины ресницы напоминают ей мокриц. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в меткости её сравнения. Ещё я слышал, что в Степнее он перенял простонародный говор своих покупателей, и я теперь мучительно краснел от стыда за всё наше семейство, с трудом воспринимая на слух его чудовищный жаргон.

— Здорово, племянничек, — сказал он, протягивая руку. — Да входи же, входи скорее, парень, не держи так долго дверь открытой. Что ж, мать твоя вырастила большого сыночка — честное слово, ей есть, чем гордиться. Держи свои полкроны, Уильям, и можешь возвращаться назад. Вещи только не забудь оставить. А ты, Енох, забери-ка багаж мастера Джона, да проследи, чтобы ему накрыли поужинать.

Закончив закрывать многочисленные запоры, дядя повернулся ко мне лицом. Только сейчас я обратил внимание на самую характерную особенность его фигуры. Полученные много лет назад увечья, как я уже упоминал, на несколько дюймов укоротили ему одну ногу по сравнению с другой. Чтобы скрыть этот недостаток, один из дядиных башмаков был снабжён толстенной деревянной подошвой, какие рекомендуют обычно в подобных случаях врачи-ортопеды. При ходьбе такое приспособление позволяло дядюшке почти не хромать, и только своеобразный звук: клик-кляк, клик-кляк от чередования кожи и дерева на каменном полу служил постоянным напоминанием о его физической неполноценности. Подобно испанским кастаньетам, это цоканье непрерывно сопровождало его, куда бы он ни направлялся.

Просторная кухня с огромным очагом и резными ларями по углам свидетельствовала о том, что в былые времена этот дом был жилищем зажиточного фермера. Вдоль одной из стен

было сложено множество упакованных и перевязанных коробок и ящиков. Обстановка была скудной и непритязательной, но на столе посреди помещения был накрыт для меня скромный ужин, состоящий из холодной говядины, хлеба и кувшина с элем. Прислуживал за столом пожилой слуга, такой же кокни, судя по акценту, как и его хозяин. Последний, пристроившись в углу, засыпал меня множеством вопросов, касающихся нашей жизни с матерью. Когда я закончил трапезу, дядя приказал слуге, которого звали Енох, распаковать моё ружьё. Я обратил внимание ещё на два старых ружья с изрядно заржавевшими стволами, прислонённые к стене рядом с окном.

- Наибольшая опасность грозит со стороны окна, пояснил дядя звучным, раскатистым голосом, плохо вяжущимся с его коротенькой, пухлой фигурой. Двери в доме надёжные без динамита их не вышибить, а вот окна никуда не годятся. Эй, ты что делаешь?! внезапно завопил он. Не стой на свету и пригибайся, когда проходишь мимо решётки.
  - Чтобы не увидели? поинтересовался я.
- Чтобы не подстрелили, мой мальчик. Вот в чём загвоздка. А теперь присядь рядом со мной на скамеечку, и я всё тебе расскажу, потому как вижу, что парень ты надёжный и доверять тебе можно.

Попытка дяди подольститься ко мне выглядела неуклюже и, со всей очевидностью, свидетельствовала о том, что ему во что бы то ни стало необходимо было как можно быстрее завоевать моё расположение. Я уселся рядом с ним. Дядя достал из кармана сложенный газетный листок. Это была «Уэстерн Морнинг-ньюс» десятидневной давности. Чёрным заскорузлым ногтем он отчеркнул нужный абзац, в котором сообщалось об освобождении из Дартмура заключённого по фамилии Элиас, которому сократили срок за то, что он встал на защиту одного из тюремных надзирателей, подвергшегося нападению каторжников во время работ в каменоломне. Всё сообщение занимало буквально несколько строк.

— И кто же он такой? — спросил я.

Дядя приподнял изуродованную ногу и помахал ей в воздухе.

- Вот его метка, сказал он, и за это же он получил свой срок. А теперь он откинулся из тюряги и снова точит на меня зуб.
  - А за что, собственно, он «точит на вас зуб»?
- Он хочет убить меня, чорт неотвязный! Я точно знаю, что он не успокоится, пока не отомстит. Такой уж это человек, племянничек. От тебя у меня нет секретов. Он считает, что когда-то я его здорово кинул. Для пущей ясности предположим, что так оно и есть. Ну, а теперь он со своими корешками открыл на меня форменную охоту.
  - А кто они такие?

Дядюшкин бас неожиданно сменился испуганным шёпотом.

- Моряки, сказал он, непроизвольно оглядываясь. Я знал, что они объявятся, как только прочитал газету. И точно пару дней назад гляжу в окно, а там трое морячков стоят и глазеют на мой дом. Вот тогда я и отправил письмо твоей мамаше. Они нашли меня и теперь поджидают его, чтобы расправиться со мной.
  - Но почему же вы не сообщите в полицию?

Дядя отвёл глаза в сторону.

- От полиции никакого толку не будет, заявил он, зато ты, мой мальчик, можешь здорово мне помочь.
  - Что я должен сделать?
- Сейчас объясню. Я собираюсь уехать отсюда. Видишь эти ящики? Все мои вещи подготовлены, осталось только упаковать. В Лидсе у меня есть друзья, и там мне будет безопасней. Не то что бы совсем безопасно, но всё же спокойней, чем здесь. Я рассчитываю отправиться туда завтра вечером. Если до тех пор ты не покинешь меня, клянусь ты об этом не пожалеешь. Кроме Еноха, мне некому помочь, но ты не волнуйся завтра к вечеру всё будет готово. К этому же времени мне обещали прислать телегу. Мы с тобой, Енох и тот мальчишка Уильям как-нибудь довезём вещи до Конглтонской станции. Кстати, вам никто не встретился в окрестностях?
  - По дороге со станции нас остановил какой-то моряк, ответил я.
- Ах, я так и знал, что они следят за нами. Вот почему я велел тебе сойти с поезда на другой остановке и отправиться сначала к Перселлу, а не сразу сюда. Мы в блокаде, да-да, в

блокаде — это очень подходящее слово!

- Там был ещё один, сказал я, с трубкой.
- Как он выглядел?
- Худое лицо, веснушки, фуражка с...

Хрипло вскрикнув, дядя вскочил с места.

- Это он! Это он! Он явился, наконец, по мою душу! Прости, Господи, меня, грешника! И дядя начал лихорадочно метаться по всему помещению, перемежая скрип кожи со стуком дерева по полу. Было что-то по-детски трогательное в его огромной, лысой, как шар, голове, и я впервые ощутил в душе порыв жалости к этому человеку.
- Бросьте, дядя, произнёс я успокаивающим тоном, всё-таки мы живём в цивилизованной стране. Есть, в конце концов, закон, который поможет призвать к порядку весь этот сброд. Позвольте мне завтра поутру съездить в окружной полицейский участок и я ручаюсь вам, что очень скоро всё будет в лучшем виде.

Дядя отрицательно покачал головой.

— Он слишком хитёр и жесток, — сказал он. — Не случайно я вспоминал о нём каждое мгновение все эти годы, стоило мне только вдохнуть или выдохнуть. Это он поломал мне целых три ребра. У нас есть только один шанс: придётся бросить всё, что мы не успели упаковать, и завтра на рассвете сделать отсюда ноги. Великий Боже, что это?!

Сильнейший удар в дверь заставил задрожать стены и эхом разнёсся по всему дому. За ним последовал второй, потом третий. Казалось, будто кто-то молотит по ней закованным в броню кулаком. Дядя в отчаянии упал в кресло, я же схватил ружьё и бросился к двери.

— Кто здесь?! — возвысил я голос.

Никто не ответил, тогда я приоткрыл глазок и выглянул наружу. За дверью также никого не оказалось, но случайно опустив глаза, я увидел просунутый в щель под дверью листок бумаги. Схватив его и поднеся к свету, я прочёл написанное энергичным почерком краткое послание:

«Хочешь спасти свою шкуру — положи их на крыльцо».

- Чего они хотят от вас, дядюшка? спросил я, ознакомив его с текстом.
- Того, что они никогда не получат! воскликнул он в отчаянном порыве отваги. Никогда и ни за что, клянусь Всевышним! Эй, Енох! Енох! Старый слуга тут же прибежал на зов.
- Послушай, Енох, начал дядя, всю жизнь я был для тебя добрым хозяином. Настало время, когда ты можешь отплатить за доброту. Готов ли ты рискнуть ради меня?

Моё мнение о дяде Стивене заметно повысилось, когда я увидел, с какой готовностью согласился старик. Какие бы чувства ни питали к дяде другие, этот человек, похоже, относился к нему с любовью.

— Оденешь плащ и шляпу, Енох, — напутствовал его хозяин, — и выскользнешь через заднюю дверь. Ты знаешь дорогу напрямик, через торфяники, до фермы Перселла. Скажешь ему, что на рассвете мне нужна будет его повозка, и пускай он сам придёт, да пастуха прихватит. Либо мы выберемся отсюда, либо нам всем хана. Скажешь ему, Енох, что на рассвете я буду ждать его с десятью фунтами за работу. Не раскрывай чёрный плащ и двигайся медленно — тогда им тебя нипочём не засечь. А мы постараемся продержаться в доме до твоего возвращения.

Пуститься в ночь навстречу неведомым опасностям среди болот требовало немалого мужества, но, к чести старого слуги, он воспринял это поручение как нечто, входящее в круг его ежедневных обязанностей. Сняв с вешалки у двери свой длинный чёрный плащ и мягкую шляпу, он уже через минуту был готов к выходу. Мы потушили малый фонарь у задней двери, неслышно вынули засовы, пропустили Еноха наружу и снова заперлись изнутри. Выглянув в окошечко, я уловил лишь, как его чёрное одеяние мгновенно слилось с ночным мраком, и фигура посланца растворилась во тьме.

— До зари всего несколько часов, племянничек, — нарочито бодро сказал дядя, тщательно проверив все замки и засовы, — и я обещаю, что труды твои этой ночью не останутся без воздаяния. От тебя зависит, доживём ли мы до рассвета. Поддержи меня до утра, а я окажу тебе поддержку во всём, пока живу и дышу. Телега прибудет в пять. Погрузим, что есть, а остальное можно и бросить. Если поторопимся, успеем в Конглтон к первому

утреннему поезду.

- Вы полагаете, они позволят нам уехать?
- При свете дня они не осмелятся нас задержать. Нас будет шестеро, если Перселл прихватит всех своих, да плюс ещё три ружья. В случае чего отобьёмся! Ружей у них нет, да и где простым морякам их достать? Пара револьверов от силы большего у них не наберётся. Главное не дать им проникнуть в дом за эти несколько часов. Енох, должно быть, уже на полпути к ферме.
- Так что всё-таки нужно от вас этим морякам? повторил я предыдущий вопрос. Вы, кажется, сказали, что сильно обидели кого-то из них?
- Не задавай лишних вопросов, парень, а делай лучше, что я тебе говорю, буркнул дядя. Енох сегодня ночью уже не вернётся. Он отсидится до утра на ферме, а утром явится вместе со всеми... Постой-ка, что это там такое?

Отдалённый вопль прозвучал во мраке, за ним другой — короткий и резкий, как крик кроншнепа.

— Это Енох! — воскликнул дядя, больно стиснув мне запястье. — Они убивают старого доброго Еноха, мерзавцы!

Снова раздался отчаянный крик, но уже значительно ближе. Я услыхал топот ног бегущего человека и хриплый голос, зовущий на помощь.

- Они гонятся за ним! закричал дядя, бросаясь к парадному входу. Он схватил фонарь и приблизил его к окошечку в двери. Широкий жёлтый луч света вырвал из темноты бегущую человеческую фигуру. Беглец стремительно мчался прямо на нас. Голова его была наклонена вниз, а полы чёрного плаща развевались за спиной. Сзади и по бокам, на грани тьмы и света, мелькали смутные фигуры преследователей.
- Засов! Скорее засов! выдохнул дядя. Пока я поворачивал ключ, он тянул его на себя, и как только дверь открылась, мы вдвоём распахнули тяжёлую створку, чтобы впустить беглеца. Он влетел внутрь и тут же развернулся в нашу сторону с торжествующим возгласом на устах:
  - Вперёд, ребята! Все наверх! Все наверх! Давай, не зевай, скорей поспешай!

Всё было проделано так быстро и чётко, что дом оказался взят приступом прежде, чем мы успели сообразить, что подверглись нападению. Коридор внезапно наполнился атакующими в матросской одежде. Я чудом вывернулся из захвата одного из них и рванулся к составленным у окна ружьям, но мгновение спустя с грохотом распростёрся на каменных плитах пола, так как в меня успели вцепиться ещё двое. Они действовали с удивительной ловкостью и быстротой: как я ни сопротивлялся, руки мои в мгновение ока оказались связаны, а самого меня отволокли в угол, целого и невредимого, но крайне удручённого той лёгкостью, с которой нападавшие преодолели наши оборонительные порядки, поймав нас на нехитрую, в общем-то, уловку. Они даже не потрудились связать дядю Стивена. Его просто толкнули в кресло и оставили в нём, а остальные тем временем позаботились прибрать к рукам весь наш арсенал. Страшная бледность покрывала дядино лицо. Его коротенькое грузное тело и абсурдный венчик окаймляющих лысину кудряшек странным образом контрастировали с окружающими его фигурами, исполненными примитивной мощи и угрозы.

Всего их было шестеро. Одного из них я сразу узнал по серьгам в ушах — это его мы встретили на дороге накануне вечером. То были ладно сложённые, мускулистые парни с потемневшими от ветра и загара лицами, по матросской моде украшенными пышными бакенбардами. В центре толпы, опираясь на стол, стоял тот самый малый с веснушками, которого я видел ночью на торфянике. Чёрный плащ, взятый из дому несчастным Енохом, всё ещё свисал у него с плеч. Внешне этот человек разительно отличался от прочих. Черты его выражали пронырливость, коварство, злобность и жестокость, а хитрые, всё подмечающие глазки светились неприкрытым торжеством при взгляде на распростёртого в кресле дядю. Внезапно он повернул голову и посмотрел мне прямо в глаза, заставив впервые на своей шкуре ощутить смысл выражения: «мурашки по коже от этого взгляда».

- A ты кто такой? спросил он. Отвечай, не то мы найдём способ развязать тебе язык.
  - Я племянник мистера Стивена Мейпла и приехал сюда навестить его.
  - Ах, вот как! Ну что ж, желаю тебе и твоему дяде приятно провести времечко. А

теперь за работу, парни, да поскорее — нам ещё до рассвета нужно вернуться на борт. Что будем делать со стариком?

- Подвесить его, как это делают янки, да ввалить шесть дюжин, предложил один из матросов.
- Слыхал, презренный ворюга-кокни? Мы тебя до смерти запорем, если не вернёшь украденное. Где они, отвечай?! Я же знаю, что ты никогда с ними не расстаёшься.

Дядя сжал губы и покрутил головой. Страх на его лице мешался с упрямством.

— Не хочешь говорить? Ладно. Подготовь-ка его, Джим.

Один из матросов схватил дядю и грубо сорвал с него сюртук вместе с рубашкой. Он остался сидеть в кресле, обнажённый до пояса. Торс его был весь в жировых складках, мелко подрагивающих от холода и страха.

— На крюк его, ребята!

Вдоль одной из стен висело множество крючьев, предназначенных для копчёных окороков. Матросы привязали дядю за запястья к двум из них. Затем кто-то из матросов снял кожаный ремень.

- Бей пряжкой, Джим, сказал главарь. Пряжкой оно вернее!
- Трусы! закричал я. Как вам не стыдно истязать старого человека!
- Следующим на очереди будет молодой, если не заткнётся, пригрозил предводитель, метнув в мой угол злобный взгляд. Давай, Джимми, вырежи из его шкуры ремешок!
  - Постойте! крикнул один из матросов. Дайте ему ещё один шанс!
  - Да-да, поддержали его остальные, дайте старой швабре последний шанс!
- Если вы разнюнитесь, ничего не получите, отрезал главарь. Выбирайте что-то одно. Либо мы выбьем из него правду, либо можете заранее забыть о том, ради чего мы все положили столько сил и трудов и что сделает всех и каждого из нас джентльменами на всю оставшуюся жизнь. Третьего не дано. Так что прикажете делать?
  - Пускай получит своё! хором закричали все, больше не колеблясь.
  - Тогда все в сторону!

Тяжёлая пряжка ремня со свистом разрезала воздух, когда Джим несколько раз взмахнул им на пробу. Но прежде чем первый удар упал на него, дядя в отчаянии взмолился:

- Отпустите меня, я этого не перенесу!
- Скажи сначала, где они?
- Я покажу, если отпустите.

Они развязали носовые платки, которыми дядя был привязан к крючьям, и спустили его на пол. Первым делом он натянул на свои жирные округлые телеса сорванную одежду. Матросы окружали его тесным кольцом. На смуглых лицах явственно читалось нарастающее возбуждение и живой интерес.

- Только без обмана! угрожающе молвил веснушчатый. Ежели попытаешься нас надуть, мы тебя на кусочки изрежем. А теперь говори! Где они?
  - В моей спальне.
  - Где это?
  - Наверху.
  - В каком месте?
  - В углу дубового ларца рядом с кроватью.

Матросы ринулись к ведущей на второй этаж лестнице, но окрик главаря заставил их вернуться.

— Нельзя оставлять здесь этого старого хитрого лиса, ребята. Ха! Что-то ты на лицо переменился — значит, я правильно угадал, разве нет? Клянусь Господом, он собирался потихоньку сняться с якоря, пока мы там будем ковыряться. А ну-ка, парни, свяжите его покрепче, да прихватим эту тварь с собой.

Нестройно топоча по лестнице, они направились на второй этаж, таща за собой связанного пленника. На несколько мгновений я остался один. Руки мои были связаны, зато ноги оставались свободными. Если бы только найти дорогу через торфяники! Тогда я смог бы вызвать полицию и перехватить разбойников, прежде чем они доберутся до побережья. В какой-то момент я замешкался, усомнившись, имею ли я моральное право оставлять дядюшку одного в лапах бандитов. В то же время, будучи на свободе, я мог принести намного больше

пользы своему родственнику, а случись худшее — позаботиться о его собственности, чем оставаясь здесь. Приняв решение, я метнулся к двери, но не успел ещё достичь её, как прямо над моей головой раздался пронзительный душераздирающий вопль, сопровождаемый испуганными возгласами, и к ногам моим с ужасающим грохотом свалилось что-то тяжёлое. Этот жуткий хлюпающий звук до конца жизни будет звучать у меня в ушах. Передо мной, в полосе света, протянувшейся от открытой двери, лежал мой несчастный дядя. Его лысая голова под неестественным углом вывернулась на плечо, как у цыплёнка, которому свернули шею. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в его смерти вследствие перелома шейных позвонков.

Вся шайка ссыпалась с лестницы и окружила меня и мертвеца так быстро, что я едва успел толком осознать, что же произошло.

- Мы тут ни при чём, приятель, обратился ко мне один из матросов. Он сам выпрыгнул в окно, и это святая правда. Нашей вины здесь нет.
- Он думал, небось, что успеет оказаться с наветренной стороны от нас и воспользоваться темнотой, чтобы смыться, сказал другой. Вот только нырял он головой вперёд, и даже такая толстая шея не выдержала.
- Туда ему и дорога! вмешался главарь, грязно выругавшись при этом. Если бы он сам не подох, уж я бы ему всенепременно помог. А вы, ребятки, напрасно оправдываетесь. Это убийство, и все мы соучастники! Есть только один способ спастись: держаться друг за дружку, если, конечно, как говорится, вы не предпочтёте висеть поодиночке. Здесь всего один свидетель...

Он снова метнул на меня взгляд своих злобных маленьких глаз, а я заметил у него в боковом кармане что-то блестящее: то ли нож, то ли револьвер. В то же мгновение двое матросов встали между нами.

- Забудь об этом, капитан Элиас, сказал первый. Старик готов, это так, но ни один из нас не приложил руку к его смерти. В конце концов, мы не собирались его убивать. Самое худшее, что его ожидало, это потеря нескольких лоскутов кожи на спине. Что же касается этого молодого человека, то к нему у нас никаких претензий нет...
- Болван! Если у тебя нет к нему претензий, то они есть у него. Стоит ему раскрыть пасть на суде, и за твою шкуру никто не даст и ломаного гроша. Он не должен заговорить вы сами понимаете, что на весах его жизнь против наших.
- У шкипера башка хорошо варит, поддержал главаря другой матрос. Уж лучше сделать так, как он говорит.

Но мой защитник — тот самый тип с серьгами в ушах заслонил меня своей широкой грудью и во всеуслышание поклялся, что никому не позволит пальцем ко мне притронуться. Мнения остальных разделились поровну. Споры по поводу моей грядущей участи грозили перерасти в серьёзную драку, но капитан вдруг издал крик восторга и удивления, тут же подхваченный всей шайкой. Они радостно смеялись и показывали пальцами. Проследив направление их взглядов, я увидел удивительную картину.

Тело дяди лежало на земле с широко раскинутыми ногами. Та, что короче, находилась дальше от нас, чем здоровая. Вокруг ступни валялось около дюжины мелких блестящих круглых предметов, сверкающих в лучах пробивающегося сквозь открытую дверь света. Схватив фонарь, главарь ярко осветил привлёкший всеобщее внимание участок. В падении толстая деревянная подошва раскололась, и стало ясно, что она представляла собой тот самый тайник, в котором дядя хранил свои ценности. Дорожка была буквально усеяна сияющими драгоценными камнями. Три из них поражали необыкновенно крупными размерами, а ещё десятка четыре также представляли довольно большую ценность. Матросы вместе с капитаном кинулись на четвереньках собирать добычу, и в это время мой «адвокат» с серьгами незаметно дёрнул меня за рукав.

— Это твой единственный шанс, — прошептал он. — Катись отсюда, парень, пока не случилось чего плохого.

Очень своевременное предложение, незамедлительно принятое мною к исполнению. Несколько осторожных шагов в сторону — и вот я уже выскользнул из освещённого пятна незамеченным, а затем пустился наутёк. Я бежал, спотыкаясь и падая, поднимаясь и падая вновь, а если кто удивится — попробуйте пробежать сами хоть немного по пересечённой местности со связанными руками. Я бежал и бежал, пока у меня не перехватило дыхание, а ноги устали до такой степени, что еле волочились. И тут выяснилось, что никакой нужды в столь поспешном бегстве вовсе не было. Когда я остановился перевести дух, достаточно далеко, по моим расчётам, убежав от дядюшкиного дома, и оглянулся назад, то увидел в отдалении мерцающий фонарь и контуры тел окруживших его матросов. Спустя несколько секунд фонарь внезапно погас, оставив меня в кромешном мраке посреди высохшего торфяного болота.

Связали меня так крепко и профессионально, что прошло не менее получаса, прежде чем, ценой невероятных ухищрений и одного сломанного зуба, мне удалось всё же освободиться от пут. Первоначальным моим замыслом было вернуться на ферму Перселла, но в темноте под беззвёздным небом нельзя было отличить север от юга, так что пришлось мне несколько часов до рассвета бродить среди блеющих овечьих отар, не имея ни малейшего представления, куда, собственно, я направляюсь. Но вот, наконец, на востоке слабо разалелся край неба, и в предрассветных сумерках я обнаружил, что нахожусь совсем рядом с той самой фермой, к которой стремился всю ночь. В свете приближающегося дня проявились волнообразные просторы покрытых предутренним туманом торфяников, уходящих к самому горизонту, и я с удивлением заметил чью-то фигуру, бредущую в том же направлении, что и я сам. Поначалу я приближался к незнакомцу с некоторой опаской, но вскоре, ещё не догнав его, узнал по сутулой спине и прыгающей походке старого Еноха. Трудно передать, как я обрадовался, увидев его живым. Он поведал мне, что бандиты оглушили его, избили, отобрали плащ и шляпу, и всю ночь он странствовал в темноте, как и я, не зная, куда податься и у кого искать помощи. Узнав от меня о смерти хозяина, старый слуга расплакался. Он сидел среди голых камней и рыдал взахлёб, судорожно сотрясаясь всем телом от приступа старческого кашля и икоты.

- Эти люди они из команды «Чёрного Могола», сказал он, немного успокоившись. Я знал, я всегда знал, что они прикончат его рано или поздно!
  - Кто они такие? спросил я.
- Что ж, вы всё-таки его родственник, помявшись немного, начал старик. Хозяин умер, и дело это наконец-то закончилось. Никто не расскажет вам обо всём лучше меня. Другое дело, останься он в живых: без хозяйского приказу старый Енох и рта бы не раскрыл. Но раз уж вы, стало быть, покойному племянником доводитесь, да в трудную минуту не погнушались ему на помощь явиться, то я так считаю, мастер Джон, что вам следует об этом знать.

Вот как было дело, сэр. Дядюшка ваш имел бакалейную торговлю в Степнее, как вы, наверное, знаете, но, помимо торговли, занимался ещё кое-чем. Он покупал и продавал разные вещи, никогда не спрашивая при покупке, откуда что взялось. В конце концов, зачем спрашивать людей о том, что его лично не касается? Если кто-нибудь приносил ему камушек или серебряное блюдо — какое ему дело, где продавец всё это взял? Здраво рассуждая, так и надо себя вести, а парламенту следует принять закон на этот счёт — я всегда говорил об этом покойнику. Как бы то ни было, а в Степнее такой порядок всех устраивал.

Ну так вот, один пароход, шедший из Южной Африки, взял, да и потонул. Так оно было или нет, но Ллойд страховку заплатил. Поговаривали, что на нём везли крупную партию первосортных алмазов. Вскоре после этого в Лондонский порт прибыл бриг «Чёрный Могол». Бумаги у него были в полном порядке, и по ним выходило, что он доставил из Порт-Элизабет груз кож. Капитан брига, которого звали Элиас, явился к хозяину, и как вы думаете, что он предложил ему? Клянусь своей грешной душой, сэр, это были алмазы, точь-в-точь такие, что потонули вместе с тем африканским пароходом. Как они попали к нему в лапы? Я не знаю. Хозяин тоже не знал, да и не особенно интересовался. У капитана были свои причины не держать их при себе, вот он и отдал камни хозяину, ну, вроде как вы, к примеру, кладёте чтонибудь в банковский сейф. Со временем ваш дядюшка привык к ним и даже полюбил. Вот тогда-то у него стали возникать те самые вопросы, которых он прежде не любил: в каких местах, например, побывал «Чёрный Могол», и где его шкипер заполучил алмазы. Короче говоря, когда Элиас пришёл за своими камушками, хозяин заявил ему, что предпочитает с ними не расставаться и что у него в руках они вроде как целее будут. Вы не подумайте только, что я тогда одобрил его поступок, но хозяин упёрся и высказал всё это шкиперу прямо у себя

в лавке, в задней комнате. Ну, а в результате получил перелом ноги и три сломанных ребра.

Капитана Элиаса осудили за это дело, а хозяин, как только поправился, решил, что в ближайшие пятнадцать лет ему не о чем беспокоиться. Из Лондона, правда, пришлось убраться — хозяин всё же побаивался матросиков — да только мало это ему помогло. Элиас вышел на свободу всего через пять лет и сразу начал охотиться за вашим дядюшкой вместе с теми из прежней команды, кого он сумел собрать. А вы ещё предлагали полицию вызвать! Тут с какой стороны ни глянь, а полицию хозяину звать было так же не с руки, как и Элиасу. И всё-таки они его обошли по кривой и одолели, как вы сами видели, сэр. Он надеялся, что в безлюдном месте сможет отсидеться в безопасности, а на поверку вышло, что безопасность эта дутой оказалась. Эх, да что говорить! многих людей покойник обидел. А вот ко мне всегда хорошо относился, и навряд ли я когда-нибудь сумею отыскать другого такого хозяина.

Несколько слов в заключение. Одномачтовый тендер, несколько дней болтавшийся близ берега, был замечен в то утро идущим против ветра в Ирландском море. Можно предположить, что судно имело на борту Элиаса и его сообщников. Во всяком случае, больше никто и никогда о них не слышал. На дознании выяснилось, что последние годы дядя влачил довольно убогое существование, и после него почти ничего не осталось. Судя по всему, сознание обладания таким сказочным сокровищем, постоянно хранимым им в не совсем обычной манере на собственной персоне, являлось единственной настоящей радостью в жизни покойного. Насколько мы смогли выяснить, он ни разу не попытался реализовать даже малую часть своих алмазов. Таким образом, прожив жизнь с подмоченной репутацией, дядя и после смерти не сумел восстановить своё доброе имя в глазах родственников, не оставив никакого наследства. Последние, в равной степени шокированные как обстоятельствами его гибели, так и его порочным образом жизни, постарались как можно скорее изгнать из семейных анналов всякое упоминание и саму память о колченогом бакалейщике из Степнея.

1898 г.

(перевод А. Дубова)

ПРОКЛЯТИЕ ЕВЫ

Роберт Джонсон был человек самый что ни на есть заурядный, напрочь лишённый всякой оригинальности. Тридцати лет от роду, женат, взглядов умеренных, бледное лицо и совершенно невзрачная наружность.

Он держал галантерейный магазин на Нью-Норт-роуд, и вечная борьба с другими торговцами на почве конкуренции совершенно обессилила его. Постоянно занятый только одной мыслью — приобрести как можно больше покупателей, — он сделался льстивым и угодливым и, в конце концов, стал похож скорее на какую-то бездушную машину, нежели на живого человека. Никакие великие вопросы никогда не волновали его. Поглощённый всецело интересами своего маленького замкнутого мирка, он, казалось, был совершенно недоступен ни одной из человеческих страстей. Но такие события, как рождение, смерть или болезнь неизбежны в жизни всякого, и когда человеку в ту или иную пору его жизненной карьеры приходится сталкиваться с одним из этих явлений суровой действительности, маска цивилизованности мгновенно спадает с его лица, и перед нами предстаёт его естественный и удивительный облик.

Жена Джонсона была тихая, кроткая, маленькая брюнетка. Его любовь к ней была единственной положительной чертой его характера. Каждый понедельник они вместе раскладывали товары в оконной витрине: вниз клались чистые сорочки в зелёных пакетах, наверху рядами развешивались галстуки, по бокам размещались белые карточки с дешёвыми запонками, а на заднем плане красовались ряды мягких суконных шляп и масса коробок, в которых более ценные шляпы находили защиту от солнечного света. Жена Джонсона сама вела книги и рассылала счета покупателям. Никто, кроме неё, не знал радостей и печалей его незаметного существования. Она разделяла его восторг, когда однажды какой-то джентльмен, отправлявшийся в Индию, купил в их магазине десять дюжин сорочек и невероятное количество галстуков, и была в не меньшем отчаянии, чем сам Джонсон, когда счёт, посланный в гостиницу, где остановился этот джентльмен, был возвращён с пометкою, что такое лицо в ней не проживает. Так они трудились в течение пяти лет, занятые хлопотами по своему магазину и поглощённые любовью друг к другу тем более исключительною, что у них не было детей. Но вот появились признаки, указывавшие на близость перемены в их жизни. Она уже не могла спускаться вниз, и её мать, миссис Пейтон, приехала из Кэмбервелла ухаживать за ней и нянчиться с ожидаемым ребёнком.

Лёгкая тревога прокралась в душу Джонсона, когда приблизилось время родов. Но ведь в конце концов, то была неизбежная и естественная вещь. Чужие жёны проходят через это без вреда для своего здоровья, почему же с его женой должно быть иначе? Он сам происходил из семьи, в которой было четырнадцать человек детей, и однако его мать была жива и здорова. Вообще уклонение от нормального хода вещей возможно только как исключение. Но всё-таки, несмотря на все эти рассуждения, он никак не мог отделаться от навязчивой и тревожной мысли, будто его жене грозит какая-то опасность.

Ещё за пять месяцев до срока Джонсон пригласил к жене лучшего местного акушера — доктора Майльса с Бридпорт-плейс. По мере того, как шло время, в магазине между крупными принадлежностями мужского туалета стали появляться какие-то до смешного маленькие: белые платьица, обшитые кружевами и украшенные лентами. И вот, однажды вечером, когда Джонсон занимался в магазине прикреплением к галстукам ярлычков с обозначением цены, он услышал наверху какой-то шум, и вслед за тем по лестнице сбежала вниз миссис Пейтон, заявившая, что Люси сделалось нехорошо и что, по её мнению, следует немедленно послать за доктором.

Роберт Джонсон был вообще медлителен по натуре, человек положительный и степенный, он любил делать всё методически. От угла Нью-Норт-роуд, где находилась его лавка, до дома доктора на Бридпорт-плейс было с четверть мили. Когда он вышел из дому, на улице не было ни одного кэба, так что он пошёл пешком, оставив мальчика присмотреть за лавкой. На Бридпорт-плейс ему сказали, что доктора только что позвали к одному больному на Гарман-стрит. Джонсон отправился на Гарман-стрит, уже утратив часть своей степенности, так как им начало овладевать беспокойство. По дороге ему попались два кэба с седоками, но

ни одного порожнего. На Гарман-стрит он узнал, что доктор уехал к больному корью, случайно оставив его адрес — Дунстан-роуд, 69, на другой стороне канала Регента. Степенность Джонсона как рукой сняло, когда он подумал о женщинах, ждущих доктора, и теперь он уже не шёл, а бежал изо всех сил по Кингсленд-роуд. По дороге он вскочил в кэб и поехал на Дунстан-роуд. Доктор только что уехал оттуда, и Роберт Джонсон чуть не заплакал от досады. К счастью, он не отпустил извозчика и потому скоро опять был на Бридпорт-плейс. Доктор Майльс ещё не вернулся домой, но его ждали с минуты на минуту. Джонсон остался ждать в высокой плохо освещённой комнате, в воздухе которой был слышен чуть заметный, нездоровый запах эфира. Комната была уставлена массивной мебелью, книги на полках имели мрачный вид, большие чёрные часы уныло тикали над камином. Взглянув на них, он увидел, что была уже половина восьмого и что, следовательно, с тех пор, как он вышел из дому, прошёл уже час с четвертью. Что-то думают теперь о нём жена и тёща? Каждый раз, как на лестнице хлопала дверь, он, дрожа от нетерпения, вскакивал с места и ему казалось, что он уже слышит глубокий, грудной голос доктора. Наконец, точно гора свалилась у него с плеч, когда он услышал на лестнице чьи-то быстрые шаги и затем щёлканье поворачиваемого в замке ключа. В ту же минуту, прежде чем доктор успел переставить ногу через порог, Джонсон выскочил в переднюю.

— Ради Бога, доктор, поедемте со мной! — вскричал он. — В шесть часов моя жена почувствовала себя дурно.

Он сам толком не знал, чего ждёт от доктора, — во всяком случае какого-то необыкновенного энергичного поступка. Может быть, ему смутно представлялось, что доктор схватит какие-то лекарства и порывисто устремится вместе с ним по освещённым газовыми фонарями улицам. Вместо этого доктор Майльс спокойно поставил в угол зонтик, несколько нетерпеливо сбросил с себя шляпу — и заставил Джонсона опять войти в комнату.

- Сейчас, сейчас! Вы приглашали меня, не так ли? спросил он не особенно любезно.
- О, да, доктор ещё в прошлом ноябре. Я Джонсон, хозяин галантерейного магазина на Нью-Норт-роуд, может быть, вы помните?
- Да, да. Роды немного запоздалые, сказал доктор, пробегая список имён в своей записной книжке с блестящим переплётом. Ну, как она себя чувствует?
  - **—** Я не..
- Да, конечно, вы ничего не можете сказать, так как это в первый раз. Но скоро вы будете больше разбираться в данном вопросе.
  - Миссис Пейтон сказала, что пора уже звать доктора.
- Мой друг, когда роды происходят в первый раз, вовсе нет необходимости особенно спешить. Нам хватит работы на целую ночь, вы увидите сами. С другой стороны, мистер Джонсон, чтобы машина могла действовать, ей нужен известный запас угля и воды, а я ещё ничего не ел с утра, если не считать лёгкого завтрака.
  - Мы что-нибудь приготовили бы для вас, доктор, что-нибудь горячее и чашку чая.
- Благодарю вас, но я думаю, что мой обед уже готов. Всё равно на первых порах я едва ли чем могу быть полезен. Ступайте-ка лучше домой и скажите, что я приеду, а вслед за тем немедленно явлюсь и я.

Роберт Джонсон почти с ужасом смотрел на этого человека, который в такую минуту мог думать об обеде. У него не хватало воображения понять, что то, что казалось ему таким страшно важным и значительным, для доктора было явлением простым и обыденным, банальным случаем в его обширной практике, и что он не прожил бы и года, не находи он среди своей кипучей деятельности времени для удовлетворения законных требований природы. Джонсону он казался почти чудовищем. Полные горечи мысли роились в его голове в то время, как он поспешно возвращался в свою лавку.

- Вы, однако, не торопились! крикнула ему тёща с площадки, когда он поднимался по лестнице.
  - Я ничего не мог поделать, запыхавшись произнёс он. Ну что, всё кончилось?
- Какое там кончилось! Ей ещё долго придётся мучиться, бедняжке! Где доктор Майльс?
  - Он придёт после того, как пообедает.

Старушка хотела что-то ответить, но в это время из-за полуоткрытой двери послышался

громкий страдальческий голос роженицы, звавшей её к себе. Тёща побежала к ней и заперла за собой дверь, а Джонсон уныло направился в лавку. Отослав мальчика домой, он с каким-то бешенством принялся запирать ставни и убирать коробки с товаром. Когда всё было заперто, он уселся в гостиной, находившейся позади лавки. Но ему не сиделось, и он постоянно вскакивал и принимался ходить по комнате, а затем опять бросался в кресло. Вдруг он услышал звон посуды и увидел девушку, проходившую через комнату с подносом, на котором стояли чашка чая и дымящийся чайник.

- Для кого это, Джейн? спросил он.
- Для барыни, мистер Джонсон. Она сказала, что с удовольствием выпьет чашку чая.

Для него то обстоятельство, что жене захотелось чая, было громадным утешением. В конце концов, дело, выходит, было не так уж плохо, коли жена могла думать о таких вещах. Он был так доволен, что и себе попросил чая. Только что он кончил пить чай, как явился доктор с чёрной кожаной сумкой в руках.

- Ну, как она себя чувствует? весело спросил он.
- О, ей гораздо лучше, с энтузиазмом ответил Джонсон.
- Ай, ай, это скверно! сказал доктор. Может быть, лучше мне заглянуть к вам завтра утром?
- Нет, нет, воскликнул Джонсон, схватив доктора за рукав толстого фризового пальто. Мы так рады, что вы к нам приехали. И пожалуйста, доктор, сойдите потом как можно скорее вниз и сообщите мне, как вы её находите.

Доктор поднялся наверх, и его твёрдая тяжёлая поступь слышалась во всей квартире. Джонсону был слышен скрип его сапог, когда он ходил по комнате роженицы, помещавшейся как раз над ним, и этот звук был для него великим утешением. Решительная, размеренная походка доктора свидетельствовала о том, что у этого человека непоколебимая уверенность в себе. В скором времени Джонсон, употреблявший все усилия, чтобы слышать, что происходит наверху, различил там шум передвигаемого по полу кресла, а спустя мгновение наверху распахнулась дверь и кто-то стремглав бросился бежать вниз по лестнице. Джонсон вскочил с места, волосы у него на голове встали дыбом при мысли, что случилось что-то ужасное, но оказалось, то была всего лишь взволнованная тёща, растерянно принявшаяся искать ножницы и кусок какой-нибудь тесёмки. Затем она исчезла, а Джейн стала подниматься наверх с целой охапкой только что проветренного белья в руках. Затем после нескольких минут зловещей тишины послышалась тяжёлая, шумная поступь доктора, спустившегося в гостиную.

- Ну вот, уже лучше, сказал он, остановившись в дверях. Вы что-то побледнели, мистер Джонсон.
- О, нет, сэр, нисколько, отвечал тот с мольбой в голосе, вытирая лоб носовым платком.
- Пока ещё нет основания бить тревогу, хотя дело идёт не совсем так, как бы хотелось, сказал доктор Майльс. Тем не менее будем надеяться на благоприятный исход.
  - Разве есть опасность, сэр? пролепетал Джонсон.
- Опасность, милейший, есть всегда. Кроме того, роды вашей жены идут не совсем благоприятно. Впрочем, могло бы быть и хуже. Я дал ей лекарство. Когда я проезжал, я заметил, что напротив вас выстроили небольшой домик. Вообще этот квартал отстраивается, и цена на землю растёт. Вы что, тоже арендуете этот клочок земли?
- Да, сэр, да! воскликнул Джонсон, жадно ловивший каждый звук доносившийся сверху и тем не менее находивший немалое утешение в том, что доктор в такую минуту мог непринуждённо болтать о пустяках. То есть я говорю не то, сэр, я не арендатор, я годовой съёмщик.
- На вашем месте, я взял бы землю в аренду. Знаете, на вашей улице есть часовщик Маршалл; я два раза был акушером у его жены и лечил его от тифа, когда они жили на Принсстрит. Поверите ли, его домовладелец повысил квартирную плату чуть не на сорок процентов в год, так что в конце концов ему пришлось съехать.
  - А роды его жены, доктор, благополучно кончились?
  - О, да, вполне благополучно. Однако, что там такое?!

Доктор с минуту прислушивался к шуму, раздававшемуся наверху, и затем быстро выбежал из комнаты.

Дело было в марте месяце, и вечера выдавались холодные, так что Джейн затопила камин, но из-за сильного ветра дым то и дело валил из камина в комнату. Джонсона трясла лихорадка, хотя не столько от холода, сколько от терзавшего его беспокойства. Он скорчился в кресле перед камином, протянув к огню худые бледные руки. В десять часов вечера Джейн принесла кусок холодного мяса и накрыла ему на стол, но он не мог заставить себя притронуться к пище. Однако он выпил стакан пива, и ему стало лучше. Нервное напряжение сделало его слух необыкновенно чутким, так что ему был слышен малейший шорох в комнате роженицы. Под влиянием выпитого пива он так расхрабрился, что тихонько поднялся по лестнице наверх, дабы посмотреть, что там происходит. Дверь в спальню была чуть-чуть приоткрыта, и через образовавшуюся щель перед ним на мгновение мелькнуло гладко выбритое лицо доктора, принявшее теперь утомлённый и озабоченный вид. Затем Джонсон опрометью кинулся по лестнице вниз и, встав подле окна, принялся смотреть на улицу, думая таким образом немного развлечься. Лавки все были заперты, и на улице не было видно никого, кроме нескольких запоздалых гуляк, возвращавшихся из питейного дома, оглашая улицу пьяными возгласами.

Он стоял у дверей, пока весёлая компания не скрылась из вида, и затем опять вернулся к своему креслу перед камином. В голове у него зашевелились вопросы, никогда раньше не волновавшие его. Где же справедливость, думал он, и почему его кроткая, тихая жена обречена на такие страдания? Почему природа так жестока? Его собственные мысли пугали его, и в то же время он удивлялся тому, что раньше подобные мысли никогда не приходили ему в голову.

Под утро Джонсон, совершенно разбитый, в накинутом на плечи пальто, сидел, дрожа всеми членами, перед камином. Уставившись глазами в кучку остывшего пепла, он тщетно ожидал какого-нибудь известия сверху, каковое облегчило бы его страдания. Лицо его побледнело и осунулось, а нервное возбуждение, в котором он находился так долго, перешло в состояние полной апатии. Но когда наверху хлопнула дверь и на лестнице послышались шаги доктора, прежнее возбуждение вновь завладело им. В повседневной жизни Роберт Джонсон был спокойным, сдержанным человеком, но теперь он, как безумный, бросился навстречу доктору, чтобы узнать, не осталось ли уже всё позади.

Одного взгляда на строгое и серьёзное лицо доктора было для него довольно, чтобы понять, что принесённые им известия не очень-то утешительны. За эти несколько часов в облике доктора произошла не меньшая перемена, чем и у самого Джонсона. Волосы его были растрёпаны, лицо раскраснелось, а на лбу блестела испарина. У него был боевой вид человека, только что в течение долгих часов боровшегося с самым беспощадным из врагов за самое драгоценное из сокровищ. Но в то же время в выражении лица была какая-то подавленность, свидетельствовавшая о сознании, что из этой схватки он едва ли выйдет победителем. Он сел в кресло и опустил голову на руки с видом человека, выбившегося из сил.

— Я считаю своим долгом предупредить вас, мистер Джонсон, что положение вашей жены очень серьёзно. Её сердце слабо, и у неё появились симптомы, которые мне не нравятся. По моему мнению, не мешало бы пригласить ещё одного врача. Имеете ли вы кого-нибудь на примете?

Джонсон, измученный бессонною ночью и ошеломлённый принесёнными доктором дурными известиями, не сразу понял смысл сказанных ему слов; доктор же, видя, что тот колеблется, подумал, будто его пугают расходы.

- Смит или Голей возьмут две гинеи, сказал он, но, по-моему, Притчард с Ситироуд лучше.
  - Разумеется, нужно пригласить того, который лучше, ответил Джонсон.
  - Притчард возьмёт три гинеи, но зато он крупная величина.
  - Я готов отдать всё, что имею, лишь бы спасти её. Я сейчас же пойду за ним.
- Да, ступайте прямо сейчас. Но сперва зайдите ко мне и спросите зелёный байковый мешок. Мой ассистент даст вам его. Скажите ему также, чтобы он прислал с вами микстуру А.С.Е. Сердце вашей жены слишком слабо для хлороформа. А оттуда ступайте к Притчарду и приведите его с собой.

Джонсон был очень доволен тем, что теперь у него есть дело и он может чем-то быть полезен жене. Он быстро побежал по направлению к Бридпорт-плейс, и его шаги звонко

отдавались среди безмолвия пустынных улиц, а полисмены, когда он проходил мимо них, наводили на него свои фонарики. На его звонок вышел сонный полуодетый ассистент, вручивший ему плотно закупоренную склянку и кожаный мешок, в котором находились, повидимому, какие-то инструменты. Джонсон сунул склянку в карман, схватил зелёный мешок и, надвинув на лоб шляпу, бросился со всей мочи бежать на Сити-роуд. Увидев наконец на одном из домов имя Притчарда, вырезанное золотыми буквами на красной дощечке, он в восторге одним прыжком перескочил несколько ступенек, отделявших его от заветной двери, но увы! — драгоценная склянка вывалилась при этом у него из кармана и, упав на мостовую, разбилась вдребезги.

В первое мгновение у него было такое ощущение, словно сзади него на мостовой лежали не осколки разбитой склянки, а истерзанное тело его жены. Но быстрая ходьба подействовала на его мозг освежающе, и он скоро сообразил, что это несчастье легко поправимо.

Протянув руку, он сильно дёрнул за ручку звонка.

- Ну, кто там ещё? раздался над самым его ухом чей-то грубый голос. Джонсон отшатнулся и посмотрел на окна, но там не было никаких признаков жизни. Он снова протянул руку к звонку, намереваясь позвонить, но его остановил тот же голос, перешедший теперь уже в настоящий рёв.
- Я не намерен дожидаться здесь целую ночь, когда вы изволите ответить. Говорите, кто вы такой и что вам угодно, или я закрою трубку.

Тут только Джонсон заметил конец разговорной трубки, свешивавшийся со стены как раз над самым колокольчиком.

- Прошу вас сейчас же ехать со мною к больной на консультацию с доктором Майльсом.
  - Далеко это? прозвучал сердитый голос.
  - Нью-Норт-роуд, Хокстон.
  - Я беру за консультацию три гинеи; плата немедленно.
- Я согласен, прокричал в трубку Джонсон. Захватите, пожалуйста, с собой склянку с микстурой А.С.Е.
  - Хорошо. Подождите немного.

Через пять минут отворилась дверь, и на лестницу вышел пожилой господин с резкими чертами лица и подёрнутыми сединой волосами. Вслед ему откуда-то из темноты прозвучал женский голос:

— Ты не забыл надеть шарф, Джон?

Доктор что-то недовольно проворчал в ответ.

Доктор Притчард был человек очерствевший от жизни, полной каторжного труда; нужды его собственного, всё увеличивающегося семейства заставляли его, как и многих других, выдвигать коммерческую сторону своей профессии на первый план. Однако, несмотря на это, в сущности он был добрый человек.

В течение пяти минут он прилагал все усилия, чтобы не отставать от Джонсона, но наконец остановился и, задыхаясь, проговорил:

— Я не могу итти так быстро. Ведь мы не скаковые лошади, не правда ли, мой друг? Я вполне понимаю ваше беспокойство, но положительно не в силах так бежать.

Итак, Джонсону, сгоравшему от нетерпения, пришлось умерить свой шаг. Когда они пришли наконец к его магазину, он забежал вперёд и распахнул перед доктором дверь. Он слышал, как на лестнице доктора поздоровались, и ему удалось уловить несколько сказанных доктором Майльсом слов: «очень извиняюсь, что побеспокоил вас... положение больной очень серьёзно... славные люди...» Дальше он ничего не мог разобрать, так как врачи вошли в спальню, затворив за собой дверь.

Джонсон опять уселся в своём кресле, чутко прислушиваясь к происходящему наверху и понимая, что с минуты на минуту может разразиться кризис. Он слышал шаги обоих докторов и мог даже отличить тяжёлую поступь Притчарда от неровной походки Майльса. В течение нескольких минут сверху не доносилось ни единого звука, а затем вдруг раздались чьи-то продолжительные, раздирающие душу стоны, которые, по мнению Джонсона, никак не могли принадлежать его жене. В то же время он почувствовал проникший в его комнату

сладковатый, едкий запах эфира, которого, будь его нервы в нормальном состоянии, он вероятно бы не заметил. Стоны роженицы становились всё тише и тише и наконец прекратились совсем. Джонсон с облегчением вздохнул. Он понял, что лекарство сделало своё дело, и теперь, что бы ни случилось, жена по крайней мере не будет больше страдать.

Но скоро наступившая тишина сделалась для него ещё невыносимее криков: у него не было теперь ключа к тому, что происходило наверху, и в голову приходили самые страшные предположения. Он встал и, выйдя опять на площадку лестницы, начал прислушиваться. До него донёсся звук, который раздаётся, когда два металлических инструмента стукнутся друг о друга, и сдержанный шёпот докторов. Затем миссис Пейтон что-то сказала не то испуганным, не то жалобным голосом, и доктора опять о чём-то зашептались. Минут двадцать стоял он, прислонившись к стене, прислушиваясь к раздававшимся время от времени голосам докторов, но не будучи в состоянии разобрать ни единого слова. Затем слабый, писклявый голос ребёнка нарушил царившую тишину, миссис Пейтон восторженно взвизгнула, а Джонсон опрометью вбежал назад в комнату и, бросившись на софу, принялся в энтузиазме барабанить по ней ногами.

Но судьба часто играет с нами, как кошка с мышью. Проходила минута за минутой, а сверху не доносилось ни единого звука, кроме жалобных, пискливых криков ребёнка. Безумная радость Джонсона сразу исчезла, и он, затаив дыхание, опять стал прислушиваться. Он слышал медленные движения докторов и их сдержанные голоса. Однако время шло, а голоса жены до сих пор не было слышно. За эту полную тревоги ночь нервы его сдали, и он в каком-то отупении сидел теперь на софе и обречённо ждал. Когда доктора вошли в комнату, он всё ещё сидел там, представляя собой довольно-таки жалкую фигуру с запачканным лицом и растрёпанными волосами. Увидев докторов, он встал и опёрся рукой о каминную доску.

- Умерла? выдавил он из себя.
- Да нет же, всё кончилось как нельзя лучше, ответил доктор.

Услыхав такой ответ, этот бесцветный, весь ушедший в рутину человек, до нынешней ночи даже не подозревавший в себе способности столько волноваться и страдать, почувствовал такую безумную радость, какой никогда не испытывал прежде. Он готов был броситься на колени, чтобы возблагодарить Творца, и только присутствие докторов удерживало его от этого.

- Можно мне пойти наверх?
- Подождите ещё несколько минут.
- Уверяю вас, доктор, я очень... несвязно забормотал он. Вот ваши три гинеи, доктор Притчард, хотел бы, чтобы это были не три, а триста гиней.
- И я не меньше вашего желал бы этого, ответил доктор Притчард, и они оба засмеялись, пожимая друг другу руки.

Джонсон выпустил их на улицу и, стоя за дверью, с минуту прислушивался к разговору, который они вели, задержавшись у подъезда.

- А ведь дело уже, было, приняло скверный оборот.
- Да, хорошо ещё, что вы не отказались помочь мне.
- О, я всегда к вашим услугам. Не зайдёте ли ко мне выпить чашку кофе?
- Нет, благодарю вас. Мне предстоит ехать ещё в одно место.

И они разошлись в разные стороны. Джонсон отошёл от двери, всё ещё полный безумной радости. Он чувствовал себя как бы родившимся заново. Ему казалось, что для него начинается новая жизнь, что он стал более серьёзным и сильным человеком. Может быть, эти страдания, перенесённые им, не останутся бесплодными и окажутся истинным благословением и для него, и для его жены. Двенадцать часов назад сама эта мысль не могла бы прийти ему в голову.

— Можно мне подняться наверх? — крикнул он и затем, не дожидаясь ответа, бросился бежать вверх по лестнице, перескакивая через ступеньки.

Миссис Пейтон стояла перед ванной с каким-то свёртком в руках. Из-под складок коричневой шали выглядывало смешное маленькое свёрнутое в комочек красное личико с влажными раскрытыми губами и веками, дрожавшими, как ноздри у кролика. Голова не держалась на слабой шейке маленького создания и беспомощно лежала на плече.

— Поцелуйте его, Роберт! — сказала бабушка. — Поцелуйте своего сына!

Но он почти с ненавистью взглянул на это маленькое красное создание с безостановочно мигающими ресницами. Он не мог ещё забыть того, что из-за него они пережили эту ужасную ночь. Затем глаза его встретились с глазами жены, лежавшей на кровати, и он бросился к ней, охваченный таким сильным порывом жалости и любви, для выражения которых у него не хватило бы слов.

- Слава Богу, наконец всё позади! Люси, дорогая, это было ужасно! сказал он.
- Но я так счастлива теперь. Никогда в жизни я не была так счастлива, ответила она, и её взгляд упал на коричневый свёрток.
  - Тебе нельзя разговаривать, сказала миссис Пейтон.
  - Хорошо, но не оставляй меня одну, Роберт, прошептала больная.

Джонсон молча сидел у кровати жены, взяв её за руку. Свет лампы потускнел, и сквозь опущенные шторы в комнату уже начал прокрадываться бледный свет нарождающегося дня. Ночь была длинная и тёмная, и тем ярче и радостнее казался этот первый утренний свет. Лондон пробуждался, и уличная жизнь вступала в свои права. На смену покинувшим этот мир явились новые жизни, а громадная машина продолжала по-прежнему выполнять свою мрачную и трагическую работу.

1894 г.

(перевод Павла Гелевы)

«ВЕСЁЛАЯ САЛЛИ»

Случилась эта история в те дни, когда морское могущество Франции было уже подорвано. Большая часть её громадных, трёхпалубных кораблей вместо того, чтобы красоваться в Бресте, покоилась на дне океана, но у французов ещё оставались фрегаты и корветы, и эти суда скользили по глади морей, преследуемые англичанами. Да, во всех концах земли эти красивые кораблики воюющих сторон, названные именами девушек или цветов, увечили и топили друг друга в честь и славу маленьких кусочков материи, которые болтались на их главных мачтах.

В описываемую ночь дул сильный ветер, но с рассветом наступило затишье, и восходящее солнце озарило зелёные волны, которые постепенно успокаивались, сливаясь одна с другой, превращаясь в одну бесконечную, почти ровную зыбь. К северу и к югу был виден горизонт, представлявший совершенно ровную линию. На востоке виднелся скалистый остров. Острые верхушки гор подымались к небу. Кое-где были рассеяны группы пальм, а над конической вершиной самой высокой горы висело густое облако тумана.

У берега виднелись высокие валы прибоя, а немного подальше красовался выкрашенный в чёрную краску английский тридцатидвухпушечный фрегат «Леда», под командой капитана Джонсона. Подобно чёрному лебедю, красивое судно покачивалось на изумрудных волнах, медленно подвигаясь к северу. На палубе фрегата стоял маленький человек с загорелым лицом и оглядывал горизонт в подзорную трубу.

— Мистер Уортон! — закричал он скрипучим, как несмазанная дверь, голосом.

На этот призыв с кормы появился худощавый офицер. Ноги у него были согнуты, и шёл он спотыкаясь.

- Что вам угодно, сэр?
- Я открыл запечатанный приказ, мистер Уортон.

Худое лицо старшего лейтенанта озарилось любопытством. Дело в том, что «Леда» и «Дидона», другой такой же фрегат, вышли неделю тому назад с Антигуа с приказом, им неизвестным, который заключался в запечатанном конверте.

Капитан произнёс:

— Конверт мы должны были распечатать у берегов необитаемого острова Сомбриеро, лежащего на восемнадцатом градусе северной широты и тридцать шестом градусе западной долготы. Сомбриеро лежит в четырёх милях к северо-востоку отсюда. Мы миновали его во время бури, мистер Уортон.

Лейтенант сделал официальный поклон в знак согласия. Он и капитан были друзьями детства. Вместе они ходили в школу, вместе поступили на службу во флот, вместе сражались и даже породнились между собой, женившись на родственницах. Но эти дружеские отношения забывались ими сразу же, как только они вступали на борт корабля. Место дружбы заступала железная дисциплина, и вместо родственников являлись только начальник и подчинённый. Капитан Джонсон вынул из кармана лист голубой бумаги, развернул его и прочитал:

«Предписываю двум тридцатидвухпушечным фрегатам «Леда» и «Дидона», состоящим под командою капитинов Э.П.Джонсона и Джеймса Мунро, итти немедленно в Карибское море и разыскать там французский фрегат «La Gloire», затопивший в последнее время несколько наших купеческих судов. Фрегатам Его Королевского Величества предписывается также изловить или затопить пиратское судно, известное под именами «Весёлой Салли» или «Лохматого Гудсона». Эти пираты грабили неоднократно британские суда, предавая мучительной смерти их команды. «Весёлая Салли» представляет собой небольшой бриг с десятью лёгкими орудиями и одной двадцатичетырёхфунтовой карронадой в передней части корабля. Последний раз «Весёлую Салли» видели недалеко от острова Сомбриеро. Подписано: контр-адмирал Джеймс Монтгомери, на корабле Его

 $^{^*}$ Читается: — «Ла-Глуар» — «Слава» (франц.) (П.Г.)

^{**} Карронадой называлось орудие, представляющее нечто вроде морской мортиры: короткая пушка с нешироким дулом. Изобретатель её — шотландец Каррон. (Π . Γ .)

Королевского Величества «Колосс», Антигуа».

Капитан Джонсон спрятал приказ в карман, взглянул в подзорную трубу и произнёс:

— А спутник-то наш пропал. «Дидона» ушла вперёд как раз тогда, когда нас застигла буря. Неприятно, если мы встретимся с французами без «Дидоны». Не правда ли, мистер Уортон?

Лейтенант весело улыбнулся.

— Чего вы смеётесь? Французский корабль вооружён восемнадцатифунтовыми и двенадцатифунтовыми пушками. По водоизмещению он превосходит наш корабль почти вдвое, а капитан его — один из лучших людей во всём французском флоте. Кто не знает капитана Милона?

А затем, как бы устыдившись своей боязливости, он повернулся на пятках спиною к лейтенанту и воскликнул:

— А всё-таки, чорт возьми, я с удовольствием схвачусь с этим Милоном на абордаж!

И сурово глянув через плечо на лейтенанта, капитан скомандовал:

— Мистер Уортон, прикажите замедлить ход и направить фрегат к западу.

С мачты раздался голос сторожевого матроса.

— Бриг на горизонте!

Маленький капитан направился к парапету и навёл на горизонт подзорную трубу. Худой лейтенант приблизился к своему помощнику Смитону и шёпотом начал с ним совещаться. Из каюты высыпали офицеры и матросы и, прикрыв глаза от солнца руками, стали всматриваться влаль.

Бриг, замеченный матросом, стоял на якоре у устья извилистой бухты. Было совершенно очевидно, что это судно не может выйти в море, не попав под страшные пушки фрегата.

— Судно это мы не упустим, мистер Уортон, — сказал капитан. — Весьма вероятно, что это и не пираты, мистер Смитон, но на всякий случай, пусть люди идут к орудиям. Прикажите также приготовить лодки.

Британские матросы в те времена были привычны к войне и исполняли свои обязанности даже в самые опасные минуты совершенно спокойно. Прошло немного времени, как все люди находились уже на своих местах, готовые к бою. Фрегат быстро мчался на свою маленькую жертву.

- Это «Весёлая Салли», сэр?
- В этом нет никакого сомнения, мистер Уортон.
- Им, по-видимому, не нравится наше приближение. Глядите, они обрубили якорь и хлопочут над парусами.

Было совершенно очевидно, что бриг собирался спасаться бегством. На мачтах взлетели один за другим паруса, команда работала на снастях как безумная. Бриг, по-видимому, отказался от попытки проскользнуть мимо противника и решился удрать ближе к берегу.

- Видите, мистер Уортон, они стараются уйти в мелкую воду и, стало быть, мы их запрём в бухте. Правда, это маленький бриг, но я считал пиратов гораздо смелее и умнее. Разбойники поступили б разумнее, попытайся они проскользнуть мимо нас и уйти в открытое море.
  - Куда им, этим бунтовщикам!
  - Бунтовщикам?
- Да, сэр! Я слышал об этом в Маниле. Скверное было дело, сэр. Команда убила капитана и двух офицеров. Мятежом руководил этот самый Гудсон. Они его называют «Лохматым Гудсоном». Родом он из Лондона, и такого жестокого негодяя свет не видывал.
- Ну, так знайте, мистер Уортон, что этот Гудсон скоро отправится на виселицу. Повидимому, на бриге много людей. Мне хотелось бы спасти из команды человек двадцать, но, пожалуй, не стоит. Эти мерзавцы способны развратить самого порядочного матроса.

Оба офицера стояли и глядели на бриг в подзорные трубы. Вдруг лейтенант улыбнулся, а капитан покраснел, видимо рассердившись.

- Вы видите, сэр, того человека, который стоит на палубе и показывает нам нос. Это и есть лохматый Гудсон.
- Подлый, наглый негодяй! Вот я ему покажу, как со мною шутить! Мистер Смитон, нельзя ли достать бриг восемнадцатифунтовым орудием?

— Надо пройти ещё один кабельтов, сэр, тогда мы его достанем.

В то время, пока Смитон отвечал, с брига раздался выстрел. Выстрел этот был сущей бравадой, ибо маленькие орудия брига не могли достать фрегата. А затем, маленькое судно стало под паруса и начало быстро улепётывать по извилистому каналу в глубь бухты.

- Вода быстро уменьшается, сэр, сказал второй лейтенант.
- Но, ведь здесь по карте должно быть шесть саженей глубины?
- Только четыре, сэр.
- Ну, ладно, как-нибудь пройдём. Ага! так и есть! Мистер Уортон, наводите орудия, теперь бриг в нашей власти.

Моря теперь уже почти не было видно, ибо фрегат вошёл в узкий, напоминающий речку канал, ведущий в бухту. Бухта теперь была видна, и берег находился не далее мили. В самом углу бухты стоял, приблизившись насколько возможно к берегу, бриг. Он стоял, поворотившись боком к противнику, а на его бизань-мачте развевался кусок чёрной материи. Худощавый лейтенант, успевший тем временем сходить к себе в каюту, вернулся снова на палубу. Он был вооружён. На левом боку у него болтался кортик, а у пояса торчали два пистолета. Лейтенант с любопытством взглянул на развевающийся кусок чёрной материи и произнёс:

- Какая дерзость, сэр! Они подняли пиратский флаг.

Капитан был в бешенстве.

- Пусть они повесят хоть свои панталоны, закричал он, я всё равно расправлюсь с ними! Сколько вам понадобится лодок, мистер Уортон?
  - Я думаю, что двух больших будет достаточно.
- Берите четыре, но сделайте дело как следует. Режьте их всех до последнего, а я тем временем должным образом обработаю бриг восемнадцатифунтовыми орудиями.

Раздалось шуршанье канатов, скрип блоков, и четыре лодки шлёпнулись в воду. В лодках кишмя кишела команда — босоногие матросы, здоровенные корабельные солдаты, смеющиеся мичманы. Во главе их виднелись старшие офицеры, напоминавшие своими строгими лицами школьных учителей. Капитан, опершись на парапет локтями, глядел на бриг. Команда его готовилась к защите. На палубу тащили орудия, убирали паруса, пробивали новые отверстия для пушек, вообще говоря, пираты готовились к отчаянному сопротивлению. Командовал ими суетившийся по палубе великан в красном колпаке. Лицо его всё заросло волосами, виднелись одни только глаза. Капитан следил за ним с кислой улыбкой, а затем вдруг повернулся назад и снова взглянул в подзорную трубу. С минуту он глядел вдаль, а затем вдруг закричал своим тонким, скрипучим голосом:

— Лодки назад! Мистер Смитон, готовьте кормовые орудия! подбирай снасти! Готовься к бою!

Из-за дамбы канала, прямо на «Леду», шёл корабль-великан. На фоне зелёных пальм, растущих на берегу, отчётливо обрисовывалась его выкрашенная в жёлтый цвет носовая часть, на которой была изображена белая голова с крыльями. На палубе возвышались три громадные мачты и на одной из них гордо развевался трёхцветный флаг. Корабль быстро шёл вперёд, тёмно-голубая вода пенилась вокруг него. Палуба вся была усеяна людьми, снасти были подобраны, отверстия для пушек приподняты и из них выглядывали дула орудий, готовые заговорить в любую минуту.

Французские лазутчики, скрывающиеся на острове, видели, что английский фрегат вошёл в тупик, из которого нет выхода, и дали знать об этом капитану «La Gloire». И вот капитан Милон решил поступить с «Ледой» так же, как капитан Джонсон собирался обойтись с «Весёлой Салли».

Но в этот критический момент во всём блеске сказалась великолепная дисциплина британских моряков. Лодки быстро вернулись назад и через несколько минут фрегат уже был приведён в боевую готовность. Артиллеристы стояли у орудий, а солдаты выглядывали за парапет, рассматривая величественный французский корабль.

«Леда» описала полукруг и двинулась назад. Французы сделали то же. Ветер был очень слабый, на голубой поверхности воды виднелась едва заметная рябь. Противники шли теперь к открытому морю. Цель французов была дойти до устья канала, запереть собою выход из него и расстрелять беззащитную «Леду». Корабли отделяло расстояние в сто ярдов, и

англичане ясно слышали движение на палубе французского корабля.

- Скверное положение, мистер Уортон, сказал капитан.
- Ничего, сэр, бывает и похуже.
- Мы должны держаться на том же расстоянии и рассчитывать на наши пушки. Людей у них очень много, и если им удастся нас атаковать сбоку, мы очутимся в очень неприятном положении.
  - Я вижу солдатские мундиры у них на палубе.
- Да. Это две пехотные роты из Мартиники. Ну, теперь, кажется, они у нас под прицелом! Прибавьте парусов, и когда мы будем проходить мимо носовой части, стреляйте из всех орудий.

И, действительно, в эту минуту подул небольшой ветерок и сообразительный капитан решил этим воспользоваться. Подняв паруса, он бросился наперерез большому французу и атаковал его из всех орудий. Но ветер упал, и «Леда» должна была возвратиться назад. Маневрируя, она попала как раз под боковой огонь французского корабля.

Залп грянул, и маленький, красивый фрегат весь задрожал под этими выстрелами. Можно было подумать, что фрегат погибнет. Но нет, матросы засуетились, подняли запасные паруса и фрегат снова атаковал французов. Но Милон не дал перерезать себе путь и сделал соответствующий манёвр. Теперь оба корабля шли рядом, на расстоянии пистолетного выстрела, стреляя друг в друга из всех боковых орудий. Это была одна из тех убийственных дуэлей, одно воспоминание о которой заливает летопись нашего флота целыми потоками крови.

Стояла тихая, безветренная погода, и поэтому оба корабля сразу же окутались густым чёрным дымом. Виднелись только верхушки мачт. Противники уже не могли видеть друг друга. Они были погружены во тьму, которая освещалась заревом огня. Даже пушки заряжали в той же туманной атмосфере. На корме и передней башенке стояли морские солдаты в своих красных мундирах. Они исправно заряжали винтовки и стреляли в направлении неприятеля, но и им, подобно артиллеристам, не было видно тех, в кого они стреляли. Да и как можно видеть ущерб у неприятеля, когда не видишь ущерба, который сам терпишь?

Тьма, в самом деле, была так непроницаема, что артиллерист, стоя у орудия, не мог видеть, что делается около соседней пушки. Рёв орудий перемешивался с резким треском ружейных выстрелов. Слышался гром разрушающихся деревянных частей, на палубу с грохотом падали обломки мачт. Офицеры ходили взад и вперёд ободряя артиллеристов. Капитан Джонсон старался разглядеть, что делается на неприятельском корабле, и сняв треугольную шляпу, разгонял перед собой дым. Увидев Уортона, проходившего мимо, он весело воскликнул:

- Весёлое дельце, Боб! а затем, вспомнив о дисциплине, более сдержанным тоном добавил: Каковы наши потери, мистер Уортон?
  - Сломана главная рея и гаффель.
  - А где наш флаг?
  - Сорван выстрелом и упал в море.
- Французы подумают, что мы сдаёмся. Возьмите флаг с командирской лодки и поднимите его на бизань-мачту.
  - Слушаюсь, сэр.

Как раз между капитаном и лейтенантом упал снаряд и разрушил ящик, на котором был установлен компас. Дым на несколько мгновений рассеялся, и капитан мог убедиться, что тяжёлые орудия французов причиняют фрегату страшный ущерб. От «Леды» остались только обломки. Палуба была усеяна трупами, отверстия для орудий разрушены. Одна восемнадцатифунтовая пушка была опрокинута. Солдаты на корабле и башне продолжали стрелять, но половина орудий уже была приведена к молчанию. Около этих умолкших орудий лежали груды мёртвых тел.

- Готовьтесь отражать абордаж! крикнул капитан.
- Вынимай кортики, ребята! скомандовал Уортон.

Командующий солдатами капитан приказал:

— Прекратить стрельбу! Дать залп, когда враг станет всходить на палубу.

Из мглы стал вырисовываться громадный корпус французского корабля. Он быстро

приближался к побеждённой «Леде», у борта звякали громадные абордажные крюки. Приблизившись на совсем близкое расстояние, «La Gloire» дала последний залп из всех орудий. Этим залпом была сбита главная мачта «Леды». Завертевшись в воздухе, мачта грохнулась на палубу, прямо на пушки, причём убила десять человек и привела в негодность целую батарею.

Ещё мгновение, и корпус французского корабля ударился о корпус «Леды». Несколько гигантских крючьев вцепились в палубу английского фрегата. Несметные колонны французов, заполнившие палубу, дико кричали, готовясь ринуться на врагов. Но им не было суждено взойти на залитую кровью палубу английского фрегата. Откуда-то, совсем близко, загремел хорошо направленный орудийный залп, затем другой, третий...

Английские моряки, стоявшие молчаливо около орудий с обнажёнными кортиками и ожидавшие натиска врагов, с удивлением наблюдали, как чёрные массы французов стали быстро таять.

Ещё момент — и расположенные на противоположном борту французского корабля пушки грянули ответным залпом.

- В какого чорта они стреляют? крикнул капитан. Очищайте палубу.
- Готовь орудия! скомандовал лейтенант. Ну, ребята, теперь они в наших руках.

Обломки были убраны, и уцелевшие пушки заговорили снова. Французский якорь был перебит, и «Леде» удалось освободиться от роковых объятий врага. На палубе французского корабля началась паника. Люди падали массами, и вдруг... «La Gloire» стала быстро удаляться.

— Они бегут! Бегут! — закричали англичане.

И действительно, французский корабль прекратил стрельбу и усердно работал уцелевшими парусами. Кто же победил французов? «Леда»? Нет.

Пороховой дым рассеялся, и причины, приведшие к такому странному и неожиданному окончанию боя, разъяснились. «Леда» находилась у самого устья канала, ведущего в бухту. Сюда оба корабля незаметно приблизились во время сражения.

В море, милях в четырёх, был виден другой отставший фрегат «Дидона», который стремительно, под всеми парусами, преследовал улепётывавшего на север француза. Орудия «Дидоны» гремели. Оба корабля скоро исчезли из виду.

Но сама «Леда» оказалась в плачевном состоянии. Главная мачта была сбита, не было также бизань-мачты и гаффеля. Паруса напоминали лохмотья нищего. Сто человек команды были убиты.

А рядом с кораблём в воде плавали обломки какого-то другого судна. Вот из волн высунулась носовая часть. Она была выкрашена в чёрный цвет, и на ней виднелись белые буквы:

ВЕСЁЛАЯ САЛЛИ

— Боже мой! — воскликнул Уортон. — Это пиратский бриг спас нас! Гудсон подкрался к французам и открыл по ним канонаду. Залп французских орудий уничтожил бриг.

Маленький капитан повернулся кругом и молча зашагал взад и вперёд по палубе. Матросы усердно работали, чиня повреждения.

Капитан снова приблизился к лейтенанту, и последний заметил, что суровое лицо его начальника смягчилось и приняло теперь растроганное выражение.

- Они все погибли, по-видимому? спросил он.
- Все. Команда пошла ко дну вместе с бригом.

И оба офицера вперили глаза в обломки, на которых красовалось зловещее название. Между изломанным гаффелем и кучей перепутанных снастей виднелось что-то чёрное. Это был пиратский флаг, а рядом с ним плавал красный колпак погибшего атамана.

Капитан долго глядел на этот колпак и наконец воскликнул:

— Он был негодяй, но в нём был жив британец! Жил, как собака, а умер, как человек. Клянусь Богом, он умер, как человек!

1900 z.

(перевод Павла Гелевы)

ЛАКИРОВАННАЯ ШКАТУЛКА

— Презанятная произошла со мной история, — начал свой рассказ репетитор, — одна из тех странных и фантастических историй, которые приключаются порой с нами в жизни. В результате я потерял, может быть, лучшее место, которое когда-либо имел или буду иметь. Но всё же я рад, что в качестве частного учителя поехал в замок Торп, так как приобрёл — впрочем, что именно я приобрёл, вы узнаете из моего рассказа.

Не знаю, знакомы ли вы с той частью центральных графств Англии, которая омывается водами Эйвона. Она — самая английская во всей Англии. Недаром же здесь родился Шекспир, воплотивший английский гений. Это край холмистых пастбищ; на западе холмы становятся выше, образуя Молвернскую гряду. Городов в этих местах нет, но деревни многочисленны, и в каждой возвышается серая каменная церковь норманнской архитектуры. Кирпич, этот строительный материал южных и восточных графств, остался позади, и вы всюду видите камены: каменные стены, каменные плиты крыш, покрытые лишайником. Все строения здесь строги, прочны и массивны, как и должно быть в сердце великой нации.

В центре этого края, неподалёку от Ивешема, и стоял старинный замок Торп — родовое гнездо сэра Джона Болламора, двух малолетних сыновей которого я должен был обучать. Сэр Джон был вдовцом, три года назад он похоронил жену и остался с тремя детьми на руках. Мальчикам было теперь одному восемь, другому десять лет, а дочурке семь. Воспитательницей при той девочке состояла мисс Уизертон, которая стала впоследствии моей женой. Я же был учителем обоих мальчиков. Можно ли вообразить себе более очевидную прелюдию к браку? Сейчас она воспитывает меня, а я учу двух наших собственных мальчуганов. Но вот вы уже и узнали, что именно я приобрёл в замке Торп!

Замок и впрямь был очень древний, невероятно древний, частично ещё донорманнской постройки, поскольку Болламоры, как утверждают, жили на этом месте задолго до завоевания Англии норманнами. Поначалу замок произвёл на меня тягостное впечатление: эти толстенные серые стены, грубые крошащиеся камни кладки, запах гнили, похожий на смрадное дыхание больного животного, источаемый штукатуркой обветшалого здания. Но крыло современной постройки радовало глаз, а сад имел ухоженный вид. Да и разве может казаться унылым дом, в котором живёт хорошенькая девушка и перед которым пышно цветут розы?

Если не считать многочисленной прислуги, нас, домочадцев, было всего четверо: мисс Уизертон, тогда двадцатичетырёхлетняя и такая же хорошенькая, как миссис Колмор сейчас, ваш покорный слуга Фрэнк Колмор — в ту пору мне было тридцать, экономка миссис Стивенс — сухая, молчаливая особа, и мистер Ричардс — рослый мужчина с военной выправкой, исполнявший обязанности управляющего имением Болламора. Мы четверо всегда завтракали, обедали и ужинали вместе, а сэр Джон обыкновенно ел один в библиотеке. Иногда он присоединялся к нам за обедом, но, в общем-то, мы не страдали от его отсутствия.

Одна грозная внешность этого человека способна была привести в трепет. Представьте себе мужчину шести футов и трёх дюймов роста, могучего телосложения, с проседью в волосах и лицом аристократа: крупный породистый нос, косматые брови, мефистофельская бородка клином и такие глубокие морщины на лбу и вокруг глаз, словно их вырезали перочинным ножом. У него были серые глаза, усталые глаза отчаявшегося человека, гордые и вместе с тем внушающие жалость. Они вызывали жалость, но в то же время как бы предупреждали: только попробуйте проявить её! Спина его сутулилась от долгих учёных занятий, в остальном же он был очень даже хорош собой для своего пятидесятипятилетнего возраста и сохранял мужскую привлекательность.

Но холодом веяло в его присутствии. Неизменно учтивый, неизменно изысканный в обращении, он был чрезвычайно молчалив и замкнут. Мне никогда не приходилось так долго прожить бок о бок с человеком и так мало узнать о нём. Дома он проводил время либо в своём собственном маленьком рабочем кабинете в восточной башне, либо в библиотеке в современном крыле. Распорядок его занятий отличался такой регулярностью, что в любой час можно было с точностью сказать, где он находится. Дважды в течение дня он уединялся у себя в кабинете, в первый раз — сразу после завтрака, во второй — часов в десять вечера. По

звуку захлопнувшейся за ним тяжёлой двери можно было ставить часы. Остальное время он проводил в библиотеке, делая среди дня перерыв на час-другой, для пешей или конной прогулки, такой же уединённой, как и всё его существование. Он любил своих детей и живо интересовался их успехами в учёбе, но они немного побаивались этого молчальника с нависшими лохматыми бровями и старались не попадаться ему на глаза. Да и все мы поступали так же.

Прошло немало времени, прежде чем мне стало хоть что-то известно об обстоятельствах жизни сэра Джона Болламора, так как экономка миссис Стивенс и управляющий имением мистер Ричардс из чувства лояльности по отношению к своему хозяину не болтали о его личных делах. Что касается гувернантки, то она знала не больше моего, и любопытство, которое разбирало нас обоих, способствовало в числе прочих причин нашему сближению. Однако в конце концов произошёл случай, благодаря которому я ближе познакомился с мистером Ричардсом и узнал от него кое-что о прошлой жизни человека, на чьей службе я состоял.

А случилось вот что: Перси, младший из моих учеников, свалился в запруду прямо перед мельничным колесом, и чтобы спасти его, я должен был, рискуя собственной жизнью, нырнуть следом. Насквозь промокший и в полном изнеможении (потому что я ещё больше выбился из сил, чем спасённый мальчуган), я пробирался в свою комнату, как вдруг сэр Джон, услышавший возбуждённые голоса, открыл дверь своего маленького кабинета и спросил меня, что случилось. Я рассказал ему о том, что произошло, заверив его, что теперь его мальчику никакая опасность не угрожает. Он выслушал меня с нахмуренным неподвижным лицом, и только напряжённый взгляд да плотно сжатые губы выдавали все эмоции, которые он пытался скрыть.

— Постойте, не уходите! Зайдите сюда! Я хочу знать все подробности! — проговорил он, поворачиваясь и открывая дверь.

Вот так я очутился в его маленьком рабочем кабинете, в этом уединённом убежище, порог которого, как я узнал впоследствии, в течение трёх лет никто не переступал, и только служанка приходила сюда прибраться. Это была круглая комната (ибо располагалась она внутри круглой башни) с низким потолком, одним-единственным узким оконцем, увитым плющом, и самой простой обстановкой. Старый ковёр, один стул, стол из сосновых досок да полочка с книгами — вот и всё, что там было. На столе стояла фотография женщины, снятой во весь рост. Черты её лица мне не запомнились, но я сохранил в памяти общее впечатление доброты и мягкости. Рядом с фотографией стояла большая чёрная лакированная шкатулка и лежали две связки писем или бумаг, перетянутые тесёмкой.

Наша беседа была недолгой, так как сэр Джон Болламор заметил, что я до нитки вымок и должен немедленно переодеться. Однако после того эпизода Ричардс, управляющий, поведал мне немало интересного. Сам он никогда не был в комнате, в которой я оказался по воле случая, и в тот же день он, сгорая от любопытства, подошёл ко мне и завёл разговор, который мы и продолжили, прогуливаясь по дорожке сада, в то время как мои подопечные играли поодаль в теннис на площадке.

- Вы даже не представляете, какое для вас было сделано исключение, сказал он. Эта комната окружена такой тайной, а сэр Джон посещает её так регулярно и с таким постоянством, что она вызывает у всех в доме почти суеверное чувство. Уверяю вас, если бы я пересказал вам все слухи, которые ходят о ней, все россказни слуг о тайных визитах в неё да о голосах, что оттуда доносятся, вы могли бы заподозрить, что сэр Джон взялся за старое.
  - Взялся за старое? А что это значит? спросил я.

Он удивлённо посмотрел на меня.

- Невероятно! Неужели вы ничего не знаете о прошлой жизни сэра Джона Болламора?
- Ровным счётом ничего.
- Вы меня удивляете. Я думал, в Англии нет человека, который бы не знал о его прошлом. Мне не следует распространяться об этом, но теперь вы тут свой человек, и лучше уж вы узнаете факты его биографии от меня, пока они не дошло до ваших ушей в более грубой и неприглядной форме. Подумать только, а я-то уверен был, что вы знаете, кто вас нанял на службу. «Дьявол Болламор»!
  - Но почему «Дьявол»? спросил я.

— А, вы ведь молоды, время же идёт так быстро! Однако двадцать лет назад имя «Дьявол Болламор» гремело по всему Лондону. Он был предводителем компании самых отпетых беспутников, боксёром, лошадником, игроком, кутилой, одним словом, прожигателем жизни в духе наших предков, да почище любого из них.

Я уставился на него в полном изумлении.

- Как?! воскликнул я. Этот тихий, погружённый в книги человек с грустным лицом?
- Величайший гуляка и распутник в Англии! Только между нами, Колмор. Но вы понимаете теперь, что женский голос у него в комнате и сейчас может навести на подозрения?
  - Но что могло его так изменить?
- Любовь маленькой Берил Клэйр, рискнувшей выйти за него замуж. Это стало для него переломом. Он зашёл в своём пристрастии к вину так далеко, что с ним перестала знаться его же собственная компания. Ведь одно дело кутила и совсем другое пьяница. Все эти повесы пьянствуют, но не терпят в своей среде пьяниц. Он же стал рабом привычки, беспомощным и безнадёжным. Вот тут-то в его жизнь и вошла она. Разглядев в этом пропащем человеке то хорошее, что в нём таилось, и поверив в его способность исправиться, она решилась пойти за него замуж, хотя это было рискованное решение, и посвятила всю свою жизнь тому, чтобы помочь ему вновь обрести мужество и достоинство. Вы, наверное, обратили внимание на то, что в доме нет никаких спиртных напитков? Так повелось с того дня, когда она впервые появилась здесь. Ведь для него даже сейчас выпить каплю спиртного это всё равно что тигру отведать крови.
  - Значит, её влияние удерживает его до сих пор?
- Вот это-то самое удивительное! Когда она умерла три года тому назад, все мы боялись, что он снова запьёт. Она и сама боялась, что он может сорваться после её смерти: ведь она была настоящим его ангелом-хранителем и посвятила этому жизнь. Между прочим, заметили вы у него в комнате чёрную лакированную шкатулку?
  - Да.
- По-моему, он хранит в ней её письма. Не было случая, чтобы он, уезжая, пусть даже на одни сутки, не взял свою чёрную лакированную шкатулку с собой. Вот так-то, Колмор. Может быть, я рассказал вам больше того, чем следовало, но я рассчитываю на взаимность: поделитесь со мной, если узнаете что-нибудь интересное.

Я, конечно, понимал, что этот достойный человек сгорает от любопытства и чуть-чуть уязвлён тем, что я, новичок здесь, первым попал в святая святых, в недоступную комнату. Но сам этот факт поднял меня в его глазах, и с тех пор в наших отношениях появилось больше доверительности.

Отныне молчаливая и величественная фигура моего работодателя заинтересовала меня ещё сильней. Мне стали понятны и удивительно человеческое выражение его глаз, и глубокие морщины, избороздившие его измождённое лицо. Он был обречён вести нескончаемую борьбу, с утра до ночи держать на почтительном расстоянии страшного врага, который всегда был готов наброситься на него, врага, который погубил бы и душу его, и тело, если бы только смог снова вонзить в него свои когти. Глядя на суровую сутулую фигуру, идущую коридором или прогуливающуюся в саду, я ощущал эту нависшую над ним грозную опасность так явственно, как если бы она приняла телесную форму. Мне казалось, я почти вижу этого наипрезреннейшего и наиопаснейшего из врагов рода человеческого — вот он припал к земле перед прыжком совсем близко, в тени этой фигуры, как наполовину укрощённый зверь, что крадётся рядом со своим хозяином, готовый при малейшей его неосторожности вцепиться ему в горло. А умершая женщина, та женщина, которая до последнего своего вздоха отвращала от него эту опасность, тоже обрела облик в моём воображении: она представлялась моему мысленному взору смутным, но прекрасным видением. Её ограждающе поднятые руки как бы отводили опасность от мужчины, которого она беззаветно любила.

Каким-то тонким, интуитивным образом он почувствовал моё сочувствие и на свой собственный молчаливый лад показал, что ценит его. Однажды он даже пригласил меня пойти вместе с ним на прогулку, и хотя за всё время прогулки мы не перемолвились с ним ни единым словом, это было с его стороны знаком доверия, которое раньше он никому не оказывал. Кроме того, он попросил меня составить каталог его библиотеки (одной из лучших

частных библиотек в Англии), и я проводил долгие вечерние часы в его присутствии, если не сказать в его обществе: он читал, сидя за своим рабочим столом, а я, пристроившись в нише у окна, потихоньку наводил порядок в книжном хаосе. Несмотря на то, что между нами установились более близкие отношения, я ни разу больше не был удостоен приглашения в комнату в башне.

А затем мои чувства к нему резко изменились. Один-единственный случай всё перевернул: моя симпатия к нему сменилась отвращением. Я понял, что он остался таким, каким был всегда, и приобрёл ещё один порок — лицемерие. Произошло же вот что.

Однажды вечером мисс Уизертон отправилась в соседнюю деревню, куда её пригласили спеть на благотворительном концерте, а я, как обещал, зашёл за ней, чтобы проводить её обратно. Извилистая тропинка огибает восточную башню, и, когда мы проходили мимо, я заметил, что в круглой комнате горит свет. Был тёплый летний вечер, и окно прямо над нашими головами было открыто. Занятые своей беседой, мы остановились на лужайке возле старой башни, как вдруг случилось нечто такое, что прервало нашу беседу и заставило нас забыть, о чём мы говорили.

Мы услышали голос — голос, безусловно, женский. Он звучал тихо — так тихо, что мы расслышали его только благодаря царившему вокруг безмолвию и неподвижности вечернего воздуха, но, пусть приглушённый, он вне всякого сомнения, имел женский тембр. Женщина торопливо, судорожно глотая воздух, произнесла несколько фраз и смолкла. Говорила она жалобным, задыхающимся, умоляющим голосом. С минуту мы с мисс Уизертон стояли молча, глядя друг на друга. Затем быстро направились ко входу в дом.

- Голос доносился из окна, сказал я.
- Не будем вести себя так, точно мы нарочно подслушивали, ответила она. Мы должны забыть про это.
  - В том, как она это сказала, не было удивления, что навело меня на новую мысль.
  - Вы слышали этот голос раньше! воскликнул я.
- Я ничего не могла поделать. Ведь моя комната находится выше в той же башне. Это бывает часто.
  - Кто бы могла быть эта женщина?
  - Понятия не имею. И предпочла бы не вдаваться в обсуждение.

Тон, каким она это сказала, достаточно красноречиво поведал мне о том, что она думает. Но если допустить, что хозяин дома вёл двойную и сомнительную жизнь, то кто же тогда эта таинственная женщина, которая бывала у него в старой башне? Ведь я собственными глазами видел, как уныла и гола та комната. Она явно не жила там. Но откуда она в таком случае приходила? Это не могла быть одна из служанок: все они находились под бдительным присмотром миссис Стивенс. Посетительница, несомненно, являлась снаружи. Но каким образом?

И тут мне вдруг вспомнилось, что здание это построено в незапамятные времена и, вполне возможно, имеет какой-нибудь средневековый потайной ход. Ведь чуть ли не в каждом старом замке был подземный ход наружу. Таинственная комната находится в основании башни, и в подземный ход, если только он существует, можно спуститься через люк в полу. А вблизи — многочисленные коттеджи. Другой выход из потайного хода, возможно, находится где-нибудь в зарослях куманики в соседней рощице. Я не сказал никому ни слова, но почувствовал себя обладателем тайны этого человека.

И чем больше я в этом убеждался, тем сильнее поражался искусству, с каким он скрывал свою подлинную сущность. Глядя на его суровую фигуру, я часто задавался вопросом: неужто и впрямь возможно, чтобы такой человек вёл двойную жизнь? И тогда я старался внушить себе, что мои подозрения, возможно, в конце концов окажутся беспочвенными. Но как быть с женским голосом, как быть с тайными ночными свиданиями в башенной комнате? Разве поддаются эти факты такому объяснению, при котором он выглядел бы невинным? Человек этот стал внушать мне ужас. Я преисполнился отвращения к его глубоко укоренившемуся, въевшемуся в плоть и кровь лицемерию.

Только раз за все те долгие месяцы я видел его без этой грустной, но бесстрастной маски, которую он носил на людях. На какой-то миг я стал невольным свидетелем того, как вырвалось наружу вулканическое пламя, которое он так долго сдерживал. Взорвался он по

совершенно ничтожному поводу; достаточно сказать, что гнев его обрушился на старую служанку, которой, как я уже говорил, одной разрешалось входить в загадочную комнату. Я шёл коридором, ведущим к башне (так как моя собственная комната тоже находилась в той стороне здания), когда до моих ушей внезапно долетел испуганный вскрик и одновременно — хриплый нечленораздельный рёв взбешённого мужчины, похожий на рык разъярённого дикого зверя. Затем я услышал его голос, дрожащий от гнева.

— Как вы посмели! — кричал он. — Как вы посмели нарушить мой запрет!

Через мгновение по коридору почти пробежала мимо меня служанка, бледная и трепещущая, а грозный голос гремел ей вдогонку:

— Возьмите у миссис Стивенс расчёт! И чтобы ноги вашей не было в Торпе!

Снедаемый любопытством, я не мог не последовать за несчастной женщиной и нашёл её за поворотом коридора: она прислонилась к стене, вся дрожа, как испуганный кролик:

- Что случилось, миссис Браун? спросил я.
- Хозяин! задыхаясь, вымолвила она. О, как же он меня напугал! Видели бы вы его глаза, мистер Колмор. Сэр, я думала, пришёл мой смертный час.
  - Но что же вы такое сделали?
- Да ничего, сэр! По крайней мере, ничего такого, чтобы навлечь на себя его гнев. Только и всего, что взяла в руки эту его чёрную шкатулку, даже и не открыла её, как вдруг входит он вы и сами слышали, как его разобрало. Мне отказали от места, а я и сама рада: теперь я близко подойти-то к нему никогда бы не осмелилась.

Вот, значит, из-за чего он вспылил, из-за лакированной шкатулки, с которой никогда не расставался. Интересно, была ли какая-нибудь связь между нею и тайными визитами дамы, чей голос я слышал, и если да, то какая? Сэр Джон Болламор был не только яростен в гневе, но и не отходчив: с того самого дня миссис Браун, служанка, убиравшаяся в его кабинете, навсегда исчезла с нашего горизонта, и больше о ней в замке Торп не слыхали.

А теперь я расскажу вам о том, как я по чистой случайности получил ответы на все эти странные вопросы и проник в тайну хозяина дома. Возможно, мой рассказ заронит в вашей душе сомнение: не заглушило ли моё любопытство голос чести и не опустился ли я до роли соглядатая? Если вы подумаете так, я ничего не смогу поделать, но только позвольте заверить вас: всё было в точности так, как я описываю, какой бы неправдоподобной ни казалась эта история.

Началось с того, что незадолго до развязки комната в башне стала непригодной для жилья. Обвалилась источенная червями дубовая потолочная балка. Давно прогнившая, она в одно прекрасное утро переломилась пополам и рухнула на пол в лавине штукатурки. К счастью, сэра Джона в тот момент в комнате не было. Его драгоценная шкатулка была извлечена из-под обломков и перенесена в библиотеку, где и лежала с тех пор запертой в бюро. Сэр Джон не отдавал распоряжений отремонтировать комнату, и я не имел возможности поискать потайной ход, о существовании которого подозревал. Что касается той дамы, то я думал, что это событие положило конец её визитам, пока не услышал однажды вечером, как мистер Ричардс спросил у миссис Стивенс, с какой это женщиной разговаривал сэр Джон в библиотеке. Я не расслышал её ответ, но по всей её манере понял, что ей не впервой отвечать на этот вопрос (или уклоняться от ответа на него).

— Вы слышали этот голос, Колмор? — спросил управляющий.

Я признался, что слышал.

- А что вы об этом думаете?
- Я пожал плечами и заметил, что меня это не касается.
- Ну, ну, оставьте, вам это так же любопытно, как любому из нас. Вы думаете, это женщина?
  - Безусловно, женщина.
  - Из какой комнаты доносился голос?
  - Из башенной, до того, как там обвалился потолок.
- А вот я не позже, чем вчера вечером, слышал его из библиотеки. Я шёл к себе ложиться спать и, проходя мимо двери в библиотеку, услыхал стоны и мольбы так же явственно, как сейчас слышу вас. Может быть, это и женщина...
  - Как так «может быть»?

Мистер Ричардс выразительно посмотрел на меня.

- «Есть многое на свете, друг Горацио...» проговорил он. Если это женщина, то каким образом она туда попадает?
  - Не знаю.
- Вот и я не знаю. Но если это то самое... впрочем, в устах практичного делового человека, живущего в конце девятнадцатого века, это, наверно, звучит смешно. Он отвернулся, но по его виду я понял, что он высказал далеко не всё, что было у него на уме. Прямо у меня на глазах ко всем старым историям о призраках, посещающих замок Торп, добавлялась новая. Вполне возможно, что к этому времени она заняла прочное место среди ей подобных, так как разгадка тайны, известная мне, осталась неизвестной остальным.

А для меня всё объяснилось следующим образом. Меня мучила невралгия, и я, проведя ночь без сна, где-то около полудня принял большую дозу хлородина, чтобы заглушить боль. В ту пору я как раз заканчивал составление каталога библиотеки сэра Джона Болламора и регулярно работал в ней с пяти до семи вечера. В тот вечер меня валила с ног сонливость: сказывалось двойное действие бессонной ночи и наркотического лекарства. Как я уже говорил, в библиотеке имелась ниша, и здесь-то, в этой нише, я имел обыкновение трудиться. Я устроился для работы, но усталость одолела: я прилёг на канапе и забылся тяжёлым сном.

Не знаю, сколько я проспал, но, когда проснулся, было совсем тихо и темно. Одурманенный хлородином, я лежал неподвижно в полубессознательном состоянии. Неясно вырисовывались в темноте очертания просторной комнаты с высокими стенами, заставленными книгами. Из дальнего окна падал слабый лунный свет, и на этом более светлом фоне мне было видно, что сэр Джон Болламор сидит за своим рабочим столом. Его хорошо посаженная голова и чёткий профиль выделялись резким силуэтом на фоне мерцающего прямоугольника позади него. Вот он нагнулся, и я услышал звук поворачивающегося ключа и скрежет металла о металл. Словно во сне я смутно осознал, что перед ним стоит лакированная шкатулка и что он вынул из неё какой-то диковинный плоский предмет и положил его на стол перед собой. До моего замутнённого и оцепенелого сознания просто не доходило, что я нарушаю его уединение, так как он-то уверен, что находится в комнате один. Когда же наконец я с ужасом понял это и наполовину приподнялся, чтобы объявить о своём присутствии, раздалось резкое металлическое потрескивание, а затем я услышал голос.

Да, голос был женский, это не подлежало сомнению. Но такая в нём слышалась мольба, тоска и любовь, что мне не забыть его до гробовой доски. Голос этот пробивался через какойто странный далёкий звон, но каждое слово звучало отчётливо, хотя и тихо — очень тихо, потому что это были последние слова умирающей женщины.

«На самом деле я не ушла навсегда, Джон, — говорил слабый, прерывистый голос. — Я здесь, рядом с тобой, и всегда буду рядом, пока мы не встретимся вновь. Я умираю счастливо с мыслью о том, что утром и вечером ты будешь слышать мой голос. О, Джон, будь сильным, будь сильным вплоть до самой нашей встречи!»

Так вот, я уже приподнялся, чтобы объявить о своём присутствии, но не мог сделать этого, пока звучал голос. Единственное, что я мог, — это застыть, точно парализованный, полулёжа-полусидя, вслушиваясь в эти слова мольбы, произносимые далёким музыкальным голосом. А он — он был настолько поглощён, что вряд ли услышал бы меня, даже если бы я заговорил. Но как только голос смолк, зазвучали мои бессвязные извинения и оправдания. Он вскочил, включил электричество, и в ярком свете я увидел его таким, каким, наверное, видела его несколько недель назад несчастная служанка, — с гневно сверкающими глазами и искажённым лицом.

— Мистер Колмор! — воскликнул он. — Вы здесь?! Как это понимать, сударь?

Сбивчиво, запинаясь, я пустился в объяснения, рассказав и про свою невралгию, и про обезболивающий наркотик, и про свой злополучный сон, и про необыкновенное пробуждение. По мере того, как он слушал, гневное выражение сходило с его лица, на котором вновь застыла привычная печально-бесстрастная маска.

— Теперь, мистер Колмор, вам известна моя тайна, — заговорил он. — Виню я одного себя: не принял всех мер предосторожности. Нет ничего хуже недосказанности. А коль скоро вам известно так много, будет лучше, если вы узнаете всё. После моей смерти вы вольны пересказать эту историю, кому угодно, но пока я жив, ни одна душа не должна услышать её от

вас, полагаюсь на ваше чувство чести. Гордость не позволит мне смириться с той жалостью, какую я стал бы внушать людям, узнай они эту историю. Я с улыбкой переносил зависть и ненависть людей, но терпеть их жалость выше моих сил.

Вы видели, откуда исходит звук этого голоса — голоса, который, как я понимаю, возбуждает такое любопытство в моём доме. Мне известно, сколько всяких слухов о нём ходит. Все эти домыслы — и скандальные, и суеверные — я могу игнорировать и простить. Чего я никогда не прощу, так это вероломного подглядывания и подслушивания. Но в этом грехе, мистер Колмор, я считаю вас неповинным.

Когда я, сударь, был совсем молод, много моложе, чем вы сейчас, я с головой окунулся в светскую жизнь Лондона. Благодаря моему толстому кошельку у меня появилась масса мнимых друзей и дурных советчиков. Я жадно пил вино жизни, и если есть на свете человек, пивший его ещё более жадно, я ему не завидую. В результате пострадал мой кошелёк, пострадала моя репутация, пострадало моё здоровье. Я пристрастился к спиртному и не мог обходиться без него. Мне больно вспоминать, до чего я докатился. И вот тогда, в пору самого глубокого моего падения, в мою жизнь вошла самая нежная, самая кроткая душа, которую Господь Бог когда-либо посылал мужчине в качестве ангела-хранителя. Она полюбила меня, совсем пропащего, полюбила и посвятила свою жизнь тому, чтобы снова сделать человеком существо, опустившееся до уровня животного.

Но её сразила мучительная болезнь; она истаяла и умерла у меня на глазах. В часы предсмертной муки она думала не о себе, не о своих страданиях, не о своей смерти. Все её мысли были обо мне. Сильнее всякой боли её терзал страх, что после того, как её не станет, я, лишившись её поддержки, вернусь в прежнее животное состояние. Напрасно клялся я ей, что никогда не возьму в рот ни капли вина. Она слишком хорошо знала, какую власть имел надо мной этот дьявол, ведь она столько билась, чтобы ослабить его хватку. День и ночь ей не давала покоя мысль, что моя душа может снова оказаться в его когтях.

От какой-то из подруг, приходивших навестить и развлечь больную, она услышала об этом изобретении — фонографе — и с проницательной интуицией любящей женщины сразу поняла, как она могла бы воспользоваться им для собственных целей. Она послала меня в Лондон раздобыть самый лучший фонограф, какой только можно купить за деньги. На смертном одре она, едва дыша, сказала в него эти слова, которые с тех пор помогают мне не оступиться. Что ещё в целом свете могло бы удержать меня, одинокого и неприкаянного? Но этого мне достаточно. Бог даст, я без стыда посмотрю ей в глаза, когда Ему будет угодно воссоединить нас! Это и есть моя тайна, мистер Колмор, и я прошу вас хранить её, пока я жив.

1899 г.

(перевод В. Воронина)

НЕОБЫЧАЙНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В КАЙНПЛАТЦЕ*

Из всех наук, над коими бились умы сынов человеческих, ни одна не занимала учёного профессора фон Баумгартнера столь сильно, как та, что имеет дело с психологией и недостаточно изученными взаимоотношениями духа и материи. Прославленный анатом, глубокий знаток химии и один из первых европейских физиологов, он без сожаления оставил все эти науки и направил свои разносторонние познания на изучение души и таинственных духовных взаимосвязей.

Вначале, когда он, будучи ещё молодым человеком, пытался проникнуть в тайны месмеризма, мысль его, казалось, плутала в загадочном мире, где всё было хаос и тьма, и лишь иногда возникал немаловажный факт, но не связанный с другими и не находящий себе объяснения. Однако, по мере того, как шли годы и багаж знаний достойного профессора приумножался — ибо знание порождает знание, как деньги наращивают проценты, — многое из того, что прежде казалось странным и необъяснимым, начинало принимать в его глазах иную, более ясную форму. Мысль учёного потекла по новым путям, и он стал усматривать связующие звенья там, где когда-то было туманно и непостижимо. Более двадцати лет проделывая эксперимент за экспериментом, он накопил достаточно неоспоримых фактов, и у него возникла честолюбивая мечта создать на их основе новую точную науку, которая явилась бы синтезом месмеризма, спиритуализма и других родственных учений. В этом ему чрезвычайно помогало доскональное знание того сложного раздела физиологии животных, который посвящён изучению нервной системы и мозговой деятельности, ибо Алексис фон Баумгартнер в университете Кайнплатца располагал для своих глубоких научных исследований всем необходимым, что может дать лаборатория.

Профессор фон Баумгартнер был высокого роста и худощав, лицо продолговатое, с острыми чертами, а глаза — цвета стали, необычайно яркие и проницательные. Постоянная работа мысли избороздила его лоб морщинами, свела в одну линию густые, нависшие брови, и потому казалось, что профессор всегда нахмурен. Это многих вводило в заблуждение относительно характера профессора, который при всей своей суровости обладал мягким сердцем. Среди студентов он пользовался популярностью. После лекций они окружали учёного и жадно слушали изложение его странных теорий. Он часто вызывал добровольцев для своих экспериментов, и в конце концов в классе не осталось ни одного юнца, кто раньше или позже не был бы усыплён гипнотическими пассами профессора.

Но среди этих молодых ревностных служителей науки не находилось ни одного, кто мог бы равняться по степени энтузиазма с Фрицем фон Гартманном. Его приятели-студенты часто диву давались, как этот сумасброд и отчаяннейший повеса, какой когда-либо объявлялся в Кайнплатце с берегов Рейна, не жалеет ни времени, ни усилий на чтение головоломных научных трудов и ассистирует профессору при его загадочных экспериментах. Но дело в том, что Фриц был сообразительным и дальновидным молодым человеком. Вот уже несколько месяцев, как он пылал любовью к юной Элизе — голубоглазой, белокурой дочке фон Баумгартнера. Хотя Фрицу удалось вырвать у неё признание, что его ухаживания не оставляют её равнодушной, он не смел и мечтать о том, чтобы явиться к родителям Элизы в качестве официального искателя руки их дочери. Ему было бы нелегко находить поводы свидеться с избранницей своего сердца, если бы он не усмотрел способ стать полезным профессору. В результате его стараний фон Баумгартнер стал часто приглашать студента в свой дом, и Фриц охотно позволял проделывать над собой какие угодно опыты, если это давало ему возможность перехватить взгляд ясных глазок Элизы или коснуться её ручки.

Фриц фон Гартманн был молодым человеком, несомненно, вполне привлекательной наружности. К тому же после смерти отца ему предстояло унаследовать обширные поместья. В глазах многих он казался бы завидным женихом, но мадам фон Баумгартнер хмурилась, когда он бывал у них в доме, и порой выговаривала супругу за то, что он разрешает такому волку рыскать вокруг их овечки. Правду сказать, Фриц фон Гартманн приобрёл в Кайнплатце довольно скверную репутацию. Случись где шумная ссора или дуэль, или какое другое бесчинство, молодой выходец с рейнских берегов оказывался главным зачинщиком. Не было

^{*} Кайнплатц (*нем*. Keinplatz) — нигде.

никого, кто бы так сквернословил, так много пил, так часто играл в карты и так предавался лени во всём, кроме одного — занятий с профессором. Неудивительно поэтому, что почтенная фрау профессорша прятала свою дочку под крылышко от такого mauvais sujet*. Что касается достойного профессора, то он был слишком поглощён своими таинственными научными изысканиями и не составил себе об этом никакого мнения.

Вот уже много лет один и тот же неотвязный вопрос занимал мысли фон Баумгартнера. Все его эксперименты и теоретические построения были направлены к решению всё той же проблемы: по сотне раз на дню профессор спрашивал себя, может ли душа человека в течение некоторого времени существовать отдельно от тела и затем снова в него вернуться? Когда он впервые представил себе такую возможность, его ум учёного решительно восстал против подобной несуразности. Это оказывалось в слишком резком противоречии с предвзятыми мнениями и предрассудками, внушёнными ему ещё в юности. Однако постепенно, продвигаясь всё дальше путём новых оригинальных методов исследования, мысль его стряхнула с себя старые оковы и приготовилась принять любые выводы, продиктованные фактами. У него было достаточно оснований верить, что духовное начало способно существовать независимо от материи. И вот он надумал окончательно решить этот вопрос путём смелого, небывалого эксперимента.

«Совершенно очевидно, — писал он в своей знаменитой статье о невидимых существах, приблизительно в это самое время опубликованной в «Медицинском еженедельнике Кайнплатца» и удивившей весь научный мир, — совершенно очевидно, что при наличии определённых условий душа, или дух человека, освобождается от телесной оболочки. Тело загипнотизированного пребывает в состоянии каталепсии, но душа его где-то витает. Возможно, мне возразят, что душа остаётся в теле, но также находится в процессе сна. Я отвечу, что это не так, иначе чем объяснить ясновидение — феномен, к которому перестали относиться с должной серьёзностью по милости шарлатанов с их мошенническими трюками, но который, как то может быть легко доказано, представляет собой несомненный факт. Я сам, работая с особо восприимчивым медиумом, добивался от него точного описания происходящего в соседней комнате или в соседнем доме. Какой другой гипотезой можно объяснить эту осведомлённость медиума, как не тем, что дух его покинул тело и блуждает в пространстве? На мгновение он возвращается по призыву гипнотизёра и сообщает о виденном, затем снова отлетает прочь. Так как дух по самой своей природе невидим, мы не можем наблюдать эти появления и исчезновения, но замечаем их воздействие на тело медиума, то застывшее, инертное, то делающее усилия передать восприятия, которые никоим образом не могли быть им получены естественным путём. Имеется, я полагаю, только один способ доказать это. Плотскими глазами мы не в состоянии узреть дух, покинувший тело, но наш собственный дух, если бы его удалось отделить от тела, будет ощущать присутствие других освобождённых душ. Посему я имею намерение, загипнотизировав одного из моих учеников, усыпить затем и самого себя способом, вполне мне доступным. И тогда, если предлагаемая мною теория справедлива, моя душа не встретит затруднений для общения с душой моего ученика, так как обе они окажутся отделёнными от тела. Надеюсь в следующем номере «Медицинского еженедельника Кайнплатца» опубликовать результаты этого интересного эксперимента».

Когда почтенный профессор исполнил наконец обещание и напечатал отчёт о происшедшем, сообщение это было до такой степени поразительным, что к нему отнеслись с недоверием. Тон некоторых газет, комментировавших статью, носил столь оскорбительный характер, что разгневанный учёный поклялся никогда более не раскрывать рта и не печатать никаких сообщений на данную тему — угрозу эту он привёл в исполнение. Тем не менее предлагаемый здесь рассказ опирается на сведения, почерпнутые из достоверных источников, и приводимые факты в основе своей изложены совершенно точно.

Однажды, вскоре после того как у него зародилась мысль проделать вышеупомянутый эксперимент, профессор фон Баумгартнер задумчиво шёл к дому после долгого дня, проведённого в лаборатории. Навстречу ему двигалась шумная ватага студентов, только что покинувших кабачок. Во главе их, сильно навеселе и держась весьма развязно, шагал молодой

^{*} mauvais sujet — никудышный, непутёвый человек (франц.)

Фриц фон Гартманн. Профессор прошёл, было, мимо, но его ученик кинулся ему наперерез и загородил дорогу.

- Послушайте, достойный мой наставник, начал он, ухватив старика за рукав и увлекая его за собой, мне надо с вами кое о чём поговорить, и мне легче сделать это сейчас, пока в голове шумит добрый хмель.
  - В чём дело, Фриц? спросил физиолог, глядя на него с некоторым удивлением.
- Я слышал, герр профессор, что вы задумали какой-то удивительный эксперимент хотите извлечь из тела душу и потом загнать её обратно. Это правда?
  - Правда, Фриц.
- А вы подумали, дорогой профессор, что не всякий захочет, чтобы над ним проделывали такие штуки? Potztausend!* А что, если душа выйдет, да обратно не вернётся? Тогда дело дрянь. Кто станет рисковать, а?
- Но, Фриц, я рассчитывал на вашу помощь! воскликнул профессор, поражённый такой точкой зрения на его серьёзный научный опыт. Неужели вы меня покинете? Подумайте о чести, о славе.
- Дудки! воскликнул студент сердито. И всегда вы со мной будете так расплачиваться? Разве не стоял я по два часа под стеклянным колпаком, пока вы пропускали через меня электричество? Разве вы не раздражали мне тем же электричеством нервы диафрагмы и не мне ли испортили пищеварение, пропуская через мой желудок гальванический ток? Вы усыпляли меня тридцать четыре раза, и что я за всё это получил? Ровно ничего! А теперь ещё собираетесь вытащить из меня душу, словно механизм из часов. Хватит с меня, всякому терпению приходит конец!
- Ах, Боже мой! воскликнул профессор в величайшей растерянности. Верно, Фриц, верно! Я как-то никогда об этом не думал. Если вы подскажете мне, каким образом я могу отблагодарить вас за ваши услуги, я охотно исполню ваше желание.
- Тогда слушайте, проговорил Фриц торжественно. Если вы даёте слово, что после эксперимента я получу руку вашей дочери, я согласен вам помочь. Если же нет отказываюсь наотрез. Таковы мои условия.
- А что скажет на это моя дочь? воскликнул профессор, на мгновение потерявший, было, дар речи.
  - Элиза будет в восторге, ответил молодой человек. Мы давно любим друг друга.
- В таком случае она будет ваша, сказал физиолог решительно. У вас доброе сердце, и вы мой лучший медиум разумеется, когда не находитесь под воздействием алкоголя. Эксперимент состоится четвёртого числа следующего месяца. В двенадцать часов ждите меня в лаборатории. Это будет незабываемый день, Фриц. Приедет фон Грубен из Йены и Хинтерштейн из Базеля. Соберутся все столпы науки Южной Германии.
- Я буду вовремя, коротко ответил студент, и они разошлись. Профессор побрёл к дому, размышляя о великих грядущих событиях, а молодой человек, спотыкаясь побежал догонять своих шумных приятелей, занятый мыслями только о голубоглазой Элизе и о сделке, заключённой с её отцом.

Фон Баумгартнер не преувеличивал, говоря о необыкновенно широком интересе, какой вызвал его новый психофизиологический опыт. Задолго до назначенного часа зал наполнился целым созвездием талантов. Помимо упомянутых им знаменитостей, прибыл крупнейший лондонский учёный, профессор Лерчер, только что прославившийся своим замечательным трудом о мозговых центрах. На небывалый эксперимент собрались с дальних концов несколько звёзд из плеяды спиритуалистов, приехал последователь Сведенборга**, полагавший, что эксперимент прольёт свет на доктрину розенкрейцеров.

Высокая аудитория продолжительными аплодисментами встретила появление профессора и его медиума. В нескольких продуманных словах профессор пояснил суть своих теоретических положений и предстоящие методы их проверки.

- Я утверждаю, — сказал он, — что у лица, находящегося под действием гипноза, дух на некоторое время высвобождается из тела. И пусть кто-нибудь попробует выдвинуть другую

•

^{*} Чорт побери! (*нем*.)

 $^{^{**}}$ Эммануил Сведенборг (1688 — 1772 гг.) — шведский учёный и философ-мистик — теософспирит. (П.Г.)

гипотезу, которая истолковала бы природу ясновидения. Надеюсь, что, усыпив моего юного друга и затем также себя, я дам возможность нашим освобождённым от телесной оболочки душам общаться между собой, пока тела наши будут инертны и неподвижны. Через некоторое время души вернутся в свои тела, и всё станет по-прежнему. С вашего любезного позволения мы приступим к эксперименту.

Речь фон Баумгартнера вызвала новую бурю аплодисментов, и все замерли в ожидании. Несколькими быстрыми пассами профессор усыпил молодого человека, и тот откинулся в кресле, бледный и неподвижный. Вынув из кармана яркий хрустальный шарик, профессор стал смотреть на него, не отрываясь, явно делая какие-то мощные внутренние усилия, и вскоре действительно погрузился в сон. То было невиданное, незабываемое зрелище: старик и юноша, сидящие друг против друга в одинаковом состоянии каталепсии. Куда же устремились их души? Вот вопрос, который задавал себе каждый из присутствующих.

Прошло пять минут, десять, пятнадцать. Ещё пятнадцать, а профессор и его ученик продолжали сидеть в тех же застывших позах. За это время ни один из собравшихся учёных мужей не проронил ни слова, все взгляды были устремлены на два бледных лица — все ждали первых признаков возвращения сознания. Прошёл почти целый час, и наконец терпение зрителей было вознаграждено. Слабый румянец начал покрывать щёки профессора фон Баумгартнера — душа вновь возвращалась в свою земную обитель. Вдруг он вытянул свои длинные, тощие руки, как бы потягиваясь после сна, протёр глаза, поднялся с кресла и начал оглядываться по сторонам, словно не понимая, где он находится. И вдруг, к величайшему изумлению всей аудитории и возмущению последователя Сведенборга, профессор воскликнул: «Тausend Teufel!» — и разразился страшным южнонемецким ругательством.

— Где я, чорт побери, и что за дьявольщина тут происходит? Ага, вспомнил! Этот дурацкий гипнотический сеанс. Ну, ни черта не вышло. Как заснул, больше ничего не помню. Так что вы, мои почтенные учёные коллеги, притащились сюда попусту. Вот потеха-то!

И профессор, глава кафедры физиологии, покатился со смеху, хлопая себя по ляжкам самым неприличным образом. Аудитория пришла в такое негодование от непристойного поведения профессора фон Баумгартнера, что мог бы разразиться настоящий скандал, если бы не тактичное вмешательство Фрица фон Гартманна, к этому времени также очнувшегося от гипнотического сна. Подойдя к краю эстрады, молодой человек извинился за поведение гипнотизёра.

— К сожалению, вынужден признаться, что этот человек действительно несколько необуздан, хотя вначале он отнёсся к эксперименту с подобающей серьёзностью. Он ещё находится в состоянии реакции после гипноза и не вполне ответственен за свои слова и поступки. Что касается нашего опыта, я не считаю, что он потерпел неудачу. Возможно, что в течение этого часа наши души общались между собой, но, к несчастью, грубая телесная память не соответствует субстанции духа, и мы не смогли вспомнить случившегося. Отныне моя деятельность будет направлена на изыскание средств заставить души помнить то, что происходит с ними в период их высвобождения, и я надеюсь, что по разрешении данной задачи буду иметь удовольствие снова встретить вас в этом зале и продемонстрировать результаты.

Подобное заявление, исходящее от молодого студента, вызвало среди присутствующих в аудитории большое удивление. Некоторые почли себя оскорблёнными, полагая, что он взял на себя слишком большую смелость. Большинство, однако, расценило его как обещающего молодого учёного, и, покидая зал, многие сравнивали его достойное поведение с неприличной развязностью профессора, который всё это время продолжал хохотать в уголке, нимало не смутившись провалом эксперимента.

Но хотя все эти учёные мужи выходили из зала в полной уверенности, что они так ничего замечательного и не увидели, на самом деле на их глазах произошло величайшее чудо. Профессор фон Баумгартнер был абсолютно прав в своей теории: его дух и дух студента действительно на некоторое время покинули телесную оболочку. Но затем получилось странное и непредвиденное осложнение. Дух Фрица фон Гартманна, возвратившись, вошёл в тело Алексиса фон Баумгартнера, а дух Алексиса фон Баумгартнера — в телесную оболочку

^{*} Тысяча чертей! (*нем*.)

Фрица фон Гартманна. Этим и объяснялись сквернословие и шутовские выходки серьёзного профессора и веские, солидные заявления, исходящие от беззаботного студента. Случай был беспрецедентный, но никто о том не подозревал, и меньше всего те, кого это непосредственно касалось.

Профессор, почувствовав вдруг необычайную сухость в горле, выбрался на улицу, всё ещё посмеиваясь про себя по поводу результатов эксперимента, ибо душа Фрица, заключённая в профессорском теле, преисполнилась веселья и бесшабашной удали при мысли о том, как легко ему досталась невеста. Первым его побуждением было пойти повидать её, но, пораздумав, он решил временно держаться в тени, пока профессор фон Баумгартнер не оповестит супругу о заключённом соглашении. Посему он отправился в кабачок «Зелёный молодчик», излюбленное место сборищ студентов-гуляк. Лихо размахивая тростью, он вбежал в маленький зал, где сидели Шпигель, Мюллер и ещё человек шесть весёлых собутыльников.

- Здорово, приятели! — заорал он с порога. — Так и знал, что застану вас здесь. Пейте все, кому что охота, заказывайте, что угодно, сегодня за всё плачу я!

Если бы сам «зелёный молодчик», изображённый на вывеске этого популярного кабачка, вошёл вдруг в зал и потребовал бутылку вина, это изумило бы студентов не столь сильно, как неожиданное появление уважаемого профессора. С минуту они, совершенно ошеломлённые, таращили глаза, будучи не в состоянии ответить на это сердечное приветствие.

- Donner und Blitzen!* сердито гаркнул профессор. Да что с вами, чорт вас подери? Что это вы таращитесь на меня, как поросята на вертеле? Что тут стряслось?
  - Такая неожиданная честь... забормотал Шпигель, возглавлявший компанию.
- Честь? Ерунда и чушь, заявил профессор раздражённо. Думаете, если я показываю гипнотические фокусы кучке старых развалин, так я уж и возгордился, не желаю больше водить дружбу с закадычными приятелями? Ну-ка, Шпигель, дружище, слезай со стула, командовать буду я. Пиво, вино, шнапс требуйте всё, что душе угодно, всё за мой счёт!

Никогда ещё не бывало столь буйного веселья в кабачке «Зелёный молодчик». Пенящиеся кружки с пивом и бутылки с зелёным горлышком, полные рейнвейна, бойко ходили по кругу. Постепенно студенты перестали робеть перед профессором. А он пел, вопил во всё горло, балансировал длинной табачной трубкой, положив её себе на нос, и предлагал каждому по очереди бежать с ним наперегонки на дистанцию в сто ярдов. За дверью удивлённо шушукались кельнер и служанка, поражённые поведением высокоуважаемого профессора, возглавляющего кафедру в старинном университете Кайнплатца. У них стало ещё больше поводов шушукаться, когда учёный муж стукнул кельнера по макушке, а служанку расцеловал, поймав её возле двери в кухню.

- Господа! крикнул профессор, поднявшись со своего места в конце стола. Он стоял, пошатываясь, и вертел в костлявой руке старомодный винный бокал. Сейчас я объясню причину сегодняшнего торжества.
- Слушайте! Слушайте! заорали студенты, стуча о стол пивными кружками. Речь, речь! Тише вы!
- Дело в том, друзья мои, сказал профессор, сияя глазами сквозь стёкла очков, что я надеюсь в недалёком будущем сыграть свою свадьбу.
- Как? Сыграть свадьбу? воскликнул один из студентов побойчее. А мадам? Разве мадам умерла?
  - Какая мадам?
  - То есть как это какая? Мадам фон Баумгартнер?
- Xa-хa-хa, засмеялся профессор. Я вижу, вы в курсе моих прежних затруднений. Нет, она жива, но, надеюсь, браку моему больше противиться не будет.
  - Очень мило с её стороны, заметил кто-то из компании.
- Мало того, продолжал профессор, я даже рассчитываю, что она посодействует мне заполучить мою невесту. Мы с мадам никогда особенно не ладили, но теперь, я думаю, со всем эти будет покончено. Когда я женюсь, она может остаться с нами, я не возражаю.

_

^{*} Гром и молния! (*нем*.)

- Счастливое семейство! выкрикнул какой-то шутник.
- Ну, да! И, надеюсь, все вы придёте ко мне на свадьбу. Имени молодой особы называть не буду, но... Да здравствует моя невеста!

И профессор помахал бокалом.

— Ура! За его невесту! — надрывались буяны, покатываясь со смеху. — Soll sie leben hoch!*

Пирушка становилась шумнее и беспорядочнее по мере того, как студенты один за другим, следуя примеру профессора, пили каждый за даму своего сердца.

Пока в «Зелёном молодчике» шло это веселье, неподалёку разыгрывалась совсем иная сцена. После эксперимента Фриц фон Гартманн всё в той же сдержанной манере и храня на лице торжественное выражение, сделал и записал кое-какие вычисления и, дав несколько указаний, вышел на улицу. Медленно двигаясь к дому фон Баумгартнера, он увидел впереди фон Альтхауза, профессора анатомии. Ускорив шаг, Фриц догнал его.

- Послушайте, фон Альтхаус, проговорил он, тронув профессора за рукав. На днях вы справлялись у меня относительно среднего покрова артерий мозга. Так вот...
- Donnerwetter!** заорал фон Альтхаус, очень вспыльчивый старик. Что значит эта дерзость? Я подам на вас жалобу, сударь!

После этой угрозы он круто повернулся и пошёл прочь.

Фон Гартманн опешил. «Это из-за провала моего эксперимента», — подумал он и уныло продолжал свой путь.

Однако его ждали новые сюрпризы. Его нагнали два студента, и эти юнцы вместо того, чтобы снять свои шапочки или выказать какие-либо другие знаки уважения, завидев его, издали восторженные крики, кинувшись к нему, подхватили его под руки и потащили за собой.

- Gott im Himmel!*** закричал фон Гартманн. Что означает эта бесподобная наглость? Куда вы меня тащите?
- Распить с нами бутылочку, сказал один из студентов. Ну, идём же! От такого приглашения ты никогда не отказывался.
- В жизни не слышал большего бесстыдства! воскликнул фон Гартманн. Отпустите меня немедленно! Я потребую, чтобы вы получили строгое взыскание! Отпустите, я говорю!

Он яростно отбивался от своих мучителей.

- Ну, если ты вздумал упрямиться, сделай милость, отправляйся куда хочешь, сказали студенты, отпуская его. — И без тебя отлично обойдёмся.
- Я вас обоих знаю! Вы мне за это поплатитесь! кричал фон Гартманн вне себя от гнева. Он вновь направился к своему, как он полагал, дому, очень рассерженный происшедшими с ним по пути эпизодами.

Мадам фон Баумгартнер поглядывала в окно, недоумевая, почему муж запаздывает к обеду и была весьма поражена, завидев шествующего по дороге студента. Как было замечено выше, она питала к нему сильную антипатию, и если молодой человек осмеливался заходить к ним в дом, то лишь с молчаливого согласия и под эгидой профессора. Она удивилась ещё больше, когда Фриц вошёл в садовую калитку и зашагал дальше с видом хозяина дома. С трудом веря своим глазам, она поспешила к двери — материнский инстинкт заставил её насторожиться. Из окна комнаты наверху прелестная Элиза также наблюдала отважное шествие своего возлюбленного, и сердце её билось учащённо от гордости и страха.

- Добрый день, сударь, приветствовала мадам фон Баумгартен незваного гостя у входа, приняв величественную позу.
- День и в самом деле неплохой, ответил ей Фриц. Ну, что же ты стоишь в позе статуи Юноны? Пошевеливайся, Марта, скорее подавай обед. Я буквально умираю с голоду.
  - Марта?! Обед?! воскликнула поражённая мадам фон Баумгартнер отшатнувшись.
- Ну да, обед, именно обед! завопил фон Гартманн, раздражаясь всё больше. Что такого особенного в этом требовании, если человек целый день не был дома? Я буду ждать в столовой. Подавай, что есть — всё сойдёт. Ветчину, сосиски, компот — всё, что найдётся в

*** Отец небесный! (нем.)

^{*} За её здоровье! (*нем*.)

^{**} Чорт побери! (нем.)

доме. Ну вот! А ты всё стоишь и смотришь на меня. Послушай, Марта, ты сдвинешься с места или нет?

Это последнее обращение, сопровождаемое настоящим воплем ярости, возымело на почтенную профессоршу столь сильное действие, что она стремглав промчалась через весь коридор, затем через кухню и, бросившись в кладовку, заперлась там и закатила бурную истерику. Фон Гартманн тем временем вошёл в столовую и растянулся на диване, пребывая всё в том же отменно дурном настроении.

— Элиза, — закричал он сердито. — Элиза! Куда девалась эта девчонка? Элиза!

Призванная таким нелюбезным образом, юная фрейлейн робко спустилась в столовую и предстала перед своим возлюбленным.

- Дорогой! — воскликнула она, обвивая его шею руками. — Я знаю, ты всё это сделал ради меня! Это уловка, чтобы меня увидеть!

Вне себя от этой новой напасти фон Гартманн на минуту онемел и только сверкал глазами и сжимал кулаки, барахтаясь в объятиях Элизы. Когда он наконец снова обрёл дар речи, Элиза услышала такой взрыв возмущения, что отступила назад и, оцепенев от страха, упала в кресло.

- Сегодня самый ужасный день в моей жизни! кричал фон Гартманн, топая ногами. Опыт мой провалился. Фон Альтхаус нанёс мне оскорбление. Два студента силой волокли меня по дороге. Жена чуть не падает в обморок, когда я прошу её подать обед, а дочь бросается на меня и душит, словно медведь!
- Ты болен, мой милый! воскликнула фрейлейн, у тебя помутился разум. Ты даже ни разу не поцеловал меня...
- Да? И не собираюсь! ответствовал фон Гартманн решительно. Стыдись! Лучше пойди и принеси мне мои шлёпанцы, да помоги матери накрыть на стол.
- Ради чего я так страстно любила тебя целых десять месяцев? плакала Элиза, уткнувшись лицом в носовой платок. Ради чего терпела маменькин гнев? О, ты разбил мне сердце да, да!

И она истерически зарыдала.

- Нет, больше терпеть этого я не желаю! заорал фон Гартманн, окончательно рассвиренев. Что это значит, девчонка, чорт тебя подери? Что такое я сделал десять месяцев назад, что внушил тебе столь необыкновенную любовь? Если ты действительно меня так любишь, пойди скорее и разыщи ветчину и хлеб, вместо того чтобы болтать тут всякий вздор.
- О, дорогой, дорогой мой! рыдала несчастная девица, бросаясь к тому, кого почитала своим возлюбленным. Ты просто шутишь, чтобы напугать свою маленькую Элизу?

Всё это время фон Гартманн опирался о валик дивана который, как большая часть немецкой мебели, был в несколько расшатанном состоянии. Именно у этого края дивана стоял аквариум, полный воды: профессор проделывал какие-то опыты с рыбьей икрой и держал аквариум в гостиной ради сохранения ровной температуры воды. От дополнительного веса девицы, слишком бурно кинувшейся на шею фон Гартманна, ненадёжный диван рухнул, и несчастный студент упал прямо в аквариум: голова его и плечи застряли, а нижние конечности беспомощно болтались в воздухе. Терпению фон Гартманна пришёл конец. Еле высвободившись, он испустил нечленораздельный вопль ярости и ринулся вон из комнаты, невзирая на мольбы Элизы. Схватив шляпу, промокший, растрёпанный, он помчался прямо в город с намерением разыскать какой-нибудь трактир и обрести там покой и пищу, в которых ему было отказано дома.

Когда дух фон Баумгартнера, заключённый в тело Гартманна, мрачно размышляя о многочисленных обидах, продвигался по извилистой дороге, ведущей в город, он заметил, что к нему приближается престарелый человек, находящийся, по-видимому, в крайней степени опьянения. Фон Гартманн остановился и наблюдал, как тот бредёт, спотыкаясь, качаясь из стороны в сторону и распевая студенческую песню хриплым, пьяным голосом. Сперва интерес фон Гартманна был вызван лишь тем, что человек, с виду весьма почтенный, допустил себя до столь позорного состояния, но по мере того, как тот подходил ближе, фон Гартманн ощутил уверенность, что где-то видел старика, однако не мог вспомнить, где и когда именно. Уверенность эта всё более крепла, и когда незнакомец поравнялся с ним, фон Гартманн подошёл к нему и стал внимательно всматриваться в его лицо.

- Эй, сынок, заговорил пьяный, едва держась на ногах и оглядывая фон Гартманна. Где, чорт возьми, я тебя видел? Знаю тебя преотлично прямо как самого себя. Кто ты такой, дьявол тебя забери?
- Я профессор фон Баумгартнер, ответствовал студент. Могу я спросить, кто вы такой? Ваша внешность мне как-то странно знакома.
- Молодой человек, никогда не нужно врать, последовал ответ. Уж, конечно, сударь, вы не профессор, того я отлично знаю: старый, чванливый урод, вы же здоровенный широкоплечий молодчик. А я, Франц фон Гартманн, к вашим услугам!
- Это ложь! воскликнул фон Гартманн. Вы скорее могли бы быть моим отцом. Но позвольте, сударь, известно ли вам, что на вас мои запонки и часовая цепочка?
- Отец небесный! икнул пьяный. Пусть я вовек не возьму в рот ни капли пива, если брюки на вас не те самые, за которые портной собирается подать на меня в суд.

Тут фон Гартманн, совершенно сбитый с толку странными происшествиями дня, провёл рукой по лбу, и опустив глаза, случайно заметил своё отражение в луже, оставшейся после дождя на дороге. К полному своему изумлению, он увидел молодое лицо, франтоватый студенческий костюм и понял, что внешне он являет собой полную противоположность той почтенной фигуре учёного, к которой привыкла его духовная сущность. В одно мгновение острый ум фон Баумгартнера пробежал через всю цепь последних событий и сделал вывод. Это был удар, и несчастный профессор пошатнулся.

- Небо! воскликнул он, теперь я всё понял! Наши души попали не в предназначенные им тела. Я это вы, а вы это я. Моя теория оправдалась. Но как дорого это обошлось. Может ли самый образованный ум во всей Европе помещаться в столь фривольной оболочке?! Боже, погибли труды целой жизни! И в отчаянии он стал бить себя кулаками в грудь.
- Послушайте-ка, сказал настоящий фон Гартманн. Я вас понимаю, всё это действительно никуда не годится. Но вы обращаетесь с моим телом слишком бесцеремонно. Вы получили его в превосходном состоянии. Но уже успели, как я вижу, и расцарапать его и где-то промокли. И засыпали пластрон моей рубашки нюхательным табаком.
- Ну, знаете ли, это не столь важно, сказал дух профессора угрюмо. Каковы мы есть, такими нам и суждено остаться. Справедливость моей теории блистательно доказана, но такой ужасной ценой!
- Действительно, это было бы ужасно, разделяй я ваше мнение, произнёс дух студента. Что бы я стал делать с этими старыми негнущимися руками и ногами, как бы я ухаживал за Элизой, как смог бы убедить её, что я не её отец? Нет, благодарение Богу, хоть пиво и помутило мне голову так, как ещё ни разу не случалось, когда я был самим собой, всё же я ещё что-то соображаю. Я вижу выход.
  - Какой? едва выговорил от волнения профессор.
- Надо повторить эксперимент, вот и всё! Высвободите снова наши души, и, как знать, может, на этот раз они вернутся каждая, куда ей полагается.

Не так утопающий хватается за соломинку, как дух фон Баумгартнера ухватился за эту идею. С лихорадочной поспешностью он повлёк фон Гартманна к обочине дороги и тут же его усыпил, а затем, вынув из кармана свой хрустальный шарик, проделал то же самое и с собой. Несколько студентов и окрестных крестьян, случайно проходивших мимо, были весьма озадачены, увидев достойного профессора физиологии и его любимого ученика, сидящих на обочине грязной дороги в бессознательном состоянии. Не прошло и часа, как собралась целая толпа, и уже начали поговаривать, не послать ли за санитарной повозкой и отвезти их в больницу; но тут учёный муж открыл вдруг глаза и обвёл присутствующих мутным взглядом. В первое мгновение он, очевидно, не мог вспомнить, как сюда попал, но потом поразил собравшихся, воздев тощие руки над головой и закричав восторженно:

— Gott sei gedanket!* Я опять стал самим собой! Я это ясно чувствую!

Изумление толпы возросло, когда студент, вскочив на ноги, разразился таким же бурным выражением восторга. Затем и тот, и другой исполнили прямо на дороге нечто вроде раз de joie.**

^{*} Благодарение Богу! (нем.)

^{**} танец радости (франц.)

Некоторое время спустя после этого эпизода многие сомневались, в здравом ли рассудке оба его действующих лица. Когда профессор опубликовал все эти факты в «Медицинском еженедельнике Кайнплатца», как это было им обещано, даже его коллеги стали намекать, что ему не мешало бы немного подлечиться и что ещё одна подобная статья, несомненно, приведёт его прямо в сумасшедший дом. Студент, на собственном опыте убедившись, что благоразумнее помалкивать, не слишком распространялся обо всей этой истории.

Когда почтенный профессор вернулся в тот вечер домой, его ждал не слишком сердечный приём, на что он мог бы рассчитывать после стольких злоключений. Напротив, обе дамы как следует отчитали его за то, что от него пахнет вином и табаком, и за то, что он где-то разгуливал в то время, как молодой шалопай ворвался в дом и оскорбил хозяек. Прошло немало времени, пока домашняя атмосфера семьи фон Баумгартнера обрела своё обычное спокойное состояние, и понадобилось ещё больше времени, прежде чем весёлая физиономия фон Гартманна вновь стала появляться в доме профессора. Настойчивость, однако, побеждает все препятствия, и студенту удалось в конце концов умилостивить обеих разгневанных дам и восстановить прежнее положение в доме. А теперь у него уже нет никаких причин опасаться недоброжелательства фрау фон Баумгартнер, ибо он стал капитаном императорских уланов, и его любящая жена Элиза успела подарить ему как вещественное доказательство своей любви двух маленьких уланчиков.

1886 г.

(перевод Н. Дехтеревой)

КАК КАПИТАН ШАРКИ И СТИВЕН КРЭДДОК ПЕРЕХИТРИЛИ ДРУГ ДРУГА

Для пиратского корабля старых времён кренгование было совершенно необходимой операцией. Исключительная быстроходность корабля позволяла ему не только догонять торговые суда, но и спасаться от преследования военных кораблей. Однако невозможно было сохранить прекрасные ходовые качества без того, чтобы периодически — по крайней мере раз в год — не очищать днище судна от длинных шлейфов растений и от корки из ракушек, которые так быстро облепляют дно корабля в тропических морях.

В таких случаях Шарки избавлялся от лишнего груза и вводил корабль в какой-нибудь узкий морской залив, в котором при отливе судно оказывалось на отмели; затем к мачтам корабля прикрепляли блоки и тали, с помощью которых наклоняли его на борт, и основательно скребли днище от ахтерштевня до форштевня.

В течение этих авральных недель корабль был, конечно, беззащитным, но, с другой стороны, к нему можно было приблизиться только на посудине не тяжелее скорлупы; место для кренгования выбиралось потайное, укрытое, и, в сущности говоря, большой опасности не было.

Пиратские капитаны были так самоуверенны, что частенько, оставив свои корабли под достаточной охраной, отправлялись на баркасе в охотничью экспедицию или, ещё чаще, с визитом в какой-нибудь отдалённый городок, где они кружили голову женщинам своим щегольством и галантностью или, откупорив на базарной площади бочку с вином, угрожали застрелить каждого, кто откажется с ними пить.

Изредка пираты появлялись даже в таких крупных городах, как Чарльстон, и расхаживали там по улицам, гремя саблями и скандализируя благонамеренных колонистов. Правда, такие налёты не всегда оставались безнаказанными. Однажды, например, визитёры вывели из себя губернатора Мэйнарда, и он отрубил голову Чёрной Бороде и воткнул её на конец бушприта. Но, как правило, пират волен был задирать кого угодно, надо всеми куражиться, кутить с проститутками, пока не наступал момент его возвращения на корабль.

Только один пират никогда не переступал границы цивилизованного мира — это был зловещий Шарки с барка «Счастливое избавление». Возможно, что причиной этого был его угрюмый нрав и любовь к уединению, но, вероятнее всего, Шарки просто знал, насколько он хорошо известен на побережье, и не сомневался, что при виде его возмущённое население, как бы ни была сильна его охрана, непременно нападёт на него. Поэтому он ни разу не показывался в городах.

Когда его корабль становился на ремонт, Шарки оставлял его на попечение Нэда Галлоуэя, квартирмейстера, уроженца Новой Англии, а сам отправлялся на шлюпке в длительную экспедицию, иногда, как говорили, для того, чтобы закопать свою долю награбленного добра, а иногда для охоты на диких быков на Эспаньоле. Копчёные бычьи туши обеспечивали его провизией на весь следующий рейс. В последнем случае барк после кренгования подходил к условленному месту принять на борт капитана и его добычу.

Население островов жило надеждой, что Шарки когда-нибудь поймают при описанных выше обстоятельствах; и вот однажды в Кингстон пришла весть, дававшая повод для снаряжения экспедиции с целью поимки Шарки.

Весть принёс старый дровосек, который попал в руки пирата, но по какой-то пьяной прихоти был отпущен на волю, хотя его основательно отдубасили и раздробили ему нос. Сведения дровосека были свежие и точные. «Счастливое избавление» кренговали у Торбека на юго-западном побережье Эспаньолы. Шарки с четырьмя матросами охотился на отдалённом острове Ла-Ваш.

Кровь сотен убитых им моряков взывала к отмщению, и теперь казалось, что этот зов не останется без ответа.

Губернатор сэр Эдуард Комптон, горбоносый, краснолицый мужчина, держал тайный совет с комендантом и главой муниципалитета. Он был в крайнем недоумении и ломал себе

_

 $^{^*}$ «Маленькая Испания» — старое название острова Гаити. (П.Г.)

голову, как использовать предоставившуюся ему возможность. Единственный военный корабль находился довольно далеко — в Джемстауне, это было старое, неповоротливое посыльное судно, которое не могло ни догнать морского разбойника в открытом море, ни пробраться в мелководную бухту. В Кингстоне и Порт-Ройяле были форты и артиллеристы, но для экспедиции не хватало пехотинцев.

Можно было бы снарядить отряд из жителей Кингстона — многие из них питали непримиримую, кровавую вражду к Шарки. Но что дал бы такой поход? Пиратов на судне было много, и всё это были отчаянные люди. Конечно, поймать Шарки и его четырёх спутников дело нетрудное — только бы их разыскать; но попробуйте найти их на таком большом лесистом острове, как Ла-Ваш, с его дикими горами и непроходимыми джунглями!

Было обещано вознаграждение любому, кто сумеет найти обещающее успех решение, в результате чего к губернатору явился человек, у которого был готов своеобразный план. Больше того, он сам брался его выполнить.

Этим человеком оказался Стивен Крэддок, пуританин, много лет тому назад свихнувшийся с пути истинного. Выходец из добропорядочной салемской семьи, он своими дурными делами доказывал, какую реакцию может вызвать излишняя суровость этой религии. Со всей своей силой и энергией, унаследованной им от добродетельных предков, он предавался пороку. Крэддок отличался изобретательностью, неустрашимостью и необычайным упорством в достижении поставленной цели. Ещё в дни его молодости дурная слава о нём обежала всё побережье Америки.

Это был тот самый Крэддок, которого в штате Виргиния осудили на смертную казнь за убийство вождя индейского племени семинолов. И хотя он избежал наказания, но всем было известно, что он подкупил свидетелей и дал взятку судье.

Впоследствии он стал работорговцем и даже, как намекали, пиратом; в заливе Бенин его имя вызывало самые мрачные воспоминания. В конце концов, сколотив состояние, он вернулся на Ямайку, обосновался там и стал вести беспутный образ жизни. Таков был этот человек, худощавый, суровый и опасный, который пришёл к губернатору со своим планом уничтожения Шарки.

Сэр Эдуард принял его без особого энтузиазма: хотя до него и дошли слухи, что человек этот исправился и изменился к лучшему, губернатор видел в нём паршивую овцу, которая может испортить всё его немногочисленное стадо. Поэтому за тонкой завесой официальной сдержанной вежливости Крэддок сразу почувствовал недоверие.

— Вы можете не опасаться меня, сэр, — сказал он. — Я не тот, каким был раньше. Недавно, после многих чёрных годин, я снова увидел свет. Это произошло благодаря помощи, оказанной мне преподобным Джоном Саймонсом из нашей местной церкви. Сэр, если вы нуждаетесь в духовной поддержке, беседы с ним доставят вам удовольствие.

Губернатор, как член епископальной церкви, высокомерно вздёрнул подбородок перед визитёром-пуританином:

- Мистер Крэддок, вы пришли сюда, чтобы говорить со мной о Шарки.
- Этот человек, Шарки, сосуд гнева, продолжал Крэддок. Он слишком высоко вознёс свой рог. Мне было открыто, что если я смогу подсечь его рог и уничтожить злодея, то это будет весьма благочестивым делом; оно может искупить многие мои отступления от веры в прошлом. Мне ниспослан план, посредством которого я добьюсь его гибели.

Собеседник чрезвычайно заинтересовал губернатора. Веснушчатое суровое лицо его гостя выражало решимость. В конце концов это был всё же моряк, закалённый в битвах, и если он в самом деле пылает желанием искупить своё прошлое, то лучшего человека для такой миссии не найти.

- Это очень опасное дело, мистер Крэддок, заметил губернатор.
- Если меня постигнет смерть, может быть, она изгладит воспоминания о дурно проведённой жизни. Мне нужно очень многое искупить.

Губернатор не нашёл возможным возразить Крэддоку.

- В чём заключается ваш план? спросил губернатор.
- Вы, вероятно, слышали, что барк пирата, «Счастливое избавление», был приписан к нашему порту, а именно к Кингстону?
  - Да, он принадлежал мистеру Кодрингтону и был захвачен Шарки, так как барк был

более быстроходным, нежели его старый шлюп. Своё судно пират после этого потопил, пробив у него борта. — ответил сэр Эдуард.

- Это так. Но вряд ли вы знаете, что у мистера Кодрингтона есть точно такой же барк, «Белая роза»: сейчас он как раз стоит в нашей гавани. Этот барк до того похож на «Счастливое избавление», что, не будь на нём белой полосы, ни один человек в мире не смог бы их различить.
- Ах, вот как! Ну и что из того? спросил весьма заинтересованный губернатор; у него был вид человека, которого вот-вот осенит замечательная идея.
  - С помощью этого корабля пират попадёт нам в руки.
  - А каким образом?
- Я закрашу полосу на «Белой розе» и во всём остальном подгоню её под «Счастливое избавление». Затем отправлюсь к острову Ла-Ваш, на котором Шарки охотится на диких быков. Когда он нас увидит, он безусловно примет наш корабль за свой и поднимется на борт навстречу своей погибели.

План был до смешного прост, и тем не менее губернатору показалось, что он может увенчаться успехом. Без малейших колебаний он разрешил Крэддоку делать всё, что тот сочтёт необходимым для достижения намеченной цели. Однако сэр Эдуард был настроен не слишком оптимистически. Уже неоднократно пытались изловить Шарки, и всякий раз пират оказывался столь же хитрым, сколь и жестоким. Но этот худощавый пуританин со своим чёрным прошлым был также и коварен, и жесток.

Состязание в хитроумии между двумя такими людьми, как Шарки и Крэддок, пробуждало в губернаторе спортивный задор, хотя он и видел, что идёт на риск. Он поддержал и ободрил Крэддока, как подбодрил бы своего коня или бойцового петуха.

Прежде всего нужно было торопиться, так как в любой день кренгование могло закончиться, и пираты не замедлят выйти в море. Но работы было немного, а помощников нашлось сколько угодно, так что уже на следующий день «Белая роза» выходила из гавани в море. Многие моряки в порту хорошо знали очертания и оснастку пиратского барка, и ни один из них, глядя на «Белую розу», не заметил ни малейшей разницы. Белую бортовую полосу закрасили, мачты и реи закоптили, чтобы придать барку облик мрачного, видавшего виды скитальца. На фор-марсель была нашита огромная заплата в форме ромба.

Команда состояла из добровольцев; многие из них в своё время плавали под началом Стивена Крэддока: помощник капитана Джошуа Гирд, старый работорговец, сопровождавший его во многих странствиях, и теперь откликнулся на приглашение своего былого главаря.

Барк летел по Карибскому морю. При виде фар-марселя с бубновой заплатой всякая мелкая посудина разбегалась направо и налево, как испуганная форель в заводи. К вечеру четвёртого дня в пяти милях к северо-востоку показался мыс Абаку.

На пятые сутки вечером они бросили якорь в Черепашьем заливе острова Ла-Ваш, где охотились Шарки и его четверо сподвижников. Остров покрывал густой лес. Пальмы и подлесок спускались к узкой полосе серебристого песка, которая, как серп, окаймляла берег. На барке подняли чёрный флаг и красный вымпел, но с берега не последовало никакого ответа. Крэддок напрягал зрение в надежде, что вот-вот увидит, как с берега отваливает ботик с Шарки, сидящим у шкотов. Но прошла ночь, миновал день и ещё одна ночь, но не видно было никаких признаков людей, которых они намеревались заманить в ловушку. Видимо, «Белая роза» запоздала и пираты уже убрались отсюда.

На следующее утро Крэддок сошёл на берег, чтобы проверить своё предположение. То, что он увидел, его успокоило. Совсем близко от берега стояла поленница из свежесрубленного леса, какой употребляют для копчения мяса. Вокруг поленницы висели куски копчёной говядины. Корабль пиратов ещё не забрал свою провизию. Следовательно, охотники всё ещё находились на острове.

Почему же они не показывались? Может быть, они обнаружили, что это не их корабль? Или они охотились в глубине острова и ещё не ждали прибытия своего барка? Крэддок терялся в догадках, но тут появился индеец-караиб и сообщил, что пираты всё ещё находятся на острове. Их лагерь, сказал он, разбит на расстоянии одного дня пути. Они украли у него жену, самого его избили — на его коричневой коже виднелись красные полосы. Враги пиратов — его друзья, и он готов повести их к стоянке охотников.

Лучшего Крэддок не мог бы и пожелать. На следующее утро он отправился вместе с проводником-караибом во главе небольшого, вооружённого до зубов отряда. Весь день они продирались сквозь заросли, карабкались на скалы и продвигались всё дальше и дальше в самое сердце пустынного острова. То тут, то там они находили следы, оставленные охотниками, — кости убитого быка или следы ног на болоте, а однажды под вечер им почудилось, что они услышали отдалённый треск выстрелов.

Ночь они провели под деревьями и снова выступили в путь при первых проблесках рассвета. В полдень они увидали хижины из древесной коры. Здесь, как уверял караиб, и был лагерь охотников. Но хижины были пусты, кругом царила тишина. Без сомнения, обитатели хижин ушли на охоту и вернутся лишь к вечеру; Крэддок и его люди устроили засаду в кустах, окружавших лагерь. Но вечером никто не явился, и они провели впустую ещё одну ночь в лесу. Больше делать было нечего, и Крэддок решил, что после двухдневной отлучки пора возвращаться на барк.

Обратный поход оказался менее трудным, так как они шли по проложенной ими самими тропинке. Ещё до вечера они достигли залива и увидели свой корабль, стоящий на якоре на прежнем месте. Их шлюпка находилась в кустах, куда они её подтянули перед выходом в лес. Они спустили шлюпку на воду, налегли на вёсла и направились к барку.

— Что, не повезло? — крикнул Джошуа Гирд, когда шлюпка подошла к трапу.

Помощник поджидал Крэддока на корме корабля. Лицо его было бледно.

- Лагерь был пуст, но Шарки ещё может сюда прийти, сказал Крэддок, занося ногу на трап. На палубе послышался смех.
  - Я думаю, сказал помощник, что лучше нашим людям остаться в шлюпке.
  - Это почему же?
  - Когда вы подниметесь к нам на борт, сэр, вы поймёте, почему.

Помощник говорил каким-то странным, прерывающимся голосом.

Кровь бросилась Крэддоку в лицо.

— Это ещё что такое, мистер Гирд? — заорал он, поднимаясь по трапу. — Как вы смеете отдавать приказания команде моего корабля?

Но как только он перелез через фальшборт и ступил одной ногой на палубу, какой-то бородач, которого Крэддок до того ни разу не видел на корабле, неожиданно выхватил пистолет у него из-за пояса. Крэддок поймал его за руку, но в то же мгновение стоящий рядом с ним малый выдернул у Крэддока саблю.

— Что за шутки? — закричал Крэддок, в ярости озираясь по сторонам, но команда, стоявшая на палубе небольшими группами, посмеивалась и перешёптывалась, и никто не приходил ему на помощь. Даже при беглом взгляде Крэддоку бросилось в глаза, что на матросах была какая-то необычайная одежда: на одних топорщились длиннополые костюмы для верховой езды, на других — бархатные кафтаны, у многих под коленями развевались разноцветные ленты, — в общем, они скорее походили на каких-то модников, чем матросов.

Глядя на их нелепые фигуры, Крэддок ударил себя кулаком по лбу, чтобы удостовериться, что всё это происходит наяву. Палуба была гораздо более грязной, чем в тот день, когда он высаживался на берег; со всех сторон к нему были обращены чужие, чёрные от загара лица. Никого из этих людей, кроме Джошуа Гирда, он не знал. Неужели кто-то захватил судно во время его отсутствия? А окружающие уж не пираты ли они, не люди ли Шарки? При этой мысли он ринулся к борту, чтобы прыгнуть в свою шлюпку, но его мгновенно потащили на корму и втолкнули в открытую дверь его собственной каюты.

И здесь всё выглядело иначе, чем в то утро, когда он отсюда уходил. Всё было другое: и пол, и потолок, и мебель. У него обстановка отличалась строгой простотой. Здесь же всё утопало в роскоши и грязи: драгоценные бархатные шторы были покрыты винными пятнами, панели из редкостных пород дерева — в оспинах от пистолетных выстрелов.

На столе лежала огромная карта Карибского моря. Над ней с циркулем в руке сидел бритый бледнолицый человек. На нём была меховая шапочка и кафтан из камчатной ткани цвета красного вина. У Крэддока даже веснушки на лице побледнели, когда он увидел длинный, узкий нос с высоко вырезанными ноздрями и глаза с красными веками, неподвижно устремлённые на него с насмешкой игрока, прижавшего своего противника к стенке.

— Шарки? — воскликнул Крэддок.

Тонкие губы Шарки раздвинулись, и он разразился визгливым смехом.

— Дурак! — заорал он и, наклонившись вперёд, вонзил ножку циркуля в плечо Крэддока. — Ах ты, ничтожество, тупоумный дуралей! И ты вздумал соперничать со мной!

Не столько боль, сколько презрение, звучавшее в голосе Шарки, вызвало у Крэддока взрыв дикого бешенства. Он яростно завопил и, прыгнув на пирата, стал бешено колотить его руками и ногами. Шестеро молодцов еле-еле оттащили его и прижали к полу среди обломков разбитого стола; всё это были беглые каторжники, на каждом из них виднелось клеймо. Шарки не сводил с Крэддока презрительного взгляда. Крэддок отчаянно извивался, на губах у него выступила пена. Вдруг снаружи донеслись громкий треск и испуганные вскрики.

- В чём дело? спросил Шарки.
- На шлюпку сбросили ядра и пробили дно. Люди барахтаются в воде.
- Пусть там и остаются, сказал пират. Теперь, Крэддок, ты знаешь, где ты находишься: ты на борту моего корабля «Счастливое избавление» и полностью в моей власти. Я знавал тебя как отважного моряка, мошенник ты этакий, ещё до того, как ты стал сухопутным ханжой. Твои руки в те времена были не чище моих. Так вот, либо ты немедленно подпишешь этот договор, как уже сделал твой помощник, и присоединишься к нам, либо я тебя вышвырну за борт, где уже бултыхается вся твоя команда.
  - А где мой корабль? спросил Крэддок.
  - Лежит на дне залива.
  - A мои люди?
  - Там же.
  - В таком случае бросайте и меня туда же.
  - Подрезать ему поджилки и сбросить за борт! приказал Шарки.

Множество грубых рук поволокло Крэддока на палубу, и старшина Галлоуэй уже вытащил свой кортик, чтобы искалечить пленника. Неожиданно из каюты быстрыми шагами вышел Шарки. Его лицо горело от возбуждения.

— Мы можем расправиться с этим псом ещё почище! — крикнул он. — Чтоб я захлебнулся в солёной воде, если у меня не возник великолепный план! Заковать его и бросить в парусную. Потом зайди ко мне, я тебе расскажу, что я придумал.

Итак, Крэддок, закованный в цепи, весь в синяках и ранах, как телесных, так и душевных, был брошен в парусную. Он не мог двинуть ни ногой, ни рукой, но в жилах у него билась неукротимая кровь северянина; суровая душа Крэддока стремилась к достойному концу, который мог бы хоть отчасти загладить грехи его прошлого. Всю ночь он пролежал, прижавшись к скосу корабельного днища. По шумному плеску воды и скрипу шпангоута он понял, что корабль вышел в море и идёт куда-то полным ходом.

На рассвете кто-то в темноте прополз к нему по грудам парусов.

- Вот ром и сухари, услышал он голос своего бывшего помощника. Капитан Крэддок, принося это, я рискую жизнью.
- Это ты помог им подстроить мне западню? воскликнул Крэддок. Ты сурово за это ответишь!
  - Я сделал это под угрозой ножа, который приставили к моей спине.
- Да простит тебе Господь твою трусость, Джошуа Гирд. Как же ты попал к ним в лапы?
- Дело в том, капитан Крэддок, что в тот день, когда вы ушли в лес, прибыл после кренгования пиратский корабль. Они взяли нас на абордаж, у нас была нехватка в команде, так как лучшие люди были в лесу с вами, и нас быстро одолели. Некоторых наших зарубили, и это были самые счастливые. Других замучили позже. Что до меня, то я спас себе жизнь, записавшись в пираты.
  - Неужели они потопили мой корабль?
- Они его потопили, и только тогда Шарки и его люди, наблюдавшие за нами из береговых зарослей, вернулись на «Счастливое избавление». Оказывается, что в последнем рейсе его грот-рей треснул и его скрепили брусом, и Шарки как увидел, что наш рей невредим, так сразу заподозрил что-то неладное. А под конец он решил заманить вас в ту самую ловушку, которую вы готовили ему.

Крэддок горько застонал.

- И как это я не заметил, что грот-рей у него скреплён брусом? пробормотал он.— А куда мы идём?
  - Мы идём на северо-запад.
  - На северо-запад! Так, значит, мы возвращаемся к Ямайке!
  - Со скоростью восемь узлов.
  - Вы не слыхали, что они собираются со мной сделать?
  - Нет, не слыхал. Если бы только вы подписали договор...
- Ни слова больше, Джошуа Гирд! Хватит! Я слишком часто пренебрегал спасением своей души.
  - Как хотите! Я сделал всё, что смог. Прощайте!

Всю ночь и весь следующий день барк «Счастливое избавление» летел, гонимый восточными пассатами, а Стивен Крэддок лежал в тёмной парусной и терпеливо возился со своими наручниками. В конце концов ему удалось содрать один из наручников, хотя он и повредил несколько пальцев, но как он ни старался, он не смог освободиться от второго. Лодыжки его ног были скованы ещё крепче.

Часами он слушал плеск воды и знал, что на барке подняли все паруса, чтобы воспользоваться пассатным ветром. В таком случае барк, вероятно, уже приближается к Ямайке. Что же задумал Шарки? Что он собирается сделать с пленником? Крэддок стиснул зубы и поклялся, что если в своё время он стал злодеем по собственному желанию, то теперь его ни за что не заставят снова вступить на путь зла силой.

На следующее утро Крэддок догадался, что часть парусов на судне убрали и что под лёгким бризом, дувшим с носа, оно медленно поворачивает на другой галс. Крен судна и звуки на палубе рассказывали опытному моряку обо всём, что происходит. Частые смены галсов говорили о том, что корабль маневрирует вблизи берега, направляется к какому-то определённому месту. В таком случае он уже достиг Ямайки. Но что ему там делать?

Внезапно на палубе раздался взрыв приветственных криков, затем над головой Крэддока прогремел пушечный выстрел, издалека через водное пространство донёсся ответный гул орудий. Крэддок присел и стал прислушиваться. Неужели корабль начал сражение? Но пушка выпалила только один раз, и хотя ответных выстрелов было много, ни разу не раздалось характерного звука попадания.

Если это не бой, то это, должно быть, салют! Но кто же встретит салютом Шарки? Пирата? Так поступить может только другой пиратский корабль.

В полном недоумении Крэддок снова улёгся и принялся за второй наручник, который всё ещё сжимал его правое запястье.

Вокруг снаружи послышался шум шагов, и едва он успел обмотать болтаюшиеся звенья цепи вокруг свободной руки, как дверь отворилась и вошли двое пиратов.

- Эй, плотник, где молоток? - спросил один из них, в котором Крэддок узнал огромного квартирмейстера. - Сбей оковы у него с ног. А браслеты на руках оставь - так будет вернее.

Орудуя молотком и зубилом, плотник снял оковы с ног.

- Что вы хотите со мной делать? спросил Крэддок.
- Поднимешься на палубу, там увидишь.

Матрос схватил его за руку и грубо потащил к трапу. Крэддок поднял голову: над ним сиял квадрат синего неба, рассечённый бизань-гафелем с развевающимися флагами. При виде этих флагов у Стивена Крэддока перехватило дыхание. Флагов было два, и один из них — флаг Британии — висел над флагом «Весёлого Роджера»: символ добропорядочности над символом злодейства.

Крэддок стоял в полном недоумении, но сильный толчок в спину погнал его вверх по трапу. Ступив на палубу, он увидел, что над красным вымпелом тоже полощется флаг Британии, а все снасти унизаны гирляндами.

Значит, кто-то вырвал корабль из рук пиратов? Но это совсем уж невероятно, ибо пираты облепили левый борт и восторженно размахивали высоко поднятыми в воздух шляпами. Самым заметным из всех был ренегат-помощник. Он стоял на самом краю полубака и неистово жестикулировал. Крэддок глянул через борт, увидел, кого они приветствуют, и мгновенно осознал всю серьёзность положения.

С левого борта, примерно на расстоянии мили, белели дома и форты Порт-Ройяла. Над всеми крышами развевались флаги. Впереди виднелся проход между скалами, ведущий в гавань Кингстона. Там, на расстоянии не более четверти мили, двигался, борясь с лёгким ветерком, небольшой шлюп. На верхушке мачты шлюпа развевался британский флаг, и все снасти были разукрашены. Палубу его густо заполняли какие-то люди. Они махали шляпами и выкрикивали приветствия. На общем тёмном фоне выделялись пятна алого цвета, и это означало, что на шлюпе находились и гарнизонные офицеры.

В один миг Крэддок понял, в чём дело. Шарки, дьявольски коварный и наглый пират, разыгрывал ту роль, которая предназначалась Крэддоку, если бы он вернулся в Кингстон победителем. Это в честь его, Крэддока, гремели салюты и развевались флаги. К «Счастливому избавлению» шёл шлюп с губернатором, комендантом и всем начальством острова затем, чтобы приветствовать его, Крэддока. Через каких-нибудь десять минут шлюп будет в пределах досягаемости пушек «Счастливого избавления», и Шарки выиграет такую крупную ставку, какая до сих пор не снилась ни одному пирату.

- Вывести его вперёд! крикнул Шарки, когда Крэддок появился в сопровождении старшины и плотника. Амбразуры пока держите закрытыми, но подкатите все орудия левого борта и будьте готовы дать залп всем бортом. Ещё два кабельтовых, и они наши.
  - Они как будто поворачивают, сказал боцман. Мне думается, они нас распознали.
- Это мы быстро исправим, сказал Шарки, уставившись на Крэддока. Эй, ты, стань здесь... вот здесь, где ты будешь виден, и они тебя узнают. Ухватись одной рукой за ванты и помахай им шляпой. Быстрее, не то твои мозги испачкают тебе одежду. Нэд, воткни-ка в него свой нож на один дюйм. Ну как, помашешь шляпой? Попробуй ещё разочек, Нэд... Эй, пристрелить его! Задержать его!

Но уже было поздно. Понадеявшись на наручники, квартирмейстер выпустил на секунду руку Крэддока. В ту же секунду тот вырвался из рук плотника. Под градом пистолетных выстрелов Крэддок перепрыгнул через борт и поплыл. В него попали и раз и другой, но требуется немало пистолетных пуль, чтобы убить отважного и сильного человека, который твёрдо решил довести до конца задуманное дело и лишь потом умереть. Крэддок превосходно плавал, и, несмотря на кровавый след, который он оставлял за собой, расстояние между ним и пиратским кораблём быстро увеличивалось.

— Мушкет! Дайте мне мушкет! — кричал Шарки, свирепо ругаясь.

Он был прославленным стрелком, и его железные нервы никогда не подводили его в критическую минуту. Черноволосая голова, то взлетавшая на гребне волны, то низвергавшаяся вниз, уже находилась на полпути к шлюпу. Шарки долго прицеливался, прежде чем спустить курок. При звуке выстрела пловец выпрямился, взмахнул рукой, подавая шлюпу знак предостережения, и голос его загремел на весь залив. Шлюп поспешно повернул назад, и бортовой залп пирата уже не достиг цели.

Угрюмо улыбаясь в смертельной агонии, Стивен Крэддок медленно шёл ко дну, где его ждало золотое песчаное ложе.

1900 г.

(перевод Б. Грибанова)

РАССКАЗ АМЕРИКАНЦА

— Чудно, конечно, — произнёс наш янки в тот момент, когда я отворил дверь и вошёл в комнату, в которой собралось наше небольшое полулитературное общество, — да, чудно, но я бы мог рассказать вам кое-что позанятнее. Из книг, дорогие сэры, всего не узнаешь, нет. Я вам вот что скажу: в такие места, в каких мне довелось побывать, всякие там образованные, из тех, знаете, которые слова, как бисер, нанизывают, сроду не попадут. Там ребята простые, неотёсанные, они и говорить-то толком не умеют, не то что пером по бумаге царапать; но вот если бы умели, они бы такое могли рассказать, что вам, европейцам, и во сне не приснится, это я вам точно говорю.

Звали его, по-моему, Джефферсон Эдамс; во всяком случае, инициалы его были Д.Э. Они и сейчас красуются на двери, ведущей в курилку, справа, вверху. Он вырезал их ещё тогда и оставил нам в наследство вместе с узорами, артистически выполненными табачной жвачкой на нашем турецком ковре. Правда, если не считать этих сувениров, Д.Э. испарился из нашего сознания почти бесследно. Он сверкнул на тихом небосклоне нашей компании, как яркий метеор, и затерялся где-то во тьме окружающего мира. В тот вечер, однако, наш приятель из Невады был в ударе, и я тихонько, чтобы не прерывать его рассказ, закурил трубку и опустился на ближайший стул.

— Вы не думайте, — продолжал он, — я против этих ваших учёных ничего не имею. Если парень каждому зверю, каждому растению, от медведя до черники, может подобрать название, да ещё такое, что на трезвую голову и не выговорить, — я к нему с дорогой душой, со всем моим уважением. Но если вам охота послушать что-нибудь эдакое, из ряда вон, идите к китобоям или поселенцам Дальнего Запада, к следопытам или ребятам из компании Хадсон-Бэй* — одним словом, к людям, которые даже имя своё, и то с трудом могут накарябать.

Наступила пауза. Мистер Джефферсон Эдамс вытащил длинную сигару и закурил. Мы сохраняли полное молчание, так как знали, что стоит его перебить — и наш янки тотчас замкнётся в себе. Он огляделся вокруг, с самодовольной улыбкой отметил, что мы терпеливо ждём, и продолжал сквозь кольца сигарного дыма:

— Вот взять хотя бы вас, джентльмены, — кто из вас когда-нибудь был в Аризоне? Ручаюсь, что никто. Вообще изо всех этих англичан и американцев, которые умеют водить пером по бумаге, — сколько их побывало в Аризоне? Раз-два — и обчёлся! А я там был, джентльмены, я жил там, и как вспомню, чего я там насмотрелся, мне и самому не верится, что всё это вправду было.

Да, вот это страна, доложу я вам! Я был одним из флибустьеров Уокера, ** как нас тогда называли, когда же наше дело накрылось и шефа подстрелили, некоторые дали дёру и обосновались в Аризоне. Настоящая англо-американская колония, вот как мы жили, вместе с жёнами, детьми и всякой всячиной. Наверное, там и сейчас есть кое-кто из наших стариков. Бьюсь об заклад, что они не забыли того случая, о котором я собираюсь вам рассказать. Не забыли и не забудут — до гробовой доски.

Так вот, об Аризоне. Я думаю, если бы я вообще больше ни о чём удивительном не рассказывал, вам бы и этого хватило под самую завязку. И подумать только, что такой край создан Господом для горсточки мексикашек и каких-то полукровок! Просто обидно, ей-богу! Трава, например, едешь верхом, а она у тебя над головой смыкается, а леса такие, что неба сквозь деревья не видно на мили и мили вокруг, и орхидеи как зонтики! А то ещё такое растение — может, кто из вас видел, — его кое-где в Штатах мухоловкой называют?

- Дианеа мусципула,*** пробормотал Доусон, самый учёный из нас.
- Вот-вот. «Диана мне всыпала», она самая! Сядет какая-нибудь муха на эту Диану, а лист цап! и складывается пополам. Всё. Муха попалась. Лист её расплющивает,

 $^{^*}$ Британская акционерная компания, организованная в 1670г. для торговли пушниной с североамериканскими индейцами, соперничавшая с французами. (Π . Γ .)

 $^{^{**}}$ Очевидно, имеется в виду Уильям Уокер (1824 — 1860гг.), участвовавший в повстанческом движении в Нижней Калифорнии, Мексике и Никарагуа. (Π . Γ .)

^{***} Dianea muscipula — растение-хищник, подобное росянковым, с листьями, приспособленными для ловли насекомых и мелких беспозвоночных животных. (Π . Γ .)

перемалывает — точь-в-точь как осьминог своим клювом, и, если вы через несколько часов развернёте лист, вы увидите, что муха растерзана в клочья и уже наполовину переварена. Так вот в Аризоне я видел мухоловки, у которых листья достигали восьми, а то и десяти футов в длину, а шипы были с целый фут, а то и больше, представляете? Ведь такая штука вообще может... А, чёрт, это я забегаю наперёд!

Я хотел вам рассказать, как умер Джо Хоукинс. Ничего подобного вы в жизни не слыхали. Джо Хоукинса (его там прозвали Джо Алабама) в Аризоне каждая собака знала. Настоящий проходимец, другого такого подонка свет не видал. Причём заметьте: пока вы гладили его по шёрстке, он был вполне приличным парнем, но стоило его чуть-чуть задеть, он сразу превращался в дикую кошку, даже ещё хуже. Я видел, как он разрядил свою шестизарядную пушку в толпу людей только потому, что кто-то его толкнул в баре Симпсона, когда там были танцы; он пырнул ножом Тома Хупера за то, что тот нечаянно пролил виски ему на жилетку. Нет, он запросто мог укокошить кого угодно, этот Джо, и доверять ему никак нельзя было.

Так вот, в то время, о котором я рассказываю, когда Джо Хоукинс почём зря бахвалился своими шестизарядными игрушками и устанавливал в посёлке свои законы, был там один англичанин по имени Скотт — Том Скотт, если не ошибаюсь. Этот парень, Том, был самый что ни на есть чистопородный британец (прошу прощения у присутствующих). Тем не менее он не очень-то водился с тамошними англичанами — или, может, это они с ним не водились. Был он человек тихий, простой, этот Скотт, даже, пожалуй, слишком тихий для такой необузданной компании. Они его прозвали тихоней, только тихоней он не был, вот уж нет. Держался он в основном в сторонке и ни к кому не лез, пока его не трогали. Кое-кто говорил, что дома с ним не очень хорошо обошлись: он не то чартистом был, не то ещё чем-то в этом роде — одним словом, ему пришлось уносить оттуда ноги; но сам он об этом никогда не рассказывал и никогда ни на что не жаловался. Везло или не везло, этот парень не падал духом.

Там, в Аризоне, все над ним за глаза потешались из-за того, что он такой тихий и вроде простоватый. Никто не разделял его забот, потому что, как я уже сказал, англичане его не считали за своего и часто подстраивали парню всякие шуточки. Он никогда не огрызался, со всеми был вежлив. Я думаю, эти ребята считали, что у него кишка тонка, пока он не доказал им, что они ошибаются.

В тот раз сыр-бор разгорелся в баре у Симпсона — с этого всё и началось. Джо Алабама и с ним ещё один или два буяна здорово взъелись на англичан и высказывали своё мнение, ничуть не стесняясь, хотя я их предупреждал, что это добром не кончится. Джо в ту ночь был пьян в стельку и слонялся повсюду со своим револьвером, ища, с кем бы затеять ссору. Потом он завернул к Симпсону, зная, что там наверняка будут англичане, так же, как и он, готовые к доброй драке. Так оно и вышло: их там околачивалось с полдюжины, а Том Скотт стоял один у печки. Джо подсел к столу и выложил перед собой нож и револьвер. «Вот мои аргументы, Джефф, — сказал он мне, — на тот случай, если какой-нибудь дохлый британец попробует со мной поспорить или меня надуть». Я пытался унять его, джентльмены, но Джо был не из тех, кого легко уговорить. Он понёс такое, чего просто никто бы не стерпел. Да что там — самый паршивый мексикашка и тот взвился бы, если бы кто позволил себе такое сказать о его Мексикании. Натурально, в баре заварилась каша, все стали хвататься за оружие, но никто не успел ещё вытащить пистолет, как вдруг от печки раздался спокойный голос: «Ты бы помолился напоследок, Джо, потому что, клянусь Небом, ты уже мертвец». Джо обернулся с таким видом, будто собирался пустить в ход все свои железки, но не тут-то было: Том Скотт уже поднимался, держа его на прицеле своего «дерринджера». Вледное лицо Тома улыбалось, но что-то дьявольское светилось в его глазах. «Не скажу, чтобы старушка Англия очень мило со мной обошлась, — говорит, — но тот, кто посмеет в моём присутствии так о ней отзываться, может прощаться с жизнью». Я видел, как на секунду или две напрягся на спусковом крючке его палец, но потом Скотт рассмеялся и швырнул пистолет на пол. «Нет, — говорит, — не могу я пристрелить пьяного. Так и быть, уноси свою грязную жизнь, Джо, и постарайся употребить её лучше, чем до сих пор. Сегодня ты стоял ближе к смерти, чем когда-либо был или будешь,

_

^{*} Марка американского короткоствольного крупнокалиберного револьвера. (Π . Γ .)

пока не придёт твой последний час. А теперь, я думаю, тебе лучше убраться отсюда подобрупоздорову. И не оглядывайся на меня, я не боюсь твоей пушки. Ведь наглец и задира всегда трус». Он с презрением отвернулся и раскурил от печки свою погасшую трубку, в то время как Алабама вышмыгнул из бара под громовой хохот англичан. Я видел его лицо, когда он проходил мимо: это было лицо убийцы, джентльмены. Убийство — вот что было написано яснее ясного на его лице.

Я остался в баре и видел, как Том Скотт, прощаясь, пожал руки всем, кто был рядом. Удивительно, но он улыбался и даже вроде был весел. Я знал характер Джо и понимал, что у этого англичанина мало шансов увидеть завтрашний день. Дело в том, что жил он в глухом углу, в стороне от дороги, и, чтобы добраться до дому, ему надо было пройти через Ущелье Мухоловок. Это мрачное, болотистое место, безлюдное даже днём; его избегали, потому что каждому становилось не по себе при виде того, как эти восьми— и десятифутовые листочки захлопываются, если их коснётся какая-нибудь живность. Ну, а ночью там и подавно не было ни души. Кроме того, на болоте попадались трясины и топи: брось туда тело — и к утру его не будет. Я представлял себе, как Джо Алабама с револьвером в руке и со злобной гримасой ждёт, затаившись под листьями Большой Мухоловки в самом тёмном месте ущелья; клянусь, джентльмены, я так живо себе это представлял, словно видел своими глазами.

Симпсон обычно закрывал бар около полуночи, так что нам пора уже было выметаться. Том Скотт, попрощавшись, быстро зашагал прочь — ему предстояло шагать целых три мили. Однако я успел ему сказать, когда он проходил мимо: «Держите свой «дерринджер» наготове, сэр, он может вам понадобиться». Том невозмутимо улыбнулся и исчез в темноте. Честно говоря, я уже не надеялся увидеть его снова. Он только ушёл, а тут Симпсон подходит ко мне и говорит: «Хорошенькое дельце будет сегодня ночью в Ущелье Мухоловок, Джефф. Ребята говорят, что Хоукинс ушёл туда с полчаса назад, чтобы дождаться Скотта и подстрелить его. Как пить дать, завтра тут понадобится коронер.* Что же произошло в ущелье в ту ночь? На следующее утро этот вопрос вертелся у каждого на языке. Один метис прибежал в лавку Фергюсона, как только рассвело. Он сказал, что ему довелось быть неподалеку от ущелья около часу ночи; при этом он был так напуган, что едва можно было понять, что он лопочет. В конце концов, однако, мы разобрали — там в тишине ночи он слышал страшные крики. Никаких, говорит, выстрелов, но крики, один за другим, дикие, какие-то придушенные вроде человеку серапе** на голову накинули, и вроде у него боль — ну прямо смертельная! Эбнер Брэндон, я и ещё несколько человек, которые как раз были в лавке в это время, сели на лошадей и поехали через ущелье к дому Скотта. На дороге ничего особенного — ни там крови, ни следов драки — ровным счётом ничего. А когда мы подъехали к дому, Скотт вышел нам навстречу, свеженький как огурчик. «Привет, Джефф, - говорит. - Чего это вы все с пистолетами? Заходите, ребята, и пропустите стаканчик». Ну, я его спрашиваю: «Ты тут вчера ничего не слышал, а может, видел что, когда пришёл домой?» - «Да нет, - говорит, - всё было тихо. Вроде сыч кричал в ущелье, а так больше ничего. Давайте, ребята, слезайте с лошадей и промочите горло». — «Спасибо», — говорит Эбнер. Ну, мы спешились, а потом Том поехал с нами обратно в посёлок.

Въехали мы на главную улицу, а там — страшный суд! Все американцы посёлка прямо рехнулись: Джо Алабама пропал, ни слуху ни духу! Никто его не видел с той минуты, как он поехал в ущелье. Когда мы спешились перед баром, там уже набралась целая куча народу, и на Тома смотрят, прямо скажем, не похорошему. Защёлкали курки, и Том, я вижу, тоже сунул руку за пазуху. И ни одного англичанина рядом. «Ну-ка посторонись, Джефф Эдамс, — говорит мне Зебб Хамфри, негодяй, каких мало. — В этой игре твоей ставки нет. Скажите, ребята, неужели мы позволим, чтобы нас, свободных американцев, убивал какой-то паршивый англичанин?» Раздался треск, бросок, я и оглянуться не успел, как Зебб свалился с пулей в бедре, но сам Скотт тоже оказался на земле, и на него навалился добрый десяток американцев. Сопротивляться не было никакого смысла, так что он лежал спокойно. Сначала они вроде бы не знали, что с ним делать, но потом один из закадычных дружков Алабамы им выдал: «Джо пропал — это ясно как день, и вон лежит человек, который его ухлопал. Некоторые тут знают:

 $^{^*}$ Так в С.Ш.А. и Великобритании называется гражданское должностное лицо, в обязанности которого входит расследование случаев насильственной или внезапной смерти. (Π . Γ .)

^{**} Мексиканская клетчатая шаль или плед. (Π . Γ .)

вчера вечером Джо поехал в ущелье по делу; он так и не вернулся. Вот этот англичанин шёл по ущелью после Алабамы, а перед тем они поссорились. Потом там, среди больших мухоловок, слышали отчаянные крики. Говорю вам, этот тип сыграл с бедным Джо подлую штуку: он его ухлопал и бросил в болото. Неудивительно, что тела нигде нет. А мы будем стоять в сторонке и смотреть, как англичане убивают наших товарищей? Чёрта с два! Пусть его судит судья Линч, вот что я вам скажу!» — «Линчевать его!» — заорала целая сотня злобных голосов — к тому времени вокруг нас уже собралась вся эта братия. «Тащите верёвку, вздёрнем его на дверях бара!» — «Да нет, — говорит другой, — давайте повесим его в ущелье — у большой мухоловки. Пусть Джо видит, что мы за него отомстили. Это будет всё равно как мы его похоронили честь по чести». На том и порешили: ехать в ущелье и там беднягу Тома повесить. Привязали парня к седлу на его же мустанге; сзади и по бокам конвой, верхом, с револьверами наготове; мы ведь знали, что человек двадцать англичан суда Линча не признают.

Я поехал с ними, и сердце у меня прямо кровью обливалось за Тома, хотя сам он, похоже, ничуть не волновался — вот что интересно! Вроде бы странно, джентльмены, — повесить человека на мухоловке, но она у нас была как настоящее дерево, а уж листья и шипы — так вообще...

Мы доехали по ущелью до того места, где она росла, тут мы её и увидели, со всеми её листьями — некоторые открыты, некоторые закрыты. Да только мы ещё кое-что увидели, малость похуже: вокруг этого дерева стояли англичане, человек тридцать, и все вооружённые до зубов. Похоже было, что они нас поджидают, и вид у них был деловой — не просто так собрались. Ну, вижу, тут будет тёплый разговор, теплей не бывает. Только мы подъехали, один шотландец, здоровый такой, с рыжей бородой — Камерон его звали, — выступил вперёд револьвер в руке и курок взведён. «Слушайте, ребята, — говорит, — вы ни одного волоска на голове этого человека не тронете. Вы ещё не доказали, что Джо убит, а если бы и да, так вы ещё не доказали, что это Скотт его убил. И вообще это была самозащита — все вы знаете, что Алабама тут устроил засаду, он хотел пристрелить Тома, когда он будет возвращаться домой. Так что я повторяю, вы этого человека не тронете, и, кроме того, у меня здесь тридцать шестизарядных доводов против». - «Это интересная точка зрения, её стоит обсудить», говорит закадычный дружок Алабамы. Ну, тут заблестели ножи, защёлкали курки, обе компании стали сближаться — и было очень похоже, что в Аризоне ожидается повышение уровня смертности. Скотт стоял позади всех, к уху его был приставлен пистолет, на тот случай, если он надумает пошевелиться, но парень выглядел совершенно спокойным, будто его денег на кону нет, и всё это его ничуть не касается. И вдруг он как заорёт — прямо как труба архангела в судный день. «Джо, - кричит, - Джо! Смотрите - в мухоловке!» Мы все обернулись туда, куда он показывал. Конец света! Этой картинки, наверное, никто из нас не забудет! Один большой лист, который лежал закрытым на земле, стал медленно раскрываться, разгибаясь на своих шарнирах, а там, в выемке, как младенец в колыбели, лежал Джо Алабама. Когда этот чёртов лист закрывался, огромные шипы медленно пронзили его сердце. Видно было, что Джо пытался вырваться: в руке у него торчал нож, и мясистый лист был в нескольких местах рассечён, но Алабама не успел освободиться: растение его задушило. Наверное, когда он поджидал Тома, он решил подстелить этот лист, чтобы не ложиться на сырую, болотистую почву, а лист захлопнулся и поймал парня, как ваши тепличные мухоловки ловят мух в оранжереях. Так мы и нашли его, размозжённого, изжёванного гигантскими зубами растения-людоеда. Вот, джентльмены, надеюсь, вы не станете отрицать, что это удивительная история.

- А что же было с Томом? спросил Джек Синклер.
- Ну, уж его-то мы обратно на плечах несли до самого бара и он всем нам поставил выпивку. Ещё и речь произнёс, влез на стойку и произнёс шикарную речь. Что-то о том, как британский лев и американский орёл будут вечно итти рука об руку. А теперь, дорогие сэры, история была длинная, и сигаре моей пришёл конец, так что, пожалуй, и мне пора восвояси. Спокойной ночи!

С этими словами он вышел из комнаты.

— Чрезвычайно интересно! — сказал Доусон. — Кто бы подумал, что дианеа может обладать такой силой!

- Экая дурацкая фантазия! сказал юный Синклер.
  По всей видимости, это в высшей степени обстоятельный, правдивый человек, сказал доктор.
  - Или самый беспардонный лгун, сказал я. Интересно, кто из нас был прав.

1879 г.

(перевод И. Мельницкой)

НЕУДАЧНОЕ НАЧАЛО

- Доктор Орас Уилкинсон дома?
- Это я. Входите, прошу вас.

Посетитель, казалось, был чуть удивлён тем, что дверь ему открыл сам хозяин дома.

Я хотел бы поговорить с вами.

Доктор, бледный молодой человек с нервным лицом и холёными бакенбардами, в которые упирался высокий белый воротничок, одетый в строгий и длинный чёрный сюртук, какие носят только врачи, потёр руки и улыбнулся.

В плотном, крепко сбитом человеке, стоявшем перед ним, он угадал пациента, первого своего пациента. Скудные его средства таяли, и он уже задумывался над текущими хозяйственными расходами, хотя безопасности ради давно запер в правый ящик стола деньги, предназначенные для арендной платы за первые три месяца. Он поклонился, жестом пригласил посетителя войти, небрежно, словно он случайно оказался в прихожей, запер дверь, проводил незнакомца в скромно обставленную приёмную и предложил сесть. Сам доктор Уилкинсон сел за стол и, соединив кончики пальцев, стал внимательно разглядывать посетителя. Интересно, что его беспокоит? Лицо, кажется, слишком красное. Кое-кто из его прежних преподавателей уже поставил бы диагноз и поразил бы пациента описанием симптомов, прежде чем тот успел вымолвить слово. Доктор Орас Уилкинсон мучительно ломал голову, пытаясь угадать недуг своего первого пациента, но природа сотворила его всего-навсего трудолюбивым и усердным человеком, а не блестящим медиком. Мысли его вертелись вокруг цепочки от часов у посетителя, которую он видел перед собой. Она сильно смахивала на медную, и он сделал вывод, что может рассчитывать не более как на полкроны. Что ж, и полкроны на земле не валяются, особенно когда ты только начинаешь.

Пока врач внимательно разглядывал посетителя, тот шарил по карманам своего плотного сюртука. Из-за тёплой, не по погоде, одежды и усилий, которые потребовались для этого, лицо его из кирпичного стало свекольным, а лоб покрылся испариной. Именно это и натолкнуло наконец наблюдательного медика на догадку: не иначе как спиртному посетитель обязан таким цветом лица. Да, беда этого человека в том, что он пьёт. Нужен, правда, некоторый такт, чтобы дать понять пациенту, что причина его недуга ясна для врача.

- Фу, жарко! заметил незнакомец.
- Да, в такую погоду так и тянет выпить лишнюю кружку пива, хотя это и вредно, ответил доктор Уилкинсон, многозначительно глядя на посетителя поверх сомкнутых пальцев.
  - Вот чего ни за что бы не посоветовал вам.
  - Мне? Я пива не пью.
  - Я тоже. Двадцать лет, как бросил.

Гнетущая пауза. Доктор Уилкинсон вспыхнул, лицо у него стало такое же красное, как у собеседника.

- Чем я могу быть полезен? спросил он, взяв стетоскоп и легонько постукивая им по ногтю большого пальца.
- Да-да, я как раз хотел перейти к делу... Я давно знаю, что вы приехали, но как-то не собрался сразу...

Он неуверенно кашлянул.

- Понимаю, произнёс доктор сочувственно.
- Я должен был зайти к вам ещё три недели назад, но знаете, как это бывает, всё откладываешь.

Он снова кашлянул, прикрыв рот большой красной ладонью.

— Я думаю, что больше не надо ничего рассказывать, — сказал доктор Уилкинсон, уверенно беря дело в свои руки. — Ваш кашель говорит сам за себя. Затронуты бронхи, если судить на слух. Крохотный очажок, ничего страшного, правда, есть опасность, что он увеличится, так что вы правильно сделали, что пришли. Кое-какие профилактические меры, и вы совсем поправитесь. Снимите, пожалуйста, жилет, рубашку не надо. Вдохните поглубже и низким голосом скажите «девяносто девять».

Краснолицый рассмеялся.

— Да нет, со мной всё в порядке, доктор. Кашель оттого, что я жую табак. Дурная привычка. С вас причитается девять шиллингов и девять пенсов по счётчику. Я— агент газовой компании.

Доктор Орас Уилкинсон рухнул в кресло.

- Так вы не больной? пробормотал он.
- Нет, сэр, я ни разу в жизни не был у врача.
- Так вон что... По вашему виду и в самом деле не скажешь, что вы доставляете врачам много хлопот. Ума не приложу, что нам делать, если все будут такие здоровяки, как вы. Доктор пытался замаскировать разочарование шуткой. Хорошо, я как-нибудь зайду в контору и внесу эту небольшую сумму.
  - Сэр, было бы удобнее, поскольку я уже пришёл... И вам не хлопотно...
  - Ну что же, пожалуйста!

Эти вечные денежные дела причиняли доктору больше неприятностей, чем скромный образ жизни или скудная еда. Он вытащил кошелёк и высыпал содержимое на стол: две монеты по полкроны и несколько пенсов. Правда, в ящике стола припрятаны десять золотых соверенов. Но это плата за помещение. Если притронуться к ним, он погиб. Нет, лучше уж голодать.

- Вот незадача! сказал он, улыбаясь, словно произошло что-то совершенно неслыханное. У меня вышла мелочь. Боюсь, что мне всё-таки придётся зайти в контору.
  - Как вам угодно, сэр.

Агент поднялся и, оценив намётанным глазом всё, что находилось в комнате — от ковра стоимостью в две гинеи до восьмишиллинговых муслиновых занавесок, — откланялся.

После его ухода доктор Уилкинсон прибрал в комнате, что он по обыкновению делал раз десять на дню. С краю на столе положил для вящей убедительности «Медицинскую энциклопедию Куэна», чтобы пациенты видели, какие у него под рукой авторитеты. Потом он вынул инструменты из своей карманной сумки — ножницы, щипчики, хирургические ножи, ланцеты — и аккуратнейшим образом разложил их на виду рядом со стетоскопом. Перед ним были раскрыты журнал, дневник и книга регистрации посетителей. Нигде не было ни единой записи, новенькие глянцевые обложки внушали подозрение, поэтому он потёр их друг о друга и даже поставил несколько чернильных клякс. Чтобы пациент не заметил, что его имя первое, он заполнил первую страницу в каждой книге записями о воображаемых визитах, которые он нанёс безымянным больным за три последних недели. Проделав всё это, он уронил голову на руки и погрузился в томительное ожидание.

Ожидание клиента всегда томительно для молодого человека, едва начинающего карьеру, но особенно томительно для того, кто знает, что через несколько недель, а то и дней жить будет не на что. Как ни экономить, деньги будут утекать, точно вода, из-за бесчисленных мелких расходов, совершенно непонятных, пока не имеешь собственного дома. И вот сейчас, сидя за столом и задумчиво глядя на горстку серебряных и медных монет, доктор Уилкинсон не стал бы отрицать, что его надежды успешно практиковать в Саттоне быстро улетучиваются.

А ведь это был оживлённый, процветающий город, тут было столько денег, что оставалось загадкой, почему знающий человек с умелыми руками должен бежать отсюда из-за невозможности найти работу. Со своего места доктор Орас Уилкинсон видел, как мимо его окна в обе стороны бежал и вихрился бесконечный людской поток. Он поселился в деловом квартале, где воздух всегда наполнен глухим городским шумом, стуком колёс и шарканьем бесчисленных шагов. Тысячи и тысячи мужчин, женщин, детей каждый день проходили мимо его двери, но каждый спешил по своим делам и едва ли замечал маленькую медную табличку на ней и давал себе труд подумать о человеке, который ждал внутри. А ведь совершенно очевидно, что многие из них нуждались в его помощи. Мужчины, страдающие дурным пищеварением, и анемичные женщины с прыщеватыми лицами и больной печенью — все они проходили мимо; они нуждались в нём, он нуждался в них, но их разделял неумолимый закон профессиональной этики. Что ему было делать? Не мог же он, выйдя за дверь, схватить за рукав первого встречного и шепнуть ему на ухо: «Прошу прощения, сэр, я только хотел сказать, что ваше лицо усеяно угрями, на вас неприятно смотреть, позвольте рекомендовать

вам отличное средство с мышьяком, оно будет стоить не больше, чем один обед или ужин, но, несомненно, поправит ваше здоровье?» Сказать такое — значит унизить высокое и благородное звание врача, а нет более ревностных хранителей профессиональной чести, чем те, кому эта профессия стала злой мачехой.

Доктор Орас Уилкинсон всё так же задумчиво глядел в окно, как вдруг кто-то резко дёрнул звонок у входной двери. Колокольчик звонил часто, и каждый раз он загорался надеждой, которая тут же гасла и наливала сердце свинцовым разочарованием, когда он встречал на пороге нищего или коммивояжёра. И всё-таки наш доктор был молод, обладал отходчивым характером, так что, несмотря на горький опыт, душа его снова радостно отозвалась на призыв. Он вскочил на ноги, окинул взглядом стол, придвинул на более видное место справочники и поспешил к двери. Но, выйдя в прихожую, он чуть не застонал от досады. Сквозь застеклённый верх двери он увидел перед домом цыганский фургон, нагружённый плетёными столами и стульями, а у входа мужчину и женщину с ребёнком. Он знал, что с этими людьми лучше даже не вступать в разговор.

- Ничего нет! крикнул он, чуть отпустив цепочку замка. Уходите! Он захлопнул дверь, но колокольчик зазвонил снова. Уходите! крикнул он в сердцах и пошёл к себе в приёмную. Но едва он успел опуститься на стул, как колокольчик зазвонил в третий раз. Закипая от гнева, он кинулся назад, распахнул дверь.
  - Какого…?
  - Простите, сэр, нам нужен врач.

В одно мгновенье он уже с приятнейшей профессиональной улыбкой потирал руки. Значит, им всё-таки нужен врач, а он хотел прогнать их с порога — первые посетители, которых он ждал с таким нетерпением. Правда, люди эти из самых низов. Мужчина, высокий цыган с гладкими волосами, отошёл к лошади. Перед ним стояла невысокая суровая женщина с большой ссадиной у глаза. Голова у неё была повязана жёлтым шёлковым платком, к груди она прижимала младенца, завёрнутого в красную шаль.

— Входите, сударыня, — любезно произнёс доктор Орас Уилкинсон. Уж тут-то диагноз можно поставить безошибочно. — Присядьте на диван, через минуту вам будет лучше.

Он налил из графина воды в блюдце, наложил компресс из корпии на повреждённое место и сделал перевязку secundum artem. *

- Спасибо, сэр, сказала женщина, когда он кончил. Так хорошо теперь и тепло. Да благослови вас Бог, доктор. Но пришла-то я не с глазом.
  - Не из-за глаза?

Доктор Орас Уилкинсон начинал сомневаться в преимуществе быстрого диагноза. Поразить пациента — вещь, конечно, превосходная, но до сих пор пациенты поражали его.

— Нет, у ребёночка вот сыпь.

Она отвернула шаль и показала крохотную темноволосую черноглазую девочку. Её смуглое горячее личико обметала тёмно-красная сыпь. Ребёнок, хрипло посапывая, смотрел на доктора слипающимися со сна глазёнками.

- М-да! Верно, сыпь... и порядочно высыпало.
- Я пришла показать её вам, чтобы вы могли утвердить.
- Что утвердить?
- Ну, если что случится...
- Вот оно что... Подтвердить, значит.
- Hy, а теперь я, пожалуй, пойду. А то Рубен это мой муж спешит.
- Неужели вы не возьмёте лекарства для девочки?
- Вы видели её, значит, всё в порядке. Если что случится, я скажу вам.
- Вы должны взять лекарство. Ребёнок серьёзно болен.

Он спустился в маленькую комнатку, которую приспособил под хирургический кабинет, и приготовил две унции успокаивающей мази в пузырьке. В таких городках, как Саттон, немногие могут позволить себе платить и врачу и фармацевту, и если врач не умеет приготовить лекарство, то ему вряд ли удастся заработать на жизнь.

— Вот лекарство, сударыня. Способ употребления на этикетке. Держите девочку в тепле

^{*} по всем правилам искусства (лат.)

и не перекармливайте.

— Премного благодарна вам, сэр.

Женщина взяла ребёнка в руки и пошла к двери.

— Простите, сударыня, — тревожно сказал доктор, — не кажется ли вам, что неудобно посылать счёт на такую небольшую сумму? Лучше, если вы сразу рассчитаетесь со мной.

Цыганка с упрёком глянула на него здоровым глазом.

- Вы хотите взять с меня деньги? спросила она. Сколько же?
- Ну, скажем, полкроны.

Он назвал сумму небрежно, словно о такой мелочи и говорить всерьёз не приходится, но цыганка подняла истошный крик.

- Полкроны? За что?
- Послушайте, дражайшая, почему же вы не обратились к бесплатному врачу, если у вас нет денег?

Неловко согнувшись, чтобы не уронить ребёнка, женщина пошарила в карманах.

- Вот семь пенсов, сказала она наконец, протягивая несколько медяков. A в придачу дам плетёную скамеечку под ноги.
  - Но мне платят полкроны.

Вся его натура, воспитанная на уважении к славной профессии врача, восставала против этой унизительной торговли, но у него не было выхода.

— Да где же я возьму полкроны-то? Хорошо господам, как вы сами: сидите себе в больших домах, едите-пьёте, что пожелаете, да ещё требуете полкроны. А за что? За то, что скажете «добрый день»? Полкроны на земле не валяются. Денежки-то нам, ох, как трудно достаются! Семь пенсов, больше у меня нет. Вот вы сказали не перекармливать её. Куда там перекармливать! Кормить не знаю чем.

Пока цыганка причитала, доктор Орас Уилкинсон рассеянно перевёл взгляд на крохотную горстку монет на столе — всё, что отделяло его от голода, и мрачно усмехнулся про себя, подумав, что в глазах этой бедной женщины он купается в роскоши. Потом он сгрёб со стола свои медяки, оставив две монеты в полкроны, и протянул их цыганке.

— Гонорара не надо, — сказал он резко. — Возьмите это. Они вам пригодятся. До свидания!

Он проводил цыганку в прихожую и запер за ней дверь. Всё-таки начало положено. У этих бродяг удивительная способность распространять новости. Популярность самых лучших врачей зиждется на таких вот рекомендациях. Повертятся у кухни, расскажут слугам, те несут в гостиную — так оно и идёт. Во всяком случае, теперь он может сказать, что у него был больной.

Он пошёл в заднюю комнатку и зажёг спиртовую горелку, чтобы вскипятить воды для чая: пока вода грелась, он с улыбкой думал об этом визите. Если все будут такие, то нетрудно посчитать, сколько потребуется больных, чтобы разорить его до нитки. Грязь на ковре и убитое время не в счёт, но бинта пошло на два пенса и лекарства на четыре, не говоря уже о пузырьке, пробке, этикетке и бумаге. Кроме того, он дал ей пять пенсов, так что первый пациент стоил ему никак не меньше шестой части наличного капитала. Если появятся ещё пятеро, он вылетит в трубу. Доктор Уилкинсон присел на чемодан и затрясся от смеха, отмеривая в коричневый керамический чайник полторы чайных ложки чая по шиллингу и восемь пенсов за фунт. Вдруг улыбка сбежала с его губ, он вскочил на ноги и прислушался, вытянув шею и скосив глаза на дверь. Заскрежетали колёса на обочине тротуара, послышались шаги за дверью, и громко задребезжал звонок. С ложкой в руке он выглянул в окно и с удивлением увидел экипаж, запряжённый парой, и напудренного лакея у дверей. Ложка звякнула об пол, он недоумённо застыл. Потом, собравшись с духом, распахнул дверь.

— Молодой человек, — начал лакей, — скажи своему хозяину доктору Уилкинсону, что его просят как можно скорее к леди Миллбэнк, в «Башни». Он должен ехать немедленно. Мы бы подвезли его, но нам нужно заехать ещё раз к доктору Мэйсону посмотреть, дома ли он. Поторопитесь-ка передать это своему хозяину!

Лакей кивнул и исчез; в ту же минуту возница хлестнул лошадей, и экипаж понёсся по улице.

Дела принимали неожиданный оборот! Доктор Орас Уилкинсон стоял у двери, пытаясь

собраться с мыслями. Леди Миллбэнк, владелица «Башен». Очевидно, состоятельная и высокопоставленная семья. И случай, видно, серьёзный — иначе зачем такая спешка и два врача сразу? Однако, каким чудом объяснить, что послали именно за ним?

Он скромный, никому не известный врач. Тут какая-то ошибка. Да, так оно, верно, и есть... А может быть, кто-нибудь решил сыграть с ним злую шутку? Но так или иначе пренебрегать таким приглашением нельзя. Он должен немедленно отправиться и выяснить, в чём дело.

Хотя кое-что он может узнать ещё на своей улице. На ближайшем углу есть крохотная лавчонка, где один из старожилов торгует газетами и сплетнями. Сперва он отправится туда... Доктор надел начищенный цилиндр, рассовал инструменты и перевязочный материал по карманам; не выпив чая, запер свою приёмную и пустился навстречу приключению.

Торговец на углу был ходячим справочником обо всех и обо всём в Саттоне, так что очень скоро доктор Уилкинсон получил необходимые сведения. Оказалось, что сэр Джон Миллбэнк — популярнейшая фигура в городе. Крупный оптовик, он занимался экспортом письменных принадлежностей, трижды был мэром и, по слухам, стоил никак не меньше двух миллионов стерлингов.

«Башни» — это богатое поместье сэра Джона Миллбэнка недалеко от города. Супруга его давно хворает, и ей становится всё хуже. Всё выглядело пока вполне правдоподобно. Они вызвали его благодаря какой-то поразительной случайности.

Но вдруг доктора снова одолели сомнения, и он вернулся в лавку.

— Я доктор Орас Уилкинсон, живу по соседству. Нет ли в городе другого врача с этим именем?

Нет. Торговец был уверен, что второго доктора Уилкинсона в городе нет.

Итак, всё ясно, ему выпал неслыханно счастливый случай, и он должен незамедлительно им воспользоваться. Он подозвал кэб и помчался в «Башни». У него то кружилась голова от радостных надежд и восторга, то замирало сердце от страха и сомнений, что он не сможет быть полезным или что в самый критический момент у него не окажется с собой нужного инструмента или какого-нибудь средства. В памяти всплывали всякие сложные и простые случаи, о которых он слышал или читал, и задолго до того, как добраться до «Башен», он окончательно убедил себя, что его немедленно попросят сделать по меньшей мере трепанацию черепа.

«Башни» оказались большим домом, стоящим посреди парка на другом конце аллеи. Подкатив к дому, доктор выпрыгнул из кэба, отдал кэбмену половину своего земного имущества и последовал за величественным лакеем, который, справившись, как доложить, провёл доктора через великолепную, обшитую дубом и с цветными стёклами в окнах залу, стены которой были увешаны оленьими головами и старинным оружием, и пригласил в большую гостиную. В кресле у камина с раздражённым видом восседал жёлчный мужчина, а в дальнем конце комнаты, у окна, стояли две молодые леди в белом.

- Эй-эй, что такое? воскликнул жёлчный мужчина. Вы доктор Уилкинсон, да?
- Да, сэр. Я доктор Уилкинсон.
- Так, так! Вы как будто очень молоды, гораздо моложе, чем я ожидал. Однако вот Мэйсон старик, а всё же, кажется, не очень разбирается что к чему. Наверно, стоит попробовать теперь с другого, так сказать, конца. Вы тот самый Уилкинсон, который писал что-то про лёгкие?

Теперь всё ясно! Два единственные сообщения, которые он послал в «Ланцет» и которые были помещены где-то на последних страничках среди дискуссий о профессиональной этике и вопросов насчёт того, во сколько обходится держать в деревне лошадь, — два эти скромные сообщения касались именно лёгочных заболеваний. Значит, он не напрасно трудился. Значит, чей-то взгляд остановился на них, и имя автора было замечено. Кто после этого осмелится утверждать, что труд может остаться невознаграждённым!

- Да, я писал о лёгких.
- Ага! Ну, хорошо, а где же Мэйсон?
- Не имею чести знать его.
- Вот как! Странно. Он знает вас и ценит ваше мнение. Вы ведь не здешний?
- Да, я приехал совсем недавно.

- Мэйсон так и сказал. Он не дал мне ваш адрес. Сказал, что сам привезёт вас. Но когда жене стало хуже, я навёл справки и без него послал за вами. Я послал и за Мэйсоном, но его не оказалось дома. Однако мы не можем так долго ждать, бегите-ка наверх и принимайтесь за дело.
- Гм, вы ставите меня в весьма неловкое положение, сказал доктор Орас Уилкинсон неуверенно. Насколько я понимаю, меня пригласили сюда на консилиум с моим коллегой, доктором Мэйсоном. Мне вряд ли удобно осматривать больную в его отсутствие. Я думаю, что лучше подождать.
- Подождать? Да вы что? Неужели вы думаете, что я позволю врачу прохлаждаться в гостиной, в то время как моей жене становится хуже и хуже! Нет, сэр, я человек простой и говорю попросту: либо вы немедленно идёте к ней, либо уходите.

Неподобающие обороты речи хозяина дома покоробили доктора. Хотя человеку многое прощается, когда у него больна жена. Поэтому доктор Уилкинсон удовольствовался сухим поклоном.

- Если вы настаиваете, я иду к больной, сказал он.
- Да, настаиваю! И вот ещё что: нечего простукивать ей грудь и прочие штучки. У неё обыкновенный бронхит и астма и больше ничего нет. Можете её вылечить милости просим. От всех этих простукиваний да прослушиваний она только силы теряет, а пользы всё равно никакой.

Доктор мог стерпеть личное неуважение, но когда неосторожным словом задевали его святыню — профессию врача, он не мог сдержаться.

- Благодарю вас, сказал он, беря шляпу. Имею честь пожелать вам всего хорошего. Я не хочу брать на себя ответственность за больную.
  - Постойте, в чём дело?
- Не в моих правилах давать советы, не осмотрев пациента. Странно, что вы предлагаете это врачу. Желаю вам всего хорошего.

Сэр Джон Миллбэнк был сугубо коммерческий человек и неукоснительно придерживался коммерческого принципа: чем труднее заполучить что-либо, тем это дороже. Мнение врача определялось для него единственно тем, сколько за него будет заплачено. А этот молодой человек, казалось, не придавал никакого значения ни его состоянию, ни титулу. И потому он сразу же преисполнился уважения к нему.

— Вот как? У Мэйсона кожа потолще, — сказал он. — Ну, ладно, ладно, пусть будет повашему. Поступайте, как знаете. Я молчу. Вот только поднимусь наверх и скажу леди Миллбэнк, что вы сейчас придёте.

Едва за ним захлопнулась дверь, как две застенчивые юные леди выпорхнули из своего угла и оживлённо заговорили с доктором, которого всё это до крайности удивляло.

- Так ему и надо! воскликнула та, что повыше, хлопая в ладоши.
- Не позволяйте ему командовать собой, сказала другая. Хорошо, что вы настояли на своём. Вот так он и обращается с бедным доктором Мэйсоном. Он даже не имел возможности как следует осмотреть маму. Он во всём слушается папу. Ш-ш, Мод, он идёт!

Оне мгновенно утихли и кинулись в свой угол, молчаливые и робкие, как прежде.

Доктор Орас Уилкинсон последовал за сэром Джоном по широкой, устланной ковром лестнице в затемнённую комнату, где находилась больная. За пятнадцать минут он тщательнейшим образом осмотрел её и снова спустился с супругом в гостиную. У камина стояли два господина, один — типичный практикующий врач, аккуратный и гладко выбритый, другой — солидный, высокий мужчина средних лет с голубыми глазами и большой рыжей бородой.

- А, это вы, Мэйсон! Наконец-то!
- Сэр Джон, я не один. Я обещал привезти вам доктора Уилкинсона.
- Кого? Вот доктор Уилкинсон!

Доктор Мэйсон уставился на молодого человека.

- Я не знаю этого господина! воскликнул он.
- И тем не менее я доктор Орас Уилкинсон с Кэнелвью-стрит, дом 14.
- Боже мой, сэр Джон! воскликнул доктор Мэйсон. Неужели вы полагаете, что к такой больной, как леди Миллбэнк, я пригласил бы для консультации начинающего врача?

Доктор Адам Уилкинсон читает курс лёгочных заболеваний в Регентском колледже в Лондоне, является штатным врачом больницы Святого Суизина и автором десятка работ по этой специальности. Доктор Уилкинсон проездом в Саттоне, и я решил воспользоваться его присутствием, чтобы выслушать высококвалифицированное мнение о состоянии леди Миллбэнк.

— Благодарю вас, — сухо отвечал сэр Джон. — Этот молодой господин только что тщательно осмотрел мою жену, и боюсь, что это сильно утомило её. На сегодня, думаю, хватит, но поскольку вы потрудились приехать, я, разумеется, буду рад получить от вас счёт.

Доктор Мэйсон был крайне раздосадован появлением другого Уилкинсона, друга же его, специалиста, напротив, история эта крайне позабавила. Когда они уехали, сэр Джон выслушал мнение молодого врача о состоянии своей жены.

- Ну, а теперь я вам вот что скажу, решил сэр Джон, когда тот кончил. Я человек слова, понимаете? Когда мне кто понравится, я просто к нему прилипаю. Хороший друг и опасный враг вот кто я такой. Я верю вам и не верю Мэйсону. Поэтому с сегодняшнего дня вы будете практиковать меня и мою семью. Заглядывайте к моей жене каждый день. Как у вас с расписанием визитов?
- Я очень благодарен за добрые слова и ваше великодушное предложение, боюсь, однако, что я не смогу, по всей видимости, воспользоваться им.
  - В чём же ещё дело?
- Я вряд ли смогу взяться за лечение вашей супруги, поскольку доктор Мэйсон уже лечит её. Это было бы неэтично с моей стороны.
- Ну, как хотите! воскликнул сэр Джон. Мне ещё никто не доставлял столько хлопот. Вам сделано хорошее предложение, вы отказались, значит, и говорить не о чем!

Миллионер, топая ногами, раздражённо выскочил из комнаты, а доктор Орас Уилкинсон, унося в кармане первую заработанную гинею, отправился домой, к своей спиртовой горелке и чаю по шиллингу и восемь пенсов, преисполненный гордого сознания, что он следовал лучшим традициям врачебной профессии.

И всё-таки это неудачное начало было вместе и добрым началом, ибо доктор Мэйсон, конечно, узнал, что младший коллега, имея возможность лечить самого выгодного в округе пациента, отказался от предложения. К чести медиков надо сказать, что это скорее правило, чем исключение, хотя в данном случае, когда врач так молод, а пациент так состоятелен, искушение было, бесспорно, велико. Поэтому вскорости последовало благодарное письмо, затем визит. Завязалась дружба. И теперь почти все больные Саттона лечатся у известной медицинской фирмы «Мэйсон и Уилкинсон».

1894 г.

(перевод Γ . Злобина)

ПОСЛЕДНЯЯ ГАЛЕРА

Mutato nomine, de te, Britannia, fabula narratur.*

Это произошло в весеннее утро за сто сорок шесть лет до пришествия Христова. Облитый опаловым светом северный берег Африки, неширокая кайма из золотого песка, зелёный пояс из перистых пальм и, на заднем плане, далёкие обнажённые горы с красными отрогами — всё мерцало, как страна грёз. Насколько хватал глаз, тянулось синее, ясное Средиземное море с узкой снежно-белой полосой прибоя. На всём его громадном пространстве виднелась только одинокая галера, медленно шедшая от Сицилии к гавани Карфагена.

Издали она казалась нарядным и красивым тёмно-красным судном, с двойным рядом пурпуровых вёсел, с большим колышущимся парусом, окрашенным тирским пурпуром, с блестящими медными украшениями на укреплённых бортах. Бронзовый трезубец выдавался спереди; на корме блистало золотое изображение Ваала, божества финикийцев, сынов Ханаана. На единственной высокой мачте развивался карфагенский флаг с тигровыми полосами. Точно какая-то величавая пунцовая птица с золотым клювом, с пурпуровыми крыльями, плыла галера по лону вод и с отдалённого берега представлялась воплощением могущества и красоты.

Но взгляните на неё поближе! Что за тёмные полосы оскверняют белую палубу, покрывают её бронзовые щиты? Почему длинные вёсла двигаются без ритма, неправильно, судорожно? Почему пусты многие из вёсельных отверстий? Почему вёсла покрыты зазубринами, а другие бессильно повисли и тянутся сбоку? Почему два зубца бронзового трезубца изогнуты и сломаны? Смотрите: даже священное изображение Ваала избито и обезображено... По всему видно, что это судно перенесло какое-то жестокое испытание, пережило день ужасов, который оставил на нём тяжкие следы.

Теперь взойдите на корабль и присмотритесь к людям. На нём две палубы – на носу и на корме, а в открытой средней части судна слева и справа в два этажа помещаются скамьи, на которых сидят гребцы, по двое на каждом весле, и сгибаются взад-вперёд в своей бесконечной работе. В середине узкий помост; по нему расхаживают сторожа с бичами в руках, и эти бичи жестоко рассекают кожу раба, который останавливается хотя бы на миг, чтобы отереть пот с покрытого каплями лба. А рабы – только посмотрите на них: тут пленные римляне, сицилийцы, много чёрных ливийцев; все совершенно истощены; их глаз не видно из-за набрякших век, их губы распухли от запёкшихся чёрных корок и порозовели от кровавой пены; их руки и спины двигаются бессознательно под хриплый крик надсмотрщика. Тела их – самых различных оттенков: от тона слоновой кости до черноты каменного угля – обнажены по пояс, и на каждой из блестящих спин виднеются следы сердитых ударов сторожей. Но не от побоев пролилась кровь, которая окрашивает сиденья и солёную воду под их связанными ногами. Большие зияющие раны - следы разрезов от мечей и уколов копий рдеют на их обнажённых грудях и на плечах; многие из гребцов лежат без чувств под скамьями и уже не заботятся о бичах, которые всё ещё свистят над ними. Теперь понятно, почему виднеются пустые вёсельные отверстия, почему некоторые из вёсел, не работая, тащатся сбоку.

Команда судна не в лучшем положении, чем рабы. Раненые и умирающие усеивали палубу. Лишь несколько человек держались на ногах. Большинство же без сил лежало на передней палубе, и только самые усердные воины поправляли испорченные кольчуги, натягивали новые тетивы на луки или очищали палубу от следов битвы. На возвышенном помосте, у основания мачты, стоял кормчий, правя галерой и устремив глаза на Мегару – отдалённый мыс, который заслонял восточный берег Карфагенского залива.

На задней палубе собралось несколько офицеров; они молча раздумывали о чём-то, время от времени поглядывая на двух людей, стоявших отдельно и занятых разговором. Высокий, смуглый, мускулистый человек, с чисто семитским лицом и фигурой исполина был Магро — знаменитый карфагенский флотоводец, имя которого наводило ужас на все берега

^{*} Премени имя: о тебе, Британия, повесть сия вещает. (лат.)

Средиземного моря, начиная от Галлии до Понта Эвксинского. Другой собеседник был Гиско – седобородый, загорелый старик, в резком орлином лице которого читалось непобедимое мужество и энергия. Гиско был политик, в жилах которого текла благороднейшая пуническая кровь, суффет* пурпуровой тоги и вождь той партии государства, которая среди себялюбия и лености, царивших в карфагенском обществе, стремилась поднять дух граждан и заставить их осознать опасность, грозившую со стороны Рима. Разговаривая, оба тревожно поглядывали на северный горизонт.

- Ясно, печально сказал старший, что, кроме нас, не спасся никто.
- Я не покидал битвы, пока мне казалось, что я могу помочь хоть одной галере, ответил Магро. Ты видел, мы ушли, точно волк, за которым гонятся собаки. Римские псы могут показать волчьи укусы доказательство нашей доблести. Освободись хотя бы ещё одна галера, она, уж точно, была бы с нами, потому что для наших судов нет другого безопасного приюта, кроме Карфагена.

Магро пристально посмотрел на отдалённый мыс, где был его родной город. Уже виднелся низкий покрытый деревьями холм, усеянный белыми загородными домами богатых финикийских купцов. Там, выше всех строений, точно сияющая точка на бледно-голубом утреннем небе горела бронзовая крыша Бирсы – карфагенской крепости, возвышавшейся над городом, раскинутым на холме.

– Со сторожевых башен нас уже могут видеть, – заметил он. – Ещё издали они узнают галеру Чёрного Магро. Но кто из них угадает, что из всего прекрасного флота, который под трубный звук и барабанный бой вышел из гавани месяц тому назад, остались лишь мы одни?

Патриций горько усмехнулся.

- Если бы не мысль о наших великих предках и о нашей возлюбленной родине, владычице вод, сказал он, моё сердце порадовалось бы беде, которая обрушилась на это тщеславное и слабое поколение. Ты всю жизнь провёл на морях, Магро, и не знаешь, что происходит у нас на земле. Я же видел, как разрасталась злокачественная язва, которая ведёт нас теперь к смерти. Я и другие приходили на рыночную площадь говорить с народом, но нас забрасывали грязью. Много раз я указывал на Рим и говорил: «Берегитесь этих людей: они добровольно носят оружие из чувства долга и гордости! Как можете вы, скрывающиеся за спинами наёмников, надеяться воспротивиться им?» Сотни раз я говорил им это.
  - А они ничего не отвечали? спросил моряк.
- Рим был далеко, и они не видели его, а потому он для них не существовал, продолжал старик. Одни думали о торговле, другие о выборах, третьи о выгодах от государства, но никто не видел, что наша страна, мать всего, шла к гибели. Так могут спорить пчёлы о том, кому из них достанется воск, кому мёд, в то время, когда зажигается факел, который обратит в пепел и улей и всё, что находится в нём. «Разве мы не владыки моря?» «Разве Ганнибал не был велик?» Вот что они кричали, живя прошлым и, как слепцы, не замечая будущего. Раньше заката солнца они будут рвать волосы и раздирать одежды; но разве теперь это поможет?
- Печальным утешением может служить мысль, отвечал Магро, что Рим не удержит захваченного.
  - Почему ты так говоришь? Мы погибаем, Рим же стоит выше всего мира.
- На время, только на время, серьёзно ответил Магро. Может быть, ты улыбнёшься, когда я скажу тебе, почему я знаю это. В той части Оловянных островов, которая выдаётся в море, * жила мудрая женщина-ведунья; я от неё слышал много прорицаний, и все они сбывались. Она ясно предсказала мне падение нашей родины и даже эту битву, после которой мы возвращаемся. Много странного видел я у дикарей, живущих на западе острова Олова.
  - Что же сказала она о Риме?
  - Что он падёт, падёт, как и мы, ослабленный своим богатством и своими партиями.
     Гиско потёр руки.
  - Это делает наше падение менее горьким, сказал он. Но если мы уже пали, а Рим

 $^{^*}$ Высшие выборные должностные лица в Карфагенской аристократической республике. В суффеты избиралось 2 человека на один год. Суффетам принадлежала высшая исполнительная власть, они вносили законопроекты в народное собрание и председательствовали в карфагенском сенате. (Π . Γ .)

 $^{^*}$ Одно из старинных названий британских островов. (П.Г.)

тоже погибнет, какая страна, в свою очередь, может надеяться сделаться владычицей морей?

– Об этом я тоже спросил её, – отвечал Магро, – и подарил ей даже мой тирский пояс с золотой застёжкой в награду за ответ. Но, право, всё это пустое, и я заплатил ей слишком дорого за её сказку, которая, хотя всё остальное сбывалось, конечно же, окажется ложью. Ведунья сказала, что в будущем её страна, этот опоясанный туманом остров, где раскрашенные дикари едва умеют перебираться от мыса до мыса на рыбачьих челнах, поднимет трезубец упавший из рук Карфагена и Рима!

Улыбка, витавшая над острыми чертами патриция, внезапно замерла, его пальцы сжали руку собеседника. Тот окаменел; его шея вытянулась, ястребиные глаза устремились к северному горизонту. Там, на его прямой синей линии, виднелись две низкие чёрные точки.

– Галеры! – прошептал Гиско.

Экипаж тоже заметил суда: все столпились у правого укреплённого борта, люди протягивали руки, говорили. На мгновение печаль поражения исчезла, и радостные клики зазвучали среди них, люди ликовали, что они не одни, что ещё кто-то спасся от великого уничтожения.

— Клянусь духом Ваала, — сказал Чёрный Магро, — я не поверил бы, что кто-нибудь сможет вырваться из того страшного кольца! Не молодой ли это Гамилькар на «Африке» или Бенева на синем сирийском корабле? Мы втроём ещё можем составить эскадру и выступить против Рима. Если мы замедлим ход галеры, они догонят нас прежде, чем мы обогнём мол гавани!

Повреждённое судно пошло медленнее; два вновь появившихся корабля заскользили быстрее. Всего в нескольких милях лежал зелёный мыс и белые дома, окаймлявшие большой африканский город. На материке уже вырисовывалась тесная группа ожидающих горожан. Гиско и Магро, прищурившись, наблюдали за приближавшимися галерами; вдруг смуглый ливиец-кормчий, сверкая зубами и с пылающим взором, ворвался на корму, указывая рукой на север.

– Римляне, – закричал он, – римляне!

На галере наступила мёртвая тишина. Только плеск воды да мерные удары вёсел нарушали безмолвие.

- Клянусь рогами Божьего алтаря, кажется, он прав! вскричал старый Гиско. Смотри, они, точно соколы, налетают на нас. У них много людей и все вёсла.
  - Простые некрашенные доски, заметил Магро. Взгляни, как они желтеют на солнце!
- A ты видишь, что у них там за мачтой? Разве это не проклятый перекидной мост, который они употребляют для высадок на неприятельские суда?
- Итак, им досадно, что одна галера ушла, с горьким смехом сказал Магро. Они считают, что ни одно судно не должно вернуться к старой матери моря! Прекрасно, лично я согласен. Я считаю, что лучше всего остановить вёсла и ждать их.
- Это мысль истинного мужа, ответил старый Гиско, но в скором времени мы понадобимся нашему городу. Какая нам выгода в полной победе римлян? Нет, Магро, пусть рабы гребут так, как никогда раньше не ради нашего спасения, а для пользы государства.

Большой красный корабль, покачиваясь, устремился вперёд, точно усталый задыхающийся конь, который ищет спасения от преследователей. Между тем две стройные галеры летели всё быстрее, неумолимо настигая карфагенян. Утреннее солнце освещало ряды низких римских шлемов над бортами и сияло на серебряной волне, которая расходилась от острых носов римских судов, рассекавших тихую синюю воду. С каждым ударом вёсел галеры подходили всё ближе, и продолжительный, высокий вопль римских труб слышался всё громче.

На высоком утёсе Мегара столпилось множество горожан, они прибежали из города, услышав, что показались галеры. Теперь все, богатые и бедные, суффеты и плебеи, белые финикияне и чёрные кабилы стояли, затаив дыхание, и смотрели на море. В нескольких сотнях футов под их ногами пуническая галера подошла к берегу так близко, что невооружённым глазом стали видны кровавые следы битвы, свидетельствующие о печальных событиях.

Однако римляне приближались невероятно быстро и вполне могли отрезать карфагенскую галеру от берега на виду у горожан, бессильных защитить свой корабль.

Многие от беспомощности и горя плакали, другие сыпали проклятиями и сжимали кулаки...

Эта разбитая, еле движущаяся галера говорила им, что флот Карфагена погиб. Через месяц-два, самое большее – три, армия Рима подойдёт к Карфагену, и как тогда остановит её необученная военному искусству карфагенская толпа?

- Нет, вскричал один из граждан, всё же мы храбрые люди, и у нас есть оружие!
- Безумец! сказал другой, разве не такие речи довели нас до гибели? Что такое необученный храбрец перед настоящим солдатом? Когда ты окажешься перед идущим напролом и всё сметающим на пути римским легионом ты поймёшь эту разницу.
  - Так давайте тогда готовиться!
- Слишком поздно. Целый год надобен, чтобы превратить праздного горожанина в обученного воина. А что будет с тобой, со всем городом через год? Нет, нам остаётся только одно: если мы откажемся от торговли и наших колоний, от всего, что составляло нашу силу и величие, тогда, быть может, римский меч пощадит нас.

Между тем последний морской бой Карфагена быстро подходил к концу. На глазах горожан две быстрые римские галеры с двух сторон обогнали судно Чёрного Магро и вступили с ним в схватку. В решительную минуту красная галера забросила искривлённые лапы своих крюков на борта неприятельских судов, привлекла их к себе в железном объятии, и её солдаты стали молотами и кирками пробивать громадные отверстия в подводных частях своего корабля. Последнюю пуническую галеру не отведут в Остию на радость торжествующего Рима! Она останется в своих собственных водах; и дикая мрачная душа её отважного капитана загорелась при мысли, что его галера не одна погрузится в глубины родного моря...

Римляне слишком поздно поняли, с каким человеком имеют дело. Солдаты, наводнившие пунические палубы, почувствовали, что дощатый помост подаётся и качается под их ногами. Они кинулись к своим судам, — но галера Чёрного Магро не отпускала их, увлекая на дно вместе с собою, и они погружались, крепко сжатые крючковатыми когтями.

Палуба судна Магро покрыта водой и тянет на дно связанные с ним железными узами римские галеры; один укреплённый борт лежит на волнах, другой высоко вздымается в воздухе; отчаянно силятся римляне сбросить смертельные объятия железных когтей. Теперь красная галера уже под водой, и всё скорее, всё с большей силой увлекает вслед за собой своих врагов...

Раздирающий треск: деревянный бок оторван от одной из римских галер, и изуродованная, расчленённая она беспомощным обломком остаётся лежать на поверхности. Только последний жёлтый отблеск на синих волнах показывает, куда была увлечена её спутница, погибшая в смертельных объятиях врага. Тигровый флаг Карфагена утонул, исчез в водовороте, и уже никто никогда не увидит его на лоне вод.

В том же году большое облако семнадцать дней висело над африканским берегом – густое чёрное облако, служившее тёмным саваном горящему городу. Когда же миновали семнадцать дней, римские плуги, из края в край, прошли через пепел по земле, где стоял величавый град, и место это победители посыпали солью в знак того, что Карфагена не будет больше никогда.

А вдалеке, на горах, стояла горсть нагих изголодавшихся людей и смотрела на унылую долину, которая некогда была самой красивой, самой богатой на всей земле. Слишком поздно они поняли, что в силу закона небес мир принадлежит лишь закалённым, самоотверженным людям, а тот, кто пренебрегает мужскими добродетелями, скоро будет лишён и славы, и богатства, и могущества, ибо они – лишь награда за мужество.

1911 г.

(перевод Павла Гелевы)

ПРИВИДЕНИЯ В ЗАМКЕ ГОРСТОРП-ГРЭЙНДЖ

Природа явно не предназначила мне роль первопроходца, самостоятельно прокладывающего тропу к успеху, — в этом я совершенно уверен. Странно даже осознавать, что последние двадцать лет я просидел за прилавком бакалейного магазинчика в Восточном Лондоне; что ж, магазинчик этот, по крайней мере, помог мне обрести финансовую независимость, а потом и вступить во владение Горсторп-Грэйнджем. В привычках своих я весьма консервативен, отличаюсь вкусом изысканным и аристократичным. Дух вульгарной толпы претит самой моей сути. История нашей семьи, семьи д'Оддов, берёт начало где-то в незапамятных временах, о чём свидетельствует хотя бы тот факт, что ни в одном из трудов более или менее авторитетных историков о времени появления её на исторической сцене Британии никоим образом не упоминается. И всё же инстинкт подсказывает мне, что в жилах моих течёт благородная кровь крестоносцев. Даже сегодня, по прошествии столетий, с уст моих то и дело срываются выражения вроде: «Клянусь Божьей Матерью!» — и меня не оставляет чувство, что при благоприятных обстоятельствах я вполне мог бы привстать в стременах да и оглоушить неверного — ударом булавы, к примеру.

Горсторп-Грэйндж — феодальный замок: разумеется, если верить объявлению. Впрочем, обстоятельство это сказалось лишь на стоимости имения; прочие же преимущества оказались скорее мнимыми, нежели действительными. И всё же приятно, поднимаясь по лестнице, заглядывать в амбразурные щели, сквозь которые — коли возникнет надобность — я вполне мог бы пустить стрелу; кроме того, и замысловатое приспособление, позволяющее при случае окатить незваного гостя расплавленным свинцом, тоже как-то добавляет мне уверенности в себе. Подобные удовольствия вполне соответствуют моему нраву, так что ради них я не пожалел бы никаких денег. Каменные зубчатые стены и сточная канава... то есть, прошу прощения, ров, я хотел сказать, опоясывающий замок, массивная решётка и крепостная башня — всем этим, согласитесь, можно гордиться. И лишь совершенное отсутствие однойединственной детали — сущей безделицы — мешает Горсторп-Грэйнджу стать подлинным совершенством: в нём, знаете ли, нет привидения.

Это немалое упущение, и оно не может не огорчить каждого, кто в соответствии со своими консервативными вкусами и понятиями стремится к достойному уединению. Мне же осознание этого факта печально вдвойне. С детских лет, не жалея сил своих, я изучаю всё, что связано со сверхъестественными явлениями, и, конечно же, свято в них верю. Океан литературы о привидениях поглотил меня с головой; сегодня, уж верно, не сыщется такой книги на эту тему, которая ускользнула бы от моего внимания. Я даже немецкий выучил: нужно же было одолеть как-то трактат по демонологии. В детстве я часто прятался в тёмных комнатах, надеясь встретить там призраков, коими стращала меня нянечка, — страсть к ним не умерла во мне и по сей день. И вот, представьте себе, настал день, когда я вдруг осознал, что обладаю достаточными средствами, дабы обзавестись собственным призраком — есть ли нужда говорить, что мысль эта преисполнила меня небывалой радости?

Правда, о призраках в объявлении не упоминалось. И всё же, осмотрев заплесневелые стены и тёмные коридоры замка, я понял: чтобы в таком месте да не водилось хотя бы одного привидения — этого просто не может быть. Как собаку тянет к конуре, так и заблудшего духа тянет к подобным местам. Чем, в конце концов, занимались все эти мои благородные предки — э...— простите — предки семейства, которое продало мне замок, — неужто не нашлось среди них хотя бы одного смельчака, который бы отправил в мир иной свою возлюбленную или предпринял какие-то иные меры, дабы обеспечить благодарных потомков призраком? Ах, как всё это меня волнует — даже сейчас не могу писать об этом спокойно!

Долго я ждал, уповая на чудо. Крыса ли пискнет за панелью, застучит ли дождь о пол чердака, я уж весь трепещу: вот он — долгожданный призрак! И знаете, мне было при этом ни капельки не страшно. Если шум приключался ночью, я тут же посылал выяснять причины оного миссис д'Одд, даму весьма решительную; сам же забирался с головой под одеяло и начинал наслаждаться восторженным предвкушением восхитительной встречи. Увы, результат всегда оказывался неутешительным: подозрительные звуки объяснялись, как правило, причинами противоестественно банальными; даже обладая самой богатой фантазией,

никак нельзя было облечь их блестящим покровом романтики.

Так и свыкся бы я, наверное, со своим несчастьем, если бы не Джоррокс с фермы Хэвисток. С Джорроксом — типом на редкость прозаическим, неотёсанным и вульгарным — я знаком в силу того лишь случайного обстоятельства, что наши владения соседствуют друг с другом. Так вот, в доме этого простолюдина, совершенно неспособного насладиться чудом гармонии, очарованием древности, живёт самое настоящее привидение. Правда, появилось оно там всего лишь в годы правления Георга Второго — некоей молодой даме вздумалось именно в этом неподобающем месте перерезать себе горло в память о возлюбленном, павшем в битве при Дёттингене.* И всё же, согласитесь, это придаёт жилищу Джоррокса оттенок незаслуженной респектабельности — особенно, если учесть ещё и присутствие пятен крови на полу. Разумеется, сам Джоррокс оценить масштабы свалившегося на него счастья неспособен: больно слышать те выражения, в которых отзывается он о своём привидении. Да и откуда ему знать, как жажду я слышать в своём замке все эти ночные вздохи и стоны, о которых он говорит со столь непочтительным раздражением? Сколь же низко должны были пасть современные нравы, чтобы даже призраки побежали прочь из замков в дома всяких ничтожеств!

Ну, чего-чего, а настойчивости мне не занимать. Да и что ещё помогло бы мне достичь нынешнего моего положения, если вспомнить, в сколь неподобающей обстановке приходилось мне пребывать с самого детства? Заполучить себе привидение я решил твёрдо, но вот как — ни мне, ни миссис д'Одд найти ответ на этот вопрос было не под силу. Из книг мне известно, что такого рода явления возникают как правило вследствие какого-либо преступления. Но что именно требуется для этого сделать, а главное — кто его должен совершить? Первым делом в голову мне пришла вот какая вздорная мысль: а что, если наш старый дворецкий Уоткинс согласится, во имя старых добрых традиций, принести в жертву себя или кого-нибудь ещё? Я в полушутливой форме попробовал, было, высказать ему свои соображения на этот счёт, но надлежащего впечатления они на него, судя по всему, не произвели. Поддержали его и остальные слуги — ничем другим, во всяком случае, я не могу объяснить то обстоятельство, что тем же вечером они покинули замок — все до единого.

- Послушай, дорогой, заметила как-то раз миссис д'Одд, когда я, пребывая в весьма дурном настроении, сидел в кресле и потягивал после ужина старую мальвазию. Ты знаешь, этот несносный призрак в доме Джоррокса снова, говорят, зашевелился.
  - Ну, и пусть себе шевелится, ничего не подозревая ответил я.

Миссис д'Одд взяла несколько нежных аккордов на спинете** и задумчиво уставилась в огонь.

- Знаешь, что я тебе скажу, Арджентайн, продолжала она. (Это, между прочим, моё ласкательное прозвище вообще-то зовут меня Сайлас.) Надобно бы нам выписать привидение из Лондона.
- Как можешь ты, Матильда, болтать такой вздор? сурово ответствовал я. Ну кто, скажи на милость, пришлёт нам привидение?
  - Как кто? Мой кузен Джек Броккет, последовал ответ.

Следует заметить, что во всех наших беседах с женой этот самый кузен неизменно являлся камнем преткновения. Человек по-своему неглупый, но весьма недалёкий, Джек имел обыкновение хвататься за все дела сразу и добивался во всех своих начинаниях самых плачевных результатов — не иначе как из-за абсолютного отсутствия какого бы то ни было упорства. В те дни он снимал в Лондоне меблированные комнаты, выдавая себя за агента-универсала, и существовал исключительно за счёт собственной сообразительности. Матильда постаралась сделать так, чтобы все наши дела проходили через руки кузена, что, безусловно, избавило меня от немалых хлопот, однако очень скоро я обнаружил, что комиссионные Джеку превышают все остальные статьи наших расходов вкупе, и решил прекратить всякие переговоры с сим юным джентльменом.

— Разумеется, это ему под силу, — продолжала настаивать миссис д'Одд, заметив на лице моём тень разочарования. — Помнишь, как здорово провернул он это дельце с

 $^{^*}$ Дёттинген — баварская деревня на реке Майне в Германии. Здесь, в 1743 году, во время войны за австрийское наследство, англо-австрийские войска одержали победу над французами. (Π . Γ .)

спинет — одна из разновидностей клавесина (Π . Γ .)

фамильным гербом?

- Подумаешь! Восстановил старый гербовый знак, только и всего, возразил я.
- Ну, а восстановление фамильных портретов, продолжала Матильда с пренеприятнейшей улыбкой. Согласись, Джек подобрал лица с большим вкусом.

Перед моим мысленным взором предстала вся галерея персонажей, украсивших стены нашего банкетного зала: дюжий разбойник-норманн, затем ещё невесть что за личности во всевозможных шлемах, плюмажах и брыжах, и, наконец, мрачный тип в длинном сюртуке, стоящий с таким видом, словно он только что стукнулся лбом о колонну (очевидно, от обиды на издателя, отвергшего его рукопись — нечто подобное он конвульсивно сжимал правой рукой). Ничего не оставалось как признать, что с этой задачей Джек справился неплохо и что, стало быть, именно ему следует поручить (за причитающийся гонорар, разумеется) поиск и приобретение фамильного привидения — если, конечно, задача эта вообще выполнима.

Есть у меня доброе правило: принял решение — действуй немедля. На следующее утро я уже поднимался по винтовой лестнице, ведущей к комнатам господина Броккета, и наслаждался присём видом всевозможных стрелок и указующих перстов, призванных вывести посетителя к вожделенной двери. Я, пожалуй, обошёлся бы и без них: лихой топот сверху мог доноситься только из квартиры моего родственничка — впрочем, пока я шёл по лестнице, шум внезапно стих.

Дверь мне открыл незнакомый юноша, явно ошеломлённый появлением клиента. Он тут же провёл меня к Джеку: последний яростно строчил что-то в огромной бухгалтерской книге, лежавшей вверх ногами, как я обнаружил позднее.

После обмена приветствиями я тут же приступил к делу.

- Послушайте, Джек, начал я. Нет ли у вас... Мне бы хотелось...
- Чего покрепче?! с готовностью подхватил кузен моей супруги и, запустив руку в корзину для бумаг, с ловкостью фокусника извлёк оттуда бутылку. Давайте-ка, действительно, выпьем!

Я поднял руку, как бы возражая безмолвно против употребления спиртного в столь ранний час, но, опустив её, почувствовал, что пальцы мои как-то сами собой сомкнулись на стенках бокала. Я поспешно осушил его из опасения, как бы кто не вошёл в эту минуту и не принял меня за кузенова собутыльника. Что ж, в эксцентричности моего юного друга, определённо, было что-то забавное.

- Нет, хоть речь идёт как раз о духах, но винный дух тут не при чём, пояснил я с улыбкой. Дух мне требуется самый что ни на есть настоящий привидение. Если вы берётесь раздобыть мне нечто подобное, готов приступить к переговорам сейчас же.
- Привидение для Горсторп-Грэйнджа? переспросил мистер Броккет с тем же спокойствием, как если бы речь шла о мебельном гарнитуре.
  - Именно, подтвердил я.
- Нет ничего проще! и, не взирая на все мои протесты, Джек вновь наполнил бокалы. Ну-ка, поглядим. Он вынул откуда-то и положил на стол массивную красную тетрадь с вертикальным рядом букв алфавита по краю. Привидения нас интересуют, так? Значит, ищем букву «П». Печи... пистолеты...платья... Ага, вот они, привидения. Том девять, раздел шестой, страница сорок первая. Одну минутку!

Он взбежал по лесенке к полке под самым потолком и стал рыться там среди папок. Пока хозяин стоял ко мне спиной, у меня был большой соблазн вылить вино в плевательницу, но, поразмыслив, я решил избавиться от него обычным способом.

- Вот они! Спрыгнув с лесенки, мой лондонский агент бросил на стол папку огромных размеров. Всё помечено: при случае мигом найду, что потребуется. Ничего, ничего, винишко-то слабенькое! с этими словами он вновь наполнил мой бокал. Что мы такое ищем, напомните?
  - Привидения.
- А, ну, конечно. Страница 41. Вот они. «Дж.Х.Фаулер и сын, Данкл-стрит. Медиумы для аристократов. Торговля амулетами. Привораживание. Мумии. Гороскопы...» Не совсем то, что нам нужно?
  - Я грустно кивнул головой.
  - «Фредерик Табб, продолжал кузен моей жены. Уникальный посредник в общении

с миром мёртвых. Имеет контакты с духами Байрона, Кирка Уайта, Гримальди, Тома Крибба и Иниго Джонса».* Кажется, это уже кое-что!

— Никакой романтики, — фыркнул я. — О, Боже! Представьте: призрак с фингалом под глазом, подпоясан платком; прыг через голову — «Каковы ваши планы на завтра, сэр?..»

Мысль эта разгорячила меня до такой степени, что я осушил бокал и тут же наполнил его вновь.

— Пошли дальше. «Кристофер Маккарти, проводит сеансы дважды в неделю. Собирает у себя духов всех выдающихся людей древности и наших дней. Астрологические карты, привораживание, заклинания, приём посланий из потустороннего мира». А что, он, пожалуй, может в чём-то оказаться нам полезен. В любом случае, завтра же отправлюсь на поиск — повидаю всех этих ребят. Где их искать, я знаю, так что поверьте: непременно подыщу вам что-нибудь по сходной цене. Ну, слава Богу, с делами покончили! — Джек швырнул гроссбух куда-то в угол. — Наконец-то можно и выпить.

Поводов к тому, чтобы сомкнуть бокалы, у нас нашлось немало, так что на следующее утро мысли мои оказались несколько спутанными: немало усилий пришлось приложить к тому, чтобы разъяснить миссис д'Одд причину, заставившую меня перед сном повесить на крючок вместе с бельём не только ботинки, но и очки.

Впрочем, уверенность, с которой мой агент приступил к выполнению возложенной на него задачи, возбудила во мне прилив новой энергии, так что я тут же отправился бродить по обветшалым коридорам и комнатам, пытаясь вообразить своё будущее приобретение в соответствующем антураже, а заодно и прикинуть, какая именно часть дома более всего выиграет от его присутствия.

После долгих раздумий я остановил свой выбор на банкетном зале: эта длинная комната с низким потолком, увешанная гобеленами и диковинными фамильными реликвиями прежних владельцев замка, явно более всего подходила для приёма высокого гостя. Рыцарские доспехи и оружие загадочно поблёскивали отсветами от камина: портьеры, колыхаясь от сквозняка изпод двери, создавали таинственный шорох. У дальней стены комнаты возвышался помост, на котором в старые добрые времена хозяин и гости восседали за пиршественным столом; несколько ступенек вели в нижнюю часть зала, где поднимали чаши вассалы и слуги. Ковров на пол тогда не стлали, так что я распорядился, чтобы пол прикрыли камышом. Теперь ничто во всей комнате не напоминало о XIX веке, за исключением, разве что, моего собственного столового серебра с фамильными знаками, разложенного на дубовом столе в центре зала. Ну что же, решил я, если кузен моей жены в самом деле сторгуется с владельцами призраков, лучшего места для размещения гостя и не сыскать. Пока что же оставалось лишь ждать новостей от Джека.

Письмо пришло через несколько дней: оно было столь же кратким, сколь и обнадёживающим. Текст был нацарапан на обороте театральной программки, печать прихлопнута, судя по всему, набойником для трубки.

«Вышел на след, — сообщал Джек в записке. — От профессиональных спиритуалистов толку никакого, но вчера в одной пивной познакомился с парнем, и он согласился оказать вам эту услугу. Направляю его к вам — если возражаете, упредите меня телеграммой. Зовут его Абрахамс; такого рода заказы ему приходилось выполнять и ранее».

За не слишком вразумительными намёками на причитающийся ему гонорар следовала подпись милейшего Джека Броккета.

Разумеется, телеграфировать своему агенту я не стал, напротив, с величайшим нетерпением начал ждать прибытия мистера Абрахамса. Будучи убеждённым поклонником всего сверхъестественного, я всё же никак не мог свыкнуться с мыслью, что простой смертный способен не только управлять духами, но и перепродавать их за деньги. Джек, однако, заверил меня в том, что коммерция такого рода действительно существует, и вот сообщил о наличии некоего господина с иудейской фамилией, способного власть человека над миром духов продемонстрировать наглядно. Сколь же заурядным покажется теперь привидение из прошлого века, поселившееся в доме Джоррокса, подумалось мне, в сравнении

 $^{^*}$ Генри Кирк Уайт (1785 – 1806 гг.) — английский поэт. Джозеф Гримальди (1779 – 1837 гг.) — английский комик. Том Крибб (1781 – 1848 гг.) — английский боксёр. Иниго Джонс (1537 – 1652 гг.) — английский архитектор. (Π . Γ .)

с моим средневековым чудом! — вот бы только его раздобыть...

Однажды перед сном, во время прогулки, я наткнулся у рва на тёмную фигуру, занятую, похоже, изучением решётки и механизма раздвижного моста, и подумал — уж не выехал ли ко мне мой призрачный гость без сопровождающего? Впрочем, поспешность, с которой незнакомец исчез во мраке, явно выдавала в нём земное происхождение. Я решил, что это воздыхатель одной из моих служанок вышел к брегу Геллеспонта — мутноватого, надо признаться —, разлучившего его с возлюбленной. Я побрёл далее в надежде повстречать проходимца, с тем чтобы выказать ему всю свою феодальную непримиримость, но более никого на своём пути не встретил.

Джек Броккет сдержал слово. На следующий день, едва лишь сгустились вечерние сумерки, звон колокольчика и скрип моста возвестили о прибытии мистера Абрахамса. В ту минуту я, кажется, почти надеялся увидеть целую свиту призраков, шествующих за своим хозяином... Между тем, вместо печального мага со впалыми щеками и грустным взором, предо мной предстал пухленький коротышка с блестящими глазками и весёлой, пусть и несколько неестественной ухмылкой. Весь реквизит его состоял из маленького кожаного чемоданчика, старательно стянутого ремнями; когда хозяин поставил его на каменный пол, оттуда донёсся странный металлический лязг.

— Как поживаете, сэр? — осведомился мистер Абрахамс с необычайной теплотой. — Ну а миссис, как она? И все остальные — так же ли в добром здравии?

Я заверил гостя в том, что все мы чувствуем себя вполне удовлетворительно; однако, завидев миссис д'Одд, мистер Абрахамс тут же бросился со своими расспросами и к ней, причём заговорил так горячо и многословно, что я уж решил, что в завершение своих расспросов он непременно пощупает у хозяйки пульс и попросит показать язык. Взгляд его при этом перебегал с пола на потолок, с потолка на стены — кажется, за эти несколько секунд заклинатель духов успел детально рассмотреть всю комнату и её мебель.

Удостоверившись в том, что никому из жильцов не грозит в ближайшем будущем пасть жертвой сколько-нибудь серьёзного недуга, мистер Абрахамс позволил мне препроводить его наверх, в комнату, где для него был накрыт стол, и тут же принялся воздавать должное угощениям. При этом таинственный маленький чемоданчик стоял у него под стулом. Лишь когда со стола убрали посуду и мы остались одни, гость заговорил о деле, ради которого прибыл.

— Насколько я понимаю, вы хотите, чтобы я помог вам обзавестись привидением, — заметил он, попыхивая трубкой.

Я подтвердил правильность этой догадки, в очередной раз подивившись про себя какому-то внутреннему беспокойству гостя, который оглядывал комнату так, словно ему срочно нужно было составить опись имущества.

— Ну, так более подходящего помощника вам и не найти, клянусь честью! — заверил мой собеседник. — Знаете, что я ответил тому юному джентльмену в баре «Хромой пёс»? Он говорит: «Неужто вам такое под силу?» — а я ему: «Да вы только попробуйте меня на деле — сразу увидите, какие чудеса творим мы с моим чемоданчиком!» И лучшего ответа я, право слово, придумать не мог, скажу вам по чести.

Мало-помалу уважение моё к деловой смётке Джека Броккета росло: похоже, парень прекрасно справился с поручением.

- Уж не хотите ли вы сказать, что развозите духов в своём чемоданчике? — робко поинтересовался я.

Мистер Абрахамс одарил меня снисходительной улыбкой.

— Терпение, только терпение. Сейчас мы выберем место, назначим время, достанем пузырёк люкоптоликуса (с этими словами он извлёк из кармана небольшую ёмкость) — и вы убедитесь: нет в мире духа, который посмел бы ослушаться моей команды. Впрочем, вы всё увидите собственными глазами, и привидение выберете себе по вкусу. Лучшего ответа — слово чести! — придумать я не могу.

Всё это время мистер Абрахамс странно ухмылялся и беспрестанно подмигивал.

- Когда вы намерены приступить к делу? осведомился я почтительно.
- Без десяти час, твёрдо ответил он. Иные говорят, будто бы лучше в полночь, но я утверждаю: идеальное время без десяти час: нет такой толкотни легче выбрать себе

подходящего духа. Ну, а теперь, — произнёс он, поднимаясь со стула, — проведите-ка меня по замку, покажите место, где вы хотели бы его поселить. Дух — он ведь такой: облюбует себе местечко — клещами его потом оттуда не вытянешь, о другом ничего и слушать не хочет. Не загонишь его туда потом никакими силами, даже если больше ему и деваться-то некуда.

Мистер Абрахамс критически и с величайшим тщанием осмотрел все коридоры и комнаты, с видом большого знатока потрогал гобелены. («Как раз то, что надо», — заметил он при этом вполголоса.) В банкетном же зале восхищение его переросло все границы.

— Вот оно, идеальное место! — воскликнул он, приплясывая со своим чемоданчиком вокруг стола с серебром (в ту минуту мой маленький гость и сам стал похож на какого-то лешего). — Лучшей комнаты мы не найдём. Благороднейший, солиднейший зал, и серебро высшей пробы, не то что нынешние подделки. Именно так, сэр, всё и должно быть обставлено. Ишь, какой простор — есть где привидению развернуться в полёте. Прикажите-ка принести сюда бренди и коробку с сигарами: посижу тут у огонька, проведу необходимые приготовления — дело это гораздо более сложное, чем вы, может быть, полагаете. Привидения — они, знаете, ведут себя прескверно, пока не сообразят, с кем имеют дело. Если вы останетесь со мной в комнате, они тут же вас, пожалуй, и растерзают на части. Так что, пока уходите, а я займусь ими сам; в половине же первого — милости просим, они к тому времени вполне успокоятся.

Предложение мистера Абрахамса показалось мне более чем обоснованным, и я удалился, оставив его сидящим в кресле: задрав ноги на крышку камина, мой гость принялся подготавливать себя ко встрече с капризными жителями иного мира, укрепляя свой дух при помощи указанных средств.

В комнате внизу, где расположились мы с миссис д'Одд, кое что было слышно: некоторое время гость сидел, затем принялся измерять холл мелкими нервными шажками.

Затем мы услышали, как он проверил надёжность внутреннего дверного замка, после чего передвинул к окну что-то тяжёлое из мебели и, по-видимому, взобрался на этот громоздкий предмет, потому что до нас донёсся скрип рамы — снизу коренастый мистер Абрахамс сам не смог бы до неё дотянуться. Миссис д'Одд утверждает, будто бы слышала, как после этого он заговорил торопливым шёпотом, но я не исключаю, что тут её подвело разыгравшееся воображение.

Признаюсь, всё это произвело на меня гораздо более сильное впечатление, чем я мог ожидать. Сама мысль о том, что простой смертный может так вот стать у открытого окна и призвать к себе из мрака обитателей потустороннего мира, не могла не внушить мне благоговейного ужаса. С трепетом, который мне едва удалось скрыть от Матильды, встретил я тот миг, когда стрелки часов приблизились к назначенному сроку: что ж, пришло время подняться по лестнице и составить компанию мистеру Абрахамсу в его ночном бдении.

Он сидел в прежней позе, как если бы и не двигался с места — разве что пухлая физиономия его раскраснелась.

- Как дела? бросил я с напускной беспечностью, невольно озираясь по сторонам, дабы убедиться, что мы здесь с гостем всё ещё одни.
- Теперь, чтобы довести наше дело до конца, понадобится лишь ваша помощь, торжественно произнёс мистер Абрахамс. Садитесь рядом и примите немного люкоптоликуса это снадобье, снимающее шоры с земного нашего зрения. Что бы ни предстало вашему взору, молчите и не двигайтесь, иначе спадут все чары.

Манеры его заметно смягчились, от прежней вульгарности грубого кокни^{*} не осталось и следа. Я расположился в указанном кресле и стал ждать.

Мой гость очистил от камыша часть пола и, опустившись на четвереньки, начертил полукруг, в который попали мы с ним и камин. По краям дуги он набросал ряд иероглифов, отдалённо напоминавших знаки Зодиака, затем встал и скороговоркой произнёс заклинание — мне показалось, что это было одно очень длинное слово на каком-то диковинном гортанном наречии. Завершив молитву (если, конечно, это была она), мистер Абрахамс вынул тот самый пузырёк, который показывал раньше, налил из него пару столовых ложек прозрачной жидкости в чашечку и протянул её мне.

_

 $^{^*}$ кокни (*жарг*.) — обитатель лондонских трущоб (П.Г.)

Напиток испускал тонкий сладковатый аромат, немного напоминавший яблочный. Несколько секунд я в нерешительности держал чашечку у губ, но тут мистер Абрахамс сделал нетерпеливый жест, и мне ничего не оставалось, как выпить всё залпом. Зелье было довольнотаки приятно на вкус; какого бы то ни было немедленного действия оно на меня впрочем не оказало, так что я откинулся на спинку кресла и стал ждать. Мистер Абрахамс, сидя рядом, продолжал бормотать какие-то заклинания и время от времени очень внимательно вглядывался мне в лицо.

Постепенно по жилам моим разлилось блаженное ощущение расслабленности и тепла — возможно, из-за близости кресла к камину, а может быть, и в силу каких-то других, мне не ведомых причин. Веки мои медленно сомкнулись и множество чудесных, сказочных мыслей пронеслись одна за другой у меня в голове. Спать хотелось так, что даже когда гость положил мне руку на грудь в области сердца, я не только не воспротивился, но и не стал спрашивать, с какой стати он это делает.

Всё в комнате закружилось вокруг меня в медленном сонном хороводе: голова лося у дальней стены, графин с вином, ваза и подносы двинулись, раскачиваясь, по залу в сказочном котильоне. Я опустил отяжелевшую голову на грудь и потерял бы, наверное, сознание, если бы дверь в конце зала внезапно не распахнулась. Она выходила прямо на помост, где в прежние времена пировал глава дома. Это привело меня в чувство.

Я выпрямился, вцепился в ручки кресла и с ужасом уставился в тёмный проём. Оттуда двигалось нечто бестелесное, бесформенное, но я всё же ясно его ощущал. Тень переступила порог и по комнате пронёсся ледяной ветер: дуновение это пробрало меня до самого сердца.

— Я незримое ничто, — молвил дух, и голос его был подобен шуму восточного ветра в верхушках сосен на пустынном берегу моря. — Однако не лишён определённых пристрастий. Я неуловим, магнетичен, спиритуален, так и искрюсь электричеством. Я — эфирное нечто, испускающее вздохи. Могу убивать собак. Изберёшь ли ты меня, о, смертный?

Я собрался, было, ответить, но слова застряли у меня в горле, и прежде, чем я успел вымолвить слово, тень пронеслась по залу и растаяла в глубине его, оставив после себя долгое эхо печального вздоха.

На пороге двери, к коей я вновь обратил свой взгляд, появилась сгорбленная старушонка. Несколько раз она проковыляла взад-вперёд по залу, после чего, скорчившись у меловой черты, подняла лицо: этого выражения дьявольской злобы мне не забыть до конца своих дней. Не было, казалось, такого порока, который не наложил бы свою печать на эту ужасную образину.

— Ха-ха! — вскричала старая карга, протянув ко мне сморщенные ручонки, напоминавшие когти какой-то страшной, отвратительной птицы. — Сам видишь, что я такое. Я злобная старуха. На мне шелка цвета нюхательного табака. Обрушиваю проклятия. Ко мне был неравнодушен сам сэр Вальтер Скотт. Стану ли я твоей навеки, о, смертный?

С трудом превозмогая ужас, я отрицательно качнул головой: старуха погрозила мне костылём и исчезла, испустив напоследок леденящий душу вопль.

Снова взглянув в дверной проём, я не удивился уже, увидев, что в комнату вошёл благородный джентльмен высокого роста. Чёрные волосы, обрамлявшие смертельно бледное чело, локонами ниспадали на плечи. На нём было свободное одеяние из жёлтого атласа с широким белым жабо. Мужчина величественно прошествовал по залу, затем обернулся и заговорил со мной, мягко и вкрадчиво:

— Я дух благородного кавалера. Колю и падаю, сам пронзённый. Вот моя рапира. Я лязгаю сталью. А вот — кровавое пятно у сердца. Ещё испускаю глухие стоны. Мне покровительствуют многие благородные консервативные семьи. Я — подлинный призрак старинных поместий. Работаю как один, так и в ансамбле с визжащими дамами.

Он учтиво склонил голову, как бы в ожидании ответа, но что-то снова сжало мне горло и... привидение растворилось, отвесив глубокий поклон.

Не успело оно скрыться, как в комнате почувствовалось присутствие нового страшного существа, и меня охватил неизъяснимый ужас. Смутные очертания, неясные формы... Призрак то заполнял собою всё пространство, то оказывался вдруг невидимым, ни на мгновение, впрочем, не давая забыть о своей близости.

- Я оставляю следы и проливаю кровь, - заговорил невидимка прерывисто, - хожу по

коридорам. Обо мне упоминал Чарльз Диккенс. Звуки издаю очень странные и неприятные. Могу вырывать письма из рук и хватать людей за запястья. Я весел. Разражаюсь взрывами ужасного хохота. Хотите услышать, как я смеюсь?

Я поднял было руку, но опоздал: омерзительный хохот прокатился по залу многократным эхом. Не успел я опустить руку, как привидение исчезло.

Я вновь обратил взгляд к двери, и вовремя: в зал прокрался мужчина — загорелый, мускулистый, с серьгами в ушах и с шёлковым платком на шее. Голову свою гость свесил на грудь: казалось, он мучается страшными угрызениями совести. Мужчина быстро, словно тигр в клетке, прошёлся туда-сюда: в одной руке он держал нож, в другой — кусок пергамента.

— Я убийца, — заговорил посетитель глубоким, звучным басом. — Я негодяй. Ступаю неслышно. Испанские моря — мой родной дом. Большой специалист по утерянным сокровищам и спрятанным кладам. Имею все необходимые карты. Отлично сложён, прекрасный ходок. Могу поступить на службу привидением в ваш большой парк.

Привидение бросило на меня полный мольбы взгляд, но не успел я подать ему знак, как почувствовал, что новый ужас сковал мне члены. На пороге возвышался необычайно высокого роста человек — если, конечно, существо это можно было назвать человеком: лицо его отливало свинцовой синевой, кости вот-вот готовы были прорвать полусгнившую кожу. Изпод савана дьявольским огнём поблёскивали глаза, глубоко запавшие в чёрных глазницах. Нижняя челюсть страшилища отвисла до самой груди, обнажив сморщенный язык и два ряда чёрных острых зубов. Ужасный призрак приблизился к меловой черте, и я невольно отшатнулся.

— Я чудовище из Америки, — проговорил он глухим голосом, который доносился, казалось, откуда-то из-под земли. — Истинное творение Эдгара Аллана По, остальные все — самозванцы. Я ужасен и мерзок, гублю всё живое. Вот они, мои плоть и кровь — не правда ли, гнусно и тошнотворно? В искусственных ухищрениях не нуждаюсь. Работаю исключительно с саваном, крышкой гроба и гальванической батареей. От меня волосы у людей седеют за ночь.

Словно моля о чём-то, существо простёрло ко мне свои костлявые руки, но я отрицательно мотнул головой, и призрак исчез, оставив после себя слабый тошнотворный запах.

Потрясённый и подавленный, я откинулся на спинку кресла: мысль о том, что сей персонаж может оказаться не последним в этой кошмарной процессии, готова была заставить меня отказаться от желания завести себе привидение. Но раздался лёгкий шорох воздушной ткани, и стало ясно, что мне уготована новая встреча.

Я поднял взгляд и увидел фигуру в белом, только что выплывшую из коридорного мрака и ступившую за порог. Передо мной предстала прекрасная молодая женщина, одетая по моде давно минувших дней. Руки её были прижаты к груди, гордое лицо несло на себе печать многих страстей и страданий. С мягким шелестом, напомнившим мне об осенних листьях, дама прошествовала по залу и заговорила, обратив ко мне прекрасные, невыразимо печальные глаза.

— Я несчастная и сентиментальная, прекрасная и оскорблённая. Меня предали и покинули. По ночам я вскрикиваю и пробегаю по коридорам. Предки мои респектабельны и аристократичны, вкусы — изысканны и утончённы. Старая дубовая мебель вроде этой — вполне мне по нраву, вот только на стены стоило бы навесить ещё доспехов и гобеленов. Неужто вы отвергнете меня?

Голос красавицы стих уносящимся вдаль эхом. Она простёрла ко мне руки в немой мольбе. Я всегда с трудом противостоял женским чарам. О, сколь жалок призрак Джоррокса в сравнении с этим чудом! Можно ли вообразить себе нечто более изысканное? И потом, не согласиться сейчас же — значило подвергнуть нервы свои новой встряске: что если следующий претендент окажется снова таким же, как предыдущий? Итак, должен ли я дать ответ?.. Словно угадав мои мысли, красавица одарила меня очаровательной улыбкой. Это решило всё дело.

- Она мне подходит! Выбираю этот призрак! я вскочил с места и в порыве энтузиазма, забывшись, заступил за очерченный мелом круг.
  - Арджентайн, нас обокрали!

Пронзительный вопль этот уже некоторое время стоял у меня в ушах, но я всё ещё не понимал смысла выкрикиваемых слов: ритм их, совпав с биением пульса в висках, сложился в этакую колыбельную: «обокрали, обокрали, обокрали» — мысленно стал напевать я.

Кто-то энергично встряхнул меня, и я разлепил веки. Надо мной возвышалась миссис д'Одд в весьма скудном одеянии, но в самом что ни на есть дурном расположении духа.

Я лежал навзничь, головой в кучке каминной золы, и сжимал в руке небольшой пузырёк. Едва поднявшись на ноги, я тут же ощутил небывалую слабость и сразу же рухнул в кресло. Постепенно в голове у меня прояснилось, — не в последнюю очередь благодаря нескончаемым воплям Матильды, — и я стал медленно восстанавливать в памяти события минувшей ночи. Вот эта дверь, сквозь которую являлись ко мне гости из потустороннего мира. Вот начертанный мелом полукруг с иероглифами. Вот коробка с сигарами и коньяк, до которого так мило снизошёл мистер Абрахамс. Но сам маг, где он? И что означает это открытое окно, эта свисающая наружу верёвка? И где оно, роскошное фамильное серебро, призванное украсить быт будущих д'Оддов, гордость замка Горсторп-Грэйндж? И почему это Матильда в предрассветном полумраке всё стоит, заламывая руки и выкрикивает одни и те же слова?

Лишь некоторое время спустя унылый мой разум вобрал в себя всю совокупность фактов и восстановил их взаимосвязь.

Так больше я и не увидел, мой дорогой читатель, ни мистера Абрахамса, ни своего столового серебра с восстановленным гербом. Но горше всего тоскую я по печальному призраку в длинных одеждах — увидеть его когда-либо я не надеюсь... Тем более, что это ночное происшествие, кажется, окончательно излечило меня от страсти к сверхъестественному. Смирился я постепенно и с мыслью о том, что остаток дней своих мне придётся прожить в самом обычном доме на лондонской окраине, который давно уже присмотрела для нас Матильда.

Что же касается причин случившегося, то объяснений тут может быть несколько. Скотланд-Ярд почти не сомневается в том, что мистер Абрахамс, мой великий «охотник за привидениями», есть не кто иной, как Джейми Вильсон, Ноттингемский взломщик — во всяком случае, все приметы моего гостя и знаменитого грабителя полностью совпадают. Маленький чемоданчик, о котором я говорил, обнаружился на следующий же день на соседнем поле: в нём оказался превосходный набор отмычек и прочая воровская утварь. Ряды следов по обе стороны рва явно указывали на присутствие сообщника: именно он, судя по всему, стал под окном и принял от мистера Абрахамса мешок с серебром и драгоценностями. Нет никакого сомнения в том, что эта парочка негодяев, промышляя в поисках очередного преступного дела, прослышала о неосторожных расспросах Джека Броккета и не замедлила воспользоваться представившейся возможностью.

Ну, а что же иные, призрачные мои гости той странной ночи? Должен ли я отнести их появление на счёт оккультных способностей моего знакомого из Ноттингема? Сомнения мои на этот счёт разрешил известный врач и химик-аналитик, которому я отослал несколько капель так называемого «люкоптоликуса». Приведу в заключение полученное от него письмо: пусть же точку в этом небольшом рассказе поставит человек науки.

«Сайласу д'Одду, эсквайру. Брикстон, «Буки».

Эрандл-стрит

Дорогой сэр!

Меня в высшей степени заинтересовал происшедший с Вами замечательный случай. Присланный Вами пузырёк содержал в себе сильный раствор хлорала, так что Вы, судя по всему, приняли не менее восьми-десяти гран чистого гидрата. Несомненно, такая доза не могла не привести Вас к частичной, а затем и полной потере сознания. В подобном состоянии под воздействием хлорала возможны странные, совершенно случайные видения, причём, особенно подвержены им люди, к этому снадобью непривычные. Вы писали мне о том, что с юности зачитывались оккультной литературой, и Вас давно интересует вопрос, в каких формах могут появляться призраки. Следует помнить и о том, что Вы как раз и

надеялись увидеть нечто подобное и что Ваша нервная система была напряжена до предела. С учётом всего вышесказанного приходится констатировать, что происшедшее с Вами ничуть не удивительно. Напротив, любой медик скажет, что куда более странно было бы, если бы упомянутый препарат не оказал на Вас соответствующего действия.

Искренне Ваш,

Т.Э. Штубе, доктор медицины»

1895 г.

(перевод В. Полякова)

возвращение

Была весна 528 года. Небольшое судно, переполненное пассажирами, совершало рейс из Халкидона в Константинополь. Это было утро праздничного дня — дня святого Георгия. Почти все пассажиры были паломники, спешившие на торжественные богослужения в честь этого святого — одного из самых почитаемых в необозримом сонме святых Восточной церкви. Ясное небо и лёгкий бриз способствовали общему праздничному настроению: можно было, не опасаясь морской болезни, любоваться постепенно открывающимися взору красотами самого грандиозного и величественного города в мире.

Среди пассажиров двое невольно привлекали к себе любопытные взгляды. Один — редкой красоты мальчик, лет десяти-двенадцати; черты лица его были правильны и в то же время изящны, его обрамляли тёмные кудри и одухотворяли живые карие глаза, так и светившиеся умом и жизнерадостностью. Его спутник, худой седобородый старик с суровым измождённым лицом, то и дело невольно улыбался, наблюдая, с каким восторгом и любопытством смотрит мальчик на прекрасный город вдалеке и на суда, которым, казалось, было тесно в узком проливе.

— Смотри, смотри! — кричал мальчик. — Какие красивые корабли выплывают из той бухты. Отец-настоятель, ведь это, наверное, самые большие корабли на свете?

Тот, к кому он обращался, настоятель монастыря святого Никифора в Антиохии, тронул его за плечо.

— Потише, Лев, не кричи так. Нам нельзя привлекать к себе внимание, пока мы не увидимся с твоей матерью. А эти красные галеры в самом деле огромные. Это военные корабли императора. А бухта — Феодосийская гавань. Скоро мы обогнём вот тот зелёный мыс и войдём в бухту Золотой Рог. Там становятся на якорь торговые суда. А теперь посмотри-ка туда, вон на те строения и большой собор. Видишь эту колоннаду, которая тянется вдоль моря? Это императорский дворец.

Мальчик всматривался долго и пристально.

- Там и живёт моя мать? спросил он.
- Да, дитя моё, твоя мать, великая императрица Феодора, и её муж, великий император Юстиниан, живут в этом дворце.

Взгляд детских глаз поразил старика своей пытливостью.

— Слушай, отец Лука, ты думаешь, она вправду будет мне рада?

Настоятель отвернулся, чтобы не встречаться с этим вопрошающим взглядом.

- Кто знает, Лев? Но нужно попробовать. Если здесь тебя не примут, то мы в монастыре всегда тебе будем рады.
- Отец Лука, а почему ты не написал моей матери о нашем приезде? Почему не подождал, когда она позовёт меня?
- Издалека, Лев, легче отказать. Нас просто задержал бы императорский гонец. Надо, чтобы она увидела тебя, Лев, заглянула тебе в глаза, они так похожи на её собственные! А твоё лицо напомнит ей того, кого она любила когда-то. И тогда, если её сердце ещё не превратилось в камень, оно откроется для тебя. Говорят, она ни в чём не знает отказа у императора. У них нет детей. И, быть может, Лев, тебя ожидает великое будущее. Если это свершится, вспомни о бедной братии из монастыря святого Никифора. Там тебя приютили, когла ты был олин на всём свете.

Десять лет назад эта непотребная женщина, которая одинаково славилась на Востоке как своей красотой, так и распутством и одно имя которой вызывало у богобоязненных людей дрожь отвращения, постучала в ворота бедного уединённого монастыря и умолила монахов позаботиться о младенце и избавить её от этого свидетельства греха.

Там приёмыш и оставался. А сама она, беспутная и продажная, вернулась в Константинополь. И здесь Фортуна повернулась к ней лицом. Ей удалось вначале увлечь престолонаследника Юстиниана, а впоследствии завоевать его прочную и глубокую любовь. И когда после смерти императора Юстина его племянник Юстиниан стал самым великим и могущественным властелином на свете, он не только сделал Феодору своей женой и императрицей, но и разделил с ней свою власть. Царственная супруга императора обладала

такой же неограниченной властью, могучей и независимой, как он сам.

И кто бы мог подумать! Развратная женщина восстала из того праха, в котором она когда-то пребывала, и отрясла его с себя, а вместе с ним и всё то, что могло бы хоть отдалённо, намёком, напомнить о её прошлом. В новой жизни она обрела чувство собственного достоинства, гордость и скоро стала подлинно великой императрицей. Супруга она превзошла не только в силе и мудрости, но и в жестокости, мстительности и непреклонности. Горе её врагам! К ним она была беспощадна. Но друзьям была верна.

Вот к какой женщине вёз из Антиохии настоятель отец Лука покинутого ею и, наверное, забытого сына. Может, она и вспоминала порой, как десять лет назад, она, брошенная своим любовником — правителем Пентаполиса Эцеболусом, пробиралась пешком через всю Малую Азию, чтобы никто не увидел её с ребёнком, и как упрашивала монахов взять дитя. Но каждый раз она думала только, что в далёкий монастырь не доходят мирские сплетни и никому из братии и в голову не придёт, что императрица Феодора и та жалкая грешница — одно лицо, и Юстиниан никогда ничего не узнаёт о ребёнке.

Отец Лука, видно, хорошо знал дорогу и шёл уверенным шагом— ему уже приходилось бывать в Константинополе по делам монастыря. Мальчик, ошарашенный новыми впечатлениями: многолюдством, обилием экипажей, шумом и грохотом, огромными зданиями, шёл, держась за край одежды настоятеля, но с неизменным восторженным любопытством вертел во все стороны кудрявой головой.

По крутым и узким улочкам они поднялись от моря к просторной площади с возвышавшимся в центре огромным собором. Это была Святая София — строительство этого храма началось ещё при Константине, а освещал его Иоанн Златоуст. Теперь это был центр Восточной церкви, и здесь находился престол патриарха.

Затем они прошли через вымощенный мрамором Августинум, а потом — мимо золочёных ворот ипподрома. В них вливалась огромная толпа; религиозным церемониям было посвящено только утро, мирским же радостям отводился остальной день.

Потом они вошли под арку, и тут же часовой в шлеме с золотым гребнем резко приказал им остановиться и перегородил дорогу блестящим копьём, предоставив дежурному офицеру решать, можно ли их пропустить. Однако настоятеля заранее предупредили, что все двери во дворце открываются тому, кто сошлётся на евнуха Василия. По своей должности всемогущий придворный, паракимомнен, обязан был спать у дверей императорской опочивальни, но практически он управлял жизнью дворца. Его имя подействовало, как пароль, — услышав его, протосфатий, начальник дворцовой стражи, который случайно оказался рядом, послал одного из своих подчинённых проводить посетителей к Василию.

Раздвинулись тяжёлые от золотого шитья занавеси, за ними стоял немой стражник-негр, а комнату мерил шагами жирный человек с безволосым, каким-то бабьим, обрюзгшим, хотя и смуглым лицом. От улыбки, которая тронула его толстые вывороченные губы, когда он взглянул на вошедших, веяло холодной, расчётливой жестокостью. Над дряблыми щеками сверкали умные, злые, внимательные глаза.

- Мне лестно, что моё имя служит пропуском во дворец, сказал он со злобной усмешкой. Но горе тому, кто воспользуется им без достаточно серьёзной причины.
- Дело моё настолько важно, ваша светлость, возразил монах, что не стоит сомневаться в моём праве войти во дворец. Более того, оно так серьёзно, что говорить о нём я могу с одной только императрицей Феодорой, потому что только её одной оно касается.

Густые брови евнуха сурово сдвинулись.

— Слушай, старик, — прошипел он зловеще, — у императрицы нет от меня тайн. И пока ты молчишь передо мной, ты её не увидишь. Откуда мне знать, должен ли я допустить тебя к ней.

Монах ещё некоторое время колебался.

— Может быть, я поступаю неправильно, — проговорил он наконец, — но что делать? В этом будет и ваш грех. Вот перед вами мальчик — это сын Феодоры. Десять лет назад, малюткой, она оставила его у нас в монастыре. Взгляните на этот папирус, это доказательство моей правдивости.

Не отводя глаз от детского лица, Василий развернул свиток. На отталкивающей его физиономии удивление сменилось сосредоточенностью: он рассчитывал, как воспользоваться

услышанной новостью.

- И в самом деле, это её лицо, согласился он, но тут же в нём вспыхнуло подозрение: Уж не решил ли ты сыграть на этом сходстве, старик?
- Есть только один свидетель, который может подтвердить мою правоту, голос настоятеля звучал твёрдо и с достоинством. Спросите саму императрицу. Обрадуйте её, сообщите, что её сын жив и здоров, что он здесь.

Сила ли или искренность этих слов, документ ли на папирусе или прекрасное лицо ребёнка, так похожего на императрицу, — какой-то из этих доводов или все они вместе окончательно убедили евнуха. Теперь его терзали иные сомнения: какую выгоду можно извлечь из этого бесспорного факта? Охватив рукой свой лоснящийся безволосый подбородок, он пытался рассмотреть все возможные варианты, которые сулила эта ситуация.

- Говори правду, старик, спросил он вдруг, сколько ещё есть на свете людей, кто знает об этом?
  - Ни одна живая душа, ответил тот, кроме дьякона Бэрдаса в монастыре и меня.
  - Ты абсолютно уверен?
  - Ла.

Пора было действовать. Заманчиво владеть тайнами великих. О-о, эту властную женщину он сможет теперь скрутить... Император Юстиниан, без сомнения, ничего не знает, и от такого удара может даже охладеть к обожаемой жене. Ей придётся принять меры, чтобы похоронить эту тайну, и он, Василий, волей-неволей будет единственным посвящённым. Попрежнему держа в одной руке папирус, а другой зажав подбородок, не спуская коварных глаз с мальчика и монаха, он ещё раз оценил все шансы.

— Ждите здесь, — приказал он и вышел.

Ожидать пришлось недолго. Заколебались, а потом раздвинулись занавеси, и, пятясь толстым задом, согнувшись в глубоком поклоне (чему немало мешало брюхо), появился евнух, а за ним стремительными шагами шла женщина. Из-под пурпурной мантии виднелось шитое золотом платье. Но даже не будь этого пурпура — цвета властителей — величественная осанка, повелительный взгляд больших тёмных глаз, надменность идеально правильного лица не оставляли сомнений: это была императрица Феодора. Во всём мире не нашлось бы женщины, способной затмить величественную красоту этой плебейки. Куда девалась актёрская повадка, которую дочь шута Акакия усвоила в цирке? И от вкрадчивого обаяния профессиональной обольстительницы ничего не осталось. Взору являлась полная сдержанного величия достойная супруга императора — монархиня с головы до пят.

Как будто не замечая евнуха и монаха, Феодора подошла к мальчику. Встретились взгляды двух пар одинаковых глаз. Взгляд женщины, впрочем, вначале был исполнен такой холодной недоверчивости, что мальчик даже вздрогнул. Но мало-помалу взор её теплел и смягчался, и в открытой детской душе родился мгновенный отклик. Со сдавленным всхлипом «Мама! Мама!» монастырский приёмыш кинулся к женщине, обхватил её за шею и уткнулся лицом ей в грудь. Руки императрицы невольно, сами собой, обвились вокруг детского тельца и прижали его к груди. Но это был лишь мгновенный страстный порыв. Повелительница полумира овладела собой. Она легонько оттолкнула ребёнка и приказала всем выйти вон. Безмолвные рабы, подхватив старика и мальчика под руки, вывели их за дверь. Василий же медлил, не сводя глаз с императрицы. Казалось, силы оставили её, она опустилась на диван, тяжело дыша. Почувствовав на себе пытливый взор евнуха, она взглянула ему в лицо. Даже не обладая особенным чутьём, легко было прочесть угрозу, затаившуюся в этих коварных глазах.

- Твоя власть, прошептала она побелевшими губами. Императору ни слова...
- Я ваш раб, ваше послушное орудие, отвечал евнух с двусмысленной улыбкой. Кто посмеет нарушить вашу волю? Император как не знал ничего, так и не узнает. Кто ему скажет?
  - А монах? А мальчик? Как с ними быть?
  - Выход один, иначе вы навсегда лишитесь покоя, ответил евнух.

Теперь глаза её были полны ужаса. Толстый палец евнуха указывал вниз. Она сразу поняла, что он имел в виду — жуткие дворцовые подземелья, полные мрака, тёмные коридоры, каменные мешки, немые негры-стражники, внезапный вскрик или долгий стон, а после... тишина...

Сердце её разрывалась. Вот её мальчик, её сын, её единственный сын! Не осталось и тени сомнения, сердце сказало ей, что это её плоть и кровь. И как он хорош, как открыта любви и нежности его душа! Но Юстиниан! Ей ли не знать его характер! Да, он уничтожил её прошлое, стёр его из памяти людской особым императорским указом, как будто сам заново родил её на свет. Она действительно его половина. Но брак их бесплоден, и появление этого ребёнка, её дитяти, но не от него, могло больно уязвить его мужскую гордость. Он, казалось, и сам начисто забыл её прошлое, но ребёнок — это слишком конкретное напоминание, от него не отмахнёшься. Она чувствовала, что этого испытания любовь Юстиниана может не выдержать, не помогут ей ни обаяние, ни её женская власть над монархом, впереди гибель. Слишком хорошо она его знала! Развод так же возможен, как когда-то стал возможным этот головокружительный брак.

А евнух всё стоял перед ней, склонившись. Смуглое лицо выражало теперь преданность и внимание.

- Поручите это мне, государыня.
- Но... смерть?..
- Только мёртвые молчат. Конечно, если вы не решаетесь, можно вырвать язык и выколоть глаза.

Картина, которая предстала её мысленному взору при этих словах, заставила её содрогнуться.

- Нет, ни за что! вскричала она. Уж лучше убить.
- Да будет так. Ваша мудрость ваша опора, государыня. Только смерть залог их молчания и вашей безопасности.
  - И монах?
  - Да, его тоже.
- Но ведь он настоятель монастыря! Его будет разыскивать святой Синод! Что подумает патриарх?
- Лишь бы он молчал, а в Синоде пусть потом, что хотят, то и делают. Допустим, дворцовая стража схватила заговорщика с кинжалом в рукаве рясы. Как могли мы поверить, что он в самом деле настоятель монастыря?

Феодора, дрожа всем телом, старалась глубже уйти в диванные подушки.

- Отбросьте от себя эти мысли, государыня, продолжал искуситель, и всё будет сделано как должно! Только поручите это дело мне. Если вы не решаетесь выговорить эти слова кивните, я посчитаю это знаком согласия.
  - Да будет так, выдавила она с трудом.

И опять он не стал терять времени зря. Когда приказ будет исполнен, он станет единственным обладателем тайны императрицы. Есть, правда, какой-то ничтожный дьякон Бэрдас в Антиохии, но ведь дни его сочтены. Вот тогда наступит время накинуть узду на эту женщину — само воплощение власти, — ей придётся подчиниться.

Поспешив в коридор, где наши путники томились в ожидании под стражей, он подал хорошо известный в то жестокое время знак, исполненный зловещего смысла. В то же мгновение немые чернокожие стражи схватили старика и мальчика и поволокли в дальнюю часть дворца. По дороге они ощутили тяжёлые запахи стряпни — верно, их протащили мимо кухни. Потом путь их пошёл вниз. Их грубо толкали по вымощенным камнем мрачным спускам, потом перед ними открылась лестница, почти отвесно уходящая в глубь земли. Там царила влага, воздух был тяжёл от неё, а сквозь стены просачивались капли. Должно быть, они находились ниже уровня моря.

Самый дальний и глубокий туннель заканчивался дверью, а за ней лежало большое пустое помещение, перекрытое сводом. Оно было совершенно пусто, лишь в центре возвышался ограждающий устье колодца парапет, прикрытый окованной железом дубовой крышкой. На парапете высечены были древние изречения; современные восточные мудрецы не могли прочесть их, ибо колодец существовал задолго до того, как греки основали тут Византий. В те времена выходцы из Халдеи и Финикии настроили здесь жилищ и огромных несокрушимых временем каменных глыб. Это поселение, расположенное много ниже уровня современного города, послужило потом его основанием.

Дверь захлопнулась, и евнух знаком приказал стражникам снять тяжёлую крышку с

колодца. Раздался раздирающий душу детский крик, мальчик в ужасе и тоске прижался к отцу-настоятелю, а тот тщетно пытался вызвать жалость в безжалостном сердце.

— Что вы хотите сделать? Не убъёте же вы невинное дитя?! — восклицал он. — Он тут ни при чём... Это я привёл его сюда, я и виноват... Я и дьякон Бэрдас. Наш грех — нас и казните. Старикам не страшно — смерть всё равно близко. А на него взгляните только: как он юн, как красив! Его ждёт жизнь. О, господин мой, сжалься над сиротой, пощади его, не бери грех на душу, не убивай!

Старик на коленях подполз к евнуху и припал к его ногам. Мальчик захлёбывался и рыданиях. Тем временем безмолвные чернокожие рабы своротили крышку с колодца смерти. Не удостоив настоятеля ответом, Василий поднял осколок камня и бросил в колодец. Долго слышались глухие его удары о забывшие свой возраст, пропитанные влагой и поросшие мхом стены, и наконец раздался всплеск. Затем евнух сделал повелительный жест, и чёрные стражники оторвали мальчика от отца-настоятеля, душераздирающие вопли жертвы, лишённой последней защиты и надежды, были так пронзительны, что никто не услышал стремительных шагов императрицы.

Задыхаясь, вбежала она в подземелье и обняла сына.

— Стоять! — крикнула она рабам. — Никогда этого не будет! Никогда. Не бойся, дитя моё, радость моя. Я тебя им не отдам... Я с ума сошла сначала, тёмные силы мной овладели, дорогой ты мой! На какое зло могла решиться твоя мать! Мои руки были бы в твоей крови... Но с этим всё. Поцелуй меня, Лев. Хоть раз в жизни ощутить эту радость губы своего дитяти на своих губах. И ещё, в последний раз — я теряю силы от твоих поцелуев и не смогу спасти тебя.

Теперь она обратилась к отцу-настоятелю:

- Старик, твой сан и твои преклонные годы не позволят тебе осквернить уста ложью, ведь ты уже чувствуешь дыхание смерти. Скажи, все эти годы моя тайна вправду оставалась тайной?
- Государыня, всю жизнь я старался ходить путями совести и правды. Лгать мне не подобает. Клянусь святым Никифором, нашим небесным покровителем: только я и старый дьякон Бэрдас больше не знает никто.
- Тогда замкни свои уста навсегда. Я верю тебе: ты молчал десять лет, с какой стати ты начнёшь болтать теперь. А ты, Лев? Феодора бросила на сына взгляд, который мог бы показаться суровым, если бы не волны любви, лившиеся из её прекрасных глаз. Тебе можно довериться? Ты посвящён в тайну, которая тебе не поможет, а меня может легко погубить.
  - Я ни за что на свете не наврежу тебе, мама. Клянусь, я буду верно хранить эту тайну.
- Я верю вам обоим. Я сделаю богатый вклад в ваш монастырь, отец-настоятель, чтобы мой сын жил, ни в чём не нуждаясь, и радостно вспоминал день нашего свидания. Теперь ступайте. Никогда не пытайся увидеть меня, Лев, я этого не хочу. Если ты застанешь меня доброй и справедливой, погибну я, если разъярённой и жестокой ты. И не дай Бог, чтоб возникли хоть малейшие слухи. Это будет означать, что вы нарушили обет молчания, и, клянусь святым Георгием, я не пощажу тогда ни ваш монастырь, ни всю братию. Страшная кара ждёт каждого, кто нарушит верность императрице.
- Я ручаюсь за себя, за дьякона Бэрдаса и за своего воспитанника Льва, твёрдым голосом сказал монах. Но кто поручится за остальных: за этих рабов, за этого правителя? Не пострадать бы нам за чужую вину!
- Не сомневайся, решительно отвечала императрица, и в глазах её уже остались только жестокость и беспощадность. Рабы безъязыкие, они никогда никому ничего не смогут рассказать. Ну, а Василий...

Прекрасная белая рука повторила тот самый жест, которым так недавно он сам приговорил к смерти своих пленников.

Чёрные рабы вцепились в евнуха, как охотничьи псы в добычу.

- Помилуйте, великая государыня! За что? Чем я провинился? голос был тонкий, пронзительный, срывающийся на визг. За что казните? Проявите великодушие, простите, если я ошибся!..
- Разве не ты принуждал меня убить моё дитя, пролить родную кровь? Разве не ты собирался запугивать меня моей тайной? Да у тебя на лице это было написано! Тебе очень

нравилось обрекать на казнь других. Попробуй теперь сам. Смерть ему! Я сказала!

Не помня себя, кинулись старик с мальчиком к дверям каземата. Последнее, что они видели мельком, но запомнили до конца своих дней, — это статная женская фигура в золотой парче, зелёное замшелое жерло колодца и разинутый красный рот зашедшегося в крике евнуха, отчаянно и безуспешно сопротивлявшегося мускулистым рабам, которые рывками подтаскивали его к краю бездны. Тут мальчик зажал уши руками, и они побежали дальше, но и издали до них донёсся визг летящей вниз жертвы и тяжёлый всплеск воды.

1909 г.

(перевод Э. Михалёвой)

признания

- Скажи мне, Фрэнк, любил ли ты до меня?
- Как сегодня лампа плохо заправлена, сказал Фрэнк и немедленно вышел в столовую, чтобы принести оттуда другую. Вернулся он не сразу.

Она терпеливо ждала, пока он сядет.

- Так что же, Фрэнк, спросила она, ты любил другую?
- Дорогая Мод, что за польза от подобных вопросов?
- Ты сказал, что у нас не должно быть тайн друг от друга.
- Конечно, нет, но есть вещи, о которых лучше не говорить.
- По-моему, это и будут тайны.
- Если ты смотришь на это так серьёзно...
- Даже очень.
- Тогда я готов ответить на все твои вопросы. Но потом не ругайся, если мои ответы тебе не понравятся.
  - Кто она была, Фрэнк?
  - Которая?
  - О, Фрэнк, неужели их было несколько?
  - Я предупредил, что мои ответы будут тебе неприятны.
  - Лучше бы я и не спрашивала.
  - Тогда оставим это.
  - Нет, поздно, Фрэнк, теперь я хочу знать решительно всё.
  - Ты действительно этого хочешь?
  - Да, Фрэнк, непременно.
  - Едва ли я смогу сказать тебе всё.
  - Неужели это так ужасно?
  - Нет, но есть другие причины.
  - Какие?
- Их очень много. Ты знаешь, как один современный поэт оправдывался перед своей женой за своё прошлое? Он сказал, что долго искал её.
  - Это мне очень нравится! воскликнула Мод.
  - Да, я искал тебя.
  - И кажется довольно долго.
  - Но я тебя нашёл наконец.
- Я предпочла бы, чтобы ты меня нашёл сразу, Фрэнк. Он сказал что-то относительно ужина, но Мод была неумолима. Скольких же женщин ты действительно любил? спросила она. И, пожалуйста, без шуток, Фрэнк. Я спрашиваю серьёзно.
  - Если бы я захотел тебе лгать...
  - Нет, я знаю ты этого не захочешь.
  - Конечно, нет. На это я не способен.
  - Итак, я жду ответа.
- Не преувеличивай значения того, что я тебе сейчас скажу, Мод. Любовь понятие растяжимое. Одна любовь имеет основанием чисто физическое влечение, другая духовное единение; наконец, третья может быть основана на родстве душ.
  - Какою же любовью любишь ты меня, Фрэнк?
  - Всеми тремя.
  - Ты в этом уверен?
  - Совершенно.

Она подошла к нему, и допрос был прерван, но через несколько минут он возобновился.

- Итак, первая? сказала Мод.
- Я не могу, Мод, оставим это.
- Милостивый государь, я вас прошу, её имя?
- Нет, нет, Мод, называть имена я не могу даже тебе.
- Кто же она была тогда?

- К чему подробности? Позволь мне рассказать всё это тебе по-своему.
- Мод сделала недовольную гримасу.
- Вы увиливаете, сударь. Но я не хочу быть слишком строгой. Рассказывай по-своему.
- Видишь ли, Мод, собственно говоря, я был всегда влюблён в кого-нибудь.

Она слегка нахмурилась.

- Должно быть, твоя любовь стоит недорого, заметила она.
- Для здорового молодого человека, обладающего некоторым воображением и горячим сердцем, это является почти необходимостью. Но, конечно, это чувство очень поверхностно.
- Мне кажется, что всякая твоя любовь должна быть поверхностной, если она так легко проходит.
- Не сердись, Мод. Вспомни, что в это время я ещё не встречал тебя. Ну вот, я так и знал, что эти вопросы не приведут ни к чему хорошему. Кажется, я вообще делаю глупо, что так откровенно рассказываю тебе обо всём.

На её лице играла холодная, сдержанная усмешка. В глубине души Фрэнк, глазами незаметно следивший за женой, был рад тому, что она ревнует его.

- Ну, сказала она наконец.
- Ты хочешь, чтобы я продолжал?
- Раз ты начал, так уж рассказывай до конца.
- Ты будешь сердиться.
- Мы слишком далеко зашли, чтобы останавливаться. Я не сержусь, Фрэнк. Мне только немного грустно. Но я ценю твою откровенность. Я не подозревала, что ты был таким... таким Дон-Жуаном.

Она начала смеяться.

- Я интересовался каждой женщиной.
- -«Интересовался» милое словцо.
- C этого всегда начиналось. Затем, если обстоятельства благоприятствовали, интерес усиливался, до тех пор, пока... ну, ты понимаешь...
- Сколько же было женщин, которыми ты «интересовался»? И сколько раз этот интерес усиливался?
  - Право, не могу сказать.
  - Раз двадцать?
  - Пожалуй, больше.
  - Тридцать?
  - Никак не меньше.
  - Сорок?
  - Я думаю, что не больше.

Мод в ужасе смотрела на мужа.

- Тебе теперь двадцать семь лет. Значит, начиная с семнадцати лет, ты любил в среднем по четыре женщины в год?
- Если считать таким образом, то я, к сожалению, должен сознаться, что их было, пожалуй, более сорока.
  - Это ужасно, проговорила Мод и заплакала.

Фрэнк опустился перед ней на колени и начал целовать её милые, маленькие пухлые ручки, мягкие, как бархат.

- Я чувствую себя таким негодяем, сказал он. Но я люблю тебя всем сердцем и всей
- Сорок первую и последнюю, всхлипывала Мод, полусмеясь-полуплача. Она вдруг прижала его голову к своей груди.
- Я не могу сердиться на тебя, сказала она. Это было бы невеликодушно, потому что ты рассказываешь это по доброй воле. И я не могу не ценить этого. Но мне так хотелось бы быть первой женщиной, которой ты заинтересовался.
- Увы, случилось иначе. Вероятно, есть люди, которые всю жизнь остаются непорочными. Но я не верю в то, что они лучше других. Это или святые молодые Гладстоны и Ньюмены, или холодные, расчётливые, скрытные люди, от которых нечего ждать добра. Первые должны быть прекрасны, но я их не встречал в жизни. Со вторыми я сам не желаю

встречаться.

Но эти соображения мало интересуют женщин.

- Они были красивее меня? спросила Мод.
- Кто?
- Те сорок женщин.
- Нет, дорогая, конечно, нет. Чему ты смеёшься?
- Знаешь, мне пришла в голову мысль. Хорошо бы было собрать всех этих сорок дам в одну комнату, а тебя поставить в середине.
- Тебе это кажется смешным? Фрэнк пожал плечами. У женщин такие странные понятия о смешном.

Мод хохотала до слёз.

- Тебе это не нравится? спросила она наконец.
- Нисколько, холодно ответил он.
- Ну, конечно, нет. И она снова разразилась долгим звонким смехом.
- Когда же ты успокоишься? спросил он обидчиво. Её ревность нравилась ему гораздо больше, чем смех.
- Ну, довольно. Не сердись. Если бы я не смеялась, я бы плакала. Прости меня, Фрэнк. Она подошла к нему. Ты доволен?
  - Не совсем ещё.
  - А теперь?
  - Ну, ладно. Я прощаю тебе.
- Удивительно! После всех этих признаний оказывается, что он прощает мне. Но ты никогда никого из них не любил так, как любишь меня?
  - Никогда.
  - Поклянись!
  - Клянусь тебе!
  - Ни духовно, ни как ты это ещё называешь?
  - Ни духовно и никак.
  - И никогда больше не будешь?
  - Никогда.
  - И будешь хорошим мальчиком отныне и навсегда?
  - Отныне и на всю жизнь.
  - И все сорок были ужасны?
  - Ну, нет, Мод, этого я не могу сказать.

Она надула розовые губки.

- Значит, они тебе больше нравятся?
- Какие глупости ты говоришь, Мод! Если бы какая-нибудь из них нравилась мне больше тебя, я бы женился на ней.
- Да, пожалуй, что так. И если ты женился на мне, то приходится думать, что мною ты заинтересовался больше всех. Я не подумала об этом.
- Глупышка. Ну, конечно же, ты мне нравишься больше их всех. Давай бросим этот разговор и больше никогда не будем к нему возвращаться.
  - У тебя есть их фотографии?
  - Нет.
  - Ни одной?
  - Нет.
  - Что же ты с ними слелал?
  - У меня вообще их было очень мало.
  - А те, что у тебя были?
  - Я их уничтожил перед свадьбой.
  - Очень мило с твоей стороны. Ты об этом не жалеешь?
  - Нет, по-моему, так и следовало сделать.
  - Какие тебе больше нравились, брюнетки или блондинки?
  - Право, не знаю. Холостяки обыкновенно бывают очень неразборчивы.
  - Скажи мне по совести, Фрэнк, ведь не может быть, чтобы ни одна из этих сорока

женщин не была красивее меня?

- Оставь, Мод, давай поговорим о чём-нибудь другом.
- И ни одна не была умнее?
- Как ты сегодня нелепо настроена!
- Нет, ты ответь мне.
- Я уже ответил тебе.
- Я не слышала.
- Неправда, ты отлично всё слышала. Я сказал, что если я женился на тебе, то это доказывает, что ты мне нравилась больше всех. Я не говорю, что ты одно совершенство, но мне дороже всего именно такое соединение всех хороших и дурных качеств, какое я нашёл в тебе.
  - Да, вот как! заметила Мод с некоторым сомнением. Люблю тебя за откровенность.
  - Ну вот, я обидел тебя.
- O нет, нисколько. Мне было бы невыносимо думать, что ты что-нибудь от меня скрываешь.
  - А ты, Мод, со мной будешь так же откровенна?
- Да, дорогой, после всех твоих признаний, я чувствую, что должна быть с тобою откровенна. У меня тоже было кое-что в прошлом.
  - У тебя!
  - Может быть, лучше не вспоминать всех этих старых историй!
  - Нет, я предпочёл бы узнать их.
  - Тебе будет неприятно.
  - Нет, конечно, нет.
- Во-первых, Фрэнк, я должна сказать тебе следующее. Если когда-нибудь замужняя женщина говорит своему мужу, что прежде, чем она встретила его, она никогда не испытывала ни малейшего волнения при виде другого мужчины, это будет ложь. Может быть, и есть такие женщины, но я их никогда не встречала. И не думаю, чтобы они могли мне нравиться, потому что это должны быть холодные, сухие, несимпатичные, безжизненные натуры.
  - Мод ты любила кого-нибудь другого!
- Не буду отрицать, что я интересовалась и даже очень сильно многими другими мужчинами.
  - Многими!
  - Ведь это было прежде, чем я встретила тебя.
  - Ты любила нескольких мужчин?!
- Конечно, большею частью чувство это было очень поверхностное. Любовь понятие такое растяжимое.
  - Боже мой, Мод, сколько же мужчин сумели внушить тебе подобное чувство?
- По правде сказать, Фрэнк, молодая здоровая женщина слегка увлекается почти каждым молодым мужчиной, которого она встречает. Я знаю, что ты ждёшь от меня самого чистосердечного признания, поэтому я должна сознаться, что некоторыми мужчинами я особенно сильно увлекалась.
  - Ты, по-видимому, была довольно опытна.
  - Ну вот, ты сердишься. Я перестану рассказывать.
  - Нет, ты уже слишком много сказала. Я хочу теперь узнать всё.
- Я хотела только сказать, что брюнеты как-то особенно сильно действовали на моё воображение. Не знаю почему, но это чувство было совершенно непреодолимо.
- Вероятно, именно потому ты вышла замуж за человека с такими светлыми волосами, как у меня.
- Не могла же я надеяться, что в моём муже соединятся все хорошие качества. Но уверяю тебя, что ты нравился, безусловно, больше всех других. Быть может, ты не самый красивый и не самый умный из всех, но всё-таки я люблю тебя гораздо, гораздо больше всех остальных. Ведь в моих словах нет ничего обидного?
- Мне очень жаль, что я не вполне соответствую твоему идеалу, хотя, конечно, очень глупо думать, чтобы я мог быть чьим-нибудь идеалом. Но мне казалось, что глаза любви

обыкновенно немного скрашивают недостатки любимого человека. С цветом моих волос, конечно, ничего уже не поделаешь, но кое-что другое ещё можно, пожалуй, исправить. Так что, я надеюсь, ты укажешь мне...

- Нет, нет, я хочу, чтобы ты оставался именно таким, каков ты есть. Если бы кто-нибудь другой нравился мне больше тебя, ведь я бы не вышла тогда за тебя замуж.
  - Но всё-таки, что же ты мне расскажешь про своё прошлое?
- Знаешь, Фрэнк, лучше оставим это. К чему перебирать прошлое? Тебе это может быть только неприятно.
- Вовсе нет. Я очень благодарен тебе за то, что ты так откровенна, хотя, признаюсь, коечто в твоих словах является для меня немного неожиданным. Я жду продолжения.
  - На чём же я остановилась?
- Ты только что заметила, что до свадьбы у тебя были любовные дела с другими мужчинами.
  - Как это страшно звучит, правда?
  - Пожалуй, что так.
- Но это только потому, что ты преувеличиваешь значение моих слов. Я сказала, что увлекалась несколькими мужчинами.
  - И что брюнеты производили на тебя особенно сильное впечатление.
  - Именно.
  - А я надеялся, что я первый.
- Увы, случилось иначе. Я легко могла бы солгать тебе и сказать, что ты был первым, но впоследствии я никогда не могла бы простить себе этой лжи. Ты ведь знаешь, мне было семнадцать лет, когда я окончила школу, а когда я познакомилась с тобой, мне было двадцать три. Как видишь, было шесть лет очень весёлых, с танцами, вечерами, балами, пикниками. И, конечно, мне поневоле приходилось постоянно встречаться с молодыми людьми. Многие из них увлекались мною, а я...
  - А ты увлекалась ими.
  - Это было вполне понятно, Фрэнк.
  - Ну, конечно! И затем это увлечение усиливалось?
- Иногда. Когда я встречала молодого человека, который ухаживал за мной на балах, сопровождал меня на всех прогулках, провожал меня поздно вечером домой, то, конечно, моё увлечение усиливалось.
  - Так.
  - А затем...
  - Что же затем?
  - Ты ведь не сердишься?
  - Вовсе нет!
  - Затем, постепенно усиливаясь, это увлечение переходило в нечто, похожее на любовь.
  - Что?!
  - Не кричи так, Фрэнк.
  - Разве я кричу? Пустяки! Ну, и что же дальше?
  - К чему входить в подробности?
- Нет, теперь ты уже должна продолжать. Ты слишком много рассказала, чтобы останавливаться. Я решительно настаиваю на продолжении.
- Мне кажется, ты мог бы сказать это немного в другом тоне. На лице Мод появилось выражение оскорблённого самолюбия.
- Хорошо, я не настаиваю. Но я прошу тебя рассказать мне немного подробнее об этих прошлых увлечениях.

Мод откинулась на спинку кресла. Глаза её были полуприкрыты. На лице мелькала едва заметная тихая усмешка.

– Если, Фрэнк, ты так хочешь знать, то я готова рассказать тебе решительно всё. Но, пожалуйста, не забывай, что в то время я даже ещё не была знакома с тобой. Расскажу тебе один случай из моей жизни. Самый ранний. Я отчётливо помню его во всех подробностях. Произошло это оттого, что меня оставили одну в комнате с молодым человеком, пришедшим к моей матери.

- Так.
- Ты понимаешь, мы были в комнате совершенно одни.
- Отлично понимаю.
- Он стал говорить мне, что я ему очень нравлюсь, что я очень хорошенькая, что он никогда ещё не видел такой милой, славной девицы ты знаешь, что мужчины обыкновенно говорят в таких случаях.
  - А ты?
- О, я едва отвечала ему, но, конечно, я была ещё очень молода и неопытна, мне было приятно слушать его. Вероятно, я ещё плохо умела тогда скрывать свои чувства, потому что он вдруг...
  - Поцеловал тебя?
- Именно. Он поцеловал меня. Не шагай так из угла в угол, дорогой. Это действует мне на нервы.
  - Хорошо, хорошо. Как же ты ответила на это оскорбление?
  - Ты непременно хочешь знать?
  - Я должен это знать. Что ты сделала?
- Знаешь, Фрэнк, мне вообще очень жаль, что я начала рассказывать тебе всё это. Я вижу, как это раздражает тебя. Закури лучше свою трубку и давай поговорим о чём-нибудь другом. Я знаю, что ты будешь очень сердиться, если узнаешь всю правду.
  - Нет, нет, я не буду сердиться. Итак, что же ты сделала?
- Если ты так настаиваешь, то я, конечно, скажу тебе. Видишь ли, я возвратила ему поцелуй.
  - Ты... ты поцеловала его?!
  - Ты разбудишь прислугу, если будешь так кричать.
  - Ты поцеловала его!
  - Да, дорогой, может быть, это было нехорошо, но я так сделала.
  - Боже мой, ты это сделала?
  - Он мне очень нравился.
  - О, Мод, Мод! Ну, что же случилось дальше?
  - Затем он поцеловал меня ещё несколько раз.
  - Ну, конечно, если ты сама его поцеловала, то что же ему оставалось делать! А потом?
  - Фрэнк, я, право, не могу.
  - Нет, ради Бога, говори. Я готов ко всему.
- Ну, хорошо. Тогда, пожалуйста, сядь и не бегай так по комнате. Я только раздражаю тебя.
  - Ну, вот, я сел. Видишь, я совсем спокоен. Что же произошло потом?
  - Он предложил мне сесть к нему на колени.
  - Вот как!
  - Фрэнк, да ты квакаешь точно лягушка! Мод начала смеяться.
- Я очень рад, что тебе всё это представляется смешным. Ну, что же дальше? Ты, конечно, уступила его скромной и вполне понятной просьбе и села к нему на колени.
  - Да, Фрэнк, я так и сделала.
  - Господи Боже!
  - Не раздражайся так, дорогой.
  - Ты хочешь, чтобы я спокойно слушал о том, как ты сидела на коленях у этого негодяя?
  - Ну что же я могла ещё сделать?
- Что сделать? Ты могла закричать, могла позвонить прислуге, могла ударить его. Наконец, ты, оскорблённая в лучших чувствах, могла встать и выйти из комнаты.
  - Для меня это было не так-то легко.
  - Он держал тебя?
  - Да.
  - О, если бы я был там!
  - Была и другая причина.
  - Какая?
  - Видишь ли, в то время я ещё довольно плохо ходила. Мне было всего три года.

Несколько минут Фрэнк сидел неподвижно с широко раскрытыми глазами.

- Несчастная! проговорил он наконец, тяжело переводя дух.
- Мой милый мальчик! Если бы ты знал, насколько лучше я себя теперь чувствую.
- Чудовище!
- Мне нужно было расквитаться с тобой за моих сорок предшественниц. Старый ловелас! Но я всё-таки немного помучила тебя, ведь верно?
  - Да я весь в холодном поту! Это был какой-то кошмар. О, Мод, как ты только могла?
    Это было прелестно.

  - Это было ужасно!
  - И как ты ревновал, о, я очень рада и нисколько не раскаиваюсь.

Фрэнк мягко обнял жену за талию.

– Мне кажется, – заметил он, – я даже и не подозревал...

Но тут с подносом в руках в комнату вошла прислуга.

1899 г.

(перевод Павла Гелевы)

ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ БРАУНА-ПЕРИКОРДА

Был холодный, туманный майский вечер; кругом царила густая мгла, уличные фонари на Стрэнде казались слабыми, мерцающими точками, и даже залитые электрическим светом окна магазинов в густом тумане выглядели всего лишь бледными светлыми пятнами. Высокие дома, длинным рядом тянущиеся к набережной, стояли мрачные и по большей части неосвещённые, и только в одном доме три больших окна на третьем этаже ярко светились во мгле, изливая целые потоки ослепительного электрического света. Прохожие невольно подымали головы и указывали друг другу на эти ярко освещённые окна.

То были окна квартиры инженера-электротехника и изобретателя Фрэнсиса Перикорда. Свет в его рабочем кабинете, горящий в столь поздний час, свидетельствовал об упорной энергии и неустанной работе этого человека, быстро продвигающегося к высшим достижениям на избранном поприще.

Если бы прохожие могли заглянуть в его кабинет, они увидели бы там двух мужчин; один был сам Перикорд, человек с профилем хищной птицы, нервный брюнет с худощавой, угловатой фигурой. В нём безошибочно угадывалось кельтское происхождение. Другой — крепкий, дородный мужчина с рыжеватыми волосами и голубыми холодными глазами — был Джереми Браун, известный механик.

Они были компаньонами в нескольких задуманных и уже исполненных изобретениях. Творческий гений одного в значительной мере дополнялся практическим умом и способностями другого. И если в столь поздний час Браун находился ещё в кабинете Перикорда, то это объяснялось тем, что сегодня производился опыт, который должен был подвести итог многим месяцам их неустанной совместной работы и упорных исканий.

Между ними стоял длинный стол, его окрашенная коричневой краской поверхность сильно пострадала от различных кислот и иных химических веществ и была прожжена и исцарапана во многих местах. Стол был завален различными аккумуляторами, индукционными катушками, огромными фаянсовыми изоляторами. И среди груды различных предметов виднелась странного вида машина или аппарат, вертевшаяся с шипением и жужжаньем. На ней-то, по-видимому, и было сосредоточено внимание компаньонов, которые не спускали с неё глаз.

Многочисленные провода прикрепляли металлический приёмник в виде маленького четырёхугольного ящика к большому стальному кругу или обручу, снабжённому с двух сторон внушительного вида и размеров шатунами, выдающимися наружу. Сам круг, или обруч, оставался неподвижен, но шатуны по обеим сторонам его вместе с короткими рычагами, приделанными к ним, вращались с головокружительной быстротой в продолжении нескольких секунд, затем на мгновение останавливались, а потом возобновляли свою работу. По всей видимости, двигатель, заставлявший их вращаться, находился в металлической коробке. В комнате чувствовался лёгкий запах озона. Оба компаньона с напряжением следили за машиной.

- Браун, а где же крылья? спросил изобретатель.
- Они слишком громоздки, и я не мог привезти их сюда в них два метра одной только длины и девяносто сантиметров ширины; но мотор достаточно силён для того, чтобы привести их в действие, за это я вам ручаюсь.
  - Они из алюминия с медными скрепами?
  - Па!
- Нет, вы посмотрите только, как прекрасно он работает! воскликнул Перикорд, протянув худую с нервными пальцами руку и нажав кнопку, очевидно регулирующую ход механизма. Шатуны стали вращаться медленнее, и спустя минуту совершенно остановились. Изобретатель нажал другую кнопку, стержни содрогнулись и аппарат возобновил своё врашательное движение.
- И заметьте: тому, кто будет испытывать этот аппарат, не придётся тратить никаких мускульных усилий он может оставаться совершенно пассивным и управлять аппаратом только силою мысли...
  - Да, и всё благодаря совершенству моего двигателя, заметил Браун,

- *Нашего* двигателя, сухо поправил его изобретатель.
- Да, конечно, согласился его коллега с некоторой досадой, того мотора, который вами задуман, но мною построен... как бы вы его ни называли.
- Я называю его двигателем Брауна-Перикорда, воскликнул инженер, и в чёрных глазах его сверкнул недобрый огонёк. Вы разработали некоторые технические детали, но сама мысль абстрактная идея этого аппарата принадлежит мне; она моя, и только моя!
- Пусть так, но абстрактная мысль не приводит двигатель в действие, ворчливо пробормотал Браун.
- Вот потому-то я и сделал вас своим компаньоном, сказал изобретатель, нервно барабаня тонкими пальцами по столу. Я изобретаю, вы строите и мне кажется, что таким образом работа распределена поровну между обоими.

Браун только сжал губы в ответ, как бы сознавая, что спорить совершенно излишне, и сосредоточился на аппарате, который вздрагивал и колебался при каждом движении стержней, словно собираясь с минуты на минуту слететь со стола.

- Ну, разве он не великолепен?! восторженно восклицал Перикорд.
- Вполне удовлетворителен, флегматично поправил его англосакс.
- Он может стать для нас источником бессмертной славы!
- Источником хороших доходов... снова поправил своего восторженного коллегу Браун.
  - Наши имена будут стоять наряду со славным именем Монгольфьеров!
- Наряду с именем Ротшильдов, лучше сказать, так как последнее куда предпочтительнее.
- Ах нет, Браун, вы на всё смотрите с самой прозаической точки зрения! вскричал изобретатель, устремляя взгляд пылающих глаз с машины на своего компаньона. Наше богатство это всё мелочи. Такие же деньги могут быть у любого тупоумного плутократа. Нашей истинной наградой будет благодарность потомства, признательность всего человечества!..

Браун лишь пожал плечами.

- Ну, что до этого, то я вполне готов уступить вам свою долю. Я, знаете, человек практичный, для меня имеют значение только осязательные выгоды... Теперь надо испытать наше изобретение.
  - Да, разумеется! Но где?
- Вот об этом-то я и хотел переговорить с вами. Вы, конечно, и сами понимаете, что в наших интересах соблюдать полнейшую тайну. Решительно никто не должен ничего узнать о нашем изобретении раньше, чем следует. Здесь, в Лондоне, достичь этого положительно невозможно. Вот если бы мы могли располагать большим огороженным местом, это было бы другое дело...
  - Отчего бы нам не испытать наш аппарат за городом?
- Дельная мысль, и, думаю, я даже могу предложить вам кое-что вполне подходящее: у моего брата есть небольшой клочок земли в Суссексе, холмистая местность близ Бичи-Хэда. Насколько я помню, подле дома там есть большой сарай очень просторный и высокий. Брат мой сейчас в отъезде, но ключи от дома и строений в моём распоряжении. Почему бы нам не перевезти туда все части аппарата и не собрать там? А потом испробуем его в сарае.
  - Превосходно!
  - Так если вы согласны, то поезд в Истбурн отходит завтра ровно в час дня.
  - Прекрасно, к этому времени я буду на вокзале.
- Вы привезёте мотор, а я берусь доставить крылья, сказал механик, подымаясь со своего места. Завтра мы узнаем, преследовали ли мы всё это время химеру или же создали себе материальное благополучие. Итак, до завтра, в час дня я буду ждать вас на вокзале!

С этими словами Браун простился со своим компаньоном, быстрыми шагами спустился с лестницы и, выйдя на улицу, смешался с мутным и печальным потоком пешеходов, движущихся по Стрэнду.

На другой день утро выдалось повесеннему ясное. Бледно-голубое небо над Лондоном пестрило редкими белыми облачками.

В одиннадцать часов утра Браун со свёртком чертежей и планов под мышкой вошёл в

Патентное Бюро. Около полудня он вышел оттуда сияющий и довольный, а в его папке лежала только что полученная им официальная бумага. Без пяти же час он подъехал в кэбе к вокзалу Виктория. Несколько носильщиков и извозчик с возможной осторожностью сняли с верха экипажа два громоздких предмета, тщательно обшитых в упаковочный холст и походивших по виду на два громадных бумажных змея.

Перикорд уже давно был на вокзале. Он страшно суетился и нервничал, поджидая своего компаньона.

— Ну что? Всё благополучно? — осведомился он, завидев Брауна и спеша к нему навстречу; на исхудалых, впалых щеках его выступил внезапный румянец.

Вместо ответа Браун указал на багаж.

- Я уже распорядился погрузить в вагон и двигатель, и обод, пояснил Перикорд. Бога ради, обратился он к заведующему багажом, обратите внимание на эти вещи, это весьма хрупкие и чрезвычайно ценные приборы и аппараты... смотрите, чтобы их в пути не повредили.
- Будьте покойны, сэр, всё доставим в целости и сохранности! заверил его смотритель.
- Ну, теперь мы можем ехать со спокойной совестью, заявил Перикорд и вместе с Брауном пошёл к вагону занимать своё место.

Как только поезд прибыл в Истбурн, драгоценный двигатель был выгружен со всей должной осторожностью и перенесён в омнибус; крылья будущего аппарата были помещены на империале, а оба компаньона заняли места внутри омнибуса. Им пришлось сделать большой крюк, чтобы заехать за ключами к человеку, которому было поручено присмотреть за домом, и только получив ключи, Браун и его компаньон отправились в пустынные песчаные дюны, где был построен дом Браунова брата. Он был самым заурядным строением, окружённым надворными постройками: конюшнями, хлевами и сараями, и расположенным в небольшой зелёной балке, спускающейся пологим скатом от меловых прибрежных холмов к морю. Дом выглядел бы мрачным, даже если б был обитаем, но сейчас, когда из труб не шёл дым, а ставни на окнах были закрыты, он казался особенно бесприютным. Владелец насадил кругом него лиственниц и пихт, но морской ветер истрепал их, и теперь они стояли поникшие и печальные. Место было унылое и непривлекательное.

Но испытатели и не думали обращать внимания на подобные пустяки: чем пустыннее, тем более подходит для их целей. С помощью кучера омнибуса компаньоны втащили все части аппарата в большую тёмную столовую в нижнем этаже здания. Солнце уже заходило, когда стук колёс отъезжавшего омнибуса дал им знать, что они наконец одни — совершенно одни, не только в пустом доме, но и во всей этой бесплодной, дикой местности.

Перикорд отдёрнул шторы, и слабый вечерний свет проник сквозь разноцветные стёкла окон в комнату. Браун достал из кармана большой нож и перерезал им верёвки, сдерживавшие упаковочный холст, в котором были зашиты крылья, и глазам Перикорда предстали два громадных жёлтых металлических крыла, которые Браун осторожно прислонил к стене. Затем уже вместе инженер и механик также осмотрительно и осторожно распаковали громадный железный маховик, шатун, винты прибора, передаточные ремни и, наконец, сам двигатель. Прежде, чем Браун и Перикорд успели собрать все части аппарата, совершенно стемнело. Они зажгли лампу и продолжали свою работу, свинчивая винты, устанавливая скрепы, заканчивая последние приготовления к испытанию.

— Вот и готово! — сказал наконец Браун, отступив на шаг, чтобы судить об общем виде машины.

Перикорд молчал, но лицо его выражало гордость и надежду; он был глубоко

- Так, а теперь неплохо бы подкрепиться, заявил Браун, развязывая и раскладывая на столе кое-какие съестные припасы, привезённые им с собой.
  - После! отозвался Перикорд. Успеется!
  - Нет, не после, а сейчас, возразил флегматичный механик. Я голоден, как собака.

И с этими словами Браун принялся уплетать за обе щеки всевозможную снедь, а его компаньон нервно шагал взад-вперёд по комнате, судорожно сжимая тонкие костлявые руки.

— Hy, за дело! — произнёс Браун, отряхивая крошки и утирая рот платком. — Кто из нас

пустит в ход аппарат? Кто подымется на нём?

- Я! воскликнул Перикорд. Помните: то, что мы сейчас делаем, может стать историческим событием!
- Но это небезопасно, заметил Браун, легко может произойти какой-нибудь несчастный случай, ведь мы ещё не можем сказать с уверенностью, как будет действовать наш аппарат.
  - Что ж с того? Ведь надо же его испробовать!
  - Да, но зачем нам рисковать жизнью?
  - Но что же делать? Одному из нас надо рискнуть!
- Нет, зачем же? Ведь мотор может точно так же работать, если привязать к аппарату какой-либо предмет, весящий приблизительно столько же, как вы или я.
  - Да, правда! согласился Перикорд.
- У нас здесь есть большой мешок, а там, на дворе, я видел кучу кирпичей. Давайте положим кирпичи в мешок и привяжем его к аппарату вместо себя, сказал рассудительный Браун.
  - Превосходная мысль! одобрил Перикорд.

На том и порешили.

Они вышли из дома, неся отдельные приставные части аппарата. Луна ярко светила холодным ровным светом, порой набегали рваные облака и закрывали её. Прежде, чем отворить сарай и войти в него, изобретатели остановились и прислушались. Но кругом не было ни души — до их слуха доносился только глухой шум морского прибоя, да отдалённый лай собаки в деревне.

Браун принялся наполнять кирпичами большой и длинный мешок из толстой парусины, а Перикорд тем временем переносил из столовой в сарай необходимые для испытаний предметы и принадлежности. Когда всё было готово, они плотно заперли двери сарая, поставили на пустой ящик лампу, привязали к большому стальному обручу мешок с кирпичами, водрузив его на составленные вместе деревянные козлы. Затем к стальному обручу были прикреплены и привинчены крылья, металлическая коробка мотора, различные провода, а к нижней части мешка привязали плоский стальной руль, напоминающий рыбий хвост.

- Здесь ему придётся летать по очень малому кругу, заметил Перикорд, оглядывая высокие голые стены.
- Прикрепите руль к одному боку, подсказал Браун, вот так. Ну вот, мы и у цели... Теперь нажимайте кнопку.

Перикорд наклонился вперёд. Его худое, длинное лицо было искажено внутренним волнением; бледные костлявые руки с тонкими нервными пальцами проворно перебирали провода. Браун с невозмутимым спокойствием следил за всеми его движениями. Вот машина издала своеобразный сухой металлический лязг; громадные жёлтые крылья раскрылись, затем конвульсивным движением сложились и снова раскрылись, сделали ещё один взмах и ещё — с каждым разом движение их становилось всё более и более уверенным и сильным, и, наконец, при четвёртом взмахе под крышей сарая ощутилось уже сильное движение воздуха, словно со свистом пронёсся порыв ветра. Ещё один — пятый взмах металлических крыльев — и тяжёлый мешок с кирпичом закачался на козлах; при шестом взмахе он уже повис и затем стал подыматься всё выше и выше, уносимый машиной, которая, точно громадная неуклюжая птица, кружилась в воздухе, наполняя сарай пронзительным свистом и шипением. В неверном жёлтом свете единственной лампы было странно видеть силуэт неуклюжей машущей крыльями машины, то исчезающей во тьме, то вновь залетающей в узкую полосу света.

Некоторое время оба молчали. Наконец Перикорд воздел руки к небу и, не будучи более в силах сдерживать себя, воскликнул:

- Он работает! Мотор Брауна-Перикорда работает! и, не помня себя от радости, он прыгал и приплясывал, как безумный.
- В глазах у Брауна промелькнуло странное выражение, и он принялся насвистывать какую-то мелодию.
- Браун, взгляните только, как он работает! Равномерно, мощно! А руль! Посмотрите, как руль славно действует. Надо завтра же заявить в правление и выхлопотать патенты.

Лицо у Брауна сделалось мрачно и угрюмо.

- Всё это уже сделано, заявил он, принуждённо улыбаясь.
- Как... сделано?! побледнев, словно мертвец, проговорил Перикорд. Кто мог... Кто посмел это сделать?! Кто посмел без моего ведома зарегистрировать моё изобретение?
- Я. Я сделал это сегодня утром. Не из-за чего так волноваться и кипятиться. Дело слелано!
  - Вы выхлопотали патенты на двигатель, и на чьё имя, позвольте вас спросить?
- На моё, разумеется, мрачно ответствовал Браун. Мне кажется, что я имел на это полное право.
  - А моё имя? Имя изобретателя! Оно что, даже и не упомянуто?
  - **–** Нет, но...
- Негодяй! воскликнул взбешённый Перикорд. Мошенник, вор!.. Вы украли у меня моё изобретение, плод моей мысли, моих трудов, моих знаний... Вы злоупотребили моим доверием! Знайте же, что патент я у вас отберу, даже если придётся перерезать вам горло! прокричал он, в ярости ломая руки, и зловещий огонь появился в его чёрных глазах. Браун не был трусом, но всё же он попятился.
- Осторожней, руки прочь! крикнул Браун, выхватив из кармана большой нож. Предупреждаю, я буду защищаться!
- А-а... угрозы! Они меня не испугают! воскликнул Перикорд, бледнея от бешенства. Так вы не только вор, вы хотите стать ещё и убийцей!.. Отдайте мне патент!
  - Нет!
  - Браун, ещё раз говорю вам, верните мне эти бумаги!
  - Я сказал, что нет, значит, нет! Работал над этой машиной я...

Вместо ответа Перикорд, как тигр, прыгнул на своего обидчика. Сильным движением Браун вырвался из его цепких рук, но при этом наткнулся на пустой ящик, на котором стояла лампа, и упал, опрокинув ящик. Лампа погасла. В сарае наступила кромешная тьма, только сквозь щель в крыше проникал слабый свет месяца.

— Браун, отдайте мне бумаги!

Молчание.

— Отдадите вы мне их или нет? — снова спросил Перикорд, не двигаясь с места.

Ответа не последовало. Ни звука, кроме свиста и лёгкого скрипа продолжающих работать крыльев, — всё тихо, мертвенно тихо. Перикорду вдруг становится жутко, необъяснимая тревога охватывает его, и он начинает шарить по земле руками. Вот его пальцы коснулись руки Брауна — она казалась безжизненной... Гнев мгновенно сменился ужасом, Перикорд выпустил из своих дрожащих пальцев эту руку и с судорожной поспешностью, нащупав в кармане спички, постарался зажечь одну. При свете вспыхнувшей наконец спички он отыскал лампу, поднял её и зажёг. Браун лежал на земле неподвижно, без малейших признаков жизни. Перикорд бросился к нему, приподнял дрожащими руками, и тут ему стало ясно, почему Браун не отзывался.

Несчастный, падая, всей тяжестью своего грузного тела наткнулся на нож, который держал наготове в правой руке, и тот вошёл в него по самую рукоятку. И Браун умер не вскрикнув, не издав даже предсмертного стона.

Перикорд сел на край ящика и застыл, тупо глядя в пространство немигающим взором, а двигатель Брауна-Перикорда со свистом и шипом кружил у него над головой.

Так он просидел, наверное, несколько часов, но в воспалённом мозгу его теснились тысячи проектов один другого безумнее. Конечно, он являлся лишь косвенной причиной смерти своего компаньона, но кто поверит ему? Платье его и руки были в крови, все обстоятельства складывались против него. Нет, лучше всего бежать... Куда? Если бы он только мог избавиться от трупа, тогда у него в запасе было бы хоть несколько дней, прежде чем его начнут подозревать...

Вдруг резкий треск заставил его вздрогнуть и очнуться. Мешок с кирпичом, постепенно подымавшийся с каждым кругом аппаратом всё выше и выше, ударился о потолочную балку; от сотрясения равновесие механизмов нарушилось, и летательная машина рухнула на землю. Перикорд успел вовремя отскочить в сторону, иначе его задело бы тяжёлым стальным обручем аппарата. Но едва только аппарат коснулся земли, Перикорд поспешил отвязать

мешок и убедиться, что двигатель невредим. И, глядя на него, у Перикорда зародилась странная, дикая мысль: изобретённый им аппарат — этот удивительный двигатель, созданный его воображением, его трудами, — вдруг стал ему ненавистен как соучастник преступления, как страшный кошмар. Но он мог избавить его от мертвеца и сбить со следа всякие поиски полиции... Да!

Перикорд широко распахнул двери сарая и вынес тело своего компаньона на освещённую луной поляну.

Неподалёку от сарая высился небольшой холм, один из целой гряды холмов, тянущихся вдоль берега моря. Добравшись до его вершины, Перикорд осторожно и с должным уважением к мёртвому уложил его здесь и вернулся в сарай, откуда он затем с невероятным трудом притащил двигатель, обруч и крылья и сложил их на холме. Дрожащими пальцами он укрепил стальной обруч вокруг пояса мертвеца, вставил и привинтил крылья, привесил и привинтил к обручу двигатель, натянул провода, нажал кнопку запуска двигателя — и отступил в ожидании.

С минуту громадные жёлтые крылья судорожно бились и трепетали в воздухе, затем труп зашевелился. Сначала маленькими скачками, то приподнимаясь, то волочась по земле, подымался он вверх по скату холма, и вот он уже парит в воздухе, залитый бледным светом луны. Перикорд не привязал к аппарату руля, а просто дал машине направление к югу. По мере того, как аппарат подымался выше, он набирал скорость, и вскоре громадная летательная машина, миновав цепь прибрежных скал и холмов, понеслась уже над открытым морем.

Перикорд напряжённо следил за её полётом до тех пор, пока созданный им чудесный аппарат не превратился в маленькую, едва заметную птичку высоко в небесах, затем — в едва приметную чёрную точку, временами сверкавшую золотом своих крыльев. И наконец точка пропала в морском тумане.

* * *

В отделении для душевнобольных, в городской больнице штата Нью-Йорк, находится пациент, ни имя, ни происхождение которого никому не известны. Все врачи держатся того мнения, что этот несчастный лишился рассудка вследствие внезапного потрясения. «Самая сложная машина легче всего ломается», — говорят они и, в подтверждение своих слов, показывают посетителям удивительные электрические аппараты и невероятные летательные снаряды, модели которых изготовляет этот больной в минуты просветления.

1905 г.

(перевод Павла Гелевы)

ПЕРВОАПРЕЛЬСКАЯ ШУТКА

Хижина Эйба Дэртона не блистала красотой. Некоторые даже утверждали, что она безобразна, сопровождая это прилагательное ещё более выразительной фигурой речи, весьма популярной в посёлке. Эйб, однако, обладал характером весёлым и спокойным и к неодобрению соседей относился равнодушно. Дом он построил своими руками; компаньон доволен, и сам он доволен, так чего ж ещё. Говоря о своём творении, он, надо сказать, немного увлекался.

— Дело-то вот в чём, — пояснял он, — я ещё когда строил его, говорил: здесь у нас во всей долине такого нипочём не сыщешь. Дыры, скажете? Само собой, есть дыры. А без дыр как проветрить? В моём доме всегда свежий воздух. Течёт? Ясное дело, течёт, так это же как удобно: вставать не надо, дверь отворять не надо, сидишь себе и всегда знаешь, идёт дождь или нет. Я бы сроду не стал жить в доме, где крыша совсем без щелей. А вот насчёт вертикальности, так я, если хотите знать, люблю, чтоб дом слегка с наклоном был. Главное же: компаньон мой, Босс Морган, доволен, а что его устраивает, то и для вас уж как-нибудь сойдёт.

Здесь, почувствовав, что дело переходит на личности, противник, как правило, удалялся, оставляя поле битвы за разгневанным архитектором. Но если красота строения была под вопросом, другое его достоинство сомнений не вызывало. Усталый путник, бредущий по дороге из Бакхерста в посёлок Гарвей, издали видел на верхушке холма гостеприимный, тёплый свет, словно маяк, вселявший в душу успокоение и надежду. Те самые дыры, над которыми смеялись соседи, и позволяли путнику увидеть этот свет, от которого буквально сердце радовалось, особенно в такую ночь, как та, с какой начнётся наш рассказ.

В лачуге был лишь один человек, а именно её владелец, Эйб Дэртон, или Заморыш, как окрестили его с грубоватым юмором жители посёлка. Он сидел перед очагом, где ярко горели дрова, хмуро вглядываясь в огонь и время от времени взбадривая пылающую вязанку пинком, если она переставала пылать. Пламя вспыхивало, освещая на мгновение его славное саксонское лицо, с простодушным смелым взглядом и курчавой светлой бородкой. Это было мужественное твёрдое лицо, однако в очертаниях губ физиономист мог заметить намёк на нерешительность и слабость, что никак не сочеталось с богатырским разворотом плеч да и вообще всей его атлетической, мускулистой фигурой. Эйб принадлежал к тем доверчивым, бесхитростным натурам, которые легко уговорить, но невозможно заставить; уступчивый характер делал его одновременно и предметом насмешек, и любимцем посёлка. Остроумие местных старателей носило несколько тяжеловесный характер, но даже самое неумеренное зубоскальство не способно было согнать с его лица добродушную улыбку или омрачить мстительным побуждением его сердце. И лишь в тех случаях, когда ему казалось, что задето самолюбие его компаньона, зловеще сжатые губы и гневные искорки в голубых глазах побуждали самых неуёмных шутников воздержаться от очередной, уже вот-вот готовой сорваться с языка остроты, торопливо переключившись на глубокомысленные рассуждения о погоде.

– Босс нынче опаздывает, – пробормотал он, вставая со стула, потянулся и сладко зевнул. – Это надо же, дождь так и хлещет, ветер жуткий, ничего себе погодка, Моргун? – Моргун был необщительный, склонный к раздумьям филин, чьи удобства и благоденствие являлись постоянным предметом забот хозяина. Филин сидел на балке и хмуро его созерцал. – Вот досада, что ты не умеешь разговаривать, Моргун, – продолжал Эйб, глядя на своего пернатого друга. – Лицо у тебя жутко умное. Малость с грустинкой. Небось, в молодости в любви не повезло. Кстати, о любви, – добавил он. – Я ведь ещё не видал сегодня Сьюзен.

Он зажёг свечу в стоявшей на столе чёрной бутылке, прошёл в дальний конец хижины и устремил пылкий взгляд на одну из картинок, которые владельцы хижины вырезали из случайно попадавших к ним в руки иллюстрированных журналов и развешивали на стенах. Та иллюстрация, которая так привлекала нашего героя, изображала актрису в претенциозном, безвкусном наряде, — прижимая к груди букет, она жеманно улыбалась воображаемой публике. В силу неких таинственных причин рисунок этот оставил глубокий след в чувствительном сердце старателя. Он облёк эту юную даму чертами реальности,

торжественно и без малейших оснований дав ей имя Сьюзен Бэнкс, вслед за чем объявил её идеалом женской красоты.

– Вот увидите мою Сьюзен, – говорил он какому-нибудь новичку из Бакхерста, а то и Мельбурна, выслушав его рассказ о красоте оставшейся дома Цирцеи. – Нет на свете таких девушек, как моя Сью. Если окажетесь на Старой Родине, постарайтесь её повидать. Сьюзен Бэнкс её зовут, а портрет её висит у меня в хижине.

Эйб всё ещё любовался своей очаровательницей, когда распахнулась тяжёлая бревенчатая дверь и в комнату ворвалось облако дождя и снега, так что почти невозможно было различить молодого человека, который мигом перескочил порог и тут же начал закрывать за собой дверь – операция при таком ветре нелёгкая.

- Ну, сказал он довольно сварливо, ужин у тебя хотя бы есть?
- Вот, готов, тебя лишь дожидается, бодро отозвался компаньон, показывая на булькавший на огне котелок. А ты вроде как малость промок.
- Чорта лысого малость! Я вымок насквозь, хоть отжимай. В такую ночь я и собаку бы на улицу не выгнал, во всяком случае, собаку, которую я уважаю. Дай мне сухую куртку, вон на крючке висит.

Джон Морган, или Босс, как его обычно называли, принадлежал к тому типу людей, которые во время золотой лихорадки встречались на приисках чаще, чем можно подумать. Он происходил из хорошей семьи, получил солидное образование, даже окончил в Англии университет. Сложись его жизнь обычным путём, Босс мог бы стать деятельным сельским священником или сделать карьеру в какой-нибудь другой сфере, но не тут-то было: в характере его прорезались скрытые до этого черты, унаследованные, возможно, от сэра Генри Моргана, наделившего своих потомков толикой испанской крови – результат галантных похождений и побед славного пирата. И вот эта-то шальная кровь, несомненно, толкнула его к тому, что он выпрыгнул из окна спальни отцовского дома, уютного, увитого плющом дома сельского священника, и отправился, покинув Англию, родных и друзей, искать счастья на приисках Австралии. Невзирая на изящные манеры Босса и его нежную, девичью красоту, грубияны из посёлка Гарвей вскоре убедились, что при этом хрупкий юноша наделён холодной смелостью и непреклонной решимостью, высоко ценимыми в обществе, где храбрость почитается величайшим человеческим достоинством. Никто не знал, каким образом он и Эйб стали компаньонами; однако они стали компаньонами, и тот, кто был физически сильней, благоговейно почитал ясный ум и твёрдость духа своего товарища.

— Так-то оно лучше, — сказал Босс, опускаясь на единственный свободный стул перед огнём и глядя, как Эйб раскладывает на столе две металлические миски, ножи с костяными ручками и вилки с неимоверно длинными зубьями. — Ты бы снял всё же сапоги; совсем незачем усыпать пол красной глиной. Пойди сюда и сядь.

Великан кротко приблизился и сел на бочку.

- Что стряслось? спросил он.
- Биржа ходуном ходит, ответил компаньон. Вот что стряслось. Погляди-ка. Из кармана мокрой куртки, над которой поднимался парок, он вытащил измятую газету, «Бакхерстский страж». Прочти эту заметку... Вот, о новой жиле на прииске Коннемара. Этих акций у нас, милый мой, хоть отбавляй. Мы могли бы все продать сегодня и получить коекакую прибыль... Но я думаю, что мы не будем продавать.

Тем временем Эйб Дэртон старательно штудировал статью, водя по строчкам огромным указательным пальцем и бормоча что-то в светлые усы.

- Двести долларов за фунт, сказал он, подняв взгляд на Босса. Слушай, так ведь там у нас на каждого по сотне фунтов. Мы двадцать тысяч долларов огребём! С такими деньгами можно вернуться домой.
- Чушь! ответил компаньон. Не за жалкой парой тысяч фунтов мы сюда явились. Деньги нам сейчас прямо в руки плывут. Синклер-химик говорит, что жила богатейшая, каких он никогда в жизни не видел. Остановка лишь за тем, чтобы доставить сюда машину. К слову, много ты сегодня набрал?

Эйб извлёк из кармана маленькую деревянную коробочку и протянул приятелю. В ней находилась примерно чайная ложка чего-то похожего на песок и два металлических зёрнышка величиной с горошину. Босс Морган засмеялся и протянул коробочку назад.

- Такими темпами, Заморыш, не разбогатеешь, заметил он. Тут разговор прервался, и оба компаньона сидели, слушая, как ветер воет и свистит, налетая на их маленькую хижину.
- Есть какие новости из Бакхерста? спросил Эйб и начал раскладывать по тарелкам ужин.
- Ничего особенного, отозвался компаньон. Билл Рейд застрелил Косого Джо в лавке у Мак-Фарлейна.
  - Хм, без особого интереса отозвался Эйб.
  - В Рочдейле появились беглые каторжники. Говорят, собираются в наши края.

Эйб присвистнул, наливая в кружку виски.

- Ещё что-нибудь? спросил он.
- Особенного ничего, если не считать, что темнокожие пошаливают на дороге у Нью-Стерлинга и что Синклер купил фортепьяно и собирается привезти из Мельбурна дочь; она поселится в его новом доме по ту сторону дороги. Как видишь, милый мой, нам теперь будет на кого посмотреть, добавил он и энергично принялся за ужин. Говорят, она красавица.
  - Всё равно ей не сравниться с моей Сью, решительно возразил Эйб.

Его приятель улыбнулся, взглянув на вопиюще яркую картинку. Вдруг он опустил нож и прислушался. Сквозь завывания ветра и шум дождя можно было различить какой-то тихий стук, явно не относящийся к силам природы.

- Что это?
- А чорт его знает.

Компаньоны бросились к дверям и остановились на пороге, усиленно всматриваясь в темноту. Где-то далеко, на Бакхерстской дороге, они различили приближающийся к ним огонёк, а глухой мерный стук становился всё громче.

- Двухместная коляска, сказал Эйб.
- Куда же она направляется?
- Не знаю. Наверно, к речке, будут искать брод.
- Какой брод, дружище, после этого дождя в самом мелком месте не меньше шести футов, а течение такое, что хоть водяную мельницу ставь.

Огонёк, внезапно вынырнувший из-за поворота дороги, был уже гораздо ближе. Слышался бешеный топот копыт, грохот колёс.

- Лошади понесли, вот жуть-то!
- Не позавидуешь бедняге седоку.

В посёлке Гарвей царили суровые нравы: свои горести каждый расхлёбывал сам и мало сочувствовал бедам соседа. Молодые люди смотрели, как мечутся по виткам извилистой дороги фонари, испытывая главным образом любопытство.

– Если он не остановит их раньше, чем доберётся до брода, утонет как пить дать, – меланхолично сказал Эйб.

Внезапно шум дождя затих. Затих всего лишь на мгновение, но в этот краткий промежуток тишины ветер донёс до них отдалённый крик, услыхав который компаньоны с ужасом взглянули друг на друга, после чего как безумные помчались по крутому склону вниз, к дороге.

– Женщина, чтоб я пропал, – изумлённо охнул Эйб и перепрыгнул через открытый ствол шахты, утратив в спешке всякое благоразумие.

Морган был полегче и двигался живей. Он вскоре обогнал своего дюжего компаньона и уже через минуту, запыхавшийся, с непокрытой головой, стоял посредине размокшей дороги, в то время как его приятель всё ещё не одолел до конца спуск.

Коляска стремительно приближалась. Босс увидел в свете её фонарей тощую австралийскую лошадку; перепуганная рёвом бури и грохотом колёс, она неслась к крутому берегу ручья. Кучер, наверное, заметил впереди на дороге Босса Моргана, его бледное, решительное лицо, завопил нечто невразумительное, предупреждая, и в последний раз отчаянно натянул вожжи. Дальше крик, божба, оглушительный треск, и Эйб, который был уже у самой дороги, увидел обезумевшую лошадь, взметнувшуюся на дыбы, и вцепившуюся в повод тонкую фигурку человека. Босс рассчитал всё точно — в своё время он был лучшим регбистом в университетской команде — и вцепился в повод мёртвой хваткой у самого мундштука. Лошадь яростно мотнула головой, и Босс, шлёпнулся на грязную дорогу, но когда

лошадь, торжествующе всхрапнув, хотела рвануть, не тут-то было – лежащий на дороге человек держал повод по-прежнему крепко.

- Держи её, Заморыш, сказал он приятелю, который вихрем вылетел на дорогу и схватился за второй повод.
- Всё в порядке, дружище, теперь не уйдёт. И лошадь, увидев, что у противника появилась подмога, притихла и стояла вздрагивая. Подымайся, Босс, теперь она уж присмирела.

Но Босс лежал в грязи, не поднимаясь, и даже застонал.

 Не могу, Заморыш. – По голосу судя, ему было очень больно. – Что-то со мной случилось, старина. Только не устраивай шума. Оглушило при падении. Помоги-ка мне встать.

Эйб встревоженно склонился над компаньоном. Он увидел его белое как мел лицо, услышал прерывистое дыхание.

– Не падай духом, старина, – сказал он. – Ого! Вот это номер!

Два последних восклицания вырвались у него внезапно и совершенно непроизвольно, и он в глубоком изумлении сделал несколько шагов назад. По ту сторону от лежащего на дороге человека, в слегка подсвеченной фонарём темноте, простодушному Эйбу явилось видение, прекраснее которого, как он был убеждён, не видел ещё ни один смертный. Человеку, который привык к грубым бородатым рожам старателей и ничего более привлекательного давно уже не видел, могло показаться, что красивое нежное личико, на которое упал его взгляд принадлежит по меньшей мере ангелу. Эйб уставился на него недоумённо и благоговейно и даже на мгновение забыл о лежавшем на дороге друге.

- Ах, папочка! взволнованно воскликнуло видение. Он ранен... этот джентльмен ранен. И грациозная фигурка в порыве трогательного сострадания склонилась над распростёртым телом Моргана.
- Ба, да ведь это Эйб Дэртон с компаньоном! Возница подошёл ближе, и друзья узнали в нём мистера Джошуа Синклера, пробирщика. Я вам очень благодарен, ребята, просто нет слов. Чортова скотина закусила удила и понесла, так что ещё секунда, и мне пришлось бы выбросить Кэрри из коляски, рискуя её жизнью. Вот хорошо, добавил он, видя, что Моргану удалось встать. Ничего серьёзного, надеюсь?
- До хижины как-нибудь добреду, сказал молодой человек, ухватившись для надёжности за плечо компаньона. – Каким образом вы собираетесь, доставить мисс Синклер домой?
  - О, мы пойдём пешком, оживлённо ответила юная леди её страх прошёл без следа.
- Можно поехать и в коляске, только вдоль берега в объезд сказал её отец. Лошадь напугалась и, надеюсь, теперь будет вести себя смирно, так что можешь не бояться, Кэрри. Буду рад вас видеть в нашем доме, вас обоих. Я думаю, никто из нас не забудет эту ночь.

Мисс Кэрри не сказала ничего, но полный благодарности застенчивый взгляд из-под длинных ресниц привёл честного Эйба в такой восторг, что он с радостью бросился бы усмирять взбесившийся локомотив.

Все громко и сердечно прокричали «Доброй ночи!», хлопнул кнут, и коляска скрылась в темноте.

– А ты мне, папа, говорил, что эти люди скверные и грубые, – произнесла мисс Кэрри Синклер после долгого молчания, когда два тёмных силуэта растаяли вдали, а коляска, катившаяся вдоль берега, уже порядком удалилась от места происшествия. – Мне так не показалось. По-моему, они очень милые.

И теперь уж до самого дома мисс Кэрри была непривычно тиха и, казалось, даже не столь болезненно ощущала горечь разлуки с лучшей своей подружкой Амелией, оставшейся далеко-далеко, в пансионе для юных девиц в городе Мельбурне.

Что, впрочем, не помешало Кэрри той же ночью сделать этой юной леди большой, подробный и точный отчёт о случившемся с ними маленьком приключении.

«Они остановили лошадь, дорогая, и при этом был ранен один из них, И... ах, Эми, если бы ты видела второго, в красной рубахе и с пистолетом за поясом! Я невольно вспомнила тебя. Это твой идеал, моя милочка. Светлые усы и большие голубые глаза. А как он на меня, на бедную, уставился! Таких людей не встретишь на Бэрк-стрит...» — и так далее, и тому

подобное, четыре страницы милой женской болтовни.

Тем временем бедняга Босс, контуженный довольно сильно, был доставлен компаньоном домой под сень их хижины. Эйб помог ему взобраться по крутому склону на гору, наложил на повреждённую руку повязку и принялся врачевать всем, что нашлось под рукой; впрочем, фармакопея в хижине была по меньшей мере скромной. Они оба были не из разговорчивых и не обсуждали между собой то, что случилось на дороге. Моргун, однако, отметил, что его хозяин воздержался от обычного вечернего моления пред алтарём Сьюзен Бэнкс. Сделал ли премудрый филин из этого какие-либо выводы, наблюдая, как Эйб долго и задумчиво курил возле почти погасшего огня, не знаю. Могу лишь сказать, что когда догорела свеча и старатель наконец встал со стула, его пернатый друг слетел к нему на плечо и, вероятно, выразил бы громким уханьем своё сочувствие, если бы Эйб не погрозил ему пальцем, да и врождённое чувство приличия не допускало такой фамильярности.

Случайный гость, который бы забрёл в посёлок Гарвей вскоре после приезда мисс Кэрри Синклер, обнаружил бы значительные изменения в манерах и обычаях местных жителей. Послужило ли тому причиной облагораживающее влияние женщины или же чувство соперничества, возбуждённое щеголеватым видом Эйба Дэртона, трудно сказать, весьма возможно, и то, и другое. Одно несомненно: упомянутый молодой джентльмен внезапно обнаружил такое пристрастие к чистоте и такое почтение к условностям цивилизации, что его приятели только диву давались и безжалостно изощрялись в насмешках. Все давно уже привыкли, что Босс Морган уделяет внимание своей внешности, и приписывали этот феномен, в равной степени курьёзный и необъяснимый, полученному в детстве воспитанию. Но что Заморыш, свойский малый, здоровенный увалень, ни с того ни с сего вдруг вырядился в чистую сорочку, воспринималось каждым обитателем посёлка как прямое и предумышленное оскорбление. Из одного только чувства самозащиты все стали мыться после работы и ринулись за бакалейными товарами; спрос на мыло достиг невиданных размеров, и Мак-Фарлейн уже собирался сделать новый заказ в Бакхерсте.

- Что это вольный старательский посёлок или воскресная школа, чорт возьми? возмущался долговязый Мак-Кой, видный деятель реакционной партии, который отстал от веяний времени, ибо в период возрождения куда-то уезжал. Но его упрёки выслушивались без сочувствия, а по истечении двух дней сдался и этот смутьян, появившись в «Колониальном баре» со смущённым и сияющим чистотой лицом и волосами, благоухающими медвежьим жиром.
- Я чего-то заскучал, застенчиво пояснил он, вот и решил к вам завернуть. Он одобрительно воззрился на своё изображение в треснувшем зеркале, украшавшем лучшую комнату в заведении.

Уже упоминавшийся нами случайный гость обратил бы внимание и на значительные перемены в лексиконе старателей. Почему-то, стоило лишь замаячить в отдалении среди куч красной глины и заброшенных ям грациозной девичьей фигурке в элегантной шляпке, некий шорох пробегал по прииску, и густое облако забористой брани, в этих краях, увы, весьма привычной, рассеивалось без следа. В таких делах стоит только начать – было замечено, что и после исчезновения мисс Синклер стрелка нравственного барометра ещё долго удерживалась на высокой шкале. Опытным путём старатели установили, что располагают гораздо более обширным запасом эпитетов, чем им казалось прежде, и что подчас достичь взаимопонимания, не прибегая к сильным выражениям, гораздо легче.

Прежде считалось, что мало кто на прииске умеет так толково, как Эйб Дэртон, разобраться в качестве руды. Существовало мнение, что он способен с удивительной точностью определить количество золота в кусочке кварца. Очевидно, это было заблуждением, в противном случае чего ради он подверг бы себя ненужным расходам, без конца нося образчики на пробу. На мистера Джошуа Синклера посыпался столь обильный град кусочков слюды и камешков, содержащих ничтожно малую долю драгоценного металла, что у него сложилось весьма низкое мнение о старательских талантах молодого человека. Утверждали даже, что однажды Эйб заявился в дом пробирщика с утра пораньше с сияющей улыбкой и, малость помявшись, извлёк из-под фуфайки кусок кирпича, сопровождая это стереотипным заявлением, что он «решил, мол, наконец-то повезло, вот и заглянул попросить, это самое вычислить». Впрочем, занятная эта история построена на непроверенных данных,

полученных от Джима Страглса, известного в посёлке шутника, а потому, возможно, не совсем точна в деталях.

По утрам рабочие консультации, вечерами светские визиты – стоит ли удивляться, что долговязая фигура старателя превратилась в неотъемлемую принадлежность маленькой гостиной «Виллы Азалия» (новый дом пробирщика носил это велеречивое название). Эйб редко отваживался произнести хоть слово в присутствии очаровательной хозяйки, он сидел на самом краешке кресла и в безмолвном восхищении слушал, как мисс Синклер барабанит на недавно приобретённом фортепьяно какую-нибудь бравурную арию. Длинные ноги гостя то и дело оказывались в самых неожиданных местах. В конце концов мисс Кэрри пришла к заключению, что ноги эти совершенно независимы от тела, и уже не пыталась понять, как это она ухитрилась о них споткнуться, проходя мимо стола, в то время как побагровевший от смущения гость сидит в кресле по другую сторону того же самого стола. Одна лишь тучка омрачала лазурные горизонты нашего друга Заморыша – периодическое появление на «вилле» Чёрного Тома Фергюсона с Рочдейлской переправы. Этот неглупый молодой негодяй сумел втереться в доверие к старику Джошуа и стал постоянным посетителем виллы. Ходили слухи, что он игрок, высказывали подозрения, что за ним числятся грехи и похуже. Посёлок Гарвей не отличался снобизмом, но всё же считалось, что с Фергюсоном лучше не связываться. В его манере держаться, однако, была некая бесшабашная стремительность, а в манере вести беседу - искорка, придававшие ему неуловимое обаяние, так что даже разборчивый Босс Морган поддерживал знакомство с Чёрным Томом, дабы составить себе о нём представление. Мисс Кэрри, кажется, визитам его была рада, и они целыми часами болтали о книгах, музыке и мельбурнских увеселениях. А простодушный бедняга Заморыш во время их болтовни скатывался в самые глубины отчаяния и либо быстро удалялся, либо сверлил соперника зловещим взглядом, чем немало забавлял последнего.

Наш герой не скрывал от компаньона тех чувств, которые ему внушала мисс Синклер. В её присутствии он бывал молчалив, но когда она становилась предметом разговора, он делался разговорчивым. Прохожие, замешкавшиеся на Бакхерстской дороге, имели полную возможность услышать зычный голос, раздающийся сверху и возносящий щедрую хвалу очарованию некой прекрасной дамы.

Высоко ценя интеллект компаньона, Эйб делился с ним своими затруднениями.

- Этот бездельник из Рочдейла, говорил он, так и трещит без остановки, так и сыплет, а я не могу выдавить и словечка. Босс, ну скажи, о чём ты стал бы говорить с такой вот девушкой?
- О чём, о чём... ну, поговори с ней, например, о том, что ей интересно, советовал компаньон.
  - O, вот как!
- Расскажи ей о местных обычаях, продолжал Босс, задумчиво раскуривая трубку. –
   Расскажи о том, что ты видел на приисках, и так далее в таком же роде.
- В самом деле? Ты бы с ней об этом говорил? В голосе Эйба прозвучала надежда. Если в этом штука, всё в порядке. Я ей сегодня же расскажу о Билле из Чикаго и о том, как он всадил две пули в того парня, что жил возле речки и пришёл к нам сюда на танцы.

Босс засмеялся.

- По-моему, не стоит, сказал он. Ты её напугаешь, если это расскажешь. Ну, расскажи что-нибудь лёгкое, понимаешь? Что-нибудь, что её позабавит, смешное что-нибудь расскажи.
- Смешное? совсем уж растерянно вскричал пылкий влюблённый. Что, если я расскажу ей, как мы с тобой напоили в стельку Мэта Хулагана и положили его возле кафедры в баптистской церкви, а утром Мэт не пустил туда проповедника? Пойдёт?
- Бога ради, ничего такого, в ужасе откликнулся наставник, после этой истории она и с тобой, и со мной перестанет разговаривать. Нет, я имел в виду, что ей надо рассказать о жизни золотоискателей, как люди тут живут и умирают. Если она разумная, отзывчивая девушка, это ей должно быть интересно.
- Как живут у нас на приисках? Спасибо за помощь, дружище. Как они живут? Ну, об этом я смог бы рассказать не хуже Чёрного Тома. Что ж, в следующий раз попробуем.
  - Да, кстати, небрежно добавил Босс. Ты за этим фруктом поглядывай. Он, как ты

сам знаешь, сомнительный субъект и, когда чего-то добивается, не щепетилен. Помнишь, в зарослях кустарника нашли тело Дика Вильямса из Инглиш-Тауна. Убили его, конечно, бандиты. Но в то же время люди говорят, что Чёрный Том был ему должен много денег, гораздо больше, чем мог выплатить. Иногда с ним случаются странные вещи. Ты последи за ним, Эйб. Понаблюдай, как он ведёт себя, что делает.

– Я займусь этим, – ответил компаньон.

И занялся. В тот же вечер ему представился случай понаблюдать за Томом Фергюсоном. Эйб видел, как тот стремительно вышел из дома пробирщика, видел гнев и уязвлённую гордость на красивом смуглом лице. Дальше в поле его наблюдений попало, как соперник одним прыжком перемахнул через забор и зашагал так же стремительно по долине, яростно жестикулируя, пока не скрылся в зарослях кустарника. Эйб Дэртон проследил за всем этим, а потом задумчиво закурил трубку и стал медленно подниматься по склону домой.

Март подходил к концу, и роскошный знойный блеск австралийского лета сменился мягким, сочным колоритом осени. Посёлок Гарвей никогда не радовал глаз. Было что-то безнадёжно прозаическое в двух голых зубчатых хребтах, изборождённых и исцарапанных человеком, в железных руках лебёдок и ломаных ковшах, видневшихся буквально повсюду среди бесчисленных холмиков красной земли. Посредине прииска пролегала извилистая, вся в глубоких колеях, Бакхерстская дорога, дальше, сделав поворот, она пересекала неспешное течение Гарперова Ручья, через который был перекинут шаткий деревянный мостик. А за мостиком теснились хижины, и среди скромных своих соседок горделиво выделялись побелкой «Бакалея» и «Колониальный бар». Опоясанный верандой дом пробирщика высился на изрезанном узкими ущельями склоне прямо напротив хилого образчика архитектуры, которым так необоснованно гордился наш друг Эйб.

Было в окрестностях ещё одно строение, которое любой местный житель, многозначительно помахивая трубкой и представляя себе бесконечную череду минаретов и колоннад, наверняка отнёс бы к категории «общественных построек». Этим строением была баптистская часовня, небольшое, скромное, крытое дранкой здание, стоящее в излучине реки примерно в миле от посёлка. Старательский городок отсюда выглядел вполне благопристойно, ибо расстояние смягчало грубые очертания и режущие глаз цвета. В то утро, о котором идёт речь, красивой казалась река, словно извилистая лента пересекавшая равнину, и пологий склон холма за рекой, весь в буйной, пышной зелени, был тоже красив, но красивее всего была мисс Кэрри Синклер, когда она остановилась на вершине невысокого холма и поставила на землю корзинку с папоротником.

Казалось, что-то огорчает молодую леди. Тревожное выражение на её лице было так непохоже на её всегдашнюю задорную беспечность. Определённо, недавно у неё что-то случилось. Возможно, и на прогулку она отправилась для того, чтобы избавиться от тягостных впечатлений; наверняка же нам известно только, что она вдыхала веющий от леса ветерок так, словно смолистый его аромат нёс в себе противоядие от людских горестей.

Она простояла тут довольно долго, глядя на раскинувшийся перед ней ландшафт. С вершины холма ей виден был отцовский дом, — словно белая крапинка на тёмном склоне, — однако, как это ни странно, её внимание в гораздо большей степени притягивала синяя струйка дыма на противоположном склоне. Девушка всё медлила, всё глядела на неё грустным взглядом милых, больших глаз и вдруг с необычайной остротой ощутила, что стоит совсем одна в пустынной местности, и её охватил внезапный приступ беспричинного страха, какому подвержены даже самые отважные из женщин. Рассказы о туземцах и о беглых каторжниках, об их отчаянной дерзости и жестокости пришли ей на память и ужаснули её. Она взглянула на бескрайние, молчаливые и таинственные заросли кустарника, наклонилась, чтобы поднять корзинку и, не теряя времени, поспешить по дороге в сторону прииска. Вдруг она быстро обернулась и чуть не вскрикнула — чья-то длинная рука вынырнула сзади и выхватила корзинку буквально у неё из-под рук.

Облик человека, на которого упал её взгляд, кое-кому показался бы и в самом деле нисколько не внушающим доверия. Однако высокие сапоги, грубая красная фланелевая рубаха, широкий кушак и заткнутые за него орудия смерти были столь хорошо знакомы мисс Кэрри, что она никак не могла напугаться, а когда, подняв взгляд, она увидела голубые глаза, смотрящие на неё с нежностью, и застенчивую улыбку, проглядывающую из-под густых

желтоватых усов, она уже ничуть не сомневалась, что теперь до самого конца прогулки и беглые каторжники, и туземцы будут в равной степени бессильны причинить ей какой-либо вред.

- Ах, мистер Дэртон, сказала она. Как вы меня напугали!
- Прошу прощения, мисс, ответил Эйб, придя в великий трепет от одной лишь мысли, что, пусть даже на миг, обеспокоил свою богиню. Видите ли, продолжал он с простодушным лукавством, погода нынче хорошая, компаньон ушёл на изыскания, вот я и надумал: прогуляюсь-ка я до холма, а потом вернусь домой по берегу, и вдруг нечаянно, по чистой случайности вижу, на пригорочке стоите вы.

Эту вопиюще неправдоподобную версию золотоискатель выпалил так бойко и с такой безыскусной искренностью, что не оставалось никаких сомнений в её лживости. Заморыш измыслил и отрепетировал всё это, изучая оставленные маленькими ножками следы, и считал свою выдумку хитроумной и коварной. Мисс Кэрри не отважилась возразить, но в глазах её забегали весёлые бесенята, что крайне озадачило её воздыхателя.

Эйб этим утром был в отличном настроении. Причиной его радости, возможно, послужила солнечная погода, а может быть, стремительный взлёт принадлежащих ему акций Коннемары. Я, впрочем, склонен думать, что ни то, ни другое. Даже при редком простодушии нашего героя все обстоятельства сцены, свидетелем которой он накануне вечером явился, наводили на одно-единственное заключение. Эйб представил себе, как он сам при сходных обстоятельствах яростно шагает по долине, и сердце его дрогнуло от жалости к сопернику. Он теперь был твёрдо убеждён, что никогда больше не увидит в стенах «Виллы Азалия» зловещую физиономию мистера Томаса Фергюсона с Рочдейлской переправы. Интересно, почему она ему отказала? Он красив, он довольно богат. Так, может быть?.. Нет, этого быть не может, конечно же, не может, как такое могло бы случиться! Да об этом и думать смешно... до того смешно думать, что абсурдная, смешная мысль всю ночь не давала ему покоя, и наутро он с ней не расстался и лелеял её всем своим растревоженным сердцем.

Они спустились вместе по красной глинистой дороге, потом пошли по берегу реки. Эйб впал в обычную свою молчаливость. Правда, воодушевлённый оказавшейся в его руке корзинкой, он предпринял один раз безумную попытку поговорить о папоротниках, но эта тема не принадлежала к числу волнующих, и наш герой, сделав судорожный рывок, покорился неизбежности. А ведь когда он шёл сюда, в голове его роились и остроумные анекдоты, и всяческие забавные случаи. Он подготовил множество фраз, которые не могла не оценить мисс Синклер. Сейчас, однако же, в его голове не было ни единой мысли, кроме безрассудной и всё же неодолимой идеи сказать что-нибудь о том, как жарко нынче припекает солнце. Ни один астроном, производящий свои расчёты для измерения паралакса, не бывал так поглощён расположением небесных тел, как наш славный Заморыш, бредущий по берегу медленной австралийской реки.

Внезапно в его памяти всплыл разговор с компаньоном. Что ему посоветовал Босс: «Расскажи ей, как живут у нас на приисках». Это никак не укладывалось у него в голове. Говорить на эту тему казалось ему очень странным, но Босс сказал так, а Босс всегда прав. Ну, ладно, он рискнёт, коли так, и, кашлянув для начала, Эйб выпалил:

– Живут у нас тут главным образом на беконе и на бобах.

Выяснить, какой эффект имело это сообщение, ему не удалось: Эйб был слишком высок, чтобы заглянуть под маленькую соломенную шляпку. А мисс Кэрри не ответила ему. Немного погодя он сделал новую попытку.

– По воскресеньям баранина, – сказал он.

Но и это не вызвало энтузиазма. Честно говоря, похоже было, что она смеётся. Сомнений нет: Босс на этот раз ошибся. Молодой человек был в отчаянии. Вид разрушенной лачуги у дороги одарил его новой идеей. Он уцепился за неё как утопающий за соломинку.

- Это Кокни Джек построил, сообщил он. Жил здесь, пока не умер.
- А от чего он умер? спросила спутница.
- Бренди три звёздочки, убеждённо ответил Эйб. Когда ему совсем уж худо стало, я приходил по вечерам приглядеть за ним. Бедолага! В Путни у него остались жена и двое ребятишек. Он, бывало, бредил целыми часами и называл меня «Полли». Разорился подчистую, медного цента не осталось; но ребята собрали золотишка, так что мы его честь

честью проводили. Похоронили в этом вот стволе; таково было его желание, так что мы просто его туда опустили и забросали землёй. Туда же положили его кирку, и лопату, и ковш, чтобы он чувствовал себя как дома.

Теперь мисс Кэрри слушала, казалось, с интересом.

- И часто здесь так умирают? спросила она.
- Как вам сказать, бренди многих убивает; но большинство попадает под пулю... я хочу сказать, тут многих просто застрелили.
- Я не об этом. Много ли людей здесь в долине умирает в одиночестве и горе, не имея рядом близкой души? И она указала на сгрудившиеся внизу домишки. Умирает ли там ктонибудь сейчас? Об этом просто страшно подумать.
  - Из тех, кого я знаю, пожалуй, никто не собирается откинуть копыта.
- Мне бы хотелось, чтобы вы не злоупотребляли в такой степени жаргоном, мистер Дэртон, сказала Кэрри, взглянув на него ясными фиалковыми глазами. Просто поразительно, как молодая леди всё больше забирала власть над этим великаном. Поймите, это неблаговоспитанно. Вам надо бы приобрести словарь и выучить подобающие слова,
- В том-то всё и дело! виновато сказал Заморыш. Вы в точку угодили. Словарь! Если нет у тебя парового сверла, приходится киркой орудовать.
- Да, но это очень просто, если вы действительно постараетесь. Вы могли бы, например, сказать, что кто-то умирает или находится при последнем издыхании, если вам угодно.
- Вот оно! восторженно сказал старатель. При «последнем издыхании»! Вот это слово! Да вы по части слов самого Босса Моргана заткнёте за пояс. При последнем издыхании! Звучит-то как!

Кэрри засмеялась.

– Вы должны не о звучании думать, а о том, выражают ли эти слова ваши мысли. Нет, серьёзно, мистер Дэртон, если в посёлке кто-то заболеет, непременно дайте мне знать. Я умею ухаживать за больными и могу оказаться полезной. Вы сообщите мне о таком случае, да?

Эйб охотно согласился и снова впал в глубокую задумчивость, размышляя, не привить ли себе какую-нибудь долгую и изнурительную болезнь. Говорят, что в Бакхерсте появилась бешеная собака. Может, она как-нибудь ему пригодится?

– А сейчас я с вами попрощаюсь, – сказала Кэрри, когда они дошли до того места, где от дороги ответвлялась извилистая тропинка, ведущая к «Вилле Азалия». – Очень вам благодарна, что вы меня проводили.

Напрасно Эйб вымаливал ещё хоть сотню ярдов и ссылался на чрезмерный вес корзиночки, которую он нёс, как на совершенно неопровержимый довод. Молодая леди была неумолима. Из-за неё он и так уже слишком отклонился от своего пути. Ей стыдно за себя, ни о чём таком она не хочет даже слушать.

Излюбленным местом отдыха, где проводили свой досуг обитатели посёлка Гарвей, был «Колониальный бар». Между этим заведением и конкурирующей фирмой, которая, невзирая на невинное наименование «Бакалея», тоже занималось продажей спиртных напитков, шла ожесточённая борьба. Появление в «Бакалее» стульев немедля привело к тому, что в «Колониальном баре» возник диванчик. «Бакалея» приобретает плевательницы, а «Колониальный» в ответ — картину, и в результате, по определению клиентов, оба заведения остались при своих. Но когда «Бакалея» украсилась портьерами, а соперник отозвался отдельным кабинетом с зеркалом, тут уж все решили, что победа за «Колониальным баром», и посёлок единодушно выразил своё одобрение предпринимательскому духу владельца, перестав посещать «Бакалею».

Хотя каждому из посетителей было позволено разгуливать по бару сколько душе угодно и даже заходить за стойку, дабы порадовать свой взор мерцающим многоцветием бутылок, подразумевалось, что отдельное помещение, оно же кабинет, предназначено для наиболее выдающихся граждан. В кабинете заседали комитеты, зарождались могущественные компании, там же, как правило, проводили дознания. Что касается последней церемонии, я с печалью должен сообщить, что тогда, в 1861-м, она частенько устраивалась в посёлке Гарвей и приговоры подчас отличались изысканным остроумием и оригинальностью. Взять хотя бы тот случай, когда тихий и кроткий молодой врач застрелил отчаянного головореза Задиру Бэрка и сочувствующие узнику присяжные заявили, что «покойный нашёл свою смерть при

опрометчивой попытке остановить движущуюся пистолетную пулю» – вердикт считался в посёлке высшим достижением юриспруденции, ибо способствовал одновременно как оправданию обвиняемого, так и утверждению суровой, неопровержимой истины.

В тот вечер, о котором я вам рассказываю, в отдельном кабинете собрались все местные знаменитости, но на сей раз отнюдь не с целью обсуждать что-либо криминальное. Дискуссия назрела потому, что за последнее время произошло много событий, достойных обсуждения, а посёлок Гарвей привык обмениваться мнениями именно в этой комнате, блиставшей утончённой роскошью зеркала и дивана. Тяга к чистоте, повально охватившая местное население, всё ещё возбуждала умы и требовала истолкования. Кроме того, заслуживали комментариев мисс Синклер и её передвижения, обнаруженная в Коннемаре золотая жила и слухи о беглых каторжниках. Таким образом, не стоит удивляться, что в «Колониальном баре» собрались лучшие люди посёлка.

Темой диспута на этот раз были беглые каторжники. Вот уже несколько дней в посёлке ходили слухи об их появлении, и на прииске было тревожно. Обыкновенный, чисто физический страх был неведом жителям посёлка Гарвей. В любой миг старатели готовы были кинуться в погоню за самыми отчаянными головорезами с таким же пылом, с каким помчались бы охотиться на кенгуру. Тревожно было потому, что в городке скопилось много золота. Все понимали: плоды их нелёгких трудов надо защитить во что бы то ни стало. Обратились в Бакхерст с просьбой прислать как можно больше полицейских, а в ожидании их прибытия главную улицу посёлка патрулировали по ночам волонтёры.

Паника вспыхнула с особой, удвоенной силой из-за известия, которое принёс Джим Страглс. Джим был человек амбициозный и честолюбивый, и после того, как он целую неделю в безмолвном негодовании взирал на свою собственную отмытую и отчищенную персону, он, выражаясь метафорически, отряхнул со своих ног красную глину посёлка Гарвей и углубился в лес с твёрдым намерением до тех пор проводить изыскания, пока не наткнётся наконец на подходящий участок. Дальше Джим рассказывал, что он сидел на стволе упавшего дерева, обедая пресной лепёшкой с прогорклым салом, и внезапно его чуткий слух уловил цоканье конских копыт. Он едва успел скатиться со ствола и, прижавшись к земле, за ним спрятаться, как по зарослям кустарника проехало несколько верховых, так близко, что до них можно было добросить камень.

– Там были Билл Смитон и Мэрфи Дафф, – Страглс назвал двух печально известных в окрестностях бандитов, – а с ними ещё трое, я их не разглядел. Они двигались куда-то вправо и выглядели так, будто идут на дело, даже ружья в руках держали.

В тот вечер Джим подвергся перекрёстному допросу; но никакие старания не смогли опровергнуть его свидетельство либо пролить хоть немного света на то, что он увидел. Он рассказал свою историю несколько раз, и, невзирая на приятное разнообразие деталей, все основные факты были тождественны. Дело и впрямь начинало казаться серьёзным.

Среди слушателей, впрочем, нашлось несколько человек, скептически отнёсшихся к самой мысли о том, что в их местности могут появиться бандиты, и открыто выразивших своё недоверие; из них самым влиятельным был молодой человек, взгромоздившийся на бочку посредине комнаты и, вне всякого сомнения, принадлежащий к духовным руководителям сообщества. Мы уже видели, читатель, эти тёмные кудри, бархатные, лишённые блеска глаза и жестокие, тонкие губы, принадлежащие Чёрному Тому Фергюсону, отвергнутому поклоннику мисс Синклер. Он резко выделялся среди всей этой братии тем, что носил твидовый пиджак, а также некоторыми другими утончёнными деталями туалета, что могло бы навлечь на него дурную славу, если бы он, подобно Джону Мортону, ещё раньше не зарекомендовал себя человеком отчаянной храбрости и в то же время совершенно хладнокровным. Но сейчас Чёрный Том, казалось, пребывал под некоторым воздействием спиртного, что случалось с ним не часто и что, возможно, следовало приписать недавно постигшему его разочарованию. Он был сам не свой от ярости, опровергая рассказанную Джимом Страглсом историю.

— Надоело мне всё это до смерти, — говорил он. — Стоит кому-то встретить в зарослях нескольких путешественников, он тут же начинает вопить о бандитах. А если б эти верховые увидели Страглса, они бы тоже подняли крик насчёт разбойника, притаившегося в лесу. Да и вообще, как можно узнать людей, которые быстро проехали где-то за деревьями? Выдумка

это, и больше ничего.

Страглс, однако, твёрдо придерживался своей версии и со спокойным благодушием отметал насмешки и доводы противника. Было также замечено, что Фергюсон как-то слишком уж близко к сердцу принимает эту историю. Казалось, что-то всё время тревожит его: он вдруг соскакивал с бочки и начинал, задумавшись, ходить по комнате, а на его смуглом лице появилось угрожающее, страшное выражение. Все вздохнули с облегчением, когда он наконец схватил шляпу и, отрывисто бросив: «Спокойной ночи», прошёл через бар и с чёрного хода вышел на улицу.

- Он сегодня вроде как не в себе, заметил Долговязый Мак-Кой.
- Но не бандитов же он боится, проговорил Джо Шеймус, тоже влиятельный человек, основной держатель акций местного Эльдорадо.
- Нет, он не из пугливых, подтвердил кто-то. Какой-то он уже два дня чудной. С утра до вечера пропадает в лесу, а инструментов с собой не берёт. Я слыхал, дочка пробирщика дала ему от ворот поворот.
- И правильно сделала. Рылом не вышел, слишком она хороша для него, откликнулось несколько голосов.
- Я думаю, он не отступится, заметил Шеймус. Он ведь, если в голову себе чего возьмёт, попрёт напролом.
- Эйб Дэртон вот кто победит в скачке, сказал Хулаган, невысокий бородатый ирландец. Готов поставить на эту лошадку четыре против семи.
- И проиграешь свои денежки, со смехом возразил ему один из молодых. Чтобы этой девушке понравиться, надо иметь больше мозгов, чем у нашего Заморыша.
  - Видел кто нынче Заморыша? спросил Мак-Кой.
- Я видел, сказал молодой старатель. Он мотался по всему посёлку и искал словарь...
   Письмо, наверное, написать надумал.
- А я видел, как он читал этот словарь, сказал Шеймус. Подошёл ко мне и говорит, что, мол, с первого захода ему повезло, и слово мне показывает, длиннющее, ну, как твоя рука... «отрекающийся» или как его там... ну, в таком, в общем, роде.
  - Он, я думаю, сейчас богатый человек, сказал ирландец.
- Да, сколотил капитал. У него сто фунтов акций Коннемары, а они растут каждый час.
   Продаст свою долю и может домой уезжать.
- Наверное, захочет увезти с собой кое-кого, вмешался ещё один из присутствующих.
   А старик Джошуа не станет возражать, раз у жениха есть деньги.

Мне кажется, в этом повествовании я уже как-то упомянул, что Джим Страглс, изыскатель, считался самым остроумным на прииске. Этой репутации он добился не одним лишь пустым зубоскальством, но прежде всего фундаментально продуманными и мастерски осуществлёнными розыгрышами. Утреннее происшествие немного притушило его обычную весёлость; но тёплая компания и горячительные напитки мало-помалу вернули ему жизнерадостность. После ухода Фергюсона он долго молчал, обдумывая зародившуюся у него в уме идею, и наконец стал излагать её приятелям.

- А скажите-ка, ребята, начал он, какой сегодня день?
- Да вроде пятница.
- Я не об этом. Какое сегодня число?
- Сдохнуть мне, если я знаю!
- Ну, не знаете, так я вам скажу. Сегодня первое апреля. В моей хибаре есть календарь, он утверждает, что это именно так.
  - Ну, допустим, так, а дальше что? спросило сразу несколько голосов.
- Да, видите ли, первое апреля именуется Днём Всех Дураков. Так, может, мы над кемнибудь в честь этого дня подшутим? Разыграем небольшую безобидную шутку и повеселимся от души? Взять, к примеру, нашего друга Заморыша; каждый знает: ничего не стоит его провести. Что, если мы его куда-нибудь отправим, а сами будем за ним наблюдать? Мы же после можем целый месяц его подначивать, верно?

По кабинету прошёл ропот одобрения. Шутка, даже самая незамысловатая, всегда была на прииске желанной гостьей. Мало того, чем она была грубей и проще, тем больше удовольствия получали шутники. В посёлке Гарвей никто не страдал излишним тактом.

– А куда же нам его послать? – вот всё, что спросили собравшиеся.

Джим Страглс на секунду погрузился в размышления. Затем, объятый нечестивым вдохновением, он оглушительно захохотал, хлопая руками по коленям в приступе неудержимого восторга.

- Ну, рассказывай, что ты придумал? нетерпеливо спрашивали приятели.
- A вот послушайте, ребята. Вы говорите, Эйб влюбился в мисс Синклер. И считаете, он ей не очень-то нужен. А что если мы напишем ему записочку и... сегодня же вечером отправим.
  - Ну, напишем, отправим, дальше что? спросил Мак-Кой.
- Мы ведь можем сделать вид, будто записку написала она сама, понятно? Подпишемся внизу её именем. А в записочке этой напишем, что она ждёт его в своём саду в двенадцать часов ночи. Эйб ведь непременно прибежит. Он, чего доброго, подумает, будто она хочет бежать с ним из дому. Вот будет потеха, у нас такой тут не бывало уже год.

Все покатились со смеху. Трудно было не расхохотаться, вообразив себе эту картину: простодушный Заморыш бродит ночью по саду, вздыхая от любви, а старик Джошуа выскакивает из дому с двустволкой, чтобы его урезонить. Выдумка Страглса была одобрена единодушно.

- Вот карандаш, бумага, продолжал наш весельчак. Кто будет писать ему письмо?
- Ты сам и напиши, Джим, сказал Шеймус.
- Ну, ладно, я так я, а что там написать?
- Валяй, что хочешь, то и пиши. По своему разумению.
- Вот уж не знаю, как бы она всё это изложила, сказал Джим, озабоченно почёсывая голову. А впрочем, ладно, Заморыш-то наш всё равно ничего не заметит. Ну-ка, это, например, звучит? «Дружище, милый. Приходи к нам в сад в двенадцать ночи, а если не придёшь, я с тобой никогда в жизни разговаривать не буду». Ну как, годится? Ничего?
- Нет, не её стиль, вмешался молодой старатель. Она девица образованная, ты это имей в виду. Она напишет поласковей и этак цветисто.
  - Тогда сам и пиши, угрюмо сказал Джим и вручил ему карандаш.
- Ну, как-нибудь, к примеру, так, задумчиво сказал старатель и послюнил кончик карандаша. –«Когда на небе взойдёт луна...»
  - Вот-вот, в самую точку... оживилась развесёлая компания.
- «И звёздочки будут ярко сиять, выйди, о, выйди ко мне, Адольфус, я буду ждать тебя возле садовой калитки в двенадцать часов».
  - Его зовут не Адольфус, критически произнёс Джим.
- Так полагается в стихах, возразил автор. Имя-то, видишь, не совсем простое. Звучит куда позаковыристей, чем Эйб. Но я думаю, он всё-таки догадается, кого она имеет в виду. А дальше я подписываюсь: «Кэрри». Вот! И кончен бал!

Все находящиеся в комнате молча и вдумчиво прочли это послание, передавая его из рук в руки и благоговейно на него взирая, как и подобает взирать на выдающееся создание человеческого разума. Затем его сложили и вверили попечениям мальчишки, которому было торжественно под угрозой страшной кары приказано доставить его в хибару Эйба Дэртона и смыться прежде, нежели ему будут заданы какие-либо щекотливые вопросы. Лишь после того, как он растаял в темноте, лёгкие укоры совести потревожили одного или двух шутников.

- Не поступаем ли мы с бедной девушкой довольно-таки подло? спросил Шеймус.
- А со стариной Заморышем довольно-таки круто? добавил кто-то ещё.

Но эти робкие предположения были отвергнуты большинством и исчезли без следа после появления второго жбана виски. Дело было почти полностью забыто к тому времени, когда получивший записочку Эйб с замиранием сердца читал её по складам при свете одинокой свечи.

Эту ночь долго помнили в посёлке Гарвей. С далёких гор порывами налетал ветер, вздыхал и жаловался на заброшенных участках. Тёмные тучи неслись по небу, закрывая луну и бросая тень на расстилавшуюся внизу долину, но уже через мгновение, вырвавшись из туч, луна вновь озарила чистым и холодным серебристым сиянием долину, обливая призрачным, таинственным светом тёмные заросли кустарника, раскинувшиеся по обе стороны от неё. Лицо природы в эту ночь казалось безгранично одиноким. Впоследствии все вспоминали, что

в атмосфере, нависшей над посёлком, затаилась какая-то таинственная и жуткая угроза.

Эйб Дэртон покинул свою хижину после наступления темноты. Компаньон его Босс Морган ещё не возвратился, так что, кроме неизменно бдительного Моргуна, ни одна живая душа не наблюдала за его передвижениями. Не без некоторого удивления наш простодушный друг смотрел на огромные, шатающиеся иероглифы, выведенные нежными пальчиками его ангела, но внизу стояла её подпись, и он отмёл сомнения. Он ей нужен, а остальное не важно, и, с сердцем чистым и бесстрашным, старатель, словно странствующий рыцарь отправился туда, куда звала его любовь.

Он ощупью поднялся вверх по извилистой крутой дорожке, которая вела к «Вилле Азалия». Примерно в ста пятидесяти шагах от калитки стояло несколько невысоких деревьев, окружённых кустами. Дойдя до них, Эйб приостановился, собираясь с мыслями. Двенадцати ещё, конечно, не было, так что в запасе у него оставалось по крайней мере несколько минут. Стоя под тёмным пологом веток, он с волнением вглядывался в смутно белевшие в темноте очертания дома. В глазах прозаически настроенного смертного строеньице это выглядело вполне заурядным, но влюблённому оно внушало благоговейный трепет.

Повременив немного в тени деревьев, старатель направился к садовой калитке. Там не было ни души. Несомненно, он явился слишком рано. Луна теперь светила очень ярко, и вокруг было светло как днём. Эйб оглянулся на дорогу, которая белой змейкой взбегала на вершину холма. Его легко было сейчас заметить — силуэт высокого, могучего широкоплечего человека ясно и отчётливо выделялся в мерцающем свете луны. Вдруг он дёрнулся, словно в него попала пуля, и, отшатнувшись, прижался к калитке спиной.

То, что он увидел, его страшно напугало, он даже побледнел, чего с ним не бывало отродясь. Да и неудивительно, если вспомнить о находившейся так близко девушке. Сразу же за поворотом дороги, примерно в двухстах ярдах, он заметил большое тёмное пятно, которое быстро приближалось к дому и вскоре скрылось в тени холма. Это тёмное пятно он видел лишь одно мгновение, но и мгновения было достаточно, чтобы опытный глаз охотника молниеносно оценил обстановку. К дому ехали верхом какие-то люди, а какие всадники ездят по ночам, если не беглые каторжники, они же разбойники — бич лесного края?

Признаемся, в обычных случаях Эйб был изрядным тугодумом да и вообще отличался медлительностью. В часы опасности, однако, его отличала быстрота реакции и обдуманная, холодная решимость. Шагая по саду, он сразу всё взвесил. По самым скромным расчётам, бандитов человек шесть, не меньше, и все они отчаянные, бесстрашные люди. Сумеет ли он задержать их хоть на короткое время и помешать ворваться в дом – вот что важнее всего. Мы уже упоминали, что на главной улице города дежурили патрули. Эйб прикинул – помощь может подоспеть минут через десять после того, как прозвучит первый выстрел.

Будь он внутри дома, он бы мог твёрдо рассчитывать, что продержится и дольше. Но сейчас, пока он разбудит спящих, растолкует им, в чём дело, и они откроют ему дверь, бандиты, конечно, с ним давно уже расправятся. Волей-неволей придётся ему смириться с тем, что он просто сделает всё, что в его силах. Во всяком случае, Кэрри увидит, что если он не смог с ней поговорить, то по крайней мере сумел за неё умереть. При этой мысли он даже покраснел от счастья и осторожно пристроился в тени дома. Он взвёл курок револьвера. Опыт научил его, что преимущество за тем, кто стреляет первым.

Дорога, по которой ехали разбойники, заканчивалась перед деревянными воротами, ведущими в сад со стороны, противоположной калитке. Справа и слева от ворот тянулась живая изгородь из зарослей акации, и такая же изгородь непроницаемой колючей стеной окаймляла с двух сторон идущую от ворот коротенькую дорожку. Эйб хорошо знал это место. Он подумал, что человек, решившийся на всё, наверное, сумеет даже в одиночку защищать этот проход в течение хотя бы нескольких минут, пока бандиты не проникнут к дому с какойнибудь другой стороны и не нападут на него с тыла. Во всяком случае, ничего лучше он придумать не мог. Эйб прошёл мимо парадной двери, но тревогу поднимать не стал. Синклер человек немолодой, и помощи от него немного в той отчаянной схватке, которая предстоит; между тем, если в доме зажгутся огни, разбойники поймут, что их там ожидают. Ах, если бы сейчас здесь был его напарник Босс, Чикаго Билл, да и вообще любой из двадцати отчаянных храбрецов, которые явились бы на его клич немедля и приняли участие в схватке! Он пошёл по узкому проходу между колючими стенами акаций. Вот деревянные ворота — он так хорошо

их знал, – а на воротах восседает, лениво покачивая ногами и вглядываясь в дорогу, мистер Джон Морган собственной персоной, именно тот человек, встречи с которым Эйб жаждал сейчас всем сердцем.

Времени на объяснения почти не оставалось. В нескольких словах Босс торопливо объяснил, что, возвращаясь из небольшого изыскательского турне, наткнулся в темноте на разбойников и, не замеченный ими, случайно услышал, куда они едут, после чего помчался во всю мочь и, отлично зная местность, сумел их опередить.

– Подымать тревогу было некогда, – пояснил он, всё ещё тяжело дыша, – нам придётся без посторонней помощи, вдвоём остановить их и не позволить, чтобы они прорвались к добы... к твоей девушке. Только через наши трупы, Заморыш, иначе они не пройдут.

И с этими словами наши столь чудесным образом встретившиеся друзья с любовью посмотрели друг другу в глаза, прислушиваясь в то же время к топоту копыт, который доносил до них душистый лесной ветер.

Разбойников было шестеро. Один, по-видимому, вожак, ехал впереди, остальные следовали за ним, плотно сбившись в кучу. Приблизившись к дому, они соскочили с лошадей, вожак пробормотал несколько слов, после чего бандиты привязали лошадей к стоящему у изгороди невысокому деревцу и уверенно направились к воротам.

В самом конце зелёного коридора притаились в тени живой изгороди Эйб и Босс Морган. Разбойники, как видно, не ожидавшие серьёзного отпора в этом уединённом доме, их не заметили. Когда главарь, идущий впереди, повернулся, чтобы сказать несколько слов товарищам, друзья узнали чеканный профиль и пышные усы Чёрного Фергюсона, отвергнутого поклонника мисс Кэрри Синклер. Честный Эйб тотчас же мысленно поклялся в душе, что уж этот-то, во всяком случае, до дверей живым не доберётся.

Негодяй приблизился к воротам и протянул руку к задвижке. Он уже начал её отодвигать, как из кустов прогремело: «Назад!». На войне, как и в любви, наш друг старатель был немногословен.

- Здесь никак нельзя пройти, пояснил другой голос с той невыразимой мягкостью и печалью, которая всегда звучала в нём, когда в душе у говорившего бушевал сам дьявол. Бандит узнал его. Эту ласковую неторопливую речь он неоднократно слышал в бильярдной «Бакхерстского герба». А человек, с такой доброжелательностью предупредивший пришельцев, стал спиной к дверям, вытащил пистолет и добавил, что хотел бы взглянуть на мошенника, который осмелится войти в сад.
- Всё понятно, буркнул Фергюсон, это чортов дурень Дэртон и его белолицый дружок.

Имена обоих были в этих краях знамениты. Но и разбойники оказались все как на подбор отчаянные, храбрые ребята. Они сгрудились вплотную у ворот.

– Убирайтесь! – страшным голосом прохрипел главарь шайки. – Девушку вы всё равно не спасёте. Пошли вон отсюда, пока шкура цела!

Компаньоны засмеялись.

– Тогда, будьте вы все прокляты, вперёд!

Ворота распахнулись, последовал недружный залп нападающих, и банда ринулась вперёд.

В ночной тиши весело потрескивали револьверные выстрелы — это начали стрельбу защитники дома. Им была трудно целиться в темноте. Бандит, бежавший следом за главарём, вдруг судорожно дёрнулся, подпрыгнул и упал ничком, раскинув руки, корчась в страшной агонии. Третьего бандита оцарапала пуля. Остальные остановились, чтобы помочь товарищу. Эта девушка, если на то пошло, достанется не им, так что стоит ли рисковать. И только атаман бешено рвался вперёд, подтверждая свою репутацию отчаянно смелого негодяя, но был встречен сокрушительным ударом, который Эйб Дэртон нанёс ему рукояткой пистолета с такой яростной силой, что противник, словно пёрышко, отлетел к сообщникам, с раздробленной челюстью, весь в крови и к тому же утратив способность браниться в тот самый миг, когда нуждался в этом больше всего.

– Не спешите уходить, – прозвучал в темноте голос Босса Моргана.

Но они и сами не спешили. Они знали: у них осталось ещё несколько минут до того, как сюда прибегут из посёлка на помощь. Они, может быть, ещё успеют выломать дверь, если

сумеют одолеть защитников дома. Начиналось то, чего боялся Эйб. Чёрный Фергюсон ориентировался в местности не хуже его самого. Он быстро пробежал вдоль живой изгороди к тому месту, где в сплошной стене акаций было что-то вроде щели. С треском ломая ветки, все бандиты пролезли в сад. Друзья переглянулись. Противник всё же обошёл их с фланга. Они встали, как встают, когда пришёл последний час, и собирались встретить его без страха.

Вдруг у изгороди в лунном свете замелькало множество тёмных фигур, хорошо знакомые голоса радостно вопили. Шутники посёлка Гарвей, явившиеся посмотреть, как сработал их розыгрыш, наткнулись на игру совсем не шуточного свойства. Компаньоны увидели лица друзей: Шеймус, Страглс, Мак-Кой. Завязалась яростная схватка, все ринулись очертя голову на поле боя, и оно скрылось в облаке дыма, из которого лишь доносились выстрелы и свирепые выкрики, а когда облако рассеялось, одинокая тёмная тень метнулась к лазу в стене живой изгороди — это был единственный оставшийся в живых разбойник, улепётывающий во все лопатки. Но в стане победителей не слышно было победных кликов, все почему-то притихли, и что-то похожее на ропот скорби прошелестело по их рядам — у дверей, у самого порога, который он так отважно оборонял, лежал верный и простосердечный Эйб, он задыхался, грудь его была пробита пулей.

Крепкие руки старателей подняли его и бережно внесли в дом. Среди них, я думаю, нашлись бы такие, кто согласился бы взять на себя его боль, чтобы снискать любовь тоненькой девушки в белом, склонившейся над его окровавленной постелью и что-то шепчущей ему на ухо, так ласково, так нежно. Её шёпот, казалось, пробудил его. Он открыл глаза и огляделся. Его взгляд остановился на её лице.

– Отдаю концы, – пробормотал он, – то есть, простите, Кэрри, я хотел сказать, при последнем издыха... – Он слабо улыбнулся, и голова его опять упала на подушку.

Впрочем, на сей раз Эйб впервые в жизни не сдержал слова. Решающую роль сыграло его на редкость крепкое телосложение, и он успешно справился с ранением, которое для человека послабей могло бы оказаться смертельным. Подействовало ли на него целительное дыхание лесов, раскинувшихся безбрежным океаном на тысячу и даже больше миль, или же причина заключалась в маленькой сиделке, которая так бережно за ним ухаживала, одно несомненно: прошло два месяца, и мы узнали, что Эйб продал акции Коннемары и навсегда покинул посёлок Гарвей и маленькую хижину на горе.

Вскоре после этого мне посчастливилось прочесть отрывок из письма молодой леди по имени Амелия, о которой мы уже упоминали вскользь. И поскольку мы уже однажды позволили себе нескромность заглянуть в послание, написанное женщиной, во второй раз совесть будет нас меньше мучить.

«Я была подружкой невесты, — сообщает Амелия, — и Кэрри выглядела обворожительно (подчёркнуто) в белой фате и с флёрдоранжем. А жених! В два раза выше, чем твой Джек, и такой забавный, такой милый, то и дело краснел и ронял молитвенник. И когда ему был задан самый главный вопрос, он так громко прогремел «Согласен!», что слышно было на другом конце Джордж-стрит. Его шафер — просто прелесть (подчёркнуто дважды). Такой тихий, такой красивый и изящный. Я думаю, он слишком тонкая натура, чтобы успешно позаботиться о себе в окружении таких грубиянов».

Полагаю, что скорее всего мисс Амелия в своё время сумела переложить на свои плечи заботу о нашем старом друге, мистере Джоне Моргане, в просторечии известном как Босс.

Дерево, растущее у поворота дороги, до сих пор именуют «Фергюсонов эвкалипт». Нам нет нужды пускаться в малоприятные подробности. В отдалённых от цивилизации колониях суд правят быстро и немилосердно, а обитатели посёлка Гарвей – народ суровый и деловитый.

Сливки местного общества сохранили обычай собираться иногда в субботу вечером в отдельном кабинете «Колониального бара». В этих случаях, если среди присутствующих есть новый человек, которого желают развлечь старожилы, неизменно соблюдается одна и та же церемония. В глубокой тишине все наполняют стаканы, затем, со стуком ставят их на стол, после чего, укоризненно покашляв, поднимается Джим Страглс и рассказывает историю первоапрельской шутки и того, что из неё получилось. Замечено, что, подведя рассказ к концу, Джим, с особым артистизмом прерывает свою речь и, подняв вверх бокал, горячо восклицает: «Здоровье мистера и миссис Заморышей! Да благословит их Бог!» – здравица, к

которой новый гость, если он благоразумный человек, считает своим долгом самым сердечным образом присоединиться.

(перевод Е. Коротковой)

ИСПОВЕДЬ УЗНИКА КАМЕРЫ N 24

Я рассказал эту историю, когда меня арестовали, но никто меня не слушал. Потом снова рассказывал её на суде — всё, как было, не прибавил ни единого слова. Я изложил всё в точности, да поможет мне Бог, всё, что леди Маннеринг говорила и делала, и всё, что я говорил и делал, — словом, так, как оно было. И чего я добился? «Арестованный сделал бессвязное, несерьёзное заявление, неправдоподобное по деталям и совершенно не подкреплённое доказательствами». Вот что написала одна лондонская газета, а остальные и вовсе не упомянули о моём выступлении, будто я и не защищался. И всё-таки я своими глазами видел, как убили лорда Маннеринга, и виновен я в этом ничуть не больше, чем любой из присяжных, которые меня судили.

Ваше дело, сэр, получать прошения от заключённых. Всё зависит от вас. Я прошу об одном: чтобы вы прочли это, просто прочли, а потом навели справки, кто такая эта «леди» Маннеринг, если она ещё сохраняет то имя, которое у неё было три года назад, когда я на свою беду и погибель встретил её. Пригласите частного сыщика или хорошего стряпчего, и вы скоро узнаете достаточно и поймёте, что правду-то сказал я. Подумайте только, как вы прославитесь, если все газеты напишут, что лишь благодаря вашей настойчивости и уму удалось предотвратить ужасную судебную ошибку! Это и будет вам наградой. Но если вы этого не сделаете, то чтобы вам больше не заснуть в своей постели! И пусть вас каждую ночь преследует мысль о человеке, который гниёт в тюрьме из-за того, что вы не выполнили своей обязанности, а ведь вам платят жалованье, чтобы вы её выполняли! Но вы это сделаете, сэр, я знаю. Просто наведите одну-две справки — и скоро поймёте в чём загвоздка. И запомните: единственный человек, которому преступление было выгодно — это она сама, потому что была она несчастная жена, а теперь стала молодой вдовой. Вот уже один конец верёвочки у вас в руках, и вам надо только итти по ней дальше и смотреть, куда она ведёт.

Имейте в виду, сэр, насчёт кражи со взломом — тут я ничего не говорю, если я что заслужил, так я не хнычу, пока что получил я лишь то, чего заслуживал. Верно, кража со взломом была, и эти три года — расплата за неё. На суде всплыло, что я был замешан в Мертонкросском деле и отсидел за него год, и на мой рассказ из-за этого не очень обратили внимание. Если человек уже попадался, его никогда не судят по справедливости. Что до кражи со взломом, тут признаюсь: виновен, но когда тебя обвиняют в убийстве и сажают пожизненно, а любой судья, кроме сэра Джеймса, отправил бы меня на виселицу, тут уж я вам заявляю, что я никого не убивал и никакой моей вины нет. А теперь я расскажу без утайки всё, что случилось в ту ночь тринадцатого сентября тысяча восемьсот девяносто четвёртого года, и пусть десница Господня поразит меня, если я солгу или хоть малость отступлю от правды.

Летом я был в Бристоле — искал работу, а потом узнал, что могу найти что-нибудь в Портсмуте, ведь я был хорошим механиком; и вот я побрёл пешком через юг Англии, подрабатывая по дороге чем придётся. Я всячески старался избегать неприятностей, потому что уже отсидел год в Эксетерской тюрьме и был сыт по горло гостеприимством королевы Виктории. Но чертовски трудно найти работу, если на твоём имени пятно, и я еле-еле перебивался. Десять дней я за гроши рубил дрова и дробил камни и наконец очутился возле Солсбери; в кармане у меня было всего-навсего два шиллинга, а моим башмакам и терпению пришёл конец. На дороге между Блэндфордом и Солсбери есть трактир под названием «Бодрый дух», и там на ночь я снял койку. Я сидел перед закрытием один в пивном зале и тут хозяин трактира — звали его Аллен — подсел ко мне и начал болтать о своих соседях. Человек этот любил поговорить и любил, чтобы его слушали; вот я и сидел, курил, попивал эль, который он мне поднёс, и не слишком интересовался, что он там рассказывает, пока он как на грех не заговорил о богатствах Маннеринг-Холла.

- Это вот тот большой дом по правую сторону, как подходишь к деревне? спросил я. Тот, что стоит в парке?
- Он самый, ответил хозяин (я передаю весь наш разговор, чтобы вы знали, что я говорю вам правду и ничего не утаиваю.) Длинный белый дом с колоннами, продолжал он. Сбоку от Блэндфордской дороги.

А я как раз поглядел на этот дом, когда проходил мимо, и мне пришло в голову —

думать-то ведь не запрещается, — что в него легко забраться: уж больно много там больших окон и стеклянных дверей. Я выбросил это из головы, а вот теперь хозяин трактира навёл меня на такие мысли своими рассказами о богатствах, которые находятся в доме. Я молчал и слушал, а он, на мою беду, всё снова и снова заводил речь о том же.

- Лорд Маннеринг и в молодости был скуп, так что можете себе представить, каков он сейчас, сказал трактирщик. И всё же кое-какой толк ему от этих денег был!
  - Что толку в деньгах, если человек их не тратит?
- Он купил себе на них жену первейшую красавицу в Англии, вот какой толк; онато, небось, думала, что сможет их тратить, да не вышло.
  - А кем она была раньше?
- Да никем не была, пока старый лорд не сделал её своей леди, сказал он. Она сама из Лондона; говорили, что она играла на сцене, но точно никто не знает. Старый лорд год был в отъезде и вернулся с молодой женой; с тех пор она тут и живёт. Стивенс, дворецкий, мне как-то говорил, что весь дом прямо ожил, когда она приехала; но от скаредности и грубости мужа да ещё от одиночества он гостей терпеть не может и от ядовитого его языка, а язык у него, как осиное жало, вся живость её исчезла, она стала такая бледная, молчаливая, угрюмая, только бродит по просёлкам. Говорят, будто она другого любила и изменила своему милому потому, что польстилась на богатства старого лорда, и теперь она вся исстрадалась одно потеряла, а другого не нашла: если поглядеть, сколько у неё бывает в руках денег, так, пожалуй, во всём приходе беднее её женщины нет.

Сами понимаете, сэр, мне было не очень интересно слушать о раздорах между лордом и леди. Какое мне дело, что она не выносит звука его голоса, а он её всячески оскорбляет, надеется переломить её характер и разговаривает с ней так, как никогда не посмел бы разговаривать со своей прислугой! Трактирщик рассказал мне обо всём этом и о многом другом в том же роде, но я всё пропускал мимо ушей, потому что меня это не касалось. А вот что за богатства у лорда Маннеринга — это меня очень интересовало; документы на недвижимость и биржевые сертификаты — всего лишь бумага, и для того, кто их берёт, они не столько выгодны, сколько опасны. Зато золото и драгоценные камни стоят того, чтобы рискнуть. И тогда, словно угадав мои тайные мысли, хозяин рассказал мне об огромной коллекции золотых медалей лорда Маннеринга, ценнейшей в мире, и о том, что если их сложить в мешок, то самый сильный человек в приходе его не поднимет. Тут хозяина позвала жена, и мы отправились спать.

Я не оправдываюсь, но умоляю вас, сэр, припомните все факты и спросите себя, может ли человек устоять перед таким искушением. Осмелюсь сказать, тут не многие бы устояли. Я лежал в ту ночь на кровати в полном отчаянии, без надежды, без работы, с последним шиллингом в кармане. Я старался быть честным, а честные люди отворачивались от меня. Когда я воровал, они глумились надо мной и всё же толкали меня на новое воровство. Меня несло по течению, и я не мог выбраться на берег. А тут была такая возможность: огромный дом с большими окнами и золотые медали, которые легко расплавить. Это всё равно, что положить хлеб перед умирающим от голода человеком и думать, что он не станет его есть. Я некоторое время пытался бороться с соблазном, но напрасно. Наконец я сел на кровати и поклялся, что этой ночью я либо стану богатым человеком, либо снова попаду в кандалы. Потом я оделся, положил на стол шиллинг — потому что хозяин обошёлся со мной хорошо и я не хотел его обманывать — и вылез через окно в сад возле трактира.

Этот сад был окружён высокой стеной, и мне пришлось попыхтеть, прежде чем я перелез через неё, но дальше всё шло как по маслу. На дороге я не встретил ни души, и железные ворота в парк были открыты. В домике привратника не было заметно никакого движения. Светила луна, и я видел огромный дом, тускло белевший под сводами деревьев. Я прошёл с четверть мили по подъездной аллее и оказался на широкой, посыпанной гравием площадке перед парадной дверью. Я стал в тени и принялся рассматривать длинное здание, в окнах которого отражалась полная луна, серебрившая высокий каменный фасад. Некоторое время я стоял не двигаясь и раздумывал о том, где здесь легче всего проникнуть внутрь. Угловое окно сбоку просматривалось меньше всего и было закрыто тяжёлой занавесью из плюща. Очевидно, надо было попытать счастья там. Я пробрался под деревьями к задней стене и медленно пошёл в чёрной тени дома. Собака гавкнула и зазвенела цепью; я подождал,

пока она успокоилась, а потом снова стал красться и наконец добрался до облюбованного мною окна.

Удивительно, как люди беззаботны в деревне, вдалеке от больших городов: мысль о ворах никогда не приходит им в голову. А если бедный человек без всякого злого умысла берётся за ручку двери и дверь распахивается перед ним — какое это для него искушение! Тут оказалось не совсем так, но всё же окно было просто закрыто на обыкновенный крючок, который я откинул лезвием ножа. Я рывком приподнял раму, просунул нож в щель между ставнями и раздвинул их. Это были двустворчатые ставни; я толкнул их и влез в комнату.

— Добрый вечер, сэр! Прошу пожаловать! — сказал чей-то голос.

В жизни мне приходилось пугаться, но никакой испуг не идёт в сравнение с тем, что я пережил в ту минуту. Передо мной стояла женщина с огарком восковой свечи в руке. Она была высокая, стройная и тонкая, с красивым бледным лицом, словно высеченным из белого мрамора, а волосы и глаза у неё были чёрные как ночь. На ней было что-то вроде длинного белого халата, и этой одеждой и лицом она походила на ангела, сошедшего с небес. Колени мои задрожали, и я схватился за ставень, чтобы не упасть. Я бы повернулся и убежал, да совсем обессилел и мог только стоять и смотреть на неё.

Она быстро привела меня в чувство.

— Не пугайтесь! — сказала она. (Странно было вору слышать такие слова от хозяйки дома, который он собирался ограбить.) — Я увидела вас из окна спальни, когда вы прятались под деревьями, спустилась вниз и услышала ваши шаги под окном. Я бы открыла его вам, если бы вы подождали, но вы сами с ним справились, как раз когда я вошла.

Я всё ещё держал в руке длинный складной нож, которым открывал ставни. За неделю, что я бродил по дорогам, я оброс и весь пропитался пылью. Короче говоря, не многие захотели бы встретиться со мной в час ночи; но эта женщина смотрела на меня так приветливо, словно я был её любовником, пришедшим на свидание. Она взяла меня за рукав и потянула в комнату.

- В чём дело, мэм? Не пытайтесь меня одурачить! сказал я самым грубым тоном, а я умею говорить грубо, когда захочу. Если вы решили подшутить надо мной, так вам же будет хуже, добавил я, показывая ей нож.
- Я и не думаю шутить с вами, сказала она. Наоборот, я ваш друг и хочу вам помочь.
- Простите, мэм, но трудно в это поверить, сказал я. Почему вы хотите мне помочь?
- У меня есть на это свои причины, сказала она, и чёрные глаза её сверкнули на белом лице. Потому что я ненавижу его, ненавижу, ненавижу! Теперь понимаете?

Я вспомнил, что говорил хозяин трактира, и всё понял. Я взглянул в лицо её светлости, и мне стало ясно, что я могу ей довериться. Она хотела отомстить мужу. Хотела ударить его по самому больному месту — по карману. Она его так ненавидела, что согласилась даже унизиться и открыть свою тайну такому человеку, как я, лишь бы добиться своей цели. Было время, я тоже кое-кого ненавидел, но я и не знал, что такое ненависть, пока не увидел лица этой женщины при свете свечи.

- Теперь вы мне верите? спросила она, снова прикасаясь к моему рукаву.
- Да, ваша светлость.
- Значит, вы знаете, кто я?
- Могу догадаться.
- Наверное, всё графство говорит об обидах, которые я терплю. Но разве это его интересует? Во всём мире его интересует только одно, и вы сможете забрать это сегодня ночью. У вас есть мешок?
  - Нет, ваша светлость.
- Закройте ставни. Тогда никто не увидит огня. Вы в полной безопасности. Слуги спят в другом крыле. Я покажу вам, где находятся наиболее ценные вещи. Вы не сможете унести их все, поэтому надо выбрать самые лучшие.

Комната, в которой я очутился, была длинная и низкая, со множеством ковров и звериных шкур, разбросанных по натёртому паркетному полу. Повсюду стояли маленькие ящички, стены были украшены копьями, мечами, вёслами и другими предметами, какие

обычно встречаются в музеях. Тут были и какие-то странные одежды из диких стран, и леди вытащила из-под них большой кожаный мешок.

— Этот спальный мешок подойдёт, — сказала она. — Теперь идите за мной, и я покажу вам, где лежат медали.

Подумать только, эта высокая бледная женщина — хозяйка дома, и она помогает мне грабить своё собственное жилище. Нет, это походило на сон. Я чуть не расхохотался, но в её бледном лице было что-то такое, что мне сразу стало не до смеха, я даже похолодел. Она проскользнула мимо меня, как привидение, с зелёной свечой в руке, я шёл за ней с мешком, и вот мы остановились у двери в конце музея. Дверь была заперта, но ключ торчал в замке, и леди впустила меня.

За дверью была маленькая комната, вся увешанная занавесями с рисунками. На них была изображена охота на оленя, и при дрожащем свете свечи, ей-богу, казалось, что собаки и лошади несутся по стенам. Ещё в комнате стояли ящики из орехового дерева с бронзовыми украшениями. Ящики были застеклены, и под стеклом я увидел ряды золотых медалей, некоторые большие, как тарелки, и в полдюйма толщиной; все оне лежали на красном бархате и поблёскивали в темноте. У меня зачесались руки, и я подсунул нож под крышку одного ящика, чтобы взломать замок.

- Погодите, сказала леди, беря меня за руку. Можно найти кое-что и получше.
- Уж куда лучше, мэм! сказал я. Премного благодарен вашей светлости за помощь.
- Можно найти и получше, повторила она. Я думаю, золотые соверены устроят вас больше, чем эти вещи?
  - Ещё бы! сказал я. Это было бы совсем здорово.
- Ну так вот, сказала она. Он спит прямо над вашей головой. Всего несколько ступенек вверх. И у него под кроватью стоит оловянный сундук с деньгами, там их столько, что мешок у вас будет полон.
  - Да как же я возьму? Он проснётся!
- Ну и что? она пристально посмотрела на меня. Вы бы не допустили, чтобы он позвал на помощь.
  - Нет, нет, мэм, я ничего такого не стану делать.
- Как хотите, сказала она. С виду вы показались мне смелым человеком, но, должно быть, я ошиблась. Если вы боитесь какого-то старика, тогда, конечно, вам нечего рассчитывать на золото, которое лежит у него под кроватью. Разумеется, это ваше дело, но, по-моему, лучше вам заняться чем-нибудь другим.
  - Я не возьму на душу убийства.
- Вы могли бы справиться с ним, не причиняя ему вреда. Я ни слова не говорила об убийстве. Деньги лежат под его кроватью. Но если вы трус, тогда вам незачем и пытаться.

Она так меня раззадорила — и издёвкой своей, и этими деньгами, которые она словно держала у меня перед глазами, — что я, наверное, сдался бы и пошёл наверх попытать счастья, если бы не её глаза: она так хитро и злобно поглядывала на меня, следила, какая борьба идёт во мне. Тут я сообразил, что она хочет сделать меня орудием своей мести и мне останется только либо прикончить старика, либо попасть ему в руки. Она вдруг поняла, что выдала себя, и сразу же улыбнулась приветливой, дружелюбной улыбкой, но было поздно: я уже получил предупреждение.

— Я не пойду наверх, — сказал я. — Всё, что мне нужно, есть и здесь.

Она с презрением посмотрела на меня: никто не мог бы сделать это откровеннее.

— Очень хорошо. Можете взять эти медали. Я бы только просила вас начать с этого конца. Ведь вам, думаю, всё равно: когда вы их расплавите, оне будут цениться только по весу, но вот эти — оне самые редкие, потому он больше дорожит ими. Нет надобности ломать замок. Нажмите эту медную шишечку — там есть потайная пружина. Так! Возьмите сначала эту маленькую — он бережёт её, как зеницу ока.

Она открыла ящик, и все эти прекрасные вещи очутились прямо передо мной, я уже протянул было руку к той медали, на которую она мне показала, но вдруг лицо её изменилось, и она предостерегающе подняла палец.

— Tc-c! — прошептала она. — Что это?

В тишине дома мы услышали слабый тягучий звук, затем чьи-то шаркающие шаги. Она

мгновенно закрыла и заперла ящик.

— Это муж! — шепнула она. — Ничего. Не тревожьтесь. Я всё устрою. Сюда! Быстро, встаньте за гобелен!

Она толкнула меня за разрисованный занавес на стене, и я спрятался там, всё ещё держа в руке пустой мешок. Сама же она взяла свечу и поспешила в комнату, из которой мы пришли. С того места, где я стоял, мне было видно её через открытую дверь.

Это вы, Роберт? — крикнула она.

Пламя свечи осветило дверь музея; шарканье слышалось всё ближе и ближе. Потом я увидел в дверях огромное, тяжёлое лицо, всё в морщинах и складках, с большим крючковатым носом, на носу очки в золотой оправе. Старику приходилось откидывать голову назад, чтобы смотреть через очки, и тогда нос его задирался вверх и торчал, будто клюв диковинной совы. Человек он был крупный, очень высокий и плотный, так что его фигура в широком халате заслоняла собой весь дверной проём. На голове у него была копна седых вьющихся волос, но усы и бороду он брил. Под длинным, властным носом прятался тонкий, маленький аккуратный ротик. Он стоял, держа перед собой свечу, и смотрел на жену со странным, злобным блеском в глазах. Достаточно мне было увидеть их вместе, как я сразу понял, что он любит её не больше, чем она его.

- В чём дело? спросил он. Что это за новый каприз? С какой стати вы бродите по дому? И почему не ложитесь?
- Мне не спится, ответила она томным, усталым голосом. Если она когда-то была актрисой, то не позабыла свою профессию.
- Могу ли я дать один совет? сказал он всё тем же издевательским тоном. Чистая совесть превосходное снотворное.
  - Этого не может быть, ответила она, ведь вы-то спите прекрасно.
- Я только одного стыжусь в своей жизни, сказал он; от гнева волосы у него встали дыбом, и он стал похож на старого какаду. И вы прекрасно знаете, чего именно. За эту свою ошибку я и несу теперь наказание.
  - Не только вы, но и я тоже, учтите!
  - Ну, вам-то о чём жалеть! Это я унизился, а вы возвысились.
  - Возвысилась?
- Да, возвысились. Я полагаю, вы не станете отрицать, что сменить мюзик-холл на Маннеринг-Холл это всё-таки повышение. Какой я был глупец, что вытащил вас из вашей подлинной стихии!
  - Если вы так считаете, почему же вы не хотите развестись?
- Потому что скрытое несчастье лучше публичного позора. Потому что легче страдать от ошибки, чем признать её. И ещё потому, что мне нравится держать вас в поле зрения и знать, что вы не можете вернуться к нему...
  - Вы негодяй! Трусливый негодяй!
- Да, да, миледи. Я знаю ваше тайное желание, но оно никогда не сбудется, пока я жив, а если это произойдёт после моей смерти, то уж я позабочусь, чтобы вы ушли к нему нищей. Вы с вашим дорогим Эдвардом никогда не будете иметь удовольствия расточать мои деньги, имейте это в виду, миледи. Почему ставни и окна открыты?
  - Ночь очень душная.
- Это небезопасно. Откуда вы знаете, что там, снаружи, не стоит какой-нибудь бродяга? Вы отдаёте себе отчёт, что моя коллекция медалей самая ценная в мире? Вы и дверь оставили открытой. Приходи кто угодно и обчищай все ящики!
  - Но я же была здесь.
- Я знаю. Я слышал, как вы ходили по медальной комнате, поэтому я и спустился. Что вы тут делали?
  - Смотрела на медали. Что я могла ещё делать?
  - Такая любознательность это что-то новое.

Он подозрительно взглянул на неё и двинулся к внутренней комнате; она пошла вместе с ним

В эту самую минуту я увидел одну вещь и страшно испугался. Я оставил свой складной нож открытым на крышке одного из ящиков, и он лежал там на самом виду. Она заметила это

раньше его и с женской хитростью протянула руку со свечой так, чтобы пламя оказалось перед глазами лорда Маннеринга и заслонило от него нож. Потом она накрыла нож левой рукой и прижала к халату — так, чтобы муж не видел. Он же осматривал ящик за ящиком — в какую-то минуту я мог бы даже схватить его за длинный нос, но медалей как будто никто не трогал, и он, всё ещё ворча и огрызаясь, зашаркал вон из комнаты.

Теперь я буду больше говорить о том, что я слышал, а не о том, что видел, но клянусь, это так же верно, как то, что придёт день, когда я предстану перед Создателем.

Когда они перешли в другую комнату, он поставил свечу на угол одного из столиков и сел, но так, что я его не видел. А она, должно быть, встала позади него, потому что пламя её свечи отбрасывало на пол перед ним длинную бугристую тень. Он заговорил об этом человеке, которого называл Эдвардом, и каждое его слово жгло, как кислота. Говорил он негромко и я не всё слышал, но из услышанного можно было понять, что ей легче было бы вынести удары хлыстом. Сперва она раздражённо отвечала ему, потом умолкла, а он всё говорил и говорил своим холодным, насмешливым голосом, издевался, оскорблял и мучил её, так что я даже стал удивляться, как у неё хватает терпения стоять там столько времени молча и слушать всё это. Вдруг он резко выкрикнул:

— Не стойте у меня за спиной! Отпустите мой воротник! Что? Вы осмелитесь поднять на меня руку?

Раздался какой-то звук вроде удара, глухой шум падения, и я услышал, как он воскликнул:

— Боже мой, это же кровь!

Он зашаркал ногами, словно хотел подняться, потом ещё удар, он закричал: «Ах, чертовка!» — и всё затихло, только слышно было, как что-то капало на пол.

Тогда я выскочил из-за занавеса и, дрожа от ужаса, побежал в соседнюю комнату. Старик сполз с кресла, халат у него задрался на спину, собрался складками и стал похож на огромный горб. Голова свалилась набок, очки в золотой оправе всё ещё торчали у него на носу, а маленький рот раскрылся, как у дохлой рыбы. Я не видел, откуда идёт кровь, но было слышно, как она барабанит по полу. Леди стояла за ним со свечой, которая освещала её лицо. Губы у неё были сжаты, глаза сверкали, на щеках горели пятна румянца. Теперь она стала настоящей красавицей — красивее женщины я в жизни не видывал.

- Вы добились своего! сказал я.
- Да, ответила она ровным голосом, я этого добилась.
- Что же вы теперь будете делать? спросил я. Вас притянут за убийство как пить дать.
- Обо мне не беспокойтесь. Мне незачем жить, и всё это не имеет значения. Помогите посадить его прямо. Очень страшно смотреть на него, когда он в такой позе!

Я выполнил её просьбу, хотя весь похолодел, когда до него дотронулся. Кровь попала мне на руку, и меня затошнило.

- Теперь, сказала она, пусть эти медали лучше достанутся вам, чем кому-нибудь другому. Берите их и идите.
- Не нужны оне мне. Я хочу только уйти отсюда. Я в такие дела никогда ещё не впутывался.
- Глупости! сказала она. Вы пришли за медалями, и оне ваши. Почему же вам их не взять? Никто вам не мешает.

Я всё ещё держал мешок в руке. Она открыла ящик, и мы с ней побросали в мешок штук сто медалей. Оне все были из одного ящика, но выбора у меня не было: не мог я там дольше находиться. Я кинулся к окну, потому что самый воздух этого дома казался мне отравленным после всего, что я видел и слышал. Я оглянулся; она стояла там, высокая и красивая, со свечой в руке — совсем такая же, как в ту минуту, когда я впервые её увидел. Она помахала мне рукой на прощание, я махнул ей в ответ и спрыгнул на гравиевую дорожку.

Слава Богу, я могу, положа руку на сердце, сказать, что никогда никого не убивал, но могло быть и по-иному, если бы я сумел прочесть мысли этой женщины. В комнате оказалось бы два трупа вместо одного, если бы я мог понять, что скрывается за её прощальной улыбкой. Но я думал только о том, как бы унести ноги, и мне в голову не приходило, что она затягивает петлю на моей шее. Я стал пробираться в тени дома тем же путём, каким пришёл, но не успел

я отойти на пять шагов от окна, как услышал дикий вопль, поднявший весь приход на ноги, а потом ещё и ещё.

- Караул! кричала она. Убийца! Убийца! Помогите! и голос её в ночной тишине разносился далеко окрест. От этого ужасного крика я прямо оторопел. Сразу же замелькали огни, распахнулись окна не только в доме сзади меня, но и в домике привратника и в конюшнях передо мной. Я помчался по дороге, как испуганный кролик, но, не успев добежать до ворот, услышал, как они со скрежетом захлопнулись. Тогда я спрятал мешок с медалями в сухом хворосте и попробовал уйти через парк, но кто-то заметил меня при свете луны, и скоро с полдюжины людей с собаками бежали за мной по пятам. Я припал к земле за кустами ежевики, но собаки одолели меня, и я был даже рад, когда подоспели люди и помешали им разорвать меня на части. Тут меня схватили и потащили обратно в комнату, из которой я только что ушёл.
- Это тот человек, ваша светлость? спросил старший слуга, который, как оказалось потом, был дворецким.

Она стояла, склонившись над трупом и держа платок у глаз; тут она точно фурия повернулась ко мне. Ох, какая это была актриса!

- Да, да, тот самый! — закричала она. — О, злодей, жестокий злодей, так разделаться со стариком!

Там был какой-то человек, похожий на деревенского констебля. Он положил мне руку на плечо.

- Что ты на это скажешь? спросил он.
- Это она сделала! закричал я, указывая на женщину, но она даже глаз не опустила.
- Как же, как же! Придумай ещё что-нибудь! сказал констебль, а один из слуг ударил меня кулаком.
- Говорю вам, я видел, как она это сделала. Она два раза всадила в него нож. Сначала помогла мне его ограбить, а потом убила его.

Слуга хотел было снова меня ударить, но она удержала его руку.

- Не бейте его, сказала она. Можете не сомневаться, что закон его накажет.
- Уж я об этом позабочусь, ваша светлость, сказал констебль. Ваша светлость видели сами, как было совершено преступление?
- Да, да, я своими глазами всё видела. Это было ужасно. Мы услышали шум и спустились вниз. Мой бедный муж шёл впереди. Этот человек открыл один из ящиков и вывалил медали в чёрный кожаный мешок, который он держал в руках. Он кинулся было бежать, но муж схватил его. Началась борьба, и он дважды ранил мужа. Если я не ошибаюсь, его нож всё ещё в теле лорда Маннеринга.
  - Посмотрите, у неё руки в крови! закричал я.
  - Она приподнимала голову его светлости, подлый ты врун! сказал дворецкий.
- А вот и мешок, о котором говорила её светлость, сказал констебль, когда конюх вошёл с мешком, который я бросил во время бегства. И медали в нём. По-моему, вполне достаточно. Ночью мы постережём его здесь, а завтра с инспектором отвезём в Солсбери.
- Бедняга! сказала она. Что касается меня, то я прощаю все оскорбления, которые он мне нанёс. Кто знает, какие соблазны толкнули его на преступление? Совесть и закон накажут его достаточно сурово, к чему мне укорять его и делать это наказание ещё тяжелее?
- ${\rm Я}$ не мог слова вымолвить понимаете, сэр, не мог, до того меня ошеломило спокойствие этой женщины. И вот, приняв моё молчание за согласие со всем, что она сказала, дворецкий и констебль потащили меня в подвал и заперли там на ночь.

Ну вот, сэр, я и рассказал вам всё. Теперь вы знаете, как случилось, что лорд Маннеринг был убит своей женой в ночь на четырнадцатое сентября тысяча восемьсот девяносто четвёртого года. Может быть, вы оставите всё это без внимания, как констебль в Маннеринг-Холле, а потом судья в суде присяжных. А может быть, вы увидите крупицу правды в том, что я сказал, и доведёте дело до конца и навсегда заслужите имя человека, который не щадит сил своих ради торжества правосудия. Мне не на кого надеяться, кроме вас, сэр, и, если вы снимете с моего имени это ложное обвинение, я буду молиться на вас, как ни один человек ещё не молился на другого. Но если вы не сделаете этого, клянусь, что через месяц я повешусь на оконной решётке и буду являться вам по ночам во сне, если только человек может являться

с того света и тревожить другого. То, о чём я вас прошу, очень просто. Наведите справки об этой женщине, последите за ней, узнайте её прошлое и что она сделала с деньгами, которые ей достались, и существует ли этот Эдвард, о котором я говорил. И если что-нибудь откроет вам её настоящее лицо или подтвердит мой рассказ, тогда я буду уповать на доброту вашего сердца и вы спасёте невинно осуждённого.

1898 г.

(перевод В. Ашкенази)

ПАРАЗИТ

(ЗАПИСКИ ЗОМБИРОВАННОГО)

24-го марта. Вот и весна в разгаре.

Большой орешник, растущий перед окном моей лаборатории, покрылся набухшими почками, липкими и смолистыми, некоторые из них уже лопнули и на их месте показались зелёные листочки.

Прогуливаясь по тропинкам, ощущаешь вокруг неудержимую работу могучих и молчаливых сил природы. Влажная земля словно пахнет сочными плодами. Повсюду раскинулись зелёные ветви деревьев. Маленькие веточки распрямились от переполнившего их сока, и влажный, тяжёлый воздух Англии пронизан тонким ароматом смолы.

Над изгородями – почки, за изгородями – ягнята. Повсюду зарождается жизнь. Внешнюю её сторону я вижу, а внутреннюю ощущаю.

У нас тоже есть своя весна, когда маленькие артерии наши расширяются, жизненные силы, точно вешние соки, бьют через край, а железы с удвоенной силой трудятся над выработкой этих соков и их очисткой. Все годы нашей жизни природа неустанно занимается починкой механизма человеческого тела.

В этот самый миг я ощущаю в себе брожение крови и готов порхать словно мошка в освежающем луче, который заходящее солнце шлёт мне через окно.

Ещё немного и я бы пустился в пляс, меня удержало лишь опасение, что Чарльз Сэдлер примчится снизу взглянуть, что тут такое творится.

Нет, мне не следует всё-таки забывать, что я – профессор Джилрой.

Какой-нибудь убелённый сединами профессор может позволить себе роскошь быть естественным, но если фортуна дала одну из первых кафедр Университета человеку сорока трёх лет, то ему приходится прикладывать усилия, чтобы быть на высоте положения.

Славный малый этот Вильсон.

Если бы только я мог вложить в физиологию столько энтузиазма, сколько он – в свою психологию, я давно бы стал по меньшей мере вторым Клодом Бернаром.

Все свои жизненные и душевные силы он направляет к одной заветной цели. Засыпая, он перебирает в уме результаты, полученные за день, а просыпаясь, намечает план исследований на начавшийся день.

И тем не менее, не считая весьма ограниченного круга знакомых, о Вильсоне и его работе мало кто знает.

Физиология же наука признанная. Если мне удаётся внести в неё хоть какую-то лепту, то все это видят и приветствуют мой успех.

Но Вильсону до всего этого нет дела: он стремится заложить фундамент будущей науки. Вся работа его проходит как бы под землёй и остаётся невидимой окружающим.

И всё же он без жалоб делает своё дело. И переписывается с сотнею других таких же одержимых.

В надежде найти хоть одно достоверное свидетельство, он тщательно изучает десятки и десятки научных подлогов, и в результате случай позволяет ему найти лишь ничтожную песчинку истины. Он роется в старых книгах и «глотает» новые. Ставит опыты, читает лекции. И всеми силами стремится разжечь в других страсть, снедающую его самого.

Я преисполнен удивления и восхищения, когда думаю о нём, и всё-таки, когда он предлагает мне присоединиться к его исследованиям, я всякий раз вынужден объяснять, что в нынешнем своём состоянии они мало привлекательны для человека, решившего посвятить себя точной науке.

Покажи Вильсон мне что-нибудь положительное, что-нибудь действительно объективное, я, быть может, и заинтересовался сим предметом не на шутку и углубился бы в него столь же рьяно, как сейчас углублён в физиологию.

Но, поскольку половина его субъектов запятнала себя шарлатанством и фиглярством, а другая оказалась подвержена истерии, то нам, физиологам, сегодня ничего иного не остаётся, как заниматься телом, а исследование души предоставить нашим потомкам.

Несомненно, я матерьялист. Агата даже утверждает, что я чудовищный матерьялист. А я ей отвечаю: это ли не прекрасный повод поскорее перейти от нашей помолвки к свадьбе; мне очень не хватает духовной поддержки, и я думаю, что, при всём моём матерьялизме, Агата бы мне сильно помогла.

И тем не менее я могу сойти за курьёзный пример того влияния, какое образование оказывает на наш темперамент, ибо, если только я не строю иллюзий на собственный счёт, то я по природе человек чрезвычайно *психичный*, т.е. на мне легко проводить исследования в психической области.

Я был весьма беспокойным, впечатлительным ребёнком, предавался мечтам, был подвержен сомнамбулизму, полон предчувствий.

Чёрные волосы, тёмные глаза, худое и смуглое лицо, точёные пальцы — всё это характеризует мой темперамент; не случайно такой знаток физиогномики, как Вильсон, проявляет ко мне необычайный интерес и подспудно принимает меня за своего.

Но мой мозг словно пропитан точной наукой. Я привык признавать лишь факты и то, что поддержано доказательствами. В моём мышлении нет места предположению и вымыслу.

Покажите мне объект, который я могу наблюдать в микроскоп, разрезать скальпелем и взвесить на весах – я всю жизнь посвящу его изучению. Но если вы предложите мне взять в качестве объекта исследования чувства, впечатления, внушения, то вы тем самым предложите мне заняться делом для меня весьма неприятным, к которому я питаю искреннее отвращение.

Отход от чистого разума раздражает меня точно так же, как скверный запах или неблагозвучная музыка.

Вот почему я сейчас всячески оттягиваю свой вечерний визит к Вильсону.

Однако, похоже, невозможно уклониться от приглашения — это будет слишком невежливо, и теперь, когда туда идут госпожа Марден и Агата, я не могу не пойти, даже если б мне и удалось отказаться.

И всё же, я бы предпочёл встретиться с ними в каком-нибудь ином месте, неважно где.

Я знаю, что Вильсон опять попытается заманить меня, насколько то в его силах, в туманную полу-науку, которую он культивирует. Энтузиазм делает его равно недоступным как неодобрительным мнениям, так и предостережениям.

Только серьёзная ссора сможет дать ему представление о том отвращении, какое во мне вызывают психические исследования.

Совершенно уверен, что у него будет какой-нибудь новый месмерист, или ясновидец, какой-то медиум или выделыватель фокусов, который опять обведёт нас вокруг пальца.

Всё это, разумеется, весьма неприятно, но, во всяком случае, для Агаты это будет настоящий праздник. Такие вещи её весьма интересуют, поскольку женщин вообще увлекает всё непонятное, таинственное, неопределённое.

10 часов вечера. Привычка вести дневник проистекает, как мне кажется, от научного склада моего ума, о чём я писал сегодня утром.

Люблю записывать впечатления, пока они ещё совсем свежи в памяти.

По меньшей мере раз на дню я тем самым стремлюсь определить и проанализировать состояние своего ума.

Такая практика весьма полезна для самоанализа, и я склонен думать, что это придаёт твёрдости характеру.

А мой — должен честно признаться — весьма нуждается в том, чтобы я делал всё возможное для его укрепления. Я опасаюсь, как бы однажды мой невротический темперамент не взял верх и я не оказался бы тогда вдали от той холодной и спокойной точности, что так выгодно отличает Мэрдока или Пратт-Голдейна.

Ведь если бы не этот мой темперамент, едва ли несообразные выходки, свидетелем коим я был сегодня вечером, расстроили бы мои нервы настолько, чтобы довести меня до потрясения.

Единственное, что меня несколько утешает, так это то, что ни Вильсон, ни мисс Пенклоса, ни даже Агата, не могли ничего заподозрить о моей слабости.

А что, в самом деле, меня так разволновало? Да ничто, сущий пустяк, вызывающий у меня сейчас улыбку, когда я пишу об этом. Агата с матерью пришли раньше меня. Я

действительно явился позже всех и застал в комнате уже множество гостей.

Едва я успел перемолвиться словом с госпожой Марден и Агатой – она была очаровательна в своём красно-белом туалете с блестящими колосками-заколками в волосах – подошёл Вильсон и потянул меня за рукав.

– Вам требовалось нечто положительное, Джилрой, – объявил он, увлекая меня в угол. – Так вот! дорогой друг, у меня здесь феномен, настоящий феномен!

Могло ли это произвести на меня большое впечатление, если я прежде не раз слышал от него подобные заверения? В своём энтузиазме Вильсон готов превратить светляка в звезду.

– На сей раз, дорогой мой, сомнения в достоверности исключаются, – заявил он, быть может, отвечая на ироничное выражение, промелькнувшее в моём взгляде. – Моя супруга знакома с нашим феноменом уже давно. Они обе, знаешь ли, из Тринидада. Мисс Пенклоса в Англии всего лишь пару месяцев, никого за пределами университетского кружка не знает, но уверяю тебя: сказанного ею уже вполне достаточно, чтобы установить её способность к ясновидению на самой научной основе. Она не имеет равных ни среди любителей, ни среди профессионалов. Пойдём, я тебя представлю.

Я не жалую профессиональных торговцев тайнами, а любители такого рода меня ещё менее прельщают.

Одно дело, когда вы находитесь в присутствии платного исполнителя. Тогда вы хотя бы можете подскочить к нему и тут же разоблачить, коль скоро вы поняли, в чём, собственно, состоит его трюк. Он пришёл сюда, чтобы обмануть вас, а вы – чтобы уличить его.

Но что вы можете сделать, когда перед вами подруга хозяйки дома? Разве станете вы неожиданно включать свет, чтобы все удостоверились, как она в темноте манипулирует своими хитроумными орудиями? Или, быть может, вы станете брызгать краской ей на вечернее платье, пока она воровато бегает по комнате, перемещая свою светящуюся склянку и проделывая всякие плоские фокусы, являющиеся якобы проявлением потусторонних сил?

Получится конфуз, а вас сочтут невежей. Невелик же выбор ролей, отведённых вам при подобном сценарии: либо вы невежа, либо простофиля!

А потому я был не в очень-то хорошем расположении духа, когда в сопровождении Вильсона шёл знакомиться с этой дамой.

По ней никак нельзя было сказать, что она из Вест-Индии. Маленькая, хрупкая, ей, думаю, может быть уже за сорок, лицо худое и заострённое, волосы каштанового цвета. Наружность её в высшей степени непримечательна, а манеры весьма сдержанны. Окажись она среди десятка других женщин, то она бы в последнюю очередь привлекла к себе ваше внимание.

Несомненно, самым примечательным в ней были глаза, но надо сказать, что и они далеко не привлекательная часть её физиогномии: серые, немного зеленоватые, общее их выражение произвело на меня впечатление неискренности.

Да нет, неискренность, пожалуй, даже не то слово. Жестокость — вот что, наверное, всего более подходит. Хотя нет, и это не то. Во взгляде мисс Пенклосы было что-то кошачье, коварное. Костыль, прислонённый тут же к стене, сообщил мне о ещё одной неприятной особенности её облика, и когда она встала, я увидел, что она действительно сильно хромает на одну ногу.

Итак, я был представлен мисс Пенклосе, и от меня не укрылось, что когда Вильсон произнёс моё имя, она бросила взгляд в сторону Агаты.

Значит, Вильсон ей уже всё рассказал.

Конечно, подумалось мне, она сейчас сообщит, что ей оккультным образом известно, будто я обручён с одной молодой особой, у которой хлебные колоски в волосах. Интересно бы знать, как много Вильсон рассказал ей обо мне.

 Профессор Джилрой – страшный скептик, – заметил он. – Надеюсь, мисс Пенклоса, вам удастся его убедить.

Она внимательно посмотрела на меня.

- Профессор Джилрой совершенно прав, предпочитая оставаться скептиком, раз уж ему не было предъявлено ничего убедительного. Но мне, между прочим, кажется, сказала она, обращаясь ко мне, что вы и сами могли бы быть превосходным медиумом.
  - Почему вы так считаете, позвольте вас спросить?

- Ну, например, по причине месмеризма.
- Опыт, однако, показал мне, что месмеристы берут в качестве субъектов лиц с повредившимся рассудком. И я полагаю, что все результаты, достигнутые ими, искажены тем обстоятельством, что они имеют дело с ненормальными организмами.
- Тогда скажите мне, какая из этих дам обладает, на ваш взгляд, нормальным организмом? спросила она. Я хотела бы, чтобы вы сами выбрали того человека, которого полагаете наиболее уравновешенным. Возьмём, например, девушку в красно-белом туалете, мисс Агату Марден. Так её, кажется, зовут?
  - Да, я придал бы определённую значимость результатам, достигнутым с её помощью.
- Я, разумеется, не могла проверить, до какой степени она впечатлительна. Совершенно естественно, что некоторые люди реагируют значительно быстрее других. Могу ли я спросить, до каких пределов простирается ваш скептицизм? Надеюсь, вы допускаете реальность месмерического сна и силы внушения?
  - Я ничего не допускаю, мисс Пенклоса.
- Ах, Боже мой! я-то полагала науку более продвинутой. Разумеется, я ничего не смыслю в научной стороне дела. Я знаю только то, что могу сделать сама. Вот видите там девушку в красном платье, возле японской вазы. Сейчас я сделаю так, что она подойдёт к нам.

Говоря это, она наклонилась и уронила веер.

Девушка обернулась и направилась в нашу сторону с вопросительным видом, как если бы её кто позвал.

– Ну, что ты на это скажешь, Джилрой? – восторженно воскликнул Вильсон.

Я не рискнул высказать, что я об этом думаю. На мой взгляд, всё это было полнейшим бесстыдством, самым бессовестным обманом, какой мне когда-либо доводилось видеть.

Наличие сговора и сигнал не то что не вызывали сомнений, но просто бросались в глаза.

- Профессор Джилрой, как видно, не удовлетворён, прокомментировала она, буквально впиваясь в меня своими странными прищуренными глазами. Вся заслуга этого опыта досталась моему вееру. Ну, хорошо. Попробуем что-нибудь ещё. Мисс Марден, вы не будете иметь ничего против, если я вас усыплю?
- О, нисколько. Напротив, мне было бы весьма интересно, с готовностью ответила Агата.

В эту минуту нас обступили собравшиеся. Мужчины с белыми манишками, женщины с декольтированной белоснежной грудью. На одних лицах было ожидание чуда, другие же выражали лишь полное внимание: казалось, сейчас произойдёт нечто, схожее одновременно с религиозной церемонией и с представлением, даваемым магом-волшебником.

На середину комнаты выдвинули кресло красного бархата. Агата расположилась в нём, зардевшись и слегка дрожа при мысли об эксперименте, насколько я мог судить по колеблющимся колоскам в волосах.

Мисс Пенклоса встала со стула и склонилась над ней, опершись на свой костыль.

И вдруг эта женщина преобразилась. От её нерешительности и даже, как казалось, низкого роста не осталось и следа.

Она словно выросла на несколько дюймов и помолодела лет на двадцать.

Глаза заблестели, на блеклых щеках заиграл румянец. Лицо стало юным.

Произошло то же, что происходит со скучающим и рассеянным молодым человеком: стоит ему предложить дело, в котором он может показать свои силы, – и он тотчас загорается, в глазах азарт, задор.

Мисс Пенклоса бросила на Агату такой взгляд, который ранил меня до глубины души.

Точно так римская императрица смотрит на рабыню, стоящую перед ней на коленях.

Затем резким и повелительным жестом она вскинула руки и начала медленно опускать их перед Агатой.

Я внимательно следил за Агатой. Первые три пасса, казалось, лишь позабавили её. Но при четвёртом я заметил некоторое остекленение взгляда и незначительное расширение зрачков.

При шестом возникла временная регидность.

При седьмом веки начали опускаться.

При десятом глаза застыли. Дыхание сделалось медленнее и громче обычного.

Наблюдая происходящее, я силился сохранить своё научное хладнокровие, но вместо этого ощущал себя во власти какого-то беспричинного и лихорадочного волнения.

Надеюсь, мне удалось хотя бы не подать вида, но я испытывал то же, что ребёнок, попавший в темноту.

Никогда бы не подумал, что могу ещё быть подвержен подобной слабости.

- Она в глубоком трансе, возвестила мисс Пенклоса.
- Она всего лишь спит! воскликнул я.
- Ну что же, разбудите её.

Я тряс Агату за руку, кричал ей в ухо.

Но тщетно, с тем же успехом я мог бы кричать мертвецу.

Тело Агаты покоилось на мягком сидении. Организм был в целости и сохранности; работа лёгких и сердца не прекращалась. Но душа? Она как будто ускользнула в потусторонний мир. Что с нею сталось? Какая сила изгнала её?

Я был заинтригован и повергнут в замешательство.

- Извольте удостовериться: месмерический сон, который игнорирует наука, объявила мисс Пенклоса. Что до внушения, то всё, что я сейчас скажу мисс Марден, она непременно исполнит либо сейчас, либо по пробуждении. Вы просите доказательств этому?
  - Разумеется, ответил я.
  - Что ж, вы их получите.

На лице у неё мелькнула улыбка, как будто мисс Пенклосе пришла на ум забавная идея.

Она наклонилась и с самым серьёзным видом прошептала что-то на ухо мисс Марден.

Агата, бывшая столь безучастной к моим призывам, кивнула в знак согласия.

– Проснитесь! – воскликнула мисс Пенклоса, с силой ударив костылём в пол.

Веки дрогнули и поднялись, взгляд мало-помалу принял осмысленное выражение; душа проглянула в нём, точно после мимолётного затмения.

Мы ушли рано.

Пережитое, казалось, не произвело на Агату никакого впечатления; что до меня, то я нервничал и был совершенно расстроен. Я даже оказался не в состоянии понять поток комментариев, который обрушил на меня Вильсон, и ничего ему не ответил.

Когда же я прощался с мисс Пенклосой, она вложила мне в руку какую-то бумажку.

– Прошу Вас, не взыщите, – сказал она, – если я принимаю меры предосторожности, чтобы одолеть ваш скептицизм. Вскройте это письмо завтра, но не раньше десяти утра. Думаю, что подобный способ личного контроля покажется вам убедительным.

Ума не приложу, что она имеет в виду, но я исполню её просьбу – прочту записку в указанное время.

Сильно болит голова, обрываю записи, на сегодня достаточно.

Завтра, я уверен, всё, что сейчас выглядит необъяснимым, предстанет совершенно в ином свете.

Я не откажусь от своих убеждений без боя.

25-го марта. Ошеломлён, потрясён.

Ясное дело, я должен ещё раз подумать: не ошибочно ли моё мнение о месмеризме.

Но прежде всего расскажу, что же всё-таки произошло.

Я кончил завтракать и принялся рассматривать диаграммы, с помощью которых надеюсь придать ясности моему сегодняшнему уроку, когда вошла экономка и сказала, что Агата ждёт в моём кабинете и что ей необходимо немедленно меня видеть.

Я взглянул на часы, и с недоумением увидел, что всего лишь половина десятого.

Когда я вошёл в комнату, Агата стояла перед камином, лицом ко мне.

В её осанке было что-то такое, что повергло меня в крайнее замешательство, и слова приветствия замерли у меня на губах.

Вуаль на лице моей невесты была приспущена, но я видел, что Агата бледна и ей не по себе.

– Остин, – сказала она. – Я пришла сообщить Вам, что наша помолвка расторгнута.

У меня потемнело в глазах, я почувствовал обморочную слабость – и вынужден был прислониться к книжному шкафу.

- Но позвольте... залепетал я. Агата, ваше решение несколько поспешно.
- Да, Остин. Я пришла сказать Вам, что наша помолвка расторгнута.
- Да нет же! воскликнул я. Извольте объясниться. Право, это так на вас не похоже, Агата. Скажите, неужели я имел несчастье оскорбить Bac?
  - Всё кончено, Остин.
- Но почему, Агата? Вас, должно быть, ввели в заблуждение. Вам, наверное, рассказали обо мне какую-то гнусную ложь? Или вы неверно истолковали мои слова. Скажите, в чём моя вина? В чём, собственно, дело? Одного вашего слова хватит, чтобы всё исправить!
  - Считайте, что я освобождаю вас от обязательств.
- Но вчера вечером, когда мы расстались, между нами не было и тени недоразумения. Что могло произойти за это время? Отчего вы так переменились? Это, верно, произошло вчера вечером. Вы вспомнили о чём-то и не одобрили моего поступка. Уж не моё ли отношение к месмеризму тому причина? Вы рассердились на меня за то, что я позволил этой женщине проводить с Вами свой дурацкий опыт? Но вы же знаете, что при малейшем признаке вашего неудовольствия я бы немедленно вмешался?
  - Не к чему говорить об этом, Остин. Между нами всё кончено.

Голос Агаты был какой-то невыразительный, в тоне не чувствовалось убеждённости. Во всей осанке сквозило что-то неуловимо принуждённое и неестественное.

Тем не менее было ясно, что Агата решительно не желает вдаваться в какие-либо объяснения и устраивать сцены.

Не так однако было со мной. Я буквально дрожал от возбуждения, пришлось даже отвернуться. Мне было стыдно показать Агате, что я до такой степени утратил контроль над собой.

— Вы должны знать, что это для меня значит! — вскричал я. — Это крушение моих надежд. Вы одним махом взяли и разрушили мою жизнь! Надеюсь, вы хотя бы выслушаете меня и скажете наконец, в чём дело. Неужели вы думаете, что и я поступил бы с Вами так же, при каких бы то ни было обстоятельствах? Ради Бога, Агата, скажите, в чём я провинился перед Вами!

Она молча проследовала мимо и уже открыла дверь.

– Не вижу смысла что-либо объяснять, Остин, – ответила Агата. – Считайте нашу помолвку расторгнутой.

И она ушла, оставив меня в оцепенении. Прийдя в себя, я услышал, как за ней закрылась входная дверь.

Я бросился в комнату и принялся одеваться. Быть может, миссис Марден знает, какова причина свалившегося на меня несчастья.

Я был в столь лихорадочном возбуждении, что мне стоило немалых трудов завязать ботинки.

Никогда не забуду эти ужасные 10 минут.

Едва я надел пальто, как часы на камине пробили 10.

10 часов! Я вспомнил о записке мисс Пенклосы. Записка лежала на столе. Я подбежал и развернул её. Она была написана карандашом, весьма примечательным квадратным почерком.

Вот что в ней говорилось:

«Дорогой профессор Джилрой!

Прошу извинить, что мой опыт затронул Вашу личную жизнь, в которую я не смею вторгаться.

Профессор Вильсон случайно упомянул о Ваших отношениях с моим сегодняшним субъектом, и я подумала, что ничто не сможет для Вас быть более убедительным, нежели указание, внушённое мною мисс Марден, нанести Вам визит завтра в половине десятого утра с тем, чтобы сообщить, будто Ваша помолвка расторгнута, каковое расторжение и должно будет продлиться около получаса.

Наука столь требовательна, столь взыскательна, что весьма затруднительно предложить ей такое средство контроля, которое бы могло её удовлетворить. Но я уверена, что подобное средство будет выглядеть вполне убедительно, поскольку субъект в данном случае всего менее расположен совершить это действие по собственной доброй воле.

Каков бы ни был результат, забудьте о нём: субъект в данном случае совершенно ни при чём, и у Вашей избранницы сердца не останется ни малейшего воспоминания о пережитом опыте.

Пишу эти строки, чтобы Вас успокоить и попросить прощения за мимолётное страдание, которое, вероятно, я доставила Вам своим опытом».

И в самом деле, когда я прочёл записку, то испытал несказанное облегчение и был не в состоянии сердиться.

Конечно же, это на редкость бесцеремонно со стороны женщины, с которой я едва знаком. Но в то же время надо признать, что я сам спровоцировал её своим скептицизмом. Меня и в самом деле трудно убедить. Вот она и выбрала этот способ.

Мне и вправду нечего возразить, опыт оказался весьма убедителен. Гипнотическое внушение действительно имело место и стало теперь для меня твёрдо установленным фактом.

Приходится признать: Агата, самая уравновешенная из женщин, которых я знаю, была доведена до бессознательного автоматического состояния.

Другое лицо, находящееся на значительном удалении, заставило её двигаться наподобие того, как инженер управляет движением торпеды Бреннана.

Душа гипнотизёра вкралась в неё, изгнала её душу, завладела нервным аппаратом, как бы говоря: «Я буду распоряжаться твоим телом в течение получаса».

Агата, с момента её прихода и до самого ухода, должна была находиться в бессознательном состоянии.

Но как она в таком состоянии шла по улице, не подвергаясь при этом опасности?

Я взял шляпу и спешно вышел, чтобы убедиться, что с Агатой всё в порядке.

Да. Она была у себя.

Меня провели в салон, где я застал свою невесту с книгой на коленях.

- Вы наносите ранние визиты, Остин, сказал она с улыбкой.
- Да, но во всяком случае не столь ранние, как Вы, дорогая Агата, ответил я.

Мои слова явно заинтриговали её.

- Что вы хотите этим сказать?
- Разве вы сегодня никуда не выходили?
- Выходила? Куда я могла выходить?
- Агата, сказал я как нельзя более серьёзно, вас не затруднит подробно описать мне, чем вы занимались сегодня утром?

Мой строгий вид её позабавил.

- Остин, сегодня вы говорите со мной как настоящий профессор. Вот что значит быть невестой учёного! Но я всё-таки скажу Вам, чем я занималась, хотя мне и непонятно, что тут для вас интересного. Я встала в восемь часов. Позавтракала в восемь тридцать. В 9.10 пришла в эту комнату и принялась читать «Мемуары» мадам де Ремюза. И через несколько минут воздала должное этой французской даме заснула за её книгой, а также и Вам, сударь, поскольку видела вас во сне, что должно быть для вас как нельзя более лестным. И проснулась я всего лишь несколько минут назад.
  - И что, вы оказались там же, где были до этого?
  - А как бы я смогла оказаться в другом месте, позвольте вас спросить?
- Если не трудно, Агата, расскажите, что вам снилось обо мне? Уверяю, что мной движет не простое любопытство.
- У меня лишь смутное впечатление, что в этом сне вы играли какую-то роль. Но точно я ничего не помню.
  - Если сегодня вы никуда не выходили, то тогда почему, Агата, ваши туфли в пыли?
     На лице её отразилась растерянность.
- Остин, что такое с Вами сегодня? Можно подумать, что вы мне не верите. Да, мои туфли в пыли наверное, я надела пару, которую служанка не почистила со вчерашнего дня.

Было совершенно очевидно, что Агата ничего не знает, и я решил: пусть лучше она пребывает в неведении. Если бы я стал объяснять случившееся, то, пожалуй, испугал бы её, и ничего хорошего бы из того не получилось. Поэтому я сменил тему и вскоре откланялся: мне

надо было итти в Университет.

Случившееся произвело на меня неизгладимое впечатление.

Горизонт научных возможностей для меня сразу же неимоверно раздвинулся. Меня больше не удивляют энергия и дьявольский энтузиазм Вильсона. Ещё бы ему не работать рьяно! Он чувствует: стоит протянуть руку – и коснёшься огромного, невозделанного исследовательского поля.

Да, я помню, какое воодушевление я испытал, когда увидел, что ядро клетки принимает новую форму, или когда рассматривал все подробности мышечного волокна при трёхсоткратном увеличении.

И как всё-таки ничтожны подобные изыскания в сравнении с теми, что затрагивают самые основания жизни и природы души человеческой!

Я всегда считал дух производным материи. Ум, полагал я, вырабатывает мысль точно так же, как печень жёлчь.

Но можно ли утверждать такое теперь, когда я вижу, что дух воздействует на материю на расстоянии, играя на ней, словно музыкант на скрипке?

Отныне я вынужден признать, что тело не порождает души. Оно скорее лишь грубый инструмент, посредством которого проявляется дух. Так ветряная мельница не порождает ветра, а служит лишь его проявлением. Вот что противоречило всем моим устоявшимся мыслям и однако, вне всякого сомнения, оказалось возможным и стоит тщательного изучения.

И почему мне, собственно, воздерживаться от изучения этой области? Вчера ведь я написал: «Покажи Вильсон мне что-нибудь положительное, что-нибудь действительно объективное, я, быть может, и заинтересовался сим предметом не на шутку и углубился бы в него столь же рьяно, как сейчас углублён в физиологию».

Ну что ж! нечто положительное и объективное мне было предъявлено. И я сдержу слово, данное самому себе. Исследование этой области, я уверен, представляет огромный интерес.

Некоторые мои коллеги смотрят на данную тему искоса: наука действительно полна предрассудков, чуждающихся рассуждения. Но если у Вильсона хватает смелости отстаивать свои убеждения, то и я могу позволить себе то же самое.

Завтра утром я обязательно зайду к нему и к мисс Пенклосе. Наверняка, её возможности не исчерпываются только тем, что она нам продемонстрировала. От неё естественно ожидать и большего.

26-го марта. Вильсон, как я и думал, в восторге от моего обращения. Что до мисс Пенклосы, то при всей её сдержанности видно, что она довольна удавшимся опытом.

Странная она женщина, право слово. Молчаливая, неинтересная, но когда проявляет свои способности, буквально преображается.

Стоит ей только сесть на своего конька, и от её бесцветности и вялости не остаётся и следа.

Странно, но мне кажется, что мисс Пенклоса мною интересуется. Я невольно замечал, что она следит за каждым моим шагом.

У нас была на редкость интересная беседа о её чрезвычайных способностях.

Постараюсь передать её способ вuдения, хотя, конечно же, за ним нельзя признать научной значимости.

- Вы находитесь лишь на подступах к самому предмету, сказала мисс Пенклоса, когда я выразил ей своё изумление по поводу удивительного случая суггестии*, продемонстрированного мне накануне. Когда мисс Марден пришла к Вам, у меня не было никакого прямого влияния на неё. Сегодня утром я даже не думала о ней. Вчера я всего лишь настроила её ум подобно тому, как я бы завела будильник, чтобы он зазвонил в назначенное время. Если бы действие внушения проявилось не через двенадцать часов, а через 6 месяцев, всё произошло бы точно так же.
  - А если бы вы внушили мисс Марден убить меня?
  - Она бы неминуемо исполнила это.

^{*} суггестия («suggestio», лат.) – внушение (Π . Γ .)

- Но тогда это ужасная, чудовищная способность! вырвалось у меня.
- Да, это действительно ужасная, чудовищная способность, вы совершенно правы, строго ответила мисс Пенклоса. – И чем больше вы о ней узнаете, тем ужаснее, чудовищнее она вам покажется.
- Могу я вас спросить, сказал я, что именно вы имели в виду, говоря, будто внушение лишь подступ, преддверие проблемы? Что вы считаете здесь главным?
  - Я бы предпочла вам этого не открывать.

Я поразился силе, прозвучавшей в её словах.

- Вы понимаете, что я задал этот вопрос не из праздного любопытства, но в надежде найти научное объяснение фактам, которые вы мне представили.
- Профессор Джилрой, ответила она, честно признаюсь Вам: наука меня ни в коей мере не интересует. Какое мне дело, сможет она или нет как-то объяснить эти явления?
  - Но я надеялся...
- А, это совсем другое дело! Если это интересует лично Вас, сказала она с самой очаровательной улыбкой, то я с удовольствием отвечу на любые ваши вопросы. Так о чём вы меня спрашивали? Ах, да, насчёт моих необычайных способностей. Профессор Вильсон никак не желает в них поверить, но они тем не менее существуют. Так, например, гипнотизёр вполне в состоянии обрести полную власть над своим субъектом, при условии что последний достаточно восприимчив. И гипнотизёру тогда нет нужды в каких-либо предварительных внушениях, он может сразу заставить субъекта сделать то, что захочет.
  - И субъект не поймёт, что с ним происходит?
- Это зависит от разных обстоятельств. Если сила приложена достаточно энергично, субъект совершенно не поймёт, что с ним происходит. Как, например, мисс Марден, когда она пришла к вам и нагнала на вас такого страху. Даже если влияние не столь сильно, субъект, отдавая отчёт в своих поступках, всё равно не сможет противиться внушению.
  - Тогда, получается, он лишится силы воли?
  - Нет, просто она будет подчинена внешней воле, оказавшейся сильнее.
  - Ну, а сами вы пользовались этой способностью?
  - Много раз.
  - Значит, у вас очень сильная воля.
- Но это не единственное из необходимых условий. У очень многих людей сильная воля, однако они не могут спроецировать её за пределы себя. Самое главное здесь это умение направлять волю на другую личность, с тем чтобы вытеснить волю субъекта. Я замечала, что эта способность изменяется у меня в зависимости от состояния здоровья и сил.
  - Короче говоря, вы направляете свою душу в тело другого человека?
  - Можно сказать и так.
  - А что делает в это время ваше собственное тело?
  - Оно попросту находится в состоянии летаргии.
  - Но нет ли в этом какой опасности для вашего собственного здоровья?
- Небольшая опасность есть. Нужно всё время внимательно следить за своим сознанием, не позволяя ему ускользнуть полностью, иначе будет нелегко вновь обрести себя. Нужно постоянно сохранять связь, «коннексию», так сказать. Боюсь, что изъясняюсь в терминах весьма неточных, профессор Джилрой, но я не знаю, как придать этим вещам более научную форму. Во всяком случае, я говорю лишь о том, что испробовала и проверила.

Сейчас, перечитывая написанное, удивляюсь самому себе.

И это я, Остин Джилрой, чья несгибаемая логика и преданность фактам известны в Университете и за его пределами!

И что же! С самым серьёзным видом я сижу и записываю фантазии женщины, заявившей, будто она способна спроецировать свою душу за пределы собственного тела, и что, находясь в летаргии, она может издали направлять действия других людей!

И я должен согласиться?

Разумеется, нет!

Пусть она прежде докажет наглядно и недвусмысленно, а так я не уступлю ни на йоту. И всё же, если я и остался скептиком, то перестал быть насмешником.

Сегодня вечером у нас будет сеанс магнетизации, пусть же мисс Пенклоса попробует

оказать на меня месмерическое влияние.

Если ей это удастся, отлично. Это станет отправной точкой моих дальнейших поисков.

Как бы то ни было, никто не сможет обвинить меня в пособничестве.

Если же у мисс Пенклосы ничего не получится, постараемся отыскать для неё такого субъекта, который, как и жена Цезаря, будет вне подозрений.

Вильсон едва ли подходит: он совершенно не поддаётся внушению.

10 часов вечера. Думаю, что нахожусь на пороге великих, эпохальных открытий.

Иметь возможность изучать загадочные явления изнутри, обладать организмом, способным реагировать на эти явления, и мозгом, оценивающим и контролирующим их, – несомненное преимущество, выпавшее на мою долю.

Уверен, Вильсон охотно пожертвовал бы пятью годами жизни ради той восприимчивости, в существовании которой у себя я убедился на опыте.

На сеансе не было никого, кроме Вильсона и его жены.

Я сидел, откинув голову назад. Мисс Пенклоса стояла передо мной, несколько слева, и делала те же самые пассы, какие накануне усыпили Агату.

После каждого пасса, я чувствовал поток тёплого воздуха, который, казалось, вызывал во мне дрожь и какой-то жар, охватывающий тело со всех сторон.

Я не сводил глаз с лица мисс Пенклосы, но постепенно черты её утрачивали ясность и в конце концов совершенно растворились.

Я сознавал, что вижу теперь только её глаза, серые, неподвижные, бездонные, глядящие в глубь меня. Они растут, ширятся и под конец превращаются в два горных озера, в которые я падаю из поднебесья с ужасающей быстротой.

Я вздрогнул, и в тот же миг в глубинах сознания возникла догадка, что эта дрожь есть не что иное, как фаза ригидности, которую я наблюдал накануне у Агаты, когда он покоилась в этом кресле.

Ещё через мгновение я достиг поверхности озёр, слившихся уже в одно, и погрузился в его воды с ощущением тяжести в голове и всплеском в ушах. Я скользил под водой всё вниз и вниз, а затем начал стремительно подниматься наверх, стремясь увидать свет, разлившийся по разбегающимся волнам зелёных вод.

Я был возле самой поверхности воды, когда слово «проснитесь!» зазвучало в моей голове: я подпрыгнул и увидел, что сижу в кресле в обществе мисс Пенклосы, стоящей передо мной, опершись на костыль, и Вильсона, который с записной книжкой в руке смотрел на меня из-за плеча.

У меня не осталось какого-либо ощущения тяжести или усталости.

Напротив, хотя после опыта прошёл только час, чувствую себя настолько бодрым, что скорее готов остаться в кабинете и работать за столом до утра, нежели отправиться в постель.

Я вижу, как передо мной разворачивается длинная серия опытов, и с нетерпением жду минуты, когда смогу наконец их начать.

27-го марта. Потерянный день.

Мисс Пенклоса поехала вместе с Вильсоном и его женой к Сеттонам.

Начал читать «Животный магнетизм» докторов Бинэ и Ферэ.

Сколь странная это область! Одни результаты. А что до причины, так полнейшая тайна!

Это подстёгивает воображение, но одновременно настораживает меня. Буду избегать заключений и дедукций, останусь на твёрдой почве фактов.

Я знаю теперь, что месмерический транс и внушение – реальность, и что сам я легко подвержен действию этой силы.

Таково моё настоящее положение.

 ${\sf Я}$ завёл новую толстую тетрадь для записей и буду вносить в неё только научные наблюдения.

Вечером долго беседовал с Агатой и её матерью о свадебных приготовлениях.

Мы думаем, что самое начало летних каникул – наиболее подходящая пора для свадьбы. Зачем ещё отклалывать?

Хотя осталось несколько месяцев, но время тянется мучительно долго, а миссис Марден

говорит, что нужно ещё многое уладить.

28-го марта. Был у мисс Пенклосы, и снова решился подвергнуться гипнозу. Опыт во многом походит на предыдущий, с тою лишь разницей, что потеря чувствительности наступила несколько быстрее. Смотреть «Журнал А», записи по поводу температуры в комнате, барометрического давления, пульса и дыхания, сделанные профессором Вильсоном.

29-го марта. Новый сеанс гипноза. Подробности в «Журнале А».

30-го марта. Воскресенье, потерянный день.

Меня раздражает всё, что прерывает наши опыты.

Пока что они не выходят за пределы физических признаков, сопровождающих потерю чувствительности, либо частичной, либо полной, либо крайней.

Затем мы намереваемся перейти к феноменам внушения и ясновидения.

Профессора уже доказали эти факты с помощью женщин-субъектов в Нанси и Сальпетриэре.

Доказательство будет теперь ещё убедительнее, когда его получит женщина-гипнотизёр на профессоре, свидетелем чему будет другой профессор. Ведь подумать только! Субъектом являюсь я – скептик и матерьялист! По меньшей мере я докажу, что моя верность науке взяла верх над желанием оставаться самим собой. Заставить нас отказаться от собственных слов – это самая большая жертва, какую наука может когда-либо потребовать от нас.

Мой сосед Чарльз Сэдлер, молодой, обаятельный прозектор анатомии, зашёл сегодня вечером вернуть том «Архивов Вирхова», когда-то одолженный мною. Я назвал его «молодым», но на самом деле он на год старше меня.

- Я узнал, Джилрой, сказал он, что вы проводите над собой опыты совместно с мисс Пенклосой.
- Так вот, продолжил он после того, как я подтвердил, на вашем месте, я бы не пошёл в этих опытах дальше. Несомненно, вы решите, что это большая дерзость с моей стороны, говорить вам такое. Но я считаю своим долгом предостеречь Вас: не поддерживайте с мисс Пенклосой никаких доверительных отношений!
  - Я, естественно, выразил недоумение.
- Я, видите ли, при всём желании не могу вдаваться в подробности, ответил он. Мисс Пенклоса тесно связана с одним из моих друзей так что моё положение довольно щекотливое. Могу сказать вам одно: эта женщина ставила опыты и надо мной, и они оставили у меня в памяти впечатление самое неприятное.

Напрасно он рассчитывал на то, что я удовлетворюсь столь скудными доводами; я приложил величайшие старания, дабы вытянуть из него подробности, но всё было тщетно.

Может быть, он просто ревновал из-за того, что я занял его место? Или, быть может, он один из тех учёных, которые воспринимают как личное оскорбление открытие фактов, опрокидывающих их предвзятые мнения?

Неужели он в самом деле полагает, будто я откажусь от опытов, которые, судя по всему, будут богаты результатами, и всё из-за того только, что у него есть какие-то неопределённые претензии?

Кажется, его задела та лёгкость, с которой я отнёсся к его туманным предостережениям, и мы расстались довольно холодно.

31-го марта. Загипнотизирован мисс Пенклосой.

1-го апреля. Загипнотизирован мисс Пенклосой. (Смотреть «Журнал А»).

2-го апреля. Загипнотизирован мисс Пенклосой (сфигмограмма, сделанная профессором Вильсоном).

3-го апреля. По-видимому, эти гипнотизации заметно влияют на общую конституцию. Агата говорит, что я похудел и что у меня под глазами наметились мешки.

Я замечаю за собой раздражительность, чего не бывало прежде. Так, при малейшем звуке я вздрагиваю, и глупость студента уже не забавляет меня, а бесит.

Агата хочет, чтобы я прекратил опыты, но я отвечаю ей, что любая исследовательская работа, если ею упорно заниматься, утомительна и что научные результаты не даются даром.

Когда она увидит, какую сенсацию произведёт моя статья об «Отношениях между духом и материей», то и сама признает, что не зря я потратил столько усилий.

Не удивлюсь, если в конце концов меня даже изберут членом Королевского Общества.

Вечером снова был загипнотизирован.

Воздействие производится теперь с гораздо большей быстротой, а субъективные видения менее выражены.

О каждом сеансе я делаю самые подробные записи в журнале.

Вильсон уезжает из города на восемь или десять дней, но мы не будем прерывать опыты, ценность которых зависит не столько от его наблюдений, сколько от моих ощущений.

4-го апреля. Мне необходимо быть начеку. В наши опыты вкралось осложнение, которого я ранее не принял в расчёт. В своём стремлении получить научные факты я был достаточно слеп: не учёл, что мы все люди, мисс Пенклоса и я.

Я могу здесь писать то, что не посмел бы сказать ни одной живой душе.

Несчастная, по всей видимости, в меня влюблена.

Я бы не высказал этого даже на страницах дневника, но дело зашло слишком далеко.

В течение последней недели, были некоторые признаки, которые я упорно не хотел замечать: её оживление с моим приходом, её уныние, когда я уходил, поспешность с которой она мне предлагает приходить почаще, выражение глаз, тембр её голоса.

Я делал всё возможное, чтобы не придавать этому значения, полагая, что это просто чересчур раскованные манеры людей из Вест-Индии.

Но прошлым вечером, когда я пробудился от гипнотического сна, я, сам того не ведая, потянулся к мисс Пенклосе и, не желая этого, пожал ей руки.

Когда я окончательно пришёл в себя, мы всё ещё сидели, держась за руки, и она смотрела на меня с тревожной улыбкой.

И что всего ужаснее: меня так и подмывало сказать то, что она ожидала услышать.

Сколь жалким лжецом я бы оказался! Какое отвращение я испытывал бы к себе самому, если бы в ту минуту поддался этому искушению!

Но, слава Богу, я нашёл в себе силы встать и выбежать из комнаты.

Боюсь, это выглядело грубо, но я ничего не мог поделать: ещё секунда – и я бы потерял власть над собой.

Я, дворянин, человек чести, обручённый с одной из самых очаровательных, прелестных девушек Англии, я чуть было не потерял рассудок, и, поддавшись слепой страсти, едва не признался в любви малознакомой женщине.

Мисс Пенклоса гораздо старше меня и к тому же – хромает!

Это чудовищно, отвратительно – и всё же побуждение было столь сильно, что если б я хотя минуту ещё побыл с нею, то обесчестил бы себя.

Что всё это значило?

Мне доверено преподавание, я объясняю студентам функции организма, а что я сам о нём знаю?

Было ли это пробуждением каких-то дремавших во мне стремлений, инстинктов животного предка, который попытался вдруг утвердиться?

 ${\it Я}$ уже был близок к тому, чтобы поверить в сказки об одержимости бесом, настолько сильным оказалось это чувство.

И вот данное происшествие ставит меня в весьма затруднительное положение.

С одной стороны, мне не хотелось бы отказаться от опытов, уже так продвинувшихся и обещающих блестящие результаты. С другой, если эта несчастная женщина воспылала ко мне страстью... Нет, не может быть, наверное, я всё-таки обманулся.

Она! В её возрасте, с её-то внешностью!

И наконец, мисс Пенклосе известно о моей свадьбе с Агатой. Она понимает, в каком положении я нахожусь.

Если она и улыбалась, то лишь потому, что её, быть может, позабавило, когда я в состоянии головокружения взял её за руку.

Во всём виноват мой полузагипнотизированный ум: превратно истолковав происходящее, он поспешил направить меня по ложному пути.

Мне бы хотелось убедиться, что это действительно так.

Взвесив все «за» и «против», я думаю, что лучше всего отложить наши опыты до приезда Вильсона.

Я тотчас написал мисс Пенклосе письмо. Не делая никаких намёков на последний вечер, уведомил, что неотложные дела вынуждают меня прервать сеансы на несколько дней.

Вскоре я получил ответ; довольно сухо мисс Пенклоса сообщала, что если я передумаю, то застану её дома в обычный час.

10 часов вечера. Так вот я, оказывается, какая тряпка!

С некоторых пор я начинаю лучше разбираться в себе, и по мере того, как узнаю себя, моё самоуважение постепенно исчезает.

Определённо, я не всегда был столь слаб, как сейчас.

В четыре часа дня я улыбнулся бы, если б мне сказали, что сегодня вечером я пойду к мисс Пенклосе, и тем не менее в восемь часов я был, как обычно, у дверей Вильсона.

Не знаю, как это случилось, — влияние привычки, я полагаю. Быть может, у подвергавшихся действию гипноза существует определённого рода голод на гипнотизацию, наподобие того как у курильщиков опиума, и я, получается, стал его жертвою.

Одно мне известно: работая у себя в кабинете, я с нарастающим волнением ощущал, что не могу усидеть на месте: я беспокоился безо всякой причины, никак не удавалось сосредоточить внимание на бумагах, лежащих передо мной. И тогда, наконец, даже не сознавая, что делаю, я схватил шляпу и поспешил на своё привычное свидание.

Вечер выдался интересный.

Мисс Пенклоса встретила меня как обычно, нисколько не удивившись, что я пришёл вопреки своей записке.

Казалось, вчерашнее происшествие не произвело на неё никакого впечатления, так что я мог, до известной степени, надеяться, что я несколько преувеличил.

6-го апреля, вечер. Нет, нет, я ничего не преувеличил.

Я не могу более закрывать глаза на очевидность: эта женщина воспылала ко мне страстью.

Это чудовищно, но это правда.

Нынешним вечером, пробудившись от месмерического транса, я вновь обнаружил, что моя рука лежит в её руке, а я не могу избавиться от отвратительного ощущения, как будто меня принуждают попрать собственную честь, своё будущее — всё на свете, и пасть к ногам этой твари, лишённой всякого земного очарования, как я это прекрасно вижу, когда нахожусь вне её влияния.

Но когда я нахожусь рядом с ней, то чувствую по-иному.

Она пробуждает во мне что-то дурное – нечто такое, о чём я не хотел бы думать. Она парализует всё лучшее в моей природе, поощряя недостойное и пагубное.

Определённо, не хорошо мне быть возле неё.

Последний вечер был опаснее предыдущего.

Вместо того, чтобы убежать, как ранее, я остался. Завладев моей рукой, мисс Пенклоса вникала в самые интимные темы. Среди прочего мы говорили об Агате.

Что именно?

Мисс Пенклоса утверждала, что Агата весьма заурядна, и я с ней... согласился!

Она ещё пару раз заговорила об Агате в мало лестных выражениях – и я не протестовал! Какой дрянью я был.

Но несмотря на проявленную слабость, я ещё не совсем ослеп и хорошо понимаю, чем чреваты эти сеансы.

Буду настороже.

У меня достанет здравого смысла: бежать, едва я почувствую, что отдаюсь во власть

этой женшине.

Начиная с нынешнего воскресного вечера, никаких сеансов с мисс Пенклосой!

Откажусь от опытов; оставлю эти изыскания; что угодно, только не это мучительное, чудовищное искушение, заставляющее меня так низко падать в собственных глазах!

Я ничего не сказал мисс Пенклосе: постараюсь держаться от неё подальше.

Она поймёт и без моих объяснений.

7-го апреля. Я не выходил из дома, как и решил.

Конечно, жалко оставить столь интересное исследование, но не губить же ради него свою жизнь, а я знаю, что эта женщина подчинит меня своей воле.

11 часов вечера. Помоги мне Бог! Что происходит?

Неужели схожу с ума?

Спокойно, спокойно, немного поразмыслим.

И прежде всего постараюсь в точности описать, что же произошло.

Когда я писал эти строки, было около восьми часов.

Я испытывал странное беспокойство, и вышел, чтобы провести вечер с Агатой и её матерью.

Обе они заметили, что я растерян и бледен.

Часам к девяти пришёл профессор Пратт-Гольдейн, и мы сели играть в вист.

Я делал отчаянные усилия, чтобы сосредоточить внимание на картах, но лихорадочное возбуждение лишь усилилось, и стало ясно, что мне с ним не справиться.

Я уже не владел собой.

В конце концов, во время раздачи карт, я бросил свои карты на стол. Пробормотав несвязные извинения по поводу какого-то свидания, я бросился вон из комнаты.

Смутно, как во сне, припоминаю, что пробежал через холл, сорвал шляпу с вешалки и громко хлопнул дверью.

Вновь вижу словно во сне газовые фонари на улице: мои забрызганные грязью ботинки как бы говорят, что я, должно быть, бежал не разбирая дороги.

Всё было словно в какой-то дымке, странное, нереальное.

Так я влетел в дом Вильсона.

Я видел миссис Вильсон и мисс Пенклосу.

Я почти не помню, о чём мы говорили, но вспоминаю, что мисс Пенклоса шутя пригрозила мне рукояткой трости, обвинила в опоздании и в том, что я больше не проявляю былого интереса к опытам.

Гипнотизации не было, но я пробыл некоторое время там, и вот только что вернулся.

Сознание вновь обрело ясность, и я могу размышлять о том, что произошло.

Нелепо приписывать всё случившееся слабости и силе привычки.

Прошлым вечером я пытался объяснить происходящее именно так, но теперь вижу, что дело гораздо серьёзнее и вместе с тем гораздо ужаснее.

Когда я сидел за карточным столом у госпожей Марден, казалось, на меня накинули петлю и тянут к этой женщине.

Я больше не могу скрывать это от самого себя.

Это чудовище держит меня в своей власти; но мне нужно сохранять хладнокровие и употребить весь свой ум на то, чтобы найти средство освободиться от её чар.

Но каким слепым глупцом я был однако!

В пылу исследовательского азарта я устремился прямо в пропасть, разверстую передо мной.

И разве злодейка меня не предупреждала? Разве не сказала она – и это записано у меня в дневнике – что, когда она приобретает власть над своим субъектом, то может заставить его делать всё, что угодно?

Именно такую власть она и обрела надо мной.

И вот я полностью в подчинении хромоножки. Жалкая игрушка её капризов, я должен делать то, что ей хочется.

И что хуже всего: я должен испытывать те чувства, которые ей нравятся.

Я испытываю к ней омерзение, я боюсь её, и всё же, когда я оказываюсь под магическим влиянием, несомненно, она может заставить меня любить себя.

Одно утешает: отвратительные побуждения, которыми я корил себя, идут не от меня, а от неё, хотя поначалу я об этом не догадывался.

Эта мысль утешительна: стало быть, дело не в моих дурных помыслах.

8-го апреля. Да, теперь, при свете дня, когда я совершенно спокоен и есть время собраться с мыслями, я вынужден подтвердить всё, что записал здесь вчера.

Я в ужасном положении, но что бы ни случилось, нельзя терять голову: её власти я должен противоставить свой ум.

В конце концов, я не безмозглая марионетка, которую заставляют танцевать, дёргая за ниточку.

У меня есть энергия, ум и смелость.

Я могу ещё справиться с мисс Пенклосой, невзирая на все её дьявольские штуки.

Не только могу, но и должен... иначе, что станет со мной?..

Попытаюсь найти логичный выход.

Эта женщина, по её же признанию, может господствовать над моей нервной организацией. Она может проецировать себя в моё тело и управлять им.

У неё душа паразита, да, душа паразита, чудовищного паразита.

Она вторгается в мой остов, как рак-отшельник в раковину моллюска.

Я пассивен и бездеятелен.

Да и что я могу сделать? Я имею дело с силами, о которых мне ровным счётом ничего неизвестно.

И я никому не могу рассказать о своих мучениях.

Ещё подумают, что я сошёл с ума! И конечно же, если это станет известно в Университете, мне объявят, что не нуждаются в услугах профессора, одержимого демоном.

А Агата?!

Нет и нет, нужно, чтобы я встретился с опасностью один на один.

Я перечитал мои заметки в том месте, где эта женщина говорит о своей силе.

Там есть одна фраза, которая меня совершенно обескураживает.

Мисс Пенклоса утверждает, что когда влияние слабо, субъект знает, что он делает, но всё равно не может управлять собой; если же воля осуществляется энергично, то он оказывается совершенно бессознательным.

Так вот, я всегда сознавал, что я делаю, но прошлым вечером это сознание заметно ослабло.

А это, по видимости, означает, что мисс Пенклоса ещё не проявила всю силу своего внушения.

Был ли когда человек, оказавшийся в таком отчаянном положении, как я?

Да, вероятно, один был, и он даже находился совсем рядом со мной и пытался меня предостеречь.

Чарльз Сэдлер должен что-нибудь знать об этом!

Его неопределённые советы, чтобы я держался начеку, сегодня вполне прояснились.

О, если бы я тогда послушался его! А я сам выковал себе цепи, продолжая эти сеансы.

Сегодня же встречусь с Сэдлером.

Извинюсь за то, что так легкомысленно отнёсся к его предупреждениям.

И посмотрю, может ли он дать мне какой-нибудь совет.

4 часа дня. Нет, Сэдлер мне не советчик.

Едва я намекнул на свой ужасный секрет, он выказал такое удивление, что я не пошёл далее.

Насколько могу судить (согласно смутным указаниям и скорее выводам, нежели определённым утверждениям), то, что испытал он, сводится к словам и взглядам, подобным тем, что были обращены и ко мне.

Сэдлер смог удалиться от мисс Пенклосы, и сам этот факт доказывает, что в действительности он никогда и не был её пленником.

О, знал бы он, чего ему удалось избежать!

Сэдлер, должно быть, обязан этим своему флегматичному англосакскому темпераменту. Я же брюнет и кельт, и потому яды этой колдуньи глубоко проникают мне в кровь.

Удастся ли освободиться от неё?

Стану ли я когда-нибудь снова тем, кем был ещё пятнадцать дней назад?

Так что же мне предпринять?

Оставить Университет во время учебного года, – об этом и речи быть не может.

Будь я свободен, я бы тотчас составил план действий.

Отправился бы путешествовать, например, в Персию. Да, но позволила бы она мне уехать? Быть может, даже и в Персии я не избавился бы от злотворного влияния и поспешил бы обратно к её костылю?

Лишь на собственном горьком опыте я могу узнать пределы, до которых простирается её дьявольская власть надо мной.

Я буду сражаться с ней, покуда есть силы.

Что ещё остаётся делать?

Я слишком хорошо знаю, что к восьми часам вечера необоримая потребность в её обществе, знакомое лихорадочное возбуждение, вновь овладеют мною.

Как преодолеть их; что я должен для этого сделать?

Хорошо бы вообще не выходить из комнаты.

Закрою дверь на ключ и выброшу его в окно! Да, но что прикажете делать утром?

Не надо думать о завтрашнем утре: я должен любой ценой разорвать эти путы.

9-го апреля. Победа. Я поступил совершенно правильно.

Вчера, в семь часов вечера, после лёгкого ужина я заперся в своей комнате и выбросил ключ в сад.

Я взял один занятный роман и три часа кряду пытался читать в постели. но в действительности мне было не до веселья, то были ужасные часы; каждую минуту я ожидал, что окажусь под влиянием этой негодяйки. Но ничего подобного не произошло; утром я встал с постели с таким чувством, словно освободился от кошмара.

Быть может, она догадалась и поняла, что воздействовать на меня бесполезно.

Во всяком случае, один раз я уже взял над ней верх, и если мне это удалось раз, то удастся и другой.

Что было гораздо затруднительнее, так это получить ключ назад.

По счастью, внизу оказался садовник, и я крикнул, чтобы он бросил ключ мне в окно. Он, наверное, подумал, что я только что его уронил.

Я прикажу наглухо забить двери и окна и скорее поручу шестерым дюжим молодцам держать меня в кровати, нежели соглашусь ещё хоть раз оказаться в обществе этой колдуньи.

Сегодня после полудня получил записку от мисс Марден: Агата просила зайти к ней.

В любом случае, я так и намеревался поступить, но меня ждали плохие новости. Как выяснилось, Армстронги сели в Аделаиде на «Аврору» и скоро должны приплыть в Англию. Особенно неприятно, что они просили миссис Марден дожидаться их в городе.

Значит, я не увижу Агату в течение месяца или шести недель, а поскольку «Аврора» ожидается в среду, госпожам Марден нужно уезжать немедленно, если они хотят прибыть вовремя.

Остаётся утешать себя, что когда мы наконец окажемся вместе, то больше никогда не будем разлучаться.

 Я прошу вас только об одном, моя дорогая, – сказал я Агате, когда миссис Марден вышла. – Если вы случайно встретите мисс Пенклосу, либо в городе, либо здесь, обещайте, что вы никогда не позволите ей ещё раз загипнотизировать себя.

Агата в изумлении взглянула на меня.

- Но всего пару дней назад, Остин, вы уверяли, что заинтересованы в этих опытах и намерены довести их до конца.
  - Да, но теперь я иного мнения.
  - И вы намерены от них отказаться?
  - Да.

- О, как я рада, Остин! Вы даже не представляете, какой усталый и бледный вид у вас последнее время. Между прочим, именно из-за вас мы с мамой до сих пор не уехали в Лондон; мы не хотели оставлять Вас, ведь вы в таком подавленном состоянии! Вы очень переменились, Остин. Порой вы кажетесь странным. Я просто недоумевала в тот вечер: Вы, бросив карты, покинули несчастного профессора Пратт-Гольдейна и ушли, не сказавши ни слова. Я была убеждена, что эти опыты плохо сказываются на ваших нервах.
  - И я так считаю, дорогая.
  - А также и на нервах мисс Пенклосы. Вы слышали, что она больна?
  - Нет.
- Нам сообщила миссис Вильсон. Она полагает, что это нервная лихорадка. Профессор Вильсон вернётся на следующей неделе, и миссис Вильсон мечтает, чтобы к тому времени мисс Пенклоса поправилась, ведь у профессора целая программа опытов, которые он намеревается довести до конца.

Я был крайне рад, что Агата обещала мне остерегаться мисс Пенклосы.

Довольно того, что эта женщина прибрала к рукам одного из нас.

С другой стороны, я встревожился, узнав о её болезни.

Вот что сильно снижает значимость победы, которую, как мне казалось, я одержал вчера вечером.

Насколько я помню, мисс Пенклоса говорила, что ухудшение её здоровья изрядно вредит силе внушения.

Не оттого ли, победа далась мне так легко?

Ладно! Сегодня вечером нужно будет принять те же меры предосторожности, и тогда посмотрим, чья возьмёт.

У меня какой-то детский страх, когда подумаю о ней.

10-го апреля. Вчера вечером снова всё обошлось.

У садовника нынешним утром было очень забавное лицо, когда я снова позвал его и попросил бросить мне ключ.

Представляю, что подумает обо мне прислуга, если я продолжу в том же роде. Зато я оставался дома, не ощущая ни малейшей потребности выйти, а это самое главное.

Мне кажется, что я наконец начинаю освобождаться от своего рабства у этой женщины, хотя, возможно, что её власть надо мной ослабела всего лишь до того дня, покуда к ней снова не вернутся силы. Мне остаётся только молить Бога, чтобы это было не так.

Агата с матерью уезжают сегодня утром, и мне кажется, что весеннее солнце утратило весь свой блеск. И всё же, оно очень красиво, когда смотришь на него сквозь зелёные листья каштана, растущего под моими окнами, и когда оно оживляет мощные стены старых зданий колледжа, поросшие лишайником.

Как всё сладостно и упоительно в природе, как успокаивает она душу! И как поверить после этого, что она же таит в себе силы столь нечистые, возможности столь отвратительные?

В самом деле, понятно, что ужасное несчастье, меня постигшее, находится в природе вещей, оно не выходит за её пределы и не из области сверхъестественного.

Heт, это сила естественная, коией эта женщина лишь пользуется и которая неведома обществу.

Сам факт, что сила эта соотносится со здоровьем, ослабевает при его ухудшении, показывает, что она целиком и полностью подвластна законам физическим.

Если б у меня было время, я бы изучил эту силу и нашёл ей противодействие. Но, увы! Не тогда надо помышлять о дрессировке тигра, когда находишься в его когтях! Тут только одна забота: как бы вырваться.

Ax! когда я гляжу в зеркало и вижу там свои чёрные глаза и испанское лицо с тонкими чертами, я хотел бы быть обезображенным оспой или серной кислотой.

Во всяком случае, это избавило бы меня от душевных мучений.

Судя по всему, вечером у меня будут неприятности. Некоторые обстоятельства заставляют меня опасаться этого.

Во-первых, я встретил на улице миссис Вильсон; она сообщила, что мисс Пенклосе уже лучше, хотя она ещё и слаба; во-вторых, скоро приедет профессор Вильсон и его присутствие

будет для этой колдуньи помехой.

Я не боялся бы наших встреч, если бы они происходили в присутствии третьего лица. А так у меня дурное предчувствие, поэтому я принял те же меры предосторожности, что и накануне.

10-го апреля, вечер. Нет, слава Богу, и этим вечером всё обощлось.

На этот раз неловко было снова обращаться к садовнику. Затворившись, я подсунул ключ под дверь таким образом, чтобы утром был предлог обратиться к служанке. Но эта предосторожность оказалась совершенно ненужною, поскольку у меня ни разу не возникло побуждения выйти.

Три вечера подряд мне удалось остаться дома! Определённо, мои мучения подходят к концу, поскольку Вильсон вернётся не сегодня, так завтра.

Сказать ему, через что я прошёл, или не откровенничать?

Уверен, я не найду у него никакого сочувствия. Для Вильсона это всего лишь любопытный случай. Ещё расскажет обо мне в докладе на ближайшем заседании О.П.И., все с важным видом начнут судить и рядить, насколько велика возможность того, что я бессовестно солгал, и сопоставлять её с вероятностью, что у меня попросту начинается помещательство.

Нет, я не стану просить помощи у Вильсона.

Я чувствую себя в добром здравии и в прекрасном расположении духа; сегодня, на занятиях в Университете, я был как никогда в ударе.

О, если бы только избавиться от зловещей тени, омрачающей мою жизнь, как бы я был счастлив!

Я молод, не лишён привлекательности, достиг вершин в своей профессии, помолвлен с прекрасной и очаровательной девушкой – что ещё нужно мужчине моих лет?

Лишь одно не даёт мне покоя... Боже, как подумаю, что мне грозит!

Полночь. Я схожу с ума!

Да, верно, эта история кончится сумасшествием.

Я и сейчас уже близок к помешательству.

В голове всё словно кипит, когда прикладываю к ней пылающую руку. По телу пробегает дрожь, как у испуганной лошади.

О, какую ночь я провёл!

И всё же есть основание испытывать некоторое удовлетворение.

Рискуя сделаться предметом насмешек для прислуги, я снова подсунул ключ под дверь, обрекая себя на добровольное заточение.

Затем, поскольку ложиться спать было ещё рано, я не раздеваясь лёг на кровать и принялся читать Дюма.

Внезапно я оказался скинут... да, скинут, сброшен, стянут на пол. Именно такие слова могут описать действие той подавляющей силы, которая вдруг навалилась на меня.

Я цеплялся за одеяло. Ухватился за ножку кровати. Думаю даже, что в своём исступлении я выл и кричал.

Но всё напрасно. Я ничего не мог с собою поделать. И должен был подчиниться. Мне было невозможно преодолеть влияние этой силы или как-то от неё укрыться.

Лишь поначалу я оказывал какое-то сопротивление. Влияние вскоре сделалось настолько подавляющим, что бороться с ним стало невозможно.

Благодарю Небо, что меня никто не удерживал, а то я, верно, не смог бы за себя поручиться.

Порываясь выйти из дому, я отчётливо сознавал, что для этого нужно сделать. Итак, я зажёг свечу, стал на колени перед дверью и попытался подтащить ключ кончиком гусиного

 $^{^*}$ О.П.И. — аббревиатура, означающая Общество психических исследований — организацию в Великобритании и С.Ш.А., ставившую себе задачей доскональное изучение всех фактов, имевших отношение к психической и бессмертной природе человека. Всемирную известность получили многотомные «Протоколы О.П.И.», так называемые «Proceedings», в которых собрана бездна фактов, касающихся данного круга проблем. (Π . Γ .)

пера; но оно было слишком коротким и только отодвинуло ключ ещё дальше.

Тогда я, со спокойным упрямством, взял из ящика нож для разрезания бумаги, просунул его под дверь и притянул ключ.

Открыв входную дверь, я вошёл в кабинет, взял с бюро одну из своих фотографий, написал на ней несколько слов и положил её во внутренний карман пальто. После этого направился к дому, где жил Вильсон.

Ясность сознания была удивительной, и однако ощущения непохожи на те, которые я воспринимал до этого в нормальном состоянии. Всё походило теперь на яркие образы и события, происходящие во сне.

Сознание словно раздвоилось.

С одной стороны, мною руководила чужая воля, влекущая меня к лицу, от коего она исходила; и была также другая личность, более слабая, протестующая, в которой я узнавал своё «я», слабо борющееся против этого необоримого влияния. Так, собака, рвущаяся с цепи, вынуждена вставать на задние лапы.

Я помню ещё, что осознавал конфликт этих двух сил, но не помню ни того, как я шёл, ни как меня впустили в дом.

Тем не менее у меня остался исключительно чёткий образ моей встречи с мисс Пенклосой.

В небольшом будуаре, в котором обыкновенно проходили наши опыты, она лежала на канапе, прикрывшись тигровой шкурой и подперев голову рукой.

Когда я вошёл, мисс Пенклоса подняла глаза: она, очевидно, ждала моего прихода; свет лампы падал прямо ей на лицо, и я заметил, что она очень бледна и расстроена, под глазами тёмные круги.

Больная улыбнулась мне и левой рукой указала на стоявший рядом стул.

Я быстро подошёл, схватил эту руку и... вспоминаю об этом с отвращением к себе... страстно поднёс к губам.

После чего я уселся на стул, не выпуская руки мисс Пенклосы, и протянул фотографию, которую принёс с собой.

Я говорил без умолку, рассказывая о своей любви к ней, о страдании, которое мне причинила её болезнь, о радости, какую мне доставляло её выздоровление, и о том, сколь несчастным я себя чувствую, когда оказываюсь вынужден провести хотя бы один вечер вдали от неё.

Она, слушая меня, оставалась неподвижна и лишь бросала на меня повелительные взгляды. На устах её играла вызывающая улыбка.

Припоминаю, что раз она провела рукой по моим волосам – так ласкают собаку, и что мне – о, ужас! – была приятна её ласка.

Я содрогаюсь при мысли об этом.

Я стал её рабом телом и душой, и даже радовался своему рабству.

Тогда-то и произошла счастливая перемена. И пусть мне никогда не говорят после этого, будто нет Провидения. Я был уже на краю гибели, ещё немного – и я шагнул бы в бездну.

Можно ли считать простым совпадением то, что помощь пришла ко мне именно в ту минуту?

Heт, нет, есть Провидение, и Оно отвело меня от пропасти, в которую я готов был низринуться.

Есть всё-таки в мире нечто более могущественное, чем эта ведьма со всеми её уловками. Как утешительно, что я могу так думать!

Подняв глаза, я вдруг увидел, что моя мучительница заметно переменилась.

Лицо, бывшее до этого бледным, приобрело мертвенный цвет. Глаза остекленели и веки их тяжело закрылись. Рот утратил былую твёрдость, лоб словно сузился.

Мисс Пенклоса казалась испуганной, самоуверенность сменилась полной нерешительностью.

Видя эту перемену, я почувствовал, как сердце у меня дрогнуло и забилось, словно пытаясь вырваться из сжимавших его тисков – тисков, с каждой минутой терявших свою силу.

– Остин, – проговорила она полушёпотом. – Я слишком много на себя взяла. У меня

недостаточно сил. Я ещё не оправилась после болезни. Но я не могла больше жить, не видя Вас. Вы не бросите меня сейчас, Остин! Это минутная слабость. Ещё пять минут – и я снова стану сама собой. Подайте мне маленький графин, что стоит на столе возле окна.

Но я уже овладел собой.

По мере того, как у моей мучительницы угасала сила, её влияние рассеивалось и я обретал свободу.

Во мне проснулась агрессивность, исполненная горечи и бешенства.

Хотя бы раз дам понять этой ведьме, каковы мои истинные чувства к ней!

Душу мою переполняла ненависть настолько же скотская, как и любовь, вызвавшая её. Это была дикая вспышка злобы, как у разъярённого оленя.

Я готов был схватить стоявший рядом костыль и ударить им мисс Пенклосу по лицу.

Больная выставила руки как бы в попытке отразить удар и, отшатнувшись, забилась в угол дивана.

- Водки! водки! - проговорила она не своим голосом.

Я схватил графин с водкой и вылил его содержимое под пальму, стоявшую в кадке возле окна.

Затем вырвал у неё из рук свою фотографию и разорвал её в клочья.

- Гнусная женщина! воскликнул я. Убей я Вас, я бы только исполнил свой долг перед обществом!
  - Я люблю тебя, Остин, люблю тебя, простонала мисс Пенклоса.
- Да, воскликнул я. Как вы уже любили Чарльза Сэдлера. И скольких других_до него!
- Чарльза Сэдлера? выдавила она из себя. Так он вам сказал? Ах, Чарльз Сэдлер...
   Чарльз Сэдлер...

Губы её побледнели, а голос звучал, словно шипенье змеи.

– Да, я всё о вас знаю и расскажу всем, до какого бесстыдства вы опустились. Вы знали о моём положении, знали, что я обручён. И всё же употребили свою жуткую силу на то, чтобы приворожить меня. Вы сможете околдовать меня снова, но прежде я скажу: я люблю мисс Марден, люблю всем сердцем, а вы – вы внушаете мне лишь отвращение и ужас. Ваш вид, ваш голос мне ненавистны. При одной только мысли о вас мне становится тошно. Вот какие чувства на самом деле я к вам питаю. И если вам всё равно хочется притянуть меня к себе с помощью фокусов, как нынче вечером, то Вам, я надеюсь, хотя бы не доставит удовольствия сделать своим любовником человека, который сказал, что он по-настоящему о вас думает. Можете внушить мне любую речь, какую пожелаете, но вы не сможете забыть...

Я остановился, потому что мисс Пенклоса откинулась назад, лишившись чувств.

У неё не хватило сил выслушать меня до конца.

О, какое пламенное ощущение триумфа я испытываю, думая о том, что теперь, будь что будет, она не может более обманываться на мой счёт и ей известны мои истинные чувства к ней!

Но что теперь со мной станет? Ведь она на всё способна.

Страшно даже подумать.

Уж конечно, она не оставит меня в покое. Но когда я подумаю о том, что ей сказал...

Не имеет значения, хотя бы один раз я оказался сильней, чем она.

11-го апреля. Нынешней ночью я почти не спал, и утром чувствовал себя настолько разбитым и вместе с тем возбуждённым, что мне пришлось попросить Пратт-Гольдейна прочитать лекцию вместо меня.

Такое случалось со мной впервые. Я встал в полдень, но голова у меня болела, руки дрожали, а нервы были в самом жалком состоянии.

И вот сегодня вечером мне нанесли визит.

И кто! Вильсон собственной персоной пожаловал. Он только что воротился из Лондона, где читал лекции, разоблачил одного врача, и провёл серию опытов по передаче мысли. Он принял также профессора Рише, * приехавшего из Парижа; изучал свойства кристалла,

 $^{^*}$ Профессор Шарль Рише (1850 – 1935 гг.) – французский учёный-физиолог и иммунолог; один из крупнейших авторитетов в области психических исследований. Поначалу был настроен скептически,

неотрывно глядя в него несколько часов кряду, и добился определённых результатов относительно проникания материи через материю.

Всё это он выплеснул мне в уши единым махом.

- Послушай, наконец заметил он, ты что-то неважно выглядишь. Да и мисс Пенклоса пребывает в полной прострации. Ну, а наши опыты? Как они продвигаются?
  - Я их прекратил.
  - Да что ты! И почему, собственно?
  - Это занятие показалось мне опасным.

Вильсон извлёк из кармана коричневую записную книжку.

- Вот это весьма любопытно, сказал он. И какие же у тебя причины говорить, будто исследования эти опасны? Прошу, укажи мне факты в хронологическом порядке, с хотя бы приблизительными датами и именами свидетелей, заслуживающих доверия, и их точными адресами.
- Прежде всего скажи: известны ли тебе случаи, когда гипнотизёр, обретя власть над субъектом, пользовался ею с преступной целью?
- Десятки случаев! запальчиво воскликнул Вильсон. Преступления, совершённые под влиянием суггестии.
- Я не имею в виду суггестию. Я про другое: когда внезапный импульс, непреодолимое побуждение поступает от лица, находящегося на удалении.
- Одержание!* завопил он в полном восторге. Это самое редкое явление. У нас только восемь случаев, из которых вполне удостоверены лишь пять. Не хочешь ли ты сказать...

Его возбуждение было столь сильно, что он едва выговаривал слова.

– Нет, этого я не хочу сказать, – отрезал я. – Ты меня извини, дорогой друг, но мне сейчас не здоровится. Всего доброго.

Таким-то бесцеремонным образом я в конце концов избавился от него.

Он ушёл, потрясая карандашом и записной книжкой.

Вполне возможно, что я не умею проявлять стойкость в несчастье, но лучше уж не выносить сор из дома, а тем более не устраивать из неприятностей ярмарочный аттракцион.

Вильсону уже давно чуждо всё человеческое. Для него жизнь сводится теперь только к случаям и феноменам.

Я скорее умру, чем стану откровенничать с ним.

12-го апреля. Вчерашний день был благословенным днём спокойствия, и вечер прошёл без всяких происшествий.

Возвращение Вильсона сильно меня утешает.

Что отныне может сделать эта женщина?

Конечно, теперь, после всего сказанного, она должна питать ко мне такую же антипатию, как и я к ней.

Heт, она не может, не может желать себе любовником того, кто оскорбил её подобным образом.

Нет, думаю, что я избавлен от её любви...

Но чего ожидать от её ненависти?

Не сможет ли она воспользоваться своей силой, чтобы отомстить?

Ба! к чему пугать себя призраками?

Она забудет меня, я забуду её, всё уладится.

13-го апреля. Нервы мои окончательно успокоились, а силы восстановились.

Я в самом деле думаю, что взял верх над этой тварью. Но должен сознаться, что какоето опасение по-прежнему не оставляет меня. Мисс Пенклоса поправилась; мне стало известно, что сегодня в полдень она выезжала на прогулку в коляске вместе с миссис Вильсон по Грейтстрит.

но, убедившись в реальности спиритических явлений, принялся энергично изучать их и пропагандировать. $(\Pi.\Gamma.)$

^{*} Сегодня в этом случае принято употреблять нелепый термин «кодирование». (Π . Γ .)

14-го апреля. Мне хочется вообще уехать отсюда.

И я уеду к Агате сразу же, как только закончится семестр.

Проявляю презренную слабость, но эта женщина ужасно действует мне на нервы.

Я снова виделся и разговаривал с ней.

Это случилось сразу же после ленча. Я курил в кабинете сигару, когда услышал в коридоре шаги Мюррея, моего слуги.

Послышались ещё чьи-то шаги. Следом за Мюрреем кто-то шёл.

Я не придал этому значения, как вдруг необычный звук заставил меня вскочить со стула. По телу пробежала дрожь.

Я никогда раньше не обращал внимания на тот своеобразный звук, который производит костыль калеки, но возбуждённые нервы поведали мне, что я слышу именно этот сухой стук деревяшки, перемежаемый глухим звуком, какой издаёт нога, касаясь пола.

В следующее мгновение слуга ввёл мисс Пенклосу.

Я даже и не пытался выказать обычные в таких случаях знаки вежливости.

Также и она не сочла нужным делать этого.

Я просто стоял с сигарой в руке и молча разглядывал вошедшую.

Мисс Пенклоса, со своей стороны, тоже молча взирала на меня, и её взгляд напомнил мне те страницы моего дневника, где я пытаюсь описать выражение её глаз и понять, насмешливое оно или жестокое.

Но сегодня в таких усилиях не было нужды: это была жестокость, холодная, непреклонная.

- Итак, наконец проговорила она, вы всё находитесь в том же самом расположении ума, в котором я вас видела последний раз?
  - Я всегда был в одном и том же расположении ума.
- Пусть между нами не будет неясностей, профессор Джилрой, нараспев проговорила она. Я не тот человек, над которым можно безнаказанно насмехаться, как вы скоро сможете убедиться. Вы просили меня провести серию опытов, вы завоевали моё расположение, вы признались мне в любви, принесли свою фотографию со словами нежной привязанности, а затем, в тот же вечер, сочли возможным высказать мне самые немыслимые оскорбления, причём в таких выражениях, какие ни один человек никогда бы не посмел употребить в мой адрес. Скажите мне, что эти слова вырвались у вас в минуту умственного помрачения. Я готова всё забыть и простить. Ведь вы отказываетесь от этих слов, Остин? Ведь на самом деле вы не ненавидите меня?

Я мог бы сжалиться над этой уродливой женщиной, столько страсти, любви и мольбы выражал её взгляд, каким бы грозным он ни казался.

Но когда я вспомнил, что я из-за неё пережил, сердце моё сделалось каменным.

- Если вы когда и слышали от меня признания в любви, сказал я то вам прекрасно известно, что говорили их себе вы сами, а не я. О моих же настоящих чувствах к вам вы услышали во время последней нашей встречи.
  - Я знаю, кое-кто оговорил меня перед Вами. Вероятно, он?

И она в ярости стукнула костылём в пол.

– Хорошо, – проговорила мисс Пенклоса. – Вам прекрасно известно, что я могу сию же минуту заставить вас улечься у моих ног, как собачонку. Вам больше не видать меня в минуту слабости, когда можно оскорблять меня безнаказанно. Берегитесь, профессор Джилрой. Ваше положение поистине ужасно. Вы просто ещё не отдаёте себе отчёта в той полноте власти, которую я над Вами имею.

Я пожал плечами и отвернулся.

— Ладно, — продолжала она после некоторой паузы, — если вы презираете мою любовь, посмотрим, что вы скажете, когда вас охватит страх. Вы улыбаетесь, но наступит день, когда вы будете молить о прощении. Да-да, при всей своей гордыне вы будете валяться у меня в ногах и проклянёте тот день, когда из меня, своего лучшего друга, сделали самого заклятого врага. Берегитесь, профессор Джилрой!

Я увидел мелькнувшую в воздухе белую руку и лицо, в котором не было почти ничего человеческого, так оно было обезображено яростью. Наконец моя мучительница ушла. В

коридоре долго слышались её ковыляющие шаги и стук костыля.

Скверно стало у меня на душе.

Смутное предчувствие надвигающихся бед овладело мной.

Я тщетно силился уговорить себя, будто всё это лишь пустые слова и угрозы ярости. Мне слишком хорошо запомнились её безжалостные глаза, для того чтоб я мог убедить себя в этом.

Что делать? О, Боже! Что делать?

Я больше не хозяин самому себе, моя душа мне не принадлежит.

В любую минуту этот мерзостный паразит может проникнуть туда, и тогда!...

Я должен поделиться с кем-то своей ужасной тайной, — я должен сказать об этом, иначе я сойду с ума.

Если бы у меня был кто-нибудь, кто бы мне посочувствовал, кто бы дал совет!

Обратиться к Вильсону? Нет, об этом нечего и думать.

Чарльз Сэдлер тоже мне не подмога. Он поймёт меня лишь в тех пределах, коими ограничен его собственный опыт.

Пратт-Гольдейн! Он человек уравновешенный, наделён здравым смыслом и находчив.

Пойду к нему, всё ему скажу. Боже мой, хоть бы он смог чем-нибудь помочь мне!

6 часов 45 минут вечера. Нет, бесполезно, никто мне ничем не поможет. Я должен биться один на один с этой тварью.

Передо мной два пути: или я становлюсь её любовником, или же она измывается надо мной, как ей вздумается.

Даже если она ничего не предпримет, я буду жить в постоянном страхе ожидания – пытка воистину адская. Но пусть она меня мучает, пусть сводит с ума, пусть наконец убъёт, я ни за что не уступлю.

В конце концов, что может быть хуже: она разлучила меня с Агатой, внушила мне, что я лжец, клятвопреступник, человек, потерявший всякое право считаться джентльменом!

Пратт-Гольдейн принял меня на редкость любезно и выслушал очень внимательно. Но крупные черты его лица, медлительность взгляда не внушали доверия, и я воздержался от откровений.

Даже мебель в его кабинете была громоздка, как-то слишком вещественна, слишком матерьяльна.

Да и потом, что бы я сам, на его месте, сказал ещё месяц назад, приведись какомунибудь незадачливому коллеге поведать мне свою историю о демоническом одержании?

Я, чего доброго, выказал бы куда меньше терпения, нежели он.

По ходу моего рассказа он делал заметки, спрашивал, сколько чаю я пил накануне, сколько часов спал, не изнурял ли себя занятиями, не бывало ли у меня внезапных болей в голове, неприятных снов, звона в ушах, не темнеет ли у меня в глазах — столько вопросов, доказывающих мне, что он видел в моих страданиях лишь переутомление мозга.

Короче, он отпустил меня, высказав мне изрядное число банальностей по поводу упражнений на свежем воздухе и необходимости избегать всякого нервного напряжения.

И выписал мне рецепт, в котором прописал хлораль и капли брома. По дороге домой я скатал его в шарик и выбросил в речку.

Нет, ни один человек не может помочь мне.

Если я обращусь ещё и к другим, то, может статься, это получит огласку – и меня посадят в сумасшедший дом.

Единственное, что я могу сделать, — это собрать всю свою волю, всё своё мужество и молиться о том, чтобы порядочный человек не был оставлен на произвол судьбы.

15-го апреля. Это самая восхитительная весна, которая когда-либо была на свете. Всё такое зелёное, упоительное, прекрасное!

И сколь разителен контраст между окружающей природой и моей душой, опустошённой сомнением и страхом.

День прошёл без происшествий, но я знаю, что стою на краю пропасти. Я знаю об этом и всё же продолжаю жить своей обычной жизнью, как будто ничего не случилось.

Единственный луч света, который в неё проникает, это мысль о том, что Агата счастлива, здорова и находится вне всякой опасности вдали отсюда.

Если бы эта тварь могла наложить руку на каждого из нас, то... о, только не это!

16-го апреля. Эта женщина изобретательна в своих преследованиях. Она знает, что я очень люблю свою работу и уделяю ей много времени. И именно с этой стороны она ведёт свои атаки.

Похоже, дело клонится к тому, что меня уволят с кафедры, но я буду биться до последнего.

Без борьбы ей меня оттуда не выжить.

Сегодня утром на занятиях со студентами у меня на минуту-две появилось головокружение и неустойчивость, какая-то пустота в темени; впрочем, всё довольно быстро прошло. Несмотря на тревожные симптомы, я остался доволен собой: так увлекательно и доходчиво рассказал о функциях красных кровяных телец.

Каково же было моё удивление, когда сразу же после урока один из студентов вошёл ко мне в лабораторию и попросил разрешить его сомнения: так он заинтригован существенным различием между моими утверждениями и утверждениями учебников.

Он показал свою тетрадь, что я вижу! В течение двух минут я нёс самую возмутительную, антинаучную ересь.

Естественно, я решительно заявил юноше, что он неверно меня понял, но, сравнив его записи с записями остальных студентов, должен был признать, что он прав: действительно я высказал несколько нелепейших утверждений. Я поспешил сослаться на минутную рассеянность и хоть и выпутался с грехом пополам, но чувствую, что эта история повторится и не один раз, и последствия для меня будут самыми печальными.

До конца семестра остаётся всего лишь месяц. Только бы продержаться!

26-го апреля. Прошло десять дней; и у меня за всё это время не хватило духу открыть свой дневник.

К чему писать о вещах, которые меня унижают и позорят?

Я поклялся, что больше ни разу не открою его.

И тем не менее, такова сила привычки, что я опять сижу и записываю свои ужасные ощущения и переживания подобно тому, как один самоубийца записывал, что он испытывает под действием яда, его убивающего.

Итак, катастрофа, которую я предвидел, не заставила себя ждать! Не далее как вчера, университетское руководство освободило меня от исполнения обязанностей профессора и заведующего кафедрой.

Это, надо сказать, было сделано самым деликатным образом, с оговорками, что такая мера временна и продиктована заботой обо мне, а также желанием предоставить мне возможность восстановить силы, говорилось что-то о моём переутомлении. Но так или иначе – дело сделано: я больше уже не профессор.

Лаборатория однако пока ещё оставлена в моём ведении, но я думаю, что и её у меня скоро отберут.

Факт, что мои лекции стали предметом насмешек для всего Университета.

Моя зала всегда была до отказа набита студентами, приходившими посмотреть и послушать, что ещё выкинет или сказанёт чудак-профессор.

Обойдусь без подробностей, надо ли живописать своё унижение, свой позор?

О, эта дьявольская женщина! Нет такого шутовства, такой глупости, которые бы она не заставила меня совершить.

Я начинал урок в ясных и пристойных выражениях, но у меня всякий раз бывало такое чувство, будто я на пороге умственного помрачения.

Когда же я чувствовал на себе воздействие мисс Пенклосы, то противился ему яростно, изо всех сил. От огромного напряжения воли на лбу выступал пот, в то время как студенты, слыша бессвязные фразы, видя мои гримасы, хохотали во всю над обезьяньими ужимками своего профессора.

Затем, когда она полностью завладевала мной, то заставляла меня говорить самые

величайшие нелепости. Я отпускал глупые остроты, впадал в сентиментальность, то и дело повышал голос, словно произнося тост, напевал популярные песенки или невежливо уединялся ото всех с тем или иным ассистентом.

Потом сознание вновь прояснялось, я продолжал как ни в чём не бывало и вполне достойно заканчивал занятия.

Не удивительно, что моё поведение стало притчею во языцех. И вполне естественно, что ректорат Университета после такого скандала оказался вынужден уволить меня.

Проклятая колдунья!

И что всего ужаснее, так это моё полное одиночество.

Вот я смотрю в банальное английское окно, выходящее на не менее банальную английскую улицу с фланирующими по ней полицейскими, тогда как за мной скрывается какая-то зловещая, таинственная тень, не имеющая ничего общего ни с нашим веком, ни с этим миром.

В университетском городке, в средоточии сей страны науки и учёной премудрости я оказываюсь раздавлен, истерзан силой, о которой науке ровным счётом ничего не известно и перед которою она бессильна.

Ни один магистрат не согласится меня выслушать; ни одна газета не пожелает обсудить то, что со мной случилось. Ни один врач не признает симптомы моего состояния.

Самые близкие друзья увидят в этом лишь свидетельство моего умственного расстройства.

Я потерял всякий контакт с миром.

А, дьявольская женщина! Пусть она остережётся! Она доведёт меня до крайности. Если закон ничего не может сделать для вашей защиты, то, в соответствии с естественным правом, вам не остаётся ничего другого, как самим позаботиться о себе.

Вчера на Грейт-стрит встретил мисс Пенклосу, и она заговорила со мной. Пусть она благодарит Бога, что мы встретились не на уединённой деревенской дороге.

Мисс Пенклоса с ледяной улыбкой спросила, не смягчился ли я немного.

Я не удостоил её ответом.

– Что ж, как видно, вам этого мало, – пригрозила она.

А, берегитесь, сударыня, берегитесь!

Однажды она уже была в моей власти. Быть может, не в последний раз.

28-го апреля. Итак, я уволен и больше не преподаю в Университете, по крайней мере мисс Пенклоса уже не может преследовать меня. Два дня я наслаждался покоем.

Отчаиваться ещё рано, да и ни к чему.

Между тем все выражают мне сочувствие, признают, что моя преданность науке и тяжёлый характер проводимых исследований и опытов вывели из равновесия мою нервную систему.

Совет Университета направил мне письмо, составленное в самых дружественных выражениях. Мне деликатно рекомендуют предпринять длительное путешествие, и надеются, что я поправлю пошатнувшееся здоровье, после чего смогу возобновить преподавательскую деятельность в начале летнего семестра.

В самых лестных выражениях отзываются о моих трудах и заслугах перед Университетом.

Воистину лишь в несчастье можно получить доказательства своей действительной популярности.

Этой твари, быть может, прескучит истязать меня, и тогда всё устроится. Да поможет мне Бог!

29-го апреля. В нашем сонном городке маленькая сенсация.

Криминальной полиции у нас делать нечего, разве что какой-нибудь буян-недоучка из числа студентов спьяну побьёт газовые фонари да подерётся с полицейским.

Но прошлой ночью была попытка ограбить местное отделение Банка Англии. Все только и говорят об этом. Утром, возвращаясь с прогулки, встретил своего близкого друга – Паркерсона, управляющего отделением. Никогда не видел его таким взволнованным.

Даже если грабителям и удалось бы проникнуть в помещение банка, им пришлось бы возиться ещё с сейфами, так что получилось, что оборона была лучше подготовлена, чем нападение. И вообще, по правде сказать, оно не выглядело удачным.

На оконных рамах первого этажа остались следы ножниц или какого-то другого подобного инструмента, который, очевидно, просовывали снизу, пытаясь открыть окна.

Полиция, должно быть, уже напала на след: оконные рамы накануне были выкрашены, так что пятна зелёной краски должны остаться на руках и одежде преступника.

4 часа дня. Ах, эта подлая женщина! Будь она трижды проклята! Всё равно! Ей не взять верха надо мной!

Вот ведьма!

Из-за неё я потерял кафедру, но ей мало того: теперь она покушается на мою честь!

Я, стало быть, ничего не могу против неё сделать, если не считать... Нет, как бы она меня ни изводила, я едва ли смогу на это решиться.

Час назад, причёсываясь у себя в спальне перед зеркалом, я бросил взгляд на нечто, отчего у меня похолодело на сердце. Я почувствовал при этом такую слабость в ногах, что вынужден был сесть на край кровати, чтобы не упасть. После чего разрыдался.

Вот уже много лет как со мной такого не бывало, но на этот раз нервы мои окончательно сдали.

Я мог лишь всхлипывать в бессильном приступе боли и гнева.

Моя пижама, которую я обыкновенно надеваю после обеда, висела на вешалке, возле платяного шкафа, и правый рукав её, от манжеты до локтя, был покрыт толстым слоем зелёной краски.

Вот, стало быть, что означала её последняя угроза!

Она сделала из меня дурака на людях; а теперь ещё хочет заклеймить и как преступника.

На сей раз ей это не удалось, но потом!.. Я не смею даже об этом помыслить!

И Агата... И бедная моя мама! Какой удар для неё на старости лет!

Нет, лучше умереть!

Да, вот до какого позора она меня довела. Именно это она несомненно и хотела сказать, когда предупредила, что я и не подозреваю, до каких пределов простирается её власть надо мной.

Я перечитал свои записи, где передан этот наш разговор, и нашёл там утверждение, что покуда она проявляет своё влияние лишь вполсилы, субъект ещё сознаёт свои действия; но когда она прилагает полное усилие, то он уже ничего не помнит и не сознаёт.

А у меня как раз теперь и нет никаких воспоминаний или представлений о том, что я делал сегодня ночью...

 $\mathfrak X$ готов поклясться, что спал всю ночь крепким сном в своей постели и что мне даже ничего не снилось.

И однако – вот пятна, которые недвусмысленно доказывают, что я оделся, вышел и даже пытался открыть окна в банке, после чего вернулся домой.

Видел ли меня кто-нибудь?

Не исключено, что меня и видели за этим занятием. Может быть, даже шли за мной до самого дома.

О, каким адом стала моя жизнь! Я не знаю больше ни отдыха, ни покоя. Но скоро моему терпению придёт конец!

10 часов вечера. Я отчистил пижаму скипидаром. Думаю, меня всё-таки никто не видел.

Открыть окна я пытался с помощью своей отвёртки. Она оказалась вся перемазана краской, так что её мне тоже пришлось почистить.

Голова у меня болит так, словно сейчас разорвётся. Я принял пять гранул антипирина. Если бы не Агата, я принял бы все пять десят, и всё было бы кончено.

3-го мая. Три спокойных дня.

Эта адская ведьма играет со мной, словно кошка с мышкой: отпускает лишь за тем, чтоб снова на меня прыгнуть.

Самый сильный страх овладевает мной, когда всё выглядит спокойным.

Здоровье моё в самом плачевном состоянии, равно как и облик: непрестанная икота и тик в левом глазу.

Я слышал, что Агата с матерью вернётся послезавтра.

Не знаю, радоваться мне этому или наоборот. В Лондоне они были в безопасности; но, попав сюда, могут оказаться втянутыми в липкую паутину, в которой я сейчас бьюсь один. И нужно, чтобы я им об этом сказал.

Я не могу жениться на Агате, поскольку не в состоянии отвечать за свои действия.

Да, мне необходимо им всё сказать, хотя это и грозит разрывом.

Сегодня вечером университетский бал, и я должен пойти туда. Но, видит Бог, я всего менее расположен к развлечениям. Однако нельзя, чтобы обо мне сказали, будто я уже не в состоянии показываться на людях.

Если же меня там увидят, если я смогу немного поговорить со своими коллегами, то тем самым я как бы докажу, что лишать меня кафедры было несправедливо.

11.30 вечера. Я был на балу.

Мы пришли туда вместе с Чарльзом Сэдлером, но ушёл я раньше него.

Во всяком случае я дождусь его возвращения: в последнее время я стал бояться засыпать ночью – что-то ещё я выкину во время сна?

Сэдлер – весёлый и практичный парень, разговор с ним укрепит мои нервы.

В общем и целом вечер удался на славу.

Я беседовал со всеми сколько-нибудь влиятельными людьми, и мне кажется, доказал им, что место моё ещё не вакантно.

Мерзавка также была на балу. Она, конечно, не могла танцевать и сидела вместе с миссис Вильсон.

Не единожды взгляд её устремлялся в мою сторону. Но, оглядывая зал, я меньше всего обращал на это внимание.

Один раз, когда я сидел к ней боком и краем глаза наблюдал за нею, я заметил, что взгляд её обращён на кого-то ещё.

Посмотрев в том же направлении, я увидел, что это был Сэдлер, танцевавший тогда с младшей из мисс Тэрстон.

Глядя на девушку, с которою он вальсировал, становится понятным, как он должен быть счастлив, что, в отличие от меня, ускользнул из лап этой негодяйки. То-то обидно: он даже не знает, от чего спасся!

Кажется, его шаги раздаются на улице. Пойду спущусь, приглашу к себе. Если он захочет...

4-го мая. И зачем я только прошлой ночью вышел из дому? Собственно, я даже не помню, выходил ли я и что было после. Но вместе с тем, не помню и того, когда лёг спать.

Проснувшись утром, я обнаружил, что правая рука у меня распухла и отекла. Ума не приложу, где и как я разбил руку.

С другой стороны, после вчерашнего вечера я чувствую себя необыкновенно хорошо.

Не могу только никак понять, как случилось, что я не встретил Сэдлера, ведь мне так хотелось его видеть.

Боже мой, при одной только мысли... А ведь это возможно, это даже более чем вероятно... Неужели она опять втянула меня в какое-то грязное дело?

Спущусь к Сэдлеру и расспрошу его.

Полдень. Дела обстоят хуже некуда.

Моя жизнь теперь вовсе не стоит того, чтоб жить дальше. Но если я должен умереть, нужно хотя бы, чтоб умерла и она. Не могу же я в самом деле допустить, чтобы, пережив меня, она довела до безумия кого-нибудь ещё, как сделала со мной. Нет, терпение моё лопнуло.

Она превратила меня в загнанного зверя, в существо, опаснее которого на свете уже ничего не может быть. Бог свидетель, я и мухи не мог обидеть, а теперь, если только эта

женщина когда-нибудь попадётся мне в руки – ей не быть живой!

Сегодня же увижусь с ней, и она узнает, чего от меня ждать.

Спустившись к Сэдлеру, я был немало удивлён, застав его в кровати.

Едва я вошёл, он приподнялся на постели и повернул ко мне лицо, вид которого меня совершенно потряс.

– Ox, Сэдлер! – вырвалось у меня. – Что с Вами случилось?

Внутри меня словно что-то оборвалось, когда слова слетели с моих губ.

- Джилрой, ответил он, еле шевеля разбитыми губами, вот уже несколько недель я задаюсь вопросом, не сумасшедший ли Вы. Теперь у меня не осталось ни малейших сомнений. Более того, я уверен: вы опасный сумасшедший. Не опасайся я скандала, способного повредить репутации колледжа, вы сейчас были бы уже в руках полиции.
  - Что вы хотите этим сказать? воскликнул я.
- Вот что я хочу сказать: вчера вечером, как только я открыл дверь, вы набросились на меня, дважды ударили кулаком по лицу, повалили наземь и принялись пинать ногами, а затем, почти без чувств, оставили меня лежать на улице. Посмотрите на свою руку! Она обличает Вас.

Да, это была сущая правда: рука у меня, от самого запястья, распухла и вздулась, словно нанеся удар страшной силы.

Что же делать?

Хотя он и убеждён в моём сумасшествии, мне необходимо было рассказать ему всё.

Я сел возле его кровати и изложил ему историю своих мучений с самого начала.

Да, я рассказал ему всё, рассказал в таких выражениях, пыл которых победил бы неверие самого закоренелого скептика. Во время рассказа руки у меня дрожали.

— Она презирает и Вас, и меня! — воскликнул я. — Вчера вечером она отомстила сразу нам обоим. Она не могла не видеть, как я ушёл с бала, и Вас, я знаю, она также видела. Ей известно, сколько времени вам понадобится, чтобы вернуться к себе. И тогда-то она и пустила в ход всю свою преступную волю. О, раны, нанесённые вашему лицу, — сущая малость в сравнении с теми, что нанесены моей душе.

Мой рассказ потряс его. Правда моих слов была неоспоримой.

- Да, да, в задумчивости проговорил он. Она видела, как я покинул зал. Я знаю, она способна на такое. Но возможно ли, чтобы она впрямь довела вас до этого? Невероятно! И что вы собираетесь теперь делать?
- Положить этому конец! вскричал я. Я доведён до последней крайности. Сегодня я только честно предупрежу её, но в следующий раз говорить не стану, а буду действовать.
  - Не действуйте опрометчиво, предупредил он.
- Опрометчиво? вырвалось у меня. Опрометчиво для меня теперь только одно: медлить хотя бы минуту!

Выпалив это, я бросился вон из комнаты.

И вот я на пороге события, которое может перевернуть всю мою жизнь.

Примусь за дело сейчас же.

Сегодня я добился серьёзного результата: хотя бы одного человека мне удалось убедить в реальности чудовищных козней, жертвой которых я стал.

И если случится худшее, то этот дневник покажет, до какой крайности я доведён.

Вечером. Когда я пришёл к Вильсону, меня немедленно провели и я нашёл его в обществе мисс Пенклосы.

В течение получаса мне пришлось выслушивать его шумную болтовню по поводу недавнего исследования им действительной природы спиритических стуков. За всё это время ни негодяйка, ни я не проронили ни слова. Мы лишь неприязненно глядели друг на друга.

В её взгляде читалось злорадство. Она же в моём, думаю, читала ненависть и угрозу.

Я уже начал терять надежду, что мне удастся перемолвиться с ней хоть словом, когда Вильсона вдруг позвали, и он покинул комнату. На несколько минут мы остались с глазу на глаз

– Итак, профессор Джилрой, – сказала она с присущей ей горькой улыбкой, – или, вернее сказать, просто господин Джилрой, как поживает после бала ваш друг Чарльз Сэдлер?

 Чортова ведьма! – прорычал я. – Сейчас я положу конец вашим фокусам! Хватит с меня. Выслушайте-ка лучше, что я вам скажу.

В два прыжка я пересёк комнату и грубо тряхнул её за плечо.

- Как есть Бог на небе, я клянусь, что если вы ещё хоть раз проделаете со мной одну из своих дьявольских козней, то поплатитесь за это жизнью. Будь что будет, но я, право слово, лишу вас жизни! Я подошёл к пределу человеческого терпения.
- Наши счёты ещё не вполне улажены, сказала она в запальчивости, не уступавшей моей. Я умею любить, но умею и ненавидеть. У вас был выбор и вы отпихнули мою любовь ногой! Так что теперь вам придётся отведать моей ненависти. Осталось приложить уже совсем небольшое усилие, и я покончу с вашим упрямством. И будьте уверены: я непременно с ним справлюсь! Мисс Марден, как я слышала, возвращается завтра.
- Какое вам до этого дело? я уже не владел собой. Вы мараете её уже тем только, что смеете произносить её имя. Да если только вы *попробуете* вредить ей...

Она испугалась. Я видел это, хотя она и силилась выглядеть вызывающе. В моём уме она, несомненно, читала роковую мысль и пятилась от меня.

– Она должна быть счастлива, имея такого поклонничка, – прошипело чудовище, – мужчину, у которого хватает смелости угрожать одинокой и беззащитной женщине! Мне, видимо, следует поздравить мисс Марден с тем, что у неё есть такой галантный заступник!

Слова эти и так язвительны, но самый тон, каким они были сказаны, и весь облик этого демона не поддаются описанию.

 Оставьте болтовню, – ответил я. – Я пришёл сюда не для праздных разговоров, а единственно чтобы предупредить вас – и предупредить самым торжественным образом: следующая злобная выходка, каковую вы себе надо мной позволите, окажется для вас последней!

И с этими словами, поскольку я услышал шаги Вильсона, поднимавшегося по лестнице, я вышел из комнаты.

Да, грозный облик ядовитой гадины теперь её не спасёт. Отныне ей стало ясно, что меня следует бояться не меньше, чем её.

Убийство! Какое кошмарное слово. Но когда приходится убивать ядовитую змею или кровожадного тигра – тогда это совсем другое дело.

Пусть же она впредь поостережётся!

5-го мая. К одиннадцати часам ходил на вокзал встречать Агату с матерью.

Она выглядит такой весёлой и счастливой. Какая же она красавица! И как она обрадовалась, увидев меня.

И чем только я заслужил её любовь?

Я проводил их домой, и мы завтракали вместе.

На какой-то миг мне даже почудилось, будто покров забвения скрыл все тревоги и терзания моей жизни.

Агата сказала, что я бледен, выгляжу больным и усталым. Милая девочка приписывает это моему одиночеству и нерадивости наёмной прислуги. Избави Бог, чтобы она когда-нибудь узнала правду!

Пусть силы зла, если они существуют на свете, бросают свою тень только на меня одного, а жизнь Агаты да будет освещена солнцем!

Я только что вернулся от них. Чувствую себя так, словно родился заново.

Когда она рядом, мне кажется, что я могу перенести любые тяготы.

5 часов вечера. Теперь постараюсь быть предельно точным.

Постараюсь как можно точнее записать то, что случилось.

Воспоминание о происшедшем ещё совсем свежо в памяти, и я могу рассказать обо всём, не упуская ни малейшей подробности. Хотя, пожалуй, едва ли мне когда-нибудь удастся забыть события этого дня.

От Агаты я вернулся после ленча. Только я сел работать за свой микроскоп, как тут же вдруг почувствовал, что сознание оставляет меня. Эти обмороки нагоняют на меня ужас, ведь с некоторого времени я слишком хорошо знаю, что они означают.

Прийдя в себя, я обнаружил, что сижу в какой-то маленькой комнате, весьма непохожей на ту, в какой был раньше.

Комната, уютная и светлая, обставлена креслами и стульями, покрытыми хлопчатобумажной тканью с рисунком; на окнах разноцветные занавеси, на стенах – тысяча мелких безделушек.

Инкрустированные настенные часы тикали передо мной, *стрелки их показывали половину четвёртого*.

Обстановка показалась мне хорошо знакомой, и тем не менее я с удивлением озирался по сторонам, пока взгляд наконец не упал на мою фотографию в рамке, стоящую на пианино. По другую сторону я увидел фотографию Агаты.

Я сразу же узнал, где нахожусь: будуар Агаты.

Но как объяснить моё появление и присутствие здесь? Зачем я пришёл сюда? Не был ли я направлен с какой-нибудь дьявольской целью – для исполнения некой гнусности?

И не совершил ли я уже то, ради чего меня сюда направили? Не иначе как, не то бы мне не прийти в себя.

О, как же я испугался! Что я здесь делал?

В отчаянии я вскочил – и на ковёр свалился какой-то небольшой флакон, лежавший, оказывается, до этого у меня на коленях.

Он упал, но не разбился. Я поднял его.

На этикетке я прочитал: «концентрированная серная кислота».

О. Боже!

Вытащив стеклянную пробку, я увидел, как из флакона пошёл густой дым; комната стала наполняться резким, удушающим запахом.

Я узнал флакон: он хранился у меня в качестве химического реактива.

Но с какой стати флакон с серной кислотой я принёс в комнату Агаты? Разве это не та самая жидкость, густая и дымящаяся, которой, как известно, пользовались некоторые ревнивые женщины, чтобы разрушить красоту своих соперниц?

Сердце у меня перестало биться. Я посмотрел флакон на свет. Слава Богу! – он был полон.

Значит, до сей минуты ничего страшного не произошло.

Но, войди Агата минутой раньше, нет сомнений, что дьявольский паразит, вселившийся в меня, заставил бы меня плеснуть этой жидкостью ей в лицо!

А! эта мысль не умещается у меня в голове!

Но, видимо, так оно и было задумано, иначе зачем бы я принёс этот флакон сюда?

При мысли о том, что я чуть было не совершил, мои ослабевшие нервы совсем сдали. Я упал в кресло, меня сотрясла дрожь и я забился в конвульсиях. Я, наверное, являл собой лишь жалкое подобие человека.

Лишь голос Агаты и шелест её платья привели меня в себя.

Подняв глаза, я увидел её голубые, прекрасные очи, с нежностью и жалостью глядящие на меня.

- Нам следует отвезти вас в деревню, Остин. Вам необходимо успокоиться и отдохнуть.
   Вы страшно устали.
- О, пустяки! сказал я, силясь улыбнуться. Это всего лишь минутная слабость.
   Теперь мне уже совсем хорошо.
- Я очень сержусь на себя за то, что заставила вас здесь так долго ждать. Бедный мой друг, вы провели в одиночестве по меньшей мере полчаса. В салоне был пастор, а поскольку я знаю вы нисколько не дорожите его обществом, то мне и показалось, что будет лучше, если Джейн проведёт вас сюда. Честное слово, мне думалось, что наш викарий никогда не уйдёт!
- И я благодарю Небо за то, что он не ушёл раньше! воскликнул я с воодушевлением помешанного.
- Да что с Вами, Остин, в самом деле такое? спросила она, беря меня за руку, когда я, шатаясь, попытался встать. Почему вас так радует, что священник не ушёл раньше? И что это за флакончик у вас в руке?
- Да это так... ответил я, быстро пряча флакон с кислотою в карман. Но мне однако надо итти, у меня срочное дело.

- Какой у вас сердитый вид, Остин. Я прежде вас таким никогда не видела. Вы чем-то разгневаны?
  - Да, разгневан.
  - Но не я тому причиной?
  - Нет, нет, моя дорогая. Только это слишком долго сейчас объяснять.
  - Но вы мне так и не сказали, зачем пришли.
- Я пришёл спросить, будете ли вы по-прежнему любить меня, что бы я ни сделал впоследствии и какая бы тень ни легла на моё имя? Будете ли вы по-прежнему доверять мне и останетесь ли мне верны, сколь бы зловещие обвинения надо мной ни висели?
  - Вы знаете, что я вам останусь верна, Остин.
- Да, я действительно знаю. И что бы я ни сделал, Агата, знайте, я сделал это единственно ради Вас. Меня к этому вынуждают. Нет иного средства покончить с этим, моя милая.

Я обнял её и стремительно вышел.

Пришло время действовать решительно.

Пока это чудовище грозило только моим интересам и моей чести, я мог ещё спрашивать себя, что мне следует предпринять.

Но теперь, когда Агата — моя невинная Агата! — оказалась в опасности, мне стало совершенно ясно, что именно я должен сделать.

У меня не было при себе оружия, но это не могло меня остановить. Что за нужда мне в оружии, если я чувствую, как во мне напрягается и вибрирует каждый мускул, рождая силу, которой одержим только яростный безумец?

Я бежал по улицам и был настолько погружён в задуманное, что едва замечал лица друзей, с которыми сталкивался по дороге. Также я едва заметил, как профессор Вильсон выбежал из дома и со стремительностью, не уступающей моей, помчался в противоположном направлении.

Запыхавшийся, но полный решимости, я подошёл к дому и позвонил.

Мне открыла перепуганная служанка, но испуг её удвоился, когда она увидела лицо человека, стоящего перед ней.

- Немедленно проводите меня к мисс Пенклосе, потребовал я.
- Сударь, еле слышно ответила она, мисс Пенклоса скончалась сегодня в половине четвёртого пополудни.

1894 г.

(перевод Павла Гелевы)

СВЯТОТАТЕЦ

В то мартовское утро 92 года от Рождества Христова ещё только начинало светать, а длинная Семита Альта уже была запружена народом. Торговцы и покупатели, спешащие по делу и праздношатающиеся заполняли улицу. Римляне всегда были ранними пташками, и многие патриции предпочитали принимать клиентов уже с шести утра. Такова была старая добрая республиканская традиция, до сих пор соблюдаемая приверженцами консервативных взглядов. Сторонники более современных обычаев нередко проводили ночи в пиршествах и погоне за наслаждениями. Тем же, кто успел приобщиться к новому, но ещё не отрешился от старого, порой приходилось туго. Не успев толком соснуть после бурно проведённой ночи, они приступали к делам, составляющим ежедневный круг обязанностей римской знати, с больной головой и отупевшими мозгами.

Именно так чувствовал себя в то мартовское утро Эмилий Флакк. Вместе со своим коллегой по Сенату Каем Бальбом он провёл ночь на одной из пирушек во дворце на Палатине, печально знаменитых царившей на них смертной тоской; император Домициан приглашал туда только избранных приближённых. Вернувшись к дому Флакка, друзья задержались у входа и стояли теперь под сводами обрамлённой гранатовыми деревцами галереи, предшествующей перистилю.* Оба давно привыкли доверять друг другу и сейчас, не стесняясь, дали волю всю ночь сдерживаемому недовольству, на все корки ругая тягостно унылый банкет.

- Если б он хотя бы кормил гостей! возмущался Бальб, невысокий, краснолицый холерик со злыми, подёрнутыми желтизной глазами. А что мы ели? Клянусь жизнью, мне нечего вспомнить! Перепелиные яйца, что-то рыбное, потом птица какая-то неведомая, ну и, конечно, его неизменные яблоки.
- Из всего вышеперечисленного, заметил Флакк, он отведал только яблок. Признай по справедливости, что ест он ещё меньше, чем предлагает. По крайней мере, никому не придёт в голову сказать о нём, как о Вителлии, что своим аппетитом он пустил по миру всю Империю.
- Да, и жаждой тоже, как ни велика она у него. То терпкое сабинское, которым он нас поил, стоит всего нескольких сестерциев за амфору. Его пьют только возчики в придорожных тавернах. Всю ночь я мечтал о глотке густого фалернского из моих подвалов или сладкого коанского, разлива года взятия Титом Иерусалима. Послушай, может быть, ещё не поздно? Давай смоем эту жгучую гадость с нёба.
- Ничего не выйдет. Зайди лучше ко мне и выпей горькой настойки. Мой греческий лекарь Стефанос знает чудодейственный рецепт от утреннего похмелья. Что? Тебя ждут клиенты? Ну, как знаешь. Увидимся в Сенате.

Патриций вошёл в атриум, ** нарядно украшенный редкостными цветами и наполненный сладким многоголосьем певчих птиц. На входе в зал его поджидал готовый к исполнению своих утренних обязанностей юный нубийский раб Лебс. Он был одет в снежно-белую тунику и такой же тюрбан. Одной рукой мальчик держал поднос с бокалами, а в другой графин с прозрачной жидкостью, настоенной на лимонных корках.

Хозяин наполнил один из бокалов горькой ароматной микстурой и собирался уже выпить, но так и не донёс руку до рта, остановленный внезапным ощущением, что в доме у него произошло нечто из ряда вон выходящее. Всё вокруг него, казалось, кричало о случившейся беде: испуганные глаза чернокожего подростка, встревоженное лицо хранителя атриума, сбившиеся в кучку угрюмые и молчаливые ординарии во главе с прокуратором или мажордомом, собравшиеся приветствовать своего повелителя. Врач Стефанос, александрийский чтец Клейос, дворецкий Пром, — все отворачивались и отводили глаза, лишь бы не встретить тревожно-вопросительный взгляд хозяина.

— Да что, во имя Плутона, с вами со всеми случилось? — воскликнул изумлённый

 $^{^*}$ Перистиль — прямоугольный двор, сад или площадь, окружённые крытой колоннадой. В античной архитектуре перистиль — составная часть жилых и общественных зданий. (Π . Γ .)

^{**} Атриум, или атрий, — первая комната от входа в дом: передняя, гостиная, приёмная или зал. $(\Pi.\Gamma.)$

сенатор, чьё терпение после ночи обильных возлияний лучше было не испытывать. — Почему вы тут стоите, повесив носы? Стефанос, Ваккул, в чём дело? Послушай, Пром, ты же глава всех моих слуг в этом доме! Что произошло? Почему ты прячешь от меня глаза?

Дородный дворецкий, чьё жирное лицо осунулось и покрылось пятнами, положил руку на запястье стоящего рядом с ним слуги.

- Сергий отвечает за атриум, мой господин. Ему и надлежит поведать тебе об ужасном несчастье, случившемся в твоё отсутствие.
- Ну, нет, это сделал Дат. Приведите его и пускай он сам отвечает, недовольным голосом отказался Сергий.

Терпение патриция истощилось.

- А ну, говори сию же секунду, негодяй! закричал он в гневе. Ещё минута, и я прикажу отвести тебя в эргастул.* С колодками на ногах и кандалами на руках ты быстро научишься повиноваться! Говори, я приказываю! И не вздумай медлить!
  - Венера, пролепетал слуга, греческая статуя работы Праксителя...

Сенатор издал вопль отчаяния и ринулся в дальний уголок атриума, где в маленькой нише за шёлковым занавесом хранилась драгоценная статуя - величайшее сокровище не только его художественной коллекции, но, быть может, и всего мира. Резким движением раздвинув ширму, он замер в немой ярости перед обезображенной богиней. Красный светильник с благовонным маслом, всегда горевший у подножия, был разбит, а содержимое его разлилось. Огонь на алтаре угас, венок с головы статуи был сброшен. Но не это было самым страшным. Прекрасное тело обнажённой богини, изваянное из блестящего пантелийского мрамора пять веков назад вдохновенным греком и сохранившее до сей поры белизну и прелесть, подверглось — о, гнусное святотатство! — варварскому осквернению. Три пальца на изящной простёртой руке были отбиты и валялись тут же на пьедестале. Над нежной грудью виднелась тёмная отметина от раскрошившего мрамор удара. Эмилий Флакк, самый тонкий и опытный ценитель изящного во всём Риме, хрипел и задыхался, держась за горло и взирая на ущерб, нанесённый его любимой скульптуре. Но вот он повернулся, обратив к рабам перекошённое судорогой лицо, и обнаружил, к своему вящему удивлению, что ни один из них даже не смотрит в его сторону. Все слуги застыли в почтительных позах, обратив взоры ко входу в перистиль. Теперь уже и сам хозяин увидел, кто вошёл в его дом несколько мгновений назад. Весь его гнев моментально улетучился, уступив место смиренному раболепию, мало в чём отличному от поведения прислуги.

Посетителю было сорок три года. На чисто выбритом лице выделялись большие, налитые кровью глаза и чётко очерченный нос. Массивная голова покоилась на короткой толстой, бычьей шее — отличительный признак всего семейства Флавиев. Он прошёл через перистиль чванной раскачивающейся походкой человека, везде чувствующего себя дома. Но вот он остановился, подбоченился, рассеянно окинул взглядом склонившихся рабов и воззрился на хозяина. Грубое раскрасневшееся лицо гостя перекосилось в презрительной полуусмешке.

- Как же так, Эмилий? заговорил он. А меня уверяли, что в твоём доме самый образцовый порядок во всём Риме. Я вижу, ты сегодня чем-то озабочен?
- Чем могу я быть озабочен, когда сам Цезарь соблаговолил удостоить нас своим присутствием под крышей этого дома? возразил царедворец. Воистину, ты не мог преподнести мне более неожиданного и желанного подарка.
- Ерунда, просто я кое-что припомнил, отмахнулся Домициан. Когда ты и все остальные покинули меня, я не смог заснуть, и тогда мне пришло в голову подышать утренним воздухом, а заодно навестить тебя и увидеть, наконец, твою знаменитую греческую Венеру, о которой ты столь красноречиво распространялся в промежутках между возлияниями. Но судя по твоему виду и виду твоих слуг, мой визит, похоже, оказался не ко времени.
- Нет-нет, повелитель, не говори так! Но я и в самом деле нахожусь в большом затруднении. По воле судеб твой благословенный приход совпал по времени с одним

^{*} Эргастул — в Древнем Риме тюрьма для рабов, а иногда и должников, большей частью под землёй. Эргастул имелся в каждом поместье, реже в городских домах. Рабы, закованные в цепи, должны были выполнять там под присмотром эргастулярия (надзирателя) особо тяжёлые работы. (Π . Γ .)

происшествием, как раз касающимся той самой статуи, к которой ты милостиво соизволил выразить интерес. Вот она, прямо перед тобою, и ты собственными глазами можешь узреть, как жестоко с ней обошлись!

- Клянусь Плутоном и всеми богами подземного мира, воскликнул император, что, будь она моей, кое-кто из вас пошёл бы на корм рыбам! - с этими словами Домициан устремил гневный взгляд на съёжившихся от страха рабов. - Ты всегда отличался излишним мягкосердечием, Эмилий. Все говорят, что в твоём доме цепи и кандалы давно заржавели без применения. Но это уж точно переходит все границы! Я лично прослежу за тем, как ты будешь разбираться с виновными. Кто ответственен за случившееся?
- Раб по имени Сергий, поскольку он следит за атриумом, ответил Флакк. Выйди вперёд, Сергий. Что ты имеешь сказать в своё оправдание?

Дрожащий раб приблизился к хозяину.

- Если господин позволяет мне говорить, я скажу, что преступление совершил Датхристианин.
- Дат? Кто это?
   Дат? Кто это?
   Матулатор, мой господин. Я даже не знал, что он из этих ужасных людей, иначе никогда не допустил бы его сюда. Он пришёл со своей метлой, чтобы убрать птичий помёт. Взор его упал на Венеру, и в то же мгновение он набросился на неё и дважды ударил деревянной палкой от метлы. Мы все кинулись на него и оттащили прочь. Но увы! Увы! Было уже слишком поздно, — несчастный успел отбить у богини три пальца.

Император хмуро усмехнулся, а тонкое лицо патриция побледнело от ярости.

- Где он? спросил Флакк.
- В эргастуле, господин, с колодкой на шее.
- Привести его сюда и собрать всех рабов.

Через несколько минут вся задняя часть атриума оказалась заполнена пёстрой толпой слуг, исполняющих многочисленные обязанности по ведению хозяйства в доме знатного римского вельможи. Здесь присутствовал аркарий, или счетовод, с заткнутым за ухо стилом; лоснящийся от жира прегустатор, пробующий каждое блюдо, — он служил барьером между ядом и желудком господина; рядом с ним находился его предшественник, потерявший рассудок двадцать лет назад, отравившись соком канидийского дурмана; келарий, хранитель винного погреба, покинувший свои драгоценные амфоры, тоже явился на зов хозяина; был здесь повар с половником в руке; пришёл напыщенный номенклатор, чьей обязанностью было объявлять имена приглашённых гостей, а вместе с ним кубикуларий, рассаживающий их за столом, силенциарий, отвечающий за тишину и порядок в доме, структор, расставляющий столы, карптор, разделывающий пищу, кинерарий, возжигающий огонь, и многие, многие другие.

Кто в страхе, кто с интересом, - все собрались посмотреть, как будут судить злополучного Дата.

За спинами мужчин прятался рой хихикающих и перешёптывающихся женщин и девушек из бельевой, прачечной и ткацкой - Марии, Керузы, Амариллиды вставали на цыпочки или выставляли симпатичные любопытные мордашки поверх плеч представителей сильной половины прислуги. Сквозь эту толпу с трудом пробились двое дюжих молодцов, ведущих обвиняемого. Это был маленький смуглый человечек с грубыми чертами лица, неряшливо торчащей бородой и безумными глазами, горящими каким-то мощным внутренним огнём. Руки его были связаны за спиной, а шею охватывал тяжёлый деревянный ошейник или фурка, одеваемый обычно на непокорных рабов. Кровоточащая царапина на щеке свидетельствовала о том, что в предыдущей потасовке ему уже крепко досталось.

— Это ты — мусорщик Дат? — задал первый вопрос патриций.

Преступник гордо выпрямился.

- Да, сказал он, моё имя Дат.
- Ответь мне, ты испортил мою статую?
- Да. я.

Ответ прозвучал с бесшабашной дерзостью, вызывающей невольное уважение. К гневу

^{*} мусорщик

хозяина присоединилось острое любопытство.

- Почему ты так поступил? спросил он.
- Это был мой долг!
- Почему же ты считаешь своим долгом уничтожать собственность хозяина?
- Потому что я христианин! глаза его недобро сверкнули на смуглом лице. Потому что нет другого бога, кроме Всевышнего и Предвечного, а все прочие суть идолища поганые. Какое отношение имеет эта голая шлюха к Тому, чьим одеянием служит свод небесный, а весь мир лишь подставка для ног? Служа Ему, разбил я твою статую.

Домициан с усмешкой посмотрел на патриция.

- Ты ничего от него не добьёшься. Эти всегда так рассуждают, даже со львами на арене. Аргументы всех римских философов бессильны переубедить их. Стоя пред моим лицом, они нагло отказываются принести жертву в мою честь. Никогда ещё мне не приходилось иметь дела с таким невозможным народом. На твоём месте я бы долго не раздумывал.
  - Что же посоветует великий Цезарь?
- Сегодня днём состоятся игры. Я собираюсь показать нового охотничьего леопарда, присланного мне в подарок царём Нумидии. Этот раб может позабавить нас, когда голодный зверь начнёт обнюхивать ему пятки.

Патриций на мгновение задумался. Он всегда по-отечески относился к слугам, и сама мысль отдать кого-то из них на растерзание была для него ненавистна. Быть может, всё-таки, если этот твердолобый фанатик раскается в содеянном, ему удастся сохранить жизнь. Во всяком случае, попытаться стоило.

— Твоё преступление заслуживает смерти, — сказал он. — Можешь ли ты привести какие-нибудь доводы в свою защиту, учитывая, что разбитая тобой статуя стоит в сотни раз дороже тебя самого?

Раб пристально поглядел на хозяина.

— Я не страшусь смерти, — сказал он. — Моя сестра Кандида умерла на арене, и я готов последовать её примеру. Это верно, что я испортил твою статую, но взамен могу предложить тебе нечто во много раз более ценное. Хочешь обрести Слово Истины вместо твоего разбитого идола?

Император расхохотался.

- Ты ничего от него не добьёшься, Эмилий, - повторил он. - Я давно знаю это проклятое семя. Он сам говорит, что готов умереть. Так зачем же ему мешать?

Но патриций по-прежнему медлил. Он решил предпринять последнюю попытку.

- Развяжите ему руки, приказал он стражникам. Теперь снимите фурку с его шеи. Так! Вот видишь, Дат, я освободил тебя, чтобы показать, что я тебе доверяю. Я не стану наказывать тебя, если ты сейчас признаешь свою ошибку перед всеми и подашь тем добрый пример всем моим домочадцам.
  - Каким образом должен я признать свою ошибку? спросил раб.
- Склони голову перед богиней и попроси её о прощении за причинённый вред. Тогда, быть может, ты заслужишь и моё прощение.
  - Хорошо, отведите меня к ней, сказал христианин.

Эмилий Флакк бросил на императора торжествующий взгляд. Добротой и тактом он добился того, чего не смог добиться насилием Домициан.

Дат остановился перед искалеченной Венерой. Затем, внезапным рывком, он выдернул дубинку из руки одного из охранников, прыгнул на пьедестал и осыпал прекрасную мраморную женщину градом ударов. Раздался треск, и правая рука с глухим стуком упала на землю. Ещё удар — и за правой последовала левая. Флакк приплясывал и вопил в ужасе, пока слуги отрывали взбесившегося святотатца от беззащитной статуи. Безжалостный смех Домициана потряс стены и эхом отозвался в зале.

- Ну, и что ты теперь скажешь, друг мой? - воскликнул он. - Всё ещё мнишь себя мудрее своего императора? Или по-прежнему считаешь, что христианина возможно укротить добротой?

Эмилий Флакк устало вытер пот со лба.

 $^{^*}$ Домициан провозгласил себя богом, поэтому в его честь строились храмы и приносились жертвы. (Π . Γ .)

- Он твой, великий Цезарь. Поступай с ним, как тебе заблагорассудится.
- Приведёте его к гладиаторскому входу в цирк за час до начала игр, распорядился император. Ну что ж, Эмилий, ночка у нас прошла весело. Моя лигурийская галера ждёт у причала на набережной. Пойдём прокатимся до Остии и обратно и освежим головы, прежде чем государственные дела потребуют твоего присутствия в Сенате.

1911 г.

(перевод А. Дубова)

ТАЙНА ДОЛИНЫ СЭСАССА

Знаю ли я, почему Тома Донахью зовут Том-Счастливчик? Да, знаю; и среди тех, кто так его называет, едва ли может этим похвалиться один из десяти. Я в своё время немало бродил по свету и немало видел удивительных вещей, но самое удивительное — то, как Том заполучил это прозвище и в придачу — своё состояние. Я ведь был с ним тогда. Рассказать? Извольте. Только это длинная история и к тому же совершенно необыкновенная, так что закурите-ка ещё сигару и налейте себе ещё стаканчик. Как я уже сказал, история эта необыкновенная, почище иных волшебных сказок, но всё в ней чистая правда, сэр, каждое слово. В Капской колонии живы ещё люди, которые всё это помнят и могут подтвердить, что я не вру. Об этом событии не раз толковали у огня в хижинах буров от штата Оранжевый до Грикваленда, да и не только там — и в буше, и на алмазных копях.

Я теперь уже не тот, сэр, одичал, как говорится, но было время, когда я был зачислен в Миддл-Темпл^{*} и учился на адвоката. Том — вот ведь как — был тогда моим однокашником. Эх, и покутили же мы с ним, пока в конце концов наши финансы не иссякли, и нам пришлось бросить так называемые занятия и отправиться искать по свету местечко, где двое молодых парней с крепким здоровьем и сильными руками могли бы чего-то добиться.

В те дни эмиграция в Африку только-только начиналась, и мы решили, что удача ждёт нас именно там, в Капской колонии. Короче говоря, мы отправились в путь, а когда высадились в Кейптауне, у нас не было и пяти фунтов в кармане. Тут мы и расстались. Пробовали свои силы на разных поприщах, были и взлёты и падения, но когда к концу третьего года случай снова нас свёл, оба мы, и Том и я, были — увы — в положении ненамного лучшем, чем в начале пути. По правде говоря, хвастать было нечем; мы были так подавлены, так удручены, что Том даже стал поговаривать, не вернуться ли в Англию и не поступить ли клерком в какую-нибудь контору. Мы тогда ещё не понимали, что до тех пор просто заходили с мелкой карты, а все козыри у нас ещё впереди; мы думали, нам вся карта идёт плохая. Край там был малонаселённый - так, редкие фермы, обнесённые частоколом и заборами для защиты от кафров. Мы с Томом Донахью жили в маленькой хижине прямо в буше, но все знали, что у нас ничего нет и что к тому же оба мы умеем пользоваться оружием, поэтому бояться нам было нечего. Так мы и жили, перебиваясь случайными работами, в надежде, авось что-нибудь наконец подвернётся. Прошло около месяца, и вдруг однажды вечером нам действительно представился случай, который всё перевернул в нашей жизни и сделал нас людьми. Я отлично помню, как это было. За стенами хижины выл ветер, и дождь грозил ворваться в окно. Мы развели огонь. В очаге шипели и постреливали дрова, я сидел рядом и чинил кнут, а Том лежал на своей койке, на чём свет кляня судьбу, забросившую его в такое гиблое место.

- Брось, Том, не унывай, слышь? сказал я. Выше нос! Никто не знает, что его ждёт.
- Меня невезение, сплошное невезение, Джек, ответил он. Мне всю жизнь не везло. У парней, которые только-только приехали из Англии, уже звенят монеты в карманах, а я пробыл в этой проклятой стране три года и попрежнему нищ, как тогда, когда сошёл с корабля. Ах, Джек, дружище, если ты хочешь держать голову над водой, тебе придётся попытать счастья без меня.
- Ерунда, просто на тебя такой стих нашёл сегодня. Послушай, к нам кто-то идёт! Похоже, это Дик Уортон; вот он тебя расшевелит, а то ты совсем раскис.

Не успел я договорить, как дверь распахнулась, и честный Дик Уортон появился на пороге. Вода стекала с него ручьями, его доброе красное лицо вырисовывалось в полумраке, как полная луна. Он отряхнулся, поздоровался с нами и сел у огня.

— Где тебя носит в такую ночь? — спросил я. — Смотри, Дик, ревматизм — враг похлеще кафров; ты в этом убедишься, если не станешь поаккуратней выбирать время для прогулок.

Дик выглядел необычно серьёзным. Если бы я не знал этого человека, я, пожалуй, решил бы, что он чем-то напуган.

 $^{^*}$ Миддл-Темпл — известная лондонская юридическая корпорация, где готовят адвокатов для судов высшей инстанции. (Π . Γ .)

- Пришлось пойти, ответил он, надо было. Одна из коров Мэдисона забрела в долину Сэсасса; конечно, никто из наших чёрных не захотел туда итти. Ночью ни за что, а если бы мы стали дожидаться утра, эта скотина вообще забрела бы к кафрам.
- А почему это они так заупрямились? Почему не хотели ночью итти в долину? поинтересовался Том.
  - Наверное, кафров боятся, предположил я.
  - Духов, а не кафров, сказал Дик.

Мы с Томом расхохотались.

- Ну, наверное, такому здравомыслящему человеку, как ты, духи не стали бы демонстрировать свои чары, подал голос Том со своей койки.
- Ошибаешься, возразил Дик серьёзно. Представьте себе: сегодня я видел то, о чём болтают негры, и уверяю вас, не хотел бы увидеть это ещё раз.

Том подхватился и сел на койке.

- Чушь какая! Ты шутишь, Дик! А ну-ка расскажи всё по порядку. Сначала эту негритянскую легенду, а потом что ты сам видел. Передай ему бутылку, Джек.
- Ну, что касается легенды, начал Дик, мне кажется, у них из поколения в поколение передаётся, будто в этой долине обитает злой дух. Охотникам и бродягам, проходившим по ущелью, случалось видеть его горящие глаза в тени скалы; и говорят, тот, кому довелось встретить его злобный взгляд, всю жизнь потом испытывает губительную силу этого существа. Теперь у меня будет возможность проверить на себе, правда это или нет, добавил Дик удручённо.
  - Дальше, Дик, дальше! воскликнул Том. Расскажи, что ты видел.
- Ну вот: пробирался я по долине, разыскивая эту чёртову корову, и прошёл уже, наверное, с полпути до того места, где справа в ущелье выступает чёрный скалистый утёс. Там я остановился, чтобы хлебнуть глоточек из фляги. Я всё время смотрел на этот утёс и ничего необычного в нём не замечал. Потом я поднял флягу и сделал шаг или два вперёд — и вдруг откуда-то от подножия скалы, футах в десяти от земли и на расстоянии примерно сотни ярдов от меня вспыхнул странный, зловещий огонь, мерцающий, колеблющийся; он то угасал постепенно, то снова загорался. Нет-нет, я видел много всяких светляков, и ползающих и летающих, но это было совсем не то. Так я и стоял, уставившись на этот огонь и дрожа всем телом — не меньше десяти минут стоял, — а он всё горел. Затем я шагнул вперёд — и он исчез, как будто свечу задули. Я опять отступил на шаг, но мне не сразу удалось найти то самое место и положение, откуда он был виден. Наконец нашёл — и снова это мерцание, этот зловещий красноватый свет. Я собрался с духом и двинулся к скале, но дорога там такая неровная, что итти по прямой было невозможно, и я так больше ничего и не увидел, хотя прошёл вдоль всего подножия скалы. Тогда я повернул и потопал домой, я могу вам сказать, ребята, — я даже не заметил, что идёт дождь, пока вы мне об этом не сказали. Эй, что там такое с Томом?

И действительно — что с ним? Теперь он сидел, свесив ноги с койки, и лицо его выражало настолько сильное волнение, что казалось, оно причиняет ему боль.

- У дьявола должно быть два глаза. А ты сколько видел, Дик? Да говори же!
- Только один.
- Ур-р-ра! завопил Том. Вот это уже лучше!

С этими словами он так взбрыкнул, что одеяла отлетели на середину комнаты, а сам он вскочил и стал мерить её пространство крупными, лихорадочными шагами. Потом вдруг остановился перед Диком и положил руку ему на плечо:

- Послушай, Дик, как ты думаешь: мы успеем дойти туда до рассвета?
- До этой долины? Едва ли.
- Так вот: мы с тобой старые друзья, Дик Уортон. Прошу тебя: не говори никому о том, что ты нам рассказал. Неделю не говори обещаешь?

Дик пообещал, но лицо у него было такое, будто он решил, что бедняга Том не в своём уме. Я и сам был совершенно озадачен его поведением, однако я видел немало доказательств того, что друг мой в избытке наделён здравым смыслом и сообразительностью, а потому вполне допускал, что рассказ Уортона имел для него какое-то особое, недоступное моему пониманию значение.

Всю ночь Том Донахью провёл в чрезвычайном волнении, и, когда Уортон собрался уходить, он снова стал умолять его не забывать о данном обещании. Кроме того, он выудил у Дика точное описание места, с которого тот наблюдал это странное явление, и время, когда оно возникло. Когда Дик наконец ушёл — это было часа в четыре утра, — я завалился спать, а Том принялся что-то мастерить, прилаживая друг к другу две ровные планочки. Я наблюдал за ним, пока не уснул, а когда проснулся, часа через два, он всё ещё сидел перед огнём в той же позе и возился со своими палочками. Две скрепил так, что получилось грубое подобие буквы Т, и теперь примащивал третью, поменьше, чтобы с её помощью можно было поднимать или опускать поперечинку. В вертикальной планке он сделал наседки, чтобы при помощи распорки можно было удерживать поперечину в любом положении сколько угодно времени.

— Послушай, Джек! — воскликнул он, увидев, что я не сплю. — Поди-ка сюда, мне нужен твой совет. Если я вот эту поперечину направлю на какой-то предмет и зафиксирую её положение вот этой распоркой, смогу ли я потом, если мне понадобится, найти его с помощью этой штуки?

Он сжал мою руку, заметно волнуясь.

- Ну, это прежде всего зависит, на каком расстоянии от тебя находится объект и насколько точно сориентировано твоё сооружение. Вообще я бы сделал прорезь, вроде визира или прицельного устройства, на поперечине; тогда бечёвка, привязанная к её концу и натянутая так, чтобы строго продолжать её направление, приведёт тебя к желаемому объекту. Только я что-то не пойму не хочешь ли ты определить местонахождение злого духа при помощи этой рогульки?
- Ты всё увидишь сегодня, дружище, сегодня вечером. Я возьму эту штуку в долину Сэсасса, а ты попросишь у Мэдисона ломик и пойдёшь со мной. Только смотри, никому не говори, куда идёшь и зачем тебе лом.

Целый день Том трудился над своим сооружением или ходил взад и вперёд по комнате. Глаза его блестели, щёки пылали, налицо были все симптомы отчаянной лихорадки.

«Не дай Бог, Дик окажется прав в своём диагнозе», — подумал я, возвратившись с ломом от Мэдисона. И всё же по мере того, как приближался вечер, я чувствовал, что сам невольно разделяю его волнение.

Около шести часов Том вскочил на ноги и схватил свои палочки.

— Я больше не могу, Джек! Бери лом — и вперёд, в долину Сэсасса! Сегодня всё решится — пан или пропал! Возьми с собой револьвер, на случай, если встретятся кафры. Я свой не возьму, — продолжал он, положив руки мне на плечи, — не возьму, потому что за себя не ручаюсь. Я не знаю, что могу сделать, если мне опять не повезёт.

Итак, рассовав по карманам всё необходимое, мы отправились в путь — утомительный путь в долину Сэсасса. По дороге я несколько раз пытался выяснить у Тома, каковы его намерения, но единственным ответом неизменно было: «Надо спешить, Джек. Кто знает, сколько человек уже слышали о похождениях Уортона. Надо спешить, пока нас не опередили».

Вот так мы пробирались среди холмов миль эдак десять, пока наконец, спустившись с очередного гребня, не увидели открывающееся перед нами ущелье, тёмное и мрачное, как дорога в ад. Высокие утёсы с обеих сторон замыкали усыпанный валунами проход, который вёл через эту долину привидений в страну кафров. Луна, поднимающаяся над утёсами, освещала зубчатые вершины, отбрасывая резкие, причудливые тени, а внизу была кромешная тьма, как в преисподней.

- Долина Сэсасса? спросил я.
- Да, ответил Том.

Я взглянул на него — он был спокоен. Вся его горячность исчезла; движения были расчётливо-неторопливы. И всё-таки в лице чувствовалось какое-то напряжение, а блеск в глазах свидетельствовал, что кризис наступил.

Мы вошли в проход, спотыкаясь среди валунов, и вдруг я услышал короткий возглас:

- Вот он, этот утёс! Том указывал на тёмную громаду, выросшую перед нами.
- Теперь, Джек, ради всего святого, смотри в оба! Я думаю, от нас до этого утёса около ста метров. Ты иди медленно в ту сторону, а я пойду в другую. Как только увидишь чтонибудь, остановись и крикни мне. Не делай больших шагов и всё время смотри на утёс —

футов восемь от земли. Ты готов?

— Да

Теперь уже я сам был взволнован не меньше Тома. Каковы его намерения или цель, я не мог постичь; ясно было только, что он хочет при дневном свете осмотреть ту часть скалы, откуда исходило это загадочное мерцание. Влияние романтической обстановки и сдерживаемого волнения моего спутника было столь велико, что я чувствовал, как кровь струится по жилам и мог сосчитать толчки её в висках.

- Пошли! крикнул Том, и мы двинулись он направо, я налево. Я успел сделать шагов двадцать, как вдруг увидел это. Сквозь сгущающийся мрак передо мной светилась маленькая красноватая точка; свет её то слабел, то усиливался, мерцал и колебался, причём с каждой переменой он казался всё более и более зловещим. Я вспомнил кафрское поверье, и мурашки побежали у меня по спине. В волнении я отступил на шаг и свет исчез. На месте его сгустилась полная темнота, но стоило мне снова двинуться вперёд, как передо мной снова возник красноватый огонёк, тлеющий у подножия скалы.
  - Том! закричал я.
  - Иду! откликнулся он, спеша мне навстречу.
  - Вот оно вон там, у скалы!

Том был рядом, он касался меня локтём.

- Я ничего не вижу, возразил он.
- Да вот же, смотри прямо перед тобой!

Я шагнул вправо, и свет исчез.

Зато Том издал вопль восторга: было ясно, что с того места, где я только что стоял, он тоже увидел это.

— Джек, — воскликнул он, обернувшись, и сжал мою руку. — Джек, нам больше никогда не придётся жаловаться на судьбу! Надо сложить несколько камней — вот здесь, где мы сейчас стоим. Вот так. А теперь закрепить на верхушке мой указатель. Отлично. Если только не будет сильного ветра, до утра он продержится, а больше нам и не надо. Подумать только! Ещё вчера мы говорили, что нам ничего не останется, как вернуться в Англию и поступить клерками в какую-нибудь захудалую контору, а ты ещё сказал, никто не знает, что его ждёт. Клянусь, об этом можно было бы написать неплохой рассказ!

К этому времени мы уже закрепили вертикальную планку между двумя большими камнями; Том наклонился и стал смотреть вдоль поперечины.

Минут пятнадцать он то поднимал, то опускал её, пока не закрепил угол распоркой. Наконец со вздохом удовлетворения Том выпрямился.

Взгляни-ка, Джек, у тебя верный глаз.

Я взглянул. В центре прорези мерцал красноватый огонёк; казалось, он находится на конце планки — с такой точностью Том установил свой прибор.

— А теперь, мой мальчик, — сказал он, — мы поужинаем и ляжем спать. Сегодня нам больше делать нечего, зато завтра нам понадобятся все наши силы и вся наша смекалка. Собирай хворост, и разожжём костёр: придётся посторожить эту штуку, чтобы с ней ничего не случилось.

Ну что ж, мы разожгли костёр и поужинали; глаз демона Сэсасса светился перед нами весь вечер. Правда, не всё время на том же месте, потому что, когда после ужина я захотел ещё раз взглянуть на него через визир, его нигде не было видно. Тома, однако, моё сообщение не обеспокоило.

- Это луна переместилась, а не эта штука, - заметил он и, свернувшись калачиком, закрыл глаза.

К рассвету мы оба были уже на ногах, вглядываясь в точку, на которую указывала стрелка нашего ориентира. Ничего особенного — мёртвая однообразная, синевато-серая поверхность, чуть, пожалуй, более неровная в этом месте, вот и всё.

— Теперь мы осуществим твою идею, Джек, — сказал Том Донахью, разматывая тонкую бечёвку, намотанную вокруг талии. — Ты прикрепи свой конец к планке, а я возьму другой конец

С этими словами он отошёл к подножию скалы, держа конец бечёвки, а я натянул другой и привязал его к середине поперечной планки, пропустив предварительно через

прорезь визира. Теперь я мог со своего места командовать Тому «левее» или «правее», пока, наконец, натянутая до скалы бечева полностью не совпала с направлением планки. Точка, на которую она указывала, находилась на высоте примерно восьми футов от земли. Том обвёл мелом круг, диаметром фута в три, и подозвал меня.

— Слушай, Джек, — сказал он, — всё, что надо было сделать, мы делали вместе, и если мы сейчас что-то найдём, это будет наша общая находка.

Внутри окружности, которую он начертил, поверхность скалы была более гладкой — только посередине торчало несколько бугорков. С воплем восторга Том ткнул пальцем в один из них. Это была шероховатая бурая масса, величиной с кулак взрослого мужчины, похожая на кусок грязного стекла.

- Вот оно! крикнул Том. Вот, видишь?
- Ψ_{TO} «OHO»?
- Алмаз понимаешь? алмаз! И нет в Европе монарха, который не позавидовал бы Тому Донахью, обладателю такого сокровища! Бери лом! Сейчас будем изгонять дьявола из долины Сэсасса!

Я был так потрясён, что с минуту стоял, не в силах вымолвить ни слова, уставившись на сокровище, которое так нежданно свалилось нам в руки.

- Дай-ка мне лом. Вот эту круглую шишку мы используем как точку опоры, а лом — как рычаг. Ну вот, я и не думал, что мы так легко справимся. Теперь, чем скорее мы доберёмся до дома, а оттуда в Кейптаун, тем лучше.

Мы завернули свою драгоценность в платок и через холмы отправились домой. По дороге Том рассказал, что когда-то, когда мы с ним ещё штудировали право в Миддл-Темпле, ему попалось в библиотеке пыльное сочинение некоего Янса ван Хоунима, описывающее случай, очень похожий на наш: этот почтенный голландец в конце семнадцатого столетия нашёл светящийся алмаз. И вот, когда честный Дик Уортон стал рассказывать нам свою историю с привидением, Тому вспомнилась эта книга, а что касается прибора, при помощи которого ему удалось подтвердить свою догадку, то это плод его собственного изобретательного ирландского ума.

— Мы отвезём эту штуку в Кейптаун, — продолжал Том, — и если там не сумеем выгодно её продать, имеет смысл поехать в Лондон. Но сначала пойдём к Мэдисону; он знает толк в этих вещах и может подсказать, какую цену можно за неё просить.

Сказано — сделано: не доходя до нашей хижины, мы свернули с дороги на узкую тропку, которая вела к ферме Мэдисона. Мы застали его за завтраком. Не прошло и минуты, как Том и я уже сидели по обе стороны от хозяина, наслаждаясь хлебосольным южноафриканским гостеприимством.

— Итак, — сказал он, когда слуги удалились, — какие новости? Я вижу, вы что-то хотели мне сказать — я не ошибаюсь?

Том вытащил свой узелок и торжественно развязал носовой платок.

- Вот, - сказал он, выкладывая кристалл на стол, - ты можешь определить настоящую цену этого камня?

Мэдисон взял в руки нашу находку и критически осмотрел её.

- Ну что ж, сказал он и положил её обратно на стол, в необработанном состоянии около двенадцати шиллингов за тонну.
- Двенадцать шиллингов! воскликнул Том, вскакивая на ноги. Ты что не видишь, что это такое?
  - Ну, почему же каменная соль.
  - Каменная соль? Ты что, рехнулся? Это же алмаз!
  - Лизни, попробуй, ответил Мэдисон невозмутимо.

Том поднёс кристалл к губам и тотчас отшвырнул с восклицанием, которое я не берусь повторить, и выбежал из комнаты.

Я сам был ужасно огорчён и разочарован, но тут мне вспомнилось, что Том сказал мне насчёт револьвера, и я поспешил за ним, оставив Мэдисона с разинутым от изумления ртом.

Когда я вошёл, Том лежал на койке лицом к стене; он был, повидимому, слишком подавлен, чтобы откликнуться на мои утешения. Кляня на чём свет стоит Мэдисона и Дика Уортона, дьявола долины Сэсасса и вообще всё в подлунном мире, я вышел вон, чтобы

выкурить трубочку и освежиться после нашего утомительного приключения. Я отошёл от хижины метров на сорок, как вдруг до слуха моего донёсся звук, который я меньше всего ожидал услышать. Был бы это стон или проклятие, я принял бы его как нечто само собой разумеющееся; но звук, который заставил меня остановиться и вынуть трубку изо рта, был весёлый, громкий смех! Через минуту Том возник на пороге собственной персоной, физиономия его лучилась предвкушением удовольствия:

- Как насчёт ещё одной прогулки, старина? Всего десять миль!
- Что? Ещё один кусок каменной соли по двенадцать шиллингов за тонну?
- Нет-нет, вот этого нам больше не надо, ухмыльнулся Том. Какие же мы с тобой олухи, если такой пустяк уложил нас на обе лопатки! Присядь-ка на этот пенёк, и за пять минут я тебе всё растолкую, это ж ясно, как Божий день! Мало мы с тобой видели вкраплений каменной соли? А теперь скажи мне: хоть одно из них светилось в темноте, да ещё вот так, ярче любого светляка?
  - Да нет, я бы не сказал.
- Уверяю тебя: если бы мы дождались темноты, чего мы, конечно, не сделаем, мы бы увидели, что этот дьявольский глаз там всё ещё светится. Понимаешь, когда мы унесли эту дурацкую соль, мы взяли не тот кристалл. В этих местах неудивительно, что кусок каменной соли валяется в полуметре от алмаза. Просто он попался нам на глаза, и мы сгоряча сваляли дурака, а настоящий камень остался там, где и был. Голову даю на отсечение: алмаз Сэсасса лежит в том самом магическом круге, который я начертил мелом на скале. Пойдём, старик. Раскури свою трубочку, заряди револьвер; мы должны отправиться в путь раньше, чем этот парень Мэдисон успеет сообразить, сколько будет дважды два.

Не могу сказать, чтобы на этот раз я был настроен очень оптимистически. Этот чёртов алмаз превратился для меня в чистое мучение. Однако вместо того, чтобы отрезвить своего приятеля, я объявил, что просто жажду поскорее отправиться в путь. Что это была за прогулка! Том всегда был хорошим ходоком и скалолазом, но в тот день волнение, казалось, придало ему крылья, я же ковылял и карабкался за ним из последних сил. Когда до цели оставалось уже около полумили, он перешёл на беглый шаг, полубег и ни разу не остановился, пока не достиг белого круга на скале. Бедняга! Когда я подоспел, настроение у него было уже отнюдь не радостное: он стоял с унылым видом, засунув руки в карманы, уставившись на скалу отсутствующим взглядом.

- Посмотри, сказал он, посмотри! И указал на утёс. Никаких признаков чегонибудь, хотя бы отдалённо напоминающего алмаз. Внутри окружности не было ничего плоский синевато-серый камень, большая дыра на том месте, откуда мы выковыряли свой кристалл, и ещё одно или два углубления поменьше. Никаких признаков алмаза.
- Я ощупал и осмотрел каждый дюйм, бормотал несчастный. Его здесь нет. Кто-то тут уже побывал, увидел меловой круг и забрал алмаз. Пойдём домой, Джек, я больше не могу, я устал, мне всё опротивело. Ну скажи: есть ещё хоть один человек на свете, которому бы так не везло?

Я повернулся было, чтобы уйти, но прежде решил ещё раз оглядеться. Том уже отошёл шагов на десять.

- Постой, крикнул я, ты не видишь в этой окружности никаких перемен по сравнению с тем, что тут было вчера?
  - Что ты хочешь сказать? насторожился он.
  - Тебе не кажется, что тут чего-то не хватает?
  - Кристалла соли? спросил он.
- Да нет, того круглого бугорка, который мы использовали как точку опоры. Мы, наверное, сковырнули его, орудуя своим рычагом. Давай посмотрим, где он и что собой представляет.

Мы принялись заново обшаривать землю у подножия скалы, рассматривая каждый камешек.

— Джек, вот он! Ура! Мы-таки добились своего! Что ни говори, а мы настоящие мужчины!

Я обернулся — Том стоял, сияя от восторга, держа в руках небольшой осколок чёрного камня. Осколочек был вроде бы совсем обыкновенный, но у основания его была какая-то

выпуклость — вот на неё-то и указывал Том. На первый взгляд она напоминала стеклянный глаз, но в ней была глубина и яркость, несвойственная стеклу. На этот раз не могло быть никакой ошибки: у нас в руках был алмаз огромной ценности. Мы покинули долину с лёгким сердцем, унося с собой «дьявола», который так долго властвовал над ней.

Вот и всё, сэр. Так именно оно и было. Я, наверное, утомил вас своим рассказом. Знаете, когда заходит разговор о тех суровых днях, у меня так и встаёт перед глазами наша убогая хижина, рядом с ней ручей и заросли кругом, и я снова слышу голос Тома. Ну, что вам ещё сказать? Мы хорошо заработали на этом камешке. Том Донахью, как вы знаете, обосновался здесь и приобрёл известность в городе. Я занялся земледелием и разведением страусов, дела у меня идут совсем неплохо. Дика Уортона мы тоже приспособили к делу, он теперь один из наших ближайших соседей. Если случится когда-нибудь побывать в наших краях, сэр, не забудьте спросить, где тут Джек Тернболл — Джек Тернболл из долины Сэсасса.

1879 г.

(перевод И. Мельницкой)

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Мистер Ламзден, старший компаньон фирмы «Ламзден и Уэстмекот», — широко известного агентства по найму учителей и конторских служащих — был невелик ростом, отличался решительностью и быстротой движений, резкими, не слишком церемонными манерами, пронизывающим взглядом и язвительностью речи.

- Имя, сэр? спросил он, держа наготове перо и раскрыв перед собой длинный, разлинованный в красную линейку гроссбух.
  - Гарольд Уэлд.
  - Оксфорд или Кембридж?
  - Кембридж.
  - Награды?
  - Никаких, сэр.
  - Спортсмен?
  - Боюсь, что очень посредственный.
  - Участвовали в состязаниях?
  - О нет, сэр.

Мистер Ламзден сокрушённо покачал головой и пожал плечами с таким видом, что я утратил последнюю надежду.

— На место учителя очень большая конкуренция, мистер Уэлд, — сказал он. — Вакансий мало, а желающих занять их — бесчисленное множество. Первоклассный спортсмен, гребец, игрок в крикет или же человек, блистательно выдержавший экзамены, легко находит себе место — игроку в крикет, я бы сказал, оно всегда обеспечено. Но человек с заурядными данными — прошу простить мне это выражение, мистер Уэлд, — встречается с большими трудностями, можно сказать, непреодолимыми. В нашем списке свыше сотни таких имён, и если вы считаете целесообразным добавить к ним своё, что ж, по истечении нескольких лет мы, пожалуй, сумеем подобрать для вас...

Его прервал стук в дверь. Вошёл клерк с письмом в руках. Мистер Ламзден сломал печать и прочёл письмо.

- Вот действительно любопытное совпадение, сказал он. Насколько я вас понял, мистер Уэлд, вы преподаёте английский и латынь и временно хотели бы получить место учителя в младших классах, чтобы у вас оставалось достаточно времени на ваши личные занятия?
  - Совершенно верно.
- Это письмо от одного из наших давнишних клиентов, доктора Фелпса Маккарти, директора школы «Уиллоу Ли» в Западном Хэмпстеде. Он обращается к нам с просьбой немедленно прислать ему молодого человека на должность преподавателя латыни и английского в небольшой класс мальчиков-подростков. Его предложение, мне кажется, полностью соответствует тому, что вы ищете. Условия не слишком блестящие: шестьдесят фунтов, стол, квартира и стирка. Но и обязанности необременительные, все вечера у вас будут свободны.
- Мне это вполне подходит! воскликнул я с энтузиазмом человека, который потратил несколько томительных месяцев на поиски работы и наконец увидел возможность её получить.
- Не знаю, будет ли это справедливо по отношению к тем, чьи имена давно числятся в нашем списке, проговорил мистер Ламзден, взглянув в гроссбух, но совпадение, в самом деле, удивительное, и мне думается, мы должны предоставить право выбора вам.
  - В таком случае я согласен занять это место, сэр, и очень вам признателен.
- В письме доктора Маккарти есть одна оговорка. Он ставит непременным условием, чтобы кандидат на это место обладал ровным и спокойным характером.
  - Я именно тот, кто ему требуется, сказал я убеждённо.
- Ну что ж, проговорил мистер Ламзден с некоторым сомнением. Надеюсь, ваш характер действительно таков, как вы утверждаете, иначе в школе Маккарти вам придётся нелегко.

- Я полагаю, хороший характер необходим каждому учителю, преподающему в млалших классах.
- Да, сэр, разумеется, но считаю долгом предупредить, что в данном случае, повидимому, имеются особые неблагоприятные обстоятельства. Доктор Фелпс Маккарти не сталбы ставить подобного условия, не будь у него на то серьёзных и веских причин.

Он произнёс это несколько мрачным тоном, слегка охладив мой восторг по поводу столь неожиданной удачи.

- Могу я узнать, что это за обстоятельства? спросил я.
- Мы стремимся равно оберегать интересы всех наших клиентов и со всеми с ними быть вполне откровенными. Если бы мне стали известны факты, говорящие против вас, я, безусловно, сообщил бы о них доктору Маккарти, и потому, не колеблясь, могу то же самое сделать и для вас. Я вижу, продолжал он, снова глянув на страницы своего гроссбуха, что за последний год мы направили в школу «Уиллоу Ли» не больше не меньше, как семь преподавателей латыни, из коих четверо покинули место так внезапно, что лишились права на месячное жалованье, и ни один не продержался дольше восьми недель.
  - А другие учителя? Они остались?
- В школе есть ещё только один учитель, по-видимому, он там обосновался прочно. Вы, конечно, понимаете сами, мистер Уэлд, продолжал агент, закрывая гроссбух и тем заканчивая нашу беседу, что с точки зрения человека, ищущего места, такая частая смена не обещает ничего хорошего, как бы она ни была выгодна агенту, работающему на комиссионных началах. Я не имею понятия, почему ваши предшественники отказывались от места с такой поспешностью. Передаю вам только сами факты. И советую, не мешкая, повидать доктора Маккарти и сделать собственные выводы.

Велика сила человека, которому нечего терять, и потому я с полной безмятежностью, но преисполненный живейшего любопытства, в середине того же дня дёрнул тяжёлый чугунный колокольчик у входа в школу «Уиллоу Ли». Это громоздкое квадратное и безобразное здание было расположено на обширном участке; от дороги к нему вела широкая подъездная аллея. Дом стоял на холме, откуда открывался широкий вид на серые крыши и острые шпили северных районов Лондона и на прекрасные, лесистые окрестности этого огромного города. Дверь открыл слуга в ливрее и провёл меня в кабинет, содержащийся в образцовом порядке. Вскоре туда вошёл и сам глава учебного заведения.

После намёков и предостережений агента я приготовился встретить человека вспыльчивого, властного, способного резкостью обращения оскорбить и возмутить людей, работающих под его началом. Трудно себе представить, до какой степени это было не похоже на действительность. Я увидел приветливого, тщедушного старичка, выбритого, сутулого — чрезмерная его любезность и предупредительность были даже неприятны. Его густая шевелюра совсем поседела; на вид ему было лет шестьдесят. Говорил он негромко и учтиво, двигался какой-то особо деликатной, семенящей походкой. Всё в нём ясно показывало, что это человек мягкий, более склонный к учёным занятиям, нежели к практическим делам.

- Мы очень рады, мистер Уэлд, что заручились вашей помощью, сказал он, предварительно задав мне несколько обычных вопросов, касающихся самого дела. Мистер Персиваль Мэннерс вчера от нас уехал, и я был бы весьма вам признателен, если бы вы уже с завтрашнего дня приняли на себя его обязанности.
  - Могу я спросить, сэр, это мистер Персиваль Мэннерс из Селвина?
  - Да. Вы его знаете?
  - Он мой приятель.
- Отличный учитель, но не очень терпеливый молодой человек. Это его единственный недостаток. Скажите, мистер Уэлд, умеете вы владеть собой? Предположим, к примеру, что я вдруг настолько забудусь, что позволю себе какую-нибудь бестактность, или заговорю в недопустимом тоне, или чем-то задену ваши чувства, уверены вы, что сумеете себя сдержать и не выразить мне своего возмущения?

Я улыбнулся, так забавна показалась мне мысль, что этот щуплый, обходительный старичок умудрится вывести меня из терпения.

- Полагаю, что могу в том поручиться, сэр.
- Меня крайне огорчают ссоры, продолжал директор. Я бы хотел, чтобы под этой

кровлей царили мир и согласие. У мистера Персиваля Мэннерса были поводы для неудовольствия, я не стану этого отрицать, но мне нужен человек, который стоял бы выше личных обид и умел пожертвовать своим самолюбием ради общего спокойствия.

- Постараюсь сделать всё, что в моих силах, сэр.
- Это лучший ответ, какой вы могли дать, мистер Уэлд. В таком случае буду ждать вас к вечеру, если успеете собрать свои вещи за такой короткий срок.
- Я не только успел уложить вещи, но и нашёл время зайти в клуб Бенедикта на Пикадилли, где, как я знал, можно было почти наверняка застать Мэннерса, если он ещё не выехал из Лондона. Я действительно отыскал своего приятеля в курительной комнате и там за папироской спросил Персиваля, почему он ушёл с последнего места.
- Как! Уж не собираешься ли ты поступить к доктору Фелпсу Маккарти? воскликнул он, с удивлением глядя на меня. Послушай, дружище, брось эту затею! Всё равно ты там не удержишься.
- Но я уже познакомился с доктором и нахожу, что это на редкость приятный, безобидный старик. Мне не приходилось встречать человека более мягкого и обходительного.
- Дело же не в нём. Против него ничего не скажешь. Добрейшая душа. А Теофила Сент-Джеймса ты видел?
  - Впервые слышу это имя. Кто он такой?
  - Твой коллега. Второй учитель.
  - Нет. с ним я ещё не познакомился.
- Вот он-то и есть бич этого дома. Если ты окажешься в состоянии терпеть его выходки, значит, либо в тебе мужество истинного христианина, либо ты просто тряпка. Трудно найти большего грубияна и невежу, чем он.
  - Однако доктор Маккарти его терпит?

Мой приятель бросил на меня сквозь облачко папиросного дыма многозначительный взгляд и пожал плечами.

- Относительно этого ты составишь собственное мнение. Я своё составил мгновенно и остаюсь при нём поныне.
  - Ты окажешь мне услугу, если объяснишь, в чём дело.
- Когда ты видишь, что человек безропотно, без единого слова протеста позволяет, чтобы в его собственном доме ему грубили, не давали покоя, мешали в делах и всячески подрывали его авторитет, причём всё это проделывает его же подчинённый, скажи, какие напрашиваются выводы?
  - Что этот подчинённый имеет над ним какую-то власть.

Персиваль Мэннерс кивнул.

— Совершенно верно. Ты сразу попал в точку. Да тут другого объяснения и не подыщешь. Очевидно, в своё время доктор что-то натворил. Нитапит errare est. Я сам не безгрешен. Но здесь, вероятно, кроется что-то уж очень серьёзное. Этот тип вцепился в старика и крепко держит его в своих лапах. Убеждён, что не ошибаюсь. Тут, безусловно, пахнет шантажом. Но мне этого Теофила бояться нечего — с какой же стати я-то буду терпеть его наглость? Вот я и ушёл. Не сомневаюсь, что ты последуешь моему примеру.

Он ещё некоторое время продолжал говорить на эту тему, не переставая выражать уверенность, что я не слишком задержусь на новом месте.

Не удивительно поэтому, что я без особого удовольствия встретился с человеком, о котором получил такой дурной отзыв. Доктор Маккарти познакомил нас в кабинете в тот же вечер, тотчас по моём прибытии в школу.

— Вот ваш новый коллега, мистер Сент-Джеймс, — сказал он со свойственной ему мягкостью и любезностью. — Надеюсь, вы подружитесь, и под нашей кровлей будут процветать только доброжелательность и взаимная симпатия.

Я был бы рад разделить надежды доктора Маккарти, но облик моего confrère'a** этому не способствовал. Передо мной стоял человек лет тридцати, с бычьей шеей, черноглазый и черноволосый, судя по виду очень сильный. В первый раз видел я человека такого мощного сложения, хотя и заметил у него некоторую склонность к ожирению, свидетельствовавшую о

^{*} Человеку свойственно ошибаться. (лат.)

^{**} собрат по профессии, т.е. коллега (ϕ ран ψ .)

нездоровом образе жизни. Грубая, припухшая, какая-то зверская физиономия. Глубоко посаженные чёрные глазки, тяжёлая складка под подбородком, торчащие уши, кривые ноги—всё, вместе взятое, и отталкивало и внушало страх.

- Мне сказали, что вы в первый раз поступаете на место, сказал он отрывисто, грубым тоном. Ну, жизнь здесь паршивая: работы уйма, плата нищенская. Сами увидите.
- Но в ней есть и свои преимущества, сказал директор. Я думаю, вы с этим согласны, мистер Сент-Джеймс?
  - Преимущества? Я пока их не заметил. Что вы называете преимуществами?
- Хотя бы постоянное общение с юными существами. При виде детей у нас самих молодеет душа, они заражают нас своим бодрым духом и жизнерадостностью.
  - Зверёныши!
  - Ну, ну, мистер Сент-Джеймс, вы слишком к ним строги.
- Видеть их не могу! Если бы я мог всех этих мальчишек свалить в одну кучу вместе с их мерзкими тетрадками, книжками и грифельными досками да поджечь, то сегодня же бы это сделал.
- У мистера Сент-Джеймса такая манера шутить, сказал директор школы, взглянув на меня с нервной улыбкой. Не принимайте это слишком всерьёз. Так вот, мистер Уэлд, вы знаете, где ваша комната, и вам, конечно, надо заняться своими личными делами распаковать вещи, устроиться. Чем раньше вы это проделаете, тем скорее почувствуете себя дома.

Я подумал, что старику не терпится, чтобы я побыстрее покинул общество этого необыкновенного коллеги, и я рад был уйти, ибо разговор становился тягостным.

Так начался период, который, оглядываясь назад, я считаю самым удивительным в моей жизни. Школа во многих отношениях была превосходной. Маккарти оказался идеальным директором, сторонником методов современных и разумных. Всё было налажено так, что лучше и желать нельзя. Но ровный ход этой отлично действующей машины то и дело нарушал, внося смятение и беспорядок, несносный, невыносимый Сент-Джеймс. Он преподавал английский язык и математику. Как он с этим справлялся, я не знаю, потому что наши занятия проходили в разных классах. Твёрдо знаю лишь, что мальчики его боялись и ненавидели, и у них были на то достаточно веские причины, ибо мои уроки часто прерывались яростными окриками и даже звуками ударов, доносившимися из класса моего коллеги. Маккарти постоянно присутствовал на его занятиях, приглядывая, мне думается, не столько за учениками, сколько за учителем и стараясь усмирить его свирепый нрав.

Но отвратительнее всего держал себя Сент-Джеймс с нашим директором. Разговор в кабинете, состоявшийся при первой нашей встрече, даёт прекрасное представление об их взаимоотношениях. Сент-Джеймс вёл себя со стариком грубо и откровенно деспотически. Я слышал, как он нагло перечил ему в присутствии всей школы. Ни разу не выказал он ему знаков должного уважения, и во мне всё кипело, когда я видел, как смиренно, кротко и безропотно сносит директор такое чудовищное обращение. И в то же время сцены подобного рода вызывали во мне смутный страх. Неужели мой приятель прав в своих догадках — а я не мог вообразить ничего другого, — и как же страшна должна быть тайна, если старик готов терпеть любые грубости и унижения, только бы она не раскрылась? Что, если кроткий, спокойный доктор Маккарти носит личину, а на самом деле это преступник — мошенник, отравитель, что угодно? Только подобная тайна могла дать Сент-Джеймсу такую власть над стариком. Иначе, чего ради стал бы директор мириться с его ненавистным пребыванием, пагубно влияющим на дела школы? Почему пал он так низко, что согласен на всяческие унижения, которые не только выдерживать, но и наблюдать со стороны нельзя без неголования?

А коли так, говорил я себе, значит, директор — глубочайший лицемер. Ни единого раза, ни словом, ни жестом не выразил он отвращения по адресу грубияна. Правда, я видел его огорчённым после особо возмутительных выходок Сент-Джеймса, но у меня создалось впечатление, что директор страдал за учеников, за меня и никогда за самого себя. Он разговаривал с Сент-Джеймсом и отзывался о нём снисходительно, кротко улыбаясь, а я буквально кипел от возмущения. В том, как старик глядел на молодого человека, как говорил с ним, не было и следа обиды или неприязни. Скорее обратное, во взгляде доктора Маккарти я

читал только доброжелательство и даже какую-то мольбу. Он явно искал общества Сент-Джеймса, они подолгу проводили время вместе в кабинете или в саду.

Что касается моих личных отношений с Теофилом Сент-Джеймсом, то с самого начала я решил во что бы то ни стало держать себя в узде, и от решения своего не отступал. Если доктор Маккарти мирился с таким неуважительным к себе отношением и сносил мерзкие выходки молодого человека, это в конце концов было его, а не моё дело. Я видел ясно, что старику больше всего хочется, чтобы у меня с Сент-Джеймсом сохранялись хорошие отношения, и я считал, что лучше всего помогу ему, исполняя его желание. Для этого я избрал наилучший способ — по возможности избегать общения с коллегой. Когда нам всё же приходилось встречаться, я держался спокойно, был корректен и вежлив. Он со своей стороны не выказывал в отношении меня никакой злобы, наоборот, обращался ко мне с развязной шутливостью и грубой фамильярностью, очевидно, воображая, что может этим снискать моё расположение. Он много раз пытался затащить меня вечером к себе в комнату — сыграть в карты или распить бутылку вина.

— Старик ворчать не будет, — заверял меня Сент-Джеймс. — Можете не опасаться. Делайте, что вздумается, ручаюсь, он и пикнуть не посмеет.

Я только однажды принял его приглашение. Когда я уходил к себе после скучного, томительного вечера, хозяин валялся на диване мертвецки пьяный. С тех пор, ссылаясь на неотложные занятия, я проводил свободные часы в своей комнате.

Меня чрезвычайно волновал один вопрос: с каких пор начались у них эти отношения, когда именно Сент-Джеймс приобрёл власть над Маккарти? Ни от того, ни от другого я никак не мог добиться, давно ли Сент-Джеймс занимает свою должность. На мои наводящие вопросы я либо совсем не получал ответа, либо их обходили стороной, и я скоро понял, что в той же мере, в какой я хочу выяснить этот факт, они стремятся его скрыть. Но вот как-то вечером я разговорился с миссис Картер, нашей экономкой, — доктор Маккарти был вдов, — и от неё я получил сведения, которых добивался. Мне незачем было её расспрашивать — она дрожала от возмущения и гневно воздевала руки, перечисляя всё, что у неё накопилось против моего коллеги.

— Явился он сюда три года назад, мистер Уэлд. Ох, какими же горькими были для меня эти три года! Прежде в школе было пятьдесят учеников, а теперь их всего двадцать два. Вот что он успел натворить! Ещё три таких года — и у нас не останется ни одного ученика. А вы видели, как он обращается с доктором, этим ангелом кротости и терпения? А ведь сам подмётки его не стоит. Если бы не доктор, я бы и часу не осталась под одной крышей с таким человеком, так я это ему прямо в лицо и заявила. Если бы только мистер Маккарти выгнал его вон!.. Но я что-то лишнее говорю — эти дела меня не касаются.

С трудом сдержавшись, миссис Картер перевела разговор на другую тему. Она вспомнила, что я в доме почти посторонний, и пожалела о своей нескромности.

В поведении моего коллеги были некоторые странности. Прежде всего он очень редко покидал дом. В конце школьного участка была спортивная площадка — дальше неё он никогда не заходил. Если мальчики отправлялись на прогулку, их сопровождал либо я, либо доктор Маккарти. Сент-Джеймс заявил, что несколько лет назад повредил себе колено и долгая ходьба его утомляет. Я решил, что он просто уклоняется от работы, по натуре это был угрюмый лентяй. Но из своего окна я дважды видел, как он поздно ночью, крадучись, уходил куда-то с территории школы, и во второй раз я дождался его возвращения на рассвете — он проскользнул в открытое окно. Про эти тайные отлучки никто никогда не поминал, но они опровергали историю о больном колене и усилили мою неприязнь и недоверие к этому человеку. Он был порочен до мозга костей.

Ещё один факт, сам по себе незначительный, давал мне пищу для размышлений. За все месяцы моего пребывания в «Уиллоу Ли» мой коллега не получил почти ни одного письма, да и те немногие, что приходили на его имя, были, по всей видимости, счетами от торговцев. Я вставал рано и каждое утро сам забирал со стола в передней свою утреннюю почту, поэтому могу судить, как редко получал письма Теофил Сент-Джеймс. Мне это казалось зловещим признаком. Что же это за человек, который, прожив тридцать лет, не завёл ни единого друга, даже самого смиренного — хоть кого-нибудь, кто стремился бы поддерживать с ним отношения? И, однако, я всё время помнил, что директор не только не гонит прочь этого

субъекта, — нет, он даже на дружеской ноге с Сент-Джеймсом! Не раз заставал я их за конфиденциальной беседой — иногда они, взявшись под руку, прогуливались по саду, занятые серьёзным разговором. Меня стало снедать сильное любопытство, мне непременно хотелось узнать, что связывает этих людей. Постепенно эта мысль заняла меня целиком, заслонив собой все прочие мои интересы. Во время занятий, в свободные часы, за едой, за играми я не переставал наблюдать за доктором Фелпсом Маккарти и за Теофилом Сент-Джеймсом, силясь проникнуть в их тайну.

Но, к несчастью, я слишком откровенно выражал своё любопытство и не умел скрыть подозрение, которое вызывало во мне непонятное поведение этих людей. Быть может, своими испытующими взглядами или же нескромными вопросами — тем или другим, но я, несомненно, выдавал себя. Как-то вечером я вдруг заметил, что Сент-Джеймс глядит на меня пристально и угрожающе. Я сразу понял, что это не к добру, и не слишком удивился, когда на следующее утро доктор Маккарти пригласил меня зайти к нему в кабинет.

- Мне искренне жаль, мистер Уэлд, начал он, но боюсь, я вынужден отказаться от ваших услуг.
- Быть может, вы объясните мне причину моего увольнения? сказал я. Я был уверен, что обязанности свои выполняю добросовестно, и отлично знал, что объяснение может быть только одно.
  - Я не могу вас ни в чём упрекнуть, сказал он и покраснел.
  - Вы отказываете мне по настоянию моего коллеги?

Он отвёл взгляд в сторону.

— Мы не будем обсуждать этот вопрос, мистер Уэлд. Я не могу вам ничего объяснить. Но, чтобы хоть чем-нибудь вас компенсировать, я дам вам блестящие рекомендации. Больше я ничего не могу добавить. Надеюсь, вы согласитесь исполнять свои обязанности здесь, пока не подыщете другое место.

Я был вне себя от такой несправедливости, но что я мог сделать? Ничего нельзя было изменить, просить было бесполезно. Я поклонился и вышел, преисполненный чувства горькой обилы.

Первым моим побуждением было сложить вещи и уехать. Но ведь директор разрешил мне пробыть здесь до того, как я найду новую работу. Я не сомневался, что Сент-Джеймс ждёт не дождётся, когда я уеду — для меня это было достаточным основанием остаться, — и я остался. Если моё присутствие бесит его, я постараюсь досаждать ему как можно дольше. Я уже давно его ненавидел и жаждал мести. Он имеет какую-то власть над директором — а что, если я приобрету подобную же власть над ним самим? Ведь страх перед моим любопытством лишь проявление слабости. Он не обращал бы на это ни малейшего внимания, если бы ему нечего было бояться. Я вновь включил своё имя в списки ищущих места, а пока продолжал выполнять свои обязанности в «Уиллоу Ли» — вот каким образом я оказался свидетелем dénouement этой необыкновенной истории.

Всю ту неделю — развязка произошла всего через неделю после моего разговора с доктором Маккарти — по окончании занятий я обычно уходил справляться относительно работы. Однажды в холодный и ветреный вечер (был март месяц) я по обыкновению собрался уйти и только что открыл входную дверь, как глазам моим предстало странное зрелище. Под одним из окон притаился человек — он стоял, пригнувшись, и не спускал глаз с узкого просвета между шторой и оконной рамой. От окна на землю падал яркий прямоугольник света, и тёмный силуэт незнакомца отчётливо на нём вырисовывался. Я видел его одно мгновение — человек вдруг повернул голову, заметил меня и тут же исчез в кустах. Я слышал топот ног по дороге, пока он не замер где-то вдали.

Я решил, что мой долг вернуться и сообщить доктору Маккарти о виденном. Я застал его в кабинете. Я ожидал, что этот эпизод его встревожит, но никак не предполагал, что он вызовет такой панический ужас. Старик откинулся в кресле, побелел, дышал с трудом, как человек, ошеломлённый страшным известием.

— Под каким окном он стоял, мистер Уэлд? — спросил доктор Маккарти, вытирая лоб. — Под каким окном?

_

 $^{^*}$ развязка, исход дела (франц.)

- Под тем, что рядом со столовой под окном мистера Сент-Джеймса.
- Боже мой, Боже мой! Какое несчастье! Кто-то подглядывал в окно к Сент-Джеймсу! Он ломал руки в полном отчаянии.
- Я буду проходить мимо полицейского участка, сэр. Быть может, мне зайти, сообщить им?
- Нет, нет! закричал он вдруг, стараясь подавить волнение. По всей вероятности, это какой-нибудь жалкий бродяга пришёл просить милостыню. Я не придаю этому случаю ни малейшего значения, ни малейшего. Прошу вас, мистер Уэлд, забудем об этом. Вы, кажется, собирались выйти из дому не буду вас задерживать.

Хоть он и старался говорить спокойно, на его лице застыл ужас. Я оставил его в кабинете и направился в контору, но сердце у меня щемило, мне было жаль бедного старичка. Уже выходя из калитки, я обернулся, и на ярком прямоугольнике света, падающего от окна моего коллеги, различил тёмный силуэт доктора Маккарти, проходящего мимо лампы. Значит, он немедленно отправился к Сент-Джеймсу сообщить о случившемся. Что всё это значит — атмосфера тайны, непонятный ужас, странные, секретные переговоры между этими двумя столь разными людьми? Всю дорогу я не переставал об этом думать, но, как ни ломал себе голову, ни до чего не мог додуматься. Я не подозревал, как близка была разгадка.

Было очень поздно, около полуночи, когда я вернулся. Огни в доме были погашены, свет горел только в кабинете директора. Я шёл по аллее, на меня надвигалась мрачная, чёрная громада дома, с единственным пятном тусклого света на фасаде. Я открыл дверь своим ключом и собирался уже пройти к себе в комнату, как до меня донёсся и тут же оборвался жалобный стон. Я стоял и прислушивался, держась за ручку двери.

В доме царила тишина, и лишь из комнаты директора доносился звук голосов. Я прокрался по коридору в направлении к ней. Теперь я ясно различал два голоса — грубый, властный голос Сент-Джеймса и тихий, еле слышный — доктора. Первый, по-видимому, на чём-то настаивал, а второй возражал и умолял. Четыре узкие полоски света обрисовывали контур двери, и шаг за шагом я подбирался к ней в темноте всё ближе. Голос Сент-Джеймса становился громче, и я ясно расслышал слова:

- Я заберу всё всё до единого пенни. Добром не отдашь, возьму силой. Понял?
- Я не расслышал ответа доктора Маккарти, но злобный голос снова загремел:
- Разорю тебя? Я оставляю тебе твою школу это же золотое дно, старику хватит. А как это я смогу обосноваться в Австралии без денег? Ну-ка, скажи!

Снова доктор просительно сказал что-то, но, как видно, слова его только ещё больше разъярили Сент-Джеймса.

- Много для меня сделал? Что ты для меня сделал, кроме того, что должен был сделать, а? Ты не меня спасал, не обо мне заботился, ты заботился о своём добром имени. Ну, хватит болтать попусту. До утра я должен успеть уехать. Откроешь ты сейф или нет?
- Ах, Джеймс, как ты можешь так со мной поступать? послышался молящий голос, а затем раздался жалобный крик. Больше выдержать я не мог и тут потерял самообладание, которым так гордился. Я не мог оставаться безучастным, слыша эту беспомощную мольбу, зная, что там, за дверью, происходит грубое, зверское насилие. Подняв трость, я ворвался в кабинет. И в ту же секунду я услышал, как громко затрезвонил колокольчик у входной двери.
  - Негодяй! закричал я. Немедленно оставь его!

Оба они стояли перед небольшим сейфом у стены. Сент-Джеймс выворачивал старику руки, требуя, чтобы он отдал ключ от сейфа. Старичок, белый, как мел, но полный решимости, сопротивлялся, изо всех сил пытаясь высвободиться из железных тисков грубого силача. Негодяй поглядел на меня, и на его зверской физиономии я прочёл ярость, смешанную с животным страхом. Но, сообразив, что я один, он оставил свою жертву и бросился ко мне, изрыгая гнусные ругательства.

— Подлый шпион! — крикнул Сент-Джеймс.— Ну, прежде, чем уехать, я с тобой расправлюсь!

Я не отличаюсь большой физической силой и знал, что мне с ним не справиться. Дважды мне удалось отбиться от него тростью, но затем он, свирепо рыча, кинулся на меня и схватил за горло своими мускулистыми руками. Я упал навзничь — он навалился на меня, продолжая сжимать мне горло. Я уже почти не дышал, я видел его злобные, желтоватые глаза

в нескольких дюймах от моих собственных, но тут у меня громко застучало в висках, в ушах зазвенело и я потерял сознание. Однако до самого последнего момента я не переставал слышать, как яростно трезвонил колокольчик у входа.

Когда я пришёл в себя, то увидел, что лежу на диване в кабинете доктора Маккарти, и он сам сидит подле. Он смотрел на меня напряжённым, испуганным взглядом и, едва я открыл глаза, воскликнул облегчённо:

- Слава Богу! Слава Богу!
- Где Сент-Джеймс? спросил я, оглядывая комнату. И тут я заметил, что мебель валяется, всё раскидано повсюду следы схватки ещё более бурной, чем та, в которой участвовал я.

Доктор опустил голову, закрыл лицо руками.

- Они его схватили, простонал он. После стольких мучительных лет они снова его схватили... Но как я счастлив, что он не обагрил свои руки кровью во второй раз!
- В этот момент я увидел, что в дверях стоит человек в расшитом галунами мундире полицейского инспектора.
- Да, сэр, сказал он мне. Ещё бы немного, и вам конец. Войди мы минутой позже, и вам не пришлось бы расспрашивать, что тут случилось. Никогда ещё не видел никого, кто стоял бы вот так, на самом краю могилы.

Я сел, прижимая ладони к вискам, в которых по-прежнему сильно стучало.

- Доктор Маккарти, сказал я, я решительно ничего не понимаю. Прошу вас: объясните, кто этот человек и почему вы так долго терпели его в своём доме?
- Я обязан сказать всё хотя бы из чувства признательности к вам вы так рыцарски кинулись на мою защиту, чуть не пожертвовав ради меня своей жизнью. Теперь больше нечего таиться. Мистер Уэлд, настоящее имя этого несчастного человека Джеймс Маккарти, он мой единственный сын...
  - Ваш сын?!
- Увы, это так. Не знаю, за какие грехи послано мне это наказание. Ещё ребёнком он приносил мне только горе. Грубый, упрямый, эгоистичный, распущенный — таким он был всегда. В восемнадцать лет он стал преступником, в двадцать лет в припадке бешенства убил своего собутыльника, и его судили за убийство. Он едва избежал виселицы, его приговорили к каторжным работам. Три года назад ему удалось бежать и, минуя тысячи препятствий, пробраться в Лондон, ко мне. Приговор суда был тяжким ударом для моей жены, она этого удара не перенесла. Джеймсу удалось где-то раздобыть обыкновенный костюм, а когда он явился сюда, его некому было узнать. В течение нескольких месяцев он скрывался у меня на чердаке, выжидая, пока полиция прекратит поиски. Затем, как вы знаете, я устроил его у себя на место школьного учителя, но своими невыносимыми манерами, злобой он отравлял жизнь и мне и товарищам по работе. Вы пробыли с нами четыре месяца, мистер Уэлд, — до вас никто такого срока не выдерживал. Теперь я приношу вам свои извинения за всё, что вам пришлось вытерпеть. Но, скажите, что мне оставалось делать? Ради памяти его покойной матери я не мог допустить, чтобы с ним случилась беда, пока в моих силах было помочь ему. В целом мире у него оказалось только одно убежище — мой дом, но разве мог я держать его здесь, не вызывая толков? Необходимо было придумать ему какое-нибудь занятие. Я дал ему место преподавателя английского языка, и таким образом Джеймсу удалось благополучно прожить здесь три года. Вы, несомненно, заметили, что днём он никогда не выходил за пределы школьной территории. Теперь вы понимаете, почему. Но когда сегодня вы пришли и рассказали, что в окно Джеймса кто-то заглядывает, я понял, что его выследили. Я умолял его немедленно бежать, но несчастный был пьян и оставался глух к моим словам. Когда он наконец решил уйти, то потребовал, чтобы я отдал ему все свои деньги — решительно все. Ваш приход спас меня, точно так, как вас спасла вовремя подоспевшая полиция. Укрывая беглого преступника, я нарушил закон и сейчас нахожусь под домашним арестом, но после того, что мне пришлось пережить за эти три года, тюрьма меня не страшит.
- Я полагаю, доктор, сказал инспектор, что если вы и нарушили закон, то уже вполне за то наказаны.
- Видит Бог, что это так! воскликнул старик и, уронив голову на грудь, закрыл руками измученное, измождённое лицо.

(перевод Н. Дехтеревой)

ОШИБКА КАПИТАНА ШАРКИ

Шарки, чудовище Шарки, снова вышел в море. После двухлетнего пребывания у Коромандельского побережья его чёрный корабль смерти под названием «Счастливое избавление» снова бороздил Карибское море в поисках добычи, а рыболовные и торговые суда, завидя залатанный грот-марсель, медленно поднимающийся над лиловой гладью тропического моря, бросались бежать, спасаясь от пирата.

Прослышав, что им опять грозит страшный бич океана, занимавшиеся своим делом суда, от китобойцев Нантакета до кораблей из Чарльстона, перевозящих табак, от испанских грузовых судов из Кадикса до кораблей Вест-Индии, трюмы которых набиты сахаром, становились похожими на птиц, разлетающихся в стороны, когда на поле упадёт тень ястреба, или обитателей джунглей, прячущихся в страхе, когда в ночной тьме раздаётся хриплый рёв тигра.

Одни жались к берегам, готовые в любой момент укрыться в ближайшем порту, а другие плавали далеко за пределами известных торговых путей, но всем им дышалось легко и свободно только тогда, когда пассажиры и груз находились под защитой пушек какого-нибудь форта.

По всем островам ходили слухи о найденных в море обгорелых останках кораблей, о вспышках, внезапно озарявших ночной мрак, и об иссушенных солнцем трупах, распростёртых на багамских песчаных косах. Всё это были обычные признаки того, что Шарки вновь ведёт свою кровавую игру.

Эти прекрасные воды и заросшие пальмами острова с жёлтой кромкой песчаных берегов уже не одно столетие являлись излюбленным прибежищем пирата. Сначала им был дворянин, искатель приключений, человек чести и голубой крови, он сражался, вдохновляемый патриотизмом, хотя всегда изъявлял готовность взять свою долю награбленной испанцами добычи.

Веком позднее эта романтическая фигура исчезает, уступая место пиратам-разбойникам, отъявленным грабителям; однако они подчинялись определённому, ими же выработанному уставу, слушались своих прославленных капитанов и порой совместно проводили крупные, хорошо организованные операции.

Но и они исчезли вместе со своими флотилиями, наводившими ужас на города, а им на смену пришёл самый страшный из пиратов — пират-одиночка, пират-изгнанник, кровожадный Измаил морей, объявивший войну всему человечеству. То было подлое племя, порождённое восемнадцатым веком, и самым отвратительным из них был капитан Шарки: никто не мог равняться с ним ни по дерзости, ни по своим порокам и низости.

В начале мая 1720 года барк «Счастливое избавление» дрейфовал с зарифлёнными парусами в пяти милях к западу от Наветренного пролива, поджидая, когда попутный ветер пригонит к нему какое-нибуль богатое безоружное судно.

Он стоял там уже три дня — чёрное, зловещее пятно в центре огромного сапфирового круга воды. Далеко к юго-востоку на горизонте вырисовывались невысокие голубые горы Эспаньолы.

Час за часом проводил Шарки в бесплодном ожидании, и им овладевало дикое раздражение — его надменный дух прямо-таки воспламенялся, когда встречал противодействие, пусть даже оказанное самой судьбой. Заливаясь гнусным, гогочущим смехом, он сказал в ту ночь своему старшине-рулевому Нэду Галлоуэю, что за столь долгое и томительное ожидание команда первого же захваченного им судна расплатится сполна.

Просторная каюта пиратского корабля была полна дорогих, но испорченных вещей и представляла удивительную смесь роскоши и беспорядка. Панельная обшивка из резного и полированного сандалового дерева была покрыта грязными пятнами и продырявлена пулями во время какого-то буйного пиршества.

На парчовых диванах валялись груды пышного бархата и кружев, а изделия из редких металлов и ценные картины заполняли каждую нишу и каждый уголок, ибо всё, что привлекло внимание пирата на разграбленных им бесчисленных судах, было свалено в его каюте. Пол был устлан дорогим мягким ковром, но и тот был испещрён пятнами от вина и прожжён

табачным пеплом.

Большая медная лампа, подвешенная к потолку, освещала ярким жёлтым светом эту необыкновенную каюту и двух мужчин, сидящих за столом. На столе стояло вино, мужчины были без курток и, сидя в одних рубашках, резались в пикет. Оба курили длинные трубки, и тонкий синий дымок клубился в воздухе и уплывал через полуоткрытый люк в потолке, сквозь который виднелся кусок тёмно-фиолетового неба, усеянного крупными серебряными звёздами.

Нэд Галлоуэй, человек громадного роста, был непутёвым отпрыском, гнилым сучком на цветущем древе пуританского рода из Новой Англии. Гигантскую фигуру и мощные конечности он унаследовал от своих богобоязненных предков, а дикий, кровожадный нрав был его личной особенностью. Заросший бородой до самых висков, со свирепыми синими глазами, спутанной львиной гривой жёстких тёмных волос и огромными золотыми серьгами в ушах, в Карибском море он был кумиром женщин в каждом портовом притоне от Тортуги до Маракаибо. Красная шапка, синяя шёлковая рубашка, коричневые бархатные штаны, перехваченные яркими лентами у колен, и высокие морские сапоги составляли наряд этого пиратского Геркулеса.

Совсем иным был капитан Джон Шарки. Его худая, длинная, гладко выбритая физиономия своей бледностью напоминала лицо покойника, и знойное южное солнце придало ей лишь пергаментный оттенок. У него были похожие на паклю, уже основательно поредевшие волосы и крутой узкий лоб. Острый тонкий нос выдавался вперёд, а близко посаженные мутно-голубые глаза были окружены красным ободком, как у белого бультерьера, и от этих глаз даже сильные духом люди отводили взгляд со страхом и отвращением. Его костлявые руки с длинными, тонкими пальцами находились в непрестанном движении, точно щупальца насекомого, играя то картами, то золотыми луидорами, груда которых лежала перед ним. Одежда его была из какой-то тёмной ткани, но люди, которым случалось смотреть на это страшное лицо, едва ли обращали внимание на костюм капитана.

Внезапно игра была прервана; рывком отворив дверь, в каюту вломились двое грубых с виду мужчин: боцман Израэл Мартин и канонир Рэд Фоли. В то же мгновение Шарки уже стоял на ногах, зажав в каждой руке по пистолету, а в глазах его сверкал зловещий огонь.

- Чтоб вам сдохнуть, негодяи! заорал он. Я вижу, что если время от времени не отправлять одного из вас на тот свет, вы забываете, кто я такой. Как вы смели ворваться в мою каюту, что это вам, кабак?
- Брось, капитан Шарки, сказал Мартин, и его кирпично-красное лицо ещё больше потемнело. Вся эта брань навязла у нас в ушах, довольно уж мы её наслышались.
- Хватит с нас, поддержал его канонир Рэд Фоли. Раз на пиратском судне нет помощников, боцман, канонир и квартирмейстер те же офицеры.
  - Я этого не отрицаю, выругавшись, проворчал Шарки.
- Ты нас всячески обзываешь в присутствии матросов, и сейчас мы не знаем, стоит ли нам рисковать своей шкурой, защищая твою каюту от тех, кто собрался там на баке.

Шарки почувствовал, что запахло бунтом. Он положил пистолеты на стол и откинулся на спинку кресла, сверкнув своими жёлтыми клыками.

- Дело дрянь, проговорил он. Дело дрянь, если двое смелых парней, которые опустошили вместе со мной не одну бутылку вина и перерезали не одну глотку, затевают ссору из-за сущего пустяка. Я знаю, вы отважные ребята и пошли бы со мной против самого дьявола, если бы я вас попросил. Эй, слуга, принеси кружки, утопим в вине все наши раздоры.
- Не время пить, капитан Шарки, возразил Мартин. Люди собрались на совет вокруг грот-мачты и вот-вот явятся сюда. Они что-то замышляют, капитан Шарки, и мы пришли тебя предупредить.

Шарки вскочил на ноги и схватил шпагу, которая висела на стене, поблёскивая медной рукояткой.

- Чтоб им сдохнуть, мерзавцам! — крикнул он. — Они сразу образумятся, как только я проткну одного из этих молодчиков, а то и сразу пару.

Он рванулся к двери, но ему преградили путь.

— Их сорок человек, и во главе их шкипер Суитлокс, — сказал Мартин, — и как только

ты появишься на палубе, они наверняка разорвут тебя в клочья. Сюда в каюту они вряд ли посмеют войти, побоятся наших пистолетов.

В этот миг с палубы донёсся топот тяжёлых сапог. Затем наступила тишина, и не было слышно ни звука, кроме мерного плеска воды о борт корабля. Затем раздался грохот, словно в дверь били рукояткой пистолета, и в тот же миг сам Суитлокс, высокий черноволосый человек с тёмно-красным родимым пятном на щеке, ворвался в каюту. Однако встретив взгляд бесцветных, тусклых глаз, он несколько сник, утратив свой гонор.

- Капитан Шарки, сказал он. Я пришёл как представитель команды.
- Мне это известно, Суитлокс, вкрадчиво ответил капитан. За то, что ты натворил нынче ночью, тебя следовало бы прикончить.
- Может, и так, капитан Шарки, продолжал шкипер, но если ты взглянешь наверх, то убедишься, что за мной стоят люди, которые не дадут меня в обиду.
- Не дадим, будь мы прокляты! прогремел сверху чей-то бас, и, подняв глаза, командиры увидели в открытом люке множество свирепых, дочерна загорелых бородатых лиц.
- Ну так, что вы хотите? спросил Шарки. Говори, парень, и быстрей с этим покончим.
- Ребята решили, сказал Суитлокс, что ты сам дьявол и что у нас не будет удачи, пока мы ходим с тобой по морям. Было время, когда нам попадалось два, а то и три корабля в день, и каждый из нас имел столько женщин и монеты, сколько хотел. А теперь уже целую неделю мы не поднимали паруса и с тех пор, как миновали Багамскую банку, кроме трёх нищенских шлюпов, не захватили ни одного судна. Кроме того, ребятам стало известно, что ты прикончил плотника Джека Бартоломью, огрев его черпаком по голове, и теперь каждый из нас боится за свою жизнь. Да и ром уже весь вышел, а нам страсть как охота выпить. И потом ты сидишь у себя в каюте, а по уставу тебе полагается пить и веселиться вместе с командой. Вот поэтому мы сегодня, посовещавшись, решили...

Шарки бесшумно взвёл под столом курок пистолета, и, возможно, мятежный шкипер так никогда бы и не окончил свою речь, но в этот самый миг на палубе раздался быстрый топот ног и в каюту ворвался возбуждённый корабельный юнга.

— Корабль! — закричал он. — Близко по борту большой корабль!

Распря мгновенно была забыта — пираты бросились по своим местам. И действительно, плавно колыхаясь на волнах, подгоняемый мягким тропическим ветерком, прямо на них на всех парусах шёл тяжело гружённый корабль.

Было ясно, что он шёл издалека и не знал порядков, господствовавших в Карибском море, ибо не сделал ни малейшей попытки уклониться от встречи с низким чёрным судном, стоявшим на его пути, а прямо двигался на него, — видимо, небольшой барк не внушал ему никаких опасений.

Торговое судно шло так смело, что на мгновение пираты, уже бросившиеся к пушкам и поднявшие боевые фонари, решили, что их застиг врасплох военный корабль.

Но при виде невооружённых бортов и оснастки торгового судна из их груди вырвался ликующий вопль, и в ту же секунду десятки головорезов с криками и руганью вскарабкались на фока-рей и ринулись оттуда вниз на палубу, взяв встречный корабль на абордаж.

Шестерых матросов, которые несли ночную вахту, прикончили на месте, сам Шарки ударом шпаги ранил помощника капитана, а Нэд Галлоуэй сбросил несчастного за борт, и, прежде, чем спящие успели подняться со своих коек, судно очутилось в руках пиратов.

Добычей оказался прекрасно оснащённый корабль «Портобелло», под командованием капитана Гарди направляющийся из Лондона в Кингстон на Ямайке с грузом хлопчатобумажных тканей и скобяных изделий.

Собрав на палубе своих ошеломлённых и обезумевших от страха пленников, пираты разбрелись по кораблю в поисках добычи, передавая всё, что попадалось под руку, гиганту-квартирмейстеру, который, в свою очередь, передавал награбленное на борт «Счастливого избавления», где все вещи складывались у грот-мачты и тщательно охранялись.

Груз никого не интересовал, но в сейфе нашли тысячу гиней, а среди пассажиров, которых было человек десять, оказались три богатых ямайских купца, возвращавшихся домой из Лондона с туго набитыми кошельками.

Когда всё ценное было собрано, пассажиров и моряков захваченного судна потащили на шкафут, откуда по приказу Шарки, смотревшего на это с ледяной улыбкой, их поочерёдно бросали за борт, причём Суитлокс, стоя у поручней, награждал каждого ударом тесака, чтобы какой-нибудь хороший пловец не предстал впоследствии перед судом в качестве свидетеля обвинения. Среди пленников была полная, седовласая женщина, жена плантатора, но и её, несмотря на крики и мольбы о пощаде, бросили за борт.

— Пощады ищешь, тварь, — заржал Шарки. — Лет двадцать назад ты, может, её бы заслужила.

Капитан «Портобелло», ещё бодрый, крепкий старик с голубыми глазами и седой бородой, остался на палубе последним. Он стоял в свете фонарей со спокойным и решительным видом, а перед ним кланялся и кривлялся сам Шарки.

- Капитаны должны уважать друг друга, сказал Шарки, и будь я проклят, если не знаю, как вести себя. Видишь, я дал тебе возможность умереть последним, как и подобает смельчакам. Теперь, дружище, ты видел их конец и можешь с лёгким сердцем отправиться вслед за ними.
- Так я и сделаю, капитан Шарки, сказал старый моряк, ибо я по мере моих сил выполнил свой долг. Но прежде, чем я отправлюсь за борт, мне хочется кое-что тебе шепнуть.
- Если ты собираешься просить пощады, можешь не стараться. Ты заставил нас ждать целых три дня, и будь я проклят, если хоть один из вас останется в живых.
- Нет, я хочу лишь рассказать то, что тебе следует знать. Вы и не подозреваете, что является настоящим сокровищем на борту этого судна.
- Вот как? Чорт меня побери, я вырежу тебе печёнку, капитан Гарди, если ты не расскажешь нам всё! Где сокровище, о котором ты говоришь?
- Это сокровище не золото, а прекрасная девушка, которая достойна не меньшего внимания.
  - Где же она? И почему её не было среди других?
- Я скажу тебе, почему её не было среди нас. Она единственная дочь графа и графини Рамирес вы убили их вместе с другими. Её зовут Инес Рамирес; в её жилах течёт самая благородная кровь Испании. Они направлялись в Чагру, куда её отец был назначен губернатором. В пути стало известно, что она, как это случается с девушками, влюбилась в человека гораздо ниже её по званию, который тоже был здесь на борту; поэтому её родители, могущественные люди, приказаниям которых нельзя было противоречить, заставили меня заключить её в отдельную каюту позади моей собственной. Там она содержалась в строгости, ей приносили еду и никого не позволяли видеть. Это мой последний подарок тебе, хотя я и сам не знаю, зачем рассказал о ней, ведь ты действительно самый отъявленный негодяй, и перед смертью меня утешает только мысль о том, что на этом свете тебе суждено стать добычей виселицы, а на том тебя ждёт ад.

С этими словами он подбежал к поручням и прыгнул в темноту: опускаясь в морские глубины, он молился лишь о том, чтобы предательство по отношению к девушке не легло слишком тяжёлым грехом на его душу.

Тело капитана Гарди на глубине сорока саженей ещё не коснулось песчаного дна, как пираты уже побежали к указанной каюте.

В дальнем углу действительно оказалась запертая дверь, которую они прежде не заметили. Ключа не было, но они принялись выбивать дверь ружейными прикладами, между тем как изнутри раздавались отчаянные крики. При свете фонарей они увидели забившуюся в угол юную девушку редкой красоты; её длинные спутанные волосы спадали до самых пят, она забилась в угол, в ужасе глядя расширенными тёмными глазами на свирепых, залитых кровью пиратов. Грубые руки схватили её, поставили на ноги, и пираты с воплями потащили её туда, где находился Джон Шарки. Протянув вперёд фонарь, он долго с наслаждением всматривался в её лицо, а затем с громким смехом наклонился и окровавленной рукой коснулся её щеки.

— Это печать пирата, девочка, он клеймит ею свои сокровища. Отведите её в каюту и обращайтесь с ней хорошо. А теперь, друзья, потопим это судно и будем вновь пытать счастье.

Не прошло и часа, как огромный «Портобелло» пошёл ко дну и лёг рядом со своими мёртвыми пассажирами на песчаном дне Карибского моря, а пиратский барк с награбленным

добром направился к северу в поисках очередной жертвы.

В ту же ночь в каюте «Счастливого избавления» было устроено пиршество, участники которого основательно напились. Это были капитан, Нэд Галлоуэй и Плешивый Стейбл, врач, сначала практиковавший в Чарльстоне, но вынужденный бежать от правосудия и предложивший свои услуги пиратам после того, как уморил одного из пациентов. Стейбл был обрюзгший субъект, с шеей в жирных складках и лысым сверкающим черепом, — ему он и был обязан своим прозвищем. Шарки, зная, что ни один зверь не бывает свирепым, когда он сыт, на время забыл о бунте; экипаж был доволен: всем досталось немало добра с «Портобелло», — и капитану нечего было бояться. Поэтому он пил, орал во всё горло и хохотал вместе со своими собутыльниками. Разгорячённые, осатаневшие, они были готовы на любое зверство. И вдруг Шарки вспомнил о девушке. Он приказал слуге-негру немедленно привести её.

Инес Рамирес теперь знала всё, она поняла, что отец и мать её убиты и она попала в руки их убийц. Но вместе со знанием к ней пришло и спокойствие, поэтому, когда её привели в каюту, на гордом, смуглом её лице не было и следа страха, она только решительно сжала губы, да глаза у неё сверкнули ликующим блеском, как у человека, который исполнен светлых надежд. И когда предводитель пиратов встал и схватил её за талию, она лишь улыбнулась в ответ.

- Клянусь Богом, девчонка с изюминкой! закричал Шарки, обнимая её. Она рождена, чтобы стать любовницей пирата. Сюда, моя птичка, выпей за нашу дружбу.
  - Статья шестая! заикнулся доктор. Вся добыча поровну.
- Да! Не забудь об этом, капитан Шарки, подтвердил Галлоуэй. Так сказано в статье шестой.
- Я разрублю на куски того, кто встанет между этой девушкой и мною! зарычал Шарки, переводя свои рыбьи глаза с одного на другого. Нет, девочка, ещё не родился человек, который заберёт тебя у Джона Шарки. Садись ко мне на колени и обними меня вот так. Будь я проклят, если она не полюбила меня с первого взгляда! Скажи мне, милочка, почему с тобой так плохо обращались на том корабле и даже заперли в отдельную каюту?

Девушка качнула головой и улыбнулась.

— No inglese... No inglese, — пролепетала она.*

Она выпила бокал вина, который протянул ей капитан, и её тёмные глаза заблестели ещё ярче, чем прежде. Сидя на коленях у Шарки, она обняла его за шею и играла его волосами, гладила уши и шею. Даже отчаянный старшина и бывалый доктор смотрели на неё с удивлением, смешанным с ужасом, но Шарки лишь радостно смеялся.

— Будь я проклят, если эта девочка не само пламя! — кричал он, прижимая её к себе и целуя покорные губы.

Но вдруг внимательный взгляд доктора, неотступно следивший за ней, стал странно напряжённым, а лицо окаменело, словно ему в голову пришла какая-то страшная мысль. Пепельно-серая бледность покрыла его бычью физиономию, всегда красную от вина и тропического солнца.

— Посмотри на её руку, капитан Шарки! — закричал он. — Ради Бога, взгляни на её руку! Шарки уставился на руку, которая ласкала его. Она была странного мертвенно-бледного цвета, с жёлтыми лоснящимися перепонками между пальцев. Кожа была припудрена белой пушистой пылью, напоминавшей муку на свежеиспечённой булке. Пыль густым слоем покрывала шею и щёку Шарки. С криком отвращения он сбросил женщину с колен, но в тот же миг, издав торжествующе злобный вопль, она, как дикая кошка, прыгнула на доктора, который с пронзительным визгом исчез под столом. Одной клешнёй она вцепилась в бороду Галлоуэя, но он вырвался и, схватив пику, отогнал женщину от себя; она что-то невнятно бормотала и гримасничала, а глаза у неё горели, как у маньяка.

Услышав крики, в каюту вбежал чёрный слуга, и им сообща удалось снова водворить обезумевшее создание в каюту и запереть на ключ. Затем все трое, задыхаясь и с ужасом глядя друг на друга, опустились в кресла. Одна и та же мысль сверлила мозг каждого, но Галлоуэй первым заговорил об этом.

_

^{*} Не говорю по-английски (*ucn.*).

- Прокажённая! крикнул он. Она заразила всех нас, будь она проклята.
- Только не меня, ответил доктор, она не тронула меня даже пальцем.
- Чорт возьми, закричал Галлоуэй, она дотронулась только до моей бороды! Я сбрею её ещё до рассвета.
- Ну и дурака же мы сваляли! воскликнул доктор, ударяя себя по голове. Заразились мы или нет, но у нас теперь не будет и минуты покоя, пока не пройдёт год и не минет опасность. Ей-Богу, покойный капитан хорошо нам отомстил. И как мы могли поверить, кретины, что девчонку засадили в отдельную каюту из-за каких-то там шашней. Ясно, как день, что её болезнь заметили уже в пути; не бросать же её за борт им только и оставалось, что держать её взаперти, пока они не придут в какой-нибудь порт, где имеется лепрозорий.

Мертвенно-бледный Шарки, откинувшись на спинку кресла, слушал доктора. Красным носовым платком он стёр роковую пыль, которой был усыпан.

— Что же будет со мной? — зарычал он. — Что ты скажешь, Плешивый Стейбл? Есть у меня какой-нибудь шанс на спасение? Будь ты проклят, негодяй! Говори, не то я изобью тебя до полусмерти, а то и совсем прикончу! Есть у меня хоть один шанс?

Но доктор отрицательно покачал головой.

— Капитан Шарки, — сказал он, — было бы бесчестно обманывать тебя. Ты заражён. Ни один человек, на которого попали чешуйки проказы, не может спастись.

Охваченный ужасом Шарки опустил голову на грудь и сидел неподвижно; перед его тусклым взором уже вставало безотрадное будущее. Квартирмейстер и доктор тихо поднялись со своих мест и украдкой выбрались из душной, заражённой каюты на свежий утренний воздух. Мягкий, душистый ветерок овеял их лица. Кудрявые розовые облака уже ловили первый блеск солнца, поднимающегося из-за поросших пальмами гор далёкой Эспаньолы.

- В то же утро у грот-мачты состоялся второй совет, где выбрали представителей, которых послали за капитаном. Когда они подошли к каюте, из неё вышел Шарки с патронташем и двумя пистолетами; в глазах его горел всё тот же дьявольский огонь.
- Будьте вы прокляты, негодяи! заорал он. Неужели вы осмелитесь поднять на меня руку? Назад, Суитлокс, или я уложу тебя на месте! Ко мне, Галлоуэй, Мартин, Фоли, ко мне, загоним собак обратно в конуру!

Но командиры покинули его, и никто не пришёл ему на помощь. Пираты бросились на Шарки. Один был убит, но спустя минуту Шарки схватили и привязали к грот-мачте. Мутный взгляд капитана переходил с одного лица на другое, и люди, встретив его, поспешно отводили глаза.

— Капитан Шарки, — сказал Суитлокс, — ты плохо обращался с нами, ты убил плотника Бартоломью, размозжив ему голову черпаком, а сейчас ты застрелил Джона Мастерса. Всё это можно было бы простить тебе, потому что долгие годы ты был нашим капитаном и мы подписали контракт, обязавшись служить под твоей командой до конца нынешнего плавания. Но теперь мы услышали об этой девчонке и знаем, что ты заражён до мозга костей, а пока ты здесь, мы тоже можем заразиться, будем гнить и разлагаться заживо. Поэтому, Джон Шарки, мы, пираты «Счастливого избавления», посовещавшись, решили, пока ещё не поздно и зараза не успела распространиться, отправить тебя в шлюпке навстречу твоей судьбе.

Джон Шарки ничего не ответил, но, медленно повернув голову, проклял их всех яростным взглядом. Спустили судовую шлюпку и, не развязывая ему рук, сбросили его туда на тросе.

- Рубить концы! крикнул Суитлокс.
- Обожди минуту, шкипер Суитлокс! сказал кто-то из матросов. А что же с девчонкой? Она будет сидеть здесь и погубит всех нас?
- Отправить её вместе с любовником! завопил другой матрос, и пираты громкими криками выразили своё одобрение.

Девушку привели, подталкивая пиками, и подтолкнули к шлюпке. В её гниющем теле горел гордый испанский дух, и она бросала торжествующие взгляды на своих мучителей.

- Perros! Perros ingleses! Leprosos, leprosos! - в исступлении кричала она, когда её

бросили в шлюпку.*

— Желаем удачи, капитан! Попутного ветра на весь медовый месяц! — кричал хор насмешливых голосов. Когда концы были отданы, ветер надул паруса барка и шлюпка осталась далеко за кормой — крошечная точка в необозримом просторе пустынного моря.

Выписка из судового журнала пятидесятипушечного корабля «Геката» флота Его Величества во время рейса по Карибскому морю.

«26 января 1726 года. Сегодня, поскольку солонина стала непригодной для еды и пятеро матросов заболели цингой, я приказал отправить две шлюпки на берег к северо-западной оконечности Эспаньолы для поисков свежих фруктов и диких коз, которыми изобилует этот остров.

Семь часов пополудни того же дня. Шлюпка вернулась с большим запасом фруктов и двумя козами. Шкипер Вудраф сообщает, что вблизи места высадки на опушке леса был обнаружен скелет женшины, одетой в роскошное платье европейского покроя, из чего можно заключить, что она принадлежала к знати. Её череп был пробит большим камнем, который валялся поблизости. Рядом находилась хижина, и по некоторым признакам, как-то: обгорелые дрова, кости и другие следы, можно было убедиться, что в ней некоторое время жил человек. На берегу ходят слухи о том, что в этих краях в прошлом году отсиживался кровожадный пират Шарки, но никто не знает, отправился ли он в глубь острова или был подобран какимнибудь кораблём. Если он снова в море, молю Бога направить его под наши пушки».

1911 г.

(перевод Н. Емельянниковой)

^{*} Собаки! Собаки англичане! Прокажённые, прокажённые! (ucn.)

ФИАСКО В ЛОС-АМИГОСЕ

В своё время я держал большую практику в Лос-Амигосе. Всякий, конечно, слышал что там есть крупная электрическая станция. Город и сам раскинулся широко, а вокруг него ещё с десяток посёлков и деревень, и все подключены к одной системе, так что электростанция работала на полную мощность. Жители Лос-Амигоса утверждали, что они самые высокие люди на Земле, да и вообще, всё в городе было самое высокое, кроме преступности и смертности. Преступность же и смертность, как говорили, были самыми низкими.

Поскольку электричества вырабатывалось вдоволь, то было просто грешно расходовать пеньку и позволять местным преступникам умирать старомодным способом. А тут как раз появились сообщения, что восточные штаты уже применяют казнь на электрическом стуле, хотя смерть преступника не наступала мгновенно, как рассчитывали. Инженеры в Лос-Амигосе читали эти сообщения и в недоумении поднимали брови: как вообще может последовать смерть от такого слабого тока? Они поклялись, что, попадись им преступник, они обойдутся с ним наилучшим образом и включат все динамо-машины, какие есть в их распоряжении. Стыдно экономить на людях, замечали они. Никто не мог с точностью сказать, какой будет результат, если включить все динамо-машины, ясно было одно: потрясающий и абсолютно смертельный. Они так начинят преступника электричеством, как никого ещё никогда не начиняли. В него словно ударят десять молний сразу. Одни предсказывали сгорание, другие — полный распад тканей и дематериализацию. И все жадно ждали, когда подвернётся случай опытным путём уладить споры. А тут как раз и подвернулся Дункан Уорнер.

Вот уже много лет, как Уорнер был позарез нужен полиции, и никому больше. Сорвиголова, убийца, налётчик на поезда, грабитель с большой дороги, он был, конечно, недостоин решительно никакого сострадания. Он заслужил смерть раз десять, не меньше, и жители Лос-Амигоса скрепя сердце решили: ладно, пусть уж он умрёт такой замечательной смертью. Он, видно, почувствовал себя недостойным такой чести и предпринял две отчаянные попытки бежать. Это был высокий, крепкий человек с львиной головой, покрытой чёрными спутанными кудрями, и окладистой бородой, спадавшей на широкую грудь. В переполненном зале суда не было другой такой красивой головы, как у него. Впрочем, что за новость: порой самое привлекательное лицо смотрит на тебя именно со скамьи подсудимых. Увы, благородная внешность Уорнера не уравновешивала его дурных поступков! Защитник старался, как мог, однако обстоятельства дела были настолько очевидны, что Дункан Уорнер был отдан на милость мощных динамо-машин Лос-Амигоса.

Я присутствовал на совещании комитета, когда обсуждалось это дело. Городской совет назначил четырёх экспертов, которые должны были подготовить казнь. Трое из них были подходящими кандидатурами: Джозеф Мак-Коннор, тот самый, что проектировал динамомашины, Джошуа Уэстмейкот, председатель «Лос-Амигос Электркл Сэплай компани, Лимитед», и я как главный врач. Четвёртым был старый немец по имени Петер Штульпнагель. В городе живёт много немцев, и все они, естественно, голосовали за своего. Таким образом он и оказался в комитете. Утверждали, что у себя на родине он слыл большим знатоком электричества, да и сейчас он постоянно возился с проводами, изоляторами и лейденскими банками, но поскольку дальше этого он не продвинулся и не получил никаких результатов, заслуживающих публикации, то вскоре на него стали смотреть как на безобидного чудака, влюблённого в электричество. Мы, трое, лишь усмехнулись, когда узнали, что он избран нашим коллегой, и, совещаясь на заседании комитета, не обращали никакого внимания на старика. Он сидел, приставив ладонь к уху, потому что был глуховат, и принимал такое же участие в обсуждении, как и джентльмены из прессы, которые торопливо записывали что-то в своих блокнотах, примостившись на задних скамейках.

Дело это не отняло у нас много времени. В Нью-Йорке пустили ток напряжением две тысячи вольт, но смерть наступила не сразу. Очевидно, напряжение оказалось недостаточным. Лос-Амигос не повторит их ошибки. Заряд должен быть в шесть раз больше, а потому, разумеется, в шесть раз эффективнее. Нет ничего логичнее. Мы пустим все динамо-машины.

На том мы втроём и порешили и уже поднялись, чтобы расходиться, как вдруг наш

молчаливый коллега раскрыл рот.

— Джентльмены, — сказал он, — вы обнаруживаете поразительное невежество по части электричества. Вы, я вижу, не знаете, как воздействует электрический ток на человека.

Члены комитета хотели, было, дать уничтожающий ответ на это дерзкое замечание, но председатель электрической компании постукал себя по лбу, как бы призывая быть снисходительными к выходкам этого чудака.

- Сэр, иронически улыбнулся он, может быть, вы сообщите, в чём ошибочность наших заключений?
- В том, что вы предполагаете, будто чем больше заряд электричества, тем он эффективнее. Не думается ли вам, что результат может быть прямо противоположным? Разве вы знаете по опыту, как действует ток высокого напряжения?
- Мы догадываемся об этом по аналогии, произнёс председатель напыщенно. Если увеличить дозу какого-нибудь лекарства, оно действует сильнее. Возьмите, например... ну...
  - Виски! подсказал Джозеф Мак-Коннор.
  - Вот именно! Виски. Разве не так?

Петер Штульпнагель улыбнулся и покачал головой.

— Ваш довод неубедителен, — сказал он. — Выпив одну рюмку, я приходил в возбуждение, после шести — валился спать. Как видите, эффект прямо противоположный. А вдруг электричество действует так же, как виски? Что тогда?

Мы, трое практиков, расхохотались. Мы знали, что наш коллега со странностями, но нам и в голову не приходило, что до такой степени.

- Что тогда? повторил Петер Штульпнагель.
- Мы всё-таки попробуем, ответил председатель.
- Прошу вас вспомнить вот что, продолжал Петер. Если коснуться провода с напряжением лишь в несколько сотен вольт, смерть наступает немедленно. Такие факты общеизвестны. В Нью-Йорке к электрическому стулу подводят гораздо большее напряжение, а преступник какое-то время ещё жив. Разве вы не видите, что малый ток гораздо смертельнее?
- Джентльмены, я полагаю, что обсуждение затянулось, сказал председатель, поднимаясь снова. Вопрос, как я понимаю, уже решён большинством голосов комитета. Дункан Уорнер будет казнён во вторник на электрическом стуле мощным током от всех шести динамо-машин Лос-Амигоса. Нет возражений, джентльмены?
  - Нет, сказал Джозеф Мак-Коннор.
  - Нет, сказал я.
  - Я против, сказал Петер Штульпнагель.
- Предложение принято, ваше мнение будет своим порядком занесено в протокол, подвёл итог председатель.

Народу на казни присутствовало немного. Прежде всего, конечно, четыре члена комитета и палач, который должен был действовать по нашим указаниям. Кроме нас, присутствовали федеральный судебный исполнитель, начальник тюрьмы, священник и три журналиста. Происходило всё в небольшом, выстроенном из кирпича подсобном помещении Центральной электрической станции. Когда-то это была прачечная, и у стены стояли печка и медный котёл, никакой мебели, кроме стула для осуждённого, не было. Перед стулом в ногах положили металлическую пластинку, от которой шёл толстый изолированный провод. Другой провод свисал с потолка, он соединялся с металлическим стерженьком на шлеме, который должен быть надет на голову преступника. Когда этот провод и стержень соединят, Дункан умрёт.

Стояла торжественная тишина: мы ждали появления осуждённого. Побледневшие техники нервно возились с проводами. Даже видавший виды судебный исполнитель чувствовал себя не в своей тарелке, ведь одно дело — вздёрнуть человека, но совсем другое — пропустить через живую плоть мощный электрический заряд. Что до журналистов, то лица у них были белее, чем бумага, на которой они собирались писать. Только на маленького чудака немца эти приготовления не производили никакого впечатления: улыбаясь и затаив в глазах злорадство, он подходил то к одному, то к другому из нас, несколько раз даже громко рассмеялся, и суровый священник упрекнул его за неуместную весёлость.

— Как можно до такой степени забыться, мистер Штульпнагель, чтобы шутить перед лицом смерти!

Но немец нисколько не смутился.

— Если бы я был перед лицом смерти, я бы не стал шутить, — отвечал он, — но в том-то и дело, что я не перед лицом смерти, и потому могу делать, что пожелаю.

Священник хотел, было, выговорить ему за этот дерзкий ответ, но тут дверь распахнулась, и вошли два тюремщика, ведя Дункана Уорнера. Не дрогнув, он огляделся вокруг, решительно шагнул вперёд и сел на стул.

Включайте! — сказал он.

Было бы варварством заставлять его ждать. Священник пробормотал что-то у него над ухом, палач надел шлем на голову — все затаили дыхание — и включил ток.

— Чорт побери! — закричал Дункан Уорнер, подпрыгнув на стуле, как будто его подбросила чья-то мощная рука.

Он был жив. Более того, глаза стали блестеть сильнее. Одно только изменилось в нём — что было совсем неожиданно: с его головы и бороды полностью сошла чернота, как сходит с луга тень от облака; они стали белые, точно снег. Никаких других признаков умирания. Кожа гладкая и чистая, как у ребёнка.

Судебный исполнитель с упрёком взглянул на членов комитета.

— Какая-то неисправность, джентльмены, — сказал он.

Мы трое переглянулись.

Петер Штульпнагель загадочно улыбнулся.

Включим ещё раз, — сказал я.

Снова включили ток, снова Дункан Уорнер подпрыгнул в кресле и закричал. Ей-ей, не знай мы, что на стуле Дункан Уорнер, мы бы решили, что это не он: в одно мгновение волосы у него на голове и на лице выпали. И пол вокруг стал, как в парикмахерской субботним вечером. Глаза его сияли, на щеках горел румянец, свидетельствующий об отличном самочувствии, хотя затылок был гол, как головка голландского сыра, и на подбородке тоже ни следа растительности. Он пошевелил плечом, сначала медленно и осторожно, потом всё смелее.

- Этот сустав поставил в тупик половину докторов с Тихоокеанского побережья, сказал он. А теперь рука как новая, гибче ивового прутика.
  - Вы ведь хорошо себя чувствуете? спросил немец.
  - Как никогда в жизни, лучезарно ответил Дункан Уорнер.

Положение становилось тягостным. Судебный исполнитель метал в нас испепеляющие взгляды. Петер Штульпнагель усмехался и потирал руки. Техники почёсывали в затылке. Полысевший заключённый удовлетворённо пробовал свою руку.

- Думаю, что ещё один заряд... начал, было, председатель.
- Нет, сэр, возразил судебный исполнитель. Подурачились, и хватит. Мы обязаны привести смертный приговор в исполнение, и мы это сделаем.
  - Что вы предлагаете?
  - Я вижу крюк в потолке. Сейчас достанем верёвку, и дело с концом.

Снова потянулось томительное ожидание, пока тюремщики ходили за верёвкой. Петер Штульпнагель нагнулся к Дункану Уорнеру и что-то прошептал ему на ухо. Сорви-голова удивлённо встрепенулся:

— Не может быть!

Немец кивнул, подтверждая.

— Правда? И нет никакого способа?

Петер покачал головой, и оба расхохотались, словно услышали что-то необыкновенно смешное.

Принесли наконец верёвку, и судебный исполнитель собственноручно накинул петлю на шею преступнику. Потом он, палач и двое тюремщиков вздёрнули его в воздух. Половину часа проболтался несчастный под потолком — зрелище, доложу, не из приятных. Затем торжественно и молча они опустили его на пол, и один из тюремщиков пошёл сказать, чтобы принесли гроб. Представьте себе наше удивление, когда Дункан Уорнер вдруг поднял руки, ослабил петлю у себя на шее и сделал глубокий вздох.

- У Пола Джефферсона хорошо идёт торговля сегодня. Сверху оттуда всю очередь видно, сообщил он, кивнув на крюк в потолке.
- Вздёрнуть его ещё раз! загремел судебный исполнитель. Мы всё-таки вытряхнем сегодня из него душу.

Через секунду жертва снова болталась на крюке.

Они держали его там битый час. А когда спустили, он был бодр и весел в отличие от всех нас.

— Старик Планкет что-то зачастил в «Аркадию». Три раза за час сбегал, а ведь у него семья. Пора бы ему бросить пить.

Это было чудовищно, невероятно, но это было. И ничего нельзя было с этим поделать. Дункану Уорнеру давно полагалось умереть, а он разговаривал. Мы подошли поближе и с разинутыми ртами уставились на него, но судебный исполнитель был не из тех, кто легко сдаётся. Он жестом попросил отойти всех в сторону и остался с заключённым наедине.

— Дункан Уорнер, — начал он медленно. — У тебя своя игра, у меня своя. Ты хочешь любой ценой выжить, а я — привести приговор в исполнение. С электричеством нас постигла неудача. Один ноль в твою пользу. Тогда мы решили повесить тебя. Но и тут твоя взяла. И всё-таки я исполню свой долг. На этот раз ты будешь убит.

Говоря это, он вынул из кармана шестизарядный револьвер и одну за другой всадил все шесть пуль в свою жертву. Помещение наполнилось дымом, но, когда он рассеялся, мы увидели, что Дункан Уорнер с сожалением разглядывает свой пиджак.

— В твоих местах пиджаки, должно быть, гроши стоят. А я тридцать долларов за свой отдал, понял? Шесть дыр спереди, да четыре пули насквозь прошли, так что и спина не лучше!

Револьвер выпал из рук судебного исполнителя. Он должен был признать своё поражение.

— Может, кто-нибудь из джентльменов объяснит, что всё это значит? — пробормотал он, растерянно глядя на членов комитета.

Петер Штульпнагель шагнул вперёд.

- Я объясню, что это значит.
- Вы, кажется, единственный, кто кое-что смыслит в электричестве.
- Да, единственный. Я пытался предупредить этих джентльменов. Но они не пожелали выслушать меня, и я решил: пусть убедятся на собственном опыте. Знаете, что сделало ваше электричество? Оно так увеличило жизнеспособность этого человека, что он будет жить века.
  - Века?
- Да, потребуются сотни лет, прежде чем истощится колоссальная нервная энергия, которой вы его начинили. Электричество это жизнь, вы зарядили его жизненно до предела. Пожалуй, лет этак через пятьсот можно попробовать казнить его снова, но я отнюдь не ручаюсь за успех.
- Чорт побери! А что же мне делать? вскричал вконец расстроенный судебный исполнитель.
  - Может быть, нам удастся разрядить его? Что, если повесить его за ноги?
  - Нет. Ничего не получится.
- Но всё-таки он не будет больше нарушать покой жителей Лос-Амигоса, сказал судебный исполнитель. Отправим его в тюрьму. Я сгною его за решёткой.
  - Как бы не так! Скорее тюрьма сгниёт.

Это было полное фиаско, и мы несколько лет старались обходить в разговоре этот прискорбный случай. Но теперь о нём знают все, и вы можете, если хотите, поместить его к себе в записную книжку.

1892 г.

(перевод Г. Злобина)

СМУГЛАЯ РУКА

Всем известно, что сэр Доминик Холден, знаменитый хирург, трудившийся чуть ли не всю жизнь в Индии, завещал своё состояние мне и что после его смерти я превратился из скромного врача, который трудится ради куска хлеба, в богатого владельца старинного поместья и огромных земель. Известно также, что у сэра Доминика было по меньшей мере пять более близких родственников, чем я, и согласно закону им-то и должно было достаться наследство, так что его выбор сочли необъяснимой причудой. Однако я уверяю всех, кто разделяет подобное мнение, что они глубоко заблуждаются, ибо хоть я и подружился с сэром Домиником, когда он был уже в преклонных летах, у него тем не менее оказались веские причины, чтобы выказать таким способом своё ко мне расположение. Между прочим, хоть я и рассказываю эту историю сам, поверьте — мало кто оказывал когда-либо ближнему столь важную услугу, какую оказал моему индийскому дядюшке я. Вы наверняка назовёте эту историю небылицей, но она столь необычна, что я просто почитаю своим долгом её рассказать, а уж как вы к ней отнесётесь — дело ваше. Итак, приступим.

Сэр Доминик Холден, кавалер ордена Бани III степени, кавалер ордена «Звезда Индии» II степени, а также обладатель множества других наград, всех и не перечислишь, прославился в своё время как самый талантливый хирург среди наших врачей в Индии. Начал он свою карьеру в армии, но потом открыл частную практику в Бомбее и в качестве консультанта изъездил Индию вдоль и поперёк. Однако главная его заслуга — Бомбейская больница для индусов, которую он построил и содержал на свои средства. Но шло время, и его железное здоровье стало сдавать под колоссальным бременем, которое он взвалил на себя ещё в молодости, а коллеги-врачи принялись единодушно (хотя, подозреваю, отнюдь не бескорыстно) убеждать его вернуться в Англию. Он противился сколько мог, но скоро у него появились ярко выраженные симптомы нервного расстройства, и в конце концов, окончательно сломленный, он уехал на родину в графство Уилтшир. Там он купил большое имение со старинным замком, находящееся у отрогов равнины Солсбери-Плейн, и посвятил последние годы жизни изучению сравнительной патологии, которой этот замечательный учёный увлекался всю жизнь и в которой был крупнейшим авторитетом.

Всю родню, как и следовало ожидать, чрезвычайно взволновала весть о возвращении в Англию богатого бездетного дядюшки. Он же, вовсе не проявляя чрезмерного радушия, счёл однако долгом установить добрые отношения с родственниками, и все мы в свою очередь получили от него приглашение. Кузены и кузины, побывавшие в гостях, рассказывали, что изнывали у дядюшки со скуки, и потому, когда я наконец был призван в Роденхерст, то испытал прилив противоречивых чувств. Моя жена столь демонстративно не упоминалась в письме, что первым моим побуждением было отказаться от визита, однако я не имел права забывать об интересах детей, и, получив согласие жены, пасмурным октябрьским днём отправился в Уилтшир, совершенно не представляя, какие важные последствия повлечёт за собой этот визит.

Имение моего дяди расположено в том месте равнины, где кончаются пахотные земли и полого встают плавные склоны меловых холмов, столь характерных для ландшафта этого графства. Когда я сошёл с поезда в Динтоне и кучер повёз меня в имение дядюшки в гаснущем свете осеннего дня, я был поражён странной таинственностью пейзажа. Развалины гигантских древних сооружений настолько подавляли разбросанные по округе крестьянские фермы, что настоящее казалось сном — его властно, повелительно вытесняло прошлое. Дорога вилась среди поросших травою холмов, вершины которых, все до единой, увенчаны мощнейшими бастионами — круглые или квадратные, они мужественно отражают натиск стихий и тысячелетий. Кто-то называет их римскими крепостями, кто-то британскими, однако до сих пор так и не выяснено с достаточной степенью достоверности, кто именно построил эти укрепления и почему их так много здесь, в этой части Англии. На ровных, пологих серозелёных склонах там и сям поднимались маленькие округлые холмики — могильники. Под ними лежат обращённые в пепел останки народа, глубоко зарывшего себя в эти холмы, но их могилы говорят нам только одно: в этом сосуде покоится прах человека, который трудился некогда под солнцем.

По этой-то полной тайн местности я приблизился наконец к имению дядюшки в Роденхерсте и обнаружил, что оно удивительно гармонирует с окружающей обстановкой. Ворота, за которыми начиналась неухоженная аллея, ведущая к дому, висели на разрушающихся облупленных столбах с искалеченными геральдическими щитами наверху. Холодный ветер шумел в кронах вязов, которыми была обсажена аллея, дождём сыпалась листва. Вдали, там где кончался мрачный свод деревьев, ровно горел жёлтым светом одинединственный фонарь. В последних проблесках дня я увидел длинное низкое здание с несимметричными крыльями, покатой мансардной крышей и низко свешивающимся карнизом, с узором перекрещивающихся деревянных балок на стенах — архитектура эпохи Тюдоров. Широкое зарешёченное окно слева от невысокого крыльца приветливо теплилось светом горящего камина, и, как оказалось, это было окно дядюшкиного кабинета, потому что именно туда провёл меня дворецкий знакомиться с хозяином замка.

Он сидел, съёжившись у камина, непривычный к промозглому холоду английской осени. Лампу в кабинете ещё не зажгли, и я увидел в красном свечении тлеющих углей лицо с крупными резкими чертами: огромный нос и выступающие скулы, как у индейца, глубокие складки, прорезающие щёки от глаз до подбородка — сумрачная маска, скрывающая необузданные страсти. При моём появлении он быстро поднялся со старомодной учтивостью манер и любезно сказал:

— Добро пожаловать в Роденхерст!

Внесли лампу, и я почувствовал, что его голубые глаза в высшей степени критически рассматривают меня из-под косматых бровей, точно спрятавшиеся под кустом лазутчики, и что я для моего заморского дядюшки словно открытая книга — он читает в моей душе с лёгкостью опытного психолога и искушённого светского человека.

Я тоже внимательно разглядывал его, потому что наружность этого человека буквально приковывала внимание. Огромного роста и могучего сложения, он так исхудал, что пиджак на нём висел как на вешалке, и меня потрясло, до чего костлявы его широкие плечи. Руки и ноги у него были крупные, но иссохшие, я не мог оторвать взгляда от его запястий с выступающими костями, от длинных узловатых пальцев. Но больше всего поражали его глаза — светло-голубые, проницательные, острые. Поражал не столько цвет, не густые ресницы и косматые брови, из-под которых эти глаза сверкали, а выражение, которое я в них заметил. Для человека такого могучего сложения и с такой внушительной осанкой естественна была бы некая властность во взгляде, спокойная уверенность, а я почувствовал, что дух его сломлен и полон страха, мне представились робкие, просящие прощения глаза собаки, чей хозяин снял со стены плётку. И я, едва увидев эти изучающие и в то же время как бы молящие о пощаде глаза, поставил ему врачебный диагноз. Я решил, что у него неизлечимая болезнь, он знает, что каждую минуту может умереть, и жизнь его отравлена страхом. Вот какое я сделал заключение и, как показали дальнейшие события, ошибся; но я рассказываю об этом, чтобы вам легче было представить себе выражение его глаз.

Я уже сказал, что дядюшка приветствовал меня чрезвычайно любезно, и через час я сидел в уютной столовой между ним и его женой, стол был уставлен пряными экзотическими деликатесами, а из-за стула дядюшки то и дело неслышно возникал всевидящий слуга-индус. Пожилая чета вступила в ту печальную пору, которая, как это ни парадоксально, напоминает счастливое начало семейной жизни — они снова вдвоём, снова одни, дети умерли или разлетелись по свету, труд жизни завершён, и сама жизнь быстро приближается к концу. Те, кто открыл в себе такие глубины любви и преданности, кому удалось обратить суровую зиму в светлое бабье лето, вышел победителем из жизненных испытаний. Леди Холден была миниатюрная живая дама с удивительно добрыми глазами, и когда она смотрела на своего мужа, сразу становилось ясно, как она им гордится и восхищается. Но я прочёл в их взорах не только любовь друг к другу, я прочёл в них ужас и распознал в её лице отражение того тайного страха, который ещё раньше заметил в лице сэра Холдена. Они то весело шутили, то вдруг голоса их начинали звучать грустно, причём насколько принуждённым казалось их веселье, настолько естественной была грусть, и я понял, что рядом со мной сидят люди, у которых тяжело на душе.

Но вот слуги ушли, мы налили себе вина, и тут разговор коснулся темы, которая чрезвычайно взволновала хозяина и хозяйку дома. Не помню, с чего зашла у нас речь о

сверхъестественных явлениях, только я признался им, что, как многие невропатологи, посвящаю довольно много времени исследованию всякого рода аномальных явлений человеческой психики. И в конце концов поведал, как я и ещё двое моих коллег, также членов Общества психических исследований, провели ночь в доме, где водятся привидения. Ночь прошла без особых приключений, никаких сенсационных открытий мы не сделали, но почемуто этот рассказ в высшей степени заинтересовал моих родственников. Они слушали затаив дыхание, причём однажды я поймал многозначительный взгляд, которым они обменялись. Едва я кончил рассказывать, как леди Холден поднялась и оставила нас.

Сэр Доминик пододвинул ко мне коробку с сигарами, и несколько минут мы курили молча. Я видел, как дрожит его крупная худая рука, когда он подносил к губам свою маленькую манильскую сигару, и чувствовал, что нервы его напряжены до предела. Чутьё подсказывало мне, что он готовится сделать какое-то сокровенное признание, и я не произносил ни слова, боясь спугнуть его. Наконец он резко поднял голову и посмотрел на меня с таким выражением, как будто решился на отчаянный шаг.

- Я очень мало знаю вас, доктор Хардэйкр, но мне кажется, вы именно тот человек, которого я давно ищу.
  - Рад слышать это, сэр.
- У вас ясный трезвый ум. Надеюсь, вы не заподозрите меня в неискренности, ведь дело это слишком серьёзное, лесть была бы просто неуместна. Вы обладаете достаточными познаниями в области, которая меня интересует, и, насколько я могу судить, относитесь к сверхъестественным явлениям как философ, а такой подход исключает свойственный невежеству страх. Полагаю, появление призрака не нарушит ваше душевное равновесие?
  - Думаю, что нет, сэр.
  - Может быть даже заинтересует?
  - В высшей степени.
- Как исследователь человеческой психики, вы, вероятно, будете наблюдать за ним столь же отвлечённо, как астроном наблюдает блуждающую комету?
  - Совершенно верно.

Он тяжело вздохнул.

— Поверьте, доктор Хардэйкр, было время, когда я ответил бы в точности так же, как вы. В Индии о моём бесстрашии ходили легенды. Даже во время восстания сипаев оно не изменило мне ни на миг. А сейчас... вы видите, во что я превратился сейчас: наверное, во всём графстве Уилтшир не найти существа столь же малодушного. Не будьте так самоуверенны, когда дело касается сверхъестественного: судьба может подвергнуть вас такому же нескончаемому испытанию, какому подвергла меня, — испытанию, которое способно привести человека в сумасшедший дом или свести в могилу.

Я терпеливо ждал, когда он наконец откроет мне свою тайну. Стоило ли говорить, что начало не только заинтересовало меня, но и сильно взволновало.

- Вот уже несколько лет, продолжал он, как моя жизнь и жизнь моей жены превратилась в кромешный ад, и причина тому не просто нелепа, она воистину смехотворна. Казалось бы за столько-то времени можно было и привыкнуть к этому аду, но нет, наоборот: чем дальше, тем невыносимей это постоянное напряжение: мои нервы вот-вот не выдержат. Если вы не опасаетесь за своё здоровье, доктор Хардэйкр, я просил бы вас помочь мне понять природу феномена, который так нас терзает, ибо я чрезвычайно ценю ваше мнение.
- Оно к вашим услугам, хотя я и не уверен, что скажу вам что-то путное. Могу я узнать, о каком феномене идёт речь?
- Мне кажется, вы сможете судить о событиях непредвзято, если не будете знать заранее, с чем вам предстоит столкнуться. Кому как не вам известна огромная роль подсознания и наших собственных субъективных впечатлений: ведь живущий в вас, учёном, скептик наверняка подвергнет сомнению то, что вы видели. Так что давайте уж примем меры предосторожности.
  - Что я должен сделать?
  - Я всё объясню. Пойдёмте со мной, прошу вас.

Мы вышли из столовой и двинулись по длинному коридору; возле последней двери сэр Доминик остановился. За ней оказалась просторная, с голыми стенами комната,

оборудованная под лабораторию; здесь было множество научных приборов, инструментов и химической посуды. К одной из стен во всю длину была пристроена полка, на ней стоял длинный ряд стеклянных банок с различными органами и тканями, поражёнными болезнями.

— Как видите, я не бросил своего прежнего увлечения, — пояснил сэр Доминик. — Эти банки — всё, что осталось от некогда великолепной коллекции, остальное, увы, погибло в девяносто втором году, когда сгорел мой дом в Бомбее. Для меня это обернулось большим несчастьем во многих отношениях. У меня были образцы редчайших заболеваний, а коллекция больных селезёнок, подозреваю, не имела себе равных в мире. Это, однако, и всё, что удалось спасти.

Я стал рассматривать коллекцию и сразу же понял, что с точки зрения врача это поистине редчайшее сокровище: увеличенные внутренние органы, зияющие полости кист, искривлённые кости, омерзительные паразиты, развивающиеся в организме человека — ярчайшая иллюстрация того, что делает с человеком Индия.

- Тут есть небольшая кушетка, видите, продолжал хозяин поместья. Разумеется, нам и в голову бы не пришло предложить гостю столь убогое помещение, но раз уж события приняли такой неожиданный поворот, я буду вам бесконечно признателен, если вы согласитесь провести здесь ночь. Но, может быть, подобная перспектива отталкивает вас в таком случае вы должны без колебания сказать мне это, прошу вас.
  - Отталкивает? Напротив, возразил я, она меня чрезвычайно привлекает.
- Моя спальня вторая слева, и если вы почувствуете, что вам необходимо общество, позовите меня, я тотчас буду здесь.
  - Надеюсь, мне не придётся тревожить ваш сон.
  - Я вряд ли буду спать. У меня бессонница. Так что зовите меня, не церемоньтесь.

Условившись таким образом, мы вернулись в гостиную, где нас ждала леди Холден, и стали беседовать о предметах не столь серьёзных.

Когда я сказал дяде, что с удовольствием приму участие в ночном приключении, это вовсе не было бравадой. Я никогда не стал бы утверждать, что я сильнее или храбрее кого бы то ни было, но когда вы уже сталкивались со сверхъестественным, у вас пропадает тот смутный необъяснимый ужас перед неведомым, который трудно вынести человеку с воображением. Человеческая душа не способна испытывать более одного сильного чувства одновременно, и если вас переполняет любопытство или нетерпение учёного, для страха просто не остаётся места. Правда, дядя мне признался, что и сам когда-то придерживался таких же взглядов, но я рассудил — ещё неизвестно, что именно надорвало его психику — сорок лет работы в Индии или нервное потрясение, которое ему пришлось пережить. У меня, во всяком случае, нервы железные, голова холодная, и потому я закрыл за собой дверь лаборатории, чувствуя волнение и азарт охотника, который подстерегает дичь, снял обувь и пиджак и прилёг на покрытую ковром кушетку.

Лаборатория оказалась далеко не самой удобной спальней. Сильно пахло разными химическими реактивами, особенно остро ощущался метиловый спирт. Да и обстановка не располагала к отдыху. Взгляд мой упирался в отвратительный ряд стеклянных сосудов с поражёнными болезнью тканями и органами, которые когда-то доставили людям столько страданий. Окно было без штор, и в комнату лился белый свет почти полной луны, на противоположной стене горел серебряный квадрат с чёрным ажурным узором решётки. Когда я погасил свечу, это единственное яркое пятно во тьме комнаты сразу же вызвало у меня тревогу: мне стало жутковато. В старом доме застыла мрачная, ничем не нарушаемая тишина, я слышал тихий шёпот деревьев в саду. Может быть, эта вкрадчивая колыбельная убаюкала меня или сказалась усталость трудного дня, но только я задремал, проснулся, снова задремал, долго боролся со сном, и всё-таки он меня сморил — глубокий, без сновидений.

Проснулся я от какого-то звука в комнате и тотчас же приподнялся на локте. Прошло несколько часов, потому что лунный квадрат сполз по стене вниз и в сторону и теперь косо лежал в ногах моей кушетки. Остальная часть комнаты была погружена в непроглядный мрак. Сначала я в нём ничего не мог разглядеть, но постепенно глаза привыкли к слабому свету, и хотя я весь трепетал от азарта исследователя, сердце моё дрогнуло: что-то медленно двигалось вдоль стены. Вот я расслышал тихое шарканье словно бы войлочных туфель, с трудом различил силуэт человека, крадущегося со стороны двери. Вот он вступил в полосу лунного

света, и стало ясно видно и его самого и его одежду. Это был мужчина, невысокий и коренастый, в просторном тёмно-сером балахоне до пят. Луна осветила половину его лица, и я увидел, что оно тёмно-коричневого цвета, а чёрные волосы собраны на затылке в пучок, как у женщины. Он медленно продвигался вперёд, глаза его были устремлены на ряд банок, в которых хранились печальные реликвии людских страданий. Он внимательно рассматривал сосуд за сосудом. Дойдя до конца полки, который находился прямо против моей кушетки, он остановился, взглянул на меня, в отчаянии воздел руки и исчез — как сквозь землю провалился.

Я сказал, что он воздел руки, но когда его руки взметнулись вверх в жесте отчаяния, я заметил странную особенность. У него была только одна кисть! Широкие рукава соскользнули к плечам, и левую кисть я разглядел ясно, а вот вместо правой была безобразная узловатая культя. Больше он ничем не отличался от индусских слуг сэра Доминика, а видел я его и слышал так ясно, что готов был принять за одного из них — наверное, ему что-то понадобилось в моей комнате, и он зашёл сюда. Лишь его неожиданное исчезновение навело на недобрые мысли. Я вскочил с кушетки, зажёг свечу и внимательно осмотрел всю комнату. Никаких следов моего гостя; и я был вынужден признать, что его появление действительно противоречило законам природы. Остаток ночи я пролежал без сна, но никто меня больше не тревожил.

Встал я по обыкновению рано, но дядя оказался ещё более ранней пташкой — он уже расхаживал взад и вперёд по лужайке возле дома. Когда я вышел на крыльцо, он в волнении бросился ко мне.

- Ну что, вы видели его? крикнул он.
- Однорукого индуса?
- Именно.
- Видел. И я рассказал ему всё, что произошло ночью. Выслушав, он повёл меня в свой кабинет.
- Скоро завтрак, но у нас ещё есть немного времени, сказал он. Я успею объяснить вам это необыкновенное явление насколько вообще можно объяснить то, что не имеет объяснения. Для начала открою вам, что вот уже четыре года этот человек приходит ко мне каждую ночь и будит, где бы я ни находился: в Бомбее ли, в каюте парохода или здесь, в Англии, и вы поймёте, почему я сам превратился чуть ли не в привидение. Каждую ночь происходит одно и то же. Он появляется подле моей кровати, сердито трясёт меня за плечо, потом идёт из спальни в лабораторию, медленно проходит возле полки с моими банками и исчезает. Почти полторы тысячи ночей, и всегда одно и то же.
  - Что ему нужно?
  - Он приходит за своей рукой.
  - За своей рукой?
- Да, я сейчас расскажу, как всё случилось. Лет десять назад меня пригласили в Пешавар проконсультировать больного, и, пока я был там, попросили осмотреть руку одного туземца, который шёл с афганским караваном. Туземец этот был из какого-то племени горцев, которое живёт Бог знает где далеко за Гиндукушем. Говорил он на исковерканном пушту, понять его было очень трудно. У него оказалась саркома одного из пястных суставов, и я ему объяснил, что придётся отнять кисть, иначе он умрёт. Уговаривал я его очень долго, и наконец он согласился на операцию, а когда я её сделал, он спросил, какое вознаграждение я с него потребую. Бедняга был чуть ли не нищий, о каком вознаграждении могла итти речь, и я в шутку сказал, что платой будет его рука, она пополнит мою коллекцию опухолей.

К моему удивлению, он решительно отказался и объяснил, что, когда человек умирает, все части его тела должны быть похоронены вместе, это очень важно — ведь согласно его религии душа потом воссоединяется с телом и ей нужен удобный дом. Конечно, это одно из древнейших верований человечества, сходные представления были и у египтян, потому-то они и бальзамировали своих покойников. Я ответил ему, что рука всё равно отрезана и поинтересовался, как же он собирается её хранить. Он объяснил, что поместит её в соляной раствор и будет всюду возить с собой. Я предложил оставить её в моей коллекции — тут уж она точно не потеряется, к тому же в моих растворах сохранится лучше, чем в соляном. Убедившись, что я и в самом деле намерен бережно хранить руку, он тотчас же согласился.

«Но помните, сагиб, — сказал он, — когда я умру, я приду за ней». Я засмеялся в ответ на те слова, и тем всё кончилось. Я вернулся в Бомбей, а он, без сомнения, поправился и смог продолжить своё путешествие в Афганистан.

Вчера я уже говорил вам, что в моём доме в Бомбее случился пожар. Сгорело больше половины, и к тому же сильно пострадала моя коллекция поражённых органов и тканей. То, что вы видели, лишь жалкие остатки. Среди погибших экспонатов оказалась и рука горца, но в то время я не придал этому большого значения. С той поры прошло уже шесть лет.

А четыре года назад, через два года после пожара, я проснулся однажды ночью от того, что кто-то изо всех сил дёргает меня за рукав. Я сел, решив, что это меня будит мой любимый мастиф. Но вместо собаки увидел моего давнего пациента-индуса в длинном сером балахоне, какие носят люди его племени. Он с укором глядел на меня, показывая свою культю. Потом подошёл к моим банкам, которые стояли тогда у меня в комнате, внимательно осмотрел каждую, сердито взмахнул руками и исчез. Я понял, что он только что умер и пришёл за рукой, которую я обещал свято хранить для него.

Ну вот, доктор Хардэйкр, теперь вы знаете всё. Эта сцена повторяется четыре года — каждую ночь, в одно и то же время. В сущности, ничего дурного горец мне не делает, но его появление вымотало меня в конец, я словно подвергаюсь пытке водой. У меня жесточайшая бессонница, я не могу заснуть — лежу и жду, когда он появится. Он отравил мою старость, старость моей жены, которая страдает не меньше меня. Слышите — гонг, приглашают к завтраку, она с нетерпением ждёт нас, ей хочется знать, видели ли вы что-нибудь ночью. Мы безмерно благодарны вам за доброе участие, ведь когда друг разделил наше горе, когда он рядом, пусть даже недолго, одну-единственную ночь, нам легче выносить эту муку, вы убедили нас, что мы с женой не сумасшедшие, а порой нам кажется, что мы теряем рассудок.

Вот какую странную историю поведал мне сэр Доминик — я знаю, многие бы посмеялись над ней и не поверили ни слову, но я после того, что приключилось со мной ночью, и после того, что мне довелось видеть раньше, я принял её как совершенную непреложность. Я тщательно всё обдумал, сопоставив с тем, что мне довелось читать и пережить. После завтрака я сказал леди Холден и сэру Доминику, что возвращаюсь следующим поездом в Лондон, чем сильно удивил их.

- Мой дорогой племянник, воскликнул дядя в величайшем огорчении, я понимаю, что грубо нарушил законы гостеприимства, навязав вам это злосчастное привидение. Нужно нести свой крест самому.
- Признаюсь, что моя поездка в Лондон и вправду связана с привидением, ответил я, но если вы думаете, что ночное приключение вызвало у меня хоть тень неудовольствия, вы ошибаетесь, уверяю вас. Напротив, я прошу у вас позволения вернуться вечером и провести в вашей лаборатории ещё одну ночь. Я горю желанием ещё раз встретиться с этим ночным гостем.

Дяде чрезвычайно хотелось знать, что я затеваю, но я не стал посвящать его в свой план, боясь заронить надежду, которая может не сбыться. Около полудня я уже сидел в своей приёмной и перечитывал то место, в недавно вышедшей книге по оккультизму, которое привлекло моё внимание, когда я только купил её.

«Что касается духов, привязанных к земному, — писал автор, — то если перед смертью они были одержимы навязчивой идеей, эта идея способна удержать их в нашем материальном мире. Эти духи своего рода амфибии, они могут существовать и в этой жизни, и в иной, как черепахи живут и на суше, и в воде. Причиной того, что душа оказывается столь крепко привязанной к жизни, которую покинуло тело, может быть любая сильная страсть. Известно, что такой эффект производят алчность, жажда мести, тревога, любовь, жалость. Как правило, подобные чувства порождаются неудовлетворённым желанием, и если желание удовлетворить, материальная связь слабеет. Описано немало случаев, когда духи преследуют людей с редкостным упорством, но исчезают, стоит лишь выполнить их желание, причём иногда бывает достаточно заменить предмет, которого они добиваются, чем-то сходным».

«Заменить предмет, которого они добиваются, чем-то сходным» — именно над этими словами я размышлял всё то утро: оказывается, я всё правильно запомнил. Вернуть туземцу

руку невозможно, а вот заменить другой — это стоит попытаться! Я поехал в Шадуэлл, *досадуя, что поезд тащится так медленно, к моему старому другу Джеку Хьюэтту, который работал старшим хирургом в больнице для моряков. Не посвящая его в суть дела, объяснил, что мне нужно.

- Смуглую руку индуса! в изумлении повторил он. Да зачем она вам, ради всего святого?
  - Потом расскажу. Я знаю, у вас в больнице полно индусов.
- Да уж, хватает. Но ведь вам рука нужна... Он задумался, потом взял колокольчик и позвонил.
- Скажите, Трейверс, обратился он к студенту-медику, который практиковал в его отделении, что сделали с руками матроса-индийца, которые мы вчера ампутировали? Я о том бедняге из Ост-Индских доков, которого затянуло в паровую лебёдку.
  - Его руки в секционной, сэр.
  - Положите одну из них в банку с формалином и передайте доктору Хардэйкру.

Незадолго до обеда я возвратился в Роденхерст со странным предметом, который мне всё же удалось раздобыть в Лондоне. Сэру Доминику я решил пока ничего не рассказывать, однако на ночь расположился в его лаборатории, где и поставил банку с рукой матроса-индийца на полку с того края, который был возле моей кушетки.

Конечно, мне было не до сна, настолько я был заинтригован исходом опыта, который задумал поставить. Я сел, прикрутил фитиль лампы и стал терпеливо ждать ночного гостя. На сей раз я ясно увидел его сразу же, как только он появился. А появился он возле двери: сначала возник в виде туманного облака, но туман быстро сгустился и обрёл чёткие очертания — человек как человек, ничем не отличается от любого другого. Туфли, мелькающие из-под подола серого балахона, были красные и без задников; а, вот, значит, откуда этот тихий шаркающий звук при ходьбе. Как и в прошлую ночь, он медленно прошёл мимо банок на полке и остановился возле последней, в которой была рука. Он шагнул к ней, весь затрясся от радости, снял её и впился в руку глазами, потом лицо его исказилось от горя и ярости, и он хватил банку об пол. Звону и грохоту было на весь дом, но, когда я поднял голову однорукий индиец уже исчез. Через минуту распахнулась дверь, в комнату вбежал сэр Доминик.

- Вы живы, не ранены? вскричал он.
- Жив и не ранен... но ужасно огорчён.

Он в изумлении уставился на осколки стекла и на коричневую руку, которая лежала на полу.

— Боже милостивый! — воскликнул он. — Что это?

Я посвятил его в свой замысел, из которого, увы, ничего не вышло. Он внимательно выслушал меня, потом покачал головой.

— Мысль была превосходная, — сказал он, — но, боюсь, избавить меня от страданий не так-то просто. Однако теперь вы ни под каким предлогом не будете ночевать здесь, я этого ни за что не допущу. Когда я услышал грохот, я так испугался за вас: такого ужаса я в жизни не испытывал. И не хочу испытать ещё раз.

Однако он позволил мне остаться в лаборатории до утра. Безмерно расстроенный, что из моей затеи ничего не вышло, я стал думать, как же помочь беде. Стало светать, на полу вырисовывалась валяющаяся рука матроса, она вновь напомнила мне, какое фиаско я потерпел. Я лежал и глядел на неё, и вдруг меня словно молнией озарило, я вскочил с кушетки, весь дрожа от возбуждения. Поднял зловещие останки. Да, так оно и есть. Это же левая рука!

Первым же поездом я поехал в Лондон, в больницу для моряков. Я помнил, что матросу ампутировали обе руки, и холодел от ужаса при мысли, что драгоценную правую кисть, которая мне так нужна, уже сожгли в печи. Однако мои мучительные сомнения скоро развеялись. Кисть всё ещё была в секционной. И к вечеру я вернулся в Роденхерст, добившись того, что мне нужно, и привезя всё необходимое для следующего эксперимента.

Но когда я заикнулся о лаборатории, сэр Доминик Холден и слушать меня не захотел. Как я ни умолял его, он оставался непреклонен. Он и так возмутительно нарушил традиции

 $^{^*}$ Железнодорожная станция в районе лондонских доков. (П.Г.)

гостеприимства, больше он такого никогда себе не позволит. Поэтому я поставил, как и вчера вечером, банку с правой рукой на полку и отправился ночевать в уютную спальню в другом крыле дома, подальше от места, где разыгрались ночные приключения.

Но мирно проспать до утра мне было не суждено. Среди ночи в спальню ворвался мой дядюшка. Огромный, худой как скелет, в развевающемся халате, он наверняка бы испугал человека со слабыми нервами куда больше, чем вчерашний индус. Но меня поразило не столько его появление, сколько выражение его лица. Он вдруг помолодел лет на двадцать, а то и больше. Глаза сияют, лицо счастливое, сам победно машет рукой в воздухе. Я оторопело сел и, не совсем проснувшись, уставился на своего неожиданного посетителя. Но при первых же его словах сон улетучился без следа.

- Удача! Неслыханная, невероятная удача! закричал он. Дорогой доктор Хардэйкр, как мне благодарить вас?
  - Вы что же, хотите сказать наш план удался?
- Именно, именно! Я разбудил вас, потому что был уверен вы не рассердитесь и будете рады столь счастливой вести.
  - Рассержусь? Наоборот! Но вы уверены, что всё и вправду получилось?
- Без всяких сомнений. Я в неоплатном долгу перед вами, дорогой племянник, никто не сделал для меня больше, чем вы, я и не представлял, что такое благодеяние вообще возможно. Как я смогу достойно отблагодарить вас? Само Провидение послало вас, чтобы спасти меня. Вы сохранили мне рассудок и жизнь: ещё полгода такого ужаса и я попал бы в сумасшедший дом или лёг в могилу. А жена ведь она таяла у меня на глазах. Я не верил, что в человеческих силах освободить нас из этого ада. Он схватил меня за руку и стиснул своими иссохшимися пальцами.
- Я просто поставил опыт почти без надежды на успех и теперь безмерно счастлив, что он удался. Однако почему вы решили, что он больше не появится? Он подал вам какой-то знак?

Дядя сел в ногах моей кровати.

— Да, подал, — ответил он. — И этот знак убедил меня, что больше он меня тревожить не будет. Сейчас я вам всё расскажу. Вы знаете, что индус всегда приходил ко мне в один и тот же час. Вот и сегодня он явился, как обычно, но разбудил ещё более грубым толчком. Могу объяснить это лишь одним: разочарование, которое он пережил прошлой ночью, разожгло его гнев против меня. Он злобно поглядел мне в глаза и пошёл по обыкновению в лабораторию. Но через несколько минут вернулся ко мне в спальню — такое случилось в первый раз за все годы, что он меня преследует. Он улыбался. В темноте спальни я видел, как блестят его зубы. Он встал лицом ко мне в изножье кровати и три раза низко по-восточному поклонился — это они там так прощаются, когда желают выказать почтение. Отдав третий поклон, он высоко поднял руки над головой, и я увидел, что у него две кисти. После чего исчез — я уверен навсегда.

Вот эта-то страшная история и вызвала любовь ко мне и благодарность у моего знаменитого дядюшки, прославленного хирурга из Индии. Он оказался прав: беспокойный горец перестал тревожить его и никогда больше не приходил за своей ампутированной конечностью. Сэр Доминик и леди Холден прожили счастливую, безоблачную старость, ничто, насколько мне известно, не нарушало их покоя, и умерли во время повальной эпидемии гриппа, чуть ли не в одну неделю. При жизни он всегда советовался со мной во всём, что касалось английских обычаев, с которыми он был не слишком хорошо знаком; я оказывал ему также помощь, когда он приобретал новые земли и вводил усовершенствования в своём имении. Поэтому я не очень удивился, что он назначил наследником меня, минуя пятерых кузенов, пришедших в ярость, и я в один день превратился из провинциального врача, который трудится ради куска хлеба, в главу одного из лучших семейств Уилтшира. Во всяком случае, у меня есть все основания чтить память человека, который искал свою смуглую руку, и благословлять тот день, когда мне удалось избавить Роденхерст от его нежеланных визитов.

1899 г.

(перевод Ю. Жуковой)

ИСЧЕЗНУВШИЙ ЭКСТРЕННЫЙ ПОЕЗД

Признание Эрбера де Лернака, приговорённого к смертной казни в Марселе, пролило свет на одно из самых загадочных преступлений нашего века, подобных которому, по-моему, нельзя найти в анналах преступлений ни одной страны.

Хотя официальные круги предпочитают хранить молчание и прессу информировали крайне скудно, всё же заявление закоренелого преступника подтверждается фактами, и мы наконец узнали разгадку этого поразительного происшествия. Поскольку эти события имели место восемь лет назад и в то время очередной политический кризис отвлекал внимание публики, не оценившей всю важность случившегося, то лучше всего будет, вероятно, изложить факты, которые удалось установить. Они сверены с сообщениями ливерпульских газет того времени, с протоколами расследования, касающегося машиниста Джона Слейтера, и отчётами железнодорожных компаний Лондона и Западного побережья, которые были любезно предоставлены в моё распоряжение. Вот факты, изложенные вкратце.

3 июня 1890 года некий господин, назвавшийся мьсье Луи Караталем, пожелал встретиться с мистером Джеймсом Бландом, директором ливерпульского вокзала линии Лондон — Западное побережье. Караталь был невысокий человек средних лет, брюнет, настолько сутулый, что казался горбатым. Его сопровождал друг — мужчина, по-видимому, очень сильный, чья почтительность и услужливость по отношению к мьсье Караталю свидетельствовали о его подчинённом положении. Этот друг или спутник Караталя, чьё имя осталось неизвестным, был явно иностранцем, и, судя по смуглому цвету кожи, скорее всего испанцем либо латиноамериканцем. Он обращал на себя внимание одной особенностью. В левой руке он держал маленькую курьерскую сумку из чёрной кожи, и наблюдательный клерк на ливерпульском вокзале заметил, что сумка была прикреплена к его запястью ремешком. В то время на это обстоятельство не обратили внимания, но ввиду последовавших событий оно приобрело известное значение. Мьсье Караталя проводили в кабинет мистера Бланда, а его спутник остался в приёмной.

Дело мьсье Караталя не заняло много времени. Он только что прибыл из Центральной Америки. Обстоятельства чрезвычайной важности требуют, чтобы он добрался до Парижа как можно скорее. На лондонский экспресс он опоздал и хочет заказать экстренный поезд. Расходы значения не имеют, главное — время. Он готов заплатить, сколько потребует компания, лишь бы сразу тронуться в путь.

Мистер Бланд нажал кнопку электрического звонка, вызвал мистера Поттера Гуда, начальника службы движения, и в пять минут всё устроилось. Поезд отправится через три четверти часа, когда освободится линия. К мощному паровозу «Рочдейль» (в реестре компании он значился под N 247) прицепили два пассажирских вагона и багажный. Первый вагон нужен был лишь для того, чтобы уменьшить неприятную вибрацию, неизбежную при большой скорости. Второй вагон был разделён, как обычно, на четыре купе: первого класса, первого класса для курящих, второго класса и второго класса для курящих. Первое купе, самое ближнее к паровозу, предназначалось для путешественников. Три других пустовали. Кондуктором экстренного поезда был Джеймс Макферсон, уже несколько лет состоявший на службе у компании. Кочегар Уильям Смит был человеком новым.

Мьсье Караталь, выйдя из кабинета директора, присоединился к своему спутнику, и, судя по всему, им не терпелось поскорее уехать. Уплатив, сколько требовалось — а именно пятьдесят фунтов пять шиллингов (обычная такса для экстренных поездов — пять шиллингов за милю), — они попросили, чтобы их проводили в вагон, и остались в нём, хотя их заверили, что пройдёт добрых полчаса, прежде чем удастся освободить линию. Тем временем в кабинете, который только что покинул мьсье Караталь, случилось нечто удивительное.

В богатом коммерческом центре экстренные поезда заказывают довольно часто, но два таких заказа в один и тот же день — это уже редчайшее совпадение. И тем не менее едва мистер Бланд отпустил первого путешественника, как к нему с такой же просьбой обратился второй. Это был некий мистер Горас Мур, человек весьма почтенный, похожий на военного; сообщив, что в Лондоне внезапно очень серьёзно заболела его жена, он заявил, что должен, ни минуты не мешкая, ехать в столицу. Его тревога и горе были столь очевидны, что мистер

Бланд сделал всё возможное, чтобы помочь ему. О втором экстренном поезде, разумеется, не могло быть и речи: движение местных поездов было и так уже отчасти нарушено из-за первого. Однако мистер Мур мог бы оплатить часть расходов за экстренный поезд мьсье Караталя и поехать во втором, пустом, купе первого класса, если мьсье Караталь не разрешит ему ехать в своём купе. Казалось, такой вариант не должен был встретить возражений, и, однако, едва мистер Поттер Гуд это предложил, как мьсье Караталь тотчас же категорически его отверг.

Поезд этот его, заявил мистер Караталь, и только он им и воспользуется. Не помогли никакие уговоры, мьсье Караталь резко отказывал снова и снова, и в конце концов пришлось отступиться.

Мистер Горас Мур, необычайно огорчившись, покинул вокзал после того, как ему сообщили, что он сможет уехать лишь обычным поездом, отправляющимся из Ливерпуля в шесть вечера. Точно в четыре часа тридцать одну минуту, по вокзальным часам, экстренный поезд с горбатым мьсье Караталем и его великаном-спутником отошёл от ливерпульского вокзала. Линия к этому моменту была уже свободна, и до самого Манчестера не предполагалось ни одной остановки.

Поезда компании Лондон — Западное побережье до этого города движутся по линии, принадлежащей другой компании, и экстренный поезд должен был прибыть туда задолго до шести. В четверть седьмого, к немалому изумлению и испугу администрации ливерпульского вокзала, из Манчестера была получена телеграмма, сообщавшая, что экстренный поезд туда ещё не прибыл. На запрос, отправленный в Сент-Хеленс — третью станцию по пути следования экспресса, — получили ответ:

«Ливерпуль, Джеймсу Бланду, директору компании Лондон — Западное побережье. Экстренный поезд прошёл у нас в 4.52, без опоздания. Даузер, Сент-Хеленс».

Эта телеграмма была получена в 6.40. В 6.50 из Манчестера пришло второе сообщение:

«Никаких признаков экстренного, о котором вы извещали».

А через десять минут принесли третью телеграмму, ещё более пугающую:

«Вероятно, не поняли, как будет следовать экстренный поезд. Местный из Сент-Хеленс, который должен был пройти после него, только что прибыл и не видел никакого экстренного. Будьте добры, телеграфируйте, что предпринять. Манчестер».

Дело принимало в высшей степени удивительный оборот, хотя последняя телеграмма отчасти успокоила ливерпульское начальство. Если бы экстренный потерпел крушение, то местный, следуя по той же линии, наверняка бы это заметил. Но что же всё-таки произошло? Где сейчас этот поезд? Может быть, его по каким-либо причинам перевели на запасный путь, чтобы пропустить местный поезд? Так действительно могло случиться, если вдруг понадобилось устранить какую-нибудь неисправность.

На каждую станцию, расположенную между Сент-Хеленс и Манчестером, отправили запрос, и директор вместе с начальником службы движения, полные жгучего беспокойства, ждали у аппарата ответных телеграмм, которые должны были объяснить, что же произошло с пропавшим поездом. Ответы пришли один за другим — станции отвечали в том порядке, в каком их запрашивали, начиная от Сент-Хеленс:

- «Экстренный прошёл в 5.00. Коллинс-Грин».
- «Экстренный прошёл в 5.06. Эрлстаун».
- «Экстренный прошёл в 5.10. Ньютон».
- «Экстренный прошёл в 5.20. Кеньон».
- «Экстренный не проходил. Бартон-Мосс».
- Оба должностных лица в изумлении уставились друг на друга.
- Такого за тридцать лет моей службы ещё не бывало, сказал мистер Бланд.
- Беспрецедентно и абсолютно необъяснимо, сэр. Между Кеньоном и Бартон-Мосс с экстренным что-то случилось.
- Но если память мне не изменяет, между этими станциями нет никакого запасного пути. Значит, экстренный сошёл с рельсов.

Но как же мог поезд проследовать в 4.50 по этой же линии и ничего не заметить?

— Что-либо иное исключается, мистер Гуд. Могло произойти только это. Возможно, с местного поезда заметили что-нибудь, что может пролить свет на это дело. Мы запросим

Манчестер, нет ли ещё каких-нибудь сведений, а в Кеньон телеграфируем, чтобы до самого Бартон-Мосс линия была немедленно обследована.

Ответ из Манчестера пришёл через несколько минут.

«Ничего нового о пропавшем экстренном. Машинист и кондуктор местного поезда уверены, что между Кеньоном и Бартон-Мосс не произошло никакого крушения. Линия была совершенно свободна, и нет никаких следов чего-либо необычного. Манчестер».

— Этого машиниста и кондуктора придётся уволить, — мрачно сказал мистер Бланд. — Произошло крушение, а они ничего не заметили. Ясно, что экстренный слетел под откос, не повредив линии. Как это могло произойти, я не понимаю, но могло случиться только это, и вскоре мы получим телеграмму из Кеньона или из Бартон-Мосс, сообщающую, что поезд обнаружили под насыпью.

Но предсказанию мистера Бланда не суждено было сбыться. Через полчаса от начальника станции в Кеньоне пришло следующее донесение:

«Никаких следов пропавшего экстренного. Совершенно очевидно, что он прошёл здесь и не прибыл в Бартон-Мосс. Мы отцепили паровоз от товарного состава, и я сам проехал по линии, но она в полном порядке, никаких признаков крушения».

Ошеломлённый мистер Бланд рвал на себе волосы.

— Это же безумие, Гуд, — вопил он. — Может ли в Англии средь бела дня при ясной погоде пропасть поезд? Чистейшая нелепость! Паровоз, тендер, два пассажирских вагона, багажный вагон, пять человек — всё это исчезло на прямой железнодорожной линии! Если в течение часа мы не узнаем ничего определённого, я забираю инспектора Коллинса и отправляюсь туда сам.

И тут наконец произошло что-то определённое. Из Кеньона пришла новая телеграмма.

«С прискорбием сообщаем, что среди кустов в двух с четвертью милях от станции обнаружен труп Джона Слейтера, машиниста экстренного поезда. Упал с паровоза и скатился по насыпи в кусты. По-видимому, причина смерти — повреждение головы при падении. Всё вокруг тщательно осмотрено, никаких следов пропавшего поезда».

Как уже было сказано раньше, Англию лихорадил политический кризис, а, кроме того, публику занимали важные и сенсационные события в Париже, где грандиозный скандал грозил свалить правительство и погубить репутацию многих видных политических деятелей. Газеты писали только об этом, и необычайное исчезновение экстренного поезда привлекло к себе гораздо меньше внимания, чем если бы это случилось в более спокойное время. Да и абсурдность происшествия умаляла его важность, газеты просто не поверили сообщённым им фактам. Две-три лондонские газеты сочли это просто ловкой мистификацией, и только расследование гибели несчастного машиниста (не установившее ничего важного) убедило их в подлинности и трагичности случившегося.

Мистер Бланд в сопровождении Коллинса, инспектора железнодорожной полиции, вечером того же дня отправился в Кеньон, и на другой день они произвели расследование, не давшее решительно никаких результатов. Не только не было обнаружено никаких признаков пропавшего поезда, но не выдвигалось даже никаких предположений, которые бы могли объяснить случившееся. В то же время лежащий передо мной рапорт инспектора Коллинса показывает, что возможностей для объяснения было более чем достаточно.

«Между двумя этими пунктами, — говорится в рапорте, — железная дорога проходит через местность, где имеется много чугуноплавильных заводов и каменноугольных копей. Последние частично заброшены. Из них не менее двенадцати имеют узкоколейки, по которым вагонетки с углём отправляют до железнодорожной линии. Эти ветки, разумеется, в расчёт принимать нельзя. Однако, помимо них, есть ещё семь шахт, которые связаны или были связаны с главной линией боковыми ветками, чтобы можно было сразу доставлять уголь к месту потребления. Однако длина веток не превышает нескольких миль. Из этих семи четыре ветки ведут к заброшенным выработкам или к шахтам, где добыча угля прекращена. Это шахты «Красная рукавица», «Герой», «Ров отчаяния» и «Радость сердца». Последняя десять лет тому назад была одной из главных шахт Ланкашира. Эти четыре ветки не представляют для нас интереса, так как во избежание несчастных случаев они с линией разъединены — стрелки сняты, и рельсы убраны. Остаются ещё боковые ветки, которые ведут:

а) к чугунолитейному заводу Карнстока,

- б) к шахте «Большой Бен»,
- в) к шахте «Упорство».

Из них ветка «Большой Бен», длиной всего в четверть мили, упирается в гору угля, который надо откатывать от входа в шахту. Там не видели ничего из ряда вон выходящего и не слышали ничего необычного. На ветке чугунолитейного завода весь день третьего июня стоял состав из шестнадцати вагонов с рудой. Это одноколейка, и проехать по ней никто не мог. Ветка, ведущая к шахте «Упорство», — двухколейная, и движение на ней большое, так как добыча руды тут очень велика. Третьего июня движение поездов по ней шло, как обычно; сотни людей, в том числе бригада укладчиков шпал, работали на всём её протяжении в две с половиной мили, и неизвестный поезд никак не мог пройти по ней незамеченным. В заключение следует указать, что эта ветка ближе к Сент-Хеленс, чем то место, где был обнаружен труп машиниста, так что мы имеем все основания полагать, что несчастье с поездом случилось после того, как он миновал этот пункт.

Что же касается Джона Слейтера, то ни его вид, ни характер повреждений не дают ключа к разгадке случившегося. Можно только сделать вывод, что он погиб, упав с паровоза, хотя я не могу объяснить, почему он упал и что случилось с поездом после его падения».

В заключение инспектор просил правление об отставке, так как его сильно уязвили обвинения некоторых лондонских газет в некомпетентности.

Прошёл месяц, в течение которого и полиция, и компания продолжали расследования, но тщетно. Была обещана награда, прощение вины, если было совершено преступление, но и это ничего не дало. День за днём читатели разворачивали свои газеты в уверенности, что эта нелепая тайна наконец-то раскрыта, но шли недели, а до разгадки было всё так же далеко.

Днём в самой густонаселённой части Англии поезд с ехавшими в нём людьми исчез без следа — словно какой-то гениальный химик превратил его в газ. И действительно, среди догадок, высказанных в газетах, были и вполне серьёзные ссылки на сверхъестественные или по крайней мере противоестественные силы и на то, что горбатый мьсье Караталь, по всей вероятности, — особа более известная под гораздо менее благозвучным именем. Другие утверждали, что всё это — дело рук его смуглого спутника, но что же именно он сделал, так и не смогли вразумительно объяснить.

Среди множества предположений, выдвигавшихся различными газетами и частными лицами, два-три были достаточно вероятными и привлекли внимание публики. В письме, появившемся в «Таймс» за подписью довольно известного в те времена дилетанта-логика, происшедшее рассматривалось с критических и полунаучных позиций. Достаточно привести небольшую выдержку из этого письма, но тот, кто заинтересуется, может прочесть его целиком в номере от третьего июля.

«Один из основных принципов практической логики сводится к тому, — замечает автор письма, — что после исключения невозможного оставшееся, каким бы неправдоподобным оно ни казалось, должно быть истиной. Поезд, несомненно, отошёл от Кеньона. Поезд, несомненно не дошёл до Бартон-Мосс. Крайне невероятно, но всё же возможно, что он свернул на одну из семи боковых веток. Поскольку поезд не может проехать там, где нет рельсов, это исключается. Следовательно, область невероятного исчерпывается тремя действующими ветками, ведущими к заводу Карнстока, к «Большому Бену» и к «Упорству». Существует ли секретное общество углекопов, некая английская сатотта, которая способна уничтожить и поезд, и его пассажиров? Это неправдоподобно, но не невероятно. Признаюсь, я не могу предложить иного решения загадки. Во всяком случае, я порекомендовал бы железнодорожной компании заняться этими тремя линиями и теми, кто там работает. Тщательное наблюдение за закладными лавками в этом районе, возможно, и выявит какиенибудь небезынтересные факты».

Предложение, исходящее от признанного в таких вопросах авторитета, вызвало значительный интерес и резкую оппозицию со стороны тех, кто счёл подобное заявление нелепой клеветой на честных и достойных людей. Единственным ответом на эту критику

^{*} банда (*итал*.)

явился вызов противникам — предложить другое, более вероятное объяснение. Их было даже два («Таймс» от 7 и 9 июля).

Во-первых, предположили, что поезд мог сойти с рельсов и лежит на дне Стаффордширского канала, который на протяжении нескольких сотен ярдов проходит параллельно железнодорожному полотну. В ответ на это появилось сообщение, что канал слишком мелок и вагоны были бы видны.

Во втором письме указывалось, что курьерская сумка, которая, по-видимому, составляла единственный багаж путешественников, могла скрывать новое взрывчатое вещество невероятной силы. Однако полная абсурдность предположения, будто целый поезд мог разлететься в пыль, а рельсы при этом совсем не пострадали, вызывала только улыбку.

Расследование зашло таким образом в полный тупик, но тут случилось нечто совсем неожиданное.

А именно: миссис Макферсон получила письмо от своего мужа Джеймса Макферсона, кондуктора исчезнувшего поезда. Письмо, датированное пятым июля 1890 года, было опущено в Нью-Йорке и пришло четырнадцатого июля. Были высказаны сомнения в его подлинности, но миссис Макферсон утверждала, что это почерк её мужа, а тот факт, что к письму было приложено сто долларов в пятидолларовых купюрах, исключал возможность мистификации. Обратного адреса в письме не было. Вот его содержание:

«Дорогая жена, я долго обо всём думал, и мне очень тяжело расстаться с тобой навсегда. И с Лиззи тоже. Я стараюсь о вас не думать, но ничего не могу с собой поделать. Посылаю вам немного денег, которые составят двадцать английских фунтов. Этого вам с Лиззи хватит на проезд в Америку, а гамбургские пароходы, заходящие в Саутгемптон, очень хороши, и проезд на них дешевле, чем на ливерпульских. Если вам удастся приехать сюда и остановиться в Джонстон-Хаусе, я постараюсь сообщить вам, где мы можем встретиться, но сейчас положение моё очень трудное, и я не очень-то счастлив — слишком тяжело терять вас обеих. Вот пока и всё, твой любящий муж. Джеймс Макферсон».

Это письмо пробудило твёрдую надежду, что скоро всё объяснится, так как было установлено, что седьмого июня в Саутгемптоне на пароход «Вистула» (линия Гамбург — Нью-Йорк) сел пассажир, назвавшийся Саммерсом, но очень похожий по описанию на исчезнувшего кондуктора. Миссис Макферсон и её сестра Лиззи Долтон отправились в Нью-Йорк и три недели прожили в Джонстон-Хаусе, но больше не получили от Макферсона никаких известий. Возможно, неосторожные комментарии газет подсказали ему, что полиция решила устроить ему ловушку. Но как бы то ни было, Макферсон не написал и не появился, так что обеим женщинам пришлось в конце концов вернуться в Ливерпуль.

Так обстояло дело вплоть до нынешнего, 1898 года. Как ни невероятно, но за эти восемь лет не было обнаружено ничего, что бы могло пролить малейший свет на необычайное исчезновение экстренного поезда, в котором ехали мьсье Караталь и его спутник. Тщательное расследование прошлого этих двух путешественников позволило установить лишь, что мьсье Караталь был в Центральной Америке весьма известным финансистом и политическим деятелем и что, отправившись в Европу, он стремился как можно скорее попасть в Париж. Его спутник значившийся в списке пассажиров под именем Эдуардо Гомеса, был человеком с тёмной репутацией наёмного убийцы и негодяя. Однако имеются доказательства того, что он был по-настоящему предан мьсье Караталю, и последний, будучи человеком физически слабым, нанял Гомеса в качестве телохранителя. Можно ещё добавить, что из Парижа не поступило никаких сведений относительно того, почему так спешил туда мьсье Караталь. Вот и всё, что было известно об этом деле вплоть до опубликования в марсельских газетах признания Эрбера де Лернака, ныне приговорённого к смертной казни за убийство торговца по фамилии Бонвало. Далее следует точный перевод его заявления.

«Я сообщаю это не для того, чтобы просто похвастаться — я мог бы рассказать о дюжине других, не менее блестящих операций; я делаю это, чтобы некоторые господа в Париже поняли — раз уж я могу поведать о судьбе мьсье Караталя, то могу сообщить и о том, в чьих интересах и по заказу кого было это сделано, если только в самое ближайшее время, как я ожидаю, не объявят об отмене мне смертного приговора. Предупреждаю вас, господа, пока ещё не поздно! Вы знаете Эрбера де Лернака — слово у него не расходится с делом. Поспешите, или вы погибли!

Пока я не стану называть имён — если б вы только услышали эти имена! — а просто расскажу, как ловко я всё проделал. Я был верен тем, кто меня нанял, и они, конечно, будут верны мне сейчас. Я на это надеюсь, и пока не буду убеждён, что они меня предали, имена эти, способные заставить содрогнуться всю Европу, не будут преданы гласности. Но в тот день... впрочем, пока достаточно.

Короче говоря, тогда, в 1890 году, в Париже шёл громкий процесс, связанный с грандиозным скандалом в политических и финансовых сферах. Насколько он был грандиозен, известно лишь тайным агентам вроде меня. Честь и карьера многих выдающихся людей Франции были поставлены на карту. Вы видели, как стоят кегли — такие чопорные, непреклонные, высокомерные. И вот откуда-то издалека появляется шар. Хлоп-хлоп-хлоп — и все кегли валяются на земле. Вот и представьте себе, что некоторые из величайших людей Франции — кегли, а мьсье Караталь — шар, и ещё издали видно, как он приближается. Если бы он прибыл, то хлоп-хлоп-хлоп — и с ними было бы покончено. Вот почему он не должен был прибыть в Париж.

Я не утверждаю, будто все эти люди ясно понимали, что должно произойти. Как я уже сказал, на карту были поставлены значительные финансовые и политические интересы, и чтобы привести это дело к благополучному окончанию, был создан синдикат. Многие вступившие в этот синдикат, вряд ли отдавали себе отчёт, каковы его цели. Но другие всё понимали отлично, и они могут не сомневаться: я не забыл их имена. Им стало известно о поездке мьсье Караталя ещё задолго до того, как он покинул Америку, и эти люди знали, что имеющиеся у него доказательства означают для всех них гибель. Синдикат располагал неограниченными средствами — абсолютно неограниченными. Теперь им был нужен агент, способный применить эту гигантскую силу. Этот человек должен был быть изобретательным, решительным, находчивым — одним на миллион. Выбор пал на Эрбера де Лернака, и, я должен признать, они поступили правильно.

Мне поручили подыскать себе помощников и пустить в ход всё, что могут сделать деньги, чтобы мьсье Караталь не прибыл в Париж. С обычной своей энергией я приступил к выполнению поручения тотчас же, как получил инструкции, и шаги, которые я предпринял, были наилучшими из всех возможных для осуществления намеченного.

Мой доверенный немедленно отправился в Америку, чтобы вернуться обратно с мьсье Караталем. Если бы он прибыл туда вовремя, пароход никогда бы не достиг Ливерпуля; но, увы! — пароход вышел в море прежде, чем мой агент до него добрался. Я снарядил маленький вооружённый бриг, чтобы перехватить пароход, но опять потерпел неудачу. Однако, как и все великие организаторы, я был готов к провалу и имел в запасе несколько других планов, один из которых должен был увенчаться успехом. Вам не следует недооценивать трудности этого предприятия или воображать, что тут достаточно было ограничиться обыкновенным убийством. Надо было уничтожить не только мьсье Караталя, но и его документы, а также и спутников мьсье Караталя, коль скоро мы имели основания полагать, что он доверил им свои секреты. И не забывайте, что они были начеку и принимали все меры предосторожности. Это была достойная меня задача, ибо там, где другие теряются, я действую мастерски.

Я во всеоружии ожидал в Ливерпуле прибытия мьсье Караталя и был тем более полон нетерпения, что по имевшимся у меня сведениям в Лондоне он уже будет находиться под сильной охраной.

Задуманное должно было произойти между тем моментом, когда он ступит на ливерпульскую набережную и до его прибытия на Лондонский вокзал.

Мы разработали шесть планов, один лучше другого; окончательный выбор зависел от действий мьсье Караталя. Однако, что бы он ни предпринял, мы были готовы ко всему. Если б он остался в Ливерпуле, мы были к этому готовы. Если б он поехал обычным поездом или экспрессом, или экстренным, мы были готовы и к этому. Всё было предусмотрено и предвосхищено.

Вы можете подумать, что я не мог проделать всего этого сам. Что мне было известно об английских железных дорогах?

Но деньги в любой части света найдут ревностных помощников, и вскоре мне уже помогал один из самых выдающихся умов Англии. Имён я никаких не назову, но было бы несправедливо приписывать все заслуги себе. Мой английский союзник был достоин работать

со мной. Он досконально знал линию Лондон — Западное побережье и имел в своём распоряжении несколько рабочих, умных и вполне ему преданных. Идея операции принадлежит ему, и со мной советовались только относительно некоторых частностей. Мы подкупили нескольких служащих компании, в том числе — что самое важное — Джеймса Макферсона, который, как мы установили, обычно сопровождал экстренные поезда. Кочегара Смита мы тоже подкупили. Попытались договориться с Джоном Слейтером, машинистом, однако он оказался человеком упрямым и опасным, и после первой же попытки мы решили с ним не связываться.

У нас не было абсолютной уверенности, что мьсье Караталь закажет экстренный поезд, но мы считали это весьма вероятным, так как ему было крайне важно без промедления прибыть в Париж. И на этот случай мы кое-что подготовили, причём все приготовления закончились задолго до того, как пароход мьсье Караталя вошёл в английские воды. Вы посмеётесь, узнав, что в лоцманском катере, встретившем пароход, находился один из моих агентов.

Едва Караталь прибыл в Ливерпуль, как мы догадались, что он подозревает об опасности и держится начеку. Он привёз с собой в качестве телохранителя отчаянного головореза по имени Гомес, человека, имевшего при себе оружие и готового пустить его в ход. Гомес носил секретные документы Караталя и был готов защищать и эти бумаги, и их владельца. Мы полагали, что Караталь посвятил его в свои дела, и убрать Караталя, не убрав Гомеса, было бы пустой тратой сил и времени. Их должна была постигнуть общая судьба, и, заказав экстренный поезд, они в этом смысле сыграли нам на руку.

В этом поезде двое служащих компании из трёх точно выполняли наши инструкции за сумму, которая могла обеспечить их до конца жизни. Не берусь утверждать, что английская нация честнее других, но я обнаружил, что купить англичан стоит гораздо дороже.

Я уже говорил о моём английском агенте: у этого человека блестящее будущее, если только болезнь горла не сведёт его преждевременно в могилу. Он отвечал за все приготовления в Ливерпуле, в то время как я остановился в гостинице в Кеньоне, где и ожидал зашифрованного сигнала к действию. Едва экстренный поезд был заказан, мой агент немедленно телеграфировал мне и предупредил, к какому времени я должен всё приготовить. Сам он под именем Гораса Мура немедленно попытался заказать экстренный поезд в надежде, что ему позволят ехать в Лондон вместе с мьсье Караталем — это при известных условиях могло нам помочь. Если бы, например, наш главный соир* сорвался, мой агент должен был застрелить их обоих и уничтожить бумаги. Караталь, однако, был настороже и отказался впустить в поезд постороннего пассажира. Тогда мой агент покинул вокзал, вернулся с другого входа, влез в багажный вагон со стороны противоположной платформы и поехал вместе с кондуктором Макферсоном.

Вас, конечно, интересует, что тем временем предпринимал я. Всё было готово ещё за несколько дней, недоставало лишь завершающих штрихов. Заброшенная боковая ветка, которую мы выбрали, раньше соединялась с главной линией. Надо было лишь уложить на место несколько рельсов, чтобы снова их соединить. Рельсы были почти все уложены, но из опасения привлечь внимание к нашей работе, завершить её решили в последний момент — уложить остальные рельсы и восстановить стрелки. Шпалы оставались нетронутыми, а рельсы, стыковые накладки и гайки были под рукой — мы взяли их с соседней заброшенной ветки. Моя небольшая, но умелая группа рабочих закончила всё задолго до прибытия экстренного поезда. А прибыв, он так плавно свернул на боковую ветку, что оба путешественника вряд ли даже заметили толчок на стрелках.

По нашему плану кочегар Смит должен был усыпить машиниста Джона Слейтера, чтобы он исчез вместе с остальными. И в этой части — только в этой — планы наши сорвались, не считая, конечно, преступной глупости Макферсона, написавшего жене. Кочегар так неловко выполнил данное ему поручение, что, пока они боролись, Слейтер упал с паровоза, и хотя судьба нам благоприятствовала и он, падая, сломал себе шею, это всё же остаётся пятном на операции, которая, не случись этого, стала бы одним из тех совершенных шедевров, которыми любуешься в немом восхищении. Эксперт-криминалист сразу заметил, что Джон

_

^{*} удар (*франц*.)

Слейтер — единственный промах в наших великолепных комбинациях. Человек, у которого было столько триумфов, сколько у меня, может себе позволить быть откровенным, и я прямо заявляю, что Джон Слейтер — наше упущение.

Но вот экстренный поезд свернул на маленькую ветку длиной в два километра, или, вернее, в милю с небольшим, которая ведёт (а вернее, когда-то вела) к ныне заброшенной шахте «Радость сердца», прежде одной из самых больших шахт в Англии. Вы спросите, как же так получилось, что никто не заметил, как прошёл поезд по этой заброшенной линии. Дело в том, что на всём своём протяжении линия идёт по глубокой выемке, и увидеть поезд мог только тот, кто стоял на краю этой выемки. И там кто-то стоял. Это был я. А теперь я расскажу вам, что я видел.

Мой помощник остался у стрелки, чтобы перевести поезд на другой путь. С ним было четверо вооружённых людей на случай, если бы поезд сошёл с рельсов, мы считали это возможным, так как стрелки были очень ржавые. Когда мой помощник убедился, что поезд благополучно свернул на боковую ветку, его миссия кончилась, и за всё дальнейшее отвечал я. Я ждал в таком месте, откуда был виден вход в шахту. Я так же, как и два моих подчинённых, ждавших вместе со мной, был вооружён. Это должно вас убедить, что я действительно предусмотрел всё.

В тот момент, когда поезд пошёл по боковой ветке, Смит, кочегар, замедлил ход, затем, поставив регулятор на максимальную скорость, вместе с моим английским помощником и Макферсоном спрыгнул, пока ещё было не поздно, с поезда. Возможно, именно это замедление движения и привлекло внимание путешественников, но, когда их головы появились в открытом окне, поезд уже снова мчался на полной скорости.

Я улыбаюсь, воображая, как они опешили. Представьте, что вы почувствуете, если, выглянув из своего роскошного купе, внезапно увидите, что рельсы, по которым вы мчитесь, заржавели и прогнулись — ведь колею за ненадобностью давно забросили. Как, должно быть, перехватило у них дыхание, когда они вдруг поняли, что не Манчестер, а сама смерть ждёт их в конце этой зловещей линии. Но поезд мчался с бешеной скоростью, подскакивая и раскачиваясь на расшатанных шпалах, и колёса жутко скрежетали по заржавевшим рельсам. Я стоял к ним очень близко и разглядел их лица. Караталь молился — в руке у него, по-моему, болтались чётки. Гомес ревел, как бык, почуявший запах крови на бойне. Он увидел нас на насыпи и замахал нам рукой, как сумасшедший. Потом он сорвал с запястья курьерскую сумку и швырнул её в окно в нашу сторону. Смысл этого, разумеется, был ясен: то были доказательства, и они обещали молчать, если им даруют жизнь. Конечно, это было бы очень хорошо, но дело есть дело. Кроме того, мы так же, как и они, не могли уже остановить поезд.

Гомес перестал вопить, когда поезд проскрежетал на повороте, и они увидели, как перед ними разверзлось устье шахты. Мы заранее убрали доски, прикрывавшие его, и расчистили квадратный вход. Линия довольно близко подходила к стволу шахты — так удобнее было грузить уголь, и нам оставалось лишь добавить два-три рельса, чтобы довести её до самого ствола шахты. Собственно говоря, последние два рельса даже не уложились полностью и торчали над краем ствола фута на три. В окне мы увидели две головы: Караталь внизу, Гомес сверху; открывшееся им зрелище заставило обоих онеметь. И всё-таки они были не в силах отпрянуть от окна: их словно парализовало.

Меня очень занимало, как именно поезд, несущийся с громадной скоростью, обрушится в шахту, в которую я его направил, и мне было очень интересно за этим наблюдать. Один из моих помощников полагал, что он просто перепрыгнет через ствол, и действительно, чуть было так и не вышло. К счастью, однако, инерция оказалась недостаточной, буфер паровоза с неимоверным треском стукнулся о противоположный край шахты. Труба взлетела в воздух. Тендер и вагоны смешались в одну бесформенную массу, которая вместе с останками паровоза на мгновение закупорила отверстие шахты. Потом что-то в середине подалось, и вся куча зелёного железа, дымящегося угля, медных поручней, колёс, деревянных панелей и подушек сдвинулась и рухнула в глубь шахты. Мы слышали, как обломки ударялись о стенки, а потом, значительное время спустя, из глубины донёсся гул — то, что осталось от поезда, ударилось о дно шахты. Вероятно, взорвался котёл, потому что за прокатившимся гулом послышался резкий грохот, а потом из чёрных недр вырвалось густое облако дыма и пара и осело вокруг нас брызгами, крупными, как дождевые капли. Потом пар превратился в мелкие

клочья, они растаяли в солнечном сиянии летнего дня, и на шахте «Радость сердца» снова воцарилась тишина.

Теперь, после успешного завершения нашего плана, надо было уничтожить все следы. Наши рабочие на том конце линии уже сняли рельсы, соединявшие боковую ветку с главной линией, и положили их на прежнее место. Мы были заняты тем же у шахты. Трубу и прочие обломки сбросили вниз, вход снова загородили досками, а рельсы, которые вели к шахте, сняли и убрали. Затем, без лишней торопливости, но и без промедления мы все покинули пределы Англии — большинство отправилось в Париж, мой английский коллега — в Манчестер, а Макферсон — в Саутгемптон, откуда он эмигрировал в Америку. Пусть английские газеты того времени поведают вам, как тщательно мы проделали свою работу и как мы поставили в тупик самых умных из сыщиков.

Не забудьте, что Гомес выбросил в окно сумку с документами; разумеется, я сохранил эту сумку и доставил её тем, кто меня нанял. Возможно, им будет небезынтересно узнать, что я предварительно извлёк из этой сумки два-три маленьких документа — на память о случившемся. У меня нет никакого желания опубликовать эти бумаги, но, как говорится, своя рубашка ближе к телу, и что же мне останется делать, если мои друзья не придут мне на помощь, когда я в них нуждаюсь? Можете мне поверить, господа, что Эрбер де Лернак столь же грозен, когда он против вас, как и когда он за вас, и что он не тот, кто отправится на гильотину, не отправив всех вас в Новую Каледонию. Ради вашего собственного спасения, если не ради моего, поспешите, мьсье де..., генерал... и барон... Читая, вы сами заполните пропуски. Обещаю вам, что в следующем номере газеты эти пропуски уже будут заполнены.

Р.S. Просмотрев своё заявление, я обнаружил в нём только одну неясность: это касается незадачливого Макферсона, который по глупости написал жене и назначил ей в Нью-Йорке свидание. Нетрудно понять, что, когда на карту поставлены такие интересы, как наши, мы не можем полагаться на волю случая и зависеть от того, выдаст ли простолюдин, вроде Макферсона, нашу тайну женщине или нет. Раз уж он нарушил данную нам клятву и написал жене, мы больше не могли ему доверять. И поэтому приняли меры, чтобы он больше не увидел своей жены. Порой мне приходило в голову: не худо бы известить эту славную женщину, что у неё нет никаких препятствий снова вступить в брак».

1898 г.

(перевод Н. Высоцкой)

 $^{^*}$ Новая Каледония — французская колония, куда преступников ссылали на каторжные работы. (П.Г.)

МАСТЕР ИЗ КРОКСЛИ

I

Беспросветная тоска прочно овладела Робертом Монтгомери. На столе перед ним была раскрыта конторская книга, в которой доктор Олдейкр записывал свои рецепты. Ещё тут были плоский деревянный ящик, разделённый на ячейки (на каждой ячейке — этикетка), коробка с пробками, сургуч, и множество пустых бутылочек выстроились в очередь, чтобы он наполнил их лекарствами. Но мрачные мысли не давали ему работать, и он сидел, понурившись и подпирая голову руками. Через давно не мытое окно на него смотрели тёмные кирпичные стены и шиферные крыши заводских зданий с возвышающимися над ними трубами. Казалось, оне, подобно гигантским колоннам, несут на себе низкое, покрытое тучами небо. Сегодня, в воскресенье, из них не валили клубы дыма, как это бывало остальные шесть дней в неделю. Отвратительный смог стелился по этой обнищавшей и изуродованной людьми земле. Да и вокруг, в радиусе многих миль, не было ничего, что могло бы принести хоть какую-то радость глазу и веселье отчаявшейся душе. Однако не от безрадостного пейзажа впал в столь тяжкое уныние помощник доктора Олдейкра.

Для этого были более серьёзные и более личные причины. До начала занятий в университете оставалось совсем немного времени. Роберту предстояло пройти последний курс, через год он мог бы уже получить диплом врача, но нужно было внести плату за обучение — шестьдесят фунтов стерлингов, а где их взять? В данный момент его возможности раздобыть эту скромную сумму или найти миллион были одинаковы — равнялись нулю.

От этих мыслей его отвлёк сам доктор Олдейкр, как всегда хорошо выбритый, тщательно одетый, чинный и как бы олицетворяющий благочестие и приличие. Поскольку его практика целиком зависела от поддержки местного духовенства, он больше всего на свете боялся поколебать сложившееся о нём в этом кругу представление. Он являл собой как бы образец человека, который всегда держится с достоинством, но тем не менее неизменно благожелателен к окружающим. Того же требовал он и от своих помощников.

И тут бедняга Монтгомери решился на отчаянную попытку: проверить, вдруг доктор не только представляется филантропом, но и в самом деле им окажется.

— Прошу прощения, доктор Олдейкр, — сказал он, стоя перед патроном, — я хотел бы обратиться к вам с просьбой.

Выражение лица доктора из доброжелательного сразу стало замкнутым, губы были поджаты, а глаза больше не смотрели на собеседника.

- Слушаю вас, мистер Монтгомери.
- Вы ведь знаете, сэр, что мне нужно пройти последний курс в университете, чтобы получить диплом.
  - Да, вы уже упоминали об этом.
  - Сэр, это бесконечно для меня важно.
  - Да, конечно.
  - Но, доктор Олдейкр, я должен заплатить шестьдесят фунтов...
  - Сожалею, мистер Монтгомери, но мне некогда.
- Секунду, сэр! Скажите, пожалуйста, если... если бы я дал расписку в том, что верну долг с соответствующими процентами, не могли бы вы ссудить мне шестьдесят фунтов? Поверьте моему слову, сэр, я верну их в срок или отработаю как вы найдёте более для себя удобным...

Губ доктора уже совсем не было видно, а глаза метали молнии.

— Мистер Монтгомери, я поражён алогичностью вашей просьбы. Знаете ли вы, сколько в Англии студентов-медиков? А сколько из них не доучились, не имея средств, чтобы оплачивать своё образование? Вы считаете, сэр, что я всех их должен поддерживать? Почему? Или, наоборот, я должен сделать для вас исключение? С какой стати? Не могу даже высказать, мистер Монтгомери, насколько я на вас обижен: вы сознательно поставили меня в неловкое положение — ведь не могли же вы всерьёз думать, что я удовлетворю вашу просьбу.

Он развернулся и покинул лабораторию, и даже его спина была преисполнена

оскорблённого достоинства.

Монтгомери только хмыкнул и вернулся к работе. Господи, что за работа! Не нужно быть таким атлетом, как он, чтобы приготовлять эти лекарства. Но ничего не поделаешь! Стол и фунт стерлингов в неделю — то, что он здесь получает — позволили ему просуществовать летом и даже скопить немного денег на зиму. Но оплатить учёбу при таком жалованье не удастся никогда. Ах, этот скупердяй Олдейкр! Монтгомери чувствовал, что не обижен ни способностями, ни силой, — только где найти на них покупателя?

Но, как известно, пути Господни неисповедимы. Откуда было Роберту знать, что с этого мгновения начался поворот в его судьбе?

— Эй, ты! — окликнули его с порога, громко и раздражённо.

Монтгомери оторвал взгляд от стола. В дверях стоял высокий, широкоплечий парень с бычьей шеей и бульдожьей челюстью. Из тёмных глаз так и пёрла наглость. Праздничный твидовый костюм и ослепительный галстук довершали картину. — Ты почему это до сих пор не прислал мне лекарство? Разве тебе хозяин не приказал?

Монтгомери уже давно не обращал внимания на шахтёрскую манеру выражаться. Это сначала он выходил из себя, а потом привык и даже не замечал. Но в интонации этого посетителя он ясно расслышал намеренное грубое оскорбление.

- Фамилия? спросил он как можно более официальным тоном.
- Бартон. И поспеши, а то ты её никогда не забудешь. Ну-ка, быстро, при мне сооруди лекарство моей жене. Пошевеливайся!

Монтгомери почувствовал облегчение, даже плечи у него распрямились. Наконец-то можно разрядиться! Этот тип хамил сознательно, и у Роберта не было никаких оснований сдерживать свою ярость. Он залил сургучом горлышко очередного пузырька с лекарством, приклеил сигнатуру, поставил его рядом с остальными и только тогда обернулся к посетителю.

- Послушайте! сказал он ровным голосом. До вашего лекарства очередь ещё не дошла. Когда дойдёт, его сделают и вам пришлют. А в лабораторию посторонним вход воспрещён. Можете дожидаться в приёмной, если хотите.
- Ты вот что, сказал шахтёр, валяй готовь своё снадобье немедленно, пока я здесь, не то тебя самого лечить придётся.
- Лучше вам не задираться, сказал Монтгомери, уже не сдерживаясь. Полегче на поворотах, а то схлопочете... Ах, ты так? Ну, держись...

Роберт получил боковой удар выше уха и одновременно нанёс противнику прямой в челюсть. Он по достоинству оценил следующий молниеносный апперкот и понял, что имеет дело с опытным боксёром. Но счастье было на его стороне: противник недооценил его и раскрылся. Удар!..

Бартон отлетел к шкафу, ударился головой об угол и упал, раскинув руки, с неловко подвёрнутыми ногами. Тоненькая струйка крови испачкала кафельный пол.

— Ну как? Хватит или ещё? — спросил Роберт, с трудом переводя дыхание.

Ответа не было. Только поняв, что пациент доктора Олдейкра потерял сознание, Монтгомери ужаснулся — если о драке узнают, этот благочестивый ханжа скорее всего его уволит, да и рекомендаций не даст. А без них не найти другого места, и что он будет делать без денег, без работы?

Значит, надо, чтобы инцидент не получил огласки. Роберт выволок поверженного противника на середину комнаты и выжал ему на голову мокрую губку. Тот застонал, зашевелился и, наконец, поднялся.

- Чтоб тебя черти задрали! ворчал он, отряхиваясь. Посмотри, что с моим галстуком!
  - Я не хотел так сильно вас ударить, так уж вышло, извините, бормотал Монтгомери.
- Ты это называешь сильным ударом?! Да так только мух бьют. Твоё счастье, что этот распроклятущий шкаф тебе помог. Теперь можешь всюду хвастать, что отправил меня в нокаут с одного удара. Ну, а теперь валяй, состряпай моей миссис лекарство, и я пойду.

На этот раз Монтгомери выполнил его требование без возражений.

- Лучше бы вам немного посидеть здесь и прийти в себя, только посоветовал он.
- Некогда мне тут рассиживаться, пробурчал Бартон и вышел на нетвёрдых ногах.

В окно Роберт видел, как тот шёл, слегка пошатываясь, потом встретил другого парня и оба, под руку, двинулись дальше. «Похоже, он долго зла не держит», — подумал Роберт, и у него появилась надежда, что доктор не узнает об инциденте. Он навёл всюду порядок и вернулся к работе.

Но поселившаяся в душе тревога не отпускала его весь день, а когда вечером ему сообщили, что в приёмной его ожидают три джентльмена, она перешла в панику. Кто это может быть — полиция, судебный следователь, доброхотные мстители-родственники? Когда он вышел и приёмную, лицо его и вся фигура выражали крайнюю степень напряжения.

Каждый из троих ожидавших его посетителей был ему известен, по крайней мере он знал их в лицо. Но что могло собрать их в это странное трио и привести к нему?

Во-первых, тут был Сорли Уилсон — единственный сын и наследник хозяина крупнейшего в этом краю прииска «Ноннарель». Двадцатилетний студент колледжа святой Магдалины в Кембридже, спортсмен, щёголь, он проводил в родном краю пасхальные каникулы. В данный момент, присев на край стола, он покручивал кончики чёрных усиков и глубокомысленно разглядывал изумлённого Монтгомери.

Вторым в группе был трактирщик Пэрвис. Ему принадлежала самая большая пивная в округе, но ещё более он был известен как букмекер. Его грубое лицо, цвета красной меди, хотя и гладко выбритое, контрастировало с совершенно лысым, напоминающим отполированную слоновую кость черепом. Огромные красные руки лежали на толстых коленях. Он тоже устремил на докторского помощника пристальный взгляд из-под рыжих ресниц.

Третьим был объездчик лошадей Фоссет. Он изучал Монтгомери с таким же вниманием, как два его спутника. Откинувшись на спинку стула и вытянув во всю длину сухощавые ноги в кожаных крагах, он рукояткой хлыста выбивал дробь на своих крупных зубах. Всё лицо его было сплошная тревога и озабоченность.

Вся троица хранила молчание и, похоже, была поглощена какими-то серьёзными соображениями.

— Что вам угодно, джентльмены? — спросил Монтгомери, но посетители попрежнему молчали.

Монтгомери окончательно почувствовал себя не в своей тарелке.

Первым нарушил молчание объездчик:

- Нет, не то! Совершенно не то. И думать нечего...
- Ну-ка, парень, повернись, дай себя разглядеть, сказал трактирщик.

Что оставалось Монтгомери? Он поворачивался медленно, словно был у портного на примерке, и убеждал себя, что надо набраться терпения, — должны же эти загадки как-нибудь разрешиться.

- Не то, ну совсем не то, повторял объездчик. Да Мастер его одной левой уложит.
- Чепуха! перебил его юный франт. Вы, Фоссет, как хотите, можете не участвовать, а я не отступлюсь, даже если останусь в этом деле один. И подстраховки мне не нужно. Посмотрите, как он сложён гораздо лучше Тэда Бартона.
  - Мистер Уилсон, ну сравните их плечи.
  - Подумаешь, плечи! Для победы важнее энергия, темперамент, порода.
- Вот уж точно, сэр! вступил в разговор трактирщик. Со щенками тоже самое. Чистокровный побьёт любую дворняжку, хоть больше его, хоть крепче. Костьми ляжет, а побьёт.
  - В нём, по крайней мере, десяти фунтов не хватает, гнул своё объездчик.
  - Ну, вы ж не будете спорить, что он в полусреднем весе.
  - Сто тридцать фунтов он тянет и ни фунтом больше.
  - Да нет! Поставьте его на весы уверен, что все сто пятьдесят...
  - Но ведь и Мастер немногим тяжелее.
  - Сто семьдесят пять.
- Это теперь, когда он потолстел от спокойной жизни. А если он скинет лишний жирок, в нём будет совсем немногим больше, чем в этом парне. Сколько вы весите мистер Монтгомери?

Первый раз кто-то из них обратился прямо к нему. До этого момента он ощущал себя

конём в окружении барышников, и только чувство юмора помогало ему не дать волю гневу.

- Я? Одиннадцать стоунов.*
- Ну, что я говорил? Он полусреднего веса.
- А ежели недельку потренироваться, сколько тогда будете? спросил Пэрвис.
- Я тренируюсь постоянно.
- Что он в форме, в этом сомнения нет, признал объездчик. Но речь ведь не о повседневной тренировке, а о занятиях с тренером. Я не я буду, мистер Уилсон, если он не потеряет полстоуна за эту неделю.

В ответ на это Уилсон одной рукой взялся за плечо Монтгомери, а другой — за кисть и резко согнул его руку в локте. Под его пальцами перекатывался восхитительный бицепс, округлый и твёрдый, как мяч для крикета.

— Потрогайте сами, — сказал он.

Двое его спутников в свою очередь освидетельствовали бицепс, и выражение их лиц изменилось.

- Да, ничего не скажешь. Парень вроде подходящий, пробормотал Пэрвис, отходя.
- Джентльмены! воскликнул Роберт. Я терпеливо слушал, как вы обсуждаете моё телосложение. Не пора ли объяснить мне, что всё это значит?

Храня серьёзность на лицах, троица снова расселась.

— Всё проще простого, мистер Монтгомери, — сказал трактирщик несколько смущённо. — Но мы не можем ввести вас в курс дела, пока не решим окончательно, есть ли о чём говорить. Мистер Уилсон находит, что безусловно есть, а Фоссет противоположного мнения. А он тоже принимает участие в пари, так что у нас с ним равные права. А он ещё и член организационного комитета.

Фоссет уже снова выстукивал рукояткой хлыста некий ритм на своих выдающихся зубах.

- Мне поначалу он показался слабаком, сказал он, но чем чёрт не шутит, может и выдержать... Как говорится, ладно скроен да крепко сшит. Словом, если вы, мистер Уилсон на него ставите...
  - Безусловно.
  - А вы Пэрвис?
  - Вы видели когда-нибудь, чтобы я отказывался от своего намерения, Фоссет?
  - Ну если так, то мой пай тоже остаётся в деле.
- А я всё время был уверен, что так и будет, заявил Пэрвис. Никогда ещё Исаак Фоссет не подводил партнёров. Значит, так: мы, трое, организуем матч с призом в сто фунтов, если, конечно, мистер Монтгомери согласен.
- Мистер Монтгомери, нам давно пора извиниться перед вами, сказал студент, и поставить всё с головы на ноги. Мы изрядно заморочили вас, но сейчас всё поправим, и, надеюсь, вы нас поддержите. Вы знаете, кого вы нокаутировали утром? Это наша знаменитость, Тэд Бартон.
- Честное слово, сэр, мы все поражены тем, что вы нокаутировали его уже в первом раунде, вступил в разговор трактирщик. Когда у него была встреча с Морисом, а тот чемпион в своём весе, так вот: этому Морису пришлось здорово попыхтеть, пока он не уложил Бартона достаточно надёжно. Что до вашего случая это была чистая работа, и по всему видно, что у вас при желании это дело пойдёт.
- Я только сегодня столкнулся с Тэдом Бартоном, а до того и не слышал о нём, пробормотал помощник доктора Олдейкра.
- Просто замечательно, что вы задали ему трёпку, сказал объездчик. Это же разбойник с большой дороги, до того распустился. Бранится с каждым встречным, да и словато у него всё такие, за которые судья назначает штраф по пять шиллингов за штуку. А если кто скажет ему хоть слово поперёк, то сразу пускает в ход свои кулачища. Теперь, небось, будет поосмотрительней. Но вообще-то, у нас разговор не об этом...

Монтгомери попрежнему ничего не понимал.

— А от меня, чего вы от меня хотите, джентльмены?

^{*} Стоун — единица измерения веса, принятая в англоязычных странах: 1 стоун = 6,35 кг. (Π . Γ .)

- Мы хотим, чтобы вы в следующую субботу встретились на ринге с Сайласом Крэгсом, он же Мастер из Кроксли.
  - Но почему?
- А потому, что драться должен был Бартон. Он наш чемпион и выступает за здешние шахты, а Мастер за чугунолитейный завод в Кроксли. Мы делаем ставки на своего боксёра. Его приз сто фунтов. Но вы нашего чемпиона повредили, он же не может драться с дыркой в черепе. Придётся вам его заменить. Кто справился с Тэдом Бартоном, тому и Мастер из Кроксли по силам. А если вы не согласитесь, мы просто пропали. Никакой другой кандидатуры здесь нет. Условия матча: двадцать раундов, перчатки весом две унции, квинсберрийские правила, и если не будет нокаута, победа присуждается по очкам.

Сначала Монтгомери только дивился нелепости предложения, но вдруг понял, что сама Судьба протягивает ему сто фунтов, а с ними и врачебный диплом. Хватило бы только пороху взять их! Не он ли утром сетовал, что его сила пропадает зря, и вот — ей уже нашлось применение: за какой-то час на ринге он может заработать больше, чем за год в аптеке.

Но были и сомнения.

- Как же я буду выступать за шахты? спросил он. Ведь я с ними никак не связан.
- То есть как это не связаны? заорал трактирщик. Доктор Олдейкр врач шахтёрского клуба, а вы его помощник. Кто может возразить?
- С этим всё в порядке, поддержал его студент. Выручайте нас, мистер Монтгомери. Иначе полный крах. Может быть, вас шокирует денежный приз? Тогда мы заменим его ценным подарком, скажем, часами, кубком или ещё чем-нибудь. Но вообще-то, мы вправе требовать вашего участия, ведь это вы оставили нас без Тэда Бартона.
- Дайте опомниться, господа. Трудно решиться так внезапно. Да и доктор Олдейкр не отпустит меня с работы... Конечно, он не позволит...
- А ему и знать ничего не нужно. По условиям, до матча имя боксёра можно не объявлять. Важно только, чтобы в день боя, у него был нужный вес.

Монтгомери снова услышал зов Судьбы.

— Я согласен, джентльмены, — сказал он.

Вся троица вскочила. Правую его руку тряс трактирщик, левую пожимал объездчик, а студент наградил дружеским ударом по спине.

- Вот и умница! говорил тем временем трактирщик. Да если ты, парень, побьёшь Мастера из Кроксли, то известней тебя не будет человека в округе не то что какой-то захудалый докторишка. А уж в моём пабе * гарантирую тебе дармовую выпивку в любой день и час, пока ты жив.
- Учтите ещё одно обстоятельство, сэр, говорил тем временем молодой Уилсон, если вы рассчитываете остаться здесь работать, то в случае победы от пациентов у вас не будет отбоя. Вы обращали внимание на павильон в нашем саду?
  - Тот, что у дороги?

- Я оборудовал там спортзал. Тэд Бартон там и тренировался. Там всё есть, что вам понадобится: груша, перчатки, гантели, гири и всё остальное. Вот только как быть с партнёром для спарринга?** Бартон тренировался обычно с О'Гияви, но для вас он, боюсь, будет жидковат. А как насчёт Бартона? Он на вас не в обиде и вообще не так уж плох, только вот легко даёт волю языку и рукам. И он с удовольствием будет с вами тренироваться. Какое время для вас удобно?

- Спасибо, мистер Уилсон. О времени я скажу позже.

На этом переговоры закончились, и три учредителя разошлись, а Роберт, оставшись в приёмной один, наконец получил возможность спокойно осмыслить происшедшее. В университете его тренером по боксу был экс-чемпион в среднем весе. Надо признаться, что к этому времени слава его была в прошлом, годы брали своё, движения уже не были молниеносны, а в работе суставов чувствовалась некоторая скованность. Но благодаря опыту, он ещё долго оставался серьёзным противником. Всё же наступил день, когда Монтгомери выиграл бой у своего учителя, и стареющий спортсмен утверждал, что ученика способнее

^{*} паб — пивная (*англ*.).

^{**} Спарринг (англ.) — вольный бой, тренировочный бой с целью всесторонней подготовки к состязанию. (П. Γ .)

Роберта у него никогда не было. Он настаивал, чтобы Роберт принял участие в чемпионате любителей, но тот не собирался связывать своё будущее с боксом. Правда, один раз, в ярмарочном балагане он принял вызов боксёра-профессионала Хаммера Танстела. Он выдержал всего три раунда, но и противнику они не так легко дались. Вот и весь его опыт на ринге. Достаточно ли у него данных, чтобы выдержать бой с Мастером из Кроксли? Впрочем, особенно раздумывать не приходится. В случае победы он получит столь необходимые ему деньги, а в случае поражения — заслуженную трёпку. Если есть хоть малейший шанс на победу, стоит рискнуть.

Тут в дверях появился доктор Олдейкр. Он возвращался из церкви, с крупноформатным молитвенником в руке.

- Мистер Монтгомери, обратился он к Роберту ледяным тоном, вы совсем не ходите в церковь.
  - Да, сэр, к сожалению. Я слишком занят.
- Весьма прискорбно. Я всегда считал, что мои служащие должны являть собой пример достойного образа жизни. На нас, образованных людях, лежит двойная ответственность. Если наше поведение не соответствует нашему положению, то что можно спросить с шахтёра? Это ужасно, но приходится признать, что прихожане нашей церкви гораздо больше думают о предстоящем кулачном поединке, чем о своём долге перед Господом.
  - Кулачный поединок, сэр? голос Монтгомери звучал виновато.
- Я не вижу необходимости как-то иначе называть эту дикую забаву. А все вокруг только об этой драке и говорят. Есть тут один хулиган, наш пациент, кстати; он будет драться в перчатках с боксёром из Кроксли. Почему власти не запрещают подобные развлечения? Имеется закон, запрещающий платные выступления кулачных бойцов.
  - Но... я не ослышался? Вы упомянули о перчатках?
- Да какая разница! Я слышал от компетентных лиц, что двухунциевые перчатки не являются средством защиты, а служат только для отвода глаз полиции и служителей закона. В любом случае, они будут драться за плату. И подумайте только, такой разгул беззакония и безнравственности в каких-нибудь нескольких милях от нашего мирного жилища! Именно поэтому, мистер Монтгомери, мы должны всегда быть на высоте, чтобы противопоставить этим пагубным факторам своё благотворное влияние.

На кого-нибудь другого проповедь доктора Олдейкра, может, и произвела бы впечатление, но не на Роберта, который не раз имел возможность убедиться в его ханжестве. Его, Роберта Монтгомери, эти разглагольствования не касались. Он твёрдо знал, что даже и в платном матче позиция боксёра с нравственной стороны неуязвима. У организаторов матча, букмекеров, даже у зрителей, возможно, и будут проблемы с совестью и моралью, но с боксёром всё ясно. Мужество и выносливость — несомненные достоинства мужчины, и лучше уж быть жёстким, чем изнеженным.

В табачную лавчонку на углу Монтгомери обычно заходил не только за покупками. Хозяин лавки был общительный человек, буквально начинённый местными новостями, и охотно ими делился. Вечером того же дня Монтгомери как бы между прочим спросил у него, знает ли он что-нибудь о Мастере из Кроксли.

— Да кто ж его не знает? — лавочник был изумлён самим вопросом. — Это наша знаменитость. Во всём Западном Ридинге его имя известно каждому — так же как имя победителя дерби. Ах ты, Господи! Минуточку!..

Он стал копаться в куче газет, но не прекращал разговора:

— Сейчас все ждут его поединка с Тэдом Бартоном. Шума вокруг хватает. Вот и в «Кроксли геральд» напечатали его биографию. Вот, нашёл! Вы лучше сами прочитайте.

Материал о Мастере из Кроксли занимал целую газетную полосу. В центре полосы был помещён гравированный на дереве поясной портрет. Роберт увидел жестокое и волевое лицо, гладко выбритые обвисшие щёки и бульдожью челюсть, злобный оскал рта, маленькие и тоже злые глазки под густыми бровями. Голова сидела на могучей бычьей шее, а та переходила в не менее могучие плечи, которые хорошо обрисовывались под вязаной фуфайкой. Сверху над портретом была надпись: «Сайлас Крэгс», а под ним: «Мастер из Кроксли».

— Вот тут вы всё про него найдёте, — сказал лавочник. — Что за человек! Гордость нашего округа. Если бы не сломанная нога, быть бы ему чемпионом Англии, как пить дать!

- А что с ногой?
- Да плохо срослась. Сказать вам честно, некоторые называют его «раскорякой». Да, нога его подвела, но руки, Боже мой!.. К этим рукам да другие ноги, посмотрел бы я тогда на теперешнего чемпиона Англии.

С газетой в кармане Монтгомери поспешил домой. Сведения, которые он почерпнул в статье, не принесли ему покоя: длинный список побед и очень немногочисленные поражения.

Жизнеописание начиналось словами:

«Сайлас Крэгс, известный знатокам бокса как «Мастер из Кроксли», родился в 1857 году, то есть сейчас он на пороге сорокалетия».

— Хоть в чём-то повезло, чёрт возьми, мне пока двадцать три, — подумал Монтгомери и продолжал чтение.

«Его поразительный природный дар проявился в ранней юности. Одержав ряд побед в любительских матчах, он стал чемпионом округа и завоевал почётный титул Мастера, который стал его вторым именем. Приобретя покровительство в спортивных кругах, он в поисках славы в мае 1880 года впервые встретился на ринге с таким бойцом, как Джек Бартон из Бирмингема. Знатоки помнят эти пятнадцать напряжённейших раундов, после которых Крэгсу была присуждена победа по очкам и вручён приз Центральных графств Англии. Он весил тогда десять стоунов и два фунта. Затем, выиграв один за другим в матчах с Джеймсом Данком из Розерхита, Камеруном из Глазго и неким Ферни, он настолько уверовал в себя, что вызвал на поединок Эрнста Виллокса, чемпиона Северной Англии в среднем весе, и нокаутировал его на десятом раунде.

Перед юношей открывались ослепительные горизонты, он по праву мог стать первой перчаткой страны, но ужасная случайность помешала этому восхождению. Его лягнула лошадь, и целый год он вынужден был провести в постели со сломанной ногой. Из-за неправильно сросшихся костей он в значительной мере утратил свою необычайную подвижность на ринге. В первом бою после выздоровления его победил на седьмом раунде тот самый Эрнст Виллокс, которого он нокаутировал за год до этого. Потом была встреча с Джеймсом Шоу из Лондона, и хотя Крэгс снова потерпел поражение, победитель признавал, что более сильного противника у него не было никогда.

Но Сайлас Крэгс проявил себя как истинный спортсмен. Его дух остался несломленным, и со временем он выработал новый стиль боя, благодаря которому стал вновь побеждать, несмотря на хромоту.

В 1891 году во время боя с австралийцем Джимом Тейлором судейская коллегия обвинила его в применении запрещённых приёмов. Оскорблённый до глубины души, он навсегда оставил профессиональный бокс и принимал участие только в любительских встречах, демонстрируя настоящий класс перед зрителями, которые зачастую не видят разницы между боксом и пьяной дракой. Вскоре состоится очередная подобная встреча. Несколько любителей на шахте Уилсона намерены выставить против Мастера своего боксёра. Приз — сто фунтов. Кого прочат в противники Мастеру, пока точно не известно, но чаще всего в разговорах всплывает имя Тэда Бартона. Ставки на уровне семь против одного за Крэгса свидетельствуют о его неизменной популярности у публики».

Монтгомери прочёл статью, потом перечитал и стал взвешивать свои шансы. Да, влип он в историю: противник не какой-нибудь местный самоучка, а первоклассный (во всяком случае в прошлом) боксёр. Конечно, и у него есть преимущества, в первую очередь возраст: двадцать три против сорока. Есть старое боксёрское присловье: «Молодость своё возьмёт». Но есть и сколько угодно примеров того, как старый опытный боксёр, благодаря хладнокровию, выдержке, трезвому расчёту и знанию кое-каких профессиональных уловок, расправлялся с противником моложе его лет на десять-пятнадцать. Так что этим преимуществом воспользоваться, конечно, нужно, но с оглядкой. Во-вторых, безусловно в его, Монтгомери, пользу и то обстоятельство, что Мастер хромает. И в-третьих, весьма вероятно, что, будучи уверен в себе, Мастер не станет усердствовать на тренировках, готовясь к встрече с никому не известным любителем.

Если бы всё так сложилось! Ну, а если не так? Если противник не только одарённый от природы, но и тщательно подготовленный, богатый опытом и не утративший силы боец? Ну и что? Он должен сделать всё, абсолютно всё, что от него зависит. Готовиться к матчу, ничего

не упуская. Что в боксе нужнее всего? Разумеется, и выдержка, и сила удара, и много чего ещё, но самое важное — это умение стойко принимать удары. Эластичные и тугие, как гуттаперча, брюшные мышцы тренированного боксёра способны снести страшные удары. За неделю такую мускулатуру не разовьёшь, но всю эту неделю необходимо использовать максимально разумно.

Трое устроителей матча не случайно остались довольны его данными. Рост — пять футов и одиннадцать дюймов — старые боксёры говорят, что этого достаточно для любого двуногого. Природа и спорт дали ему гибкость, ловкость и почти невероятную выносливость. Мускулы у него были стальные, но главный ресурс его силы заключался не в них, а в той высшей нервной энергии, которую пока не научились измерять. Нос с лёгкой горбинкой, широко расставленные большие глаза глядели прямо и смело. Ну, и ещё он твёрдо знал, что исход поединка определит всю его дальнейшую жизнь, и это прибавляло ему сил.

На следующее утро уже знакомая нам троица, сойдясь в спортивном зале Уилсона, не могла налюбоваться, как Монтгомери разделывается с боксёрской грушей. Фоссет, который накануне решил подстраховаться и по телеграфу поставил на обоих боксёров, под влиянием этого зрелища отменил своё распоряжение и поставил на Монтгомери ещё пятьдесят фунтов — семь против одного.

Но откуда взять время для тренировок, да ещё так, чтобы доктор Олдейкр ничего не заметил? Рабочий день Монтгомери был заполнен весьма плотно. Но многие пациенты жили далеко, и визиты к ним, а их он делал всегда пешком, сами стали немаловажным элементом тренировки. Свободное время распределялось между работой с грушей, занятиями с гирями и гантелями — утром и вечером по часу — и ежедневными двумя сеансами бокса с Тэдом Бартоном. Бартон не уставал нахваливать Роберта за сообразительность и реакцию, но был недоволен силой его удара. Своим поистине сокрушительным ударом он гордился и хотел, чтобы Роберт усвоил его стиль боя.

— Ну разве это удар?! — кричал он. — Зачем тебе твои одиннадцать стоунов? Ты бей, а то Мастер подумает, что ты его гладишь... Ага, вот так уже лучше. Ну, давай же, давай! А так и совсем хорошо, — сказал он, перелетев вдруг от мощного удара через весь ринг, — это понашему. Кто знает, может, ты и победишь.

Не удалось скрыть от доктора, что Монтгомери соблюдает диету.

- Прошу прощения, мистер Монтгомери, сказал тот как-то за обедом, я замечаю, вы что-то стали очень разборчивы в еде. В ваши годы такие капризы непозволительны. Почему вы едите только гренки и пренебрегаете хлебом?
  - Я больше люблю гренки, сэр.
  - Но ведь этим вы обременяете кухарку. И картофель вы перестали есть.
  - Вы правы, сэр. Я думаю, картофель не слишком мне полезен.
  - Ну, уж не знаю, что и сказать! А пиво вы пьёте?
  - **—** Нет, сэр.
- Заметьте себе, мистер Монтгомери, что мне не по душе эти выверты. Вам следовало бы почаще вспоминать о тех людях, у которых нет ни картофеля, ни пива.
  - Разумеется, сэр. Но, уверяю вас, мне лучше воздержаться от них.

Роберт решительно перевёл разговор на другую тему:

- Доктор Олдейкр, сказал он, я был бы очень благодарен, если бы вы предоставили мне выходной день в ближайшую субботу.
- Я решительно против, мистер Монтгомери. Вы знаете, что по субботам мы всегда работаем в напряжённом темпе.
- Я сделаю вдвое больше в пятницу, так что никому никакого ущерба не будет. А к вечеру я уже вернусь.
  - Сомневаюсь, что я могу вам это позволить.

Ситуация осложнялась. Не исключено, что ему придётся уйти без разрешения патрона.

— Доктор Олдейкр, я вынужден напомнить, что, нанимая меня, вы обещали мне один

выходной день в месяц. У меня ещё не было ни одного свободного дня, и я не просил вас об этом, но в субботу он мне настоятельно необходим.

Доктор отступал с боями:

— Ну, если вы такой формалист, мне приходится согласиться, — сказал он с кислой миной на лице. — Но учтите, таким образом вы демонстрируете своё равнодушие к вашим обязанностям, к моим интересам и к нашему общему делу. Вы попрежнему настаиваете?

— Да, сэр.

От злости Олдейкра перекосило, но не в его интересах было терять такого помощника — выдержанного, знающего, трудолюбивого. Отчасти по этой причине он отказал ему в займе. Ведь пока Монтгомери не кончит университет, он будет вынужден оставаться у него в помощниках, и это может длиться вечно.

Теперь доктора мучило любопытство: какие такие исключительные причины заставили всегда покладистого юношу проявить такую настойчивость?

- Не почтите за нескромность, мистер Монтгомери, но где вы собираетесь провести субботу, не в Лидсе ли?
  - **—** Нет, сэр.
  - Значит, за городом?
  - Да, сэр.
- Вот это я одобряю. Что может быть полезнее для тела и духа, чем спокойный отдых на лоне природы. А какое направление вы избрали?
  - В сторону Кроксли, сэр.
- Там, в самом деле, есть очаровательные места, только нужно миновать чугунолитейный завод. Я и сам с удовольствием полежал бы на солнечной лужайке, читая что-нибудь возвышающее душу. Вы можете осмотреть руины храма святой Бригитты это памятник раннего нормандского зодчества. Но вашему тихому отдыху могут помешать: именно в эту субботу в Кроксли назначен кулачный бой, о котором я вам говорил. На него соберутся хулиганы со всей округи.
- Большое спасибо за заботу, сэр, ответил Монтгомери, я постараюсь избежать нежелательных встреч.

Когда в пятницу вечером Уилсон, Пэрвис и Фоссет пришли в спортзал проведать своего боксёра накануне боя, Роберт как раз разминался. Его состояние было безупречно: воплощённое здоровье, мускулы играют под упругой гладкой кожей, взгляд бодрый и энергичный. Все трое глядели на него восхищённо.

- Ну, до чего хорош! воскликнул Уилсон. Ну, Монтгомери, вы не зря тренировались. Сразу видно, как вы окрепли и как готовы к бою.
  - Сил, конечно, прибыло, признал трактирщик. А как с весом?
  - Десять стоунов одиннадцать фунтов, ответил Роберт.
- Надо же... Всего три фунта спустил за неделю! изумился объездчик. Он и в самом деле был в форме тогда, неделю назад. Что ж... Материал, конечно, добротный, лишь бы хватило его... И он в раздумье тыкал Роберту пальцем в рёбра, как делал это с лошадьми.
  - Говорят, Мастер, хоть и тренировался, всё равно весит сто шестьдесят фунтов.
- Он бы и рад скинуть хоть сколько-нибудь, да никак не может обойтись без пива. Если бы не эта рыжая лахудра, которая не отходит от него ни на шаг... Говорят, она здорово оттрепала официанта из «Чекверса», который принёс Мастеру галлон пива. Она ему и любовница, и тренер, и партнёр по спаррингу. И это при живой жене!.. А ты кто такой? Что тебе здесь понадобилось?
- В дверях стоял незнакомый подросток, с ног до головы перемазанный сажей и машинным маслом. Только он шагнул в зал, как его перехватил Тэд Бартон.
  - Шпионишь, щенок? Ну-ка, уматывай, пока цел.
  - Я пришёл поговорить с мистером Уилсоном.

Питомец Кембриджа приблизился.

- Говори, дружок, я слушаю.
- Это касается завтрашнего боя, сэр. Я знаю один секрет Мастера и хочу рассказать про него вашему парню.
  - Слушай, малыш, не морочь голову занятым людям. Мы и без тебя всё знаем про

Мастера.

- A вот и не всё. Это только мы с матерью знаем. Вот и решили выдать его, чтобы ваш боксёр наподдавал ему хорошенько.
- Ax, вот у тебя какое желание! Подумать только, и мы того же самого хотим. Что же это за секрет?
  - Это ваш боксёр, сэр?
  - Допустим. Давай, выкладывай.
  - Вот я ему и скажу: Мастер одним глазом не видит.
  - Не может быть!
- Ей-Богу! Он не совсем окривел, а почти. Он старается никому не показать этого, но от нас с матерью ему скрыть не удалось. Если подойти к нему слева, он ничего не сможет с тобой сделать, и следи за его правой рукой: если он её опустит, значит, готовит свой знаменитый апперкот правой. Обычно на нём бой кончается. Берегись этого удара.
- Спасибо тебе. Про слепоту это очень важное для нас сведение, сказал Уилсон. Но как ты дознался? Ты, собственно, кто?
  - Я его сын, сэр.

Уилсон присвистнул озадаченно и спросил:

- А кто же послал тебя сюда?
- Матушка послала. Ну, я пошёл.
- Минуточку. Вот тебе полкроны, дружок.
- Нет, денег не возьму. Я не за ними сюда пришёл...
- Из сыновней любви, сказал трактирщик саркастическим тоном.
- Нет, из ненависти! ответил мальчик и исчез за дверью.
- Похоже, от этой рыжей бестии Мастеру больше вреда, чем пользы, проговорил трактирщик задумчиво. Мистер Монтгомери, заканчивайте. Никакая тренировка перед боем не заменит хорошего сна минут на шестьсот. Уверен, что завтра в это время вы уже будете дома, целёхонький и с сотней в кармане. Спокойной ночи.

II

В эту субботу рабочий день в округе закончился в час дня, потому что бой был назначен на три. Оставив доменные печи, шахты, фабрики, сталеплавильные агрегаты, мужское население двинулось на матч, причём почти каждого сопровождал пёс. Спорт был единственным увлечением этих изнурённых тяжким трудом и погружённых в заботы своей беспросветной жизни людей. Только он один давал возможность отвлечься от тоскливой обыденности, выйти, хотя бы мысленно, из её порочного круга. Для них не существовали наука, литература, искусство, но по части бегов, футбола, крикета, бокса они были знатоки. Они спорили о событиях в мире спорта, делали прогнозы — и всё это вполне компетентно. Любовь англичан к спорту общеизвестна, но не все отдают себе отчёт в том, какой это важный элемент народной жизни.

Погода в этот майский день никак не могла установиться: то дождь, то солнце.

- Мистер Монтгомери, погода вам не благоприятствует, сказал доктор Олдейкр. По-моему, вам лучше перенести свою прогулку на какой-нибудь другой день.
  - Боюсь, что это невозможно, сэр.
- Очень, очень жаль. Я получил записку от миссис Поттер, она просит её проведать. А ведь к ней надо ехать через весь город. Нехорошо так надолго оставлять приёмную пустой.
  - Прошу прощения, сэр, но мне нужно уйти сегодня.

Помощник проявил редкостное упрямство, и доктор, убедившись в тщетности споров и уговоров, с мрачным лицом уселся в экипаж. Монтгомери вздохнул с облегчением и отправился к себе наверх за спортивным костюмом. Когда он снова сошёл вниз, Уилсон уже ждал его.

- Я видел, доктор уехал? спросил он.
- Да, и, по всей видимости, надолго.

- Ну, теперь это уже не важно, так или иначе, к вечеру он всё узнает, предположил Уилсон
- Поймите меня, мистер Уилсон, для меня это очень серьёзно. Конечно, в случае моей победы расстановка сил изменится в мою пользу. Не скрою, эта сотня фунтов решила бы многое. Но если я проиграю, то останусь без работы, потому что доктор всё узнает вы сами это сказали.
- Не волнуйтесь, мистер Монтгомери, мы вам поможем. Я только не могу понять, как это ваш патрон до сих пор пребывает в неведении. Ведь о том, что с Мастером встречаетесь именно вы, говорят по всей округе. Кстати, из-за вашей кандидатуры у меня даже вышло небольшое недоразумение с Армитеджем, меценатом Мастера. Он утверждал, что у нас нет законного основания выставлять вас от имени нашего клуба, и это длилось бы бесконечно, но тут вмешался Мастер и сказал, что ему наплевать на основания он будет с вами драться и всё тут. Но я всё же предпочёл внятно разъяснить Армитеджу, что ваша кандидатура бесспорная, а не то он мог бы где-нибудь нам напакостить ведь он вложил в это дело немало денег. В конце концов я его убедил. Они там уверены в лёгкой победе.
  - Постараюсь эту уверенность рассеять, сказал Роберт.

Ленч прошёл в молчании; Монтгомери мысленно был уже на ринге, Уилсон же прикидывал, сколько денег он потеряет в случае поражения.

Запряжённая парой коляска Уилсона стояла у подьезда. К упряжи лошадей, за ушами, были прикреплены бело-голубые розетки — цвета спортивного клуба Уилсонских шахт.

У ворот аллеи, ведущей к докторскому дому, собралась толпа. Несколько сот шахтёров с жёнами и детьми встретили экипаж бурными приветствиями. «Наверное, всё это мне снится», — думал Монтгомери. Никогда в его жизни не было ещё таких приключений, да ещё приправленных бушеванием человеческих страстей вокруг. Уилсон приколол ему на лацкан бело-голубую розетку, и теперь уже все увидели, кому предстоит защищать в бою эти цвета. Из всех окон и дверей каждого шахтёрского домика махали платками и выкрикивали: «В добрый час!» и «Желаем удачи!»

Монтгомери представил себя рыцарем, спешащим на ристалище. Предстоящий турнир, несмотря на очевидную грубость, не был лишён и духа благородства — ведь в этом бою он представляет многих. Самому себе он дал слово, что если его побьют, то из-за перевеса в силе и мастерстве, но никак не из-за недостатка отваги и стойкости.

Они проехали мимо дома Фоссета, который как раз влезал на свою высоченную двуколку. Он отсалютовал им своим неразлучным кнутом и шлёпнулся на сиденье.

Чуть позднее они обогнали трактирщика Пэрвиса, восседавшего рядом с празднично принаряженной супругой.

Чем ближе к Кроксли, тем больше их украшенная бело-голубым коляска напоминала голову кометы, а хвост терялся вдали. Он состоял из пешеходов, всадников, повозок. Видавшие виды шахтёрские двуколки были переполнены. Процессия растянулась по крайней мере на четверть мили, и воздух был насыщен сквернословием, щёлканьем кнутов, свистом, выкриками, лошадиным топотом. А тут ещё в процессию влился кавалерийский эскадрон — матч совпал по времени с ежегодными манёврами. Всадники следовали сразу за коляской Уилсона, образовав как бы почётный эскорт. Поднявшаяся дорожная пыль не могла заслонить сверкание медных касок, яркие мундиры, весёлые загорелые лица над покачивающимися конскими головами. Нет, это могло быть только сном!

Уж совсем поблизости от Кроксли дорога сливалась с другой, и эта другая была забита таким же потоком болельщиков противной стороны. Колонна Уилсона замедлила движение. Литейщики, приверженцы своего Мастера, пошучивали по адресу соперников или же, наоборот, ворчали неприязненно. Впрочем, и шутки были чем-то сродни тяжёлым чайкам, и навстречу им как будто летели куски антрацита: «Да ему соска нужна, вашему боксёру?» — «А гроб вы с собой захватили, а то как его будете упаковывать?» — «А где ваш хроменький?» — «Эй, малыш, ты хоть сфотографировался? А то как раз лица и не будет!» — «Ах ты, докторишка недоделанный!» — «Вот увидите, как он подлечит вашего калеку!»

Так и шёл обмен любезностями, пока по толпе литейщиков не прошёл гулкий ропот, сначала прорезаемый отдельными восторженными восклицаниями, а затем превратившийся в бурю восторга. Мимо промчалась коляска четвернёй, украшенная развевающимися алыми

лентами. На белой шляпе кучера тоже красовалась алая розетка. На заднем сиденье ехала пара, причём женщина обнимала мужчину за талию. Монтгомери увидел только низко надвинутую на глаза меховую шапку, толстое фризовое пальто и алый шарф мужчины, рыжую шевелюру и наглое, вульгарно накрашенное лицо женщины и услышал её возбуждённый смех.

Проезжая мимо экипажа Уилсона, Мастер обернулся и внимательно оглядел Монтгомери, ощерив в ухмылке неровные зубы. На этот раз Роберт успел разглядеть грубое лицо с выступающими скулами и свирепыми глазами. В этой многоместной коляске вместе с Мастером ехали его покровители: горновые мастера, начальники цехов, управляющие. Мелькнула чья-то приветственно поднятая рука с большой металлической фляжкой. Вскоре дорога очистилась, и армия Уилсона, подкреплённая кавалерией, продолжала свой путь.

Дальше дорога шла в обход Кроксли, по сторонам её поднимались холмы, сплошь исковерканные и выпотрошенные в поисках угля и железа. О размерах образовавшихся под землёй пустот легко было судить по огромным отвалам пустой породы и горам шлака. Наконец впереди показались развалины громадного строения — ни крыши, ни дверей, ни оконных рам.

- Это старая фабрика Эрроусмита, сказал Уилсон, здесь и проходят встречи. Ну, как вы?
  - Спасибо, сэр, как нельзя лучше.
- Я в восторге от вашей выдержки, сказал Уилсон. Его самочувствие как раз оставляло желать лучшего. Ну уж, в любом случае, мы увидим настоящий бокс за свои деньги, и будь, что будет. Раздевалка вон в той пристройке, бывшей конторе.

Новый взрыв криков встретил остановившийся экипаж. Пустые коляски и двуколки в несколько рядов запрудили дорогу до самого поворота. Огромная афиша у входа сообщала цены на билеты: один, три и пять шиллингов и половина стоимости билета за собаку. Вся выручка, кроме накладных расходов, предназначалась победителю, так что было очевидно, что сумма приза заметно превысит предполагаемые сто фунтов. Но хозяева собак не хотели за них платить, и у входа царили суматоха, ругань и лай. Однако этот бурный и вдруг вскипающий людской поток всё же понемногу втягивался в здание.

У дверей бывшей конторы уже стояла опустевшая, увитая алыми лентами коляска. От лошадей валил пар. Уилсон, Пэрвис, Фоссет и Монтгомери также оставили свои экипажи и вошли в раздевалку.

Большая комната с почерневшими стенами и протёртым линолеумом на полу была почти совершенно пуста. Только несколько скамеек, стол с кувшином и тазом да весы. Новоприбывших встретил толстяк в синем жилете и алом галстуке. Это был тот самый Армитедж, о споре с которым рассказывал Уилсон, богатый мясник и скотовод и ревностный спортивный меценат в Ридинге.

- Ну, наконец-то, всё приговаривал он густым, с хрипотцой басом. Покажите-ка вашего боксёра.
  - Вот он, весь как на ладони. Мистер Монтгомери мистер Армитедж.
- Счастлив познакомиться с вами, сэр. Должен вам сказать, мы тут в Кроксли в восторге от вашей храбрости. У нас нет пристрастий ни к кому, мы хотим одного видеть настоящий бокс. Мы тут в Кроксли считаем, пусть победит сильнейший.
  - Я того же мнения, ответил помощник доктора Олдейкра.
- Замечательно, только такого ответа я и ожидал. Мистер Монтгомери, вы приняли на себя большое обязательство, и должен вам сказать, что любой, кто имел со мной дело, вынужден был свои обязательства выполнять. Крэгс взвешиваться!
  - Мне тоже?
  - Разумеется, но сначала разденьтесь.

Монтгомери замялся, глядя на стоявшую у окна рыжую.

— Не обращайте внимания, сэр, — сказал Уилсон, — переоденьтесь там за занавеской.

Из отгороженного занавеской угла Роберт вышел как воплощение молодости. Он был в белых свободных трусах и парусиновых туфлях, на талии — спортивный пояс цветов известного крикетного клуба. Гладкая молодая кожа блестела как атлас, а под ней играли мускулы. При каждом его движении они образовывали твёрдые, как слоновая кость, узлы и

шары или свивались в длинные тугие жгуты.

- Ну, как он тебе? спросил у рыжей женщины Бартон, секундант Роберта. Та смерила молодого атлета презрительным взглядом.
- Нечего сказать, подставил ты мальчика. Да разве ему выстоять против настоящего мужчины? Мой Сайлас разделается с ним одной рукой.
- Бабушка надвое сказала, ухмыльнулся Бартон. Я, например, поставил на этого «мальчика» свои последние два фунта и не очень-то за них тревожусь. А вот и Мастер. В прекрасной он форме, ничего не скажешь.

Из другого занавешенного угла вышел, чуть припадая на одну ногу, коренастый мужчина с необъятной грудной клеткой и чудовищными руками. Но не чувствовалось в нём той свежести, какой веяло от Монтгомери. На смуглой коже виднелись бурые пятна, а посреди заросшей чёрной шерстью груди — большая родинка. Такие плечи и такие руки с кулаками, наводящими на мысль о кузнечном молоте, вполне могли принадлежать и боксёру в тяжёлом весе, но бёдра и ноги были слабы для этого мощного торса. Монтгомери же выглядел, как античная статуя. Один из противников мог заниматься единственным видом спорта, другой — любым. Оба глядели друг на друга с любопытством, и оба — массивный бульдог и подвижный терьер — были полны отваги.

- Здравствуйте.
- Здрась... щербатый рот растянулся в усмешке, и, сплюнув, Мастер добавил: Подходящий денёк для боя.
  - Замечательный, согласился Роберт.
- Вот это по мне! хрипло воскликнул толстяк-мясник. Ну что за парни, первый сорт! Возьми хоть мясо, хоть кости! Ну, смотрите, чтоб всё у нас было как полагается!
  - Если он меня уделает, пусть его Бог благословит.
  - А если мы его пусть ему Бог поможет, вступила в разговор женщина.
- Заткнись стерва, зарычал Мастер. Тебя что ли спрашивают? Вот заеду разочек так век не будешь лезть не в своё дело.

Но женщина, видимо привыкшая к таким угрозам, не выглядела испуганной.

— Побереги кулаки для него вот, — заметила она. — Моя очередь после.

Тут в контору вошёл джентльмен необычного для этих мест обличья. Такие пальто с меховым воротником и столь блестящие цилиндры обычно не встречаются в радиусе более десяти миль от Гайд-парка в Лондоне. Поскольку цилиндр был сдвинут на затылок, нижняя сторона полей казалась нимбом, обрамлявшим лицо. Он скорее вступил, чем вошёл в помещение. С такой торжественностью обычно выходит на арену цирка шпрехштальмейстер.

- Будьте знакомы, джентльмены, это мистер Стэплтон, рефери из Лондона, сказал Уилсон. Как вы доехали, мистер Стэплтон? Я имел удовольствие быть представленным вам в Коринфском клубе, на Пикадилли. Помните?
- Вынужден признаться, сэр, мне представляют столько народа, что просто невозможно всех запомнить, говоря так, новоприбывший пожимал протянутые руки. Вы ведь Уилсон? Рад вас видеть, мистер Уилсон. Я запоздал немного не мог найти экипаж на станции.
- Мистер Стэплтон, торжественно обратился к нему Армитедж, мы гордимся, что человек вашего масштаба не погнушался приехать на наше маленькое провинциальное состязание.
  - Бокс для меня превыше всего. Ну, что у вас тут? Боксёров взвешивали?
  - Как раз готовимся взвесить, сэр.
- Давайте, я сам этим займусь. Мне уже случалось вас видеть, Крэгс. Хорошо помню вашу вторую встречу с Виллоксом, когда он взял у вас реванш за первое поражение. Что на весах? Сто шестьдесят три фунта, минус два фунта на костюм, итого сто шестьдесят один. Теперь, юноша, вы. Постойте, что за цвета на вашем поясе?
  - Анонимного крикетного клуба.
  - На каком основании вы их носите? Я член этого клуба.
  - Я тоже.
  - Вы любитель?
  - Да, сэр.
  - И выступаете за деньги?

- **—** Да, сэр.
- Вы понимаете, в какое положение вы себя ставите? С этого момента вы переходите в разряд профессионалов, и если вы ещё раз выступите...
  - Другого раза не будет, этот первый и последний.
- Да уж, конечно, последний, ввернула женщина, не обращая внимания на свирепый взгляд Мастера.
- Ну, дело ваше. Вставайте на весы. Сто пятьдесят один минус два сто сорок девять фунтов. Но на вашей стороне молодость и здоровье. А теперь давайте начинать, я рассчитываю уехать с семичасовым. Я верно запомнил условия: двадцать раундов по три минуты, перерывы минута, бой по квинсберрийским правилам.
  - Всё так, сэр.
  - Ну и замечательно! Начнём.

Боксёры в накинутых на плечи пальто, организаторы матча, секунданты и рефери двинулись в зал, но тут перед ними предстал полицейский инспектор с записной книжкой в руке — зрелище, нагоняющее страх даже на лондонских кэбменов.

- Одну минуту, джентльмены. Я должен записать ваши фамилии на случай, если когонибудь придётся привлечь к суду за нарушение общественного порядка.
- Вы что же, бой собираетесь отменить? завопил толстяк Армитедж. Вот я, Армитедж, и вот мистер Уилсон, мы гарантируем, что всё будет происходить строго по закону.
- Я повторяю: я должен записать ваши фамилии на случай, если кого-либо из вас придётся привлечь к суду...
  - Бог с вами, инспектор, вы же всех нас знаете...
- Закон есть закон, ответил инспектор. Если бойцы в перчатках, речи о запрещении боя нет. Но список лиц, имеющих к нему какое-то отношение, должен у меня быть. Итак: Сайлас Крэгс, Роберт Монтгомери, Джеймс Стэплтон из Лондона, Эдуард Бартон. Кто секундант Сайласа Крэгса?
- Я, заявила рыжеволосая. И нечего пялиться, я буду секундантом, хоть тут что. Имя Анастасия...
  - **—** Крэгс?
  - Нет, Анастасия Джонсон. Если вы его собираетесь забрать, то берите нас вместе.
- Ну, что за чушь эта идиотка несёт? Никто никого не забирает! Мастер был вне себя. Мистер Армитедж, да пойдёмте же наконец, мне это уже осточертело.

Группа лиц, перечисленных в записной книжке инспектора, двинулась дальше, причём в сопровождении владельца книжки. По пути он успел сначала убедить Армитеджа, что ему как представителю власти полагается бесплатное место в первом ряду, дабы наблюдать за порядком, а потом, уже как частное лицо, поставить у того же Армитеджа тридцать шиллингов на Мастера по ставке семь к одному.

С трудом пробравшись через сплошную массу стоящих болельщиков, они наконец поднялись на помост и перешагнули через канаты. На этой квадратной площадке размером двадцать на двадцать футов должна была решиться судьба Монтгомери.

Бартон повёл его в тот угол, где на стойке висел бело-голубой вымпел, и посадил там на стул. Сам Тэд и его ассистент, в белых свитерах, встали рядом с ним.

В противоположном углу на стуле сидел Мастер, рядом с ним стояли его рыжая секундантша и её ассистент.

Оказавшись на ринге, Монтгомери, оглушённый рёвом зрителей, на некоторое время лишился способности соображать. Но вдруг обнаружилось, что куда-то исчез Стэплтон, произошла заминка, и Монтгомери стал озираться вокруг. Эту картину он не забудет никогда в жизни! Вокруг помоста амфитеатром расположены были ряды скамей. Они поднимались до самого верха старых стен, а вместо купола над этим импровизированным цирком виднелось серое небо со стаей ворон. На скамьях не было ни одного свободного места, причём в передних рядах преобладали зрители, одетые в хорошее сукно, дальше простиралось царство вельвета и бумазеи. И все смотрели на Роберта! Почти все они курили, и зал уже был наполнен сизым дымом и запахом дешёвого трубочного табака. Скулили, рычали, повизгивали и лаяли собаки. Различить в этой атмосфере отдельные лица было невозможно,

только сквозь мутную завесу поблёскивали медные каски, которые сопровождавшие его кавалеристы держали теперь на коленях. Непосредственно у помоста расположились репортёры, двое даже из Лондона. Однако что же случилось с рефери? Неужели он затерялся в этой немыслимой толчее у входа?

Мистер Стэплтон задержался, освидетельствуя перчатки, и поэтому вошёл в здание не со всей группой, а один. Когда он с превеликим трудом пробирался к помосту, несколько разъярённых болельщиков Мастера встали у него на пути. Среди массы зрителей циркулировал слух, что от уилсонских шахт выступает джентльмен, а судит поединок тоже джентльмен. Это показалось жителям Кроксли очень подозрительным. Их больше устроил бы судья из их собственной среды, а тут, на тебе, лондонец! Прошли всего секунды, а его уже окружила возбуждённая толпа и увесистые кулаки перемещались у него под носом. В спину его тыкал чей-то зонтик, а прямо в ухо женский голос сыпал мерзкие ругательства. Ну, а уж выкрики вроде «Катись, откуда пришёл!» — «Тебя тут не хватало!» — «Вали отсюда!» неслись со всех сторон.

Стэплтон сдвинул свой лощёный цилиндр на самый затылок, огляделся, вынул золотые часы, положил их на ладонь и сказал очень спокойно:

— Если через три минуты не будет установлен порядок, я отменю матч.

Вокруг него всё заклокотало. Спокойствие этого чужака в цилиндре прямо-таки будило ярость этих людей. Тяжёлые кулаки задвигались, было, в ускоренном темпе, но как ударить человека, который на тебя просто-напросто не реагирует?

— Ещё две минуты — и я отменяю матч.

Новая вспышка ярости. Их дыхание уже обжигало ему лицо, а чей-то кулак придвинулся вплотную к носу.

— Ещё одна минута — и я отменяю матч.

Победа оказалась на стороне хладнокровного упрямца. В толпе вдруг послышались совсем другие возгласы: «Эй, пропустите его, а то с него хватит — и в самом деле отменит!» — «Чёрт с ним, пусть идёт!» — «Билл, ты что, не слышишь, пропусти человека!» и даже: «Дорогу рефери! Дорогу джентльмену из Лондона!»

Дальше уже Стэплтона стали подталкивать к помосту и только что не несли туда на руках. На ринге он невозмутимо уселся на приготовленный для него стул рядом с хронометристом, положил руки на колени и сидел, как будто ничего не случилось.

На помост поднялся мясник Армитедж и жестом толстых рук в перстнях призвал зал к тишине.

- Джентльмены, начал он и чуть замешкался...
- И леди! послышался выкрик из зала. И то сказать: женщин среди зрителей было не так уж мало.
  - Погромче говори, не слышим! закричал другой.
  - А почём нынче свиные котлеты? усердствовал третий.

Хохот, лай. Армитедж пытался утихомирить развеселившуюся толпу, но выглядело это так, будто он дирижирует гигантским хором. Наконец беснование постепенно улеглось, все замолчали.

— Джентльмены! — беспрепятственно прокричал Армитедж. — Сейчас состоится матч между боксёрами среднего веса, то есть не тяжелее одиннадцати стоунов восьми фунтов. Результаты взвешивания: Крэгс — одиннадцать стоунов семь фунтов, Монтгомери — десять стоунов девять фунтов. Условия матча: двадцать раундов по три минуты, перчатки двухунциевые. Если бой продлится до конца, победа присуждается по очкам. Известный в спортивных кругах мистер Стэплтон из Лондона дал согласие быть судьёй. Мистер Уилсон и я вложили свои деньги в организацию состязания; мы безоговорочно доверяем мистеру Стэплтону и просим вас подчиняться его решениям.

Закончив свою речь, Армитедж обернулся к боксёрам.

Монтгомери! Крэгс! — произнёс он.

И вдруг настала тишина. Зал замер. Собаки, и те умолкли.

Противники встали, поправили перчатки и сошлись в центре ринга для традиционного рукопожатия. Монтгомери был серьёзен, с лица Крэгса не сходила ухмылка. Только когда они заняли исходную позицию, толпа перевела дух — словно ветер прошелестел по залу.

Стэплтон, откинувшись на спинку стула, бросил на боксёров долгий оценивающий взгляд.

Не было и тени сомнения: предстоит поединок Силы и Ловкости. Несмотря на свою хромоту, Мастер производил впечатление незыблемого гранитного колосса. Покалеченная нога мешала ему наступать и отступать, но поворачиваться на ней он мог с головокружительной быстротой. Рядом с Монтгомери он казался таким огромным и тяжёлым, а его смуглое загрубелое лицо выражало такую жестокость и решимость, что сторонники Уилсона пали духом. Все, кроме одного — Роберта Монтгомери.

Если раньше он не на шутку волновался, то теперь, когда стоявшая перед ним задача приобрела столь конкретное выражение: победи этого хромого Геркулеса и получай свой вожделенный диплом, — теперь он успокоился. Его переполняли ощущение собственной силы и уверенность в победе. Глаза его горели. Он осторожно пошёл на сближение, шажок вперёд — шажок назад, искусно при этом лавируя в стороны. Крэгс, лицо которого как будто превратилось в маску злобы и угрюмости, поворачивался на покалеченной ноге, выставив левую руку и опустив правую. Монтгомери дважды ударил левой, несильно, но попадая в цель. Прямой удар Мастер отразил мощной контратакой, Монтгомери отскочил назад, а Анастасия прокричала слова одобрения. Мастер пустил в ход правую руку, но Монтгомери поднырнул под неё и вошёл в клинч.

— Брек! — раздался возглас рефери.

Мастер нанёс свой знаменитый удар снизу вверх, и Роберт еле устоял на ногах, но тут первый раунд закончился. Зрители были довольны — им показывали настоящий бокс. Монтгомери не чувствовал себя усталым, а Мастеру пришлось восстанавливать дыхание. Анастасия обмахивала его полотенцем, а второй секундант выжал ему на голову мокрую губку.

— Вот так бабёнка! Славно работает! — кричали зрители по адресу Анастасии.

Во втором раунде Монтгомери крутился вокруг Мастера, как котёнок-игрун, а тот выжидал и вдруг стремительно двинулся ему навстречу. Роберт ушёл от удара в сторону. Мастер снова застыл на месте и покачал головой. Со злобной усмешкой он сделал жест, приглашающий к сближению. Роберт приблизился, ударил левой и получил жестокий свинг по рёбрам. На какое-то мгновение он был ошеломлён болью, и Мастер готовил решительный удар, но Монтгомери удалось уклониться от него, пока не прозвучало:

Время!

Публика оценила раунд как вялый, перевесом на стороне Крэгса.

- Да, в силе ему с Мастером не сравниться, сказал в перерыве какой-то литейщик своему соседу.
- Это так, но, сдаётся мне, от этого парня тоже можно кой-чего ждать. Погляди, как он прыгает!
  - Всё равно, Мастер сильнее, паренёк у него допрыгается!

Следующий раунд Монтгомери начал с молниеносного удара правой — он пришёлся Мастеру в бровь. Шахтёры одобрительно загудели, и рефери резко приказал замолчать. Монтгомери ушёл от встречного удара, а ещё один удар левой принёс ему ещё одно очко. Раздались аплодисменты, вызвавшие резкий протест Стэплтона:

- Прошу не шуметь во время боя, джентльмены.
- Так их! Поучите их маленько! прорычал Мастер.
- Молчать! Бой! оборвал его судья.

Тут Монтгомери нанёс ему удар в зубы, как бы подтверждая последнюю реплику судьи. Когда раунд окончился, Мастер убрался в свой угол, окончательно рассвирепевший.

Монтгомери блаженно расслабился в своём углу. Он вытянул ноги и широко раскинул руки. Как дорога каждая секунда между раундами! В нём росло и утверждалось предчувствие победы. Надо только зорко следить за противником и не подставлять себя под удар, и тогда он выдохнется, даже не закончив матча. Из-за медлительности он расходует свою силу зря.

— Хорошо, молодец, — шептал ему тем временем его секундант Тэд Бартон. — Только гляди в оба и не раскрывайся, и он спечётся.

Но Мастер был не так прост. Его колоссальный опыт компенсировал хромоту. Он

медленно кружил вокруг Монтгомери, шаг за шагом тесня его, пока не загнал в угол. Роберт увидел, как угрюмость на лице Мастера сменилась выражением злобного торжества, а глаза заблестели. Град ударов... канат не дал отскочить в сторону. От фантастической силы апперкота правой Монтгомери согнулся и отчасти раскрылся. Отпрыгнуть в другую сторону опять не позволил канат. Он был в ловушке. От нового удара правой, сопровождавшегося жутким кряканьем, он сумел увернуться, но ему тут же достался мощный удар левой. Тогда он вошёл в клинч.

— Брек! — крикнул рефери.

Выйдя из клинча, Монтгомери сразу получил боковой удар по уху. Литейщики не могли сдерживать свой восторг, и в зале стоял сплошной гул, но Стэплтону удалось их перекричать:

— Джентльмены, я требую прекратить этот рёв! Я соглашаюсь судействовать в приличных клубах, а не в зверинце.

Этот невысокий чужак с цилиндром на затылке обладал несомненной властью над толпой, которая затихла, как затихает расшалившийся класс при окрике учителя.

Когда Мастер уселся в своём углу, Анастасия звонко поцеловала его.

— Давай ещё! Ну, ещё разочек! — кричали из публики.

Мастер показал ей кулак.

Что до Монтгомери, то несмотря на усталость и боль, он держался бодро. Последний раунд многому его научил — больше он в такую ловушку не попадёт.

Следующие три раунда прошли в одном стиле. Монтгомери бил чаще, Мастер — сильнее. Наученный печальным опытом, Роберт не давал загнать себя в угол. Если Мастеру удавалось прижать его к боковым канатам и уйти в сторону не удавалось, он входил в клинч и выходил из него только в центре ринга. Возглас «Брек! Брек!» врывался в комбинацию других звуков: глухого топота резиновых подошв, гула ударов и частого, хриплого дыхания.

К девятому раунду противники были ещё вполне боеспособны. У Монтгомери, правда, в голове всё ещё стоял гул и, вероятно, был вывихнут большой палец на левой руке — так он болел. У Мастера усталость проявлялась лишь в затруднённом дыхании. Список очков, заработанных Монтгомери, был к этому времени длиннее, но Мастер попрежнему владел преимуществом силы: один его удар стоил по крайней мере трёх ударов докторского помощника. Без перчаток Монтгомери и трёх раундов не выстоял бы, и он это прекрасно понимал. Чего стоили его дилетантские удары? Жалкие щелчки по сравнению с таранными ударами рук, привыкших орудовать лопатой и аншпугом.

На десятом раунде ставки упали до трёх к одному: уилсонский боксёр оказался достаточно крепким орешком. Однако знатоки попрежнему полагали, что профессиональный опыт, хитрость и изворотливость дают Мастеру неоспоримое преимущество.

— Смотри в оба, — шептал Тэд Бартон своему подопечному в перерыве. — Берегись. Он готовит тебе подвох.

Но Монтгомери-то видел выдохшегося противника, с апатичным лицом, с повисшими руками. «Всё-таки молодость и здоровье тоже чего-нибудь да стоят», — подумал он и начал атаку отличным ударом левой. Ответный удар Мастера был гораздо слабее, чем в предыдущих раундах. Второй удар Монтгомери был не менее удачен, но следующий, с правой, его противник отвёл ударом вниз. Зал немедленно взорвался криками:

— Слишком низко! Нечестный приём!

Стэплтон пристально оглядел весь амфитеатр и сказал весело:

— Надо же: зал, оказывается, битком набит судьями.

Шутка вызвала восхищённые аплодисменты, но судья оставался бесстрастным.

— Вы не в театре, — сказал он. — Воздержитесь от аплодисментов.

Монтгомери испытывал необычайный подъём: противник выдохся, это очевидно; по очкам он давно опередил Мастера; надо вести поединок к завершению. На очередной удар в скулу, Мастер ответил только растерянным взглядом, потом вдруг начал обеими руками растирать бедро. Да у него судорога!

— Давай! Бей! — кричал ему Бартон.

Монтгомери успел только сделать рывок к противнику, и вот он уже лежит посреди ринга, и сознание, кажется, оставляет его, а с шеей что-то неладное.

Опять он позволил заманить себя в ловушку, подставился под легендарный чудовищный

апперкот. Вот вам усталость, апатия, судорога! Мало кто мог бы выдержать такой удар — от пояса в челюсть. Мастер вложил в него весь свой вес, все одиннадцать стоунов. Когда Монтгомери рухнул и остался лежать судорожно подёргиваясь, зал застонал.

Мастер навис над поверженным противником, готовясь добить его, как только он начнёт вставать.

Назад! Назад! — крикнул рефери.

Мастер отошёл к канату, опустив руки, но собранный и готовый к немедленной атаке. Хронометрист начал счёт. Если на «десять» Монтгомери не поднимется, бой закончен. Бартон в своём углу выказывал все признаки отчаяния. Голос хронометриста доносился до Монтгомери, как сквозь вату:

— Три... четыре... пять...

Монтгомери приподнялся, опираясь на руку.

– Шесть... семь...

Он встал на колени. Голова кружилась, слабость разлилась по всему телу, но он знал, что всё равно встанет.

Восемь...

Встал.

Мастер накинулся на него и принялся молотить обеими руками.

Зал затих, предвидя неизбежный печальный исход. Теперь уже большинство сочувствовало Монтгомери, глядя, как не желает сдаться человек, положение которого безвыходно.

Удивительная всё-таки вещь наш мозг! Монтгомери был оглушён, соображал с трудом, замедленно, и вдруг само собой из глубины памяти всплыло то единственное, что могло его спасти: рассказ мальчика о слепом левом глазе Мастера. А ведь с виду ничего не заметно. Монтгомери кинулся влево, но драйв в плечо чуть не сбил его с ног. Мастер крутанулся на своей покалеченной ноге и снова был перед ним.

- Бей его, бей! завопила Анастасия.
- Придержите язык! сделал замечание судья.

Мастер проявлял редкостные проворство и ум, не давая Монтгомери уходить влево. В какой-то момент он развернулся и нанёс ему прямой удар в лицо. Второй раз Монтгомери свалился на пол, не сумев сдержать стона. «На этот раз — всё, — думал он с горечью, слепо шаря руками по полу. — Мне не подняться». Но ускользающее сознание опять ловило как бы издалека доносящийся счёт:

- Один... два... три... четыре... пять... шесть...
- Время! раздался голос судьи.

Зал взорвался. Болельщики Мастера просто взвыли от разочарования. Другая сторона заглушала их радостным воплем. В самом деле, у них появилась надежда. За четыре секунды их боксёр ни за что не оправился бы, а теперь у него впереди целая минута.

На этот раз рефери не пытался утихомирить зал, а, напротив, наблюдал эту картину с довольной улыбкой. Его цилиндр и спинка судейского стула достигли предела в своём наклоне назад — ещё секунда и упадут. С хронометристом он обменялся понимающим взглядом. Тэд Бартон и второй секундант подняли бесчувственного Монтгомери и усадили на стул в углу. Его голова бессильно свисала, и казалось, шансов привести его в себя нет, но от вылитой на голову холодной воды его пробрала дрожь, а потом он стал бессмысленно озираться вокруг.

— Ура! Очухался! — раздались крики. — Вот это крепыш! Так держать!

Несколько капель бренди, которые влил ему в рот Бартон, прояснили сознание. Монтгомери мог уже оценить своё положение и не надеялся продержаться хотя бы раунд. Но тут прозвучало:

— Секунданты, с ринга! Время!

Мастер немедленно вскочил со стула.

— Не подпускай его близко! Устрой себе передышку, — успел прошептать Роберту Бартон, и Монтгомери шагнул навстречу своей судьбе.

Он усвоил и второй урок. Больше он не даст Крэгсу обмануть себя и заманить на ближний бой. Надо избавить себя от риска получить ещё такой же удар — он его не выдержит.

Мастер, судя по всему, решил не упускать преимущества и бешено атаковал, работая обеими руками. Монтгомери довольно удачно уклонялся. Ноги его снова стали послушными и надёжными, сознание и зрение прояснились, восстановилась быстрота реакции.

Зрителю, обладающему некоторым воображением, могло представиться, что тяжёлый неповоротливый броненосец пытается залпом из всех бортовых орудий накрыть небольшой фрегат, а тот, стремительно маневрируя, уходит из-под огня.

На протяжении трёх раундов Мастер исчерпал весь свой арсенал трюков; разыгрывая усталость и переходя затем в стремительную атаку, он выложился до конца. Между тем к Монтгомери силы возвращались. Боль отступила куда-то. Весь первый после нокдауна раунд, следуя совету Тэда, он довольствовался тем, что уходил от ударов. Во втором раунде он позволил себе резкие и лёгкие контратаки. В третьем бил, как только противник приоткрывался.

Теперь после каждого раунда своё одобрение выражали не только его болельщики, но и литейщики — ведь для всех этих людей не было пристрастия выше спорта, и в этом они были бескорыстны. Их воображение, не слишком-то честно говоря развитое, поражал этот юноша, в своём стремлении победить ставший выше самого себя.

Тем временем настроение Мастера достигло последней стадии свирепости. Три раунда назад он считал победу обеспеченной, а тут, на тебе, начинай сначала. Но этот мальчишка, казалось, с каждым раундом становился сильнее. К пятнадцатому раунду Роберт почувствовал, что дыхание его полностью восстановилось, а руки и ноги как будто налились силой. Однако Анастасия заметила кое-что новое в его поведении и поспешила поделиться своим наблюдением с Мастером.

— Вот теперь только понастоящему даёт себя знать твой удар по рёбрам, Сайлас, — шептала она в перерыве. — Иначе зачем бы ему бренди? Давай, дожимай его, мой дорогой!

Монтгомери и вправду в это самое мгновение сделал хороший глоток из фляжки Бартона. Лицо его слегка порозовело, а взгляд как-то странно сосредоточился на одной точке. Рефери взглянул на него внимательно, а трактирщик Пэрвис встревоженный этим неподвижным взглядом своего боксёра, крикнул:

— Драться до конца, как уговаривались!

Литейщики поняли, что их Мастер одерживает верх, и орали:

— Давай! Жми! Двинь ему!

Если судить по внешнему виду, ни один из бойцов серьёзно не пострадал. Для того и существуют боксёрские перчатки, чтобы удары только оглушали, но открытых ран не было. У мастера, правда, совершенно заплыл один глаз, а у Монтгомери уже выступили несколько синяков в разных местах. На очень бледном лице казались особенно яркими пятна румянца, вызванные глотком бренди; его опять немного шатало, а руки повисли, как будто им не поднять даже двухунциевые перчатки. Ну, что ж, картина ясная! Парень дошёл. Хороший удар — и он не встанет. Ну, а если он тюкнет Мастера, тот и не почувствует. Словом, у лжентльмена шансов нет.

— Давай! Врежь ему! Достань его! — бушевали жители Кроксли.

Эту волну страстей уже не смогли усмирить суровые взгляды и резкие замечания Стэплтона.

А Монтгомери тем временем выжидал. Он настолько хорошо усвоил второй урок Мастера, что готов был сам разыграть со своим противником нечто подобное. Да, он устал, конечно, но не так сильно как это видится со стороны. От глотка бренди прибавилось силы, и он сумеет ею распорядиться, когда представится возможность. Он только делал вид, что не стоит на ногах, а на самом деле чувствовал, как счастливо бурлит в нём кровь. Наверно, он неплохо разыграл свою роль, потому что Мастер охотно пошёл на приманку. Он кинулся на лёгкую добычу и обрушил на Монтгомери град ударов. Руки его работали попеременно: левая — правая, правая — левая. Каждый выпад сопровождался жутким кряканьем — свидетельством того, что в удар вложена вся сила. Но Монтгомери умудрился избежать всех этих бешеных апперкотов. Он не дал прижать себя к канату. Он лавировал, отступал в сторону, подпрыгивал, уходя от ударов, мало этого, сумел блокировать их и даже наносить ответные. При этом на лице его сохранялось выражение безмятежности. К этому времени Мастер успел здорово устать от собственных непрерывных атак. Видя перед собой совершенно

выдохшегося противника, он на долю секунды опустил руки, и в этот миг правая рука Монтгомери взлетела вверх.

Вот это был удар! Короткий, всем корпусом, вобравший всю силу ног, плеч, рук. И меткий — точно в челюсть. Не рождён человек, который устоял бы при таком ударе. И трудно представить себе, каким мужеством надо обладать, чтобы после такого удара подняться.

Мастер упал навзничь, и дощатый помост загрохотал. Ни один рефери на свете не смог бы сдержать крик потрясённой толпы. Мастер лежал на спине, ноги его были согнуты в коленях, необъятная грудная клетка раздувалась и опускалась. Огромное тело совершало какие-то непроизвольные движения, но оставалось на том же месте и в том же положении. Вдруг ноги Мастера судорожно дёрнулись, и потом он затих. Было очевидно, что матч окончен.

— Восемь... девять... десять... Аут! — произнёс хронометрист, и под оглушительный рёв своих и чужих болельщиков Мастер из Кроксли стал просто Сайласом Крэгсом.

А Монтгомери стоял и изумлёнными глазами смотрел на рухнувшего колосса. Он единственный в этом зале ещё не понимал, что всё кончено. Очень смутно он слышал, будто выкрикивают его имя; и вроде бы рефери шёл к нему с протянутой рукой, но что это значило? Вдруг он заметил, как что-то летит на него. Он успел разглядеть только лицо фурии в огненном ореоле и тут же свалился от удара кулаком в переносицу. Лёжа рядом с бывшим противником, он слышал, как выражает своё возмущение Стэплтон и как визжит Анастасия, которую с трудом от него оттаскивали. Потом ему показалось, что в голове у него лопнула туго натянутая струна, и некоторое время он ничего не видел и не слышал.

Даже придя в чувство, он, как во сне, одевался, как во сне, пожимал дружелюбно протянутую руку Мастера и слушал, что тот говорит:

— Только что, малыш, я был готов свернуть тебе шею, но бой окончен, и мы уже не противники. Хорошо ты мне заехал. Только раз в жизни, в восемьдесят девятом году, я получил такой удар, во второй встрече с Билли Эдвардсом. А ты не хотел бы продолжать? Тогда тебе не найти тренера лучше меня. Хоть для бокса, хоть для старинного кулачного боя, без перчаток... Словом, если тебя это привлекает, пиши мне сюда, на чугунолитейный.

Монтгомери поблагодарил, сказал, что польщён предложением, но отказался. В эту минуту ему вручили приз — сто девяносто золотых соверенов в парусиновом мешке. Десять из них он тут же передал Мастеру, который, кроме того, получил обусловленную договором долю выручки за билеты.

Когда садились в коляску, Уилсон поддерживал его под правую руку, Пэрвис — под левую, а Фоссет нёс за ними мешок с деньгами. Вдоль всей дороги до шахтёрского посёлка, без малого семь миль стояли люди и восторженно приветствовали победителя. Это был триумф. Впрочем, триумфатор сошёл с колесницы на окраине.

Уилсон был в экстазе. Сначала он только восклицал:

— Ну и ну! Вот это да! Подумать только!

А потом сказал:

- Знаете Монтгомери, один парень в Барнсли считает себя первоклассным боксёром. Что, если вас с ним свести? Вы бы ему показали что почём. Приз, можно сказать, обеспечен, вас ведь теперь любой будет рад финансировать.
- Да я первый его поддержу против любого боксёра в среднем весе, сказал Пэрвис, независимо от возраста, происхождения и цвета кожи. Единственное условие двадцать раундов по три минуты.
- И я, разумеется, заявил Фоссет. Вы знаете, кто сидит с нами? Чемпион мира в среднем весе, вот кто.

Но Монтгомери был непоколебим.

- У меня другие планы, отвечал он на все эти лестные предложения.
- Какие тут могут быть планы?
- Мне предстоит завершить медицинское образование.
- Что за глупости! Докторов вокруг и так хоть пруд пруди, а вот кто ещё смог бы нокаутировать Мастера из Кроксли? Впрочем, дело ваше. Когда получите диплом, милости просим сюда. На уилсонских шахтах для вас всегда найдётся место.

Домой Монтгомери вернулся пешком и окольным путём. Судя по всему, доктор только

что вернулся: экипаж ещё стоял у крыльца, и лошади были порядком взмылены. Узнав, что в его отсутствие несколько пациентов ушли, не дождавшись ни его, ни Монтгомери, доктор пришёл в отвратительное настроение.

- Благодарю вас, мистер Монтгомери, что вы осчастливили меня и наконец вернулись, сказал он язвительно. Но осмелюсь высказать пожелание, чтобы в следующий раз вы брали выходной день в более подходящее время.
  - Я сожалею, сэр, что стал причиной некоторых неудобств.
  - Некоторых? Поверьте, это были весьма значительные неудобства.

Тут доктор впервые поднял глаза на своего собеседника.

— Господи, что с вами случилось? — воскликнул он, показывая на памятку, которую оставила на лице его помощника Анастасия.

Монтгомери отмахнулся:

- Так, пустяки...
- И на подбородке у вас синяк. Это недопустимо, чтобы мой помощник выглядел так неблагопристойно. Каким образом вы так украсились?
  - Вам известно, сэр, что сегодня в Кроксли был матч.
  - И вас понесло туда, к этим мужланам?
  - Да, я провёл среди них некоторое время.
  - Кто же вас так отметил?
  - Один из боксёров.
  - Кто именно?
  - Мастер из Кроксли.
  - Боже мой! Вы что, задели его чем-то?
  - Вы правы, сэр, я его слегка задел.
- Мистер Монтгомери, я очень сожалею, но вынужден заявить, что при том положении, которое я занимаю в нашем городе, при такой практике, как у меня, в самых респектабельных кругах, я не могу больше допустить, чтобы...

Эту речь прервал протяжный звук корнета, а за ним вступил и весь большой духовой оркестр уилсонских шахт. Выстроившись под окнами лаборатории, он славил героя торжественным гимном. Там же стояла толпа шахтёров с приветственным плакатом. Они подпевали оркестру.

Возмущению доктора Олдейкра не было предела.

- Что такое? Как это следует понимать?
- Это следует понимать так, доктор Олдейкр, что я заработал на плату за обучение. И я официально предупреждаю вас, сэр, что вам нужно немедленно искать себе нового помощника.

1899 г.

(перевод Э. Михалёвой)

НАЧАЛО ВОЕННОЙ КАРЬЕРЫ БИМБАШИ ДЖОЙСА

Случилась эта история в самый разгар магдизма. Начав подобно страшному наводнению своё движение от Больших Озёр и Дарфура, магдизм докатил свои волны до пределов Египта. Многие надеялись тогда, что сила удара уже ослаблена, но на самом деле движение было ещё в полном разгаре. В самом начале натиск магдизма был ужасен. Он без остатка поглотил армию Гордона и покатился вниз по Нилу, вслед за отступавшими британскими войсками. Влияние магдизма распространялось теперь на огромную территорию. Его передовые отряды заходили уже далеко на север, вплоть до Ассуана. Мало того, волны магдизма начали разливаться в восточном и западном направлениях — в Абиссинии и Центральной Африке. Удар, направленный на Египет, вследствие этого был несколько ослаблен. Переходное состояние длилось затем целых десять лет. Английские пограничные гарнизоны с тревогой вглядывались в туман над далёкими голубыми горами Донголы. Там, за фиолетовой дымкой, простиралась страна крови и ужаса.

И всё же время от времени находились смельчаки, пытавшиеся проникнуть за эти окутанные фиолетовой дымкой горы. Эти люди, правда, пускались в путь ради наживы, соблазнённые рассказами о богатствах таинственной страны. Но никто из них не вернулся назад.

Лишь однажды удалось добраться до наших передовых постов некоему египтянину. Он весь был искалечен. Другой раз нам довелось оказать помощь вернувшейся из-за гор гречанке. Женщина обезумела от ужаса и жажды. Только этих двоих и отдала нам страшная страна мрака.

Иногда, на рассвете, далёкие туманы, окутывавшие горы, окрашивались в ярко-красный цвет. И тогда горы становились чёрными. Проглядывая сквозь багряное пространство, они казались какими-то зловещими островами в море крови. Что-то угрюмое, страшное, символическое чудилось в этой картине, когда вы созерцали её, стоя на горных укреплениях возле Вади-Хальфы.

Десять лет напряжённой, затаённой работы в Каире, десять лет терпения и ожидания в Хартуме – и вот, наконец, приготовления закончились. Час настал. Цивилизация была готова снова двинуться на юг. По своему обыкновению она отправлялась в этот путь вооружённая с головы до пят. Готово было всё, от стратегических планов вплоть до вьючных и ездовых сёдел в каждом эскадроне верблюжьей «кавалерии», и однако же об этих приготовлениях никто не догадывался. Что ни говорите, неконституционная форма правления имеет свои преимущества. Приготовления устраивались двумя выдающимися людьми. Один из них был великим Государственным Деятелем, а другой – великим Воином. ** Государственный Деятель вёл переговоры, объяснял и убеждал там, где нельзя было приказать, готовил почву, а великий Воин всё организовывал и составлял план действий. Великий Воин был бережлив, входил во всё лично, и вследствие этого пиастров хватало там, где потребовались бы горы фунтов стерлингов. И вот однажды вечером эти два великих властителя дум сошлись и пожали друг другу руки, а затем великий Воин... исчез. Ему предстояло ещё кое-что сделать напоследок.

^{*} Махдизм (или по-старинному — магдизм) — фундаменталистское исламское движение в конце XIX века, в котором было провозглашено подчинение всех мусульман единому духовному и политическому лидеру maxdu (исламский аналог meccuu). Свою цель магдизм видел во вселенской войне с «неверными». Таким maxdu провозгласил себя в 1881 г. суданский проповедник Мухаммед ибн Абдаллах. В результате крупных военных побед ему удалось создать воинствующее фанатичное государство на огромной части территории Северной и Центральной Африки. Англичане смогли покончить с ним лишь в 1898 г. Эти события описываются в историческом романе немецкого писателя Вальтера Пюшеля «Боевой барабан Махди» (Walter Püschel. $Die\ Trommel\ des\ Mahdi$). Подготовке к уничтожению магдистского государства и посвящён данный, неожиданно юмористический, рассказ. ($\Pi.\Gamma.$)

^{**} Под титулом «великого Государственного Деятеля» здесь разумеется британский премьерминистр Роберт Солсбери. Титула «великого Воина» удостоен здесь лорд Китченер (он же генерал Гораций Герберт Китченер), фигурирующий в качестве героя сего рассказа. (Π . Γ .)

И как раз в эту самую пору в Каире и появился Гилари Джойс, офицер Красного Королевского полка. Он был на время прикомандирован к девятому Суданскому корпусу, в частях коего ему предстояло носить звание бимбаши.*

Наполеон однажды сказал – и Гилари Джойс был с ним в этом совершенно согласен, – что великим человека делает Восток. Именно за славой наш герой и устремился в Египет. Прибыл Джойс в Каир с четырьмя банками консервов в багаже (по правде сказать, это собственно и был весь его багаж), с положенной по уставу саблей, револьвером системы «Бонд» и одним экземпляром книги Грина «Начальный курс арабского языка». Неплохое основание дела – не так ли? А если ещё к тому же в жилах течёт молодая, горячая кровь, то сложностей вообще не предвидится.

Правда, он побаивался знаменитого генерала: ему приходилось не раз слышать, что обращение великого Воина с молодыми офицерами отличается особой суровостью. Но и это не беда. Джойс будет тактичным и любезным и столкновений с генералом избежит. Оставив свои вещи в гостинице, юный офицер отправился в штаб-квартиру доложить начальству о своём прибытии.

Однако Джойса принял не генерал, а начальник отдела разведки. Генерал, как выяснилось, отбыл по каким-то надобностям в Каир. Приветствовавший Джойса невысокий, плотный офицер на грозное начальство никак не походил: голос у него был мягкий и приятного тембра, выражение лица невозмутимое и даже кроткое. Но под этой безобидной наружностью скрывались на самом деле острый ум и несокрушимая воля. Добродушная улыбка и непритязательные манеры нисколько не мешали ему обходить и оставлять в дураках самых лукавых и хитрых арабов. Когда Джойс вошёл, начальник разведки стоял, сжимая в пальцах сигарету, и благосклонно глядел на молодого офицера.

- Я уже знаю, что вы приехали. Очень жаль, что вы не можете увидаться с генералом. Он в отъезде, но уж не обижайтесь: время теперь, сами понимаете, тревожное, на границе както неспокойно, так что у командующего сейчас дел невпроворот.
- Мой полк стоит у Вади-Хальфы. Полагаю, сэр, мне следует незамедлительно отправиться туда?
  - О, нет, нет, вы направитесь в другое место. На ваш счёт у меня уже есть предписание. Начальник разведки подошёл к географической карте и ткнул в неё кончиком сигареты.
- Видите точку? Это оазис Куркур. Боюсь, место покажется вам несколько скучноватым, но зато воздух там чудный. Отправляться вам туда следует не мешкая. В оазисе стоит рота девятого полка и пол-эскадрона кавалерии. Вам-то и поручается командование этим отрядом.

Гилари Джойс поглядел на карту. Оазис был обозначен в пункте пересечения двух чёрных линий. Кругом на пространстве нескольких дюймов никаких других точек на карте не было видно.

– Это деревня, сэр?

– Нет, это колодец. Или, если хотите, источник. Вода, кстати, прескверная, но к натрию быстро привыкаешь. Куркурский оазис – очень важный пункт. Он стоит в том месте, где пересекаются два караванных пути. Положим, теперь караваны не ходят, но приглядывать всё-таки надо.

- Понимаю, сэр. Разбойничьи набеги?
- Ну, говоря между нами, мы держим в Куркуре отряд не потому, что боимся набегов. Там и грабить-то нечего. Вашим делом будет перехватывать посланных. Им приходится заходить в оазис, чтобы запастись водой. Хотя вы только что приехали в Египет, но, наверное, положение дел вам известно. Очень уж многие недовольны англичанами. Халифа́** это тоже знает и, конечно, поддерживает сношения со здешними своими сторонниками. И опять-таки вот тут, начальник указал сигаретой на запад от Куркура, живёт некто Сенусси. Нет ничего

 $^{^*}$ Бимбаши («тысяченачальник») — воинское звание в турецкой и египетской армиях, примерно соответствует полковнику. Сам по себе факт, что молодой офицер, которому более пристало носить даже не капитанские, а лейтенантские погоны, оказался возведён в звание полковника (бимбаши), лишь один из множества штрихов, придающих всему повествованию юмористический оттенок. (Π . Γ .)

 $^{^{**}}$ Халифа́ – прозвище Абдаллаха ибн аль-Саида, преемника первого $\mathit{max}\partial u$, погибшего в 1885 г. (Π . Γ .)

мудрёного, если человек, посланный Халифой к этому Сенусси, зайдёт и к вам в Куркур. В общем, ваша обязанность — задержать любого, кто появится в расположении колодца. Задержать и допросить, и коли не окажется ничего подозрительного — отпустить на все четыре стороны. Вы кстати не говорите по-арабски?

- Нет, но я этот язык изучаю, сэр.
- Вот и славно. У вас там будет много времени и для изучения, и чтобы попрактиковаться. Кроме того, к вам прикомандирован офицер из туземцев. Звать его Мухаммед-Али или что-то в этом роде. Он говорит по-английски и будет служить вам переводчиком. Всего хорошего! Я доложу генералу, что вы сегодня же, не медля, отбыли к месту своего назначения. Он такой оперативностью будет доволен. Постарайтесь же его не разочаровать: генерал никогда не прощает провинившихся, но и об отличившихся всегда помнит.

Джойс ехал до Балиани поездом, а оттуда добирался на почтовом пароходе до Ассуана. Далее ему пришлось путешествовать два дня верхом на верблюде по Ливийской пустыне в сопровождении абабдехского проводника. Следом шли три верблюда с багажом. Утомительно было это путешествие, совершавшееся с поразительной неторопливостью — по две с половиной мили в час, но пространство, оказывается, покоряется даже и при таком бешеном темпе, и уже на третий вечер с вершины высокого холма Гилари Джойс разглядел в отдалении пальмовую рощу — небольшое зелёное пятнышко посреди безрадостной и беспощадной желтизны пустыни. Это и был Джебел-Куркур, порученный его заботам оазис.

Час спустя Джойс уже въезжал в маленький лагерь. Часовой отдал ему честь, а младший офицер из туземцев приветствовал его на безупречном английском. И Джойс с радостным облегчением прошёл в отведённые ему покои.

Оазис и в самом деле оказался далеко не самым весёлым местом и для постоянного обитания едва ли годился. Представьте себе небольшую, покрытую травой котловину. На самом дне её находились три колодца, наполненные тёмной и солоноватой водою. Стройные пальмы радовали глаз, но, увы, природа поместила эти сквозные кроны как раз там, где больше всего была необходима тень, так что и пальмы не служили поводом для радости. Единственным утешением оказалась раскидистая, тенистая акация. И когда было жарко, Гилари Джойс сидел под нею и дремал, а в часы прохлады он тут же устраивал смотры своим широкоплечим, длинноногим суданцам. С весёлыми чёрными лицами солдаты выглядели презабавно в своих маленьких, приплюснутых шапочках, напоминавших пирожки с рубленой свининой. Джойс нещадно муштровал своих подчинённых, но его солдатам нравилась муштра, и юный офицер вскоре полюбился своим суданцам. Одна только беда: день проходил за днём, и ничто вокруг не менялось — всё та же погода, всё тот же пейзаж, однообразие строевой муштры и удручающая своей убогостью еда — скудный солдатский паёк. Под конец третьей недели Джойсу уже стало казаться, будто он прожил здесь долгий ряд лет.

И вот вдруг случилась история, нарушившая монотонность этой жизни.

Был вечер. Солнце садилось. Гилари Джойс медленно ехал по старой караванной дороге. Эта узенькая тропинка производила на него странное, завораживающее впечатление. Извиваясь между камней, она уходила куда-то далеко-далеко, в самое сердце неведомой Африки. Сколько столетий двигались по этой дороге караваны бесчисленных верблюдов? Их копыта утоптали, утрамбовали эту тропинку до такой степени, что даже и теперь, заброшенная и пустынная, она по-прежнему всё вела куда-то. Что за странная дорога? Ширины в ней не более фута, а тянется она аж на две тысячи миль, а может, и больше.

«Интересно, сколько лет прошло с той поры, как по этой дороге прошёл последний странник, держа путь с юга на север?» – подумалось вдруг Джойсу, и, подняв глаза, он увидел идущего ему навстречу человека.

Сперва Джойс решил, что это кто-то из его солдат, но сразу же понял, что ошибся. Незнакомец был одет не в тесный солдатский мундир, а в развевающееся арабское одеяние. Он был очень высок ростом, а высокий тюрбан делал его чуть ли не гигантом. Шагал он быстро, гордо вскинув голову. Весь его облик давал понять, что этот человек не ведает страха.

Кто же он, этот странный великан, столь негаданно вынырнувший из страны неведомого? Быть может, лазутчик, за которым следует по пятам вооружённая копьями дикая орда? И откуда он идёт? Ведь ближайший колодец за сотни миль отсюда! Как бы то ни было,

но Куркурский оазис отныне не принимает случайных гостей. Гилари Джойс, повернув коня, помчался обратно в лагерь, поднял тревогу и через пять минут, во главе двадцати всадников, направился по дороге навстречу незнакомцу.

А тот, не подозревая об этих недружелюбных приготовлениях, не прекращал идти вперёд. Завидев всадников, он на секунду остановился в нерешительности, но потом снова продолжил путь. Бежать было некуда, и араб шёл с видом человека, которому, как говорят французы, приходится строить хорошую мину при дурной игре. Он не сопротивлялся, когда двое солдат, перегнувшись с сёдел, крепко взяли его за плечи, и молча двинулся в лагерь, шагая между двумя лошадьми. Остальной отряд, осмотрев окрестности, ничего подозрительного не обнаружил. Незнакомец был один. Только невдалеке от дороги был найден труп великолепного верхового верблюда. Тайна появления загадочного пешехода, таким образом, разъяснилась, но зачем, куда и откуда он шёл? Джойсу, однако, было отлично известно, что для разгадывания таких секретов его сюда и послали.

Молодой бимбаши, правда, изрядно огорчился, убедившись, что дервиши не грозят набегом Куркуру. О, его карьера в египетской армии быстро бы двинулась вперёд, случись ему дать неприятелю маленькое сражение! Впрочем, и без того ему представился редкий повод выдвинуться. Теперь-то уж он покажет свои таланты начальнику военной разведки и даже самому́ суровому генералу, который не прощает офицерам промахов и ошибок, а умных и находчивых любит и ценит.

Задержанный, коли судить по наряду и осанке, — важная птица. К тому же, в распоряжении простого путника едва ли мог оказаться чистокровный верховой верблюд. Джойс обтёр себе лицо мокрой губкой, выпил чашку крепкого кофе и, надев вместо полотняного шлема нарядную феску, которую в Египетском корпусе носили только в качестве сугубо парадного головного убора, пошёл под акацию — вершить суд и следствие над пленником.

Ах, как бы ему хотелось, чтобы его сейчас увидели родные да друзья! Слева и справа от него стоят навытяжку два чёрных ординарца, рядом сидит офицер-туземец. Сам он, Гилари Джойс, сидит за столом. Пленника, окружённого стражей, подвели к столу. Араб красивый собой мужчина, со смелыми серыми глазами и длинной чёрной бородою.

– Это ещё что такое? – крикнул Джойс. – Ты, негодяй, смеешь строить мне рожи?!

И, в самом деле, лицо арестованного внезапно свело словно судорогой, но произошло это так быстро, что в следующий миг физиономия араба снова приняла чрезвычайно степенное, исполненное достоинства выражение, как то подчас свойственно только жителям Востока.

– Спросите-ка его, кто он такой и что ему нужно?

Офицер-египтянин повиновался, но арестованный молчал. Только та же судорога на секунду исказила его лицо.

– Чорт знает что за наглость! – возмутился судья. – Негодяй мне ещё и подмигивает! Кто ты, плут, такой? Отвечай! Ты меня слышишь?

Но пришелец из пустыни был так же глух к английскому, как и прежде к арабскому. Напрасно задавал ему вопросы египетский офицер. Арестованный не обращал на него ни малейшего внимания и продолжал глядеть только на Джойса, Взгляд его оставался совершенно непроницаемым, по временам он строил гримасы, но рта так ни разу и не раскрыл.

Бимбаши в замешательстве почесал в затылке.

- Послушайте, Мухаммед-Али, мы всё-таки должны добиться от него какого-то толку. Вы говорите, при нём никаких бумаг не было?
  - Нет, сэр, мы его тщательно обыскали, но ничего при нём не нашли.
  - Ну и что вы думаете?
- Прибыл он, сэр, должно быть, издалека. Верхового верблюда загнать нелегко. Самое близкое место, откуда он мог явиться, это Донгола.
  - Ну, так мы его, голубчика, заставим говорить!
  - А вдруг он глухонемой?
- Какое там! Впервые в жизни встречаю такого наглого плута. Он нам просто морочит голову.

- Так отправим его в Ассуан.
- Благодарю покорно, это чтобы другие воспользовались моей удачей? Нет уж, эту птицу я изловил. Вопрос только в том, как заставить его говорить?

Тёмные глаза офицера-туземца обежали весь лагерь и остановились на огне кухонного очага.

- Если, ваше благородие, позволите, то... произнёс он, глядя сперва на арестованного араба, а потом на огонь.
- Ну нет, так не годится, замялся Гилари Джойс. Это чересчур, ей-Богу, это слишком
  - Немножко-то можно, продолжал настаивать египтянин.
- Ни за что! Если бы это можно было сделать по-семейному, тогда бы куда ни шло, а что мы станем делать, если дело дойдёт до Лондона? прошептал Джойс, но потом добавил: Ну, а попугать-то его мы, во всяком случае, можем, тут беды никакой не будет.
  - Конечно, не будет, сэр.
- Вы двое, бимбаши повернулся к двум ближайшим солдатам, снимите-ка с этого молодчика плащ! А вы, сержант, положите подкову в огонь да раскалите её докрасна!

Суданцы принялись исполнять приказание. Араб молча следил за ними, но и не думал пугаться. Хуже того, он вроде бы даже улыбнулся. И когда к нему приблизился чернокожий сержант, держа на двух штыках раскалённую докрасна подкову, он и глазом не моргнул.

– Ну, что? Заговоришь ли ты теперь, каналья? – свирепо закричал Джойс на пленника.

Араб любезно, чуть ли не ласково улыбнулся и, отрицательно мотнув головой, провёл рукой по своей бороде.

- А, дьявол! Да бросьте же вы эту проклятую подкову! завопил Джойс, вскакивая со стула. Запугивать его без толку. Он знает, что мы не будем его пытать. Но что я могу сделать и уж непременно сделаю... Скажите-ка ему, Али, что коли он не заговорит завтра поутру, я его так высеку, что всю шкуру у него со спины сдеру, не будь я Гилари Джойс! Перевели?
  - Так точно, сэр.
- Отлично, а теперь, красавчик, ступай-ка себе спать. Желаю приятных сновидений, а также сладких помышлений о том, что день грядущий тебе готовит!

На этом допрос закончился. Стража увела арестанта. На ужин ему дали риса и воды.

Гилари Джойс был добрейшим человеком и потому целую ночь не мог глаз сомкнуть. Он с ужасом думал, что ему придётся-таки высечь араба. Эта мысль мучила его, он ворочался с боку на бок, и сон никак не приходил. Очень ему хотелось надеяться, что дело ограничится пустяками и что от одного вида ремённых плёток пленник наконец перестанет упрямиться.

«А что, если вдруг окажется, что он и впрямь немой? За что ж его тогда сечь-то?» – вдруг подумалось Джойсу, и эта мысль так разволновала его, что он окончательно решил не трогать арестованного, а просто-напросто отправить его в Ассуан, пусть это и рушило все его честолюбивые планы.

Пока Джойс на все лады предавался сим размышлениям, вопрос разрешился вдруг сам собою. В палатку к нему вбежал Мухаммед-Али.

- − Сэр! крикнул он. Пленник исчез!
- Как исчез?!
- Бежал, сэр! И вместе с ним исчез наш лучший верблюд. В палатке пленного прорезана дыра! И бежал он, видать, давно.

Гилари Джойс со всем рвением принялся за розыски. Кавалерия изъездила все окрестности. Суданцы рыскали всюду, осматривая следы и выискивая араба. Но всё зря. Беглец словно испарился.

С тяжёлым сердцем Гилари Джойс написал о происшедшем официальный рапорт и отправил его в Ассуан. Через пять дней от генерала получили краткий приказ, который предписывал Джойсу незамедлительно явиться и сделать личный доклад. Скверно почувствовал себя молодой офицер. От сурового начальника, который не щадил ни себя, ни других, оставалось ждать только самого худшего.

И вот самые скверные его предчувствия не замедлили оправдаться. Измученный дорогой, усталый он явился под вечер в штаб-квартиру генерала. За столом, заваленным

бумагами и картами, сидели, погружённые в раздумья, старый генерал и начальник его разведки. Гилари Джойса, разумеется, ждал самый холодный приём. Генерал сказал:

- Итак, капитан Джойс, вы, насколько я понял, позволили себе упустить из рук чрезвычайно важного пленника?
  - Виноват, сэр. Я крайне сожалею.
- Не сомневаюсь, что сожалеете, но дела этим не исправишь. Вы хоть что-нибудь узнали от него прежде, чем он сбежал?
  - Нет, сэр.
  - Вот как! И почему же?
  - Он упорно молчал, сэр.
  - И что же? Вы не пробовали его разговорить?
  - Да, сэр, я сделал всё, что мог.
  - Что именно?
  - Я пригрозил ему пыткой, сэр.
  - А он?
  - Всё так же молчал, сэр.
  - Каков он был из себя?
  - Высокого роста, по всей видимости, головорез, сэр.
  - Его приметы?
- Длинная чёрная борода и серые глаза. Да ещё странность: то и дело то ли гримасничает, то ли подмигивает.

Генерал заговорил сурово, неумолимо:

- Ну-с, капитан Джойс, я не могу вас поздравить с удачным началом службы в Египте. Вам, конечно, известно, что я особо подбираю себе офицеров, а выбор у меня, знаете ли, большой вся Британская армия. Все просятся сюда ко мне, и я должен поэтому быть очень требователен и строг. Несправедливо будет, если я стану держать у себя неаккуратных офицеров в то время, как достойные ждут вакансий. Если не ошибаюсь, вы командированы сюда из Красного Королевского?
  - Так точно, сэр.
  - Не сомневаюсь, что полковник будет рад вашему возвращению.

Тяжесть легла на сердце Джойсу. Он стоял и молчал.

– Моё окончательное решение вы узнаете завтра, – сказал генерал.

Джойс отдал честь и повернулся через левое плечо, чтобы идти... И вдруг он слышит слова, сказанные ему в спину, да к тому же по-арабски:

– Отлично, а теперь, красавчик, ступай-ка себе спать. Желаю приятных сновидений, а также сладких помышлений о том, что день грядущий тебе готовит!

Джойс оборачивается вне себя от изумления. Генерал стоит и смеётся. С ним вместе хохочет и начальник военной разведки.

Джойс потрясён: где он слышал эти слова и из чьих уст?

Он глядит на высокую статную фигуру генерала, видит его непроницаемые серые глаза и...

– Боже мой! – восклицает он.

Генерал подходит и, протягивая ему руку, говорит:

- Теперь мы с вами квиты, капитан Джойс! Вы, признаюсь, заставили меня пережить весьма неприятные минуты, когда придумали свой трюк с этой дурацкой подковой. Что ж, думаю, возвращая вам долг, я не хватил через край! Ну, а теперь скажу вам прямо, что отпускать вас в Красный Королевский полк у меня нет ни малейшего желания.
  - Но, сэр, да, но...
- Уверяю вас, чем меньше вы будете задавать мне вопросов, тем лучше. Хотя, несомненно, история эта вас не может не удивлять. Кое-что, пожалуй, я всё-таки могу разъяснить. На территории, контролируемой дервишами, проживает один полезный нам человек, мусульманин и торговец, чей род занятий требует постоянных разъездов... Вот мне и надо было с ним обстоятельно переговорить. Когда же я уже собирался из знатного араба превратиться обратно в генерала, я решил вернуться через Куркур, зная, что там стоит наш гарнизон под командой британского офицера... Вы думали, что я вам строю рожи, но теперь-

то вы понимаете, что я вам попросту подмигивал? Мне нужно было поговорить с вами без свидетелей.

- О, да, сэр! Теперь я начинаю понимать...
- Я никак не мог иначе. Откройся я вам при солдатах, где уж мне было бы после этого вновь щеголять в арабском бурнусе, нацепив фальшивую бороду! А ведь это кто знает? может ещё понадобиться. Вы поставили меня в очень неловкое положение. К счастью, мне удалось переговорить наедине с вашим переводчиком, он-то и устроил мой побег.
  - Как? Так, значит, Мухаммед-Али?..
- Да, да. Я велел ему помалкивать. Мне, знаете ли, просто было необходимо взять над вами реванш... Капитан Джойс, мы обедаем в восемь часов. Живём мы здесь, разумеется, просто, но всё-таки смею думать, что смогу угостить вас получше, чем вы тогда попотчевали меня в Куркуре.

1898 г.

(перевод Павла Гелевы)

ИУДЕЙСКИЙ НАПЕРСНИК

Мой учёный друг Уорд Мортимер был известен как один из лучших специалистов своего времени в области археологии Дальнего Востока. Он написал немало трудов на эту тему, два года провёл в гробнице в Фивах, когда производил раскопки в Долине Царей, и, наконец, сделал сенсационное открытие, раскопав предполагаемую мумию Клеопатры во внутренней усыпальнице храма бога Гора на острове Филе. Ему, сделавшему себе к тридцати одному году имя в науке, прочили большую карьеру, и никого не удивило, когда он был выбран хранителем музея на Белмор-стрит. Вместе с этой должностью он получал место лектора в Колледже ориенталистики и доход, который снизился с общим ухудшением дел в стране, но тем не менее попрежнему представляет собой идеальную сумму — большую настолько, чтобы служить стимулом для исследователя, но не настолько, чтобы размагнитить его.

Лишь одно обстоятельство делало положение Уорда Мортимера в музее на Белморстрит немного щекотливым — исключительно высокая научная репутация его предшественника. Профессор Андреас был серьёзным учёным с европейским именем. Его лекции слушали студенты со всех концов света, а образцовый порядок, в котором он содержал музейную коллекцию, доверенную его заботам, стал притчей во языцех в учёных кругах. Поэтому, когда он в возрасте пятидесяти пяти лет неожиданно отказался от своей должности и сложил с себя обязанности, которые были для него и отрадой, и средством к существованию, его решение вызвало немалое удивление. Он с дочерью съехал с удобной квартиры при музее, предназначенной для хранителя, и в ней поселился мой неженатый друг Мортимер.

Узнав о назначении Мортимера, профессор Андреас написал ему очень любезное и лестное поздравительное письмо. Я присутствовал при их первой встрече и вместе с Мортимером совершал обход музея в тот раз, когда профессор показывал нам восхитительную коллекцию, которую он столько лет лелеял. В этом осмотре нас сопровождали дочь профессора, настоящая красавица, и молодой человек, капитан Уилсон, который, как я понял, должен был вскоре стать её мужем. Всего в музее имелось пятнадцать залов, но лучше всех были вавилонский, сирийский и Центральный зал, в котором хранились иудейские и египетские древности. Профессор Андреас, спокойный, суховатый пожилой человек с чисто выбритым лицом, держался бесстрастно, но его чёрные глаза начинали сверкать, а на лице появлялось восторженное выражение, когда он показывал нам особенно прекрасные и редкостные экспонаты. Его рука с такой любовью задерживалась на них, что сразу было видно, как он гордится ими и как горюет теперь в глубине души, передавая их на попечение другому человеку.

Он поочерёдно демонстрировал нам мумии, папирусы, редкие изображения священных скарабеев, резные надписи, иудейские древности и копию знаменитого светильника о семи ветвях из иерусалимского храма, который был доставлен Титом в Рим и который покоится сейчас, как полагают некоторые, на дне Тибра. Затем профессор Андреас подошёл к витрине, расположенной в самом центре зала, и склонился над стеклом в благоговейной позе.

— Для такого знатока, как вы, мистер Мортимер, тут нет ничего нового, — сказал он, — но, полагаю, вашему другу мистеру Джексону будет интересно взглянуть вот на это.

Нагнувшись над витриной, я увидел небольшой прямоугольный предмет: двенадцать драгоценных камней в золотой оправе с двумя золотыми крючками на углах. Все камни были разные и разного цвета, но одинаковой величины. По форме, порядку расположения и последовательности тонов эти камни чем-то напоминали коробку акварельных красок. На поверхности каждого камня имелась какая-то иероглифическая надпись.

- Известно вам, мистер Джексон, что значит урим и туммим?

Название было мне знакомо, но я очень смутно представлял, что это такое.

— Урим и туммим, или наперсник, — это украшенная драгоценными камнями пластина, которую носил на груди иудейский первосвященник. Иудеи относились к этой святыне с величайшим почтением — подобное же почтение мог питать древний римлянин к «сивиллиным книгам» в Капитолии. Как видите, здесь двенадцать великолепных камней с вырезанными на них тайными знаками. Начиная с левого угла верхнего ряда, камни идут в

таком порядке: сердолик, хризолит, изумруд, рубин, лазурит, оникс, сапфир, агат, аметист, топаз, аквамарин и яшма.

- Я был поражён разнообразием и красотой драгоценных камней.
- Известна ли история этого наперсника? спросил я.
- Он очень древний, и ему нет цены, ответил профессор Андреас. Хотя нельзя утверждать наверняка, есть много оснований считать, что это подлинный урим и туммим из иерусалимского храма, построенного Соломоном. Ни в одной европейской коллекции нет подобного сокровища. Мой друг капитан Уилсон специалист-практик по драгоценным камням, и он подтвердит, какой чистой воды эти камни.

Капитан Уилсон, мужчина со смуглым, резко очерченным лицом, стоял рядом со своей невестой по другую сторону витрины.

- Да, коротко сказал он. Лучших камней я не видал.
- А посмотрите, какая ювелирная работа! Древние достигли совершенства в искусстве... Наверное, он хотел обратить моё внимание на отделку оправы камней, но тут его перебил капитан Уилсон.
- Ещё лучший образчик их ювелирного искусства вот этот светильник, проговорил он, поворачиваясь к другой витрине, и все мы разделили его восхищение резным стеблем светильника и изящно украшенными ветвями. Профессор Андреас повёл нас дальше, и я с интересом непосвящённого слушал пояснения этого великого знатока, рассказывающего о музейных редкостях; когда же наконец по завершении экскурсии он официально препоручил эту бесценную коллекцию заботам моего друга, я невольно пожалел профессора и позавидовал его преемнику, чья жизнь станет проходить в отправлении столь приятных обязанностей. Вскоре Уорд Мортимер удобно устроился в своей новой квартире и стал полновластным хозяином музея на Белмор-стрит.

А недели через две мой друг устроил по случаю своего назначения небольшой обед в кругу нескольких приятелей-холостяков. Когда гости расходились, он потянул меня за рукав и сделал знак, чтобы я задержался.

- Вы живёте в двух шагах отсюда, сказал он. (Я жил тогда в меблированных комнатах в Олбани, этом знаменитом доме на Пиккадилли).
- Останьтесь, выкурите со мной в тишине сигару. Мне очень нужно посоветоваться с вами.

Я погрузился в кресло и раскурил ароматную «матрону». Проводив последнего гостя, он вернулся, сел в кресло напротив и достал из кармана домашней куртки какое-то письмо.

- Это анонимное письмо я получил сегодня утром, начал он. Я хочу прочесть его вам и получить от вас совет.
  - Охотно, если только мой совет чего-то стоит.
- Так вот, там написано следующее: «Милостивый государь, я бы настоятельно рекомендовал Вам самым внимательным образом следить за многочисленными ценностями, доверенными Вашему попечению. Я полагаю, что существующая ныне система охраны с одним-единственным ночным сторожем недостаточна. Примите меры предосторожности, пока не произошло непоправимое несчастье».
  - И это всё?
  - Да, всё.
- Ну что ж, сказал я, во всяком случае очевидно, что письмо написал человек, которому известно, что ночью музей охраняет только один сторож, а знают об этом немногие.

Уорд Мортимер с загадочной улыбкой протянул мне письмо.

- Вы знаете толк в почерках? спросил он. Вот взгляните на это! Он выложил на столик передо мной ещё одно письмо. Сравните хвостик у «д» в словах «поздравляю» и «доверенными». И написание заглавного « $\mathbf{A}$ », а так же эти точки, больше похожие на чёрточку, в обоих письмах!
- Оба безусловно написаны одной рукой правда, в первом автор пытался изменить почерк.
- А второе, сказал Уорд Мортимер, это поздравительное письмо, которое написал мне профессор Андреас по случаю моего назначения на должность хранителя.

Я удивлённо уставился на него. Затем перевернул страницу — и точно, в конце письма

стояла подпись «Мартин Андреас». Для человека, хоть мало-мальски знакомого с графологией, не могло быть никакого сомнения в том, что профессор написал своему преемнику анонимное письмо, предостерегая его от грабителей. Это было непонятно, но факт остаётся фактом.

- Зачем понадобилось ему это делать? спросил я.
- Именно этот вопрос я хотел задать вам. Раз у него появились такие опасения, почему бы ему не прийти и не высказать мне их прямо?
  - Вы поговорите с ним?
  - Просто не знаю, как быть. А вдруг он станет отрицать, что написал это?
- Как бы то ни было, сказал я, предостережение сделано в дружеском духе, и я бы на вашем месте обязательно принял его к сведению. Достаточно ли надёжны теперешние меры предосторожности? Гарантируют ли оне от ограбления?
- Думаю, что да. Публика допускается только с десяти до пяти, и на каждые два зала приходится по смотрителю. Они стоят в дверях между залами и держат в поле зрения всё их пространство.
  - А ночью?
- Как только уходят посетители, мы тотчас же закрываем большие железные ставни, которые не сможет взломать никакой грабитель. У нас опытный и добросовестный ночной сторож. Он сидит в караульной, но каждые три часа совершает обход. В каждом зале оставляется включённой на всю ночь одна электрическая лампочка.
- Не представляю, что бы можно было предпринять ещё, разве что оставлять на ночь ваших дневных стражей.
  - Это нам не по средствам.
- Во всяком случае, я бы обратился в полицию пусть они поставят полицейского снаружи, на Белмор-стрит, заметил я. Что до письма, то я считаю так: раз автор пожелал остаться неизвестным, это его право. Может быть, в будущем разъяснится, почему он избрал столь странный образ действий.

На том наш разговор и закончился, но, вернувшись домой, я всю ночь ломал голову, пытаясь разгадать мотивы, побудившие профессора Андреаса написать своему преемнику анонимное письмо с предостережением, а в том, что письмо написал он, я был уверен так же, как если бы застал его за этим занятием. Он явно предвидел какую-то опасность для музейной коллекции. Не из-за этого ли он и отказался от должности хранителя? Но если так, почему он не решился предупредить Мортимера лично? Тщетно искал я ответа на эти вопросы, пока наконец не погрузился в тревожный сон.

Проснулся я позже обычного, разбуженный весьма необычным и энергичным способом: часов в девять утра в спальню ворвался мой друг Мортимер с выражением ужаса на лице. Обычно он являл собой образец аккуратности, но сейчас воротник у этого аккуратиста загнулся, галстук выехал наружу, а шляпа сидела на затылке. Я всё понял по его безумным глазам.

- Ограблен музей?! воскликнул я, рывком приподнимаясь в постели.
- Боюсь, что да! Те драгоценные камни! Урим и туммим! он проделал весь путь бегом и теперь не мог перевести дух. Я иду в полицейский участок. Как можно скорее, Джексон, приходите в музей! Пока! Он как угорелый выскочил из комнаты, и я услышал, как загромыхали его башмаки вниз по лестнице.

Я не заставил себя долго ждать, но по прибытии увидел, что он уже вернулся с полицейским инспектором и ещё с одним пожилым джентльменом — мистером Первисом, одним из партнёров известной ювелирной фирмы «Морсон и компания». Как специалист по драгоценным камням, он всегда был готов проконсультировать полицию. Они сгрудились вокруг витрины, в которой экспонировался наперсник иудейского первосвященника. Сам наперсник был вынут и положен сверху на витринное стекло, и три головы склонились над ним

— Вне всякого сомнения, кто-то приложил к нему руку, — говорил Мортимер. — Мне это сразу бросилось в глаза, когда я проходил сегодня утром по залу. Я осматривал наперсник вчера вечером, так что это наверняка произошло в течение ночи.

Сомнений и впрямь быть не могло, кто-то явно поработал над наперсником. Оправы

четырёх камней верхнего ряда — сердолика, хризолита, изумруда и рубина — были шероховаты и зазубрены, как будто кто-то скоблил их. Камни остались в своих гнёздах, но прекрасная ювелирная отделка, которой мы восхищались совсем недавно, была грубо повреждена.

- Сдаётся мне, кто-то пытался выковырять камни, предположил полицейский инспектор.
- Боюсь, не только пытался, но и преуспел, сказал Мортимер. Думается мне, эти четыре камня искусная подделка. На место подлинных камней вставлены фальшивые.

Очевидно, эта же мысль пришла в голову и эксперту-ювелиру, так как он внимательно рассматривал камни через лупу. Затем он подверг их нескольким испытаниям и наконец с довольным видом повернулся к Мортимеру.

— Могу вас поздравить, сэр, — с искренней радостью сказал он. — Я ручаюсь своей репутацией, что все четыре камня подлинные и удивительной чистоты.

Испуганное лицо моего бедного друга просветлело, и из его груди вырвался глубокий вздох облегчения.

- Слава Богу! воскликнул он. Только непонятно, что же тогда было нужно вору?
- Вероятно, он хотел взять камни, но ему помешали.
- В этом случае логичнее предположить, что он вынимал бы по одному, но все камни здесь, хотя оправа отогнута, и их легко было вынуть из гнезда.
- Да, всё это в высшей степени странно, произнёс инспектор. Никогда не слыхал ни о чём подобном. Давайте теперь допросим сторожа.

Позвали сторожа, мужчину с солдатской выправкой и честным лицом, которого этот случай, похоже, обеспокоил не меньше, чем Уорда Мортимера.

- Нет, сэр, я не слышал ни одного звука, ответил он на вопрос инспектора. Как всегда, я четыре раза обошёл все залы, но не заметил ничего подозрительного. Вот уже десять лет, как я тут работаю, но ничего такого раньше не случалось.
  - Через окно вор не мог залезть?
  - Никак не мог, сэр.
  - А проскользнуть мимо вас в дверь?
  - Нет, сэр; я покидал свой пост у входа, только когда делал обход.
  - Каким ещё путём можно попасть в музей?
  - Через дверь из квартиры мистера Уорда Мортимера.
- Ночью эта дверь заперта, пояснил мой друг. И прежде чем добраться до неё, злоумышленник должен был бы также проникнуть с улицы через входную дверь ко мне в квартиру.
  - Как насчёт ваших слуг?
  - У них совершенно отдельное помещение.
- Так, так, заключил инспектор, дело очень тёмное. Однако же, как уверяет мистер Первис, похищения не было.
  - Я готов поклясться, что эти камни подлинные.
- Итак, дело, похоже, сводится к злоумышленному причинению вреда. Тем не менее я бы очень хотел облазить здесь все помещения и посмотреть, не оставил ли ваш ночной посетитель каких-нибудь следов.

Его расследование, весьма тщательное и умелое, продолжалось всё утро, но в конечном счёте так ничего и не дало. Он обратил наше внимание на то, что в залы можно проникнуть ещё двумя способами, не принятыми нами в расчёт: из подвала через люк в коридоре и из чулана наверху через световое окно в потолке того самого зала, где орудовал незнакомый гость. Поскольку и в подвал, и в чулан вор мог попасть только в том случае, если он уже проник внутрь запертого помещения, практического значения это всё равно не имело. Кроме того, слой пыли в подвале и на чердаке убедил нас в том, что ни одним их этих путей вор не воспользовался. В конце осмотра мы знали не больше, чем в начале. Кто, каким образом и зачем повредил оправу четырёх драгоценных камней, так и осталось полной загадкой без единого ключа к её решению.

Мортимер решил воспользоваться единственной имевшейся у него возможностью пролить свет на это дело. Предоставив полиции продолжать тщетные поиски, он пригласил

меня сразу же отправиться вместе с ним к профессору Андреасу. Захватив с собой оба письма, Мортимер намеревался в открытую обвинить своего предшественника в том, что это его рукой написано анонимное предупреждение, и потребовать, чтобы он объяснил, как мог он столь точно предвидеть то, что произошло в действительности. Профессор жил на небольшой вилле под Лондоном, в местечке Аппер-Норвуд, но служанка сказала, что хозяин уехал. Видя разочарование на наших лицах, она спросила, не хотим ли мы поговорить с мисс Андреас, и проводила нас в скромно обставленную гостиную.

Я уже упомянул мимоходом, что дочь профессора была настоящая красавица — высокая и стройная девушка со светлыми волосами и нежной кожей того оттенка, который французы называют «матовым» и который напоминает цвет самых светлых лепестков чайной розы. Однако, когда она вошла, я был поражён тем, как сильно она изменилась за каких-нибудь полмесяца. Её юное личико осунулось, блестящие глаза потухли, затуманенные тревогой.

- Отец в Шотландии, сказала она. Он переутомился и слишком много переживал. Уехал он только вчера.
  - У вас самой, мисс Андреас, утомлённый вид, заметил мой друг.
  - Я так волновалась за отца.
  - Вы можете дать мне его адрес в Шотландии?
- Да, он гостит у брата, преподобного Дэвида Андреаса. Его адрес: Ардроссан, Арранвиллас, один.

Уорд Мортимер записал адрес, и мы ушли, ничего не сказав о цели нашего визита. Вечером мы вернулись на Белмор-стрит в таком же полном неведении, в каком пребывали утром. Нашим единственным ключом к разгадке случившегося было письмо профессора, и мой друг решил завтра же ехать в Ардроссан и узнать всю правду про анонимное письмо, но тут случилось новое происшествие, которое изменило наши планы.

Назавтра меня чуть свет разбудил лёгкий стук в дверь моей спальни. Это был посыльный с запиской от Мортимера.

«Приходите, — гласила записка. — Дело приобретает всё более странный оборот».

Явившись на его зов, я застал Мортимера, возбуждённо расхаживающим взад и вперёд по Центральному залу, в то время как старый солдат-охранник стоял навытяжку в углу.

- Дружище Джексон, воскликнул Мортимер, как же я рад, что вы пришли! Тут происходят совершенно необъяснимые вещи.
  - Так что же случилось?
  - Вот взгляните, сказал он, махнув рукой в сторону витрины, где лежал наперсник.
- Я взглянул и не смог сдержать возгласа удивления. Теперь и у среднего ряда драгоценных камней была повреждена оправа точно так же, как у верхнего. Кто-то грубо приложил руку к восьми камням из двенадцати. У четырёх нижних камней оправа была ровной и гладкой. У всех остальных неровной и зазубренной.
  - Камни не подменили? спросил я.
- Нет, я уверен что эти четыре из верхнего ряда те же, которые признал подлинными эксперт. Вчера я обратил внимание на это маленькое светлое пятнышко сбоку у изумруда. Раз воры не подменили верхние камни, не думаю, чтобы они подменили средние. Значит, вы ничего не слышали, Симпсон?
- Нет, сэр, ответил сторож. Но когда я делал на рассвете очередной обход, я нарочно подошёл посмотреть на эти камни и сразу увидел, что кто-то их трогал. Тогда я кликнул вас, сэр, и сообщил вам. Ночью я делал обходы и не видел ни души, не слыхал ни единого звука.
- Пойдёмте позавтракаем, предложил Мортимер и проводил меня в свои личные апартаменты. Ну, что вы об этом думаете, Джексон? спросил он.
- Это самая бессмысленная, пустая и дурацкая затея, о которой я когда-либо слышал. На такое способен только маньяк.
  - Можете вы выдвинуть какую-нибудь гипотезу?
- Мне пришла в голову любопытная мысль. Вот послушайте. Ведь этот предмет иудейская реликвия, очень древняя и почитаемая священной, сказал я. А что, если это дело рук антисемитов? Предположим, какой-нибудь антисемит-фанатик решил осквернить...
  - Нет, нет! воскликнул Мортимер. Эта версия никуда не годится! Такой

фанатик мог бы в своём безумии не остановиться перед уничтожением иудейской реликвии, но с какой стати стал бы он так тщательно обцарапывать оправу вокруг этих камней, что ночи ему хватало только на четыре камня? Нам нужна подлинная разгадка, и найти её должны мы сами, потому что наш инспектор, боюсь, плохой помощник в этом деле. Прежде всего, что вы думаете о Симпсоне, нашем стороже?

- У вас есть какие-нибудь основания подозревать его?
- Никаких, помимо того, что это единственный человек, который остаётся ночью в музее.
- Но зачем ему заниматься столь бессмысленной порчей? Ничего ведь не украдено. У него нет мотива.
  - Мания?
  - Нет, с головой у него всё в порядке, готов поручиться.
  - Есть у вас ещё кто-нибудь на примете?
  - Вот вы, например. Вы случайно не страдаете сомнамбулизмом?
  - Боже упаси!
  - Тогда я сдаюсь.
  - А я нет, и у меня есть план, который поможет нам докопаться до истины.
  - Наведаться к профессору Андреасу?
- Нет, мы найдём разгадку ближе, чем в Шотландии. Знаете, что мы с вами сделаем? Помните то окно в потолке центрального зала? Мы включим в зале все электрические лампочки, а сами станем наблюдать из чулана, и загадка разрешится. Если наш таинственный гость за один раз справляется с четырьмя камнями, есть все основания считать, что сегодня ночью он вернётся, чтобы завершить свою работу.
  - Превосходно! воскликнул я.
- Мы сохраним этот план в тайне и не будем ничего говорить ни полицейским, ни Симпсону. Составите мне компанию?
  - С величайшим удовольствием, сказал я. На том мы и порешили.

В десять вечера я вернулся в музей на Белмор-стрит. Мортимер, как я заметил, с трудом сдерживал нервное возбуждение, но было слишком рано начинать наше ночное дежурство, так что мы ещё около часа пробыли у него в квартире, обсуждая всевозможные версии для объяснения странной истории, тайну которой мы собрались разгадать. Наконец уличный шум — громыхание многочисленных фиакров и торопливое шарканье ног прохожих — стал стихать: расходились по домам последние запоздалые любители развлечений. Было около полуночи, когда мы отправились — Мортимер впереди, а следом я — в чулан над центральным залом музея.

Мортимер уже побывал тут днём и постелил на пол мешковину, поэтому мы могли удобно расположиться и следить за тем, что будет происходить в музее. Стекло в окне не было матовым, но на нём накопилось столько пыли, что человек, который посмотрел бы вверх из зала, ни за что бы не заметил, что за ним наблюдают. Мы очистили стекло от пыли по углам, и через эти глазки хорошо просматривался весь зал, что находился под нами. В холодном белом свете электрических ламп все предметы в зале обрели особую чёткость и резкость очертаний, и я мог разглядеть содержимое различных витрин в мельчайших подробностях.

Подобное ночное бдение поучительно в познавательном отношении, так как тут уж волей-неволей внимательно разглядишь и те предметы, мимо которых обычно проходишь без особого интереса. Прильнув к своему маленькому глазку, я подолгу изучал каждый экспонат, начиная от огромного футляра для мумии, прислонённого к стене, и кончая теми драгоценными камнями, из-за которых мы очутились здесь и которые сверкали и переливались сейчас в стеклянной витрине прямо под нами. В многочисленных витринах этого зала блестело там и сям немало драгоценных камней в золотой оправе, но ни один из них не горел так ярко, как эта великолепная дюжина, составлявшая вместе урим и туммим. Я поочерёдно рассматривал надгробные изображения из Сикары, фризы из Карнака, статуи из Мемфиса и надписи из Фив, но мой взгляд постоянно возвращался к этой восхитительной иудейской реликвии, а мысли — к окутывающей её непостижимой тайне. Я как раз размышлял о ней, когда мой товарищ вдруг глубоко вздохнул и судорожно сжал мне руку. В тот же миг я

увидел, что привело его в такое возбуждение.

Как я уже сказал, у стены, справа от входа (справа, глядя от нас, а для входящего слева), стоял большой футляр для мумии. И вот, к нашему невыразимому изумлению, он начал медленно-медленно открываться. Крышка постепенно, едва заметно отодвигалась, и появившаяся с краю чёрная щель становилась всё шире и шире. Делалось это с величайшей осторожностью, почти незаметно для глаза. Мы, затаив дыхание, наблюдали, как в проёме появилась тонкая белая рука, отодвигающая раскрашенную крышку, потом — другая и наконец показалось лицо — лицо, знакомое нам обоим!

Это был профессор Андреас. Крадучись выскользнул он из футляра для мумии, как лиса из своей норы; беспрерывно озираясь, он сделал один шаг, замер, сделал другой — само воплощение хитрости и осторожности. Вот опять какой-то звук, донёсшийся с улицы заставил его застыть в неподвижности, и он долго стоял, весь превратясь в слух, готовый метнуться обратно в укрытие. Затем снова двинулся вперёд — на цыпочках, очень, очень осторожно и медленно. Добравшись до витрины в центре зала, он достал из кармана связку ключей, отпер витрину, вынул иудейский наперсник и, положив его на стекло перед собой, принялся ковырять каким-то маленьким блестящим инструментом. Поскольку стоял он прямо под нами, его склонённая голова закрывала от нас наперсник, но по движению его руки мы могли догадаться, что он завершает начатое: странным образом повреждает оправу камней нижнего ряда.

По неровному, тяжёлому дыханию моего спутника и подёргиванию его руки, попрежнему сжимавшей моё запястье, я понял, каким яростным негодованием пылает его сердце при виде акта вандализма, совершаемого человеком, от которого всего меньше можно было ожидать такое. Тот, кто каких-то две недели назад благоговейно склонялся над этой уникальной реликвией и внушал нам, какая это древняя и неприкосновенная святыня, теперь самым возмутительным образом сам же и осквернял её. Это было невозможно, немыслимо и тем не менее, там, внизу, в ярком свете электричества, стояла знакомая тёмная фигура с сосредоточенно опущенной седой головой и дергающимся локтем! Какая же бездна нечеловеческого лицемерия, злобы и ненависти к своему преемнику должна скрываться за этими зловещими ночными трудами! Думать об этом было мучительно, а уж видеть своими глазами — просто ужасно. Даже я, не наделённый остротой чувств ценителя и знатока древностей, не мог без боли смотреть на это намеренное повреждение столь древней реликвии. Поэтому я испытал большое облегчение, когда мой друг потянул меня за рукав, давая знак следовать за ним. Мы потихоньку выбрались из чулана и проскользнули в его квартиру. Пока он не оказался у себя, Мортимер не проронил ни слова, но по его возбуждённому лицу я понял, в каком он ужасе.

- Гнусный вандал! воскликнул он. Кто бы мог подумать?!
- Невероятно!
- Это злодей или сумасшедший одно из двух. И очень скоро мы увидим, кто именно. Идёмте, Джексон, и узнаем подоплёку этой тёмной истории.

Из его квартиры вела в музей дверь, расположенная в конце коридора. Он бесшумно отпер её ключом, предварительно сняв ботинки (я последовал его примеру). Крадясь из зала в зал, мы добрались наконец до просторного главного зала, над центральной витриной которого попрежнему склонялась фигура профессора, занятого своим чёрным делом. Ступая так же осторожно, как недавно ступал он сам, мы приблизились к нему, но как тихо мы ни подкрадывались, застать его совсем врасплох нам не удалось. Когда до него оставалось ещё ярдов десять, он резко обернулся и, хрипло вскрикнув от ужаса, бросился прочь.

- Симпсон! Симпсон! возопил Мортимер, и вдалеке, в конце анфилады залов с горящими электрическими лампочками над дверьми, вдруг появилась крепкая фигура старого солдата. Профессор Андреас тоже увидел его и с жестом отчаяния остановился. В тот же миг мы с Мортимером схватили его под руки.
- Да, да, джентльмены, проговорил он, часто и тяжело дыша. Я пойду с вами. К вам, мистер Уорд Мортимер, если позволите. Мне, наверное, следует объясниться.

Негодование моего товарища было так велико, что он, как я заметил, не стал отвечать, боясь сорваться. Мы двинулись вперёд; Мортимер и я с обеих сторон конвоировали профессора, а удивлённый сторож замыкал шествие. Когда мы проходили мимо разорённой

витрины, Мортимер остановился и осмотрел наперсник. У одного из драгоценных камней нижнего ряда оправа уже была отогнута, как у камней двух верхних рядов. Мой друг с яростью уставился на своего пленника.

- Как вы могли! воскликнул он. Как вы могли!
- Это ужасно, ужасно! вымолвил профессор. Я понимаю ваши чувства. Отведите меня к себе.
- Нельзя оставлять это здесь! проговорил Мортимер, и, взяв наперсник со стекла витрины, осторожно понёс его в руке, а я пошёл сбоку от профессора так полицейский сопровождает преступника. Мы проследовали в квартиру Мортимера, оставив ошеломлённого старого солдата на свой лад осмысливать происшедшее. Профессор опустился в кресло Мортимера, и лицо его стало таким мертвенно-бледным, что в ту минуту всё наше негодование уступило место тревоге. Бокал крепкого бренди помог вернуть его к жизни.
- Ну вот, теперь мне лучше! выговорил он. Испытания последних нескольких дней совсем подорвали меня. Уверен, дольше бы я не выдержал. Это кошмар, чудовищный кошмар чтобы меня задержали как ночного грабителя в музее, который так долго был собственным моим детищем! И вместе с тем я не могу винить вас. Вы не могли поступить иначе. Я всё время надеялся, что успею довести дело до конца, прежде чем меня выследят. Сегодняшняя ночь была бы последней.
  - Как вы попадали внутрь?
- Через дверь вашей квартиры, простите за бесцеремонность. Но цель оправдывала это. Цель оправдывала и всё остальное. Когда вы узнаете всю правду, вы не будете сердиться во всяком случае, не будете сердиться на меня. У меня был ключ от вашего чёрного хода и ключ от двери, ведущей от вас в музей. Я забыл отдать их при отъезде. Так что сами видите, мне не составляло труда проникать в музей. Я приходил пораньше, пока на улице не схлынула толпа пешеходов. Забирался в футляр для мумии и прятался туда всякий раз, когда Симпсон совершал обход. Мне было издалека слышно, как он приближается. Уходил я тем же путём, каким являлся.
  - Вы рисковали.
  - Мне ничего не оставалось.
- Но почему? Что всё-таки вами двигало? Чтобы вы вы! занимались подобными вещами! Мортимер укоризненно показал на лежавший перед ним на столе наперсник.
- Я не мог придумать ничего другого. Сколько я ни ломал голову, у меня не было иного выбора. В противном случае пришлось бы пройти через ужасный публичный скандал и омрачить горем нашу частную жизнь. Я действовал, исходя из лучших побуждений, сколь невероятными ни покажутся вам мои слова; единственное, о чём я вас прошу, внимательно выслушайте меня, чтобы я мог доказать это.
- Я выслушаю всё, что вы можете сказать, прежде чем предпринимать какие-либо дальнейшие шаги, сурово проговорил Мортимер.
- Я не намерен ничего скрывать и поведаю вам все свои тайны. Всецело полагаюсь на ваше великодушие, как бы ни решили вы распорядиться фактами, которые я вам сообщу.
  - Основные факты мы уже знаем.
- И притом ничего не понимаете. Позвольте мне начать с событий, происшедших несколько недель тому назад, и я всё вам объясню. Поверьте, мой рассказ чистая и неприкрашенная правда.

Вы знакомы с человеком, который называет себя капитаном Уилсоном. Я говорю «называет себя», поскольку теперь у меня есть основания считать, что это не настоящее его имя. Я отнял бы у вас слишком много времени, если бы стал описывать все уловки и ухищрения, при помощи которых он вкрался ко мне в доверие, снискал моё дружеское расположение и вскружил голову моей дочери. Он явился с рекомендательными письмами от моих иностранных коллег, что обязывало меня отнестись к нему с вниманием. А затем, благодаря своим собственным достоинствам — весьма значительным, — он сумел стать желанным гостем у меня дома. Когда я узнал, что он покорил сердце моей дочери, меня, может быть, покоробила быстрота, с которой это произошло, но сам факт ничуть не удивил: со своей обаятельной манерой держать себя и вести беседу он обратил бы на себя внимание в любом обществе.

Он очень интересовался древностями Востока, и его знание предмета вполне оправдывало такой интерес. Бывая вечером у нас в гостях, он частенько просил позволения пройти в музей, чтобы иметь возможность одному, без публики, осмотреть те или иные экспонаты. Как вы можете представить себе, я, сам энтузиаст, с сочувствием относился к подобным просьбам и не удивлялся постоянству его визитов. После же помолвки с Элиз он стал бывать у нас практически каждый вечер, и обычно час или два посвящал музею. Теперь он пользовался им вполне свободно, и, если вечером я отлучался из дома, музей оставался в полном его распоряжении. И так продолжалось вплоть до моего ухода с поста хранителя и отъезда в Норвуд, где я рассчитывал засесть на досуге за серьёзный труд, замысел которого давно вынашивал.

Вскоре после этого — может быть, через неделю — у меня впервые открылись глаза на подлинный характер и моральный облик человека, которого я столь неблагоразумно ввёл в свою семью. Случилось это благодаря письмам моих заграничных учёных друзей, из которых я понял, что рекомендательные письма от них - подделка. В ужасе от этого открытия я спросил себя: каким мотивом мог первоначально руководствоваться этот человек, прибегая к столь изощрённому обману? Я слишком беден, чтобы вызвать интерес охотника за богатыми невестами. Зачем же тогда он явился? Тут я вспомнил, что моему попечению были поручены некоторые из самых драгоценных камней в Европе. Вспомнил я и то, под какими хитроумными предлогами знакомился этот человек с запорами витрин, в которых они хранились. Это же мошенник, замысливший грандиозное ограбление! Что мог бы я сделать, чтобы, не раня свою собственную дочь, до безумия влюблённую в него, помешать осуществлению любых его преступных намерений? Мой план не отличался тонкостью, но ничего лучшего я придумать не мог. Если бы я написал вам письмо от своего собственного имени, вы, естественно, попросили бы меня сообщить подробности, чего я делать не хотел. Поэтому я послал вам анонимное письмо, в котором предупреждал вас, чтобы вы были начеку.

Надо вам сказать, что мой переезд с Белмор-стрит в Норвуд не сказался на частоте визитов этого человека, полюбившего, как мне кажется, мою дочь любовью искренней и беззаветной. Что до неё, то я бы поверить не мог, что женщина может до такой степени подпасть под влияние мужчины. Похоже, она всецело подчинилась его более сильной воле. Я не подозревал, как крепка их любовь и велико доверие друг к другу, вплоть до того вечера, когда мне впервые открылось его истинное лицо. Я распорядился, чтобы его проводили, когда он придёт, не в гостиную, а прямо ко мне в кабинет. Там я в резкой форме сказал ему, что мне всё о нём известно, что я принял меры к тому, чтобы сорвать его планы, и что ни я, ни моя дочь не желаем его больше видеть. Слава Богу, добавил я, что я разоблачил его, прежде чем он успел причинить вред той драгоценной коллекции, сохранение которой было делом моей жизни.

Это человек поистине железной выдержки. Не выказав ни тени удивления или обиды, он с серьёзным и внимательным видом выслушал меня до конца. Затем, ни слова ни говоря, он подошёл к двери и позвонил.

— Попросите мисс Андреас не отказать в любезности прийти сюда, — сказал он слуге. Вошла моя дочь, и этот человек закрыл за ней дверь. Потом он взял её руку в свою.

— Элиз, — заговорил он, — ваш отец только что обнаружил, что я негодяй. Теперь он знает то, что вы знали раньше.

Она молча слушала его.

— Он говорит, что мы должны навеки расстаться, — продолжал он.

Она не отняла руки.

- Останетесь вы верны мне или откажете мне в своём добром влиянии последнем, которое ещё способно изменить мою жизнь?
- Джон, с жаром воскликнула она, я никогда не покину вас! Никогда, никогда, пусть даже против вас ополчится целый свет!

Тщетно я уговаривал и умолял её. Мои уговоры и мольбы были совершенно напрасны. Вся её жизнь была отдана этому мужчине, стоявшему передо мной. Моя дочь, джентльмены, — это единственное любимое существо, оставшееся у меня, и мне стало мучительно больно, когда я увидел, что бессилен спасти её от гибели. Моя беспомощность, повидимому, тронула

этого человека, который был причиной моего несчастья.

— Может быть, дела не так уж плохи, сэр, как вам кажется, — сказал он спокойным и ровным голосом. — Моя любовь к Элиз достаточно сильна, чтобы спасти даже человека с таким прошлым, как у меня. Не позже как вчера я обещал ей, что больше никогда в жизни не совершу поступка, которого ей пришлось бы стыдиться. Я решился на это, и не было ещё случая, чтобы я не выполнил своего решения.

В том, как он говорил, чувствовалась убеждённость. Закончив, он опустил руку в карман и вынул небольшую картонную коробочку.

- Сейчас я представлю доказательство своей решимости, снова заговорил он. Вот, Элиз, первые плоды вашего спасительного влияния на меня. Вы не ошиблись, сэр, предположив, что я вынашивал замыслы похищения драгоценных камней, порученных вашим заботам. Подобные авантюры привлекали меня не только ценностью трофея, но и своей рискованностью. Эти знаменитые древние драгоценные камни иудейского первосвященника представляли собой вызов моей смелости и изобретательности. Я решил завладеть ими.
  - Об этом я догадывался.
  - Вы не догадывались только об одном.
  - О чём же?
  - Что я завладел ими. Вот они в этой коробке.

Он открыл коробку и высыпал её содержимое на край моего письменного стола. Я взглянул — и волосы зашевелились у меня на голове, мороз побежал по коже. Передо мной лежали двенадцать великолепных квадратных камней с вырезанными на них тайными письменами. Без сомнения, это были драгоценные камни, составлявшие урим и туммим.

- Боже мой! воскликнул я. Как же вас не схватили за руку?
- Я подменил их двенадцатью другими, сделанными по моему специальному заказу; поддельные камни изготовлены с такой тщательностью, что на глаз их не отличить от оригиналов.
  - Значит, в витрине музея фальшивые? вскричал я.
  - Вот уже несколько недель.

Воцарилось молчание. Моя дочь побледнела от волнения, но попрежнему держала этого человека за руку.

- Вот видите, Элиз, на что я способен, вымолвил он.
- Я вижу, что вы способны на раскаяние и возвращение взятого, ответила она.
- Да, благодаря вашему влиянию! Я оставляю, сэр, эти камни в ваших руках. Поступайте с ними, как знаете. Но помните: что бы вы ни предприняли против меня, вы предпримете это против будущего мужа вашей единственной дочери. Скоро вы получите от меня весточку, Элиз. Никогда больше не причиню я боль вашему нежному сердцу, и с этими словами он вышел из комнаты и покинул дом.

Я попал в ужаснейшее положение. У меня на руках оказались эти драгоценные реликвии, но как мог бы я вернуть их без скандала и разоблачения? Слишком хорошо зная глубокую натуру своей дочери, я понимал, что не смогу разлучить её с этим человеком, которому она беззаветно отдала своё сердце. Я даже не был уверен, правильно ли было бы разлучать её с ним, раз она оказывала на него столь благотворное влияние. Как бы я мог разоблачить его, не ранив при этом дочь, да и следует ли его разоблачать, после того как он добровольно доверил мне свою судьбу? Я долго думал и наконец пришёл к решению, которое, возможно, кажется вам глупым, но которое, доведись мне начинать сызнова, я всё равно принял бы ещё раз, так как считаю этот образ действий лучшим из того, что можно было предпринять.

Моя идея состояла в том, чтобы вернуть камни тайком от всех. Со своими ключами я мог попадать в музей в любое время, а в том, что мне удастся избежать встречи с Симпсоном, я был уверен: мне были известны часы его обходов и все его привычки. Я решил никого не посвящать в свои планы, даже дочь, которой сказал, что собираюсь погостить у брата в Шотландии. Мне требовалась полная свобода действий на несколько ночей, так, чтобы никто не расспрашивал меня, куда я иду и когда вернусь. Для этого я тогда же снял комнату на Хардинг-стрит, сказав хозяевам, что я репортёр и буду очень поздно ложиться и поздно вставать.

В тот же вечер я пробрался в музей и заменил четыре камня. Это оказалось трудным делом и заняло у меня целую ночь. Когда Симпсон делал обход, я, заслышав шаги, каждый раз прятался в футляр для мумии. Я немного знаком с ювелирным делом, но оказался куда менее искусным ювелиром, чем похититель. Он совершенно не повредил оправу, так что никто и не заметил разницы. Моя же работа была грубой и неумелой. Но я рассчитывал на то, что наперсник не станут разглядывать очень тщательно, а если и заметят, что оправа повреждена, то уже после того, как я выполню задуманное. Следующей ночью я заменил ещё четыре камня. А сегодня я завершил бы свои труды, если бы не это злополучное происшествие, из-за которого я вынужден открыть вам столько из того, что хотел бы сохранить в тайне. Но пойдёт или нет дальше что-либо рассказанное мною, зависит, джентльмены, от вашего чувства чести и сострадания. Моё собственное счастье, будущее моей дочери, надежда на исправление этого человека — всё это зависит от вашего решения.

— Оно таково: всё хорошо, что хорошо кончается, — сказал мой друг, — вся эта история закончится здесь и сразу. Завтра неплотные оправы укрепит опытный ювелир, и так минует самая большая опасность, которой когда-либо подвергался урим и туммим со времени разрушения иерусалимского храма. Вот вам моя рука, профессор Андреас, — я могу только надеяться, что при подобных обстоятельствах мне удалось бы действовать так же бескорыстно и самоотверженно.

Совсем коротенький эпилог. Через месяц Элиз Андреас вышла замуж за человека, чьё имя, имей я бестактность назвать его, мои читатели узнали бы как одно из самых известных ныне и заслуженно почитаемых. Но, сказать по правде, этими почестями он всецело обязан кроткой девушке, сумевшей вытянуть его из тёмной бездны, откуда возвращаются немногие.

1899 г.

(перевод В. Воронина)

БРАЗИЛЬСКИЙ КОТ

Вообразите моё положение: молодой человек с утончёнными вкусами, большими надеждами и аристократическими знакомствами, но без гроша в кармане и без стоящей профессии. Дело в том, что мой отец, который был человеком добродушным и жизнерадостным, настолько уверовал в шедрость своего богатого старшего брата-холостяка лорда Саутертона, что моя будущность не вызывала у него никаких опасений. Он полагал, что если для меня и не сыщется вакансии в огромном саутертоновском поместье, то, по крайней мере, найдётся какой-нибудь дипломатический пост из тех, что являются прерогативой высшего сословия. Он умер слишком рано, чтобы осознать всю ошибочность своих расчётов. Ни дядя, ни государственные власти не проявили ни малейшего интереса ко мне и моей карьере. Время от времени мне присылали связку фазанов или корзину с зайцами — больше ничто не напоминало мне о том, что я наследник Отвелл-Хауза, одного из богатейших поместий страны. Итак, я был холост, вёл светский образ жизни и снимал квартиру в Гроувнор-Мэншенс; занятия мои сводились к голубиной охоте да игре в поло в Херлингеме. Чем дальше, тем труднее становилось добиваться от кредиторов отсрочки платежей и брать деньги в долг в счёт будущего наследства. Крах приближался неумолимо, и с каждым днём я видел это всё яснее.

Остро чувствовать нищету заставляло меня ещё и то, что, помимо богача, лорда Саутертона, все прочие мои родственники тоже были вполне состоятельными людьми. Ближайшим из них был Эверард Кинг, племянник отца и мой двоюродный брат, который после долгих лет жизни в Бразилии, насыщенных всевозможными приключениями, вернулся на родину пожинать плоды своего богатства. Никто не знал, как ему удалось сколотить состояние, но ясно было, что оно весьма солидно, ибо он купил поместье Грейлэндс близ города Клиптон-он-Марш в графстве Саффолк. В первый год своего пребывания в Англии он замечал меня не более, чем мой скупой дядюшка; но однажды летним утром, к моему огромному облегчению и радости, я получил от него письмо с предложением в тот же день отправиться в Грейлэндс и погостить там некоторое время. Мне предстояло немалое время провести в суде по делам о финансовой несостоятельности, и я подумал, что письмо послано мне самим Провидением. Если бы мне удалось сойтись с этим незнакомым родственником, я бы мог ещё выкарабкаться. Ради репутации семьи он не допустит, чтобы я пошёл ко дну. Я приказал слуге упаковать чемодан и вечером того же дня отправился в Клиптон-он-Марш.

После пересадки в Ипсвиче маленький местный поезд довёз меня до заброшенного полустанка, где среди поросших травой холмов петляла неторопливо текущая речка; по высоким илистым берегам можно было судить о работе морских приливов.

Меня никто не встречал (потом выяснилось, что моя телеграмма опоздала), и я нанял экипаж у местной гостиницы. Бравый возница всю дорогу расхваливал моего родича, и по его словам выходило, что мистер Эверард Кинг успел снискать в этих местах всеобщее уважение. Он и возился со школьниками, и разрешал всем желающим прогуливаться по своим угодьям, и не жалел денег на благотворительные цели — короче, его щедрость была столь необъятна, что возница мог объяснить её только желанием стать членом парламента.

От хвалебных речей возницы моё внимание вдруг отвлекла очень красивая птица, сидевшая на телеграфном столбе у дороги. Сначала я подумал, что это сойка, но она была больше, а оперение — светлее. Возница тоже обратил на неё внимание и сказал, что она как раз принадлежит человеку, к которому мы едем. Выяснилось, что разведение всякой экзотической живности было его страстью, и он привёз из Бразилии немало птиц и зверей, которые, как он рассчитывал, должны были прижиться в Англии. Когда мы миновали ворота Грейлэндс-парка, я смог воочию убедиться в истинности сказанного. Маленькие пятнистые олени, забавная дикая свинка (кажется, она зовётся пекари), иволга с роскошным оперением, броненосец (странный косолапый зверёк, похожий на очень толстого барсука) — вот неполный перечень существ, которых я увидел, пока мы ехали по извилистой дорожке.

На пороге дома собственной персоной стоял мой доселе незнакомый двоюродный брат мистер Эверард Кинг: он давно нас увидел и догадался, кто к нему едет. Он буквально источал дружелюбие и уют; на вид ему было лет сорок пять, он был коренаст, и его круглое

добродушное лицо, смуглое от тропического солнца, покрывали бесчисленные морщинки. В белом полотняном костюме и заломленной назад большой панаме, с сигарой в зубах он выглядел настоящим плантатором. Такую фигуру легко представить себе на веранде какогонибудь бунгало, и она совершенно не подходила к большому каменному дому в чисто английском стиле с массивными флигелями и палладинскими колоннами перед входом.

— Душенька! — воскликнул он, оглянувшись. — Душенька, вот и наш гость! Добро пожаловать, добро пожаловать в Грейлэндс. Я счастлив познакомиться с вами, дорогой Маршалл, и бесконечно польщён тем, что вы решили почтить этот тихий деревенский уголок своим присутствием.

Услышав столь сердечные слова, я мгновенно почувствовал себя с ним накоротке. Но, при всём радушии хозяина, я ясно ощутил холодность и даже враждебность его жены — высокой женщины с измождённым лицом, которая вышла из дома на его зов. Она была, повидимому, бразильянка, и хотя она прекрасно говорила по-английски, я приписал странности её поведения незнанию наших обычаев. С самого начала она не скрывала, что моё посещение не слишком её радует. Её речи, как правило, не выходили за рамки приличий, но выразительные чёрные глаза недвусмысленно говорили о желании моего скорейшего отъезда в Лондон.

Однако долги слишком угнетали меня, и я слишком дорожил знакомством с богатым родственником, чтобы недоброжелательность его жены могла мне помешать, так что я оставил её вызов без внимания и постарался ответить взаимностью на безграничное расположение ко мне хозяина. Он не жалел усилий, стараясь сделать моё пребывание в его доме как можно более приятным. Моя комната была восхитительна. Он умолял меня сообщать ему о всех моих нуждах. Меня так и подмывало сказать, что спасти меня в моей нужде может только его подпись на незаполненном чеке, но я чувствовал, что на теперешней стадии нашего знакомства это было бы преждевременно. Обед был великолепен, и, когда мы потом наслаждались гаванскими сигарами и кофе, собранным, как он сказал, на его собственной плантации, я подумал, что хвалы моего возницы нисколько не преувеличены, и я никогда не встречал такого сердечного и гостеприимного человека.

Но, при всей своей приветливости, он оказался человеком сильной воли и клокочущего темперамента. В этом я смог убедиться уже на следующее утро. Странная антипатия, которую испытывала ко мне миссис Эверард Кинг, оказалась настолько сильной, что её поведение за завтраком было почти оскорбительным. Открытое столкновение произошло, когда её муж ненадолго покинул комнату.

- Самый удобный поезд в 12.15. заявила она.
- Но я не собирался сегодня уезжать, ответил я честно и, возможно, даже с некоторым вызовом, ибо твёрдо решил, что выпроводить меня этой женщине не удастся.
  - Ну, как знаете, сказала она и замолчала, дерзко глядя мне прямо в глаза.
- Если мистер Эверард Кинг, проговорил я, сочтёт, что я злоупотребляю его радушием, он, я уверен, скажет мне об этом.
- Что такое? Что такое? раздался голос, и в комнату вошёл хозяин. Он слышал мои последние слова и по выражениям наших лиц понял всё остальное. В один миг его круглое добродушное лицо приобрело выражение полнейшей ярости.
- Не могли бы вы на минутку выйти, Маршалл? сказал он (должен пояснить, что меня зовут Маршалл Кинг).

Он закрыл за мной дверь, после чего какую-то секунду мне был слышен его тихий голос, полный едва сдерживаемого негодования. Грубое пренебрежение правилами гостеприимства, несомненно, сильно задело его. Не имея привычки подслушивать, я вышел погулять на улицу. Вдруг я услышал позади себя торопливые шаги и, обернувшись, увидел миссис Кинг с бледным от волнения лицом и глазами, полными слёз.

- Муж просил меня извиниться перед вами, мистер Маршалл Кинг, произнесла она, стоя передо мной с потупленным взором.
  - Ни слова больше, миссис Кинг!

Её чёрные глаза вдруг сверкнули.

— Дурак! — сказала она яростным шёпотом и, повернувшись на каблуках, ринулась в дом.

Оскорбление было столь ошеломляющим и возмутительным, что я мог только стоять и тупо глядеть ей вслед. В таком положении меня и застал хозяин. К нему вернулся прежний приветливый вид.

- Жена, надеюсь, извинилась за свои глупые слова, сказал он.
- О, да, конечно!

Он взял меня под руку и стал ходить со мной взад и вперёд по лужайке.

- Не принимайте это близко к сердцу, говорил он, я был бы невыразимо огорчён, если бы вы сократили визит даже на час. Дело в том ведь мы с вами родственники, и между нами не должно быть секретов, дело в том, что моя бедная жёнушка невероятно ревнива. Если кто-то, неважно мужчина или женщина, хоть на мгновение оказывается между нами, она испытывает настоящие муки. Её мечта бесконечный тет-а-тет на необитаемом острове. Теперь вы понимаете причину её поступков, которые, надо признать, в этом пункте приближаются к маниакальным. Обещайте мне, что не будете обращать на них внимания.
  - Не буду. Конечно, не буду.
  - Тогда зажгите сигару и пойдёмте посмотрим мой маленький зверинец.

На осмотр всех птиц, зверей и рептилий, привезённых им из Бразилии, ушла большая часть дня. Одни разгуливали на свободе, другие содержались в клетках, третьи жили прямо в доме. Он с воодушевлением рассказывал о своих успехах и неудачах, о рождениях и смертях и, как мальчик, вскрикивал от удовольствия, когда из травы вылетала какая-нибудь яркая птица или какой-нибудь экзотический зверь убегал от нас в кусты. Напоследок он повёл меня по коридору в один из флигелей. Там я увидел крепкую дверь с окошком, закрытым заслонкой; рядом на стене был укреплён ворот с железной рукояткой. Дальше ход перегораживала массивная решётка.

- Я хочу показать вам жемчужину моей коллекции, сказал он. После того, как умер роттердамский детёныш, в Европе остался только один подобный экземпляр. Это бразильский кот.
  - Чем же он отличается от обычного кота?
- Сейчас увидите, улыбнулся он. Будьте добры, отодвиньте заслонку и загляните внутрь.

Я повиновался и увидел перед собой большую пустую комнату, вымощенную каменными плитами, с зарешёченными окошками на дальней стене. В середине комнаты, вытянувшись в ярком солнечном квадрате, лежал огромный зверь размером с тигра, но цвета чёрного дерева.

Он казался просто безмерно увеличенным и очень холёным чёрным котом, греющимся на солнышке. В нём было столько изящества, столько силы, столько нежной и вкрадчивой инфернальности, что я долго не мог оторвать от него глаз.

- Восхитителен, правда? с чувством сказал хозяин.
- Великолепен! Никогда не видел столь благородного создания.
- Таких иногда называют чёрными пумами, но это никакая не пума. В нём почти одиннадцать футов от макушки до хвоста. Четыре года назад он был комочком чёрного пуха с двумя жёлтыми бусинками глаз. Мне продали его в верховьях Риу-Негру, новорождённым малюткой. Его мать закололи копьями, но прежде она отправила на тот свет дюжину человек.
  - Неужели они такие свирепые?
- Это самые коварные и кровожадные звери на свете. Стоит упомянуть бразильского кота в разговоре с индейцем из джунглей, как с ним делается припадок. Они предпочитают людей любой другой добыче. Этот молодчик ещё ни разу не пробовал живой горячей крови, но, если попробует, ему удержу не будет. Кроме меня, он никого не терпит в своём логове. Даже Болдуин, который за ним ухаживает, не осмеливается к нему подойти. Я для него и мать, и отец в одном лице.

Тут он внезапно, к моему изумлению, открыл дверь и скользнул внутрь, после чего немедленно её захлопнул. Услышав знакомый голос, огромный гибкий зверь поднялся, зевнул и стал влюблённо тереться круглой чёрной головой о бок хозяина, который тем временем похлопывал и поглаживал его рукой.

— А теперь, Томми, в клетку! — приказал он.

Гигантский кот тут же двинулся к одной из стен и свернулся калачиком под решётчатым

навесом. Эверард Кинг вышел из комнаты взялся за железную рукоятку, о которой я упомянул, и начал поворачивать её. При этом решётка, находившаяся в коридоре, стала перемещаться в комнату сквозь прорезь в стене, замыкая клетку спереди. Закончив, он вновь открыл дверь и провёл меня в помещение, где стоял едкий, затхлый запах, свойственный крупным хищникам.

— Так вот всё и устроено, — сказал он. — Днём даём ему побегать по комнате, а ночь он проводит в клетке. Вращая рукоятку в коридоре, можно его запирать и выпускать — вы видели, как это происходит. Осторожно, что вы делаете?

Я просунул руку сквозь прутья, чтобы погладить лоснящийся, вздымающийся бок. Он поспешно схватил её и дёрнул назад, лицо его стало серьёзным.

- Говорю вам: он опасен. Не воображайте, что если ко мне он ласкается, то и к другим будет. Он весьма разборчив — так ведь, Томми? Вот он уже услышал, что несут обед. Да, малыш?

В мощёном каменными плитами коридоре зазвучали шаги, и зверь, вскочив на ноги, стал ходить взад и вперёд по узкой клетке — жёлтые глаза так и сверкали, красный язык трепетал между неровными рядами белых зубов. Вошёл слуга с подносом, на котором лежал большой кусок мяса; подойдя к клетке, он бросил мясо через прутья. Кот легко ухватил пищу когтями и унёс в дальний угол, где, зажав кусок между лап, принялся его терзать и кромсать, время от времени поднимая окровавленную морду и взглядывая на нас. Зловещая и завораживающая картина!

— Разумеется, я души в нём не чаю, — говорил хозяин на обратном пути, — тем более, что я его сам вырастил; не так-то просто было привезти его сюда из самого сердца Южной Америки; ну, а здесь он в тепле и холе — и, как я уже говорил, совершеннейший экземпляр в Европе. В зоологическом саду спят и видят его заполучить, но я не в силах с ним расстаться. Впрочем, я уже замучил вас своим хобби, так что теперь мы последуем примеру Томми и пойдём пообедаем.

Мой южноамериканский родственник был настолько поглощён своим имением и его необычными обитателями, что, как мне показалось вначале, внешний мир его нисколько не интересовал. То, что интересы у него всё же были, и притом насущные, вскоре стало ясно по числу получаемых им телеграмм. Они приходили в разное время дня, и всегда он прочитывал их с сильнейшим волнением. То ли это новости со скачек, думал я, то ли с фондовой биржи — во всяком случае, его внимание было приковано к неким неотложным делам за пределами Саффолка. В каждый из шести дней моего пребывания он получил не менее трёх-четырёх телеграмм, а то и семь-восемь.

Я так приятно провёл эти шесть дней, что под конец у меня с двоюродным братом установились самые сердечные отношения. Каждый вечер мы допоздна засиживались в бильярдной, где он потчевал меня рассказами о своих невероятных приключениях в Америке, о делах столь отчаянных и безрассудных, что трудно было соотнести их со смуглым коренастым человеком, сидевшим передо мной. В свою очередь, я позволил себе вспомнить некоторые эпизоды из лондонской жизни; они заинтересовали его так сильно, что он выразил твёрдое намерение приехать ко мне в Гроувнор-Мэншенс. Он говорил, что ему не терпится окунуться в мир столичных увеселений, и скажу без ложной скромности, что он не смог бы найти лучшего гида, чем я. И только в последний день я отважился поговорить с ним начистоту. Я без прикрас поведал ему о моих денежных затруднениях и близком крахе, после чего спросил его совета — хотя рассчитывал на нечто более существенное. Он внимательно слушал, сильно затягиваясь сигарой.

- Но послушайте, сказал он, вы ведь наследник нашего родича, лорда Саутертона?
- Это верно, но он не такой человек, чтобы назначить мне содержание.
- Да, о его скупости я наслышан. Мой бедный Маршалл, вы действительно попали в очень трудное положение. Кстати, как здоровье лорда Саутертона?
  - Я с детства только и слышу, что он в критическом состоянии.
- То-то и оно. Скрипит, скрипит и проскрипит ещё долго. Так что вам ещё ждать и ждать. Господи, ну и попали же вы в переплёт!
  - Я надеялся, сэр, что вы, зная всё, могли бы согласиться ссудить мне...
  - Ни слова больше, мой мальчик! воскликнул он, крайне растроганный. Вернёмся к

этому разговору сегодня вечером, и, заверяю вас, что сделаю всё возможное.

Я не жалел о том, что мой визит приближается к концу, ибо чувствовал, что, по крайней мере, один из обитателей дома всей душой жаждет моего отъезда. Измождённое лицо и ненавидящие глаза миссис Кинг становились мне всё более и более неприятны. Из страха перед мужем она не решалась на прямую грубость, но её болезненная ревность проявлялась в том, что она избегала меня, никогда ко мне не обращалась и всячески старалась омрачить моё пребывание в Грейлэндсе. В последний день её поведение стало столь вызывающим, что я непременно уехал бы, если бы не обещанный вечерний разговор с хозяином, на который я возлагал большие надежды.

Ждать пришлось допоздна, потому что мой двоюродный брат, который получил за день ещё больше телеграмм, чем обычно, после обеда удалился в свой кабинет и вышел, лишь когда весь дом заснул. Я слышал, как он, по своему обыкновению, ходил и запирал на ночь двери; наконец, он вошёл ко мне в бильярдную. Его плотная фигура была облачена в халат, а на ногах красовались яркие турецкие шлёпанцы. Усевшись в кресло, он приготовил себе стакан грога, причём как я успел заметить, виски там было куда больше, нежели воды.

— Господи! — сказал он. — Hy и ночка!

Ночка и впрямь выдалась скверная. Ветер так и завывал, зарешёченные окна тряслись и, казалось, вот-вот вывалятся. И чем сильнее свирепствовала буря, тем ярче казался свет желтоватых ламп и тем утончённее аромат наших сигар.

— Итак, мой мальчик, — обратился ко мне хозяин, — теперь нам никто не помешает, и впереди целая ночь. Расскажите мне о состоянии ваших дел, и тогда будет ясно, как привести их в порядок. Я хочу знать всё до мелочей.

Подбодренный этими словами, я пустился в пространные объяснения, где фигурировали все мои поставщики и кредиторы — от домохозяина до слуги. В блокноте у меня были записаны все цифры, и не без гордости могу сказать, что, выстроив факты в единый ряд, я дал весьма дельный отчёт о моём бездельном образе жизни и плачевном положении. Однако я с огорчением заметил, что мой собеседник крайне рассеян и взгляд его устремлён в пустоту. Если он вставлял замечание, то оно было столь формальным и бессодержательным, что становилось ясно: он ни в малейшей степени не следит за ходом моей мысли. Время от времени он изображал интерес, прося меня что-нибудь повторить или изложить более подробно, после чего немедленно погружался всё в ту же задумчивость. Наконец он встал и кинул в камин окурок сигары.

— Вот что, мой мальчик, — обратился он ко мне. — Я с детства не в ладах с цифирью, так что простите мою бестолковость. Набросайте-ка всё на бумаге, да не забудьте вывести общую сумму. Как увижу глазами — сразу пойму.

Предложение было обнадёживающим. Я пообещал изложить всё как есть.

— А теперь пора и на боковую. Бог ты мой, уже час пробило!

Действительно, сквозь неистовый рёв бури послышался бой часов. Ветер шумел, как настоящий водопад.

- Перед сном я должен проведать кота, сказал хозяин. Он всегда беспокоится в ветреную погоду. Пойдёте со мной?
  - Конечно, ответил я.
  - Только тихо и молча, а то все спят.

Неслышно ступая по персидскому ковру, мы прошли через освещённый вестибюль к дальней двери. В каменном коридоре было темно, но хозяин снял и зажёг висевший на крюке фонарь. Решётки в проходе не было, и это значило, что животное находится в клетке.

- Пошли! сказал мой двоюродный брат, открывая дверь.
- О беспокойстве зверя можно было судить по встретившему нас глухому рычанию. И вот мы увидели его в мерцающем свете фонаря огромным чёрным клубком он свернулся в углу клетки, отбрасывая на белую стену уродливое пятно тени. В раздражении он бил хвостом по соломенной подстилке.
- Бедный Томми не в духе, сказал Эверард Кинг, подойдя с фонарём к нему поближе. Настоящий чёрный дьявол, верно? Ничего, поужинает и дело пойдёт на лад. Будьте добры, подержите фонарь.

Я повиновался, и он направился обратно к двери.

— Кладовка тут рядом, — сказал он. — Вы не против, если я на минуту вас покину? — он вышел, и дверь с металлическим лязгом захлопнулась за его спиной.

От резкого звука я вздрогнул. Меня захлестнула внезапная волна страха. Смутное предчувствие чудовищного коварства заставило меня похолодеть. Я метнулся к двери, но изнутри она не открывалась.

- Эй! крикнул я. Выпустите меня!
- Всё в порядке. Шуметь ни к чему, произнёс из коридора хозяин. Вы как раз удобно держите фонарь.
  - Но я не хочу оставаться тут один взаперти.
- Не хотите? я услышал его полнокровную усмешку. Ну, так скоро вы будете не один.
- Выпустите меня, сэр! повторил я гневно. Немедленно прекратите этот дешёвый розыгрыш.
- Для кого дешёвый, для кого нет, сказал он с новой отвратительной усмешкой. И тут, сквозь рёв бури, я услышал протяжный скрип крутящегося ворота и громыхание решётки, двигающейся сквозь прорезь. Боже праведный, он выпускал бразильского кота из клетки!

В свете фонаря мимо меня медленно двигались прутья решётки. В дальнем конце клетки уже образовалась щель шириной в фут. С воплем я ухватился обеими руками за крайний прут и с безумным упорством принялся тянуть его назад. Я и впрямь был безумен — гнев и отчаяние переполняли меня. Минуту или больше мне удалось продержать решётку в неподвижности. Я понимал, что он жмёт на рукоятку изо всех сил и что преимущество рычага на его стороне. Я проигрывал дюйм за дюймом, ноги мои скользили по каменным плитам, и я беспрерывно умолял безжалостного убийцу избавить меня от ужасной смерти. Я взывал к родственным чувствам. Я напоминал о долге гостеприимства; я вопрошал, какое зло я ему причинил. В ответ он только сильнее дёргал рукоятку, и всё новые прутья уходили в щель. Как я ни упирался, он протащил меня по всей ширине клетки — и наконец я прекратил безнадёжную борьбу, мои запястья свела судорога, а пальцы были ободраны в кровь. Решётка последний раз лязгнула, и я услышал удаляющийся шорох турецких шлёпанцев; затем хлопнула дальняя дверь. И воцарилась тишина.

Всё это время зверь не шевелился. Он лежал неподвижно в своём углу, и даже хвост его прекратил дёргаться. Только что мимо него вместе с решёткой протаскивали вопящего человека — и зрелище его явно поразило. Его огромные глаза зорко следили за мной. Хватая решётку, я выронил из рук фонарь, но он всё ещё горел на полу, и я двинулся, было, к нему, как бы желая обрести в нём защиту. Но в тот же миг хищник издал глухое грозное рычание. Я замер, дрожа всем телом. Кот (если только к этому исчадию ада подходит такое домашнее слово) был всего в десяти футах от меня. Глаза его светились во тьме, как бы фосфоресцируя. Они пугали и притягивали меня. Я не мог оторвать от них взгляда. В минуты наивысшего напряжения природа порой играет с нами странные шутки: мне почудилось, будто эти мерцающие огни то разгораются, то пригасают в волнообразном ритме. Вот они уменьшились, став ослепительно яркими точками — электрическими искорками во тьме: вот они начали расширяться и расширяться, заполняя весь угол комнаты зловещим переменчивым светом. И вдруг потухли совсем.

Зверь закрыл глаза. То ли верна оказалась старая теория о подавлении звериного взгляда силой взгляда человеческого, то ли огромный кот просто хотел спать — что бы ни было, он, не проявляя ни малейшего желания нападать, опустил чёрную лоснящуюся голову на могучие передние лапы и, похоже, заснул. Я стоял, боясь неосторожным движением вернуть его к гибельному бодрствованию. Всё же теперь зловредный взгляд не сковывал меня, и я мог собраться с мыслями. Итак, я заперт на всю ночь со свирепым хищником. Нет сомнений, что он не менее жесток, чем обходительный мерзавец, заманивший меня в ловушку, — тут рассказам хозяина можно верить. Как продержаться до утра? На дверь надежды никакой, на узкие зарешёченные окна — тоже. В пустой комнате с каменным полом укрыться негде. Звать на помощь бессмысленно. Я нахожусь во флигеле, до дома — не менее ста футов. К тому же, шум бури заглушит любые мои крики. Остаётся уповать лишь на собственную отвагу и находчивость.

Тут я взглянул на фонарь, и меня обдала новая волна ужаса. Свеча сильно оплыла и еле

теплилась. Ей оставалось гореть минут десять — не больше. Именно столько времени оставалось мне на размышление: я чувствовал, что, оказавшись со страшным зверем в кромешной тьме, я потеряю способность к какому-либо действию. Сама мысль об этом была невыносима. В отчаянии я водил глазами по своей пыточной камере и вдруг наткнулся на место, как будто обещавшее — не спасение, нет, но хотя бы не такую немедленную и неминуемую гибель, как остальная часть комнаты.

Я уже говорил, что, помимо передней стенки, у клетки была ещё и крыша, которая оставалась на месте, когда решётку убирали сквозь прорезь в стене. Она была сделана из железных прутьев, отстоявших один от другого на несколько дюймов и обтянутых прочной проволочной сеткой, а по бокам опиралась на массивные стойки. Она нависла над распластавшимся в углу животным, как огромный решётчатый тент. Между ней и потолком оставалось фута два-три. Если бы я сумел втиснуться в этот просвет, я сделался бы неуязвимым со всех сторон, кроме одной. Ни снизу, ни сзади, ни с боков меня не достать. Возможна только лобовая атака. От неё, конечно, не защититься; но так, по крайней мере, я не стоял бы у зверя на пути. Чтобы напасть, ему пришлось бы сойти с привычного маршрута. Раздумывать было некогда: погасни фонарь — и надежде конец. Судорожно глотнув воздух, я прыгнул, вцепился в железный прут и с трудом вскарабкался на решётку. Изогнув шею, я посмотрел вниз и вдруг упёрся взглядом в жуткие глаза хищника, в зевоте разинувшего пасть. Зловонное его дыхание обдало мне лицо, как пар от какого-то гнусного варева.

Впрочем, он был скорее озадачен, чем зол. Встав, он распрямил длинную чёрную спину, по которой пробежала лёгкая дрожь; затем, поднявшись на задние лапы, одной из передних он опёрся о стену, а другой провёл по проволочной сетке, на которой я лежал. Один острый белый коготь прорвал мне брюки (должен заметить, что я был во фрачной паре) и расцарапал колено. Это была ещё не атака, скорее проба, ибо, услышав мой вскрик, он опустился на пол, легко выпрыгнул из клетки и начал стремительно бегать по комнате, время от времени взглядывая на меня. Я же протиснулся вглубь до самой стены и лежал, стараясь занимать как можно меньше места. Чем дальше я забирался, тем труднее становилось меня достать.

По его движениям было видно, что он возбуждён: стремительно и бесшумно он кружил и кружил по комнате, то и дело пробегая под моим металлическим ложем. Удивительно: столь громадное тело перемещалось почти как тень, с едва уловимым шелестом бархатных подушечек. Свеча догорала, и разглядеть зверя становилось всё труднее. Наконец, вспыхнув напоследок и зашипев, она погасла. Я остался с котом в темноте один на один!

Мысль о том, что сделано всё возможное, всегда помогает перед лицом опасности. Остаётся только бесстрастно ждать развязки. Я понимал, что нашёл единственное место, дававшее хоть какую-то надежду на спасение. Вытянувшись в струну, я лежал совершенно неподвижно, затаив дыхание: вдруг зверь забудет о моём присутствии. Я сообразил, что уже около двух часов ночи. Солнце встаёт в четыре. До рассвета оставалось не более двух часов.

Снаружи по-прежнему бушевала буря, и в окошки беспрерывно хлестал дождь. В комнате стояло невыносимое зловоние. Я не видел и не слышал кота. Я пытался думать о других предметах, но лишь одна мысль смогла заставить меня на время забыть о своём плачевном положении. Это была мысль о подлости моего двоюродного брата, о его неимоверном лицемерии, о его звериной ненависти ко мне. Под приветливым лицом таился нрав средневекового палача. Чем больше я думал, тем яснее видел, как умно всё было проделано. Разумеется, он притворился, будто идёт спать. Без сомнения, позаботился и о том, чтобы это видели. Потом тихонько прошмыгнул вниз, заманил меня сюда и запер. По его версии всё выйдет очень просто. Он оставил меня докуривать в бильярдной. Затем мне взбрело в голову взглянуть напоследок на кота. Я вошёл в комнату, не заметив, что клетка открыта, и поплатился за это. Как можно будет доказать его вину? Подозрение — возможно, но улик — никаких!

Как медленно тянулись эти ужасные два часа! В какой-то момент раздался негромкий неприятный звук — похоже, зверь вылизывал свою шерсть. Несколько раз я замечал во тьме вспышку зеленоватых глаз, но взгляд на мне не задерживался, и я с надеждой стал думать, что кот или забыл обо мне, или не обращает на меня внимания. Наконец, сквозь окошки забрезжил рассвет: сперва среди черноты показались два смутных серых квадрата, потом они побелели, и я снова увидел моего страшного соседа. Увы, он меня тоже!

С первого взгляда стало ясно, что теперь он настроен куда более агрессивно и кровожадно. Утренний холод раздражал его, и он явно проголодался. С беспрерывным рычанием он сновал вдоль дальней от меня стены, его усы злобно топорщились, хвост мотался и хлестал по полу. Дойдя до угла, он поворачивал назад, каждый раз при этом взглядывая на меня с выражением смертельной угрозы. Я видел, что он намерен меня убить. Но даже в эту минуту я не мог не восхищаться гибкой грацией дьявольского отродья, его плавными волнистыми движениями, блеском великолепной шерсти, живой дрожью яркокрасного языка на фоне чёрной как смоль морды. Глухое гневное рычание всё нарастало и нарастало, не прерываясь ни на секунду. Вот-вот должна была наступить развязка.

Смерть, казалось, приберегла для меня самый скверный час: в холоде и тоске, дрожа в лёгком фраке, я, как для пытки, распластался на своей решётке. Я старался подбодрить себя, воспарить духом — и в то же время, с той остротой видения, какая возникает только в полном отчаянии, искал способа избежать гибели. Ясно мне было вот что. Если бы передняя стенка клетки была снова выдвинута, а я оказался за ней, я был бы спасён. Но как привести её в движение? Я боялся шевельнуться, чтобы не привлечь внимание зверя. Медленно, очень медленно я высвободил руку и нащупал край решётки — верхний прут, слегка выступавший из стены. Потянув, я с удивлением обнаружил, что он поддаётся довольно легко. Трудность, конечно, была в том, что мне пришлось бы перемещаться вместе с решёткой. Я дёрнул снова и вытянул её ещё дюйма на три. Дело шло на лад. Я дёрнул ещё... и тут кот прыгнул!

Я не увидел прыжка — так внезапно и стремительно всё произошло. Я только услышал устрашающий рёв, и миг спустя гладкая чёрная голова, сверкающие жёлтые глаза, красный язык и ослепительные зубы оказались на расстоянии протянутой руки от меня. От прыжка решётка, на которой я лежал, содрогнулась, и я подумал (если только я мог о чём-нибудь подумать в такой миг), что падаю. На секунду кот повис на передних лапах, его голова была совсем рядом со мной, задние лапы пытались зацепиться за решётку. Я слышал скрежет когтей по проволочной сетке и едва не терял сознание от зловонного дыхания чудовища. Но прыжок оказался неудачным. Зверь не мог долго оставаться в таком положении. Медленно, яростно скаля зубы и бешено царапая решётку, он качнулся назад и тяжело спрыгнул на пол. Рыча, он тут же поднял морду ко мне и изготовился для нового прыжка.

Я понял, что решается моя судьба. Урок пойдёт хищнику впрок. Он не допустит новой ошибки. Я должен действовать стремительно и бесстрашно — на карту поставлена жизнь. План созрел мгновенно. Сорвав с себя фрак, я швырнул его чудовищу на голову. В ту же секунду я спрыгнул на пол, ухватился за край передней решётки и с бешеной силой потащил её к себе.

Она пошла легче, чем я ожидал. Я ринулся через комнату, волоча её за собой; получилось так, что я находился с внешней её стороны. Не будь этого, я остался бы цел и невредим. Увы, мне пришлось остановиться, чтобы проскочить в оставленную мной щель. Заминки оказалось достаточно, чтобы зверь избавился от фрака, закрывавшего ему глаза, и прыгнул на меня. Я бросился в проход и задвинул за собой решётку, но хищник успел зацепить мою ногу. Одним движением могучей лапы он располосовал мне икру, срезав мышцу, словно рубанок стружку с доски. В следующую секунду, истекая кровью и теряя силы, я рухнул на вонючую солому, но спасительная решётка отделила меня от яростно кидавшегося на неё зверя.

Слишком изуродованный, чтобы двигаться, и слишком ослабевший, чтобы испытывать страх, я лежал, ни жив ни мёртв, и смотрел на него. Прильнув могучей чёрной грудью к прутьям решётки, он всё пытался достать меня когтистыми лапами, словно котёнок попавшую в западню мышь. Он терзал мою одежду, но до меня, как ни старался, дотянуться не мог. Я и раньше слыхал, что раны, нанесённые крупными хищниками, вызывают необычное оцепенение, а теперь испытал это на себе: я утратил ощущение собственного «я» и с интересом постороннего зрителя наблюдал за наскоками зверя. Постепенно я погрузился в мир смутных видений, среди которых порой возникали чёрная морда и высунутый красный язык — и, наконец, впал в беспамятство, или, может быть, в нирвану, где измученные находят блаженный покой.

Восстанавливая потом ход событий, я заключил, что лежал без сознания около двух часов. Прервал моё забытьё тот самый металлический лязг, который стал предвестником

моего ужасного приключения. Это была защёлка замка. Ещё не придя до конца в себя, я увидел в дверном проёме круглое добродушное лицо двоюродного братца. Открывшееся ему зрелище явно поразило его. Кот отдыхал, распластавшись на полу. Я лежал в клетке на спине в луже крови, в одной рубашке и изодранных в клочья брюках. У меня до сих пор стоит перед глазами его изумлённое лицо, освещённое утренним солнцем. Он всё вглядывался и вглядывался в меня. Потом закрыл за собой дверь и пошёл к решётке посмотреть, жив я или нет.

Не могу сказать определённо, что произошло дальше. Меньше всего я годился тогда на роль свидетеля или хроникёра. Вдруг я увидел его затылок — он отвернулся от меня и смотрел на зверя.

— Что с тобой, Томми? — крикнул он. — Что с тобой?

Он всё пятился и пятился, и спина его была уже у самой решётки.

— Сидеть, безмозглая тварь! — взревел он. — Сидеть, сударь! Забыл, кто твой хозяин?

Тут в моём помутившемся мозгу всплыла одна его фраза: он сказал, что вкус крови может превратить бразильского кота в сущего дьявола. Кровь-то была моя, а расплачиваться пришлось ему.

— Прочь! — вопил он. — Прочь, собака! Болдуин! Болдуин! Господи!

Я услышал, как он упал, поднялся, снова упал, и раздался ещё один звук, словно от рвущейся ткани. Его крики, заглушаемые рёвом хищника, становились всё слабее. Наконец, когда я уже считал его мёртвым, я, как в кошмарном сне, увидел его в последний раз: окровавленный и растерзанный, он вслепую бежал через комнату — и тут я снова потерял сознание.

Я поправлялся много месяцев; о полной поправке, впрочем, не могло быть и речи, и до конца дней со мной будет моя палка — память о ночи с бразильским котом.

Когда Болдуин и другие слуги прибежали на отчаянные крики хозяина, они не могли понять, что случилось: я лежал за решёткой, а его останки — вернее, то, что лишь потом опознали как его останки, — держал в когтях зверь, которого он сам вырастил. При помощи раскалённых железных прутьев хищника заставили выпустить добычу, а затем его пристрелили сквозь окошко в двери — и только после этого я был вызволен из плена. Меня перенесли в спальню, где под крышей у моего несостоявшегося убийцы я несколько недель пребывал на волоске от смерти. Из Клиптона вызвали хирурга, из Лондона — сиделку, и через месяц я уже был способен выдержать переезд домой, в Гроувнор-Мэншенс.

Память моя сохранила одно воспоминание, которое, не будь оно столь отчётливым, я мог бы счесть одним из многочисленных бредовых видений, рождённых воспалённым мозгом. Однажды ночью, когда сиделка куда-то отлучилась, дверь моей комнаты отворилась, и в неё скользнула высокая женщина, одетая с ног до головы в чёрное. Приблизившись, она склонила надо мной бледное лицо, и в тусклом свете ночника я узнал бразильянку — вдову моего двоюродного брата. Она пытливо всматривалась мне в глаза с гораздо более мягким, чем прежде выражением на лице.

— Вы в сознании? — спросила она.

Я только слабо кивнул — силы возвращались ко мне медленно.

— Вот и хорошо, я только хочу сказать, что вы сами виноваты. Я сделала для вас всё, что могла. С самого начала я хотела выставить вас из дома. Всеми средствами, кроме прямой измены, я пыталась спасти вас от мужа. Я знала, что он вызвал вас неслучайно. Знала, что живым он вас не выпустит. Мне ли не знать его — я настрадалась от него, как никто. Я не решилась сказать вам полную правду. Он убил бы меня. Но я сделала всё, что было в моих силах. Вышло так, что вы оказали мне неоценимую услугу. Вы освободили меня, а я ведь думала, что буду мучиться до конца дней. Я сожалею, что вы покалечены, но себя мне винить не в чем. Я назвала вас дураком — вы и вправду вели себя, как дурак.

Она шмыгнула прочь из комнаты — странная, угловатая женщина, — и я никогда больше её не видел. Продав имущество мужа, она вернулась на родину, и, по слухам, теперь

монашествует где-то в Пернамбуку.*

Пролежав дома какое-то время, я наконец получил от врачей разрешение понемногу заниматься делами. Особенной радости от этого я не испытывал, поскольку боялся нашествия кредиторов; но первым воспользовался разрешением мой адвокат Саммерс.

- Как я рад видеть, что ваша светлость идёт на поправку, сказал он. Я так долго дожидался возможности поздравить вас.
  - Какая ещё светлость, Саммерс? Нашли время шутить.
- Я не шучу, ответил он. Вы уже шесть недель, как лорд Саутертон, только мы боялись вам об этом сказать, чтобы не помешать вашему выздоровлению.

Лорд Саутертон! Один из богатейших людей Англии! Я ушам не мог поверить. И вдруг меня поразило странное совпадение дат.

- Лорд Саутертон, должно быть, умер примерно тогда же, когда со мной случилась эта история?
- В тот же самый день. Саммерс испытующе смотрел на меня, и я уверен ведь он умница, каких мало, что он разгадал всю подноготную. Он помолчал, словно ожидая от меня подтверждения своим мыслям, но я не видел причины подвергать огласке внутрисемейное дело.
- Странное совпадение, ничего не скажешь, продолжал он с понимающим видом. Вы, конечно, знаете, что ваш двоюродный брат Эверард Кинг был после вас самым близким родственником покойного лорда. Если бы этот тигр растерзал не его, а вас, то лордом Саутертоном стал бы он.
  - Без сомнения, согласился я.
- И ведь его это очень интересовало, сказал Саммерс. Мне рассказывали, что он платил камердинеру лорда Саутертона за то, что тот несколько раз в день сообщал ему телеграммами о состоянии здоровья хозяина. Это было примерно в то же время, когда вы там гостили. Разве не странно, что ему были нужны столь подробные сведения, хотя он прекрасно знал, что он не прямой наследник?
- Очень странно, ответил я. А теперь, Саммерс, давайте-ка сюда счета и новую чековую книжку и начнём приводить дела в порядок.

1898 г.

(перевод Л. Мотылёва)

 $^{^*}$ Пернамбуку — штат на северо-востоке Бразилии. (Π . Γ .)

ЖЕНЩИНА-ВРАЧ

Собратья по ремеслу всегда смотрели на доктора Джеймса Риплея как на необыкновенно удачливого человека. Его отец был врачом в деревне Хойланд на севере Гэмпшира, и молодой Риплей, получив докторский диплом, мог сразу приняться за дело, так как отец уступил ему часть своих пациентов. А через несколько лет старый доктор совсем отказался от практики и поселился на южном берегу Англии, передав сыну всех своих многочисленных пациентов. Если не считать доктора Гортона, жившего недалеко от Бэзингстока, то Джеймс Риплей был единственным врачом в довольно большом округе. Он зарабатывал полторы тысячи фунтов в год, но как это всегда бывает в провинции, большая часть его дохода уходила на содержание лошадей.

Доктор Джеймс Риплей был холост, имел тридцать два года от роду и производил впечатление серьёзного, сведущего человека с твёрдыми, несколько суровыми чертами лица и небольшой лысиной, которая, придавая ему почтенный вид, вероятно, увеличивала его годовой доход не на одну сотню фунтов. Он обладал замечательным даром ладить с дамами, усвоив в обращении с ними тон ласковой настойчивости, который, не оскорбляя, приводил их к повиновению. Но дамы не могли похвалиться своим умением обращаться с молодым врачом. Как врач он был всегда к их услугам, но как человек он обладал увёртливостью капли ртути. Тщетно деревенские маменьки раскидывали перед ним свои незатейливые сети. Пикники и танцы мало привлекали его, и в редкие минуты досуга он предпочитал, запершись в своём кабинете, рыться в клинических записках Вирхова* и медицинских журналах.

Наука была его страстью, и потому он избежал угрожающей всем молодым врачам опасности впасть в рутину. Для него было вопросом самолюбия поддерживать свои познания на том же высоком уровне, на каком они были в минуту, когда он выходил из экзаменационного зала. Он гордился тем, что мог сразу найти все семь разветвлений какойнибудь незначительной артерии или указать точное процентное отношение состава любого физиологического соединения. После утомительной дневной работы он нередко сидел далеко за полночь, делая вытяжки из глаз овцы, присланных городским мясником, к великому отвращению своей прислуги, которой на другое утро приходилось убирать комнату. Любовь к своей профессии была единственной страстью этого сухого положительного человека.

Нужно сказать, что его стремление всегда находиться на уровне современных знаний делало ему тем больше чести, что оно не основывалось на соперничестве. В течение семи лет его практики в Хойланде только три раза у него появлялись соперники в лице собратьев по профессии: двое из них избирали своей штаб-квартирой самую деревню, а один основался в соседей деревушке — Нижнем Хойланде. Из них один, про которого говорили, что в течение восемнадцати месяцев его пребывания в деревне он был своим единственным пациентом, заболел и умер. Другой удалился честь честью, купив четвёртую часть практики Бэзингстока, тогда как третий в одну глухую сентябрьскую ночь скрылся, оставив за собой голые стены дома и неоплаченные счета аптекаря. С этих пор никто уже не отваживался отбивать пациентов у всеми уважаемого хойландского доктора.

Поэтому велико было его удивление и любопытство, когда, проезжая однажды утром по Нижнему Хойланду, он заметил, что стоявший у околицы новый дом кто-то занял и на его воротах, выходивших на большую дорогу, красовалась новая медная дощечка. Он остановил свою рыжую кобылу (за которую в своё время заплатил пятьдесят гиней), чтобы хорошенько рассмотреть эту дощечку. Изящными, маленькими буквами на ней было выгравировано: «Доктор Верриндер Смит».

На дощечке последнего доктора буквы были в полфута высотою, и потому, сопоставив эти два обстоятельства, Риплей невольно подумал, что новый пришелец может оказаться гораздо более опасным конкурентом. Его подозрения подтвердились в тот же вечер, когда он навёл справки в медицинском указателе. Оттуда он узнал, что доктор Верриндер Смит обладает высшими учёными степенями, успешно работал в университетах Эдинбурга,

 $^{^*}$ Рудольф Вирхов (1821 — 1902 гг.) — немецкий учёный, основатель клеточной патологии. Совместно с Рейхардом основал журнал «Архив патологической анатомии, физиологии и клинической медицины», известный под названием «Вирховского архива». (Π . Γ .)

Парижа, Берлина и Вены и был награждён медалью и премией Ли Гопкинса за оригинальные исследования по вопросу о функциях передних корней спинномозговых нервов. Доктор Риплей в замешательстве ерошил свои жидкие волосы, читая curriculum vitae* своего соперника. Что могло заставить этого блестящего молодого учёного поселиться в маленькой Хэмпширской деревушке?

Но, как ему показалось, он скоро нашёл разъяснение этой непостижимой загадки. Очевидно, доктор Верриндер Смит просто искал уединения, чтобы без помех предаваться своим научным исследованиям. Дощечка же была прибита просто так, без всякого намерения привлечь пациентов. Он полагал, что его объяснение очень правдоподобно и что он много выиграет от такого приятного соседства. Сколько раз ему приходилось жалеть о том, что он лишён высокого удовольствия общаться с родственным умом. Отныне, к его чрезвычайной радости, это удовольствие станет ему доступно. Именно поэтому он и предпринял шаги, на которые в ином случае ни за что бы не решился. Согласно правилам докторского этикета, вновь прибывший доктор первый делает визит местному доктору, и обыкновенно это правило строго соблюдается. Сам Риплей всегда педантично следовал правилам профессионального этикета и, всё же, на следующий день отправился с визитом к доктору Верриндеру Смиту. По его мнению, этим любезным поступком он создавал благоприятную почву для сближения со своим соседом.

Дом оказался чистеньким и благоустроенным. Красивая горничная провела доктора Риплея в небольшой, светлый кабинет. Следуя за горничной по коридору, он заметил в передней несколько зонтиков и дамскую шляпку. Какая жалость, что его коллега женат! Это помешает им близко сойтись и проводить целые вечера, беседуя друг с другом, а ведь эти вечера в таких обольстительных красках рисовались его воображению! Но зато кабинет произвёл на него самое благоприятное впечатление. Там и сям были разложены такие дорогие инструменты, какие гораздо чаще встречаются в больницах, чем у частных врачей. На столе стоял сфигмограф, ** а в углу какая-то машина, похожая на газометр, с употреблением которой доктор Риплей не был знаком. Книжный шкаф, полки которого были уставлены тяжеловесными томами в разноцветных переплётах, на французском и немецком языках, привлёк его особенное внимание, и он весь погрузился в рассматривание книг, пока отворившаяся позади него дверь не заставила его обернуться. Перед ним стояла маленькая женщина с бледным, простым лицом, но проницательными насмешливыми глазами. В одной руке она держала пенсне, в другой – его карточку.

- Здравствуйте, доктор Риплей, сказала она.
- Здравствуйте, сударыня, ответил он. Вашего супруга, вероятно, нет дома?
- Я не замужем, просто ответила она.
- Ах, извините, пожалуйста! Я имел в виду доктора... доктора Верриндера Смита.
- Я доктор Верриндер Смит.

Доктор Риплей был так поражён, что уронил шляпу и забыл даже поднять её.

- Как?! - с трудом выговорил он. - Обладатель премии Ли Гопкинса - вы!

Ему никогда не приходилось видеть женщины-врача, и его консервативная душа возмущалась при одной мысли о таком уродливом явлении. Хотя он не процитировал библейского текста, гласящего, что только мужчина может быть врачом и только женщина кормилицей, однако он чувствовал, что прямо у него на глазах свершилось неслыханное богохульство. На лице доктора Риплея ясно отразились его мысли.

- Мне очень жаль, что я обманула ваши ожидания, сухо сказала дама.
- Действительно, вы удивили меня, ответил он, поднимая свою шляпу.
- Вы, значит, противник женского освободительного движения?
- Не могу сказать, чтобы оно пользовалось моей симпатией.
- Но почему?
- Я предпочёл бы уклониться от дискуссии.
- Но я уверена, что вы ответите на вопрос дамы.
- В таком случае я скажу вам, что женщины, узурпируя привилегии другого пола,

жизнеописание, биография (лат.)

^{**} Прибор для записи кровяного давления в артериях и ритма сердечной деятельности по биению пульса. (П.Г.)

подвергаются опасности лишиться своих собственных.

- Но почему же женщина не может зарабатывать средства к жизни умственным трудом? Доктора Риплея раздражало спокойствие, с которым она задавала ему вопросы.
- Я очень хотел бы избежать спора, мисс Смит.
- Доктор Смит, поправила она его.
- Ну, доктор Смит. Но если вы настаиваете, то должен сказать вам, что я не считаю медицину профессией, приличною для женщины, и что я против женщин, старающихся походить на мужчин.

Это был крайне грубый ответ, и ему тотчас же стало стыдно за свою грубость. Но его собеседница всего лишь приподняла брови и улыбнулась.

– Мне кажется, что вы слишком поверхностно относитесь к проблеме женского равноправия, – сказала она. – Конечно, если в результате женщины становятся похожими на мужчин, то от этого они много теряют.

Своим замечанием она довольно удачно отпарировала его грубую выходку, и доктор не мог не оценить этого.

- Честь имею кланяться, сказал он.
- Мне очень жаль, что между нами не могут установиться более дружелюбные отношения, раз уж мы соседи, сказала она.

Он опять поклонился и сделал шаг к двери.

- Удивительное совпадение, сказала она. Когда мне подали вашу карточку, я как раз читала вашу статью о сухотке спинного мозга в «Ланцете».*
  - В самом деле? сухо осведомился он.
  - Очень талантливая статья.
  - Весьма любезно с вашей стороны.
- Но взгляды, которые вы приписываете профессору Питру из Бордо, уже отвергнуты им.
  - Я пользовался его брошюрой издания 1890 года, сердито сказал доктор Риплей.
- А вот его брошюра издания 1891 года.
   Она достала из груды периодических изданий, лежавших на столе, небольшую книжку и протянула её доктору Риплею.
   Посмотрите вот это место...

Доктор Риплей быстро пробежал глазами указанный ею абзац. Не могло быть никакого сомнения: профессор совершенно отказался от взглядов, высказанных им в предыдущей статье. Швырнув книжку на стол, Риплей ещё раз холодно поклонился и вышел из кабинета. Взяв вожжи у грума, он обернулся в сторону дома и увидел, что мисс Смит стоит у окна и, как ему показалось, весело хохочет.

Весь день его преследовало воспоминание об их встрече. Он чувствовал, что вёл себя в разговоре с госпожой Смит, как школьник. Она показала, что знает больше его по вопросу, которым он особенно интересовался. Она держалась учтиво и спокойно, в то время как он был груб и сердился. Но больше всего Риплея угнетала мысль о её чудовищном вторжении в сферу его собственной деятельности. До сих пор женщина-врач была для него абстрактным, отвратительным понятием, теперь же оно имело реальное воплощение: рядом с ним поселилась докторша, и у неё на дверях была такая же медная дощечка, как у него — очевидно, она рассчитывала на его пациентов. Конечно, он не боялся её конкуренции, но его возмущало поругание идеала женственности, которым, по его мнению, являлась профессия соседки. Ей, вероятно, не больше тридцати лет, и у неё славное выразительное лицо. Он вспомнил её насмешливые глаза и твёрдый, изящно очерченный подбородок. Больше всего он негодовал при мысли о тех испытаниях, которым во время изучения медицины должна была подвергаться её стыдливость. Мужчина может, конечно, пройти через это, сохранив всю свою чистоту, но женщина — никогда!

Но вскоре он понял, что ему придётся серьёзно считаться с её конкуренцией. Известие о прибытии докторши в Хойланд привлекло в её кабинет нескольких любопытных пациентов, на которых её уверенность и необыкновенные новомодные инструменты произвели такое сильное впечатление, что в течение пары недель они не могли говорить ни о чём другом. А

_

 $^{^*}$ Еженедельный медицинский журнал, издаваемый в Лондоне. (П.Г.)

затем появились другие признаки неизгладимого впечатления, которое она произвела на умы деревенского населения. Фермер Эйтон, уже несколько лет безуспешно лечившийся от экземы цинковой мазью, сразу поправился, как только докторша смазала ему ногу какой-то жгучей жидкостью, в течение трёх ночей причинявшей невыразимые страдания. Миссис Крайдер, всегда смотревшая на родинку на щеке своей дочери Эльзы как на знак Божьего гнева за невоздержанность — перед родами она позволила себе съесть три порции малинового пирога -, также убедилась, что это зло поправимое. Словом, через месяц мисс Смит пользовалась известностью, а через два — славой.

Иногда доктор Риплей встречался с ней во время своих поездок. Она ездила в высоком кабриолете и правила сама; мальчик-грум сидел позади неё. Когда они встречались, доктор Риплей неизменно приподнимал свою шляпу, но суровое выражение его лица недвусмысленно говорило о том, что это чистая формальность. Действительно, его неприязнь к мисс Смит быстро перешла в настоящую ненависть. Описывая её горстке преданных пациентов, он позволял себе изображать её в качестве «бесполой женщины». Впрочем, ряды его пациентов быстро таяли, и каждый новый день приносил известие о чьём-нибудь отступничестве. По-видимому, население прониклось почти фанатическою верою в её искусство, и пациенты стекались к ней толпами. Но что особенно оскорбляло Риплея, так это то, что ей удавались такое, от чего он из-за трудности выполнения обыкновенно отказывался. При всей обширности своих познаний он не отваживался на операции, чувствуя, что его нервы недостаточно крепки для этого, и обыкновенно отсылал больных, нуждающихся в хирургической помощи, в Лондон. Она же бралась за самые трудные операции. Риплей жестоко страдал, узнав, что она взялась выпрямить кривую ногу Алека Тёрнера, сына приходского священника; более того, мать Алека прислала ему записку, с просьбой взять на себя хлороформирование её сына во время операции. Отказаться было бесчеловечно, так как заменить его было некому, и потому, скрепя сердце, он дал своё согласие, хотя перспектива стать свидетелем торжества соперницы была для него горше полыни. Тем не менее, несмотря на свою неприязнь, Риплей не мог не удивляться ловкости, с которою докторша произвела операцию. Ему никогда не приходилось видеть более искусную работу, и у него хватило благородства высказать своё мнение вслух, хотя её мастерство лишь усилило его нерасположение к ней. Благодаря этой операции популярность докторши сильно выросла в ущерб, разумеется, его собственной репутации, и теперь у него появился лишний повод ненавидеть её - он боялся остаться без практики. Но именно из-за этой ненависти дело приняло совсем неожиданный оборот.

В один зимний вечер, когда доктор Риплей только что отобедал, он получил известие от соседа-помещика, Фэркастля, – самого богатого человека в округе, – что его дочь обварила руку кипятком и срочно нужна помощь. За докторшей тоже послали человека, так как Фэркастлю было безралично, кто приедет, лишь бы поскорее. Как сумасшедший, выбежал доктор Риплей из своего кабинета; он поклялся, что не даст сопернице проникнуть в дом своего лучшего пациента. Он даже не подождал, пока зажгут фонари на экипаже и помчался сломя голову. Он жил несколько ближе к имению Фэркастля, чем мисс Смит, и был уверен, что приедет значительно раньше её.

Так, вероятно, и оказалось бы, не вмешайся тут всемогущий случай, постоянно расстраивающий самые правильные расчёты человеческого ума и сбивающий с толку самых самоуверенных пророков. Потому ли, что у экипажа не были зажжены фонари, или потому, что Риплей всё время думал о своей счастливой сопернице, но только на крутом повороте на Бэзингстокскую дорогу фаэтон чуть не опрокинулся. Доктор и грум помещика вылетели из экипажа в канаву, а испуганная лошадь умчалась с пустой повозкой. Грум выбрался из канавы и зажёг спичку, осветив своего стонущего компаньона.

Доктор приподнялся на локте. Он увидел, что ниже колена его правой ноги из разорванной штанины торчит что-то белое и острое.

- Ax, Господи! — простонал он. — Ведь эта штука продержит меня в постели, по крайней мере, три месяца! — и с этими словами он лишился чувств.

Когда он пришёл в себя, грума уже не было, так как он побежал к дому помещика за помощью, но около него стоял мальчик, грум мисс Смит, направляя свет фонаря на его повреждённую ногу, а сама она в это время ловко разрезала кривыми ножницами его брюки в

том месте, где нога была сломана.

- Ничего, доктор, сказала она успокаивающим тоном. Мне очень жаль, что с вами случилось такое несчастье. Завтра к вам приедет доктор Гортон, но я уверена, что до его приезда вы не откажетесь от моей помощи. Я глазам не поверила, когда увидела, что вы лежите на дороге.
  - Грум ушёл за помощью, простонал больной.
- А пока она придёт, мы перенесём вас в экипаж. Полегче, Джон! Так! Но в таком виде вам нельзя ехать. Не возражаете, если я дам вам хлороформ? Я приведу вас в состояние...

Доктору Риплею не пришлось услышать конца этой фразы. Он попытался было приподнять руку и пробормотать что-то в знак протеста, но в ту же минуту ощутил сладковатый запах хлороформа, и чувство необычайного покоя охватило его измученное тело. Ему казалось, что он погрузился в холодную прозрачную воду и опускается всё ниже и ниже плавно и без усилий в царство зеленоватых теней, а воздух сотрясается от гармоничного звона больших колоколов. Но вот он начал подниматься наверх, виски сдавила страшная тяжесть; и вот он оставил позади зеленоватый сумрак моря, и яркий дневной свет опять коснулся его глаз. Два блестящих золотых шара сияли перед его ослеплёнными глазами. Он долго шурился, желая понять, что это такое, пока, наконец, не сообразил, что это всего-навсего медные шары, укреплённые на столбиках его кровати, и что он лежит в своей собственной маленькой комнате; ему казалось, что вместо головы у него пушечное ядро, а вместо ноги – кусок железа. Повернув голову, он увидел склонившееся над ним спокойное лицо докторши.

- А, наконец-то! сказала она. Я всю дорогу не давала вам очнуться. Я знаю, как мучительна тряска при переломе. Ваша нога в лубке. Я приготовила вам снотворное. Сказать вашему груму, чтобы он съездил завтра утром за доктором Гортоном?
- Я предпочёл бы, чтобы меня продолжали лечить вы, сказал доктор Риплей слабым голосом, – вы ведь отобрали у меня всех пациентов, возьмите же и меня впридачу, – прибавил он с нервным смешком.

Не слишком приветливая речь, но когда она отошла от постели больного, её глаза светились не гневом, а состраданием.

У доктора Риплея был брат, Вильямс, — младший хирург в лондонском госпитале. Получив известие о несчастии с братом, он сейчас же приехал в Гэмпшир. Услышав подробности, он удивлённо приподнял брови.

- Как! У вас завелась одна из этих! воскликнул он.
- Я не знаю, что бы я делал без неё.
- Не сомневаюсь, что она хорошая сиделка.
- Она знает своё дело не хуже нас с тобой.
- Говори только за себя, Джеймс, ответил лондонец, презрительно фыркнув. Но если даже мы оставим в стороне данный случай, то ты не можешь не сознавать, что медицина профессия, совсем не подходящая для женщины.
- Так, значит, ты полагаешь, что ничего нельзя сказать в защиту противоположного мнения?
  - Великий Боже! А ты?
- Ну, не знаю. Но вчера вечером мне пришло в голову: а вдруг наши взгляды на этот предмет несколько узки?
- Вздор, Джеймс! Женщины могут получать премии за лабораторные занятия, но ведь ты знаешь не хуже меня, что в критических обстоятельствах они совершенно теряются. Ручаюсь, что перевязывая твою ногу, эта женщина страшно волновалась. Кстати, дай-ка я посмотрю, хорошо ли она её перевязала.
- Я предпочёл бы, чтобы ты её не трогал, сказал больной. Мисс Смит сказала, что всё в порядке.

Вильямс казался глубоко оскорблённым.

- Если слово женщины для тебя значит больше, чем мнение младшего хирурга лондонского госпиталя, то, разумеется, мне остаётся только умолкнуть, сказал он.
  - Да, я предпочитаю, чтобы ты не трогал её, твёрдо сказал больной.

В тот же вечер доктор Вильямс Риплей, пылая негодованием, вернулся в Лондон.

Докторша крайне удивилась, что брат Риплея так скоро уехал.

- Мы с ним слегка поспорили, сказал доктор Риплей, не считая нужным вдаваться в подробности.
- В течение целых двух долгих месяцев доктору Риплею приходилось ежедневно общаться со своей соперницей, и он узнал много такого, о чём раньше и не подозревал. Она оказалась прекрасным товарищем и самым внимательным врачом. Её короткие визиты были для него единственной отрадой в длинные скучные дни, которые он поневоле проводил в постели. У неё были те же интересы, что и у него, и она могла говорить обо всём, как равный с равным. И тем не менее только совершенно лишённый чуткости человек мог бы не заметить под этой сухой и серьёзной оболочкой нежной женственной натуры, сказывавшейся и в её разговоре, и в выражении голубых глаз, и в тысяче других мелочей. А он, несмотря на некоторую примесь фатовства и педантизма, ни в коем случае не был лишён чуткости и был достаточно благороден, чтобы признаться в своих заблуждениях.
- Не знаю, как мне оправдаться перед вами, застенчиво начал он однажды, когда его выздоровление подвинулось вперёд уже настолько, что он мог сидеть в кресле, заложив ногу на ногу, но я чувствую, что я был совершенно неправ.
  - В чём же именно?
- В своих воззрениях на женский вопрос. Я привык думать, что женщина неизбежно теряет часть своей привлекательности, посвящая себя такой профессии, как медицина.
- Так вы больше не считаете, что женщины-врачи становятся какими-то бесполыми существами? воскликнула она.
  - Пожалуйста, не повторяйте моего идиотского выражения.
- Я так рада, что помогла вам изменить свои взгляды на этот вопрос. Наверное, это самый искренний комплимент, какой только мне приходилось слышать.
- Как бы то ни было, а это правда, сказал он, и потом всю ночь был счастлив, вспоминая, как вспыхнули румянцем её бледные щёки и какой прекрасной она казалась в ту минуту. Он уже давно понял, что она такая же женщина, как и другие, и не мог уже более скрывать от себя, что для него она стала единственной. Ловкость, с которою она перевязывала его ногу, нежность её прикосновения, удовольствие, которое ему доставляло её присутствие, сходство их вкусов, всё вместе взятое совершенно изменило его отношение к ней. Тот день, когда она в первый раз не приехала к нему в обычное время ему уже не нужны были ежедневные перевязки был для него печальным днём. Но намного страшнее была мысль, что наступит время, а он чувствовал, что это время близко, когда ему больше не понадобится её помощь и она прекратит свои визиты. Наконец, настал день, когда она приехала к нему в последний раз. Увидев её, он почувствовал, что от исхода этого последнего свидания зависит всё его будущее. Он был человек прямой, и потому, когда она начала проверять его пульс, взял её за руку и спросил, не согласится ли она стать его женой.
  - И соединить свою практику с вашей? сказала она.

Он вздрогнул, оскорблённый и опечаленный её вопросом.

- Как можете вы приписывать мне такие низкие мотивы? воскликнул он. Я люблю вас самою бескорыстною любовью.
- Нет, я была не права. Я сказала глупость, проговорила она, отодвигая свой стул несколько назад и ударяя молоточком по его колену. Забудьте мои слова. Я не хотела огорчать вас, и, поверьте, я высоко ценю честь, которую вы оказали мне своим предложением. Но то, чего вы хотите, совершенно невозможно.

Если бы он имел дело с другой женщиной, он, вероятно, стал бы убеждать и настаивать, с нею же – он инстинктом чувствовал это – такая тактика была совершенно бесполезна. В тоне её голоса чувствовалась непоколебимая решимость. Он ничего не сказал и с убитым видом откинулся на спинку своего кресла.

– Мне очень жаль вас разочаровывать, – сказала она. – Если бы я догадывалась о вашем чувстве, я сказала бы вам раньше, что решила всецело посвятить себя науке. Есть столько женщин, созданных для брака, и так мало мечтающих о биологических исследованиях. Я останусь верна своему призванию. Я приехала сюда в ожидании открытия Парижской физиологической лаборатории. На днях мне сообщили, что там для меня есть вакансия, и таким образом кончится моё вторжение в вашу практику. Я была к вам так же несправедлива, как и вы ко мне. Я считала вас ограниченным педантом, человеком, у которого нет никаких

достоинств. Пока вы болели, я узнала и оценила вас, и я навсегда сохраню воспоминание о нашей дружбе.

И вот через несколько недель в Хойланде опять остался один врач – доктор Риплей. Но обитатели деревни заметили, что за несколько месяцев он сильно постарел, что в его голубых глазах застыло выражение затаённой тоски, а интересные молодые леди, с которыми сталкивал его случай или заботливые деревенские маменьки, возбуждали в нём ещё меньший интерес, чем прежде.

1894 г.

(перевод Павла Гелевы)

ПЕРСТЕНЬ ТОТА

Член Королевского общества мистер Джон Ванситтарт-Смит, проживающий на Гауэрстрит, в доме N 147-A, наделён такой редкой целеустремлённостью и столь блистательным умом, что без сомнения мог бы стать одним из самых выдающихся учёных нашего времени. Но он оказался жертвой разносторонности своей увлекающейся натуры, которая побуждала его добиваться отличия в разных науках вместо того, чтобы снискать себе славу в одной. В юности он достиг таких успехов в изучении ботаники и зоологии, что друзья смотрели на него, как на второго Дарвина, ему предлагали кафедру в университете, но он вдруг бросил и ботанику, и зоологию и со всей страстью учёного погрузился в изучение химии. За открытия в области спектрального анализа металлов он был избран членом Королевского общества; однако и химии он изменил, забыл путь в лабораторию, а через год вступил в Общество ориенталистов, написав исследование об иероглифических и демотических текстах в святилищах Эль-Каба, чем триумфально подтвердил универсальность своих талантов, равно как и непостоянство своих научных интересов.

Но даже самые ветреные ловеласы в конце концов попадаются в чьи-то сети, не избежал их участи и Джон Ванситтарт-Смит. Чем глубже он погружался в египтологию, тем более поражали его безграничные возможности, которые она открывает перед исследователем, и чрезвычайная важность этой науки, которая может пролить свет на зарождение человеческой цивилизации и объяснить происхождение чуть ли не всех наших наук и искусств. Потрясение было столь велико, что мистер Ванситтарт-Смит не медля женился на молодой особе, которая тоже увлекалась египтологией и писала диссертацию о фараонах шестой династии; обеспечив себе, таким образом, надёжную опору, он начал собирать материал для монографии, где всеохватность исследований Рихарда Лепсиуса* соединится с вдохновенным озарением Шампольона.** Работая над этим ориз magnum***, ему приходилось часто наносить визиты в Лувр, в залы Древнего Египта, которые располагают поистине великолепной экспозицией, и вот во время последнего из этих визитов, не далее как в середине октября, он стал очевидцем в высшей степени странного события, которое, без сомнения, заслуживает того, чтобы о нём написали.

Поезда опаздывали, в Ла-Манше был шторм, и когда наш учёный прибыл в Париж, он сильно устал и был взвинчен. У себя в номере в «Отель де Франс» на Рю Лаффит он бросился на кушетку и хотел отдохнуть часа два, но уснуть не удалось, и тогда он решил пойти в Лувр, несмотря на усталость, выяснить то, ради чего приехал, и вернуться вечерним поездом в Дьепп. Приняв этот план, он надел пальто, потому что день был дождливый и холодный, пересёк Итальянский бульвар и зашагал по Авеню де л'Опера. В Лувре, где он чувствовал себя как дома, он сразу же направился к собранию папирусов, которые намеревался посмотреть.

Даже самые восторженные почитатели Джона Ванситтарта-Смита не отважились бы утверждать, что он хорош собою. Его лицо с орлиным носом и выдающимся вперёд подбородком казалось острым, даже пронзительным — именно эти качества были свойственны его уму. В посадке головы было что-то птичье, и когда он во время спора доказывал какоелибо положение или опровергал, он часто-часто выставлял голову вперёд, будто клевал зерно. Погляди он на своё отражение в витрине, перед которой стоял, то вполне мог бы убедиться, что наружность у него весьма неординарная, да ещё воротник тёплого пальто поднят до ушей. И тем не менее когда кто-то громко сказал по-английски у него за спиной: «До чего же странный вид у этого субъекта», он страшно огорчился.

Нашему учёному было в высшей степени свойственно мелкое тщеславие, которое проявлялось в демонстративном до абсурда пренебрежении к тому, как он выглядит. Он сжал губы и сосредоточил всё своё внимание на свитке папируса, однако сердце сжималось от обилы на всё племя странствующих британцев.

^{*} Рихард Лепсиус (1810 – 1884 гг.) — крупнейший немецкий египтолог. (Π . Γ .)

^{**} Жан Франсуа Шампольон (1790 — 1832 гг.) — крупнейший французский египтолог, среди прочего ему принадлежит заслуга дешифровки древнеегипетского иероглифического письма. (Π . Γ .)

- Вы правы, произнёс другой голос, он действительно производит ошеломляющее впечатление.
- Можно подумать, продолжал первый голос, что от постоянного пребывания в обществе мумий он сам начал мумифицироваться.
  - У него несомненно лицо древнего египтянина, заметил собеседник.

Джон Ванситтарт-Смит мгновенно повернулся на сто восемьдесят градусов, готовясь уничтожить своих соотечественников язвительной насмешкой. Но к его изумлению и радости оказалось, что двое беседующих молодых людей стояли к нему спиной и разглядывали одного из смотрителей Лувра, который полировал какую-то медную вещицу в дальнем конце зала.

— Картер уже наверное ждёт нас в Пале-Рояле, — заметил один из молодых людей, взглянув на часы, и они двинулись к выходу, наполнив залы гулким эхом своих шагов, а наш учёный остался наедине с папирусами.

«Интересно, почему эти бездельники решили, что у него лицо древнего египтянина», — подумал Джон Ванситтарт-Смит и слегка повернулся, чтобы смотритель попал в поле его зрения. Когда он увидел лицо смотрителя, то вздрогнул. Действительно, это было одно из тех лиц, которые он так хорошо изучил по древним изображениям. Правильные скульптурные черты, широкий лоб, округлый подбородок, смуглая кожа — казалось, будто ожила одна из бесчисленных статуй, стоящих в зале, или поднялась из саркофага мумия в маске, или сошёл со стены один из украшающих её рельефов. О случайном сходстве не могло быть и речи. Конечно же, этот смотритель — египтянин. Достаточно увидеть эти характерные острые плечи и узкие бёдра — других доказательств не нужно.

Джон Ванситтарт-Смит неуверенно двинулся к смотрителю, надеясь, что ему какнибудь удастся заговорить с ним. Он не обладал искусством легко и непринуждённо вступать в беседу, был то слишком резок, будто отчитывал подчинённого, то слишком сердечен, точно встретил друга — золотая середина ему никак не давалась. Когда учёный подошёл ближе, смотритель повернулся к нему в профиль, по-прежнему не отрывая взгляда от работы. Ванситтарт-Смит стал всматриваться в его кожу, и у него вдруг возникло ощущение, что перед ним не человек: что-то сверхъестественное было во внешности смотрителя. Висок и скула гладкие и блестящие, точно покрытый лаком пергамент. Ни намёка на поры. Невозможно представить, чтобы на этой иссохшей коже выступила капля пота. Однако лоб, щёки и подбородок покрыты густой сетью тончайших морщинок, которые пересекали друг друга, образуя столь сложный и прихотливый узор, словно природа решила перещеголять татуировщиков Полинезии.

- Où est la collection de Memphis, s'il vous plaît? * смущённо обратился к нему учёный, на лице которого было ясно написано, что он придумал этот пустой вопрос лишь для того, чтобы вступить в разговор.
- C'est là ** , резко ответил смотритель, кивнув головой в сторону противоположного конца зала.
  - Vous êtes un Egyptien, n'est-ce pas?*** брякнул англичанин.

Смотритель поднял голову и устремил на докучливого посетителя свои странные тёмные глаза, похожие на стеклянные, наполненные изнутри холодным туманным блеском; Смит никогда не видел у людей таких глаз. Он смотрел в них и видел, как в глубине возникло какое-то сильное чувство — гнев или волнение? — как оно стало разгораться, устремилось наружу и наконец обрело выражение во взгляде, где смешались ужас и ненависть.

— Non, monsieur, je suis Français.**

Смотритель резко отвернулся и, низко опустив голову, снова принялся начищать фигурку. Учёный в изумлении уставился на него; потом пошёл к креслу в укромном уголке за дверью, сел и стал делать выписки из папирусов. Однако мысли отказывались сосредоточиться на работе. Они упорно возвращались к загадочному смотрителю с лицом сфинкса и пергаментной кожей.

«Где я видел такие глаза? — мучился Ванситтарт-Смит. — Они похожи на глаза

_

^{*} Будьте любезны, где экспонаты из Мемфиса? (франц.)

^{**} Вон там. (*франц*.)

^{***} Вы египтянин, не так ли? (*франц*.)

^{*****} Heт, мьсье, я француз. (*франц*.)

ящерицы, на глаза змеи. В глазах змеи есть membrana nictitans*», — размышлял он, вспоминая о своём прежнем увлечении зоологией. — «От её движений глаза как бы мерцают. Да, всё так, но не это главное. В его глазах живёт сознание власти, мудрость — так во всяком случае я это расшифровал, — усталость, неизбывная усталость и беспредельное отчаяние. Может быть, это воображение играет со мной такие шутки, но, клянусь, я потрясён, такого странного чувства я никогда в жизни не испытывал! Нужно ещё раз посмотреть ему в глаза». Он поднялся с кресла и стал обходить египетские залы, однако смотритель, который вызвал у него такой интерес, исчез.

Учёный вернулся в свой укромный уголок и снова взялся за папирусы. Он нашёл в них то, что искал, оставалось только записать, пока всё свежо в памяти. Карандаш его быстро бегал по бумаге, но немного погодя строчки поползли в разные стороны, буквы потеряли чёткость, и кончилось всё тем, что карандаш упал на пол, а голова учёного склонилась на грудь. Его совершенно вымотало путешествие, и он заснул так крепко в своём одиноком убежище за дверью, что его не разбудили ни звякающие ключами сторожа, ни шаги посетителей, ни даже громкий сиплый звонок, возвестивший, что музей закрывается.

Наступили сумерки, потом совсем стемнело, Рю де Риволи наполнилась вечерним шумом, но вот шум стал стихать, издали с собора Нотр-Дам раздалось двенадцать ударов — полночь, а тёмная одинокая фигура всё так же неподвижно сидела в тени двери в углу. Миновал ещё час, и только тогда Ванситтарт-Смит судорожно вздохнул и проснулся. Сначала он подумал, что заснул у себя в кабинете за столом. Однако в незанавешенное окно ярко светила луна, и, увидев ряды мумий и строй витрин с тускло поблёскивающими стёклами, он мгновенно сообразил, где находится, и вспомнил, как сюда попал. У нашего героя были крепкие нервы. К тому же его, как и всё племя учёных, страстно влекла любая новизна. Он потянулся, потому что всё тело у него затекло, посмотрел на часы и рассмеялся — ну и ну! Он опишет этот забавный случай в следующей статье и слегка развлечёт читателя, которому готовит серьёзное, глубокое исследование. Он слегка поёжился от холода, но чувствовал, что отлично выспался и отдохнул. Не удивительно, что сторожа его не заметили, ведь от двери на него падала густая чёрная тень.

Ничем не нарушаемая тишина казалась торжественной. Ни с улицы, ни из залов музея не доносилось ни шороха, ни шелеста. Он был наедине с мёртвыми мёртвой цивилизации. Да, за стенами слепит мишурный девятнадцатый век, ну и что же! Здесь, в этом зале, нет ни одного предмета, будь то окаменевший колос пшеницы или коробка, где древний художник держал краски, который не выдержал бы с достоинством натиск четырёх тысячелетий. Здесь собраны обломки великого древнего царства, которые выбросил нам могучий океан времени. Эти реликвии были найдены в величественных Фивах, в царственном Луксоре, в прославленных храмах Гелиополя, в сотнях ограбленных гробниц. Учёный обвёл взглядом смутно вырисовывающиеся во мраке мумии, которые столько тысячелетий хранят молчание, эти останки великих тружеников, покоящиеся сейчас в неподвижности, и его охватило глубокое благоговение. Он вдруг почувствовал, как сам он молод и ничтожен, — такое с ним случилось впервые. Откинувшись на спинку кресла, он задумчиво глядел на длинную анфиладу зал, наполненных по всему крылу огромного дворца серебряным лунным светом. И вдруг увидел вдали жёлтый свет лампы.

Джон Ванситтарт-Смит выпрямился, сердце застучало, как молот. Свет медленно приближался к нему, порой замирал на месте, потом резко устремлялся вперёд. Тот, кто его нёс, двигался бесшумно, как дух. Нога словно не касалась пола, и ничто не нарушало мёртвую тишину. «Грабители», — подумал англичанин. Он ещё глубже забился в угол. Теперь между ним и светом оставалось всего два зала. Вон он уже в соседнем, всё такой же беззвучный. Замирая от жгучего любопытства, которое пересиливало страх, учёный вперил взгляд в лицо, словно бы плывущее в воздухе над лампой. Туловище было в тени, но странное сосредоточенное лицо ярко освещено. Невозможно было не узнать эти поблёскивающие металлом глаза, эту мертвенную кожу. Перед Ванситтартом-Смитом был смотритель, с которым он днём пытался завязать беседу.

Первый порыв учёного был выйти из-за двери и заговорить с ним. Он объяснит, какой с

^{*} мигательная перепонка (лат.)

ним получился казус; смотритель, конечно же, выпустит его через один из запасных выходов, и он вернётся к себе в отель. Но когда смотритель вступил в зал, англичанин раздумал: уж слишком таинственно крался ночной гость и слишком загадочное у него было лицо. Без сомнения, это не был один из проверочных обходов, которые совершаются в предписанные часы. Смотритель был в домашних туфлях на войлочной подошве, грудь его высоко вздымалась, он то и дело озирался по сторонам, пламя лампы трепетало от его взволнованного прерывистого дыхания. Ванситтарт-Смит вжался как можно глубже в свой угол, стараясь не скрипнуть креслом, и стал внимательно наблюдать, уверенный, что смотритель пришёл совершить какое-то тайное дело, может быть, даже преступление.

Смотритель двигался уверенно. Быстрым лёгким шагом он подошёл к одной из больших витрин и, вынув из кармана ключ, отпер её. С верхней полки снял мумию, отнёс её на свободное место и бережно, точно она была хрустальная, положил на пол. Поставив возле неё свою лампу, сел, скрестив ноги по-турецки, и принялся разматывать своими длинными дрожащими пальцами бинты и пелены, в которые она была завёрнута. С треском отрывались друг от друга слои пропитанного ароматическими маслами льна, по залу поплыла густая волна благовоний, на мраморный пол сыпались кусочки ароматической древесины, цветы, пахучие травы.

Джон Ванситтарт-Смит понимал, что с этой мумии снимают пелены в первый раз. Процедура вызвала у него такой интерес, что он позабыл обо всём на свете. Сгорая от волнения, он высовывался из-за двери всё дальше и дальше, как птица. Когда же наконец голова, пролежавшая в погребальных пеленах четыре тысячи лет, освободилась от последнего слоя льна, ему едва удалось сдержать возглас изумления. На руки смотрителя хлынул водопад длинных чёрных блестящих волос. Следующий слой бинта освободил невысокий белый лоб и слегка изогнутые брови. Потом он увидел блестящие глаза, осенённые длинными пушистыми ресницами, и маленький точёный нос, и вот наконец взору открылись нежные пухлые губы и прелестно очерченный подбородок. Лицо было редкой красоты, в нём был единственный изъян — коричневое пятнышко неправильной формы в самой середине лба. Эта мумия была апофеозом искусства бальзамирования. Ванситтарт-Смит глядел на красавицу, не веря своим глазам, и от восхищения даже издал горлом как бы воркующий звук.

Если наш египтолог был потрясён, то что говорить о загадочном смотрителе. Воздев руки к небу он разразился гневными, горькими словами, потом бросился на пол рядом с мумией, обнял её и стал целовать в губы и лоб.

— Ma petite! — рыдал он. — Ma pauvre petite!*

Голос его прерывался от горя, мелкие бесчисленные морщины на лице дрожали, меняя очертания, но в блестящих глазах — учёный ясно видел это в свете лампы — не было слёз, казалось, то блестят не человеческие глаза, а сталь. Несколько минут смотритель лежал, глядя на прекрасную египтянку, шептал что-то скорбно и нежно, и по его лицу пробегала судорога непереносимого страдания. Но вдруг он улыбнулся, сказал что-то на неизвестном Смиту языке и легко вскочил на ноги с решительным видом человека, который отважился на дерзостный поступок.

В центре зала находилась большая круглая витрина, где размещена великолепная коллекция древнеегипетских перстней периода Среднего царства — наш учёный много о нём писал. Именно к этой витрине и подошёл смотритель, отпер её и раскрыл. Поставил лампу на выступ сбоку и возле лампы — маленький фаянсовый флакон, который вынул из кармана. Потом сгрёб с полки витрины пригоршню перстней и с чрезвычайно серьёзным, сосредоточенным выражением на лице принялся протирать их один за другим жидкостью, которая была во флаконе, и потом подносил близко к огню лампы. Первая партия его явно разочаровала, потому что он с отвращением швырнул перстни обратно на полку и взял порцию других.

Увидев массивный перстень с большим кристаллом горного хрусталя, он, как коршун, схватил его и в страшном волнении мазнул жидкостью из флакона. С уст его сорвался крик радости, он возбуждённо взмахнул руками и нечаянно опрокинул флакон — жидкость вылилась на пол, и струйка побежала прямо к ногам англичанина. Смотритель выхватил из-за

^{*} Моя малютка! Бедняжка моя! (франц.)

пазухи красный носовой платок и, вытирая пол, двинулся за струйкой в угол, где и оказался лицом к лицу с наблюдавшим за ним англичанином.

- Ради Бога простите меня, проговорил Джон Ванситтарт-Смит со всей любезностью, на какую только был способен, я попал в абсурднейшее положение: заснул в кресле за этой дверью.
- Это что же, вы подсматривали за мной? спросил смотритель по-английски, и его мертвенное лицо исказилось от ненависти.

Учёный был человек правдивый.

— Не буду скрывать, — сказал он, — я оказался свидетелем ваших действий, и они чрезвычайно меня заинтриговали.

Смотритель вынул из-за пазухи кинжал с длинным лезвием и богато украшенной рукояткой.

- Ваша жизнь висела на волоске, произнёс он, если бы я увидел вас десять минут назад, этот кинжал пронзил бы ваше сердце. Но я убью вас и сейчас, если вы только попытаетесь схватить меня или каким-нибудь образом помешать мне.
- У меня нет ни малейшего желания мешать вам, ответил учёный. Я оказался здесь по чистой случайности. И прошу вас лишь об одном: выпустите меня через какой-нибудь боковой выход, я буду бесконечно благодарен вам за эту любезность. Он говорил чрезвычайно учтиво, потому что смотритель по-прежнему прижимал кончик лезвия к ладони левой руки, как бы проверяя, достаточно ли кинжал острый, и лицо его сохраняло всё то же грозное выражение.
  - Если бы я знал... проговорил он. Впрочем, не всё ли равно? Кто вы?

Англичанин назвал своё имя.

- Ванситтарт-Смит, повторил смотритель. Вы что же, тот самый Ванситтарт-Смит, который сделал в Лондоне сообщение о текстах Эль Каба? Я его пролистал. То, что вы там понаписали, свидетельствует о вашем глубоком невежестве.
  - Как вы смеете, сэр! вскричал египтолог.
- Однако вы ещё приличнее прочих, те и вовсе профаны с непомерным самомнением. Разгадка нашей жизни в Древнем Египте не в текстах и не в памятниках, которым вы придаёте такое огромное значение, а в нашей тщательно хранимой от других народов философии и в наших мистических знаниях, о которых вы, по сути, ничего не пишете.
- *Наша* жизнь в Древнем Египте! изумлённо повторил учёный и вдруг воскликнул: Боже мой, что с мумией? Что с её лицом?

Таинственный смотритель быстро повернул лампу в сторону женщины, умершей четыре тысячи лет назад, и скорбно застонал. Действие воздуха погубило весь труд искусного бальзамировщика. Кожа обратилась в прах, глаза провалились, губы обесцветились и истлели, обнажив жёлтые зубы, только коричневое пятно на лбу осталось — единственное подтверждение, что всего несколько минут назад здесь лежала голова прекраснейшей юной женшины.

Смотритель заломил руки от ужаса и горя. Потом усилием воли овладел собой и снова устремил тяжёлый взгляд на англичанина.

- Что ж, пусть, мне всё равно, сказал он срывающимся голосом. Теперь ничто не имеет значения. Я пришёл сюда выполнить то, что задумал. И выполню. Всё остальное для меня просто не существует. Я искал и нашёл. Древнее проклятие разрушено. Наконец-то я могу соединиться с ней. Разве важно, как выглядит её мёртвая оболочка, важно то, что по ту сторону завесы меня ждёт её живая душа!
- Что вы такое говорите? Это же Бог весть какая несообразность, возразил Ванситтарт-Смит. Он уже почти не сомневался, что перед ним сумасшедший.
- Время не ждёт, мне пора, продолжал тот. Настал миг, которого я ждал столько нескончаемых лет. Но сначала я должен выпустить вас. Идёмте.

Взяв лампу, он двинулся прочь от разорённой витрины и быстро повёл учёного по длинной анфиладе египетских, ассирийских и персидских залов. В конце последнего он толкнул маленькую дверь в стене, и они стали спускаться по каменной винтовой лестнице. В лицо Ванситтарту-Смиту дохнул холодный ночной воздух. Против него оказалась дверь, которая, по всей видимости, выходила на улицу. Справа от него была ещё одна дверь,

неплотно закрытая, и сквозь щель пробивалась полоска жёлтого света.

— Сюда! — властно бросил смотритель.

Ванситтарт-Смит стоял в нерешительности. Он-то надеялся, что ночное приключение закончилось. Но любопытство пересилило. Разве мог он уйти, не узнав, что означает эта более чем странная история, и потому последовал за своим загадочным спутником в освещённое помещение.

Это оказалась маленькая комнатка, какие отводят консьержкам. В камине жарко пылали дрова. У стены стояла раскладная кровать, по другую сторону камина — простое деревянное кресло, посередине комнаты круглый стол с остатками еды. Гость оглядел комнату: все предметы до последней мелочи поражали необычностью формы, и все старинные. Ванситтарт-Смит пришёл в величайшее волнение и восторг. Подсвечники, вазы на каминной полке, каминные щипцы, украшения на стенах наводили на мысль о глубокой древности. Суровый его спутник с тяжёлым взглядом сел на край кровати, а гостю указал на кресло.

— Может быть, это Судьба так распорядилась, — заговорил он всё так же по-английски, и надо сказать, что владел он этим языком безупречно. — Может быть, ей угодно, чтобы я открыл свою тайну и предостерёг дерзостных смертных, которые восстают против мудрости Природы. Я открою эту тайну вам. Можете делать с ней всё, что хотите. С вами говорит человек, готовый перешагнуть порог другого мира.

— Я, как вы тогда догадались, — египтянин, но принадлежу не к тому презренному племени рабов, которые сейчас прозябают в дельте Нила, — нет, в моих жилах течёт древняя кровь мужественного могучего народа, изгнавшего семитов, оттеснившего эфиопов в пустыни юга, построившего величественные пирамиды, дворцы и храмы, которым люди дивятся по сей день, не умея создать ничего подобного. Я появился на свет во время царствования Тутмоса Первого, за шестнадцать веков до рождения Христа. Вы отпрянули от меня. Подождите, скоро вы поймёте, что бояться меня не надо, ибо воистину я достоин жалости.

Зовут меня Сосра. Отец мой был верховным жрецом в знаменитом храме Осириса* в Аварисе, который стоял на берегу Бубастийского рукава Нила. Я воспитывался в храме и постиг там мистические знания, о которых рассказывается в вашей «Библии». А ученик я был способный. Мне не исполнилось и шестнадцати лет, а я уже овладел всеми глубинами наук, в которые меня мог посвятить мудрейший из жрецов. После этого я стал изучать тайны Природы сам и ни с кем своими открытиями не делился.

Многое интересовало меня, но больше всего меня волновала загадка жизни, ей я отдавал всё своё время, весь свой труд. Я глубоко заглянул в жизненное начало. Цель медицины состояла в том, чтобы излечить болезнь, когда она развилась. Я же считал, что можно найти средство, которое настолько укрепит организм, что он не поддастся никакой болезни, даже смерть будет бессильна против него. Не стану рассказывать вам о моих исследованиях — в том нет нужды. Да вы вряд ли и поймёте. Я проводил опыты на животных, на рабах, на самом себе. И вот наконец я получил вещество, которое, если ввести его в кровь, делает организм неуязвимым для старости, болезней, яда или кинжала убийцы. Правда, человек не обретает бессмертие, но может прожить несколько тысяч лет. Я испробовал раствор на кошке и потом травил её самыми сильными ядами. Кошка жива и по сей день, она по-прежнему в Нижнем Египте. Ничего таинственного или сверхъестественного в моём открытии не было. Просто я создал химическое соединение, его вполне можно повторить.

Как страстно мы любим в молодости жизнь! Теперь, когда в моих руках было средство оградить себя от боли и отодвинуть смерть в неразличимую даль, мне казалось, что я вознёсся над всеми человеческими страданиями. И я не задумываясь влил эту проклятую жидкость себе в вену. Потом стал искать, кого бы мне ещё осчастливить. В храме Тота^{**} был молодой жрец по имени Пармес, я был очень расположен к нему — он был такой серьёзный и так самозабвенно проникал в глубины наук. И вот я рассказал ему о моей тайне; он попросил

 $^{^*}$ Осирис (Озирис) — бог воды и растительности, властитель подземного мира в религии древних египтян. (Π . Γ .)

 $^{^{**}}$ Тот — бог луны и мудрости у древних египтян. Изображался в виде человека с головой ибиса, увенчанной луной; и иногда — в образе павиана. (Π . Γ .)

впрыснуть ему в кровь эликсир, и я выполнил его желание. Как хорошо, думал я, теперь у меня на всю жизнь есть друг, мы одного возраста.

После этого великого открытия я стал менее усердно заниматься наукой. Пармес же продолжал свои изыскания с ещё большим рвением. Каждый день я видел его в храме Тота среди колб и выпарителей, но он почти ничего не рассказывал мне о плодах своих трудов. Что касается меня, то я вместо занятий разгуливал по городу, с восхищением его разглядывал и думал, что этим домам, дворцам и храмам суждено исчезнуть с лица земли, люди умрут, один только я буду жить и жить. Все мне кланялись, ибо слава о моей учёности распространилась далеко по стране.

Тогда шла война с гиксосами, воины великого фараона защищали наши восточные границы. В Аварис тоже прибыл новый правитель с повелением во что бы то ни стало удержать город. Я много слышал о красоте дочери правителя, и вот однажды, когда мы с Пармесом прогуливались по улицам, мы увидели её в носилках, которые несли на плечах рабы. Любовь поразила меня, как молния. Казалось, моё сердце вырвалось из груди и устремилось к ней. Мне хотелось броситься под ноги её рабов, и пусть бы они прошли по мне. Эта девушка для меня — единственная в мире. Жизнь без неё немыслима. И я поклялся Гором, что она будет моей. Я произнёс свою клятву в присутствии жреца Тота. Лицо у него стало мрачным, как ночь, и он отвернулся от меня.

Не стану рассказывать, как я добивался её внимания. Она полюбила меня так же беззаветно, как я её. Она рассказала, что Пармес познакомился с ней раньше, чем я, и тоже признался в любви, но я лишь усмехнулся в ответ, ведь я знал, что сердце её принадлежит мне. В городе вспыхнула бубонная чума, она косила людей, но я лечил больных и ухаживал за ними, ничего не боясь, да и чего мне было бояться? Она восхищалась моим бесстрашием. Тогда я открыл ей тайну эликсира и стал умолять, чтобы она позволила мне защитить её с помощью моего искусства.

— Твоя цветущая красота никогда не увянет, — убеждал я Атму. — Всё минует, всё исчезнет, но мы с тобой и наша великая любовь переживём пирамиду Тефрена.

Она стала робко, застенчиво возражать.

— Но разве это справедливо? — говорила она. — Разве ты не восстал против власти богов? Если бы животворящий Осирис пожелал, чтобы мы жили так долго, разве не даровал бы он людям сам все эти нескончаемые годы?

Я опровергал её сомнения словами самой пылкой любви, и всё-таки она колебалась. Решение, которое она должна принять, слишком важное. Она просила дать ей подумать только одну ночь. Завтра утром она скажет мне, согласна или нет. Одна ночь — ведь это совсем немного. Она будет молиться Изиде, ** пусть богиня её вразумит.

Я ушёл с тяжёлым сердцем, полный мрачных предчувствий, а она осталась в окружении своих прислужниц. Утром, после ранней службы в храме, я поспешил к её дому. На пороге меня встретила испуганная рабыня. Её хозяйка заболела, ей очень плохо. Обезумев, я оттолкнул слуг и бросился через зал, потом по коридору в покои моей Атмы. Она покоилась на ложе, голова высоко на подушках, в лице ни кровинки, пустой безжизненный взгляд, а на лбу горело зловещее багровое пятно. Я не раз видел эту зловещую метину, это клеймо чумы, печать смерти.

Что можно рассказать о том ужасном времени? Шли месяцы, а я всё метался в исступлении, всё глубже погружался в безумие, но избавиться от жизни не мог. Ни один умирающий от жажды араб не мечтал так о колодце с живительной прохладной водой, как я мечтал о смерти. Если бы яд или сталь могли прервать моё постылое существование, я соединился бы с моей возлюбленной в царстве, куда ведёт такая узкая дверь. Что только я ни делал с собой, и всё было напрасно. Проклятый эликсир был непобедим. Однажды ночью, когда я лежал у себя в комнате на ложе, истерзанный мукой, ко мне пришёл жрец Тота Пармес. Он встал в круг света, который изливал светильник, и посмотрел на меня глазами, в

** Изида — одна из наиболее почитавшихся богинь Древнего Египта. Является действующим лицом многих мифов, связное изложение которых сохранилось только в очень поздней версии, изложенной Плутархом («Об Изиде и Озирисе»). (Π . Γ .)

 $^{^*}$ Гор — один из главных богов в религии Древнего Египта. Гор изображался в виде сокола (позднее — в виде крылатого солнечного диска) и почитался как один из богов солнца. (Π . Γ .)

которых горела сумасшедшая радость.

- Почему ты позволил ей умереть? спросил он. Почему не оградил её от болезней и старости, как оградил меня?
- Я не успел, ответил я. Ах да, прости, я забыл ты тоже любил её. У нас общее горе, друг. Какая страшная судьба знать, что пройдут столетия, прежде чем мы снова увидим её. Когда-то мы ненавидели смерть глупцы, какие же мы были глупцы!
- Ты сказал правду, вскричал он и дико захохотал. Но глупцом оказался лишь ты один!
- О чём ты? воскликнул я и приподнялся на локте. Мне кажется, друг, ты повредился в рассудке от горя.

Его лицо горело радостью, он корчился и трясся, точно его поразило злое божество.

- Знаешь ли ты, куда я сейчас иду? спросил он.
- Нет, ответил я, откуда же мне знать?
- Я иду к ней, сказал он. Она лежит за городской стеной в дальней гробнице возле двух пальм.
  - Зачем же ты туда идёшь? спросил я.
- Чтобы умереть! пронзительно крикнул он. Слышишь умереть! Земные путы меня больше не связывают.
  - Но ведь в твоей крови мой эликсир! воскликнул я.
- Я его победил, ответил он, я нашёл более сильный состав, который разлагает твой эликсир. Уже сейчас он борется с ним в моей крови, ещё час или два и я умру. Я полечу к ней, а ты останешься здесь, на земле.

Я внимательно вгляделся в Пармеса и понял, что он говорит правду. Его горящие глаза подтвердили, что эликсир над ним больше не властен.

- Но ведь ты дашь и мне этот состав! воскликнул я.
- Никогла!
- Молю тебя мудростью Тота и величием Анубиса!*
- Все твои мольбы напрасны, жёстко проговорил он.
- Так я сам составлю этот раствор!
- Тебе это не удастся; да, я его получил, но по чистой случайности. В него входит один компонент, но тебе никогда не догадаться, что это. То, что осталось от жидкости, я заключил в перстень Тота, но никто и никогда не сможет его найти.
  - В перстень Тота! повторил я. А где же он, перстень Тота?
- Этого ты тоже никогда не узнаешь, ответил он. Да, ты победил меня, она подарила свою любовь тебе. Но кому досталась конечная победа? Я ухожу к ней и оставляю тебя здесь влачи это горькое земное существование. А я разорвал свои цепи! Прощай, мне пора! он быстро повернулся и бросился прочь. Утром в городе стало известно, что жрец Тота умер.

После этого я затворился в своей лаборатории. Я должен, должен найти это сложное соединение, сила которого столь велика, что уничтожает действие моего эликсира. С рассвета и до полуночи я проводил опыты среди стеклянных сосудов и горнов. Более того, я взял все папирусы и алхимические сосуды жреца Тота. Увы, они не просветили меня. Порой мне казалось, что я вот-вот уловлю намёк, случайно обронённое им слово вызывало бурные надежды, но ни одна надежда не сбывалась. И всё же месяц за месяцем я трудился как одержимый. Когда я чувствовал, что впадаю в малодушие, я шёл к гробнице возле пальм. И там, стоя подле саркофага, в котором покоилась земная оболочка той, чья красота сияла подобно редкой драгоценности и была украдена смертью, я чувствовал, что моя возлюбленная рядом, она успокаивает меня, и я шептал ей, что соединюсь с ней, если только смертный ум сумеет разгадать тайну.

Пармес сказал, что заключил свой состав в перстень Тота. Я помнил это украшение. Массивный обруч, сделанный не из золота, а из более редкого и тяжёлого металла, который добывают в копях на горе Харбал. Называется он платина. В платину, помнится, оправлен

 $^{^*}$ Анубис — бог-покровитель загробного мира в религии древних египтян. Обычно изображался в виде волка, шакала или человека с головой шакала. Почитание Анубиса лежало в основании культа покойников и бальзамирования. (Π . Γ .)

полый кристалл горного хрусталя, в него можно налить жидкость — довольно много капель. Пармес вряд ли скрыл свою тайну в металле перстня из одной только платины, таких в храме великое множество. Не вернее ли предположить, что эта бесценная жидкость запечатана в полость кристалла? Едва я пришёл к этому заключению, как наткнулся в папирусах Пармеса на фразу, которая ясно подтверждала мою догадку: значит, какое-то количество его состава всё ещё существует на свете.

Но как найти перстень? Когда Пармеса готовили нести к бальзамировщику, на его руках перстня не было. Я нарочно расспросил тех, кто участвовал в процедуре. Не было его и среди вещей умершего жреца. Тщетно я обыскивал все комнаты и залы, где он работал или молился, тщетно заглядывал во все шкатулки и вазы, которые ему принадлежали, тщетно осматривал его вещи. Я даже просеивал песок в пустыне в тех местах, где он любил прогуливаться; но как я ни бился, все мои труды были напрасны, перстень Тота исчез без следа. И всё же, может быть, мне удалось бы одолеть последние препятствия, не обрушься на нас ещё одно неожиданное бедствие.

Я уже говорил, что шла великая война с гиксосами, и эти дикари отрезали войско великого фараона в пустыне — там были военачальники, стрелки из лука, всадники. Гиксосы напали на нас, как саранча на поле пшеницы во время засухи. На огромном пространстве между опустошённым Тиром и безбрежным горько-солёным озером целыми днями лилась кровь, а ночью горели костры. Аварис был главным оплотом Египта, но мы не смогли отразить натиск дикарей. Город пал. Его правителю и воинам отрубили головы, меня же вместе с множеством других жителей города увели в плен.

Много лет я пас скот на привольных пастбищах Евфрата. Умер мой хозяин, стал глубоким стариком его сын, а я был всё также силён и молод. Наконец мне удалось бежать на быстроногом верблюде, и я вернулся в Египет. Здесь жили завоеватели-гиксосы, Египтом правил их царь. От Авариса остались обгоревшие развалины, великолепный храм превратился в руины. Усыпальницы разграблены, на месте святилищ груды камней. Я не нашёл и следа гробницы, где покоилась моя Атма. Её поглотили пески пустыни; пальмы, которые пышно зеленели рядом, давно срублены. Папирусы Пармеса и реликвии храма Тота уничтожены или погребены в песках Сирийской пустыни.

И я отказался от надежды найти когда-нибудь перстень или вновь составить этот коварный яд. Я смирился и решил, что надо покорно жить, пока не иссякнет действие эликсира. Увы, вам не дано понять, какое страшное проклятье — бессмертие, ведь вам отпущен ничтожно краткий срок от колыбели до могилы! Но я-то знаю, я дорого заплатил за своё знание, река времени пронесла меня чуть ли не через всю историю человечества. Мне было более трёхсот лет, когда пала Троя. Когда Геродот приехал в Мемфис, я уже прожил около двенадцати столетий. А когда на земле появилось христианство, я был свидетелем событий, происходящих на ней вот уже шестнадцать столетий. Однако, как вы видите, я вовсе не выгляжу стариком, потому что проклятый эликсир всё ещё действует в моей крови, и охраняет от смерти, которой я так жажду. Но наконец-то, наконец-то моя нескончаемая, постылая жизнь оборвётся!

Я много путешествовал и был во всех странах мира, жил среди всех племён и народов. Я знаю все языки. Я выучил их, чтобы хоть чем-то заполнить время. Вы сами представляете, как непереносимо долго оно влачилось — мрак варварства, жестокое средневековье, медленный, о, какой медленный расцвет современной цивилизации. Но что мне всё это сейчас? Я ни разу не посмотрел глазами любви ни на одну женщину. Атма знает, что я хранил ей верность всю жизнь.

Я взял себе за правило читать всё, что учёные пишут о Древнем Египте. Мои обстоятельства часто менялись, я бывал богат, бывал беден, однако всегда находил средства, чтобы покупать журналы, в которых пишут об открытиях археологов. Девять месяцев назад, когда я жил в Сан-Франциско, я прочёл статью о находках, сделанных в окрестностях Авариса. В статье рассказывалось, как её автор исследовал недавно обнаруженные гробницы. В одной из них он нашёл невскрытый саркофаг, внутри него, на внешнем гробе, было начертано, что здесь покоится мумия дочери правителя города, жившая во времена Тутмоса Первого. Далее я прочёл, что, когда археологи сняли крышку внешнего гроба, они увидели на груди мумии массивный платиновый перстень с кристаллом горного хрусталя. Так вот где

скрыл Пармес перстень Тота! Он не лгал, когда говорил, что мне его никогда не найти, ибо ни один египтянин не снимет крышку с гроба дорогого ему человека, ведь это значит отягчить свою душу великим преступлением.

Вечером того же дня я отплыл из Сан-Франциско и через несколько недель снова оказался в Аварисе, если только можно назвать именем некогда великого города остатки разрушенных стен и несколько песчаных холмов. Я поспешил к французам, которые вели там раскопки, и стал расспрашивать их о перстне. Они сказали, что перстень и мумию передали в Булакский музей.

Я немедленно отправился в Каир, но в музее лишь узнал, что Огюст Мариэтт распорядился отправить их в Лувр. Я приехал в Париж и здесь, в египетском зале, наконец-то нашёл останки моей возлюбленной, Атмы, и перстень, который искал почти четыре тысячи пет.

Но как до них добраться? Ведь они должны принадлежать мне, только мне! На моё счастье в эти залы требовался смотритель. Я пошёл к главному хранителю музея и стал убеждать его, что хорошо знаком с историей Древнего Египта. Я так хотел получить это место, что обнаружил слишком обширные познания. Хранитель ответил, что я достоин кафедры профессора, мне решительно нечего делать в кресле смотрителя. Ведь я знаю несравненно больше, чем он. Нет, нет, он переоценил мои знания, они поверхностны и разрозненны, стал горячо возражать я и в конце концов добился, что он позволил мне перевезти то немногое, что сохранилось из моих вещей, в эту каморку. Это моя первая и последняя ночь в ней.

Вот, мистер Ванситтарт-Смит, и вся моя история. Человеку столь проницательного ума, как вы, довольно того, что я рассказал. Нынче ночью непостижимая случайность позволила вам увидеть лицо женщины, которую я любил в те далёкие дни. В витрине было много перстней с горным хрусталём, но я искал платиновый — тот самый, единственный, и потому проверял металл. Взглянув на камень, я сразу понял, что жидкость действительно внутри него, — о, наконец-то я избавлюсь от постылой жизни, от своего несокрушимого здоровья, которое проклинал горше, чем самый тяжкий недуг. Теперь вы знаете обо мне всё. А я — мне стало легче после моего признания. Можете рассказать мою историю своим коллегам, можете умолчать о ней. Это вам решать. Я должен попросить у вас прощения, ведь я чуть было не убил вас в зале. Вы встретились там с одержимым страдальцем, который фанатично рвался к своей цели. Если бы я увидел вас раньше, до того, как совершил задуманное, я наверняка лишил бы вас возможности помешать мне или поднять тревогу. Вот дверь. Она ведёт на Рю де Риволи. Доброй ночи!

Англичанин оглянулся. В узком проходе застыл худой высокий египтянин Сосра, родившийся чуть ли не четыре тысячи лет назад. Миг — и дверь захлопнулась, громко лязгнула задвижка, нарушив тишину ночи.

На следующий день после возвращения в Лондон мистер Ванситтарт-Смит прочитал в «Таймсе» короткую заметку парижского корреспондента:

ЗАГАДОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ЛУВРЕ

Вчера ночью в главном зале крыла, где размещаются памятники Древнего Востока, произошло очень странное событие. Служители, которые приходят по утрам убирать залы музея, увидели, что один из смотрителей лежит на полу мёртвый, обняв мумию. Объятие было таким крепким, что их с величайшим трудом удалось оторвать друг от друга. Витрина, где выставлены ценные перстни, была отперта — видимо, её хотели ограбить, на полках беспорядок. Полиция считает, что смотритель задумал украсть мумию и продать какому-то частному коллекционеру, но когда он её поднял и понёс, больное сердце не выдержало, и он умер. Судя по рассказам, это был человек неопределённого возраста, со странностями, одинокий, без единого родственника, и его трагическая безвременная смерть никому не принесла горя.

1890 г.

(перевод Ю. Жуковой)

ПОТЕРПЕВШИЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ НА «АРХАНГЕЛЕ»

4 марта 1867 года, будучи на двадцать пятом году жизни, я пометил в своей записной книжке следующее – результат многих умственных волнений и борьбы:

«Солнечная система, посреди бесчисленного множества других систем, таких же обширных, как она, несётся в вечном молчании в пространстве по направлению к созвездию Геркулеса. Громадные шары, из которых она состоит, вертятся в вечной пустоте непрестанно и безмолвно. Среди них самый маленький и незначительный есть то скопление твёрдых и жидких частиц, которое мы назвали Землёю. Она несётся вперёд так же, как неслась до моего рождения и будет нестись после моей смерти – вертящаяся тайна, пришедшая неизвестно откуда и идушая неизвестно куда. На наружной коре этой движушейся массы пресмыкается много козявок, одна из которых я. Джон Мак-Витти. беспомощный, бессильный, бесцельно увлекаемый в пространстве. Однако положение вещей у нас таково, что небольшую дозу энергии и проблески разума, которыми я обладаю, всеиело отнимает у меня труд, который необходим, чтобы приобрести известные металлические кружки, посредством которых я могу купить химические элементы, необходимые для возобновления моих постоянно разрушающихся тканей, и иметь над своей головой крышу, которая защищала бы меня от суровости погоды. Я, таким образом, не могу тратить времени на размышление о мировых вопросах, с которыми мне приходится сталкиваться на каждом шагу. Между тем, такая ничтожность, как я, может ещё иногда чувствовать себя до некоторой степени счастливым и даже – отметьте это! – по временам ощущать прилив гордости от чувства собственной значимости».

Эти слова, как было уже сказано, я начертал в своей записной книжке, и они точно выражали мои мысли, которые возникли не под влиянием минуты, а были плодом долгого, упорного размышления. Наконец, однако же, пришло время, когда умер мой дядя, Мак-Витти из Гленкарна, тот самый, который был когда-то представителем комитета Палаты Общин. Он разделил своё большое состояние между многочисленными племянниками, и я убедился, что теперь с избытком обеспечен до конца своих дней. К тому же я сделался собственником мрачного клочка земли на берегу Кэтнесса; я думаю, старик одарил меня в насмешку, так как этот клочок песчаной местности не представлял никакой ценности. Юмор старика всегда смахивал на издевательство. Кстати, замечу, что тогда я состоял стряпчим в одном городишке Центральной Англии.

Теперь я мог предаваться размышлениям, отказаться от всяких мелких и низких целей, мог возвысить свой ум изучением тайн природы. Мой отъезд из Англии был ускорен тем обстоятельством, что я чуть не убил человека в ссоре: я вспыльчив по натуре и забываю о своей силе, когда прихожу в бешенство. Против меня не было возбуждено судебного преследования, но газеты травили меня, а люди косились на меня при встрече. Кончилось тем, что я проклял их и их прокопчённый дымом город и поспешил в мои скверные владения, где я мог, наконец, обрести спокойствие и условия для уединённых занятий. Прежде, чем уехать, я взял небольшую сумму из своего капитала и, таким образом, мог повезти с собою избранную коллекцию философских книг и самых современных инструментов вместе с химическими реактивами и другими подобного рода вещами, которые мне могли понадобиться в моём уединении.

Местность, которую я унаследовал, представляла собою узкую полосу, состоявшую большей частью из песка. Она тянулась более, чем на две мили вдоль бухты Мэнси. Здесь стоял ветхий дом из серого камня, никто не мог сказать мне когда и для чего построенный; я починил его, и он сделался жилищем, совершенно удовлетворявшим моим скромным вкусам. Одна комната стала моей лабораторией, другая — гостиной, а в третьей, как раз под покатой крышей, я подвесил гамак, в котором всегда спал. Было ещё три комнаты, но я не занял их, а одну отдал старухе, которая вела моё хозяйство. На несколько миль вокруг не было ни души, дальше же, на другой стороне Фергус-Несса, жили рыбаки — Янги и Мак-Леоды. Перед домом была большая бухта; позади высились два безлесых холма, из-за которых поднималась гряда более высоких; между холмами была долина, и когда ветер дул с суши, он обыкновенно нёсся по ней с меланхолическим завыванием и шептался между ветвями елей под моим аттическим

окном.

Я не люблю людей. Справедливость заставляет меня прибавить, что и они, кажется, большей частью не любят меня. Я ненавижу их мелкие, низкие, пресмыкающиеся обычаи, их условность, их обманы, их ужасный взгляд на правду и неправду. Их оскорбляет моя резкая откровенность, моё невнимание к их общественным нормам, то нетерпение, с которым я отношусь ко всякому принуждению. Среди книг и химических реактивов, в своей уединённой берлоге в Мэнси, я мог скрыться от шумной людской толпы с её политикой, техническим прогрессом и болтовнёй и блаженствовать в покое и счастье. Впрочем, я не бездельничал, я работал в своей маленькой пещере и делал успехи. Я имею основания думать, что атомистическая теория Дальтона основана на ошибке, и знаю, что ртуть не просто химическое вещество.

В течение дня я занимался перегонками и анализами. Часто я забывал о еде, и когда старая Мэдж звала меня пить чай, я находил свой обед нетронутым на столе. По вечерам я читал Бэкона, Декарта, Спинозу, Канта – всех тех, которые старались постичь непознаваемое. Все они бесплодны и пусты, не дают ничего в смысле результатов, но расточительны на многосложные слова, напоминая мне людей, которые, копая землю, чтобы добыть золото, откопали много червей и затем с торжеством выдали их за то, что искали. Иногда беспокойный дух овладевал мною, и я совершал прогулки по тридцати и сорока миль, без отдыха и пищи. В этих случаях, когда я проходил через какую-нибудь деревню, худой, небритый и с растрёпанными волосами, матери бросались на дорогу и спешно уводили своих детей домой, а крестьяне толпами выходили из кабаков, чтобы поглазеть на меня. Думаю, что я повсюду был известен под прозвищем «сумасшедшего лорда из Мэнси». Однако же я редко делал набеги на деревню, так как обыкновенно бродил у себя на берегу, где успокаивал свой дух крепким табаком и делал океан своим другом и поверенным.

Какой товарищ может сравниться с великим беспокойным трепещущим морем? С каким человеческим настроением оно не будет гармонировать? Как бы вам ни было весело, вы можете почувствовать себя ещё веселее, внимая его радостному шуму, наблюдая, как длинные зелёные волны догоняют друг друга и как солнце играет на их искрящихся гребнях. Но когда седые волны гневно вскидывают свои головы и ветер ревёт над ними, тогда самый мрачно настроенный человек чувствует, что в природе есть меланхолическое начало, которое не уступит в печали и трагизме его собственным мыслям.

Когда в бухте Мэнси было тихо, поверхность моря блестела, как зеркало, и только в одном месте на небольшом расстоянии от берега выступала из воды длинная чёрная линия, похожая на зубчатую спину какого-нибудь спящего чудовища. Это была часть опасного хребта скал, известного у рыбаков под именем «истрёпанного рифа Мэнси». Когда ветер дул с востока, волны разбивались о него с грохотом, подобным грому, а брызги перебрасывало через мой дом до самых холмов. Сама бухта была глубока и удобна, но слишком открыта для северных и восточных ветров и слишком страшна своим рифом для того, чтобы моряки часто пользовались ею. Было что-то романтическое в этом уединённом месте. В ясную погоду я часто лежал в лодке и, глядя через борт, видел далеко внизу колеблющиеся очертания большой рыбы, похожей на привидение, которую, я уверен, не довелось наблюдать ни одному натуралисту, и моё воображение создавало из неё гения этой пустынной бухты. Однажды, когда я стоял на берегу в тихую ночь, из бездны раздался истошный крик, похожий на крик женщины в безнадёжном горе. Он то ослабевал, то усиливался в течение тридцати секунд. Это я слышал своими собственными ушами.

В таком странном месте между бесконечными холмами и безбрежным морем я работал и размышлял два года, и никто из моих собратьев-людей не беспокоил меня. Постепенно я приучил свою старую служанку к молчанию, так что теперь она редко открывала рот, хотя я не сомневаюсь, что когда два раза в год она посещала своих родственников в Уике, то за несколько дней язык её получал вознаграждение за свой вынужденный отдых. Я дошёл до того, что почти забыл, что я член человеческого рода, и жил всецело с мёртвыми, чьи книги я внимательно изучал, как вдруг случилось происшествие, направившее мои мысли по новому руслу.

После трёх штормовых июньских дней наступил тихий и солнечный день. Вечером тоже был штиль. Солнце зашло на западе за пурпурные облака, и на гладкую поверхность бухты

легли полосы алого цвета. На берегу лужи, оставленные приливом, походили на пятна крови на жёлтом песке, словно здесь прошёл раненый великан, оставляя за собой кровавые следы. Когда наступили сумерки, клочья облаков, стлавшихся над морем на востоке, собрались в кучу и образовали тучи неправильной формы. Барометр стоял низко, и я знал, что надвигается буря. Около девяти часов глухой звук, похожий на стон, донёсся с моря, словно стонал сильно измученный человек, узнавший, что для него вновь наступает час муки. В десять часов с моря поднялся крутой бриз. В одиннадцать он перешёл в сильный ветер, а в полночь бушевал самый бешеный шторм из всех, какой я когда-либо наблюдал на этом берегу, где бури отнюдь не редкость.

Когда я пошёл спать, брызги и водоросли ударялись о моё аттическое окно, а ветер завывал так, как будто каждый порыв его был криком погибающего. К тому времени звуки бури сделались для меня колыбельною песней. Я знал, что серые стены дома поспорят с бурей, а о том, что происходило во внешнем мире, я мало заботился. Старая Мэдж была так же равнодушна к шторму, как и я. Около трёх часов утра я проснулся от сильного стука в свою дверь, и меня удивили возбуждённые крики хриплого голоса моей экономки. Я выпрыгнул из гамака и довольно резко осведомился, что происходит.

- О, милорд, милорд! кричала она на своём ненавистном диалекте. Сойдите вниз, сойдите вниз. Большой корабль наскочил на риф, и бедные люди кричат и зовут о помощи, и я боюсь, что они потонут. О, милорд Мак-Витти! Сойдите вниз!
- Замолчите, старая ведьма! в гневе закричал я в ответ. Какое вам дело до того, потонут они или нет? Ступайте себе спать и оставьте меня в покое.

Я опять улёгся и натянул на себя одеяло.

«Люди там, – сказал я самому себе, – уже прошли через половину ужасов смерти. Если их сейчас спасти, то им через несколько скоротечных лет придётся пройти через то же самое ещё раз. Стало быть, даже лучше, если они погибнут сейчас, когда уже почувствовали приближение смерти, которое страшнее, чем самая смерть».

Этой мыслью я старался успокоить себя, чтобы снова заснуть, так как философия, которая учила меня смотреть на смерть как на незначительный и весьма обыденный эпизод в вечной и неизменной судьбе человека, сделала меня весьма равнодушным к жизни внешнего мира. Однако на этот раз я обнаружил, что старая закваска всё ещё бродила в моей душе. Какое-то время я ворочался с боку на бок, стараясь подавить побуждение минуты правилами, которые я составил себе в продолжении многих месяцев размышления. Вдруг среди дикого воя ветра я услышал глухой шум и понял, что это сигнальный выстрел. Тогда я встал, оделся и, зажегши трубку, вышел на берег.

Не было видно ни зги, и ветер дул с такою яростью, что мне пришлось собрать все свои силы, чтобы устоять под его порывами и итти вдоль берега, покрытого голышами. Ветер гнал песок мне в лицо, причиняя мучительную боль, красный пепел, вылетавший из моей трубки, исполнял во мраке фантастический танец. Я спустился к самому прибою, где с громом разбивались большие валы, и, прикрывая глаза руками, чтобы защитить их от солёных брызг, стал смотреть на море. Я не мог ничего различить, и однако же мне казалось, что порывы ветра доносили до меня восклицания и громкие несвязные крики. Внезапно я различил луч света, а затем вся бухта и берег мгновенно озарились ярким синим светом: на борту судна зажгли цветной сигнальный огонь. Судно лежало, опрокинутое на бок, как раз по середине зубчатого рифа, оно упало с размаху под таким углом, что была видна вся настилка палубы. Это была большая двухмачтовая шхуна иностранной оснастки, лежавшая ярдах в ста восьмидесяти или двухстах от берега. Каждая перекладина, верёвка и плетёная частица такелажа чётко выделялись в синевато-багровом свете, который искрился в самой высокой части бака. Позади обречённого судна из мрака выступали длинные линии катящихся чёрных волн, бесконечных, неутомимых, с причудливыми клочками пены, видневшимися там и сям на их гребнях. Каждая волна, приближаясь к широкому кругу искусственного света, казалось, увеличивалась в объёме и неслась ещё стремительнее, пока с рёвом и грохотом не обрушивалась на свою жертву. Я отчётливо видел десять или двенадцать человек моряков, цеплявшихся за ванты. В свете огня они меня заметили и, обратив свои бледные лица в мою сторону, умоляюще замахали руками. Я чувствовал, что сердце моё восстаёт против этих бедных, испуганных червей. Почему они желают избежать той узкой тропинки, по которой прошли все великие и благородные рода человеческого? Мой взгляд вдруг упал на высокого человека, который стоял отдельно от других, балансируя на качающейся палубе разбитого судна, как будто он гнушался цепляться за канат или фальшборт. Руки его были заложены за спину, а голова опущена на грудь, но даже в этой безнадёжной позе, во всяком его движении виделись гибкость и решительность, которые делали его мало похожим на человека, впавшего в отчаяние. Он спокойно и внимательно оглядывался по сторонам, оценивая каждый шанс к спасению; и хотя он часто смотрел через яростный прибой на берег, где стоял я, самоуважение или какие-нибудь другие причины не позволяли ему умолять меня о помощи. Он стоял молча, мрачный и загадочный, глядя вниз на чёрное море и ожидая, какую участь пошлёт ему рок.

Мне казалось, что эта проблема была очень близка к своему разрешению. Громадная волна, поднявшаяся выше всех других и шедшая после них, подобно погонщику, следующему за стадом, пронеслась поверх судна. Его фок-мачта сразу переломилась, и людей, которые цеплялись за ванты, смело, подобно рою мух. Со страшным треском корабль начал раскалываться на две части в том месте, где острый хребет рифа Мэнси врезался в его киль. Одинокий человек около фок-мачты быстро перебежал через палубу и схватил какую-то белую вязанку, которую я заметил ещё прежде, но не мог рассмотреть. Свет упал на неё, и я увидел, что это женщина с перекладиной, привязанной поперёк её тела и под руками таким образом, чтобы её голова всегда поднималась над водой. Бережно и нежно он снёс её к борту судна и, казалось, говорил с ней с минуту или около того, как бы объясняя ей невозможность оставаться на корабле. Её ответ был странен. Я видел, как она решительно подняла руку и ударила его по лицу. Это заставило его замолкнуть, но потом он снова обратился к ней, давая ей наставления, насколько я мог понять из его движений, как она должна вести себя, когда очутится в воде. Она отшатнулась от него, но он догнал её и схватил в свои объятия. Он наклонился к ней на мгновение и, казалось, прижался губами к её лбу. Потом большая волна хлынула к борту гибнущего судна, и он, нагнувшись, осторожно, как ребёнка в люльку, положил девушку на вершину волны. Её белое платье слилось с морской пеной, а затем огонь стал постепенно гаснуть, и расколотый корабль с одиноким пассажиром скрылся с моих глаз.

Пока я наблюдал за всем этим, природа взяла верх над философией, и я почувствовал безумное желание действовать. Я отбросил свой цинизм, как одежду, которую надену позже на досуге, и ринулся к своей лодке и вёслам. Это была дрянная посудина, но что с того? Мог ли я, который сотни раз бросал нерешительный, пристальный взгляд на склянку с опиумом, взвешивать теперь все «за» и «против» и отступать перед опасностью? Я сташил лодку вниз к морю с силою помешанного и прыгнул в неё. В течение минуты или двух было под сомнением, может ли она держаться среди кипящих волн, но дюжина бешеных взмахов вёслами пронесла меня через них, лодка, правда, наполовину наполнилась водой, но всё ещё держалась на поверхности. Теперь я понёсся по волнам, то подымаясь вверх по широкой, чёрной груди одной волны, то опускаясь, опускаясь вниз так глубоко, что, взглянув вверх, я мог видеть, как блестящая пена вокруг меня вздымается к тёмным небесам. Далеко позади себя я слышал дикие вопли старой Мэдж, которая, видя, как я отправился, без сомнения, подумала, что моё безумие внезапно усилилось. Я грёб и смотрел через плечо до тех пор, пока наконец на поверхности большой волны, которая неслась ко мне, не показались неясные очертания тела женщины. Перегнувшись через борт, я схватил её, волны уносили её прочь от меня, но мне удалось втащить её, всю вымокшую, в лодку. Не было надобности грести назад, так как следующая волна подхватила нас и выбросила на берег. Я оттащил лодку в безопасное место, а затем, подняв женщину, понёс её к дому в сопровождении своей экономки, громко рассыпавшейся в поздравлениях и похвалах.

Теперь я испытывал полное равнодушие к судьбе девушки. Моя ноша была жива: я различил слабое биение сердца, когда прижал ухо к её боку. Я бросил её возле огня, который зажгла Мэдж, так равнодушно, как если бы она была связкой прутьев. Я ни разу не посмотрел на неё, чтобы узнать, красива она или нет. В течение многих лет я мало обращал внимания на наружность женщины. Однако, лёжа в своём гамаке наверху, я слышал, как старуха, отогревая её, бормотала:

О, какая девушка! О, какая красавица!

Из чего я заключил, что сия жертва кораблекрушения была и молода, и красива.

Утро после бури выдалось тихое и солнечное. Прогуливаясь по длинной полосе

прибрежного песка, я внимал звукам моря. Оно волновалось и билось около рифа, но у берега едва журчало. На песке ни малейшего признака шхуны или какого-либо обломка разбитого корабля, и это не удивило меня, так как я знал, что в здешних водах много водорослей. Пара ширококрылых чаек носилась в воздухе над местом, где произошло кораблекрушение, словно видя что-то необычное внизу под волнами. Птицы издавали хриплые крики, как будто обсуждая друг с другом увиденное.

Когда я вернулся с прогулки, женщина ждала меня у двери. Завидев её, я подумал, что лучше б я её никогда не спасал, потому что моему уединению настал конец. Она была очень молода — самое большее девятнадцати лет, с бледным, довольно изящным лицом, золотистыми волосами, весёлыми голубыми глазами и блестящими зубами. Её красота была неземного характера: она была так бела, легка и хрупка, что могла быть духом морской пены, из которой я её вытащил. Она искусно завернулась в одно из платьев Мэдж и выглядела в нём мило и прилично.

Я тяжело поднимался по тропинке; она протянула ко мне руки красивым детским жестом и побежала мне навстречу, желая, как я догадался, поблагодарить за спасение, но я отстранил её и прошёл мимо.

Казалось, это несколько оскорбило её, и слёзы показались у неё на глазах, но она последовала за мною в гостиную и стала пристально смотреть на меня.

– Откуда вы? – внезапно спросил я.

Она улыбалась, но молча покачала головой.

 Français? – спросил я. – Deutsch? Espagnol? – каждый раз она отрицательно качала головой, а потом пустилась в длинный рассказ на каком-то языке, из которого я не мог понять ни одного слова.

Однако же, после завтрака я нашёл ключ к разгадке её национальности. Проходя ещё раз вдоль берега я увидел, что в трещине рифа застрял кусок дерева. Я подплыл к нему на лодке и привёз на берег. Это была часть старп-поста шлюпки, и на ней, или скорее, на куске дерева, приклеенном к ней, было слово «Архангел», написанное необычными буквами. «Архангел... Архангельск... Итак, – думал я, медленно гребя назад, – эта бледная девушка – русская, подданная Белого Царя с вполне подходящим обличьем для жительницы берегов Белого моря!»

Мне казалось странным, что такая, очевидно, утончённая девушка оказалась в длительном плавании на дрянном судёнышке. Когда я вернулся домой, я повторял слово «Архангельск» много раз с различными интонациями, но не видно было, чтобы она признала его.

Я заперся в лаборатории на всё утро, продолжая исследование о природе аллотропических форм углерода и серы. Когда в полдень я вышел поесть, она сидела возле стола с иголкой и ниткой, чиня свою высохшую одежду. Я почувствовал злобу на её постоянное присутствие, но не мог же я выгнать её на берег. В скором времени она проявила новую сторону своего характера. Указывая на себя, а потом на место, где произошло кораблекрушение, она приподняла один палец, из чего я понял, что она спрашивает меня, одна ли она спаслась. Я кивнул, подтверждая, что спаслась только она. Девушка вскочила со стула с криком, выражавшим большую радость, и, держа платье, которое чинила, над головой, размахивая им из стороны в сторону и вместе с тем раскачивая туловищем, стала танцевать с необыкновенной живостью вокруг комнаты, а потом прошла, танцуя, через открытую дверь; кружась на солнце, она пела жалобным, пронзительным голосом какую-то неуклюжую варварскую песню, выражавшую ликование. Я закричал ей:

– Войдите в комнату, чертёнок этакий, войдите и замолчите!

Но она продолжала свой танец. Потом она внезапно подбежала ко мне и, схватив мою руку, прежде чем я успел её отдёрнуть, поцеловала. За обедом она увидела один из моих карандашей и, схватив его, написала на клочке бумаги два слова «Софья Рамзина», а затем указала на себя в знак того, что это было её имя. После чего передала карандаш мне, очевидно, ожидая, что я сообщу своё имя, но я убрал карандаш в карман в знак того, что не хочу поддерживать с ней никаких отношений.

Я постоянно сожалел о неосмотрительной поспешности, с которой я спас эту женщину. Что было мне за дело до того, будет она жить или умрёт? Я не был молодым горячим юношей,

чтобы совершать такие поступки. Уже достаточно скверным было вынужденное присутствие в доме Мэдж, но она была стара и безобразна, и её можно было игнорировать. Эта женщина была молода и весела и вообще способна отвлекать внимание от более серьёзных вещей. Куда отправить её и что с ней делать? Если бы я послал уведомление в Уик, то чиновники и прочие явились бы сюда и стали допытываться, подглядывать и болтать – кошмарная мысль! Лучше уж переносить её присутствие, чем это.

Скоро я понял, что эта история стала для меня неиссякаемым источником беспокойств. Нет ни одного места на земле, где бы можно было чувствовать себя в безопасности от кишащей, суетливой расы, к которой я имею несчастье принадлежать! Вечером, когда солнце скрылось за холмами, окутав их мрачною тенью, золотя пески и разливая над морем яркое сияние, я, по обыкновению, решил пройтись по берегу. Иногда я брал с собою какую-нибудь книгу. Я поступил так и в тот вечер и, растянувшись на песке, приготовился читать. Внезапно я почувствовал, что какая-то тень заслонила от меня солнце. Оглянувшись, я увидел, к своему большому удивлению, высокого, сильного человека, который стоял в нескольких ярдах от меня и, казалось, совершенно не замечал моего присутствия. Он сурово глядел поверх моей головы на бухту и чёрную линию рифа Мэнси. У него был смуглый цвет лица, чёрные волосы и короткая вьющаяся борода, ястребиный нос и золотые серьги в ушах; всё вместе придавало ему дикий и вместе с тем до известной степени благородный вид. Одет он был в куртку из полинялого бумажного бархата, рубашку из красной фланели и высокие морские сапоги выше колен. Я сразу узнал в нём человека, который остался на разбитом судне в ту ночь.

- Эй! сказал я недовольным голосом. Вы, стало быть, благополучно добрались до берега?
- Да, ответил он на правильном английском языке. Это вышло помимо моей воли. Волны выбросили меня; я молил Бога, чтобы Он позволил мне утонуть! В его произношении был лёгкий иностранный акцент, довольно приятный для слуха. Два добрых рыбака, которые живут вон там, вытащили меня и позаботились обо мне. Однако же, я не мог, сказать по чести, благодарить их за это.

«Ого, да он человек моего закала!» – подумалось мне.

- А почему вам хотелось бы утонуть? спросил я.
- Потому, вскричал он, взмахнув длинными руками в страстном, отчаянном жесте, что там, в этой голубой улыбающейся бухте, лежит моя душа, моё сокровище, всё, что я любил и ради чего жил.
- Ну, ну, сказал я. Люди гибнут каждый день, но бесполезно поднимать шум из-за этого. Позвольте вам сообщить, что земля, на которой вы прогуливаетесь, принадлежит мне, и что чем скорее вы уберётесь отсюда, тем приятнее это будет для меня. С меня довольно и одной юной особы...
  - Юной особы? задыхаясь от волнения, вымолвил он.
  - Ну да, если бы вы забрали её, я был бы вам весьма признателен.

С минуту, как бы не веря своим ушам, он смотрел на меня, а затем с диким криком пустился бежать по пескам к моему дому. Никогда раньше и никогда с тех пор я не видел человека, который бы бегал так быстро. Я поспешил за ним изо всех сил, взбешённый угрожающим мне вторжением, но гораздо раньше, чем я достиг дома, он вошёл в открытую дверь. Из дома донёсся громкий крик, а когда я подошёл ближе, то услышал низкий мужской голос, говоривший с жаром и громко. Софья Рамзина забилась в угол и отвернулась, её лицо выражало страх и отвращение, вся она дрожала; он же, со сверкающими тёмными глазами и распростёртыми, дрожащими от волнения руками, изливался потоком страстных, молящих слов. Когда я вошёл, он шагнул к ней, но она забилась ещё дальше в угол и закричала, как кролик, которого хватают за горло.

- Это ещё что! взревел я, оттаскивая его. Славная история! Чего вы хотите? Вы, верно, думаете, что попали в кабак!
- О, сэр, сказал он, извините меня. Эта женщина моя жена, я боялся, что она утонула. Вы возвратили меня к жизни.
  - Кто вы такой? грубо спросил я.
  - Я из Архангельска, сказал он просто, русский.
  - Как ваша фамилия?

- Урганев.
- Урганев, а её зовут Софья Рамзина. Она вовсе не жена вам. У неё нет кольца.
- Мы муж и жена перед Небом, сказал он торжественно, смотря вверх. Мы соединены более прочными узами, чем земные.

Пока он говорил, девушка спряталась за меня и, схватив меня за руку, сжимала её, как бы прося защиты.

- Отдайте мне мою жену, сэр, продолжал он, позвольте мне взять её отсюда.
- Послушайте, вы, как вас там зовут, сказал я сурово, я не хочу, чтобы эта девушка была здесь. Я жалею, что встретил её. Умри она, это не было бы огорчением для меня. Но отдать её вам, когда очевидно, что она вас боится и ненавидит, нет, я не сделаю этого. И поэтому убирайтесь-ка отсюда и оставьте меня с моими книгами. Надеюсь, что больше никогда не увижу вас.
  - Вы не отдадите её? сказал он хриплым голосом.
  - Нет, чорт меня побери! ответил я.
  - А что, если я возьму её? крикнул он, и его смуглое лицо потемнело.

Кровь закипела у меня в жилах; я поднял полено, лежавшее у очага.

 Убирайтесь, - сказал я тихим голосом. - Убирайтесь живо, а не то плохо вам придётся...

Он нерешительно взглянул на меня и вышел из дома, но тотчас же вернулся и встал на пороге, глядя на нас.

- Подумайте о том, что вы делаете, сказал он. Женщина принадлежит мне и будет моей. Ежели дело дойдёт до драки, то русский не уступит шотландцу.
- Посмотрим! воскликнул я, бросаясь вперёд. Но он уже ушёл, и я увидел, как его высокая фигура исчезала в наступившем мраке.

С месяц, или больше после этого, дела шли у нас гладко. Я вообще не говорил с русской девушкой, она также никогда не обращалась ко мне. Иногда, когда я работал в своей лаборатории, она проскальзывала в дверь и молча садилась, наблюдая за мною своими большими глазами. В первый раз это вторжение рассердило меня, но постепенно, видя, что она не делает попыток привлечь моё внимание, я позволил ей оставаться. Ободрённая этой уступкой, она мало-помалу начала придвигать стул, на котором сидела, всё ближе и ближе к моему столу; так подвигаясь понемногу каждый день в течение нескольких недель, она в конце концов стала направляться прямо ко мне и привыкла сидеть рядом со мной, когда я работал. В этом положении она, не навязывая, однако, мне своего присутствия, сделалась очень полезной, держа в порядке мои перья, прибирая трубки или бутылки и подавая то, что мне было нужно. Забывая о том, что она человек, я воспринимал её, как полезный автомат, я так привык к её присутствию, что мне недоставало её в тех немногих случаях, когда она не была на своём посту.

У меня привычка громко разговаривать с самим собой во время работы, чтобы укрепить в уме свои выводы. Девушка, вероятно, обладала удивительной слуховой памятью: совершенно не понимая, конечно, их значения, она всегда могла повторить слова, которые я невзначай произносил. Я часто забавлялся, слушая, как она разражалась градом химических уравнений и алгебраических символов перед старой Мэдж и затем заливалась звонким хохотом, когда старуха отрицательно качала головой, думая, без сомнения, что к ней обращаются по-русски.

Она никогда не отдалялась от дома дальше нескольких ярдов и прежде, чем выйти, тщательно осматривала окрестность из окна, чтобы убедиться, нет ли кого вблизи. Из этого я вывел заключение: она подозревала, что её соотечественник продолжал жить по соседству, и боялась, что он попытается похитить её. Один её поступок ясно подтверждал её опасения. У меня был старый револьвер с несколькими патронами, который валялся среди разного хлама. Она нашла его там, вычистила и смазала, затем повесила около двери вместе с мешочком с патронами. Всякий раз, когда я отправлялся на прогулку, она снимала револьвер и настаивала, чтобы я брал его с собою. В моё отсутствие она всегда запирала дверь. За исключением этого чувства страха, она казалась вполне счастливой, помогая Мэдж в то время, когда не была со мной. Девушка была удивительно ловка и искусна во всех домашних работах.

Довольно скоро я убедился, что её подозрения имели под собой почву и что человек из

Архангельска всё ещё скрывается по соседству. Однажды ночью, страдая бессонницей, я встал и выглянул из окна. Погода была несколько пасмурная, и я едва различал линию моря и смутные очертания моей лодки на берегу. Однако, когда мои глаза привыкли к темноте, я заметил какое-то тёмное пятно на песках, напротив самой моей двери, которого я прежде не видел. Стоя у окна, я пристально вглядывался в расстилавшуюся передо мной местность, стараясь разглядеть, что это могло быть. Облака, закрывавшие луну, медленно разошлись, и поток холодного ясного света разлился по безмолвной бухте и длинной линии её пустынных берегов. Тогда я понял, кто бродит по ночам у моего дома. Это был он, русский. Он скорчился, подобно гигантской жабе, поджав на монгольский лад ноги и устремив глаза, очевидно, на окно комнаты, где спали молодая девушка и экономка. Свет упал на его поднятое вверх ястребиное лицо, с глубокой морщиной на лбу и с торчавшей вперёд бородой – отличительные признаки страстной натуры. Моим первым побуждением было выстрелить в него, как в злоумышленника, забравшегося в мои владения неизвестно с какой целью, но затем злоба сменилась состраданием и презрением.

«Бедный дурак, — мысленно сказал я. — Неужели же возможно, чтобы человек, так бесстрашно смотревший в глаза смерти, мог отдать все свои помыслы и забыть всякое самолюбие ради этой жалкой девчонки, — девчонки, которая к тому же бежит от него и ненавидит его? Любая женщина полюбит его, хотя бы из-за этого смуглого лица и высокой красивой фигуры, а он стремится как раз обладать той единственной, из тысячи ей подобных, которая не желает его знать!»

Когда я опять лёг в постель, эта мысль долго забавляла меня. Я знал, что засовы в доме крепки и прутья решёток надёжны.

Мне было совершенно безразлично, где проведёт ночь этот человек – у моей двери, или в ста шагах от неё, лишь бы он ушёл утром. Как я и ожидал, когда я встал и вышел из дома, не было ни его, ни каких-либо следов его ночного бдения.

Вскоре я опять увидел его. Однажды утром я отправился покататься в лодке, так как от действия вредного химического снадобья, которого я надышался ночью во время опытов, у меня болела голова. Я грёб вдоль берега несколько миль, а потом, чувствуя жажду, высадился на берег у места, где, как я знал, впадал в море ручей с прекрасной свежею водою.

Этот ручеёк проходил через мою землю, но устье его, где я был в тот день, находилось за пограничной чертой моих владений. Я смутился, когда поднявшись от ручья, у которого утолял жажду, очутился лицом к лицу с русским. Теперь я забрался, куда не следовало, так же, как и он, и я сразу заметил, что он об этом знает.

- Я хотел бы сказать вам несколько слов, сказал он серьёзно.
- Торопитесь! ответил я, смотря на свои часы. У меня нет времени слушать вашу болтовню.
- *Болтовню!* повторил он сердито. Ну, конечно, вы, шотландцы, странный народ. Ваше лицо сурово, а ваши слова грубы, но таковы и те добрые рыбаки, у которых я сейчас живу. Однако, я нахожу, что за напускной суровостью скрываются добрые, честные натуры. Несомненно, и вы добрый и хороший человек, несмотря на свою грубость.
- Чорт возьми, сказал я, говорите, что хотите сказать, и затем убирайтесь прочь! Вы надоели мне.
- Неужели я не могу ничем смягчить вас? вскричал он. А! Вот взгляните! он вынул небольшой греческий крест. Взгляните! Наши религии могут различаться обрядами, но какая-нибудь общность мыслей и чувств должны проявляться у нас при виде этого символа.
  - Не уверен, ответил я. Он задумчиво посмотрел на меня.
- Вы очень странный человек, сказал он наконец. Я не могу вас понять. Вы попрежнему стоите между мною и Софьей. Вы ставите себя в опасное положение, сэр. О, поверьте мне прежде, чем будет слишком поздно. Если бы вы только знали, что я сделал, чтобы овладеть этой женщиной, как я рисковал своим телом, как я погубил свою душу! Вы небольшое препятствие в сравнении с теми, которые я преодолел, один удар ножа или брошенный камень устранили бы вас навсегда с моего пути. Но спаси меня Бог от этого! дико вскричал он. Я и так уже низко пал.
- Вернулись бы вы лучше на родину, сказал я, чем прятаться в этих дюнах и отравлять мой досуг. Когда я удостоверюсь, что вы уехали, я отдам эту женщину под

покровительство русского консула в Эдинбурге. До тех пор я буду охранять её сам, и ни вы, ни какой иной московит не отнимет её у меня.

- Какую же цель преследуете вы, разъединяя меня с Софьей? спросил он. Не думаете ли вы, что я буду обижать её? Зачем же я стану это делать, когда я охотно отдал бы жизнь, чтобы избавить её от малейшей неприятности? Зачем вам это?
- Я делаю это потому, что мне так того угодно, ответил я. Я не имею обыкновения объяснять свои поступки кому бы то ни было.
- Послушайте! вскричал он, внезапно впадая в бешенство и приближаясь ко мне со сжатыми кулаками. Если бы я думал, что у вас есть какое-нибудь бесчестное намеренье по отношению к этой девушке, если бы я хоть на одно мгновение предположил, что у вас есть низменные причины, чтобы задерживать её, то я вырвал бы сердце из вашей груди своими собственными руками! И это так же верно, как то, что есть Бог на небесах.

Одна мысль об этом, казалось, лишила его рассудка. Лицо его исказилось, а кулаки конвульсивно сжимались и разжимались. Я думал, что он схватит меня за горло.

- Прочь, - сказал я, кладя руку на пистолет. - Если вы прикоснётесь ко мне хоть пальцем, я убью вас.

Он опустил руку в карман, и одно мгновение я думал, что он также хочет достать оружие, но вместо этого он поспешно вынул папиросу и зажёг её, быстро вдыхая дым в лёгкие. Нет сомнения, он знал по опыту, что это был самый верный способ обуздать свои страсти.

- Я говорил вам, сказал он более спокойным голосом, что моё имя Урганев, Алексей Урганев. Я русский по рождению и провёл жизнь в странствованиях по всему свету. Я принадлежу к числу беспокойных людей, не могущих удовлетвориться тихой жизнью. С тех пор, как у меня было своё судно, едва ли имелся порт от Архангельска до Австралии, куда бы я не заходил. Я был груб, необуздан и свободен; а там, на родине, жил человек изящный с белыми руками, с вкрадчивой речью, умевший угождать женщинам. Этот юноша своими хитростями и уловками украл у меня любовь девушки, которую я всегда считал предназначенной себе. До той поры она, казалось, склонна была отвечать на мою страсть. Я был в плавании в Гаммерфесте, куда я ездил за слоновой костью, и, неожиданно вернувшись, узнал, что она - моя гордость, моё сокровище - выходит замуж за этого юношу с изнеженным лицом и что свадебный поезд уже отправился в церковь. В такие минуты, сэр, что-то происходит в моей голове, и я едва сознаю, что делаю. Я высадился на берег со своею командой – всё люди, которые плавали со мной годами и на верность которых можно было положиться. Мы пошли в церковь. Они стояли, она и он, перед священником, но обряд не был ещё совершён. Я бросился между ними и схватил её за талию. Мои люди оттолкнули испуганного жениха и зрителей. Мы снесли её в лодку, привезли на корабль, а затем, подняв якоря, поплыли через Белое море, пока шпили Архангельска не скрылись за горизонтом. Я предоставил ей свою каюту, свою гостиную, всевозможный комфорт. Я спал вместе с людьми на баке. Я всё надеялся, что с течением времени её отвращение исчезнет и она согласится выйти за меня замуж в Англии или во Франции. Проходили дни за днями. Мы видели, как Нордкап исчез позади нас, мы плыли вдоль серых берегов Норвегии, но несмотря на всё моё внимание, она не прощала мне того, что я вырвал её из рук бледного возлюбленного. Затем случился этот проклятый шторм, который разбил и мой корабль, и мои надежды и лишил меня даже возможности видеть женщину, ради которой я так много рисковал. Может быть, она ещё может полюбить меня. Вы, сэр. - сказал он задумчиво. - надо полагать, много повидали на своём веку. Как вы думаете, она забудет того человека и полюбит меня?
- Мне надоела ваша история, сказал я, отворачиваясь. Я полагаю, что вы большой дурак. Если вы думаете, что ваша любовь может пройти, то самое лучшее для вас как можно больше развлекаться. Если же эта страсть неизлечима, то лучшее, что вы можете сделать, это перерезать себе горло таков самый простой выход из подобного положения. У меня нет больше времени рассуждать с вами.

Сказав это, я отвернулся от него и спустился к лодке. Я ни разу не оглянулся, но слышал глухой звук его шагов по песку, так как он последовал за мною.

 Я рассказал вам начало своей истории, – сказал он, – когда-нибудь вы узнаете её конец. Хорошо бы вы сделали, если бы отпустили девушку. Я ничего не ответил ему, и лишь оттолкнулся от берега. Когда я отплыл на некоторое расстояние, я оглянулся и увидел его высокую фигуру. Он стоял на жёлтом песке и задумчиво смотрел мне вслед. Когда несколько минут спустя я оглянулся ещё раз, его уже не было.

Долгое время после этого моя жизнь была так же монотонна, как и до кораблекрушения. Иногда я думал, что человек из Архангельска исчез совсем, но следы, которые я встречал на песке, и особенно маленькая кучка пепла от папирос, однажды найденная мною за холмиком, с которого был виден дом, доказывали, что, хотя и невидимый, но он всё ещё жил неподалёку. Мои отношения с русской девушкой не изменились. Старая Мэдж сначала несколько ревниво относилась к её присутствию и, казалось, боялась, что она отнимет у неё ту маленькую власть, которой она пользовалась в моём доме. Постепенно, Мэдж уверилась в моём крайнем равнодушии к девушке и примирилась с нашим новым положением и, как я уже говорил, извлекала из него выгоду, потому что наша гостья выполняла за неё многие домашние работы.

Теперь я подхожу к концу своего рассказа, который начал скорее для своего собственного развлечения, чем для развлечения других. Конец этой странной истории, в которой участвовали двое русских, был такой же бурный и внезапный, как и её начало. События одной-единственной ночи избавили меня от всех треволнений, и я остался наедине с книгами и моими занятиями, как и было прежде, до вторжения этих чужестранцев. Вот как это случилось.

Целый день я был занят тяжёлой утомительной работой, так что вечером решил совершить длительную прогулку. Когда я вышел из дому, я был изумлён видом моря. Оно лежало передо мной, словно полоса стекла: ни малейшей ряби на его поверхности не было видно. Но воздух полнился тем не поддающимся описанию стонущим шумом — я уже упоминал о нём ранее, — словно души всех упокоившихся под этими предательскими волнами, шлют мрачное предостережение о грядущих бедах своим братьям во плоти. Жёны рыбаков здесь знают последствия этого страшного шума и тоскливым взором ищут тёмные паруса, идущие к берегу. Услышав этот шум, я вернулся домой и посмотрел на барометр. Он опустился ниже 29 градусов. Тогда я понял, что нас ожидает бурная ночь.

У подножия холмов, где я прогуливался в тот вечер, было уже темно и холодно, но вершины их были облиты розово-красным светом, а море освещено заходящим солнцем. На небе не было видно сколько-нибудь значительных туч, глухой стон моря становился всё громче и сильнее. Далеко к востоку я увидел бриг, шедший в Уик.

Было очевидно, что его капитан, как и я, принял к сведению указания природы и спешил укрыться в гавани. Позади брига низко стлалась длинная, мрачная полоса тумана, скрывая горизонт. «Надо торопиться, — подумал я, — иначе ветер может подняться раньше, чем я вернусь домой».

Я был по крайней мере в полумиле от дома, когда внезапно остановился и, затаив дыхание, стал прислушиваться. Мой слух так привык к звукам природы, к вздохам бриза, к рыданию волн, что всякий другой звук был слышен мне на большом расстоянии. Я ждал, весь превратившись в слух. Вот снова на побережье зазвучал протяжный вопль отчаяния, и вдруг, между холмами позади меня, ему, словно эхо, стал вторить жалобный призыв на помощь. Он слышался со стороны моего дома. Я повернулся и что было мочи побежал назад к дому, увязая в песке, перескакивая через камни. Мрачные мысли одолевали меня.

На расстоянии четверти мили от дома есть высокая дюна, с которой видна вся окрестность. Достигнув вершины этой дюны, я на минуту остановился. Вот старое серое строение, вот – лодка. Ничто не изменилось с тех пор, как я ушёл. Но тут пронзительный крик повторился громче прежнего, и вслед за тем высокий мужчина вышел из моей двери – русский моряк. На его плече лежала девушка в белом платье. Даже теперь он, казалось, нёс её нежно и с благоговением. Я слышал дикие крики девушки и видел её отчаянные усилия вырваться из его объятий. Позади них семенила моя старая экономка, стойкая и верная, как старая собака, которая не может больше кусаться, но всё-таки огрызается беззубыми дёснами на незваного гостя. Она еле-еле плелась вслед за похитителем, размахивая длинными тонкими руками и осыпая его, без сомнения, градом шотландских ругательств и проклятий. С одного взгляда мне стало ясно, что он направляется к лодке. В моей душе родилась внезапная надежда, что я могу успеть пересечь ему дорогу. Я помчался к берегу что было сил. По дороге я зарядил револьвер. Я решил, что это будет последнее вторжение чужеземца.

Но я явился слишком поздно. К тому времени, как я добежал до берега моря, он был в ста ярдах от него, лодка летела всё дальше и дальше с каждым взмахом его мощных рук. Я закричал от бессильного гнева и заметался по берегу, словно безумный; тут русский оглянулся и увидел меня. Привстав со своего сиденья, он сделал мне изящный поклон и махнул рукой. Это не был торжествующий или насмешливый жест. Даже в своей ярости и раздражении я не мог не заметить, что то было торжественное и вежливое прощание. Затем он опять сел за вёсла, и маленькая лодка быстро понеслась через бухту. Солнце уже зашло, оставив на воде тёмную красную полосу, слившуюся с пурпуровым туманом на горизонте. Постепенно лодка становилась всё меньше и меньше. Потом она превратилась в простое пятно на поверхности пустынного моря. Это неясное туманное пятно также исчезло, и мрак опустился над ним, мрак, который никогда больше не рассеется.

Почему же я шагал по пустынному берегу, разгорячённый и сердитый, как волк, у которого отняли его детёныша? Потому ли, что я полюбил эту русскую девушку? Нет, тысячу раз нет! Я не из тех, которые из-за белого личика и голубых глазок способны изменять весь ход своих мыслей и своего существования. Сердце моё было не затронуто. Но гордость – гордость была жестоко уязвлена. Подумать только, я оказался неспособен защитить беспомощное существо, умолявшее меня спасти его, полагавшееся на меня! Вот что заставляло болезненно биться моё сердце и кровь приливать к голове.

В ту ночь с моря поднялся сильный ветер, и бурные волны бушевали на берегу, словно хотели увлечь его за собою в океан. Шум и грохот бури гармонировали с моим настроением.

Всю ночь я бродил по берегу, весь мокрый от брызг волн и дождя, глядя на сверкавшую пену прибоя и прислушиваясь к шуму бури. Горькое чувство кипело в груди моей при мысли о русском. Я присоединил свой слабый голос к громкому завыванию бури. «Если бы он возвратился! – кричал я, сжимая кулаки. — Если бы только он возвратился!»

И он возвратился. Когда серый свет утра забрезжил на востоке и осветил громадную пустыню жёлтых волн с быстро несущимися над ними тёмными тучами, я вновь увидел его. В ста ярдах от меня на песке лежал длинный тёмный предмет, выброшенный на берег яростью волн. Это была моя лодка, сильно повреждённая. Немного дальше в мелкой воде колыхалось что-то неопределённое, бесформенное, запутавшееся в голышах и водорослях. Я сразу увидел, что это был русский, лежавший ничком, мёртвый. Я бросился в воду и вытащил его на берег. Только после того, как я перевернул его, я увидел, что она была под ним; его мёртвые руки обнимали её, его искалеченное тело всё ещё стояло между нею и яростью бури. Казалось, что свирепое море могло отнять у него жизнь, но при всём своём могуществе было не в силах оторвать этого человека от женщины, которую он любил. Некоторые признаки указывали, что в течение страшной ночи ветреный ум женщины познал, наконец, цену верного сердца и сильной руки, которые боролись за неё и охраняли её так нежно. Чем иначе можно было объяснить, что её маленькая головка с такой нежностью приютилась на его широкой груди, поскольку её золотые волосы переплелись с его развевающейся бородой. Откуда также была эта светлая улыбка беспредельного счастья и торжества, которую сама смерть не могла согнать с его смуглого лица? Думаю, смерть оказалась для него светлее, чем вся жизнь.

Мэдж и я похоронили их на берегу пустынного Северного моря. Они лежат в одной могиле, глубоко вырытой в жёлтом песке. Странные вещи будут происходить на свете вокруг них. Пусть возникают и падают целые государства, гибнут династии, начинаются и прекращаются войны — эти два существа, равнодушные ко всему на свете, будут вечно обнимать друг друга в своей уединённой могиле на берегу шумного океана. Ни крест, ни какой иной символ не отмечают их место успокоения, но старая Мэдж иногда кладёт на могилу дикие цветы, разбросанные по песку, а когда я прохожу мимо во время своей ежедневной прогулки, я думаю о странной чете, которая пришла издалека и ненадолго нарушила скучное однообразие моей мрачной жизни.

1889 г.

(перевод Павла Гелевы)

ВЕЛИКАН МАКСИМИН

История изобилует множеством примеров странных поворотов судьбы. Великие мира сего часто оказываются повержены во прах и вынуждены приспосабливаться к новым обстоятельствам. Малые бывают возвышены на время, чтобы, в свою очередь, впасть в безвестность. Богатейшие монархи превращаются в нищих монахов, бесстрашные завоеватели утрачивают прежнее мужество, евнухи и женщины сокрушают армии и королевства. Человеческая фантазия не в силах изобрести ничего нового, и любая жизненная ситуация есть лишь повторение некогда уже сыгранной драмы. И всё же, в общей массе знаменитых человеческих судеб и удивительных событий, таких как, например, уход в монастырь Карла V или царствование императора Юстиниана, история великана Максимина стоит особняком. С позволения читателя, я изложу ниже исключительно строгие исторические факты, лишь слегка обработав их литературно, чего никогда не позволил бы себе ни один настоящий учёный. Перед вами одновременно и рассказ, и историческая хроника.

I

Появление Максимина

В самом сердце Фракии, милях в десяти к северу от горной цепи Родоп, лежит долина Арпесс, получившая своё название от реки, бегущей по дну долины. Через Арпесс проходит большая дорога с востока на запад. Пятого июня 210 года по этой дороге возвращалась из успешного похода против аланов небольшая, но грозная римская армия. Она состояла из трёх легионов: Юпитера, Каппадокийского и Геркулеса. В авангарде шли десять турм галльской конницы, а замыкал колонну полк Батавских конников — телохранителей императора Септимия Севера, лично возглавлявшего кампанию. Крестьяне, заполнившие окрестные холмы, с безразличием глазели на длинную вереницу пропылённой, обременённой тяжким грузом снаряжения пехоты, но те же крестьяне восторженными кликами встречали сияющие золотом доспехи и высокие медные шлемы кавалеристов с плюмажами из конского волоса. Они бурно приветствовали дюжих гвардейцев, любуясь их военной выправкой и статью вороных скакунов. Настоящий солдат знает, что именно усталым пехотинцам с их короткими мечами, тяжёлыми копьями и переброшенными за спину квадратными щитами обязан Рим тем трепетом, который испытывают перед ним враги Империи. Но в глазах невежественных фракийцев не они, а блистательные конные Аполлоны олицетворяли собой торжество римского оружия и поддерживали устои трона облачённого в пурпурную тогу властелина, ехавінего вперели.

В одной из разбросанных по склонам групп зрителей, наблюдавших с почтительного расстояния за пышной военной процессией, находились двое мужчин, чей облик вызывал повышенный интерес соседей. Первый из них не представлял собой ничего особенного. Был он невысок, бедно одет, а рано поседевшая голова, согбенный стан, морщины и мозоли без слов говорили о трудной жизни, прожитой в горах и связанной с обработкой земли, пастьбой коз и рубкой леса. Зато наружность его юного спутника была поистине замечательной. Она-то и привлекала изумлённые взгляды собравшихся зевак. Юноша обладал богатырской статью, какой природа наделяет своих избранников не чаще раза или двух за целое поколение. Рост его, от защищённых грубыми сандалиями подошв до макушки, покрытой гривой нечёсаных, спутавшихся волос, составлял восемь футов и два дюйма. Несмотря на огромные размеры, фигура молодого человека вовсе не выглядела тяжеловесной или неуклюжей. В мышцах шеи и широких плечах не было ни унции лишнего мяса или жира, а стройность и гибкость мощного стана наводили на сравнение с молодой сосенкой. Сильно потёртая одежда из коричневой кожи плотно обтягивала тело гиганта. Короткая накидка из невыделанной овчины была небрежно перекинута через плечо. Смелый взгляд синих глаз, соломенные волосы и светлая кожа говорили о готской или скандинавской крови в жилах юноши, а глуповатовосторженное изумление на открытом добродушном лице от зрелища марширующих внизу войск свидетельствовало о простой и бедной событиями жизни, проведённой до этой минуты в глухом уголке Македонских гор.

- Правильно говорила твоя мать, когда советовала оставить тебя дома, произнёс пожилой мужчина с тревогой. Боюсь, после этого рубить лес и таскать дрова покажется тебе скучным занятием.
- Когда я в следующий раз увижу мать, то надену ей на шею золотое ожерелье, уверенно заявил юный великан. А тебе, отец, я обещаю наполнить кошель золотыми монетами.

Старик испуганно посмотрел на сына.

- Ты же не покинешь нас, Текла?! Что мы будем без тебя делать?
- Моё место там, внизу, среди этих людей, ответил молодой человек. Я был рождён не для того, чтобы гонять коз и носить поленья. Есть место, где меня смогут оценить по достоинству и заплатить наивысшую цену. И место это в рядах Императорской Гвардии. Не говори больше ничего, отец, я твёрдо решил и не отступлюсь! Пускай сегодня ты плачешь, наступит время, будешь смеяться от счастья. Я отправляюсь в Рим вместе с солдатами.

Дневной переход римского легионера в полном походном снаряжении составлял двадцать миль. В тот день, однако, была пройдена лишь половина необходимой дистанции, когда серебряные горны сигнальщиков протрубили радостную весть об остановке. Причину раннего окончания марша смешавшим ряды солдатам объявили декурионы. В честь дня рождения Геты, младшего сына императора, было решено устроить состязания. Кроме того, всем была обещана двойная порция вина. Но железная дисциплина римской армии неукоснительно требовала, чтобы определённые действия во время привала были выполнены, невзирая ни на какие обстоятельства. Первоочередным и главным среди них являлось сооружение укреплённого стана. Аккуратно сложив оружие по порядку прохождения колонн, легионеры взялись за топоры и лопаты. Привычная работа весело спорилась в умелых руках, и вскоре крутая насыпь и зияющий ров надёжно оградили лагерь от ночного нападения. Покончив с работой, шумные, смеющиеся, оживлённо жестикулирующие тысячные толпы потянулись к поросшей травой поляне, где должны были состояться соревнования. Длинный зелёный склон пригорка, полого спускающийся к арене, вместил всю армию. Зрители привольно расположились на солнышке, сбросили пропылённые туники, расправили уставшие члены и с интересом следили за выступлением избранных атлетов, потягивая вино. заедая его фруктами и пирожками и вовсю наслаждаясь мирным отдыхом, как умеют это только те, кому слишком редко выпадает подобный случай.

Закончился бег на пять миль. Как обычно, его выиграл декурион Бренн из легиона Геркулеса, признанный чемпион в беге на длинные дистанции. Под одобрительные вопли сослуживцев из легиона Юпитера рядовой Капелл победил в прыжках в длину и высоту. Большой Бребикс из галльской конницы одержал верх над долговязым гвардейцем Сереном в толкании пятидесятифунтового каменного ядра. Солнце на западе собиралось уже нырнуть за горную гряду, золотя последними лучами серебристую ленту реки Арпесс, когда последние два участника состязаний в борьбе должны были встретиться в решающей схватке. Ловкому гибкому греку, которому прозвище Пифон давно заменило полученное от рождения имя, противостоял здоровенный малый из ликторской стражи, волосатый, с бычьей шеей, огромный, как сам Геркулес, и хорошо знакомый многим из присутствующих, кому на собственной шкуре довелось ощутить тяжесть его карающей десницы.

Когда оба борца приблизились к месту поединка, облачённые единственно в набедренные повязки, их появление было встречено рёвом болельщиков, причём сторонники каждого из бойцов старались перекричать противную сторону. Одни поддерживали ликтора за его римское происхождение, другие предпочитали грека, исходя из своих собственных соображений. И вдруг шум оваций затих, словно по мановению волшебной палочки. Все головы повернулись к дальнему от арены склону. Люди вскакивали с мест, вытягивали шеи, показывали пальцами, позабыв про атлетов, пока, в наступившей тишине, все взоры не оказались прикованы к фигуре одного-единственного человека, быстро спускающегося с холма по направлению к ним. Косматая овчина покрывала широкие плечи одинокого великана. В руке он держал тяжёлую дубину. Лучи заходящего светила играли в гриве волос

незнакомца, обрамляя его лицо золотистым ореолом. Казалось, будто сам бог-покровитель этих пустынных и бесплодных земель зачем-то спустился с гор. Даже сам император поднялся из кресла и широко раскрытыми от изумления глазами следил за приближением таинственного существа.

Незнакомец, уже известный нам под именем Теклы-фракийца, словно не замечал, что оказался в центре внимания. Он продолжал шагать с лёгкостью и грацией оленя, пока не достиг границы сборища, но не остановился, а двинулся дальше, ловко лавируя между рядами зрителей. Перепрыгнув через верёвки, ограждавшие арену, он направился прямо к императору. Направленное в его грудь копьё послужило предупреждением, что дальше приближаться нельзя. Тогда он опустился на правое колено и произнёс несколько слов на готском наречии.

— Великий Юпитер! — вскричал потрясённый император. — Вот это телосложение! Никогда не видел ничего подобного. Что он говорит? Что ему от меня нужно? Откуда он и как его зовут?

Подоспевший толмач перевёл ответы варвара.

- О, великий Цезарь, он говорит, что происходит из хорошего рода. Отец его гот, а мать из племени аланов. Ещё он говорит, что зовут его Текла, а хочет он одного — служить императору с оружием в руках.

Император усмехнулся.

— Для такого здоровяка обязательно что-нибудь найдётся, ну хотя бы пост привратника в моём дворце на Палатине, — заметил он, обращаясь к одному из префектов. — Вот бы пустить его прогуляться по Форуму так, как сейчас! Держу пари, что половина римских дам потеряет голову при одном его виде. Поговори с ним, Красс. Ты же знаешь его язык.

Римский офицер повернулся к великану.

— Цезарь согласен принять тебя на службу и взять с собой. Ты будешь служить привратником в его дворце.

Юный варвар вскочил на ноги. Щёки его покраснели от обиды.

- Я готов служить простым солдатом, воскликнул он, но никогда и никому, даже самому Цезарю, не стану служить лакеем! Если Цезарь хочет испытать меня, пусть выставит на поединок со мной любого из своих телохранителей.
- Клянусь тенью Милона,* вот это нахал! воскликнул император. Что скажешь, Красс? Поймаем парня на слове?
- Как того пожелает Цезарь, сказал префект, осмелюсь только заметить, что хорошие рубаки слишком редко встречаются в наши дни, чтобы позволить им убивать друг друга просто для развлечения. Быть может, варвар согласится помериться силами в борьбе...
- Превосходно! вскричал император. Вот Пифон, а вот ликтор Вар. Оба готовы к схватке. Взгляни на них, варвар, и сам выбирай, с кем будешь бороться. Что он говорит? Сразу с обоими?! Ну, тогда он либо король борцов, либо король хвастунов, а кто именно, мы скоро узнаем. Пускай делает, что хочет. Сломает шею, кроме себя винить будет некого.

Под смешки собравшихся крестьянский сын сбросил с плеч овчинную накидку, а кожаную одежду даже не позаботился снять. Оба борца с интересом ожидали приближающегося к ним соперника. Насмешки зрителей сменились громогласным одобрительным рёвом, когда он молниеносным движением обхватил одной рукой поперёк туловища сначала грека, а затем второй — римлянина. Держа обоих в стальном захвате, могучим рывком он оторвал их от земли, зажал под мышками, и, как те ни брыкались, пронёс по всему периметру арены. Дойдя до императорского трона, варвар небрежно швырнул побеждённых атлетов к его подножию, после чего, склонившись перед Цезарем, занял место среди бешено аплодирующих легионеров, откуда с бесстрастным лицом наблюдал за последними видами соревнований.

Было ещё светло, когда разыграли последний приз, и солдаты вернулись в лагерь. Император Север приказал подать коня и в сопровождении своего любимца префекта Красса отправился на прогулку по извилистой тропе, опоясывающей долину. Их разговор касался размещения войск по гарнизонам после возвращения в Рим. Проехав несколько миль, Север

 $^{^*}$ Имеется в виду Милон из Кротона — легендарный древнегреческий атлет, живший в VI веке до Р.Х. (П.Г.)

случайно оглянулся и с удивлением узрел могучую фигуру варвара, лёгкой трусцой неотступно следующего по пятам за императорским скакуном.

— Этот горец — настоящая находка. Он не только силён, как Геркулес, но и резв, как Меркурий, — заметил с улыбкой император, обращаясь к спутнику. — Давай-ка проверим, насколько обгонят его наши сирийские лошади.

Оба римлянина перешли на галоп и не сдерживали коней, пока те не проскакали добрую милю на полной скорости, достойной лучших представителей этой великолепной породы. Только тогда они придержали лошадей, остановились и поглядели назад. И что же? Великанварвар хоть и отстал, но совсем ненамного, и бег его сохранил быстроту и лёгкость, а железные мускулы силу и неистощимую выносливость. Римский император дождался, пока юный атлет не поравнялся с ним, а затем обратился с вопросом:

- Ответь, почему ты последовал за мной?
- Потому что я надеюсь и в будущем всегда следовать за тобой, Цезарь, ответил молодой человек, чьё раскрасневшееся лицо находилось почти на одном уровне с лицом сидящего на коне римлянина.
- Клянусь богом войны, на всём белом свете мне не найти лучшего слуги! воскликнул император. Решено! Ты будешь моим личным телохранителем и самым близким к моей персоне человеком.

Гигант преклонил колено.

— Моя жизнь и сила принадлежат тебе, Цезарь, и я не прошу другой награды, кроме позволения отдать их тебе без остатка.

Красс прервал этот короткий диалог, обратившись к императору с предложением:

— Раз уж он будет теперь неотлучно находиться при тебе, Цезарь, было бы неплохо дать бедняге какое-нибудь имя, которое твой язык будет в состоянии выговорить. Текла звучит слишком грубо и жёстко, как порождение этих голых скал.

Император на мгновение задумался.

- Ну что ж, раз мне выпало дать ему имя, самым подходящим будет, пожалуй, Максим, потому что такого великана не сыскать больше нигде.
- Слышишь, ты? сказал префект. Цезарь соизволил дать тебе римское имя, поскольку ты теперь находишься у него на службе. С этой минуты тебя зовут уже не Текла, а Максим. Можешь повторить это за мной?
  - Мак-си-мин... повторил варвар, стараясь правильно произнести новое слово.

Император расхохотался над забавным акцентом юноши.

— Ладно, пускай останется Максимин. И запомни, Максимин, что с нынешнего дня ты не просто солдат, но личный телохранитель Цезаря. Как только вернёмся в Рим, обещаю тебе позаботиться о приличествующем твоему рангу наряде. А пока присоединяйся к стражникам впредь до дальнейших распоряжений.

Наутро римская армия возобновила марш, оставив за спиной цветущую долину Арпесс. Великан-новобранец, по-прежнему облачённый в коричневую кожу и овчинную накидку, гордо вышагивал по дороге бок о бок со всадниками Императорской Гвардии. Далеко позади остался скромный деревянный домик в долине, затерянной в горах Македонии, где двое стариков безутешно проливали горькие слёзы и молили богов присмотреть за их мальчиком, зачем-то решившим обратить своё лицо в сторону Рима.

II

Возвышение Максимина

Ровно двадцать пять лет минуло с того дня, когда сын фракийского крестьянина Текла превратился в императорского гвардейца Максимина. То были не лучшие годы для Рима. Канули в прошлое дни расцвета Империи при Адриане и Траяне. Кончился золотой век обоих Антонинов, когда на высших постах находились действительно самые достойные и мудрые, сменившись эпохой слабых и жестоких правителей. Север, в чьих жилах текла африканская

кровь, был мужественным, решительным и непреклонным воином. Но он скончался в далёком Йорке, проведя зиму в сражениях с каледонскими горцами, чьё племя с тех пор пользовалось исключительно римской военной амуницией. Сын его, более известный под уничижительным прозвищем Каракалла, правил в течение шести лет, наполненных безумными оргиями и бессмысленной жестокостью, пока кинжал разгневанного солдата не отомстил за нанесённый достоинству и доброму имени римлян урон. Ничем не проявивший себя Макрин занимал ставший опасным трон всего год, после чего тоже был зарезан, уступив место самому, пожалуй, абсурдному из всех монархов — неописуемому Гелиогабалу с вечно накрашенным лицом. Тот, в свою очередь, был изрезан на куски взбунтовавшимися гвардейцами, посадившими на его место Севера Александра, благородного юношу, едва достигшего семнадцатилетнего возраста. Он правил в продолжение вот уже тринадцати лет, с переменным успехом стараясь вернуть хоть немного прежней добродетели и стабильности загнивающей Империи. К сожалению, пойдя таким путём, он нажил немало сильных врагов, одолеть которых императору недоставало сил, а перехитрить — ума.

А что же Великан Максимин? — спросите вы. Его мужественную восьмифутовую фигуру видели долы Шотландии и горные перевалы Грампиана. Он проводил в последний путь Севера и воевал под началом его сына. Он сражался в Армении, Дакии и Германии. Его произвели в центурионы прямо на поле боя после того, как он голыми руками разломал по брёвнышку частокол вокруг одного из скандинавских поселений, открыв тем самым дорогу штурмующим. Его сила была предметом как шуток, так и открытого преклонения со стороны солдат. По армии о нём ходили легенды. Особенно часто повторялись вокруг походных костров рассказы о победе над знаменитым поединщиком-германцем, когда они бились на топорах на одном из рейнских островков, и о кулачном ударе, которым Максимин сломал ногу скифскому жеребцу. Со временем он забирался всё выше по служебной лестнице, пока не стал, после четверти века беспорочной службы, трибуном Четвёртого легиона и комиссаром по набору новобранцев для всей армии. Свой первый урок армейской дисциплины каждый новый рекрут получал именно от него, либо ёжась под яростным взглядом пронзительно-синих глаз, либо будучи вздёрнут над землёй одной могучей рукой и по-отечески охажен другой.

Ночь сгустилась над укреплённым лагерем Четвёртого легиона, расположившегося на галльском берегу Рейна. По ту сторону залитой лунным светом реки, в непроходимых чащах лесов, тянувшихся до самого горизонта, скрывались дикие и неукротимые германские племена. Отблески ночного светила играли на шлемах часовых, расставленных вдоль воды. Далеко-далеко, на противоположном берегу, мигала красная точка — сигнальный костёр неприятеля.

Великан Максимин сидел близ своего шатра, уставившись на тлеющие поленья. Его окружало с дюжину подчинённых ему офицеров. Он сильно изменился со дня первого нашего знакомства с ним в долине Арпесс. Его мошная фигура по-прежнему сохраняла стройность, а в мышцах таилась всё та же нечеловеческая сила. И всё-таки он заметно постарел. Некогда свежее и открытое юношеское лицо осунулось и огрубело; лишения и опасности избороздили морщинами девственно гладкую кожу на лбу и щеках. Не было больше роскошной гривы золотых волос, поредевших под гнётом редко снимаемого шлема. Нос заострился и ещё сильнее стал напоминать ястребиный клюв. В глазах притаилась несвойственная ему прежде хитрость, а выражение лица сделалось циничным и порой пугающим. Когда Максимин был молод, любой малыш доверчиво просился к нему на руки. Сейчас тот же ребёнок с испуганным рёвом убежал бы прочь, едва встретившись с ним взглядом. Вот что сделали двадцать пять лет, проведённые в обществе римских Орлов,** с Теклой, сыном фракийского крестьянина. Сейчас он слушал, сам будучи немногословен по натуре, как болтают между собой его центурионы. Один из них, сицилиец Бальб, только что вернулся из лагеря главных сил в Майнце, всего в четырёх милях отсюда, и рассказывал о прибытии в город из Рима императора Александра. Остальные жадно впитывали каждую новость, ибо время настало

^{* «}Каракалл» — название длинного галльского плаща, любимого облачения этого императора. (П.Г.)

^{**} Римские Орлы, или Орлы легионов, — укреплённое на древке золотое скульптурное изображение орла, официальный штандарт каждого римского легиона. (Π . Γ .)

неспокойное и слухи о больших переменах носились в воздухе.

- Сколько он привёл с собой войск? спросил Лабин, чернобровый ветеран из Южной Галлии. Готов поставить месячное жалованье, что он не решился посетить в одиночку преданные ему легионы.
- С ним нет больших сил, ответил Бальб. Десять или двенадцать когорт преторианцев и горстка конницы.
- Ну, тогда он сам сунул голову в пасть льву! воскликнул молодой отчаянный Сульпиций, родом из Пентаполиса Африканского. И как же его встретили?
- С холодком. Когда он объезжал ряды, почти не было слышно приветственных возгласов.
- Парни созрели для бунта, заметил Лабин, и нечему тут удивляться. Мы, солдаты, удерживаем Империю на остриях наших копий, а эти ленивые твари, именующие себя римскими гражданами, пожинают плоды наших трудов. Ну почему солдат не имеет права воспользоваться тем, что он заработал? Они бросают нам, как кость, динарий в день и считают, что этого вполне достаточно.
- Точно! прокряхтел седобородый ворчун. Им плевать, что мы теряем руки и ноги, проливаем кровь и платим своими жизнями, охраняя границы от варваров. И всё ради того, чтобы они могли спокойно пировать и наслаждаться цирковыми представлениями. Римские бродяги и бездельники имеют бесплатный хлеб, бесплатное вино, бесплатные игры... А что имеем мы? Пограничные стычки да солдатскую кашу!

Максимин издал утробный смешок.

- Старый Планк вечно ворчит, сказал он, но мы-то знаем, что даже за все сокровища мира он не сменит доспехи воина на тогу гражданина. Ты давно выслужил право доживать век в своей конуре, старый пёс. Только пожелай, и можешь отправляться восвояси грызть свою косточку и ворчать на покое.
- Ну нет! Я слишком стар для таких перемен. Я буду следовать за Орлами, пока не сдохну. Но и я предпочитаю умереть, служа настоящему воину, а не какому-то сирийцу в длинном платье, да ещё из такого рода, где женщины ведут себя, как мужчины, а мужчины, как женщины.

В кругу офицеров раздался смех. Семена недовольства и мятежа пустили в лагере столь глубокие корни, что даже крамольный выпад старого центуриона ни у кого не вызвал протеста. Максимин поднял свою тяжёлую, как у мастифа, голову и в упор посмотрел на Бальба.

— Не упоминали ль солдаты чьего-либо имени? — спросил он с намёком в голосе.

Полное молчание было ему ответом. Шелест ветра в ветвях сосен и плеск воды в реке сделались вдруг громкими на фоне воцарившейся тишины. Бальб пристально изучал лицо командира.

— Имена двоих передавались шёпотом из уст в уста, — заговорил он, наконец. — Первым был легат Асентий Поллион, вторым же...

Пылкий Сульпиций внезапно вскочил с места и принялся вопить во весь голос, размахивая над головой выхваченной из костра пылающей головнёй:

— Максимин! Император Максимин Август!

Кто знает, как могло такое случиться? Ещё час назад ни одна живая душа не могла даже помыслить об этом. И вот в какое-то мгновение невозможное обернулось свершившимся фактом. Не успело ещё заглохнуть эхо от криков распалённого молодого африканца, как его призыв был подхвачен воинами легиона в шатрах, у сигнальных костров, несущими караул на берегу. «Да здравствует Максимин! Да здравствует император Максимин!» — доносилось отовсюду. Со всех сторон сбегались люди, полуодетые, с горящими безумием глазами и перекошёнными криком ртами, освещая путь пылающими факелами или просто зажжёнными пучками соломы. Десятки рук подхватили великана и вознесли его на импровизированный трон, держащийся на плечах и бычьих шеях самых дюжих легионеров.

— В лагерь! Все в лагерь! — орали они. — Да здравствует Цезарь Максимин! Да здравствует солдатский император!

В эту же самую ночь молодой император Север Александр решил прогуляться за пределами лагеря, разбитого прибывшими с ним преторианцами. Его сопровождал всего один

человек, которого император считал своим другом, — капитан Императорской Гвардии Лициний Проб. Они вели между собой серьёзный разговор, с тревогой обсуждая хмурые лица и вызывающее поведение солдат. Тягостное предчувствие грядущей беды угнетало сердце императора и, как в зеркале, отражалось на суровом бородатом лице его спутника.

- Не нравится мне всё это, Цезарь, говорил он, и мой тебе совет прямо на рассвете отправиться дальше на юг.
- Сам посуди, отвечал император, разве могу я, не потеряв чести, бежать от опасности? Да что, в конце концов, они против меня имеют? Какое зло я им причинил, что они готовы восстать против своего повелителя, позабыв присягу?
- Солдаты как дети, которым всё время хочется чего-нибудь новенького. Разве ты не слышал своими ушами их ропот, когда объезжал ряды? Нет, Цезарь, бежать надо завтра же, а твои верные преторианцы позаботятся о том, чтобы не было погони. В легионах найдутся верные тебе когорты, и если мы объединим силы...

Отдалённый шум оборвал беседу. То был низкий рокочущий звук, подобный прибою. Далеко внизу на дороге двигалось беспорядочное скопище огней, то мигающих и гаснущих, то вспыхивающих вновь. Огни приближались с пугающей быстротой, в то время как хриплый, беспорядочный рёв нарастал, превращаясь в уже различимые ухом слова, — слова страшные и зловещие, рвущиеся из тысяч глоток. Лициний бесцеремонно ухватил императора за запястье и потащил в укрытие за придорожными кустами.

— Тише, Цезарь! Тише, если дорожишь жизнью! — зашептал он. — Одно слово — и нам конец!

Скорчившись в ночной темноте, они провожали взглядами текущую мимо процессию. В неверном свете факелов бесновались, размахивая руками, какие-то одержимые люди с бородатыми, искажёнными лицами, то алыми, то серыми, в зависимости от освещения. До ушей доносился топот множества ног, грубые голоса и лязг металла о металл. Внезапно из мрака возникло видение. Невероятных размеров человек словно плыл над толпой. Его широкие плечи слегка сутулились, но лицо озарялось свирепым торжеством, а взгляд грозных ястребиных глаз устремлялся вперёд, поверх линии окружающих щитов. Всего на мгновение возник он в коптящем кольце огней и тут же снова пропал во мраке.

- Кто это? спросил, запинаясь, император. И почему они называют его Цезарем?
- Вне всякого сомнения, это Максимин, бывший фракийский крестьянин, ответил предводитель преторианцев, окидывая своего хозяина странным взглядом. Они ушли, Цезарь. Бежим скорее к твоему шатру.

Но не успели они пуститься в бегство, как новая волна шума, во много раз громче первой, достигла их слуха. И если первую можно было сравнить с рокотом прибоя, то вторая напоминала бушующий ураган. Двадцать тысяч солдатских глоток в главном лагере слились в едином вопле, эхом разорвавшем ночную тьму и заставившем задрожать в недоумении и страхе сидящих за много миль отсюда вокруг своих костров германцев.

— Ave!* — ревели голоса. — Аве Максимин Август!

На вознесённых над головами щитах стоял Великан Максимин, обводя взглядом море обращённых к нему лиц. Его необузданная натура дикаря ликовала при звуке приветствий, но один лишь пылающий взор выдавал, что творится у него в душе. Он простёр руку над орущими солдатами, подобно охотнику, успокаивающему взбудораженную собачью свору. Ему поднесли венок из дубовых листьев. Под приветственный звон выхваченных из ножён мечей Максимин возложил его себе на голову. Неожиданно толпа прямо перед ним забурлила и раздалась, освободив крохотный пятачок открытого пространства. Какой-то офицер в форме Преторианской Гвардии опустился на колени. Кровь обагряла его лицо и обнажённые до локтей руки. Капли крови стекали с клинка его обнажённого меча. Даже Лициний не смог остаться в стороне, захваченный всеобщим порывом.

— Да здравствует Цезарь! — воскликнул он, склоняя голову перед гигантом. — Я прямо от Александра. Он уже никогда больше не будет тебя беспокоить!

^{*} Да здравствует! (лат.)

Ш

Падение Максимина

Три года восседал на троне «солдатский» император. Но дворцом ему служил походный шатёр, а подданными — милые его сердцу легионеры. С ними он был всесилен, — без них он был ничем. С ними он прошёл от одного края Империи до другого, сражаясь с германцами, даками, сарматами и снова германцами. Но Рим ничего не знал о своём повелителе и открыто роптал против такого хозяина, который ни во что не ставит ни саму столицу, ни мнение её граждан, и который не удосужился за три года ни разу побывать в её стенах. Против постоянно отсутствующего Цезаря плелись интриги и составлялись заговоры. Узнав об этом, он дал почувствовать недовольным тяжесть своей десницы, как когда-то внушал молодым новобранцам необходимость воинской дисциплины. Он ничего не знал и не хотел знать о консулах, Сенате и гражданских правах. Его собственная воля и сила оружия были единственным предметом, доступным его пониманию. В торговле и искусствах он смыслил столь же мало, как в тот день, когда покинул отчий дом во Фракии. Вся необъятная Империя представляла собой, в его понимании, только машину для производства денег, которые шли на содержание легионов. Если он не получит этих денег в срок, солдаты могут обидеться. Разве в ту памятную ночь они не для того вознесли его на щитах, чтобы он, в свою очередь, свято блюл их интересы? И если приходилось для добывания нужных сумм потрясти городскую казну или осквернить парочку храмов, - ну что ж, где-то ведь надо их брать. Вот такой бесхитростный взгляд на вещи был у Великана Максимина.

Со временем, однако, сопротивление стало нарастать, и тогда всю свою яростную энергию и решительность, давшие ему власть над столь же энергичными и решительными людьми, он бросил на тушение готового возгореться пожара. С юных лет он привык жить в гуще кровопролития. Чужие жизнь и смерть не имели в его глазах практически никакого значения. Со свирепостью дикаря обрушивался он на тех, кто осмеливался противостоять ему, а на удар отвечал ещё более сильным ударом. Тень Великана закрыла чёрным крылом всю Империю от Британии до Сирии. В характере его начала проявляться удивительно изощрённая мстительность. Безграничная власть позволила расцвести пышным цветом ростку каждого заложенного в его душе порока и толкнула, в конечном счёте, на путь преступлений.

В прежние времена он не раз подвергался взысканиям за чрезмерную грубость. Теперь он с мелочной злопамятностью изливал свой гнев за былые обиды на прежних начальников. Часами он мог сидеть, уперев в раскрытые ладони крутой подбородок, а локти поставив на колени, и припоминать час за часом все промахи и неприятности первых лет службы, когда эти язвительные римляне никогда не упускали случая лишний раз проехаться в его адрес или зло подшутить над его ростом или недостатком образования. Сам Максимин так и не научился писать, но его сын Вер заносил под диктовку вспомнившиеся имена на восковые таблицы, которые отправлялись губернатору Рима. Многие именитые граждане, давно забывшие о нанесённой некогда обиде, внезапно оказывались вынуждены оплачивать прошлые грехи кровью.

В Африке вспыхнуло восстание, подавленное одним из приближённых военачальников, но одна только весть о начавшемся мятеже заставила всколыхнуться весь Рим. Сенат словно обрёл свой прежний дух, равно как и римские граждане. Их больше нельзя было запугать легионами. Максимин повёл свои войска от границы, намереваясь основательно пограбить мятежную столицу, но на пути к ней столкнулся с поистине всенародным сопротивлением. Деревни опустели, фермы стояли покинутые, скот и урожай с полей исчезли без следа. На пути легионов встретился укреплённый стенами городок Аквилея. Максимин попытался взять его с наскока, но получил решительный отпор. Штурмом преодолеть стены не удалось, а для осады в округе не было никаких запасов провианта. В войсках начался голод и появилась масса недовольных. Им не было дела до того, кто будет императором. В конце концов, чем Максимин был лучше любого из них? И за каким дьяволом восстанавливать против себя всю Империю, поддерживая его? Император видел вокруг себя угрюмые лица и косые взгляды и понимал, что конец близок.

В ту ночь император был со своим сыном Вером у себя в шатре. Речь Максимина звучала непривычно тихо и мягко. Юноша никогда прежде не слышал отца разговаривающим таким образом. Он говорил так только с Паулиной, матерью мальчика. Она умерла много лет назад, и вся доброта и нежность, таившиеся в мощном теле гиганта, казалось, ушли вместе с ней. Но в ту ночь в шатре дух Паулины словно незримо витал над ним, утешая и укрепляя его душу.

— Я хочу, чтобы ты вернулся в наши родные фракийские горы, — говорил император. — Я испробовал всё, мой мальчик, и могу точно сказать, что никакое наслаждение, даваемое властью, не может сравниться с дуновением горного ветерка, доносящего ранним летним утром запах выгоняемого стада. На тебя они не могут держать зла. Не думаю, что тебе что-то грозит. Только держись подальше от Рима и римлян. У старого Эвдокса денег хватит на всё с избытком. Он ждёт тебя за валом лагеря с парой лошадей. Отправляйся прямо в долину Арпесс, парень. Твой отец вышел оттуда, и там ты найдёшь родню. Купи себе усадьбу, заведи скотину, и никогда больше не пытайся ходить путями власти, по которым Величие и Смерть шагают рука об руку. Да хранят тебя боги, Вер, и да будет безопасной твоя дорога во Фракию.

Сын поцеловал руку отцу и покинул шатёр, а император поплотнее закутался в плащ и погрузился в глубокое раздумье. В ленивом мозгу медленно ворочались воспоминания о былом. Всплывали в памяти первые счастливые деньки, годы службы под началом Севера, Британия, долгие кампании, лишения и битвы, приведшие, в конечном итоге, к той безумной ночи на берегах Рейна. Тогда солдаты его обожали. Сегодня же он прочёл в их глазах свой смертный приговор. В чём же он провинился перед ними? Да, он сотворил немало зла, но солдатам всегда было грех жаловаться. Конечно, если начать всё сначала, он уделял бы больше внимания простым гражданам и меньше — войскам. Он постарался бы завоевать сердца и любовь добром, а не силой, и жить ради мира, а не ради войны. Если бы всё начать сначала!

Снаружи послышались чьи-то шаркающие шаги, осторожный шепоток и бряцание оружия. Бородатое лицо просунулось в шатёр. Он хорошо знал эту смуглую африканскую рожу! Зловеще рассмеявшись, Максимин выпростал из плаща руку и взял со стола лежащий перед ним меч.

— Входи, Сульпиций, — сказал он. — Я знаю, сегодня ты не станешь кричать: «Да здравствует император Максимин!» Я тебе успел надоесть, да и ты надоел мне порядком. Клянусь богами, я буду только рад положить всему конец. Входи и делай своё дело, но помни, что мне интересно будет узнать, скольких из вас я смогу забрать с собой в могилу.

Они толпились у входа в шатёр, заглядывая внутрь через плечо друг друга, но ни один не отваживался первым вступить в схватку с гигантом, оскалившим зубы в издевательской усмешке. Но вот из кучки заговорщиков выставили какой-то предмет, насаженный на остриё копья. Увидев его, Максимин издал скорбный стон и выронил меч из внезапно ослабевших пальцев.

— Зачем же вы мальчика-то? — с трудом выговорил он, сотрясаясь в рыданиях. — Он бы никому из вас не помешал! Ладно, кончайте со мной. Я с радостью последую за ним.

Они навалились на него всей сворой. Они рубили, кололи и резали, пока колени великана не подломились, и окровавленное тело не рухнуло наземь.

— Тиран умер! — кричали они. — Тиран умер!

Этот крик был подхвачен солдатами в лагере и защитниками осаждённого города. Те и другие с одинаковой радостью орали во весь голос:

— Он умер! Великан Максимин умер!

* * *

Я сижу в кабинете и разглядываю лежащий передо мной на столе динарий, выпущенный в годы правления Максимина. Он почти такой же новенький, как в тот день, когда был отчеканен в храме Юноны Монеты. По окружности выбита надпись с перечислением громких титулов: Император Максимин, Великий Понтифик, Верховный Трибун и прочая. В центре

выпуклое изображение в профиль: огромная голова с массивной челюстью, грубое лицо воина и перерезанный морщинами лоб. Несмотря на пышный перечень, это лицо крестьянина, и глядя на него, я представляю не римского императора, а огромного деревенского увальня, спустившегося по зелёному склону в тот памятный летний день, когда римский Орёл впервые поманил его своим крылом.

1911 г.

(перевод А. Дубова)

ОПЕЧАТАННАЯ КОМНАТА

Если вы склонны к активному образу жизни и занятиям спортом, но вынуждены, будучи стряпчим, с пяти до десяти томиться в конторе в ожидании клиентов, для физических упражнений остаются одни лишь вечера. Вот так я и приобрёл привычку пускаться в поздние долгие прогулки по холмам Хэмпстеда и Хайгейта с целью очистить лёгкие от загрязнённого воздуха Эбчерч-лэйн. Во время одной из подобных эскапад произошла моя первая встреча с Феликсом Стэннифордом, повлёкшая за собой самое удивительное приключение во всей моей жизни.

Как-то вечером, в конце апреля или начале мая 1894 года, я направил свои стопы на север, в район самых крайних предместий Лондона, где забрёл на симпатичную улицу, застроенную кирпичными особняками, одну из тех улиц, которые большой город постоянно вытесняет всё дальше и дальше за свои пределы. Стояла чудесная, ясная весенняя ночь. Луна изливала яркий свет с незамутнённого облаками неба. Оставив за спиной уже немало миль, я позволил себе снизить темп и поглазеть по сторонам. Пребывая в созерцательном настроении, я обратил внимание на один из домов, мимо которых проходил.

То было очень большое строение, занимающее отдельный участок земли и отстоящее от мостовой несколько дальше других домов. Выглядел он вполне современно, но далеко не так кричаще ново, как вульгарные свежевыстроенные особняки по соседству. Их стройный ряд нарушался просторной лужайкой, засаженной лавровым деревом, и огромным, тёмным, мрачным зданием, высящимся на дальнем её конце. Очевидно, это была загородная резиденция какого-нибудь состоятельного коммерсанта, возведённая в те дни, когда от ближайшей городской улицы её отделяло не меньше мили, а сегодня настигнутая и окружённая краснокирпичными щупальцами гигантского осьминога, имя которому Лондон. В голове у меня мелькнуло, что следующей стадией должно стать переваривание и поглощение, после чего какой-нибудь дешёвый подрядчик застроит лужайку ещё дюжиной одинаковых домиков со стандартной годовой рентой в восемьдесят фунтов. В то время как в голове моей лениво и смутно копошились все эти мысли, и произошёл тот самый случай, после которого думать пришлось уже совсем о другом.

Четырёхколёсный кэб — это позорное порождение Большого Лондона — катился, скрипя и громыхая, по мостовой, а навстречу ему, судя по яркому свету фонаря, ехал велосипедист. Только эти два объекта и двигались по пустынной, прямой, залитой лунным светом улице, что не помешало им врезаться друг в друга с той злополучной точностью, что сводит нос к носу два лайнера в бескрайних просторах Атлантики. В данном случае виноват был велосипедист. Он попытался повернуть прямо перед кэбом, не рассчитал дистанцию и был сброшен наземь лошадиным плечом. Он поднялся на ноги и разразился проклятиями. Кэбмен не остался в долгу, но тут же быстренько сообразил, что номер его остался незаписанным, подстегнул лошадь и с громыханием умчался прочь. Велосипедист взялся, было, за руль своей поверженной машины, но внезапно со стоном уселся на мостовую и воскликнул:

- О. Боже!
- Я бегом бросился к нему.
- Вы не пострадали? спросил я.
- Моё колено, ответил он. Полагаю, это всего лишь растяжение, но болит ужасно. Если не трудно, дайте, пожалуйста, мне руку.

Он лежал в круге света, излучаемого велосипедным фонарём. Помогая ему подняться, я обратил внимание на наружность молодого человека. Судя по всему, он был джентльменом. На лице выделялись тонкие тёмные усики и большие карие глаза. Держался он нервозно и как-то скованно и не обладал, должно быть, крепким здоровьем, о чём свидетельствовали впалые щёки и тонкая с желтизной кожа лица, на котором тяжёлая работа или душевные терзания успели оставить неизгладимый след. Когда я потянул его за руку, он встал, но только на одну ногу. Вторую он держал на весу и снова застонал, как только попробовал двинуть ею.

- Не могу стоять на ней, пожаловался он.
- Где вы живёте?
- Здесь, кивнул он в направлении большого тёмного дома в глубине сада. Я хотел

срезать наискосок к воротам, когда этот проклятый кэб налетел на меня. Вы не сможете мне помочь?

Сделать это оказалось нетрудно. Я поставил велосипед за ворота и помог пострадавшему проковылять по дорожке и подняться по ступеням парадного. В окнах не светилось ни огонька, и дом выглядел таким тёмным и безмолвным, словно в нём никто никогла не жил.

- Достаточно. Благодарю вас от всей души, проговорил молодой человек, ковыряясь ключом в замке.
  - Hy, нет, возразил я, позвольте уж мне позаботиться о вас до конца.

Сначала он попытался протестовать, слабо и неуверенно, но потом сообразил, что без меня не сможет на самом деле сделать ни шагу. Дверь открылась в кромешную тьму холла, и он двинулся вперёд, по-прежнему опираясь на мою руку.

— Вон та дверь направо, — сказал он, шаря свободной рукой в темноте.

Я открыл дверь, и в то же мгновение он ухитрился зажечь огонь. На столе стояла лампа, и мы засветили её совместными усилиями.

— Ну вот, теперь со мной всё в порядке. Вы можете меня спокойно оставить. Прощайте! — сказал он, садясь в кресло, и тут же потерял сознание.

Я попал в щекотливую ситуацию. Этот парень был так бледен, что невозможно было с уверенностью определить, жив он или умер. Вскоре, правда, губы его зашевелились, грудь начала слабо вздыматься, но зрачки закатились, а цвет лица прямо-таки внушал ужас. Я не мог дольше взваливать на себя такую ответственность, поэтому дёрнул за шнурок звонка и даже услышал, как он звенит где-то в глубине дома. Но никто не явился на зов. Я немного подождал и позвонил снова, но результат остался прежним. Но ведь должен кто-то быть поблизости. Не может же этот молодой джентльмен жить один в таком огромном доме. Надо было непременно сообщить кому-нибудь из домочадцев о состоянии травмированного. Что ж, если они не хотят отвечать на звонки, придётся мне самому пуститься на охоту. Я схватил лампу и выбежал из комнаты.

Увиденное снаружи поразило меня. Холл был пуст. Голые ступени лестницы пожелтели от пыли. Три двери вели из холла в просторные помещения, ни в одном из которых я не заметил ни ковров, ни стенной обивки. Только серые кружева паутины свисали с карнизов, да пятна плесени образовывали на стенах причудливый узор. Мои шаги гулко отдавались эхом, когда я проходил сквозь эту пустую, безмолвную обитель. Затем я решил попробовать поискать в конце коридора, полагая, что уж на кухне обязательно должен кто-то быть, или, если не на кухне, то в помещении для прислуги. Но и там все комнаты оказались пусты. Отчаявшись разыскать хоть кого-нибудь в помощь, я забрёл в другой коридор и наткнулся на нечто, удивившее меня в ещё большей степени, чем всё остальное.

Проход заканчивался большой коричневой дверью, замочная скважина которой была залеплена печатью из красного воска размером в пятишиллинговую монету. У меня сложилось впечатление, что печать эта находится здесь уже очень долгое время, так как она была густо покрыта пылью и местами утратила изначальный цвет. Я стоял перед дверью, уставясь на неё и гадая, что может быть за нею скрыто, когда услышал за спиной чей-то голос. Бросившись на зов, я обнаружил молодого человека уже в сознании, по-прежнему сидящим в кресле и крайне удивлённым окружающим его мраком.

- Чего ради вы унесли лампу? спросил он.
- Я искал кого-нибудь из прислуги, чтобы помочь вам.
- Долго же вам пришлось бы искать, сказал он. В доме никого нет, кроме меня.
- Весьма неудобно, если случится заболеть.
- Весьма глупо с моей стороны лишиться чувств. От матери я унаследовал слабое сердце. Боль или сильное волнение оказывают на меня подобное действие. В один прекрасный день это сведёт меня в могилу, как когда-то и её. Вы, случайно, не доктор?
  - Нет, я юрист. Моё имя Фрэнк Олдер.
- А меня зовут Феликс Стэннифорд. Странно, что мы с вами встретились как раз в тот момент, когда, по словам моего друга мистера Персивела, нам пришло время подыскать себе профессионального юриста.
  - Буду счастлив оказать вам услугу.

- Вы знаете, выбор, в конечном счёте, будет зависеть от него. Так вы сказали, что обошли с лампой весь первый этаж?
  - **—** Да.
- Весь этаж? повторил он, упирая на первое слово и не сводя с меня напряжённого взгляда.
  - Полагаю, что весь. Я ведь надеялся, что вот-вот кого-нибудь найду.
- Вы входили во *все* комнаты? спросил он, продолжая смотреть на меня с прежней интенсивностью во взоре.
  - Во все, куда мог войти.
- Значит, вы не могли не заметить этого! сказал он, пожимая плечами с видом человека, делающего хорошую мину при плохой игре.
  - Не заметить чего?
  - Опечатанной двери, разумеется.
  - Да, я её видел.
  - Вам не стало любопытно, что за этим скрывается?
  - Должен признать, что выглядит это весьма необычно.
- Как вы думаете, смогли бы вы жить в одиночестве год за годом в этом доме, всё время жаждая узнать, что лежит по ту сторону двери, но не позволяя себе заглянуть туда?
  - Вы хотите сказать, воскликнул я, что сами не знаете?
  - Не более, чем вы.
  - Так почему же вы не посмотрите?
- Я не должен этого делать, ответил он. Последняя фраза прозвучала уклончиво, и я понял, что коснулся предмета весьма деликатного свойства. Не могу сказать, что страдаю избытком любопытства, но в сложившихся обстоятельствах оно оказалось распалено в высшей степени. Однако, я не имел больше предлога оставаться в доме, поскольку мой новый знакомый уже пришёл в себя и не нуждался в моей помощи. Я поднялся, собираясь уходить.
  - Вы очень торопитесь? задал он вопрос.
  - Нет, меня никто не ждёт.
- Очень хорошо. Вы знаете, я буду очень рад, если вы побудете со мной ещё немного. Дело в том, что мне приходится вести очень одинокий и замкнутый образ жизни. Сильно сомневаюсь, что во всём Лондоне найдётся ещё один такой же затворник. Даже поговорить с кем-либо из ряда вон выходящее для меня событие.
- Я окинул взглядом скудно обставленную маленькую комнату с диваном-кроватью у противоположной стены и подумал об огромном пустом доме и зловещей двери, скованной обесцветившейся от времени печатью. Было в обстановке что-то до крайности необычное и будоражащее воображение так сильно, что мне страстно захотелось узнать немного больше. Быть может, мне удастся сделать это, если подождать? Я сказал, что буду счастлив задержаться.
- Спиртное и сифон с содовой на боковом столике. Вы уж простите, что не могу взять на себя обязанности хозяина, но мне не добраться даже до другого конца комнаты. Сигары на том подносе. Я тоже закурю, с вашего позволения. Итак, вы стряпчий, мистер Олдер?
  - Да.
- А я никто. Я самое беспомощное из всех живущих на свете существ сын миллионера. Я рос наследником огромного состояния, а теперь я нищий, не имеющий даже профессии. В довершение всех несчастий, на руках у меня этот дворец, который я не имею средств содержать. Вам не кажется абсурдным моё положение? Живя в этом доме, я уподобляюсь уличному торговцу, запрягающему в свою тележку чистокровного скакуна, хотя обычный мул подошёл бы ему с тем же успехом, равно как и мне небольшой коттедж.
  - Отчего бы вам тогда не продать дом? спросил я.
  - Я не должен этого делать.
  - А сдать в аренду?
  - Нет, этого я также не должен делать.

Заметив моё недоумение, собеседник усмехнулся.

- Я расскажу вам, как обстоит дело, если только вас не утомит мой рассказ, сказал он.
- Напротив! Я буду чрезвычайно заинтересован, поспешил уверить его я, пока он не

передумал.

— Вы отнеслись ко мне с добротой и вниманием. Самое малое, чем я могу отблагодарить вас, — утолить то любопытство, которое вы можете испытывать. Для начала скажу, что отцом моим был банкир Станислав Стэннифорд.

Банкир Стэннифорд! Я сразу вспомнил это имя. Лет семь назад его бегство из страны вызвало один из самых сенсационных скандалов того времени.

- Я вижу, вы вспомнили, заметил мой собеседник. Мой бедный отец покинул страну, чтобы избежать упрёков многочисленных друзей, чьи средства он вложил в неудачную спекуляцию. Он был очень чувствительным человеком со слабой нервной системой, и тяжесть ответственности за случившееся сильно повлияла на его рассудок, хотя, с точки зрения закона, никакого преступления он не совершал. Причины его поступка следует искать в области эмоций. Даже членам собственной семьи он не смел больше смотреть в глаза и умер среди чужих людей, так и не дав нам знать, где он находится.
  - Так он умер... промолвил я.
- У нас нет доказательств его смерти, но мы уверены в этом, потому что спекуляция, в конечном итоге, оказалась верной, и теперь отец имел полное право смело смотреть в глаза любому человеку. Он наверняка вернулся бы, будь он жив. Вероятнее всего, отец умер года два назад.
  - Почему вероятнее всего?
  - Потому что два года назад мы получили от него весточку.
  - И он не сообщил вам, где живёт?
- Письмо пришло из Парижа, но без обратного адреса. Это случилось как раз, когда умерла моя бедная матушка. Тогда я и получил то письмо с инструкциями и советами, после которого отец больше ни разу не дал о себе знать.
  - А раньше он давал о себе знать?
- Да, конечно, мы имели от него известия. В них-то и кроется загадка запечатанной двери, на которую вы наткнулись сегодня. Передайте мне вон ту папку, будьте любезны. Здесь я храню письма отца. Вы станете первым, не считая мистера Персивела, кому я их показываю.
  - Могу я узнать, кто такой мистер Персивел?
- Он был доверенным клерком моего отца и с тех пор продолжает оставаться другом и советчиком сначала моей матери, а теперь и моим. Я просто не представляю, что бы мы делали без Персивела. Он читал письма, но только он один. Вот самое первое, полученное в тот день, когда отец вынужден был бежать семь лет назад. Прочтите его.

Вот текст прочитанного мною письма:

«Моя бесконечно дорогая жена!

С тех пор как сэр Уильям поведал мне, как сильно ты больна и как опасно для твоего сердца любое потрясение, я никогда не обсуждал с тобой мои коммерческие дела. Но настало время, когда я не могу больше, невзирая на риск, воздерживаться от горькой правды. Дела мои сильно расстроились, и это обстоятельство вынуждает меня расстаться с тобой на короткое время, но я поступаю так в полной уверенности, что очень скоро мы увидимся вновь. Ты можешь твёрдо на это рассчитывать. Разлука наша пролетит быстро и незаметно, моя любимая, поэтому не позволяй ей отражаться на твоём настроении, а пуще того — на твоём здоровье, ибо о нём я беспокоюсь более всего на свете.

А теперь у меня есть одна просьба, и я заклинаю тебя всем, что связывает нас вместе, исполнить её в точности, как я прошу. В тёмной комнате, расположенной в конце коридора, выходящего в сад, той самой, что я использовал для занятий фотографией, имеются коекакие вещи, которые я не хочу, чтобы кто-нибудь видел. Чтобы избавить тебя от мучительных раздумий, дорогая, позволь уверить раз и навсегда, что в ней не содержится ничего такого, чего я мог бы стыдиться. Тем не менее, я не желаю, чтобы ты или Феликс входили в эту комнату. Она заперта на ключ, и я призываю вас сразу по получении этого послания поставить печать на замочную скважину и больше ничего не трогать. Не продавайте дом и не сдавайте внаём, так как в обоих случаях мой секрет будет обнаружен. Пока ты или Феликс остаётесь в доме, я буду знать, что мои пожелания выполняются. Как только Феликсу исполнится двадцать один год, он получит право войти в комнату, но ни

днём ранее.

А сейчас я прощаюсь с тобой, моя бесценная супруга. Во время нашей краткой разлуки ты можешь пользоваться услугами и советами мистера Персивела по поводу любой возникшей проблемы. Я ему полностью доверяю. Мне ужасно тяжело покидать Феликса и тебя даже на короткое время, но выбора, к сожалению, у меня нет.

Твой вечно любящий супруг,

Станислав Стэннифорд.

4 июня 1887»

- Разумеется, все эти предметы касаются исключительно нашего семейства и носят частный характер, извиняющимся тоном заговорил мой собеседник, поэтому мне хотелось бы, чтобы вы рассматривали их с чисто профессиональной точки зрения. Я столько лет мечтал поговорить об этом.
- Польщён вашим доверием, и должен отметить, что чрезвычайно заинтересован изложенными фактами, ответил я.
- Мой отец отличался почти маниакальным пристрастием к правдивости и в этом отношении всегда был скрупулёзен до педантичности. Если он написал, что надеется в ближайшем будущем снова встретиться с матерью, а в тёмной комнате не имеется ничего постыдного, вы можете смело принять его слова на веру.
  - Что же тогда там может быть? не сдержался я.
- Мы с матерью и представить не могли. Все пожелания отца были выполнены точь-вточь, как он просил. Мы опечатали дверь, и с тех пор она так и стоит. Мать прожила ещё пять лет после исчезновения отца, несмотря на уверения врачей, что долго она не протянет. У неё было очень больное сердце. В течение первых нескольких месяцев она получила от отца два письма. На обоих стоял парижский штемпель, но не было обратного адреса. Оба были короткими и сходными по содержанию: скоро мы встретимся вновь и ни о чём не волнуйся. Потом наступило долгое молчание, тянувшееся до самой её смерти, а затем я получил письмо от отца, носившее столь личный характер, что вам я его показать не могу. В нём он умолял меня никогда не думать о нём плохо, давал множество полезных советов и сообщал, что запечатанная комната больше не имеет такого значения, как при жизни матери. Вместе с тем, он писал, что её открытие по-прежнему может болезненно отразиться на других людях, поэтому, по его мнению, это действие следует отложить до достижения мной совершеннолетия, когда время сгладит и залечит былые раны. А до тех пор он поручил заботу о комнате мне, своему сыну. Теперь вы понимаете, почему я, будучи бедняком, не могу ни сдать, ни продать этот огромный дом?
  - Вы могли бы заложить его.
  - Это уже сделал мой отец.
  - Весьма своеобразное состояние дел.
- Мать и я были принуждены постепенно распродать мебель и рассчитать слуг, и сегодня, как видите, я должен один ютиться в крохотной комнатушке. Но мне осталось всего два месяца.
  - Что вы имеете в виду?
- Очень просто, через два месяца я достигну совершеннолетия. Первым делом я открою эту дверь, вторым избавлюсь от дома.
- Вы не задумывались, почему ваш отец не вернулся, когда положение со вложенными средствами выправилось?
  - Полагаю, он уже был мёртв.
  - Вы сказали, что он бежал за границу, будучи официально чист перед законом?
  - Верно.
  - Почему же он не взял с собой вашу мать?
  - Не знаю.
  - Для чего ему было скрывать свой адрес?
  - Понятия не имею.
- Почему, наконец, он позволил любимой жене умереть и быть похоронённой без него? Почему он так и не вернулся?

- И этого я тоже не знаю.
- Мой дорогой сэр, начал я, позвольте говорить с вами с профессиональной откровенностью юриста. Должен сказать, что мне представляется совершенно неоспоримым следующее: отец ваш имел очень веские причины скрываться за границей, и если против него никаких доказательств найдено не было, он, вероятно, считал, что в будущем таковые могут обнаружиться, почему и не решался отдаться в руки правосудия. Мне этот вывод кажется очевидным, иначе как объяснить все имеющиеся в нашем распоряжении факты?

Мои логические рассуждения не очень понравились собеседнику.

— Вы не имели удовольствия знать моего отца, мистер Олдер, — сказал он ледяным тоном. — Хотя я был ещё мальчишкой, когда он покинул нас, для меня отец навсегда остался идеалом человека и джентльмена. Единственными его недостатками были обострённая чувствительность и бескорыстие. Одна только мысль, что кто-то по его вине потерял деньги, заставляла кровоточить его сердце. Честь свою отец ставил превыше всего, и любая теория, которая этого не учитывает, является ошибочной.

Мне понравилось, с каким жаром молодой человек защищает память отца, но факты всё же говорили о другом, да и трудно было ожидать от него непредвзятого отношения в сложившихся обстоятельствах.

- Я для вас человек посторонний и только высказал своё мнение, сказал я. А теперь я вынужден вас покинуть. Мне довольно далеко добираться домой, а время позднее. История ваша заинтересовала меня в высшей степени, и я буду рад, если вы позволите узнать продолжение.
  - Оставьте мне вашу карточку, сказал он.

Я так и сделал, пожелал ему доброй ночи и удалился.

Больше я ничего не слышал об этом деле и начал уже подозревать, что оно так и останется мимолётным эпизодом в моей жизни, подобно многим другим уйдя из поля зрения в небытие и оставив по себе лишь смутное ощущение надежды или разочарования. Но в один прекрасный день в мою контору на Эбчерч-лэйн принесли визитную карточку с именем мистера Дж.Г.Персивела, а вслед за карточкой клерк пригласил в кабинет и её владельца — невысокого, худощавого мужчину лет пятидесяти с удивительно ясными глазами.

- Я полагаю, сэр, начал он, моё имя уже упоминалось в вашем присутствии моим юным другом Феликсом Стэннифордом?
  - Да, конечно, я помню его, поспешно ответил я.
- Насколько я могу судить, он сообщил вам определённые факты, касающиеся исчезновения моего прежнего хозяина, мистера Станислава Стэннифорда, а также, существования некой запечатанной комнаты в его нынешней резиденции.
  - Совершенно верно.
  - Вы, кажется, выразили интерес к данному предмету?
  - Да, меня это чрезвычайно заинтересовало.
- Вы осведомлены о том, что, согласно воле мистера Стэннифорда, мы имеем право открыть дверь в двадцать первый день рождения его сына?
  - Я припоминаю.
  - Сегодня этот день настал.
  - Вы уже открыли комнату? спросил я с живостью.
- Ещё нет, сэр, серьёзным тоном ответил мистер Персивел. У меня есть основания считать необходимым присутствие свидетелей в момент открытия. Вы юрист и уже знакомы с основными фактами. Согласны ли вы присоединиться к нам?
  - Безусловно!
- Днём вы заняты на службе, как и я. Вас устроит в девять часов вечера в доме Стэннифордов?
  - Приду с большим удовольствием.
  - Мы будем ожидать вас. До скорого свидания.

Он с достоинством поклонился и вышел.

В тот вечер я спешил на встречу, а голова моя шла кругом, устав от бесплодных попыток предугадать более или менее правдоподобную развязку тайны, которую нам предстояло раскрыть. Мистер Персивел и мой молодой знакомый ждали меня в маленькой

комнате. Меня не удивили бледность и нервозность последнего, но я, признаться, был поражён, увидев, в каком сильнейшем возбуждении, несмотря на все старания скрыть его, находится низенький сухощавый служащий из Сити. Щёки его горели румянцем, руки беспрестанно двигались, а сам он и секунды не мог постоять на одном месте.

Стэннифорд тепло приветствовал меня и несколько раз выразил благодарность за мой приход.

— Ну, а теперь, Персивел, — обратился он к своему компаньону, — я полагаю, что на нашем пути к разгадке больше не существует препятствий? Как же я буду рад, когда всё это закончится!

Бывший клерк поднял лампу и пошёл первым. В коридоре перед дверью он остановился. Рука его заметно дрожала, заставляя плясать то вверх, то вниз по голой стене отбрасываемое лампой световое пятно.

- Мистер Стэннифорд, заговорил он срывающимся голосом, я надеюсь, вы сумели подготовиться к возможному потрясению, ожидающему вас, когда печать будет сломана и дверь открыта.
  - Да что там такое может быть, Персивел? Вы пытаетесь напугать меня!
- Нет, мистер Стэннифорд, я лишь желаю, чтобы вы были готовы... собрались с силами... не позволили себе... он облизывал пересохшие губы после каждой отрывистой фразы, и я внезапно осознал с полной отчётливостью, как если бы он сам мне об этом сказал, что Персивел знает, что скрыто за опечатанной дверью, и что это в самом деле нечто ужасное.
  - Вот ключи, мистер Стэннифорд, но помните о моём предупреждении!

В руке он держал связку разнородных ключей, которую молодой человек буквально выхватил у него. Затем он подсунул лезвие ножа под край выцветшей печати и резким движением сорвал её. Лампа по-прежнему тряслась и дребезжала в руках у Персивела, поэтому я отобрал её у него и поднёс поближе к замочной скважине, в то время как Стэннифорд лихорадочно примерял к ней один ключ за другим. Наконец один из них повернулся в замке, дверь отворилась, он сделал шаг внутрь и в то же мгновение, издав ужасающий крик, упал без чувств у наших ног.

Если бы я вовремя не прислушался к предупреждению старого клерка и не приготовился к возможному потрясению, то наверняка выронил бы лампу. С голыми стенами и без окон, комната некогда была оборудована под фотографическую лабораторию. Сбоку виднелся водопроводный кран над раковиной, а по другую сторону — полка с какими-то бутылками и мензурками. Своеобразный тяжёлый запах наполнял помещение, — отчасти химического, отчасти животного происхождения. Прямо напротив нас располагался стол с единственным креслом, и в этом кресле сидел спиной к нам человек и что-то писал. Его очертания и поза выглядели настолько натурально, что можно было легко посчитать его живым. Но когда на сидящего упал свет лампы, я почувствовал, как волосы у меня на голове встают дыбом. Шея его почернела и сморщилась, сделавшись не толще моего запястья. Пыль покрывала тело — толстый слой жёлтой пыли. Она лежала на волосах, на плечах, на высохших кистях рук, обтянутых пергаментной, лимонного цвета кожей. Голова его была склонена на грудь, а перо по-прежнему лежало на пожелтевшем от времени листе бумаги.

- Мой бедный хозяин! Мой бедный, бедный хозяин! воскликнул клерк, и слёзы градом покатились по его щекам.
  - Как?! вскричал я. Неужели это и есть Станислав Стэннифорд?
- Он сидит здесь вот уже семь лет. Ну почему, почему он так поступил?! Я просил, я умолял его, вставал перед ним на колени, но он был непреклонен. Видите ключ на столе? Он заперся изнутри. И он что-то написал. Мы должны забрать это с собой.
- Да-да, забирайте и, Бога ради, пойдёмте скорей отсюда! воскликнул я. Здесь сам воздух чем-то отравлен. Идёмте, Стэннифорд, идёмте! и, подхватив под руки с двух сторон, мы полуотвели, полуотнесли молодого человека в его комнату.
- Это был мой отец! вскричал он, едва обретя вновь сознание. Он сидит там мёртвый в своём кресле. Вы знали об этом, Персивел! Вы ведь *это* имели в виду, когда предупреждали меня?
  - Да, я знал, мистер Стэннифорд. Я находился в ужасно тяжёлом положении, хотя в

поступках своих всегда стремился к общему благу. Все семь лет я знал, что ваш батюшка умер в этой комнате.

- Вы знали, но ничего нам не сказали!
- Не судите меня строго, мистер Стэннифорд, сэр! Имейте снисхождение к старику, которому выпало играть трудную роль.
- У меня голова идёт кругом. Ничего не соображаю! он с трудом поднялся и отхлебнул глоток бренди прямо из бутылки. Эти письма матери и мне подделка?
- Нет, сэр, ваш отец сам написал и адресовал их. Он оставил их мне для последующего отправления. Я только скрупулёзно следовал его инструкциям. Не забывайте: он был моим хозяином, и я должен был повиноваться.

Бренди немного успокоил расшатавшиеся нервы молодого человека.

- Расскажите мне всё до конца. Теперь я в состоянии выслушать вас спокойно, проговорил он.
- Хорошо, мистер Стэннифорд. Как вам уже известно, у отца вашего возникли тогда крупные неприятности. Он думал, что по его вине множество небогатых людей могут потерять свои сбережения. Ваш батюшка был так добросердечен, что мысль эта была для него невыносима. Она беспокоила и терзала его до тех пор, пока не подвела вплотную к самоубийству. О, если бы вы знали, мистер Стэннифорд, как я молил и отговаривал его, вы ни в чём не стали бы меня винить. И ваш отец, в свою очередь, уговаривал и умолял меня, как никто и никогда не умолял меня прежде. Он сказал, что решение его бесповоротно, и он свершит задуманное в любом случае, но от меня зависит, будет его смерть лёгкой и счастливой или полной страданий. В глазах его я прочёл, что он твёрдо намерен поступить так, как сказал. Тогда я сдался и поклялся выполнить его волю.

Больше всего его волновало вот какое обстоятельство. Лучшие врачи Лондона предупредили его, что сердце миссис Стэннифорд не выдержит и малейшего потрясения — настолько она больна. Его терзала мысль, что своим уходом из жизни он ускорит и её конец; в то же время собственное существование стало для него невыносимо. Как же он мог покончить с собой, не причиняя вреда ей?

Вы уже знаете, какой способ он избрал. Он написал письмо жене, которое она получила первым. В нём не было ни одной строчки, где он погрешил бы против истины. Когда он писал о скорой встрече, то имел в виду её скорую смерть от болезни, которая, по уверениям врачей, должна была наступить не позднее, чем через несколько месяцев. Он был настолько убеждён в их непогрешимости, что оставил мне всего два письма, которые я должен был отправить с небольшими интервалами после его смерти. Она прожила ещё целых пять лет, а мне больше нечего было посылать.

Последнее письмо, предназначавшееся вам, сэр, следовало отправить сразу после смерти вашей матушки. Все письма посылались из Парижа, чтобы поддержать вас в убеждении, что он находится за границей. Его последним наказом мне было хранить молчание — вот я и молчал. Я всегда служил преданно и верно. А семилетний срок после своей смерти хозяин назначил, полагая, что этого будет достаточно, чтобы сгладить неизбежный шок у родных и оставшихся в живых друзей. Ваш отец всегда в первую очередь думал о других.

Воцарилось долгое молчание. Первым нарушил его молодой Стэннифорд.

- Я больше не осуждаю вас, Персивел. Вы сохранили мою мать от потрясения, которое, без сомнения, разбило бы её сердце. А что это за бумага?
  - Последние записи вашего отца, сэр. Могу я прочитать это для вас?
  - Прошу вас.
- «Я принял яд, и мне кажется, я чувствую, как он струится у меня по жилам, свершая свою разрушительную работу. Ощущение странное, но не болезненное. Когда эти строки будут прочитаны, после моей смерти пройдёт уже немало лет, если только те, кому я доверился, исполнили в точности мою волю. Полагаю, по истечении такого срока никто из тех, кому случилось потерять деньги по моей вине, не станет более держать на меня зла. А ты, Феликс, конечно же, простишь мне этот семейный скандал. И да упокоит Господь мою смертельно уставшую душу!»
  - Аминь! воскликнули мы хором.

1898 г.

(перевод А. Дубова)

ВЛАДЕТЕЛЬ ЗАМКА ШАТОНУАР*

Случилось это в те дни, когда немецкие полчища буквально наводнили Францию. Разбитая армия молодой республики отступила за Эн на север и за Луару на юг. От Рейна внутрь страны неудержимо стремились три потока вооружённых людей. Эти потоки то отделялись друг от друга, то сближались, но все передвижения имели своею целью Париж, вокруг которого они должны были слиться в одно громадное озеро. От этого озера, в свою очередь, стали отделяться реки. Одна потекла к северу, другая – к югу, вплоть до Орлеана, третья – на запад в Нормандию. Многие из немецких солдат впервые в своей жизни увидели море. Их кони купались в солёных волнах около Дьеппа.

Гнев и скорбь овладели французами. Враг наложил клеймо позора на их прекрасную родину. Они сражались за отечество, но были побеждены. Они боролись – и ничего не могли сделать с этой сильной кавалерией, с бесчисленными пехотинцами, с ужасными артиллерийскими орудиями. Иноплеменники, захватившие их родину, были неуязвимы в массе. Единственно, что оставалось французам, это – бить их по одиночке. Тут ещё можно было уравнять шансы. Храбрый француз мог заставить немца пожалеть о том дне, когда он оставил берега Рейна. И таким-то образом вспыхнула совсем особенная, не записанная в летописях осад и сражений война. Это была война отдельных людей, где главную роль играли убийство из-за угла и грубая репрессия.

Особенно сильно пострадал от такой войны начальник 24-го Познаньского пехотного полка, полковник фон Грамм. Стоял он со своим полком в нормандском городке Лэз-Андэли, а его аванпосты и пикеты были рассредоточены вокруг города, в деревушках и хуторках окрестности. Французских войск нигде поблизости не было, но, несмотря на это, каждый день полковнику приходилось выслушивать пренеприятные рапорты: то часовой оказался убитым на своём посту, то пропала без вести партия солдат, отправившаяся на поиски провианта. От подобных известий полковник фон Грамм обыкновенно приходил в ярость, и пламя пожара охватывало хутора, ближайшие к месту преступления, и деревенские жители дрожали. Но экзекуции пользы не приносили, и на следующее утро начиналась та же самая история. Что ни делал полковник, он никак не мог усмирить своих невидимых врагов. По некоторым признакам можно было догадаться, что преступления совершались одной и той же рукой, имели один источник.

Полковник фон Грамм попробовал, как было уже сказано, отвечать на насилия насилиями и потерпел неудачу. Тогда он обратился к помощи золота. Всем окрестным крестьянам было объявлено, что тот, кто укажет преступника, получит пятьсот франков награды. Однако никто не откликнулся. Награду пришлось повысить до восьмисот франков, но крестьяне и на этот раз оказались неподкупны. А когда неизвестный враг зарезал капрала, полковник добрался до тысячи франков. Этой суммой ему удалось купить душу одного рабочего на ферме, некоего Франсуа Режана, скупость пересилила в том ненависть к немцам.

– Ты говоришь, что знаешь виновника всех преступлений? – с презрением оглядев рабочего, спросил прусский полковник.

Перед ним стояло существо в синей блузе, весьма похожее на крысу.

- Да, полковник, знаю.
- Кто же он такой?
- А насчёт тысячи франков как же?
- Ты не получишь ни гроша до тех пор, покуда я не проверю твоих слов. Ну так, кто убивал моих солдат?
  - Граф д'Эсташ из «Чёрного Замка».
- Лжёшь! сердито закричал полковник. Образованный человек и дворянин не может делать подобных мерзостей.

Крестьянин пожал плечами.

– Ну, полковник, сразу видать, вы не знаете графа. Все убийства – его рук дело. Я вам говорю правду и ни капельки не боюсь вашей проверки. Граф из «Чёрного Замка» очень

^{*} Chateau Noir — буквально «Чёрный Замок» (франц.)

жестокий человек. Он и прежде-то был не из добреньких, ну а теперь превратился прямо-таки в зверя. Это на него, изволите видеть, смерть сына подействовала. Сынка-то его, видите ли, взяли в плен под Дуэ. Оттуда его отправили в Германию, а после он бежал и помер. У графа был один только сын, и его смерть просто свела старика с ума. Мы промеж себя его за сумасшедшего почитаем. Он собрал своих крестьян и начал охотиться за немецкой армией. Скольких он убил, не могу сказать, а только знаю, что он у всех убитых крест на лбу вырезает. Крест – это герб его фамилии.

Франсуа Режан говорил правду. У всех убитых над бровями оказывался, точно охотничьим ножом вырезанный, андреевский крест. Полковник наклонился над столом и стал водить пальцем по карте.

- «Чёрный Замок» отстоит отсюда не далее, чем на четыре лиги, сказал он.
- Три лиги и километр, полковник.
- Место знаешь?
- Как же! Я там работал на подённой.

Полковник фон Грамм позвонил.

- Дай этому человеку есть и задержи его, сказал он вошедшему сержанту.
- За что же меня задерживать, полковник? Я всё вам сказал.
- Ты будешь нашим проводником.
- Проводником?! А граф? Помилуй Господи, попасть в его руки! Ах, полковник!..

Прусский полковник махнул рукой, давая Режану понять, чтоб он молчал.

– Пошли ко мне немедленно капитана Баумгартена, – сказал он, обращаясь к сержанту.

Капитан явился немедленно. Это был человек средних лет, с голубыми глазами и непомерно развитыми челюстями. Лицо у капитана Баумгартена было кирпично-красное за исключением верхней части лба, которая, будучи защищённой от воздуха и солнца медной каской, сохранила белый, точно слоновая кость, цвет. Рыжие усы лихо закручены вверх, совершенно плешивая голова блестела, как зеркало. Младшие офицеры, шутки ради, подкрадывались к капитану сзади и, глядя в лысину, подкручивали себе усы. Капитан считался несколько медлительным, но надёжным и храбрым офицером. Полковник безусловно доверял ему.

- Вы отправитесь этой ночью в «Чёрный Замок», капитан, произнёс полковник фон Грамм. Проводника я вам достал. Вы арестуете графа и приведёте его сюда. Если он будет сопротивляться, можете его застрелить.
  - Сколько людей брать с собою, полковник?
- Мы окружены шпионами, и надо беспокоиться о том, чтобы захватить его врасплох. Он не должен знать, что мы за ним охотимся. Если взять много солдат, все заметят наши приготовления. С другой стороны, нам нельзя и рисковать. Вас могут окружить.
- Полковник, я вот как поступлю. Я двинусь на север, и все подумают, что вы меня отправили к генералу Гебену, а затем поглядите-ка, вот тут на карте я поверну на эту дорогу и мы окружим «Чёрный Замок» прежде, чем французы успеют опомниться. Полагаю, что при таком плане мне будет достаточно двадцати солдат...
  - Очень хорошо, капитан. Надеюсь увидеться с вами и вашим пленником завтра утром.

Была холодная декабрьская ночь, когда капитан Баумгартен и его двадцать познаньцев выступили из Лэз-Андэли и двинулись по большой дороге в северо-западном направлении. Пройдя две мили, отряд повернул на узкую лесную тропинку и быстро двинулся к цели своего похода. Моросил холодный мелкий дождь, и капли его стучали по сучьям высоких тополей или шуршали в мёртвой траве лужаек. Капитан шёл впереди, рядом со старым сержантом Мозером, который крепко держал за руку Франсуа Режана. Предварительно он успел шепнуть французу на ухо, что в случае внезапного нападения, первая пуля, которая вылетит из винтовки, будет направлена ему в висок. Сзади шлёпали по мокрой земле двадцать пехотинцев, пряча лица от дождя и спотыкаясь в темноте. Солдаты знали, куда и зачем они идут, и радовались. Им хотелось отомстить за смерть товарищей.

Из Лэз-Андэли отряд вышел около восьми часов вечера. В половине двенадцатого их проводник остановился перед воротами. Ворота железные, решётчатые и укреплённые между двумя каменными столбами с геральдическими украшениями. Стен давно не существовало, и камни покрылись терновыми кустами и травой. Пруссаки проникли внутрь и начали

осторожно подвигаться вперёд по дубовой аллее, засыпанной опавшими листьями. Пройдя аллею, они остановились и начали оглядывать местность.

Перед ними находился Шато-Нуар — «Чёрный Замок». Луна, выглянувшая из-за дождевых туч, заливала старый дом серебряными лучами. Дом имел вид латинской буквы L. В середине виднелась низкая сводчатая дверь. Ряды маленьких окон напоминали открытые бойницы броненосца. Тёмная крыша обрывалась по углам, где возвышались четыре небольших башенки. Дом словно спал в лунном безмолвии. В одном из окон нижнего этажа сиял одинокий огонёк.

Капитан начал шёпотом отдавать приказания. Некоторым из солдат он велел стеречь парадный вход, другим было поручено прокрасться к задней двери. Одни стали на караул у восточной части дома, другие — у западной. Сам он с сержантом прокрался на цыпочках к освещённому окошку.

За ним была небольшая и убого обставленная комната. В кресле сидел пожилой человек в халате и читал при свете оплывающей свечи изорванную газету. Рядом с ним на столе стояла бутылка с белым вином и наполовину опорожнённый бокал. Сержант постучал штыком в окно. Старик пронзительно взвизгнул и вскочил с кресла.

- Молчать или вы умрёте! Дом окружён. Бежать некуда. Идите и немедленно отоприте нам дверь. Если вы ослушаетесь, вам не будет пощады.
  - Ради Бога, не стреляйте! Я отопру дверь... Отопру!

И старик со смятой газетой в руке бросился вон из комнаты. Через секунду послышалось звяканье замков, стук поднимаемых болтов, и маленькая дверь отворилась. Пруссаки ворвались в вымощенный каменными плитами проход.

- Где владелец замка, граф д'Эсташ?
- Мой господин? Его нет дома.
- Это ночью-то? Если вы лжёте, то прощайтесь с жизнью!
- Я говорю правду, сударь. Его сиятельства нет дома.
- А где же он?
- Я не знаю.
- Что он делает сейчас?
- Не могу сказать. Сударь, вы напрасно в меня целитесь. Убейте меня, коли угодно, но чего я не знаю, того не могу вам сообщить.
  - И часто граф так отлучается по ночам?
  - Часто.
  - И когда он возвращается домой?
  - На рассвете.

Капитан Баумгартен отпустил крепкое немецкое ругательство. Выходит, он даром потратил день. Ответы этого человека были искренни, и, конечно, он говорил правду. Впрочем, этого следовало ожидать. Так или иначе, но нужно всё-таки обыскать дом и удостовериться в отсутствии хозяина. Поставив пикеты у обеих дверей, капитан и сержант пошли по дому вслед за дрожащим дворецким. Свеча плясала в его руке, и странные тени бегали по старинным обоям и резному дубовому потолку.

Таким образом осмотрели весь дом, начиная от громадной, вымощенной каменными плитами кухни и кончая столовой во втором этаже, оказавшейся огромной залой с хорами для музыкантов; стены её были обшиты почерневшими от времени панелями. И нигде ни души. В самом верхнем этаже, на чердаке, они нашли пожилую жену дворецкого, Мари. Муж и жена были единственными слугами графа. Самого же его нигде в доме не было. Даже следов его присутствия не замечалось.

Обыск продолжался долго, и прошло много времени, прежде чем капитан Баумгартен удостоверился в справедливости слов дворецкого. Трудно было осматривать этот дом. Узкие, крутые лестницы, по которым нельзя итти вдвоём в ряд, перемежались тёмными, извилистыми коридорами. Стены были так толсты, что звуки из соседней комнаты совсем не долетали. Капитан Баумгартен топал ногами, срывал занавеси, тыкал саблей в углы, надеясь обнаружить потайные места, но эти поиски не привели ни к каким результатам.

– Вот что я думаю, – сказал он по-немецки своему помощнику. – Вы, сержант, приглядывайте за этим молодцом и не позволяйте ему ни с кем сообщаться.

- Слушаю, господин капитан.
- Четырёх человек поместить в засаду у передней двери и столько же у задней. Похоже, что на рассвете птичка прилетит в своё гнёздышко.
  - А прочие солдаты, господин капитан?
- Пусть отправляются на кухню ужинать. Этот человек должен подать нам вина и мяса. Погода сегодня отвратительная, и будет лучше, если мы проведём ночь здесь, чем в дороге.
  - А вы сами где устроитесь, господин капитан?
- Я поужинаю здесь, в столовой. Дрова в камине есть, и его легко затопить. В случае тревоги вы меня позовёте. Эй, вы! Что вы можете дать нам на ужин?
- Увы, сударь, были времена, когда я мог ответить на этот вопрос: «Всё, что ни пожелаете», но теперь я могу найти для вас только бутылку молодого кларета и холодного цыплёнка.
- Ну что ж, вполне подходяще. Пошлите с ним солдата, сержант, и если он вздумает шутки шутить, пусть солдат всадит ему в брюхо штык!

Капитан Баумгартен был старый служака. Прослужив много лет в Восточной Пруссии и приняв участие в Богемской кампании, он в совершенстве постиг искусство с комфортом устраиваться в неприятельских странах. Пока дворецкий хлопотал над ужином, он начал готовиться к приятному отдыху на ночь. Капитан зажёг все десять свечей на канделябре, который стоял посреди стола. Огонь в камине уже пылал, причём дрова весело потрескивали и выкидывали по временам клубы голубого дыма. Капитан приблизился к окну и выглянул во двор. Луна снова скрылась в тучах, и шёл сильный дождь. Слышны были глухие завывания ветра и шум гнущихся под его напором деревьев. Капитану стало особенно приятно, что он находится в эту бурную ночь в тёплой и светлой комнате, и он с удвоенным удовольствием принялся за холодную курицу и кларет, которые ему подал дворецкий. После долгой ходьбы он чувствовал усталость и голод. Отстегнув саблю, сняв револьвер и каску, он положил всё это на кресло рядом с собой, а затем с аппетитом принялся есть. Поужинав, он налил стакан вина, закурил сигарету и, развалившись в кресле, огляделся.

Он сидел в небольшом кружке яркого света, который играл на серебряных эполетах и освещал его терракотовое лицо, густые брови и рыжие усы. Вне этого светлого круга царили тени и мрак, и предметы, наполнявшие столовую, различались с трудом.

Две стены столовой были отделаны дубовыми панелями, другие две покрыты выцветшими гобеленами, изображавшими охоту на оленя. Охотники и свора собак стремительно неслись за зверем. Над очагом виднелся ряд геральдических щитов, на которых были представлены гербы фамилии и родственных семейств. Особенное внимание капитан Баумгартен обратил на роковой андреевский крест, резко выделявшийся на геральдическом поле.

Против камина висели четыре портрета предков графа — людей со смелыми, высокомерными лицами и орлиными носами. Друг от друга они отличались только костюмами. Один был в одеянии рыцаря эпохи Крестовых походов, другой был одет кавалером времён Фронды.

Капитан Баумгартен очень сытно поел и ощущал теперь некоторую тяжесть. Откинувшись на спинку кресла и пуская густые клубы табачного дыма, он глядел на старинные портреты и думал о превратности исторических судеб. Кто бы мог подумать, что ему, смиренному уроженцу далёкой Балтики, придётся ужинать в великолепном родовом замке гордых рыцарей Нормандии? Камин обдавал капитана приятным теплом, и глаза его начали смыкаться. Подбородок наконец упал на грудь, и свет десяти свечей канделябра весело заиграл на его блестящей лысине. От этого сна его разбудил осторожный шорох. В первый момент после пробуждения капитану Баумгартену показалось, что один из старинных портретов, висевших на стене напротив, выскочил из рамы и разгуливает по комнате. Около стола, совсем близко от него стоял человек громадного роста. Он стоял молча и неподвижно, до такой степени неподвижно, что его можно было бы счесть за мёртвого, если бы не жёсткий блеск глаз. Он был черноволос и смугл, с короткой чёрной бородой. Всего более на лице выделялся большой орлиный нос. Щёки, покрытые морщинами, напоминали печёное яблоко, но старость не успела ещё подорвать физическую силу, на что указывали широкие плечи и костистые, узловатые руки. Человек стоял, скрестив руки на могучей груди, губы его застыли

в неподвижной улыбке. Пруссак бросил быстрый взгляд на кресло, на которое сложил своё оружие. Кресло было пусто.

– Прошу вас не беспокоиться и не искать своего оружия, – произнёс незнакомец. – Если вы позволите, я осмелюсь выразить своё мнение. Вы поступили очень неосторожно, расположившись, как дома, в замке, который весь состоит из тайных входов и выходов. Вам, быть может, это покажется смешным, но пока вы ужинали, вас стерегли сорок пар глаз... Ага! Это ещё что?..

Капитан Баумгартен, сжав кулаки, кинулся вперёд.

Француз поднял правую руку, в которой блеснул револьвер, а левой сгрёб немца за грудь и швырнул его в кресло.

- Прошу сидеть спокойно, веско сказал он, о солдатах своих можете более не беспокоиться. Мы их уже устроили как следует. Эти каменные полы прямо удивительны. Сидя наверху, вы совсем не слышите того, что делается под вами. Да, мы освободили вас от всей вашей команды, и вам приходится теперь думать только о себе. Вы позволите мне узнать, как вас зовут?
  - Я капитан Баумгартен из 24-го Познаньского полка.
- Вы прекрасно говорите по-французски, хотя в вашем прононсе и есть общая вашим соотечественникам склонность превращать букву «п» в «б». Я ужасно смеялся, слушая, как ваши солдаты кричали: «ayez bittié sur moi!» Вы, по всей вероятности, догадываетесь, кто имеет честь беседовать с вами?
  - Вы граф, хозяин «Чёрного Замка»?
- Совершенно верно. Я был бы весьма огорчён, если бы вы покинули мой замок, не повидавшись со мною. До сих пор мне приходилось иметь дело лишь с немецкими солдатами. Что касается господ офицеров, то мне пока не посчастливилось беседовать ни с кем из них. Вы первый, и мне надо будет с вами как следует потолковать.

Капитан Баумгартен точно застыл в своём кресле. Он был не робкого десятка, но этот человек его будто гипнотизировал – и капитан чувствовал страх, мурашки бегали у него по спине. В растерянности он оглядывался по сторонам, ища исчезнувшее оружие. Бороться же с этим великаном без оружия не имело смысла: тот его швырнул в кресло, как ребёнка.

Граф взял в руки пустую бутылку и поглядел в неё на свет.

– Ай-яй-яй! Неужели Пьер не мог вам предложить ничего получше? Мне прямо стыдно перед вами, капитан Баумгартен. Впрочем, мы этот промах сейчас исправим.

Он приложил к губам свисток, что был при нём на груди. На зов немедленно явился старый слуга.

- «Шамбертен» из отделения № 15! - крикнул граф.

Через минуту слуга явился снова, с осторожностью неся покрытую паутиной серую бутылку. Граф налил два стакана.

— Пейте, — сказал он, — это лучшее вино моего погреба. Такого «шамбертена» вы не найдёте нигде от Руана до Парижа. Пейте, милостивый государь, и будьте счастливы. У меня есть ещё холодное мясо и два свежих омара, только что доставленные из Гонфлёра. Итак, позвольте мне предложить вам второй, более изысканный ужин?

Немецкий офицер отрицательно потряс головой, но налитый хозяином стакан осушил до дна. Граф налил второй стакан и начал упрашивать гостя поесть, предлагая ему разную вкусную снедь.

– Всё, что находится в этом доме, к вашим услугам, – говорил он, – вы только приказывайте. Не хотите, как угодно; в таком случае пейте вино, а я вам буду рассказывать одну историю. Мне давно уже хотелось рассказать эту историю какому-нибудь немецкому офицеру. Я расскажу вам о моём сыне, моём единственном сыне. Он был взят в плен и умер во время бегства из плена. Это презанимательная историйка, и мне кажется, я могу вам обещать, что вы её никогда не забудете.

Надо вам сказать, капитан Баумгартен, что мой сын служил в артиллерии. Это был красивый мальчик, и мать справедливо гордилась им. Она умерла неделю спустя после того, как мы узнали о его смерти. Новость эту нам принёс его товарищ-офицер. Они были вместе

_

^{*} Пощадите! (*франц.*, *искаж*.)

взяты в плен и вместе бежали. Ему удалось бежать, а мой мальчик умер. Я вам, капитан, расскажу всё, что сообщил мне офицер.

Сына взяли в плен в Вейссенбурге 4-го августа. Пленников разделили на партии и отправили в Германию разными дорогами. 5-го числа д'Эсташа привели в деревню Лаутенбург. Старший немецкий офицер обошёлся с ним очень ласково. Этот добрый полковник зазвал моего голодного мальчишку к себе на ужин, предложил ему всё, что мог, откупорил бутылку хорошего вина, — одним словом поступил с моим сыном так, как я с вами. В заключении он предложил ему сигару. Могу ли я просить вас, капитан, выбрать себе сигару?

Немец отрицательно качнул головой. Им начинал овладевать ужас. Губы странного собеседника улыбались, но глаза его горели ненавистью.

– Да, – продолжал граф, – этот полковник был добр к моему мальчику. Но, к сожалению, капитан Баумгартен, на следующий же день военнопленных отправили в Этлинген, по ту сторону Рейна. Там им не повезло. Один из офицеров, наблюдавший за ними, был невежда и негодяй. Он находил удовольствие в том, чтобы унижать и оскорблять храбрых пленников, оказавшихся в его власти. Мой сын грубо ответил на одно из его издевательств, и офицер ударил его прямо в глаз... Вот так ударил!

И в столовой замка раздался звук удара. Немецкий офицер схватился руками за лицо, и его пальцы мгновенно обагрились кровью. Граф снова уселся в кресло и продолжал:

– Лицо моего мальчика было обезображено этим ударом, и данное обстоятельство послужило поводом для новых издевательств офицера. Кстати, капитан, у вас сейчас уже смешное лицо. Если бы ваш полковник увидал вас сейчас, то он наверное подумал бы, что вы побывали в хорошей переделке. Однако я возвращаюсь к моему рассказу. Молодость и несчастное положение моего сына тронули сердце одного добросердечного майора, который дал ему взаймы под честное слово десять наполеондоров. Эти десять золотых монет я возвращаю вам, капитан Баумгартен. Иначе я поступить не могу, так как имя доброго майора мне неизвестно. Я глубоко, сердечно благодарен за доброе отношение к моему сыну.

Гнусный тиран, однако, продолжал сопровождать военнопленных до Дорлаха и далее до Карлсруэ. Сына моего он продолжал обижать и оскорблять всячески. Его сердило то, что мой мальчик держал себя гордо. Он не хотел выказывать притворной покорности этому немцу, он был горд, в нём жил дух хозяев «Чёрного Замка». И знаете, что делал с моим сыном этот подлый негодяй? О, клянусь, кровь его ещё обагрит мою руку!.. Он награждал моего мальчика пощёчинами, бил его, вырывал волосы у него из усов... Он с ним поступал... вот так... вот этак... и опять-таки вот так!

Напрасно капитан Баумгартен силился вырваться и спастись. Он был беспомощен в железных руках страшного гиганта, который истязал его всяческим образом. Когда ему, наконец, удалось подняться на ноги, граф снова швырнул его в кресло. Капитан был окровавлен, кровь заливала ему глаза, он ничего не видел перед собою.

Не помня себя от гнева и стыда, несчастный офицер теперь громко рыдал.

– Вот и мой сын так же плакал от бессильного унижения, – продолжал владелец «Чёрного Замка». – Надеюсь, вы теперь хорошо понимаете, как ужасно чувствовать себя беспомощным в руках дерзкого и бессовестного врага. Сын мой, наконец, прибыл в Карлсруэ. Лицо его было совершенно изуродовано злым надсмотрщиком. В Карлсруэ в нём принял участие один молодой баварский офицер. Капитан, ваши глаза в крови. Позвольте мне обмыть ваше лицо холодной водой и обвязать его этим шёлковым платком?

Граф сделал движение к немцу, но тот отстранил его.

- Я в вашей власти, чудовище! Вы можете надо мною надругаться, но ваше лицемерное участие невыносимо.
- Я не лицемерю, отвечал тот, я только рассказываю события по порядку. Я дал себе слово рассказать историю моего сына первому немецкому офицеру, с которым мне придётся поговорить tête-à-tête*. Однако, о чём я вам говорил? Да, о баварском офицере из Карлсруэ. Мне очень жаль, капитан, что вы не хотите воспользоваться моими слабыми познаниями в медицине. В Карлсруэ моего сына заперли в старые казармы, и в них он прожил две недели.

^{*} c глазу на глаз (*франц*.)

По вечерам он сидел у окна своего каземата, а грубые гарнизонные крысы издевались над ним; это было самое худшее для сына в Карлсруэ. Кстати, капитан, мне кажется, вы сейчас не на розах покоитесь? Вы вздумали затравить волка, а волк вас самого схватил за горло зубами, не правда ли? Как красиво у вас вышита рубашка, должно быть, её жена вышила? Жаль мне вашу жену, капитан. Впрочем, чего её жалеть? Одной вдовой больше, одной вдовой меньше — не всё ли равно! Да, впрочем, она сумеет скоро сыскать себе утешителя. Куда ты лезешь, немецкая собака, сиди смирно! Ну, я продолжаю свою историю. Просидев две недели в казармах, мой сын и его товарищ бежали. Не стану вам рассказывать об опасностях, которым они подвергались, ни о лишениях, которые им приходилось терпеть. Достаточно сказать, что они шли в одежде крестьян, которых им посчастливилось встретить в лесу. Днём они гденибудь прятались, а по ночам шли. Добрались они таким образом до Ремильи во Франции. Им оставалось пройти милю, одну только милю, капитан, для того, чтобы быть в полной безопасности. Но как раз тут их захватил уланский патруль. Ах, как это было тяжело, не правда ли? Ведь это значило потерпеть крушение у самой гавани.

Граф два раза свистнул, и в комнату вошли три дюжих мужика.

— Эти крестьяне будут играть роль моих уланов, — сказал граф. — Продолжаю свою историю: капитан этих уланов сразу же сообразил, что имеет дело с переодетыми в штатское французскими офицерами, и велел их повесить без суда и следствия... Жан, я думаю, что средняя балка будет в самый раз!

Через одну из дубовых балок в потолке была перекинута верёвка с петлёй. Несчастного капитана схватили, потащили... Ещё миг – и верёвка стянула ему шею. Мужики схватились за другой конец верёвки и остановились, ожидая дальнейших приказаний. Офицер, бледный, но спокойный, скрестил на груди руки и вызывающе взглянул на своего истязателя.

— Вы теперь лицом к лицу со смертью, капитан, — произнёс граф. — Губы ваши шевелятся, я догадываюсь, что вы молитесь. Мой сын тоже молился, приготовляясь к смерти. Но совершенно случайно на место происшествия прибыл командир полка. Он услышал, как мой мальчик молится за свою мать, и это его тронуло: он сам был отец...

Генерал приказал уланам удалиться и остался с осуждёнными на смерть один, вместе со своим адъютантом. Узнав от моего мальчика всё: и то, что он единственный сын старинной фамилии, и то, что его мать больна, он снял с его шеи верёвку. Я также снимаю верёвку с вашей шеи.

Затем он поцеловал его в обе щеки. Я также вас целую. А затем генерал отпустил моего сына и его товарища на все четыре стороны, и я вас тоже отпускаю. Желаю вам также всех тех благ, которых пожелал моему сыну этот благородный генерал. К сожалению, эти пожелания не спасли моего сына от злокачественной лихорадки, которая унесла его в могилу.

Таким-то образом капитан Баумгартен – окровавленный и с обезображенным лицом – вышел из «Чёрного Замка» в то холодное декабрьское утро на слякоть и дождь.

1894 z.

(перевод Павла Гелевы)

ИГРА С ОГНЁМ

Не буду даже пытаться объяснить, что произошло четырнадцатого апреля сего года в доме №17 на Бэддерли-Гарденс. Если я честно поделюсь своими догадками, ко мне вряд ли отнесутся всерьёз — уж очень эта история абсурдна и неправдоподобна. И тем не менее этот неправдоподобный абсурд действительно произошёл, да ещё в присутствии пяти свидетелей, причём относится он к ряду явлений, которые оставляют в душе человека след на всю жизнь, мы все согласно это подтверждаем. Я не собираюсь ничего доказывать, не собираюсь высказывать никаких предположений. Я просто опишу события того апрельского вечера, попрошу Джона Мойра, Гарвея Дикона и миссис Деламир прочитать рассказ и опубликую его только в том случае, если они подтвердят, что всё здесь до малейших подробностей — правда. Я не смогу представить свидетельство Поля Ледюка, потому что он, судя по всему, уехал из Англии.

Мы заинтересовались оккультными явлениями благодаря Джону Мойру — знаменитому главе фирмы «Мойр, Мойр и Сандерс». Он, как и многие деловые люди с жёсткой практической хваткой, был склонен к мистике, и эта-то мистическая жилка страстно влекла его к изучению тех ускользающих от науки феноменов, которые нередко смешивают в одну кучу с разного рода глупостями и мошенническими трюками шарлатанов, жалуя всему этому высокое название спиритизма. Когда Мойр начал опыты, это был человек гибких и широких взглядов, но с течением времени он, увы, превратился в догматика, фанатичного и непререкаемого в своих суждениях. В нашем небольшом обществе он представлял именно то направление спиритов, которые возвели удивительную возможность общаться с потусторонними силами в ранг религии.

Нашим медиумом была, миссис Деламир, его сестра, жена того самого скульптора, о котором сейчас все только и говорят. Мы на опыте убедились, что пытаться исследовать эти феномены без медиума невозможно - всё равно, что астроному наблюдать небо без телескопа. Однако мысль о том, чтоб воспользоваться услугами платного медиума, казалась нам чуть ли не кощунством. Разве не очевидно всякому, что человек, которому платят, считает себя обязанным «отработать» полученные деньги и вряд ли удержится от соблазна смошенничать? Если в деле замешаны деньги на чистоту опыта надеяться нельзя. Но нам повезло: Мойр обнаружил, что его сестра обладает способностями медиума; иными словами, она излучает животный магнетизм — единственный вид энергии, который чутко отзывается на воздействия как с духовного уровня, так и с нашего, материального. Конечно, я понимаю, что это утверждение совершенно бездоказательно, но я ничего не доказываю, я просто кратко излагаю суть теории, которой мы пользовались — уж не знаю, обоснованно или нет, — чтобы объяснить наблюдаемые нами явления. Миссис Деламир стала принимать участие в наших сеансах, причём супруг её был отнюдь не в восторге, и хотя ей ни разу не удалось индуцировать действительно мощное поле психической энергии, мы по крайней мере обрели возможность, как все порядочные спириты, вертеть столы и, задавая духам вопросы, получать на них ответы, то есть предаваться занятию вполне ребяческому, которое тем не менее сталкивало нас лицом к лицу с непостижимыми тайнами. Мы устраивали сеансы каждое воскресенье вечером, в студии Гарвея Дикона на Бэддерли-Гарденс, второй дом от угла, где бульвар пересекает Мертон-Парк-роуд.

Было бы естественно ожидать, что Гарвей Дикон, как натура артистичная, должен пылко увлекаться всем необычным и волнующим умы. Хотя к оккультным явлениям его поначалу привлекала некая театральность антуража, в котором проводились опыты, тем не менее явления, о которых я уже говорил, потрясли его, и он заключил, что щекочущие нервы послеобеденные игры, как он сначала называл наши спиритические сеансы, на самом деле являют нам реально существующие грозные силы. У Гарвея на редкость ясный, логический склад ума — он достойный внук своего деда, знаменитого шотландского учёного, — и в нашем маленьком кружке он представлял критическое направление: подходил ко всему непредвзято, был готов следовать за фактами туда, куда они его ведут, и отказывался строить какие бы то ни было теории, пока не получит точных данных. Его осторожность возмущала Мойра в той же мере, в какой Дикона забавляла непреклонная вера Мойра, но оба с одинаковым

увлечением, хотя каждый на свой лад, предавались нашим мистическим забавам.

А что же я? Какая роль принадлежала мне? Я не был энтузиастом спиритизма. Не был и критически настроенным исследователем. Я, скорее, обыкновенный светский лентяй, стараюсь быть в центре всего нового, что входит в моду, радуюсь любой сенсации, которая развлечёт меня и посулит возможность интересно провести время, — вот, пожалуй, и всё, что я могу сказать о себе. Сам я не способен увлекаться чем-то самозабвенно, но люблю общество людей увлечённых. Я слушал рассуждения Мойра с таким чувством, будто у нас есть собственный ключ от двери в царство мёртвых, и это наполняло меня странным удовлетворением. Я буквально блаженствовал во время сеансов в затемнённой студии. Словом, всё это было очень занятно, и я с удовольствием бывал на Бэддерли-Гарденс.

То удивительное событие, о котором я хочу сейчас рассказать, произошло, как я уже упомянул, четырнадцатого апреля сего года. Из мужчин я первый появился в студии, но миссис Деламир была уже там и пила чай с миссис Дикон. Обе дамы и сам Дикон стояли перед мольбертом с его незаконченной картиной. В живописи я не знаток и никогда не пытался делать вид, будто понимаю картины Гарвея Дикона; но в тот вечер я сразу обратил внимание, что он изобразил что-то безумно сложное и фантастическое: сказочные существа и животные, разные аллегорические фигуры. Дамы бурно восхищались картиной, и действительно цветовая гамма была хороша.

- А вы что скажете, Маркем? спросил Гарвей.
- Для меня это слишком мудрено, отвечал я. Что это за звери?
- Мистические чудовища, существа, созданные воображением, геральдические животные эдакая инфернальная, зловещая процессия.
  - А впереди белая лошадь!
- Это не лошадь! вскипел он к великому моему изумлению, потому что человек он на редкость добродушный и не склонен относиться к себе всерьёз.
  - А кто же?
- Неужели вы не видите у него на лбу рог? Это единорог. Я же сказал вам, что здесь геральдические животные. Вы что же, не способны их отличить?
- Ради Бога, Дикон, не сердитесь на меня, сказал я, потому что он и в самом деле был крепко раздосадован.

Он засмеялся над собственной вспышкой.

- Это вы, Маркем, простите меня! сказал он. Дело в том, что я просто измучился с этим зверем. Целый день его писал напишу, замажу, снова напишу... и всё пытаюсь представить себе живого, настоящего единорога, взвившегося на дыбы, как их изображают на гербах. Наконец-то у меня получилось так во всяком случае мне казалось тут являетесь вы и говорите: лошадь, ну и, конечно, меня это задело за живое.
- Да нет, это, без сомнения, единорог, стал убеждать я его, потому что моя тупость его явно огорчила. Вон рог, он ясно виден, просто я никогда не видел единорогов, только на старинных рыцарских гербах, и мне, естественно, в голову не пришло, что вы именно его изобразили. А остальные кто: грифоны, василиски, драконы, да?
- Да. Они-то мне неприятностей не доставили. А вот единорог просто доканал. Но на сегодня всё, я снова возьмусь за него только завтра. Он отвернул картину к стене, и мы заговорили о другом.

Мойр в этот вечер опоздал, а когда наконец явился, то привёл с собой, к нашему удивлению, невысокого плотного француза и представил его нам:

— Мьсье Поль Ледюк.

Я говорю — к нашему удивлению, ибо все мы были убеждены, что присутствие постороннего, кто бы он ни был, расстраивает психическое равновесие, установившееся в нашем спиритическом кружке, и вносит элемент недоверия. Мы знали, что можем доверять друг другу, но кто поручится, что появление чужого для нас человека не повлияет на результаты опыта? Однако Мойру быстро удалось примирить нас с нововведением. Поль Ледюк — знаменитый учёный в области оккультных наук, ясновидящий, медиум, мистик. Он приехал в Англию с рекомендательным письмом к Мойру от председателя парижской ложи братства Розенкрейцеров. Мог ли Мойр не привести его к нам, на сеанс в наш маленький кружок, ведь его присутствие — огромная честь для нас, мы должны быть благодарны судьбе.

Француз, как я уже сказал, был невысок и плотен, неприметной наружности, с широким, невыразительным бритым лицом. Единственное, что привлекало в нём внимание, — это большие, карие, бархатные глаза, глядящие перед собой как бы в пустоту. Одет он был от хорошего портного, безупречные манеры, лёгкий забавный акцент, который вызвал улыбку у лам.

Миссис Дикон не одобряла наших опытов и потому покинула нас, мы же, как обычно, притушили огни и заняли свои места за квадратным столом красного дерева, который стоял в центре студии. Свет был очень слабый, но мы ясно видели друг друга. Помню, я даже рассмотрел странные маленькие руки француза: короткопалые и квадратные, когда он положил их на стол.

- Великолепно! воскликнул он. Я уже много лет не сидел вот так, и нас ожидает много интересного. Мадам медиум, не так ли? Мадам впадает в транс?
- Нет, транса у меня не получается, объяснила миссис Деламир. Но я всегда ощущаю очень сильную сонливость.
- Это первая стадия. Если вы будете всё глубже погружаться в это состояние, вы достигнете транса. А когда наступит транс, ваш дух покинет ваше тело, зато в него войдёт другой дух и будет говорить вашими устами или писать вашей рукой. Вы отдаёте ваш механизм кому-то другому, и он начинает действовать вместо вас. Hein? Однако, причём тут единороги?

Гарвей Дикон вздрогнул. Француз медленно поворачивал голову и всматривался в тени, сгустившиеся у стен.

- Странно, очень странно! протянул он. Сплошные единороги. Кто так сосредоточенно думал о столь экзотическом существе?
- Нет, это поразительно! воскликнул Дикон. Я целый день мучился, пытаясь написать единорога. Но как вы узнали об этом?
  - Вы думали о них в этой комнате?
  - Конечно.
- Но ведь мысль материальна, мой друг. Когда вы представляете себе какой-то предмет, вы его творите. Вы этого не знаете, hein? Но я вижу ваших единорогов, потому что обладаю способностью видеть не только глазами.
- Вы хотите сказать, что довольно о чём-то подумать и я создам то, что никогда не существовало?
- Ну, разумеется! Это данность, которая лежит в основе всех других данностей. Вот почему дурная мысль так же опасна, как и дурной поступок.
  - Они, я полагаю, находятся на астральном уровне? спросил Мойр.
- А, друзья мои, какая разница! Всё это лишь слова. Эти создания здесь там всюду я сам не знаю, где. Я просто их вижу. И могу дотронуться до них.
  - А вы можете сделать так, чтобы мы тоже их увидели?
- Для этого их нужно материализовать. Подождите! Давайте попробуем. Но нам потребуется много энергии. Посмотрим, чем мы располагаем, и попытаемся поставить опыт. Вы позволите мне рассадить вас по моему усмотрению?
- Вы, несомненно, владеете несравненно более глубокими познаниями, чем мы, сказал Гарвей Дикон. Я считаю, что вы и должны здесь распоряжаться.
- Может так случиться, что условия окажутся неблагоприятными. Но мы постараемся сделать всё возможное. Мадам останется на своём месте, я сяду рядом с ней, а этот джентльмен возле меня. Мистер Мойр благоволит сесть по другую сторону от мадам, потому что желательно чередовать брюнетов и блондинов. Превосходно! А теперь я с вашего позволения погашу свет.
  - Почему темнота предпочтительнее? спросил я.
- Потому что энергия, с которой мы имеем дело, представляет собой вибрацию эфира, и это же касается и света. Теперь мы соединим все связи, hein? Мадам, вы не боитесь темноты? Это просто великолепно, что мы устроили такой сеанс!

Сначала темнота казалась непроницаемой, однако через несколько минут наши глаза

^{*} Hein? (здесь) — Понимаете? (франц.)

привыкли к ней, и мы даже стали различать силуэты друг друга, правда, очень смутные и расплывчатые. Больше я в комнате ничего не видел — только чернели неподвижные фигуры моих друзей за столом. Никогда ещё мы не были настроены во время сеанса так серьёзно, как нынче.

— Положите руки перед собой на стол. Взять друг друга за руки мы не сможем, нас слишком мало, а стол такой большой. Теперь, мадам, вы должны вызвать в себе чувство покоя и если почувствуете, что вас сковывает сон, не боритесь с ним. А мы все будем сидеть, не произнося ни слова, и ждать, hein?

И вот мы в молчании сидим и ждём, уставясь перед собой в темноту. В коридоре тикают часы. Где-то далеко время от времени начинает лаять собака. По улице проехала коляска, потом ещё одна, лучи их фонарей ворвались в щель между шторами и приятно развлекли нас в нашем томительном мрачном бдении. В теле появились знакомые ощущения, которые я испытывал во время прежних сеансов: ступни похолодели, кисти рук покалывало иголочками, ладоням стало жарко, по спине проносилось как бы дуновение холодного ветра. Руки от кисти до локтя пронзало странной лёгкой болью, впрочем в левой руке — а наш гость сидел слева от меня — эти пронзания, как мне казалось, были острее: без сомнения, боль была вызвана спазмами сосудов, но всё равно эти явления заслуживали внимания. И ещё меня переполняло напряжённое ожидание, не просто напряжённое, а даже мучительное. По тягостному, застывшему молчанию моих друзей я понял, что у них нервы так же напряжены, как и у меня.

И вдруг в темноте раздался звук — тихий, как бы свистящий: это дышала женщина, часто и неглубоко. Дыхание всё учащалось, становилось всё поверхностней, вырываясь сквозь стиснутые зубы, и вдруг она хрипло вскрикнула, глухо зашуршала ткань.

- Что это? Что случилось? спросил один из нас в темноте.
- Ровным счётом ничего, всё идёт как надо, ответил француз. Это мадам. Она впала в транс. А теперь, джентльмены, наберитесь терпения. Надеюсь, вы увидите нечто очень интересное.

Как и прежде, в коридоре тикают часы. Слышится дыхание медиума, теперь уже более глубокое и полное. Как и прежде, время от времени мелькают огни проезжающих экипажей, и как же мы им радуемся. Через какую бездну мы перекидываем мост! На одном краю — приподнятая пелена вечности, на другом — Лондон с его экипажами. Стол напружился могучей силой. Он ровно, плавно раскачивался, послушно подчиняясь лёгкому нажиму наших пальцев. В нём что-то стучало, скрипело, стреляло залпами и отдельными выстрелами, словно бы трещал хворост в весело горящем костре, который развели морозной ночью.

— Какой огромной силы дух явился, — сказал француз. — Посмотрите на поверхность стола!

Я-то решил, что у меня просто галлюцинация, но теперь этот феномен увидели все. Над столом переливалось зеленовато-жёлтое свечение — вернее, даже не свечение, а светоносный мерцающий туман. Он клубился волнами, колыхался прозрачными зыблющимися складками, свивался змеиными кольцами, как дым. И в этом зловещем свете я видел на столе белые квадратные руки медиума-француза.

- Великолепно! воскликнул он. Потрясающе!
- Будем называть буквы? спросил Мойр.
- Ну, что вы, зачем. Есть несравненно более тонкие приёмы, возразил наш гость. Вертеть стол, перебирая все буквы алфавита, нет, это слишком примитивно; с такии медиумом, как мадам, мы сделаем кое-что и получше.
  - «Да, вы сделаете кое-что и получше», подтвердил чей-то голос.
  - Кто это? Кто сказал эти слова? Вы, Маркем?
  - Нет, я молчал.
  - Эти слова произнесла мадам.
  - Но голос был не её.
  - Это вы сказали, миссис Деламир?
- «Говорит не медиум, а дух, который использует органы речи медиума», произнёс всё тот же странный глубокий голос.
- A где же миссис Деламир? Надеюсь, то, что сейчас происходит, не причинит ей вреда?

- «Медиум находится в другом измерении бытия, и ей там очень хорошо. Она заняла моё место в том измерении, а я её в этом».
  - Но кто вы?
- «Кто я вам совершенно не важно. Я существо, которое жило когда-то земной жизнью, как сейчас живёте вы, а потом умерло, как и вы умрёте в свой час и черёд».

К соседнему дому подъехала коляска, мы слышали, как скрипят и шуршат по мостовой колёса. Извозчик заспорил с пассажиром, что тот ему мало заплатил, потом долго и хрипло ворчал на всю улицу. Зеленовато-жёлтое облачко по-прежнему реяло над столом, тусклое по краям, но наливающееся мрачным свечением ближе к медиуму. Оно словно бы устремлялось к спящей женщине. В сердце мне стал вползать холодный страх. Я подумал, что мы бездумно и легкомысленно приблизились к величайшему из таинств, к разгадке бытия, которая должна внушать благоговейный трепет — к тому самому общению с мёртвыми, о котором рассказывали Отцы Церкви.

— Вам не кажется, что мы зашли слишком далеко? По-моему, нам следует прервать сеанс! — не скрывая волнения, сказал я.

Но все остальные непременно хотели довести его до конца. Они лишь посмеялись над моими сомнениями.

- Все виды энергии существуют для того, чтобы их использовали, заявил Гарвей Дикон. Если мы можем что-то сделать, значит, мы просто не имеем права упустить возможность. Любое открытие, опровергающее общепризнанные догмы, сначала всегда провозглашалось ересью. И мы не нарушаем никаких законов, пытаясь понять, что такое смерть. Это наше право и наш долг.
  - «Это ваше право и ваш долг», повторил неведомый голос.
- Ну вот, какое ещё подтверждение вам нужно? вскричал Мойр; он был чрезвычайно возбуждён. Давайте испытаем духа. Вы согласитесь подвергнуться испытанию и доказать, что действительно существуете?
  - «В чём состоит испытание?»
- Сейчас придумаю... ну вот, у меня в кармане несколько монет. Можете сказать нам, что это за монеты?

«Мы возвращаемся в этот мир не для того, чтобы отгадывать детские загадки, мы надеемся просветить и возвысить людские души».

- Xа-ха-ха, мистер Мойр, здорово вас отчитали, воскликнул француз. Но поверьте, испытуемый нами дух говорит очень разумные вещи.
  - «Это не игра, это так же свято, как и религия», изрёк суровый жёсткий голос.
- Да, да, конечно, я и сам так считаю, залепетал Мойр. Умоляю вас, простите мне этот дурацкий вопрос. Мне бы очень хотелось знать, кто вы.
  - «Разве это имеет значение?»
  - Вы давно стали духом?
  - «Да».
  - А сколько лет?
  - «У нас иная мера времени. И вообще это совсем другой мир».
  - Вы счастливы?
  - «Да».
  - Вы хотели бы вернуться в земную жизнь?
  - «О, нет, ни в коем случае!»
  - Вы трудитесь в вашем мире?
  - «Если бы мы не трудились, мы не смогли бы быть счастливы».
  - Что же вы делаете?
  - «Я же сказал, что это совсем другой мир».
- A вы не могли бы дать нам хотя бы самое общее представление о жизни и занятиях духов?
  - «Мы стараемся самоусовершенствоваться и помогаем в этом другим».
  - Вы рады, что появились сегодня здесь?
  - «Я всегда рад, если моё появление на земле приносит добро».
  - Значит, ваша цель творить добро?

- «Это цель всякой жизни на любом уровне».
- Слышали, Маркем? Теперь, надеюсь, ваши сомнения развеялись?

Действительно, я совершенно успокоился, и мне было очень интересно.

- Вы способны испытывать боль в вашем нынешнем состоянии? спросил я. «Нет, боль удел смертной оболочки».
- А душевные страдания?
- «Да, некоторые пребывают в постоянной печали или тревоге».
- Вы встречаетесь с друзьями, которые окружали вас на земле?
- «Не со всеми».
- Почему не со всеми?
- «Только с теми, кто был по-настоящему нам близок».
- А мужья встречают жён?
- «Только те, кто истинно любил».
- А если истинной любви не было?
- «Тогда они не нужны друг другу».
- Стало быть, непременно должна существовать духовная связь?
- «Конечно».
- Благо ли то, что мы сейчас делаем?
- «Да, если это делается с благой целью».
- А что следует считать дурной целью?
- «Любопытство и желание позабавиться».
- Это может принести вред?
- «Да, очень большой».
- В чём он выразится?
- «Может так случиться, что вы вызовете силы, которые вам неподвластны».
- Злые силы?
- «Низшие».
- Вы говорите, они опасны. Опасны потому, что грозят нашей жизни или нашей душе?
- «Иногда и душе, и жизни».

Наступило молчание; темнота, казалось, сгустилась ещё плотнее, только над столом вился и курился зелёно-жёлтый туман.

- А вы, Мойр, хотите что-нибудь узнать? спросил Гарвей Дикон.
- Только одно: вы молитесь там, в вашем мире?
- «Молиться должно в любом мире».
- Почему?
- «Потому что, молясь, мы отдаём дань уважения силам, которые сотворили нас».
- Какую религию вы исповедуете в вашем мире?
- «Мы исповедуем разные религии, точно так же, как и вы».
- Значит, и у вас нет точного знания?
- «У нас есть только вера».
- Господи, ну, сколько можно рассуждать о религии? не выдержал француз. Вы, англичане, народ серьёзный, для вас нет ничего важнее веры и религии, но до чего же это скучная материя! Мне кажется, с помощью этого духа мы можем поставить грандиозный опыт, hein? Это будет сенсация, величайшая сенсация.
- Но ведь вопросы веры и религии действительно самое важное, что может интересовать человека, возразил Мойр.
- Ну что ж, если вы так считаете, продолжайте в том же роде, недовольно ответил француз. Что касается меня, то я всё это слышал невесть сколько раз, мне хочется провести эксперимент с помощью духа, который к нам явился. Но если вы ещё не удовлетворили своё любопытство, то, пожалуйста, задавайте ему вопросы, а когда вы их исчерпаете, мы займёмся кое-чем поинтереснее.

Но чары рассеялись. Сколько мы ни задавали вопросов медиуму, она молчала, неподвижно сидя на стуле. Только глубокое ровное дыхание доказывало, что она жива. Над столом всё ещё клубился туман.

— Вы нарушили гармонию. Она отказывается отвечать.

- Но ведь мы узнали от неё всё, что она могла нам сказать, hein? Что касается меня, я хочу увидеть то, чего никогда не видел прежде.
  - Что же это такое?
  - Вы позволите мне попробовать?
  - Что именно?
- Я говорил вам, что мысль материальна. Сейчас я хочу это доказать и дать вам возможность увидеть то, что на самом деле представляет собой всего лишь мысль. Мне это доступно, но не сомневайтесь: сейчас вы сами увидите. Пожалуйста, сидите и не двигайтесь, ничего не говорите, и пусть ваши руки спокойно лежат на столе.

В студии стало ещё темнее, ещё тише. Я снова почувствовал страх, который такой тяжестью сдавил мне сердце в начале сеанса. Волосы на голове зашевелились.

— Получается! Получается! — вскричал француз, срывающимся голосом, и я понял, что нервы его тоже напряжены до предела.

Светящийся туман медленно соскользнул со стола и поплыл мерцающим облаком по комнате. В дальнем углу, где темнота была особенно густой, облако превратилось в плотный ослепительно яркий овал — странный зыблющийся источник света, который ничего не освещал, сияние, не посылающее лучей в темноту. Раньше туман светился зеленоватожёлтым, теперь он налился сумрачно красными оттенками, переходящими в багровый. Но вот на это багровое ядро стала наползать тёмная, похожая на дым субстанция, её слой становился всё толще, всё плотнее, твёрже, всё чернее. И вдруг свет исчез, его полностью поглотила тьма, обвившаяся вокруг него.

- Дух покинул нас.
- Тише... здесь кто-то есть.

Из угла, где раньше был свет, доносилось тяжёлое дыхание, кто-то беспокойно двигался в темноте.

- Что это? Мьсье Ледюк, что вы сделали?
- Всё идёт как надо. Нам решительно ничего не угрожает, голос француза дрожал от возбуждения.
- Боже милосердный, Мойр, здесь в студии какое-то большое животное! Вот оно, возле моего стула! Кыш! Брысь!

Это был голос Гарвея Дикона, его заглушил удар по какому-то тяжёлому предмету. Потом... потом началось нечто невообразимое.

Какое-то огромное существо заметалось среди нас в темноте, оно взвивалось на дыбы, всхрапывало, било копытами, наскакивало на мебель, разнося её в щепы. От стола остались одни обломки. Мы бросились кто куда. Существо бешено носилось по студии, грохоча копытами. Мы вопили от ужаса, расползаясь по сторонам, в надежде где-нибудь спрятаться. Вдруг тяжёлое копыто опустилось на мою левую руку, кости хрустнули.

- Свет! Зажгите свет! последовал истошный крик.
- Мойр, спички! Скорее спички!
- Да нет у меня спичек! Дикон, где спички?
- Не могу найти. Эй вы, француз, прекратите это светопреставление!
- Это не в моих силах. О, mon Dieu, я ничего не могу сделать! Откройте дверь! Где дверь?

Шаря наугад в темноте, я к великому счастью нащупал рукой дверную ручку. Тяжело дыша и всхрапывая, существо промчалось мимо меня и с ужасающим грохотом стукнуло копытами по дубовой перегородке. Едва зверь пронёсся, я тотчас же повернул ручку, и в следующий миг все мы были в коридоре, а дверь захлопнулась. В студии оглушительно гремело, трещало, слышался грохочущий стук копыт.

- Кто это? Ради всего святого, кто это?!
- Лошадь. Я видел, когда дверь открылась. Стойте, а как же миссис Деламир?
- Нужно вынести её оттуда. Идёмте, Маркем, нельзя медлить, дальше будет ещё хуже.

Мы распахнули дверь и вбежали в студию. Миссис Деламир лежала на полу среди обломков сокрушённых стульев. Мы подхватили её на руки и быстро вынесли. Я всё-таки оглянулся: из темноты на нас глядели странные горящие глаза, потом застучали копыта, я едва успел захлопнуть дверь, и тут на неё с силой обрушился могучий удар, она треснула сверху

донизу.

- Он хочет вырваться! Он сейчас вырвется!
- Бегите, иначе мы все погибнем! закричал француз.

Животное снова обрушилось на дверь, и что-то высунулось из пролома. Это был длинный белый рог, он блестел в свете лампы. Его блеск поразил нас, но рог тут же исчез.

— Скорее, скорее! Сюда! — кричал Гарвей Дикон. — Вносите её! Быстро!

И вот наконец мы в столовой, и тяжёлая дубовая дверь заперта. Мы положили бесчувственную женщину на кушетку, и тут Мойр, этот знаменитый делец с железной хваткой, потерял сознание и рухнул на коврик возле камина. Гарвей Дикон был бледен, как покойник, он судорожно дёргался, точно в эпилептическом припадке. И вот мы услышали, как с громом разлетелась дверь студии, и животное вырвалось в коридор, оно носилось взадвперёд, взад-вперёд, фыркая и стуча копытами в такой ярости, что весь дом дрожал. Француз закрыл лицо руками и плакал, как испуганный ребёнок.

- Что нам делать? я резко встряхнул его за плечо. Может быть, попробовать ружьё?
- Нет, нет, ни в коем случае. Скоро энергия иссякнет. И тогда всё кончится.
- Вы чуть не убили нас всех, идиот несчастный! Это же надо придумать такой кошмарный эксперимент!
- Но я не знал. Разве я мог предвидеть, что он так испугается? Животное обезумело от ужаса. А виноват мистер Дикон. Он ударил его.

Гарвей Дикон вскочил.

Господи, Боже мой! — вскричал он.

По дому пронёсся леденящий душу вопль.

— Это моя жена! Скорее к ней. Пусть там хоть сам Сатана, мне всё равно!

Он распахнул дверь и выскочил в коридор. В дальнем конце, у подножия лестницы, лежала без чувств миссис Дикон — так её потрясло зрелище, которое она увидала. Но больше никого там не было.

Мы с ужасом огляделись, но всё было тихо и спокойно. Я медленно двинулся к чёрному проёму в студию, где ещё несколько минут назад была дверь, — шаг, ещё шаг... сейчас оттуда выскочит чудовище. Но никакое чудовище не выскочило, и в студии тоже стояла тишина. Насторожённо озираясь, мы подошли к порогу и стали глядеть в темноту. Сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди. В студии по-прежнему ни звука, но темнота не такая густая и плотная, как раньше. В дальнем углу реяло светящееся облачко, словно бы тлеющее багровым пеплом по краям и ослепительно яркое в середине. Оно медленно тускнело, меркло, как бы рассеиваясь и тая, и наконец студию затопил прежний бархатный мрак. Вот в нём утонул последний отблеск этого жуткого свечения, и француз разразился восторженной тирадой.

- Изумительно! Потрясающе! Никто не пострадал, только дверь сломана и дамы перепугались. Но, друзья мои, нам удалось то, что ещё никогда не удавалось никому!
- И я приложу все усилия, перебил его Гарвей Дикон, чтобы больше никому и не удалось.

Вот что произошло четырнадцатого апреля сего года в доме N 17 на Бэддерли-Гарденс. Я с самого начала предупреждал вас, что история эта наверняка покажется вам слишком неправдоподобной, и потому ничего категорически утверждать не буду; я лишь описал, не мудрствуя лукаво, то, что я сам видел и ощущал, — вернее, то, что мы видели и ощущали, ибо и Гарвей Дикон, и Джон Мойр полностью подтверждают мой рассказ. Кто-то из вас, вероятно, сочтёт, что мы оказались жертвами необычайно эффектной и сложной мистификации — что ж, это ваше право. У других же, полагаю, не возникнет сомнения, что мы действительно пережили этот кошмар, — как нет сомнений у нас. Кто-то, вероятно, глубже нас постиг оккультные науки и мог бы рассказать о сходных явлениях. В таком случае прошу вас написать Уильяму Маркему, 146М, Олбени, — вы поможете нам понять то, что поистине кажется нам тайной за семью печатями.

1900 г.

(перевод Ю. Жуковой)

возвращение памяти

Поистине удивительно, как незначительный на первый взгляд случай вызывает целую череду событий, переплетение которых в конце концов приводит к самым зловещим и непредвиденным результатам. Приведите в действие силу самую ничтожную – и никто не сможет сказать, где она окончится и какие последствия будет иметь. Из пустяков возникают трагедии, и безделица вчерашнего дня оборачивается катастрофой завтрашнего. Устрица извергает выделения, которые, окружая песчинку, дают рождение жемчужине; искатель жемчуга поднимает её на поверхность, купец приобретает её и продаёт ювелиру, а тот затем уступает её покупателю. У покупателя её похищают два бездельника, они ссорятся из-за добычи, один убивает другого и сам гибнет на эшафоте. Здесь прямая цепь событий с больным моллюском в качестве первого её звена и с виселицей в качестве последнего. Не попади эта песчинка во внутренность раковины, два человека, со всеми их скрытыми задатками к добру и злу, не оказались бы вычеркнуты из книги жизни. Кто же возьмёт на себя смелость судить, что действительно мало и что велико?

Таким образом, – когда в 1821 году дон Диэго Сальвадор подумал, что коль скоро еретики в Англии платят за ввоз коры пробкового дуба, то ему стоит основать фабрику по изготовлению пробок, – никому и в голову не пришло, что это может нанести вред интересам части человечества. Когда дон Диэго прогуливался под благодатной сенью лимонных дерев, куря папиросу и обдумывая свой план, он и подозревать не мог, что далеко-далеко, в неведомых странах его решение вызовет столько страданий и горя. Так тесен наш старый земной шар и так перепутаны наши интересы, что человеку и мысль новая не может прийти в голову без того, чтобы не омрачить или не украсить жизнь какого-нибудь бедняги, о существовании которого мы не подозревали.

Дон Диэго был капиталистом, и абстрактная мысль скоро приняла конкретную форму большого четырёхугольного оштукатуренного здания, где две сотни его смуглых соотечественников выполняли работу ловкими, проворными пальцами за плату, на которую не согласился бы ни один английский мастеровой. Через несколько месяцев результатом этой новой конкуренции было резкое падение цен в торговле, серьёзное для самых больших фирм и гибельное для менее значительных. Несколько старых фирм продолжали производство в том же размере, другие уменьшили штаты и сократили издержки; одна или две заперли магазины и признали себя банкротами. К этой последней злополучной категории принадлежала старинная и уважаемая фирма братьев Фэрберн из Бриспорта.

Фирме давно грозило разорение, но дебют дона Диэго в качестве пробочного фабриканта довершил дело. Когда два поколения тому назад первый Фэрберн основал дело, Бриспорт был рыбацким городком, не имевшим ни единого занятия для излишка своего населения. Люди были рады иметь безопасную и постоянную работу на любых условиях. Теперь всё изменилось, так как город вырос в центр большого округа на западе, а спрос на труд и его вознаграждение пропорционально возросли; с другой стороны, когда плата за провоз была разорительна, а сообщение медленно, виноторговцы Экзетера и Барнстопля были рады покупать пробки у своего бриспортского соседа; теперь же большие лондонские фирмы стали посылать коммивояжёров, которые, соперничая друг с другом в приобретении покупателей, добились того, что местные торговцы лишились прибылей. Долгое время положение фирмы было непрочным, но дальнейшее падение цен окончательно решило дело и вынудило её управляющего, мистера Чарльза Фэрберна, закрыть своё заведение.

Был мрачный, туманный субботний полдень, когда рабочим в последний раз выплатили жалованье, и теперь старое здание должно было опустеть. Мистер Фэрберн, убитый горем, стоял на возвышении рядом со своим кассиром, который каждому из проходящих мимо его стола рабочих вручал маленький столбик заработанных шиллингов и медных монет. Обыкновенно рабочие уходили сразу же, как только получали плату, словно дети после надоевших уроков; но сегодня они не ушли, а стояли маленькими группами в большой мрачной зале и разговаривали вполголоса о несчастии, постигшем их хозяев, и о печальном будущем, ожидавшем их самих. Когда последний столбик монет был передан через стол и последнее имя проверено кассиром, толпа молча окружила человека, который недавно был её

хозяином. Люди ждали, что он скажет.

Мистер Фэрберн смутился, так как не предвидел такого поворота событий и присутствовал при раздаче жалованья просто по вошедшей в привычку обязанности. Он был молчаливым, недалёким человеком, и неожиданный призыв к его ораторским способностям сильно его озадачил. Он нервно провёл длинными белыми пальцами по худой щеке и взглянул подслеповатыми водянистыми глазами на обращённые к нему серьёзные лица.

- Мне жаль, что нам приходится расстаться, друзья мои, начал он надтреснутым голосом. Плохой это день для всех нас и для Бриспорта. В течение трёх лет мы терпели постоянные убытки в делах. Мы продолжали дело в надежде на перемену к лучшему, но оно шло всё хуже и хуже. Ничего не остаётся, кроме как отказаться от предприятия, чтобы не потерять того немногого, что ещё осталось. Надеюсь, что вам всем в скором времени удастся найти какую-нибудь работу. Прощайте, и да хранит вас Бог!
  - Да благословит вас Бог, сэр. Да благословит вас Бог! закричал хор грубых голосов.
- Грянем трижды «ура» в честь мистера Чарльза Фэрберна! крикнул красивый молодой парень с блестящими глазами, вскакивая на скамью и размахивая шапкой.

Толпа ответила на призыв, но в её крике не было того воодушевления, какое звучит, когда сердце переполняет радость. Затем рабочие направились на улицу. Выходя, они оглядывались на длинный ряд столов и усеянный пробками пол, но больше всего — на печального, одинокого человека, лицо которого вспыхнуло при грубой сердечности их прощания.

– Гаксфорд, – сказал кассир, дотрагиваясь до плеча молодого человека, который предложил толпе прокричать «ура», – управляющий хочет поговорить с вами.

Рабочий вернулся и остановился, перед бывшим хозяином, смущённо вертя в руках шапку. Толпа продолжала, теснясь, итти к выходу, пока в дверях никого не осталось и тяжёлые клубы тумана без помех ворвались в покинутую фабрику.

- А, Джон! сказал мистер Фэрберн, внезапно выходя из задумчивости и беря со стола письмо. Вы работали у меня с самого детства и доказали, что заслуживаете доверия, которое я вам оказывал. Думаю, не ошибусь, если скажу, что внезапная потеря заработка повредит вам больше, чем многим другим из моих бывших рабочих.
- Да, сэр, я собирался в масленицу жениться, ответил рабочий, водя по столу мозолистым указательным пальцем. Теперь надо будет сперва найти работу.
- А работу, мой друг, найти нелегко. Взгляните, вы провели в этой трущобе всю свою жизнь и ни к чему другому неспособны. Правда, вы были у меня старшим мастером, но и это не поможет вам, потому что по всей Англии фабрики рассчитывают рабочих, и место найти невозможно. Положение рабочих совсем скверное.
  - Что ж вы посоветуете мне, сэр? спросил Джон Гаксфорд.
- Об этом-то я и хочу потолковать с вами. У меня есть письмо от Шеридана и Мура из Монреаля. Они спрашивают, нет ли у меня на примете хорошего рабочего, которому можно доверить надсмотр за мастерской. Если вас устраивает их предложение, то можете выехать с первым пароходом. Жалованье гораздо больше, чем мог бы платить я.
- Как вы добры, сэр, растроганно ответил молодой рабочий. Мэри, невеста моя, тоже будет вам благодарна. Я знаю, ищи я работу, уж точно, истратил бы всё, что отложил для обзаведения хозяйством. Но, с вашего позволения, сэр, я хотел бы посоветоваться с ней, а уж тогда соглашаться. Не могли бы вы подождать несколько часов?
- Почта отходит завтра, отвечал мистер Фэрберн. Если вы решите принять предложение, то можете написать сегодня вечером. Вот письмо, из которого вы узнаете адрес Шеридана и Мура.

Джон Гаксфорд взял драгоценную бумагу. Сердце его было исполнено благодарности. Час тому назад его будущее казалось совсем мрачным, но теперь с запада прорвался луч света, давая ему надежду. Он хотел сказать ещё несколько слов, которые выразили бы его чувства к хозяину, но англичане по натуре неэкспансивны, и он лишь невнятно пробормотал пару неуклюжих слов, которые так же неуклюже были приняты его благодетелем. Кое-как откланявшись, Джон повернулся на каблуках и исчез в уличном тумане.

Туман был совершенно непроницаем: виднелись только неясные очертания домов. Гаксфорд шёл быстрыми шагами по боковым улицам и извилистым переулкам, мимо стен, где

сушились сети рыбаков, и по замощённым булыжником аллеям, пропитанным запахом сельди, пока не достиг скромной улицы выбеленных известью коттеджей, выходящих к морю. Молодой человек постучал в дверь одного из них и затем, не дожидаясь ответа, отпер щеколду и вошёл в дом.

Старая женщина с серебристыми волосами и молодая девушка, едва достигшая двадцати лет, сидели у очага. Последняя вскочила Гаксфорду навстречу.

- Ты с приятными вестями, Джон? воскликнула она, кладя руки ему на плечи и глядя в глаза. Я сужу по твоей походке. Мистер Фэрберн всё-таки намерен продолжать дело?
- Нет, дорогая, отвечал Джон Гаксфорд, приглаживая её роскошные тёмные волосы, но мне предлагают место в Канаде с хорошим жалованьем, и если ты согласна, то сначала поеду я один, а вы с бабушкой приедете, когда я устроюсь. Что скажешь, моя милая?
- Что ты решишь, то и хорошо, Джон, спокойно проговорила девушка. Выражение надежды и доверия светилось на её бледном некрасивом лице и в любящих тёмно-карих глазах. Но бедная бабушка, как перенесёт она путешествие через океан?
- Обо мне не беспокойтесь, беззаботно заверила их старуха. Я не буду вам помехой.
   Если вам нужна бабушка, бабушка не слишком стара для путешествия; а если нет так ведь она может присматривать за коттеджем и содержать родной дом в порядке, пока вы не вернётесь.
- Конечно, вы нам нужны, бабушка, улыбаясь, отвечал Джон. Оставить бабушку дома что за выдумки! Никогда этого не будет, Мэри! Если вы обе приедете, мы как следует сыграем свадьбу в Монреале, и обыщем весь город, пока не найдём дом, похожий на этот. Снаружи дома у нас будут такие же вьюнки; а когда мы закроем двери и сядем у огня зимним вечером, то пусть меня повесят, разве можно будет подумать, что мы не дома? Там тот же язык, что и здесь, Мэри, и тот же король, и тот же флаг. Мы не будем чувствовать себя на чужбине.
  - Нет, конечно, не будем, согласилась Мэри.

Она была сиротой, и родных у неё, кроме старой бабушки, не было. Единственным её желанием было стать женой любимого человека и быть полезной ему. Там, где были те двое, кого она любила, она не могла чувствовать себя несчастной. Если Джон уезжает в Канаду, то Канада станет её родиной, что ей делать в Бриспорте, раз Джон уехал?

- Так, значит, сегодня вечером я напишу, что согласен? спросил молодой человек. Я знал, что вы обе думаете, как я, но, конечно, не мог согласиться, не переговорив с вами. В путь я могу отправиться через неделю или две, и через пару месяцев всё для вас там приготовлю.
- Как долго будет тянуться время, пока мы получим от тебя весточку, дорогой Джон, сказала Мэри, пожимая Гаксфорду руку, но на всё, однако, Божья воля! Нам надо набраться терпения. Вот перо и чернила. Садись и пиши письмо, которое перенесёт нас через океан.

Вот какое влияние мысли Дона Диэго имели на человеческую жизнь в маленькой девонширской деревне.

Итак, согласие было послано, и Джон Гаксфорд немедленно начал готовиться к отъезду, потому как монреальская фирма дала понять, что вакансия верная и что выбранный человек может явиться немедленно и приступать к отправлению своих обязанностей. Вскоре скромные сборы были завершены, и Джон отправился на каботажном судне в Ливерпуль, где ему предстояло пересесть на пассажирский пароход, идущий в Квебек.

- Помни, Джон, прошептала Мэри, когда он в минуту расставания прижал её к груди,
   коттедж на Бриспортской набережной принадлежит нам, и что бы ни случилось, мы всегда можем им воспользоваться. Если вдруг обстоятельства примут дурной оборот, у нас всегда есть кров, где мы можем отдохнуть. Там ты найдёшь меня, пока не напишешь, чтобы мы приезжали.
- А это будет очень скоро, моя милая! весело ответил он, в последний раз обнимая её.
   Прощайте, бабушка, прощайте!

Корабль отошёл от берега уже более, чем на милю, когда Джон потерял из виду крошечные фигурки стройной девушки и её старой спутницы, стоявших на краю набережной из серого камня. С упавшим сердцем и смутным чувством надвигающейся опасности посмотрел он на них в последний раз – два светлых пятнышка, затерявшихся в толпе.

Из Ливерпуля старуха с внучкой получили первое письмо от Джона, извещавшее, что он только что отплыл на пароходе «Св.Лаврентий», а шесть недель спустя — второе, более длинное, сообщавшее о благополучном прибытии в Квебек и о впечатлении, которое на него произвела страна. Затем наступило долгое молчание. Неделя шла за неделей и месяц за месяцем, но никаких известий из-за моря больше не приходило.

Минул год, за ним другой, а сведений о Джоне всё не было. Шеридан и Мур в ответ на запрос сообщили, что хоть письмо Джона Гаксфорда дошло до них, сам он не явился, и они были вынуждены заместить вакансию. Мэри и бабушка продолжали надеяться и каждое утро ожидали почтальона с таким нетерпением, что добросердечный малый часто делал крюк, лишь бы не видеть два бледных озабоченных лица, смотревших на него из окна коттеджа.

Спустя три года после исчезновения Гаксфорда старая бабушка умерла, и Мэри осталась в полном одиночестве. Убитая горем, она с грехом пополам жила на маленькую ренту, перешедшую к ней по наследству, и с глубокой тоской раздумывала о тайне, окутавшей судьбу её возлюбленного.

Но для провинциальных соседей в этой истории давно уже не было никакой тайны. Гаксфорд благополучно прибыл в Канаду – доказательством чего было письмо. Умри он внезапно во время поездки из Квебека в Монреаль, было бы произведено официальное расследование, а личность его можно было установить по багажу. Делали запрос канадской полиции, и она дала отрицательный ответ: никакого следствия не было и никакого тела, которое можно было бы принять за тело молодого англичанина, не найдено. Казалось, оставалось только одно объяснение: он воспользовался первым случаем, чтобы порвать старые связи, и скрылся в девственных лесах или в Соединённых Штатах, дабы под другим именем начать новую жизнь. Правда, никто не мог сказать, зачем бы ему понадобилось это делать, но, судя по фактам, данное предположение казалось наиболее вероятным. Поэтому мускулистые рыбаки, не стесняясь, давали выход своему праведному гневу, когда мимо них по набережной проходила Мэри – бледная и с печально поникшей головой. Более чем вероятно, что если бы Гаксфорд вернулся в Бриспорт, его встретили бы бранью, а может быть, кое-чем и похуже, не приведи он вполне уважительных причин своего поведения. Однако это общепринятое объяснение молчанию Джона никогда не приходило в голову одинокой девушке с простым и доверчивым сердцем. Шли годы, но к её горю и недоумению ни разу, ни на одну минуту не примешалось сомнение в честности пропавшего. Из молодой девушки она превратилась в женщину средних лет, затем достигла осени своей жизни, терпеливая, кроткая и верная, делая добро, насколько то было в её силах, и покорно ожидая, когда судьба в этом или уже ином мире возвратит ей того, кого она так таинственно лишилась.

Между тем ни мнение, поддерживаемое меньшинством, будто Джон Гаксфорд умер, ни мнение большинства, обвинявшее его в вероломстве, ни в коей мере не соответствовали действительному положению дел. Всё ещё живой, он стал жертвою одного из тех странных капризов судьбы, которые так редко случаются и настолько выходят за рамки привычного, что мы могли бы отвергнуть их как невероятные, не будь у нас самых достоверных документов, подтверждающих их существование.

Высадившись в Квебеке, преисполненный надежды и мужества, Джон занял плохонькую комнату в одной из отдалённых улиц, где цены были не так непомерно высоки, как в других местах, и перевёз туда два сундука со своими пожитками. Хозяйка и её постояльцы ему очень не понравились, и он собрался, было, переменить жилище; но почтовая карета в Монреаль отправлялась через каких-нибудь день или два, и он утешал себя тем, что терпеть осталось недолго. Написав письмо Мэри, в котором сообщил о своём благополучном прибытии, он решил употребить остаток времени на осмотр города, гулял целый день, и только ночью вернулся к себе.

Дом, в котором остановился несчастный молодой человек, пользовался дурной славой из-за своих обитателей. Гаксфорда направил туда человек, который только тем и занимался, что шлялся по набережным и заманивал в тот вертеп приезжих. Из-за благообразного облика и учтивости пройдохи наивный английский провинциал попал в расставленные сети, и хотя инстинкт подсказывал Гаксфорду, что он в опасности, к несчастью, он не спасся бегством, как хотел вначале. Он удовлетворился тем, что целые дни проводил вне дома и избегал, насколько возможно, общения с другими жильцами. Из нескольких обронённых им слов,

содержательница гостиницы поняла, что он иностранец, о котором никто не станет справляться, случись с ним несчастье.

Дом имел дурную репутацию за спаивание матросов, которое совершалось не только с целью ограбления, но также и для пополнения судовых команд отходящих кораблей, причём людей доставляли на корабль в бессознательном состоянии, и они приходили в себя, когда корабль был уже далеко от реки Святого Лаврентия. Презренные люди, занимавшиеся этим ремеслом, были очень опытны в употреблении одуряющих средств. Они решили применить свои познания и к одинокому постояльцу, чтобы обшарить его пожитки и посмотреть, стоило ли тратить время на их похищение. Днём Гаксфорд запирал свою комнату на ключ и уносил его в кармане, но если бы им удалось привести его в бессознательное состояние вечером, то ночью они могли бы спокойно обшарить его сундуки и потом заявить, что он вообще не привозил с собою вещей, которые у него пропали.

Накануне своего отъезда из Квебека, Гаксфорд, вернувшись к себе на квартиру, увидел, что хозяйка и оба её безобразных сына (они помогали ей в промысле) поджидают его за чашей пунша, который любезно предложили ему отведать. Была страшно холодная ночь, горячий пар, поднимавшийся от пунша, рассеял все сомнения, какие, было, возникли у молодого англичанина. Он осушил полный бокал и затем, удалившись в свою спальню, бросился на кровать, не раздеваясь, и тотчас же заснул без сновидений; он всё ещё лежал в забытьи, когда заговорщики прокрались к нему в комнату и, открыв сундуки, начали исследовать их содержимое.

Может быть, быстрота, с которою подействовало снадобье, оказалась причиною мимолётности его действия, или же крепкий молодой организм жертвы легко справился с опьянением, как бы то ни было, Джон Гаксфорд внезапно пришёл в себя и увидел гнусную троицу, сидящую на корточках над добычей, которую они делили на две части: имеющую ценность и не имеющую никакой. Первую грабители намеревались взять себе, вторую же оставить её владельцу. Одним прыжком Гаксфорд соскочил с кровати и, схватив за шиворот того из негодяев, который был к нему ближе, вышвырнул его в открытую дверь. Его брат бросился на Джона, но молодой девонширец встретил его таким ударом в лицо, что тот покатился на пол. К несчастью, стремительность удара заставила Гаксфорда потерять равновесие и, споткнувшись о своего распростёртого противника, он тяжело упал лицом вниз. Прежде, чем он смог подняться, старая фурия вскочила ему на спину и крепко вцепилась, крича сыну, чтобы он принёс кочергу. Джону удалось стряхнуть с себя их обоих, но прежде чем он смог принять оборонительное положение, на него обрушился сзади страшный удар железной кочергой, и он без чувств упал на пол.

- Ты слишком сильно ударил, Джо, сказала старуха, глядя на потерявшего сознание Джона. – Я слышала, как треснула кость.
- Не сшиби я его с ног, нам бы с ним не управиться, угрюмо проговорил молодой негодяй.
- Однако мог бы и не убивать его, увалень, сказала мать. Ей часто приходилось присутствовать при таких сценах, и она знала разницу между ударом оглушающим и ударом смертельным.
- Он ещё дышит, сказал другой, осматривая жертву. М-да, голова у него сзади смахивает на мешок с игральными костями. Череп весь разбит. Он не жилец. Что будем делать?
- Он не очухается, заметил другой брат. И поделом ему: посмотрите только на моё лицо. Кто дома, мать?
  - Только четыре пьяных матроса.
- Они ни на какой шум не обратят внимания. На улице тихо. Снесём-ка его на улицу, Джо, да там и оставим. Он помрёт себе, и его смерти нам никто не припишет.
- Выньте все бумаги у него из кармана, сказала мать, не то полиция узнает, кто он такой. Заберите и часы с деньгами три фунта с чем-то; лучше, чем ничего. Несите его тихонько и не поскользнитесь.

Братья сбросили сапоги и понесли умирающего вниз по лестнице и затем – ещё двести ярдов по пустынной улице. Там они положили Джона в снег, где его и нашёл ночной патруль, который отнёс несчастного на носилках в госпиталь. После осмотра дежурный хирург

перевязал ему голову и высказал мнение, что пациент и половины суток не протянет.

Однако прошло двенадцать часов, и ещё двенадцать, а Джон Гаксфорд по-прежнему боролся за свою жизнь. По истечении трёх суток он продолжал дышать. Эта необыкновенная живучесть возбудила интерес врачей, и они, по обычаю того времени, пустили пациенту кровь и обложили его разбитую голову мешками со льдом. Может быть, вследствие этих мер, а может быть, вопреки им, но дежурная сиделка, после того как он пробыл неделю в совершенно бессознательном состоянии, с изумлением услышала странный шум и увидала, что иностранец сидит на кровати и с любопытством и изумлением оглядывается по сторонам. Доктора, которых она позвала посмотреть на необычайное явление, горячо поздравляли друг друга с успехом своего лечения.

– Вы были на краю могилы, мой друг, – сказал один из них, заставляя перевязанную голову пациента снова опуститься на подушку. – Вам не следует волноваться. Как ваше имя?

Никакого ответа, кроме дикого взгляда, не последовало.

– Откуда вы приехали?

Опять никакого ответа.

- Он сумасшедший, предположил один из врачей.
- Или иностранец, сказал другой. При нём не было бумаг, когда он поступил в госпиталь. Его бельё помечено буквами «Д.Г.». Попробуем заговорить с ним по-французски и по-немецки.

Они пробовали говорить с ним на всех известных им языках, но наконец были вынуждены отказаться от своих попыток и оставить молчаливого пациента, всё ещё дико смотревшего на выбеленный потолок госпиталя, в покое.

Много недель Джон пролежал в госпитале, и в течение этих недель прилагались все усилия к тому, чтобы получить какие-нибудь сведения о его прошлой жизни, но тщетно. По мере того, как шло время, не только по поведению, но и по понятливости, с которою он начал усваивать обрывки фраз, точно способный ребёнок, который учится говорить, стало заметно, что его ум достаточно силён, чтобы справиться с настоящим, но совершенно беспомощен во всём, что касалось его прошлого. Из его памяти совершенно и безусловно исчезли воспоминания о его жизни до рокового удара. Он не знал ни своего имени, ни своего языка, ни своей родины, ни своей профессии — ничего. Доктора держали учёные консультации относительно его и говорили о центре памяти и придавленных поверхностях, расстроенных нервных клетках и приливах крови к мозгу, но все их многосложные речи начинались и кончались тем фактом, что память человека исчезла и наука бессильна восстановить её.

В течение скучных месяцев своего выздоровления он понемногу упражнялся в чтении и письме, но с возвращением сил к нему не вернулись воспоминания о его жизни. Англия, Девоншир, Бриспорт, Мэри, бабушка – эти слова стёрлись из его сознания. Всё было покрыто мраком. Наконец его выпустили из госпиталя, и у него не было ни друзей, ни занятий, ни денег, ни прошлого и весьма малые надежды на будущее. Само его имя изменилось, так как пришлось придумать для него другое. Джон Гаксфорд исчез, а Джон Гарди занял его место среди людей. Таковы были странные последствия размышлений испанского джентльмена, навеянных ему курением папиросы.

Случай с Джоном возбудил споры и любопытство в Квебеке, так что по выходе из госпиталя ему не пришлось остаться в беспомощном положении. Шотландский фабрикант по имени Мак-Кинлей дал ему должность носильщика в своём заведении, и в течение долгого времени Джон работал за семь долларов в неделю, нагружая и разгружая возы. С течением времени оказалось, что память его, как она ни была несовершенна во всём, что касалось прошлого, была крайне надёжна и точна относительно всего происшедшего с ним после инцидента. Вскоре он получил повышение: с фабрики его перевели в контору, и 1835 год Джон встретил уже в качестве младшего клерка с жалованьем 120 фунтов в год. Спокойно и уверенно Джон Гарди прокладывал себе дорогу от должности к должности, посвящая всё сердце и ум делу. В 1840 году он был третьим клерком, в 1845 — вторым, в 1852 — управляющим всем обширным заведением и вторым лицом после самого мистера Мак-Кинлея.

Мало кто завидовал быстрому возвышению Джона, так как было очевидно, что он обязан им не случайности и не протекции, а своим удивительным достоинствам –

прилежанию и трудолюбию. С раннего утра до поздней ночи он без устали работал в интересах своего хозяина, проверяя, надзирая, подавая всем пример неунывающей преданности долгу. По мере того, как он получал повышение, жалованье его увеличивалось, но образ жизни не изменялся, только у него появилась возможность быть более щедрым к бедняку. Он ознаменовал своё вступление в должность управляющего даром 1000 фунтов госпиталю, в котором лечился четверть века назад. Остаток своих заработков он вкладывал в дело, вынимая каждые три месяца небольшую сумму на своё содержание, и по-прежнему жил в скромном жилище, которое занимал ещё в свою бытность носильщиком на складе.

Несмотря на удачу в делах, он оставался печальным и молчаливым человеком и находился всегда в состоянии какого-то смутного, неопределённого беспокойства, тяжёлого чувства неудовлетворённости и страстного стремления к чему-то, которое никогда его не покидало. Часто он пытался своим бедным искалеченным мозгом приподнять занавес, отделяющий его от прошлого, и разрешить загадку своей жизни во дни молодости. Часами он сидел перед камином, пока в голове не начинало шуметь от невероятного напряжения, но Джон Гарди так и не смог восстановить в своей памяти жизнь Джона Гаксфорда. Однажды ему пришлось по делам фирмы съездить в Квебек и посетить ту самую пробочную фабрику, из-за которой он покинул Англию. Проходя через мастерскую со старшим приказчиком, Джон машинально поднял четырёхугольный кусок коры и, не сознавая, что делает, двумя или тремя ловкими надрезами перочиного ножа обделал его в ровно заостряющуюся к концу пробку. Его спутник взял её у него из рук и осмотрел взглядом знатока.

- Это не первая пробка, вырезанная вами, на своём веку вы их нарезали сотнями, мистер Гарди, заметил он.
- На самом деле вы ошибаетесь, ответил Джон, улыбнувшись, никогда раньше мне не приходилось нарезать ни одной.
  - Невозможно! вскричал приказчик. Вот другой кусок коры, попробуйте ещё раз.

Джон приложил все старания, чтобы вновь вырезать пробку, но сознательные усилия ума помешали руке резальщика пробок выполнить свою работу. Привычные мышцы не потеряли искусства, но их следовало предоставить самим себе, а не пытаться управлять ими посредством ума, который в данном деле ничего не смыслил. Вместо пробок ровной, изящной формы Гаксфорд мог сделать только несколько грубо вырезанных, неуклюжих цилиндров.

- Видать, то была случайность, - сказал приказчик, - но я готов поклясться, что это была работа опытной руки.

Шли годы, гладкая английская кожа Джона коробилась и морщилась, пока не сделалась смуглой и покрытой рубцами, как грецкий орех. Цвет его волос под влиянием времени из седоватого окончательно сделался белым, как зима усыновившей его страны. Но всё же это был бодрый, державшийся прямо старик, и когда наконец он оставил должность управляющего фирмой, с которой был так долго связан, он легко и бодро нёс на своих плечах тяжесть семидесяти лет. Он не знал своего возраста, так как мог лишь строить догадки о том, сколько лет ему было, когда с ним случилось несчастье.

Началась франко-прусская война, и пока два могущественных соперника громили друг друга, их более миролюбивые соседи спокойно выгоняли их со своих рынков и из своей торговли. Многие английские порты извлекали выгоду из такого положения вещей, но ни один из них не извлёк больше, чем Бриспорт. Он давно перестал быть рыбачьей деревней. Теперь это был большой и процветающий город с великолепной набережной, с рядом террас и больших отелей, куда все воротилы западной Англии приезжали, когда чувствовали потребность в перемене места. Благодаря этим нововведениям Бриспорт сделался центром оживлённой торговли, и его корабли проникали во все гавани мира. Поэтому нет ничего удивительного, что особенно в этот весьма бурный 1870 год многие бриспортские суда стояли на реке у набережных Квебека.

Однажды Джон Гарди, для которого с тех пор, как он удалился от дел, время тянулось слишком медленно, бродил по берегу, прислушиваясь к шуму паровых машин и наблюдая, как выгружают на берег и складывают на набережной бочонки и ящики. Он смотрел на большой океанский пароход. Когда пароход благополучно пришвартовался, Гаксфорд хотел уже удалиться, как до его слуха донеслось несколько слов с небольшого старого судна, стоявшего на причале. Это была всего лишь какая-то команда, отданная громким голосом, но

в ушах старика она прозвучала как невероятно знакомое, близкое, от чего он давно отвык. Он стоял около судна и слушал, как матросы за работой говорили всё с тем же особенным, приятно звучавшим акцентом. Почему дрожь пробежала по его телу? Он сел на свёрнутый в кольцо канат и прижал руки к вискам, жадно прислушиваясь к давно забытому диалекту и пытаясь привести в порядок тысячу ещё не принявших определённой формы туманных воспоминаний, которые проявлялись в его сознании. Затем он встал и, подойдя к корме, прочёл название корабля — «Санлайт», Бриспорт.

Бриспорт! Опять его охватило волнение. Почему это слово и говор матросов так знакомы? В глубокой грусти пошёл он домой и всю ночь пролежал без сна, ворочаясь с боку на бок и стараясь поймать что-то неуловимое, что, казалось, вот-вот окажется в его власти, и однако же всякий раз от него ускользало.

Рано поутру он уже ходил взад и вперёд по набережной, прислушиваясь к говору заморских матросов. Каждое слово, произносимое ими, как казалось ему, восстанавливало его память и приближало к свету. Время от времени матросы прекращали свою работу и, глядя на седого иностранца, сидевшего в безмолвно-внимательной позе, смеялись над ним и отпускали на его счёт шуточки. И даже в этих шутках было что-то знакомое изгнаннику — вполне могло быть, что они были те же самые, которые он слышал в молодости, ведь никто в Англии не отпускает новых острот. Так он сидел в течение долгого дня, наслаждаясь западнобережным английским говором и ожидая минуты прояснения.

Когда матросы отправились на обед, один из них, движимый то ли любопытством, то ли добродушием, подошёл к старику и заговорил с ним. Джон попросил его сесть на бревно рядом с ним и принялся задавать ему множество вопросов о стране и городе, откуда тот приехал. На всё это матрос отвечал довольно складно, потому что нет ничего на свете, о чём бы моряк любил говорить так много, как о своём родном городе. Ему доставляет удовольствие показать, что он не простой бродяга, что у него есть домашний очаг, где его примут, когда он захочет перейти к спокойному существованию. Он болтал о ратуше и башне Мартелло, об Эспланаде, о Питт-стрит и Хай-стрит, как вдруг его собеседник выпростал длинную руку и схватил матроса за локоть:

- Послушайте, друг мой, сказал он тихим, быстрым шёпотом. Ответьте мне ради спасения своей души, по порядку ли я назвал улицы, которые выходят из Хай-стрит: Фоксстрит, Кэролин-стрит и Джордж-стрит.
  - По порядку, отвечал матрос, невольно отступая перед его дико сверкающим взором.

И в тот же миг память Джона вернулась к нему, и он вспомнил своё прошлое и отчётливо представил, какою могла бы быть его жизнь — в мельчайших подробностях, как бы начертанных огненными буквами. Слишком поражённый, чтобы закричать или заплакать, он мог только вскочить на ноги и, почти не сознавая, что делает, побежать домой; побежать изо всех сил, насколько позволяли ему старые ноги. Бедняге словно подумалось, что есть какая-то возможность вернуть прошедшие пятьдесят лет. Шатаясь и дрожа, он торопливо шёл по улице, как вдруг словно облако застлало ему глаза, и, взмахнув руками, с громким криком: «Мэри! Мэри! О, моя погибшая, погибшая жизнь!» — он без чувств упал на мостовую.

Буря душевного волнения, которая охватила его, и умственное потрясение, испытанное им, вызвали бы у многих нервную горячку, но не таков был Джон: он обладал слишком сильной волей и был слишком практичен, чтобы позволить себе заболеть в то самое время, когда здоровье стало ему нужнее всего. Через несколько дней он реализовал часть своего имущества и, отправившись в Нью-Йорк, сел на первый почтовый пароход, отходивший в Англию. Днём и ночью, ночью и днём он бродил по шканцам до тех пор, пока закалённые матросы не стали смотреть на старика с уважением и удивляться, как может человек беспрестанно ходить, посвящая столь мало времени сну. Только благодаря этому беспрестанному моциону и лишь изматывая себя до того, что усталость сменялась летаргией, он не сошёл с ума от отчаяния. Он едва осмеливался спросить себя, что, собственно, было целью его сумасбродной поездки? На что он надеялся? Жива ли Мэри? Если бы он мог увидеть её и смешать свои слёзы с её слезами, он был бы счастлив. Пусть только она узнает, что то была не его вина, что они оба стали жертвами жестокой судьбы. Коттедж принадлежал ей, и она сказала, что будет ждать его там, пока он не пришлёт ей весточку. Бедная девушка, она никак не рассчитывала, что придётся ждать так долго!

Наконец показались огни на берегах Ирландии, а затем исчезли; на горизонте, подобно облаку голубого дыма, выступила Англия, и громадный пароход стал рассекать волны вдоль крутых берегов Корнуолла и наконец бросил якорь в Плимутской бухте. Джон поспешил на станцию железной дороги и через несколько часов вновь оказался в родном городе, который покинул бедным резальщиком пробок пятьдесят лет назад.

Но тот ли это город? Если бы не названия станций и отелей, Джон бы не поверил. Широкие мощёные улицы с трамвайными путями сильно отличались от узких, извилистых переулков, которые он помнил. Место, где прежде находилась железнодорожная станция, стало центром города, а раньше оно было далеко за городом, в полях. Повсюду размещались роскошные виллы: на улицах и в переулках, носящих имена, новые для изгнанника. Большие амбары и длинные ряды лавок с великолепными витринами доказывали, как возросло благосостояние Бриспорта, равно как и его размеры. Только когда Джон вышел на старую Хай-стрит, он почувствовал себя дома. Многое изменилось, но всё ещё было узнаваемо, а несколько зданий сохранили прежний вид, в каком он оставил их. Вместо пробочных мастерских Фэрберна теперь высился большой только что выстроенный отель. А рядом была старая серая ратуша. Путник повернул и с упавшим сердцем быстрым шагом направился к коттеджам, которые он так хорошо знал прежде.

Найти их было бы нетрудно: море, по крайней мере, было то же, что и в старину, и по нему он мог узнать, где стояли коттеджи. Но, увы, где они теперь? На их месте находился внушительный полукруг высоких каменных домов, обращённых к морю высокими фасадами. Джон уныло бродил мимо пышных подъездов, охваченный скорбью и отчаянием, как вдруг его охватила дрожь, которую сменила горячая волна возбуждения и надежды. Немного позади домов виднелся старый, выбеленный известью коттедж с деревянным крыльцом и стенами, обвитыми вьюнками. Он казался тут таким же неуместным, как мужик в бальной зале. Джон протёр глаза и посмотрел опять, но коттедж действительно стоял там со своими маленькими ромбовидными окнами и белыми кисейными занавесками. До мельчайших подробностей он сохранился таким же, каким Джон видел его в последний раз.

Тёмные волосы Гаксфорда стали седыми, а рыбачьи деревушки превратились в города, но деятельные руки и верное сердце уберегли коттедж бабушки, и как и прежде он был готов принять долгожданного странника.

Теперь, когда он приближался к своей цели, им овладел невероятный страх, и он почувствовал себя так нехорошо, что вынужден был сесть на одну из скамеек на набережной против коттеджа. На другом конце её сидел старый рыбак, покуривая чёрную глиняную трубку; он обратил внимание на бледное лицо и печальные глаза незнакомца.

- Вы устали, сказал он. Нам с вами нельзя забывать про свои годы.
- Мне уже лучше, благодарю вас, ответил Джон. А вы случайно не знаете, как этот старый коттедж угораздило затесаться между прекрасными новыми домами?
- Да дело в том, сказал старик, в негодовании стукнув костылём, что этот коттедж принадлежит самой упрямой женщине во всей Англии. Поверите ли, этой женщине предлагали в десять раз больше того, что стоит коттедж, а она не захотела расстаться с ним. Ей обещали даже перенести его целиком, поставить в более подходящем месте и заплатить круглую сумму впридачу, но Господи помилуй! она не хотела и слышать об этом.
  - А почему? спросил Джон.
- Вот в том-то и вся закорюка! Старая это история. Видите ли, её дружок уехал, когда я был ещё совсем юнцом, и она вбила себе в голову, что он когда-нибудь вернётся и не будет знать, куда деться, если коттеджа не будет на месте. Ну, останься парень в живых, ему было б не меньше, чем вам, но я уверен, что он давным-давно помер. Ей, прямо сказать, повезло, что она отделалась от него, ведь он, почитай, был последним негодяем, коль обошёлся с ней так жестоко.
  - Он бросил её, говорите вы?
- Да, уехал в Соединённые Штаты и не прислал ей ни слова на прощанье. Это был бессердечный, постыдный поступок, девушка всё время ждала его и тосковала. Наверное, она и ослепла-то от того, что плакала все пятьдесят лет.
  - Она слепа! вскричал Джон, приподнимаясь.
  - Хуже того, отвечал рыбак. Она смертельно больна, и думают, что ей недолго

осталось. Вон, гляньте, карета доктора у её дома.

Услышав эти дурные вести, Джон вскочил и поспешил к коттеджу, где встретил доктора, садившегося в карету.

- Как здоровье вашей пациентки, доктор? спросил он дрожащим голосом.
- Скверно, весьма скверно, напыщенно ответил медик. Если силы по-прежнему будут угасать, то жизнь её окажется в большой опасности; но если её состояние изменится, возможно, она и выздоровеет!

Изрекши тоном оракула сей ответ, он уехал, оставив за собой облако пыли.

Джон Гаксфорд нерешительно мялся в дверях, не зная, как объявить о себе, и опасаясь, не повредит ли больной душевное потрясение. Вдруг какой-то джентльмен в чёрном неспешно подошёл к нему.

– Не скажете ли, друг мой, здесь больная? – спросил он.

Джон кивнул, и священник вошёл, оставив дверь полуоткрытой. Странник подождал, пока тот прошёл во внутреннюю комнату, и затем проскользнул в гостиную, где когда-то провёл столько счастливых часов. Всё – до самых незначительных украшений – было постарому, так как Мэри имела обыкновение заменять сломанную вещь копией, чтобы в комнате ничего не менялось.

Он не решался обнаружить себя, пока не услышал женский голос из внутренней комнаты; тогда он тихонько подошёл к двери.

Больная полулежала на кровати, обложенная подушками, лицом к Джону. Он чуть не вскрикнул, когда её незрячие глаза остановились на нём; бледные, родные черты Мэри, казалось, совсем не переменились с тех пор, как он в последний раз обнимал её на набережной Бриспорта. Её тихая, лишённая событий жизнь не оставила на лице ни одного из тех грубых следов, которые свидетельствуют о внутренней борьбе и беспокойном духе. Целомудренная печаль облагородила и смягчила выражение лица, а потеря зрения была возмещена тем особенным выражением спокойствия, что отличает лица слепых. Пускай её волосы, выбившиеся из-под белоснежного чепчика поседели, она осталась прежней Мэри и даже похорошела, а в чертах её появилось что-то небесное и ангельское.

— Найдите человека, который присмотрит за коттеджем, — сказала она священнику, сидевшему спиною к Джону. — Выберите какого-нибудь бедного достойного человека в приходе, который будет рад даровому жилищу. А когда *он* придёт, скажите *ему*, что я ждала до самого конца и что он найдёт меня *там* по-прежнему верной и преданной ему. Здесь немного денег — всего лишь несколько фунтов, но я хотела бы, чтобы они достались ему, когда он придёт: они могут ему понадобиться, и велите человеку, которого поселите в коттедже, быть с ним ласковым, ведь он, бедняжка, ужасно расстроится, и скажите ему, что я была весела и счастлива до конца. Не говорите, что я переживала, чтобы он не стал мучиться.

Джон тихо слушал, стоя за дверью, и не раз готов был схватить себя за горло, чтобы удержать рыдания, но когда она закончила и он подумал о её долгой, безупречной, невинной жизни и увидал дорогое лицо, смотрящее прямо на него, однако неспособное его увидеть, то почувствовал, что мужество его оставляет, и разразился неудержимыми, прерывистыми рыданиями, которые сотрясли всё его существо.

И тогда случилось невероятное: хотя он не сказал ни слова, старая женщина протянула к нему руки и воскликнула:

- О, Джонни, Джонни! О, дорогой, дорогой Джонни, ты вернулся ко мне!

И прежде, чем священник мог понять, что случилось, два верных любовника держали друг друга в объятиях; их слёзы смешались, их серебристые головы прижались друг к другу, их сердца были так полны радости, что чувствовали себя почти вознаграждёнными за пятьдесят лет ожидания.

Трудно сказать, как долго предавались они радости. Это время показалось им очень коротким – и очень длинным почтенному джентльмену, который хотел уж без слов удалиться, когда Мэри наконец вспомнила о его присутствии и о вежливости по отношению к нему.

– Моё сердце переполнено радостью, сэр, – сказала она. – Божья воля, что я не могу видеть моего Джонни, но я могу представлять его себе так же ясно, как если бы он был перед моими глазами. Теперь встаньте, Джон, и я покажу джентльмену, как хорошо я вас помню. Ростом он будет до второй полки; прям, как стрела, лицо смуглое, а глаза светлые и ясные.

Волосы почти чёрные, и усы тоже. Не удивлюсь, если узнаю, что он носит также бакенбарды. Ну, сэр, не кажется ли вам, что я могу обойтись и без зрения?

Священник выслушал её описание и, посмотрев на изнурённого, седовласого человека, стоявшего перед ним, не знал, смеяться ему или плакать.

К счастью, всё кончилось благополучно. Был ли то естественный ход болезни или возвращение Джона благоприятно подействовало, достоверно только то, что, начиная с этого дня, здоровье Мэри стало постепенно улучшаться, пока она совершенно не выздоровела.

– Нельзя венчаться в тайне, – решительно говорил Джон, – а то как будто мы стыдимся того, что делаем. Словно мы не имеем большего права венчаться, чем кто бы то ни было в приходе.

Итак, было сделано церковное оглашение и три раза объявлено, что Джон Гаксфорд, холостяк, и Мария Хауден, девица, намереваются сочетаться браком, и так как никто не представил возражений, то они были надлежащим образом обвенчаны.

 Быть может, мы недолго проживём, – сказал старый Джон, – но по крайней мере мы спокойно перейдём в мир иной.

Доля Джона в квебекском предприятии была ликвидирована, и это дало повод к возбуждению весьма интересного юридического вопроса, мог ли он, зная, что его имя Гаксфорд, всё-таки подписаться именем Гарди, как это было необходимо для окончания дела. Было решено однако же, что если он представит двух достойных доверия свидетелей своего тождества, то всё обойдётся, так что имущество было реализовано и дало в результате весьма приличное состояние. Часть его Джон употребил на постройку красной виллы как раз за Бриспортом, и сердце владельца набережной подпрыгнуло от радости, когда он узнал, что постылый коттедж наконец-то освободят и тот перестанет нарушать симметрию и портить респектабельный облик аристократических домов.

В своём уютном новом доме, сидя на лужайке в летнее время и у камина зимой, эта достойная старая чета прожила много лет невинно и счастливо, как двое детей. Те, кто хорошо их знал, говорят, что никогда между ними не было и тени несогласия и что любовь, которая горела в их старых сердцах, была так же высока и священна, как любовь любой молодой четы, когда-либо стоявшей у алтаря. И во всей окрестной стороне, всякому, будь он мужчина или женщина, будь в горе или изнемогай от борьбы с жизненными тяготами, стоило только пойти на виллу — и он получал там помощь и то сочувствие, которое более ценно, чем самая помощь. Так что, когда наконец Джон и Мэри, достигнув преклонного возраста, заснули вечным сном, он через несколько часов после неё, их оплакивали все бедные, нуждающиеся и одинокие люди прихода. И, вспоминая горести, которые пришлось перенести обоим и их мужество, люди приучались к мысли, что их собственные несчастья суть вещи тоже преходящие и что вера и правда получат вознаграждение в этом мире и ином.

1888 г.

(перевод Павла Гелевы)

ЗАСЕДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ БРОУНИНГОВСКОЙ ПОЭЗИИ

Всё началось с того, что госпожа Хант-Мортимер, энергичная, миниатюрная, современная дама, жена адвоката, сказала госпоже Бичер, юной супруге банкира, что в таком захолустье, как Уокинг, очень трудно найти себе какое-нибудь умственное занятие или избежать извечной рутины праздных разговоров. Та же идея, по-видимому, посетила и госпожу Бичер, помимо того поддержкой ей оказалась статья в «Журнале для леди», в каковой утверждалось, что напряжённая интеллектуальная жизнь позволяет женщине сохранить молодость.

Разговор происходил в гостиной миссис Бичер. Она раскрыла журнал и прочитала выдержки из статьи. «Шекспир как косметика» — так называлось это назидательное сочинение. Всё услышанное произвело на Мод сильное впечатление, и перед тем, как разойтись, дамы тогда же решили создать литературный кружок, который будет собираться по средам в послеполуденное время, по очереди у каждой из участниц. Предполагалось, что в течение часа они будут обсуждать произведения классиков, и этот час напряжённых размышлений и возвышенных чувств должен был дать заряд жизненных сил на всю скучную провинциальную неделю.

Но что читать? — вот в чём вопрос. Решить это надо было незамедлительно, дабы в следующую среду они могли уже приступить к обсуждению. Мод предложила Шекспира, но миссис Хант-Мортимер считала, что значительная часть написанного им была неприлична.

- Какое это имеет значение? возразила миссис Бичер. Ведь мы все замужние женшины.
- И всё-таки я думаю, что это непристойно, отвечала миссис Хант-Мортимер. В вопросах пристойности она придерживалась крайне правых взглядов.
- Но уверяю вас, что мистер Боудлер сделал Шекспира вполне благопристойным, не соглашалась миссис Бичер.
- Ни в коей мере. Он отнёсся к своей работе небрежно: оставил многое, без чего можно было бы обойтись, и убрал то, что было вполне невинно.
  - Почему вы так думаете?
- Потому что как-то раз у меня были оба экземпляра полный и переделанный и я прочитала все пропуски.
  - А зачем? лукаво поинтересовалась Мод.
- Потому что я хотела убедиться, что они действительно пропущены, строго ответствовала миссис Хант.

Мод устыдилась своего озорства, и лицо её вспыхнуло алым румянцем. Миссис Бичер наклонилась и подняла с ковра несуществующую шпильку для волос. Миссис Хант-Мортимер продолжила:

- Разумеется, есть ещё Байрон. * Но он полон намёков на кое-что такое... В его произведениях есть места...
  - Я никогда не видела в них ничего дурного, заявила Мод.
- Это потому, что вы не знали, где смотреть, милочка, отвечала миссис Хант-Мортимер. Миссис Бичер, если у вас есть Байрон, то я бы доказала, что его следует избегать, если вы хотите сохранять свои мысли незапятнанными. Что скажете? Впрочем, даже цитируя его по памяти, я могла бы убедить вас, что от чтения его лучше воздержаться.
- Оставим Байрона, сказала миссис Бичер, очень хорошенькая брюнетка, игривая, словно котёнок, которая, по всей видимости, не нуждалась в косметике, ни в литературной, ни в какой-либо ещё. Как насчёт Шелли?**
  - Фрэнк восторгается Шелли, заметила Мод.

Миссис Хант-Мортимер покачала головой.

– В его творчестве наличествуют ужасные тенденции. Он был – мне точно известно – то

 $^{^*}$ Джордж Гордон Байрон (1788 – 1824 гг.) – великий английский поэт, виднейший представитель революционного романтизма XIX века. (Π . Γ .)

^{*} Перси Биши Шелли (1792 – 1822 гг.) – великий английский поэт-романтик. (Π . Γ .)

ли теистом, то ли атеистом. Сейчас не могу вспомнить, кем именно из них. Полагаю, что предмет нашего изучения должен быть как нельзя более возвышенным.

- Теннисон, подсказала Мод.
- Мне говорили, что его высказывания слишком уж ясны для того, чтоб его можно было причислить к великим мыслителям человечества. Возвышенная мысль по необходимости оказывается неясной. Нет никакой заслуги в том, чтобы читать стихи, которые совершенно понятны. Тот, кто влечёт нас к высо...
  - Броунинг! воскликнули обе слушательницы.[∗]
- Вот именно. Мы могли бы создать наше собственное Общество любителей поэзии Броунинга!
  - О, как замечательно! Какая прелесть!

Таким образом дело было решено.

Оставалось лишь договориться о том, каких ещё дам можно было принять в свой литературный кружок. Присутствие мужчин совершенно исключалось.

– Они всегда так отвлекают! – высказала своё мнение миссис Хант-Мортимер.

Главное состояло в том, чтобы принять в общество только серьёзные умы, которые будут стремиться извлечь пользу из занятий. О миссис Фортескью думать не приходилось – она страдала болтливостью. А миссис Мейсон была чересчур легкомысленна. Миссис Чарльз не могла говорить ни о чём другом, кроме собственной прислуги. А миссис Патт-Битсон видела всё в чёрном свете. Может быть, стоило просто начать работу, а уже потом постепенно привлекать новых членов. Первое заседание назначили на следующую среду у миссис Кросс, и миссис Хант-Мортимер обещала принести полное двухтомное издание Броунинга. Миссис Бичер спросила, недостаточно ли для начала и одного тома, но миссис Хант-Мортимер ответила, что всегда нужно иметь широкий выбор. На том и расстались.

Вечером Мод рассказала Фрэнку о создании Общества. Хотя идея ему и понравилась, к воплощению её он отнёсся довольно скептически:

- Вы бы начали с более простых вещей.

На лице Мод появилось выражение неудовольствия, которое ей очень шло:

- Мы очень серьёзные исследователи, сэр. И мы хотим взять самое трудное стихотворение в книге. Фрэнк, один из твоих недостатков хотя их у тебя немного состоит в том, что ты недооцениваешь ум женщины. Миссис Хант-Мортимер говорит, что если мы и не отличаемся талантами, как мужчины, то зато гораздо способнее к ассим... к ассими...
  - К ассимиляции, то бишь к усвоению изучаемого!
- Вот именно! А ты всегда говоришь со мной снисходительным тоном, словно я... Да, да, всегда!.. Какой же ты глупый, Фрэнк! Когда я пытаюсь говорить с тобой серьёзно, ты тут же начинаешь целоваться и всё портишь. Ты бы смог обсуждать поэзию Броунинга, если бы в конце каждого предложения к тебе подходили и целовали? Ты бы не обращал внимания? Едва ли, во всяком случае, ты бы почувствовал, что тебя не принимают всерьёз. Ладно, вот будешь следующий раз о чём-нибудь умничать, я тебе отплачу тою же монетой, и посмотрим, как тебе это понравится.

Встреча была назначена на 3 часа, и уже без десяти минут три появилась миссис Хант-Мортимер. Она принесла две толстые коричневые книги. Она пришла рано, объяснила она, потому что у Диксонов в четверть пятого назначена репетиция любительского спектакля. Миссис Бичер пришла с опозданием на пять минут. Как она объяснила, из-за того, что её кухарка и горничная поссорились, и зачем-то добавила, что в субботу у неё обед на пять персон, и поэтому она страшно занята и вообще бы не пришла, если б не пообещала. Так

^{*} Броунинг [Браунинг], Роберт (1812 – 1889 гг.) – английский поэт, страстный поборник гуманистических идей; большинство его произведений написано белыми стихами, стиль их отличается усложнённостью, особенно в больших поэмах. Теперь завелась мода писать по-русски «Браунинг» вместо «Броунинг», но правильнее будет именно *Броунинг*. Во-первых, чтобы не путать с «браунингом» какого-то там калибра, а, во-вторых, того требует русская традиция. Это так же верно как то, что *Carlyle* пишется по-русски «Карлейль», а не «Карлайл», как теперь себе позволяют некоторые. Писать «Карлайл» и «Браунинг» такое же невежество, как писать «Шейкспир» вместо «Шекспир». (П.Г.)

трудно думать о поэзии, когда все мысли заняты предстоящим обедом и тем, что подать на $entr\acute{e}e.^*$

- Так у вас сложности с *entree*? спросила миссис Хант-Мортимер, отрывая взгляд от раскрытой книги.
- Дорогая, ответила миссис Бичер (у неё было обыкновение о заурядных вещах говорить так, словно они были личными секретами), моя горничная поистине прекрасно готовит, и я вполне могу на неё положиться, если Марта от меня уйдёт. Но она очень ограниченная, очень, и во всём, что касается *entree* и десерта, я никак не могу на неё рассчитывать. Поэтому мне надо придумать такое блюдо, с которым ей под силу справиться.

Миссис Хант-Мортимер гордилась тем, как она ведёт хозяйство, и потому проблема её заинтересовала. У Мод складывалось впечатление, что заседание Общества окажется не таким уж скучным, как она полагала.

- Ну, конечно, нужно учесть очень многое, сказала миссис Хант-Мортимер с видом королевского адвоката, которого попросили дать своё заключение. Устричные лепёшки или устрицы *vol-au-vent*...
  - Но устрицы сейчас не по сезону, заметила Мод.
- Я как раз и собиралась сказать, продолжала миссис Хант-Мортимер с восхитительной находчивостью, что *entrée* из устриц сейчас невозможно, потому что у них сейчас не сезон. Зато креветки, приправленные кэрри**...
  - Что вы, что вы! Мой муж их не выносит.
- Так, так! А что вы скажете насчёт сладкого мяса *en caisse*? Всё, что вам для этого потребуется, это только нарезанные грибы, лук-шалот, петрушка, мускатный орех, перец, соль, панировочные сухари, свиное сало...
  - Нет, нет! в отчаянии вскричала миссис Бичер. Анне никогда это не запомнить.
- Тогда отбивные котлеты а ля Констанс, не сдавалась миссис Хант-Мортимер. Я уверена, они в приготовлении достаточно просты: отбивные, масло, гусиная печёнка, петушиные гребешки, грибы...
- О, дорогая моя, не забывайте же, что она всего лишь горничная. Неразумно требовать от неё так много.
- Hy, хорошо. Рагу из птицы, пирожки с цыплёнком, крокеты из телятины под соусом... ***
  - Вот именно! спохватилась Мод. Может, всё-таки вернёмся к Броунингу?
- Боже мой! простонала миссис Бичер. Это я во всём виновата, прошу прощения! Да, пожалуйста, почитайте нам немного из его восхитительной поэзии, миссис Хант-Мортимер.
- В конце концов вы всегда можете заказать любое *entree* в специализированной лавке с доставкой на дом, подала Мод крайне дельный совет.
- О, дорогая моя девочка! обрадовалась миссис Бичер. Какой замечательный выход из моего трагического положения! Конечно же, я так и сделаю. Превосходная идея! Итак, вопрос с *entree* вполне решён, и мы можем наконец приступить к...
- *Pièce de résistance*,**** провозгласила миссис Хант-Мортимер, глядя в содержание первого тома. Я должна признаться, что моё знакомство с данным поэтом до настоящего времени было довольно поверхностным. Мы должны стремиться усвоить его таким образом, чтобы отныне он стал неотъемлемой частью нас самих. Говорят, что трудно понять его творчество. А мне кажется, что эти трудности сильно преувеличены, и мы при желании и должном усердии вполне сможем их преодолеть.

Миссис Бичер и Мод с облегчением поняли, что и миссис Хант-Мортимер разбиралась в поэзии Броунинга не более их самих. И, когда стало ясно, что опасности нет никакой, они обе позволили себе принять несколько менее скованный вид. Мод глубокомысленно сдвинула брови, а миссис Бичер устремила взгляд своих красивых карих глаз на шторы, словно перебирая в памяти все названия произведений поэта.

– Я знаю, что нам следует делать! – сказала она. – Давайте поклянёмся, что ни в коем

** приправа из куркумового корня, чеснока и разных пряностей

 $^{^*}$ блюдо, подаваемое между рыбой и жарким (франц.)

^{****} Непереводимая игра слов: «соус» по-английски – *браунинг*. (Π . Γ .)

^{*****} коронный номер; зд.: основное блюдо, жаркое (франц.)

случае не перейдём к следующей строке, пока не поймём прочитанную. Мы будем читать её снова и снова, пока не постигнем смысл.

- Какая замечательная идея! в восторге воскликнула Мод. Великолепное правило, миссис Бичер!
  - Мои друзья зовут меня Нелли, сказала миссис Бичер.
- Если не возражаете, я тоже стану вас так называть. У вас очень красивое имя! И вы зовите меня просто Мод.
- Да вы и выглядите, как Мод, сказала миссис Бичер. Я всегда представляла себе Мод хорошенькой, весёлой блондинкой. Правда, удивительно, что имена соответствуют облику и характеру? Мэри всегда очень домашняя, а Роза кокетливая. Элизабет само воплощение долга, Эвелин порывистая, Элис невыразительная, а Хэлен властная...
- А Матильда воплощение нетерпения, со смехом сказала миссис Хант-Мортимер. И у Матильды есть основания потерять терпение, сидя перед вами с открытой книгой, пока вы обе обмениваетесь любезностями.
- Да нет, мы просто ждали, когда вы начнёте, с упрёком ответила миссис Бичер. –
   Давайте же в самом деле что-нибудь почитаем, а то время уходит.
- Не стоит начинать с самого начала, потому что в этих произведениях его гений ещё не проявился, заметила миссис Хант-Мортимер. Полагаю, что сегодня, в день открытия Общества, нам следует познакомиться с лучшими произведениями поэта.
  - А как мы узнаем, какие из них лучшие? поинтересовалась Мод.
- Я бы остановилась на каком-нибудь названии, в котором бы чувствовалась глубина. «Красавица», «Любовь в моей жизни», «Любоя жена любому мужу»...
  - Ой, как интересно, что же она могла ему сказать? воскликнула Мод.
  - Нет, я как раз хотела показать, что все эти темы отдают легкомыслием.
- Кроме того, такое название совершенно нелепо, добавила миссис Бичер, после шести месяцев замужества увлекавшаяся обобщениями. –«Муж жене» это ещё куда ни шло, но откуда можно знать, что «любой» муж сказал бы «любой» жене? Вообще никто не в состоянии предсказать, что сделает мужчина. Ведь они такие странные!

Но миссис Хант-Мортимер была уже пять лет замужем и считала себя достаточно сведущей, чтобы сказать веское слово как об *entree*, так и о мужьях.

– Со временем у вас появится больший опыт, дорогая, и вы будете лучше знать, чего от них ожидать. И тогда вы обнаружите, что в основе их поступков лежит некая причина, вернее сказать, довольно примитивный инстинкт. Но, говоря серьёзно, нам действительно нужно сосредоточить своё внимание на поэте, потому что я должна уйти ровно в четыре, и так мне останется только десять минут для того, чтобы добраться до Мэйбери.

Миссис Бичер и Мод угомонились и сидели с тревожным вниманием на лицах.

- Пожалуйста, продолжайте! попросили оне.
- Вот стихотворение, которое называется «Гэмлинский Дудочник в Пёстром Наряде».
- О, не могу и передать вам, как мне хочется услышать это стихотворение! воскликнула Мод с сияющими от радости глазами. Пожалуйста, прочтите нам про этого замечательного Дудочника! *
  - Да зачем? в один голос спросили обе приятельницы.
- Видите ли, дело в том, пояснила Мод, что Фрэнк вы знаете, это мой муж приехал на маскарад в Сент-Олбенс в наряде Гэмлинского Дудочника. Я и понятия не имела, что это связано с Броунингом.
- И как же он оделся? спросила миссис Бичер. Мы приглашены на костюмированный бал к Астонам, и мне бы хотелось придумать что-нибудь для Джорджа.
- Это был восхитительный наряд! Красно-чёрный знаете, как у Мефистофеля? и остроконечная шляпа с колокольчиком на тулье. Ещё у него, конечно, была флейта, а к поясу на тонком длинном до полу шнурке была привязана набитая опилками крыса.
  - Крыса! Какой ужас!
- Ну, вы же помните такую сказку. Все крысы шли за Дудочником, и эта крыса шла за Фрэнком. Во время танцев он клал её в карман, но один раз он забыл и наступил на неё, так

 $^{^*}$ Данный персонаж скорее известен русскому читателю как «Гаммельнский Крысолов», но мы предпочитаем оставить в конан-дойлевском контексте английское звучание. (Π . Γ .)

что все опилки просыпались на пол.

Миссис Хант-Мортимер также оказалась приглашена на костюмированный бал, и мысли её блуждали далеко от раскрытой книги.

- А в каком наряде пришли вы, миссис Кросс? поинтересовалась она.
- Я изображала Ночь.
- Да? Но у вас же светлые волосы.
- И папа сказал, что я была не очень тёмной ночью. Я была в чёрном, в своём, знаете, обычном шёлковом чёрном платье. На голове у меня был серебряный полумесяц, на волосах чёрная вуаль, по всему платью звёзды, а на груди комета. За ужином папа пролил на меня чашку молока, и потом он смеялся, что это Млечный Путь.
- Просто возмутительно, что мужчины способны шутить над столь важными вещами, сказала миссис Хант-Мортимер. Нисколько не сомневаюсь, дорогая, что ваш наряд был чрезвычайно эффектным. А я подумываю одеться как Герцогиня Девонширская.
  - О, восхитительно! в один голос воскликнули миссис Бичер и Мод.
- Это не очень трудный костюм, знаете ли. У меня есть немного старого алансонского кружева – этой фамильной реликвии более ста лет. Она-то и навела меня на мысль о таком костюме. Мантия не должна быть очень сложной...
  - Шёлк! подсказала миссис Бичер.
  - Мне кажется, что расшитая белыми цветами парча...
  - О, да, с перламутровой отделкой...
  - Нет, нет, дорогая. На отделку пойдёт моё кружево.
  - Ах да, конечно, вы же говорили.
  - А затем здесь муслиновая кружевная косынка.
  - О, как изысканно! восхитилась Мод.
- Талия высокая, рукава с кружевными гофрированными манжетками. Ну и, конечно же, эффектная шляпка вы понимаете, что я имею в виду с закрученным страусовым пером.
  - И обязательно напудренные волосы, вставила миссис Бичер.
  - Напудренные и завитые колечками.
- Это подойдёт вам вы будете великолепны. С вашим ростом и прекрасной фигурой. Жаль, что я не так уверена в своём наряде!
  - А что вы задумали, дорогая?
  - Я выбрала Офелию. Насколько это удачно?
  - Вполне. Вы продумали детали?
- Конечно, моя дорогая, сказала миссис Бичер, возвращаясь к своей милой, доверительной манере, у меня есть кое-какие задумки, но я бы очень хотела узнать ваше мнение. Я видела «Гамлета» лишь однажды, и дама была одета в белое, а поверх накинута светлая, просвечивающая вуаль, скроенная на манер балахона монахини. И я подумала, что можно использовать белый шёлковый эпонж для нижнего платья, а сверху тонкий...
  - Крепдешин, подсказала Мод.
- Но во времена Офелии о таком материале и слыхом не слыхивали, возразила миссис Хант-Мортимер. – Паутинка из серебряной нити...
- Правильно! с восторгом вскричала миссис Бичер. И на ней немного драгоценных камней. Именно так я себе и представляла. Разумеется, покрой будет классический, с изящными складками моя портниха просто сокровище, она справится. И поверх белого шёлка я бы пустила золотую вышивку.
  - Вышивание шерстью, сказала Мод.
  - Либо простая вышивка крестом. И затем жемчужная тиара на голове. Шекспир...

При имени поэта все три дамы вздрогнули и одновременно почувствовали жесточайшие угрызения совести. Они с тревогой посмотрели друг на дружку, а затем – на часы.

- Нет, мы должны, мы непременно должны продолжить чтение! воскликнула миссис Хант-Мортимер. Почему мы вообще заговорили о платьях?
  - Это я виновата, с сокрушённым видом сказала миссис Бичер.
- Нет, нет, дорогая, это моя вина, поправила её Мод. Помните, всё началось с того, как я сказала, что Фрэнк пришёл на бал-маскарад в наряде Дудочника.
  - Я прочитаю сейчас первое стихотворение, которое мне попадётся на глаза, –

безжалостно заявила миссис Хант-Мортимер. – Боюсь, что мне уже почти пора итти, но давайте всё-таки пробежим пару страниц. Итак, вот! Сейчас! Сетебос! Какое смешное имя!

- Что оно значит? спросила Мод.
- Думаю, узнаем по ходу чтения, заверила миссис Хант-Мортимер. Будем читать строку за строкой, как договаривались, пытаясь максимально уяснить смысл. Первая строка гласит:

Узнать теперь, что дня жар лучше...

- Кому это узнать? удивилась миссис Бичер.
- Не знаю. Так здесь написано.
- Наверное, всё объяснено в следующей строке.
- -«И скучен мне...» Боже мой! Я и понятия не имела, что Броунинг был таким... э...
- Так прочитайте же нам, дорогая.
- Нет, право, я и в мыслях не могу себе такое позволить. Лучше мы перейдём к следующей строфе, если не возражаете.
  - Но мы торжественно клялись ничего не пропускать.
- Но зачем читать то, что ничему нас не учит и нисколько не возвышает? Давайте начнём со следующей строфы, и будем надеяться на лучшее. Итак, первая строка... Неужели же она в самом деле такая, как здесь написано?
  - Прочитайте, пожалуйста!
  - -«Сетебос и Сетебос и Сетебос».

Все три поклонницы поэзии Броунинга печально переглянулись.

- Это хуже, чем я только могла себе представить, призналась чтица.
- Мы просто обязаны пропустить эту строку.
- Но мы всё время только и делаем, что пропускаем.
- Так, по-видимому, зовут человека.
- Или трёх человек.
- Нет, думаю, только одного.
- Тогда зачем повторять его имя три раза?
- Для усиления.
- А может быть, предположила миссис Бичер, это был господин Сетебос, госпожа Сетебос и маленький Сетебос?
- Ну, знаете! Если вы собираетесь шутить и смеяться, то я не буду больше читать строку за строкой. Было бы понятнее читать предложение за предложением.
  - Правильно!
- Тогда мы включим сюда и следующую строку, которая заканчивает предложение. Вот она, слушайте:

Он мнит себя живущим в лунном свете.

- Так, значит, это был всё-таки *один* Сетебос! воскликнула Мод.
- Выходит, что так. Это нетрудно понять, если только передать обычным языком.
   Человек по имени Сетебос находился под впечатлением, что его жизнь проходила в свете луны.
  - Но это же какая-то бессмыслица! вскричала миссис Бичер.

Миссис Хант-Мортимер взглянула на неё с упрёком:

- Назвать непонятное бессмыслицей не составляет никакого труда, назидательно изрекла она. Я нисколько не сомневаюсь, что Броунинг выражает здесь какой-то глубочайший смысл.
  - И в чём он тогда заключается?

Миссис Хант-Мортимер взглянула на часы.

– Очень жаль, но я должна итти, – сказала она. – К сожалению, ничего не могу поделать, я уже и так сильно опаздываю. Крайне досадно, что я вынуждена уйти как раз тогда, когда мы так замечательно углубились в предмет. Вы придёте ко мне в следующую среду, дорогая

миссис Кросс, не так ли? И вы тоже, миссис Бичер? До свидания, очень вам благодарна за приятно проведённое время!

Но шелест её юбки ещё не успел затихнуть в коридоре, как Общество любителей броунинговской поэзии было распущено двумя третями голосов от общего числа членов.

- И, право, зачем всё это? воскликнула миссис Бичер. Из-за двух строчек у меня страшно разболелась голова, а тут извольте читать целых два тома.
  - Нам просто надо взять другого поэта.
  - Вместо Броунинга с его стихоплётством?
  - С его сетеботством.
- И очаровательная миссис Хант-Мортимер ещё утверждает, будто он ей нравится! Может быть, нам предложить на следующей неделе Теннисона?
  - Это было бы гораздо лучше.
  - Но ведь Теннисон совсем прост и понятен, правда?
  - Да, в самом деле.
  - Тогда зачем нам встречаться для обсуждения его, если обсуждать нечего?
  - Вы хотите сказать, что с таким же успехом мы можем читать его самостоятельно?
  - Думаю, так будет лучше.
  - Да, несомненно.

Таким-то образом, после одного часа сомнительной жизни, основанное миссис Хант-Мортимер Общество любителей броунинговской поэзии постигла безвременная кончина.*

1899 г.

(перевод Павла Гелевы)

^{*} Касательно глумливой критики некоторых читателей, спровоцированной моим демонстративным игнорированием «Гаммельнского Крысолова», имею сказать следующее.

При переводе данного места на русский налицо непреодолимая трудность: невозможно примирить умиление дамского персонажа своим «Крысоловом» с её же отвращением к «крысам». Поэтому аглицкий «Дудочник» в отличие от немецкого «Крысолова» в данном случае очень даже уместен и весьма и отменно удачен. Что за беда, если древненемецкая глупость произнесена в русском диалоге с английским акцентом? Ведь говорят-то там англичанки. Да и опять-таки выглядит «крысолов» в данном контексте, как ни крути, грубо и неуместно. «Дудочник» смотрится куда нейтральнее. Поэтому я и оставил всё в английском звучании.

[«]При том, что в общем и целом перевод неплох». Мне нет нужды в подобных высокомерных и снисходительных репликах. Не ради них или грошовых гонораров я брался за дело. Вся эта неказистая история только ещё раз, и с довольно неожиданного бока, показывает, что переводческий труд в наши дни — занятие крайне неблагодарное. Лично я, отныне и впредь — что называется — $умываю \, руки$. Пусть эти умники изучают все иностранные языки сами и сами всё себе под нос переводят! (Π . Γ .)

ДЬЯВОЛ ИЗ БОНДАРНОЙ МАСТЕРСКОЙ

Нелегко было подвести к берегу «Геймкок»: река принесла столько ила, что образовалась громадная мель, на несколько миль выходившая в Атлантический океан. Берег вырисовывался слабо. Когда первые пенистые волны показали нам опасность, мы пошли медленно, осторожно. Не раз мы задевали дном песок – глубина порой едва превышала шесть футов, – но удача сопутствовала нам, и мы потихоньку приближались к берегу. Когда же стало ещё мельче, из фактории навстречу нам выслали байдарку, и лоцман из племени крусов повёл нас дальше. Яхта бросила якорь приблизительно в двухста ярдах от острова: негр жестом объяснил, что нечего и думать подойти ближе. Морская лазурь в этом месте сменилась коричневатой речной водой. Даже под прикрытием острова волны ревели и кружились. Река казалась полноводной; уровень воды поднимался выше корней пальм, и течение несло куски брёвен, деревьев и всевозможные обломки.

Хорошенько закрепив якорь, я решил не мешкая пополнить запасы воды, потому как я понял, что эта местность источала лихорадку и задерживаться здесь неблагоразумно. Мутная река, илистые берега, яркая зелень, ядовитая растительность, заросли и туман — налицо все признаки опасности для человека, способного распознать их. Я велел поставить в шлюпку два пустых бочонка для воды. Мы запаслись бы питьём до самого Сен-Поля-де-Луанда. Сам я сел в маленький ялик и стал грести по направлению к острову. Над пальмами я видел развевающийся флаг Объединённого Королевства, который обозначал коммерческую станцию фирмы «Армитедж и Вильсон».

Ялик подходил, и я увидел саму станцию — длинное низкое строение, выбеленное извёсткой; вдоль его фасада тянулась широкая веранда, а по обеим сторонам виднелись наставленные одна на другую бочки с пальмовым маслом. Целый ряд челнов и байдарок тянулся вдоль морского берега; в реку вдавался маленький мол, на котором стояли двое в белых костюмах, подвязанных красными кушаками, и ждали меня. Один был полный человек с седой бородой. Другой, высокий и стройный, стоял в широкой, напоминавшей гриб шляпе, которая наполовину скрывала его бледное продолговатое лицо.

- Очень рад вас видеть, приветливо сказал этот последний. Я Уокер, агент фирмы «Армитедж и Вильсон». Позвольте представить вам также доктора Северола, моего товарища по службе. Нам нечасто случается видеть здесь частную яхту.
  - Это «Геймкок», ответил я. А я её владелец и капитан Мельдрем.
  - Исследователь?
- Лепидоптерист... иными словами охотник на бабочек. Я исследовал весь западный берег, начиная от Сенегала.
- И богатая у вас добыча? спросил доктор. Я заметил, что белки его глаз имеют желтоватый оттенок.
- Сорок полных ящиков! Сюда мы пристали, чтобы запастись водой и разузнать, нет ли чего-нибудь для меня интересного.

Пока мы беседовали, два молодых круса успели подтянуть мой ялик к берегу. Я ступил на мол, и мои новые знакомые закидали меня вопросами: белых они не видали уже много месяцев.

- Чем мы занимаемся? переспросил доктор, когда я, в свою очередь, стал расспрашивать его. О, дел у нас множество, и они отнимают у нас уйму времени. В свободные же минуты мы спорим о политике.
- Да, по особой милости Провидения, Северол отчаянный радикал, я же честный, неисправимый юнионист. Благодаря этому мы каждое утро спорим о местном управлении часа по два и более.
- И пьём виски с хинином. В настоящее время мы оба прямо-таки пропитаны лекарством, а нормальная температура тела доходила у нас в прошлом году до 40 градусов. Нет, что ни говорите, а устье Огоуэй-ривер никогда не сможет стать курортом.

Нигде не услышишь столько шуток, как в колониальной глуши: люди, идущие в авангарде цивилизации, привыкли говорить о своих бедах и печалях с юмором, черпая в добродушных остротах силы и мужество, чтобы противостоять ударам судьбы. В какие бы

уголки от Сьерра-Леоне и ниже я ни заглядывал, всюду в источающих лихорадку болотах я находил противоборствующие тропическому недугу уединённые общины и слышал всё те же мрачноватые шутки. Есть, право слово, что-то чуть ли не божественное в дарованной человеку способности господствовать над условиями собственной жизни и заставлять свой ум и дух презирать материальные лишения.

– Через полчаса будет готов обед, капитан Мельдрем, – сказал доктор. – Уокер займётся им: эту неделю его черёд исполнять обязанности экономки. А мы покамест, если угодно, прогуляемся: я покажу вам остров.

Солнце зашло за линию пальм, и свод неба представлялся внутренностью громадной нежно-розовой раковины. Тот, кто никогда не жил в тропических странах, где даже вес маленькой салфетки, лежащей у вас на коленях, становится нестерпимым, не может себе представить восхитительного облегчения, которое испытываешь, чувствуя свежесть вечера.

– У нашего острова есть романтический отпечаток, – сказал Северол, отвечая на моё замечание относительно однообразия их жизни. – Мы живём на границе неведомого. Там, в верховьях реки, – и его палец указал на северо-запад, – Дюшалью посетил внутренность материка и открыл гориллу; там Габон – страна больших обезьян. С этой стороны, – и он указал на юго-запад, – никто не проникал далеко. Местность, орошаемая нашей рекой, совершенно неизвестна европейцам. Стволы деревьев, которые несёт течением, приплыли из таинственной и неведомой страны. Когда я вижу удивительные орхидеи и необычные растения, принесённые водой на окраину острова, я сожалею, что не обладаю достаточными познаниями в ботанике.

Доктор указал на покатую отмель коричневого цвета, сплошь усеянную листьями, стволами и лианами. Её концы, выходившие в море, как естественные молы, образовывали маленький неглубокий залив, в центре которого плавал ствол дерева, окружённый вьющимися растениями.

- Все эти растительные остатки принесены с возвышенности, сказал доктор. Они будут плавать в нашем маленьком заливе до тех пор, пока новое наводнение не унесёт их в море.
  - Что это за дерево? спросил я.
- Кажется, что-то вроде приморского дуба; но он порядочно-таки истлел, если судить по его внешнему виду. Не пойти ли нам дальше?

Он привёл меня в длинное строение, где было разбросано много клёпок и обручей.

– Вот это наша бондарная мастерская, – сказал доктор. – Бочки мы получаем в разобранном виде и сами собираем их. Скажите, вы не замечаете здесь ничего зловещего?

Я посмотрел на высокую крышу из гофрированного железа, деревянные струганые стены, на земляной пол. В одном из углов я заметил матрац и шерстяное одеяло.

- Нет, не вижу ничего страшного, ответил я.
- Знаете, мы столкнулись тут с чем-то необычайным. Видите эту постель? Я намерен нынче ночевать здесь и без хвастовства скажу, что это будет серьёзное испытание для человеческих нервов.
  - Что же здесь происходит?
- Что происходит? Вы недавно говорили об однообразии нашей жизни; так вот, уверяю вас, что в ней порой случаются престранные вещи. Но давайте вернёмся в дом, потому что после захода солнца от болот поднимается туман, который источает лихорадку. Смотрите: вон сырость уже тянется через реку.

В самом деле, длинные щупальца белого пара, изгибаясь, вытягивались из чащи низких кустов и зарослей и ползли к нам над широкой и взволнованной поверхностью коричневой реки. В воздухе ощущалась тяжёлая влажность.

– Вот и обеденный гонг, – сказал доктор. – Если таинственные и непонятные явления вас интересуют, то поговорим позже.

Конечно же, эти явления меня интересовали, потому что выражение лица доктора, испугавшегося пустой мастерской, сильно подействовало на моё воображение. Это был грубоватый, добродушный человек, но он не переставал осматриваться по сторонам, и в его глазах я подмечал странное выражение, — не страх, а скорее тревогу человека остерегающегося.

- Кстати, сказал я, когда мы шли к дому, вы показали много хижин ваших туземцев, но я не видел ни одного из чёрных.
  - Они сейчас все спят вон на том понтоне, сказал доктор.
  - Вот как? К чему же им тогда дома?
- Ещё совсем недавно они в них жили. На понтоне мы поместили их до поры до времени: хотим, чтобы они немного успокоились. Негры чуть не обезумели от ужаса, и нам пришлось отпустить их. Только мы с Уокером и ночуем на острове.
  - И что их так испугало?
- Мы возвращаемся всё к тому же разговору. Не думаю, чтобы Уокер возражал, если я расскажу вам, что у нас, собственно, произошло. С какой стати нам делать из этого тайну? Несомненно, это очень неприятная история... сказал Северол и погрузился в молчание.

Не обмолвился доктор ни словом и за обедом, устроенным в мою честь. Обед, надо сказать, удался на славу: складывалось такое впечатление, будто эти милые люди, едва «Геймкок» показался против мыса Лопес, принялись готовить свой знаменитый суп из груш и варить сладкие бататы. Да, на столе у нас были самые вкусные местные блюда, какие можно пожелать. Прислуживал нам «бой» из Сьерра-Леоне, великолепный представитель своей расы. Едва я успел подумать, что, по крайней мере, этот малый не поддался общей панике, как он, поставив на стол десерт и вино, поднёс руку к тюрбану.

- Другого дела нет, масса Уокер? спросил он.
- Нет, Мусса, кажется всё, ответил хозяин. Но сегодня мне нездоровится, и я хотел бы, чтобы ты остался на острове.

На лице африканца я увидел признаки борьбы между страхом и долгом. Кожа его окрасилась в тот бледно-пурпурный оттенок, который у негров соответствует бледности, а в глазах промелькнуло выражение ужаса.

- Нет, нет, масса Уокер, вскричал он в конце концов, лучше вы ходить со мной на понтон, масса. Я вас лучше сторожить на понтон, масса.
  - Не годится, Мусса. Белые не покидают своего поста.
- Я снова увидел на лице негра отчаянную внутреннюю борьбу; и опять страх одержал верх.
- Не надо, масса Уокер. Простить меня... Я не могу сделать так... Вчера да... Или завтра да... А сегодня быть третяя ночь... И я не иметь силы...

Уокер пожал плечами.

- Ну, так уходи. С первым же пароходом ты можешь вернуться в Сьерра-Леоне. Мне не нужен слуга, который бросает меня в ту минуту, когда он больше всего нужен. Полагаю, капитан Мельдрем, всё это для вас загадка... Если только от доктора вы не узнали, что...
- Я показал капитану мастерскую, но ничего не рассказал, заметил доктор Северол. –
   Мне кажется, вы нездоровы, Уокер, прибавил он, вглядываясь в лицо своего товарища. Без сомнения, у вас приступ лихорадки.
- Да, меня целый день знобило, и теперь какая-то тяжесть давит на плечи. Я принял десять гран хинина, и голова у меня гудит, как наковальня. Но я всё равно переночую с вами в бондарной мастерской, Северол.
- Нет, нет, дружище. Вы должны немедленно лечь. Мельдрем извинит вас. Я останусь в мастерской и приду, чтобы дать вам лекарство перед первым завтраком.

Очевидно, у Уокера начался один из припадков перемежающейся лихорадки, которая стала бичом западного побережья Африки; его посинелые щёки покраснели, глаза заблестели, и он глухим голосом находящегося в бреду человека вдруг принялся стонать какую-то песню.

– Пойдёмте, старина, мы уложим вас, – сказал доктор.

Мы отвели Уокера в его комнату, раздели и дали ему сильного успокоительного; он забылся глубоким сном.

- Теперь он спокоен на всю ночь, сказал доктор, когда мы вернулись к столу и снова наполнили стаканы. То у него, то у меня делается лихорадка; к счастью, мы ещё никогда не заболевали разом. Мне было бы неприятно, если бы я сегодня свалился, потому что мне нужно разгадать одну маленькую загадку. Вы ведь уже знаете, что я собираюсь ночевать в нашей мастерской?
  - Да, знаю.

- Когда я говорю «ночевать», я подразумеваю «сторожить». На острове царит такой страх, что никто из туземцев не остаётся на берегу после захода солнца. Сегодня ночью я хочу выяснить причину всеобщего ужаса. Прежде туземный сторож спал в нашей бондарне, чтобы кто-нибудь не украл ободьев бочек. И вот шесть дней тому назад он бесследно исчез. Престранное это было событие: все челны оставались на местах, а в воде слишком много крокодилов, чтобы кто-нибудь решился пуститься вплавь. Что сделалось с ним и каким образом он исчез с острова остаётся тайной. Мы с Уокером удивились, а чернокожие испугались, и между ними начали ходить странные рассказы о колдовстве. Но настоящая паника началась, когда на третью ночь исчез второй сторож.
  - Что с ним приключилось? спросил я.
- Мы не только не знаем этого, но у нас нет даже мало-мальски правдоподобного предположения. Негры клянутся, что в нашу бочечную мастерскую каждую третью ночь является страшный демон, который требует человеческую жертву. Они ни в какую не желают оставаться на острове, ничем их не переубедишь. Даже Мусса, вполне преданный слуга, оставил, как вы видели, больного хозяина на произвол судьбы. Если мы хотим спасти нашу станцию, то должны успокоить их, и я нахожу, что лучшее средство это самому переночевать в мастерской. Сегодня третья ночь, и что-то должно произойти.
- И у вас нет никаких улик? спросил я. Не осталось ли следов борьбы, пятен крови, наконец, отпечатков ног на полу, того, что могло бы дать косвенные намёки, с какого рода опасностью вам придётся столкнуться?
- Ничего подобного у нас нет. Исчезли два негра, вот и всё. Вторым был старый Али, присматривавший за гаванью с тех пор, как существует станция. Я всегда считал его твёрдым, как скала, и обратить его в бегство могло лишь что-то поистине ужасное.
- Сдаётся мне, заметил я, что эта задача не по плечу одному человеку. Коли ваш друг находится под действием опия и не сможет прийти вам на помощь, то позвольте мне провести с вами эту ночь в мастерской.

Северол благодарно протянул мне через стол руку.

- Весьма великодушное предложение с вашей стороны, Мельдрем. Я не решился бы просить вас об этом, потому что не пристало быть навязчивым с гостем. Но если вы говорите серьёзно...
- Вполне серьёзно. И если вы подождёте ещё несколько минут мне надо сообщить на яхту, чтобы меня не ждали, то я буду к вашим услугам.

Когда мы шли обратно по маленькому молу, нас поразило ночное небо. Страшные гряды тёмно-синих облаков громоздились со стороны материка. Ветер, дувший из Африки, обдавал нас горячим дыханием; казалось, будто жар исходит от большого очага.

— Ого, — сказал Северол, — вероятно, в довершение беды начнётся ливень. Если уровень воды в реке поднимается, это означает, что на возвышенностях идёт дождь, а раз начинается дождь, никогда не знаешь, сколько времени он продлится. Недавно наводнение чуть не затопило весь остров. Пойдёмте проведаем Уокера, а потом уж расположимся на ночь.

Больной спокойно спал; мы поставили подле него лимонный сок, выдавленный в стакан, чтобы в случае пробуждения он мог напиться, а затем направились к мастерской, окутанные зловещей тенью грозных туч. Вода в реке поднялась очень высоко и залила оба мыса, так что бухта почти исчезла.

– Наводнение будет нам весьма кстати, – сказал доктор. – Оно смоет с берега растительный мусор, который из-за подъёма воды принесло с верховий реки. Но вот и наше пристанище. Вот книги. Здесь табак. Постараемся провести ночь как можно приятнее.

При свете единственного фонаря большая комната показалась мне жалкой и мрачной. Кроме составленных стопами клёпок и груд обручей в ней совершенно ничего не было, разве только в углу лежал ещё матрац доктора. Две бочки мы приспособили как стулья и уселись на них для долгого бдения. Северол принёс для меня револьвер, а для себя — двуствольное ружьё. Зарядив оружие, мы положили его под рукой. Маленький кружок света в этой темноте выглядел таким печальным, что мы отправились домой и захватили ещё пару свечей.

Доктор, у которого, казалось, были стальные нервы, взял книгу и принялся читать, но я видел, что время от времени он опускал её на колени и внимательно осматривался по сторонам. Два-три раза я также пробовал приняться за чтение, но не мог сосредоточиться.

Мысли мои постоянно возвращались к нашей большой, пустой, безмолвной комнате и зловещей тайне, связанной с нею. Мой ум силился построить теорию, которая бы объяснила исчезновение двух человек. Но всё было напрасно: оставался лишь неоспоримый факт, что они пропали, и никакого намёка на то, куда и каким образом. И вот мы сидим в том же месте и ждём, не имея ни малейшего понятия, с какой опасностью нам предстоит иметь дело. Я был прав, сказав, что затея эта не по плечу одному человеку. Но даже и вдвоём мы чувствовали себя не очень уверенно: не будь рядом товарища, никакая сила на свете не заставила бы меня усидеть в этой комнате и одной минуты!

Скучная, бесконечная ночь! Там, за стенами, журчала река и стонал ветер. Внутри слышалось только наше дыхание, шелест перелистываемой доктором страницы да пронзительный писк случайного комара. Вдруг Северол опустил книгу и стремительно поднялся, пристально глядя на окно. У меня замерло сердце.

- Вы ничего не заметили, Мельдрем?
- Нет, а вы?
- Мне показалось, что подле окна что-то движется.

Он взял ружьё и подошёл к окну.

- Ничего не видно, но я готов поклясться, что слышал, как что-то медленно двигалось вдоль стены.
- Может быть, это был пальмовый лист? предположил я, поскольку ветер с каждой минутой становился всё неистовей.
- Вполне возможно, ответил доктор и снова сел, взявшись за книгу, но его глаза постоянно поднимались и подозрительно поглядывали на окно. Я тоже прислушивался. Но снаружи всё было спокойно.

Внезапно наступила гнетущая тишина, и вслед за тем мгновенно разразилась тропическая буря, что совершенно изменило ход наших мыслей. Сверкнула молния, осветившая нас магическим светом, и тотчас же загрохотал гром, от которого задрожала мастерская. Снова и снова вспыхивала молния, и ей вновь и вновь вторил гром, до основания сотрясавший наше пристанище. Вспышки призрачного света и чудовищный грохот напоминали канонаду адской артиллерии. И, наконец, хлынул тропический ливень, яростно стуча по гофрированной железной крыше. Огромная пустая комната грохотала и гудела, как барабан. Из наружной тьмы возникла непостижимая смесь звуков – капанье, бульканье, лопанье, звяканье, всплески, хлюпанье, журчанье, – хор звуков, которые способна произвести вода, резвящаяся на просторе, от шелеста и стука дождевых капель до низкого и ровного гудения реки. С каждым часом рёв стихии становился громче и сокрушительней.

Честное слово, – пробормотал Северол, – это наводнение, наверное, не имеет равных.
 Но, слава Богу, вот и заря. По крайней мере, нам удастся опровергнуть нелепую сказку о третьей ночи.

Сероватый свет украдкой проник в мастерскую, и почти сразу рассвело. Дождь ослабел, но тёмные воды реки неслись, точно водопад. Я забеспокоился о корабле: не лопнул бы якорный канат.

- Мне нужно отправиться на борт, сказал я, если яхта сорвётся с якоря, ей ни за что не удастся пойти вверх по течению.
- Этот остров всё равно, что плотина, ответил доктор. Если вам угодно пройти в дом, я угощу вас чашкой кофе.

Продрогший и жалкий, я с благодарностью принял его предложение. Так ничего и не выяснив, мы вышли из злополучной мастерской и под проливным дождём направились к дому.

– Вот спиртовая лампочка, – сказал Северол. – Пожалуйста, зажгите её, а я пойду взглянуть на бедного Уокера.

Не успел он выйти, как тут же вернулся с лицом, искажённым от ужаса:

− Он мёртв! – хрипло крикнул доктор.

Меня как громом поразило: я замер с лампой в руках и широко раскрытыми глазами смотрел на Северола.

– Да, он мёртв, – повторил он, – убедитесь сами.

Ни слова не говоря, я последовал за ним. Войдя в комнату, я прежде всего увидел

Уокера. Он лежал поперёк кровати в том же самом фланелевом костюме, в который я помог Северолу переодеть его. Ноги и руки несчастного были раскинуты.

– Да нет же, он жив! – прошептал я.

Доктор был страшно возбуждён, руки его дрожали, как листья на ветру.

- Смерть наступила несколько часов назад.
- От лихорадки?
- От лихорадки?! Посмотрите на его ноги!

Я посмотрел и вскрикнул. Одна из ног несчастного не только выскочила из сустава, но и совершенно вывернулась самым неестественным образом.

– Боже праведный! – вскричал я. – Кто мог совершить такое злодеяние?!

Северол положил руку на грудь трупа.

- Пощупайте, - прошептал он.

Я дотронулся до груди: она не представляла никакого сопротивления. Всё тело было какое-то рыхлое, мягкое, уминалось от малейшего нажатия, как кукла, набитая отрубями.

- Грудная клетка раздавлена, размолота, продолжал Северол, тем же глухим, полным ужаса шёпотом. Слава Богу, что несчастный спал под влиянием опия. По его лицу видно, что смерть застигла его во сне.
  - Но кто же, кто совершил это ужасное преступление?
- Всё! Не могу больше! сказал доктор, вытирая лоб. Не считаю себя особенным трусом, но это выше моих сил. И если вы возвращаетесь на «Геймкок», я иду с вами.
- Идёмте же, сказал я, и мы вышли из дома. Если мы и не побежали сломя голову, то лишь потому, что каждый хотел сохранить перед другим хотя бы тень достоинства.

Нелегко было плыть по бешеной реке в лёгкой байдарке, но это нас ничуть не беспокоило. Доктор вычерпывал воду, я же грёб, – так мы продвигались вперёд и ухитрялись удерживать наше утлое судёнышко на плаву. Вот мы, наконец, стоим на палубе яхты. Только теперь, когда двести ярдов легли между нами и проклятым островом, мы смогли перевести дух.

- Через пару часов нам придётся вернуться, сказал Северол, и для этого нужно немного притти в себя. Готов отдать своё годовое жалованье, лишь бы мои чернокожие не увидели, каков я был несколько минут назад.
- Скажу стюарту, чтобы приготовил нам завтрак. А после мы можем вернуться, ответил я. Но, ради Бога, доктор, как объясните вы случившееся?
- Ничего не понимаю... Я кое-что слышал о колдовской практике среди чернокожих всю эту чертовщину они называют «вуду» и смеялся над нею вместе с остальными. Но то, что бедняга Уокер пристойный, богобоязненный англичанин умрёт в девятнадцатом веке столь чудовищной смертью и что в нём не останется ни единой целой кости это жестокий удар для меня... Однако, что такое с вашим матросом, Мельдрем? Пьян он, что ли? Сошёл с ума или что-то там ещё?

Петерсон, самый старый матрос на моей яхте, человек, способный волноваться не больше египетских пирамид, давно стоял на носу и багром отпихивал обломки брёвен, плывшие по течению. Теперь же, согнув колени, с расширенными от ужаса глазами, он яростно бороздил воздух указательным пальцем и вопил:

– Смотрите! Смотрите!

И мы увидели.

Исполинский ствол плыл по реке, волны лизали гребень его чёрной коры. И спереди, выставляясь над водой фута на три, как носовое украшение на корабле, из стороны в сторону раскачивалась страшная голова. Плоская, свирепая, огромная как пивная бочка, она цветом напоминала поблёкший гриб, а на её шее виднелись чёрные и светло-жёлтые пятна. В тот момент, когда среди водоворота ствол прошёл перед яхтой, я увидел, как в дупле старого дерева развернулись два громадных кольца. Отвратительная голова внезапно поднялась на восемь или девять футов, глядя на «Геймкок» немигающими, туманными глазами. Ещё миг – и дерево, пронесясь со своим ужасным обитателем мимо нас, исчезло в Атлантическом океане.

- Что это? спросил я.
- Злой дух нашей мастерской, ответил Северол, вновь становясь вчерашним болтуном.

– Это и есть дьявол, посещавший наш остров, – большой габонский питон!

Я вспомнил, что слыхал на побережье рассказы о чудовищных змеях — боа, живших в глубине страны, о голоде, периодически просыпавшемся в них, и о силе их смертоносных объятий. И тут я всё понял. Неделю назад было наводнение, оно и принесло на остров дуплистое дерево и его страшного обитателя. Ствол остался в маленькой бухте, а мастерская была ближе всего к жилищу змеи. И когда в питоне просыпался голод, он уносил сторожей. Конечно, он вернулся и в последнюю ночь, когда Северолу показалось, будто что-то двигалось за окном. Это чудовище вползло в дом и раздавило несчастного Уокера, когда он спал.

- Почему питон не унёс его? спросил я.
- Должно быть, молния и гром испугали гадину. Но вот и наш завтрак, Мельдрем! Чем скорее мы позавтракаем и вернёмся на остров, тем будет лучше, не то эти негры подумают, будто мы испугались.

1908 г.

(перевод Павла Гелевы)

ТРИ КОРРЕСПОНДЕНТА

Среди чёрных скал и красно-жёлтого песка виднелась маленьким пятнышком зелёная пальмовая роща. Оазис расположился на самом берегу Нила, который быстро нёс свои чёрные волны к Амбигольскому водопаду. Там и сям из реки высовывались большие белые валуны. Солнце в ослепительной синеве небес жгло песок, по которому двигались всадники в полотняных шлемах. Они изнывали от зноя.

- Да! произнёс Мортимер, утирая лоб. В Лондоне за этакую баню заплатишь по крайней мере шиллингов пять.
- Именно, ответил Скотт, но зато в турецкой бане не нужно ехать 20 миль верхом с револьвером и подзорной трубой через плечо, да с бутылкой для воды у пояса. Посмотрите, как мы обвешаны, точно рождественские ёлки. Право, Мортимер, будет недурно, если мы остановимся в этой пальмовой роще и пробудем в ней до вечера.

Мортимер поднялся на стременах и начал вглядываться в южном направлении. Повсюду виднелись те же скалы и тот же красный песок. Только в одном месте это безотрадное однообразие нарушалось странной бугорчатой линией, тянувшейся вдоль Нила и скрывавшейся за горизонтом. Это была старая железная дорога, давно уже разрушенная арабами, но которую теперь восстанавливали англичане. Других следов человека в этой пустыне не было.

- Кроме пальмовой рощи негде приткнуться, сказал Скотт.
- Да, придётся отдохнуть, ответил Мортимер. Но, право, мне досадно за всякий час промедления. Что скажут наши редакторы, если мы опоздаем к сражению? Нам надо торопиться догнать войска.
- Ну, дорогой коллега, вы-то старый журналист, и неужели мне надо объяснять вам, что ни один современный генерал, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, не станет атаковать врага, пока пресса не прибудет к месту действия?
- Вы, конечно, шутите? спросил молодой Энерли. На нас, я думаю, смотрят только как на необходимое зло.
- Знаю, знаю, засмеялся Скотт. В «Карманной книжке солдата», составленной лордом Вольслеем, о газетных корреспондентах говорится как о бесполезных трутнях. Но ведь это, Энерли, всё не искренно.

И подмигивая из-под своих синих очков он прибавил:

- Поверьте мне, если бы предстояло сражение, то к нам прислали бы целый отряд кавалерии с просьбой поторопиться. Я был в пятнадцати сражениях, и всегда эти старые генералы старались обеспечиться газетными репортёрами. Надо же, чтобы их кто-нибудь прославлял
  - Hv, а если враги нападут на наши войска неожиданно, тогда что?
  - Этого не может быть. Арабы слишком слабы, чтобы начинать сражение первыми.
  - Стычки, во всяком случае, могут произойти, продолжал настаивать Мортимер.
- Если будет стычка, ответил Скотт, то вероятнее всего в тылу, в арьергарде. А мы как раз здесь и находимся.
- И то правда. Мы, стало быть, в более выгодном положении, нежели корреспондент агентства «Рейтер», ответил Мортимер. А он-то думал обогнать нас всех и уехал с авангардом. Ну, так и быть, я согласен; раскидывайте шатры, будем отдыхать под пальмами.

Корреспондентов было всего трое, и они представляли три большие ежедневные газеты Лондона. Представитель «Рейтера» был в тридцати милях впереди, а корреспонденты двух вечерних пенсовых газет плелись на верблюдах в двадцати милях позади. Эти три корреспондента представляли собою избранную английскую публику, представляли многие миллионы читателей, уплативших расходы на их экспедицию и ожидавших от них новостей.

Наши служители прессы были примечательные люди. Двое из них уже ветераны, поседевшие в боях, а третий только начинал карьеру. К своим знаменитым товарищам он питал глубокое уважение.

Первого, который только что слез со своего гнедого коня, звали Мортимер. Он был представителем газеты «Интеллидженс». Высокий, статный господин с соколиным взором, он

выглядел молодцом в своей светло-жёлтой блузе, верховых панталонах, коричневых гетрах и с красной перевязью через плечо. Кожа у Мортимера загорела и была красная, точно шотландская сосна; солнце, ветер пустыни и москиты сделали эту кожу недоступной внешним влияниям.

Скотт служил корреспондентом газеты «Курьер». Это был маленький, живой человечек, черноволосый и с кудрявой бородой. В его левой руке виднелся неизменный веер, которым он отмахивался от москитов и мух. Это был замечательный, несравненный корреспондент, уступающий разве только знаменитому Чандлеру. Но тот уже успел состариться и давно находился на покое.

Мортимер и Скотт были, собственно говоря, двумя противоположностями, и, должно быть, в этом и заключалась главная тайна их тесной дружбы. Они как бы дополняли друг друга. То, чего не хватало одному, находилось в избытке у другого. Мортимер был медленный, добросовестный и рассудительный англосакс. Скотт — быстрый, удачливый и блестящий кельт. Мортимер был солиден, Скотт вызывал симпатию. Мортимер умел глубоко думать, а Скотт блестяще говорить. Оба были нелюдимы. Военными корреспондентами они состояли давно, но, по странному совпадению, им до сих пор не приходилось работать вместе. Благодаря этому, они вдвоём написали всю новую военную историю. Скотт был под Плевной, под Шипкой, видел войну с зулусами, Египет и Суаким. Мортимер был на бурской войне, ездил в Чили, Болгарию, Сербию и описал как очевидец войны на индейской границе бразильское восстание и события на Мадагаскаре. Всё это они видели собственными глазами, и поэтому было очень интересно слушать их разговоры: в них не было ничего теоретического. Зачем же им было делать предположения и строить догадки, когда они видели всё собственными глазами?

Несмотря на тесно связывавшую их дружбу, Мортимер и Скотт не переставали соперничать между собою. Каждый из них готов был жизнью пожертвовать для приятеля, но этого приятеля он готов был ежеминутно принести в жертву собственной газете. Если Мортимер мог устроить таким образом, чтобы в «Интеллидженс» появился полный отчёт о каком-нибудь деле в то время, как в «Курьере» об этом не было ни строчки, он непременно так и поступал, самым безбожным образом надувая друга и приятеля. Скотт платил Мортимеру тою же монетой, и это считалось у них в порядке вещей.

Третьим в этой небольшой компании был Энерли – молодой, неопытный и простоватый на вид корреспондент «Ежедневной газеты»; глаза у него были вялые, сонные, а нижняя губа отвисла. Даже закадычные приятели считали Энерли чем-то вроде дурачка. Энерли любил военное дело и два раза корреспондировал об осенних манёврах. Описание этих манёвров было довольно живописное, и по этому случаю владельцы «Ежедневной газеты» решили испытать его в качестве специального военного корреспондента.

Мортимер и Скотт глядели на простоватого молодого человека свысока и часто над ним подсмеивались. Впрочем, они его любили. Да и как было не любить товарища, который не представлял для них никакой опасности? А не боялись они его вот почему: Энерли ехал на плохонькой сирийской лошадке, за которую он заплатил пятнадцать гиней и тридцать шиллингов. Мортимер же и Скотт сидели на великолепных скаковых пони. Ближайшая телеграфная станция была позади, в Саррасе. Разве мог Энерли поспеть за пони и отправить в одно время с ними телеграмму о военных событиях, если таковые будут иметь место?

Все трое корреспондентов слезли с лошадей и ввели их под тень пальм.

- Пальма это прекрасная вешалка, произнёс Скотт, вешая револьвер и бутылку на небольшие веточки, росшие у ствола пальмы. – Впрочем, тень пальмы ещё не особенно важное кушанье: для тропиков можно было изобрести что-нибудь получше, и я удивляюсь, как это ничего не изобрели.
  - Вот взять хотя бы банан в Индии, сказал Мортимер.
- Или, например, есть такие деревья в стране ашанти. Под таким деревом может свободно пообедать полк солдат.
- Недурно тоже вот и в Бирме тиковое дерево. Однако, чорт возьми, наши холодные консервы совсем растаяли в седле. Эти консервы не годятся для здешнего климата. Кстати, Энерли, где же ваш багаж?
  - Багаж придёт через пять минут.

Вдоль по извилистой тропинке между скал двигался маленький караван нагружённых верблюдов. Животные неспешно шли переваливающейся походкой и величественно поглядывали по сторонам. Впереди ехали на ослах трое берберов, а сзади шли погонщики верблюдов. Караван с утомительной медленностью двигался в течение девяти долгих часов с восхода месяца, делая лишь по две с половиной мили в час.

При виде пальмовой рощицы и рассёдланных лошадей, все — и люди и животные — повеселели. В несколько минут багаж с верблюдов был снят, верблюды рассёдланы, костры разведены, из реки принесли свежей воды и животным задали корм, положив его перед каждым на подстилке, так как ни один благовоспитанный арабский верблюд не станет есть без полстилки.

Там, на дороге — ослепительный блеск солнца; здесь, под деревьями — мягкие полутона. Зелёные листья пальм резко вырисовываются на фоне ясного, безоблачного неба. Слуги и арабы быстро и бесшумно снуют взад-вперёд, дрова в костре потрескивают, лёгкий дымок тянется вверх. Тут же вблизи мирные и глуповатые физиономии жующих верблюдов. Кто хоть раз в жизни собственными глазами видел эти картины, тому они вечно будут сниться.

Скотт принялся готовить яичницу и запел какую-то любовную песню. Энерли начал разыскивать нужные консервы. Он рылся в сосновом ящике, наполненном до верху жестянками со сгущённым супом, ростбифом, цыплятами и сардинами. Добросовестный Мортимер разложил перед собой записную книжку и стал записывать свой вчерашний разговор с одним железнодорожным инженером.

Подняв на минуту глаза, он вдруг увидел своего вчерашнего собеседника. Тот нёсся на своём караковом пони, направляясь к пальмам, под которыми сидели корреспонденты.

- Вот тебе раз! Ведь это же Мерривезер!
- А глядите-ка, как взмылена лошадь под ним. Совершенно очевидно, что он заставил её скакать несколько часов кряду. Эй, Мерривезер, остановитесь!

Мерривезер, плотный человек маленького роста с рыжей бородой клином, мчался мимо, по-видимому, не желая останавливаться и разговаривать с корреспондентами. Услышав крики, он перевёл лошадь на рысь и стал приближаться к пальмам.

– Ради Бога, дайте чего-нибудь выпить! – прохрипел он. – Язык у меня присох к нёбу.

Мортимер поспешно подал инженеру воды, Скотт принёс виски, а Энерли начал угощать его консервами. Инженер пил воду до тех пор, пока у него не захватило дух.

- Ну, а теперь мне надо ехать дальше, произнёс он, обтирая рыжие усы.
- Есть какие-нибудь новости?
- Вышла задержка в постройке дороги. Должен повидаться с генералом. Ведь полевого телеграфа нет. Это чорт знает, что такое!
- A нет ли чего для газеты? и из карманов корреспондентов разом, как по команде, выскочили три записные книжки.
  - Я сообщу вам новости, повидавшись с генералом.
  - О дервишах ничего не слышали?
  - Ничего особенного. До свидания, господа. Ну, вперёд, Джинни!

И лошадь снова двинулась в путь.

- Думаю, что и в самом деле ничего особенного, произнёс Мортимер, глядя вслед инженеру.
- А вот и нет, дело чертовски скверное! воскликнул Скотт. У нас подгорела яичница с ветчиной. Ах! нет, слава Богу, ошибся... Яичница спасена и даже вышла очень удачной. Энерли, сервируйте этот ящик в качестве стола, а вы, Мортимер, спрячьте вашу записную книжку. Теперь вилка должна быть важнее, чем карандаш. Что с вами Энерли? Чего вы сидите, разинув рот?
- Да я удивляюсь, неужто, в самом деле, этот разговор с инженером нужно передавать по телеграфу?
- А уж это должны решить сами редакторы. Названные копеечные соображения и расчёт не должны нас касаться. Мы должны стремиться к тому, чтобы не упустить чего-либо важного, это – наша обязанность.
  - Но что же, собственно, важного нам сообщил этот господин?
     Длинное и суровое лицо Мортимера озарилось улыбкой. Его забавляла наивность

молодого товарища.

– Наша профессия не такова, чтобы делать друг другу подарки, – произнёс он. – Впрочем, в виде исключения, пожалуй, прочту вам составленную мною телеграмму. Делаю я это только потому, что известие не представляет важности. Если б в виду имелось важное известие, будьте уверены, я бы вам ничего не сообщил.

Энерли взял поданный ему Мортимером клочок бумаги и прочитал:

«Мерривезер. Препятствие. Остановка. Отправился сообщить генералу. Устранение препятствий. Сущность дела позже. Слухи о дервишах».

Энерли поморщил лоб и произнёс:

- Что-то уж больно сжато.
- Сжато! расхохотался Скотт. Как раз наоборот, эта телеграмма до преступного многословна. Получи мой старик-редактор от меня такую писульку, он выругался бы так, что стены у него в кабинете покраснели б. Я бы сократил эту телеграмму наполовину. Слово «сообщить», например, совершенно лишнее. «Сущность дела» тоже. И однако мой старик не задумался бы сделать из этой телеграммы известие, по крайней мере, в десять строк.
  - Да ну? удивился Энерли.
  - Да, хотите, я вам импровизирую эту телеграмму? Дайте-ка карандаш.
  - И, поцарапав несколько минут в своей записной книжке, Скотт произнёс:
- Слушайте: «От нашего собственного корреспондента. Мистер Чарльз Мерривезер, выдающийся железнодорожный инженер, ведущий в настоящее время постройку линии от Сарасса к югу вдоль Нила, встретил на своём пути серьёзные препятствия, мешающие ему выполнить возложенную на него важную задачу». Как вы понимаете, редактор знает, кто такой Мерривезер и чем он здесь занят. Слово «препятствие» объяснит ему всё. Теперь слушайте дальше: «Сегодня мистер Чарльз Мерривезер должен был совершить верхом путешествие в сорок миль. Ему было совершенно необходимо посоветоваться с генералом по поводу мер, которые следует принять к устранению причин, мешающих дальнейшей постройке дороги. О сущности этих препятствий мы сообщим после. Коммуникационная линия спокойна, хотя слухи о присутствии дервишей на нашем восточном фланге продолжают циркулировать».

Дочитав до конца сочинённую им заметку, Скотт расхохотался и, демонстрируя ровные белые зубы, сказал:

- Вот и всё. Так именно и сочиняются самые новейшие известия для милых дурачков наших добрых читателей.
  - Но неужели такая заметка может быть интересна для публики?
- Для публики всё интересно. Эти люди хотят знать всё, и им ужасно нравится то, что на театре войны торчит человек, получающий сто фунтов в месяц только за тем, чтобы они, господа читатели, знали самые последние и самые свежие новости.
- Я очень благодарен вам за то, что вы открываете мне все эти профессиональные тайны, бывшие мне ранее недоступными.
- Да, по правде сказать, откровенничать у нас не принято, мы и собрались-то вместе для того, чтобы перещеголять друг друга... Однако яиц больше нет, и поэтому давайте есть варенье. Мортимер прав, говоря, что эта телеграмма не имеет никакого значения. Эта телеграмма хороша только в одном смысле. Она удостоверяет, что мы находимся в самом деле в Судане, а не в Монте-Карло. Но знайте, Энерли, что всякий из нас будет работать только на себя, когда начнутся серьёзные события.
  - Неужели это так необходимо?
  - Разумеется.
- A мне, напротив, кажется, что было бы гораздо лучше, если бы мы делились сведениями. Во-первых, соединив свои силы, мы гораздо легче сделали бы наше дело, да и время приятнее бы провели.

Старые корреспонденты жевали хлеб, намазанный вареньем, и слушали своего молодого товарища с явным неудовольствием.

– Ну, – возразил Мортимер, сверкая глазами из-под очков, – мы прибыли сюда не для того, чтобы забавляться. Каждый из нас хлопочет прежде всего о своей газете. Наши газеты конкурируют между собой. Как же они станут конкурировать, если мы, вместо того, чтобы

соперничать друг с другом, станем действовать заодно? Уж если действовать заодно, то почему же не соединиться и с «Рейтером»?

– Конечно, – воскликнул Скотт, – если привести ваш план в исполнение, Энерли, то профессия военного корреспондента утратит всякую прелесть. Теперь более ловкий успевает отправить телеграмму прежде своих товарищей, а тогда и ловкость окажется ненужной. Все будут делиться, и делиться поровну.

Мортимер взглянул сперва на великолепных скаковых пони, принадлежавших ему и Скотту, а затем на дешёвую сирийскую лошадь Энерли, и наставительно прибавил:

- Теперь победителем выходит человек, лучше других приготовившийся к событиям. И это справедливо. Пусть предприимчивость и предвидение получают достойную награду. Всяк за себя, и более способный побеждает. Надо, чтобы более способные выдвигались на первый план, а это возможно только при свободной конкуренции. Вспомните Чандлера. Он никогда бы не сделал карьеры, если бы не рассчитывал только на себя. Однажды он притворился, будто сломал себе ногу. Товарищ-корреспондент бросился за доктором, а Чандлер тем временем поспешил на телеграф и отправил первым депешу о событии.
  - Что же, по вашему мнению, это хорошо?
  - Конечно, наша работа заключается в неустанной борьбе.
  - А я считаю поступок Чандлера бесчестным.
- Да считайте себе на здоровье. Важно то, что газета Чандлера напечатала отчёт о сражении, а другие нет. Эта история сделала Чандлеру карьеру! воскликнул Скотт.
- Или вспомните Уэстлейка, заговорил Мортимер, набивая трубку. Эй, Абдул, убирай тарелки... Уэстлейк выдал себя за правительственного комиссара, воспользовался казёнными лошадьми и благодаря этому отправил в свою газету известие раньше товарищей. Газета в этот день издала полмиллиона экземпляров.
  - И это, по вашему мнению, хорошо? задумчиво спросил Энерли.
  - А почему нет?
  - Да ведь, помилуйте, это своего рода конокрадство. И потом этот Уэстлейк лгал...
- Ну, батенька, я готов и лошадь украсть или соврать, только бы доставить газете телеграмму в столбец и притом такую, какой в других газетах нет. Что вы скажете на это, Скотт?
  - Я готов на всё, кроме убийства, ответил тот.
  - Но и в этом я вам не поверю, шутливо заметил Мортимер.
- Ну извините, газетчика я ни за что не убил бы. На такое деяние я гляжу как на непозволительное нарушение профессиональной этики. Но другое дело, если между мною и телеграфной проволокой стоит простой смертный. О, этот смертный весьма должен опасаться за свою жизнь. Знаете, что я вам скажу, милый Энерли, скажу откровенно: если вы хотите делать эту работу и в то же время считаться с требованиями совести, то вы напрасно приехали в Судан. Сидели бы себе в Лондоне, так бы оно лучше было. Мы ведём неправильную жизнь. Работа газетного корреспондента ещё не приведена в систему. Верю, что в будущем условия нашей работы изменятся к лучшему, но это время ещё не пришло. Делайте, что можете и как можете, но всегда старайтесь попасть на телеграф первым. Вот вам мой совет. И, кроме того, когда вам придётся в следующий раз ехать на войну, заведите себе лошадь получше. Вы видите, какие у нас с Мортимером лошади? Мы можем состязаться друг с другом, но по крайней мере нам известно, что никто нас обогнать не может. Мы приняли свои меры, как видите.
- Ну, я далеко не так уверен, как вы, медленно проговорил Мортимер. Лошадь обгоняет верблюда на двадцати милях, но на тридцати верблюд обгоняет лошадь.
- Как такой верблюд может обогнать лошадь? с удивлением спросил Энерли, указывая на мирно лежавших верблюдов.

Корреспонденты весело расхохотались.

- Нет, нет, Энерли, не такой, а чистокровный, верховой, рысистый. На этих именно верблюдах дервиши и делают свои молниеносные набеги.
  - Неужто эти верблюды идут скорее лошадей?
- Они выносливее лошадей. Верблюд идёт всё время одним аллюром и не нуждается ни в отдыхе, ни в корме. Дурная дорога ему тоже нипочём. В Хальфе устраивали состязания на

далёкие расстояния между верховыми верблюдами и скаковыми лошадьми, и на тридцати милях верблюд выходил победителем.

- И всё-таки упрекать себя нам незачем. Нам едва ли предстоит тридцатимильное путешествие. Полевой телеграф будет готов к будущей неделе.
  - Так-то оно так. Ну, а что, если что-нибудь случится теперь?
- Верно, но поводов для беспокойства никаких. Эй, Абдул, начинай грузить верблюдов в пять часов. Часика три мы отдохнём. Ну что, иных вечерних пенсовых джентльменов * не видать?

Мортимер направил свой полевой бинокль на север и ответил:

- Не видать ещё.
- А то ведь пенсовые джентльмены способны путешествовать по такой жаре. С них станется! Осторожнее со спичками, Энерли, пальмовая роща – это тот же пороховой магазин. Берегись пожара! Ну, что ж, приятных сновидений!

И старые корреспонденты, надев на лица сетки от москитов, погрузились немедленно в глубокий сон. Люди, привыкшие к жаре, и на открытом воздухе засыпают быстро и легко.

Молодой Энерли стоял прислонясь к пальме и куря трубку. Он думал о советах, которые ему были только что преподаны. Несимпатичны ему были эти советы, но что же делать? Ведь у его коллег огромный опыт незаурядных военных корреспондентов. Не ему, новичку, учить их. Раз они действуют таким образом, то и он должен подражать их примеру. Спасибо им, по крайней мере, за откровенность. Они хоть научили его правилам игры, в которой он отныне участвует. С волками жить – по-волчьи выть.

Стоял знойный полдень, и холодные воды Нила манили к себе измученное тело. Но купаться во время жары в Африке опасно. Воздух был точно раскалён, и в нём гудели и жужжали невидимые насекомые. Это жужжание наводило сон. Ветра не было ни малейшего. Где-то вдали кричал удод. Энерли докурил трубку, выколотил золу и готовился лечь спать, как вдруг его глаза уловили в пустыне, по направлению к югу, какое-то движение.

К пальмам во весь дух мчался всадник. «Должно быть это гонец из армии», — подумал Энерли. Но как раз в эту минуту солнце осветило всадника, и его подбородок засиял золотом. Рыжая борода сразу же помогла Энерли угадать, кто это такой. Он узнал инженера Мерривезера, который возвращался. Но зачем, спрашивается? Ведь он так торопился увидеть генерала, а теперь возвращается, не достигнув цели своего путешествия. Неужели его лошадь отказалась итти дальше? Но нет, лошадь мчится во весь дух. Энерли взял бинокль Мортимера и ясно увидал галопирующую лошадь и утомлённого всадника на ней. Но куда же это он торопится?

В то время, как Энерли наблюдал в бинокль, всадник и лошадь нырнули в маленькую ложбинку и исчезли. Ложбинка эта была расположена у берега реки. Энерли продолжал глядеть в бинокль, ожидая появления всадника, но минута проходила за минутой, а его не было видно. Маленькая ложбинка точно поглотила инженера с его лошадью.

Вдруг Энерли вздрогнул. Он увидел между скал, около ложбины, серый дымок, который клубком полз по пустыне. Не медля ни минуты, он растолкал Мортимера и Скотта.

- Вставайте, господа, вставайте! Кажется, дервиши убили Мерривезера! закричал он. Оба корреспондента мигом вскочили и, схватившись за свои записные книжки, радостно воскликнули:
  - А представителя «Рейтера» как раз здесь и нет!
  - Мерривезер убит? Где? Когда? Как?

Энерли вкратце изложил им то, что видел.

- И вы не слыхали звука выстрела?
- Нет, не слыхал.

– Ну, это немудрено. Звук выстрела заглушается скалами. Но, господа, посмотрите, пожалуйста, на этих сарычей!

Две большие, чёрные птицы парили в голубом небе. Затем они стали описывать круги и спустились в маленькую ложбинку.

– Отлично! – произнёс Мортимер и, уткнув нос в книжку, стал составлять телеграмму в

^{*} Имеются в виду корреспонденты других вечерних газет. (Π . Γ .)

редакцию. Затем он прочёл телеграмму, которая гласила:

«Мерривезер обезглавлен дервишами. Возвращался, застрелен, изуродован. Коммуникационная линия прервана».

- Вы думаете, он был обезглавлен?
- Разумеется. Если убит, так и обезглавлен.
- Послушайте, Мортимер, ведь одни дервиши гнались за ним, а другие подстерегли его в ложбине? Стало быть, у них несколько маленьких партий.
  - По всей вероятности, так.
  - А почему вы написали, что он изувечен?
  - Мне не впервой воевать с арабами. Они всегда уродуют трупы.
  - Но куда вы собираетесь, Мортимер?
  - B Cappac.
  - И я с вами! воскликнул Скотт.

Энерли в каком-то остолбенении наблюдал за товарищами. Ликуя по случаю важных новостей, эти люди, по-видимому, совершенно забывали о собственном положении. И они сами, и их лагерь, и их слуги находились в пасти льва.

Пока корреспонденты разговаривали, в воздухе раздался жёсткий, неприятный звук выстрелов: «Тра-та-та-та-та!». И пули засвистели над их головами, сбивая листву с пальм. Испуганные слуги – их было шестеро – забегали взад и вперёд.

Командование принял на себя невозмутимый Мортимер. Скотт был слишком горяч для всего этого. Он трепетал в предвкушении важных событий, которые можно протелеграфировать. Холодный, суровый Мортимер скоро образумил перепуганных слуг.

- Тали хенна! Эгри! кричал он. Коего чорта вы испугались? Поставьте вперёд верблюдов! Так. Под ноги к ним поставьте ящики и чемоданы. Киэс! Или вы не слыхали никогда свиста пуль? Ослов ставьте вот сюда! Пони отведите назад. Не нужно, чтобы в них попали пули. Ну, эти арабы стреляют ещё хуже, чем десять лет назад.
- Однако вот этот выстрел удачен, произнёс Скотт. Совсем близко раздалось шлёпанье, точно в воду упал камень.
  - В кого попала пуля?
  - А вон в того чёрного верблюда, который жуёт жвачку.

Пока Скотт говорил, животное, продолжая жевать, положило шею на песок и закрыло свои большие чёрные глаза.

- Этот выстрел стоит мне пятнадцать фунтов, скорбно сказал Мортимер. A как вы думаете, сколько их тут против нас?
  - Мне кажется, четверо.
  - Да, стреляют две безингеровские винтовки. Но здесь могут быть и копьеносцы.
- Не думаю. Это просто маленькая партия стрелков. Кстати, Энерли, вы никогда ещё не были под огнём?
  - Никогда, ответил молодой журналист, чувствовавший страшный нервный подъём.
- Любовь, бедность и война вот три вещи, которые должен испытать всякий, кто желает жить полной жизнью. Подайте-ка мне эти патроны. И заметьте, Энерли, боевое крещение, получаемое вами, очень снисходительно. Сидя за этими верблюдами, вы находитесь в такой же безопасности, как если бы вы сидели в курилке литературного клуба.
- Да, здесь безопасно, но не комфортабельно, произнёс Скотт. Теперь бы хорошо выпить виски с сельтерской водой. Но, право, Мортимер, нам везёт. Подумайте, что скажет генерал, когда он узнает, что первое сражение выдержал отряд прессы. Подумайте-ка о представителе «Рейтера»! Он-то торопился в авангард!
- И пенсовые джентльмены тоже останутся с носом. Как на потеху, они безнадёжно опоздали.
  - Ей-Богу, эта пуля, кажется, убила кусавшего меня москита!
  - Один из ослов тоже убит.
  - Ну, уж это совсем скверно! Как мы теперь повезём наш багаж в Хартум?
- Не огорчайтесь, мой милый. Вы разве забыли, какие великолепные телеграммы мы пошлём в газеты? Я точно вижу напечатанные жирным шрифтом заголовки! «Нападение на коммуникационную линию. Убийство британского инженера. Нападение на представителей

прессы». Разве это не здорово?

- А вот интересно, какой будет следующий заголовок, произнёс Энерли.
- «Ранение нашего собственного корреспондента!» воскликнул Скотт, падая на спину. Но он тотчас же собрался с силами, встал и произнёс:
- Пустяки, они меня только слегка щёлкнули по колену. Однако становится жарковато, и я, пожалуй, признаю, что в литературном клубе в настоящую минуту лучше, чем здесь.
  - У меня есть пластырь, если хотите.
- Пластырь потом, а теперь нам предстоит маленькое удовольствие: они нас, наверное, атакуют.
  - И то: они приближаются.
- У меня превосходный револьвер, но, к сожалению, он сильно отдаёт. Право слово, если мне нужно подлечить какому-нибудь негодяю пищеварение, я всегда целю ему в ноги. Боже мой! Они погубили наш котёл!

И правда. Раздался звук, похожий на сильный удар гонга. Ремингтоновская пуля пробила котёл, в котором кипела вода, и над костром поднялся громадный клуб пара. Из-за скал раздались дикие ликующие крики арабов.

- Эти идиоты воображают, что они нас взорвали. Теперь они нас непременно атакуют.
   Уж будьте покойны. У вас есть револьвер, Энерли?
  - Нет, но у меня есть двуствольное охотничье ружьё.
- Душевный вы человек! Будто предугадали, что вам нужно. Ну, да ничего, сойдёт и ружьё. А патроны у вас какие?
  - Такие же.
- Ну, ничего, ничего... сойдёт! Смотрите, какой у меня револьвер основательный! Ведь безразлично из какого инструмента убивать этих мерзавцев.
- Чего тут рассуждать, воскликнул Скотт. Надо защищаться, как придётся. Женевская конвенция не обязательна для Судана. Давайте-ка обрежем пули, чтобы они были действеннее. Когда я был на войне в Тамаи...
  - Погодите немножко, сказал Мортимер, глядя в бинокль, кажется, они идут.
- Надо заметить время, произнёс Скотт, вынимая часы, ровно семнадцать минут пятого.

Энерли лежал за верблюдом, глядя с неотступным вниманием на скалы. Виден был только дым от выстрелов, а самих нападающих невидно. Что-то страшное и странное было в этих невидимых людях, которые упорно преследовали своих жертв и придвигались к ним всё ближе и ближе. Он слышал крик арабов после того, как лопнул котёл, и затем чей-то громовой голос прокричал что-то по-арабски. Скотт пожал плечами:

- Скажите, пожалуйста, ещё не взяли нас, а уже собираются...

Энерли хотел спросить у Скотта значение этого приказания, но не спросил, боясь, что это скверно отзовётся на его нервах.

Стрельба началась на расстоянии ста ярдов. У журналистов дальнобойных винтовок не было, и отвечать на выстрелы они не могли.

Если бы арабы продолжали эту тактику, то журналистам пришлось бы либо сделать отчаянную и сопряжённую со страшными опасностями вылазку, либо продолжать лежать за верблюдами, подставляя себя под выстрелы и ожидая помощи. Но, к счастью, негры не любят сражаться винтовками, о стратегии они понятия не имеют и стремятся всегда к рукопашной. Так и теперь дервиши стали быстро приближаться к врагам.

Энерли первый увидел человеческое лицо, глядевшее на них из-за камней. Он увидал громадную, мужественную, с сильно развитыми челюстями голову чисто негроидного типа. В ушах блестели серебряные серьги. Этот человек поднял вверх руку, в которой держал винтовку.

- Стрелять? спросил Энерли.
- Нет, это слишком далеко, ваш выстрел будет совершенно бесполезен.
- Однако какой это живописный негодяй! произнёс Скотт. Не снять ли нам его на память, Мортимер? А вот и ещё один!

Из-за другой скалы выглянул красивый темноволосый араб с чёрной остроконечной бородой. На голове у него была зелёная чалма, свидетельствовавшая о том, что этот араб —

хаджи. Нервное и возбуждённое лицо выдавало в нём закоснелого фанатика.

- У них всякой твари по паре, засмеялся Скотт.
- Этот араб из племени баггара. Чрезвычайно воинственное племя! Это опасный человек! заметил Мортимер.
  - Да, вид у него довольно-таки гнусный! А вот и другой негр.
- Целых два. По внешнему виду из племени динга. Из этого племени вербуются наши чёрные батальоны. Сражаясь, динга не думают о том, за кого они сражаются. Они любят войну ради войны. Если бы эти идиоты были поумнее, они понимали бы, что арабы их наследственные враги и что мы их естественные друзья и союзники. Поглядите-ка на этого дурака, как он лязгает зубами на людей, освободивших его от рабства у арабов.
  - Но как же вы это объясняете? спросил Энерли.
- А вот погодите, как он подбежит поближе, я ему объясню всё своим револьвером.
   Глядите в оба, Энерли. Они бегут на нас.

И действительно, атака началась. Впереди бежал араб в зелёной чалме, за ним — негрвеликан с серебряными серьгами в ушах. Другие два негра следовали позади. Когда дервиши стали спрыгивать один за другим со скалы, Энерли вспомнились школьные времена, как он и его товарищи прыгали через низкие заборики. Эти дикари были великолепны. Плащи их развевались, сталь зловеще блестела.

Мелькающие в воздухе чёрные руки, бешеные лица, топот быстро бегущих ног, – ах, как всё это было красиво!

Покорный закону британец привык уважать человеческую жизнь, жизнь для него священна. Молодой журналист никак не мог по этой причине понять, что эти люди приближаются за тем, чтобы его убить. Ему было также непонятно, что и он имеет полное право отправить этих бегущих людей на тот свет. Он глядел на всё, как зритель, и наслаждался зрелищем.

– Ну, стреляйте же, Энерли! Цельтесь в араба! – крикнул чей-то голос.

Энерли поднял ружьё и нацелился прямо в тёмное свирепое лицо. Он спустил курок, но лицо приближалось, делаясь всё больше и свирепее. Около Энерли загремел выстрел, затем другой, и он увидел, как тёмная грудь араба окрасилась кровью. Но несмотря на это араб продолжал бежать.

– Стреляйте же, стреляйте! – закричал Скотт.

Снова Энерли спустил курок, и снова его ружьё дало осечку. Раздались два пистолетных выстрела, и большой негр упал, поднялся и снова упал.

– Да стреляйте же вы, сумасшедший вы этакий! – крикнул гневный голос.

Но в эту минуту араб перепрыгнул через убитого верблюда и наступил ногой на грудь Энерли, и тому показалось, будто он грезит и видит сон: вот он борется с кем-то, лёжа на земле, а затем около самого его лица вдруг происходит какой-то ужасный взрыв, и он погружается в небытие. Сражение для Энерли кончилось.

– До свидания, старина! Вы скоро поправитесь. Отдохните немножко.

Это был голос Мортимера. Энерли открыл глаза и, как в тумане, увидал лицо в очках и почувствовал на плече тяжёлую руку. Рядом с ним стоял Скотт, который в эту минуту подпоясывался. Скотт сказал:

- Жалко нам вас оставлять, да что поделаешь? Надо спешить на телеграф, чтоб известие появилось в завтрашних утренних изданиях.
- Мы поместим в телеграмме, что вы были ранены, и ваш редактор поймёт, почему он не мог получить от вас вестей. Если подъедут представители «Рейтера» или корреспонденты вечерних пенсовых газет, то не говорите им ничего. Аббас будет за вами ухаживать, а мы вернёмся завтра после полудня.

Энерли слышал их слова, но отвечать у него не было сил. Он видел, как два всадника, одетые в жёлтое уселись на своих гладких вороных пони и уехали. Фигуры их постепенно исчезали между скалами. Память Энерли заработала, и он вспомнил всё, что произошло. Он понял, что случай сразу прославиться ускользает он него. Правда, столкновение было ничтожное, но ведь это первое столкновение за всю войну. А большая публика в Англии

жаждет новостей. Телеграмма о сражении появится в «Интеллидженс», появится в «Курьере», и только в одной «Ежедневной газете» не будет об этом ни слова. Эта мысль была ему так неприятна, что он даже привстал. Во всём теле он чувствовал страшную слабость, голова кружилась, и для того, чтобы не упасть, он должен был схватиться за ствол пальмы. Великаннегр лежал на том же месте, где был убит. Его громадная грудь была пронизана пулями, и на каждой ране сидели кружком мухи.

Араб лежал в нескольких ярдах от него, закинув обе руки за голову. Голова его, проломленная и израненная в нескольких местах, представляла ужасное зрелище. На теле араба лежала собственная двустволка Энерли; один ствол был разряжен, а курок другого ствола был взведён только наполовину.

– Скотт-эфенди застрелил его из твоего ружья, – произнёс чей-то голос.

Это говорил Аббас – слуга-араб, говоривший по-английски.

Энерли даже простонал, до такой степени ему сделалось стыдно. Значит, он так потерялся во время сражения, что даже позабыл взвести курок. И он, однако, знал, что сделал это не от страха, а потому, что слишком заинтересовался врагами. Он приложил руку к голове и почувствовал, что лоб его обвязан мокрым носовым платком.

- А где другие дервиши?
- Убежали. Один из них ранен в руку.
- А что случилось со мною?
- Эфенди получил удар сабли по голове. Эфенди схватил разбойника за руки, а Скоттэфенди его застрелил. У эфенди сильно обожжено лицо.

И Энерли сразу почувствовал боль во всём лице. Под носом у него пахло жжёными волосами. Он поднёс руку к усам – их не было, тронул брови – брови тоже исчезли. Он понял, что произошло. Когда он катался по земле, схватившись с дервишем, их головы были близко одна к другой, и ожоги были результатом выстрела Скотта, спасшего его от смерти. Ну, да это не беда! Волосы вырастут ещё прежде, нежели он успеет вернуться в Лондон. Вот удар сабли – это посерьёзнее. Может быть, из-за этого удара он не в силах теперь будет поехать на телеграф в Саррас. Во всяком случае, надо попробовать.

Но на чём ехать? – вот вопрос. На этой жалкой серенькой лошадке?

Она стояла тут же, опустив голову и согнув колени, видимо, не оправившись ещё от утреннего происшествия. Разве на такой лошади сделаешь тридцать пять миль галопом? Разве можно, сидя на ней, соперничать с великолепными пони его товарищей?

Эти пони скачут быстро и замечательно выносливы. Да, выносливы. Но есть животные ещё более выносливые, чем пони. Это настоящий верховой верблюд. Вот если бы у него был такой верблюд, то он мог бы попасть на телеграф первым. Ведь Мортимер говорил, что на тридцатимильном расстоянии верховой верблюд может обогнать любую лошадь.

И тут в голове Энерли молнией пронеслась мысль. Он вспомнил слова Мортимера, что дервиши всегда делают свои набеги на этих верховых верблюдах. Дервиши ездят на верховых верблюдах: на чём же приехали эти два убитых дервиша? И вмиг позабыв о своих ранах, он бросился по направлению к скалам. Аббас последовал за ним, протестуя против внезапной прыти хозяина. Энерли спешил убедиться, увели ли бежавшие дервиши верблюдов, или же они заботились только о спасении собственной шкуры? Там и сям были рассеяны пустые патроны от пуль, и Энерли воочию увидел те места, где скрывались враги, обстрелявшие их лагерь под пальмами. Вдруг он чуть не вскрикнул от радости.

Невдалеке из ложбинки выглядывала грациозная длинная шея и изящная белая голова необыкновенного верблюда. Таких верблюдов он и не видывал. Это чудесное животное с лебединой шеей было так же похоже на вьючное животное, как кровный скакун похож на водовозную клячу.

Животное лежало под скалами. На спине у него висел мех с водой и мешок с кормом. Передние ноги его были по арабскому обычаю связаны около колен.

Энерли взобрался животному на спину, а Аббас снял верёвку. Верблюд поднялся, и с журналистом стало твориться что-то неладное. Его швыряло то к шее животного, то назад и он хватался за что попало, лишь бы удержаться у него на спине, что ему наконец удалось.

И вот он сидит на скакуне пустыни. Животное было так же смирно, как и красиво, и стояло, поводя длинной шеей и большими чёрными глазами. Энерли привязал свои ноги к

седлу, а затем схватил кривую палочку, которую ему подал Аббас. Поводьев было два: один повод шёл от ноздрей верблюда, другой – от шеи. Он тронул длинную шею палочкой, и в ту же минуту голос прощавшегося Аббаса ушёл куда-то далеко-далеко. Справа и слева затанцевали чёрные скалы и жёлтый песок.

Энерли ехал на верховом верблюде первый раз в жизни и сначала чувствовал себя довольно хорошо. Стремян не было, и вообще не было никакой точки опоры, так что приходилось прижиматься коленями к бокам животного. Он попробовал раскачиваться взадвперёд, как это делают арабы, но ничего не вышло. На седле он также держался слабо. Как он ни старался утвердиться в нём, он непрестанно катался во все стороны, точно бильярдный шар на чайном подносе. Тогда он схватился обеими руками за седло, чтобы удержаться на нём, и сразу почувствовал себя лучше. А животное бежало своей быстрой бесшумной рысью, и Энерли, откинувшись назад, по временам подгонял его.

Солнце уже заходило за чёрные горы, и запад окрасился в светло-зелёное и розовое. Вечера на Ниле великолепны. Древняя тёмная река катит воды между чёрными скалами, но по вечерам даже и эти тёмные воды окрашиваются нежными небесными цветами. Блеск солнца, жар, стрекотание насекомых исчезли. Энерли, несмотря на боль в голове, наслаждался быстрым движением, а прохладный укрепляющий воздух освежал ему лицо и вливал новые силы.

Он взглянул на часы и быстро сделал расчёт времени и расстояния. Было более шести часов, когда он выехал. Дорога скверная, и немыслимо рассчитывать делать более семи миль в час. Дай Бог, поэтому поспеть в Саррас между двенадцатью и часом ночи. И затем телеграмма переписывается в Каире, на что нужно ещё два часа. Стало быть, по всей вероятности, его послание попадёт в редакцию не ранее двух или трёх часов утра. Может быть его и успеют напечатать, но нет, вряд ли. В три часа утренняя газета уже готова, и стало быть — прощай карьера. Одно только было ясно Энерли, а именно, что он должен попасть на телеграф первым. Энерли хотел во что бы то ни стало попасть в Саррас первым, поэтому он то и дело прикасался палочкой к шее верблюда, и тот бежал всё быстрее и быстрее. Молодой журналист радовался: он был уверен, что обгонит своих товарищей.

Но за это удовольствие приходилось дорого платить. Он слыхал, что люди умирали на спинах верховых верблюдов, и знал, что арабы, приготовляясь в длинные путешествия, забинтовывают себя в полотно. В начале путешествия эти предосторожности казались ему ненужными и смешными, но теперь, двигаясь по горным тропинкам, он начинал понимать, что значит путешествие на верховом верблюде.

Его трепало из стороны в сторону, и скоро он стал чувствовать мучительную боль во всём теле. То у него болели плечи, то спина, то бёдра, то он чувствовал глухую, тяжёлую боль в рёбрах. Он пробовал переменить положение, но ничто не помогало, и он, стиснув зубы, решил, что скорее умрёт, а не бросит путешествия. Но все скорби были позабыты, когда вдруг при восходе луны он услышал впереди стук лошадиных копыт. Энерли понял, что обгоняет своих товарищей. Половина дороги была сделана, а времени было уже одиннадцать часов.

В маленькой хижине под железной крышей, в которой помещался телеграф Сарраса, аппарат работал без устали целый день. Стены её были голые, а вместо стульев стояли пустые ящики. Но несмотря на это хижина находилась в постоянном общении со всеми странами Европы. Вспотевший от усталости телеграфист должен был целый день принимать военные телеграммы от весьма высокопоставленных лиц.

Французский министр-президент непременно хотел знать, как хартумский поход отразится на международном положении, а один английский маркиз уведомлял главнокомандующего о чрезвычайно важных осложнениях дипломатического характера. Шифрованные телеграммы чуть не свели телеграфиста с ума, ибо нет более тяжкого занятия, как принимать шифрованную депешу, содержания которой не понимаешь.

Да, в тот день европейская дипломатия усиленно работала, и работа её в виде шифровок передавалась в маленькую хижину Сарраса.

Только в два ночи телеграфист окончил огромную депешу и отворил дверь хижины, намереваясь выкурить трубку и подышать свежим ночным воздухом.

И вдруг перед хижиной остановился верблюд, а с него свалился человек, по-видимому, мертвецки пьяный.

- Который час? - крикнул странный незнакомец.

Телеграфист хотел, было, сказать, что час такой, когда все пьяные должны спать в своих постелях, но благоразумно воздержался. Острить над людьми, одетыми в хаки, небезопасно. И он коротко ответил, что теперь утренние часы в начале.

Странный человек ухватился за дверь, чтобы не упасть, и в отчаянии воскликнул:

– Два часа! Стало быть, всё пропало!

Столь несуразный ответ окончательно убедил телеграфиста, что незнакомец пьян. Голова его была перевязана выпачканным в крови носовым платком, лицо красное, и он стоял, подогнув колени, как человек, окончательно обессиленный.

Наконец телеграфист начал соображать, что происходит что-то из ряда вон выходящее.

- Сколько времени идёт депеша до Лондона? спросил незнакомец.
- Около двух часов.
- А теперь два. Стало быть, раньше четырёх депеши доставить нельзя?
- То есть раньше трёх.
- Раньше четырёх?
- Нет, раньше трёх.
- Но ведь вы же сказали, что теперь два часа.
- Да, но вы забываете разницу между здешним и лондонским временем. Примите во внимание разницу в географической долготе.
- Боже мой, так, стало быть, я могу ещё успеть! воскликнул Энерли и, усевшись на ящике, начал диктовать свою знаменитую телеграмму.

И вот на другой день в «Ежедневной газете» появился огромный отчёт о событии на берегу Нила. Отчёт был разукрашен жирными заголовками. Что касается «Интеллидженс» и «Курьера», то их столбцы были так же белы, как и лица их редакторов. А в телеграфной станции Сарраса в то время, как Энерли диктовал свою депешу, случилось следующее. Около четырёх часов утра в Саррас прибыли два усталых всадника на двух разбитых лошадях. Остановившись в дверях хижины, они взглянули молчаливо друг на друга и бесшумно удалились. Ветераны прессы поняли, что в жизни бывают случаи, когда английский язык бессилен.

1896 г.

(перевод Павла Гелевы)

лисий король

Дело было после охотничьего обеда, на котором красных мундиров за столом оказалось не меньше, чем чёрных сюртуков. Из-за присутствия военных разговор за сигарами перешёл постепенно на лошадей и наездников, стали вспоминать необыкновенные гоны, когда лиса вела за собой свору через целое графство и настигали её только две или три прихрамывающие гончие и пеший егерь, потому что у всех всадников были отбиты зады. Чем чаще наши бокалы наполнялись портвейном, тем длиннее и фантастичнее становились гоны, и в конце концов, если верить некоторым рассказам, выжлятники забирались в такую даль, что, спрашивая дорогу, не могли понять языка, на котором им отвечали люди. И лисы тоже стали вести себя как-то странно, а некоторые из них оказались даже на ветках подстриженных ив. Других вытаскивали за хвост из кормушек в конюшнях, а третьи, вбежав в открытую дверь, забивались в картонку для дамских шляп.

Одну или две такие невероятные истории рассказал глава местного охотничьего общества, и когда он, откашлявшись, собирался приступить к новой, мы уже с нетерпением её ждали, потому что в нём было что-то от актёра, и мы его слушали разинув рты. Выражение лица теперь было у него деловым, серьёзным и очень сосредоточенным, что предваряло обычно самые большие его успехи в роли рассказчика...

Человек, о котором я буду рассказывать, живёт теперь не здесь, он переехал в другую часть Англии, но, наверное, кто-нибудь из вас его ещё помнит. Дэнбери его имя, Уолтер Дэнбери, или Уот Дэнбери, как его тогда называли все. Он был сыном старого Джо Дэнбери, хозяина Верхнего Аскомба. Единственный его брат утонул, и имение после смерти отца унаследовал он один. Всего несколько сот акров, но хорошей пахотной земли, а земледелие в те дни процветало.

Этот молодой Уот Дэнбери был просто молодчина, завзятый наездник, готовый жизнь провести в седле, и великолепный спортсмен, но то, что он в свои годы стал вдруг хозяином приличного состояния, немного вскружило ему голову, и год или два после получения наследства он прожигал жизнь. Мальчик не был порочным, но соседи у него оказались очень пьющие, и они втянули Дэнбери в свою компанию, а он был общительный малый, старался не отстать от друзей и очень скоро стал пить куда больше, чем было полезно для его здоровья. Но тут случилось нечто очень любопытное и так резко вырвало его из трясины, в которую он погружался, что его рука после этого больше никогда не протягивалась к бутылке.

У Уота Дэнбери была черта, которую я замечал также у многих других, и заключалась она в том, что хотя он всё время рисковал своим здоровьем, он тем не менее очень о нём тревожился: самый пустячный симптом какой-нибудь болезни, когда он сам его у себя обнаруживал, вызывал у Дэнбери крайнее беспокойство. Здоровье у него было прекрасное, он был закалён, много времени проводил на воздухе и очень редко испытывал даже самые лёгкие недомогания, но наступило время, когда пристрастие к бутылке начало сказываться, и, проснувшись однажды утром, он почувствовал, что руки у него трясутся, а нервы дрожат, как натянутые до предела струны. Он поужинал накануне в каком-то доме, где было очень сыро, а стол ломился от вина, хотя и не очень тонкого: так или иначе, его язык казался ему теперь таким шероховатым, как купальное полотенце, а в голове будто тикали часы — из тех, которые заводят на восемь дней. Дэнбери очень встревожился и послал в Аскомб за доктором Миддлтоном, отцом того врача, который практикует там нынче.

Миддлтон и старый Дэнбери очень дружили, и доктору было неприятно видеть, что сын его друга гибнет, и он, воспользовавшись представившимся случаем, сказал юноше, что его болезнь очень серьёзна, и прочитал ему лекцию об опасностях, которые таит в себе его теперешний образ жизни. Сокрушённо покачивая головой, он говорил, что если Уот Дэнбери не изменит своего образа жизни, возможна белая горячка, а то и мания. Молодой Дэнбери страшно перепугался.

- Как вы думаете, сегодня ничего со мной не случится?
- Если вы не выпьете днём ни капли и до вечера никаких нервных симптомов у вас не появится, тогда, пожалуй, можно рассчитывать на то, что с вами ничего не случится, ответил доктор. Немного страха, подумал он, его пациенту не повредит, поэтому он несколько

сгустил краски.

- Каких симптомов могу я ждать? спросил Дэнбери.
- Обычно начинаются зрительные галлюцинации.
- А как мне быть, если я что-нибудь такое увижу?
- Если увидите, пошлите сразу за мной, и, пообещав лекарство, доктор попрощался с ним и ушёл.

Уот Дэнбери поднялся с кровати, оделся и стал, охваченный тоской, бесцельно бродить по комнате, совсем несчастный и растерянный; в мыслях он уже видел себя навсегда заточённым в психиатрическую лечебницу графства. Итак, доктор ручается, что если он благополучно дотянет до вечера, с ним сегодня уже ничего не случится, но не очень-то весело ждать, не появятся ли симптомы, и поглядывать всё время на свой сапог, попрежнему ли он остаётся сапогом или у него уже выросли ножки и усики. Вскоре ожидание стало невыносимым, и он почувствовал, что ему необходимо подышать свежим воздухом и увидеть зелёную траву. С какой стати ему сидеть дома, когда в какой-нибудь полумиле от него сейчас съезжается Аскомбское охотничье Общество? Если у него должны появиться эти галлюцинации, о которых говорил врач, то оне не начнутся раньше и не будут сильнее оттого, что он поедет верхом на лошади и будет дышать свежим воздухом. Он был уверен также, что это облегчит его головную боль. И через десять минут он уже снарядился для охоты, а ещё через десять выехал из своей конюшни, и колени его крепко сжимали бока чалой кобылы Матильды. Сперва он держался в седле не очень устойчиво, но чем дальше ехал, тем лучше себя чувствовал, а когда добрался до места сбора, голова у него почти прошла и ничто не тревожило его, кроме всплывающих в памяти слов доктора о том, что галлюцинации возможны в любое время до наступления вечера.

Но вскоре он позабыл и об этом, потому что как раз, когда он подъехал, отпустили гончих, и те помчались к Чёрному Логу, а оттуда к Орешне — так назывались два леска неподалёку. Утро выдалось такое, когда собакам особенно легко итти по следу, без ветра (значит, след не сдует) без дождя (не смоет) и влажность воздуха какая нужна, чтобы след сохранился. Съехалось сорок человек, все заядлые охотники и хорошие наездники, и когда они доскакали до Чёрного Лога, то поняли, что охота будет — с пустыми руками отсюда никогда не возвращались. Леса в те дни были густые, не такие, как теперь, и лисиц в них водилось тоже больше, чем теперь, а среди этих тёмных дубов лисы просто кишели. Трудность заключалась в том, чтобы выгнать лису из чащи, потому что сквозь заросли было не продраться, а для того, чтобы загнать лису, нужно сперва выманить её на открытое место.

Подъехав к Чёрному Логу, охотники стали вдоль опушки, каждый там, откуда, как ему казалось, лучше всего начать. Часть немного углубилась с гончими в лес, часть стала небольшими группами возле просек, а часть — на опушке в надежде на то, что лисица выскочит из леса, а не побежит вглубь. Молодой Дэнбери знал эти места как свои пять пальцев, поэтому он остановился у пересечения просек и стал ждать. У него было чувство, что чем быстрей и дальше поскачет лошадь, тем ему будет лучше, и потому ему не терпелось сорваться с места и понестись галопом. Да и его кобыла, одна из самых быстроногих лошадей в графстве, так и плясала под ним. Уот был великолепным наездником лёгкого веса, не больше килограммов шестидесяти вместе с седлом, а у кобылы грудь и ноги такие могучие, что хоть лейб-гвардейца на неё сажай, и едва ли кто-нибудь другой из съехавшихся охотников мог надеяться его перегнать. Дэнбери сидел на лошади, прислушивался к крикам егеря и выжлятников и видел время от времени в подлеске промелькнувший хвост или бело-рыжий бок гончей. Свора была хорошо обученная, и хотя вокруг тебя работали сорок гончих, заметить это было невозможно — ни одна не подавала голоса.

А потом вдруг одна из гончих протяжно завыла, к ней присоединилась вторая, третья, и через несколько мгновений уже вся свора, заливаясь лаем, мчалась по горячему следу. Дэнбери увидел, как стремительный поток гончих перетёк на ту сторону просеки и исчез, а ещё через мгновение промелькнули за ними следом три красных егерских мундира. Уот Дэнбери мог срезать путь воспользовавшись другой просекой, но побоялся опередить лисицу и потому поскакал за старшим егерем. Они неслись гуськом напрямик через чащу, пригибаясь, когда путь им преграждали ветки, так что лицо каждого погружалось в гриву лошади.

И вот наконец лес начал редеть, и они оказались в долине по которой протекала река. Открытое и ровное место, кругом трава, гончие уже ушли вперёд ярдов на двести и теперь мчались вдоль берега. Остальные охотники поехали не через лес, а в обход и теперь неслись сюда через поля слева, однако Дэнбери и егеря были намного впереди, и тем так и не удалось их догнать. Только двое из остальных вырвались вперёд: пастор Джеддс на огромном гнедом, на котором он обычно ездил на охоту в те дни, и сквайр Фоули, который был в весе пера, и лошадей для охоты выбирал себе из забракованных чистопородных на аукционе в Ньюмаркете, но больше ни у кого надежды догнать егерей и Дэнбери не было, потому что собаки не теряли след ни на миг, не метались и не кружили, и для них от начала до конца это был просто бег по пересечённой местности. Если прочертить по карте карандашом прямую линию, то и она не окажется прямее, чем путь, по которому эта лиса бежала к гряде меловых холмов на берегу моря; и собаки бежали так уверенно, будто всё время видели, и, однако, с самого начала гона никому не удавалось увидеть лису хоть бы на миг, и никто из местных жителей не крикнул ни разу «ату» — если бы крикнул, то это значило бы, что хоть кто-то, но увидел лису. Однако удивляться тут нечему: если вы бывали в тех местах, вы знаете, что людей там живёт не слишком много.

Таким образом, впереди оказались шестеро: пастор Джеддс, сквайр Фоули, егерь, два выжлятника и Уот Дэнбери, совсем забывший к этому времени о больной голове и словах доктора и думавший только о погоне. Шестеро лошадей неслись во весь опор. Несколько гончих, однако, начали отставать и тогда один выжлятник придержал свою лошадь, так что теперь впереди скакали только пятеро. Потом устал чистопородный конь Фоули, такое часто бывает с тонконогими лошадьми, с красивыми щётками на ногах, особенно когда бежать приходится по неровной местности, и Фоули пришлось тоже замедлить ход. Но остальные четверо попрежнему неслись, как птицы, и проскакали вдоль реки четыре или пять миль. Зимой было много дождей и снега, и река разлилась раньше обычного, лошади то и дело скользили и расплёскивали воду в лужах и рытвинах, но когда оне доскакали до моста, отставших охотников уже не было видно и охотой целиком завладели вырвавшиеся вперёд четверо.

Лиса уже перебежала мост — переплывать холодные реки лисам доставляет не больше удовольствия, чем людям, — и сразу же со всей скоростью, на какую была способна, помчалась на юг. Местность эта очень пересечённая, кругом поросшие вереском холмы, подъём, спуск, подъём, спуск, и трудно сказать, что именно, подъём или спуск для лошадей тяжелее. Низкорослой, короткоспинной, коротконогой лошадке такие «американские горы» не страшны, но для крупной, с широким шагом охотничьей лошади, которая чувствует себя как дома в графствах Центральной Англии, оне сущее наказание. Огромной гнедой пастора Джеддса, во всяком случае, бежать по холмам оказалось не под силу, и хотя пастор (он был страстный охотник) применил ирландскую хитрость и стал взбегать вверх по склону вместе с лошадью, держась вровень с её головой, это не помогло, и ему пришлось отказаться от участия в гоне. Остались егерь, выжлятник и Уот Дэнбери — их лошади пока не замедлили хола.

Однако местность становилась труднопроходимой, холмы круче, и на них гуще росли папоротник и вереск. Лошади то и дело спотыкались, кругом, куда ни ступи, были кроличьи норы, но гончие попрежнему мчались, не останавливаясь ни на миг, и у всадников не было возможности выбирать для лошадей дорогу. Когда они ещё спускались с холма, собаки уже взбегали на следующий. Но лису им увидеть никак не удавалось, хотя они знали, что она бежит недалеко впереди: уж слишком легко собаки держали след. А потом совсем рядом с Уотом Дэнбери послышался треск, что-то глухо ударилось о землю, и Дэнбери, оглянувшись, увидел в высокой траве пару сучащих ног в белых плисовых штанах и высоких сапогах с отворотами. Споткнулась и упала лошадь выжлятника, и для него охота кончилась. Дэнбери и егерь спрыгнули, было, с лошадей, однако видя, что упавший кое-как, но встаёт, снова вскочили в сёдла. Егерь, Джо Кларк, был старый наездник, известный в пяти графствах, но он рассчитывал на свою вторую, запасную лошадь, а все запасные остались позади. Однако с таким наездником, как он, лошадь, на которой он скакал, способна была творить чудеса, и она сейчас шла не хуже, чем вначале. Что же до Уота Дэнбери, то его лошадь неслась теперь даже резвее, чем вначале. С каждым её шагом он чувствовал себя лучше и лучше, а душевное

расположение всадника влияет на душевное расположение лошади.

За поросшими вереском холмами потянулись пастбища, и на протяжении нескольких миль Уот Дэнбери и егерь то отставали от собак, рукоятками хлыстов выбивая засовы из ворот между участками, то снова скакали галопом по полям, стараясь наверстать упущенное. Потом они оказались на утоптанной дорожке, она была узкая, и им пришлось замедлить шаг, а потом проскакали через ферму, и там за ними кто-то погнался, крича рассерженно, но у них не было времени останавливаться, потому что гончие уже бежали по какой-то пашне, всего на два участка впереди. Она, эта пашня, полого поднималась, и лошади стали чуть не по колено проваливаться в красную распаханную землю. Когда подъём наконец остался позади, лошади задыхались, но отсюда начинался спуск, тоже пологий, в широкую долину. Её пересекала полоса соснового леса. В этот лес и втекала длинной разорванной цепью, на бегу теряя гончих, одну за другой, свора. Захромавшие псы казались издалека пятнышками белого и коричневого цвета. Но половина своры бежала попрежнему хорошо, хотя и скорость их бега, и расстояние, которое они покрыли с начала гона, были огромные — два полных часа пути без единой остановки.

В сосновый лес уходила просека — одна из тех поросших травой, с едва видной колеёй тропок, где лошадь может показать всё, на что она способна, потому что грунт достаточно плотен, чтобы копыта в него не вдавливались, и, однако, пружинист, отчего лошади бежать легче.

- Лиса достанется нам одним, сказал Уот Дэнбери.
- Да, сэр мы всех стряхнули с хвоста, отозвался старый Джо Кларк. Если добудем эту лису, надо сделать из неё чучело. Что ни говори, а такую, как она, встретишь не часто.
  - Быстрее, чем сегодня, я в жизни не ездил! воскликнул Дэнбери.
- И я тоже, а уж это что-нибудь да значит. Но в толк не возьму, почему мы до сих пор этой зверюги не видели. Такой след оставляет, что гончие ни разу не сбились, и, однако же ни вы, ни я её не видали, даже когда всё просматривалось на полмили вперёд.
  - Но скоро, я думаю, увидим, сказал Дэнбери.

А про себя подумал, что первым увидит он сам, потому что лошадь егеря, скакавшая рядом, тяжело дышала и с неё падала белая пена.

Следуя за собаками, они оказались на одной из боковых тропинок, от которой отходила другая, ещё уже, где ветки били их по лицу, и ширины едва хватало на одну лошадь. Уот Дэнбери шёл впереди и слышал, как за ним тяжело бухают копыта лошади егеря; между тем у собственной его кобылы прыти поубавилось. Прикосновение хлыста или шпоры, однако, прибавляло ей бодрости, и он видел, что силы у неё ещё есть. А потом он поднял глаза, и оказалось, что тропинка, по которой они скачут, упирается в высокий штабель бревён, а до него по обеим сторонам тропинки стоят молодые деревья, стоят так близко одно к другому, что между ними не продраться. Собаки были уже на травянистом лугу по ту сторону забора, и оставалось либо перепрыгнуть через забор, либо потерять их из виду, потому что бежали оне быстро, а на кружной путь ушло бы слишком много времени. А так как Уот Дэнбери был не из робких, он понёсся очертя голову вперёд. Кобыла словно взлетела в воздух, стряхнула, задев бревно передним копытом, Уота Дэнбери к себе на загривок и опустилась по ту сторону брёвен на ноги. Едва Уот успел усесться в седло, как позади раздался страшный грохот, и Дэнбери, обернувшись, увидел, что брёвна раскатились, лошадь егеря лежит на животе, а самого егеря нет. Только потом он увидел, что тот стоит на четвереньках ярдов на шесть впереди него. Уот сразу к нему подъехал, потому что ударился егерь очень сильно, но старый Джо тут же вскочил на ноги, бросился к своей лошади и ухватился за уздечку. Лошадь кое-как поднялась, и Уот увидел, что она охромела. Помочь было ничем нельзя. Джо крикнул, чтобы он торопился, а то отстанет от своры, и Дэнбери поскакал за собаками — последний охотник, не выбывший из игры.

Свора, или скорее, то, что от неё осталось, ушла за это время вперёд, но сверху собаки были хорошо видны, и Дэнбери казалось, будто кобыла его гордится тем, что осталась только она одна, — уж очень крупным шагом шла она, да ещё встряхивала на ходу головой. Пришлось дальше проскакать две мили зелёного косогора, простучать копытами по просёлочной дороге с глубокими колеями, где кобыла, споткнувшись, чуть не упала, перепрыгнуть ручей в пять футов шириной, через заросли орешника, срезать дорогу,

управиться с новым куском глубокой пашни, отворить двое-трое ворот — и взгляду открылась зелёная гряда холмов Южной Англии. «Ну, — сказал себе Уот Дэнбери, — мне удастся увидеть или как загонят лису, или как она утонет, потому что отсюда до меловых скал на берегу моря всё видно как на ладони».

Но вскоре он обнаружил, что ошибается. Все впадины между холмами в тех местах засажены елями, и многие из этих елей уже изрядно выросли. Их видно только тогда, когда ты уже на краю такой впадины. Дэнбери скакал, подгоняя кобылу что есть мочи, по чуть пружинящему дёрну, а когда выехал на край одной из этих впадин, то увидел, что внизу, в её середине, темнеет лесок.

Бежали уже всего десять-двенадцать собак, и оне одна за другой исчезали среди деревьев. Лучи солнца падали отвесно на пологие оливково-зелёные склоны, плавными изгибами спускавшиеся к леску, и Дэнбери, глаза у которого были зоркие, как у ястреба, вмиг обвёл взглядом всё дно этой огромной зелёной чаши, однако никакого движения там видно не было. Только направо наверху, вдалеке, паслось несколько овец. Теперь он знал точно, что охота подходит к концу, потому что лиса либо залезла в пустом ельнике в нору, либо гончие вот-вот уткнутся в неё носами. Кобыла словно тоже поняла, что означает эта огромная зелёная чаша внизу, потому что она понеслась ещё быстрей и через несколько минут уже скакала галопом между елей.

Только что глаза Дэнбери слепил яркий солнечный свет, но здесь деревья росли очень близко одно к другому и было так темно, что ни справа, ни слева от узкой тропинки, по которой он ехал, Уот Дэнбери ничего не видел. Вы знаете, как мрачен, как напоминает кладбище еловый лес. Наверно, это из-за того, что нет подлеска, а также оттого, что ветви у елей никогда не качаются. Так или иначе, по коже Уота Дэнбери вдруг пробежали мурашки, а в голове мелькнула мысль, что гон этот какой-то странный, необычно долгий и необычно прямой, и ещё необычный тем, что никому до сих пор не удалось даже мельком увидеть зверя. В памяти у него внезапно всплыли слышанные раньше разговоры о лисьем короле-демоне в обличье лисы, таком быстроногом, что его не догонит никакая свора, и таком свирепом, что даже если собаки его догонят, оне всё равно не смогут с ним справиться, и теперь в полумраке ельника рассказы эти не казались ему такими смешными, как тогда, во время беседы за вином и сигарами. Беспокойство, владевшее им утром и покинувшее его, как ему казалось, окончательно, волной накатило на него снова. Только минуту назад Дэнбери гордился тем, что охотился один, однако теперь готов был заплатить десять фунтов за то, чтобы видеть рядом простое лицо Джо Кларка. И тут из чащи раздался самый безумный собачий лай, какой он слышал за свою жизнь. Гончие догнали лису.

Уот Дэнбери попытался продраться на своей кобыле между деревьев к месту, откуда доносились эти страшные визг и вой, но чащоба была такая непроходимая, что проехать верхом оказалось невозможно. Поэтому он спрыгнул на землю, оставил кобылу и, держа хлыст наготове, стал пробираться к своре. Но тут по его телу снова побежали мурашки. Много раз доводилось слышать ему, как собаки настигают лису, но ничего похожего на теперешнее Уот Дэнбери не слыхал никогда. Это были звуки не торжества, а ужаса. Время от времени раздавался пронзительный предсмертный вопль. Почти не дыша, Дэнбери продвигался дальше и наконец, прорвавшись сквозь переплетающиеся ветви, оказался на поляне, в другом конце которой собаки обступили место, поросшее высокой, перепутанной теперь травой.

Гончие стояли, ощетинившись полукругом, пасти у них были разинуты. Одна собака лежала в примятой траве, на горле у неё зияла огромная рана, белая и коричневая шерсть стала вся тёмно-красной. Уот выбежал на поляну, собаки, увидев его, приободрились и одна, зарычав, прыгнула в густые заросли на краю поляны. Из зарослей мгновенно поднялось животное величиной с осла, и Дэнбери увидал огромную серую голову, чудовищные блестящие клыки и сужающиеся лисьи челюсти: собаку подбросило на несколько футов, и она упала, воя, в траву. Раздался такой звук, будто щёлкнула мышеловка, вой перешёл в визг, а потом умолк.

Дэнбери ждал симптомов весь день — и вот они, наконец, он их дождался! Он ещё раз посмотрел в заросли, увидел, что на него неотрывно глядит пара свирепых красных глаз, и благоразумно пустился наутёк, забыв и о собаках, и об охоте, и обо всём остальном. Он вскочил на свою кобылу, погнал её, как безумный, и остановил только возле какой-то глухой

железнодорожной станции. Оттуда, оставив кобылу возле гостиницы, он так быстро, как только мог довезти его пар, поехал домой. К дому он подходил уже поздним вечером, дрожа при малейшем шорохе, и за каждым кустом ему чудились красные глаза и огромные клыки. Он сразу лёг в постель и послал за доктором Миддлтоном.

— Началось, — доктор сказал он. — Всё, как вы говорили: зрительные галлюцинации и тому подобное. Спасите мой рассудок.

Врач выслушал его рассказ, и услышанное произвело на доктора очень сильное впечатление.

- Похоже, явный случай белой горячки, сказал он. Урок для вас на всю жизнь.
- Никогда больше и капли в рот не возьму, лишь бы на этот раз обошлось! воскликнул Уот Дэнбери.
- Что же, дорогой мальчик, если вы не отступитесь от этого своего решения, то, может быть, правильно будет считать случившееся благодеянием Господним. Но трудность в этом случае заключается в том, чтобы провести грань между реальностью и воображением. Видите ли, впечатление такое, что была более чем одна галлюцинация. Галлюцинаций было несколько. Мёртвые собаки, например, да и чудовище-животное в зарослях тоже.
  - Всё это я видел так же ясно, как вижу вас.
- Одна из характерных черт галлюцинаций именно и заключается в том, что оне кажутся более реальными, чем сама действительность. Я вот сейчас думаю, не была ли галлюцинацией вся охота.

Уот Дэнбери молча показал на свои охотничьи сапоги на полу, забрызганные грязью двух графств.

— Xм! Да, это достаточно реально. Но организм ваш в последнее время ослаб, а вы, несомненно, перенапряглись и, таким образом, сами вызвали у себя это состояние. Так или иначе, совершенно ясно, к какому лечению нам следует прибегнуть. Вы будете принимать успокаивающую микстуру, я вам её пришлю.

И всю эту ночь Уот Дэнбери метался беспокойно и думал о том, какой чувствительный механизм являет собой наше тело и как глупо шутить шутки с тем, что так легко вывести из строя и очень трудно починить. И он снова и снова клялся, что этот первый урок окажется последним и что отныне он будет таким же трезвым и трудолюбивым фермером, каким был его отец. Так он лежал и утром следующего дня, ворочался и попрежнему корил себя, когда дверь распахнулась и к нему, размахивая газетой, вбежал доктор.

— Дорогой мальчик, — закричал врач. — Приношу вам тысячу извинений! Во всём графстве не найти юноши, с которым обошлись бы так дурно, как с вами, и не найти большего тупицы, чем я. Послушайте! — И он присел на край постели, разгладил на колене газету и стал читать.

Заметка называлась «Аскомбских гончих постигает несчастье», и в ней было написано, что в еловом леске между холмами, близ Уинтона нашли четырёх гончих из Аскомбской своры, которых кто-то насмерть загрыз и ужасающе изуродовал. Охота, в которой оне участвовали, была такая долгая и трудная, потребовала от собак такого напряжения сил, что половина своры захромала, а четыре гончие, найденные в ельнике были мертвы, хотя причина их совершенно необычных ранений пока остаётся неизвестной.

- Так что вы видите, сказал, оторвав взгляд от газеты, доктор, я ошибся, когда счёл мёртвых собак галлюцинацией.
  - А кто же загрыз их?
- М-мм, я думаю, об этом можно догадаться из сообщения, поставленного в полосу, когда газета уже уходила в набор: «Вчера ночью мистер Браун с фермы Смизерса, к востоку от Гастингса, заметил, что на одну из овец напал зверь, которого он принял сперва за огромную собаку. Он застрелил зверя, и оказалось, что это серый сибирский волк разновидности, известной под названием Lupus giganticus. Полагают, что он сбежал из какогонибудь бродячего зверинца».

Вот и вся история, джентльмены, а Уот Дэнбери остался верен данному себе слову, потому что страх потерять рассудок излечил его раз и навсегда от прежних пристрастий; и теперь уже он не пьёт ничего крепче лимонного сока — не пил, во всяком случае, до тех пор, пока не переехал на другое место, чему скоро уже пять лет.

(перевод Р. Рыбкина)

КОШМАРНАЯ КОМНАТА

Гостиная Мейсонов имела весьма странный вид. Одна её сторона была обставлена с большой роскошью. Широкие мягкие диваны, низкие уютные кресла, изысканные статуэтки и дорогие портьеры, висевшие на декоративных каркасах из металлических конструкций, служили подходящим обрамлением для красивой женщины, хозяйки всего этого великолепия. Мейсон, молодой, но богатый делец, явно не пожалел усилий и средств, чтобы удовлетворить каждое желание и каждый каприз своей красавицы-жены. И то, что он поступил так, было вполне естественно: ведь она стольким пожертвовала ради него! Самая знаменитая танцовщица во Франции, героиня десятка пылких романов, она отказалась от блеска и удовольствия своей прежней жизни, чтобы разделить судьбу молодого американца, чьи аскетические привычки составляли такой разительный контраст с её собственными. Пытаясь возместить ей утрату, он постарался окружить её всей роскошью, какую только можно купить за деньги. Кое-кому, наверное, могло показаться, что с его стороны было бы тактичнее не выставлять этот факт напоказ и тем более не афишировать его в печати, но, если не считать подобных своеобразных чорточек характера, он вёл себя как муж, который ни на мгновение не переставал быть любовником. Даже присутствие посторонних зрителей не явилось бы помехой для публичного проявления его всепоглошающей страсти.

Но комната и впрямь была странной. Поначалу она казалась обыкновенной, однако же стоило понаблюдать подольше, как обнаруживались её зловещие особенности. В ней царила тишина, полнейшая тишина. Не слышалось звука шагов - ноги бесшумно ступали по этим богатым мягким коврам. Борьба, даже падение тела происходили бы тут совершенно беззвучно. К тому же она, эта комната, была до странности бесцветной в постоянно приглушённом, как чудилось, освещении. Кроме того, не вся она была обставлена в одном вкусе. Создавалось впечатление, что, когда молодой банкир щедро тратил тысячи на этот будуар, на этот роскошный футляр для своего драгоценного сокровища, он не считался с затратами, но, напуганный внезапной угрозой оказаться неплатёжеспособным, не довёл дело до конца. В том конце, которым комната выходила на людную улицу, всё поражало глаз своей роскошью. Зато в другом, дальнем конце, комната с голыми стенами имела спартанский вид и отражала, скорее, вкус аскетичнейшего из мужчин, чем вкус изнеженной любительницы удовольствий. Может быть, из-за этого она проводила здесь не так уж много времени иногда два, иногда четыре часа в день; зато когда уж она бывала тут, она жила яркой и насыщенной жизнью. В стенах этой кошмарной комнаты Люсиль Мейсон была совершенно иной и более опасной женщиной, чем где бы то ни было.

Вот именно опасной! Кто бы мог усомниться в этом, увидев её изящную фигуру, когда эта женщина лежала вытянувшись на огромном ковре из медвежьей шкуры, наброшенном на диван. Она опиралась на локоть правой руки, положив тонко очерченный, но решительный подбородок на кисть руки и устремив в пространство задумчивый взгляд больших и томных глаз, прелестных, но безжалостных, и в пристальной неподвижности этого взгляда угадывалась смутная и страшная угроза. У неё было красивое лицо — лицо невинного ребёнка, и всё же природа пометила его неким тайным знаком, придав ему неуловимое выражение, говорившее, что под прелестной внешностью скрывается дьявол. Недаром было замечено, что от неё шарахаются собаки, а дети с криком убегают, когда она хочет приласкать их. Есть инстинкты, которые глубже нашего разума.

В тот конкретный день она была чем-то сильно взволнована. В руке она держала письмо, которое читала и перечитывала, слегка наморщив тонкие бровки и мрачно поджав очаровательные губки. Вдруг она вздрогнула, и тень страха, пробежавшая по её лицу, стёрла с него угрожающе кошачье выражение. Вот она приподнялась, продолжая опираться на локоть, и впилась напряжённым взглядом в дверь. Она внимательно прислушивалась — прислушивалась к чему-то такому, чего страшилась. Потом на её выразительном лице заиграла улыбка облегчения. Но мгновение спустя она с выражением ужаса сунула письмо за лиф платья. Едва она спрятала письмо, как дверь распахнулась и на пороге возникла фигура молодого мужчины. Это был её муж Арчи Мейсон — человек, которого она любила, ради которого пожертвовала своей европейской славой и в котором видела теперь единственное

Американец, мужчина лет тридцати, чисто выбритый, загорелый, атлетически сложённый, в безупречно сшитом костюме узкого покроя, подчёркивающем его идеальную фигуру, остановился в дверях. Он скрестил руки на груди и с окаменевшим красивым лицоммаской, на котором жили одни лишь глаза, посмотрел на жену пронзительным, испытующим взором. Она по-прежнему лежала, опершись на локоть, но её глаза глядели прямо ему в глаза. Что-то жуткое было в этом безмолвном поединке взглядов. В каждом были заключены и немой вопрос, и ожидание рокового ответа. Его взгляд, похоже, вопрошал: «Что ты замышляешь?» Её — как будто бы говорил: «Что тебе известно?» Наконец Мейсон подошёл, сел на медвежью шкуру рядом с ней и, осторожно взяв двумя пальцами её нежное ушко, повернул её лицом в свою сторону.

— Люсиль, — сказал он. — Ты хочешь отравить меня?

Она с ужасом на лице и с возгласом протеста на устах отпрянула от его прикосновения. От возбуждения она утратила дар речи — её изумление и гнев выразились в метании рук и конвульсивной гримасе на лице. Она попыталась было встать, но он крепко сжал ей руку в запястье. И снова он задал свой вопрос, углубив на этот раз его ужасный смысл:

- Люсиль, почему ты хочешь отравить меня?
- Ты с ума сошёл, Арчи! Ты сошёл с ума! задыхаясь проговорила она. Но кровь застыла у неё в жилах, когда последовал его ответ. Бледная как мел, с полуоткрытым ртом, она в немом бессилии смотрела, как он достаёт из кармана флакон и подносит его к её лицу.
  - Это из твоей шкатулки с драгоценностями! воскликнул он.

Дважды пыталась она заговорить, и дважды ей это не удавалось. Наконец медленно, по отдельности роняя слова с кривящихся губ, она произнесла:

— Во всяком случае, я к этому никогда не прибегала.

И снова он опустил руку в карман. Вынув сложенный листок бумаги, он развернул его и поднёс к её глазам.

— Вот заключение доктора Энгуса. В нём говорится, что здесь растворено двенадцать гран сурьмы. У меня также есть свидетельские показания Дюваля, аптекаря, продавшего яд.

На её лицо было страшно смотреть. Ей нечего было сказать. Ей ничего больше не оставалось, как бессильно лежать, уставив глаза в одну точку, подобно свирепой тигрице, попавшей в роковую западню.

— Hy?

Ответом ему был жест, исполненный отчаяния и мольбы.

- Почему? спросил он. Я хочу знать, почему? Пока он говорил, взгляд его упал на уголок письма, выглядывавший из-за лифа. В мгновение ока он выхватил письмо. Отчаянно вскрикнув, она попыталась вырвать его, он одной рукой отстранил её и пробежал письмо глазами.
  - Кемпбелл! ужаснулся он. Это Кемпбелл!

Она вновь обрела присутствие духа. Ведь теперь скрывать было нечего. Лицо её стало твёрдым и решительным. Глаза метали молнии.

- Да, сказала она. Это Кемпбелл.
- Боже мой! Кемпбелл из всех мужчин!

Он встал и принялся быстрыми шагами мерить комнату. Кемпбелл, самый благородный человек, которого он только знал; человек, чья жизнь являла собой образец самопожертвования, мужества и прочих достоинств, отличающих Божьего избранника! Однако и он тоже пал жертвой этой сирены, которая заставила его опуститься так низко, чтобы предать — в намерениях, если не в реальных поступках — человека, чью руку он дружески пожимал. Невероятно! И тем не менее вот оно, его страстное умоляющее письмо, в котором он просит его жену бежать с ним и разделить судьбу мужчины, не имеющего ни гроша за душой. Каждым своим словом письмо свидетельствовало о том, что Кемпбелл, по крайней мере, не помышлял о смерти Мейсона, которая устранила бы все препятствия. Нет, тот дьявольский план, глубоко продуманный и коварный, родился в стенах этого идеального обиталиша.

Мейсон был человеком, каких мало, с умом философа, широкой душой и сердцем, исполненным нежного сочувствия к ближним. В первое мгновение его захлестнула волна горького разочарования. Он был способен в тот краткий миг убить их обоих — жену и Кемпбелла, и встретить собственную смерть со спокойной душой человека, исполнившего свой прямой долг. Но мало-помалу, пока он расхаживал взад и вперёд по комнате, более милосердные мысли взяли верх. Как мог он винить Кемпбелла? Ведь ему известна неотразимость этой женщины, её колдовских чар. И дело тут не только в её физической красоте. Она обладала уникальной способностью показать мужчине, что она интересуется им, вкрасться в сокровенные уголки его души, проникнуть в святая святых его натуры, куда он не пускает никого, и внушить ему, что она вдохновляет его на честолюбивые дерзания и даже на служение добродетели. В этом-то и проявлялось роковое коварство расставленных ею сетей. Он вспомнил, как это произошло с ним самим. Тогда она была свободна — во всяком случае, он так думал, — и он имел возможность жениться на ней. А что, если бы она не была свободна? Предположим, она была бы замужем. Предположим, она в точности так же завладела бы его душой. Сумел бы он остановиться на полпути? Сумел бы он в пылу неудовлетворённых желаний отказаться от неё? Ему пришлось признаться себе, что даже со своим сильным характером потомственного обитателя Новой Англии он не смог бы побороть себя. Почему же тогда он так негодует на своего несчастного друга, попавшего в подобное положение? При мысли о Кемпбелле сознание его исполнилось жалости и сострадания.

А она? Вот она лежит на диване в позе отчаяния — несчастная бабочка с поломанными крыльями: её мечты развеяны, её тайный замысел разгадан, её будущее темно и неверно. Даже по отношению к ней, отравительнице, сердце его смягчилось. Он кое-что знал о её прошлом. Избалованная с детства, необузданная, ни в чём не знавшая удержу, она с лёгкостью сметала всё, что ей мешало. Никто не мог устоять перед её вкрадчивым умом, красотой и очарованием. Для неё не существовало препятствий. И вот теперь, когда препятствие встало на её пути, она с безумной и коварной решимостью стремилась устранить его. Но раз она хотела убрать его со своего пути, видя в нём препятствие, не означало ли уже само это то, что он оказался не на высоте, что он не сумел дать ей душевного спокойствия и сердечного удовлетворения? Он был слишком суров и сдержан для этой жизнерадостной и изменчивой натуры. Сын севера и дочь юга, они на какое-то время испытали сильное влечение друг к другу по закону притяжения противоположностей, но на этом невозможно построить постоянный союз. Ему с его аналитичным умом следовало бы понять и предусмотреть это. А раз так, ответственность за то, что произошло, лежит на нём. Сердце его смягчилось, и он пожалел её как беззащитного малого ребёнка, попавшего в беду. Какое-то время он, плотно сжав губы и стиснув пальцы в кулаки с такой силой, что ногти вонзились в ладони, расхаживал из угла в угол комнаты. Но вот, внезапно повернувшись, он сел рядом с ней и взял её холодную и вялую руку в свою. Одна мысль пульсировала у него в мозгу:

«Что это: благородство или слабость?» Вопрос этот звучал у него в ушах, а его мысленный образ возникал у него перед глазами; ему почти зримо представлялось, как вопрос материализуется и он видит его написанным буквами, которые может прочесть целый свет.

В его душе шла нелёгкая борьба, но он вышел из неё победителем.

- Дорогая, ты должна выбрать одного из нас, сказал он. Если ты уверена понимаешь, уверена, что замужем за Кемпбеллом ты будешь счастлива, я не буду помехой.
  - Развод! ахнула она.
  - Можно назвать это и так, вымолвил он, и рука его потянулась к пузырьку с ядом.

Она смотрела на него, и её глаза зажглись новым странным чувством. Перед ней был мужчина, которого она не знала раньше. Жёсткий, практичный американец куда-то исчез. Вместо него она в мгновенном озарении увидела героя, святого, человека, способного подняться до недоступных людям высот бескорыстной добродетели. Обе её руки легли на руку, державшую роковой флакон.

- Арчи, воскликнула она, ты смог простить мне даже это!
- В конце концов ты только сбившаяся с пути малышка, с улыбкой проговорил он.

Её руки распростёрлись для объятия, но в дверь постучали, и в комнату безмолвно — в той странной беззвучной манере, в которой двигались люди в этой кошмарной комнате, — вошла горничная с подносом. На подносе лежала визитная карточка. Люсиль взглянула на неё.

— Капитан Кемпбелл! Я не хочу его видеть.

Мейсон вскочил.

— Напротив, — возразил он. — Мы очень ему рады. Сейчас же проводите его сюда.

Через несколько мгновений в комнату был введён молодой военный, рослый и загорелый, с приятным лицом. Он вошёл, широко улыбаясь, но когда за ним закрылась дверь и лица хозяев вновь обрели естественное выражение, он в нерешительности остановился, переводя взгляд с одного на другого.

Что-то не так? — спросил он.

Мейсон шагнул навстречу и положил руку ему на плечо.

- Я не таю обиду, произнёс он.
- Обиду?
- Да, я всё знаю. Но я и сам мог бы поступить на твоём месте так же.

Кемпбелл отступил на шаг и вопросительно взглянул на женщину. Она кивнула и пожала изящными плечиками. Мейсон улыбнулся.

— Не бойся, это не ловушка, чтобы вынудить признание. Мы с Люсиль откровенно обсудили положение. Послушай, Джек, ты всегда был порядочным и мужественным человеком. Вот пузырёк. Неважно, как он сюда попал. Если один из нас выпьет его содержимое, это распутает узел. — Он говорил пылко, почти исступлённо. — Люсиль, кому достанется флакон?

В кошмарной комнате действовала странная посторонняя сила. В ней находился ещё один мужчина, хотя ни один из этих троих, стоявших на пороге развязки своей жизненной драмы, не замечал его присутствия. Никто бы не мог сказать, сколько времени он тут пробыл и как много слышал. Нечто зловещее и змеиное чудилось в его фигуре, скрючившейся у стены в самом дальнем от участников драмы углу комнаты. Он молчал и оставался недвижим — лишь нервно дёргалась его сжатая в кулак правая рука. Прямоугольный ящик и хитроумно наброшенная поверх него тёмная материя скрывали его из виду. Напряжённо-сосредоточенный, он с жадным вниманием следил за разыгравшейся перед ним драмой, понимая, что наступает миг, когда он должен будет вмешаться. Но те трое не думали об этом. Поглощённые борением своих собственных страстей, они забыли, что есть сила более могущественная, чем они сами, — сила, которая могла в любой момент подчинить себе все и вся.

Ты готов, Джек? — спросил Мейсон.

Военный кивнул.

— Нет! Ради Бога, не надо! — вскричала женщина.

Мейсон вынул из пузырька пробку и, повернувшись к приставному столику, достал колоду карт, положил её рядом с пузырьком.

- Мы не можем возложить ответственность на неё, - сказал он. - Ты, Джек, лучший из троих, тебе и испытать судьбу.

Военный приблизился к столу. Он притронулся к роковым картам. Женщина, облокотившись на руку, вся подалась вперёд и смотрела как зачарованная.

Вот тогда — и только тогда — грянул гром.

Незнакомец поднялся во весь рост, бледный и мрачный.

Все трое вдруг ощутили его присутствие. Они повернулись к нему с напряжённым вопросом в глазах. Сознавая себя хозяином положения, он обвёл их холодным и грустным взглядом.

- Ну как? спросили они в один голос.
- Скверно! ответил он. Скверно! Завтра будем переснимать весь ролик.

1921 г.

(перевод В. Воронина)

ВЕЛИКАЯ ЖРИЦА ТУГОВ

Ι

Жизнь моя была богата незаурядными событиями и приключениями. Но среди них есть одно, перед которым бледнеют все остальные. Оно случилось давно, но произвело на меня столь сильное впечатление, что я не мог забыть о нём долгие годы.

Я нечасто рассказывал эту историю, её слышали от меня лишь немногие мои близкие друзья. Они не раз просили меня поведать её всем моим знакомым, но я всегда отказывал в этой просьбе, потому что меня мало прельщает репутация новоявленного Мюнхаузена.

Я исполнил их просьбу лишь отчасти, изложив на бумаге все факты, которые относятся к дням моего пребывания в Данкельтуэйте.

Вот первое письмо, полученное мною в 1862 году от Джона Терстона. Его содержание я передаю целиком:

«Мой дорогой Лоренс.

Если бы ты только знал, как одиноко и тоскливо я себя чувствую, то, наверное, пожалел бы меня и приехал разделить мою отшельническую жизнь.

Ты не раз обещал посетить Данкельтуэйт и полюбоваться равнинами Йоркиира. Почему бы тебе не сделать этого сейчас? Я знаю, что ты сильно занят; но лекций сейчас нет, а кабинетной работой ты можешь здесь заниматься с тем же успехом, что и на Бейкер-стрит. Итак, будь тем милым мальчиком, каким ты был всегда, уложи свои книжки и приезжай. У нас есть небольшая комнатка с письменным столом и креслом, — как раз то, что тебе нужно. Итак, дай мне знать, когда тебя можно ждать в наши палестины.

Говоря об одиночестве, я вовсе не имел в виду, что живу совершенно один. Напротив – население нашего дома довольно многочисленно.

Прежде всего, назову моего бедного дядю Джереми — болтливого маньяка, без конца занимающегося кропанием скверных стихов. Во время нашего последнего свидания я как будто уже упоминал про эту слабость старика. Теперь она дошла у него до того, что он нанял секретаря, в обязанности которого входит записывание и хранение кропаний своего патрона. Этот субъект, некто Копперторн, стал ему так же необходим, как и "Всеобщий словарь рифм". Не скажу, чтобы этот Копперторн сильно мне докучал, но я всегда разделял предубеждение Цезаря против худощавых людей, хотя, если верить дошедшим до нас медалям, сам Юлий принадлежал к их числу. Далее, у нас живут ещё двое детей дяди Сэмюэля, усыновлённых Джереми, — их было трое, но одна девочка умерла, — и их гувернантка, красавица-брюнетка с долей индусской крови в жилах.

Кроме них, у нас есть трое слуг и старик-грум. Компания, как видишь, выходит немаленькая.

Но это не мешает мне, дорогой Γ уго, умирать от желания увидать твоё симпатичное лицо и получить приятного сердцу собеседника.

Я сильно увлёкся химией, и потому не буду мешать тебе заниматься. Отвечай же скорее.

Твой одинокий друг,

Джон Терстон».

В ту пору я жил в Лондоне и усердно занимался, готовясь к выпускным экзаменам на диплом доктора медицины.

Мы с Терстоном были закадычными друзьями в Кембридже, – я тогда ещё даже не начинал заниматься медициной; поэтому мне очень хотелось с ним повидаться. Но, с другой стороны, я опасался, как бы это посещение не отвлекло меня от занятий.

Я вспомнил о старике, впавшем в детство; худом, как щепка, секретаре; красавицегувернантке, детях — конечно, избалованных и шумных, — и решил, что мои занятия наверное пострадают, как только я попаду в такое общество, да ещё на лоне природы. После двухдневных размышлений и колебаний я уж совсем, было, решился отклонить приглашение, но на третий день получаю второе письмо, ещё настойчивее первого:

«Мы ждём от тебя известий с каждой почтой, – писал мне мой друг. – При каждом стуке в дверь я так и жду, что мне подадут телеграмму, указывающую поезд, с которым ты приедешь.

Твоя комната совсем готова; я надеюсь, что ты найдёшь её удобной. Дядя Джереми просит меня упомянуть, что он будет очень рад знакомству с тобой.

Он написал бы тебе сам, но, к сожалению, по горло занят сочинением большой поэмы тысяч в пять стихов или около того. Он целые дни проводит в беготне из комнаты в комнату; по пятам за ним следует Копперторн с записной книжкой и карандашом в руках и мгновенно записывает все вещие слова, что срываются с уст его патрона.

Кстати, я как будто упоминал уже про нашу гувернантку. Она может послужить отличной приманкой, чтобы заполучить тебя к нам, — в том, конечно, случае, если ты ещё не утратил былого интереса к вопросам этнологии.

Она дочь индусского вождя, женившегося на англичанке. Он был убит во время восстания сипаев, сражаясь в рядах мятежников; его дочь, которой тогда было около четырнадцати лет, осталась почти без всяких средств к жизни, так как его имения были конфискованы правительством. Какой-то добрый немецкий коммерсант из Калькутты удочерил её и отправил в Европу вместе с собственной дочерью. Последняя умерла, и тогда мисс Воррендер — мы зовём её так по девической фамилии её матери — ответила на объявление, помещённое в газетах моим дядей, и стала гувернанткой его племянника и племянниц.

Итак, не жди новых приглашений, а приезжай».

В этом втором письме были отрывки приватного характера, не позволяющие мне привести его здесь полностью.

Я не мог долее противостоять настойчивости своего старого приятеля. Кляня в душе все и вся, я, однако, поспешил уложить книги, телеграфировал Джону в тот же вечер, а на следующее утро отправился в путь.

Отлично помню это путешествие: оно было ужасно и тянулось бесконечно; я сидел в углу вагона на сквозняке, занимаясь обдумыванием и повторением отрывков из медицинских и хирургических сочинений.

Меня предупредили, что ближайшей станцией от места моего назначения был Ингльтон – место, находящееся в пятнадцати милях от Тарнфорта. Я высадился там в ту самую минуту, когда Джон Терстон подкатил к крыльцу станционного здания на высоком догкарте.

Увидев меня, он торжествующе взмахнул кнутом, осадил лошадь и выскочил из экипажа.

– Дорогой Гуго! – вскричал он. – Я в восторге! Как это мило с твоей стороны!

И он сдавил мне руку, да так, что у меня кости затрещали.

- Боюсь, ты найдёшь меня не очень-то приятным компаньоном, возразил я. Я занят по горло.
- О, само собой, само собой! с обычным добродушием воскликнул он. Я уж учёл это, но думаю, у нас всё-таки найдётся время подстрелить пару-другую зайцев. Путь нам предстоит однако неблизкий, а ты как будто основательно продрог, поэтому не будем мешкать и отправимся поскорее в дорогу.

И вот мы покатили по пыльному просёлку.

- По-моему, твоя комната должна тебе понравиться, заметил мой приятель. Ты почувствуешь себя как дома. Кстати, я очень редко живу в Данкельтуэйте: только-только успел устроиться здесь и наладить лабораторию. Я тут всего третью неделю. Всем известно, что моё имя занимает важное место в завещании дяди Джереми. Да и отец всегда полагал, что мой долг приезжать в Данкельтуэйт из вежливости. Поэтому мне и приходится сюда наведываться.
  - Понимаю, сказал я.
- Знаешь, старик очень мил. Тебя весьма заинтересует наш дом. Принцесса на амплуа гувернантки штука редкая, не правда ли? Мне почему-то сдаётся, что эта девица

заинтересовала даже и нашего невозмутимого секретаря... Но подними-ка воротник пальто: холодные ветры – сущая напасть наших мест.

Дорога шла среди небольших холмов, лишённых всякой растительности, кроме редких кустиков ежевики и низкорослой жёсткой травы, покрывавшей небольшую лужайку, на которой паслось стадо исхудавших от недоедания овец. Мы поднимались и опускались с холма на холм по дороге, белой ниточкой уходившей вдаль.

Там и сям однообразие пейзажа нарушалось зубчатыми массивами серого гранита, — эти места выглядели точно раны на теле с выступающими из них изуродованными костями.

Вдали виднелась горная гряда с одинокой вершиной: она была окутана гирляндой облаков, озарённой пурпурным отблеском заката.

— Это Ингльборо, — промолвил мой спутник, указывая бичом на вершину, — а вот и равнины Йоркшира. Во всей Англии это самые пустынные и дикие места. Но они рождают отличных людей. Неопытное ополчение, вдребезги разбившее в день Штандарта шотландское рыцарство, состояло из уроженцев именно этой части страны. А теперь, старина, вылезай и открывай ворота.

Перед нами была поросшая мхом стена, тянувшаяся параллельно дороге, с железными полуразрушенными воротами, снабжёнными двумя столбами, которые были украшены высеченными из камня изображениями, вероятно, какого-нибудь геральдического животного; говорю «вероятно», потому что ветер и дождь сильно попортили камень. Сбоку высился разрушенный временем коттедж, в былые дни служивший, должно быть, жилищем для привратника.

Я открыл ворота, и мы вступили в длинную тёмную аллею, поросшую длинной густой травой и обсаженную с обеих сторон роскошным дубняком, ветки которого, сплетаясь над нашими головами, образовали живой свод такой густоты, что сумерки дня превратились здесь в полную тьму.

– Боюсь, что наша аллея не очень-то тебе понравится, – смеясь, сказал Терстон. – Но у моего старика есть мания: давать полную волю природе. А вот и Данкельтуэйт.

При этих словах моего приятеля мы свернули на повороте, отмеченном огромнейшим дубом, и очутились перед невероятных размеров зданием квадратной формы. Нижний этаж был в тени, но верхний ряд окон освещался кровавым отблеском заката.

Навстречу нам выбежал слуга в ливрее, поспешивший взять лошадь под уздцы, как только экипаж остановился.

- Можете отвести её в конюшню, Джулиус, произнёс мой приятель, когда мы вышли из экипажа. Гуго, позволь представить тебя моему дяде Джереми.
  - Здравствуйте! Здравствуйте! раздался чей-то дрожащий надтреснутый голос.

Подняв глаза, я увидал человека небольшого роста с красным лицом, поджидавшего нас на пороге, с куском материи, обмотанным вокруг головы, как на портретах Π опа * и других знаменитостей XVIII столетия.

Ноги его были обуты в пару огромнейших туфель. Эти туфли были так неподходящи к его худым, как спички, ногам, что ему приходилось волочить ноги, чтобы не растерять при ходьбе свою чудовищную обувь.

– Вы наверняка страшно устали, сэр, да и промёрзли тоже, – странным, отрывистым тоном промолвил он, пожимая мне руку. – Мы должны показать вам всю мощь нашего гостеприимства, ей-ей, должны, сэр. Это гостеприимство – одна из добродетелей былых дней, которая ещё хранится нами в наш практический век. Не угодно ли выслушать:

Руки йоркширцев крепки и сильны, Но – как жарки йоркширцев сердца!

Это факт, смею вас уверить, дорогой сэр. Стихи эти из одной моей поэмы. А какой именно, мистер Копперторн?

– Из «Преследования Борроделы», – произнёс чей-то голос за спиной старика, и при свете тусклой лампы, висевшей в прихожей, выступила высокая фигура мужчины с

^{*} Александр Поп (1688 – 1744 гг.) – английский поэт, представитель просветительского классицизма, мастер сатиры и стихотворного афоризма. (Π . Γ .)

вытянутым лицом.

Джон представил нас друг другу.

Во время последовавшего за сим рукопожатия рука молодого секретаря показалась мне какой-то липкой и неприятной.

Мой приятель проводил меня в мою комнату через целую сеть коридоров и переходов, соединявшихся между собой по старинной моде лестницами. По пути я обратил внимание на толщину стен и на неравномерную высоту комнат, заставлявшую предполагать существование тайников.

Моя комната с камином и этажеркой, уставленной книгами, как и писал Джон, оказалась восхитительно уютной. Когда я снял сапоги и надел туфли, я искренне поздравил себя с тем, что согласился принять это приглашение посетить Йоркшир.

II

Когда мы спустились в столовую, там уже все были в сборе. Старик Джереми сидел во главе стола, по правую руку от него находилась молодая дама, жгучая брюнетка с чёрными глазами. Это была мисс Воррендер. Рядом с ней сидели мальчик и девочка, очевидно, её ученики.

Меня посадили против неё и по правую руку от Копперторна, Джон сел vis-à-vis с дядей. Я и сейчас помню желтоватый свет лампы, обливавший а la Rembrandt лица застольной компании, — те самые лица, которым впоследствии было суждено возбудить моё любопытство.

Обед был очень приятный, и дело не только в превосходной кухне и хорошем аппетите, разыгравшемся у меня во время путешествия. Дядя Джереми, обрадовавшись свежему слушателю, так и сыпал анекдотами и цитатами. Мисс Воррендер и Копперторн говорили мало; но немногие фразы, произнесённые последним, обнаружили в нём вдумчивого и воспитанного человека. Что же касается Джона, то у нас с ним было столько общих воспоминаний и по колледжу, и позднейшего периода, что я, право, боюсь, что он не воздал обеду всего того, что тот заслуживал.

После десерта мисс Воррендер увела детей. Дядя Джереми удалился в библиотеку, в которой скоро раздался его голос, диктовавший что-то секретарю.

Мы с приятелем остались ещё посидеть у камина, перебирая разные события, происшедшие с нами со дня нашей последней встречи.

– Ну, а что ты скажешь насчёт нашего дома? – улыбаясь, спросил он.

Я ответил, что всё необычайно интересно.

- Твой дядя большой оригинал. Он мне очень понравился.
- Да, несмотря на все его странности, сердце у него доброе. Твой приезд совсем переродил его. Со дня смерти маленькой Этель он никак не мог прийти в себя. Эта девочка самая младшая из ребят дяди Сэма. Она приехала сюда вместе с прочими. Около двух месяцев тому назад с ней в лесу случился нервный припадок. Её нашли там вечером уже окоченевшей. Это было страшным ударом для старика.
  - И для мисс Воррендер тоже, я думаю, заметил я.
- Да, эта смерть потрясла её. Она поступила к нам всего за неделю до рокового дня. В тот день она уезжала в экипаже в Киркби-Лонсдэль за покупками.
  - Меня очень заинтриговало то, что ты писал о ней; надеюсь, это не было шуткой?
- Нет, нет, всё это святая правда. Её отца звали Ахметом Кенгхис-Кханом. Он был полунезависимым вождём какого-то города в центральных провинциях. Несмотря на брак с англичанкой, это был ярый фанатик-язычник. Он подружился с Нана-Саибом и принимал настолько видное участие в Кунпурской резне, что правительство вынуждено было обойтись с ним очень сурово.
- Когда она рассталась со своим племенем, она была уже взрослой, заметил я. А каковы её воззрения насчёт религии? В кого она пошла в отца или в мать?

– Мы никогда не поднимаем этого вопроса; между нами говоря, я отнюдь не считаю её слишком религиозной. Её мать была, без сомнения, очень достойной женщиной, и её дочь, помимо английского языка, недурно знает французскую литературу и замечательно играет на рояле. Да вот, послушай.

Из соседней комнаты донеслись звуки фортепьяно; мы смолкли и стали слушать. Сначала пианистка взяла несколько отдельных нот, точно колеблясь, играть или не играть. Потом пошли глухие неуверенные аккорды, и вдруг из этого хаоса звуков полилась могучая, странная, дикая мелодия, в которой слышался рёв труб и бряцание кимвалов.

Мелодия ширилась, росла, перешла в серебристую трель и кончилась тем же самым диссонансом, каким началась.

Затем стукнула крышка рояля, и всё стихло.

- Она играет каждый вечер, заметил мой приятель. Не правда ли, красиво? Но ради Бога, не стесняйся, милый Гуго. Твоя комната вполне готова; я отнюдь не хочу мешать твоим занятиям.
- Я поймал Джона на слове и оставил его в обществе дяди и Копперторна, возвратившихся к тому времени в столовую. Я поднялся наверх и в течение двух часов прилежно штудировал врачебные сочинения.

Я уж было думал, что больше не увижу в этот день никого из обитателей Данкельтуэйта, но я ошибся. Около десяти часов вечера в дверь моей комнаты просунулась рыжеватая голова дяди Джереми.

- Удобно ли устроились? спросил он.
- Как нельзя лучше, благодарю вас.
- Желаю успехов! Главное не падать духом, своей отрывистой скороговоркой произнёс он. Покойной ночи.
  - Покойной ночи, ответил я.
  - Покойной ночи, повторил чей-то голос из коридора.

Я выглянул за порог и увидел высокий силуэт секретаря, огромной чёрной тенью скользивший за стариком.

Я вернулся назад и занимался ещё час, а затем лёг спать; но перед тем, как заснуть, ещё долго размышлял о странном доме, жильцом которого я стал с этого дня.

Ш

На следующее утро я встал рано и отправился на лужайку перед домом, где застал мисс Воррендер, собиравшую цветы для букета к завтраку.

Я подошёл к ней незамеченный и невольно залюбовался её красотой и гибкостью, с какой она наклонялась, чтобы сорвать цветок. В малейшем её движении была чисто кошачья грация, какой я ранее не видал ещё ни у одной женщины. Я вспомнил слова Терстона о впечатлении, произведённом будто бы ею на секретаря. Теперь я уже не удивлялся этому.

Услыхав мои шаги, она выпрямилась и обратила ко мне своё прелестное смуглое лицо.

- C добрым утром, мисс Воррендер, начал я. Вы, кажется, такая же любительница рано вставать, как и я?
  - Да. Я всегда встаю на рассвете.
- Какая дикая картина! заметил я, бросая взгляд на огромную равнину. Я в этих местах чужак не хуже вас. А как вам здесь нравится?
- Я не люблю здешнюю природу, откровенно призналась она. Даже ненавижу. Холод, мрак, бедность красок... Посмотрите-ка (она подняла букет): это тут называют цветами! Ведь у них даже запаха нет.
  - Да, вы привыкли к более жгучему климату и к тропической растительности.
- О, да я вижу, мистер Терстон уже рассказывал вам обо мне, с улыбкой заметила девушка. Да, я привыкла любоваться кое-чем получше.

В эту минуту между нами легла какая-то тень. Обернувшись, я увидел Копперторна. Он

с натянутой улыбкой подал мне свою худую белую руку.

- Вы как будто уже научились ориентироваться в Йоркшире, произнёс он, переводя взгляд с моего лица на мисс Воррендер и обратно. Позвольте предложить вам эти цветы, мисс.
- Нет, благодарствуйте, холодно отклонила она. Я набрала их уже достаточно и пойду в комнаты.

Она быстро прошла мимо него к дому. Копперторн смотрел ей вслед, нахмурив брови.

- Вы студент-медик, мистер Лоренс? спросил он, оборачиваясь ко мне и нервно притопывая ногой.
  - Совершенно верно.
- О, мы кое-что слышали про вас, студентов-медиков, повышая голос, с усмешкой продолжал он. – Вы все ужасные ловеласы, не так ли? Мы слышали, что про вас говорят. С вами положительно трудно тягаться.
  - Сэр, возразил я, студент-медик обыкновенно бывает и джентльменом.
  - Разумеется, сказал он, сразу меняя тон. Я хотел только пошутить.

Несмотря на это заверение, я не мог не приметить, что за завтраком он не спускал с меня глаз в то время, как говорила мисс Воррендер, и тотчас принимался наблюдать за ней, стоило мне произнести слово.

Можно было подумать, что он старается прочесть на наших лицах, что именно мы думаем друг о друге. Он, вероятно, был сильно увлечён красавицей-гувернанткой, но без малейшей надежды на взаимность.

Это утро дало нам самое что ни на есть очевидное доказательство беспримерной наивности добрых йоркширцев. Дело в том, что горничная и кухарка, спавшие в одной комнате, ночью были напуганы чем-то, что по суеверию приняли за привидение.

После завтрака я сидел в обществе дяди Джереми, так и сыпавшего с помощью своего суфлёра цитатами из разных поэм; вдруг в дверь постучали, и в комнату вошла горничная. За нею следовала кухарка, особа дородная, но трусливая. Они взаимно ободряли одна другую.

Свой рассказ они вели, точно греческий хор, — то есть каждая говорила, покуда хватало дыхания, предоставляя затем слово товарке. Добрая доля их истории осталась мне непонятной в силу дьявольского местного наречия; но самую суть я всё-таки разобрал.

На рассвете кухарка, по её словам, почувствовала, будто кто-то трогает её за лицо. Проснувшись, она увидала около своей кровати какую-то тень, бесшумно выскользнувшую из комнаты. Горничная проснулась от крика кухарки и тоже видела привидение.

Как мы ни бились, как ни уговаривали их, они стояли на своём и требовали расчёта — так они были перепуганы ночным происшествием. Наш скептицизм очень оскорбил их, и в конце концов они вышли из комнаты с большим шумом, сильно обозлившим дядю Джереми, весьма развеселившим меня и вызвавшим презрительную улыбку на губах Копперторна.

Большую часть второго дня я провёл у себя в комнате за усердными занятиями.

Вечером того дня мы охотились с Джоном на зайцев. По пути домой я рассказал ему утреннюю сцену с прислугой, но он воспринял её отнюдь не так легко, как я.

- Это факт, заметил он, что в старинных зданиях вроде нашего можно иногда наблюдать явления, располагающие к суеверию. За то время, что я живу здесь, я слышал ночью раз или два нечто такое, что способно испугать нервного человека, а тем более невежественную прислугу. Само собой, все эти истории о привидениях сущая чепуха, но раз разыгралась фантазия, с ней уж трудно совладать.
  - А что вы такое слышали? сильно заинтересовавшись, спросил я.
- О, пустое! Но вон сидят ребятишки и мисс Воррендер. Ей не следует слушать такие вещи. Не то она тоже потребует расчёта, а это будет большой потерей для дома.

Мисс сидела на скамейке у опушки леса; рядом с ней, по обе стороны, расположились дети, держа её за руки и с жадным вниманием глядя ей в лицо. Картина была очень красивая. Мы остановились на минутку, чтобы полюбоваться ею. Но мисс уж услыхала наши шаги и пошла нам навстречу; дети шли за ней.

- Я нуждаюсь в вашем авторитете, сказала она Джону. Эти шалунишки любят вечернюю прохладу и ни за что не хотят итти в комнаты.
  - Не хочу в комнаты, решительным тоном заявил мальчуган. Хочу дослушать сказку.

- Да, сказку, подхватила девочка.
- Вы дослушаете её завтра, если будете послушны. Мистер Лоренс доктор. Он скажет вам, что маленьким девочкам и мальчикам вредно оставаться на воздухе после вечерней росы.
  - Значит, вам рассказывали сказку? спросил Джон, когда мы все тронулись к дому.
- Да, и очень-очень хорошую сказку, восторженно вскричал мальчуган. Дядя Джереми тоже рассказывал нам сказки; но то была поэзия, и его сказки сравнить нельзя со сказками мисс Воррендер. У ней есть одна, в которой являются слоны.
  - И тигры, и золото, перебила девочка.
  - Да, и там ведут войну и дерутся, и король китаев...
  - Сипаев, друг мой, поправила гувернантка.
- А ещё есть там рассеянные племена, и эти люди узнают друг друга посредством тайных знаков; и есть там человек, убитый в лесу. О, она знает великолепные сказки. Попросите мисс Воррендер она и вам расскажет сказку, кузен Джон.
- A в самом деле, мисс Воррендер, сказал мой товарищ, вы возбудили наше любопытство. Что, если бы вы и нам рассказали про эти чудеса?
- О, мои сказки покажутся вам глупостью, смеясь, возразила она. Это только воспоминания из моего прошлого.

В это время нам навстречу показался Копперторн.

- А я искал вас всех, деланно весёлым тоном вскричал он. Время обедать.
- Это мы и без вас могли узнать по часам, возразил Джон немного резким, как мне показалось, тоном.
  - А, вы вместе охотились, как я вижу, продолжал секретарь.
- Не вместе, возразил я. Мы повстречали мисс Воррендер с детьми на обратном пути.
  - О! Мисс Воррендер пошла вам навстречу, когда вы возвращались с охоты.

Ехидство тона, каким были произнесены эти слова, возмутило меня, и я воздержался от резкого отпора лишь ввиду присутствия дамы.

Посмотрев случайно на гувернантку, я заметил злобный огонёк в её глазах, обращённых на секретаря, и заключил из того, что она разделяет моё негодование. Отсюда нетрудно понять моё изумление, когда около десяти часов вечера я увидал, как они оживлённо беседуют, прогуливаясь по саду при лунном свете.

Право, не знаю почему, только это зрелище так взволновало меня, что после нескольких тщетных попыток взяться за занятия я отложил книги в сторону.

Около одиннадцати часов я снова выглянул в окно, но их уж не было. Через несколько минут я услышал шарканье дяди Джереми и твёрдую тяжёлую походку его секретаря: они поднимались по лестнице в свои комнаты, расположенные в верхнем этаже дома.

IV

Джон Терстон никогда не отличался особой наблюдательностью, и я уверен, что за три дня пребывания под кровлей его дяди я узнал о жизни дома больше, чем он за три недели.

Мой приятель был всецело поглощён химией и целые дни проводил за опытами и реакциями, радуясь сочувственному собеседнику, с которым можно потолковать о своих открытиях. Что касается меня, я всегда питал слабость к изучению и анализу человеческой натуры, и потому находил много интересного в этом маленьком мирке, жить в котором закинула меня судьба.

Короче говоря, я с таким рвением отдался наблюдениям, что начал серьёзно опасаться за успешность моих научных занятий. Первым моим открытием стало то, что истинным хозяином Данкельтуэйта был не дядя Джереми, а его секретарь мессир Копперторн.

Профессиональное чутьё говорило мне, что страсть старика к поэзии, бывшая вполне безвредной в дни его молодости, превратилась теперь в манию, овладевшую его мозгом и не оставлявшую в нём места никакой посторонней идее.

Копперторн, потакая этой мании и направляя её согласно своим выгодам, добился того, что во всех других отношениях приобрёл над стариком неограниченную власть. Он совершенно бесконтрольно распоряжался всеми финансовыми и хозяйственными делами своего принципала. Надо отдать ему справедливость — у него хватало такта проявлять свою власть мягко и деликатно, не оскорбляя своего раба-хозяина: поэтому он не встречал со стороны последнего никакого сопротивления.

Мой друг, вечно занятый анализами и реакциями, не отдавал себе отчёта в том, что давным-давно стал в доме совершенным нулём.

Выше я уже выражал убеждение в том, что если Копперторн и испытывал нежные чувства к гувернантке, то эта последняя и не думала отвечать ему взаимностью. Но через несколько дней я пришёл к заключению, что между этими двумя личностями, кроме нежных и не находящих взаимности чувств Копперторна, должна была существовать ещё какая-то иная связь.

Я не раз замечал, что у Копперторна в разговоре с гувернанткой появлялись повелительные нотки. Раза два-три я снова видел их гуляющими по саду поздно вечером, поглощёнными беседой. Я никак не мог угадать, что именно могло их связывать. Эта тайна дразнила моё любопытство.

Лёгкость, с какой люди влюбляются на лоне природы, вошла в поговорку; но я никогда не отличался особенной сентиментальностью и потому относился к мисс Воррендер совершенно бесстрастно. Я принялся изучать её, как естествоиспытатель изучает какое-либо редкое насекомое, — старательно, но хладнокровно. Для этой цели я так распределил свои занятия, чтобы быть свободным в те часы, когда она выходит с детьми на прогулку. Таким образом, мне много раз довелось гулять с ней, и во время наших прогулок мне удалось немного узнать её характер, чего я не достиг бы никаким иным способом.

Она, в самом деле, много читала, отлично знала несколько языков и имела большие природные способности к музыке. Но под этим культурным налётом в ней хранилась большая доля природной дикости. В разговоре у неё подчас проскальзывали словечки, заставлявшие меня вздрагивать. Впрочем, этому нельзя было слишком удивляться, она рассталась со своим племенем, уже будучи взрослой женщиной.

Припоминаю одно обстоятельство, которое особенно поразило меня. Тут чрезвычайно резко сказалась дикость её натуры.

Мы шли по просёлочной дороге. Говорили мы о Германии, в которой она провела несколько месяцев, и вдруг она остановилась как вкопанная и приложила палец к губам.

– Дайте мне на минутку вашу палку, – шёпотом обратилась она ко мне.

Я подал ей палку, и она тотчас же, к великому моему удивлению, пролезла в отверстие в заборе, присела и затаилась там. Я всё ещё удивлённо смотрел ей вслед, как вдруг перед нею выскочил из травы заяц. Она швырнула в него палкой и попала; тем не менее, зайцу удалось улизнуть, хотя и прихрамывая на одну лапу.

Она вернулась ко мне, вся запыхавшись, но с торжествующим выражением на лице.

- Я видела, как он шевелится в траве. Я попала в него!
- Да, и перебили ему лапу, холодно добавил я.
- Вы сделали ему больно! со слезами в голосе вскричал мальчуган.
- Ax, бедный зверёк! в мгновение ока переменив тон, воскликнула мисс. Я, право, в отчаянии, что поранила его!..

Она в самом деле как будто сильно сконфузилась и всю остальную прогулку больше молчала.

Я со своей стороны не мог слишком строго судить её. Её поведение было, очевидно, просто-напросто проявлением старинного инстинкта, который заставляет дикаря бросаться на добычу. Тем не менее, эта сцена производила крайне неприятное впечатление в Англии, когда участницей её являлась прелестная, по последней моде одетая дама.

В один прекрасный день, когда мисс Воррендер не было дома, Джон Терстон показал мне её комнату. Там было много индусских вещиц, доказывавших, что она покинула родину не с пустыми руками. Присущая Востоку страсть к ярким цветам тоже наложила свой отпечаток на эту девичью комнату. Она купила на ярмарке целую кипу синей и красной бумаги и завесила ею стены своей комнаты, скрыв под нею скромные обои. Эта попытка

воссоздать Восток в скромном английском жилище имела в себе что-то трогательное.

В первые дни моего пребывания в Данкельтуэйте странные отношения, существовавшие между секретарём и мисс Воррендер, возбудили во мне только любопытство; но потом, когда я заинтересовался красавицей англо-индианкой, мною овладело другое, более глубокое чувство.

Я тщетно ломал себе голову, чтобы разгадать соединявшую их связь. Почему она, гуляя с ним по ночам по саду, днём как нельзя очевиднее показывает, что ей противно его обшество?

Очень возможно, что дневное отвращение было просто-напросто уловкой, рассчитанной на то, чтобы скрыть её истинное отношение к нему. Но такое допущение противоречило прямоте её взгляда и откровенному выражению резких черт гордого лица.

А в то же время, как объяснить иначе необъяснимую власть секретаря над нею? Эта власть проскальзывала в массе разных мелочей, но проявлял он её так скрытно и осторожно, что заметить её можно было лишь при очень тщательном наблюдении.

Однажды я перехватил его повелительный и грозный взгляд, устремлённый на девушку; но минутой позже едва мог поверить, чтоб это бледное бесстрастное лицо было способно на такие чувства. В те мгновения, когда он так смотрел, она сгибалась и дрожала, точно от физической боли.

«Нет, нет! – думал я. – Тут замешана не любовь, а страх».

Я так заинтересовался их тайной, что заговорил об этом с Джоном. Он находился в своей небольшой лаборатории и был поглощён рядом опытов по добыванию какого-то газа, вынудившего нас обоих раскашляться. Я воспользовался этим обстоятельством, заставившим нас выйти на свежий воздух, чтобы поговорить об интересовавшем меня вопросе.

- Сколько времени, говоришь ты, мисс Воррендер находится в доме твоего дяди? Джон бросил на меня ехидный взгляд и пригрозил обожжённым кислотой пальцем.
- Ты что-то очень интересуешься дочерью покойного и незабвенного Ахмета Кенгхис-Кхана, – сказал он.
- Само собой, откровенно признался я. Я впервые встречаюсь с человеком такого романтического типа.
- Будь осторожен, дружок, назидательно пробурчал Джон. Заниматься перед экзаменами таким делом отнюдь не годится.
- Не болтай глупостей, возразил я. Если бы кто-нибудь услыхал тебя, то, наверное, вообразил бы, что я влюблён в мисс Воррендер. Нет и нет! Я смотрю на неё как на любопытную психологическую проблему, но и только.
  - Вот, вот, и больше ничего. Только проблема.

Джон, должно быть, ещё не очухался от своего одуряющего газа. Его тон становился положительно невыносимым.

- Вернёмся-ка лучше к моему первому вопросу, сказал я. Итак, сколько времени она живёт здесь?
  - Около десяти недель.
  - А Копперторн?
  - Больше двух лет.
  - А не были они знакомы раньше?
- О, нет, это совершенно невозможно, категорически заявил Джон. Она приехала из Германии. Я сам читал письмо старого коммерсанта, в котором он описывал её прошлую жизнь. Копперторн же всё время безвыездно жил в Йоркшире, кроме двух лет, проведённых им в Кембриджском университете. Ему пришлось покинуть университет при каких-то не особенно лестных для него обстоятельствах.
  - А именно?
- Не знаю. Дело сохранили в тайне. Мне кажется, дядя Джереми знает, в чём тут соль. У него есть страсть отыскивать разное отребье и ставить его на ноги. В конце концов он набьёт себе шишки с каким-нибудь субъектом подобного сорта.
- Итак, Копперторн и мисс Воррендер всего несколько недель назад были совсем чужими друг другу?
  - Совершенно. А теперь, я думаю, мне пора вернуться к моим ретортам.

— Плюнь ты на них, — вскричал я, удерживая его за руку. — Мне надо ещё кое о чём поговорить с тобой. Если они знакомы всего несколько недель, как он мог приобрести над ней такую власть?

Джон посмотрел на меня, разинув рот.

- Власть?
- Ну да, влияние, которое он имеет на неё.
- Милый Гуго, серьёзно начал мой приятель, у меня нет привычки цитировать Евангелие, но теперь мне сам просится на язык один стих, а именно: «Избыток знания сделал их безумными». Ты слишком много занимался в последние дни.
- Ты, значит, хочешь сказать, что никогда не замечал тайных отношений, существующих между гувернанткой и секретарём твоего дяди? вскричал я.
- Хвати-ка бромистого калия, сказал Джон. Это сильно успокаивает, особенно если взять дозу в двадцать граммов.
  - Обзаведись очками, мой друг. Тебе, право, не мешает воспользоваться ими.

Метнув эту парфянскую стрелу, я повернулся и пошёл прочь, чувствуя себя сильно раздосадованным. Не прошёл я и двадцати шагов, как увидал парочку, о которой только что говорил с моим приятелем.

Она стояла, прислонившись к солнечным часам; он стоял против неё. Он что-то горячо толковал ей, резко жестикулируя. Склонившись над нею и размахивая длинными руками, он походил на огромную летучую мышь, взвившуюся над жертвой. Я помню, что мне сразу же пришло в голову это сравнение, ещё более утвердившееся, когда я увидал ужас и испуг, просвечивавшие в каждой чёрточке её прелестного лица.

Эта картинка служила такой замечательной иллюстрацией к сказанному мною выше, что мне страшно захотелось вернуться в лабораторию и заставить Джона-неверующего полюбоваться ею. Но я не успел осуществить своего намерения, потому что был замечен Копперторном. Он повернулся и направился к лесу; мисс пошла за ним, сбивая на ходу зонтиком придорожные цветы.

Я вернулся к себе, решив взяться за занятия. Но сколько я ни заставлял себя, мой ум никак не желал сосредоточиться на книгах: его всё время влекло к тайне.

Джон сообщил мне, что прошлое Копперторна не лишено пятен; несмотря на это, ему удалось приобрести огромное влияние на своего патрона. Я объяснял себе это тем тактом и искусством, с какими он потакал и поощрял поэтическую манию принципала. Но как объяснить не менее очевидное влияние этого человека на гувернантку? У неё нет никакой слабости, которой можно было бы потакать.

Эта связь была бы вполне понятна, если допустить, что они влюблены друг в друга; но инстинкт светского человека и опыт наблюдателя человеческой натуры говорили мне, что тут нет места любовному увлечению. А если не любовь, то тут мог быть только страх, – и всё виденное мной подтверждало этот вывод. Что же именно могло произойти здесь за два месяца, что вселило в надменную черноглазую принцессу такой панический ужас перед этим бледнолицым англичанином с мягким голосом и вкрадчивыми манерами?

За разрешение вот этой-то задачи я и принялся, да с такой энергией, с таким усердием, что совсем забыл про свои научные занятия и про страх перед грядущим экзаменом.

- Я попробовал заговорить об этом с самой мисс Воррендер, когда застал её одну в библиотеке (дети были отправлены в гости к детям одного соседа-сквайра).
- Вы, должно быть, чувствуете себя очень одинокой в те дни, когда нет гостей, начал
   я. По-моему, в этих местах слишком мало развлечений.
- О, для меня очень приятно общество детей, возразила она. Но я всё-таки буду очень сожалеть, когда уедет мистер Терстон или вы.
- Я тоже буду в отчаянии в день отъезда. Я никак не ожидал, что мне здесь понравится.
   Но наш отъезд не лишит вас общества: мистер Копперторн всегда будет с вами.
  - О да, что верно, то верно, как-то уныло согласилась она.
- Он очень милый, любезный и образованный господин, спокойно продолжал я. –
   Недаром к нему так привязался мистер Терстон-старший.

Говоря так, я внимательно наблюдал за своей собеседницей. На её щеках проступила лёгкая краска, а пальцы нервно барабанили по ручке кресла.

- Его манеры, быть может, чересчур сдержанны, но...
- Тут она прервала меня и сказала, злобно сверкнув чёрными глазами:
- К чему вы начали этот разговор?
- Прошу прощения, смиренно ответил я. Я не знал, что он не понравится вам.
- Я имени его не желаю слышать! гневно вскричала она. Это имя я ненавижу. Если бы подле меня был кто-нибудь, кто любил бы меня, любил бы так, как любят там, за далёкими морями, я бы знала, что сказать такому человеку!
  - А именно? спросил я, поражённый этим неожиданным взрывом.

Она наклонилась ко мне так близко, что я почувствовал у себя на лице её горячее лихорадочное дыхание.

-«Убейте Копперторна», - прошептала она, - вот что я сказала бы. «Убейте его, а потом приходите говорить мне о своей любви».

Я не нахожу слов, чтобы передать всю силу и ярость, которые она вложила в свои слова. Лицо её приняло такое бешеное выражение, что я невольно сделал шаг назад.

Неужели эта змея есть та самая красавица, которая держит себя с таким достоинством и спокойствием за столом дяди Джереми?

- Я и правда надеялся при помощи хорошо продуманных вопросов заставить её обнаружить свой характер, но никак не ожидал вызвать такой взрыв. Она заметила мой испуг и удивление и мгновенно изменила тон, разразившись нервным смехом.
- Вы, конечно, сочтёте меня сумасшедшей, поспешила сказать она. Да, да, во мне сказывается моё индусское воспитание. В Индии никогда и ни в чём не признают половинчатости в любви и в ненависти одинаково.
  - За что же вы ненавидите мистера Копперторна? спросил я.
- Собственно говоря, ответила она, смягчая голос, слово «ненависть» будет чересчур сильно; скажем лучше «отвращение». Этот господин из тех, к которым чувствуешь беспричинное отвращение.

Она, несомненно, жалела, что дала себе увлечься, и пробовала теперь пойти на попятный.

Видя, что она хочет переменить разговор, я помог ей в этом. Я сделал какое-то замечание о сборнике индусских гравюр, которые она рассматривала перед разговором. У дяди Джереми была великолепная библиотека, особенно богатая изданиями подобного рода.

- Эти гравюры не отличаются точностью, сказала она, поворачивая страницу. Но эта вот недурна, продолжала она, указывая на одну, изображавшую вождя, одетого в нечто вроде юбки, с ярким тюрбаном на голове, очень недурна. Именно так одевался мой отец, когда садился на своего белоснежного боевого коня, чтобы вести воинов Дуаба в бой против Ферингов. Они предпочитали моего отца всем другим, потому что знали, что Ахмет Кенгхис-Кхан не только великий полководец, но и великий жрец. Народ хотел иметь вождём только испытанного борка и никого другого. Теперь он умер, а все, кто следовал за его знаменем, либо рассеяны, либо погибли в боях, между тем как я, его дочь, живу простой наёмницей в чужой далёкой стране.
- О, когда-нибудь вы вернётесь в свою родную Индию, сказал я, стараясь хоть чемнибудь утешить её.

Несколько минут она рассеянно переворачивала страницы, затем вдруг испустила лёгкий радостный крик.

– Посмотрите-ка! – вскричала она. – Вот один из наших изгнанников. Это один из бюттотти. Он очень похоже нарисован.

Гравюра изображала туземца с не особенно симпатичной физиономией, в одной руке он держал небольшой инструмент – нечто вроде кирки в миниатюре, а в другой – квадратный кусок пёстрой материи.

- Этот платок его румаль, пояснила мисс Воррендер. Само собой, они не показываются с ним на людях. Точно так же он не возьмёт с собой и священного топорика, но во всех иных отношениях он изображён вполне точно. Я много раз путешествовала с этими людьми в безлунные ночи, с люгхами впереди, в ту пору иностранцы не придавали никакого значения громким пильхау, раздававшимся повсюду. О, такой жизнью стоило пожить!
  - Но что такое значит «румаль», «люгхи» и прочее? не выдержал я.

- О, это наши индусские слова, смеясь, ответила она. Вы не поймёте их.
- Но под этой гравюрой стоит подпись: «Представитель племени Дакка». А я всегда считал дакков за воров.
- Да, все англичане так думают, согласилась она. Конечно, дакки не воры, но вообще европейцы считают ворами многих, которые и не думали воровать. Этот человек святой; он, по всей вероятности, один из гуру.

Возможно, что она дала бы мне ещё много пояснений насчёт нравов и обычаев Индии, так как очень любила поговорить обо всём, касающемся её страны, но тут я вдруг заметил, что лицо её изменилось. Она пристально посмотрела на окно, к которому я стоял спиной. Я обернулся и увидал в окне, на уровне подоконника, лицо секретаря.

Признаюсь откровенно, я вздрогнул: его голова с присущей ей мертвенной бледностью лица казалась отрубленной, будто лежащей на подоконнике.

Копперторн открыл окно, поняв, что его заметили.

– Я в отчаянии, что должен побеспокоить вас, – просовывая голову в комнату, сказал он, – но неужели, мисс Воррендер, вы находите приятным сидеть в душной комнате в такую чудную погоду? Не угодно ли пройтись по саду?

Несмотря на вежливость слов, они были произнесены секретарём таким сухим, почти угрожающим тоном, что походили скорее на приказание, чем на просьбу.

Гувернантка поднялась с места и, не сказав ни слова, вышла взять шляпку. Это было новым доказательством власти, которой пользовался над нею Копперторн.

Когда он взглянул на меня, на его тонких бескровных губах заиграла нестерпимо насмешливая улыбка. Он как будто бросал мне вызов новым проявлением своего могущества. В лучах заходящего солнца, освещавших его, он выглядел настоящим демоном в адском ореоле.

Несколько мгновений он смотрел на меня с дьявольским ехидством. Наконец, я услышал его тяжёлые шаги, направлявшиеся по дорожке к дверям дома.

V

В течение нескольких дней после того памятного разговора с мисс Воррендер всё шло в Данкельтуэйте как нельзя лучше.

Я несколько раз сопровождал её во время прогулок по лесу с детьми, но мне так и не удалось добиться сколько-нибудь удовлетворительного объяснения её давешней вспышке гнева в библиотеке. Она не сказала мне больше ни единого слова, которое могло бы пролить свет на эту проблему.

Как только я заводил разговор о секретаре, она весьма сдержанно отвечала мне, либо вдруг вспоминала, что детям пора итти домой, так что в конце концов я совсем отчаялся чтонибудь у неё разузнать.

Мои занятия всё это время шли крайне нерегулярно. Со свёртком бумаг подмышкой ко мне иногда заходил дядя Джереми и услаждал мой слух чтением отрывков из своей большой эпической поэмы.

Когда я чувствовал потребность в обществе, я наведывался в лабораторию к Джону, а он спасался от одиночества у меня. Иногда я разнообразил свои занятия тем, что забирал книги в лес и занимался там целый день напролёт. Копперторна я старательно избегал. Он тоже как будто не очень-то дорожил моим обществом.

Однажды, в первой половине июня, ко мне подошёл Джон. Он держал телеграмму и был чем-то очень раздосадован.

- Поздравь меня, с кислой миной сказал он. Отец требует, чтобы я немедленно отправился в Лондон. Должно быть, что-нибудь юридическое. Он давно уж грозился взяться за приведение в порядок своих дел. Теперь у него, как видно, внезапный прилив сил, и он хочет всё закончить.
  - Ты надолго в Лондон? спросил я.

- На неделю, а то и две. Очень неприятно. Я как раз рассчитывал, что мне удастся разложить этот алколоид...
- Ну, он подождёт твоего возвращения, смеясь, возразил я. Не беспокойся, без тебя его никто не разложит.
- Но мне ещё неприятнее покинуть тебя. Мне кажется негостеприимным зазвать в эту глушь приятеля и потом бросить его тут в полном одиночестве.
- О, из-за этого не беспокойся, возразил я. У меня слишком много дел, чтобы скучать. Кроме того, я нашёл здесь развлечения, на какие и не рассчитывал поначалу. Эти полтора месяца промелькнули для меня так быстро, как никогда.
- Ещё бы! Могу себе представить! ехидно подхватил Джон. Он, видимо, всё ещё был убеждён, что я до безумия влюбился в красавицу-гувернантку.

Джон уехал в тот же день с утренним поездом, обещав писать и сообщить свой лондонский адрес, так как не знал ещё, в каком отеле остановится его отец. Я ещё и понятия не имел о всех последствиях, которые будет иметь эта пустячная деталь, и не подозревал, *чему* суждено здесь произойти, прежде чем я вновь увижусь с моим другом.

Его отъезд меня не опечалил, и я предполагал, что мы четверо более сблизимся друг с другом, что, разумеется, будет способствовать разъяснению волнующей меня тайны.

Приблизительно в четверти мили пути от Данкельтуэйта помещалась небольшая деревушка, имевшая одну длинную улицу и состоявшая из двух-трёх десятков коттеджей с черепичными крышами, церкви, до самой колокольни обвитой плющом, и неизбежного трактира.

В день отъезда Джона мисс Воррендер собралась с детьми на почту, я навязался проводить их. Копперторн, само собой, с наслаждением расстроил бы нам эту прогулку или отправился бы с нами вместе, но на наше счастье дядя Джереми пребывал в тот день в творческом настроении и не мог обойтись без услуг своего секретаря.

Прогулка была чудная, дорога пролегала в тени деревьев, слышалось беззаботное щебетанье птичек. Мы шли не спеша, болтая о разных разностях. Дети бежали впереди. Чтобы дойти до почты, нам надо было миновать трактир, о котором я упоминал выше.

Идя по деревенской улице, мы увидали толпу как раз против этого заведения. Толпа состояла из дюжины ребятишек обоего пола, в грязных рубашонках и юбках, нескольких простоволосых женщин и двух-трёх мужчин, по-видимому, вышедших из трактира. В деревушке, вероятно, давно не помнили такого многочисленного сборища.

Мы ещё не разобрали, в чём дело, но дети пустились во всю мочь вперёд и скоро вернулись с новостями.

- Мисс Воррендер! запыхавшись вскричал Джонни. Там стоит чёрный человек, прямо как из ваших сказок.
  - Цыган, должно быть, предположил я.
- Нет, нет, решительно запротестовал Джонни. Он ещё чернее, чем цыган. Правда, Мэй?
  - О, да, подтвердила девочка.
  - По-моему, нам следует пойти и посмотреть самим, предложил я.

Говоря это, я взглянул на мою спутницу и был поражён её бледностью и лихорадочным блеском глаз.

- Вам дурно?
- Нет, нет! возразила она, ускоряя шаги. Идёмте, идёмте!

Когда мы дошли до трактира, нашим глазам представилось странное зрелище. Мне сразу же пришло на память описание малайца — потребителя опиума, встреченного ещё де Куинси на одной шотландской ферме. В центре группы йоркширских крестьян стоял человек с Востока гигантского роста, с изящным, гибким и грациозным станом, его полотняная одежда была покрыта пылью, а смуглые ноги обуты в грубые башмаки. Явился он, видимо, издалека и долго шёл пешком. Он опирался на длинную палку, устремив чёрные задумчивые глаза в пространство и не обращая на окружающую его толпу ни малейшего внимания.

Его яркий костюм и цветной тюрбан создавали странный, разительный контраст с прозаической обстановкой захудалой английской деревушки.

Бедный мальчик! – задыхающимся от волнения голосом произнесла мисс Воррендер. –

Он устал. И, наверное, голоден и не может объяснить окружающим, что ему нужно. Я поговорю с ним.

И она обратилась к индусу на его родном языке.

Никогда в жизни я не забуду эффекта, какой произвели её слова. Не произнося ни слова, чужестранец склонился всем телом на пыльную дорогу и буквально распростёрся ниц перед моей спутницей.

Мне часто приходилось видеть в книгах способы, которыми на Востоке выказывают почтительность к высшим, но я не представлял, чтобы кто бы то ни было мог дойти до такой степени самоуничижения, на какую указывала поза этого человека.

Мисс Воррендер продолжала свою речь резким, повелительным тоном.

Он тотчас же поднялся и стоял, сложив руки на груди и опустив глаза долу, точно раб в присутствии господина. Кучка зрителей, по всей вероятности считавшая это неожиданное преклонение прелюдией к какому-нибудь фокус-покусу или серии акробатических упражнений, с любопытством таращилась на чужестранца.

– Не будете ли вы добры проводить детей до почты и опустить письма? – спросила меня гувернантка. – Мне бы хотелось ещё поговорить с этим господином.

Я исполнил её просьбу.

Когда я вернулся несколько минут спустя, они так и не закончили разговор. Индус, видимо, рассказывал о своих приключениях или пояснял, что побудило его отправиться в далёкое путешествие. Пальцы его дрожали, глаза сверкали – он был сильно взволнован.

Мисс Воррендер внимательно слушала, иногда восклицала, и по её жестам было видно, что она вникает в малейшие детали рассказа.

– Вы должны извинить меня, что я так непростительно долго задержала вас под солнцем, – обратилась она наконец ко мне. – Нам надо итти, а то мы опоздаем к обеду.

Тут она произнесла несколько повелительных фраз своему чёрному собеседнику, и мы тронулись в обратный путь.

- Итак, начал я, движимый вполне понятным любопытством, когда мы отошли настолько, чтобы нас не услышали крестьяне. Кто он?
- Он родом из центральных провинций, из страны Махраттов. Он из наших. Меня потрясло его появление здесь, и я страшно разволновалась.
  - Но вам, несомненно, приятна эта встреча.
  - О, да, очень.
  - А почему ему пришло в голову пасть перед вами ниц?
  - Потому что он знал, что я дочь Ахмета Кенгхис-Кхана, гордо произнесла она.
  - А как он попал сюда?
- Это длинная история, небрежно отозвалась она. Он ведёт бродячую жизнь... Какая темень в этой аллее! Ветви деревьев образовали настоящий живой потолок. Человеку, забравшемуся на такое дерево, легче лёгкого прыгнуть на спину проходящего внизу. И тот почувствует ваше присутствие не раньше, чем ваши пальцы вопьются ему в горло.
  - Какой ужас! вскричал я.
- Тёмные места всегда вызывают во мне чёрные мысли, весело засмеялась девушка. Кстати, у меня есть к вам просьба, мистер Лоренс.
  - В чём дело? осведомился я.
- Пожалуйста, не говорите дома ни слова о встрече с моим бедным соотечественником.
   Его, чего доброго, примут за бродягу и вора и прикажут выгнать из деревни.
  - Я уверен, что мистер Терстон не способен на такую жестокость по отношению к нему.
  - Да, но на неё способен мистер Копперторн.
  - Я к вашим услугам, но дети... они, наверное, проболтаются.
  - Не думаю.

Право, не знаю, как ей удалось справиться с этими болтливыми язычками, но только они не проронили о чужестранце ни слова.

У меня были кое-какие подозрения, что это дитя тропиков явилось сюда неслучайно, а для выполнения какой-то особой миссии. На следующее утро я имел весьма убедительное доказательство тому, что он всё ещё проживает в деревне: идя по аллее, я встретил мисс Воррендер; в руках у неё была корзина с хлебом и мясом. В последнее время у неё вошло в

привычку остатки от обеда относить разным деревенским старухам.

Я предложил проводить её до деревни.

- Чья сегодня очередь? спросил я. Старой Венабл или Тейльфорт?
- Ни той, ни другой, улыбаясь, возразила она. Мне придётся сделать вам одно небольшое признание, мистер Лоренс. Вы всегда были мне другом, и я знаю, что могу на вас положиться. Я повешу корзинку вот на этот сук, а он её опорожнит.
  - Он, значит, всё ещё здесь?
  - Да.
  - А вы уверены, что он найдёт корзинку?
- О, в этом можно не сомневаться. Надеюсь, вы не находите ничего предосудительного в том, что я оказываю ему кое-какую помощь? Вы сами поступили бы точно так же, если б жили среди индусов и вдруг встретили среди них англичанина. Но мне хотелось бы посмотреть на цветы.

Мы вошли в оранжерею.

На обратном пути корзинка всё ещё висела на суку, но была уже пуста. Мисс Воррендер, смеясь, сняла её с дерева и отнесла домой.

После этой встречи со своим сородичем она стала веселее и спокойнее. Быть может, это было только плодом моей фантазии, но мне казалось, что и в присутствии Копперторна она чувствовала себя спокойнее, чем прежде, с меньшим страхом выносила его взгляд и меньше поддавалась его воле.

А теперь я должен приступить к той части моего рассказа, в которой придётся описать, каким образом мне довелось проникнуть в тайну взаимоотношений двух загадочных личностей и как я узнал страшную правду о мисс Воррендер – или принцессе Ахмет Кенгхис; её, собственно говоря, следовало бы называть последним именем, так как она походила больше на этого воинственного и неукротимого фанатика, чем на свою мягкую деликатную мать-англичанку.

Это открытие стало для меня чудовищным ударом, которого я вовек не забуду.

Очень может быть, что ввиду моей манеры вести рассказ – выделяя факты мало-мальски значительные и опуская такие, которые не имеют отношения к главной мысли, – очень может быть, что читатели уже угадали составленный гувернанткой план. Что касается меня лично, я должен торжественно признаться, что до самой последней минуты не имел ни малейшего представления об истине.

Я ровно ничего не знал о женщине, которой дружески пожимал руку и голос которой очаровал мой слух. Но и по сей день я твёрдо уверен, что она была искренне расположена ко мне и ни за что не причинила бы мне зла намеренно.

Вот как произошло моё страшное открытие.

Я как будто уже упоминал, что в лесу, окружавшем Данкельтуэйт, у меня было облюбовано уютное местечко для занятий на лоне природы. Однажды вечером, часов этак в десять, подымаясь в свою комнату, я вспомнил, что забыл там один трактат по гинекологии; рассчитывая поработать ещё часик-другой перед отходом ко сну, я решил пойти и отыскать книгу.

Дядя Джереми и прислуга уже спали. Поэтому я по возможности бесшумно спустился вниз и потихоньку повернул ключ во входной двери. Через лужайку я направился к лесу, чтобы взять книгу и немедленно вернуться домой.

Не успел я войти в лес, как услыхал голоса гувернантки и секретаря. Судя по направлению, откуда они доносились, я понял, что они сидят в моём местечке и говорят, не подозревая, что их слушает третье лицо.

Я всегда находил подслушивание низким делом – всё равно при каких обстоятельствах, и уже собирался кашлянуть или каким-нибудь другим образом обнаружить своё присутствие, как вдруг услыхал несколько слов, сказанных Копперторном, которые изменили моё первоначальное намерение и вместе с тем заставили содрогнуться от ужаса.

– Все подумают, что он умер от апоплексического удара.

Я ясно слышал эти слова, произнесённые резким голосом секретаря в неподвижном воздухе июньской ночи. Я затаил дыхание и замер, весь обратившись в слух. Теперь я и не помышлял о том, чтобы заявить о себе. Какое преступление замышляют в эту роскошную

летнюю ночь двое так не похожих друг на друга преступников?

Я услыхал низкий нежный голос мисс Воррендер, но она говорила так быстро и так тихо, что я не мог разобрать ни слова. Интонация её голоса не оставляла сомнения в том, что она находится в страшном, смертельном волнении.

На цыпочках я подкрался ближе, стараясь не упустить ни слова. Луна ещё не взошла, и потому под деревьями царила кромешная тьма. Я имел все шансы остаться незамеченным.

- Ели его хлеб, скажите, пожалуйста! иронически произнёс секретарь. Вы не всегда бывали так щепетильны, хотя бы в тот раз, когда дело шло о маленькой Этель.
- О, я сходила тогда с ума! Сходила с ума! разбитым голосом вскричала красавица. Я часто молилась Будде и великой Бовани, и мне казалось, что если я, одинокая женщина, буду и в стране неверных поступать согласно заветам моего отца, то совершу великий и славный подвиг. Наша религия допускает в свои тайны лишь очень немногих женщин, и я удостоилась этой чести лишь благодаря счастливой случайности. Но, раз ступив на открывшуюся передо мной дорогу, я шла по ней неуклонно и бесстрашно, и на четырнадцатом году моей жизни великий гуру Рамдин Синг объявил меня достойной занять место на ковре Трепуне наравне с прочими бюттотти. Да клянусь священным топориком я сильно страдала из-за содеянного мною здесь, потому что... ну что худого сделала эта несчастная, принесённая мною в жертву крошка?
- Сдаётся мне, однако, ваше раскаяние вызвано тем, что я разоблачил вас, а отнюдь не моральной стороной дела, насмешливо прервал гувернантку Копперторн. У меня и раньше были на ваш счёт кой-какие подозрения, но вполне увериться в том, что я имею дело с принцессой тугов, мне пришлось лишь после того, как я застал вас за упражнениями с платком. И такая романтическая особа окончит жизнь на прозаической английской виселице! Недурно, право, недурно!..
- И с тех пор вы пользовались своим открытием, чтобы убивать во мне всё живое, с горечью продолжала она. Вы превратили мою жизнь в сплошной ад!
- Ад! изменившимся голосом повторил он. Вы знаете чувства, испытываемые мною к вам. Если я иногда и командовал вами, угрожая оглаской, то только потому, что находил вас слишком нечувствительной к голосу моей любви.
- Любви! с горечью в голосе вскричала она. Как можно любить человека, который то и дело грозит вам позорной казнью? Но вернёмся к предмету нашего разговора. Вы обещаете мне полную свободу, если я устрою для вас это дело?
- Да, был ответ Копперторна. Если дело будет сделано, вы получите возможность уехать отсюда, когда вам заблагорассудится.
  - Вы клянётесь в этом?
  - Да, клянусь.
  - Ради того, чтобы получить свободу, я сделаю всё, что угодно! вскричала она.
- Нам никогда не представится более удобного случая, чем сейчас, продолжал Копперторн. Молодой Терстон уехал, а его друг крепко спит. Вдобавок, он слишком глуп, чтобы подозревать что-нибудь. Завещание написано в мою пользу; когда старик умрёт, мне будет принадлежать всё до последней травки, до последней песчинки.
  - Почему же вы сами не сделаете этого? спросила его собеседница.
- Ну, такие дела не в моём вкусе, возразил он. Кроме того, я не набил себе руку в обращении с этим вашим платком «румалем», как вы его называете. А от него не остаётся никаких следов. В том-то и выгода этого приспособления.
  - Какая гадость: убить своего благодетеля!
- Зато какой святой подвиг сослужить службу Бовани, богине убийства! Я достаточно знаком с вашей религией, чтобы понять это. Если бы ваш отец находился здесь, решился бы он на это дело?
- Мой отец был величайшим борка во всём Джюбльтуре, гордо отрезала гувернантка.
   Он погубил в своей жизни людей больше, чем считается дней в году.
- Я охотно заплатил бы тысячу фунтов, чтобы не повстречаться с ним, смеясь, заметил Копперторн. Но что сказал бы теперь Ахмет Кенгхис-Кхан, если бы увидел, что его дочь колеблется воспользоваться ли ей или не воспользоваться таким удобным случаем сослужить службу богине? До сих пор вы действовали безукоризненно. Он, наверное,

улыбался, видя, как душа маленькой Этель полетела к вашей божественной ведьме. Я думаю, что это было даже не первым вашим убийством. Возьмём, например, дочку этого немцакоммерсанта... Эге! По вашему лицу я вижу, что снова прав. И вот, после стольких подвигов вы колеблетесь, когда нет никакой опасности и когда совершить жертвоприношение легче лёгкого! Кроме того, совершив этот поступок, вы освобождаетесь от необходимости жить здесь; а ведь вам здесь несладко приходится: вы всё время, так сказать, чувствуете петлю на шее. Итак, если вы берётесь сделать это дело, делайте его немедленно. Старик в любой момент может уничтожить завещание, потому что любит племянника, а кроме того, он страшно непостоянен.

Настало долгое молчание, во время которого мне казалось, что я слышу биение собственного сердца.

- Когда всё должно быть сделано? спросила наконец мисс Воррендер.
- Завтра вечером.
- Каким образом я проберусь к нему?
- Я оставлю дверь открытой, сказал Копперторн. У него тяжёлый сон. Затем я оставлю в его комнате ночник, и вам нетрудно будет ориентироваться.
  - А потом?
- А потом вы вернётесь к себе. Утром люди решат, что наш старик умер во сне. Затем выяснится, что всё своё имущество он оставил своему верному секретарю в виде благодарности за усердный труд. Так как в услугах мисс Воррендер не будет уже больше никакой надобности, она получит возможность вернуться на свою дорогую родину или в любую другую страну по собственному выбору. Если ей будет угодно, она может захватить с собой и мистера Лоренса.
  - Вы оскорбляете меня, злобно прервала оратора прелестная мисс.

Помолчав, она прибавила:

- Нам будет необходимо свидеться завтра перед тем, как я приступлю к делу.
- Зачем?
- Потому что мне, пожалуй, понадобятся кое-какие дополнительные указания.
- Ладно. Значит, тут же, в полночь.
- Нет, только не здесь; это слишком близко к дому. Мы встретимся под большим дубом в начале аллеи.
- Где угодно, только помните одно: я отнюдь не намерен присутствовать в его комнате во время вашей операции.
- Мне этого и не нужно, презрительно бросила она. Ну, довольно. Мы переговорили обо всём.

Они пошли прочь, и хотя ещё продолжали разговор, я не стал слушать дальше. Как молния, пронёсся я через лужайку и добрался до двери, которую запер за собой на ключ.

Только войдя к себе и бросившись в кресло, я смог привести в порядок свои мысли и обдумать страшный разговор, который несколько минут назад слышал во тьме. Большую часть этой ночи я провёл без сна, вдумываясь в каждое произнесённое заговорщиками слово и стараясь составить себе план действий на будущее.

VI

Туги! Я уже кое-что слыхал об этих яростных фанатиках – жителях Центральной Индии, извращённая религия которых считает убийство ближнего драгоценнейшим даром, какой только может принести Создателю смертный.

Я припоминаю отрывок из сочинений полковника Медоус-Тэйлора, в котором идёт речь о тайнах тугов, об их организации, о непоколебимом фанатизме и о страшном роковом влиянии, которое кровавая мания производит на прочие их нравственные и умственные способности. Я припомнил даже, что «румаль», слово, часто встречавшееся в этой книге, должно было обозначать священный платок, которым они обыкновенно производили свою

дьявольскую работу.

В момент разлуки с ними мисс Воррендер была уже почти взрослой женщиной, и потому нет ничего удивительного в том, что искусственной культуре не удалось вытравить из неё, дочери главного вождя тугов, плоды первоначального её воспитания и помешать фанатизму выказать себя в удобную минуту. По всей вероятности, обуреваемая фанатизмом, она и задушила своим страшным платком маленькую Этель, подготовив себе алиби; когда же Копперторну удалось раскрыть её тайну, он получил страшное оружие и отныне мог управлять ею как угодно — ради своих личных выгод, разумеется.

В этих племенах из всех смертных казней позорнейшей считается казнь через повешение; зная, что по законам Англии она подлежит за своё преступление именно такой казни, она, очевидно, была вынуждена подчиниться требованиям секретаря.

Что касается Копперторна, то, когда я обдумал то, что он наделал и что намерен сделать наперёд, я почувствовал к этому человеку величайшее отвращение. Он вызывал во мне ужас. Так вот как решил он отплатить старику за все его благодеяния! Вырвав у старика подпись, обеспечивавшую ему всё его состояние, хитроумный секретарь решил обезопасить себя от удовольствия получить сонаследника, что легко могло произойти ввиду симпатий старика к племяннику.

Всё это было само по себе страшной подлостью; но верхом подлости была идея отправить на тот свет дядю Джереми не своей собственной трусливой рукой, а воспользовавшись страшными религиозными суевериями этой несчастной, да ещё таким способом, чтобы отстранить от истинного виновника преступления всякое подозрение.

Я решил, что как бы ни кончилось дело, секретарю не удастся избежать справедливого возмездия. Но что мне нужно для этого предпринять?

Знай я лондонский адрес моего друга, я послал бы ему рано утром телеграмму, и он успел бы приехать в Данкельтуэйт к вечеру. Но Джон, к сожалению, очень не любил переписки, и мы до сих пор не имели о нём никаких известий, несмотря на то, что с его отъезда прошло уже несколько дней.

У нас в доме были три служанки, но ни одного мужчины, если не считать старика Джулиуса; среди соседей у меня не было ни одного знакомого, на которого я мог бы положиться. Впрочем, это было не так уж важно: я знал, что моего единоличного вмешательства будет вполне достаточно, чтобы расстроить весь замысел. Вопрос состоял в том, какие мне лучше принять меры. Сначала мне пришло в голову — спокойно дождаться утра, а затем, никому ничего не говоря, отправить Джулиуса в ближайший полицейский участок с просьбой прислать двух констеблей, передать в их руки Копперторна и его соучастницу и рассказать всё, что я узнал об их замысле.

Однако, поразмыслив и оценив этот план действий, в конце концов я нашёл его совершенно непрактичным. Дело в том, что у меня нет против них никаких улик, кроме чисто голословного утверждения их преступности. Само собой, это утверждение покажется всем абсурдом. Кроме того, я вперёд угадывал, с каким невозмутимым видом полной невинности и каким уверенным тоном Копперторн отклонит обвинение. свалив недоброжелательство, которое я питаю к нему и к его соучастнице за их взаимную любовь. Я отлично понимал, как легко ему удастся уверить третье лицо, что я сочинил всю историю для того, чтобы подгадить ему - своему сопернику по амурной части, и как трудно будет мне доказать, что человек, имеющий наружность духовной особы, и молодая, одетая по последней моде женщина, суть не что иное, как два хищника, вылетевших на охоту. Я чувствовал, что совершу большую ошибку, выдав себя прежде, чем буду держать дичь в руках.

Другой план состоял в том, чтобы ничего никому не говорить, а предоставить событиям итти своим ходом, держась в то же время наготове, чтобы вмешаться, как только улики станут более или менее вескими. Этот план как нельзя более соответствовал моей страсти к приключениям, а также должен был как будто привести к наилучшим результатам.

Улёгшись на рассвете в постель, я решил молчать и помешать осуществлению кровавого плана заговорщиков, рассчитывая лишь на собственные силы.

На другой день после завтрака дядя Джереми находился в весьма приподнятом настроении и во что бы то ни стало захотел прочесть вслух «Ченчи» Шелли – произведение, всегда приводившее его в восторг. Копперторн сидел около него, по обыкновению

молчаливый, невозмутимый, непроницаемый, за исключением тех случаев, когда он издавал восклицания удивления и восторга. Мисс Воррендер была погружена в свои мысли; раз или два мне показалось, будто на её чёрных глазах мелькнула слезинка.

Я испытывал странное ощущение, наблюдая за этими тремя людьми и размышляя об их отношениях. Я искренно сочувствовал маленькому краснолицему старичку-хозяину, с его странной причёской и старомодными манерами, и давал про себя слово, что приложу все усилия, дабы спасти его от злодеев.

День тянулся невыразимо долго. Заниматься я был не в состоянии и проводил время, слоняясь по саду и по комнате. Копперторн сидел наверху с дядей Джереми, и я почти не видел его.

Раза два-три, когда я бродил по саду, мне повстречалась гувернантка с детьми; я каждый раз спешил удалиться и избежать разговора с нею. Я чувствовал, что не смогу скрыть внушаемый ею несказанный ужас и не показать, что мне известны события минувшей ночи. Она, вероятно, заметила, что я избегаю её: встретившись с ней глазами за завтраком, я заметил в её взоре огонёк удивления и злобы. Я поспешил отвести глаза в сторону.

Днём почтальон принёс мне письмо Джона, в котором тот извещал, в каком отеле остановился. Но теперь было поздно: он всё равно не поспел бы сюда к вечеру. Тем не менее, я счёл своим долгом послать ему телеграмму, сообщив, что его присутствие крайне необходимо в Данкельтуэйте. Ради этого мне пришлось совершить длительную прогулку на вокзал, зато это путешествие помогло мне убить время; я почувствовал большое облегчение, когда услыхал треск аппарата, передающего мою телеграмму. На обратном пути я встретил на повороте в аллею старика Джулиуса, который был чем-то по-настоящему разгневан.

- Про мышей говорят, что одна приводит за собой целый выводок других, обратился он ко мне, сняв шляпу. То же самое можно сказать и про этих черномазых. Он всегда неприязненно относился к гувернантке за её «нахальную физиономию», как он выражался.
  - А что случилось? спросил я.
- Да тут всё бродит кругом дома какая-то черномазая собака. Я заметил его в кустах и предложил ему проваливать подобру-поздорову, откровенно высказав своё мнение обо всей их братии. Уж не насчёт ли куриц он метит? Или думает запалить дом и потом перерезать всех нас в кроватях? Знаете что, мистер Лоренс? Я сейчас схожу в деревню и наведу о нём коекакие справки.

И он ушёл, продолжая ворчать в усы.

Проходя по длинной аллее, я много думал о словах старика. Индус, очевидно, всё ещё бродит в этих местах. А я совсем и думать о нём забыл, пока строил свои планы. А что, если его соотечественница вздумает сделать его своим соучастником? Тогда я окажусь перед тремя противниками и, чего доброго, не сумею выйти победителем.

Впрочем, это предположение было маловероятно, ввиду тех мер, которые она принимала, чтобы Копперторн ничего не знал про прибытие индуса.

На минуту у меня возникла идея – взять в поверенные Джулиуса; но потом я рассудил, что человек его лет будет скорее помехой, чем помощью.

Около семи часов вечера, подымаясь к себе, я столкнулся на лестнице с Копперторном; он спросил, не знаю ли я, где мисс Воррендер.

Я ответил, что не видал её.

 Странно, что её никто не видал после обеда. Дети тоже ничего не знают, а мне нужно кое-что сказать ей по секрету.

Он говорил безо всякого волнения. Меня исчезновение мисс Воррендер отнюдь не удивило. Она, наверное, сидела в лесу, обдумывая страшное преступление, которое решила привести в исполнение.

Я вошёл в свою комнату и взял книгу, но от волнения совершенно не мог читать. Мой план кампании был уже выработан: я решил отправиться на место их свидания, оттуда последовать за ними и вмешаться в самый последний момент. Для этого я обзавёлся толстой суковатой палкой, которая обеспечит мне полное господство над моими противниками. Я, кроме того, успел убедиться в том, что у Копперторна не водится огнестрельного оружия. Во всей моей жизни не запомню я ни одного дня, когда время для меня тянулось бы так долго, как в тот памятный вечер, проведённый мною в верхнем этаже Данкельтуэйта-Ингльтона.

Часы в столовой глухо пробили восемь часов, потом девять, потом – после долгого, нескончаемо долгого промежутка – десять. Тут я вскочил с кресла и принялся шагать взад и вперёд по комнате; мне казалось, что время совсем остановилось; я ждал назначенного часа со страхом и нетерпением, как это всегда бывает с человеком, когда он стоит лицом к лицу с серьёзным испытанием.

Наконец, в тиши ночи раздался серебристый удар – первый из долгожданных одиннадцати ударов.

Я немедленно надел войлочные туфли, взял палку и бесшумно выскользнул из комнаты на лестницу. В верхнем этаже слышалось шумное храпение хозяина дома. Я пробрался в полной тьме до выходной двери, открыл её и очутился под чудесным звёздным небом. Мне следовало быть крайне осторожным; полная луна светила очень ярко, – было светло, как днём.

Я прошёл под прикрытием тени, отбрасываемой домом, до садового забора, перелез через него и очутился в лесу, на том самом месте, где был накануне вечером. Затем я пошёл дальше, стараясь ступать по возможности бесшумно. Наконец, я нашёл такое место, откуда через кусты был отлично виден дуб на повороте аллеи. В тени дуба кто-то стоял.

Сначала я не мог разобрать, кто именно там скрылся; но вот человек вышел на освещённое луной пространство и нетерпеливо огляделся. Тут я увидел, что это Копперторн. Он был один. Гувернантка, очевидно, ещё не явилась на свидание.

Так как я хотел не только видеть, но и слышать, я начал пробираться сквозь кусты поближе к дубу и остановился менее чем в пятнадцати шагах от того места, где вырисовывалась высокая костлявая фигура секретаря, залитая переменчивым лунным светом.

Он ходил взад и вперёд, то появляясь на освещённых луною местах, то скрываясь в тени деревьев. По его поведению было видно, что он заинтригован и встревожен опозданием своей соучастницы. В конце концов он остановился под огромной веткой, совсем скрывшей его фигуру в своей гигантской тени: с этого места перед ним открывалась во всю свою длину усыпанная песком дорожка, на которой должна была показаться мисс Воррендер.

Я оставался неподвижно в своём убежище, мысленно поздравляя себя с тем, что мне удалось найти укромное местечко, где я могу всё слышать, не рискуя в то же время быть замеченным. Но вот вдруг я увидал нечто, что заставило моё сердце сильно забиться и чуть было не вызвало восклицания, которое, наверное, выдало бы моё присутствие.

Я уже говорил, что Копперторн находился как раз под огромным суком большого дуба. Повыше этого сука дуб был объят кромешной тьмой, но самая верхушка его сверкала, серебрясь в лучах лунного света. Всматриваясь в эту верхушку, я заметил, что по ней очень быстро спускается что-то странное – трепещущее, скользящее.

Мало-помалу, когда мои глаза привыкли к свету, я разобрал, что это нечто было человеческой фигурой. А фигура эта принадлежала индусу, встреченному мной в деревне.

Он спускался по дереву вниз, охватив его руками и ногами, не производя никакого шума и скользя быстро-быстро — точно змея его родных джунглей. Прежде чем я успел опомниться, он сполз на тот самый сук, под которым стоял секретарь; его бронзовое тело чётко вырисовывалось на диске луны, бывшей как раз позади него.

Я видел, как он размотал что-то, охватывавшее его талию. минуту помедлил, как бы рассчитывая расстояние, а затем одним скачком ринулся вниз, ломая ветки своей тяжестью. Затем раздался глухой удар, точно упали на землю два тяжёлых тела, — в тихом ночном воздухе послышался характерный звук, будто кто-то полоскал себе горло, и хрип, воспоминание о котором не покинет меня никогда в жизни — до гробовой доски.

Пока эта трагедия происходила, так сказать, у меня перед носом, я был настолько парализован ужасом и внезапностью нападения, что решительно не мог тронуться с места. Только люди, побывавшие в аналогичных переделках, могут понять, до какой степени парализуют ум и тело человека подобные приключения. Они не дают вам сделать ни одной из тысячи вещей, о которых вы вспоминаете потом, когда будет уже поздно, – и каких простых, само собой понятных вещей!

Тем не менее, когда звуки агонии достигли моего слуха, я сбросил с себя оцепенение и с громким криком выскочил из своего убежища. Молодой туг моментально оставил свою жертву, ворча, точно зверь, у которого отнимают добычу, и бросился бежать с такой быстротой, что я сразу понял: мне его не догнать.

Я наклонился к секретарю и приподнял ему голову. Его лицо стало багровым и было страшно искажено. Я разорвал ворот рубашки и употребил все меры, чтобы вернуть его к жизни. Но всё оказалось напрасно. Румаль сделал своё дело. Копперторн был мёртв...

Мне немногое остаётся добавить к моей странной истории. Она вышла, быть может, немного растянутой, но я чувствую, что мне нет надобности извиняться: я хотел изложить факты последовательно – ясно, просто, «не мудрствуя лукаво»; мой рассказ был бы неполон, если бы я выпустил хоть один из них.

Вскоре мы узнали, что мисс Воррендер уехала в Лондон семичасовым поездом; она приехала туда, стало быть, задолго до того, как её начали искать. Что же касается убийцы, которого она послала вместо себя на свидание, то о нём мы никогда больше не слыхали ни слова. Его приметы были сообщены во все страны мира, но напрасно. Беглец, надо полагать, проводил дни в каких-нибудь тайниках, путешествуя по ночам и питаясь чем придётся (как известно, люди Востока весьма неприхотливы в еде), пока не почувствовал себя в полной безопасности.

Джон Терстон вернулся в Данкельтуэйт на следующий день. Он был страшно поражён, выслушав мой рассказ о ночном приключении. Он вполне согласился со мной насчёт того, что нам лучше умолчать о проектах Копперторна и о причинах, которые задержали его так поздно в аллее в ту роковую ночь. Поэтому полиции графства не удалось познакомиться с предысторией этой необыкновенной драмы, и вряд ли полиция когда-либо сможет узнать её – разве только кому-нибудь из её чинов попадётся на глаза мой правдивый рассказ.

Бедный дядя Джереми очень оплакивал потерю своего секретаря. И разразился целой тучей стихотворений, эпитафий и поэм в честь усопшего друга... Он давно уже отошёл к праотцам, и я страшно доволен тем, что большая часть его имущества перешла к его законному наследнику – племяннику покойного.

Ещё один пункт. Как попал молодой туг в Данкельтуэйт? Этот вопрос так и остался не вполне выясненным, но я лично держусь на этот счёт вполне определённого мнения: я уверен, что всякий, кто взвесит «за» и «против», согласится со мной, что его появление отнюдь не было простой случайностью.

Последователи этой секты представляют из себя в Индии многочисленное сообщество; когда они решили избрать себе вождя, они, разумеется, вспомнили про красавицу-дочь своего бывшего повелителя. Им нетрудно было найти её след в Калькутте, Германии, а под конец и в Данкельтуэйте. Молодой туг, по всей вероятности, явился возвестить ей, что она не забыта в Индии и что её ждёт горячий приём, если она захочет приехать и объединить рассеянные части своего племени.

Иные, быть может, сочтут это объяснение немного натянутым: как бы то ни было, лично я всегда держался именно такого взгляда на причины приезда в Данкельтуэйт юного защитника красавицы-гувернантки.

VII

Я начал эту историю тем, что привёл копию письма моего товарища, а закончу её теперь письмом другого моего друга — доктора Галлера, — человека энциклопедических познаний, особенно сведущего в нравах и обычаях Индостана.

Только благодаря его любезности я и был в состоянии перевести разные туземные слова, которые не раз слыхал от мисс Воррендер и значения которых, наверное, не припомнил бы, если б не его указания. В приводимом ниже письме он даёт свои авторитетные комментарии насчёт разных подробностей, о которых я говорил ему недавно во время одной из наших бесед.

«Мой дорогой Лоренс!

Я обещал Вам написать письмо о тугизме; но эти дни я был так занят, что могу исполнить обещание только сегодня. Меня очень заинтересовало Ваше приключение, и я буду рад лишний раз побеседовать о нём.

Прежде всего, должен сообщить, что женщины крайне редко посвящаются в тайны тугизма; с Вашей героиней это могло произойти лишь случайно или по протекции: она, вероятно, отведала самовольно священный «гур» (так называется жертва, возносимая тугами после каждого убийства). Всякий отведавший становится активным членом тугизма, — всё равно, какого бы возраста или пола он ни был, какое бы положение в обществе ни занимал.

Будучи благородного происхождения, она, вероятно, быстро прошла разные степени посвящения: от «титхаи», или осветителя, «люгха», или могильщика, «шемси», который держит жертву за руки, до «бюттотти», или душителя. Всем этим обязанностям её должен был научить «гуру», или наставник, которым она называла в Вашем рассказе своего отца; последний, по всей вероятности, был «борка», то есть верховным тугом.

Раз достигши высшей степени, она тем самым обрекла себя на совершенно бессознательные вспышки фанатизма. «Пильхау», о котором она упоминает, есть предзнаменование, полученное слева; если оно сопровождается «тибау» — предзнаменованием справа, то считается знаком того, что всё уладится отлично.

Кстати, Вы говорили, что в день убийства Ваш старик кучер видел индуса в кустах. Он, наверное, был занят копанием могилы для Копперторна. Прежде, чем приступить к убийству, туги имеют обычай приготовить могилу для трупа.

По моим сведениям, среди британского офицерства жертвой этого общества пал лишь один; это был поручик Монселль, задушенный в 1812 году. После его гибели полковник Слиман уничтожил большую часть членов этой секты, хотя можно быть уверенным, что она гораздо многочисленнее, чем то утверждают официальные власти.

Да, да! Шар земной преисполнен злобы и мрака, и этот мрак будет рассеян Евангелием и только им одним.

Я охотно уполномочиваю Вас опубликовать эти краткие заметки, если Вы найдёте, что они могут пролить кое-какой свет на Ваш рассказ.

Ваш искренний друг,

Б.К. Галлер».

1892 г.

(перевод Павла Гелевы)

КАК КОПЛИ БЭНКС ПРИКОНЧИЛ КАПИТАНА ШАРКИ

Пираты были не просто грабителями. Они представляли собой плавучую республику, в которой господствовали собственные законы, обычаи и порядки. В бесконечных кровавых распрях с испанцами на их стороне было даже некоторое подобие права. В своих опустошительных набегах на прибрежные города Карибского моря они совершали не больше зверств, чем испанцы во время своего вторжения в Голландию или на Карибские острова в тех же американских землях.

Предводитель пиратов, англичанин или француз, Морган или Граммон, считался в те времена достойным человеком, отечество порой признавало и даже восхваляло его, если он воздерживался от слишком уж чудовищных поступков, способных потрясти людей семнадцатого века с их загрубелой совестью. Некоторые из этих пиратов были весьма набожны, и до сих пор ещё рассказывают, как Соукинс однажды в воскресенье выбросил за борт игральные кости, а Даниэл застрелил человека в церкви за богохульство.

Однако наступило время, когда пиратские флотилии уже перестали собираться у Тортуги, и на смену им пришли пираты-одиночки, стоявшие вне закона. Но даже у них ещё существовала дисциплина и какие-то моральные устои; эти первые пираты-одиночки — Эйворисы, Ингленды и Робертсы — ещё испытывали какое-то уважение к человеческим чувствам. Они были грозой купцов, но моряк ещё мог ждать от них пощады.

Но и они, в свою очередь, уступили место более кровожадным и отчаянным разбойникам, которые открыто заявляли, что находятся в состоянии войны со всем человечеством, и клялись не давать и не ждать пощады. Об этих пиратах до нас дошло мало достоверных сведений. Они не писали мемуаров и не оставили никаких следов, кроме почерневших от времени, запятнанных кровью останков, которые иногда выбрасывают на берег волны Атлантики. Об их деятельности можно судить лишь по длинному перечню судов, уплывших в море и не вернувшихся в порты.

Роясь в анналах, мы лишь изредка находим отчёт о каком-нибудь судебном процессе, который на мгновение приподнимает окутывающую их завесу, и видим людей, поражающих нас своей бессмысленной жестокостью. Таковы были Нэд Лоу, шотландец Гоу и злодей Шарки, чей угольно-чёрный барк «Счастливое избавление» был известен от берегов Ньюфаундленда до устья Ориноко как мрачный предвестник страданий и гибели.

На островах и на материке немало людей питало кровную вражду к Шарки, но ни один из них не пострадал так, как Копли Бэнкс из Кингстона. Бэнкс считался одним из самых крупных торговцев сахаром на Вест-Индских островах. Он был человеком с положением, состоял членом городского совета, женился на девушке из знатного рода Персивалей и приходился двоюродным братом губернатору Виргинии. Своих двух сыновей он отправил учиться в Лондон, и его жена поехала за ними в Англию с тем, чтобы привезти их домой на каникулы. На обратном пути корабль «Герцогиня Корнуэльская» попал в лапы Шарки, и вся семья погибла ужасной смертью.

Услыхав эту горестную весть, Копли Бэнкс не проронил ни слова, но впал в безысходную, мрачную меланхолию. Он забросил дела, избегал друзей и проводил большую часть времени в грязных тавернах, в обществе рыбаков и матросов. Там, среди буйных гуляк, он сидел с неподвижным лицом и молча пыхтел своей трубкой, а в глазах его горела затаённая ненависть. Все считали, что горе пошатнуло его рассудок, а старые друзья смотрели на него с осуждением, ибо тех, с кем он теперь водил дружбу, никак нельзя было назвать порядочными людьми.

Время от времени доносились слухи о новых бесчинствах Шарки на море. Бывало, что о них рассказывали моряки со шхуны, которая, заметив огромное пламя на горизонте, спешила предложить помощь горящему кораблю, но тут же обращалась в бегство при виде поджарого чёрного барка, притаившегося в засаде, словно волк возле зарезанной им овцы. Иногда эти слухи подтверждались моряками торгового судна, которое влетало в гавань с парусами, выгнутыми, как дамский корсаж, ибо ему удалось приметить медленно поднимавшийся над лиловой морской гладью залатанный грот-марсель. В другой раз страшные вести привозило каботажное судно, обнаружившее на Багамской отмели высушенные солнцем трупы.

Однажды появился человек — помощник капитана с гвинейского судна, — которому удалось вырваться из рук пиратов. Говорить он не мог — Шарки отрезал ему язык, — но мог писать, и он писал и писал, а Копли Бэнкс жадно читал его записи. Целыми часами просиживали они над картой: немой показывал далёкие рифы и извилистые заливы, а его собеседник с неподвижным лицом и пылающими глазами курил трубку, не произнося ни слова.

Как-то утром, спустя два года после того, как стряслась катастрофа с его семьёй, Копли Бэнкс с прежней энергией бодрым шагом вошёл в свою торговую контору. Управляющий уставился на него в изумлении, ибо его хозяин в течение долгих месяцев не проявлял ни малейшего интереса к делам.

- Доброе утро, мистер Бэнкс! сказал он.
- Доброе утро, Фримэн. Я видел, в бухте стоит «Забияка Гарри».
- Да, сэр. В среду он уходит на Наветренные острова.
- У меня другие планы насчёт него, Фримэн. Я решил отправить его за невольниками в Уиду.
  - Но груз уже на судне, сэр.
- Значит, придётся его разгрузить, Фримэн. Моё решение твердо: «Забияка Гарри» пойдёт за невольниками в Уиду.

Все доводы и уговоры оказались тщетными, и огорчённый управляющий вынужден был распорядиться о разгрузке судна.

И вот Копли Бэнкс начал готовиться к плаванию в Африку. По-видимому, он полагался больше на силу оружия, чем на подкуп вождей, ибо не взял в качестве товара никаких ярких безделушек, которые так любят туземцы; зато его бриг был вооружён восемью крупнокалиберными пушками, множеством мушкетов и тесаков. Кладовая на корме превратилась в пороховой погреб, а пушечных ядер было на корабле не меньше, чем на хорошо оборудованном капере. Вода и провиант были запасены на длительное путешествие.

Но удивительнее всего был состав экипажа. Глядя на нанятых Бэнксом моряков, управляющий Фримэн уже не мог не верить слухам о том, что его хозяин спятил.

Под различными предлогами Бэнкс начал увольнять старых, испытанных матросов, много лет служивших фирме, а вместо них набрал в порту настоящее отребье — людей, репутация которых была настолько чёрной, что даже самый неудачливый из агентов постыдился бы их вербовать.

Среди них был Суитлокс Родимое Пятно; все знали о его причастности к убийству мастеров-резчиков, и ходила молва, что отвратительным багровым пятном, безобразившим его физиономию, он был заклеймён именно в этом страшном деле. Его наняли первым помощником капитана, а вторым был Израэл Мартин, загорелый дочерна коротышка, служивший ещё у Хауэлла Дэвиса при взятии крепости в Капской земле.

Команда была подобрана из числа проходимцев, с которыми Бэнкс познакомился в грязных притонах, а личным слугой у него стал человек с измождённым лицом, который кулдыкал, как индюк, когда пытался разговаривать. Бороду свою он сбрил, и в нём трудно было узнать помощника капитана, которого коснулся нож Шарки и который сбежал, чтобы поведать свою историю Копли Бэнксу.

Все эти приготовления привлекли внимание жителей Кингстона, и они обсуждали их на разные лады. Комендант гарнизона — артиллерийский майор Гарвей — имел серьёзную беседу с губернатором.

- Это не торговое судно, а небольшой военный корабль, заявил он.— Считаю необходимым арестовать Копли Бэнкса и конфисковать судно.
- Что же вы подозреваете? спросил губернатор, который от лихорадки и портвейна сделался тугодумом.
  - Подозреваю, ответил майор, что это будет второй Стид Боннет.

Стид Боннет, всеми уважаемый, набожный плантатор, внезапно поддавшись неукротимой жажде насилия, таившейся доселе у него в крови, бросил всё и стал пиратом в Карибском море. Событие это произошло недавно и вызвало большое волнение на островах.

-

 $^{^*}$ Частное судно, занимавшееся с ведома правительства разбоем, нападая на вражеские корабли. (Π . Γ .)

Губернаторов и прежде обвиняли в том, что они потакают пиратам, получая свою долю от грабежей, и если губернатор не проявит сейчас бдительности, это будет истолковано в дурную сторону.

— Ну что ж, майор Гарвей, — сказал губернатор, — хоть мне и очень неприятно принимать меры, которые могут обидеть моего друга Копли Бэнкса, ибо я много раз сидел у него за столом, но, принимая во внимание ваши слова, у меня нет иного выхода. Поэтому я приказываю вам подняться на борт судна и узнать, каково его назначение и какую цель преследует его хозяин.

Но когда в час ночи майор Гарвей с отрядом солдат собрался нанести неожиданный визит «Забияке Гарри», он увидел лишь пеньковый трос, плавающий у причала. Бриг уплыл — его владелец почуял опасность. Судно уже миновало косу Палисейдс и шло курсом на северовосток к Наветренному проливу.

На следующее утро, когда бриг миновал мыс Морант, лёгкой дымкой маячивший на южном горизонте, Копли Бэнкс собрал команду и поведал морякам о своих планах. Он выбрал их, сказал он, как проворных и отчаянных парней, которые предпочитают рискнуть жизнью в море, чем голодать на берегу. Королевские военные суда немногочисленны и слабы, поэтому они смогут завладеть любым торговым кораблём, который повстречается им на пути. Многим пиратам везёт, а судно у них лёгкое, и проворное, и прекрасно снаряжено, — так почему бы им не сменить свои парусиновые куртки на бархатные кафтаны? Если они согласны плавать под чёрным флагом, он готов стать их капитаном, но если кто-нибудь отказывается, то может сесть в шлюпку и возвратиться на Ямайку.

Четверо из сорока шести пожелали уволиться и, сев в лодку, уплыли под свист и улюлюканье всего экипажа. Остальные, собравшись на корме, приняли свой устав. Под одобрительные возгласы на грот-мачте был поднят квадрат чёрной парусины с намалёванным на нём белым черепом.

Выбрали офицеров и установили их права. Копли Бэнкс стал капитаном, но поскольку на пиратском судне не бывает помощников, то Суитлокса Родимое Пятно избрали квартирмейстером, а Израэла Мартина — боцманом. Обычаи братства были хорошо известны, потому что добрая половина матросов и прежде служила на пиратских кораблях. Пища должна быть одинаковой для всех, и всякий может пить вволю. У капитана будет каюта, но любой член экипажа имеет право войти туда, когда пожелает.

Вся добыча должна делиться поровну, но капитан, квартирмейстер, боцман, плотник и главный канонир получают сверх того лишнюю долю. Тот, кто первым заметит в море корабль, получает лучшее оружие, какое будет захвачено у противника. Тот, кто первым взберётся на борт вражеского судна, получает самое богатое платье, какое там только окажется. Каждый имеет право поступать со своим пленником, будь то мужчина или женщина, как ему заблагорассудится. Если пират бросит оружие, квартирмейстер обязан застрелить его. Таковы были правила, под которыми подписались все члены экипажа «Забияки Гарри», поставив на листе бумаги сорок два креста.

Итак, в море появился новый разбойничий корабль, который через год стал не менее известным, чем «Счастливое избавление». От Багамских до Подветренных островов, от Подветренных до Наветренных имя Копли Бэнкса стало грозой торговых судов и успешно соперничало с именем Шарки. Долгое время барк и бриг не встречались, что, нужно сказать, было весьма удивительно, ибо «Забияка Гарри» всё время рыскал во владениях Шарки. Но вот однажды, когда он заплыл в бухту Коксон-Хоул на восточной оконечности Кубы, намереваясь стать на кренгование, там уже находился барк «Счастливое избавление», у которого для той же цели были подготовлены блоки и тали.

Копли Бэнкс поднял зелёный флаг и пушечным залпом приветствовал чужой корабль, как это было принято среди пиратов. Затем спустили шлюпку, и он отправился на судно Шарки.

Капитан Шарки не отличался особой приветливостью и не жаловал даже людей, которые промышляли тем же ремеслом, что и он сам. Он принял Копли Бэнкса, сидя верхом на пушке, а возле него стояли старшина Нэд Галлоуэй, уроженец Новой Англии, и толпа горластых головорезов. Но едва Шарки повернул в их сторону своё бледное лицо и мутноголубые глаза, как горлопаны умолкли.

Шарки был одет в рубашку с батистовыми брыжами, виднеющимися из-под открытого, с большими клапанами жилета из красного атласа. Палящее солнце, казалось, ничуть не согревало его тощее тело; он даже надел низкую меховую шапку, словно стояла зима. Через плечо у него спускалась пёстрая шёлковая лента, на которой висела коротенькая смертоносная шпага, а за широким с медной пряжкой поясом торчали пистолеты.

— Чтоб тебе утонуть, разбойник! — заорал он, как только Копли Бэнкс перебрался через фальшборт. — Я изобью тебя до полусмерти, а то и прикончу совсем! Как ты смеешь охотиться в моих водах?

Копли Бэнкс смотрел на него глазами, похожими на глаза путешественника, который узрел наконец отчий дом.

- Я вполне с тобой согласен, сказал он, я тоже считаю, что нам двоим в мире тесно. Но если ты возьмёшь свою шпагу и пистолеты и сойдёшь со мной на берег, кто бы из нас ни победил, от одного презренного негодяя мир избавится.
- Вот это дело! воскликнул Шарки, соскакивая с пушки и протягивая Бэнксу руку. Немного встречал я людей, которые отваживались смотреть в глаза Джону Шарки и не заикались от страха при разговоре с ним. Чорт меня побери, если мы не будем друзьями! Но если ты будешь играть нечестно, я поднимусь к тебе на борт и выпотрошу тебя на твоей собственной корме.
  - И я обещаю тебе то же самое! сказал Копли Бэнкс, и они поклялись быть друзьями.

В то же лето они отправились на север, дошли до берегов Ньюфаундленда, грабили нью-йоркских купцов и китобоев из Новой Англии. Копли Бэнкс захватил ливерпульский корабль «Ганноверский дом», но не он, а Шарки привязал его капитана к брашпилю и забил до смерти пустыми винными бутылками.

Они вместе вступили в бой с правительственным фрегатом «Королевская фортуна», который был послан на их поиски, и после ночного пятичасового сражения отразили его атаки, причём пьяные пираты дрались обнажёнными при свете боевых фонарей, а около каждого орудия стояло ведро рома и жестяная кружка. Они вместе встали на ремонт в Топсэйлской бухте в Северной Каролине, а весной снова появились у Гранд-Кайкоса, собираясь в долгое плавание к Вест-Индским островам.

К этому времени Шарки и Копли Бэнкс крепко подружились, ибо Шарки уважал отъявленных негодяев и людей с железным характером, и ему казалось, что капитан «Забияки Гарри» удачно совмещает оба эти качества. Однако прошло много месяцев, прежде чем он начал доверять Бэнксу, ибо ему была присуща холодная подозрительность. За всё это время он ни разу не покидал свой корабль и всегда держал около себя своих матросов. А Копли Бэнкс часто поднимался на борт «Счастливого избавления» и принимал там участие во многих жутких оргиях и наконец усыпил подозрения Шарки. Тот и понятия не имел, какое зло он причинил своему весёлому собутыльнику, — разве мог он запомнить среди многочисленных жертв женщину и двух мальчиков, с которыми так легко расправился три года назад! Поэтому, когда Шарки вместе со своим квартирмейстером получил приглашение на пир в последний день их стоянки у банки Кайкос, он охотно согласился.

Неделю тому назад они захватили пассажирское судно, вследствие чего стол был обильным, и во время ужина они впятером порядком выпили. В каюте находились оба капитана, Суитлокс Родимое Пятно, Нэд Галлоуэй и старый пират Израэл Мартин. Им прислуживал немой слуга, которому Шарки разбил стаканом голову за то, что тот слишком медленно наливал вино. Квартирмейстер забрал у Шарки пистолеты, потому что у капитана была скверная привычка, скрестив под столом руки, стрелять в своих соседей, дабы убедиться, кто самый счастливый. Это удовольствие когда-то стоило ноги его боцману, поэтому, когда посуда была убрана со стола, Шарки уговорили снять с себя пистолеты; их положили подальше, чтобы он не мог до них дотянуться.

Каюта капитана «Забияки Гарри» находилась на кормовой надстройке, и у задней стены её стояло орудие. Ядра были сложены вдоль стен, а три большие бочки с порохом служили столами, на которых стояли тарелки и бутылки. В этой мрачной комнате пятеро пиратов пели, орали и пили, а немой слуга наполнял их стаканы, приносил табак и свечи, чтобы разжечь трубки. С каждым часом разговор становился всё более непристойным, голоса всё более хриплыми, ругательства и крики всё более бессвязными, пока, наконец, трое собутыльников

не закрыли налитые кровью глаза и не уронили на стол отяжелевшие головы.

Копли Бэнкс и Шарки остались лицом к лицу: первый держался, потому что выпил меньше остальных, второй — потому что даже выпитое в огромном количестве спиртное не могло потрясти его железные нервы и разогреть рыбью кровь. За спиной Шарки на страже стоял слуга, то и дело наполняя его быстро пустеющий стакан. Снаружи слышался мерный плеск прибоя, и над водой летела матросская песня с барка.

В тишине безветренной тропической ночи до них отчётливо доносились слова:

Купец по морю плывёт, Бархат-золото везёт. Он не ведает, не знает, Где пират его ждёт! Не зевай! Налетай! Забирай его казну! Душу вон вытряхай, а корабль пускай ко дну!

Двое собутыльников сидели молча, слушая песню. Затем Копли Бэнкс взглянул на слугу, и тот поднял трос, лежавший на груде ядер.

- Капитан Шарки, сказал Копли Бэнкс, помнишь «Герцогиню Корнуэльскую», которую ты захватил и потопил три года назад возле мели Статира, когда это судно шло из Лондона?
- Будь я проклят, если я могу упомнить все их названия, ответил Шарки. В те дни мы пускали ко дну не меньше десяти судов в неделю.
- Там среди пассажиров была мать с двумя сыновьями. Может, теперь ты припомнишь? Шарки откинулся в раздумье на спинку стула, подняв вверх свой огромный нос, напоминающий птичий клюв. Затем он разразился похожим на ржание гогочущим смехом.
  - Вспомнил! заявил он и в доказательство рассказал кое-какие подробности.
- Но чтоб мне сгореть, если это не выскочило у меня из головы! воскликнул он. Какого чорта ты вспомнил об этом?
- Меня это интересует, ответил Копли Бэнкс, потому что та женщина была моей женой, а мальчики моими сыновьями.

Шарки уставился на своего приятеля и увидел, что огонь, который всегда тлел в его глазах, разгорелся в жаркое пламя. Он прочёл в них угрозу и схватился за пояс, но пистолетов там не оказалось. Тогда он повернулся, чтобы схватить пистолеты, но в тот же миг вокруг него обвился трос и руки его оказались плотно прижатыми к бокам. Он дрался, как дикая кошка, и звал на помощь.

— Нэд! — вопил он.— Нэд! Проснись! Нас подло обманули! На помощь, Нэд, на помощь! Однако трое собутыльников были мертвецки пьяны, и никакой крик не мог их разбудить. Трос обматывался вокруг его тела, пока наконец Шарки не был спеленат, как мумия, с головы до ног. Тогда Копли Бэнкс и немой прислонили его, неподвижного и беспомощного, к бочонку с порохом, заткнули ему рот носовым платком, но он продолжал проклинать их взглядом своих тусклых глаз. Немой, ликуя, что-то залепетал, и тут Шарки впервые дрогнул, увидев, что во рту у него нет языка. Он понял, что попал в руки мстителей, давно и терпеливо выслеживавших его.

Его враги заранее разработали свой план и теперь тщательно проводили этот план в жизнь.

Прежде всего они выбили днища у двух пороховых бочек и высыпали содержимое их на стол и на пол. Они обсыпали порохом трёх пьяных, насыпали и под них, пока каждый не оказался лежащим в куче пороха. Затем перенесли Шарки к пушке и в сидячем положении привязали над амбразурой так, что он находился прямиком перед дулом примерно на расстоянии фута. Он не мог даже пошевельнуться. Немой связал его с матросской ловкостью, и у Шарки не осталось никакой надежды освободиться от пут.

— Теперь, кровожадный дьявол, — тихо сказал Копли Бэнкс, — тебе придётся выслушать меня, ибо это будут последние слова, которые ты услышишь. Ты мой пленник, но достался ты мне дорогой ценой, потому что я пожертвовал всем, чем может пожертвовать человек в этом мире, и вдобавок продал свою душу. Чтобы поймать тебя, мне пришлось стать таким, каким был ты. В течение двух лет я боролся с этим искушением, надеясь, что можно отомстить иным

путём, но затем понял, что другого пути нет. Я грабил, и убивал, и, что ещё хуже, смеялся, и жил вместе с тобой — и всё это ради одного — ради мести. И вот моё время пришло: ты умрёшь той смертью, какую я тебе избрал. Ты увидишь, как тень смерти медленно надвигается на тебя и дьявол ждёт тебя во мраке.

Шарки слышал хриплые голоса своих пиратов, песня которых неслась над водой:

Плавал по морю купец, Да пришёл ему конец. Где теперь его казна? У морских бродяг она! Не зевай! Налетай! Всех на палубе вяжи! Всех на палубе вяжи! В ход пускай свои ножи!

Слова песни отчётливо долетали до него, и он слышал, что совсем рядом взад и вперёд по палубе ходят два человека. Но он был беспомощен; глядя на дула пушки, он не мог двинуться ни на дюйм, не мог издать даже стона. Снова донёсся хор голосов с палубы барка:

В гавань правь, пират, скорей, Там вовсю гуляй и пей! Там у девок нам почёт, Там рекой вино течёт! Не зевай! Налетай! Если с нами капитан, Не страшны нам ни земля, ни океан!

Обречённый пират слушал эту весёлую, разухабистую песню, и его участь казалась ему ещё ужасней, но в его злобных мутно-голубых глазах не видно было и тени раскаяния. Копли Бэнкс хорошенько протёр запальное отверстие пушки и насыпал свежего пороху. Затем он взял свечу и укоротил её, оставив не больше дюйма. Он укрепил её на густо усыпанном порохом запале орудия, у самой скважины. Потом насыпал порох толстым слоем на пол с таким расчётом, чтобы свеча, упав при отдаче орудия, зажгла и большущую кучу, в которой валялись трое пьяных.

— Ты заставлял других смотреть в глаза смерти, Шарки, — сказал он. — Теперь пришёл твой черёд. Ты и эти свиньи отправитесь в путь вместе!

С этими словами Копли Бэнкс зажёг поставленную у запала свечу и потушил все огни на столе. Затем он и немой вышли и заперли за собой дверь каюты. Но прежде, чем закрыть дверь, Бэнкс бросил торжествующий взгляд назад и вновь встретил проклятие неукрощённых глаз пирата. Желтовато-белое лицо с блестящим от пота высоким лысым лбом — вот каким они увидели Шарки в эту последнюю минуту при тусклом свете единственной свечи.

У борта стоял ялик. Копли Бэнкс и немой слуга прыгнули в него и направились к берегу, не спуская глаз с брига, стоявшего на границе лунного света и тени пальм. Они долго ждали, глядя на смутно очерченную отсветом изнутри кормовую амбразуру. Но вот наконец донёсся глухой гул орудия и через миг грохот взрыва. Длинный, поджарый чёрный барк, крыло белого песка и ряд раскачивающихся перистых пальм на мгновение выступили в ослепительном блеске и снова исчезли в темноте. Над бухтой разносились шум и крики.

Копли Бэнкс, сердце которого пело в груди, коснулся рукой плеча своего товарища, и они двинулись вместе в безлюдные джунгли Кайкоса.

1919 г.

(перевод Н. Емельянниковой)

F 0 0	
5311	

КАК СИНЬОР ЛАМБЕРТ ПОКИНУЛ СЦЕНУ

Сэр Уильям Спартер был человеком, которому четверти века хватило на то, чтобы превратиться из простого подмастерья морского дока в Плимуте с жалованьем в 24 шиллинга в неделю во владельца собственных доков и целой флотилии судов.

Любопытным и по сей день показывают домик в Лэйк-Роде, в Ледпорте, в котором сэр Уильям в бытность свою простым рабочим изобрёл котёл, получивший его имя. Теперь, в пятидесятилетнем возрасте, он обладает резиденцией в Лейнстерских Садах, деревенской усадьбой в Тэплоу, охотой в графстве Аргайльском, отличным погребом и самой красивой женщиной во всём городе.

Неутомимый, непоколебимый, точно любая из построенных им машин, он посвятил всю свою жизнь одной-единственной цели — приобретению всего, что имеется лучшего на земле. Он казался олицетворением энергии и упорства: массивная фигура, могучие плечи, квадратный череп, глубоко посаженные медлительные глаза.

Ни малейшая неудача публичного характера не омрачила его карьеру. И тем не менее жизнь его не была столь безоблачной, как казалось на первый взгляд. Он потерпел самую болезненную неудачу, какая может постичь мужчину: ему не удалось завоевать любовь своей жены. Она была дочерью хирурга и первой красавицей одного из городов севера.

Когда он её встретил, он уже был богат и влиятелен, что и заставило его пренебречь двадцатилетней разницей в возрасте между ними. Но с тех пор он далеко продвинулся. Грандиозное предприятие в Бразилии, превращение всей своей фирмы в акционерное общество, получение титула баронета — всё это произошло уже после свадьбы.

Он мог внушать своей жене страх, терроризировать её, возбуждать удивление своей энергией, уважение перед упорством, но не мог заставить её любить себя. И не то, чтобы он не добивался этого. С неутомимым терпением, бывшим главной его силой в делах, он в течение нескольких лет пытался добиться её взаимности. Но именно те качества, которые были так полезны ему в общественной жизни, делали его невыносимым человеком в частной. Ему не хватало такта, он был напрочь лишён свойства вызывать симпатию. Подчас он оказывался вовсе грубым, прямолинейным и совсем не отличался тонкостью ни в поступках, ни в речах, которая ценится большей частью женщин куда выше всех материальных выгод.

Чек в сто фунтов стерлингов, переброшенный через стол за завтраком, в глазах женщины не стоит и пяти шиллингов, которые мужчина приобрёл тяжким трудом только ради неё.

Спартер сделал ошибку — он никогда не думал об этом. Постоянно погружённый мыслями в свои дела, вечно думая о доках, верфях, он не имел времени для сантиментов и возмещал их недостаток периодической щедростью в деньгах. Через пять лет он понял, что скорее ещё больше потерял, нежели выиграл в сердце своей дамы.

И вот ощущение разочарования разбудило в нём самые скверные стороны его души. Он почувствовал приближение опасности и убедился в ней, когда слуга-предатель передал ему письмо жены, из которого он узнал, что она, несмотря на свою холодность к нему, питает достаточно сильную страсть к другому.

С этого момента его дом, корабли, патенты не занимали более его мыслей, и он посвятил всю свою огромную энергию, чтобы погубить соперника, которого возненавидел всей душой.

В тот вечер за обедом он был холоден и молчалив. Жена его дивилась, что бы такое могло стрястись, произведя в нём подобную перемену.

За всё время, что они провели в салоне за кофе, он не произнёс ни слова. Она бросила на него два-три взгляда, которые были встречены в упор глубоко посаженными серыми глазами, глядевшими на неё с каким-то особенным, совершенно необычным выражением.

Её мысли были заняты посторонним предметом, но мало-помалу молчание мужа и упорное каменное выражение его лица обратили на себя её внимание.

— Не могу ли я помочь вам, Уильям? Что случилось? — спросила она. — Надеюсь, никаких неприятностей?

Спартер не ответил. Он сидел, откинувшись на спинку кресла, глядя на красавицу-жену.

Она побледнела, предчувствуя неминуемую катастрофу.

- Не могу ли я что-нибудь для вас сделать, Уильям?
- Да, написать одно письмо.
- Какое письмо?
- Сейчас скажу.

Комната снова погрузилась в мёртвую тишину. Затем раздались тихие шаги метрдотеля Питерсона и звук его ключа, повернувшегося в замочной скважине: он по обыкновению запирал все двери. Сэр Уильям минуту прислушивался. Затем встал.

- Пройдёмте в мой кабинет, сказал он.
- В кабинете было темно, и он нажал кнопку стоявшей на письменном столе электрической лампы под зелёным абажуром.
  - Сядьте сюда к столу.

Он закрыл дверь и сел рядом.

— Я хотел сказать вам, Джеки, что мне всё известно относительно Ламберта.

Она раскрыла рот, вздрогнула, отодвинулась от него и протянула руки, точно ожидая удара.

Да, я знаю всё, — повторил он.

Тон его был совершенно спокоен. В нём звучала такая уверенность, что у неё не достало сил отрицать справедливость его слов. Она не ответила и сидела молча, не сводя глаз с массивной фигуры мужа.

На камине громко тикали большие часы; в доме царила мёртвая тишина. Прежде леди Спартер не обращала внимания на тиканье; теперь же звуки эти казались ей однообразными ударами молота, вколачивавшего гвозди ей в голову.

Спартер встал и положил перед ней чистый лист бумаги. Затем вынул из кармана исписанный лист и разложил его на углу стола.

- Это черновик того письма, которое я попрошу вас написать, - сказал он. - Если угодно, я прочитаю его вам:

«Дорогой, милый Сесил, я буду в N29 в половине седьмого; для меня крайне важно, чтобы вы пришли прежде, чем уедете в оперу. Будьте непременно — у меня есть серьёзные причины, в силу которых мне необходимо видеть вас. Всегда ваша, Джеки».

- Возьмите перо и перепишите это письмо, закончил он.
- Уильям, вы задумали мщение! О, Уильям, я оскорбила вас, я в отчаянии, и...
- Перепишите письмо.
- Что вы хотите сделать? Почему вы хотите, чтобы он пришёл в этот час?
- Перепишите письмо.
- Как можете вы быть так жестоки, Уильям? Вы отлично знаете...
- Перепишите письмо.
- Я начинаю ненавидеть вас, Уильям. Я начинаю думать, что вышла замуж за демона, а не за человека.
  - Перепишите письмо.

Мало-помалу железная воля и безжалостная решимость оказали своё могучее влияние на это создание, сотканное из нервов и капризов. С видимым усилием, против воли, она взяла в руки перо.

- Вы не собираетесь причинить ему зло, Уильям?
- Перепишите письмо.
- Пообещайте мне простить его, если я напишу!
- Перепишите письмо.

Она глянула ему прямо в глаза, но не выдержала его взгляда. Женщина походила сейчас на полузагипнотизированное животное, которое хоть и упирается, но повинуется.

— Ну вот, теперь вы довольны?

Она подала ему письмо, которое он вложил в конверт.

Теперь адрес.

Она надписала:

«Сесилу Ламберту, 133 bis, Хаф-Эвон-стрит». Почерк был неправильный, лихорадочный.

Муж холодно приложил промокательную бумагу и бережно спрятал письмо в портфель.

- Надеюсь, теперь вы довольны? с плохо скрытой растерянностью спросила она.
- Вполне. Можете вернуться к себе. Миссис Макей получила от меня приказание провести ночь в вашей спальне и наблюдать, чтобы вы никуда не ушли и не отправили никакого письма.
- Миссис Макей! Вы намерены подвергнуть меня унижению находиться под надзором моей собственной прислуги?
  - Ступайте к себе.
  - И вы воображаете, что я подчинюсь приказаниям горничной?
  - Ступайте к себе.
- О, Уильям, кто бы мог подумать в то незабвенное время, что вы станете так обходиться со мной? Если бы моя мать подумала...

Он взял её за руку и подвёл к двери.

- Ступайте к себе в комнату, - сказал он.

И она очутилась в слабо освещённом коридоре.

Уильям Спартер закрыл за ней дверь и вернулся к письменному столу. Из ящика он вынул две вещи, купленные в тот день: журнал и книгу.

Журнал был последним выпуском «Музыкального Вестника», где напечатали биографию и портрет знаменитого синьора Ламберта, чудесного тенора, очаровавшего своим голосом публику и приведшего в отчаяние соперников. Портрет изображал мужчину с открытым лицом, довольного самим собой, своей красотой и молодостью, с большими глазами, вздёрнутыми кверху усами и бычьей шеей. В биографии сообщалось, что ему всего 27 лет, что карьера его сплошной триумф, что он всецело посвятил себя искусству и что его голос приносил ему, по самому скромному подсчёту, 20.000 фунтов в год.

Уильям Спартер внимательно прочёл всё это, нахмурив густые брови так, что между ними образовалась глубокая складка, похожая на рану. Она всегда появлялась на его лбу, когда он сосредоточивался. Наконец, он сложил журнал и открыл книгу. Это было сочинение, мало подходящее для лёгкого чтения, — медицинский трактат об органах речи и пения. В нём имелась масса раскрашенных рисунков, которым он уделил особенное внимание. Большинство из них изображало внутреннее строение гортани и голосовых связок, блиставших серебристым оттенком среди красноты зева.

Сэр Уильям Спартер провёл большую часть ночи над рассматриванием этих иллюстраций. Кроме того, он читал и перечитывал пояснительный текст к ним. Глубокая складка на лбу его не разглаживалась.

Доктор Менфольд Ормонд, знаменитый специалист по болезням горла и дыхательных путей, был сильно удивлён на следующее утро, когда лакей подал ему карточку сэра Уильяма Спартера.

Несколько дней назад они встретились вечером на обеде у лорда Мальвина, и у доктора сложилось о Спартере мнение как о человеке редкой физической силы и здоровья. Он вспомнил это впечатление, когда в кабинет вошёл знаменитый судовладелец.

- Рад снова видеть вас, сэр Уильям, сказал известный специалист. Надеюсь, вы вполне здоровы?
  - О. да, благодарю вас.

Сэр Уильям уселся на стул, указанный ему доктором, и спокойно оглядывал комнату.

Доктор Ормонд с любопытством следил за ним, потому что у его посетителя был такой вил, точно он ишет что-то.

- Нет, сказал наконец Спартер, я пришёл не ради здоровья, я пришёл за справкой.
- Я к вашим услугам.
- В последнее время я занялся изучением горла. Я читал трактат Макинтайра об этом предмете. Полагаю, данный труд заслуживает доверия?
  - Он элементарен, но составлен добросовестно.
  - Я подумал, что у вас должна иметься модель горла.

Доктор вместо ответа открыл крышку жёлтой полированной коробки. В ней

заключалась полная модель органов человеческого голоса.

- Вы, как видите, не ошиблись.
- Хорошая работа, сказал Спартер, вглядываясь в модель опытным взором инженера. Скажите, пожалуйста, это вот гортань?
  - Совершенно верно; а вот голосовые связки.
  - А что было бы, если б вы их перерезали?
  - Что перерезал?
  - А эту штучку... голосовые связки.
  - Но их невозможно перерезать. Такая несчастная случайность исключается.
  - Ну, а если бы она всё-таки произошла?
- Такие случаи неизвестны, но, конечно, особа, с которой это произойдёт, онемеет, по крайней мере, на некоторое время.
  - У вас большая практика среди певцов.
  - Огромная.
- Я полагаю, вы согласны с мнением Макинтайра, что красота голоса отчасти зависит от связок.
- Высота звука зависит от лёгких, но чистота ноты связана со степенью господства, приобретённого певцом над своими голосовыми связками.
  - Значит, стоит только надрезать связки, и голос будет испорчен?
- У профессионального певца наверное; но мне кажется, что ваши справки принимают не совсем обычное направление.
- Да, согласился сэр Уильям, беря шляпу и кладя на угол стола золотую монету. Вы не привыкли к подобным вопросам. Не правда ли?

Вербуртон-стрит принадлежит к тому клубку улиц, которые соединяют Челси с Кенсингтоном; она замечательна огромным количеством помещающихся на ней ателье артистов.

Знаменитый тенор, синьор Ламберт, снял себе квартиру именно на этой улице, и на ней часто можно было видеть его зелёный «брухэм».

Когда сэр Уильям, закутанный в плащ и с небольшим саквояжем в руке, повернул за угол улицы, он увидал фонари «брухэма» и понял, что его соперник уже на месте.

Он миновал «брухэм» и пошёл по аллее, в конце которой горел огонь газового фонаря. Дверь была открыта и выходила в огромный вестибюль, который застилал ковёр, перепачканный следами грязных ног.

Сэр Уильям приостановился, но всё было тихо, темно, за исключением одной двери, изза которой в щель лился поток света. Он открыл эту дверь и вошёл. Затем запер её на ключ изнутри, а ключ сунул в карман.

Комната была огромная, с более чем скромной обстановкой, освещалась она керосиновой лампой, стоявшей на столе в центре комнаты.

Человек, сидевший на стуле в дальнем конце её, вдруг поднялся на ноги с радостным восклицанием, перешедшим в крик удивления, за которым последовала брань.

— Что за дьявольщина! Зачем вы заперли дверь? Откройте её, сэр, да поскорее.

Сэр Уильям даже не ответил. Он подошёл к столу, открыл свой саквояж и вынул из него целую кучу вещей: зелёную бутылочку, стальную полосу для разжимания челюстей, какие употребляют дантисты, пульверизатор и ножницы странной формы.

Синьор Ламберт глядел на него изумлёнными глазами, точно парализованный гневом и удивлением.

— Кто вы такой, чорт возьми, и что вам нужно?

Сэр Уильям снял плащ, положил его на спинку стула и впервые поднял глаза на певца. Последний был выше его, но гораздо худощавее и слабее. Инженер, несмотря на невысокий рост, обладал геркулесовой силой, мускулы его ещё более укрепились благодаря тяжёлому физическому труду. Широкие плечи, выпуклая грудь, огромные узловатые руки придавали ему сходство с гориллой.

Ламберт откинулся назад, испуганный странным видом этой фигуры, холодным

безжалостным взором.

- Вы пришли обокрасть меня? задыхаясь спросил он.
- Я пришёл, чтобы поговорить с вами. Моя фамилия Спартер.

Ламберт сделал усилие, пытаясь вернуть себе хладнокровие.

— Спартер! — повторил он тоном, которому старался придать небрежный оттенок. — Значит, если я не ошибаюсь, сэр Уильям Спартер? Я имел удовольствие встречаться с леди Спартер, и она говорила про вас. Могу я узнать цель вашего посещения?

Он с трудом застегнулся нервными пальцами.

- Я пришёл, сказал Спартер, вливая в пульверизатор несколько капель жидкости, заключающейся в зелёном пузырьке, я пришёл изменить ваш голос.
  - Изменить? Мой голос?
  - Именно.
  - Да вы сумасшедший! Что это значит?
  - Будьте добры лечь на кушетку.
- Что за безумие! Ага, понимаю... Вы хотите запугать меня. У вас имеется для этого какой-нибудь мотив. Вы, должно быть, воображаете, что между мной и леди Спартер существует связь. Уверяю вас, что ваша жена...
- Моя жена не имеет никакого отношения к этому делу ни в данную минуту, ни раньше. Её имени нет надобности упоминать. Мои мотивы чисто музыкального характера. Ваш голос не нравится мне: его надо вылечить. Ложитесь на кушетку.
  - Сэр Уильям, даю вам честное слово...
  - Ложитесь.
- Вы душите меня! Это хлороформ. На помощь! Ко мне! На помощь! Скотина! Пустите меня, пустите, вам говорят! А-а! Пустите!..

Голова его откинулась назад, а крики перешли в бессвязное бормотание. Сэр Уильям подошёл к столу, на котором стояла лампа и лежали инструменты...

Несколько минут спустя, когда джентльмен в плаще и с саквояжем показался вновь в аллее, кучер «брухэма» услыхал, что его зовёт какой-то хриплый гневный голос, раздающийся изнутри дома.

Затем послышался шум неверной походки, и в кругу света от фонарей «брухэма» показался его господин с лицом, побагровевшим от гнева.

- С этого вечера, Холден, вы больше не служите у меня. Разве вы не слышали мой зов? Почему вы не явились?

Кучер испуганно взглянул на своего принципала и вздрогнул, увидав у него на груди на сорочке красное пятно.

— Да, сэр, я слышал чей-то крик, — доложил он, — но то кричали не вы, сэр. Это был голос, которого я ни разу раньше не слышал.

«На последней неделе меломаны оперы испытали большое разочарование, — писал один из наиболее осведомлённых рецензентов. — Синьор Ламберт оказался не в состоянии выступить в партиях, о которых было давно объявлено.

Во вторник вечером, в последнюю минуту перед спектаклем, дирекция получила известие о постигшем его сильном нездоровье; не будь Жана Каравати, согласившегося дублировать роль, оперу пришлось бы отменить.

Далее было установлено, что болезнь синьора Ламберта гораздо серьёзнее, чем думали; она представляет собой острую форму ларингита, захватившего собой и голосовые связки, и способна вызвать последствия, которые, быть может, окончательно погубят красоту его голоса.

Все любители музыки надеются, что эти новости окажутся слишком пессимистичными и что скоро мы снова будем наслаждаться звуками самого красивого из теноров, какие когда-либо оглашали собой лондонские оперные сцены».

1898 г.

(перевод Павла Гелевы)

ЗНАМЯ СВОБОДЫ

Джек Конолли из Бригады Ирландских стрелков был самый завзятый революционер и заговорщик. Состоя членом нескольких тайных обществ, он числился также в Ирландской земельной лиге, тде примыкал к крайне левым. Когда в одной из ночных стычек с полицией в окрестностях Кантурка Джека Конолли застрелил полицейский, сержант Мердок, братблизнец Джека, Деннис, поступил солдатом в Британскую армию. Отечество после смерти брата опостылело Деннису. Он собрался уехать навсегда в Америку, но не смог: проезд стоил семьдесят пять шиллингов, а таких денег у Денниса не было. Что прикажете делать в таких обстоятельствах? Деннис возьми да и поступи в Британскую армию. Это избавляло его от необходимости жить в Ирландии.

Её Величество королева Виктория приобрела в лице Денниса очень ненадёжного солдата. Его кельтская кровь насквозь пропиталась ненавистью к Англии и всему английскому. Но его приняли в полк благодаря высокому росту и силе. Сержант-вербовщик с удовлетворением улыбнулся, глядя на молодого ирландца. Шесть футов росту и сорок четыре дюйма в груди — шутка ли? Сержант отвёл Денниса и дюжину таких же, как он, молодцов в казармы в Фермой. Тут они прожили несколько недель, а затем их отправили, согласно предписанию, за море. Все они были назначены в первый батальон Красного Королевского полка.

В описываемую эпоху Красный Королевский полк представлял собой престранное сборище. В нём служили и сражались за Британскую империю люди, которых ни под каким видом нельзя было назвать английскими патриотами. В Ирландии шла борьба не на жизнь, а на смерть, аграрные неурядицы достигли своего апогея. Одна часть населения, вооружившись лопатами, серпами и мотыгами, производила днём дозволенную законом работу, другая же «работала» ночью. Это были особого рода работники — в масках и с винтовками в руках. Людей озлобили, их лишили домов и огородов. Озлобленный и оголодавший народ проклинал правительство, повинное в его бедах. Но ненависть ненавистью, а есть всё равно надо, и вот ради куска хлеба эти люди поступали на службу к тому самому правительству.

Но что это были за служаки! Перед самым поступлением на службу они совершали ужасные злодеяния: убийства и грабежи. В так называемых ирландских полках было не редкость встретить рекрутов, которые предпочитали не отзываться на свои настоящие имена и почти забыли их. В Королевском Красном полку таких сомнительных субъектов была тьматьмущая. Однако, несмотря на это, полк имел отличную репутацию, так как солдаты его славились безумной отвагой. Но офицеры отлично знали, с каким народом им приходится иметь дело, знали, что их солдаты насквозь прогнили от измены и пылают непримиримой ненавистью к знамени, под которым им приходится служить.

Центром этой ненависти была третья рота первого батальона, и именно в ту роту был зачислен Деннис Конолли. Товарищи его были поголовно кельты, католики и бывшие арендаторы. Что такое, в глазах этих людей, представляло собой британское правительство? Они отождествляли его с неумолимым помещиком, с полицейским, который всегда держал сторону помещика. В роте Деннис был не единственным членом Ирландской земельной лиги, не у одного него жажда кровной мести ожесточила сердце. В Ирландии шла настоящая гражданская война. Злоба порождала злобу. Помещик, во всеоружии своих прав, хлопотал только о себе и требовал того, что принадлежало ему по закону.

Но какое дело было до этого закона товарищам Денниса: Джиму Голану, Патрику Мак-Гвайру и Питеру Флину? Они хорошо помнили, как полиция срывала крыши с их домов, как их семьи вместе с убогим скарбом вышвыривали на улицу. Что было пользы говорить с ними о праве и законе? Страсти разгорелись, о справедливости забыли все — и помещики и арендаторы, — завязалась упорная, непримиримая, безжалостная борьба. Человек, которого ранили, забывает обо всём и чувствует только боль от своей раны. Солдаты третьей роты были именно такими раненными людьми. Ненависть и злоба — вот что они чувствовали.

 $^{^*}$ Ирландская земельная лига — тайное общество, члены которого уничтожали по ночам, в знак протеста, посевы и скот английских помещиков. (Π . Γ .)

Собранные в казармах в Фермое, они то и дело шептались по углам, устраивали тайные собрания в соседнем кабачке и перекидывались условными словечками. Военные власти вздохнули с облегчением, когда этих молодцов погрузили на пароход и отправили на действительную службу. Чем дальше такие господа от Англии, тем лучше. Пускай послужат.

— Мы знаем психологию ирландского солдата, — говорили воинские начальники. — И прежде приходилось отправлять на театр военных действий совсем плохие ирландские полки. Солдаты этих полков, отправляясь из Англии, говорили о врагах в таком тоне, точно это не враги, а их закадычные друзья. Но стоило ирландцам стать лицом к лицу с неприятелем — картина мгновенно менялась.

Вот эта картина в понимании британских командиров:

Битва начинается, офицеры, размахивая саблями и крича, бросаются вперёд. Что делается в эту минуту с ирландцем? Сердце его смягчилось, горячая кельтская кровь закипела, сердцем овладела безумная радость боя, ирландец бросается вперёд, а его товарищ, медлительный бритт, стоит, недоумевает и упрекает себя за то, что сомневался в патриотизме ирландца.

То же самое, по расчётам английского командования, должно было произойти и теперь. Но Деннис Конолли с товарищами рассуждал иначе.

Мартовское утро на восточной границе Нубийской пустыни. Солнце ещё не взошло, но небо уже окрасилось в нежно-алый цвет. На горизонте видно море; издали оно кажется длинной и узкой розовой лентой. У местности безотрадный вид. Зелень деревьев не оживляет этой необозримой пустыни. Куда бы ни обратить взор, всюду расстилается песчаная равнина, на которой кое-где попадаются чахлые кустики мимоз и тёрна. Кусты эти какого-то серого, пыльного, меланхолического цвета; жёлтый песок утомляет глаз. Только вдали белеет нечто, похожее на груду белоснежных камней, на низкую горку, но то не гора, то белые человеческие кости. Там лежит разгромленная армия.

Скучные, унылые тона, жалкие, сожжённые солнцем кусты, бесплодная, покрытая песком почва, и, в конце концов, эти символы смерти! Да, пустыня производит впечатление кошмара.

В восьмидесяти милях от морского берега безотрадная равнина начинает подниматься вверх, образуя отлогий склон, который заканчивается красной базальтовой скалой, тянущейся зигзагообразно с севера на юг. Вздымаясь, она образует фантастический по своим очертаниям холм. На его вершине стояли в то мартовское утро трое арабских вождей — шейх Кадра из Хадендовы, начальник берберских дервишей Муса-Вад-Абурхегель и Гамид Вад-Гуссейн. Последний пришёл сюда со своими воинами с юга, из страны Баггарас. Вожди только что окончили утреннюю молитву. Поднявшись со своих ковриков, они, вытянув шеи, всматривались вдаль. На их носатых лицах застыло свирепое выражение. Заря разгоралась, и предметы становились явственно зримы.

И вот над далёким морем показался верх красного солнечного диска, весь берег окрасился в ярко-жёлтый цвет, а раскинувшееся над ним небо стало ярко-голубым. Где-то очень далеко проглянула белая точка, это был город — большая группа белых домов; а дальше в море четыре крошечных, словно игрушечных, кораблика — три десятитонных транспортных корабля Её Величества и адмиральский флагман.

Но не на далёкий город, не на эти корабли и не на груды белых костей, что столь зловеще сверкают теперь внизу, в лощине, смотрят арабские вожди. В двух милях от вершины, в песке между мимозами, после вырубки кустов образовалось пустое пространство. И вот оттуда в тихом утреннем воздухе поднимаются вверх тонкие струйки синего дыма, слышится глухой рокот — голоса людей и рёв верблюдов. Но на расстоянии все звуки слабеют. Точно жужжание насекомых доносятся они до арабов.

Начальник племени баггара прикрыл глаза смуглой, жилистой рукой и произнёс:

— Неверные приготовили себе утреннюю пищу. Воистину сон их был этой ночью нелёгок: Гамид и сто воинов обстреливали их лагерь всю ночь от восхода луны.

Шейх Кадра указал саблей на другую часть английского лагеря и сказал:

— Та же участь постигла и вон тех неверных. Днём они пили мало воды, а ночью имели

мало покоя. Сыны Пророка глядели неверным в глаза, и сердца суеверных падали. Этот клинок выпил вчера много крови. И сегодня, прежде чем солнце успеет уйти от моря к горе, я опять сумею упиться кровью неверных!

- Но всё-таки это совсем другие люди, сказал берберский дервиш, хотя я и знаю, что Аллах отдал их нам в руки, но может случиться, что люди в больших шапках окажутся крепче и устойчивее проклятых солдат Египта.
- Молю Аллаха, чтобы ты оказался прав! воскликнул вождь племени баггара, сверкая чёрными глазами. Ведь я привёл с реки семьсот воинов не за тем, чтобы они охотились за женщинами. Гляди, брат мой, неверные уже выступают в поле.

Из английского лагеря доносились звуки горна. Кусты, закрывавшие с одной стороны лагерь, исчезли, и маленькая армия начала медленно двигаться по долине. Выйдя на открытое пространство, англичане остановились. Косые лучи солнца заиграли на штыках и дулах винтовок. Ряды стали смыкаться. Большие шлемы вытянулись в одну сплошную белую ленту. Два красных пятнышка выделялись по обеим сторонам каре, которое двигалось вперёд, а ряды солдат в скучном жёлтом «хаки» почти сливались с песками пустыни.

В арьергарде двигались верблюды и мулы, на которых везли запасы и перевязочный материал. Справа и слева отряд сопровождала кавалерия. Впереди шла пехота, она медленно продвигалась по заросшей кустарниками лощине, останавливаясь на каждом пригорке и осторожно оглядывая всё кругом. Разведчики готовили дорогу тем, кто шёл по следам товарищей, кости которых белели впереди, у подножия горы.

Арабские вожди продолжали стоять на вершине; плотно сжав губы, они следили жадными глазами за движением этого тёмного, сверкавшего стальной щетиной пятна.

- А они куда тише наступают, чем солдаты из Египта, пробурчал себе в бороду шейх Хадендовы.
- Но, может быть, они и отступают тише, брат мой, ответил предводитель дервишей. Ну да, впрочем, их немного. Самое большее три тысячи.
- А у нас десять тысяч! На копьях наших воинов почиет рука Пророка, а наше знамя освящено его великим словом. Взгляни-ка на начальника неверных. Видишь, он едет с правой стороны и смотрит на нас в дальнозоркое стекло? Может быть, он увидит и вот это! И араб помахал саблей в сторону небольшой кучки всадников, которая выделилась немного из четырёхугольника.
- Эге, да он кланяется, он машет рукой! воскликнул дервиш. А вот те, что в углу, наклонились и что-то делают. Ага!.. Клянусь Пророком, я так и знал!

Пока дервиш говорил, в углу английского четырёхугольника показался густой клуб дыма, а затем над самыми головами разговаривавших вождей с сухим металлическим треском разорвался семифунтовый снаряд. Красные камни и осколки снаряда запрыгали кругом.

— Прекрасно! — воскликнул вождь Хадендовы. — Если их пушки достают до нас, наши достанут до них. Ступай, Муса, на левый фланг и скажи Бен-Али, чтобы он содрал живьём кожу с египтян, если они не попадут вон туда. А ты, Гамид, поезжай на правый фланг, скажи там, чтобы три тысячи воинов залегли в тот ров, который мы высмотрели вчера. Остальные пусть бьют в барабаны и поднимут знамя Пророка. Пусть воины знают, что их копья напьются крови, прежде чем взойдёт вечерняя звезда!

Вершина красных гор представляла собою длинное, неровное покрытое валунами плато. Спуск в долину был повсюду отвесный, за исключением одного места, где в долину спускался извилистый овраг. Верх его был покрыт песчаными глыбами и кустами оливкового цвета. На краю оврага и находилось арабское войско, состоявшее из самых различных племён. Тут были свирепые работорговцы из внутренней Африки, и дикие дервиши с верховий Нила. Бесстрашие и фанатизм объединяли эту разношёрстную армию. Бледнолицый араб с тонкими губами сражался рядом с толстогубым, курчавым негром. Между ними не было и тени кровного родства, но зато их объединяла общая вера в Коран.

Прячась за кустами и скалами, они следили за приближающимися англичанами. Женщины разносили воинам воду и напитки, выкрикивая по временам воинственные тексты из Корана. В час битвы эти тексты действуют на правоверных сильнее, чем вино, и наполняют их душу безумной храбростью. Среди этих храбрых оборванцев реяли знамёна, разъезжали на степных конях и белых башаренских верблюдах эмиры и шейхи, которые должны были

повести этих людей против неверных.

Шейх Кадра прыгнул на коня и обнажил саблю. Раздались дикие крики, послышался лязг копий, застучали барабаны. Эти звуки напоминали удары волн о покрытый каменьями берег. Ещё минута — и десять тысяч человек стояли на скалах, размахивая оружием и прыгая в воинственном восторге. Затем они снова спрятались за прикрытиями и в угрюмом молчании стали ожидать приказаний вождей.

Англичане теперь были на расстоянии полумили от гор. Их семифунтовые орудия выбрасывали снаряд за снарядом. Но и на правом фланге арабов раздался глухой рёв: это начали действовать мощные крупповские пушки. Шейх Кадра сразу же усмотрел своим соколиным взглядом, что орудия стреляют плохо и что снаряды ложатся далеко за англичанами. Он пришпорил коня и помчался к группе всадников около орудий. Пушки обслуживали пленные египетские артиллеристы.

- Что ж такое, Бен-Али? воскликнул он. Эти собаки метились лучше, когда им приходилось стрелять в братьев по вере! И вождь махнул саблей. Раздались дикие стоны. Шейх осадил лошадь и вложил окровавленную саблю в ножны. На земле корчились в предсмертной агонии два египетских артиллериста, которым он перерубил горло.
- Кто теперь будет заряжать пушку? грозно спросил шейх, глядя на испуганных наводчиков. Ну, иди ты, что ли, чернорожий сын шайтана, и меться получше. Ты отвечаешь жизнью.

Была ли то случайность, или новый наводчик оказался искуснее прежних, но два снаряда разорвались над английским отрядом. Шейх Кадра угрюмо улыбнулся и помчался снова на левый фланг. Копьеносцы уже начали спускаться в овраг.

Когда Кадра подъехал к этой части своего войска, внизу, в лощине послышался глухой шум, словно там зарычал очень большой дикий зверь. Гарднеровский снаряд шлёпнулся прямо в кучу арабов и превратил их в кровавую, бесформенную массу. Остальные стали поспешно прыгать в ров. Немедленно вслед за этим на протяжении всего горного склона послышался сухой и частый треск винтовок. Арабы начали обстреливать наступающего врага.

Медленно, как и раньше, английский четырёхугольник продолжал наступать. Через равные промежутки времени он останавливался и перестраивался. Теперь уже стало ясно, что арабы не устроили засады в долине. Убедившись в этом, отряд взял другое направление и двинулся параллельно неприятельской позиции. Генерал видел, что атаковать врага с фронта невозможно: склон слишком обрывист. И он решил совершить обход правого фланга, надеясь, что манёвр ему удастся. Генерал знал, что на вершине красных гор он может заполучить титул баронета и большую пенсию. И он решил приобрести и то и другое не далее, как сегодня. Правда, огонь ремингтоновских винтовок слишком докучал, неприятна была и пара крупповских орудий. Они причиняли англичанам урон. У генерала было гораздо больше потерь, чем он ожидал. Но что же делать? Генерал всё-таки предпочитал терпеть. Он не хотел отвечать на огонь огнём до тех пор, пока не получит более верной цели, чем несколько сотен неясных человеческих голов, выглядывающих из-за скал.

Генерал был полный, краснолицый господин. Он прекрасно играл в вист и хорошо знал своё дело. Он был настоящий солдат, подчинённые в него верили, а он верил в них, да и нельзя было не верить в таких солдат. Материал у него был безукоризненный. В теории он, правда, стоял за сокращение срока военной службы, но на практике предпочитал ветеранов. Его маленький отряд по качеству равнялся целому корпусу. Левый фланг четырёхугольника составляли четыре роты Королевского Вессекского полка. Правый фланг состоял из такого же количества рот Королевского Красного. Вторые батальоны этих полков составляли центр. В арьергарде справа шёл гвардейский батальон, а слева — моряки. Арьергард замыкался стрелковым батальоном. Два семифунтовых орудия двигались вместе с отрядом. Гарднеровский пулемёт везли впереди. Около него суетилось человек десять-двенадцать матросов в белых блузах, которыми командовали офицеры в узких голубых мундирах. По временам матросы останавливались и наводили орудие туда, где над скалами развевались знамёна Пророка.

Гусары и уланы шли с боков, обшаривая кусты. В середине отряда двигалась группа верблюдов. У этих животных с весёлыми глазами и надменно сжатыми губами был презабавный вид. Они составляли странный контраст с окровавленными людьми, которые

лежали в повозках. Раненых было уже очень много, и повозки были набиты битком.

Английское каре двигалось теперь параллельно горе. Двигалось оно по-прежнему медленно, то и дело перестраиваясь, подбирая раненых и делая выстрелы из орудий. Солдаты сделались серьёзны и сосредоточенны. Они видели, как арабы с воплями выскочили из-за скал. Враг был многочислен и свиреп. Лица у британцев будто окаменели. Все знали, что должны или победить, или умереть — и притом умереть ужасной смертью. Но всех серьёзнее был сам генерал. Он заметил нечто весьма неприятное. Лицо его покраснело, он то и дело хмурил брови.

- Мне кажется, Стивен, сказал он своему ординарцу, что там, в Королевском Красном, что-то пошаливают. Когда чёрные показались из-за гор, рота на правом фланге заметно колебалась.
- Это самые молодые солдаты во всём каре, сэр, отвечал адъютант, разглядывая правую роту в бинокль.
- Скажите, Стивен, полковнику Флэнагану, чтобы он приглядывал за этой ротой, сказал генерал.

Ординарец отправился в карьер выполнять приказ. Не мешкая, полковник, добрый старый солдат ирландского происхождения, направился к роте.

- Ну, что солдаты, капитан Фолей?
- Как нельзя лучше, сэр, ответил старик-капитан.

Всю свою жизнь он прослужил в Индии и терпеть не мог солдат-туземцев. И теперь, получив под свою команду ирландцев, он был в восторге и взирал на своих подчинённых с избытком оптимизма.

- Подбадривайте их! крикнул полковник и помчался дальше. В ту же минуту сержант роты сделал вид, будто ранен, зашатался и упал в кусты мимозы. Вставать он не захотел и остался лежать в кустах.
  - Сержант О'Рурк убит, сэр, послышался голос.
- Не робейте, ребята! закричал капитан Фолей. Он умер, как подобает солдату, сражаясь за королеву.
  - К чорту королеву! послышался хриплый голос.

Но рёв гарднеровского орудия заглушил последние слова. Капитан Фолей однако расслышал этот крик, слышали его и лейтенанты Грейс и Мэрфи. Бывают, однако, минуты, когда глухота становится даром богов.

Едва затих гром выстрела, капитан крикнул:

- Смелее, Красный Королевский! Сегодня мы сражаемся за честь Ирландии!
- Мы знаем, капитан, как сражаться за эту честь! раздался тот же, не предвещавший ничего хорошего голос, и по всему строю прокатился одобрительный гул.

Капитан и два младших офицера отошли назад.

- А солдаты-то... того! заметил озадаченно капитан.
- Верно, ответил лейтенант Мэрфи, при первом же натиске они разлетятся, как дикие утки.
  - Да они чуть не разбежались, когда чёрные показались на горе, добавил Грейс.
  - Я зарублю первого же, кто покажет спину! воскликнул капитан Фолей.

Говорил он намеренно громко, чтобы пять ближайших рядов его услышали. Затем он тихо добавил, обращаясь только к товарищам-офицерам.

— Сожалею, но надо доложить обо всём начальнику. Я поеду сам и попрошу поставить в арьергард за нами роту матросов.

И он отправился в штаб, имея в виду принять меры к охране безопасности каре, но прежде, чем он доехал до места, каре оказалось прорвано.

Двигаясь вдоль горы, британский отряд дошёл до начала оврага, где под прикрытием кустарника и камней затаились три тысячи дервишей, предводительствуемые Гамидом-Вад-Гуссейном из Баггараса.

— Тра-та-та! — раздалось впереди.

Это стреляли три конных разведчика, шедших впереди левого крыла каре. Во весь дух они помчались назад, спасая свою жизнь. Они неслись, склонясь к гривам лошадей и перепрыгивая через песчаные бугры. Прямо по пятам за ними мчалось пять десятков арабских

всадников. Скалы, кусты мимоз, песок — всё сразу ожило. Отовсюду лезли фигуры чёрных людей. Вой арабов, протяжный, пронзительный вой заглушал команду офицеров. Королевский Вессекский полк успел сделать только два залпа, орудия выпустили только по одному заряду шрапнели. Второй раз пушек зарядить не успели. Живая, чёрная, лязгающая сталью волна залила орудие. Королевский Вессекский полк оказался отброшенным назад к верблюдам. Тысяча фанатиков врезалась в самое сердце каре, они рубили направо и налево. Мулы и верблюды, оставшись без проводников, убежавших при наступлении чёрных, сгрудились в кучу. Через эту кучу не было видно, что делается впереди. Но не вызывало сомнений, что чёрные приближаются. Крики «Алла! Алла!» становились всё громче. В тучах жёлтого песка можно было различить взвивающихся на дыбы лошадей и суетящихся, ругающихся людей.

Вессекский полк стрелял вдогонку прорвавшим его строй арабам. Солдаты были в сильном возбуждении. Врачи после рассказывали, что в ранах взятых в плен врагов они находили не одни только ремингтоновские пули, а кое-что и посерьёзнее. Дрались солдаты бешено. Одни из них, собравшись в небольшие группы, яростно отражали штыками нападения всадников с пиками, другие стали спиной к верблюдам, третьи столпились около генерала и его штаба. Генерал стоял с револьвером в руке. Расстроенное каре медленно подавалось назад. Неприятелю удалось разорвать угол четырёхугольника, и он теперь теснил англичан.

Офицеры и солдаты других частей нервно оглядывались на арьергард, не зная толком, что там происходит. Прийти на помощь товарищам они не могли, не нарушив строя.

- Ей-Богу, они прорвали вессекцев, воскликнул Грейс из Красного Королевского полка.
- Дьяволы подстерегли-таки нас, Тед, произнёс с сильным ирландским акцентом лейтенант Мэрфи.

Рота пришла в смятение. Строй был нарушен, солдаты столпились вокруг Конолли и заговорили все разом. Офицеры продолжали всматриваться вдаль, стараясь определить, что делается в арьергарде. Матросам удалось увезти свой пулемёт, и его пять дул снова извергали смерть на заливавшую всё пространство волну дикарей.

- А, проклятая пушка! раздался голос. Опять у неё что-то в брюхе заклинило!
- И, действительно, пулемёт смолк. Около казённой части суетилась команда.
- Это вертикальный винт! закричал офицер. Неси сюда ключ, Вильсон! Кортики наголо, ребята, а то они нас сомнут... Конец фразы офицер не проговорил, а простонал, потому что длинная пика араба пронзила его насквозь.

Новая волна дервишей хлынула из кустарников и залила собой пулемёт и правый фланг отряда. Матросов смяли в одну минуту. Но Красный Королевский полк показал себя. На вопль исламистов он ответил бешеным, злым криком. Дружный залп уложил на месте по меньшей мере две сотни арабов. Чёрная волна хлынула вправо и ворвалась туда, где ей не было оказано никакого сопротивления. Здесь стояла третья рота. Солдаты и не думали стрелять; они не сопротивлялись арабам. Опершись на свои винтовки, они задумчиво глядели вперёд. Многие даже побросали ружья. Конолли, стоя в центре большой группы, что-то громко говорил. Капитан Фолей, протолкавшись через солдат, набросился на Конолли и начал угрожать ему револьвером.

— Это твоих рук дело, негодяй! — закричал он.

Чей-то тихий голос рядом произнёс:

- Если вы не опустите револьвер, капитан, мы вышибем вам мозги.

Капитан оглянулся. На него было направлено несколько винтовок. Лейтенанты, увидя, что командир в опасности, поспешили к нему и стали рядом.

- Что это значит? воскликнул Фолей, оглядывая угрюмые, злые лица бунтовщиков. Разве вы не ирландцы? Разве вы не солдаты? Зачем вы сюда пришли? Вы пришли сражаться за отечество.
  - Англию мы за отечество не почитаем, ответил один из солдат.
- Но вы не за Англию сражаетесь, а за Ирландию. Вы служите империи, а Ирландия есть часть империи.
  - Будь проклята империя!— крикнул рядовой Мак-Гвайр, бросая на землю винтовку. —

Эта империя помогала человеку, лишившему меня крова и земли. Да пусть моя рука отсохнет, если я выстрелю из этой винтовки!

- Нам на вашу империю наплевать! крикнул другой солдат.
- Пускай за вашу империю сражается полиция!
- И то лучше, чем выгонять бедных людей из дома. Пускай-ка ваша полиция хорошенько повоюет!
  - Ваша полиция застрелила моего брата!
- A мою больную мать ваша империя выгнала на голод и холод. Чтоб мне провалиться, если стану защищать империю. Можете мои слова записать в вашу книгу. Пригодится на военном суде.

И напрасно офицеры умоляли, убеждали, угрожали. Всё было впустую. А между тем внутри каре продолжала кипеть битва, кровавая битва. Даже бунтующей роте пришлось постепенно отступать. Бесполезный пулемёт с перебитой командой был теперь не ближе, чем в ста шагах. И отступление становилось всё быстрее и быстрее. Массы солдат, преследуемые неприятелем, инстинктивно искали более удобного места. Они старались выйти на открытое пространство, чтобы там дать отпор врагу. Три стороны каре были ещё целы, но четвёртая оказалась серьёзно помятой. Всего хуже было то, что на помощь товарищей эта сторона рассчитывать не могла. Гвардейцы выдержали натиск вождя Хадендовы и удачными заппами заставили арабов бежать. Кавалерия наехала на засаду. Завязался ожесточённый бой. Перевес остался на стороне британцев, но всё-таки они понесли крупные потери и здесь.

Как бы то ни было, каре отступало, надеясь на короткое время освободиться от наседавшего врага и успеть перестроиться. Удастся ли это? Перестроится ли каре, или оно будет окончательно прорвано? От решения этого вопроса зависела судьба пяти полков и честь знамени.

Несколько частей каре, как уже сказано, было прорвано. Третья рота Красного Королевского полка уже давно была расстроена и в беспорядке отступала, несмотря на увещевания растерявшихся офицеров. Напрасно они старались удержать солдат, напрасно они умоляли и угрожали. Солдаты их не слушали. Командиром для них стал рядовой Конолли, который и отдавал приказания.

Впрочем, волнение не распространилось на другие роты, потому что, когда в общей суматохе каре расстроилось, третья рота вышла из соприкосновения с другими войсковыми частями. Капитан Фолей, однако, не терял надежды образумить солдат и предпринял новую попытку. Подбежав к Конолли, он закричал:

— Одумайтесь, что вы делаете! В отряде более тысячи ирландцев, и все они погибнут, если вы убежите!

Но одни слова вряд ли повлияли бы на закоренелого бунтовщика. Вполне вероятно, что у него уже был готовый план, как собрать ирландцев и увести их к морю. Но как раз тогда арабы прорвались через обоз. Борьба стала видимой. Раздались стоны, вот раненый мул упал на землю, вот раненый солдат, проткнутый насквозь пикой, вскочил на повозку... А из-за верблюдов и мулов выбегала толпа голых дикарей, обезумевших от резни, упоённых убийством. Тела их были забрызганы кровью, с пик капала кровь, лица и руки тоже выпачканы в крови. Арабы испускали дикий вой, их прыжки, скорченные, извивающиеся фигуры, страшные очертания пик — всё делало их похожими на сонм демонов, вырвавшихся из ада.

Неужели это союзники Ирландии? Неужели они сражаются за Ирландию против её врагов? Душа Конолли переполнилась проклятиями при этой мысли.

Будучи твёрдым и энергичным человеком, он всегда обладал большой решимостью, но теперь при виде этих воющих дьяволов его решимость поколебалась. Ещё минута — и Конолли окончательно забыл о своих намерениях. Он увидел собственными глазами, как громадный, чёрный, словно уголь, негр схватил кричащего от ужаса погонщика верблюдов и стал перепиливать ему ножом горло. Он видел, как дикий арабский всадник насквозь пронзил пикой его приятеля, маленького барабанщика из Мильстрита. Он увидел ещё много кровавых дел. Негры убивали раненых, рубили безоружных... А там, позади, он видел знакомые, добродушные лица матросов, которые всё отходили и отходили. Красный Королевский уже был готов отступить.

Конолли бросился в самую середину третьей роты и стал вместе с офицерами уговаривать солдат сопротивляться. Но было уже поздно. Солдаты оробели. Они оказались окончательно сбиты с толку, дикая атака арабов довершила дело. Страшные лица врагов и их обагрённые кровью руки приводили ирландцев в ужас. Рота обратилась в бегство. И в самом деле, что за охота умирать за ненавистное знамя? И Конолли, что это за вожак такой? Сам же уговаривал бежать, а теперь гонит сражаться. Нет, они уже ни под каким видом сражаться не будут. Они побегут к морю. Конолли, широко расставив руки, преградил дорогу товарищам, убеждал, упрашивал, доказывал... Но тщетно. Можно ли повернуть назад катящуюся волну? Солдаты бежали по пустыне, устремив глаза на море, не оборачиваясь.

Ребята, неужто вы и за это не постоите? — крикнул кто-то.

Крик был громкий, повелительный, и бегущие солдаты оглянулись. То, что они увидели, заставило их остановиться. Рядовой Конолли воткнул в кусты мимозы свою винтовку, а на штыке развевалось маленькое зелёное знамя с вышитой на нём арфой без короны. Это было знамя революционной Ирландии. Бог знает, зачем, для каких бунтовских целей носил Конолли с собой это знамя, но теперь лишь оно было неподвижно среди всеобщего бегства. Зелёное знамя стояло на одном месте в то время, как гордые знамёна Англии медленно отодвигались назад.

- Кто за наше знамя?! крикнул Конолли.
- Вся моя кровь за это знамя! послышалось в ответ.
- И моя!
- И моя!
- Господи, благослови Ирландию!
- К знамени, ребята, к знамени!

И третья рота быстро стала собираться к лоскуту зелёной материи. Убежавшие далеко вперёд спешно возвращались назад, держась за руки и крича.

— Сюда, Мак-Гвайр! Поживее, Филипп и О'Хара! Становись около знамени! Наше знамя, наше знамя!

А знамёна королевы всё катились назад, к открытому месту, спеша перестроиться. Но третья рота не отступала. Мрачная, чёрная от пороха, окружённая превосходящими силами неприятеля, она быстро умирала, падая вокруг символа национальной независимости, развевавшегося на кусте мимозы.

Прошло добрых полчаса, прежде чем каре, отбившись от наступавшего противника и выйдя на открытое пространство, перестроилось и снова начало наступление по той же местности, которая только что была пройдена с такими потерями и трудом. Трупы солдат Вессекского полка и арабов устилали всю дорогу.

- А сколько их ворвалось в каре, Стивен? спрашивал генерал, постукивая указательным пальцем по табакерке.
  - Полагаю, тысяча или тысяча двести, сэр.
- Я не думал, что мы выпутаемся. Коего чорта зевали вессекцы? Гвардейцы работали хорошо. Да и Красный Королевский отличился.
  - Полковник Флэнаган донёс, что его передовая рота отрезана, сэр.
  - Как, это та самая рота, которая вела себя так скверно во время наступления?
- Полковник Флэнаган доносит, сэр, что эта рота приняла на себя весь удар. Только благодаря ей каре имело возможность перестроиться.
- Скажите гусарам, Стивен, чтобы шли вперёд, сказал генерал. Гусары должны отыскать эту роту. Я не слышу пальбы. Пожалуй, Королевскому Красному полку придётся позаботиться о пополнении рядов. Пусть каре возьмёт вправо, а затем снова вперёд.

Но шейх Кадра из Хадендовы увидел со своей вершины, что неверные в больших шапках вновь соединились и возвращаются. Шли они спокойно и деловито, как люди, которым надо во что бы то ни стало окончить начатое дело. Шейх посоветовался с дервишем Мусой и Гуссейном из Баггараса. Велика была его скорбь, когда он узнал, что целая треть его войск переселилась в Магометов рай. Нужно было кончать, пока ещё можно хвалиться победой. Шейх отдал приказ, и воители пустыни скрылись так же незаметно и неслышно, как

появились. Сражение того дня предоставило в распоряжение английского генерала плато на красных скалах, несколько сот копий и винтовок и долину, которая вторично покрылась убитыми.

Гусарский эскадрон первый приехал к месту, где развевалось мятежное знамя. Всё кругом было завалено грудами убитых арабов. Знамени не было, но винтовка продолжала торчать из куста мимозы. А вокруг куста, зияя смертельными ранами, лежали трупы. То был Конолли и его умолкнувшие навеки ирландцы. Чувствительность не принадлежит к числу английских национальных пороков, и всё же, проезжая мимо места бойни, гусарский капитан отсалютовал эфесом сабли павшим на поле брани.

Британский генерал немедленно уведомил о событиях своё правительство, то же сделал и шейх из Хадендовы. Их сообщения не походили одно на другое.

Доклад шейха гласил:

«Шейх Кадра, вождь народа Хадендовы шлёт избранному Аллахом Мухаммеду-Ахмету почтение и привет. Узнай из сего, что в четвёртый день луны мы дали большое сражение кафрам, которые называют себя инглезами. С нами был вождь Гуссейн и десять тысяч правоверных. С благословения Аллаха мы их разбили и гнали на протяжении мили. Однако эти неверные не похожи на египетских собак и потому убили многих наших воинов. Мы всё-таки уповаем поразить их ещё до появления новой луны, для чего и прошу тебя прислать мне из Омдурмана тысячу дервишей. В знак нашей победы посылаю тебе вместе с нашим вестником взятое нами знамя. По цвету знамени можно было бы полагать, что оно принадлежало правоверным, но кафры проливали кровь свою без жалости, чтобы спасти его. Почему я и полагаю, что это знамя было очень дорого проклятым кафрам».

1893 г.

(перевод Павла Гелевы)

 $^{^*}$ Искажённое арабское «кафир» — неверный, неверующий, т.е. немусульманин. (П.Г.)

ДЖОН БАРРИНГТОН КАУЛЗ

Ι

Я не хотел бы спешить с выводами и потому не стану голословно обвинять мистические силы в смерти моего бедного друга, Джона Баррингтона Каулза. Без неопровержимых доказательств мне попросту не поверят, ведь общепринятый взгляд отвергает самое существование подобных сил.

Я лишь обрисую обстоятельства, приведшие к печальному событию, и сделаю это по возможности просто и сжато, а дальше пускай читатель домысливает сам. Возможно, кому-то и удастся проникнуть в тайну, которая мучает меня по сей день.

С Баррингтоном Каулзом я познакомился в Эдинбурге, когда учился на медицинском отделении университета. Я проживал на улице Нортумберленд в огромном доме; домовладелица, вдовая и бездетная, не имея иных доходов, сдавала комнаты студентам.

Баррингтон Каулз поселился по соседству, и мы сошлись коротко — даже сняли на двоих маленькую гостиную, где обыкновенно обедали. Так началась дружба, которая — не омрачённая ни малейшим разногласием — длилась до самой его смерти.

Отец Каулза был полковником в сикхском полку. Многие годы он безвыездно прослужил в Индии и, обеспечивая сыну изрядное содержание, ничем более не выказывал отцовской любви, писал мало и крайне редко.

Мой друг родился в Индии, и это наложило на его натуру явственный южный отпечаток. Небрежение отца задевало его болезненно. Матери давно не было в живых, да и вообще не было у него в мире ни единой родной души.

И оттого, должно быть, всё тепло, всю сердечность свою он обращал на меня — редко встретишь у мужчины столь доверительную дружбу. Даже когда им завладела любовь — чувство более сильное и глубокое, это не поколебало его нежной ко мне привязанности.

Каулз был высок, строен, с удлинённым, точно на портретах Веласкеса, лицом и тёмными мягкими глазами. Внешность его притягивала женщин магически. Каулз часто бывал задумчив, порой даже вял, но, коснись разговор интересующего его предмета, мгновенно оживлялся. На щеках появлялся румянец, в глазах — блеск, и Каулз говорил с воодушевлением, мгновенно увлекая слушателей.

Несмотря на дарованные природой достоинства, Каулз сторонился женского общества. Книгочей и отшельник, на курсе своём он был из первых студентов: по анатомии получил большую медаль, а по физике — приз Нила Арнота.

Как ясно, как отчётливо запомнилась мне первая встреча с этой женщиной! Снова и снова я пытаюсь вернуть то, первоначальное, свежее впечатление — оно особенно важно, — поскольку позже, когда нас представили, на него наслоилось слишком многое, и судить непредвзято мне стало трудно.

Весной 1879 года открылась Шотландская королевская академия. Мой бедный друг пылко и благоговейно любил искусство во всех его формах: сладкозвучный аккорд, перелив красок доставляли ему тончайшую неизъяснимую радость. Мы стояли в огромном центральном зале академии, когда я заметил у противоположной стены необычайной красоты женщину. Такую совершенную классическую красоту я встретил впервые в жизни. Настоящая греческая богиня: широкий мраморно-белый лоб, обрамлённый нежнейшими локонами; прямой точёный нос, тонкие губы, округлый подбородок, плавный изгиб шеи — черты, бесконечно женственные, и всё же за ними угадывался недюжинный характер.

А эти глаза, эти чудные глаза! Как же скуден наш словарь: взгляд изменчивый, стальной, тающий, по-женски чарующий, властный, пронзительный, беспомощный... Однако всё это увиделось потом, позже, не сразу...

Женщину сопровождал высокий светловолосый молодой человек, студент-юрист, которого я немного знал. Арчибальд Ривз — так его звали — был поразительно красив, породист, и прежде все студенческие загулы и эскапады происходили под его предводительством. В последнее время я встречал его редко, ходили слухи, будто Ривз

помолвлен. Из чего я и заключил, что его спутница, должно быть, и есть невеста. Усевшись в центре зала на обитую бархатом банкетку, я стал украдкой, прикрываясь каталогом, разглядывать эту пару.

И чем дольше я смотрел на девушку, тем больше покоряла меня её красота. Невеста Ривза была невысока, скорее, даже мала ростом, но сложена идеально и несла себя столь горделиво, что малый рост её замечался лишь в сравнении с окружающими.

Пока я смотрел на них, Ривза кто-то отозвал, и молодая женщина осталась одна. Повернувшись спиной к картинам, она коротала время, разглядывая посетителей салона; десятки прикованных к ней глаз, любопытных и восхищённых, её ничуть не смущали. Теребя рукою красный шёлковый шнур, отделявший картины от публики, она, в ожидании спутника, бесцеремонно разглядывала людские лица, будто они были не живые, а тоже нарисованные на холсте. Вдруг взгляд её стал пристальнее, жёстче. Недоумевая, что же могло привлечь столь напряжённое внимание, я проследил этот взгляд.

И увидел Джона Баррингтона Каулза, застывшего подле какой-то картины. По-моему, она принадлежала кисти Ноэля Патона, во всяком случае, предмет её определённо был возвышен и благороден. Мой друг стоял к нам в профиль, и красота его — очевидная во всякую минуту — в тот миг казалась особенной. Он, похоже, совершенно забылся, всецело поглощённый картиной. Глаза его сияли, на смуглых щеках проступил густой румянец. Девушка всё не сводила с него пристального заинтересованного взгляда, он же вдруг, мгновенно вернувшись из забытья, оглянулся, и взоры их встретились. Она тут же отвела глаза, а он, напротив, глядел на неё неотрывно, позабыв о картине. Душа его вернулась на грешную землю.

Ещё несколько раз наши пути в залах пересеклись, и мой друг неизменно провожал её взглядом. Однако заговорил о ней лишь на улице, когда мы, рука об руку, шли по улице Принсес.

- Ты заметил красавицу помнишь, в тёмном платье с белой меховой оторочкой? спросил он.
  - Заметил, ответил я.
  - A не знаешь, кто она? оживился Каулз.
- Нет, но могу разузнать. Насколько я понимаю, она помолвлена с Арчи Ривзом, а у нас с ним много общих друзей.
  - Помолвлена! воскликнул Каулз.
- Но, дружище, неужели ты способен так легко влюбиться? рассмеялся я. Ты с нею даже незнаком, а печалишься из-за её помолвки!
- Ну, что печалюсь, это, конечно, чересчур, промолвил Каулз, выдавив улыбку. Но, знаешь, Армитедж, никогда в жизни женщина не увлекала меня столь сильно. И дело не только в красоте, хотя черты её совершенны, главное в глазах её светятся характер и ум. И если она в самом деле помолвлена, надеюсь, что избранник достоин её.
- Однако она здорово разбередила тебе душу! заметил я. Джек, да это любовь, любовь с первого взгляда! Ладно, обещаю разузнать о ней подробно, как только повстречаю общих знакомых.

Баррингтон Каулз поблагодарил меня, и разговор перешёл на другое. Несколько дней мы к этой теме не возвращались, хотя мой компаньон был, пожалуй, задумчивее и рассеяннее обычного. Происшедшее почти изгладилось у меня из памяти, когда я повстречал своего двоюродного братца, младшего Броуди. Он подошёл ко мне у дверей университета и спросил, точно заговорщик:

- Ты ведь знаешь Ривза?
- Да. А что с ним?
- Его помолвка расторгнута.
- Расторгнута? воскликнул я. Погоди, вроде на днях всё было в силе?
- А вот теперь дело расстроилось. Мне его брат рассказал. Со стороны Ривза просто подло пойти сейчас на попятный, если, конечно, это его затея. А невеста у него удивительно милая
  - Я её видел, сказал я. Только не знаю, как её зовут.
  - Зовут её мисс Норткотт, живёт со старухой тёткой в Аберкромби. О родных ничего не

известно. Никто даже не знает, из каких она мест. Так или иначе, она самая что ни на есть разнесчастная девушка на свете.

- Отчего же?
- Видишь ли, это её вторая помолвка, принялся объяснять Броуди, умудрявшийся знать всё обо всех. Женихом её был Прескотт, Уильям Прескотт, тот, что умер. Ужасная история. Уж и свадьбу назначили, короче верное дело, как вдруг такой удар!
  - Какой удар? спросил я, что-то смутно припоминая.
- Ну, как же?! Смерть Прескотта. Он приехал вечером в Аберкромби, засиделся допоздна. Когда он ушёл оттуда неясно, но около часу ночи один приятель встретил его неподалёку от Королевского парка. Прескотт шёл, не разбирая дороги, на приветствие не отозвался. Больше его живым не видели. Три дня спустя тело его выловили из Маргаритина озера, прямо возле церкви Св. Антония. До сих пор в голове не укладывается. В бумагах, как водится, записали кратковременное помрачение рассудка.
  - Престранный случай, заметил я.
- Ещё бы. Девочка много выстрадала, сказал Броуди. А теперь ещё новый удар, не везёт бедняжке. Такая милая и так хороша собой...
  - Ты, выходит, с ней знаком? перебил я.
  - Разумеется. Встречал не единожды. Хочешь, и тебя представлю? Мы с нею накоротке.
- Пожалуй... ответил я. Понимаешь, с нею очень хотел бы познакомиться мой друг... Впрочем, она вряд ли скоро появится в свете. Но уж тогда не премину воспользоваться твоим предложением.

На том мы и распрощались, и я совсем, было, выкинул из головы эту историю.

Следующий эпизод касается мисс Норткотт непосредственно, и я опишу его во всех подробностях, хотя подробности эти весьма неприятного свойства. Впрочем, быть может, именно они подскажут разгадку всех последующих трагедий. Однажды, морозным вечером, спустя несколько месяцев после разговора с Броуди, я шёл от пациента по самой запущенной и омерзительной части города. Было очень поздно, я пробирался мимо пивной сквозь толпу грязных бездельников. Вдруг от толпы отделился какой-то забулдыга и, приблизившись нетвёрдым шагом, с пьяной ухмылкой протянул мне руку. Свет газового рожка упал на его лицо, и в этом жалком, опустившемся существе я с изумлением узнал своего знакомца, Арчибальда Ривза, который прежде славился безупречными манерами и одевался с иголочки. Я был так ошеломлён, что поначалу не поверил собственным глазам, однако черты его, хотя и расплывшиеся от пьянства, всё же сохранили остатки былой привлекательности. И я твёрдо решил вызволить его — пусть на одну только ночь — из столь ужасного окружения.

— Привет, Ривз! — сказал я. — Пойдём-ка со мной, нам по пути.

Он невнятно извинился, что нетрезв, и уцепился за мою руку. Я довёл его до дома, ещё по дороге поняв, что нынешнее состояние Ривза — отнюдь не случайность, что его нервы и рассудок крайне расстроены неумеренным потреблением спиртного. Он шарахался от каждой колышащейся тени и хватался за меня сухой горячей рукой. Речь его была бессвязна и более походила на горячечный бред, чем на пьяные откровения.

Доставив Ривза домой, я снял с него верхнюю одежду и уложил в постель. Судя по пульсу, у него был сильнейший жар. Он, казалось, впал в забытье, и я уже хотел украдкой выскользнуть из комнаты и предупредить хозяйку, что жилец заболел, как вдруг Ривз вздрогнул и ухватил меня за рукав.

- Не уходи! воскликнул он. Мне с тобой легче. Ей тогда меня не достать.
- Ей? переспросил я. Кому?
- Ей! Да неужели не ясно? раздражённо проговорил он. Ты просто её не знаешь! Она дьявол! Она прекрасна, но она сущий дьявол!
- У тебя жар, ты не в себе, проговорил я. Попробуй заснуть хоть ненадолго. Поспишь и полегчает.
- Поспишь! простонал он. Да не могу я спать! Только лягу сядет в ногах и глазищи свои с меня не сводит. Часами так сидит. Всю душу, все силы вытянет. Оттого и пью. Господи, спаси меня и помилуй, я пьян, пьян...
- Ты очень болен. Я протёр ему виски уксусом. Ты бредишь. Сам не знаешь, что говоришь.

— Прекрасно знаю, — оборвал он и взглянул на меня в упор. — Я знаю, что говорю. Сам навлёк на себя всё это. Сам выбрал такую жизнь. Но я не мог — клянусь Богом — не мог сделать иного выбора. Не мог относиться к ней по-прежнему. Это выше человеческих сил...

Я сидел возле кровати, держа его пылающую руку в своей, и пытался осмыслить услышанное. Помолчав, он снова вскинул глаза и вдруг жалобно спросил:

— Но зачем она не предупредила меня раньше? Зачем дождалась, чтобы я полюбил её так глубоко?

Разметавшись на подушках, он повторял свой вопрос снова и снова и наконец заснул, беспокойно и тяжело. Я на цыпочках выбрался из комнаты, и, убедившись, что хозяйка о нём позаботится, пошёл домой. Однако слова его остались в памяти надолго, а позже обрели для меня новый, глубокий смысл.

У моего друга Баррингтона Каулза в ту пору были летние каникулы, и я несколько месяцев не имел от него вестей. Когда же начался семестр, я получил телеграмму с просьбой снять прежние наши комнаты на улице Нортумберленд, он сообщал также номер поезда, с которым приедет. Я встретил его на вокзале. Каулз заметно посвежел и выглядел прекрасно.

В первый вечер, когда мы, сидя у камина, обменивались новостями, он вдруг сказал:

- Кстати! Поздравь меня!
- С чем же?
- Разве ты не слышал о моей помолвке?
- О помолвке? Нет! Но теперь слышу и счастлив за тебя, мой дорогой. Поздравляю от всего сердца.
- И как это до тебя не дошли слухи? сказал Каулз. Ведь получилось удивительное совпадение. Помнишь девушку, которой мы с тобой любовались на открытии академии?
- Что?! воскликнул я, охваченный смутным предчувствием. Не хочешь ли ты сказать, что она твоя невеста?
- Так и знал, что ты удивишься! Я жил у старой тётушки в местечке Метерхед в Абердиншире, а они тоже приехали туда кого-то навестить. Нашлись общие друзья, и мы вскоре познакомились. Выяснилось, что её помолвка просто ложная тревога, ну и... Сам понимаешь, в такую девушку нельзя не влюбиться, да ещё в этакой глухомани. Нет-нет, не подумай, что я сожалею, добавил он поспешно. Я не сглупил и не поспешил. Наоборот с каждым днём восхищаюсь и влюбляюсь всё больше. Вот я вас скоро познакомлю, и ты опенишь её сам.

Я выразил полную готовность познакомиться с его невестой. Говорил я — по возможности — непринуждённо, но на самом деле был глубоко встревожен и огорчён. Слова Ривза, ужасная судьба бедняги Прескотта — всё вдруг всплыло в памяти, соединилось, и, без видимой причины, я ощутил смутный страх и недоверие к мисс Норткотт. Быть может, именно из-за этого глупого предубеждения все её поступки и слова стали укладываться для меня в некую надуманную дикую схему. По-вашему, я заранее настроился на поиски зла? Что ж, каждый вправе считать, как хочет. Но неужели то, что я сейчас расскажу, вы тоже спишете на мою предвзятость?

Спустя несколько дней я, в сопровождении Каулза, отправился с визитом к мисс Норткотт. В Аберкромби нас оглушил истошный собачий визг. При подходе к дому обнаружилось, что визг доносится именно отсюда. Нас провели наверх, и Каулз представил меня старой тётушке, миссис Мертон, и своей невесте. Не удивительно, что мой друг совсем потерял голову — девушка была необыкновенно хороша. Сейчас на её щеках проступил румянец, в руке она сжимала толстую собачью плётку. У стены, поджав хвост, поскуливал маленький скотч-терьер, его-то визг мы, похоже, и слышали с улицы. Очевидно, побои привели пёсика в совершенное смирение.

Когда мы уселись, мой друг укоризненно заметил:

- Кейт, ты, я вижу, опять повздорила с Карло.
- Ну, на сей раз слегка, сказала она, очаровательно улыбнувшись. Он, симпатяга, всем бы хорош... Впрочем, острастка никому не помешает. И, повернувшись ко мне, добавила: Плётка любому полезна, не так ли, мистер Армитедж? Чем после смерти ждать кары за содеянное, не лучше ли сразу получать нагоняй за каждый проступок? Тогда и люди, верно, стали бы куда осмотрительней.

Я поневоле согласился.

- Только представьте! Поступает человек дурно, и тут же одна гигантская рука хватает его покрепче, а другая хлещет и хлещет кнутом, пока человек не обезумеет от боли... плётка в её руке со зловещим свистом рассекла воздух. Это подействует на людишек почище заумных нравоучений.
  - Ты сегодня чересчур кровожадна, Кейт, заметил мой друг.
- Ну, что ты, Джек, рассмеялась она. Я всего лишь предлагаю мистеру Армитеджу поразмыслить над моей идеей на досуге.

Тут они принялись вспоминать о днях, проведённых в абердинской глуши, а я смог наконец рассмотреть миссис Мертон, которая во время нашей краткой беседы не проронила ни слова. Старушка была престранная. Прежде всего, в ней поражала совершенная блёклость, полное отсутствие иных тонов: абсолютно седые волосы, бледное лицо, бескровные губы. Даже глаза голубели слабо, не в силах оживить общей мертвенной бледности, которой вполне подстать было и серое шёлковое платье. На лице её отпечаталось какое-то особое выражение, но определить его я пока затруднялся.

Она сидела с работой, плела какие-то старомодные кружева, и от движения рук её платье шуршало сухо и печально, точно листья в осеннем саду. От неё веяло чем-то скорбным, гнетущим. Придвинувшись вместе со стулом поближе, я спросил, нравится ли ей в Эдинбурге, и как долго она здесь прожила.

Поняв, что я обращаюсь к ней, старушка вздрогнула и взглянула на меня с испугом. Я вдруг понял, чт σ за выражение не сходило с её лица, какое чувство постоянно владело ею — страх. Жуткий, всепоглощающий страх. Он отпечатался на лице старушки явственно — я мог бы поклясться, что когда-то она испугалась так сильно, что не знала с тех пор иных, кроме страха, чувств.

- Да, мне тут нравится, ответила она тихо и робко. Мы пробыли долго, то есть не очень долго... Мы вообще постоянно ездим, неуверенно добавила она, словно боясь выдать какую-то тайну.
  - Вы ведь, насколько я понимаю, родом из Шотландии? спросил я.
- Нет, то есть не вполне. У нас вообще нет родины. Мы знаете ли, космополиты. Она оглянулась на стоявшую у окна мисс Норткотт, но влюблённые были поглощены друг другом. И тут старушка неожиданно наклонилась ко мне и чрезвычайно серьёзно шепнула:
- Пожалуйста, не говорите со мной больше. Она этого не любит. Я ещё поплачусь за наш разговор. Пожалуйста...
- Я хотел, было, выяснить причину столь непонятной просьбы, но, увидев, что я снова собираюсь к ней обратиться, старушка поднялась и неспешно вышла из комнаты. Разговор за моей спиной тут же оборвался, и я почувствовал на себе пронзительный взгляд серых глаз.
- Простите тётушку, мистер Армитедж, произнесла мисс Норткотт. Она у меня со странностями и к тому же быстро утомляется. Посмотрите лучше мой альбом.

И мы принялись рассматривать фотографии. Ни мать, ни отца мисс Норткотт не отличала та особая печать, которая лежала на челе их дочери. Зато моё внимание привлёк один старый дагерротип — лицо весьма красивого мужчины лет сорока. Чисто выбритый, тяжёлый, властный подбородок, резко очерченные упрямые губы... Безупречную внешность портили лишь чересчур глубоко посаженные глаза и по-змеиному уплощённый лоб. Я, не удержавшись, воскликнул:

- Вот ваш истинный предок, мисс Норткотт.
- Вы полагаете? она вздёрнула брови. Боюсь, это сомнительный комплимент. Дядю Энтони в нашей семье ни в грош не ставили.
  - Неужели? Что ж, простите великодушно.
- Извиняться тут вовсе не за что. Я-то уверена, что все мои родственнички, вместе взятые, и мизинца его не стоят. Он был офицером в Сорок первом полку и погиб в Персидской войне. Так что умер он, во всяком случае, вполне достойно.
- Вот о какой смерти можно только мечтать! сверкнул глазами Каулз. Жаль, что я выбрал никому не нужные градусники и клизмы и не пошёл по стопам отца. Лучшая смерть в бою.
  - Бог с тобой, Джек, тебе ещё очень далеко до смерти, сказала она, нежно взяв его за

руку.

Я положительно не мог в ней разобраться. Смесь мужской решительности и женской слабости да ещё нечто совершенно своё, особое, какая-то загадка... Потому я и затруднился ответить, когда Каулз по дороге домой задал вполне естественный вопрос.

- Ну, что ты о ней думаешь?
- Что она удивительно красива, ответил я уклончиво.
- Разумеется! вспылил мой друг. Но это ты знал и прежде.
- Кроме того, она очень умна, продолжил я.

Баррингтон Каулз промолчал, а потом внезапно спросил:

- А она не жестока? Тебе не показалось, что её радует чужая боль?
- Ну, знаешь, об этом мне пока трудно судить.

Мы снова замолчали.

- Старая дура... пробормотал вдруг Каулз. Совсем из ума выжила.
- Ты о ком? спросил я.
- О тётке, конечно, о миссис Мертон или как там её...

 $\mathfrak X$ понял, что моя бесцветная бедняжка обращалась со своей просьбой и к нему, но о предмете разговора Каулз не обмолвился ни словом.

В тот вечер мой друг ушёл спать прежде меня, а я долго ещё сидел у камина, перебирая в уме всё увиденное и услышанное. Я чувствовал, что в девушке есть какая-то тайна, какое-то тёмное начало, ускользающее, непостижимое. Вспомнилась встреча Прескотта с невестой накануне свадьбы и трагическая развязка. В моих ушах зазвучал пьяный вопль бедняги Ривза: «Отчего она не призналась раньше?» И остальное, что он рассказывал, вспоминалось тоже. А потом всплыл боязливый шёпот миссис Мертон, бормотание Каулза и — наконец — плётка над съёжившейся, визжащей собачонкой.

В целом всё это складывалось в весьма неприятную картину, но в то же время обвинить девушку было не в чем. И по меньшей мере, бесполезно предостерегать друга, если толком не знаешь, от чего. Он с негодованием отвергнет любое обвинение в адрес невесты. Что же делать? Как разобраться в её характере, как узнать о её родне? В Эдинбурге они чужие, прежде их тут никто не знал. Девушка — сирота, откуда приехала, неизвестно. И вдруг меня осенило. Среди отцовских друзей был некий полковник Джойс, который довольно долго прослужил в Индии, в штабе. Он наверняка знает офицеров, служивших там после Восстания. И я, придвинув лампу, незамедлительно принялся за письмо к полковнику. Внешность капитана Норткотта я описал очень подробно — насколько позволил несовершенный дагерротип — и добавил, что служил он в Сорок первом полку и пал на персидской войне. Об этом человеке меня интересовало всё, совершенно всё. Надписав конверт, я в тот же вечер отослал письмо и улёгся спать с сознанием выполненного долга. Впрочем, события эти так меня растревожили, что я долго ещё ворочался без сна.

П

Ответ из Лестера, где проживал по выходе на пенсию полковник Джойс, пришёл спустя два дня. Вот это письмо, передо мной, и я привожу его дословно:

«Дорогой Боб!

Помню его прекрасно! Мы встречались в Калькутте, и позже — в Хайдерабаде. Занятный был человек, держался особняком, но солдат хороший — отличился при Собраоне и, если мне не изменяет память, даже был ранен. В полку его не любили, считали чересчур хладнокровным, безжалостным, жестоким. Ходили слухи, будто он слуга дьявола или кто-то в этом роде, что у него дурной глаз и прочая, и прочая. Были у него, помнится, прелюбопытные идеи о силе человеческой воли, о воздействии мысли на матерьяльные предметы.

Как твои успехи на поприще медицины? Не забывай, мой мальчик. что сын твоего отца может располагать мною всецело, буду рад служить тебе и впредь.

P.S. Кстати. Норткотт вовсе не пал в бою. Уже после подписания мирного договора этот безумец пытался украсть огонь из храма солнцепоклонников и погиб при не вполне ясных обстоятельствах».

Я перечёл это послание несколько раз, сначала — удовлетворённо, потом — разочарованно. Информация интересная, но я ждал чего-то совсем иного. Норткотта считали эксцентричным человеком, слугой дьявола, боялись его сглаза. Что ж, взгляд племянницы — холодный, стальной, недобро мерцающий — вполне может навлечь любую беду, любое зло. Но мои ощущения ничего не доказывают. А нет ли в следующей фразе более глубокого смысла? «...идеи о силе человеческой воли, о воздействии мысли на матерьяльные предметы». Когда-то и я читал подобный трактат об особых способностях некоторых людей, о воздействии на расстоянии. В ту пору, однако, я счёл это попросту шарлатанством. Быть может, мисс Норткотт тоже наделена выдающимися способностями такого рода? Эта идея укоренилась во мне крепко, а вскоре я получил явное подтверждение своей правоты.

Как раз в ту пору я наткнулся в газете на объявление: к нам едет доктор Мессинджер, известный медиум и гипнотизёр — из тех, чьё искусство не отрицают даже знатоки и разоблачители всевозможных трюков. Он считался крупнейшим из современных авторитетов в области животного магнетизма и электробиологии. Я твёрдо решил посмотреть, на что же способна его воля — там, под лучами прожекторов, на глазах у сотен людей. И мы с несколькими однокурсниками отправились на представление.

Билеты купили загодя, в боковую ложу; когда приехали, представление уже началось. Не успел я сесть, как увидел внизу, в третьем или четвёртом ряду партера, Баррингтона Каулза с невестой и старой миссис Мертон. Они меня тоже заметили, мы раскланялись. Первая половина лекции была вполне банальна: пара расхожих трюков, несколько гипнотических воздействий — на собственного ассистента. Нам продемонстрировали и ясновидение: введя ассистента в транс, доктор заставил его подробно рассказать, что делают отсутствующие друзья и где находятся спрятанные предметы. Сеанс шёл гладко, но ничего нового для себя я пока не видел. Когда же он начнёт гипнотизировать кого-нибудь из публики?

Мессинджер приберёг это под конец.

— Вы убедились, что загипнотизированный человек полностью попадает под власть гипнотизёра. Он начисто лишается волеизъявления; воля властелина диктует всё — вплоть до мыслей, которые родятся в вашей голове. Подобных результатов можно достичь и вне специальных гипнотических сеансов. Даже на расстоянии сильная воля способна поработить слабую, подчинить себе её желания и поступки. И если бы на Земле, допустим, нашёлся человек с волей на порядок более сильной, нежели у нас с вами, он вполне мог бы править миром, и люди стали бы марионетками в его руках. К счастью, сила человеческой воли имеет природный потолок, и относительно этого потолка все мы сильны, а вернее, слабы одинаково. Так что подобная катастрофа человечеству пока не грозит. Однако в определённых, весьма узких пределах, людская воля всё же бывает сильнее и слабее. Потому-то столь велик интерес к моим сеансам. Итак, сейчас я заставлю — да-да, заставлю усилием воли — кого-нибудь из публики выйти на сцену. И человек этот будет делать и говорить только то, что пожелаю я. Предварительный сговор совершенно исключается и, поверьте, избранного мною человека ничто не будет подстёгивать, кроме моей воли.

С этими словами Мессинджер подошёл к самому краю сцены и оглядел первые ряды партера. Крайняя возбудимость и впечатлительность, отличавшие Каулза, несомненно, отражались на его смуглом нервном лице, в его пылающем взоре, и, мгновенно выделив его, гипнотизёр глянул Каулзу прямо в глаза. Мой друг удивлённо вздрогнул и уселся плотнее, точно решив ни за что не поддаваться гипнотизёру. На сцене же стоял Мессинджер — на вид самый обычный, ничем не выдающийся человек, но напряжённый взгляд его был твёрд и неумолим. И вот под этим взглядом Каулз несколько раз дёрнулся, точно пытаясь удержаться напоследок за подлокотники кресла, затем приподнялся... — и плюхнулся обратно,

совершенно без сил. Я следил за ним неотрывно, но вдруг обратил внимание на мисс Норткотт. Она не сводила с гипнотизёра стального, пронзительного взгляда. Такого неистового порыва воли я не видел никогда и ни у кого. Зубы, сжатые до скрежета, плотно сомкнутые губы, лицо, словно окаменевшее, беломраморное, прекрасное... А серые холодно мерцающие из-под сдвинутых бровей глаза всё сверлили и сверлили Мессинджера.

Я перевёл взгляд на Каулза: вот сейчас он встанет, сейчас подчинится воле гипнотизёра. Вдруг со сцены донёсся вскрик, отчаянный вскрик сдавшегося, обессилевшего в долгой борьбе человека. Мессинджер, весь в поту, рухнул на стул и, прикрыв рукой глаза, произнёс:

— Я не могу продолжать. Здесь, в зале, есть воля сильнее моей. Она мешает. Простите... Сеанс окончен...

Гипнотизёр был в ужасном состоянии. Занавес упал, и публика стала расходиться, бурно обсуждая неожиданное бессилие Мессинджера.

Я дожидался Каулза и его спутниц на улице. Мой друг радовался неудаче гипнотизёра.

- Боб, со мной у него не вышло! торжествующе воскликнул он, пожимая мне руку. Не по зубам оказался орешек!
- Ещё бы! подхватила мисс Норткотт. Джеку есть чем гордиться. У него очень сильная воля, правда, мистер Армитедж?
- Но и мне туго пришлось, продолжал Каулз. Несколько раз показалось всё, силы кончились. Особенно перед тем, как он сдался.

Вместе с Каулзом я отправился провожать дам. Он шёл впереди, поддерживая миссис Мертон; мы с девушкой оказались сзади. Сначала шли молча, а потом я вдруг резко, вероятно, даже испугав её, произнёс:

- Мисс Норткотт, а ведь это сделали вы!
- Что именно?
- Загипнотизировали гипнотизёра. Иначе, наверное, и не скажешь.
- Что за нелепость? засмеялась она. Вы, значит, полагаете, будто у меня сильная воля?
  - Да. И очень опасная.
  - Чем же она опасна? удивилась мисс Норткотт.
  - Я полагаю, что любая чрезмерная сила опасна, если использовать её во зло.
- Что-то вы, мистер Армитедж, из меня какое-то чудовище делаете, сказала она. А потом, взглянув на меня в упор, продолжила: Вы меня не любите. И всегда меня в чём-то подозревали, не доверяли мне, хотя я никакого повода не давала.

Обвинение было настолько неожиданным и точным, что я не нашёлся, что возразить. Она же, помолчав, сказала жёстко и холодно:

— Не вздумайте вмешиваться в мою жизнь, мистер Армитедж. И не вздумайте из предубеждения настраивать против меня вашего друга. Не стоит ссорить нас с мистером Каулзом, ни к чему хорошему это не приведёт.

В её словах, в голосе слышалась явная угроза.

- Вмешиваться не в моей власти, но я боюсь за друга, ответил я. То, что я видел и слышал, даёт веские основания для страха.
- Ох, уж эти страхи... сказала она презрительно. Что, интересно, вы видели и слышали? Что-нибудь от мистера Ривза? Он ведь тоже, кажется, ваш друг?
- Ривз никогда не упоминал при мне вашего имени, сказал я, ничем не погрешив против истины. Кстати, я должен сообщить вам печальную новость он при смерти.

И я взглянул на девушку: проверить, какое впечатление произвели мои слова. Мы как раз проходили мимо окон, свет падал на лицо мисс Норткотт. Она смеялась! Да-да, тихонько смеялась, лицо её сияло неприкрытой радостью. Тут я испугался уже не на шутку. С этой минуты я не доверял ни единому слову мисс Норткотт.

До дома дошли молча. Прощаясь, она взглянула на меня предостерегающе. «Не вздумайте мешать мне, это опасно», — читалось в этом взгляде. Однако меня не остановили бы никакие угрозы, если б имелся очевидный способ защитить Баррингтона Каулза. Но какой? Рассказать ему? О чём? Что женихов этой девицы преследует злой рок? Что его невеста жестока? Что в ней таится сверхъестественная воля?.. Для страстно влюблённого Каулза всё это сущие пустяки. Человек такого склада просто не поверит, что его возлюбленная виновата

или нехороша. И я молчал.

В рассказе моём наступает перелом. Всё, описанное доселе, основано на предположениях, логических рассуждениях и выводах. А теперь я, уже как непосредственный свидетель, обязан бесстрастно и точно описать смерть моего друга и то, что ей предшествовало.

В конце зимы Каулз заявил, что хочет жениться на мисс Норткотт не откладывая, вероятно, — весной. Он, как я уже говорил, был вполне состоятельным человеком, у невесты его тоже имелись сбережения. Причин для отсрочки не было.

— Мы снимем домик на Косторфайне и надеемся, что ты нет-нет да и заглянешь на огонёк. — сказал он мне.

Я поблагодарил, отгоняя дурные предчувствия и убеждая себя, что всё обойдётся.

Недели за три до свадьбы Каулз предупредил меня, что вернётся заполночь.

— Кейт прислала записку. Просит зайти вечером, часов в одиннадцать. Поздновато, конечно, но она, должно быть, хочет обсудить что-нибудь по секрету от старушки.

Каулз ушёл. Лишь тогда я вспомнил о таком же ночном разговоре мисс Норткотт с беднягой Прескоттом — как раз перед его самоубийством. Вспомнился мне и горячечный бред Ривза, о смерти которого, по трагическому совпадению, я узнал именно в тот же день. Что всё это значит? Быть может, у прекрасной ведьмы есть какой-то секрет, который она непременно раскрывает накануне свадьбы? А может, ей запрещено выходить замуж? Или на ней нельзя жениться? Меня снедало беспокойство. Я наверняка догнал бы Каулза и попытался отговорить его от встречи с невестой — пускай даже с риском потерять его дружбу, — но, взглянув на часы, понял, что опоздал.

И решил не ложиться, а дождаться его возвращения. Подбросил угля в камин, снял с полки какой-то роман... Вскоре, однако, я отложил книгу: собственные мысли, тревожные и гнетущие, занимали меня куда больше. Двенадцать, половина первого, Каулза всё нет. Наконец уже около часа ночи с улицы донеслись шаги, потом раздался стук в дверь. Я удивился: мой друг никогда не выходил без ключей. Поспешив вниз, я распахнул дверь и понял, что сбылись мои худшие опасения. Баррингтон Каулз стоял, прислонясь к перилам лестницы, низко опустив голову — в полнейшем, бездонном отчаянии. Переступая порог, он пошатнулся и упал бы, не обхвати я его за плечи. Так, одной рукой поддерживая друга, сжимая фонарь в другой, я довёл Каулза до нашей гостиной. Он молча повалился на кушетку. Здесь было светлее, чем на лестнице, и взглянув на друга, я ужаснулся разительной перемене, происшедшей с ним за эти часы. Лицо, даже губы мертвенно бледные, щёки и лоб в липком поту, взгляд блуждает — короче, другой человек! Он словно пережил какое-то страшное потрясение, глубоко поколебавшее самые глубины его разума и чувств.

- Милый друг, что случилось? отважился я нарушить молчание. Надеюсь, ничего ужасного? Ты здоров?
  - Бренди! выдохнул он наконец. Налей мне бренди!

Не успел я достать графин, как он схватил его трясущейся рукой и плеснул себе в стакан чуть ли не половину. Обыкновенно он был весьма воздержан, но сейчас выпил спиртное залпом, не разбавляя. Похоже, это придало ему сил, щёки слегка порозовели. Каулз приподнялся на локте.

- Свадьбы не будет, сказал он с нарочитым спокойствием. Впрочем, голос его заметно дрожал. Всё кончено.
- Ну и не грусти! попытался я ободрить его. У тебя вся жизнь впереди. А что, собственно, случилось?
- Что случилось? простонал он, закрывая лицо руками. Боб, ты не поверишь. Это слишком страшно, слишком ужасно... немыслимо... непостижимо... Он горестно замотал головой. Ох, Кейт, моя Кейт! Я считал тебя ангелом во плоти, а ты...
  - А ты? повторил я. Мне очень хотелось, чтобы Каулз договорил.

Он посмотрел на меня отрешённо и вдруг воскликнул:

— Чудовище! — он воздел руки к небу. — Исчадие ада! Вампир, прикинувшийся агнцем! Боже, Боже, прости меня...

Он отвернулся к стене.

— Я и так сказал слишком много, — произнёс он едва слышно. — Но я люблю её, я не в

силах её проклясть. Я люблю её по-прежнему.

Умолкнув, Каулз лежал теперь неподвижно, и я, было, обрадовался, что алкоголь его усыпил. Вдруг он повернулся ко мне.

- Слышал когда-нибудь про оборотней? спросил он.
- Слышал.
- Знаешь, у Марриэта в одной книге есть прекрасная женщина она ночью превратилась в волка и сожрала собственных детей. Интересно, откуда он взял этот сюжет?

Мой друг, глубоко задумавшись, снова умолк. Потом попросил ещё бренди. Под рукой у меня оказался опий и, наливая бренди, я щедро подмешал туда порошка. Каулз выпил и снова уткнулся головой в подушку.

— Что угодно, только не это... — простонал он. — Смерть и то лучше... Какой-то замкнутый круг: жестокость, преступление, снова жестокость... Всё, что угодно, только не это, — повторял он монотонно. Наконец слова стали неразборчивы, веки сомкнулись, и Каулз погрузился в тяжёлый сон. Я бережно перенёс его в спальню, и, соорудив себе лежанку из стульев, провёл подле него всю ночь.

Проснулся Баррингтон Каулз в сильнейшем жару. Многие недели был он между жизнью и смертью. Его лечили все медицинские светила Эдинбурга, и сильный, крепкий организм Каулза одолел болезнь. Всё это время я не отходил от его постели, но даже в самом бессвязном бреду с его губ не слетело ни слова, приоткрывшего бы мне тайну мисс Норткотт. Иногда он произносил её имя — нежно и благоговейно. Иногда же опять восклицал: «Чудовище!» и отталкивал её, невидимую, точно спасаясь от цепких рук. Несколько раз говорил, что не продаст душу за красоту. Чаще же всего он просто жалобно повторял: «Но я люблю её, люблю... И не смогу разлюбить...»

Мой друг выздоровел, но это был уже не прежний Каулз, а совершенно иной человек. Лишь глаза на измождённом долгой болезнью лице блестели по-прежнему, пылали из-под тёмных густых бровей. Каулз стал эксцентричен, непредсказуем, то раздражался беспричинно, то невпопад хохотал. Прежней естественности не было и в помине. Порой он испуганно озирался, но, похоже, и сам не сказал бы определённо, чего он всё-таки боится. Имя мисс Норткотт больше не упоминалось — ни разу до того рокового вечера.

Я же всё пытался отвлечь друга от печальных мыслей, пытался разнообразить его впечатления: мы облазили все живописные уголки в горах Шотландии и всё восточное побережье. Однажды нас занесло на остров Мей, что отделяет Ферт-оф-Форт от моря. Туристский сезон ещё не начался, на острове, голом и пустынном, оставались лишь смотритель маяка да несколько бедных рыбацких семей; рыбаки пробавлялись жалким уловом, который приносили сети, и ловили на мясо бакланов и прочих морских птиц.

Это унылое место буквально заворожило Каулза, и мы недели на две сняли комнатёнку в рыбацкой хижине. Я сразу заскучал, зато на моего друга одиночество явно оказывало благотворное действие. Отступила постоянная ныне насторожённость, он ожил, стал слегка походить на себя прежнего. Целыми днями бродил по острову, взбирался на вершины громадных прибрежных утёсов и смотрел на зелёные валы: как накатываются с рёвом, как разбиваются на тысячи брызг у его ног.

Однажды вечером, на третий или четвёртый день нашего пребывания на острове, мы с Баррингтоном Каулзом вышли перед сном подышать — комната наша была мала, к тому же чадила лампа, и духота стояла одуряющая. Тот вечер мне запомнился до мельчайших подробностей. Надвигался шторм, с северо-запада гнало чёрные тучи, они то скрывали луну, то расступались, и она снова струила бледный свет на изрытую непогодой землю и беспокойное море.

Мы беседовали в трёх шагах от дома; казалось, к Каулзу возвращается прежняя жизнерадостность. Но не успел я подумать, что друг мой наконец оправился от болезни, как он вдруг вскрикнул испуганно и резко, и на лице его, освещённом луной, отразился неизъяснимый ужас. Глаза неотрывно глядели на что-то невидимое, оно явно приближалось, и Каулз указал длинным дрожащим пальцем:

— Смотри! Это она! Она! Видишь, там, на склоне?!

Он ухватил меня за запястье.

— Видишь? Вон же она, идёт прямо к нам!

- Кто?! Я отчаянно вглядывался в темноту.
- Она... Кейт! Кейт Норткотт! выкрикнул он. Она пришла, пришла за мной! Не отпускай меня, друг! Держи меня крепче!
- Да будет тебе, старина, сказал я бодро, хлопнув Каулза по плечу. Очнись! Бояться нечего, тебе померещилось.
- Ушла... он с облегчением вздохнул. Ах, нет, вон же она, всё ближе, ближе!... Грозилась ведь, что придёт за мной. Она сдержала слово.
  - Пойдём-ка в дом, сказал я, взяв его за холодную, как лёд, руку.
- Я так и знал! закричал он. Вот она, совсем близко, машет, зовёт меня... Это знак. Я должен итти. Я иду, Кейт! Иду...

Я вцепился в него обеими руками, но Каулз стряхнул меня, точно букашку, и ринулся в темноту. Я поспешил следом, умоляя Каулза остановиться, но он бежал всё быстрее. Меж туч проглянула луна, и я увидел его тёмный силуэт: мой друг бежал прямо, никуда не сворачивая, точно стремясь к невидимой цели. А вдали — если только это не игра воображения — я различил в неверном свете призрачное нечто, оно ускользало от Каулза и манило его за собой всё вперёд и вперёд. Вот силуэт Каулза явственно отпечатался на фоне неба, он застыл на миг на вершине холма и — сгинул. Больше Баррингтона Каулза не видели на этом свете.

Мы с рыбаками прочёсывали остров ночь напролёт, облазили все гроты и бухточки, но мой бедный друг как сквозь землю провалился. Убежал он в сторону острых прибрежных утёсов, круто обрывающихся к морю. Земля тут на самом краю осыпалась, сбитая, похоже, ногой человека. Мы подползли к обрыву, и, свесив фонари, заглянули вниз, в двухсотфутовую пропасть с бурлящей на дне пеной. И оттуда вдруг, сквозь рёв шторма и вой ветра, до нас донёсся дикий, безумный звук. Рыбаки, народ суеверный, божились, что это женский смех. Сам я думаю, что кричала какая-нибудь морская птица, вспугнутая с гнезда светом фонарей. Так или иначе, звук был ужасен — не приведи Бог услышать такое снова...

Моя печальная повесть подошла к концу. Говорить о смерти Баррингтона Каулза мне безмерно тяжело, но я, тем не менее, постарался описать эту смерть и всё, что ей предшествовало, с максимальной достоверностью и точностью. Уверен, что многие не найдут в моей истории ничего примечательного. Вот, скажем, вполне прозаическая заметка, опубликованная в газете «Шотландец» через день после трагедии:

ПЕЧАЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ НА ОСТРОВЕ МЕЙ

Остров Мей стал свидетелем весьма печального происшествия. В этом отдалённом уголке поправлял здоровье мистер Джон Баррингтон Каулз. Он был широко известен в университетских кругах как один из наиболее талантливых студентов, обладатель приза Нила Арнота за успехи на поприще физики. Позапрошлой ночью мистер Каулз неожиданно оставил своего друга, мистера Роберта Армитеджа, и скрылся. С тех пор о нём ничего не известно. Предполагают, что он сорвался в море с прибрежных скал. Сомнений в этом, увы, почти нет. В последнее время мистер Каулз не отличался крепким здоровьем, здесь сыграли свою роль и переутомление, и семейные волнения. Ранняя смерть унесла одного из самых многообещающих студентов нашего университета.

Мне же добавить больше нечего. Камень с души моей сброшен: теперь вы знаете всё, что прежде знал только я. И вряд ли кто — по зрелому размышлению — отважится обвинить мисс Норткотт в смерти Баррингтона Каулза. Если человек от природы впечатлителен, если он, жестоко разочарованный, в конце концов кончает жизнь самоубийством, нет никаких оснований обвинять в его смерти любимую им девушку. Так скажут многие, и переубеждать их я не стану. Но я эту женщину обвиняю. Именно она убила Уильяма Прескотта, Арчибальда Ривза и Джона Баррингтона Каулза. Я в этом уверен абсолютно — как если бы видел, что она всаживает каждому острый кинжал прямо в сердце.

Вы, разумеется, попросите объяснений. У меня их нет. Лишь смутно, на ощупь, могу я искать разгадку. Очевидно, мисс Норткотт обладала необычайной способностью порабощать людей, подчиняя себе их волю и тело. Очевидно также, что — сообразно своей натуре — она

использовала свою власть над ближними ради низких и жестоких целей. Полагаю, что за всем этим кроется некая чудовищная, ужасная тайна, та самая тайна, которую она обязана была, согласно непреложному правилу, открыть перед свадьбой. Тайна была воистину ужасна: всех троих женихов вызвала мисс Норткотт на роковой разговор, и все трое, влюблённые в неё без памяти, отвратились от невесты, узнав её страшный секрет. К трагедиям же, на мой взгляд, привела месть. Девушка предательства не прощала и сразу предупреждала, что будет мстить — это явствует из слов Ривза и Каулза. Вот и всё.

Факты изложены строго по порядку. Мисс Норткотт я с тех пор не встречал, да мне, откровенно говоря, и не хочется её видеть. Если же печальная повесть о смерти моего бедного друга послужит кому-то уроком, если хоть одну человеческую жизнь удастся уберечь от блеска глаз этой женщины, от её магической красоты, я откладываю перо со спокойной душой — я потрудился не зря.

1886 г.

(перевод О. Варшавер)

ДОКТОР КРАББЕ ОБЗАВОДИТСЯ ПАЦИЕНТАМИ

Интересно, многие ли помнят Тома Уотерхауза Краббе, студента-медика, учившегося в нашем городе? С таким человеком достаточно встретиться лишь однажды, чтобы никогда уже его не забыть. О гениях мы привыкли, в основном, читать: в жизни они встречаются не так уж часто, но с Краббе довольно было поговорить минут пять, чтобы сказать себе — вот человек, в котором горит по меньшей мере искорка той тончайшей, неуловимой субстанции, какую принято именовать гениальностью.

Мысль его отличалась смелой оригинальностью, а формы её выражения — убедительной основательностью, явно указывавшей на то, что задействовано тут нечто куда большее, нежели просто незаурядный ум. Краббе учился нерегулярно, урывками и, тем не менее, стал одним из лучших студентов своего выпуска — и самым независимо мыслящим, это уж точно.

Ох, уж этот Краббе! Даже в заблуждениях своих он ухитрялся соблюдать восхитительную оригинальность. Помню, с каким усердием доказывал он экзаменатору, что шпанская мушка *произрастает* в Испании! А как убедительно использовал он пять капелек сабинового масла, чтобы вызвать ими как раз то самое состояние, которое они призваны облегчать!

Внешне Краббе меньше всего походил на гения: он не страдал худобой и бледностью, не отращивал длинных волос. Напротив, жизнь в этом широкоплечем детине била ключом, голос его более всего напоминал бычий рёв, а хохотал Краббе так, что слышно было на другом конце города. Сей добропорядочный христианин обладал, помимо всего прочего, мощной мускулатурой и был отличным регбистом — едва ли не лучшим форвардом во всём Эдинбурге.

Вспоминаю свою первую встречу с Краббе. Уже тогда непоколебимая логика и храбрость этого человека заставили меня проникнуться к нему уважением.

Произошло это в 1878 году на одном из эдинбургских собраний, посвящённых Болгарским событиям. Зал был набит до отказа, вентиляция не работала, так что я не слишком расстроился, когда выяснилось, что все места заняты и мне придётся стать у самой двери. Прислонившись к стене, я мог одновременно и дышать свежим воздухом, и внимать тем яростным филиппикам, что ораторы один за другим адресовали правительству консерваторов.

Аудитория в своих симпатиях проявляла бурное единодушие. Каждый аргумент, каждая саркастическая реплика вызывали в зале взрыв шумного одобрения. Ничто не нарушало атмосферы всеобщего согласия до тех пор, пока...

Очередной оратор умолк, чтобы промочить горло, и слушатели притихли. Внезапно из самой гущи толпы отчётливо и ясно донеслось:

— Всё это очень мило, но чем занимался Гладстон...

Зал взвыл от возмущения. Раздались крик: «Выставить его вон!»

— Так чем занимался Гладстон в 63-м? — не унимался голос.*

На смельчака обрушился шквал угроз и оскорблений: «Вон!.. В окно его!.. Прочь из зала!» Один за другим зрители вскакивали со своих мест, размахивали тростями и, вытягивая шеи, пытались хотя бы краешком глаза взглянуть на вконец обнаглевшего консерватора.

— Так чем занимался Гладстон в 63-м году? — грохотал бунтарь. — Я настаиваю на ответе!

Последовал новый взрыв негодования. В центре зала образовался небольшой человеческий водоворот, после чего от толпы отделился боевой отряд и понёс врага к выходу. Тот отчаянно лягался и размахивал руками, но, несмотря на отчаянное сопротивление, былтаки спущен с лестницы.

Поскольку после этого небольшого спектакля заседание приняло несколько монотонный характер, я вышел на улицу, чтобы насладиться прохладой. У входа, прислонившись к фонарному столбу и попыхивая трубкой, в пальто, изорванном в клочья, стоял мой любознательный друг. По одежде угадав в нём своего будущего коллегу, я решил воспользоваться тем преимуществом, что даёт медикам дух тайного братства, царящий в этой

 $^{^*}$ Уильям Гладстон (1809-1898) — премьер-министр Великобритании, лидер либералов. (П.Г.)

профессиональной среде.

- Простите, вы, если не ошибаюсь, медик? начал я.
- Да. Томас Краббе, студент университета, ответил он.
- Моя фамилия Бартон. Простите за любопытство, но не могли бы вы меня просветить: чем всё-таки занимался Гладстон в 63-м?
- Не имею ни малейшего представления, друг мой. Краббе взял меня под руку и повёл куда-то по улице. Видите ли, в зале было чертовски душно, мне хотелось курить, а выбраться самому было не под силу я ведь оказался зажат в самой гуще. Вот я и решил заставить их вынести меня на руках, что в конечном счёте и было сделано. Неплохо придумано? Если других дел у вас больше нет, пойдёмте поужинаем у меня в берлоге.
  - С удовольствием, ответил я.

Вот так началась моя дружба с Томасом Краббе.

Краббе получил диплом на год раньше меня и уехал в большой британский порт с намерением там прочно обосноваться. Казалось, его ждут блестящие перспективы: как-никак человек этот, наряду с глубочайшими познаниями в медицине, обретёнными в основательнейшем из учебных заведений мира, обладал ещё и тем неуловимым даром, с помощью которого доктор мгновенно завоёвывает симпатии пациента, заставляя проникнуться к себе полным доверием. Диву даёшься, как редко встречается сочетание этих двух качеств.

Тот милый доктор, мадам, что так виртуозно излечил юного Чарли от кори, заодно поразив вас очаровательными манерами и умным лицом, был в колледже полным тупицей и посмешищем курса! А жертва вашего небрежения, бедный доктор Зубрилкер — тот, что так нервничал, не зная, куда деть руки, — был удостоен золотой медали за оригинальный научный труд и ни в чём не уступал обучавшим его профессорам.

Что поделаешь: встречают нас по одёжке, а провожают, ума так и не оценив!

Итак, Краббе со своим новеньким дипломом и ещё более свеженькой юной супругой отправился в город... назовём его — Бриспорт. Я поступил ассистентом к доктору в Манчестере и первое время ничего не слышал о своём друге, не считая того, что деятельность свою он начал в лучшем стиле и немедленно сделал заявку на первоклассную клиентуру.

В одном медицинском журнале мне попалось на глаза необычайно глубокое и детальное исследование доктора Краббе под заголовком: «Странное появление дискосферической кости в желудке утки», но в целом (если не считать ещё нескольких заметок об эмбриологии рыб) вёл он себя неподобающе скромно.

И вот в один прекрасный день к своему изумлению я получил телеграмму от миссис Краббе. Она умоляла меня спешно явиться в Бриспорт и поговорить с мужем, дела которого стали совсем плохи. Попросив у шефа отпуск, я сел в первый же поезд и отправился в путь, не на шутку обеспокоенный странным известием о состоянии своего друга.

Миссис Краббе встретила меня на станции. По пути она рассказала мне, что Тома мучает множество самых разнообразных тревог, отчего он совершенно пал духом. Расходы на содержание дома огромны, пациентов же можно пересчитать по пальцам. Он очень хотел бы со мной поговорить — что если мой практический опыт окажется ему чем-то полезен?

Внешне Краббе определённо изменился к худшему и выглядел как измождённый труп. Прежняя бесшабашная весёлость явно покинула моего друга, хотя, увидев меня, он заметно просветлел.

Поужинав, мы втроём собрались на военный совет. Тут-то Краббе и изложил передо мной суть своих проблем.

— Ради всего святого, Бартон, скажи, что мне делать! — воскликнул он. — Прославься я чем-нибудь, и всё бы пошло как по маслу, но на мою дверную табличку никто и внимания не обращает, тем более, что врачей в районе — что сельдей в бочке. Не удивлюсь, если окажется, что все тут полагают, будто я — доктор богословия. Ладно бы ещё мои конкуренты были стоящими специалистами, так нет же! Всё это — ископаемые сморчки, отставшие от времени на полвека, не меньше! Взять хотя бы старого Маркхэма, который живёт вон в том кирпичном доме и лечит практически весь город. Готов поклясться, он понятия на имеет, в чём разница между локомоторной атаксией и гиподермическим спринцеванием, но поди ж ты — известен в массах! Покорность, с какой это стадо больных баранов плетётся к нему в приёмную, просто-

таки отвратительна!

А чего стоит Дэвидсон, что живёт чуть дальше по этой же дороге! Хочешь знать, кто он? Член Американского Лингвистического общества! Вот так. На днях рассуждал в медицинском собрании об эписпастическом параличе — представь, перепутал его с эписпастическим ликвором.* А заработки этого типа на порядок выше моих!

- Ну, так стань известным, начинай публиковаться, сказал я.
- Но о чём писать, скажи на милость? взмолился Краббе. Где взять хотя бы одну историю болезни, если больных нет?! Наливай себе и давай-ка сюда бутылку.
  - Может быть, тебе самому пару историй выдумать? Ну, для начала хотя бы?
- Хорошая мысль, задумчиво проговорил Краббе. Тебе, кстати, не попадалась моя «Дискосферическая кость в желудке утки»?
  - Попадалась. По-моему, вышло неплохо.
- Неплохо не то слово. Уточка-то моя, дружище, костяшку домино сожрала! Ко мне она слетела, ну, словно ангел с небес! Потом я взялся за эмбриологию рыб, поскольку рассудил так: если даже я в этом деле ровно ничего не смыслю, то уж по меньшей мере 95 процентов населения в этом мои полные единомышленники. Но выдумывать от начала и до конца целые истории болезней... Не слишком ли это смело?
- Тяжкий недуг требует сильнодействующих средств, заметил я. Помнишь старика Хобсона из нашего колледжа? Раз в год он отправляет в «Бритиш медикэл» письмо, обращаясь к читателям с просьбой сообщить ему, во сколько сейчас обходится содержание лошадей в деревне. А потом в справочнике напротив своего имени указывает: «Автор оригинальных вопросов и реплик научного свойства, регулярно публикуемых научными изданиями».

Хохот Краббе прозвучал как в лучшие наши студенческие годы.

— Ладно, старина, — наконец сказал он, — продолжим наш разговор завтра. В конце концов, ты у нас гость: нельзя же мне быть таким эгоистом. Пойдём побродим: обозрим наши бриспортские красоты, если можно так выразиться.

С этими словами он набросил на себя какое-то траурное пальтишко, нацепил очки, нахлобучил шляпу с уныло отвисшим краем, и остаток дня мы провели, прогуливаясь тудасюда и обсуждая всякую всячину.

На следующий день военный совет собрался повторно. Было воскресенье: мы уселись с трубками у окна и принялись разглядывать уличную толпу, перебирая один за другим возможные планы завоевания местной публики.

- Трюк Боба Сойера? Пройденный этап, уныло отчитывался Краббе. Да, прихожу в церковь, сижу там какое-то время, потом сломя голову выбегаю в самый разгар службы... Всё без толку никто не знает, кто я такой! В прошлом году накатал перед парадным чудную ледовую дорожку: на протяжении трёх недель ежедневно полировал её по ночам. За всё это время поскользнулся на ней только один человек, да и тот поковылял через дорогу к приёмной Маркхэма. Ну, разве это не ужас?
  - Это ужас, согласился я.
- Наверное, следовало бы с апельсиновыми корками поэкспериментировать,— продолжал Том, но, слушай, когда перед домом врача весь тротуар ядовито-жёлтый, помоему, это так противно!
  - Противно, согласен, кивнул я.
- Как-то ночью явился ко мне парень с разбитой башкой, вспомнил Том. Я наложил ему швы, но он оставил кошелёк дома! Через неделю пришёл снимать швы снова без денег! По сей день этот парень, Джек, где-то разгуливает с куском моей верёвки в голове, и пока я не увижу денег, она там останется!
- А не сотворить ли нам несчастный случай, благодаря которому ты стал бы известен широкой публике? предположил я.
- Дорогой мой, это мне как раз и нужно. Пропечатай моё имя в «Бриспорт кроникл», и пять сотен годовых, считай, в кармане. Тут же отношения почти семейные: люди хотят одного точно знать, что я здесь, с ними. Но если не уличной дракой и не увеличением

_

^{*} спинномозговая жидкость

численности своего семейства, то как ещё я могу им сообщить о себе? Ах, эта дискосферическая кость в утке! — как могла бы она взволновать сердца людей! Подхвати благую весть Гексли,* или кто другой, для меня это был бы блестящий дебют. Но все восприняли известие с таким отвратительным спокойствием, будто домино — это утиный корм.

- Слушай, вот что я сделаю, заключил он, разглядывая дворовую живность. Надрежу каждой дно четвёртого желудочка и подброшу всю компанию Маркхэму. От этого у них развивается дьявольский аппетит: старик и вся его челядь мигом помрут с голоду. Что скажешь, Джек?
  - Слушай, Томас, ты хочешь увидеть своё имя в газетах правильно я тебя понял?
  - Суть моих стремлений сформулирована тобой исключительно точно.
  - Ну так, Бог свидетель, ты его там увидишь!
  - А?.. Правда? Это почему же?
- Перед нами сейчас достаточно многочисленная толпа, так ведь, Том? продолжал я. Они ведь возвращаются из церкви? Произойди там сейчас какая-нибудь неприятность, она не осталась бы незамеченной.
- Надеюсь, Джек, ты не собираешься порезвиться в толпе с ружьишком, чтобы обеспечить меня клиентурой?
- Что если бы завтра в «Кроникл» появилась статейка примерно следующего содержания:

«Печальное происшествие на Джордж-стрит. Граждане нашего города чинно покидали церковь на Джордж-стрит после утренней службы, когда вдруг к их величайшему ужасу модно одетый молодой джентльмен приятной наружности зашатался и без чувств рухнул на мостовую. Его подняли и понесли, дергающегося в ужасных конвульсиях, в приёмную знаменитого доктора Краббе, который в ту же секунду выразил готовность оказать пострадавшему помощь. Мы рады сообщить вам, что вскоре молодой человек (оказавшийся достаточно известным в своих кругах гостем нашего городка) не только оправился от припадка, но и благодаря квалифицированной помощи специалиста смог вернуться в отель, где и продолжает сейчас своё выздоровление».

Что ты на это скажешь?

- Великолепно, Джек, великолепно!
- Ну что же, друг мой, я и есть твой модно одетый незнакомец. Обещаю, что в приёмную к Маркхэму меня не понесут.
- Радость моя, какое же ты сокровище! Разумеется, против того, чтобы я тебе чуточку кровь пустил, ты возражать не станешь?
  - Пустил... что?! Буду, и ещё как, чорт побери!
  - Я вскрою тебе самую малюсенькую вену! взмолился Том.
- Ни даже малюсенького капилляра, отрезал я. Слушай меня очень внимательно: если ты не пообещаешь вести себя по отношению ко мне достойно, я сейчас же откажусь от этой затеи. Глоток бренди я ещё, пожалуй, стерплю, но не более того!
  - Ладно, получишь ты свой бренди, проворчал Том.
  - Ну что ж, я готов. Могу забиться в конвульсиях прямо у ворот твоего сада.
  - Отлично, старина.
- Кстати, припадки какого типа тебе более по душе? Эпилептический, апоплексический это элементарно. Но, может быть, ты жаждешь чего-то более экзотического? Каталепсия, судороги продавца, шахтёрский нистагм?**
  - Погоди, дай-ка подумать, сказал Том и минут на пять умолк, попыхивая трубкой.
- Сядь-ка, Джек, сказал он наконец. Знаешь, мы могли бы придумать что-нибудь и получше. Понимаешь, припадок дело не слишком опасное: ну да, врач оказал помощь подумаешь, какой герой. Раз уж мы взялись за это дело, то отработать должны на все сто. У нас будет только одна попытка. Если тот же модно одетый гость нашего города задумает вновь забиться в конвульсиях, люди заподозрят подвох.

 $^{^*}$ Томас Гексли (1825 – 1895 гг.) — английский биолог, соратник Дарвина. (Π . Γ .)

^{**} Непроизвольные судорожные движения глазного яблока, наблюдаемые, в частности, у шахтёров. (zpeu.) (Π . Γ .)

— Пожалуй, что и заподозрят, — согласился я. — Но, чорт побери, ты ведь не надеешься, что я свалюсь со шпиля собора ради того только, чтобы дать тебе возможность осмотреть мои останки? Выкладывай, что у тебя на уме: если мысль здравая — я к твоим услугам. Итак, что мне предстоит?

Некоторое время Том сидел в глубоких раздумьях.

- Ты плавать умеешь? вымолвил он наконец.
- И очень неплохо.
- Сможешь продержаться под водой минут пять?
- Думаю, без труда.
- Воды не боишься?
- Да я ничего не боюсь.
- Тогда давай выйдем и прогуляемся по окрестностям.

Мне не удалось больше вытянуть из него ни слова. Некоторое время я просто быстро шагал рядом со своим другом, не имея ни малейшего представления о его намерениях. Свою первую остановку мы сделали у небольшого дока, по соседству с которым находился металлический навесной мост.

Том окликнул существо в высоких ботфортах, напоминавшее человека-амфибию.

- Гребные лодки у вас тут есть? Напрокат их сдаёте?
- Да, сэр,— ответил человек.
- В таком случае, всего вам хорошего. И к величайшему негодованию лодочника, выраженному, надо сказать, достаточно громко, мы отправились дальше. На этот раз, как оказалось, к таверне под вывеской «Весёлый морячок». Есть ли тут свободные койки? Да, есть. Ну, и прекрасно.

Мы направились к аптеке. Имеется ли тут гальваническая батарея? Получив очередной утвердительный ответ, Том Краббе с самодовольной ухмылкой повёл меня обратно, оставив за спиной у себя целую вереницу крайне раздосадованных горожан.

Вечером за чашей пунша он изложил нам свой план. Военный совет в составе той же троицы обсудил его, видоизменил и, в конечном итоге, одобрил. Прямым следствием этого решения явилось моё немедленное переселение в бриспортскую гостиницу.

Следующим утром я проснулся от солнца, светившего прямо в окно, выпрыгнул из постели и взглянул на часы. Было почти девять.

«Остался всего час, а итти целую милю», — пробормотал я и стал одеваться так быстро, как только было возможно.

«Ну что ж, — возобновил я свой внутренний монолог, затачивая бритву, — если сегодня имени Тома Краббе не появится в газетах, меня в том никто упрекнуть не сможет. Есть ли человек, который ради меня решился бы на такое?»

Завершив туалет, я залпом осушил чашку кофе и отправился в путь. В то утро жизнь в Бриспорте била ключом. Улицы кишмя кишели людьми. Извиваясь червём, я по Ватерлоострит выбрался на старую площадь, пересёк её и подошёл к дому Краббе. В момент моего появления у вышеописанного дока с навесным мостом часы собора пробили десять.

На мосту, перегнувшись вниз через перила, стоял человек. Очки и шляпа с печально отвисшим краем выдавали в нём Томаса Уотерхауса Краббе, бакалавра медицинских наук.

Я с самым безразличным видом прошёл мимо него, поболтался немного на причале и побрёл к лодочной станции. Наш вчерашний друг стоял в дверях с короткой трубкой во рту.

- Могу я взять лодку на час? спросил я.
- Одну минутку, сэр, только принесу вёсла, просиял он. Хотите, я погребу для вас, сэр?
- Да, пожалуй, ответил я. Повозившись немного, он сумел-таки спустить на воду хилого вида судёнышко, в которое сам же первым и прыгнул.
- Будем курсировать вдоль доков, сказал я. Хочу понаблюдать за местным судоходством.
- Ага, отлично! обрадовался лодочник и оттолкнулся от берега. Добрую половину следующего часа мы действительно болтались у доков, после чего повернули обратно и вскоре приблизились к тому самому маленькому причалу, откуда начали свой путь.

Часы показывали половину одиннадцатого и людей вокруг было видимо-невидимо.

Похоже, половина населения Бриспорта решила в это утро собраться вокруг бриспортского моста. Меланхоличного вида шляпа маячила невдалеке.

- Ну что, сэр, причаливаем? спросил лодочник.
- Дайте-ка вёсла, сказал я. Хочу немного размяться. Поменяемся местами.
- Осторожнее, сэр! завопил он, увидев, как я пошатнулся. Берегитесь!

Лодочник предпринял отчаянную попытку меня задержать, но было поздно: издав трагический вопль, я зашатался и рухнул в бриспортские воды. Похоже, до этого момента я и сам не вполне сознавал, на что иду. Когда густая липкая жижа смыкается у тебя над головой, это, скажу вам, не слишком приятно. Достав дно ногами, я оттолкнулся и устремился к поверхности.

Казалось, сам воздух ожил от людского гвалта.

— Кидай верёвку!... Где крюк?.. Хватай его!... Да вот же он!

Получив от лодочника меткий удар по голове (очевидно, веслом), я снова пошёл ко дну, предусмотрительно набрав в лёгкие побольше воздуха. Когда я всплыл снова, мой знакомец в сапогах вцепился мне в волосы с такой яростью, будто вознамерился содрать скальп.

— Не сопротивляйтесь, я вас сейчас спасу! — завопил он.

Но я отпихнул спасителя и нырнул снова. В третий раз сопротивление оказалось тщетным: он поддел мне ворот крюком и, как ни пытался я остаться в воде подольше, был вскоре с позором вытянут на берег.

Итак, с самым что ни на есть мертвенно-синим видом я разлёгся на каменном причале, испытывая одно только желание — расхохотаться.

- Бедный парень, он мёртв! загалдели вокруг. Скорее за доктором!.. Бегите к Маркхэму!.. Да нет же, он совершенно мёртв... Перевернуть бы его вниз головой... Прощупайте пульс... По спине ему понаддайте!
- Стоп, прекратите! торжественно прозвучал знакомый голос. Я врач. Что здесь произошло?
  - Человек утонул! грянул хор. Расступитесь!.. Станьте в круг!.. Пропустите врача!
- Меня зовут доктор Краббе. Господи, бедный юноша. А ну, отпустите его руку! рявкнул он на человека, пытавшегося прощупать мой пульс. Ишь чего, на вену вздумал давить! Да любая помеха кровообращению в такой ситуации может оказаться фатальной!

Во имя даже спасения собственной жизни трудно было тут удержаться: в восторге от находчивости Тома, я хмыкнул — боюсь, довольно-таки громко.

По толпе прокатился вздох изумления. Том торжественно снял шляпу.

- Предсмертный хрип, - тихо произнёс он. - Юная душа отлетела от тела. Но, может быть, силой науки удастся вернуть её на место? Перенесите тело в таверну.

Меня торжественно водрузили на взявшийся откуда-то оконный ставень, и вдоль причала потянулся печальный кортеж. Возглавлявший компанию труп был, несомненно, самым жизнерадостным её участником.

Наконец мы добрались до «Морячка»: здесь меня раздели и уложили на самую лучшую кровать. Новость о несчастном случае, похоже, разнеслась по округе: за окнами гудела толпа, да и на лестнице было не протолкнуться.

Том разрешил пропустить в комнату лишь десяток самых влиятельных людей города, но зато каждые пять минут адресовал собравшейся под окном толпе устные сообщения:

- Ничего не поделаешь, мёртв. Потоотделение прекратилось. Пульса нет. Но будем биться до последнего, в этом и состоит наш долг.
  - Может быть, принести бренди? спросила хозяйка.
  - Да. И принесите ещё полотенца, таз и сидячую ванну. Но бренди в первую очередь.

Первую же попытку себя напоить труп встретил с сердечнейшим одобрением.

- Глядите-ка, пьёт, удивилась хозяйка, поднёсшая стакан к моим губам.
- Рефлекторная реакция, не более того, пояснил Том. Действия покойника совершенно автоматичны. Да-с, сударыня, любой труп выпьет тут вам весь бренди, если только правильно направить поток жидкости по пищеводу. Отойдите-ка в сторону. Попробуем применить метод воскрешения мертвецов, предложенный Маршаллом Холлом.

Граждане почтительно расступились, образовав круг, а Том снял пальто и, взобравшись на кровать, принялся вращать меня из стороны в сторону — да так, словно поставил перед

собой цель вывихнуть все суставы до единого.

- Хватит, чорт побери! прорычал я, и он действительно сделал паузу, но для того лишь, чтобы броситься к окну и завопить.
  - Никаких признаков жизни! после чего с удвоенной энергией взялся за дело.
- Теперь попробуем метод Сильвестра! Истекая потом, Том, принялся проделывать надо мной какие-то ещё более мучительные операции.
- Безнадёжно! воскликнул он и благоговейно натянул мне на голову простыню. Посылайте за коронером.* Он отошёл в лучший мир. Вот моя визитка. Последние слова были адресованы только что прибывшему полицейскому инспектору. Доктор Краббе с Джордж-стрит. Позаботьтесь о том, чтобы детали происшествия были описаны с максимально возможной точностью. Бедный юноша!

Потерев у себя платком под глазом, Том двинулся к двери, сопровождаемый сочувственным стоном толпы. Он уже опустил ладонь на дверную ручку, но вдруг замер, словно осенённый блестящей идеей, и вернулся к кровати.

- Может быть, есть ещё небольшая надежда? Мы ведь не прибегали пока к магической силе электричества, этой утончённейшей из субстанций, по природе своей родственной нервной энергии. Нет ли рядом аптеки?
  - Есть, сэр, как раз за углом. Там аптекарем мистер Маклаган.
- Ну, так бегом к нему! Жизнь человеческая на волоске! Несите мне самую мощную гальваническую батарею, да поживее!

Добрая половина толпы снялась с места и понеслась к мистеру Маклагану, создавая невообразимую сутолоку. Наконец раскрасневшиеся посланники вернулись. Один из них держал в руках сияющий ящик из красного дерева, судя по всему и скрывавший в себе спасительное устройство.

— Ну, а теперь, джентльмены, должен сообщить вам, что я стану сейчас, по-видимому, первым врачом в Британии, осмелившимся использовать целебную силу электричества столь неожиданным образом. Много лет назад в Вене, ещё будучи студентом, я стал свидетелем тому, как нечто подобное проделал Рокиланский — знаменитый учёный. Итак, внимание: отрицательный полюс я присоединяю к солнечному сплетению, а положительный — ко внутренней стороне коленной чашечки. Когда-то на моих глазах этот метод произвёл настоящее чудо: кто знает, вдруг то же самое произойдёт и сейчас?

Так и случилось.

Трудно сказать, была ли то случайность, или отчаянный бес, всегда сидевший в Томе, взял верх. Он утверждает, что я стал жертвой несчастного случая. Как бы то ни было, самая мощная батарея Бриспорта пропустила через моё тело максимально возможный ток.

- Плевать на хозяйку! рявкнул я. Ты погубил меня. Я чувствую себя громоотводом!
- Бедный малый ожил, но разум его помрачён! заорал Том, снова обращаясь к толпе. Ему кажется, будто он превратился в громоотвод. Освободите дорогу, мы идём к кэбу. Вот так, хорошо... Теперь помогите мне его туда всунуть. Жизнь этого человека уже вне опасности. Одеться он сможет и у себя в гостинице. На случай, если у кого-нибудь из вас есть дополнительная информация, которая поможет мне лучше понять природу этого странного случая, сообщаю свой адрес: Джордж-стрит, 81. Запомнили? Доктор Краббе, Джордж-стрит, 81. Ну, а теперь прощайте, друзья, и всего вам хорошего!

Чтобы предотвратить дальнейшие разоблачения, Том впихнул меня в кэб, и мы тронулись под восторженный рёв счастливой толпы.

Задержаться в Бриспорте с тем, чтобы в полной мере оценить последствия своего подвига, мне не удалось. В тот вечер Том закатил ужин с шампанским, но в самый разгар этого буйного веселья принесли телеграмму от шефа, которой мне предписывалось ближайшим поездом отбыть в Манчестер. Я всё же дождался утреннего выпуска «Бриспорт кроникл» и скоротал скучные часы обратного пути за чтением красочных описаний приключившегося со мной несчастья.

Доктору Краббе и чудесному воздействию электричества на утопленника было уделено целых полторы колонки. Впоследствии новость эта была перепечатана лондонскими газетами

 $^{^*}$ Следователь, ведущий в Великобритании и США дела о скоропостижной или насильственной смерти. (англ.) (П.Г.)

и удостоилась самого серьёзного комментария в журнале «Ланцет».

Относительно же финансовых последствий нашего маленького эксперимента мне остаётся судить лишь по письму самого Тома Краббе, которое я приведу полностью:

«Привет, мой Воскрешённый Труп!

Думаю, ты хотел бы знать, как идут дела в Бриспорте. Что ж, слушай.

Мой мальчик, Дэвидсона и Маркхэма я срезал вчистую. Уже на следующий день после нашей милой проделки я получил в своё распоряжение: ссадину на ноге (помнишь, тот младенец?), разбитую голову (женщина, на которую он упал), рожистое воспаление и бронхит. Ещё через день чудненький перезревший рак бросил Маркхэма на произвол судьбы и переметнулся ко мне. Добавь ещё сюда пневмонию и человека, который проглотил шестипенсовик. С тех пор в моём журнале появляется с десяток новых имён ежедневно; на этой неделе собираюсь ещё и перед домом устроить что-то вроде ловушки.

Когда соберёшься открыть своё дело, тут же дай мне об этом знать. Как бы занят я ни был, непременно приеду и, уж поверь, обеспечу тебя клиентурой, пусть даже ради этого мне придётся весь день простоять вниз головой в бочке с дождевой водой.

До свидания. Привет от супруги.

Твой навек. Томас Уотерхаус Краббе, бакалавр медицины, Эдинбург.

Бриспорт, Джордж-стрит, 81».

1884 г.

(перевод В. Полякова)

ЦЕНТУРИОН

(Данный документ является отрывком письма Сульпиция Бальба, легата Десятого легиона, его дяде Луцию Пизону на виллу возле Байи и датируется календами месяца Августа 824 года от основания <math>Pима) *

Я обещал тебе, дорогой дядюшка, сообщать обо всём мало-мальски интересном, что случится при осаде Иерусалима; но люди, которых мы воображали себе напрочь лишёнными ратного духа, доставили нам кучу хлопот, и на письма просто не было времени.

Мы пришли в Иудею, полагая, что обыкновенного звука труб и одного выстрела будет достаточно, чтобы выиграть войну; мы предвкушали грандиозный триумф на via sacra** и как все девушки Рима станут осыпать нас цветами и поцелуями. Что ж, может, мы и заполучим победу, и поцелуи, вероятно, тоже; однако, смею заверить, что даже тебе, прошедшему суровую службу на Рейне, не довелось попадать в более жестокую переделку. Сейчас город уже наш, сегодня горит их храм, и я кашляю из-за дыма, проникающего в мою палатку, где я и пишу это письмо. Да, осада была ужасна, и думаю, никто из нас не захочет вновь оказаться в Иудее.

Когда сражаешься с галлами или германцами, перед тобой просто храбрые люди, воодушевлённые любовью к своей стране. Однако сила этого чувства не у всех одинакова, и войско не охвачено единым патриотическим порывом. Иудеи же, помимо беззаветной любви к родине, ещё преисполнены безумного религиозного пыла, который в битве наделяет их невиданной яростью. Они бросаются с криком радости на наши мечи и копья, как будто смерть – это всё, о чём они мечтают.

Если же один из них проскользнёт мимо часовых, то храни нас Юпитер: их ножи смертоносны, и в рукопашной эти люди опасны, как дикие звери, которые выцарапают глаза или перегрызут горло. Ты знаешь, что наши молодцы из Десятого легиона ещё со времён Цезаря были такими же стойкими солдатами, как и все остальные, кто носит Орла на древке, *** но, клянусь, я видел, как они робели перед фанатиками. По сути, мы натерпелись меньше всех, поскольку должны были охранять перешеек полуострова, на котором и построен этот удивительный город. С других сторон его – крутые обрывы; таким образом, только через наш северный пост могут спастись беглецы или же подойти помощь. А тем временем Пятый, Пятнадцатый и Двенадцатый Сирийский легионы выполняли свой долг вместе с наёмными войсками. Бедняги! Мы часто жалели их. Порой трудно было сказать, то ли мы атакуем город, то ли город нас. Они разбили камнями наши «черепахи», сожгли наши осадные башни и пронеслись прямо сквозь наш лагерь, чтобы уничтожить обоз. Если кто-нибудь заявит, будто еврей плохой солдат, не сомневайся, что он никогда не был в Иудее.

Однако всё это не имеет ничего общего с тем, ради чего я, собственно, взялся за стило.**** Наверняка, и на форуме, и в термах***** судачат о том, как наше войско под непревзойдённым командованием царственного Тита брало укрепление за укреплением, пока не достигло храма. Он представляет собою – вернее, представлял, так как он догорает – очень сильную крепость. Римляне понятия не имеют, какой это величественный храм! Он намного

 $^{^*}$ Основание Рима (согласно легенде) датируется по современному летоисчислению 753/754 годом до Р.Х. Таким образом, указанная дата соответствует 70/71 году после Р.Х. *Календами* у римлян назывались первые числа месяца в нашем календаре. Здесь, стало быть, идёт речь о 1 августа. (Π . Γ .)

^{**} Via sacra — «Священная дорога» (nam.). Название улицы в Древнем Риме, по которой проходили триумфальные шествия. (Π . Γ .)

^{***} Имеются в виду так называемые «Орлы легионов» — официальные штандарты римских легионов, представлявшие собой укреплённое на древке золотое или серебряное изображение орла. $(\Pi \Gamma)$

^{****} Стило (или правильнее стиль) — палочка с одним острым концом для письма по воску и с другим тупым для стирания написанного. (Π . Γ .)

^{*****} Форум — площадь, на которой происходили народные собрания и обсуждались все общественные дела. *Термы* (от греческого слова «термос» — mеллый) — древнеримские общественные бани. Отличались большими размерами и роскошной отделкой. (Π . Γ .)

красивее тех, что у нас в Риме, и дворец их царя, построенный – я забыл кем – то ли Иродом, то ли Агриппой, тоже лучше. Каждая стена храма по две сотни шагов, а камни так плотно пригнаны, что между ними не войдёт и лезвие ножа; солдаты говорят, внутри столько золота, что им можно наполнить карманы целого войска. Эта мысль, как ты понимаешь, придала атаке известную ярость, но, боюсь, в пламени большая часть добычи погибнет.

У храма произошло большое сражение, и поговаривают, что он сегодня будет взят ночным приступом, поэтому я поднялся на площадку, откуда весь город виден, как на ладони. Интересно, дядюшка, доводилось ли тебе в твоих многочисленных походах вдыхать запах огромного осаждённого города. Ночью ветер дул с юга, и оттуда до наших ноздрей доносилось отвратительное зловоние смерти. В городе находилось полмиллиона человек, уже начались всевозможные болезни и голод; трупы разлагались, грязь и ужас, и всё это в небольшом замкнутом пространстве. Ты знаешь, как пахнут загоны для львов за цирком Максима – чем-то кислым и тухлым. Смрад от города похож на это, но к нему примешивается резкий, всепроникающий запах смерти, от которого замирает само сердце. Именно такой запах исходил от города сегодня ночью.

Стоя в темноте и завернувшись в свой алый плащ, так как вечера здесь прохладные, я вдруг осознал, что не один. Неподалёку оказался высокий человек, разглядывающий, как и я, город. При лунном свете я видел, что он одет как офицер; подойдя ближе я узнал в нём Лонгина, третьего трибуна моего легиона, солдата бывалого, немолодого. Он странный и молчаливый, его уважают все, но не понимает никто, потому что он весьма замкнут и больше думает, чем говорит. Когда я подошёл, первые языки пламени вырвались из храма, высоко взметнувшийся огонь озарил наши лица и заблестел на оружии. В красном огненном свете я увидел, что исхудалое лицо старого воина застыло, как маска.

– Наконец-то! – прошептал он. – Наконец!

Он говорил сам с собой и вздрогнул, смутился, когда я спросил, о чём это он.

- Я давно думал, что этот город постигнет несчастье, сказал он. И теперь вижу, что так и случилось. Вот я и сказал: «Наконец!»
- Да и все мы думали, что с городом, который вновь и вновь отказывается признать власть Цезарей, случится несчастье.

В его проницательном взоре появилось вопрошающее выражение, и он обратился ко мне с такими словами:

- Я слышал, ты из тех, кто стоит за терпимость в делах веры, и считаешь, что каждый человек должен выбирать себе богов в согласии со своей совестью.

Я объяснил, что принадлежу к стоикам школы Сенеки, по учению которого наш бренный мир мало что значит, и что не следует стремиться к его благам, а должно развивать в себе презрение ко всему, кроме высшего.

Он как-то мрачно усмехнулся моим словам.

- Насколько я знаю, сказал он, Сенека умер самым богатым человеком в Империи Нерона, так что он получил от земной жизни всё, несмотря на свою философию.
- A сам-то ты во что веришь? поинтересовался я. Может, тебе ведомы тайны Озириса, или ты допущен в общество последователей Митры?
  - Доводилось ли тебе слышать о христианах? спросил он.
- Да, ответил я. В Риме было несколько рабов и бродяг, которые так себя называли. Они почитали, насколько я понял, какого-то человека, умершего здесь в Иудее. Полагаю, его казнили во времена Тиберия.
- Верно, подтвердил он. А случилось это, когда прокуратором был Пилат Понтий Пилат, брат старого Луция Пилата, правившего Египтом при Августе. Пилат оказался в большом затруднении, не зная, какое решение принять, но иудейская чернь и в те дни была точь-в-точь такой же дикой и варварской, как фанатики, с которыми мы бъёмся. Пилат

 $^{^*}$ Митра — в религии Древней Персии и Древней Индии бог света, чистоты и правды. Культ Митры широко распространился в Римской империи. В конце IV века ожесточённая борьба культа Митры с христианством завершилась победой последнего. Но культ Митры оказал сильное влияние на последующее христианство, в частности из него были заимствованы обряд причащения хлебом и вином, миф о непорочном зачатии, праздник рождения Христа в день зимнего солнцестояния, празднование седьмого дня недели — воскресенья, учение о конце света. (Π . Γ .)

пытался отделаться от них, предложив им казнить преступника. Он надеялся, что вкусив крови, они утихомирятся. Но иудеи предпочли предать казни другого человека, а Пилат оказался недостаточно твёрд, чтобы им противостоять. Эх, как было жаль, просто ужасно!

- Кажется, тебе много известно об этой истории, заметил я.
- Я был там, сказал он и умолк. Мы оба смотрели на огромное зарево пожара, пожирающего храм. Яркие вспышки огня озаряли белые палатки войска и местность вокруг. За городом виднелся невысокий холм, и Лонгин указал на него.
- Вон там это случилось, сказал он. Запамятовал, как зовётся то место, но в те дни более тридцати лет назад там казнили преступников. Но Он не был преступником. Я не перестаю думать о Его глазах... о Его взгляде...
  - А что особенного в глазах?
- Его взгляд преследует меня с той поры. Я и сейчас вижу Его глаза. Будто вся земная скорбь отразилась в них. Печальные-печальные, и вместе с тем в них такая глубокая, нежная жалость к людям! При взгляде на Его бедное избитое, изуродованное лицо, ты бы сказал, что надо жалеть Его. Но Он не думал о себе, в Его ласковых глазах была великая мировая скорбь. Нас стояла лишь манипула благородного легиона, и каждый был бы рад броситься на отвратительную толпу воющих фанатиков, волочивших Его на смерть.
  - А ты что делал там?
- Я был младшим центурионом, золотая виноградная лоза была только что возложена на мои плечи. Я стоял в карауле на холме, и не было в моей жизни службы тягостнее. Но дисциплина прежде всего, ведь Пилат отдал приказ. Но я думал тогда и не я один, что имя и дело Того человека не забудутся и что проклятие обрушится на город, в котором совершилось подобное. Была там старая женщина с седыми, распущенными волосами. Помню, она пронзительно закричала, когда один из наших парней взял копьё и прекратил Его страдания. Несколько человек мужчины и женщины, бедные, оборванные стояло возле Него. И, видишь, всё обернулось, как я и думал тогда. Даже в Риме, как ты сказал, появились Его последователи.
  - Полагаю даже, ответил я, что говорю с одним из них.
- По крайней мере, я ничего не забыл, сказал он. С той поры я не переставал бывать в походах и сражениях, и для учёбы у меня времени не было. Но пенсия меня давно ждёт, и я сменю сагум * на тогу, а палатку на какой-нибудь небольшой домик с садом и огородом вблизи Комо. Тогда-то я и постараюсь вникнуть в учение христиан, если, конечно, мне посчастливится найти наставника.

На том я и оставил его. Я за тем, дорогой дядюшка, рассказываю тебе всё это, что помню о твоём интересе к Павлу — человеку, которого приговорили к смерти за проповедь этой религии. Ты говорил мне, что христианство уже проникло во дворец Цезаря; я же могу сказать, что оно проникло также в души солдат Цезаря.

А помимо того, я хотел бы рассказать тебе о приключениях, недавно случившихся с нами, когда мы отправились на розыски провианта по холмам, что тянутся на юг до реки Иордан. В тот день...

(3doch	отрывок	วกงกบบบ	onomea)
1.30266	OMUDBLEOK	зикинчи	виетсят

1922 г.

(перевод М. Антоновой)

^{*} короткий военный плащ (лат.)

ВОТ КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ

Эта женщина была пишущим медиумом. Вот что однажды она написала:

«Некоторые из событий, случившихся в тот вечер, я помню вполне ясно; другие же похожи скорее на какой-то туманный, прерывистый сон. Поэтому мне так и трудно связно рассказать, как же всё это произошло со мной. Не имею ни малейшего представления, что вынудило меня в тот день отправиться в Лондон и почему я возвращался так поздно. Все мои поездки в Лондон были похожи одна на другую. Но с той минуты, как я вышел из поезда на своей маленькой станции, я помню всё очень отчётливо. Я словно готов пережить всё заново — каждое мгновение.

Прекрасно помню, как шёл по платформе, глядя на освещённые часы в конце перрона; они показывали половину двенадцатого. Помню, как прикидывал, успею ли добраться домой до полуночи. Помню и свой большой автомобиль с сияющими фарами, сверкавший полированной медью. Он поджидал меня возле станции. Мой новенький «робур» в тридцать лошадиных сил. Его в тот день мне как раз доставили. Помню, я спросил своего шофёра Перкинса, как ему машина, и он ответил, что превосходно.

- Я сам поведу, сказал я, усаживаясь на сиденье водителя.
- Тут передача переключается иначе, ответил он.— Может, лучше я сяду за руль?
- *Нет, я хочу попробовать сам, отказался я.*

И мы тронулись. До дома было миль пять.

У моего старого автомобиля был обычный переключатель передач, встроенный в углубление на панели. В новой машине, чтобы увеличить скорость, приходилось переключать рычаг, помещённый на отдельном щите. Освоить это было нетрудно, и вскоре мне уже казалось, что я всё понял. Глупо, конечно, было начинать осваивать новую машину в темноте, но мы ведь нередко делаем глупости, и нам далеко не всегда приходится расплачиваться за них сполна. Всё шло хорошо до Клейстол-Хилла. Это один из самых коварных холмов в Англии, длиной мили в полторы, с тремя крутыми поворотами. Мой гараж прямо у подножья, с выездом на Лондонское шоссе.

Как только мы миновали выступ этого холма — в этом месте самый крутой подъём — тут же начались неприятности. Я шёл на предельной скорости и хотел уже перейти на пониженную передачу, но рычаг при переключении вдруг начало заклинивать, и я был вынужден вернуть его в предельное положение. Машина мчалась на бешеной скорости, я рванул тормоза — и они, один за другим, отказали. Это бы ещё полбеды: у меня ведь оставался ножной тормоз. Но когда я со всей силы нажал на него, и лязгнула педаль, а мы продолжали нестись вперёд, я покрылся холодным потом. В эту минуту мы мчались по склону вниз. При ослепительном свете включённых фар мне удалось проскочить первый поворот. Затем второй, хотя мы чуть не угодили в кювет. Оставалось проехать всего милю по прямой и сделать один поворот внизу, а там въехать в раскрытые ворота гаража. Если я смогу проскочить в это убежище, то всё в порядке: дорога к дому поднимается резко вверх, и машина заглохнет и остановится сама.

Перкинс держался безупречно; я хочу, чтобы об этом знали. Он сохранял хладнокровие и был всё время начеку. Мне поначалу подумалось, не стоит ли круто повернуть и въехать на насыпь, но он словно прочитал мою мысль:

- Я бы не стал этого делать, сэр, — сказал он. — На такой скорости машина наверняка перевернётся и придавит нас.

Перкинс, разумеется, был прав. Ему удалось дотянуться до переключателя и выключить сцепление. Машина неслась теперь по инерции. Но скорость была по-прежнему слишком велика. Перкинс схватился за руль.

- Я буду вести, крикнул он. Прыгайте, не теряйте свой шанс. Этот поворот нам никак не одолеть. Лучше прыгайте, сэр!
  - Hem, ответил я. Я буду держаться до конца. Прыгай, Перкинс, ты, если хочешь.
  - Я останусь с вами, прокричал он.

Будь это мой старый автомобиль, я бы резко перевёл переключатель передач в

обратную сторону и посмотрел бы, что выйдет. Думаю, скорость упала бы или что-нибудь сломалось. Во всяком случае, то был бы шанс. Но теперь я оказался совершенно беспомощен. Перкинс пытался подползти и помочь мне, но разве что-нибудь сделаешь на такой скорости! Колёса пронзительно скрипели, огромный корпус машины от напряжения трясся и стонал. Но фары ослепительно сверкали, и вести машину можно было с точностью до дюйма. Помню, мне подумалось, какое жуткое и вместе с тем величественное зрелище должны мы представлять собой в глазах случайного прохожего, не приведи Бог, он окажется на нашем пути: узкая дорога, и по ней мчится огромная, ревущая, сверкающая золотом смерть...

Вот мы делаем поворот. Одно колесо при этом поднялось над насыпью почти на три фута. Я думал, всё кончено. Но, качнувшись, машина выпрямилась и снова помчалась вперёд. Это был третий, самый последний поворот. Оставались лишь ворота гаража. Они были уже перед нами, въезд в них, к счастью, не прямой, а чуть наискосок. От ворот до шоссе, по которому мы неслись, нужно было проехать что-то около двадцати ярдов немного левее. Скорее всего, нам бы удалось проскочить, но руль вдруг стал поворачиваться с трудом, наверное, рулевой механизм получил удар, когда мы ехали по насыпи. Мы выскочили на узкую дорожку. Слева я увидел раскрытую дверь гаража. Я изо всех сил поворачиваю руль. Мы с Перкинсом валимся друг на друга, и в следующее мгновение, со скоростью пятидесяти миль в час, правое колесо что есть силы ударяется о ворота гаража.

Раздался чудовищный треск. Я почувствовал, что лечу по воздуху, а потом, а потом... О, что было потом!

Когда я пришёл в себя, то обнаружил, что лежу среди каких-то кустов, в тени могучих дубов. И возле меня стоит человек. Сначала я подумал, что это Перкинс, но, взглянув снова, увидел, что это Стэнли — мой давнишний друг из времён учёбы в колледже. Я всегда испытывал к нему самые тёплые чувства. Для меня в личности Стэнли было всегда что-то особенно приятное, и я гордился, что он симпатизирует мне.

Я удивился, увидев его здесь, но я был как во сне, голова кружилась, я дрожал и был готов воспринимать всё, как должное, не задаваясь вопросами.

— Bom так врезались! — воскликнул я. — Боже мой, как же мы врезались!

Он кивнул, и даже в сумеречном свете мне была видна его мягкая, задумчивая улыбка. Да, так улыбаться мог только Стэнли.

У меня не было сил и пальцем пошевелить. Честно говоря, у меня вообще не было ни малейшего желания двигаться. Но чувства мои удивительно обострились. При свете движущихся фонарей я увидел обломки автомобиля. Вблизи я заметил и кучку людей, услышал приглушённые голоса. Там стояли садовник с женой и ещё один или два человека. Они почемуто не обращали на меня ни малейшего внимания и всё суетились вокруг машины.

Внезапно я услышал чей-то стон.

- *Его придавило. Поднимайте осторожно!* закричал кто-то.
- Ничего, это только нога, ответил другой голос, и я узнал Перкинса. Γ де же хозяин?
- -Я здесь! крикнул я, но меня, похоже, никто не услышал. Все склонились над кем-то, лежащим перед машиной.

Стэнли положил мне на плечо руку, и его прикосновение было удивительно успокаивающим. Мне стало легко, и, несмотря на всё, что случилось, я почувствовал себя счастливым.

- Hу, как, ничего не болит?
- Ничего, ответил я.
- Так всегда и бывает, кивнул он.

И вдруг меня охватывает изумление. Стэнли... Стэнли! Но ведь Стэнли умер от брюшного тифа в Блюмфонтейне ещё в бурскую войну! В этом нет никаких сомнений!

- Стэнли! — закричал я, и слова, казалось, застряли у меня в горле. — Стэнли, но ведь ты же умер!

Прежде, чем ответить, он глянул на меня всё с той же знакомой, мягкой улыбкой:

- И ты тоже».

1913г.

(перевод Павла Гелевы)

СОДЕРЖАНИЕ

Павел Гелева. А. Конан-Дойль в России. История «усвоения». (Предисловие издателя-составителя)
Топор с посеребрённой рукоятью (пер. П. Гелевы)
Падение лорда Бэрримора (пер. В. Полякова)
Состязание (пер. С. Маркиша)
Злополучный выстрел (пер. И. Миголатьева)
Как губернатор Сент-Китта вернулся на родину (пер. Б. Грибанова)
Наши ставки на дерби (пер. Н. Высоцкой)
Элиас Б. Гопкинс, духовный поводырь ущелья Джекмена (пер. Е. Коротковой)
Хитрости дипломатии (пер. П. Гелевы)
Дружеская болтовня (пер. А. Дубова)
Странное происшествие в Оксфорде (пер. Н. Высоцкой)
Соприкосновение (пер. О. Варшавер)
Квадратный ящичек (пер. А. Горского)
Сомнительное дело об убийстве Мэри Эмслей (пер. П. Гелевы)
Женитьба бригадира (пер. Д. Жукова)
Чудовища заоблачных высот (пер. Ю. Жуковой)
Колченогий бакалейщик (пер. А. Дубова)
Проклятие Евы (пер. П. Гелевы)
«Весёлая Салли» (пер. П. Гелевы)
Лакированная шкатулка (пер. В. Воронина)
Необычайный эксперимент в Кайнплатце (<i>пер. Н. Дехтеревой</i>)
Как капитан Шарки и Стивен Крэддок перехитрили друг друга (пер. Б. Грибанова)
Рассказ американца (пер. И. Мельницкой)
Неудачное начало (<i>пер. Г. Злобина</i>)
Последняя галера (пер. П. Гелевы)
Привидения в замке Горсторп-Грэйндж (пер. В. Полякова)
Возвращение (пер. Э. Михалёвой)
Признания (пер. П. Гелевы)
Вечный двигатель Брауна-Перикорда (пер. П. Гелевы)
Первоапрельская шутка (пер. Е. Коротковой)
Исповедь узника камеры №24 (пер. В. Ашкенази)
Паразит (записки зомбированного) (пер. П. Гелевы)
Святотатец (пер. А. Дубова)
Тайна долины Сэссаса (пер. И. Мельницкой)
Школьный учитель (пер. Н. Дехтеревой)
Ошибка капитана Шарки (пер. Н. Емельянниковой)
Фиаско в Лос-Амигосе (пер. Г. Злобина)
Смуглая рука (пер. Ю. Жуковой)
Исчезнувший экстренный поезд (пер. Н. Высоцкой)
Мастер из Кроксли (пер. Э. Михалёвой)
Начало военной карьеры бимбаши Джойса (пер. П. Гелевы)
Иудейский наперсник (пер. В. Воронина)
Бразильский кот (пер. Л. Мотылёва)
Женщина-врач (пер. П. Гелевы)
Перстень Тота (пер. Ю. Жуковой)
Потерпевшие кораблекрушение на «Архангеле» (пер. П. Гелевы)
Великан Максимин (пер. А. Дубова)
Опечатанная комната (пер. А. Дубова)
Владетель замка Шатонуар (пер. П. Гелевы)
Любящее сердце (пер. Е .Сазоновой)
Игра с огнём (пер. Ю. Жуковой)
Возвращение памяти (пер. П. Гелевы)
Заседание Общества любителей броунинговской поэзии (пер. П. Гелевы)
Дьявол из бондарной мастерской (пер. П. Гелевы)
Три корреспондента (пер. П. Гелевы)
Лисий король (пер. Р. Рыбкина)
Кошмарная комната (пер. В. Воронина)

Великая жрица тугов (пер. II. Гелевы)
Как Копли Бэнкс прикончил капитана Шарки (пер. Н. Емельянниковой)
История «навесного спидигью» (пер. А. Дубова)
Как синьор Ламберт покинул сцену (пер. П. Гелевы)
Знамя свободы (пер. П. Гелевы)
Джон Баррингтон Каулз (пер. О. Варшавер)
Доктор Краббе обзаводится пациентами (пер. В. Полякова)
Центурион (пер. М. Антоновой)
Вот как это случилось (пер. П. Гелевы)